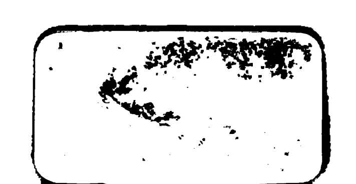

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

НА 1842 ГОДЪ.

—

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

—

1842.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ

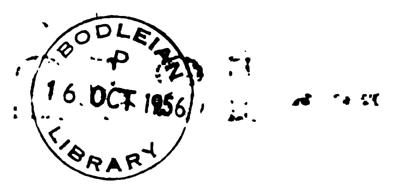
НА 1842 ГОДЪ.

—

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ XXI.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.
—
1842.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 28 февраля 1841.

Ценсоры *А. Никитенко.*

С. Куторга.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ.

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ,
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали...

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

КАБАКЪ.

Выпьемъ, что̀ ли, Ваня,
Съ холода да съ горя?
Говорятъ, что пьянымъ
По колѣно море.

У Антона дочь-то
Дѣвка молодая:
Очи голубые,
Славная такая!

Да богатъ онъ, Ваня:
На отрѣзъ откажетъ;
Вѣдь сгоришь съ стыда, братъ,
Какъ на дверь укажетъ.

Что̀ я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброкъ-то, Ваня!
А кормить старушку!...

Выпьемъ, что̀ ли, съ горя?
Эхъ, братъ! да едва-ли
Бѣдному за кружкой
Позабыть печали!

Н. ОГАРЕВЪ.

НАПРАСНЫЙ ДАРЪ,

ПОВѢСТЬ.

...Oui, je me sens ému à la mémoire de ces oeuvres naives et puissantes, que créa le génie primitif et méconnu...

A. de Vigny.

—

ГЛАВА I.

What is't? a spirit?
Lord how it looks about! Believe me, sir,
It carries a brave form: But 'tis a spirit.

Tempest. Shakspeare.

Скажите мнѣ, отъ чего происходитъ это неравенство, это безконечное разнообразіе въ раздѣлѣ божественныхъ искръ, одушевляющихъ человѣка?

Не земная ли оболочка, не первыя ли впечатлѣнія на душу младенца содѣйствуютъ развитію ея способностей, или побораютъ непобѣдимымъ ничтожествомъ все, что она приноситъ съ собой на землю изъ даровъ міра высшаго, всесвѣтлаго?

Но крѣпкое тѣло человѣка не служитъ порукою за силу его духа; а вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ, первые, поражающіе насъ предметы, вседневныя привычки, занятія, сношенія съ подобными намъ, —все это, какъ грань, оттискивается въ нашемъ характерѣ, тускнитъ его или расцвѣчиваетъ, со-временемъ исчезаетъ или врѣзывается въ него глубже, но въ началѣ жизни — врожденныхъ намъ свойствъ, первобытныхъ стихій духа нашего не измѣняетъ и измѣнить не можетъ.

Скажите жь: эта пестрота, это неравное раздробленіе ниспосылаемаго намъ духа на души съ волею могучею, съ стремленіемъ къ добру, или съ жаждою зла и истребленія, на метеоры геніальнаго всепостиженія, творческой силы разума, и на милліоны душъ слабыхъ, ничтожныхъ, которыя, подобно отпрыскамъ великолѣпнаго растенія, поблекшимъ въ зародышахъ, прозябаютъ безъ силъ, безъ воли, безъ стремленій, чтобъ ползать въ прахѣ и покорствовать всѣмъ вліяніямъ атмосферы, — эти разнородныя созданія, столь чуждыя

между собою, и однакожь такъ тѣсно связанныя въ одну семью неуловимыми оттѣнками свойствъ, страстей и наружности , не суть ли безчисленное множество струнъ одного аккорда? не предумышленное ли соединеніе звуковъ слабыхъ съ сильными, ничтожныхъ съ величественными , для составленія одной дивной гармоніи человѣчества?

И какъ истолковать, притомъ, несообразное размѣщеніе душъ въ оболочки, часто несвойственныя имъ? Чѣмъ объяснить проявленіе характеровъ предпріимчивыхъ, твердыхъ, неустрашимыхъ въ слабыхъ тѣлахъ женщинъ, и безхарактерности, безстрастія, унижающаго человѣчество въ богатырскихъ сердцахъ мужчинъ; или отсутствіе всѣхъ способностей умственныхъ, всей воспріимчивости чувствъ въ одномъ, — и подлѣ, избытокъ ихъ пожирающій, другаго ?

Случалось ли вамъ видѣть кусты розъ , которые со всякой весной зеленѣютъ, убираются почками, обѣщающими роскошнѣйшій цвѣтъ; но когда настаетъ пора цвѣтѣнія, почка напрасно силится распуститься,—тайная враждующая въ ней сила боретъ природу,— и цвѣтокъ блекнетъ, клонитъ къ землѣ ослабѣвающую головку, желтѣетъ, сохнетъ и умираетъ въ ту самую минуту , когда прохожій останавливается, чтобъ насладиться его благоуханіемъ и подивиться красѣ его...

Спросите тогда у садовника : отъ-чего роза увяла не распустившись? Не прижгло ли ее солнце? не подточилъ ли червь? Нѣтъ, вокругъ нея, на той же почвѣ, рдѣютъ свѣжіе цвѣты... Но она была слишкомъ-прекрасна; грудь ея слишкомъ полнилась цвѣтомъ и силой; въ нѣсколько мгновеній она тайно отжила свою жизнь, и внутренніе листья ея изсохли прежде, чѣмъ верхніе успѣли распуститься.

Не то же ли случается и въ бытіи людей?

Что жь это? Ошибка ли природы, или перстъ высшаго промысла проявляется въ этихъ яркихъ и быстрыхъ какъ молнія существованіяхъ?..

Кто изъ насъ не призадумывался надъ печальной повѣстью тѣхъ немногихъ, но вѣчно славныхъ людей, которые, перегарая въ порывахъ къ прекрасному, жили и гибли мучениками своихъ душевныхъ силъ, завѣщевая поздно-познавшему ихъ міру однѣ искры своего генія въ олицетвореніи божественнаго на землѣ?

И еще блаженны они, сто разъ блаженны, если не рукоплесканія толпы, а одобренія любимыхъ ими и собственное сознаніе позволило имъ взглянуть съ благоговѣніемъ и съ радостной слезой на собственное свое твореніе, на свою осуществленную мысль...

Но если эта мысль, это чувство напрасно зрѣютъ въ груди человѣка, которому не съ кѣмъ дѣлиться ими, не въ чемъ излиться душой, чтобъ хоть одиноко насладиться ихъ живымъ отраженіемъ;

если эти небесные дары, ослабѣвая безъ проявленій, внутренно грызутъ его тщетной дѣятельностью, перекипаютъ, стынутъ и, какъ охладѣлый свинецъ, падаютъ на сердце мученика, — не правда ли, это положеніе ужасно?

Невольно спрашиваешь себя: зачѣмъ же, посѣявъ такія прекрасныя сѣмена на такой богатой почвѣ, природа, какъ Сатурнъ, пожираетъ собственныхъ дѣтей своихъ, отнимая у нихъ питательные соки, или засыпая ихъ снѣгомъ, который растаетъ только на могилахъ ихъ.

И съ этой думою я подняла глаза: сумрачное вечернее небо безпредѣльно раскидывалось надо мной; горизонтъ, со всѣхъ сторонъ открытый, безъ солнца и безъ облаковъ, казалось, тонулъ краями въ волнахъ; вольно гулялъ подъ нимъ пустынный вѣтеръ, вздымая и крутя песокъ на узкой полосѣ земли, которая тянулась безцвѣтной лентою впереди меня и за мною; съ одной стороны шумѣло море, съ другой зеленѣло сонное, огромное озеро, покрытое плѣсенью и соляною корою, которое въ вѣчной тиши, въ вѣчномъ однообразіи кажется дряхлымъ изгнанникомъ, равно забытымъ и жизнью и смертью.

Кругомъ все было пусто и дико; нигдѣ ни жилья, ни голоса людскаго; только изсохшій ковыль качался по сторонамъ дороги, да птицы морскія, носясь стаями въ воздухѣ, оглашали зловѣщимъ крикомъ пустыню.

И безотвѣтны были вокругъ меня земля и небо, безотвѣтна осталась дума моя!

Коляска едва двигалась впередъ, прорѣзывая глубокія колеи въ пескѣ; спутница моя дремала; я не могла забыться сномъ, и, вперивъ глаза въ однообразную даль, перенеслась мыслью въ край недавно покинутый мною, гдѣ встрѣтила я чудное созданье, которое, оставивъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ душѣ моей, внушило мнѣ всѣ эти горькіе вопросы...

Тотъ край также пустыня, по виду также дикая и безплодная, хоть и считается страной населенной. Тамъ въ лѣтній полдень нестерпимый зной палитъ землю, ни одинъ ручей не утолитъ жажды путника, ни одно дерево не пахнётъ на него прохладой. Лошади бѣгутъ, колеса быстро катятся по ровному пути, и глазъ проѣзжаго напрасно ищетъ себѣ предметовъ отдохновенія: вездѣ чистая, гладкая степь, безъ холмовъ, безъ пригорковъ, безъ малѣйшихъ неровностей; однообразно тянется по ней дорога, и версты пестрѣютъ впереди, какъ кегли на длинной вылакированной доскѣ. Если жъ, порою, на краю горизонта, вдругъ заиграютъ струи озера, и надъ ними огненною точкою загорится блестящая звѣзда, струи тѣ — марево; звѣзда —куполъ церкви, которая долго еще останется для васъ незримою.

Тамъ можно было бы вообразить себя въ Аравіи, еслибъ мѣстами

желтѣющія нивы, или безчисленныя стада не напоминали о присутствіи человѣка. И въ-самомъ-дѣлѣ, владѣльцы этихъ степей—тамъ же очень недалеко, съ своими деревушками, прудами, плотинами, которыя обсажены вербами, и господскими домиками. При стокѣ снѣговъ, воды когда-то прорыли рытвину; время образовало изъ нея глубокое провалье, и люди, открывъ на днѣ его источникъ, поселились вокругъ. Кое-гдѣ и на поверхности этихъ равнинъ встрѣчаются большія селенія, но они рѣдки и вообще до того пусты, скучны и печальны, что даже не разнообразятъ окрестностей.

Есть тамъ, однакожь, село — исключеніе изъ всѣхъ степныхъ селеній. Въ немъ когда-то жилъ очень богатый помѣщикъ; любитель общества и шумныхъ пировъ, онъ выстроилъ себѣ огромный домъ; не щадя ни денегъ, ни трудовъ, выкопалъ подлѣ озеро и успѣлъ даже развесть на берегахъ его садъ, украшенный всѣми прихотями роскоши. Но не стало его—и все пришло въ упадокъ; его единственная дочь, графиня Бѣльская, никогда не заглядывала въ свое помѣстье; домъ, никѣмъ необитаемый, началъ гнить и разрушаться, садъ одичалъ, аллеи заросли травой, теплицы опустѣли, и даже воды озера, будто съ горя по прошломъ весельи, уснули въ берегахъ своихъ и покрылись густою тиною. Только библіотека уцѣлѣла въ далекомъ флигелькѣ, хоть плѣсень и испестрила узорами переплеты книгъ.

Съ давнихъ поръ этимъ имѣньемъ управлялъ отставной поручикъ Байченко, помѣщикъ двадцати душъ, поселенныхъ недалеко оттуда въ одномъ изъ описанныхъ мною провалій, или, какъ называютъ ихъ туземцы, балокъ. Получая исправно свои доходы, графиня была довольна его управленіемъ и безвыѣздно жила въ Петербургѣ. Но когда этотъ честный человѣкъ умеръ и его мѣсто занялъ другой, въ имѣньѣ оказались такіе безпорядки, что графиня рѣшилась наконецъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, навѣстить свои степныя владѣнія.

Графиня была женщина немолодая, но еще свѣжая и сохранившая весь блескъ, если не всю прелесть красоты своей. Овдовѣвъ лѣтъ десять тому, она могла бы вступить во второе супружество; много людей значительныхъ и достойныхъ искали руки ея, но она отвергла всѣ предложенія и посвятила лучшіе годы своей жизни воспитанію двухъ дѣтей. Ея самоотверженіе не нашло на землѣ награды; смерть лишила ее любимой дочери; ей остался одинъ сынъ. Съ-тѣхъ-поръ она почти отказалась отъ свѣта, которому бы еще могла служить украшеніемъ, жила только для сына, и когда, по выходѣ изъ университета, онъ изъявилъ желаніе побывать въ чужихъ краяхъ, добрая мать согласилась принесть ему послѣднюю жертву—горькой разлукой съ нимъ. Но желая доставить ему всѣ выгоды путешествія, не обременяя новыми долгами имѣнія и безъ того уже

разстроеннаго, она рѣшилась проститься въ то же время съ столицей, до возвращенія сына въ Россію. Къ-тому жь, собственное здоровье ея требовало переселенія въ теплѣйшій климатъ; у нея была прекрасная дача па южномъ берегу Крыма, и она избрала себѣ ее пріютомъ, мѣстомъ своего «изгнанія», какъ выражались ея петербургскіе друзья, удивляясь великости такой жертвы.

Я давно была знакома съ графиней; не считая себя ея другомъ, истинно уважала ее, любила ея таланты, часто прельщалась ея умомъ, и когда, узнавъ, что я также предполагаю ѣхать въ Крымъ, она начала умолять меня раздѣлить съ ней скуку однообразнаго пути и остановиться на нѣсколько времени въ ея херсонскомъ имѣньѣ, гдѣ ей необходимо было устроить свои дѣла, — я съ удовольствіемъ согласилась.

Мы отправились сперва въ Одессу; тамъ графиня простилась съ сыномъ и, чтобъ не исчахнуть отъ скуки въ степной глуши, запаслась книгами и даже музыкальными инструментами. Она страстно любила музыку: музыка была стихіею и отрадою ея жизни; фортепьяно и арфа одушевлялись при ея прикосновеніи къ нимъ новою гармоніею; когда же она сливала съ ними свой чистый, нѣжный, флейтистый голосъ, котораго ни годы, ни огорченія не могли ослабить, невѣжды и знатоки равно приходили въ восторгъ.

Мы пріѣхали въ имѣнье графини; управитель успѣлъ кое-какъ оправить часть дома, напоминавшаго немного развалины радклифскихъ зàмковъ, убралъ и мёблировалъ для насъ нѣсколько комнатъ. Наши экипажи остановились у крыльца, окруженнаго толпою крестьянъ, — и жилище, съ давнихъ поръ оглашаемое только крикомъ птицъ ночныхъ, снова оживилось отзвуками голосовъ человѣческихъ, смѣха и суеты.

Печально показалось намъ первое время пребыванія въ этой деревнѣ, хоть чтеніе, музыка и прогулки часто разсѣявали насъ; но этотъ домъ, изъ котораго ни іюньскіе жары, ни присутствіе людей не могли изгнать запаха могильной сырости; его полинялые, во многихъ мѣстахъ даже изорванные обои, потолки, расписанные уродливыми фигурами и плѣсенью, глухой отголосокъ, пробуждаемый малѣйшимъ шумомъ во всѣхъ комнатахъ, и вокругъ заглохшій садъ съ развалившимися бесѣдками, а далѣе, степь съ пожелтѣлою травою, — все это могло бы нагнать сплинъ на человѣка съ самымъ веселымъ характеромъ.

Графиня выѣхала изъ Петербурга не одна; ее сопровождали: бывшая гувернантка ея, Англичанка, съ молоденькою дочерью; компаньйонка Француженка, которая аккомпанировала ея пѣнію и играла съ ней на фортепьяно въ четыре руки, и домашній докторъ, чудакъ, но добрый и хорошо-образованный человѣкъ. Впрочемъ, его обществомъ

мы наслаждались очень рѣдко, потому-что, пользуясь деревенскою свободой, онъ ботанизировалъ поутру, спалъ послѣ обѣда, и только вечеромъ, въ веселый часъ, забавлялъ насъ иногда медицинскими анекдотами и оригинальностью своихъ идей.

Мы жили уже около двухъ недѣль въ деревнѣ, скучая и утѣшая себя скорымъ отъѣздомъ въ Крымъ, какъ вдругъ одно нечаянное явленіе поразило и надолго заняло меня.

Наши вечера обыкновенно посвящались музыкѣ, и въ то время, какъ графиня играла или пѣла, я всегда садилась у окна, раствореннаго въ садъ, чтобъ, не видя ни свѣта, ни людей, свободнѣе предаваться наслажденію. Въ эти часы забвенья и сладкихъ грёзъ, плавая глазами во мракѣ, удвоенномъ густыми деревьями, я начала невольно замѣчать въ чащѣ, подъ самыми окнами, женскую фигуру. Полагая сперва, что это кто-нибудь изъ семьи управителя, или священника приходитъ туда слушать наши концерты, я не обращала на нее большаго вниманія; но, познакомясь покороче съ физіономіями деревенской аристократіи, убѣдилась, что предположеніе мое было несправедливо. Той женщины я никогда не встрѣчала днемъ; она являлась только вечеромъ, въ глубокой темнотѣ, всегда въ одной порѣ, на одномъ мѣстѣ, въ одномъ и томъ же положеніи.

Иногда свѣтъ, падающій на нее сквозь окна комнаты, позволялъ мнѣ разсматривать ея черты; незамѣтная для нея, я внимательно слѣдила за всѣми ея движеніями, и ея молодость, постоянная грусть, разлитая по лицу, нѣжность формъ и необыкновенное благородство осанки,—все говорило въ ея пользу и внушало къ ней сильнѣйшее участіе. Она видимо не принадлежала къ категоріи деревенскихъ женщинъ; она шла, стояла, смотрѣла какъ-то иначе, будто созданная изъ инаго тѣла и оживленная иною душою. Да и была ль еще въ ней живая душа? теплая ли кровь текла въ ея жилахъ?...

Когда, при первомъ аккордѣ арфы, или фортепьяно кусты сирени колебались, но такъ легко, какъ-будто вечерній вѣтерокъ, проносясь мимо, касался ихъ, и сквозь раздвоенныя вѣтви являлась бѣлая тѣнь, тихо скользила къ окну, останавливалась у развѣсистаго дерева и оставалась тамъ по цѣлымъ часамъ неподвижною, я готова была принять ее за призракъ, или за блѣдный лучъ мѣсяца, случайно запавшій туда сквозь разрѣженные листья.

Рисуясь на темномъ грунтѣ зелени и пней, межь мракомъ и дрожащимъ отсвѣтомъ матовой лампы, ея высокая, тонкая, почти прозрачная фигура напоминала мнѣ душу Франчески, слетѣвшей къ отступнику, еще любимому ею, чтобъ возвратить его Христу и родинѣ, прежде вознесенія своего на небеса. И грудь ея какъ-будто не волновалась дыханіемъ, и ея тѣла будто не согрѣвала жизнь, а зрач-

ка, также блестящіе и недвижно устремленные на одинъ предметъ, казались скорѣе двумя звѣздами, чѣмъ глазами человѣческими.

Кто была эта таинственная женщина, которая съ такимъ постоянствомъ, съ такою страстью упивалась гармоніей музыки? Откуда являлась она и куда исчезала съ послѣднимъ звукомъ? Признаться ли, я десять разъ хотѣла спросить о томъ управителя, и съ вопросомъ на языкѣ останавливалась. Какое-то безотчетное чувство шептало мнѣ, что мое любопытство можетъ разстроить ея ночныя прогулки. А мнѣ жаль было бы лишить ее этого наслажденія, жаль не видѣть ея больше у корня старой липы въ то время, какъ очаровательное пѣніе графини настроивало мое воображеніе на тонъ сверхъестественнаго. И всякій вечеръ, садясь къ окну и скрываясь въ складкахъ кисейной занавѣски, я съ нетерпѣніемъ ждала незнакомку, любовалась ею, и молчала.

Одинъ разъ только, чувства невольно измѣнили мнѣ: графиня, опечаленная воспоминаніями о сынѣ, долго фантазировала на своемъ любимомъ инструментѣ; арфа казалась отголоскомъ ея души; тоны переливались, стихали, и, оживая съ новою силою, томили насъ безотрадною грустью аккордовъ. Наконецъ они слились съ прелюдіею, и графиня запѣла самымъ мелодическимъ, небеснымъ голосомъ несравненную молитву россиніевой Памиры. Вдругъ бѣлая тѣнь отдѣлилась отъ дерева, начала клониться ниже, все ниже къ землѣ, какъ стебель полевой лиліи подъ проливнымъ дождемъ... мнѣ послышалось рыданіе, я вскочила... Но отъ быстроты моего движенія голосъ графини прервался, и видѣніе въ саду исчезло.

Почти въ то же время между нашими домашними разнеслись самые смѣшные и суевѣрные толки; не говорили, а шептали, будто въ необитаемой части дома водятся привидѣнія. Въ той половинѣ всѣ окна и двери были заколочены, и она соединялась съ флигелемъ, въ которомъ хранилась старая библіотека, длинною и до того разрушенною галлереею, что никто даже днемъ не осмѣливался проходить по ней; доски помоста ея провалились, деревянныя колонны подгнили и шатались на цоколяхъ, а нависшія съ потолка балки безпрестанно грозили обрушиться съ кусками толстой штукатурки. Однѣ ласточки вились и щебетали безъ страха подъ этимъ потолкомъ, облѣпляя его своими гнѣздами, и тамъ, въ ночные часы, по словамъ очевидцевъ, чаще всего являлась тѣнь фигуры человѣческой. Скоро и смѣло она не шла, а какъ-будто плыла вдоль галлереи, не останавливаясь ни при одной опасности, не зная никакихъ препятствій, и, достигнувъ стѣнъ дома, исчезала въ кустахъ сирени, какъ говорили одни, или сквозь заколоченную дверь, какъ утверждали другіе.

Однажды вечеромъ, когда графиня, занятая полученными отъ сына письмами, заперлась въ своемъ кабинетѣ, я пошла гулять съ ея компаньйонкою; мы заговорились и незамѣтно такъ удалились отъ дома, что на возвратномъ пути принуждены были или обойдти кругомъ всей деревни, или пробраться черезъ садъ по самымъ заглохшимъ тропинкамъ. Мы предпочли послѣднее. Ночь была ясна и свѣтла; испаренія травъ и недавно-скошеннаго сѣна наполняли густымъ ароматомъ воздухъ, проникнутый теплотою; не мертвая тишина, а сладкое, таинственное молчаніе было разлито въ полѣ, осеребренномъ полною луною, и подъ сводами аллей, гдѣ только мимолетный вѣтерокъ перешептывался съ листьями, да вечернія насѣкомыя жужжали, летая вокругъ. Мы приблизились къ озеру: во̀ды, очищенныя отъ тины, чудесно отражали небесный сводъ; камышъ тихо колебался, издавая порою жалобный шорохъ; почуявъ насъ, дикая горлица съ крикомъ порхнула изъ кустовъ, взвилась, скрылась въ поднебесьѣ, и сонное эхо, будто нѐхотя откликнувшись на крикъ ея, смѣнилось прежнею тишиною. Мы продолжали идти въ молчаніи; моя трусливая подруга жалась ко мнѣ и торопилась, какъ-бы слыша за собою погоню, — когда, миновавъ камышъ, я увидѣла на озерѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, знакомую мнѣ бѣлую фигуру. Стоя на утломъ челнокѣ, едва замѣтномъ подъ складками ея платья, она такъ беззаботно колыхалась со стороны на сторону, что при первомъ взглядѣ можно было вообразить, будто сверхъестественная сила поддерживаетъ ее на поверхности водъ; руки ея были сложены крестомъ; опустивъ голову, она пристально смотрѣла въ темную глубь и, казалось, во̀все не думала объ опасности своего положенія. Вдругъ моя подруга вскрикнула, вырвала у меня свою руку и бросилась бѣжать.

— Куда же вы, куда? спросила я ее, не трогаясь съ мѣста и еще разъ взглянула на незнакомку.

Челнокъ быстро скользнулъ къ берегу; незнакомка выпрыгнула изъ него и съ словами: «О, не бойтесь... гуляйте... я ухожу!» скрылась въ тростникѣ.

Но ея голосъ, полный грусти и моленія, ея слова, въ которыхъ отзывался невольный упрекъ, смутили мнѣ душу и долго еще звучали въ ушахъ моихъ.

А компаньйонка графини клялась, что видѣла надъ озеромъ не живое существо, но призракъ, тѣнь безъ тѣла и безъ души...

На слѣдующее утро, послѣ безсонной ночи, я вышла въ садъ съ стихотвореніями одного французскаго поэта. Заря только-что занималась, цвѣты и травы блистали росой; освѣженная утреннимъ воздухомъ, я долго бродила въ густыхъ аллеяхъ и уже готовилась возвратиться домой, когда, замѣтивъ, что уронила книгу, драгоцѣнную

мнѣ по многимъ воспоминаніямъ, принуждена была повторить свою прогулку. Кружась по всѣмъ тропинкамъ и заглядывая во всякій кустъ травы, я незамѣтно забилась въ самую чащу деревъ и вдругъ остановилась: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла дѣвушка и съ такой жадностью перелистывала потерянную мною книгу, что даже не замѣтила моего приближенія. Я съ перваго взгляда узнала въ ней наше привидѣніе, тѣнь, или иначе, мою вечернюю дилеттантку. Свѣтъ дневной не разрушилъ впечатлѣнія, которое произвелъ во мнѣ видъ ея ночью; теперь, какъ и тогда, она показалась мнѣ больше призракомъ, нежели человѣкомъ. Правда, теперь жаркій румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, и ея большіе, свѣтлые глаза бросали струи свѣта; но этотъ самый румянецъ, этотъ свѣтъ доказывали, какъ мало она принадлежала землѣ. Ея тонкая шея съ трудомъ несла голову, осѣненную густыми волосами; слабый станъ клонился къ землѣ, будто обремененный невыносимою тяжестью, и сквозь нѣжную, прозрачную кожу, казалось, замѣтно было болѣзненное волненіе ея крови. Во всемъ существѣ ея были разлиты изнуреніе и истома; но, не смотря ни на эти признаки разрушенія, ни на бѣдность ея одежды, въ ней нельзя было не узнать женщины съ природой возвышенной и благородной. Выраженье гордости, страданія и безусловной покорности судьбѣ составляли на лицѣ ея странную смѣсь; ненарушимое спокойствіе ея осанки, взглядовъ и движеній казалось не врожденною чертою ея характера и не слѣдствіемъ отчаянной борьбы съ собою, а только терпѣніемъ увѣренности близкаго конца...

Я хотѣлъ подойдти къ ней; услышавъ шорохъ, она вздрогнула, въ испугѣ выронила книгу и какъ серна прыгнула въ кусты.

Всѣ эти встрѣчи раздражили до высшей степени мое любопытство: возвращаясь домой, я положила себѣ узнать во что бы то ни стало кто была эта интересная незнакомка. Случай предупредилъ мое желаніе.

ГЛАВА II.

. . . . She was become
The queen of a fantastic realm; her thoughts
Were combination of disjointed things;
And forms impalpable and unperceived
Of others'sight familiar were to hers.
And this the world calls frenzy;...

The Dream, Lord Byron.

Мы всѣ сидѣли за завтракомъ; человѣкъ доложилъ доктору, что одна бѣдная старушка проситъ его ради Бога хоть на минуту повидаться съ нею.

— Что за старушка? спросила графиня, отъ которой ни одинъ несчастный не уходилъ безъ утѣшенія.

— Вдова бывшаго управителя вашего сіятельства.

— Вдова Байченки, который такъ долго управлялъ моимъ имѣніемъ?... Проси ее сюда.

И въ комнату вошла сухая, дряхлая женщина, бѣдно-одѣтая, съ чернымъ платкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго, по обычаю той стороны, выглядывала оборка бѣлаго каленкороваго чепчика. Она низко раскланялась и остановилась у дверей. Графиня съ большимъ трудомъ уговорила ее подойдти поближе и сѣсть.

— Чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? спросилъ тогда докторъ вдову.

— Пришла къ вамъ, батюшка, отвѣчала она запинаясь и снова низко кланяясь: — не пособите ли хоть вы моему горю...

— Вы нездоровы?

— Нѣтъ, батюшка, не я, а дочь... одна только и есть... сынъ пропалъ безъ вѣсти... да и ее ужь лучше бы Господь принялъ...

— Дочь ваша тяжело больна?

— Не то, чтобы больна, а хуже, — она помѣшана.

— Помѣшана! повторила я съ удивленіемъ.—Высокая, худая дѣвушка, съ темно-русыми волосами?

— Она и есть, она... помѣшана, да такъ чудно... Случалось мнѣ на роду видѣть многихъ сумасшедшихъ, но о такихъ никогда и не слыхивала...

— Давно ли вы начали замѣчать въ ней признаки помѣшательства? спросилъ опять докторъ.

— Да какъ и сказать вамъ, батюшка! Она еще ребенкомъ была не такова, какъ всѣ другія дѣти; сосѣди съ малыхъ лѣтъ называли ее юродивою; только какъ стала подрастать, и покойный мужъ мой нанялъ въ учителя къ нашему старшему сыну Нѣмца, она какъ-будто поумнѣла, тожь принялась учиться; бывало, книги изъ рукъ не выпускаетъ, и какъ радостно было слушать, какъ скоро она выучилась и по французски и по нѣмецки,—да все не въ прокъ...

— Въ чемъ же состоитъ теперь ея сумасшествіе?

— Этого-то мы и сами не можемъ понять, отвѣчала бѣдная мать съ тяжелымъ вздохомъ.—Днемъ посмотрѣть на нее, такъ и подумать нельзя, чтобъ она была сумасшедшая: трудится, работаетъ, учитъ дѣтей, и все понимаетъ, обо всемъ говоритъ хорошо и ясно. Но лишь настанетъ ночь, — не усмотришь какъ ускользнетъ изъ дому, бродитъ Богъ знаетъ гдѣ, возвращается поздо и послѣ ходитъ, будто ничего не видя, что-то говоритъ себѣ вполголоса, и иногда такъ плачетъ, тоскуетъ, что сердце надрывается глядя на нее.

— А вы пускаете ее ходить по волѣ? спросила графиня, которая болѣе всего на свѣтѣ боялась сумасшедшихъ.

— Не извольте безпокоиться, ваше сіятельство, отвѣчала старушка:—моя дочь отроду никому зла не сдѣлала; она смирна какъ годовой ребенокъ, да теперь же и сама прячется отъ людей: ей все мерещится, будто люди ее боятся...

Докторъ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ вдовѣ о лѣтахъ, сложеніи и склонностяхъ ея дочери, и потомъ спросилъ, не замѣтила ль она въ ней еще какихъ болѣзненныхъ припадковъ.

— Нынѣшней весной, въ первый разъ, у нея показалась горломъ кровь, отвѣчала вдова. —Это случилось въ церкви; ее принесли безъ памяти домой, уложили, и когда, очнувшись, она спросила, отъ-чего у нея грудь и руки въ крови, ей съ-дуру сказали правду. Какъ встрепенулась она, голубка моя, принялась креститься, и все твердила: «Господь услышалъ мои молитвы!» Послѣ этого, ей стало какъ-будто лучше. Правда, кровь часто шла у нея изъ горла поутрамъ; да она сдѣлалась тише, спокойнѣе, даже веселѣе, такъ-что мы думали: авось выздоровѣетъ,—какъ вотъ, скоро послѣ пріѣзда ея сіятельства, на нее по-прежнему начало находить, и еще вдвое сильнѣе чѣмъ прежде.

— Не уходитъ ли она опять по вечерамъ? спросила я старушку.

— Уходитъ, сударыня, и опять до утренней зари глазъ отъ тоски не смыкаетъ. Не знаю, чтò съ ней и дѣлать. Пробовала запирать ее, такъ еще хуже: выпрыгнетъ въ окно, проберется по развалившейся галлереѣ въ садъ, а тамъ ужь ее и не отъищешь.

—Ахъ, Боже мой! да не-уже-ли она не понимаетъ даже опасности прыгать изъ такихъ высокихъ оконъ и ходить по этой галлереѣ въ темнотѣ? сказала графиня.

— Какъ не понимать, ваше сіятельство! да ей чѣмъ ни грози, она на все отвѣчаетъ: «Не бойтесь, ничего не случится; смерти ужь нѣчего гоняться за мною.»

Докторъ обѣщалъ навѣстить больную; графиня еще нѣсколько времени разспрашивала вдову о ея дочери и о ея собственномъ положеніи, и узнавъ, что она осталась безъ мужа въ крайней бѣдности, обѣщала обезпечить ее отъ нужды, приняла на себя всѣ издержки леченія бѣдной помѣшанной, и, обдаривъ старушку, отпустила отъ себя съ облегченнымъ, если не совершенно-успокоеннымъ сердцемъ.

— Ну, чтò ваша больная, докторъ? сказала графиня нѣсколько дней спустя.

— А что вамъ угодно знать объ ней, графиня?

— Вы ее видѣли?

— Видѣлъ.

— Что жъ? въ какомъ состояніи нашли ее?

— Вы спрашиваете меня о состояніи ея здоровья, или ума?

— Да я думаю, что въ сумасшествіи одно съ другимъ неразлучно.

— Въ этомъ случаѣ, по-крайней-мѣрѣ, эти вопросы должно раздѣлить.

— Вы отвѣчаете сегодня очень лаконически, докторъ.

— Какъ всегда отвѣчаютъ люди, которые не знаютъ, что̀ отвѣчать, графиня.

— Ну такъ, ка̀къ вы нашли здоровье вашей больной? спросила я въ свою очередь, зная истинно германское упрямство нашего медика.

— У ней развивается скоропостижная чахотка.

— А ея сумасшествіе?

— Медицински я не нашелъ въ ней никакихъ признаковъ сумасшествія. Впрочемъ, не могу ничего сказать опредѣлительно, потому-что она принимаетъ меня очень-неохотно и едва отвѣчаетъ на мои вопросы.

Графиня просила его не покидать бѣдной дѣвушки и не щадить никакихъ издержекъ, чтобъ возвратить ее къ здоровью и уму. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ.

Въ-продолженіи нѣсколькихъ недѣль, докторъ ежедневно посѣщалъ больную, но на всѣ наши вопросы отвѣчалъ коротко и вовсе-неудовлетворительно. Казалось, не понимая ея болѣзни, онъ изъ медицинскаго самолюбія не любилъ говорить о ней.

По-вечерамъ, во время пѣнія графини, я долго еще видѣла эту жалкую дѣвушку у липы; только она не стояла уже какъ прежде, прислонясь къ пню, а садилась на одинъ изъ корней дерева, опускала голову на руки, и въ этомъ положеніи слушала музыку. Но подъ конецъ лѣта, она начала приходить рѣже, и вскорѣ вовсе прекратила свои вечернія прогулки.

Уборка хлѣбовъ кончилась; приближалась осень; графиня начала приготовляться къ отъѣзду въ Крымъ.

Однажды, докторъ вошелъ къ намъ съ страннымъ, озабоченнымъ видомъ; онъ казался тронутымъ, встревоженнымъ, и, противъ обыкновенія, забылъ на столѣ свою чашку съ чаемъ.

— Что̀ вы такъ серьёзны, докторъ? не больны ли вы? не получили ль непріятныхъ извѣстій изъ Петербурга?

Онъ кланялся и отвѣчалъ отрицательно.

— Что̀ ваша безумная? спросила наконецъ графиня.

— Моя безумная?... гм-гм...

И лицо его приняло выраженіе глубокаго участія.

— Моя безумная? повторилъ задумчиво докторъ, и, помолчавъ минуты двѣ, началъ говорить съ несвойственнымъ ему одушевленіемъ:

— Графиня, вы знаете жизнь Тассо, Сервантеса, Мильтона, Камоэнса, Уилльяма Коупера; знаете горькую молодость Шиллера, кончину Четтертона, Жильбера, и существованіе многихъ другихъ поэтовъ, убитыхъ бѣдностію, невѣжественнымъ равнодушіемъ людей и силою своего непризнаннаго таланта...

— Знаю; еще недавно перечитывала разсказы чернаго доктора, не разъ жалѣла, что вы не одарены его изобрѣтательностью...

— Что дѣлать, графиня, поэзіи съ медициною трудно ужиться въ одной головѣ. Сегодня, однакожь, я самъ желалъ бы обладать его краснорѣчіемъ, чтобъ передать вамъ участь одного не столь блистательнаго таланта, но не менѣе-замѣчательнаго терновымъ вѣнкомъ, который онъ носитъ.

— О комъ вы говорите, докторъ?

— О моей молодой паціенткѣ, графиня, дочери вашего бывшаго управителя.

— Объ той сумасшедшей?...

— Такъ точно, графиня; ее называютъ сумасшедшею люди, неспособные понять могущества одной идеи, которая, какъ водоворотъ, втягиваетъ въ себя и поглощаетъ всѣ идеи бытія. Они признали ее сумасшедшею, отъ-того что ихъ грубому осязанію недоступны ни нѣжность ея чувствъ, ни утонченность ея влеченій, ни возвышенность ея ума. Не всегда ли невѣжды, пугаясь небеснаго сіянія, кричали: «пожаръ!» и не всегда ли давили бѣднаго свѣтящагося червячка, который попадался имъ подъ ноги? Они приняли за безуміе проявленіе тайной, непостижимой для нихъ силы ея таланта, и бросились,—кто изъ злобы, кто изъ усердія,—уничтожать ее, не подозрѣвая, что въ той силѣ заключался корень ея жизни, лучшій цвѣтъ ея души. Голодную, они принудили отказаться отъ вдохновенія за нищенскій кусокъ ихъ хлѣба; и когда дѣятельность ея духа, крѣпко скованнаго, начала внутренно грызть ее и прорываться безъ вѣдома ея на волю, они отравили жизнь ея горькимъ сомнѣніемъ въ себѣ-самой, увѣрили ее, будто она безумная, и въ-самомъ-дѣлѣ едва не свели съ ума;— за то толкнули прямо къ могилѣ...

— Докторъ, вы хотите морочить насъ чувствительною сказкою? сказала графиня, подымаясь съ кушетки.

— Ни мало. Я никогда не говорилъ серьёзнѣе...

— Такъ эта дѣвушка...

— Поэтъ, убитый силою своего напраснаго таланта!

— Но какъ вы знаете... какъ вы узнали все это?..

— Я давно подозрѣвалъ, что ея сумасшествіе есть дѣйствіе слабости—не ея ума, а людей окружающихъ ее, но думалъ, что при-

чиною и меланхоліи дѣвушки и ихъ предположеній была какая-нибудь несчастная любовь, — обыкновеннѣйшая изъ всѣхъ болѣзней женскаго сердца. Когда я намекалъ ей о моихъ подозрѣніяхъ, она спокойно выслушивала меня, качала головой, иногда даже улыбалась, но съ такимъ безотраднымъ равнодушіемъ, что я лучше желалъ бы видѣть на лицѣ ея слезы, нежели эту улыбку. Что бъ я ни говорилъ ей, о чемъ бы ни заводилъ рѣчи, ничто ея не трогало, не устрашало, не смущало,—она всегда отвѣчала ясно, но такъ коротко, что я не могъ ничего извлечь изъ ея словъ. Недавно, говоря съ ней понѣмецки, я выразилъ свою идею шиллеровымъ стихомъ; она быстро взглянула на меня, и въ первый разъ я увидѣлъ искру чувства въ глазахъ ея,—но въ ту же минуту она снова опустила ихъ въ землю. Прошедшею осенью здѣсь умеръ старикъ, который былъ прежде ея наставникомъ, а послѣ занималъ должность доктора въ вашемъ селѣ; узнавъ, что онъ лечилъ ее, я потребовалъ къ себѣ оставшіяся послѣ него бумаги, въ надеждѣ, хоть изъ нихъ узнать что-нибудь о ней; вчера мнѣ принесли эти бумаги; между ними я не нашелъ ни одного рецепта; за то отрылъ тетрадь, исписанную покойникомъ, и изъ нея я узналъ всѣ подробности жизни и чувствъ этого удивительнаго созданія. Тамъ также попалось мнѣ письмо къ нему одного коротко-знакомаго мнѣ человѣка, которое убѣдило меня въ превосходствѣ таланта моей больной...

— Что же вы узнали? гдѣ эта тетрадь?..

— Въ моей комнатѣ, графиня, и если вамъ угодно, черезъ двѣ минуты будетъ въ вашихъ рукахъ.

— А стихотворенія ея также?

— Ихъ нѣтъ; бѣдняжка все сожгла наканунѣ своего отреченія отъ поэзіи и книгъ.

Докторъ принесъ намъ тетрадь. Вотъ все, что мы прочли въ ней и что узнали позже изъ разговоровъ дѣвушки съ докторомъ и отъ окружавшихъ ее людей.

ГЛАВА III.

Cette âme se transforme, elle est tout près d'éclore,
Elle rampe, elle attend,
Aujourd'hui larve informe, et demain dès l'aurore,
Papillon eclatant.

V. Hugo.

. . . . . . From my youth upwards
My Spirit walk'd not with the Souls of men,
Nor look'd upon the earth with human eyes.
. . . .
My joys, my griefs, my passions, and my powers,
Made me á Stranger. .

Manfred, Lord Byron.

Недалеко отъ имѣнья графини, въ глубокой балкѣ, стоялъ, посреди нѣсколькихъ крестьянскихъ хатъ, домикъ тѣсный, приземистый,

подъ соломенною кровлею, но такъ чисто-выбѣленный и раскрашенный, такъ мило окруженный цвѣтками и садомъ, что когда въ ясную погоду онъ отражался въ прудѣ, его невольно сравнивали съ сельскою красавицею, которая, убравшись въ полевые цвѣты и накинувъ на голову недавно-сплетенную шляпку, умильно смотрится въ зеркало и сама любуется собою. Въ томъ домѣ жилъ Байченко съ женою и двумя дѣтьми. Старшій сынъ, Петруша, рѣзвый, здоровый мальчикъ, былъ любимцемъ матери и отца; за то дочь вовсе не радовала ихъ и казалась пріемышемъ во всей родной семьѣ.

Отъ-дѣтства робкая и молчаливая, блѣдная и нѣжная сложеніемъ, она поражала серьёзнымъ выраженіемъ физіономіи, вовсе несвойственнымъ ея лѣтамъ. Правильныя черты лица, лобъ высокій, круто-выдавшійся впередъ, и глаза, которыхъ зрачки, то расширяясь въ безпрерывномъ движеніи, играли отливомъ молнійныхъ искръ, то вдругъ сжимаясь, останавливались на одномъ предметѣ и долго оставались тусклыми, неподвижными, будто лишенные зрѣнія. Все въ наружности и поступкахъ этой дѣвочки доказывало слишкомъ-раннее развитіе духа и сильнаго, быстраго разумѣнія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Анюта была странное дитя. Рано отбросила она дѣтскія игрушки, рано начала прятаться отъ людей; забавы брата утомляли ее; она любила оставаться одна, и тогда — то жмурилась, то не сводила глазъ съ одного предмета, дѣлала странныя тѣлодвиженія и говорила сама съ собою вслухъ.

Любимымъ ея занятіемъ было сѣять и ростить цвѣты, наблюдать за трудами пчелъ, или за движеніемъ червяка, когда, свернувшись на листкѣ, онъ обвивается шелковымъ кокономъ. По вечерамъ, когда всѣ засыпали въ домѣ, она прокрадывалась въ садъ, и, забывая сонъ, до утра любовалась тамъ звѣздами, ихъ отраженіемъ въ водѣ, луною, плывущею между облаковъ, предразсвѣтною тишиною и розовою полосою зари. А зимою, она не спускалась съ горы на салазкахъ и не скользила по замерзшему пруду; стряхивая снѣжинки на темныя полы своего капота, она съ удивленіемъ разсматривала блестящія звѣздочки, которыя отъ прикосновенія ея пальца обращались въ росу.

Иногда Анюта смущала своихъ родителей странными вопросами: «Куда уходитъ вечеромъ солнце? Почему утромъ оно является не съ той же стороны? Отъ-чего въ водѣ видны деревья и дома, какъ въ зеркалѣ? Что такое гремитъ такъ страшно въ черной тучѣ, горитъ огнемъ, обливаетъ дождемъ деревню ихъ, и, исчезая, оставляетъ по себѣ на небѣ разноцвѣтную полосу?..»

— И, полно, дурочка! возражала обыкновенно ея мать:—вѣдь это все отъ Бога; людямъ грѣхъ про то и думать и говорить.

И бѣдное дитя уходило въ задумчивости, даже плакало порою, но такъ тихо, чтобъ никто не видалъ этихъ слезъ.

Бывалъ ли кто въ деревнѣ боленъ, Анюта относила страждущему лакомѣйшіе куски своей пищи. Умиралъ ли кто,—она съ страннымъ любопытствомъ всматривалась въ лицо покойника и ласкалась къ родителямъ, терявшимъ дѣтей, и утѣшала оставшихся сиротъ.

Крестьяне любили ее; за то сосѣдніе помѣщики всѣ въ одинъ голосъ прозвали ее юродивой.

Вдругъ участь Анюты измѣнилась; въ ихъ домѣ поселился чужой человѣкъ, который въ короткое время привязалъ ее къ себѣ всѣми узами священнѣйшаго родства. То былъ бѣдный, убитый горемъ и болѣзнями старикъ, родомъ изъ Пруссіи. Байченко, побывавъ съ войсками за границею, пристрастился къ Нѣмцамъ и, отъискавъ въ сосѣднемъ городѣ старика Гейльфрейнда, пригласилъ его къ себѣ, для обученія Петруши. Анюту никто и не думалъ учить чему-нибудь.

Но не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ Гейльфрейндъ замѣтилъ, что гдѣ бы онъ ни былъ съ своимъ воспитанникомъ, Анюта бѣгала за нимъ, какъ тѣнь. Давалъ ли онъ уроки Петрушѣ—Анюта пряталась у печки или подъ столъ, и не пророняла ни одного слова урока. Гулялъ ли онъ съ нимъ по саду, толкуя ему исторію растеній и насѣкомыхъ,—въ то время, какъ рѣзвый мальчикъ убѣгалъ прочь, сестра его, вцѣпясь въ платье старика, слушала его съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, такъ умильно смотрѣла ему въ глаза, и такими ласками благодарила его за всякій разсказъ, что Гейльфрейндъ, пораженный ея любопытствомъ и жадностью знаній, вздумалъ постоянно заниматься ею. Родители, не ожидая отъ нея ничего ни добраго, ни худаго, махнули на то рукой.

Гейльфрейндъ былъ не простымъ учителемъ нѣмецкаго языка, не къ такой долѣ готовился онъ, и не въ бѣдной деревушкѣ новороссійскаго края думалъ окончить дни свои. Когда-то даровитый студентъ Берлинскаго Университета, всѣми любимый и счастливый, онъ беззаботно проводилъ дни между ученіемъ и шумными оргіями своихъ товарищей. И ему улыбалась любовь, и его ласкала фортуна, указывая ему въ дали богатство, славу, почести; но безразсчетная женитьба въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, неудачи по службѣ, гордость характера, семейныя заботы, бѣдность и наконецъ смерть всего драгоцѣннѣйшаго ему въ мірѣ сгубили его жизнь. Добровольный изгнанникъ изъ родины, онъ напрасно искалъ спокойствія въ чужихъ странахъ: неудачи и бѣдность привязались къ его участи, а сожалѣніе о невозвратномъ и безотрадное отчаянье до того истерзали душу, что, впавъ въ совершенное уныніе, онъ началъ топить горе свое въ винѣ; въ такомъ положеніи долго скитался онъ по Россіи, безъ пріюта, перѣдко даже безъ пропитанія; его несчастная страсть перегоняла его изъ дома въ домъ, отъ одного занятія къ другому;

онъ одряхлѣлъ, посѣдѣлъ преждевременно, и въ крайности съ радостью принялъ предложеніе Байченки, покоряясь безусловно всѣмъ его требованіямъ.

Казалось, само Провидѣніе привело его туда, чтобъ не дать заглохнуть въ одичалости прекраснѣйшему изъ своихъ твореній.

Поселясь въ степномъ хуторѣ, Гейльфрейндъ по обыкновенію приступилъ съ особеннымъ рвеніемъ къ своей новой обязанности, терпѣливо сносилъ лѣнь и шалости рѣзваго мальчика, и наблюдалъ съ особеннымъ вниманіемъ за развитіемъ способностей сестры его. Сперва ея понятливость, зрѣлость ея соображеній и удивительные успѣхи въ ученіи внушали ему участіе, а позже кротость ея, доброта, привязанность и пламенная благодарность къ нему пробудили въ немъ чувства, которыхъ онъ не испытывалъ по смерти своихъ родныхъ дѣтей. Минутный наемникъ въ чужихъ домахъ, онъ забылъ силу привязанностей, огрубѣлъ сердцемъ, не зналъ никакого разсѣянья, и отвыкъ отъ умственныхъ наслажденій. Анюта, безъ собственнаго вѣдома, растревожила въ немъ всѣ былыя ощущенія души; она разгоняла его думы, вызывала изъ памяти его стемнѣвшія познанія, занимала его, ласкалась къ нему и заставила полюбить себя такъ, какъ онъ не думалъ уже любить никого въ мірѣ. Тогда, межъ этимъ сирымъ старикомъ и отчужденнымъ отъ всѣхъ ребенкомъ составился тѣсный союзъ; онъ просвѣщалъ ея разумъ, она услаждала его сердце; онъ училъ ее познавать жизнь, она заставляла его забывать ее; и, Богъ-знаетъ, кто изъ двухъ долженъ былъ болѣе благодарить другаго.

Судьба, посылая Анютѣ такого наставника, какъ-бы нарочно поставила подлѣ него средства къ образованію ея ума. Въ библіотекѣ, оставшейся послѣ покойнаго отца графини, дремали на запыленныхъ полкахъ творенія первоклассныхъ европейскихъ писателей; въ нихъ находилось все, что̀ можетъ просвѣтить умъ, образовать вкусъ и распалить воображеніе; въ нихъ скрывалась богатая пища для головы и самый тонкій ядъ для сердца. Гейльфрейндъ не безъ разбора воспользовался ими: горькая опытность и привязанность его къ Анютѣ замѣнили ему знаніе женскаго сердца, и когда, по прошествіи первой поры ея дѣтства, онъ увидѣлъ, что, зная въ двѣнадцать лѣтъ все, чѣмъ заключаютъ въ свѣтѣ умственное воспитаніе женщины, Анюта рвалась все далѣе, все выше, старикъ призадумался надъ нею, и не безъ страха взглянулъ на судьбу ея. Какая доля могла ожидать дѣвочку безъ состоянія, въ глуши, въ кругу людей простыхъ, большею частію даже грубыхъ, изъ которыхъ очень немногіе понимали что-нибудь въ мірѣ за чертой своего хозяйственнаго быта? Могла ли она надѣяться, что случай вырветъ ее когда-нибудь изъ этого полумрака, и броситъ... куда же? къ кому? зачѣмъ?..

Не въ тотъ ли такъ-называемый образованный свѣтъ, гдѣ на самомъ порогѣ встрѣтятъ ее уничтожающимъ вопросомъ: кто и что она такое? гдѣ, узнавъ ея имя, званіе и значеніе, смѣшаютъ ее съ прахомъ, сметутъ какъ незамѣтную пылинку прочь, не заглянувъ даже ни въ ея голову, ни въ сердце!

Смотря на прекрасное созданіе, которому подобныхъ не встрѣчалъ еще, старикъ суевѣрно думалъ, что самъ Богъ забросилъ его въ эту пустыню, чтобъ ввѣрить ему цвѣтокъ, нечаянно взросшій на почвѣ ему несродной. Ростя и лелѣя его въ настоящемъ, онъ считалъ себя въ отвѣтственности за его будущее, размышлялъ, обдумывалъ, и наконецъ рѣшился направить всѣ силы ума, всю пылкость духа Анюты къ наукамъ положительнымъ. Онъ полагалъ, что усиленное развитіе ея умственныхъ способностей помѣшаетъ развитію въ ней чувствъ сердечныхъ, которыя казались ему наиболѣе опасными въ ея положеніи. Онъ надѣялся, что занятія матеріальными предметами, пріятно наполняя ея время, помирятъ ее съ одиночествомъ, ожидавшимъ ее, дадутъ пищу ея существованію и заставятъ забыть о томъ, что есть для женщины предназначеніе во сто разъ прекраснѣйшее, въ которомъ умъ служитъ только зрѣніемъ, а чувства—душою ея бытія.

Слѣдуя этому рѣшенію, Гейльфрейндъ началъ еще тщательнѣе преподавать Анютѣ различные предметы наукъ опытныхъ и отстранять отъ нея все, что могло дать ей понятіе о поэтической сторонѣ природы, о страстяхъ человѣческихъ, или о восторженной мечтательности людей, которая держитъ ихъ въ вѣчномъ разладѣ съ существенностью. Казалось, предположеніе его сбывалось: Анюта, мужая умомъ, оставалась въ младенческомъ невѣдѣніи всѣхъ тревогъ и наслажденій жизни. Романы и поэзія были ей незнакомы; никогда музыка не касалась ея слуха; карандашомъ она владѣла только для рисованья цвѣтовъ, и въ мірѣ, окружавшемъ ее, не видѣла и тѣни благородныхъ привязанностей, дружбы, любви. Такимъ образомъ ничто не вдохновляло ее, ничто не окриляло ея воображенія; она посвящала большую часть времени самымъ сухимъ теоріямъ наукъ, лѣтомъ собирала насѣкомыхъ, сушила растенія, зимою раскладывала ихъ по классамъ, и Гейльфрейндъ, видя ее всегда спокойною и довольною, мысленно торжествовалъ, воображая, что онъ успѣлъ побѣдить природу.

Но не человѣку торжествовать надъ законами природы! Жизни нужна жизнь, силѣ дѣятельность, — а онъ хотѣлъ удовольствовать пылкую, страстную душу пятнадцатилѣтней дѣвушки изученіемъ одной мертвой существенности! Скрывая отъ нея все поэтическое, все высоко-изящное, онъ отнималъ духъ у тѣла, и, отдавая ей прахъ,

тушилъ божественную искру, согрѣвающую все живущее и видимое на землѣ.

Но эта искра тлѣла въ душѣ Анюты; чувство прекраснаго родилось, росло и крѣпло вмѣстѣ съ нею; безсознательное сочувствіе поминутно указывало ей на то, что старикъ такъ тщательно старался отъ нея утаивать. Напрасно скрывалъ онъ отъ ея понятій дивную гармонію природы: въ сердцѣ ея дрожала струна, которая отзывалась тихо, но внятно на все однозвучное съ нею, и ждала только перваго прикосновенія мысли, чтобъ издать свою чистую и сладкую пѣснь.

Сперва, когда туманъ ея умственнаго зрѣнія только началъ рѣдѣть и разсѣяваться, она стремительно предалась ученію. Трепеща отъ радости при всякомъ объясненіи чудесъ, которыя, тоскуя, привыкла считать неразгадываемыми, Анюта все забывала; невыразимое спокойствіе и довольство разливались въ душѣ ея; она чувствовала себя лучше, добрѣе, терпѣливѣе и съ благоговѣніемъ впивала въ себя всякое слово наставника, который былъ ей болѣе, чѣмъ отцомъ, давъ душу жизни ея и жизнь душѣ.

Кто опишетъ первые восторги ея прозрѣнія на міръ Божій? Въ какомъ новомъ восхитительномъ свѣтѣ представлялись ей предметы самые обыкновенные, издавна знакомые ей, и съ какимъ невыразимымъ наслажденіемъ смотрѣла она на всѣ явленія природы, съ-тѣхъ-поръ, какъ умъ ея постигъ ихъ начало, цѣль, и могъ свободно, ясно истолковывать себѣ весь дивный процессъ этихъ явленій! Лился ли дождь, или, замерзая въ воздухѣ, падалъ на землю крупными градинами; бушевала ль гроза, нагоняя страхъ на суевѣрныхъ поселянъ, и послѣ окаймлялись ли облака разноцвѣтною радугою,—Анюта, спокойно слѣдуя за всѣми измѣненіями стихій, привѣтствовала, будто знакомцевъ своихъ, испаренія морскія, которыя издалека пригонялись къ нимъ, разливались благотворнымъ дождемъ надъ ихъ нивами, освѣжали ихъ растенія и, скрываясь въ подземныхъ пропастяхъ, собирались тамъ капля съ каплею, чтобъ, снова пробившись оттуда къ свѣту и чистому воздуху, покатиться вольными струями къ колыбели своей, въ глубину морей. Ее не могли испугать ни стрѣлы молніи, ни трескъ разрѣжающагося воздуха; и въ то время, какъ люди вокругъ нея блѣднѣли, — Анюта любовалась огненными змѣями, разсѣкающими черную тучу, такъ же спокойно, какъ послѣ разсматривала игру переломленія лучей солнечныхъ, отражающихся въ капляхъ охладѣвшихъ облаковъ.

Озираясь во всѣ стороны, она смѣло углублялась мыслью въ нѣдра земныя, ласкала взорами растенія и насѣкомыхъ, гордо слѣдила въ воздухѣ быстрый полетъ птицъ и, обгоняя ихъ быстротою мысли своей, неслась далѣе, выше, все выше, туда, за облака, подъ голу-

бую мысль, къ мірамъ недосягаемымъ, но измѣреннымъ и опредѣленнымъ умомъ человѣка, къ мірамъ, которыхъ существованіе она такъ же легко объясняла себѣ теперь, какъ объясняла бы прозябаніе полеваго цвѣтка, или пресмыканіе малѣйшаго изъ насѣкомыхъ. И сладко было ей на душѣ въ минуты этихъ умственныхъ созерцаній; чище казался ей воздухъ, прозрачнѣе небеса, благороднѣе и возвышеннѣе природа человѣка. Забывая, порою, свою земную оболочку, она вся перерождалась въ мысль и, обнимая ею небо и землю, казалось ей, владычествовала постиженіемъ своимъ надъ небомъ и землею.

Но пришло время, и умъ ея, ослѣпленный переходомъ отъ мрака къ свѣту, свыкся съ его сіяніемъ; углубляясь все болѣе и болѣе въ науки, она со страхомъ поняла ограниченность своихъ познаній и даже ограниченность самыхъ наукъ. Тогда скука начала втѣсняться въ ея занятія; предметы ея удивленія постепенно теряли свою красу и вопросы самые прихотливые, самые неудовлетворительные снова зароились въ умѣ ея. Въ-самомъ-дѣлѣ, что̀ могли принесть ея душѣ, жадной поэтическихъ впечатлѣній, классификаціи животныхъ, исчисленіе разнородныхъ пластовъ, налегшихъ на первозданный сіенитъ, или вычисленіе быстроты свѣта и звуковъ? Свято слѣдуя всѣмъ мнѣніямъ своего наставника, она не смѣла и предполагать, чтобъ было въ мірѣ что-нибудь прекраснѣе и возвышеннѣе его ученія; но вѣруя умомъ, она невольно сомнѣвалась въ томъ сердцемъ и съ тайною грустью начала сознаваться себѣ, что свѣтъ того ученія, сіяя, не грѣетъ души.

Чего же жаждала эта неутолимая душа? къ чему рвалась она? что̀ желала постигнуть, что̀ хотѣла назвать себѣ роднымъ? Анюта сама не вѣдала того, не понимала; но черная немочь опять вкралась въ ея думы и порою ей казалось такъ тѣсно, такъ душно въ мірѣ, какъ-будто воздуха, облегающаго шаръ земной, недостаточно было для напоенія ея груди.

Она не оставляла своихъ занятій; науки все еще были лучшимъ утѣшеніемъ ея ума, но сердце оставалось пусто: онѣ не наполняли сердца ея, и даже разговоры съ Гейльфрейндомъ потеряли для нея свою бывалую прелесть. Ея дѣтская страсть къ уединенію возобновилась: Анюта по-прежнему начала бѣгать отъ людей; какъ-будто, не видя другихъ, она легче забывала свое собственное существованіе. А Гейльфрейндъ, замѣчая ея задумчивость, предлагалъ ей проходить курсъ аналитики.

Иногда, взбираясь на высокій курганъ, Анюта окидывала взоромъ окрестность, небогатую живописными видами, но все еще прелестную въ сельской простотѣ своей и, печально смотря вокругъ, она еще печальнѣе опускала взоры. Отъ-чего? Какъ истолковать этотъ

внезапный переворотъ идей, эту прихоть непостояннаго ума пятнадцатилѣтней дѣвушки? Она грустила теперь о томъ, отъ чего такъ недавно еще приходила въ восторгъ; и то, что озаряло для нея весь міръ волшебнымъ свѣтомъ, теперь обнажало его и представляло на мѣстѣ прежняго очарованія одинъ грубый, отвратительный скелетъ!

Она слишкомъ-положительно, слишкомъ-матеріально понимала все видимое ею; прекрасное всегда и во всемъ ускользало отъ ея ума. Въ природѣ, равно какъ и въ произведеніяхъ человѣческихъ, отъ нея закрывали все возвышеннѣйшее, все идеальное; ей указывали на безжизненное вещество, давали въ руки скальпель, и—уничтожали очарованіе. Какъ бы ни былъ прекрасенъ, исполненъ поэзіи предметъ; какъ бы ни обольщалъ онъ чувства или зрѣніе, Анюта не могла не дорываться до его внутренности, невольно все обнажала, все разлагала на части—и прелесть пластики для нея исчезла. Въ этомъ печальномъ направленіи созрѣлъ ея умъ; она не умѣла любоваться одними чувствами безъ участія въ томъ холоднаго размышленія; лучшее, безсознательное наслажденіе для нея не существовало!

«Какъ!» говорила она иногда, съ истомой и горестью въ душѣ: «эта прекрасная земля, пышная, благоухающая, роскошная, есть только случайное скопленіе минеральныхъ толщъ и погребенныхъ межь ними растеній, раковинъ, животныхъ... гробъ, пестро окрашенный снаружи, внутри котораго нѣтъ сокровища, не окруженнаго признаками смерти и тлѣнія? А ея обитатели, дѣти, достойныя колыбели своей, вѣчно стремящіяся къ взаимному разрушенію, къ взаимному пожранію, — не для смерти ли скорѣе родятся они, чѣмъ для жизни? Не для того ли являются они на мгновеніе въ міръ, чтобъ засѣвать прахомъ и костями своими почву земную, вѣчно жаждущую праха и костей?

«А эти гордыя, нѣжныя растенія, краса земли, любовь и утѣшеніе людей, съ которыми человѣкъ до того сродняется непостижимою симпатіею, что, избирая ихъ символами своихъ благороднѣйшихъ ощущеній, ими выражаетъ свою любовь, свои радости, свое благоговѣніе къ изображеніямъ святыхъ и, ростя ихъ на могилахъ друзей и кровныхъ своихъ, имъ ввѣряетъ свою скорбь и молитвы, въ надеждѣ, что, все впивая въ себя, они корнями передадутъ земное горе его земнымъ остаткамъ потерянныхъ, въ то время, какъ слезы и молитвы его пошлютъ съ благоуханіемъ своимъ въ небеса... Эти деревья и цвѣты —также мертво прозябающее сплетеніе клеистыхъ тканей, перепонокъ, трубочекъ, завитковъ, железъ,—безжизненныя пружины, движимыя невидимымъ, но ясно-опредѣленнымъ процессомъ, въ которомъ нѣтъ воли ихъ, нѣтъ души, и наше сочувствіе къ нимъ — вздоръ, прихоть, небывалое и невозможное изобрѣтеніе празднаго воображенія человѣка...

«И даже эти вечернія облака, нѣжныя, прозрачныя и до того прекрасныя, что ихъ можно принять за херувимовъ Божіихъ, спорхнувшихъ съ небесъ, чтобъ поиграть лучами солнечными и проститься до завтра съ свѣтиломъ дневнымъ, — эти сгустившіяся отъ холода туманныя испаренія земли, этой грязной, безчувственной массы, мертвой снаружи, мертвой внутри, къ которой не можетъ прильнуть теплое сердце, въ которой не найдетъ себѣ отвѣта живая мысль!..

«И для чего же родится въ свѣтъ человѣкъ, одаренный разумомъ, волею и чувствомъ? Зачѣмъ бросается существо живое съ мыслію смѣлою, всепостигающею и сердцемъ, полнымъ пламенныхъ ощущеній, на это огромное кладбище, въ толпу холодныхъ органическихъ твореній, съ которыми у него нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго? Что дѣлать ему на этой тверди, въ этомъ воздухѣ, которые люди назвали вселенною?.. Взрости, созрѣть умомъ, одушевиться чувствомъ, изучить весь ходъ процессовъ этого міра, постигнуть всю пустоту его, все ничтожество своего существованія, ни въ комъ не найдти сочувствія, ни въ чемъ не видать отрады, и, исчезнувъ, прибавить свою должную дань землѣ,—горсть праха въ пищу ненасытному, всепожирающему великану—тлѣнію.»

Иногда, пугаясь силы своего отчаянія, Анюта старалась подавить въ себѣ эти умствованія и, повергаясь ницъ передъ Творцомъ, въ слезахъ просила его простить ей этотъ грѣшный ропотъ; но проходила минута раскаянія и снова тѣснились въ умѣ ея вопросы:

«Въ чемъ же заключается предназначеніе человѣка? Гдѣ поприще его дѣятельности? Гдѣ радость, гдѣ пища, гдѣ наслажденія жизни его?..» И въ отвѣтъ представлялись ей: съ одной стороны невѣжество въ самомъ грубомъ животномъ прозябаніи; съ другой — убійственное всепостиженіе: ясное, логическое истолкованіе всѣхъ чарующихъ душу предметовъ, истолкованіе, подавляющее всю свободу мысли, всю прелесть фантазіи, всю энергію чувствъ, правда, внушающее удивленіе, — но какое же удивленіе не имѣетъ свей могилы—привычки?

И часто, угнетаемая выше силъ своихъ тяжестью положительнаго и существеннаго, Анюта, какъ привидѣніе, скиталась въ поляхъ, съ думой безъ идей, съ сердцемъ безъ ощущеній, не разлагая болѣе ни тумановъ поднебесныхъ, ни сокровищъ земныхъ; мысль ея утратила свою дѣятельность, воображеніе ныло въ праздности; все ясноопредѣленное и матеріальное внушало ей такое глубокое отвращеніе, что иногда, изгоняя насильственно изъ памяти все, чѣмъ обогатили ее познанія, она пробуждала въ себѣ свои прежнія понятія и весело возвращалась къ суевѣріямъ своего дѣтства. Тогда опять оживала передъ ней природа, опять воскресали таинственныя преданія, волшебницы, колдуны и все, отъ звѣздъ, мерцающихъ подъ небесами

до кузнечика, кующаго въ травѣ,—все получало душу, говорило понятнымъ ей языкомъ. Всякій цвѣтокъ, повисшій головкою съ росою на нѣжныхъ лепесткахъ, былъ въ глазахъ ея плачущею красавицею, и всякій мотылекъ, льнущій къ цвѣтку — женихомъ всегда страстнымъ и вѣрнымъ своей околдованной невѣстѣ. Въ воздухѣ, не вечерніе жуки, а кикиморы пѣли разгульныя пѣсни; въ огнѣ, провинившіеся духи жалобно перешептывались, порхая по угламъ синимъ огонькомъ; колебались ли надъ водою вербы, одѣтыя сумракомъ ночнымъ,—ихъ качали шаловливыя русалки; кричала ль птица въ вѣтвяхъ,—то просилъ помощи прохожій, задушаемый въ ихъ объятіяхъ; горлица, воркуя, убаюкивала дѣтей своихъ; воронъ, каркая, призывалъ вѣдьмъ... чу! пронесся вой по полю: то стоналъ духъ усопшаго, непринятаго ни небомъ, ни землею; а вотъ прокатилась по небу звѣздочка, блеснула, заискрилась и погасла, приблизясь къ землѣ,—то ангелъ Господень спорхнулъ съ небесъ, чтобъ принять душу младенца или праведника...

И эти суевѣрныя сказанія, ростя и расцвѣчаясь въ воображеніи Анюты, плѣняли ее своей таинственностью, освѣжали въ ней сердце своими сверхъестественными вымыслами. Приходя въ себя, она стыдилась этой слабости, но не безъ горькаго вздоха возвращалась къ своимъ ученымъ теоріямъ. Бѣдняжка, не имѣя никакого понятія о поэзіи, о музыкѣ, о всемъ, что̀, усыпляя холодный умъ, такъ сильно чаруетъ душу человѣка, не умѣла истолковать себѣ своего стремленія къ міру идеальному и изнывала въ тоскѣ по непостижимомъ.

ГЛАВА IV.

> Was ich in jenem Augenblick empfunden,
> .... vergebens sinn' ich nach.
> Ein neu Organ hatt'ich in mir gefunden
> Das meines Herzens heil'ge Regung sprach.
> Die Seele war's, die, Jahre lang gebunden
> Durch alle Fesseln jetzt auf einmal brach,
> Und Töne fand in ihren tiefsten Tiefen,
> Die ungeahnt und göttlich in ihr schliefen.
>
> Schiller.

Во время этихъ умственныхъ переворотовъ молодой дѣвушки, случился важный переворотъ въ судьбѣ ея.

Старикъ Байченко, гоняясь въ полѣ за зайцами, упалъ съ лошади и былъ поднятъ мертвымъ съ замерзшей земли. Къ горести его вдовы и осиротѣвшей дочери примѣшались не менѣе горькія хлопоты о средствахъ къ жизни. Покойникъ, управляя имѣніемъ графини, никогда не пользовался тѣмъ, что̀ не принадлежало ему по самымъ законнымъ правамъ; его же собственное имѣніе, съ давнихъ поръ за-

ложенное въ казну и отягченное новыми долгами его сына, тотчасъ по смерти старика описано и продано съ публичнаго торгу. Тогда вдова и дочь его, оставшіяся бездомными сиротами, собрали свои пожитки и покинули родной кровъ, а молодой Байченко, стыдясь своего положенія, перепросился на Кавказъ, гдѣ сгинулъ безъ вѣсти. Одинъ Гейльфрейндъ не покинулъ ихъ. Онъ выхлопоталъ имъ уголокъ въ необитаемомъ домѣ графини, поселился въ томъ же имѣньи, и, зная качества многихъ цѣлебныхъ травъ, принялся лечить людей, овецъ и даже деревья въ господскомъ саду, чтобъ сколько-нибудь облегчить участь друзей своихъ.

Тогда образъ жизни Анюты совершенно измѣнился; мать ея, убитая горемъ и нуждою, въ короткое время сдѣлалась изъ бодрой женщины дряхлою старухою. Надобно было присматривать за нею въ болѣзняхъ, хлопотать о средствахъ къ жизни, трудами рукъ своихъ доставлять ей пропитаніе. Священная обязанность дочери воззвала упадшій духъ Анюты; она предалась всѣми силами и всею волею своей новой обязанности, и эти заботы смирили на время ея мятежныя думы. Но онѣ умолкли только, а не уснули; горе и хлопоты житейскія не могли усыпить ихъ; при машинальныхъ работахъ Анюты, мысли ея оставались праздными; но вскорѣ, воспользовавшись этою свободою, опять зароились и возмутили прежнею тревогою сердце, еще неотдохнувшее отъ горькихъ потерь.

Мало оставалось ей теперь времени для чтенія и занятій умственныхъ; но чтобъ не разстаться съ ними, она еженочно отрывала по нѣсколько часовъ отъ своего отдыха, и въ то время, какъ мать ея засыпала глубокимъ сномъ, она зажигала фонарь и прокрадывалась неслышными шагами на другой конецъ дома, гдѣ въ отдѣльномъ шкапу хранились книги, отобранныя для нея Гейльфрейндомъ; остальная часть библіотеки никогда не отворялась, и Анюта привыкла считать ее для себя запретнымъ плодомъ. Но эти исторіи природы и народовъ, разсѣевая порою ея умъ, не могли надолго занять ее слишкомъ-знакомыми ей повтореніями. Часто, сидя надъ книгою и прилежно перебѣгая глазами отъ строки къ строкѣ, она вдругъ переставала понимать то, что̀ читала, и напрасно двадцать разъ перечитывала одну и ту же страницу, напрасно напрягала всѣ силы своего постиженія, чтобъ уразумѣть то, что̀ знала едва не на-изустъ; голова ея тяжелѣла, понятія мутились, темнѣли; она невольно впадала въ нравственное оцѣпенѣніе и оставалась безъ мыслей, безъ чувствъ, почти безъ дыханія, какъ тѣло, на время покинутое духомъ... И въ эти мгновенія въ ней пробуждалось другое бытіе; грудь ея расширялась, наполнялась неземными ощущеніями; душѣ ея чудились — не отраженія жизни дневной, не сновидѣнія ночныя, — нѣтъ, то были не призраки, не идеи, не звуки,—легче вѣянія весен-

няго, прозрачнѣе эѳира; они не касались ея тѣлесныхъ органовъ, и однакожь, они видѣлись, слышались, чувствовались ей, были съ нею, въ ней, вокругъ нея; но видѣлись, какъ видится страстно-любящей душѣ приближеніе любимаго, въ ту пору, когда не можетъ еще уловить его зрѣніе человѣка; слышались, какъ слышится порой тоскующей матери послѣдній вздохъ сына, погибающаго въ то мгновеніе далеко отъ нея; чувствовались, какъ чувствуется младенцу присутствіе его ангела-хранителя, при лепетѣ его чистѣйшихъ молитвъ.

Приходя въ себя, Анюта не знала ничего, что̀ съ ней дѣлалось; ея память не сохраняла ни одного изъ упоительныхъ впечатлѣній этого страстнаго состоянія духа; только чувство простора, чувство небесной отрады вдругъ замѣнялось грустнымъ стѣсненіемъ; сердце ея билось рѣже и медленнѣе, а душа рвалась въ тоскѣ за чѣмъ-то милымъ, роднымъ, что̀, спорхнувъ къ ней на минуту на землю, снова улетало, покинувъ ее сиротою...

Въ одну ночь, послѣ подобнаго обаянія, Анюта возвратилась къ бодрствованію еще съ бо̀льшей тоской. Глаза ея просили слезъ, но слезы какъ-будто леденѣли въ сердцѣ; она прижала руку къ груди,—тамъ было пусто и холодно; коснулась головы своей,—голова клонилась къ землѣ подъ гнётомъ подавляющей тяжести. Анюта окинула взоромъ комнату, —и въ первый разъ чувство суевѣрнаго страха заставило ее вздрогнуть...

Большая, высокая комната была сыра и мрачна, какъ могильный склепъ; штукатурка почти обвалилась съ потолка, когда-то расписаннаго, и немногія, уцѣлѣвшія на немъ фигиры фавновъ пугали своими неподвижными улыбками сквозь темноту, едва-разрѣженную мерцаньемъ свѣчи; почернѣвшіе отъ времени шкафы стояли какъ древнія египетскія гробницы, скрывающія въ себѣ мудрые, но неразгадываемые для нея гіероглифы; столъ и стулъ, поставленные ею въ уголку, составляли всю мёбель опустошеннаго жилища; и тихо, тихо было въ немъ, такъ, что она могла разслушать біеніе артерій въ своихъ вискахъ и учащенное трепетомъ дыханіе своей груди. За то за стѣной бушевала страшная вьюга; вѣтеръ, прорываясь сквозь щели кровли, свистѣлъ на чердакѣ и жалобно вылъ въ трубахъ печей; деревья скрипѣли въ саду, снѣгъ хлесталъ въ окна, и дворовыя собаки визжали отъ холоду въ норахъ своихъ.

Морозный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Анюты; чтобъ одолѣть эту дѣтскую боязнь, она прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ, оправилась и хотѣла снова приняться за чтеніе; но скучнымъ, томительнымъ показалось оно ей послѣ минуты небеснаго забвенія, и въ первый разъ она съ презрѣніемъ оттолкнула отъ себя книгу...

Она оттолкнула ее, и въ ту же минуту ей стало жаль бѣдной, не-

винной книги, которую столько разъ она покрывала поцалуями, ложась спать клала подъ изголовье свое и утромъ привѣтствовала, какъ лучшаго своего друга. Книга не измѣнилась, она все та же; но Анюта не довольствовалась болѣе ея простыми теоріями, жаждала инаго свѣта, иной небесной росы.

Анюта задумалась; идеи быстро смѣнялись въ ея умѣ, но неясныя и неопредѣленныя, какъ атомы хаоса. Тогда только, посреди этихъ спутанныхъ идей, возникалъ вопросъ: не-уже-ли въ цѣлой вселенной, такъ же какъ въ книгахъ, открытыхъ передъ нею, все было создано для одного ума, для однихъ холодныхъ наблюденій? И неуже-ли изъ столькихъ людей, посвятившихъ себя ученію и трудамъ, ни одинъ не открылъ ничего для сердца, для услажденія мысли, утомленной напряженнымъ созерцаніемъ? На что жь дана человѣку эта легкая, рѣзвая мысль, которая внушаетъ его воображенію любовь ко всему таинственному, сверхъестественному? И зачѣмъ живетъ въ груди его чувство, которому суждено сиротствовать въ праздности, въ мракѣ и тишинѣ, какъ сокровищу, зарытому на днѣ необитаемаго острова?.. И ей мнилось, будто вселенная должна заключать въ себѣ два рода міровъ: міры видимые, осязаемые, и другіе, чистѣйшіе и прекраснѣйшіе—но неизмѣримые и непостижимые, какъ самъ создавшій ихъ. Тамъ все было открыто чувствамъ и воображенію человѣка; безпредѣльный горизонтъ не стѣснялъ свободы его мыслей учеными теоріями, и сердце не дремало, отверженное отъ всѣхъ наслажденій, безпрестанно спрашивая себя, зачѣмъ природа одушевила его органическую жизнь ощущеніями?..

Такъ! не туда ли рвалась ея мятежная душа? не въ тѣ ли міры просилась изъ своей душной темницы? Но гдѣ же они? гдѣ ихъ необъятное небо съ солнцемъ вѣчно свѣтлымъ и грѣющимъ? гдѣ его привѣтливые ангелы, его рѣзвые, радостные духи?.. Анюта знала, что есть далекіе края, въ которыхъ природа, роскошная, цвѣтетъ неувядая и плѣняетъ взоръ то величіемъ, то дивной красотой... Не оттуда ли манило ее къ себѣ счастіе?.. Нѣтъ, тамъ люди тѣ же, тамъ —та же земля, которую она ежедневно попираетъ ногами, и на ней, такъ же какъ и здѣсь, станетъ она пресмыкаться въ прахѣ, въ тоскѣ, въ одиночествѣ?.. Нѣтъ, не туда!.. «Въ чемъ же искать мнѣ отрады?» спросила Анюта, тоскливо озираясь кругомъ. «Кто успокоитъ меня? Кто укажетъ мнѣ средство къ спасенію? И кому ввѣриться, и какъ истолковать другимъ эту немочь, эту неизъяснимую тоску... по чемъ? Кто скажетъ мнѣ хоть названіе змѣя, который, впившись въ грудь, сосетъ кровь, сосетъ мои жизненныя силы, и вмѣсто ихъ вливаетъ въ жилы ядъ непонятнаго стремленія, желаній, порывовъ... къ чему?.. О Боже, Боже! успокой меня, исцѣли отъ этого страшнаго недуга!» твердила Анюта, и начала молиться со всѣмъ жаромъ, со всѣмъ

усердіемъ переполненнаго тоскою сердца,—но слезы не освѣжаютъ ея глазъ, а это бѣдное сердце все также рвется, все также мечется въ груди.

«Нѣтъ, видно не на землѣ найдти мнѣ спокойствіе!» говоритъ она въ уныніи, и, откидываясь на спинку стула, еще разъ обводитъ комнату мутнымъ взоромъ. Сатиры, скалясь по-прежнему, съ отвратительною улыбкою смотрятъ на нее, а черные шкафы, неподвижные и таинственные, стоятъ рядами вокругъ... Анюта невольно остановила на нихъ свое вниманіе.

«Что-то скрывается въ нихъ?» шепнула ей искусительная мысль. Какой пагубой грозилъ ей Гейльфрейндъ, если она откроетъ хоть одну книгу, погребенную на этихъ пòлкахъ? И что̀ за пагуба?.. Чернокнижеству Анюта не вѣритъ! Ужь конечно не злые духи явятся къ ней, — а новость... а разсѣяніе... въ скукѣ оно такъ заманчиво... Анюта смотритъ на связку ключей и не встаетъ съ мѣста. Ей страшно, ей видится образъ ея друга, посѣдѣвшаго въ изученіи міра и людей; онъ какъ-будто грозитъ и вмѣстѣ проситъ ее... Но жизнь ея такъ пуста, такъ скучна... но ей уже шестнадцать лѣтъ; она не дитя, ея правила въ религіи и нравственности неизмѣнны, ничто не поколеблетъ ея мнѣній, не запятнаетъ ея сердца... И ключъ повернулся въ за̀мкѣ одного изъ запрещенныхъ шкафовъ; заржавленныя петли скрипнули, Анюта, встрепенувшись, отступила назадъ... Но ея взоры уже съ жадностью прильнули къ заглавіямъ книгъ... въ глазахъ у нея мутится, литеры движутся... томы прыгаютъ... Анюта, не разбирая, кладетъ руку на одну изъ книгъ и бѣжитъ съ нею къ свѣту.

Она развертываетъ, читаетъ... Странно! такъ знакомый ей нѣмецкій языкъ представляется въ какихъ-то новыхъ формахъ, въ новыхъ невѣдомыхъ ей оборотахъ; фразы его стройны, плавны, окончанія ихъ такъ сходны и въ то же время такъ разнообразны, они такъ чудно гармонируютъ между собой, они звучатъ, они поютъ... Что жь это?... Стихи? Нѣтъ, не стихи! Когда-то въ дѣтствѣ Анюта читала русскій пѣсенникъ и Гейльфрейндъ называлъ тѣ пѣсни стихами; по виду, строки въ нихъ были точно также разложены, также неровны, но нѣтъ... Это не тѣ пѣсни, не тѣ стихи! Тамъ были слова, здѣсь слышатся звуки, дивные, небесные звуки... и о чемъ поютъ они? что̀ выражаютъ?.. Это не сухое изложеніе, не теорическое истолкованіе какого-нибудь предмета, о нѣтъ!.. Анюта еще не можетъ схватить и постигнуть вполнѣ смысла этого новаго языка, но онъ уже чаруетъ ее, ласкаетъ ея слухъ, ласкаетъ ея душу... она читаетъ, и постепенно мысли ея проясняются, дыханье становится вольнѣе, неизъяснимое довольство разливается въ ея бытіи... Но не мыслію головы понимаетъ она эту музыку, не біеніемъ сердца опредѣляетъ ея раз-

мѣры; съ открытіемъ этой новой, волшебной стихіи гармоніи и идей въ груди ея какъ-будто родилось шестое чувство для постиженія ихъ и для наслажденія ими... Нѣтъ, не родилось, а крѣпко скованное, обезсиленное неволей и бездѣйствіемъ, окруженное непріязненною ему сферою, оно ныло и вдругъ, послышавъ родной призывъ, встрепенулось, ожило и вспрянуло полное силы, жизни и огня.

Слыхали ль вы преданіе о травкѣ-прихотницѣ, которая будто-бы, появляясь въ ночь на первое мая, не ростетъ, не вянетъ, не цвѣтетъ, не высыхаетъ, а безцвѣтная и безсочная, все остается какъ прошлогодный ковыль при самой землѣ; роса не свѣжитъ ея, солнце не согрѣваетъ, вихрь не гнетъ, и даже вешній дождь, оживляя все въ окружности, ея не оживляетъ, какъ-будто ни могила ни жизнь не принимаютъ ея. Но если случайно, на зарѣ, зайдетъ туда дѣвушка, приникнетъ къ землѣ, и въ безотрадной тоскѣ уронитъ на травку горячую слезу любви,—травка вдругъ зазеленѣетъ, подымется, расцвѣтетъ, и, украсивъ собою весь лугъ, разольетъ далеко вокругъ себя благоуханье. Но тогда не срывайте ея цвѣтовъ, не пытайтесь пересадить ее на чуждую ей почву,—дитя тоски и любви, она питается и дышетъ ими; она умретъ равно въ мраморной вазѣ, какъ и въ пескахъ, въ роскошномъ саду, какъ и въ пустынѣ; и тогда уже ничто не призоветъ ея къ второму бытію.

Не сродни ль той травкѣ было сердце Анюты? не сочувствіе ли заставило его расцвѣсть? Но что же такое это собраніе словъ, звуковъ, мыслей, чувствъ? Какою непостижимою силою они вливаютъ новую жизнь въ ея жилы? Какой свѣтъ открываютъ ея воображенію, какимъ очарованіемъ опояютъ душу? Они говорятъ о лѣсахъ, о горнихъ источникахъ, о красотѣ весеннихъ дней, и передъ Анютой журчатъ ручьи, щебечутъ птицы, колышется зеленый лѣсъ, и теплый вѣтерокъ вѣетъ на нее благоуханіемъ ясминовъ... А тамъ, вдали, на мшистомъ камнѣ, тоскуетъ горецъ, закинутый въ чужую сторону; онъ рвется къ своимъ горамъ, увѣнчаннымъ нетающими снѣгами, къ прохладнымъ долинамъ, къ стадамъ,—онъ плачетъ, поетъ, и пѣснь его тиха, чиста, какъ его слезы, и въ отвѣтъ на нихъ катится тихая слеза изъ глазъ тронутой Анюты... Быстро перевертываются страницы, живыя картины мѣняются... Вотъ мать у колыбели первенца своего,—какъ счастлива она его спокойнымъ сномъ!.. Вотъ юноша-поэтъ: онъ палъ на полѣ битвы; кровь клубится изъ ранъ его, языкъ сохнетъ, взоръ потухаетъ, но, собираясь съ послѣдними силами, онъ благословляетъ свою родину, своихъ друзей, вручаетъ душу свою Господу,—Господь пріемлетъ ее, и друзья тихо опускаютъ его въ могилу, вырытую подъ сѣнью дуба, гдѣ, вмѣсто гробовой доски, кладутъ на него крестомъ его бранное оружіе!.. А вотъ дѣвушка... о чемъ такъ неутѣшно плачетъ и горюетъ она? отъ-чего такъ блѣдны ея щеки, безжизненны

слезы? отъ-чего съ такимъ отчаяньемъ она клянетъ свое существованіе и зоветъ смерть... и зачѣмъ называетъ смерть блаженной минутой своего соединенія, и гробовую подушку своимъ брачнымъ вѣнцомъ?.. Любовь!.. Анютѣ непонятно полное значеніе этого слова; но сердце ея сжалось отъ участія, она любитъ и тоскуетъ вмѣстѣ съ ней... Вдругъ—чу! загудѣлъ колоколъ... тревога,—и блестящее какъ заря, багряное какъ кровь взорвалось пламя пожара подъ облака... Страшно озаряется окрестность; какъ въ жерлѣ ада кипитъ въ воздухѣ и на землѣ; народъ бѣжитъ, спасается, шумитъ; вѣтеръ воетъ, распадаются кровли жилищъ, стекла съ трескомъ разлетаются въ дребезги, столбы валятся, цѣлыя зданія обрушиваются, и, призывая громкими воплями дѣтей своихъ, матери бѣгаютъ въ безуміи, въ отчаяньи, и крикъ дѣтей ихъ сливается съ ревомъ и съ жалобнымъ визгомъ животныхъ, погребенныхъ въ дымящихся кострахъ... Напрасно трудятся люди, напрасно вода бьетъ фонтанами изъ трубъ: пламя, раздражаемое препятствіями, становится все сильнѣе, все неистовѣе, гигантскими колоннами взвивается подъ небеса, и само небо рдѣетъ отъ пожара земнаго... Чтò жь съ Анютой? Она дрожитъ, голова ея кружится... слезы стынутъ на ея рѣсницахъ... ей жарко, душно; дымъ, искры летаютъ вокругъ... а зарево ужь близко, близко... Съ именемъ матери она рванулась съ мѣста и въ изступленіи бѣжитъ—куда?.. Пуста комната, спокойна окрестность; сквозь окна видѣнъ глубокій мракъ, и воетъ не пламя, а зимняя вьюга, гудитъ не колоколъ, а только вѣтеръ въ трубахъ! Гдѣ жь она была? чтò видѣла? Кто говорилъ съ ней, и ласкалъ ее, тѣшилъ пѣснями и плакалъ, испугалъ ужаснымъ зрѣлищемъ? Не опять ли минута сладкаго забвенія обаяла ее? Нѣтъ, въ томъ забвеніи никто такъ живо не разговаривалъ съ нею, никто не заставлялъ ее ни плакать, ни радоваться, ни трепетать: тамъ было одно предчувствіе, здѣсь чувство; тамъ эхо, отзывавшееся въ ея душѣ на звукъ, слетавшій Богъ-знаетъ откуда;—здѣсь самые звуки сошли, слились въ небесный хоръ, облили ее неизвѣданнымъ блаженствомъ, открыли ей небо восторговъ... О, такъ вотъ оно, вотъ небо, о которомъ грезила, тоскуя, душа ея, которое предчувствовала, ждала, искала въ невѣдѣніи, гдѣ найдти его, и оплакивала горькими слезами! Вотъ онъ, міръ непостигнутый, вѣчно юный, цвѣтущій, міръ неисчерпаемыхъ утѣхъ и наслажденій, пріютъ всегда готовый для страждущихъ, убѣжище всегда разверстое для насъ и недоступное ни земнымъ горестямъ, ни заботамъ, ни докучливымъ посѣтителямъ... Въ немъ можно усыпить память, отдохнуть и освѣжиться чувствами, обновиться бытіемъ... Такъ скорѣе же къ нему, къ нему! Ему отдать на вѣкъ лучшія сокровища сердца, ему посвятить чистѣйшія помышленія свои, въ него переселиться душой, и, утомясь жизнью труженическою, страдаль-

ческою, стряхать съ себя всѣ воспоминанія о существенности, и, преображаясь въ духъ безмятежный, радостный, улетать въ міръ, гдѣ наша воля — царь, гдѣ всякая мысль наша волшебный жезлъ, гдѣ все творится по мановенію ихъ, и имъ подвластный плачь и смѣхъ, сонъ и бдѣніе,—всѣ сокровища земли, всѣ блаженства подзвѣздныя...

— О, теперь пусть удручаютъ меня труды, немощи, несчастія, пусть унижаютъ люди... Жизнь, я не боюсь твоей пустоты! судьба, мнѣ не страшны твои гоненія, — у меня есть пріютъ, есть рай, есть еще и для меня счастіе на землѣ...

И въ первый разъ Анюта дрожала въ радостномъ изумленіи, въ то время, какъ сладкія слезы лились по лицу ея; давно желанное было съ нею, она вымолила себѣ отраду у небесъ, и въ первый разъ называла себя счастливою!

ГЛАВА V.

. . . . были годы:
Душа невинностью цвѣла,
Два дара гордо берегла,—
Даръ вдохновеній и свободы.—
Свободный стихъ звучалъ шутя,
Шутя играло вдохновенье;
Изъ сновидѣнья въ сновидѣнье
Летало Божіе дитя.
. . . .
День счастія ничтожно малъ.
. . . .
Я шелъ впередъ, бѣдвѣлъ, страдалъ,
Но никогда не торговалъ
Богатствомъ сладкозвучныхъ пѣсень.

Кукольникъ.

Есть люди, которые не поймутъ ни тоски, ни восторговъ моей Анюты; есть даже многіе, которые назовутъ восторженность ея безуміемъ; довольные своей существенностью, сладко озабоченные шумомъ и тревогами жизни, они всегда заняты, развлечены; имъ незнакомы ни пустота бытія, ни томленіе бездѣйствія душевнаго, — они счастливы!

Но кого не всегда дарила судьба своими розовыми улыбками, кто не всегда могъ наполнять умъ и сердце суетными заботами свѣта, кто испыталъ тѣ страшныя минуты жизни, въ которыя утраты, горе и опасеніе до того тѣснятъ человѣка, что, не имѣя ни силъ, ни возможности освободиться отъ ихъ ужасающаго присутствія, онъ долженъ оглушить и ослѣпить себя, чтобъ успокоиться измученнымъ духомъ, тотъ пойметъ радостныя слезы Анюты при открытіи убѣжища, неподвластнаго никакимъ переворотамъ судьбы; тотъ извѣдалъ

обаятельную силу мечты, тотъ любилъ, голубилъ ее, и въ ея волшебныхъ грёзахъ забывалъ свою горькую существенность.

Да и что называютъ люди «мечтою»? кàкъ опредѣлить или опровергнуть власть этой непостижимой, творческой силы въ умѣ человѣческомъ, которая такъ часто покоряетъ себѣ и гордый разсудокъ его, и чувства, правитъ всѣмъ его бытіемъ? Да и не есть ли она существеннѣйшая доля этого бытія, одна неутомимая и неизмѣнная спутница наша отъ колыбели до могилы, никогда недокучающая намъ въ дни веселія и всегда послушная призыву нашему въ минуты тоски? Чтò непостояннѣе въ жизни: мечты или существенность? чтò лучше освѣжаетъ душу человѣка: существенность или мечты?...

Правда, не всѣмъ дается она съ равными способностями, съ равною творческою силою; но, быть-можетъ, добрый ангелъ, присутствующій при рожденіи людей, предвидитъ страдальческую участь нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, роняя слезу состраданія на эти бѣдныя, еще невинныя души, оставляетъ имъ память о свѣтлыхъ мірахъ, въ которыхъ онѣ блаженствовали до временнаго изгнанія своего на землю. И человѣкъ тотъ ростетъ, сперва играетъ, потомъ трудится, терпитъ, плачетъ; въ безпрерывной борьбѣ съ людьми и судьбою, онъ проклялъ бы день своего рожденія, быть-можетъ посягнулъ бы на жизнь свою,—но живо въ немъ воспоминаніе, запечатлѣнное слезою небожителя: оно теплится свѣтлою искрою въ душѣ его, оно просвѣтляетъ его думы, освящаетъ чувства, порой разрывая оковы земныя, уноситъ его далеко и высоко, гдѣ, въ безотчетномъ наслажденіи, забывая всѣ треволненія бытія, онъ даетъ формы призракамъ своихъ воспоминаній, превращаетъ въ пѣсни вздохи свои, и поетъ, творитъ и блаженствуетъ въ своемъ забвеніи,—а люди, наслаждаясь его произведеніями, съ насмѣшкой называютъ силу, создавшую ихъ — «мечтою»!...

Таковы были и минуты забвенія Анюты; кàкъ же не простить ей этихъ восторговъ, этого упоенія, когда поэзія нѝспала ей небесной росой на душу? Кàкъ было не благословить ей мечту, такъ внезапно оживившую ея мертвое существованіе?

Правда, въ жизни своей, Анюта не испытала большихъ несчастій; прозябая какъ полевой цвѣтокъ въ глуши своего провалья, она не знала ни сердечныхъ бурь, ни горькихъ волненій свѣта. Смерть отца была ея первою сильною горестью, и переходъ отъ довольства къ бѣдности—первымъ измѣненіемъ въ ея судьбѣ. Но кàкъ ни тѣсенъ былъ кругъ ея міра, кàкъ ни малочисленно общество окружавшихъ ее людей, — въ этомъ мірѣ были свои страсти, законы, мнѣнія; эти люди знали также ненависть, зависть, корысть; ихъ также шевелили раздоры, вражда; только причины этихъ раздоровъ были еще мелочнѣе, еще грязнѣе и забавнѣе, чѣмъ въ большомъ свѣтѣ; ихъ враж-

да была еще ядовитѣе, а ненависть даже не прикрывалась личиною вѣжливости и добродушія.

Въ этомъ кругу, Анюту отъ дѣтства не любили за дикость ея нрава, за странность ея привычекъ и забавъ. Все не нравилось въ ней людямъ, которые, исключая покроя своего платья, не измѣняли ни мнѣній, ни образа жизни своихъ отцовъ, и, затвердивъ отъ нихъ нѣсколько сотъ фразъ, изъяснялись ими впопадъ и не впопадъ, никогда не соображая строго ихъ смысла съ своими идеями. Чуднымъ казался имъ языкъ Анюты, очищенный размышленіемъ и согрѣтый чувствомъ; поступки ея, неподчиненные ихъ обычаямъ, казались имъ дерзостью, преступленіемъ; но сильнѣе всего страдало ихъ самолюбіе отъ возвышенности и просвѣщенія ея ума; они не знали ему цѣны, не признавали его превосходства надъ собой, но онъ, какъ свѣтъ въ потьмахъ, заставлялъ ихъ — если не различать, то хоть подозрѣвать ихъ собственное невѣжество. Имъ было неловко съ нею и, какъ то водится не въ однѣхъ степяхъ, обвиненіе за то падало на нее. Когда же Анюта дошла до необходимости снискивать трудами рукъ свое дневное пропитаніе, тогда-то обрушилась на нее вся ненависть этихъ сосѣдей; тогда ихъ зависть обнаружилась въ самыхъ язвительныхъ насмѣшкахъ, въ самыхъ грубыхъ оскорбленіяхъ, ее называли виною всѣхъ несчастій ея семейства, и нерѣдко противъ нея вооружали даже родную мать ея.

Въ этихъ мелочныхъ, но безпрерывныхъ терзаніяхъ проходили ея дни, и къ нимъ присоединились еще внутреннія терзанія ея безпокойнаго, тоскующаго духа. Для людей, живущихъ въ большомъ свѣтѣ, есть если не отрада, то хоть разсѣянье въ тяжелыхъ для нихъ условіяхъ общества. Поневолѣ они видятъ своихъ друзей и недруговъ, поневолѣ дѣлятъ забавы ихъ, увлекаются и не разъ съ удивленіемъ замѣчаютъ, что горе, которое они считали неутишимымъ, стихало на время въ сердцахъ ихъ. Этихъ разсѣяній, этихъ невольныхъ головокруженій не знала бѣдная Анюта. Жизнь не представляла ей даже мишурныхъ блестокъ своихъ. Страшно-одинокая, въ пустынной глуши, гонимая, осмѣянная, униженная, она не жила, а страдала, когда лучъ поэзіи озарилъ ея умъ и освѣтилъ вдохновеніемъ зародышъ пѣснопѣнія въ собственной душѣ ея.

Съ-тѣхъ-поръ слаще и краснѣе казалась ей жизнь; она бодрѣе сносила труды и непріятности дневные, съ наступленіемъ сумерекъ зажигалась ея заря; темнѣло, ночь, — и она летѣла въ свой пріютъ, всѣ шкафы растворялись передъ нею, и все земное въ прахъ, — она переставала жить на землѣ. Поэты германскіе, французскіе и русскіе попеременно занимали ее, то упояли восторгомъ, то вгоняли въ тоску, то веселили блестящимъ остроуміемъ; она смѣялась, плакала, въ забвеніи даже говорила съ ними, и, ознакомясь со всѣми тай-

нами стихотворенія, осмѣливалась порою ввѣрять бумагѣ свою собственную мысль. Сперва она бралась за карандашъ почти невѣдомо себѣ самой, безъ всякаго участія въ томъ воли: что-то тѣснило ее внутри, что-то просилось изъ сердца къ простору; ощущенія волновали ея грудь, думы роились въ головѣ,—но бѣденъ и слабъ казался ей языкъ, онъ замедлялъ ихъ полетъ, удерживалъ ихъ порывы; въ нетерпѣніи своемъ, она роняла карандашъ и, разрывая исписанныя бумаги, твердила:

— Вздоръ, безуміе... мнѣ ль подражать этимъ чудеснымъ звукамъ?... мнѣ ль?.. Нѣтъ, нѣтъ!...

Но на слѣдующую ночь вдохновеніе снова искушало ее; карандашъ, украдкой отъ нея самой, сближался понемногу съ бумагою, и снова исписывалъ цѣлые листы. Когда жь, современемъ, ея природный даръ усилился и окрылился, она чертила съ робостью только первыя строки; воображеніе ея распалялось, фантазіи разъигрывались, ихъ картины рисовались передъ ней все ярче, живѣе, причудливѣе; быстро превращались онѣ въ мысль, мысль одѣвалась словомъ, слова низались ровнымъ жемчугомъ на строки, округлялись рифмами, и Анюта не помнила болѣе ничего... она не сочиняла, не точила своихъ фразъ: чувства ея, ярко озаренныя идеями, отпечатывались на бумагѣ безъ всякихъ усилій, безъ всякихъ прикрасъ, какъ отпечатываются великолѣпные виды природы на дощечкахъ дагерротипа.

И однакожь, все еще недовѣрчивая къ себѣ, Анюта тщательно скрывала отъ всѣхъ свои ночныя занятія, и даже Гейльфрейндъ не подозрѣвалъ въ ней дара поэзіи.

Она была спокойнѣе, веселѣе; старикъ, радуясь ея спокойствію, опять началъ въ свободные часы занимать ее учеными предметами; и когда она не хмурила бровей и слушала его съ прежнимъ вниманіемъ, онъ твердилъ себѣ:—«науки побѣдили въ ней горе житейское!» и мысленно торжествовалъ. Ему и въ голову не приходило, что Анюта снова полюбила природу съ-тѣхъ-поръ, какъ поэзія вдохнула душу въ этотъ холодный скелетъ и указала ея разочарованному уму, во всѣхъ предметахъ, ихъ поэтическую сторону. Онъ и не подозрѣвалъ, что поэзія заставила ее постигнуть чувствами, лучше, чѣмъ всѣ науки опытныя, гармонію міра! Эта гармонія, соединивъ волшебною кистью все, на что такъ долго она смотрѣла какъ на безсвязныя части огромнаго, но мертваго созданія, объяснила ей съ новою прелестью силу притяженія въ металлахъ, симпатію въ цвѣтахъ, чувства и склонности въ животныхъ и любовь, возвышающую и облагороживающую человѣка.

Поэзіей она узнала красоту природы и жизнь, полную той тревоги движеній и страстей, которыя, счастливя или смущая бытіе человѣка, всегда возвышаютъ его надъ цѣлью всѣхъ видимыхъ созданій,

проявляя въ немъ божественное начало его духа. Люди и ихъ общества остались по-прежнему незнакомыми Анютѣ, но она дружилась съ героями и героинями утопіи, которую создали поэты въ минуты, когда земной холодъ и людская непріязненность заставляли ихъ отогрѣвать свое сердце на солнцѣ своего воображенія. Кого не прельщали эти герои твердые, величественные, благородные, съ неземными добродѣтелями въ груди и нечеловѣческою рѣчью въ устахъ? Кто не обожалъ ихъ женщинъ, прекрасныхъ и чистыхъ какъ лучъ небесный, одушевившій прометеева человѣка, и кто не останавливался съ почтеніемъ даже передъ злодѣями, которые въ самой глубинѣ своей пропасти казались падшими ангелами, развѣнчанными и отверженными, но не червяками, пресмыкающимися въ грязи?

Этимъ блестящимъ призракамъ предалась Анюта всѣмъ сердцемъ, всѣми помышленіями, и ихъ общество не промѣняла бы, въ то время, на всѣ веселія живой толпы.

А жизнь между-тѣмъ тѣснила ее все болѣе и болѣе; болѣзнь ея матери усиливалась; ихъ нужды увеличивались, средства къ существованію со всякимъ днемъ уменьшались. Невелика была награда за труды Анюты; но даже и въ этихъ трудахъ ей очень часто отказывали: крестьянамъ не нужны были ея рукодѣлья; окружные же помѣщики не принимали ея услугъ, или, заказывая ей изрѣдка работы, уменьшали до невѣроятія ихъ цѣнность и все находили дурно-выполненнымъ и слишкомъ-дорогимъ. Соглашаясь на всѣ ихъ требованія, Анюта выслушивала безропотно выговоры и порицанія, трудилась отъ ранняго утра до ночи, во всемъ себѣ отказывала, и все еще не могла доставить матери даже необходимыхъ выгодъ. Гейльфрейндъ видимо изнемогалъ; конецъ его также приближался.

Въ одну ночь, Анюта по обыкновенію вошла въ библіотеку, вынула изъ своего любимаго шкафа нѣсколько книгъ, и сѣла въ углу комнаты, гдѣ на столѣ передъ ней горѣла тонкая свѣча. Долго читала она, писала, и снова перечитывала чужія и свои творенія, когда попались ей въ руки стихи, недавно-написанные ею, въ которыхъ просто но сильно высказывала она всю прошедшую и настоящую жизнь своей души. Трогательны были ея воспоминанія о дѣтствѣ, мучительно выраженіе ея непостижимой и ничѣмъ-непобѣдимой тоски, и живо, пламенно изліяніе восторга при первомъ наитіи святой поэзіи, при первомъ вступленіи ея въ міръ, гдѣ встрѣтили ее видѣнія свѣтлыя, безмятежныя, радостныя, освѣтили сладкими хорами душу ея, отогрѣли сердце и зажгли на сумрачномъ, печальномъ горизонтѣ ея существованія миріады неугасаемыхъ звѣздъ. Забывшись, Анюта читала вслухъ; голосъ ея сладко звучалъ въ стѣнахъ пустаго жилища: она трепетала, кровь разбѣгалась жаркими струями по ея жиламъ, и блѣдныя щеки рдѣлись румянцемъ предраз-

свѣтлыхъ облаковъ, отражающихъ лучи незримаго, но великолѣпнаго солнца. Только глаза ея, свѣтлые и открытые, до того усвоили себѣ выраженіе печали, что даже минута вдохновенія не могла изгладить ея, и на лицѣ, преображенномъ неземными восторгами, въ чертахъ, сіяющихъ упоеніемъ, тѣнь грусти, разлитая въ глазахъ, казалась напоминаніемъ небесному на землѣ.

Анюта умолкла и, оставаясь еще нѣсколько минутъ въ прежнемъ положеніи, какъ-будто вслушивалась въ звуки собственныхъ стиховъ.

— Боже! произнесла она наконецъ тихо, робкимъ и еще неуспокоеннымъ голосомъ: — не-уже-ли и мнѣ дана... поэзія... чудесный даръ?.. О, Боже мой! не-уже-ли и я поэтъ?..

И, залившись слезами, она вскочила съ своего мѣста.

— Да, и ты поэтъ! и ты поэтъ! отвѣчалъ чей-то сильный голосъ. Анюта вздрогнула, — Гейльфрейндъ стоялъ передъ нею. Его сѣдые волосы въ безпорядкѣ падали на плечи; необычайное волненіе выражалось въ его чертахъ, и по блѣднымъ, изрытымъ морщинами щекамъ катились крупныя слезы. Онъ протянулъ къ ней руки. Анюта бросилась къ нему на грудь.

— Прости меня, прости! шепталъ старикъ: — я виноватъ, я не умѣлъ понять твоего предназначенія, я видѣлъ только способности ума тамъ, гдѣ были зародыши генія, и едва не подавилъ ихъ въ тебѣ!.. Какой тяжелый упрекъ легъ бы мнѣ на душу, Анюта! Но, слава Богу! твой чудесный даръ взялъ верхъ надъ моими грѣшными усиліями: онъ живъ, прекрасенъ, могущъ; онъ прославитъ, онъ осчастливитъ тебя... храни жь его, дитя мое! съ этой минуты наставленія мои тебѣ не нужны, такъ пусть же хоть благословеніе мое напутствуетъ тебя... Иди путемъ, указаннымъ тебѣ высшимъ промысломъ, и еще разъ прости ошибку старику...

— Отецъ мой, другъ! что̀ вы говорите? Вамъ ли просить у меня прощенія? въ чемъ?

— Я убивалъ въ тебѣ твой прекрасный талантъ...

— Талантъ... даръ... правда ли?.. О, еслибъ!.. Но скажите, какой погибелью грозили вы мнѣ и чего боялись, запрещая открывать шкафы, въ которыхъ таилось столько наслажденія?

— Анюта, ты не поймешь вполнѣ ни моихъ опасеній, ни причины моихъ поступковъ. Ангелъ невинности, ты не подозрѣваешь, какія страшныя несчастія есть въ мірѣ для женщинъ съ такимъ пламеннымъ воображеніемъ и съ сердцемъ, такъ полнымъ чувствъ! Всегда ли онѣ удовольствуются одними фантазіями? Достанетъ ли созданій твоей мечты для наполненія всей пустоты твоего существованія? Анюта, продолжалъ онъ горестно: — бѣдная моя Анюта, ты узнала то, о чемъ бы лучше не знать тебѣ! Ты ознакомилась съ мі-

ромъ великихъ подвиговъ, прекрасныхъ чувствъ; но тотъ міръ останется вѣчно для тебя затвореннымъ, и тѣми чувствами никогда не наслаждаться тебѣ...

—Но я уже наслаждаюсь, я счастлива ими! возразила Анюта, смотря съ удивленіемъ на старика.

— Счастлива? Да, въ своемъ воображеніи. А существенность, твоя страшная существенная жизнь, твоя будущность?..

— Не бойтесь за нее, мой другъ! Теперь я довольна, спокойна и не боюсь ничего въ будущемъ. Вы видите, какъ жизнь моя дѣлится на труды и отдохновенія, на горе и на святѣйшую отраду. Теперь я не изнемогу отъ труда, не источусь слезами отъ дневныхъ терзаній и непріятностей; мысль: прійдетъ ночь, прійдутъ забвеніе и утѣхи, поддерживаетъ меня ежеминутно! На мнѣ сбылось изреченіе Господа: «блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся». Болѣе другихъ плачу я днемъ, за то другимъ ночь посылаетъ только сонъ, а мнѣ—райскія видѣнія...

— Дай Богъ, чтобъ ничто не смутило ихъ. Но гдѣ жъ они, гдѣ твои прекрасныя творенія? Подай мнѣ все, все, что ты написала, Анюта; я хочу прочесть.

Дѣвушка повиновалась; старикъ долго читалъ, и плакалъ, и улыбался, какъ умиленное дитя; наконецъ склонился надъ столомъ и горько задумался... Анюта робко подошла къ нему; онъ молчалъ, будто не замѣчая ея присутствія.

— Вы обманулись, сказала она наконецъ боязливо: — вы... вамъ показалось... вы польстили мнѣ...

Гейльфрейндъ поднялъ голову; слезы опять блеснули въ его глазахъ.

—Нѣтъ, не обманулся я и никогда не сталъ бы тебя обманывать, Анюта! Прекрасенъ твой даръ... но гдѣ поприще, гдѣ цѣль и награда, указанныя ему на землѣ? Сестра по таланту и по душѣ этимъ великимъ поэтамъ, которымъ ты покланяешься, ты никогда не сравнишься долею съ ними!.. Мужчины! какъ огромны ваши преимущества, какъ благословенны ваши права! Вамъ открыты всѣ пути искусства, наукъ, поэзіи, славы... Немного терпѣнія, труда, непоколебимой воли—и вы можете всего достигнуть, тогда-какъ женщина, равная вамъ талантами и высоко-превосходящая васъ сердцемъ, должна прозябать въ пустынѣ, въ неизвѣстности, далеко отъ свѣта, отъ всѣхъ великихъ образцовъ, отъ всѣхъ средствъ къ ученію, котораго такъ жаждетъ душа ея, отъ-того только, что она женщина!.. И напрасенъ даръ ея, напрасны всѣ порывы къ усовершенствованію: однажды заброшенная судьбою въ глушь, она, какъ преступникъ, отверженный обществомъ, не вырвется болѣе ни къ свѣту, ни къ жизни; безъ общества, безъ впечатлѣній, безъ сочувствія, не видя и не

слыша ничего достойнаго себя, она истлѣетъ въ мракѣ; ни одинъ лучъ не озаритъ ума ея; ни одно дуновеніе не освѣжитъ сердца! Гдѣ же взять ей пищу своему воображенію? Гдѣ взять красокъ для богатыхъ узоровъ своей мечты? Все почерпая въ одной себѣ, все извлекая изъ одинокихъ думъ и чувствъ своихъ, она напишетъ пять, десять прекрасныхъ твореній и истомится сердцемъ, притупится умомъ, увянетъ, заглохнетъ, очерствѣетъ... Къ-чему же ты такъ щедро одаряешь ее, природа? На что даешь ей умъ, способности, таланты, и это постиженіе всего возвышеннаго, и это живое сочувствіе съ прекраснымъ?.. Но, правда, вѣдь не природа заслоняетъ женщинѣ предназначенный ей свыше путь! Люди, законы, общества, условія... сильнѣйшіе установили свои права; а многіе ли изъ нихъ пользуются ими? многіе ли стремятся по пути, такъ широко-открытому для нихъ!..

Старикъ забылъ, что передъ нимъ стояла Анюта; встревоженный предчувствіемъ ея судьбы, онъ мыслилъ вслухъ.

— Но... замѣтила она колеблясь: — я не понимаю вашего безпокойства, мой добрый другъ; на что̀ мнѣ эти преимущества, эти права, на что мнѣ и общество, которое вы такъ обвиняете?

— На то, что Господь послалъ тебѣ талантъ, и ты не должна зарывать его въ землю. Знаю, что не розами усѣянный путь предлагаю тебѣ, въ особенности здѣсь, въ сторонѣ почти дикой и непросвѣщенной, гдѣ женщина-поэтъ, женщина-писатель покажутся всѣмъ чуднымъ и даже страшнымъ звѣремъ; знаю, что много зависти, насмѣшекъ, клеветъ ожидаетъ тебя на поприщѣ литературы, много непрошенныхъ пріязней, много ядовитыхъ оскорбленій и оскорбительныхъ похвалъ. Но найдутся за то и добрыя созданія, которыя, протягивая тебѣ руку, скажутъ отъ сердца: «благодарю!» и втайнѣ благословятъ тебя за минуту своего наслажденія, за чистые отзвуки ихъ собственныхъ чувствъ. Къ-тому же, Анюта, ты бѣдна, ты въ крайности, у тебя есть мать, и само Провидѣніе посылаетъ тебѣ средство къ облегченію ея участи. Священная обязанность открывается тебѣ; ты не должна пренебрегать ею. Пиши и отдай мнѣ свои сочиненія. У меня есть еще одинъ другъ на свѣтѣ,—я пошлю ихъ къ нему, въ Петербургъ.

— Въ Петербургъ?.. И Анюта измѣнилась въ лицѣ.

— Да, въ Петербургъ; они должны быть напечатаны; тамъ только талантъ можетъ найдти себѣ безпристрастныхъ цѣнителей, тамъ поймутъ и, можетъ-быть, прославятъ тебя...

— Да къ-чему же все это? на что мнѣ эти безпристрастные цѣнители? на что мнѣ ихъ судъ и слава?

— Дитя, отвѣчалъ старикъ съ улыбкою:—знаешь ли, что талантъ можетъ обогатить тебя?

— Обогатить? эти несвязные урывки моихъ фантазій? Я не понимаю васъ!

Тогда Гейльфрейндъ принялся объяснять ей, какимъ образомъ вдохновеніе, излитое на бумагу, превращается въ товаръ; какъ книгопродавцы покупаютъ его, печатаютъ, пускаютъ въ обороты, чѣмъ доставляютъ поэту славу, и какъ въ-послѣдствіи эта слава становится капиталомъ, приносящимъ ему наличные проценты.

Анюта слушала его не прерывая; видъ ея дѣлался поминутно серьёзнѣе; опущенныя внизъ рѣсницы закрыли ей глаза.

— Понимаешь ли теперь? спросилъ старикъ, окончивъ свои изъясненія.

Анюта бросила ему укоризненный взглядъ и качала головою.

— И вы думали, что я пріиму такое предложеніе? произнесла она съ гордымъ достоинствомъ. —Вы могли вообразить, что я соглашусь продать эти думы, эти чувства, отблески моего рая, лучшую часть себя-самой,— продать, какъ продаю свои вязанья и вышиванья? Да знаете ли вы, чего отъ меня требуете? — Открыть передъ всѣмъ міромъ душу и сердце мое, созвать народъ и тѣшить его ихъ восторгами, слезами, страданіями, какъ представленіемъ кукольной комедіи за презрѣнную цѣну?.. О, Боже! Боже! прибавила Анюта горестно: — и въ вашемъ умѣ могла родиться такая грѣшная мысль, и вашъ языкъ могъ произнесть мнѣ такое оскорбленіе...

Напрасно старикъ старался оправдать свое намѣреніе, доказывая ей безгрѣшность и высокую пользу подобной торговли; напрасно говорилъ ей о быстромъ разлитіи идеи, о славѣ талантовъ, о народномъ просвѣщеніи.

— Перестаньте, замолчите! вы не убѣдите меня! прервала его съ возрастающимъ негодованіемъ Анюта. — Когда мать продастъ дитя, которое въ безотрадномъ горѣ вскормила кровью и слезами своими, съ которымъ играла, миловалась, тѣшилась и называла его своею жизнью, своимъ ангеломъ-утѣшителемъ... тогда, развѣ тогда... И не-уже-ли вы не понимаете, что это также дѣти мои, жизнь и отрада моей души? что я чту въ себѣ это вдохновеніе какъ даръ, ниспосланный мнѣ Богомъ въ утѣху и подкрѣпленіе на землѣ... И мнѣ продать... мнѣ отдать людямъ это сокровище за похвалы, за плату, недостойную его!.. Да и кто жь оцѣнитъ? какими рублями и копейками заплатятъ мнѣ за первый вольный вздохъ моей груди, за первыя радостныя слезы мои? Нѣтъ, не унижайте меня этими предложеніями; я не соглашусь ни за что... Прощайте!

— Постой, постой, Анюта, сказалъ еще Гейльфрейндъ, удерживая свою воспитанницу.—Ты забываешь высокую цѣль этой продажи: развѣ цѣль не облагораживаетъ средствъ? Ты можешь вывести мать свою изъ крайности, можешь успокоить ея предсмертные дни...

— Мать создала мое тѣло, и труды рукъ моихъ будутъ посвящены ей пока останется во мнѣ капля живой крови. Но душу безсмертную послалъ мнѣ Богъ, и ея произведеніями не могу торговать я ни для какой цѣли! Она свободна, она не принадлежитъ землѣ... Не удерживайте жь меня; прощайте!..

И Анюта какъ тѣнь скользнула въ дверь; старикъ долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею въ глубокой задумчивости.

ГЛАВА VI.

Comme l'illusion de la raison se joue!
Alf. de Vigny.

My fame, as my fortunes are
Of hasty growth and blight...
Childe Harold's Pilgr. Lord Byron.

Послѣ этого, Гейльфрейндъ нѣсколько времени не возобновлялъ болѣе съ Анютою разговора въ библіотекѣ, за то старался всѣми средствами ознакомливать ее съ существенною стороною ея поэтическихъ фантазій. Разсказывая ей о примѣчательнѣйшихъ поэтахъ или художникахъ, онъ объяснялъ ей ихъ условія, ихъ назначенье въ обществѣ, и описывалъ яркими красками славу, богатство и почести, пріобрѣтенныя ихъ талантами. Желая уменьшить восторженность ея понятій о жизни, онъ понемногу раскрывалъ предъ ней свѣтъ, представлялъ ей взаимныя отношенія людей, законы ихъ общежитія и часто говорилъ о ихъ обычаяхъ и забавахъ. Все это было чуждо и ново Анютѣ; она съ жадностью слушала разсказы старика и непримѣтно измѣняла нѣкоторыя изъ своихъ мнѣній. Невинная и неопытная, какъ новорожденное дитя, воспріимчивая сердцемъ, она легко покорялась всѣмъ впечатлѣніямъ, обольщавшимъ ея воображеніе, и въ особенности впечатлѣніямъ, производимымъ въ ней человѣкомъ, которому умъ ея такъ привыкъ повиноваться и безусловно вѣрить.

Но прошло нѣсколько недѣль; Гейльфрейндъ опять началъ намекать Анютѣ объ изданіи въ свѣтъ ея сочиненій, и представлялъ ей съ одной стороны ужасное положеніе ея матери и ея собственную труженическую жизнь, обольщалъ съ другой яркими приманками славы и возвышенія. Бѣдный старикъ, восхищенный талантомъ своей питомицы, слишкомъ увлекался любовью къ ней, и голова его закружилась. Обманувшись сперва въ расположеніяхъ ея ума, онъ вторично обманывалъ себя и несбыточными надеждами, которыя, лаская день и ночь въ душѣ своей, онъ успѣлъ обратить въ твердую увѣренность, въ фактъ, который не могъ не совершиться. Смотря на прекрасное, имъ взлелѣянное созданіе и такъ дивно одаренное при-

родою, онъ говорилъ себѣ: «Не можетъ быть, чтобъ дѣвушка съ такимъ талантомъ и умомъ не обратила на себя вниманія просвѣщеннаго свѣта; не можетъ быть, чтобъ здѣсь была назначена ей безславная жизнь и неизвѣстная могила...»

И, безпрестанно перечитывая стихотворенія своей Анюты, онъ молодѣлъ, оживалъ духомъ; старикъ, простившись навсегда съ жизнью и ея радостями, забывъ надежду и мечты, едва не перерождался снова въ юнаго, мечтательнаго студента, полнаго упованій, честолюбія, вѣры въ прекрасное будущее, но только не для себя!.. Горько, унизительно было его пресмыканіе въ мірѣ; онъ видѣлъ уже передъ собой раскрытый гробъ; но осчастливь Провидѣніе Анюту, пошли ей долю достойную ея, — и онъ помирился бы съ своимъ прошедшимъ; ступая въ могилу, онъ благословилъ бы свою судьбу.

Мать Анюты не вставала болѣе съ постели; докторъ ближняго уѣзднаго городка брался ее вылечить; но для этого нужны были средства, деньги; старушка горько плакала и роптала; Анюта, страдая втайнѣ, никогда не жаловалась; а мать, принимая ея молчаніе за равнодушіе, не разъ осыпала ее укорами.

Въ то же время разнесся слухъ, будто графиня хочетъ наконецъ посѣтить свое имѣнье; она прислала изъ Петербурга новаго управителя, человѣка суроваго и обремененнаго большимъ семействомъ; онъ объявилъ бѣдной вдовѣ, что флигель, занимаемый ею, необходимъ для его собственнаго помѣщенія, и отвелъ ей простую крестьянскую хату. Въ тотъ годъ зима была необыкновенно-холодна, хлѣбъ повышался въ цѣнахъ, всѣ берегли лишнюю копейку на черный годъ, и къ Анютѣ никто почти не обращался съ заказами рукодѣлья. Она трудилась, бѣдная дѣвушка; никакая работа не казалась ей унизительною, никакой трудъ тяжелымъ; нерѣдко терпя и холодъ и голодъ, она старалась только охранить свою больную мать отъ этихъ страданій, и однажды сказала Гейльфрейнду, подавая ему исписанную тетрадь:

— Вотъ мое единственное сокровище, возьмите... продайте, дѣлайте съ нимъ, что хотите, только бы помощь... скорѣе, скорѣе!.. Она не подымала глазъ, отворачивалась отъ драгоцѣннаго свертка, будто страшась поколебаться въ своей рѣшимости, и тайкомъ утирая слезы.

Гейльфрейндъ старался успокоить и обнадежить ее, но Анюта не слышала его утѣшеній, и, прощаясь съ нимъ, сказала шопотомъ, указывая себѣ на грудь:

— Мнѣ кажется, какъ-будто что то оторвалось у меня здѣсь!..

Гейльфрейндъ съ первою почтою отослалъ ея стихотворенія къ своему пріятелю въ Петербургъ, и заранѣе принялся въ часы досугов писать біографію своей воспитанницы.

Снѣгъ стаялъ, на поляхъ пробивала зеленая травка, когда Гейльфрейндъ получилъ изъ Петербурга письмо,—и какое письмо! Старикъ плакалъ и чуть не прыгалъ отъ радости.

— Анюта, Анюта! кричалъ онъ, вбѣгая въ ея бѣдное жилище: — Анюта, дочь моя, моя утѣха! посмотри, что̀ пишутъ мнѣ изъ Петербурга, ка̀къ приняли твои творенія тамъ, гдѣ вкусъ возвышенъ, просвѣщенъ... тебя тамъ поняли и оцѣнили...

Въ-самомъ-дѣлѣ, старый товарищъ Гейльфрейнда писалъ ему весьма-дружески, что плохо зная поэзію и русскій языкъ, онъ отдалъ присланныя ему стихотворенія одному извѣстному литератору, который остался ими очень доволенъ, и даже прочелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ обществѣ знакомыхъ ему любительницъ и любителей поэзіи, что многіе пришли отъ нихъ въ восторгъ, провозгласили Анюту феноменомъ, геніемъ, русскою Сафо, второю Елисаветою Кульманъ, и очень любопытствовали узнать подробности жизни и воспитанія дѣвушки съ такимъ удивительнымъ талантомъ. Что жь касается до печатанія ея стихотвореній, то корреспондентъ Гейльфрейнда прибавлялъ, что петербургскіе книгопродавцы не берутся издавать ихъ на собственномъ иждивеніи, а предлагаютъ г-жѣ сочинительницѣ напечатать ихъ на свой счётъ и поручить имъ продажу готовыхъ экземпляровъ. Журналисты же готовы помѣстить всѣ произведенія столь замѣчательнаго таланта въ своихъ журналахъ, но они имѣютъ обыкновеніе платить за стихи однимъ только извѣстнымъ и уже прославленнымъ публикою поэтамъ.

Этотъ періодъ письма не совсѣмъ понравился Гейльфрейнду, но онъ не показалъ его Анютѣ. Зачѣмъ было пятнать хоть малѣйшимъ облакомъ въ первый разъ вспорхнувшую въ ней надежду? Къ-томужь, упоенный радостью, онъ старался обмануть самого-себя увѣреніями, что главное дѣло сдѣлано, талантъ Анюты признанъ, а плата, деньги прійдутъ своимъ чередомъ, и должны прійдти непремѣнно.

Съ-тѣхъ-поръ, посвящая все свободное время свое Анютѣ, онъ безпрестанно ласкалъ ее успѣхами, предрекалъ ей блестящую будущность, и говорилъ:

— Вотъ пріѣдетъ графиня; до нея вѣрно еще въ столицѣ дойдетъ имя дочери ея бывшаго управителя; она призоветъ къ себѣ Анюту, полюбитъ ее, можетъ-статься, обезпечитъ судьбу ея матери, возьметъ ее съ собой въ Петербургъ, а тамъ нѣтъ больше препятствій, — всѣ пути открыты геніальной дѣвушкѣ; тамъ талантъ ея усовершенствуется, знаніе свѣта откроетъ ея способностямъ новый родникъ, и она засіяетъ яркою звѣздою на горизонтѣ русской литературы, и первые поэты братски протянутъ ей руки, и въ обществѣ ласкамъ и вниманію къ ней конца не будетъ...

Бѣдный старикъ! онъ не видалъ, ка̀къ опасно кидать въ сердце

еще невинной дѣвушки жгучую искру честолюбія и опасную самонадѣянность. Съ твердымъ упованіемъ въ ея прекрасное будущее, онъ раскалялъ въ ней несбыточныя грёзы... Онъ никогда не зналъ свѣта по опыту, а въ своей горькой, бродячей долѣ забылъ послѣднее, что̀ зналъ!

Анюта молчала, почти не подымала глазъ отъ радости, и игла съ прежней быстротою мелькала въ ея пальцахъ; только трепетное дыханіе, да румянецъ, гость рѣдкій на ея лицѣ, обличали въ ней сильное волненіе крови.

Слава! лучезарный ореолъ безсмертія, зажигаемый надъ головами Богомъ–избранныхъ благословеніями и благодарными слезами людей; яркая, но мимолетная зарница, освѣщающая праздныхъ любимцевъ фортуны; звѣзда непотухающая, хоть поздо зажигающаяся надъ могилами геніальныхъ непризнанныхъ при жизни тружениковъ; магнитъ юности, неуловимый огонекъ безталантнаго честолюбія, слава, ты заронила зерно обольщенія въ грудь бѣдной дѣвушки, ты закружила и ея голову!

Незнакомая съ обманчивой наружностью свѣта и съ ложными названіями, такъ щедро расточаемыми въ немъ, она не знала, что есть особый родъ славы, который не блеститъ, не грѣетъ и весь заключается въ нѣсколькихъ печатныхъ похвалахъ, не всегда добросовѣстныхъ, въ ничтожной извѣстности, въ пустыхъ словесныхъ комплиментахъ и любопытныхъ взглядахъ, болѣе недоброжелательныхъ, чѣмъ ласкающихъ. Отъ дѣтства угнетенная, ожесточенная незаслуженнымъ пренебреженіемъ людей, она сроднила въ душѣ своей мысль о славѣ съ ихъ любовью и дружествомъ. Не удивленія жаждала она, а ласки, не возвышенія, а только равенства въ обществѣ, и, порою, добродушнаго привѣта, да отвѣтнаго взора на ея исполненный любви и желанія добра взоръ.

Къ-тому же, кто не жилъ въ глуши, въ совершенномъ отчужденіи отъ свѣта, тотъ не знаетъ, какую магическую силу притяженія имѣетъ этотъ шумный, пестрый, блестящій свѣтъ для невольныхъ отшельниковъ, заживо-погребенныхъ въ пустынѣ. Подобно всѣмъ далекимъ предметамъ, онъ еще увеличивался и украшался въ воображеніи Анюты; она представляла его себѣ почти столько же прекраснымъ, хоть не такъ эѳирнымъ, какъ ея идеальные міры, и населяла его людьми, въ которыхъ простодушно видѣла образцы героевъ и героинь, снятыхъ будто-бы съ натуры въ тѣхъ же обществахъ ея любимыми поэтами. А звучные оркестры, театры, сады, геніальныя произведенія художествъ, и даже холодныя громады зданій, даже безсмысленное движеніе толпы, все влекло ее къ себѣ неодолимою прелестью,—она жила въ пустынѣ; оглядываясь, она во всю жизнь свою видѣла только безбрежную степь, охваченную и какъ-бы сда-

вленную горизонтомъ, и только въ фантазіяхъ рисовала себѣ лѣса, рѣки и цѣпи горъ. Прежде она вздыхала по недостижимомъ, но, оживленная надеждою, теперь она во снѣ и на яву рвалась къ тѣмъ людямъ, къ той природѣ, и не разъ твердила: «Туда, туда! хоть разъ обнять ихъ взоромъ и душою, и послѣ хоть умереть, только бы не здѣсь, подальше, подальше отъ этихъ степей...»

Вотъ что̀ представлялось Анютѣ сквозь чарующую призму славы, что̀ обольщало ее и такъ сильно кружило ей голову, что, несмотря на возрастающія нужды и труды, ночныя пѣсни ея еще дышали упованіемъ и первою надеждою на счастіе, — она не знала ни счастія, ни надеждъ души.

Между-тѣмъ время летѣло, а корреспондентъ Гейльфрейнда молчалъ; напрасно старикъ лишалъ себя необходимѣйшаго, чтобъ собирать плату на почту и еженедѣльно писалъ въ Петербургъ, — тамъ о произведеніяхъ Анюты забыли такъ же, какъ о существованіи ея на землѣ.

Тогда Гейльфрейндъ съ горестью понялъ всю опрометчивость своего поведенія съ Анютой, и замѣчалъ, что ея минутное оживленіе также смѣнялось ея прежнимъ уныніемъ. Какъ провинившійся, онъ началъ избѣгать разговоровъ съ нею наединѣ. Его первое заблужденіе лишило ее только минутныхъ утѣхъ; второе — грозило ввергнуть въ отчаяніе. А онъ зналъ по опыту, что въ несчастіи одна потерянная надежда горче цѣлой жизни безнадежности... Но даже посреди этихъ сомнѣній и опасеній, перечитывая иногда произведенія Анюты, Гейльфрейндъ не могъ не увлекаться своею вѣрою въ будущность, свыше ей опредѣленную.

— Нѣтъ, не безъ цѣли зажигается небесный огонь на землѣ, не этимъ пѣснямъ смолкнуть въ безотзвучной пустынѣ!.. твердилъ онъ мысленно; и если послѣ этого случалось ему встрѣчаться съ Анютой, онъ не обольщалъ ея, какъ бывало, блистательными предвѣщаніями, а только тихо произносилъ: — Анюта, не унывай, пиши, Богъ справедливъ!

И онъ уходилъ, боясь опять увлечься своей любовью къ ней, а Анюта, украдкою вздыхая, качала головой, и не разъ отирала съ щеки невольную слезу.

— Анюта! говорилъ ей старикъ: — знаешь ли, что̀ мнѣ приходитъ иногда въ голову? Можетъ-быть, твоихъ стихотвореній не печатаютъ потому только, что ихъ мало; если бы собрался цѣлый томъ, книгопродавцы купили бы ихъ и напечатали... пиши...

Онъ говорилъ, — и осеннія тучи тѣснились на небѣ, крупный дождь, пробиваясь сквозь гнилую соломенную кровлю, разливался узорами по потолку; вѣтеръ съ свистомъ дулъ въ щели оконъ, и огонекъ едва переливался въ печи по сжокшему хворосту. Темно, сыро, холод-

но было въ жилищѣ Анюты; какъ въ безотрадной жизни, все было пусто кругомъ, и посреди могильной тишины изъ-за перегородки неслись къ ней по временамъ стоны ея больной матери...

Гдѣ же средство согрѣть морозный воздухъ хаты, изсушить въ ней сырость, развесть огонь и облегчить страданье измученной старушки; быть можетъ, даже утолить ея голодъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ... нигдѣ... ни въ чемъ...

Тогда Анюта съ судорожнымъ трепетомъ хваталась за перо, и не разъ слезы разводили ея чернила; не вдохновеніе, а муки сердца и страданія тѣла водили ея перомъ... пальцы ея коченѣли, глаза едва различали буквы, слабо свѣтилъ ея ночникъ, мутно мелькали въ головѣ мысли... нужды нѣтъ, она писала!...

Писала! но гдѣ прежніе восторги, прежній пылъ ея стиховъ? гдѣ надежды, гдѣ радостныя слезы, гдѣ свѣтлыя мечты? — Прошли, прошли! Все измѣнилось, все исчезло!

Была пора, въ душѣ Анюты таилось зернышко, — Богъ знаетъ, бурею или весеннимъ вѣяніемъ заброшенное въ нее; — оно крѣпло, зрѣло, незамѣтно пускало ростки и наконецъ выросло, расцвѣло. Съ какимъ восторгомъ ощутила его въ себѣ Анюта, кàкъ свято хранила отъ взоровъ людскихъ, кàкъ упоялась его райскимъ благоуханіемъ, и, поливая его только въ ночную пору своими радостными слезами, забывала съ нимъ всю скудость своего бытія!

Пришла другая пора: явился незваный гость и сказалъ:—дай насладиться людямъ ароматами твоего цвѣтка, подѣлись съ ними твоимъ сокровищемъ, и они воздадутъ тебѣ за то любовью, славою, счастьемъ... Бѣдная дѣвушка повѣрила ему; земныя искры ослѣпляли ея глаза, и она продала лучшій цвѣтъ видѣній своихъ, — ихъ таинственность и блескъ за блескъ самыхъ непрочныхъ надеждъ. Еще разъ сладко забилось ея сердце, еще разъ мелькнуло ей счастіе, счастіе только воображаемое, но и то скрылось падучею звѣздою, и погасло земное сіянье въ глазахъ ея, какъ погасла искра святыни въ душѣ.

Да, ея прекрасныя грёзы, ея блаженные сны, минуты ея преображенія изъ человѣка въ чистѣйшій духъ, все разсѣялось съ-тѣхъ-поръ, кàкъ возникъ въ ней неумолкаемый голосъ: «пиши, пиши; ты должна писать!»

Когда, благоговѣя передъ поэзіей, она тайкомъ прокрадывалась въ свой темный уголокъ, и тамъ не призывала вдохновенія, а, отдаваясь ему и сердцемъ и умомъ, уносилась безъ собственнаго вѣдома въ волшебную обитель идеаловъ, вдохновеніе слетало къ ней свободнымъ и радостнымъ, играло съ ея воображеніемъ, ласкало ея сердце, и улетая, оставляло по себѣ лучъ мира и тихаго веселія въ душѣ ея.

Теперь она не могла болѣе увлекаться съ прежней беззаботностью

своими фантазіями и тѣшиться ими безсознательно, спокойно, забывая все, что окружало ее; нѣтъ, теперь одна воля, недремлющая, суровая воля правила ея вдохновеніемъ, насильно исторгала чувства у ея сердца, вымучивала идеи у воображенія, и эта воля была не дочерью духа вольнаго и могучаго, а рабынею горькой нужды!

За то не на радость перенеслась Анюта отъ міра вещественнаго къ поэтическому. Когда бѣдность и горе ея до того усиливались, что свѣтъ темнѣлъ въ ея глазахъ, она съ отчаяньемъ взглядывала на перо, на бумагу,—и странное безпокойство овладѣвало ею—безпокойство, сходное съ тѣмъ, которое проявляется у ясновидящихъ передъ ихъ насильственнымъ сномъ, какъ-будто въ страданіи тѣлесномъ и душевномъ ей не хотѣлось обновлять въ себѣ третьяго, безотчетнаго страданія, не хотѣлось вызывать призраковъ, которые, отуманивъ на минуту ея голову и растревоживъ всѣ ощущенія сердца, еще безжалостнѣе заставляли ее разсматривать во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ наготу, язвы ея жизни, надежды, поблекшія при самомъ расцвѣтѣ, и одну, постоянную спутницу ея — скорбь.

И однакожь она писала. Гейльфрейндъ не восхищался болѣе, а плакалъ надъ ея пѣснями, слыша въ ихъ звукахъ только стонъ; но тѣ стоны изливались прекрасными стихами; Гейльфрейндъ отсылалъ ихъ въ Петербургъ и не получалъ никакого отвѣта.

Анюта никогда не жаловалась; но онъ укорялъ себя въ ея тайныхъ страданіяхъ, во всякомъ слѣдѣ ея слезъ, и изнемогалъ отъ горести. Вскорѣ болѣзнь уложила его въ постель, съ которой онъ больше не вставалъ.

Недѣли двѣ Анюта металась между больной матерью и своимъ умирающимъ наставникомъ; онъ рѣдко говорилъ съ нею, и только въ минуты, когда она не могла видѣть его, устремлялъ на нее горестный взоръ, и не сводилъ глазъ съ ея лица, пока слезы не заставляли ихъ смыкаться.

О чемъ задумывался, о чемъ плакалъ старикъ? Сожалѣніе объ Анютѣ, или позднее раскаянье грызло его душу? Видя, какъ рано блекло это нѣжное созданіе, незнавшее расцвѣта на негостепріимной землѣ, не укорялъ ли онъ себя въ томъ, что просвѣтилъ умъ и утончилъ чувства дѣвушки, которая, быть-можетъ, была бы счастливѣе въ невѣжественномъ состояніи своихъ отцовъ? И въ-самомъ-дѣлѣ, къ-чему ей послужили ея познанія? Что доставила способность все постигать и чувствовать лучше другихъ? Онъ снялъ плеву съ глазъ ея, и ей представилась во всемъ ужасѣ, во всей отвратительной пустотѣ яма, опредѣленная ей въ жилище на землѣ. Онъ возвысилъ ея понятія, и люди, съ которыми ей суждено было проводить жизнь, показались ей грубыми твореніями, слѣпыми и глухими для всего, что Богъ создалъ прекраснаго. Онъ очистилъ отъ ржавчины ея серд-

це, и оно сделалось нежнымъ, чувствительнымъ, болезненно-впечатлительнымъ: всякое прикосновенie заставляло его содрогаться, всякiй звукъ находилъ въ немъ отголосокъ, и не было мысли даже въ ея собственномъ уме, которая не пробуждала бы въ немъ ответнаго ощущенiя.

Такъ не эти ли размышленiя волновали душу старика, когда онъ крепко жалъ руку Анюты въ своихъ слабеющихъ рукахъ? А можетъ-быть, ступая въ могилу, онъ невольно обращалъ взоръ къ своей разгульной юности, полной успеховъ, любви, всехъ наслажденiй семейныхъ и общественныхъ. и, вследъ за счастiемъ своимъ, сгинувшимъ быстрее тумана утренняго, виделъ не жизнь, а призракъ, остовъ жизни человеческой, истерзанной страстями, нищетой, презренiемъ людей... Быть-можетъ, дыша тяжелымъ воздухомъ хаты, одинъ на грубомъ одре, онъ несся мыслiю къ солнцу своей родины, то въ светлыя университетскiя залы, то въ тихую обитель, где у колыбели двухъ малютокъ манила его къ себе жена, спокойствiе, рай на земле... Но нетъ! Даже въ предсмертный часъ не было у него ни думы, ни чувства для себя, — передъ нимъ стояла Анюта!

Къ ночи, старикъ началъ тяжеле дышать, метаться и боязливо озираться кругомъ; взоръ его часъ-отъ-часу становился тусклее. Онъ силился что-то сказать, но слова замирали на языке его; какъ-будто желая, онъ въ то же время боялся выразить свою последнюю мысль, и она мучила, преследовала его. Въ предсмертной тоске, онъ молился, какъ можетъ только молиться праведникъ или глубоко-покаявшiйся грешникъ. Наконецъ, чувствуя приближенiе своей кончины, онъ произнесъ отрывистымъ голосомъ:

«Анюта, я покидаю тебя... Ты останешься здесь одна... Не отчаявайся, дитя мое... Ты еще такъ молода; будущее твое такъ велико; терпенiе, твердость и упованiе... Объ одномъ молю тебя: старайся побороть эту страшную силу мечтательности... Она опасна... Играй, тешься поэтическими идеалами, но не изнывай по недосягаемомъ... Твои чистыя фантазiи—дети неба, а небеснаго не осуществить на земле: ни истинному счастiю, ни истинно-прекрасному нетъ на ней прiюта! Не зови же, не жди напрасно совершенства... Ты найдешь его разве — тамъ!.. Когда же прiедетъ графиня, старайся заслужить ея милость... Она богата, счастлива... Можетъ-быть, она протянетъ тебе руку... Кому же быть милостивыми, какъ не счастливымъ!..» Старикъ остановился и, помолчавъ, произнесъ съ горестью: — «Бедное, бедное дитя! не-уже-ли ты никогда не узнаешь лучшей доли?.. Не-уже-ли нетъ для тебя и искры радости на земле?.. Анюта! продолжалъ онъ съ трепетомъ и заметнымъ измененiемъ въ лице: — Анюта, иногда мне кажется, что я невольно былъ причиною твоихъ горестей... Богъ видитъ, какъ искренно,

какъ много я желалъ тебѣ добра!.. Ты несчастлива, судьба жестоко тебя преслѣдуетъ... Но если я подлилъ хоть каплю горечи къ твоимъ страданіямъ... прости, прости, и въ черный день не проклинай твоего друга!..

Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ.

Когда ласки и утѣшенія Анюты успокоили ѐго, онъ еще разъ благодарилъ ее за попеченія объ немъ, за привязанность, за свѣтлыя минуты, которыми она украсила ѐго старость, и, благословивъ ее, впалъ въ усыпленіе.

Около часу царствовала въ хатѣ мертвая тишина, нарушаемая только хрипливымъ дыханіемъ больнаго. У изголовья его теплилась желтая восковая свѣча. Анюта стояла подлѣ, и кто увидѣлъ бы въ эту минуту ея высокій, тонкій станъ, печально-опущенную голову, рѣсницы, влажныя отъ слезъ, ея лице блѣдное, до того исполненное грусти, что улыбка радости казалась на немъ невозможною, тотъ могъ счесть ее ангеломъ смерти, слетѣвшимъ съ небесъ, чтобъ принять въ лоно свое душу, отстрадавшую на землѣ.

Вдругъ старикъ встрепенулся, взглянулъ на свою воспитанницу, и собираясь съ послѣдними силами, прошепталъ:

— Я отхожу... Анюта... О, Боже мой... что ожидаетъ тебя?..

Съ этими словами онъ устремилъ на нее острый, блестящій чуднымъ выраженіемъ взоръ, и—открылась ли ему въ напечатленныхъ чертахъ дѣвушки опредѣленная ей судьба, или душа его, освобождаясь отъ оковъ земныхъ, получила силу предвидѣнія, только, казалось, вопросъ его не остался безъ отвѣта; онъ успокоился, опустилъ глаза; когда же, минутъ десять спустя, опять обратилъ ихъ къ Анютѣ, изъ устъ ѐго вмѣстѣ съ послѣднимъ дыханіемъ вылетѣло:

— До свиданія!

ГЛАВА VII.

La poésie est faite quelquefois par des gens d'esprit; mais qui la prend au sérieux? Quelques sots!

Opinion d'un homme du monde.

Ce n'est ni la santé, ni la fièvre de la maladie... C'est la Folie!..

Sentence du Docteur noir.

Ils se sont tous levés contre moi; comment voulez-vous que je resiste à tous? moi seul, moi qui ne suis rien et qui n'ai rien au monde qu'une pauvre plume, et qui manque d'encre quelquefois?

Alf. de Vigny.

Годъ, или два ранѣе, смерть Гейнъ-рейнна привела бы Анюту въ отчаяніе; она рвалась бы надъ трупомъ человѣка, замѣнявшаго ей

родителей и друзей. Но теперь сердце ея такъ свыклось съ горестью, духъ упалъ такъ глубоко, что она не умѣла болѣе ни рыдать, ни отчаяваться. Съ тихими слезами Анюта проводила тѣло своего наставника на курганъ, усѣянный крестами, бросила горсть земли на его досчатый гробъ, и возвратилась къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ. По наружности, ничто не измѣнилось въ ея существованіи.

Да и чему было мѣняться? Развѣ была у нея наружная жизнь?

Однообразныя занятія, однообразный трудъ; бѣдность, неизбѣжныя потери и огорченія,—вотъ что̀, по-видимому, было удѣломъ Анюты, удѣломъ обыкновеннымъ большей половины людей, которые родятся, живутъ и умираютъ, не внушая никому ни участія, ни состраданія, потому-что ихъ несчастія не представляютъ свѣту ничего поразительнаго, ни даже просто любопытнаго. Внутренней жизни этой дѣвушки никто не могъ подозрѣвать. Да еслибъ и узнали о ней, многіе ли были бы въ состояніи понять, что межь людьми такъ же, какъ въ царствѣ растеній, есть странныя творенія, прозябающія безъ дѣйствія, безъ цвѣта, безъ красы, въ которыхъ вся сила бытія скрыта непроницаемо-глубоко и весь жизненный процессъ совершается тайно и незамѣтно для самыхъ опытныхъ наблюдателей?

И многіе ли повѣрили бы, что въ глубокомъ одиночествѣ, въ тиши самаго безстрастнаго существованія можно жить жизнью дѣятельною, кипучею, пройдти чрезъ всѣ оттѣнки чувствъ, узнать и бурю думъ, и бурю ощущеній, таять въ восторгѣ, плакать кровавыми слезами, всего надѣяться, все потерять, и, преждевременно состарѣвшись умомъ, увянуть сердцемъ, безъ возможности втораго воскресенія?

Анюта прошла всю эту жизнь, быстро отжила пору ея цвѣтенія и скорыми шагами приближалась къ своей ранней осени!

Со смерти Гейльфрейнда, послѣднія надежды на будущее погасли. Нѣкому было ободрять ее въ минуты унынія, оживлять въ ней упадающую вѣру въ ея прекрасный даръ и говорить о обѣтованной землѣ, гдѣ поэзія и таланты зрѣли, какъ драгоцѣнные плоды, въ сѣни благотворнаго просвѣщенія. Слава, волшебные края, любовь родныхъ ей по сердцу людей, все, что̀ манило ее къ себѣ, о чемъ такъ сладко мечтала она и что̀ уже готовилась назвать своимъ, мелькало ей теперь въ прошедшемъ мутно и блѣдно, какъ чары когда-то обаявшаго ее сна. Да, все то было сонъ, пустая греза, сгинувшая прежде пробужденія. И не во снѣ ли назвали ее поэтомъ? Не во снѣ ли сходило къ ней вдохновеніе, которое сначала въ блаженномъ невѣдѣніи она принимала за откровеніе небесъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, этого одного не могла отнять у нея существенность; ея даръ остался съ нею, онъ живъ и имъ только еще трепещетъ ея сердце...

Мать часто журила Анюту за ея ночныя занятія и въ гнѣвѣ пророчила ей: «Ты помѣшаешься на книгахъ!» и въ то же время Анютѣ будто кто-то шепталъ на ухо умирающимъ голосомъ: «Побори свою мечтательность,—она опасна,—небеснаго не осуществить на землѣ!»

При этомъ воспоминаніи, кровь замирала въ жилахъ бѣдной дѣвушки, и она твердила про себя:

— Не писать? побороть въ себѣ мечтательность? чего они требуютъ отъ меня? Развѣ моя поэзія не дитя этой мечты? Сохраня ароматъ, уничтожая цвѣтокъ, издающій его... Или все оставить, все побороть, и жить... Какъ жить?.. Нѣтъ, невозможно!

И трепещущей рукой она ласкала свои тетради и перо.

Однажды утромъ, Анюта, возвратясь домой изъ сосѣдняго села, съ удивленіемъ увидѣла въ убогой хижинѣ управителя, который, не смотря на свою гордость и званіе столичнаго жителя, очень-дружески разговаривалъ съ ея матерью и перебиралъ какія-то бумаги. Старушка, казалось, забыла свою болѣзнь, сидѣла, не охала и смотрѣла вокругъ, какъ-будто свѣтъ Божій для нея переродился.

— Поди сюда, Анюта, закричала вдова своей дочери, завидѣвъ ее въ дверяхъ: — поди, благодари; Господь посылаетъ намъ избавителя...

Но Анюта, не слушая ея, съ воплемъ прыгнула къ столу, — она узнала въ рукахъ управителя свои стихотворенія.

Онъ отвернулся отъ нея съ насмѣшкою, и, пожимая плечами, бросилъ старушкѣ значительный взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ сказать: «Вотъ видите, я говорилъ вамъ правду.»

— Погодите, погодите, мой батюшка! торопливо сказала старушка. — Я вѣдь и не таилась, что она у меня такъ, какъ-то чудная, Богъ съ ней! Да она добрая дочь, и, право, во всемъ меня послушаетъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, она сообщила дочери, что г. управитель предлагаетъ имъ обѣимъ перейдти къ нему въ домъ, на его полное содержаніе, и обѣщаетъ даже посылать для нея въ городъ за докторомъ и лекарствами, съ тѣмъ, чтобъ Анюта учила его дѣтей и присматривала за ними.

— Это благодать Господня, Анюта, говорила ей мать:— меня вылечатъ, и мы не будемъ больше терпѣть ни нужды, ни холоду.

— Хорошо, хорошо... но зачѣмъ здѣсь эти бумаги? какъ попались онѣ сюда? твердила бѣдняжка сквозь слезы, собирая на столѣ и подъ столомъ разсѣянные лоскутки своихъ твореній.

Старушка опять переглянулась съ управителемъ.

— До меня дошелъ слухъ, сказалъ онъ тогда, съ важностью вставая съ мѣста:—что вы нерѣдко цѣлыя ночи проводите за чтеніемъ и писаніемъ, и я пожелалъ видѣть, что такое вы пишете. Теперь, про-

смотрѣвъ весь этотъ вздоръ, продолжалъ онъ, съ пренебреженіемъ указывая па ея тетради: — я вспомнилъ, что еще покойный Гейльфрейндъ говорилъ мнѣ о вашей слабости. Онъ дурно поступилъ съ вами, онъ много виноватъ, но... можетъ-быть... зло можно еще поправить; вы хорошо знаете французскій и нѣмецкій языки, ариѳметику, законъ Божій; и такъ, если вамъ угодно заниматься моими дѣтьми, я обѣщаю обезпечить васъ отъ нужды. Но полагаю притомъ одно необходимое условіе: вы должны клятвенно обѣщать мнѣ, что совершенно оставите и ваши ночныя сидѣнія, и эти стишонки, и даже чтеніе книгъ, которыя только разстроиваютъ вашу голову. Впрочемъ, въ послѣднемъ вы и безъ того должны отказать себѣ, потому-что при перестройкѣ дома я долженъ привесть въ порядокъ всѣ книги ея сіятельства и запереть библіотеку. Прощайте; поговорите объ этомъ съ своей матушкой, и завтра утромъ пріидите сказать мнѣ, принимаете ли вы мои предложенія.

Онъ поклонился и вышелъ. Анюта осталась посреди комнаты едва дыша, какъ-будто громъ небесный обрушился надъ нею. Долго увѣщевала её мать, просила, плакала и сердилась; но Анюта какъ-будто ничего не слышала, и разъ только, на усиленныя просьбы старушки, произнесла медленно и тихо:

— Не для васъ ли только я живу на свѣтѣ? Не вамъ ли отдаю свои труды, здоровье, силы?.. А вы хотите... вы хотите отнять у меня... мою жизнь.

И цѣлый день она ходила какъ помѣшанная, не видя и не слыша ничего вокругъ себя.

Вечеромъ, когда, уложивъ старушку въ постель, Анюта хотѣла съ нею проститься, она опять бросилась на шею дочери, съ мольбами — не лишать ея спокойствія на старости лѣтъ и не отказываться отъ своего собственнаго счастія.

— Поди завтра къ управителю, мое дитятко, голубка моя, поклянись ему, что не возьмешь больше въ руки этихъ проклятыхъ книгъ, поклянись хоть на одинъ только годъ... сердце мое чуетъ, что онѣ не доведутъ тебя до добра. Авось либо въ годъ я поздоровѣю, станемъ работать вдвоемъ; а не то закрою глаза,—тогда дѣлай, что хочешь.

Она молила Анюту и обливала горькими слезами ея голову; замѣтно было, что не одинъ эгоизмъ внушалъ ей эти моленья: сердце матери участвовало въ нихъ.

Въ ту ночь, Анюта не ложилась спать. На разсвѣтѣ она развела огонь; яркое пламя вспыхнуло въ печи, и когда, минуту спустя, начало гаснуть, раздались чьи-то глухія рыданія. Старушка спала крѣпкимъ сномъ и ничего не слыхала...

Утромъ, Анюта пошла къ управителю, отнесла ему всѣ свои кни-

ги, согласилась на всѣ его условія и въ тотъ же день переселилась съ матерью къ нему въ домъ.

Съ тѣхъ поръ жизнь ея потекла спокойнѣе; труды ея уменьшились, горькія заботы исчезли; строго выполняя свою обязанность, она не отходила отъ рѣзвыхъ дѣтей; но никогда ихъ шалости не выводили ея изъ терпѣнія, никогда ихъ ласки, ни самыя забавныя проказы не вызывали улыбки на лицо ея; всегда холодная, спокойная и молчаливая, она казалась олицетвореніемъ отчаянной покорности судьбѣ.

Такъ прошли осенніе мѣсяцы, такъ прошла зима. Съ наступленіемъ весны, все семейство управителя начало замѣчать въ наружности и въ поступкахъ Анюты странныя перемѣны. Она худѣла, ослабѣвала, по нѣскольку разъ въ день лицо ея покрывалось то смертною блѣдностью, то самымъ яркимъ, огненнымъ румянцемъ, и въ эти минуты такое одушевленіе горѣло въ ея глазахъ, они такъ играли, такъ искрились, какъ-будто въ нихъ сосредоточивались всѣ ея жизненныя силы.

Безпрестанно занятая, она со всякимъ днемъ заботливѣе избѣгала минуты праздности, будто злѣйшаго своего врага; въ безпрерывныхъ занятіяхъ, въ безпрерывномъ движеніи, поминутно выдумывая себѣ новые труды, она трудилась, работала; но эти работы, казалось, не удовлетворяли ея, она съ жадностью бросалась къ другимъ, и всѣ онѣ были равно слабы, равно ничтожны: потребность иной дѣятельности мучила ея душу.

Нерѣдко, проводя цѣлыя ночи безъ сна, Анюта ходила скорыми шагами по комнатѣ, то ложилась, то опять вставала, и порою, склоняясь передъ образомъ Спасителя, молилась съ жаркими слезами, или, отворяя окно въ садъ, старалась освѣжить себѣ голову воздухомъ, еще несогрѣтымъ полнымъ развитіемъ весны.

И однакожь, на заботливые вопросы матери, она всегда отвѣчала, что чувствуетъ себя совершенно-здоровою.

Когда жь деревья зазеленѣли и первые цвѣты распустились въ поляхъ, недугъ молодой дѣвушки началъ примѣтно усиливаться. Бѣдная мать смотрѣла на нее съ страхомъ, а уѣздный докторъ, посѣщавъ изрѣдка село, никогда не пропускалъ случая пощупать у Анюты пульсъ, спросить ее о здоровьѣ, и разговаривая съ ней, вслушивался съ особеннымъ вниманіемъ въ ея отвѣты.

Анюта этого не замѣчала; казалось, умъ ея былъ постоянно занятъ предметами не этого міра. Гдѣ бъ она ни находилась, въ церкви, при ученіи дѣтей, или въ гостиной, гдѣ люди шумно разговаривали и смѣялись вокругъ нея, ею вдругъ овладѣвало непонятное безпокойство. Въ тоскѣ, она все оглядывалась, какъ-будто искала чего-то, и постепенно взоръ ея становился неподвижнымъ и безчувственнымъ;

ея глаза, обыкновенно такъ выразительные, теряли даже жизненное выраженіе и, получая стеклянную прозрачность, смотрѣли пристально на одинъ предметъ, но съ совершеннымъ отсутствіемъ воли и мысли. И, однакожь, въ нихъ не было ничего дикаго, сходнаго съ взглядомъ безумныхъ; не умъ, а только душа и жизнь, казалось, покидали ее, и еслибъ въ эти минуты кто приложилъ руку къ груди Анюты, сильное и учащенное біеніе ея сердца сказало бы, куда скрывалась эта жизнь, и гдѣ искала себѣ пріюта душа, осужденная на истому бездѣйствія.

Эти припадки, какъ называла ихъ мать Анюты, были непродолжительны; не слыша перваго зова, она вздрагивала при второмъ, и на третій отвѣчала совершенно-правильно съ прежней грустью и добротою въ лицѣ.

Но если случалось Анютѣ оставаться одной въ комнатѣ, или въ саду, гдѣ никто не тревожилъ ея забвенія, — взоры ея, сперва безчувственные, постепенно оживлялись выраженіемъ самаго сильнаго, страстнаго чувства, осанка становилась величественнѣе, губы раскрывались, и какъ Пиѳія, исполнившаяся въ минутномъ оцѣпенѣніи духомъ сошедшаго въ нее божества, Анюта вся превращалась въ душу, въ мысль, и рѣчи, сперва тихія и несвязныя, изливались звучными стихами изъ ея груди.

Иногда дѣти и взрослые подслушивали ее, но ни дѣти, ни взрослые не понимали ея. Однажды только самъ управитель, притаясь вечеромъ у кустарника, долго слушалъ, что̀ говорила Анюта, и потомъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Такъ и есть; я зналъ, что этимъ кончится!

Съ той поры Анюта, не смотря на все невниманіе свое къ людямъ, не могла не замѣчать, какъ быстро измѣнялось обращеніе съ нею не только домашнихъ, даже постороннихъ ей особъ. Входила ль она въ комнату, — всѣ умолкали или продолжали разговоръ шопотомъ, указывая на нее; начинала ль она говорить, — ей пристально смотрѣли въ глаза, вслушивались въ каждое ея слово, и потомъ уже отвѣчали медленно, съ повтореніями, какъ отвѣчаютъ дѣтямъ, въ неувѣренности, станетъ ли ихъ способностей на то, чтобъ понять все, сказанное имъ. На улицѣ ее оглядывали съ любопытствомъ; многіе даже торопливо удалялись отъ нея, а мать, не покидая ея ни на минуту, безпрестанно крестила ее съ молитвами и слезами. «Что это значитъ?» спрашивала себя съ безпокойствомъ Анюта, напрасно ища отвѣта въ своей головѣ. «Что это значитъ?» спрашивала она иногда другихъ; но тогда одни пускались ее разувѣрять, что все это ей только чудится, а другіе, хуже еще, отвѣчали ей грубымъ смѣхомъ.

Десять разъ въ день бѣдняжка осматривала свою одежду, свою наружность; со страхомъ ощупывала свою голову, и, приводя въ поря-

докъ свои мысли, перебирала ихъ со всей строгостью экзаминатора; но ни одна идея не путалась въ ея умѣ, ни одно воспоминаніе въ немъ не темнѣло; ея одежда была проста, но благопристойна. Въ недоумѣньи, Анюта бѣгала отъ людей, а люди чѣмъ рѣже встрѣчались съ нею, тѣмъ чаще и страннѣе смотрѣли на нее.

Однажды, она вошла зачѣмъ-то въ комнату, отдѣленную отъ гостиной тонкою стѣною и съ трепетомъ остановилась: въ гостиной мать ея плакала навзрыдъ, а нѣсколько смѣшанныхъ голосовъ утѣшая ее, безпрестанно твердило: «тс... тише... ваша дочь можетъ войдти... тогда все пропало!»

— Я это предвидѣлъ, говорилъ управитель съ важностью. —Помните ли, когда, предлагая вашей дочери мѣсто надзирательницы при моихъ дѣтяхъ, я требовалъ, чтобъ она оставила всѣ книги и писанія? я тогда же сообщилъ вамъ свои опасенія насчетъ разстройства ея ума. Этотъ старый чудакъ, Гейльфрейндъ, набивалъ ей отъ скуки голову всякимъ вздоромъ, а тамъ и самъ ужь не зналъ, какъ поправить бѣду.

— Онъ-то и сгубилъ мое дитятко, промолвила всхлипывая мать Анюты.

— Учили бы ее просто русской грамотѣ да закону Божію, твердили голоса:—куда намъ гоняться за заморскими языками? Вотъ вамъ и ученіе, вотъ и книги...

— Да, впрочемъ, прервалъ ихъ голосъ уѣзднаго лѣкаря:—я слышалъ, что въ ней отъ дѣтства обнаруживались признаки безумія.

— Да, таки нечего грѣха таить, сказала опять старушка:—было у нея все что-то нелюдское въ головѣ; недаромъ сосѣди называли ее юродивою.

— Можетъ-быть, это прошло бы съ возрастомъ, продолжалъ управитель.—Но, какъ вы сами разсказывали мнѣ, Гейльфрейндъ, видно съ-пьяна, вообразилъ себѣ въ ней какія-то удивительныя способности, позволялъ ей читать все безъ разбору, и наконецъ, замѣтивъ, что она помѣшалась на одномъ пунктѣ, вмѣсто того, чтобъ сообщить о томъ вамъ и господину-доктору, пустился потакать ей, увѣрять ее, будто посылаетъ всѣ измаранные ею лоскутки бумаги въ Петербургъ, будто получаетъ оттуда отвѣты, похвалы, и Богъ-знаетъ что... Этимъ, пожалуй, и здоровую голову закружишь, нетолько больную.

—Гмъ... бываютъ случаи, когда противорѣчить безумнымъ опасно, замѣтилъ лекарь.—Покойникъ зналъ немного медицину, и, можетъ-быть, потворствовалъ ей изъ опасенія, чтобъ ея безуміе не обратилось въ бѣшенство,—вѣдь этому мы видѣли много примѣровъ. Впрочемъ, я не нахожу еще никакой надобности удалять ее отсюда; вѣдь она помѣшана на одномъ пунктѣ, а о всемъ прочемъ разсуждаетъ хорошо, все понимаетъ ясно и даже исполняетъ свою обязан-

ковра, накъ-нельзя-лучше. Если же отвезть ее въ городъ, въ домъ сумасшедшихъ...

— Ни за что, ни за что! завопила старушка: — она кормила меня, моя голубка, такъ теперь хоть подъ окнами стану руку протягивать, а сама присмотрю и прокормлю ее...

Анюта въ невыразимомъ ужасѣ отскочила отъ дверей.

— Домъ сумасшедшихъ! Безумная! гремѣло у нея въ ушахъ. — Безумная отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ... Сосѣди, докторъ, мать, даже родная мать, всѣ называютъ ее безумною... и, будто онъ, ея покойный другъ, только изъ состраданія признавалъ въ ней даръ поэзіи?.. и будто могъ онъ такъ немилосердно ее обманывать?.. Ея поэзія, ея небесный даръ—ложь, обманъ, звонки, которыми тѣшатъ дѣтей и—сумасшедшихъ! — Нѣтъ, нѣтъ, это страшная клевета!.. Но кто жь клевещетъ? мать! Да и не грозилъ ли ей Гейльфрейндъ на смертномъ одрѣ силою ея мечтательности?.. И развѣ люди могутъ такъ долго, такъ грубо ошибаться?.. И развѣ безумные признаютъ себя когда-нибудь безумными?..

Эти идеи быстрѣе молніи смѣнялись въ умѣ Анюты... Дрожа какъ осенній листъ въ непогоду, она схватила себя за голову...

Да, такъ, голова ея горитъ, горитъ огнемъ... жилы не бьются въ вискахъ, а трепещутъ какъ напряженныя струны... въ глазахъ темно, въ груди тѣсно, что-то давитъ... что-то терзаетъ ее... А эти призраки, которые слѣдуютъ за нею днемъ и ночью? а эти звуки, рифмы, которые такъ часто тѣснятся и разрываютъ ея голову; а эта мучительная тоска безъ всякой причины, эти порывы безъ цѣли, жгучія слезы, надежды,—несбыточнѣйшія изъ всѣхъ надеждъ... безумie... безумie!...

Не выпуская головы своей изъ рукъ, Анюта прыгнула въ садъ.

Когда хотѣли привесть ее къ доктору для окончательнаго изслѣдованія болѣзни, напрасно искали ее въ комнатахъ, напрасно звали въ саду — Анюта исчезла.

Дневныя работы прервались въ деревнѣ ранѣе накануне большаго праздника. Послѣ теплаго дня насталъ тихій весенній вечеръ; ясно было небо, ярко горѣло солнце на западѣ, и при его сіяніи, какъ два скрещенные луча, блисталъ золотой крестъ на куполѣ Божьяго храма; колоколъ звонилъ ко всенощной. Народъ, возвращаясь съ полей, толпился вдоль улицы, спѣша скорѣе кончить труды и заботы дневные; опоздавшія старушки торопливо шли въ церковь; дѣти шумно играли подъ колокольней, на крыльцѣ, когда вдали показалась Анюта: лицо ея было блѣдно, черты неподвижны, какъ въ мраморномъ изваяніи, или въ трупѣ, котораго смерть не успѣла еще обезобразить печатью своего леданаго бездушствія; не живое страданіе, а тѣнь только недавнихъ, смертныхъ мукъ выражалась на этомъ

блѣдномъ лицѣ, и въ волосахъ, упадавшихъ на него въ безпорядкѣ, были разсѣяны остатки листьевъ, травъ и бѣлыхъ вишневыхъ цвѣтовъ, какъ у ребенка, который долго скрывался подъ кустами, въ одеждѣ измятой, даже мѣстами изорванной, безчувственно опустивъ голову и руки, она шла одна, медленно, боязливо избѣгала сближенія съ людьми, не подымала глазъ на проходящихъ; но видно вѣсть о ея безуміи разнеслась уже межь поселянъ, потому-что, встрѣчаясь съ нею, они не кланялись, какъ прежде, а осматривая ее съ головы до ногъ, указывали на нее сосѣдямъ; многіе даже смѣялись исподтишька; только женщины качали головой и съ состраданіемъ твердили на своемъ нарѣчіи: *сердечная!*

Анюта вздрагивала и шла далѣе.

У колокольни, дѣти, завидѣвъ ее, съ крикомъ бросились въ сторону; — она еще разъ вздрогнула и прошла мимо. Въ церкви, всѣ разступились передъ нею, всѣ видимо боялись ея сосѣдства; она ушла далеко, забилась въ самый темный уголъ, и тамъ, упавъ на колѣни, въ первый разъ подняла глаза: взоръ ея дико блеснулъ изъ-подъ опухшихъ вѣкъ выраженіемъ ужаса и отчаянья...

Священникъ служилъ всенощную; однообразный голосъ дьячка вторилъ молитвамъ его съ клироса, и всѣ хранили глубокое молчаніе. Смерклось; куренія ѳиміама носились густыми облаками по церкви; красные, дрожащіе огоньки свѣчь мерцали безъ блеска; при этомъ сіяніи двухъ слабыхъ свѣтовъ, темная живопись иконъ принимала самыя чудныя формы. Анюта хотѣла молиться, и не могла вызвать изъ памяти словъ молитвы, которую наканунѣ еще твердила съ такимъ усердіемъ; желала хоть сердцемъ вознестись къ Господу, но не нашла въ груди своей ни одного живаго чувства; даже языкъ ея, будто омертвѣлый, не шевелился во рту, и руки отказывались творить знаменіе креста. Стоя на колѣняхъ, безъ всякаго движенія, Анюта вперила взоръ въ изображенія святыхъ, и мало-по-малу мракъ смѣнился передъ ней летающими искрами, краски и формы запестрѣли въ ея глазахъ, предметы быстро задвигались, закружились, самыя стѣны храма заколебались надъ ней, и сотни глазъ сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ начали метать въ нее суровые, грозные взгляды, какъ-будто и имъ былъ также противенъ видъ ея... Трепеща отъ ужаса, она пытается бѣжать и не можетъ рвануться съ мѣста; какъ въ страшномъ видѣніи сна, всѣ члены ея кажутся скованными, всѣ усилія ея груди не производятъ даже слабаго стона... И вдругъ, будто съ небесъ снисходятъ къ ней слова: «отвратишь лицо и возмятутся, отымешь духъ и исчезнутъ...» Анюта встрепенулась: ей послышалось въ этомъ стихѣ пророческое истолкованіе судьбы ея и предреченіе всей ея будущности. Не отъ нея ли отвратилъ Господь лицо свое и не потому ли возстали противъ нея люди?.. Остывшая кровь

хлынула горячею струею къ сердцу, и благодѣтельныя слезы снова оросили лицо ея.

— Господи! произнесла она въ самозабвенiи, подымая руки и взоры къ небесамъ.—Творецъ милостивый! ты знаешь, сколько страдала я, ты видишь какъ я страдаю, не отвращай же хоть ты отъ меня лица своего и научи, вразуми, какъ разсѣять эти страшныя обвиненiя, или затми до конца разсудокъ мой и окамени во мнѣ сердце!...

Въ изступленiи, не помня себя, Анюта говорила громко; народъ столпился вокругъ, но, ничего не замѣчая, она продолжала съ возрастающимъ жаромъ:

— Если я провинилась передъ тобой, помыслила о славѣ и радостяхъ земныхъ, не наказана ли я за то моимъ ничтожествомъ, нуждою, голодомъ, болѣзнями?.. Да минуетъ же меня хоть эта горькая чаша... Избавь, о Боже мой, избавь меня отъ поруганiя людей, и призови къ себѣ... скорѣе... Ты видишь, Господи, ослабло тѣло мое... изныла душа... нѣтъ больше силъ... нѣтъ больше слезъ... Пора, пора!...

Кровь хлынула у нея изъ горла; она въ безчувствiи упала на каменный помостъ, и въ ту самую минуту, какъ-бы оканчивая ея молитву, въ церкви раздалось пѣнiе: «изведи изъ темницы душу мою.»

Анюту принесли домой въ глубокомъ обморокѣ.

Съ того вечера зародышъ смерти быстро развивался въ груди молодой дѣвушки; она чувствовала приближенiе желаннаго конца и сдѣлалась спокойнѣе. Ея помышленiя отдѣлялись отъ всего земнаго, душа уже отражала въ себѣ вѣчность и порывы ея смирились, духъ утишился, прояснился,—и люди, смотря на нее, шептали: «выздоравливаетъ!...»

— Но она выздоровѣетъ... Докторъ, ради Бога, спасите ее... сказала графиня, тронутая до глубины души.

— Сомнѣваюсь, чтобъ медицинскiя пособiя могли возвратить ее свѣту.

— Ну, такъ спокойствiе, выгоды жизни, перемѣна мѣста и наше участiе, наша дружба...

— Да, въ ея положенiи эти лекарства будутъ дѣйствительнѣе...

—Такъ подите же къ ней, докторъ, подите скорѣе, скажите ей...

— Завтра, графиня, завтра: теперь я только встревожу ее и усилю въ ней лихорадочное раздраженiе.

— О, завтра я непремѣнно сама увижусь съ ней!..

—Какъ вы добры, графиня! сказала я, сжимая ея руку, и спросила доктора, видѣлъ ли онъ свою пацiентку послѣ этого нечаяннаго открытiя.

—Сегодня утромъ, я взялъ, отвѣчалъ докторъ:—извините, графиня, безъ вашего позволенія,—взялъ изъ библіотеки нѣсколько книгъ, которыя наиболѣе любила Анюта, и пошелъ къ ней. Разспросивъ ее о здоровьѣ, я сказалъ, что совѣтовалъ бы ей какое-нибудь умственное развлеченіе и положилъ книги передъ нею на столъ. Надобно было видѣть ее въ эту минуту!.. Искры брызнули у нея изъ глазъ; она вся задрожала, бросилась къ книгамъ, но въ ту же минуту оттолкнувъ ихъ отъ себя, прошептала: «Я поклялась не дотрогиваться до нихъ!» Тогда, призвавъ ея мать и управителя, я заставилъ ихъ разрѣшить вынужденную у нея клятву. Бѣдняжка схватила мою руку, благодарила меня, какъ-будто я возвратилъ ей всѣ сокровища міра, и послѣ этого, въ первый разъ, долго и откровенно разговаривала со мною. Какой умъ, графиня, какія познанія, какой живой и пламенный языкъ!.. И все это люди подрыли въ самомъ основаніи, все сгубили, все уничтожили...

— Мы поправимъ ихъ невѣжество, мы спасемъ ее!...

— Дай Богъ! произнесъ докторъ съ грустнымъ сомнѣніемъ.

Привезенные съ почты письма и журналы прервали разговоръ нашъ.

ГЛАВА VIII.

> Des sentiments, des pensées peut-être nobles, peut-être fécondes s'éteignent avec moi, et, de toutes les facultés de l'ame que je tiens de la nature celle de souffrir est la seule que j'ai exercée toute entiere.
>
> Corinne, M-me de Staël.

На другой день, мы условились послать къ Анютѣ доктора предвѣстникомъ нашего посѣщенія; по словамъ его, она была въ такомъ положеніи, что внезапная радость, какъ и горе, могла бы убить ее.

Не безъ сердечнаго трепета я вошла въ домъ управителя: надежда спасти несчастную дѣвушку и боязнь увидѣть ее на смертномъ одрѣ сильно волновали меня, — графиня раздѣляла мои ощущенія. Докторъ отворилъ намъ дверь, и мы вошли въ комнату Анюты.

Она сидѣла на кровати, прислонясь спиною къ подушкамъ; кровь еще жарче горѣла въ ея щекахъ; расширенные зрачки блистали еще сильнѣе, чѣмъ въ то утро, когда я встрѣтила ее въ саду: сухія губы казались двумя яркими кораллами, — я съ ужасомъ замѣтила, какіе страшные успѣхи сдѣлала ея болѣзнь.

Анюта смутилась при нашемъ появленіи, хотѣла встать, но не могла и только привѣтствовала насъ едва внятнымъ голосомъ.

Графиня сѣла подлѣ нея, осыпала ласками и съ невыразимою добротою начала говорить съ ней о ея здоровьѣ, о ея склонностяхъ, обѣщала обезпечить ея участь, предлагала ей, по ея выздоровленіи, увезть ее изъ той страны и быть ей другомъ, матерью и своею, любовью загладить всѣ несправедливости судьбы противъ нея...

Анюта слушала графиню съ робостью, даже какъ-будто съ недовѣрчивостью; иногда благодарила ее тихимъ склоненіемъ головы, но чаще, озираясь во всѣ стороны, ощупывала съ болѣзненнымъ безпокойствомъ лобъ свой.

Чтобъ ободрить ее, графиня вздумала описывать ей край, въ который манила ее съ собою, и живо представила ей картины южнаго берега, его гранитную стѣну, его дикіе утесы, села, растерянныя надъ моремъ въ цвѣтущихъ садахъ, и роскошь южныхъ ночей, и прелесть свѣтлаго неба...

Анюта подняла свои влажные глаза, сложила руки на колѣняхъ и съ жадностью стала вслушиваться въ ея описанія. Оттѣнокъ недовѣрчивости разсѣявался на ея лицѣ.

Тогда, пользуясь этимъ вниманіемъ, графиня незамѣтно перешла отъ красотъ природы къ красотамъ поэзіи; съ удивительною живостью касалась лучшихъ произведеній нашего вѣка и, растревоживъ чувствительнѣйшія струны сердца дѣвушки, опять обратилась къ ея собственному таланту, убѣждала ее ободриться, вѣрить дружбѣ ея, вѣрить въ будущее, а въ настоящемъ заботиться только о своемъ выздоровленіи.

Потупивъ глаза, полные слезъ, Анюта долго слушала ее въ молчаніи, но наконецъ, увлеченная своими сомнѣніями и сильной внутренней борьбой, прервала ее дрожащимъ и вмѣстѣ умоляющимъ голосомъ:

— Вы такъ добры, такъ милостивы, графиня! Но... если все это... Бога ради... не обманывайте меня!.. если всѣ эти обѣщанія... только средства къ излеченію моей головы... сжальтесь надъ моимъ бѣднымъ сердцемъ, графиня... Послѣ такого леченія... выздоровленіе отравитъ мою жизнь...

И она съ жаркими слезами упала лицомъ на подушку...

— Боже мой, какъ эти люди измучили ее, докторъ! сказала графиня, обращаясь къ нему: — выведите эту несчастную идею о помѣшательствѣ изъ ея ума и помогите мнѣ увѣрить ее въ искренности моихъ обѣщаній... Бѣдное дитя! сказала она опять Анютѣ: — чѣмъ мнѣ доказать вамъ... какъ васъ заставить вѣрить?.. Взгляните на меня, развѣ такъ обманываютъ? и не-уже-ли вы не узнаёте голоса самыхъ искреннихъ чувствъ? Узнавъ о вашихъ страданіяхъ, о вашемъ сердцѣ и умѣ, я поклялась назвать васъ своею дочерью — и исполню клятву, Богъ свидѣтель въ томъ. Ободритесь же, ввѣрьтесь мнѣ, за-

будьте подозрѣніе этихъ людей и простите ихъ: они не знали, что дѣлали... Со мною, вы переродитесь къ другой жизни; я перенесу васъ въ иной свѣтъ, къ инымъ людямъ,—тамъ вы найдете сочувствіе и дружбу, тамъ станете свободно слѣдовать своему призванію, и порывовъ вашего вдохновенія никто болѣе не назоветъ безуміемъ.

— Графиня, произнесла Анюта колеблясь, какъ-будто, на рубежѣ свѣта и тмы, мысль ея невольно оглядывалась на прошедшее:—графиня... Вы добры... но люди... но общество... нѣтъ, нѣтъ! тамъ такъ же, какъ и здѣсь, оттолкнутъ меня съ презрѣніемъ...

— Не вѣрьте этому, не вѣрьте! прервала ее графиня: — поэты часто клевещутъ на людей, не понимая правъ своихъ и заблуждаясь въ своихъ требованіяхъ; многіе изъ нихъ ищутъ своими талантами земныхъ почестей, поклоненій и громкихъ похвалъ, тогда какъ ихъ владычество незримо, ихъ пѣсни пробуждаютъ самые сладкіе отголоски въ уединеніи, имъ поклоняются тайною слезою, тайнымъ наслажденіемъ, и самыя лестныя похвалы для нихъ создаются не въ толпѣ, а въ сердцахъ людей... Мнѣ понятна ваша недовѣрчивость, мой милый другъ: вы много страдали, но счастіе разгонитъ въ васъ всѣ подозрѣнія и вы опять полюбите жизнь и людей.

— Графиня права, сказалъ докторъ: — у насъ умѣютъ цѣнить таланты; не далѣе какъ вчера я нашелъ доказательство тому въ одномъ изъ нашихъ журналовъ; этотъ №, кажется, и теперь со мною.

Онъ вынулъ изъ кармана журналъ и прочелъ вслухъ громкую, великолѣпную похвалу стихотворенію, помѣщенному въ томъ же журналѣ. Имя автора было неизвѣстно, но его просили дарить почаще публику произведеніями столь замѣчательнаго таланта, который силой и легкостью стиховъ, изящностью выраженія, оригинальностью идей и теплымъ, глубокимъ чувствомъ привлекъ къ себѣ вниманіе и удивленіе всѣхъ любителей поэзіи.

— Видите ли, мой другъ, сказала графиня Анютѣ:—истинный талантъ всегда высоко цѣнится въ просвѣщенныхъ обществахъ...

— Да, истинный... но былъ ли у меня талантъ?.. Я прежде вѣрила... Теперь же... говорятъ, меня обманывали изъ снисхожденія...

Анюта опустила голову, но черезъ минуту, поднимаясь всѣмъ тѣломъ, сказала съ пылкостью:

— Графиня, докторъ, ради самого неба, скажите: и прежде, какъ теперь, я никогда не была безумною?.. И минуты моего забвенія, жаръ головы и трепетъ сердца, и мои свѣтлыя, очаровательныя видѣнія, все, все это было дѣйствіемъ вдохновенія, а не разстроеннаго ума?.. Скажите, скажите правду... Не щадите меня!..

—Успокойтесь, отвѣчалъ ей докторъ съ улыбкою:—сильныя движенія вамъ вредны.—Въ васъ не было и признаковъ безумія, я сто разъ увѣрялъ васъ въ томъ. А что въ минуты вдохновенія можно ви-

дѣть цѣлый рой видѣній и призраковъ, это доказываетъ также поэтъ, прославленный въ этомъ журналѣ.—Не угодно ли послушать?

Онъ началъ читать...

— Что это? что вы читаете?.. вскричала Анюта внѣ себя, спрыгнувъ съ постели, и вырвала у него журналъ; но лишь взглянула на первую страницу, какъ онъ выпалъ изъ ея рукъ, всѣ фибры ея встрепенулись, новая жизнь взъиграла въ ней, съ неземнымъ одушевленіемъ она начала говорить наизусть стихи, расхваленные въ журналѣ, и голосъ ея, прежде дрожащій и слабый, вдругъ сдѣлался звучнымъ, сильнымъ и сладостнымъ, какъ тонъ платиновой струны.

Мы съ удивленіемъ смотрѣли на преобразившуюся дѣвушку; мнѣ показалось, будто я слышу послѣднюю пѣснь лебедя.

Едва Анюта умолкла, графиня бросилась обнимать ее.

— И съ этимъ талантомъ ты сомнѣвалась въ себѣ?.. И эту силу вдохновенія называли въ тебѣ безуміемъ?.. Но все прошло, мой милый другъ; ты видишь теперь, внутреннее чувство тебя не обмануло; небо послало тебѣ прекрасный даръ, и въ дополненіе посылаетъ еще друга... Живи же для счастья, для славы, на радость себѣ и своимъ друзьямъ...

Анюта едва слышала ея слова; еще полная вдохновенія, она пылала, жадно впивала въ себя воздухъ и съ радостнымъ трепетомъ смотрѣла вокругъ, какъ слѣпецъ, который послѣ долгой, черной ночи опять проглянулъ на Божій свѣтъ.

— Нѣтъ, не безуміе... твердила она въ восторженномъ самозабвеніи, прижимая руки то къ сердцу, то къ головѣ:—не безуміе и не сонъ... Все ясно, чисто, свѣтло... Я опять здорова, счастлива... Да, у меня есть счастіе, спокойствіе, слава, друзья... и моя поэзія... мой чудный, небесный даръ... Такъ давайте жь жизнь . . . Я хочу жить... Жизнь и мое перо... мою бумагу,—у меня все отняли, заставили все сжечь... Но я создамъ опять... Скорѣе же, перо и жизнь... У меня есть счастіе... есть друзья... есть даръ . . . Скорѣе . . . скорѣе...

Но вдругъ лицо ея помертвѣло, она упала на подушки и не звукомъ голоса, а вздохомъ вылетѣло изъ ея груди:—поздно!

Докторъ просилъ насъ удалиться.

Когда, на слѣдующій день, мы снова навѣстили Анюту, она лежала въ совершенномъ изнеможеніи: ни на лицѣ ея, ни въ душѣ не сохранилось слѣда ея вчерашнихъ восторговъ. Она поняла свое положеніе.

Я пыталась еще оживить ее надеждою, но она отвѣчала мнѣ однимъ пожатіемъ руки и отрицательно покачала головою.

Графиня просила ее сказать, не можетъ ли она для нея чего сдѣлать?

— Спасти мать мою отъ нищеты.

— Но для васъ собственно?

— Для меня?.. О, да!.. много... много...

Она остановилась и взглянула на графиню робко и умильно, какъ дитя, которое не смѣетъ выразить своего желанья.

— Что же?..

— Позвольте мнѣ еще разъ... услышать ваше пѣніе.

Въ тотъ же день арфу отнесли къ Анютѣ, и графиня два вечера сряду пѣла въ ея комнатѣ.

На третій вечеръ, больная сама прислала просить насъ къ себѣ; мы пошли вмѣстѣ съ докторомъ.

Ея кровать стояла уже не у стѣны, а поперегъ комнаты у растворенннаго окна. Анюта сидѣла на постели, поддерживаемая матерью, и задумчиво смотрѣла вдаль. Тихо было въ домѣ, тихо въ окрестностяхъ; только птички щебетали въ кустарникахъ подъ самымъ окномъ и, иногда перепархивая на карнизы, весело заглядывали въ комнату, будто чувствуя, что въ ней нѣкому было имъ сдѣлать зла. Ни одна туча не плыла подъ небесами, ни одно вѣянье не проносилось надъ землей; струи не рябили озера; дымъ, вылетая изъ трубъ, взвивался легкими, прозрачными колоннами подъ синій сводъ, и деревья въ саду стояли не колышась, какъ-бы изъ боязни разронять свои желтые листья. Въ сторонѣ, скирды хлѣба, увитыя дикимъ хмѣлемъ, уже набрасывали свои темные силуэты на землю; вечернія тѣни сгущались, росли,—но на западѣ еще горѣло солнце и его длинные, великолѣпные лучи, обливая все яркимъ свѣтомъ, отражались въ озерѣ со всѣми оттѣнками своихъ предзакатныхъ облаковъ. Далеко, на этихъ прозрачныхъ водахъ, челнокъ, едва замѣтный межъ камышомъ, качался, какъ прежде, привязанный къ берегу; но изъ него никто уже не заглядывалъ въ глубь...

Анюта протянула графинѣ руку, до того исхудавшую, что мнѣ показалось, будто свѣтъ солнечный свѣтился сквозь нее. Лицо ея было совершенно-спокойно, только въ глазахъ проглядывала грусть.

— Графиня, сказала она:—простите, мнѣ хотѣлось еще разъ васъ видѣть и поблагодарить за послѣдніе отрадные часы моей жизни...

— Къ-чему безпрестанно думать о смерти, Анюта?..

— Я уже не думаю о ней, а слышу, чувствую ее здѣсь... (она указала на грудь).—Не утѣшайте меня напрасною надеждою, графиня, я и безъ того спокойна. Вы сняли горькое сомнѣніе съ души моей, вы примирили меня съ людьми, ваше пѣніе дало мнѣ понятіе о хорахъ небожителей, а ваша доброта укрѣпила во мнѣ вѣру въ благость Творца... Благодарю васъ, графиня, благодарю...

Она опять устремила глаза въ окно, задумалась и, помолчавъ, прошептала, будто говоря съ собою:

— О, какъ прекрасенъ Божій міръ!.. въ немъ есть солнце, счастіе,

цвѣтущіе края, есть любовь и спокойствіе; есть люди-ангелы,—но все это было не для меня... Поздно!..

На ресницахъ ея блеснули слезы, она обратилась къ намъ.

— Какъ долго, кажется, жила я, а только восьмнадцать лѣтъ!.. Какъ будто жаль... земное счастіе такъ заманчиво... И здѣсь было такъ много, сказала она, прижимая руку ко лбу;—хотѣлось высказать... Да, много... и въ сердцѣ тоже; да все только для страданья; у меня какъ-будто не было чувствъ для радости, — и счастье не ужилось бы здѣсь со мною... Видно, мое счастіе нарочно оставили *тамъ*, зная, что, погостивъ съ минуту въ мірѣ, я скоро возвращусь туда... Такъ о чемъ же мнѣ жалѣть еще на землѣ?..

Она подняла глаза къ небу; по движенію ея губъ замѣтно было, что она молилась.

Солнце начало садиться; его послѣдніе лучи разлили яркій розовый свѣтъ по горизонту. Анюта оживилась, съ любовію прильнула къ нему взорами, и не сводила съ него глазъ...

Солнце спускалось все ниже; верхнія облака сизѣли и сливались въ одну темную массу, въ то время, какъ нижнія, еще свѣтлыя и прозрачныя, красовались золотою оттушкою; но и эта кайма со всякой минутой теряла блескъ свой, блѣднѣла и исчезала, —вскорѣ догорѣла совсѣмъ и потухла...

Я взглянула на Анюту,—она сидѣла все еще устремивъ глаза на западъ, но эти глаза не различали уже ни неба ни земли...

Докторъ взялъ ее за руку, приложилъ перо къ ея губамъ и значительно потрясъ головою. Мать прежде всѣхъ поняла его знакъ, нѣсколько разъ перекрестилась и, закрывъ собственными руками вѣки своей дочери, съ рыданіемъ припала къ ногамъ ея.......

ГЛАВА IX.

> Rien n'a souillé ta main ni ton coeur dans ce monde
> Où chacun court, se hàte, et forge, et crie, et gronde.
> A peine tu rêvas!
>
> Victor Hugo.

Недѣлю спустя, дорожные экипажи подъѣхали къ крыльцу; мы взглянули въ послѣдній разъ на домикъ, въ которомъ отошла страдалица, и съ грустными воспоминаніями покинули село.

Когда карета выѣхала на поле, я невольно выглянула въ окно; по лѣвую сторону дороги возвышался курганъ, и на немъ, надъ свѣжею могилою, уже стоялъ новый, деревянный крестъ...

Кругомъ все было пусто; безконечною равниною раскидывалась степь; желтая, изсохшая трава едва покрывала землю; тучи задерживали небо, и вѣтръ съ шумомъ и воемъ гулялъ въ открытомъ по-

лъ. Высоко, подъ облаками, летѣла стая журавлей; они съ такими радостными криками перегоняли одинъ другаго, такъ весело спѣшили на югъ, какъ-будто тамъ только ждало ихъ счастіе, а горькая неволя гналась за ними по слѣдамъ... И вдругъ блѣдное, изсохшее перекати-поле сорвалось съ корня, закружилось и, одинокое, понеслось сироткою по тому же направленію.—Вѣтеръ кидалъ его во всѣ стороны, вздымалъ, кружилъ, ронялъ на землю, но оно все катилось да катилось за стаей вольныхъ журавлей, и, порою цѣпляясь въ ковылѣ, такъ жалобно металось и рвалось, будто неодолимая, таинственная сила влекла его по этому пути... Но вихрь снова поднялъ его, взнесъ высоко надъ землей, закружилъ, поигралъ имъ минуты двѣ и бросилъ на курганъ... Случайно упавъ на свѣжую могилу, оно застрѣло подъ новымъ крестомъ... журавли понеслись далѣе и скрылись въ облакахъ...

То была послѣдняя картина, которую мои недавнія воспоминанія представили мнѣ. Съ-тѣхъ-поръ предметы быстро измѣнялись; вокругъ степь бѣжала отъ насъ, какъ наши крылатые спутники, и мы спѣшили на югъ... Я очнулась отъ забвенія, подняла голову... Нашъ экипажъ все также медленно двигался по глубокому песку; вправо шумѣло море, влѣво снѣжною равниною бѣлѣла кора соляныхъ озеръ; сумракъ сгущался, вѣтеръ дулъ сильнѣе, и въ мертвой тишинѣ только птицы морскія пробуждали рѣзкими криками отголосокъ пустыни. . . . .
. . . .
. . . .

ЗЕНЕИДА Р—ВА.

ПѢСНЯ ЛАУРЫ.

—

Не знаете ль, гдѣ милый,
Гдѣ другъ мой удалой —
Повѣса изъ Севиллы,
Съ курчавой головой?

Мой другъ — краса Мадрита,
Боецъ — всегда съ мечомъ,
Гидальгъ, плащомъ покрытый,
Съ гитарой подъ окномъ.

Когда жь раздастся топотъ
Серебряныхъ подковъ,
Твой громкій смѣхъ и шопотъ
И звукъ твоихъ шаговъ?

О! вѣрно, гдѣ у донны...
О, вѣтренникъ Жуанъ! —
Какъ душно на балконѣ!
Какъ скучно бьетъ фонтанъ!

Не видѣли ль вы бѣса?
Онъ другъ мой удалой,
Отъявленный повѣса,
Съ курчавой головой.

В. КРАСОВЪ.

ПОХИЩЕНІЕ.

—

Конь мой ржотъ и бьётъ копытомъ...
Мнѣ напомнилъ онъ о ней —
О блаженствѣ позабытомъ
Быстрыхъ, пламенныхъ очей.

Ахъ, пора, пора былая!..
Мнѣ не спится... ночь глухая...
Душно мнѣ — и вскрикнулъ я:
«Эй! сѣдлайте мнѣ коня!
Спите сами, если спится,
А мнѣ дома не сидится.»

Стали тучи надъ луною,
Дремлютъ блѣдныя поля;
Скачетъ, скачетъ предо мною
Тѣнь огромная моя.
Лѣсъ какъ-будто сномъ забылся —
Хоть бы листъ зашевелился...
Я на гриву лёгъ лицомъ,
Осѣнилъ себя крестомъ,
Тихомолкомъ попѣваю,
Да былое вспоминаю.

Вотъ и домикъ — стукъ въ окошко...
— Ты ли, милый? — «Встань, душа;
Поболтай со мной немножко
Какъ въ бывалые года.
Если жь хочешь, молви слово:
Дома комната готова;
Ночь туманна и темна —
Лошадь добрая сильна;
Посмѣемся и поплачемъ —
Хоть поплачемъ, да ускачемъ!»

Дверь скрипнула... «Милый, милый,
Наконецъ вернулся ты!
Иль узналъ, что разлучили
Насъ съ тобою клеветы?
Я невинна...» — Ахъ, не знаю!
За тобой я пріѣзжаю;
Ты виновна или нѣтъ —
Безъ тебя мнѣ тошенъ свѣтъ...
И забыть тебя старался,
Думалъ, думалъ — да примчался.

Какъ она была прекрасна!...
Мы пустились въ дальній путь...
Какъ она склонялась страстно
Головой ко мнѣ на грудь!
Я берегъ ее такъ нѣжно —
Сердце билось такъ мятежно...
Все такъ тихо, чудно спитъ —
Лошадь весело бѣжитъ;
И, какъ вѣтра слабый ропотъ,
Милыхъ словъ я слышу шопотъ:

«Безъ тебя меня родные
Выдать замужъ собрались.
Я рыдала... Братья злые
Погубить меня клялись.
Какъ тебя я дожидалась!
Жениха какъ я боялась!
Вдругъ привстанетъ, да звѣнётъ,
Бѣлымъ усомъ поведетъ,
Щеки толстыя надуетъ,
Подойдетъ, да поцалуетъ...»

Я дыханьемъ грѣлъ ей руки,
Цаловалъ ее въ глаза:
«Позабудь былыя муки
И былаго жениха!
Разочтутся съ нимъ родные...
А усы его сѣдые
Срѣжу шашкою кривой
Вмѣстѣ съ глупой головой!
Сторожъ — сторожъ, отворяй-ка!
Къ вамъ пріѣхала хозяйка.»

Т. Л.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.

—

«Отопри мнѣ, голубица!
Выйди, добрая моя!
Отопри, моя царица —
Совершенная моя!

Ужь ланиты молодыя
Упитались росой,
И съ кудрей моихъ ночныя
Капли падаютъ струей.»

— Я одежды ужь сложила;
Какъ же вновь я облекусь?
Братъ мой! ноги я умыла,
Какъ я съ ложа подымусь?

Но рука меня искала
Неотступная во тмѣ...
О! какъ вся затрепетала
Я въ смятеньи и во снѣ!

Дверь для брата мной отверста...
То возлюбленный мой братъ!
Полны мирра мои персты,
Съ ручекъ каплетъ ароматъ.

И полна благоуханья,
Я подъ сѣнь его ввела, —
И горя, въ его лобзанье
Вся душа моя прешла!

В. КРАСОВЪ.

УМИРАЮЩІЙ КЛЕФТЪ.

(Пѣсня новогреческая.)

Бросься въ море! кинься смѣло!
Веслъ въ замѣну — двѣ руки!
Какъ ладья, скользитъ пусть тѣло;
Грудью мощной и дебелой
Волнъ пучину разсѣки!
Если Богъ и Пресвятая
Путь пловца благословятъ;
Если брегъ роднаго края
Очи свѣтлыя узрятъ;
Если вновь въ стоянкѣ нашей
Будешь ты, о милый братъ,
Гдѣ совѣтъ былъ съ звономъ чашей,
Гдѣ заклали мы козлятъ, —
Снова чаши вкругъ заносятъ,
Снова пиръ начнутъ друзья,
И тебя, быть можетъ, спросятъ:
«Гдѣ? здоровъ остался ль я?»
Скрой, какъ, бѣдный, я томился,
Промолчи про смерть мою;
Но скажи имъ: я женился
Въ грустномъ, чуждомъ мнѣ краю.
Взялъ я въ тещи — камень гладкой,
Взялъ въ зятья — песокъ рѣчной,
И съ женой обнялся сладко,
Да, съ женой — землёй сырой!

ОЗНОВИШИНЪ.

НОЧНОЙ ТОВАРИЩЪ.

—

Въ чистомъ полѣ чтò есть силы,
Скачетъ конь мой вороной.
Все кругомъ какъ-бы въ могилѣ,
Полно мертвой тишиной.

Въ чистомъ полѣ, на просторѣ,
Мчусь я съ пѣснью удалой.
Кто-то—слышу—въ темномъ борѣ
Перекликнулся со мной...

Полночь било; въ темной дымкѣ
Полумѣсяцъ молодой.
Чую: кто-то невидимкой
Скачетъ объ-руку со мной...

В. КРАСОВЪ.

МАРГАРИТА.

(Романъ Фредерика Сулье.)

I.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ одной изъ парижскихъ улицъ, Rue Neuve des Mathurins, тянулся рядъ довольно-обширныхъ строеній, которыя нельзя было, однакожь, назвать ни отелями, ни домами. То были пять или шесть отдѣльныхъ домиковъ, изъ которыхъ къ каждому примыкалъ садъ и которые всѣ имѣли одинъ общій садъ, гдѣ помѣщались конюшни и сараи. Въ огромныхъ домахъ большихъ городовъ, гдѣ живутъ иногда до двадцати постояльцевъ, люди эти бываютъ обыкновенно совершенно чужды другъ другу и часто не знаютъ даже имени своихъ сосѣдей; этого не было въ домикахъ, о которыхъ мы говоримъ и въ которыхъ разъигралась драма, сообщаемая нами читателямъ. Каждый изъ домиковъ былъ занятъ только однимъ семействомъ; окна ихъ были невысоки, а сады открыты для любопытныхъ взоровъ всякаго, у кого только было желаніе заглянуть туда.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ г. Моранси, въ другомъ — г. Шамбель. Моранси, называвшій себя графомъ де-Моранси, былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, маленькаго роста, съ огромною головою. Не знаю, могъ ли г. де-Моранси похвалиться настоящимъ, стариннымъ дворянствомъ, но въ исторіи его семейства былъ процессъ, который могъ возбудить нѣкоторое по этому предмету подозрѣніе. Фамилія г. Моранси происходила изъ Оверни, гдѣ, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, владѣла она обширными помѣстьями.

Въ одномъ изъ этихъ помѣстій находилась довольно большая возвышенность, называвшаяся Мон-Фукъ (Mont Fouque); какой-то предокъ г-на де-Моранси выстроилъ на ней небольшой замокъ съ рвами и подъемными мостами и вздумалъ лишить эту возвышенность прежняго ея имени, давъ ей названіе Моранси, такъ-что она, вмѣсто Мон-Фукъ, стала называться Мон-Моранси. На всѣхъ дорогахъ и тропинкахъ, которыя вели къ замку, графъ де-Моранси приказалъ наставить столбы съ надписью: «Дорога въ Мон-Моранси»; въ-послѣдствіи, когда надписи эти стерлись и когда ихъ нужно было воз-

обновить, онѣ сдѣлались уже не Мон-Моранси, а *Монморанси,* и черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ стали называть владѣтеля замка не г. де-Моранси, а графомъ де-Монморанси. Въ такомъ положеніи оставались дѣла еще лѣтъ двѣнадцать, какъ одинъ настоящій Монморанси, проѣзжавшій чрезъ эту страну, былъ чрезвычайно удивленъ, нашедъ тамъ отрасль своей фамиліи, существованіе которой никогда даже не подозрѣвалъ. Онъ сталъ развѣдывать, узналъ всю истину и завелъ процессъ съ г-мъ Моранси, требуя, чтобъ тотъ оставилъ имя, которое принадлежало только ему одному. Такъ-какъ вся претензія г-на де-Монморанси ограничивалась этимъ требованіемъ, то Ріомскій Парламентъ не сталъ требовать отъ самозванца доказательствъ на его графское достоинство и рѣшилъ, въ январѣ 1721 года, чтобъ онъ оставилъ имя и гербъ фамиліи, къ которой не принадлежалъ.

Все это надѣлало въ провинціи много шума и подало поводъ къ разнымъ толкамъ и развѣдываніямъ о настоящемъ происхожденіи Моранси. Къ-счастію, нашъ дворянинъ-самозванецъ былъ очень богатъ и имѣлъ очень хорошенькую жену, чрезвычайно-ласковую и привѣтливую; шумъ и толки мало-по-малу затихли, и онъ удержалъ свой графскій титулъ. Этотъ титулъ передалъ онъ длинному ряду потомковъ, изъ которыхъ ни одинъ не придалъ ему особеннаго блеска, и потому никто не думалъ его оспоривать. Потомки хлопотали только объ одномъ — какъ бы расточить огромное состояніе своихъ предковъ, и дѣйствовали въ этомъ отношеніи такъ усердно, что съ наступленіемъ революціи, Моранси, о которомъ говоримъ мы и котораго отецъ эмигрировалъ, былъ лишенъ наслѣдія своего, состоявшаго изъ двѣнадцати или пятнадцати тысячь ливровъ дохода и изъ пятисотъ или шестисотъ тысячь долга. Это не помѣшало, однакоже, ему, въ 1814 году, быть признаннымъ за жертву революціонныхъ ужасовъ и получить, въ видѣ возмездія за понесенные убытки, около четырехсотъ тысячь франковъ.

Надобно сказать, однакожь, что г. де-Моранси вполнѣ заслужилъ такую милость своею неограниченною преданностію къ старшей линіи бурбонскаго дома. Забывъ барскую спѣсь предковъ, онъ унизился до ремесла журналиста и въ статьяхъ своихъ выхвалялъ самыя ошибочныя мѣры новаго правительства, и тамъ, гдѣ слѣдовало бы дивиться ихъ нелѣпости, дивился ихъ мудрости.

Графъ де-Моранси былъ женатъ; кто была жена его, откуда она вела родъ свой,—никто не зналъ этого. Ее считали за Нѣмку, и изъ всѣхъ родныхъ остался у ней только одинъ племянникъ, которому было около года, когда она вышла за г. де-Моранси. Одинъ изъ сотрудниковъ графа по журналу замѣтилъ, однакоже, что графиня прекрасно говорила по-французски и не знала ни слова по-нѣмецки; но такъ-какъ она была очень-хороша собою, очень-добра и очень-спис-

ходительна, то никто не разыскивалъ причинъ, отъ-чего она не знала своего роднаго языка.

Въ то время, съ котораго начинается наша исторія, графинѣ де-Моранси было лѣтъ тридцать-восемь, и она отличалась тою полнотою, которая придаетъ женщинамъ ея лѣтъ какую-то пріятную свѣжесть. Она была еще довольно-привлекательна; маленькая ножка, хорошенькая пухленькая ручка, бѣлые зубы, большіе проницательные глаза, красивая талія и удивительное искусство пользоваться всѣми этими достоинствами,— позволяли ей надѣяться на многія побѣды, отъ которыхъ она и не думала еще отказываться. Она жила вмѣстѣ съ мужемъ и племянникомъ, которому было уже лѣтъ двадцать, въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, о которыхъ мы говорили выше.

Другой изъ этихъ домиковъ, какъ сказано, былъ занятъ г. Шамбелемъ. Г-ну Шамбелю было двадцать-пять лѣтъ; онъ только недавно вступилъ на литературное поприще, напечатавъ собраніе своихъ стихотвореній, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ. Наружность г-на Шамбеля была довольно привлекательна; лицо его имѣло какое-то особенное выраженіе, которое не могло не обратить на него вниманія женщинъ, считавшихъ себя опытными въ распознаваніи страстей. Что же касается до нравственныхъ качествъ г-на Шамбеля, то краткій анализъ изданной имъ книги лучше всѣхъ описаній дастъ объ этомъ понятіе читателямъ. Книга его начиналась сильною выходкою противъ пороковъ нашего вѣка; въ ней нападалъ онъ на гордость сильныхъ, подавляющую слабыхъ; на безчувственность богачей, невнемлющихъ стенаніямъ нищеты; на холодное равнодушіе общества ко всему, и на ледяной эгоизмъ его. Далѣе,—сомнѣніе самое дерзкое, облеченное въ такъ-называемыя байроновскія формы; еще далѣе, вѣра самая чистая, надежда самая религіозная выражалась въ сильныхъ, гармоническихъ строфахъ. Черезъ нѣсколько страницъ— стансы къ молодой дѣвушкѣ дышали чувствами самыми нѣжными; еще черезъ нѣсколько страницъ, являлось страстное воззваніе къ какой-то женщинѣ, которую поэтъ умолялъ разорвать тяжкія цѣпи несчастнаго брака, сковывавшія ее. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что Пьерръ Шамбель былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя никакой собственной идеи, проникаются идеями чужими и обладаютъ притомъ особеннымъ даромъ придавать имъ выраженіе истины и восторженности. Подобно эху, передавалъ онъ всѣ звуки, до него долетавшіе, но передавалъ по-своему. Онъ былъ чудеснымъ инструментомъ, посредствомъ котораго можно было выразить всѣ страсти и придавать имъ желаемое выраженіе. Въ этомъ отношеніи обратилъ онъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ людей, одаренныхъ умомъ проницательнымъ и хитрымъ, и въ-особенности аббата Норрона,

принадлежавшаго къ числу вседневныхъ гостей графини де-Моранси.

Пьерръ Шамбель былъ женатъ, и жена его была музою, внушавшею ему последнее стихотвореніе, о которомъ мы упомянули. Изора последовала советамъ, заключавшимся въ поэтическихъ стихахъ ея любовника: она покинула грубаго, холоднаго эгоиста, съ которымъ была связана мечтательная душа ея, и последовала въ Парижъ за своимъ юнымъ обольстителемъ. Шесть месяцевъ спустя, мужъ ея былъ убитъ на охоте, а чрезъ годъ после того, вышла она за Пьерра Шамбеля, не имея, такъ-сказать, причины упрекать себя въ смерти своего перваго супруга. Однакожь, не смотря на все приличія, соблюденныя въ-отношеніи къ свету, Изора и Пьерръ чувствовали, что на совести ихъ былъ проступокъ, который не позволяетъ имъ иметь другъ къ другу той благородной, чистой доверенности, которая одна служитъ основаніемъ семейнаго счастія. Притомъ же, Изоре было уже 32 года, а мужу ея только 25 летъ; она была горда, высокомерна, непреклонна, решительна; онъ—безпеченъ, слабъ, нерешителенъ, мало заботливъ о сохраненіи собственнаго своего достоинства. И какою непостижимою загадкою былъ для Изоры этотъ человекъ, который, умея говорить обо всемъ съ такою силою и резкостью, не умелъ въ то же время, даже въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ жизни, действовать решительно, и, бросаясь изъ стороны въ сторону, всегда подчинялся постороннему вліянію! Шамбель переехалъ въ улицу Матюренъ месяца черезъ три после изданія своей книги, а дней чрезъ двадцать после его переезда, въ доме графа де-Моранси происходила следующая сцена:

Было восемь часовъ вечера; вокругъ стола, на которомъ горела лампа, сидели—графиня де-Моранси, читавшая съ большимъ вниманіемъ какой-то романъ, племянникъ ея Юлій, раскрашивавшій гравированныя изображенія святыхъ, и молодая девушка, о которой мы еще не говорили и которую звали Маргаритой. Чтобъ не возвращаться въ-последствіи назадъ, скажемъ, что Маргарита была сирота, призренная аббатомъ Нортономъ, воспитавшимъ ее въ провинціи, въ одномъ изъ кармелитскихъ монастырей, и вызвавшимъ ее незадолго предъ темъ въ Парижъ, для помещенія на должность гувернанты въ какое-нибудь богатое семейство Сен-Жерменскаго Предместія. Помещеніе Маргариты встретило однако какое-то затрудненіе, и аббатъ, считавшій неприличнымъ взять къ себе такую молодую и прекрасную девушку, успелъ упросить графиню де-Моранси позволить ей на время остаться въ ея доме.

Аббатъ Нортонъ зналъ, съ какою легкостью светъ готовъ былъ делать всегда самыя неблагопріятныя заключенія на счетъ поведенія духовнаго лица, и потому не хотелъ подать повода непріятелямъ сво-

нимъ къ обиднымъ для него толкамъ. Мы должны сказать, однакожъ, что въ этомъ отношеніи почтенный аббатъ былъ не правъ: онъ могъ бы оставить у себя эту дѣвушку, не опасаясь, чтобъ кто-нибудь вздумалъ обращать это въ дурную сторону и подозрѣвать чистоту его нравственности. Всѣ знали, что въ душѣ его, преисполненной безмѣрнаго честолюбія и глубокаго лицемѣрія, не могло оставаться мѣста для нѣжныхъ чувствъ, и при всемъ томъ, видя господина Нортона, никто не могъ бы угадать настоящаго его характера: онъ былъ малъ ростомъ, довольно толстъ, неуклюжъ, казался простакомъ, и, говоря всегда тихо и спокойно, почти никогда не воспламенялся.

Аббатъ Нортонъ писалъ не мало; но все выходившее изъ-подъ пера его носило на себѣ печать самой плачевной посредственности; надобно замѣтить, что онъ самъ не обольщался на счетъ своихъ литературныхъ достоинствъ; но если и цѣнилъ дешево свои сочиненія, то дѣлалъ это потому только, что вообще ставилъ ни во что всякій литературный талантъ. Литература была для него не наукой, а средствомъ, и ставить ему въ упрекъ неумѣніе писать было бы почти то же, что упрекать Наполеона въ неумѣніи владѣть ружьемъ. Для Наполеона писатель талантливый былъ солдатомъ, котораго генераломъ онъ признавалъ себя...

Но возвратимся къ разсказу.

Кромѣ трехъ особъ, о которыхъ мы говорили, въ гостиной былъ еще графъ де-Моранси; развалившись на диванѣ, онъ или спалъ, или дремалъ, или мечталъ, или просто не думалъ ни о чемъ. Одаренный чудесною способностью впадать иногда въ совершенную безчувственность, онъ въ эту минуту былъ чрезвычайно-похожъ на пароходъ, изъ котораго выпускали пары. Не показывая ни малѣйшихъ признаковъ жизни, онъ могъ по цѣлымъ часамъ оставаться въ креслахъ совершенно-неподвижнымъ, съ открытыми глазами, устремленными на одинъ и тотъ же предметъ, и потомъ вдругъ, при малѣйшемъ знакѣ, при одномъ словѣ, выходить изъ этого безчувственнаго состоянія, приниматься за дѣло и дѣйствовать съ силою и вѣрностью самой точной машины.

Всѣ эти четыре персонажа были уже около получаса заняты каждый своимъ дѣломъ, какъ вдругъ доложили о прибытіи аббата Нортона. Аббатъ вошелъ, какъ человѣкъ коротко-знакомый; при появленіи его, Юлій и Маргарита встали и поклонились съ робостью, которую обыкновенно чувствуютъ дѣти при видѣ своего учителя. Поклонъ, которымъ привѣтствовала его графиня де-Моранси, не имѣлъ въ себѣ ничего дружескаго и, казалось, она хотѣла сказать: «Я знаю, что вы пришли не для меня; адресуйтесь же къ тѣмъ, до кого имѣете дѣло.»

Аббатъ, повидимому, понялъ это, и послѣ знака, позволившаго мо-

лодымъ людямъ занять ихъ прежнія мѣста, онъ подошелъ къ г. де-Моранси и сѣлъ подлѣ него. Графъ, не измѣнивъ нисколько положенія, въ которомъ находился, обратилъ только свои тусклые глаза на аббата и, казалось, ожидалъ, чтобъ онъ началъ разговоръ. Аббатъ вынулъ изъ кармана небольшую книгу въ 8-ю долю листа и сказалъ графу:

— Читали вы эту книгу?

Графъ взглянулъ на заглавіе и, не двигаясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Намъ надобно, однакожь, имѣть завтра статью объ этихъ стихотвореніяхъ.

Графъ проворчалъ что-то про себя; но въ этомъ ворчаніи не было ни удивленія, ни гнѣва, ни досады, ни удовольствія; оно просто означало, что онъ слышитъ сказанное аббатомъ, который продолжалъ:

— Вотъ какая это книга.

Тутъ аббатъ вкратцѣ разсказалъ ея содержаніе, указывая на мѣста, которыя надобно было цитировать и замѣчая страницы уголками, чтобъ графъ могъ найдти ихъ. Де-Моранси слушалъ не измѣняя своей неподвижности, и на лицѣ его не было ни малѣйшихъ признаковъ, по которымъ можно было бы видѣть, что онъ понимаетъ все имъ слышанное; но, вѣроятно, аббатъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и продолжалъ съ жаромъ:

— Вы понимаете цѣль статьи: надобно, чтобъ авторъ счелъ себя обязаннымъ поблагодарить за нее. Если онъ пріидетъ къ вамъ, вы скажете ему, что я желаю его видѣть; если же пріидетъ ко мнѣ, я знаю уже, что̀ дѣлать. Не забудьте замѣтить, что ни одинъ оппозиціонный или министерскій журналъ не упомянулъ еще объ этой книгѣ, и что только мы одни умѣемъ отдавать должную справедливость истиннымъ талантамъ, не руководствуясь въ этомъ случаѣ духомъ партій.

Графъ не отвѣчалъ ни слова; онъ только приподнялся, придвинулъ къ себѣ столикъ, на которомъ были чернильница, перья и бумага; потомъ, взявъ книгу, произнесъ громко заглавіе ея:

— *Сѣверное Сіяніе, стихотворенія Пьерра Шамбеля.*

Сказавъ это, онъ принялся писать скоро и безъ малѣйшей остановки: машина была пущена въ ходъ и работала какъ-нельзя-лучше. Графиня де-Моранси не обращала ни малѣйшаго вниманія на все происходившее между мужемъ ея и аббатомъ Нортономъ до той минуты, какъ было произнесено имя Пьерра Шамбеля: при этомъ имени, она закрыла свою книгу и, обратясь къ аббату, попросила его передать ей томикъ стихотвореній; когда аббатъ исполнилъ ея желаніе, она сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ сѣлъ подлѣ нея.

— Какъ назвали вы автора этой книги?

— Пьерръ Шамбель, отвѣчалъ аббатъ.

— Странно! возразила графиня:—не знаю отъ кого, но я слышала, что какой-то г. Шамбель нанялъ павильйонъ рядомъ съ нашимъ домомъ.

— Молодой человѣкъ? спросилъ аббатъ.

— Мнѣ показалось, что ему не болѣе 25 лѣтъ.

— Не знаете, женатъ онъ?

— Я видѣла мелькомъ какую-то женщину, еще прекрасную собою; но она показалась мнѣ гораздо старѣе его.

— Въ такомъ случаѣ, сосѣдъ вашъ — авторъ этой книги, которая теперь у васъ въ рукахъ.

Разговоръ, повидимому, неимѣвшій въ себѣ ничего особенно-интереснаго, обратилъ на себя вниманіе двухъ другихъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ. Въ ту самую минуту, какъ графиня сказала, что Шамбель нанялъ сосѣдній домъ, Маргарита положила свое вышиванье, а когда рѣчь дошла до красоты г-жи Шамбель, Юлій положилъ преогромную лепешку на лицо какой-то фигуры, которую раскрашивалъ. Все это ускользнуло отъ вниманія графини и аббата, которые продолжали свой разговоръ, не думая, чтобъ кто-нибудь могъ его слышать; пишущая машина не тревожила ихъ: они знали, что у ней нѣтъ ушей.

— Такъ эта книга точно заслуживаетъ вниманіе? сказала г-жа де-Моранси, перелистывая ее.

Аббатъ устремилъ на графиню испытующій взоръ; но онъ поторопился опустить глаза въ ту самую минуту, когда она въ свою очередь взглянула на него, и отвѣчалъ тономъ человѣка, который ничего не видѣлъ и ничего не угадывалъ:

— Да, графиня, въ этой книгѣ много достоинствъ, и было бы чрезвычайно-жалко, еслибъ человѣкъ съ такимъ талантомъ попалъ въ руки людей, которые могли бы употребить во зло его дарованіе и внушить ему порочныя правила.

Графиня не старалась понять, что̀ хотѣлъ сказать этимъ аббатъ, но устремивъ глаза на одну загнутую страницу, отвѣчала:

— Если такъ, то я прочту эту книгу съ удовольствіемъ.

— И сдѣлаете очень хорошо, замѣтилъ аббатъ.

Потомъ, обратясь къ графу, прибавилъ:

— Вы подпишете статью; я хочу, чтобъ г. Шамбель зналъ, что вамъ обязанъ за похвалы его книгѣ.

Въ первый разъ еще во взорѣ графа выразилось что-то похожее на вниманіе; казалось, онъ былъ очень удивленъ тѣмъ, чего отъ него требовали, и еслибъ онъ рѣшился сдѣлать надъ собою усиліе и сказать слово, то конечно спросилъ бы аббата:

— Для чего жь нужно вамъ, чтобъ я подписалъ свое имя?

Сама графиня, не смотря на свою женскую проницательность, не поняла въ первую минуту намѣренія аббата; она только сказала самой-себѣ: «Г. Шамбель вѣрно прійдетъ поблагодарить моего мужа, и я увижу этого интереснаго молодаго человѣка съ прекрасными черными глазами, который смотритъ на меня такъ пристально, когда я сижу у окна.» Вы видите, что графиня угадала, какой результатъ долженъ быть послѣдовать отъ подписи статьи, но она никакъ не могла вообразить, чтобъ аббатъ требовалъ подписи именно для того только, чтобъ достигнуть такого результата. Статья была кончена; аббатъ взялъ ее, и, не поблагодаривъ даже графа, сказалъ ему:

— Будемъ надѣяться, что Богъ, котораго пути неисповѣдимы, какими-нибудь средствами, которыхъ мы не можемъ ни предвидѣть, ни судить, устроитъ такъ, что этотъ молодой человѣкъ сдѣлается однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ религіи и праваго дѣла!

Г. де-Моранси снова развалился на диванѣ и снова принялъ свое неподвижное положеніе; Маргарита вышивала съ такимъ усердіемъ и съ такою торопливостью, что даже дыханіе ея, казалось, было стѣснено отъ этого; Юлій покрывалъ лица на гравюрахъ голубою краскою; графиня съ жадностью читала уже стихотворенія, о которыхъ мужъ ея только-что написалъ такую безпристрастную статью. Аббатъ Нортонъ оставилъ комнату, въ которой воцарилась совершенная тишина. Скоро съѣхалось нѣсколько гостей, и въ числѣ ихъ нѣкто г. Милонъ, который во всемъ составлялъ самую рѣзкую противоположность съ аббатомъ Нортономъ, хоть въ свѣтѣ и говорили, что онъ стремился къ одной съ нимъ цѣли и питалъ одинаковыя съ нимъ надежды. Г-ну Милону было лѣтъ около 50, но онъ сохранилъ еще остатокъ прежней красоты и отличался тѣмъ благороднымъ видомъ и пріятными манерами, которыя никогда не старѣются. Пріемъ ему сдѣланный былъ такой, какого только можетъ ожидать человѣкъ любезный, простодушный и снисходительный къ другимъ и къ самому-себѣ. Впрочемъ, между имъ и графинею де-Моранси замѣтна была какая-то короткость, не лишенная, однакожь, должнаго приличія, но доказывавшая, что ихъ связывало другъ съ другомъ чувство какой-то взаимной благодарности и какія-то пріятныя воспоминанія. Злословіе называло эти воспоминанія настоящимъ ихъ именемъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще предполагать, что г. Милонъ малѣйшею нескромностью подалъ къ тому поводъ. Хоть этотъ г. Милонъ долженъ играть въ нашемъ разсказѣ довольно значительную роль, но мы не упомянули бы теперь о немъ, еслибъ въ разговорѣ завязавшемся при этомъ посѣщеніи, онъ не сдѣлалъ предположенія которому конечно не думалъ придать никакой важности, но которое тѣмъ не менѣе дало совершенно-особенный оборотъ послѣдующимъ событіямъ. Г. Милонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, кото-

рые, умѣя говорить дѣльно о вещахъ дѣльныхъ, любятъ иногда для шутки составлять самыя странныя предположенія, не полагая, чтобъ слова ихъ могли быть приняты иначе, какъ за мистификацію.

— Что вы такое читали? спросилъ онъ у госпожи де-Моранси.

— А! сочиненія Шамбеля!

— Вы его знаете? спросила графиня.

— Сочиненія нѣтъ, сочинителя весьма мало.

— Мнѣ разсказывали про него самую драматическую исторію, замѣтила одна дама, по имени госпожа Ансьѐ, ревностная католичка, и притомъ писательница.—Говорятъ, что господинъ-Шамбель увезъ жену у мужа...

— Такъ онъ не женатъ? воскликнула съ живостію госпожа де-Моранси.

Госпожа Ансьѐ не дала продолжать ей неосторожныхъ вопросовъ и разсказала, какъ покинутый мужъ былъ убитъ на охотѣ, и какъ вдова его сдѣлалась настоящею госпожею Шамбель.

Можетъ-быть, господинъ-Милонъ не обратилъ должнаго вниманія на разсказъ женщины-писательницы, можетъ-быть хотѣлъ пошутить надъ нею, но едва успѣла она кончить, какъ онъ воскликнулъ:

— Помилуйте, можно ли имѣть такое дѣтское простодушіе! И вы повѣрили, что мужъ, имѣвшій счастіе отдѣлаться отъ жены, былъ такъ неостороженъ, что самъ сломалъ себѣ шею?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ: его убили.

— Кто же?

— Вѣроятно тотъ, съ кѣмъ онъ былъ на охотѣ; вѣдь онъ охотился не одинъ.

— Да; съ нимъ былъ егерь.

— Все это очень просто: егерь, преданный Шамбелю и женѣ своего господина, егерь, который, вѣроятно, помогалъ ихъ тайнымъ свиданіямъ и который не могъ дѣлать дѣла вполовину, по своему собственному побужденію, а можетъ-быть и по чьему-нибудь внушенію, рѣшился избавить страстныхъ любовниковъ отъ препятствія, мѣшавшаго ихъ свиданіямъ; любовники сдѣлались супругами, а егерь, получивъ отъ нихъ пенсію, вѣрно живетъ теперь припѣваючи въ какой-нибудь хижинѣ, окруженной виноградниками и плющемъ.

— Вы думаете? спросилъ Юлій дрожащимъ голосомъ.

— Разумѣется; это всегда такъ дѣлается, отвѣчалъ господинъ-Милонъ. — Спросите у госпожи Ансьѐ: въ ея романахъ только и видите, что подобные случаи.

Графиня де-Моранси пожала плечами; госпожа Ансьѐ, занятая разговоромъ съ кѣмъ-то другимъ, не слыхала послѣднихъ словъ и не отвѣчала на нихъ; но Юлій и Маргарита, неимѣвшіе еще свѣт-

ской опытности, повѣрили господину-Милону, не смѣя даже предполагать, чтобъ такой человѣкъ могъ сказать неправду.

II.

Знаменитая статья была напечатана; но Шамбель узналъ о ней только по прошествіи нѣсколькихъ дней, хоть имѣлъ множество пріятелей, которые, конечно, не были бы такъ скромны, еслибъ дѣло шло не о похвалахъ, а о брани. Такъ бываетъ всегда въ литературѣ: похвали васъ кто-нибудь—всѣ молчатъ; разругай—и сотни языковъ донесутъ вамъ объ этомъ. Какъ бы то ни было, но Шамбель узналъ о статьѣ отъ книгопродавца, напечатавшаго его сочиненія, который совѣтовалъ ему лично поблагодарить рецензента за его хорошій отзывъ. Не смотря на все нежеланіе кланяться, молодой авторъ обѣщалъ сдѣлать въ тотъ же день требуемый отъ него визитъ и, купивъ нумеръ журнала, отнесъ его къ женѣ, которая съ своей стороны также уговаривала его послѣдовать совѣту книгопродавца. Только убѣдительныя просьбы Изоры могли наконецъ склонить Шамбеля идти къ графу де-Моранси; онъ успѣлъ прочитать его статью, и ему казалось, что она была слишкомъ-суха и не стоила такой поспѣшной благодарности.

Такое упорство Пьерра удивило его жену и было для нея совершенною новостью. До-сихъ-поръ, о книгѣ Шамбеля нѣкоторые журналы упоминали только вскользь, и то общими мѣстами. Изора была преисполнена негодованія къ такому роду критики, и удивлялась спокойному смиренію Шамбеля; но когда явилась критика дѣльная, разобравшая книгу по достоинству и поставившая ее очень высоко, когда критика эта была напечатана въ журналѣ, пользовавшемся извѣстностью, ей казалось страннымъ, что Шамбель оставался недоволенъ; Изора спрашивала самое-себя, не ошиблась ли она въ своемъ предположеніи, и то, что казалось ей благородною скромностію, не было ли въ мужѣ ея излишнею гордостью. Она старалась, однакожь, отдалить отъ себя эту мысль, и чтобъ доказать самой-себѣ несправедливость своего подозрѣнія, перестала уговаривать мужа. Этого было довольно, чтобъ заставить его рѣшиться сдѣлать немедленно визитъ, который казался ему такъ непріятенъ. Изора не подозрѣвала, что Пьерръ, по-видимому такъ презиравшій похвалы, адресованныя къ его книгѣ, жаждалъ услышать ихъ изустно; она не знала, что суетность поэта подобна жадности скупца, котораго не удовлетворяютъ мильйоны, и который собираетъ полушки...

Впрочемъ, эти размышленія не могли остановить надолго вниманіе Изоры, и случай совершенно-обыкновенный далъ мыслямъ ея другое, болѣе бурное направленіе. Когда Шамбель хотѣлъ уже ид-

ти, Изора спросила его, справился ли онъ о мѣстѣ жительства графа де-Моранси.

— Графъ нашъ сосѣдъ.

— Какъ, нашъ сосѣдъ?

— Да; онъ живетъ рядомъ съ нами по ту сторону сада.

— А! воскликнула г-жа Шамбель:—такъ дама, которую я вижу иногда у окна—графиня де-Моранси?

— Да.

— А молодая дѣвушка, которая прогуливается въ саду—дочь ея?

— Не думаю.

— Прекрасно! сказала Изора послѣ минутнаго молчанія:—я очень рада, что тебѣ недалеко идти; ты можешь нѣсколько продлить свой визитъ и возвратиться скорѣе домой.

Пьерръ ушелъ и первая мысль его жены была слѣдующая:

— Откуда знаетъ онъ все это?.. Онъ вѣрно справлялся обо всемъ. За чѣмъ? съ какою цѣлью? по какому случаю?...

И она силилась отдалить теперь отъ себя первое подозрѣніе, запавшее въ ея сердце, точно такъ же, какъ за минуту предъ тѣмъ старалась отдалить первое сомнѣніе въ откровенности характера своего мужа. Но это было не одно и то же: тогда она только удивилась, а теперь страдала; напрасно старалась она увѣрить себя, что мужъ ея могъ случайно узнать всѣ подробности о семействѣ графа Моранси; сердце ея отказывалось вѣрить тому, что̀ говорилъ разсудокъ. Она замѣтила въ этомъ домѣ женщину, еще довольно прекрасную собою, и молодую дѣвушку красоты необыкновенной; сосѣдство это было уже непріятно ей, и вотъ мужъ ея, по странному случаю, долженъ былъ идти въ этотъ домъ и знакомиться съ семействомъ, въ которомъ онъ, казалось, зналъ уже многое. Какое-то безпокойство овладѣло ею, и хоть она сама себѣ говорила, что все это было дѣломъ одного случая, что смѣшно тревожиться такими вздорами, однакожь, не смотря на это, подошла къ окну и, устремивъ взоры на домъ, въ которомъ былъ мужъ ея, хотѣла, казалось, проникнуть сквозь стѣну и видѣть, что̀ онъ тамъ дѣлаетъ. Она простояла у окна пять минутъ, а ей казалось, что прошелъ уже часъ; часы убѣдили се въ противномъ и доказывали, что не было еще физической возможности Шамбелю воротиться домой.

Отъ-чего же время казалось ей такъ продолжительно? Отъ-того, что ревность запала ей въ сердце . . . Что̀ же было причиною этой ревности? Мы не беремся отвѣчать на этотъ вопросъ. Скажемъ только, что ревность г-жи Шамбель, свойственная, можетъ-быть, ея характеру, могла развиться въ ней скорѣе, чѣмъ въ другой женщинѣ, и вотъ почему:

Положеніе ея было не совсѣмъ обыкновенно; конечно, она была

связана законными узами съ человѣкомъ, котораго любила, но узы эти были только слѣдствіемъ ея добровольнаго проступка. Еслибъ кто-нибудь вздумалъ со всею добросовѣстностію анализировать ея чувства, ему было бы нетрудно доказать, что женщина, которая приноситъ все въ жертву мужчинѣ, показываетъ ему больше любви и преданности, чѣмъ та, которая не отступаетъ ни на шагъ отъ своихъ обязанностей. Не смотря на это, мужчина облекаетъ всею своею довѣренностію именно ту женщину, которая не принесла ему никакой жертвы, и сомнѣвается въ той, которая для него же расторгла священнѣйшія узы и забыла свои обязанности.

Вотъ отъ-чего г-жа Шамбель чувствовала, что мѣсто, занимаемое ею въ сердцѣ Пьерра, было не то, которое могло бы принадлежать женщинѣ, чуждой всякаго упрека; она понимала по инстинкту, что настанетъ время, когда онъ, для оправданія своихъ проступковъ и слабостей, вооружится противъ нея ея же проступкомъ. Съ другой стороны, Изора была гораздо-старѣе Пьерра, и хоть красота ея прикрывала собою это неравенство лѣтъ, однакожь она знала, что въ свѣтѣ есть много женщинъ, которыя были гораздо-лучше ея... Болѣе же всего тревожила Изору перемѣна, происшедшая въ положеніи Пьерра. Когда она встрѣтилась съ нимъ, онъ былъ бѣднымъ, ничего незначащимъ молодымъ человѣкомъ, на котораго никто не обращалъ вниманія. Издавъ же свою книгу, онъ, такъ-сказать, понялъ собственное свое достоинство, и сохраняя къ Изорѣ признательность за то, что она первая умѣла оцѣнить его, онъ тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что заслуживалъ ея вниманіе. За недѣлю предъ тѣмъ, Шамбель былъ неизвѣстный поэтъ, которому женщина протянула руку, чтобъ исторгнуть его изъ ничтожества; теперь онъ сдѣлался равенъ ей, и ему не доставало только еще нѣсколькихъ успѣховъ, чтобъ изъ покровительствуемаго сдѣлаться покровителемъ.

Шамбель былъ принятъ какъ-нельзя-лучше въ домѣ графа де-Моранси, и пріемъ этотъ могъ въ полной мѣрѣ польстить ему, какъ литератору и какъ красивому мужчинѣ. Графъ разсыпался передъ нимъ въ похвалахъ его стихотвореніямъ; а графиня не спускала съ него глазъ, и въ этихъ глазахъ можно было прочесть все удовольствіе, которое доставляло ей присутствіе молодаго человѣка. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора, графъ вспомнилъ порученіе, сдѣланное ему г. Нортономъ, и, сказавъ Шамбелю о желаніи аббата познакомиться съ нимъ, прибавилъ, что если ему угодно, то они на-дняхъ могутъ вмѣстѣ сдѣлать визитъ аббату.

Шамбель, знавшій аббата Нортона по наслышкѣ и боясь его вліянія, колебался дать отвѣтъ; графиня, замѣтя это, сказала съ свойственною ей граціею:

— Можетъ-быть, г. Шамбель предпочелъ бы встрѣтиться съ аб-

батомъ гдѣ-нибудь случайно; нынче нашъ пріемный день; г. Нортонъ будетъ у насъ, и если г. Шамбелю угодно будетъ пожаловать вечеромъ, то онъ можетъ познакомиться съ нимъ здѣсь.

Г. де-Моранси, который до-сихъ-поръ говорилъ точно такъ же, какъ писалъ, то-есть съ совершенною неподвижностью физіономіи, дававшею ему, какъ мы уже сказали, видъ хорошо-устроенной машины, казалось, вдругъ пробудился, взглянулъ на г. Шамбеля, на жену свою и въ ту жъ минуту съ живостью, къ которой едва ли можно было считать его способнымъ, спѣшилъ отразить ударъ, ему приготовленный:

— Конечно, воскликнулъ онъ: — мы почтемъ себя очень счастливыми, если г. Шамбель сдѣлаетъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ; оно будетъ еще болѣе намъ пріятно, если онъ пожалуетъ вмѣстѣ съ г-жею Шамбель.

Теперь графиня въ свою очередь изумилась; но ей не оставалось ничего болѣе, какъ присоединить свою просьбу къ просьбѣ мужа, и Шамбель далъ наконецъ слово провести вмѣстѣ съ женою вечеръ у своихъ сосѣдей.

Пьерръ возвратился домой чрезвычайно-довольный; веселость его успокоила Изору; хорошій пріемъ ему сдѣланный приписывалъ онъ литературнымъ своимъ достоинствамъ, и сердце его было такъ преисполнено суетнаго удовольствія, что въ немъ не оставалось мѣста для какого-нибудь другаго чувства.

Таково было, по-крайней-мѣрѣ, первое впечатлѣніе, испытанное Изорою; она безъ противорѣчія приняла приглашеніе графини де-Моранси, и если въ сердцѣ ея таились еще кой-какія подозрѣнія, то она надѣялась увѣриться въ нихъ въ-продолженіи вечера. Она была почти увѣрена, что умѣетъ проникнуть въ намѣренія каждой женщины, какъ бы скрытны они ни были, и вѣроятно успѣла бы въ этомъ, еслибъ графиня де-Моранси была предоставлена самой-себѣ и собственной своей ловкости. Но она нашла въ аббатѣ Нортонѣ союзника, который умѣлъ быть ей полезнымъ, стараясь, впрочемъ, не показывать вида, что былъ ея сообщникомъ. Надобно замѣтить, что г. Нортонъ и графиня чувствовали другъ къ другу самую глубокую антипатію; холодный тонъ аббата доказывалъ графинѣ, что ему были извѣстны всѣ любовныя шашни ея, а насмѣшливая улыбка графини не позволяла ему сомнѣваться, что она не обманывалась его лицемѣрнымъ видомъ. Такимъ образомъ, не приступая никогда къ объясненію и сохраняя всегда самый церемонный тонъ, они понимали другъ друга какъ-нельзя-лучше и были всегда готовы на взаимныя услуги.

И такъ, аббатъ, предувѣдомленный о свиданіи, которое устроили

для него, явился раньше обыкновеннаго и, подсѣвъ къ г-жѣ де-Моранси, завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Извините, графиня, сказалъ онъ: — если я стану говорить о дѣлѣ, которое покажется вамъ конечно очень скучнымъ и если въ добавокъ къ тому попрошу васъ заняться имъ...

— Что такое?

— Если вы не забыли того, что̀ я говорилъ вчера графу на счетъ г. Шамбеля, то конечно поняли, что я желалъ привлечь этого молодаго человѣка на нашу сторону. Я почти знаю, что̀ онъ такое; но мнѣ совершенно неизвѣстны ни его образъ мыслей, ни правила, а главное — я неувѣренъ, можно ли положиться на его слово.

Графиня де-Моранси кивнула головою въ знакъ одобренія словамъ аббата, который между-тѣмъ продолжалъ:

— Невозможно разспрашивать человѣка о его качествахъ и намѣреніяхъ; кромѣ того, что это было бы неумѣстно, никто не можетъ поручиться за чистосердечіе его отвѣтовъ.

Новый знакъ одобренія со стороны графини.

— Еслибъ у меня былъ другъ, коротко-знакомый г. Шамбелю, я и тому не поручилъ бы этого щекотливаго дѣла, съ которымъ онъ долженъ былъ бы обратиться къ самому Шамбелю. Людей можно узнать только чрезъ тѣхъ, кто окружаетъ ихъ и въ особенности чрезъ тѣхъ, кто ихъ любитъ.

Г-жа де-Моранси взглянула на аббата, но не сдѣлала одобрительнаго знака; чувствуя, что критическая минута приближалась, она не хотѣла дать своего согласія, не взвѣсивъ прежде хорошенько того, чего отъ нея хотѣли.

— Еслибъ я не былъ такъ неловокъ въ подобныхъ разговорахъ, продолжалъ аббатъ: — то, признаюсь, не поколебался бы обратиться прямо къ самой г-жѣ Шамбель. Я не знаю ея; но, судя по тому, что̀ она сдѣлала, думаю, она должна любить своего мужа, и любовь эта должна замѣнять въ ней умѣнье судить о томъ, къ чему онъ способенъ и чего можно ожидать отъ него. Что̀ я хочу предложить ему, не имѣетъ въ себѣ ничего неблагороднаго, и я могъ бы сказать объ этомъ громко. Но мнѣ неизвѣстны ни его мнѣнія, ни правила, и если они противны моему образу мыслей, я отступлюсь отъ него, и мы останемся совершенно чужды другъ другу; если жь, напротивъ, онъ таковъ, какимъ я желаю его видѣть, то мы можемъ сойдтись. И такъ, я желалъ бы узнать отъ госпожи Шамбель о свойствахъ ея мужа; но мнѣ неловко приняться за это самому, тѣмъ болѣе, что она могла бы не понять чистоты моихъ намѣреній и принять ихъ въ дурную сторону.

Г-жа де-Моранси слушала внимательно аббата, и какъ, въ против-

ность ему, она любила, чтобъ дѣло было изложено со всею ясностію, то вотъ какимъ образомъ перевела себѣ всѣ запутанныя его фразы.

«Прежде, чѣмъ приступлю къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ-отношеніи къ Шамбелю, я хочу знать что это за человѣкъ; вы постарайтесь вывѣдать объ этомъ у жены его и скажите мнѣ—это на мою долю. Вниманіе ваше къ г–жѣ Шамбель и желаніе, которое вы обнаружили быть полезнымъ ея мужу, разсѣеть тѣ подозрѣнія ревности, которыя могли бы возродиться въ душѣ ея — это на вашу долю.» Такое условіе показалось графинѣ де-Моранси выгоднымъ, и она отвѣчала аббату:

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ надобно бы имѣть время сблизиться съ г–жею Шамбель прежде, чѣмъ мужъ ея будетъ вамъ представленъ.

— Мнѣ надобно сдѣлать теперь одинъ визитъ, сказалъ аббатъ:—я возвращусь около 10 часовъ.

Когда аббатъ отправился, г-жа де-Моранси, обдумавъ средство, имъ предложенное, нашла его такъ выгоднымъ, что рѣшилась употребить въ свою пользу. Мы уже сказали, что г–жа де-Моранси была недурна собою; но кромѣ красоты, лицо ея было одарено еще выраженіемъ какого-то добродушія, и, пользуясь этимъ преимуществомъ, она рѣшилась атаковать г-жу Шамбель прямо, безъ всякихъ приготовленій. Послѣ первыхъ привѣтствій, немного церемонныхъ, какъ это всегда бываетъ, графиня сѣла подлѣ г-жи Шамбель.

—Право, я не знаю какъ благодарить г. Шамбеля, что онъ съ такою снисходительностью принялъ приглашеніе моего мужа и доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами.

Другими словами, это значило: «знайте, что не я пригласила васъ, а мой мужъ». Изора приняла серьёзный видъ, который доказывалъ, что она не поняла настоящаго смысла сказанныхъ ей словъ. Графиня, замѣтя это, продолжала:

—Вы еще такъ молоды и такъ прекрасны, что я боюсь, не соскучитесь ли у насъ? здѣсь всѣ разговоры ограничиваются политикой и несносными спорами о ней.

— Я постараюсь найдти въ этихъ разговорахъ что-нибудь интересное, отвѣчала Изора сухо.

— О! продолжала графиня съ тономъ добродушія: — вы меня совершенно этимъ успокоиваете... Не скрою, что у меня есть къ вамъ политическое порученіе.

— Ко мнѣ? спросила Изора съ удивленіемъ.

— Да, къ вамъ, и отъ человѣка, котораго высокія достоинства и обширный умъ должны ручаться за благородство его намѣреній. Аббатъ Нортонъ, котораго вы знаете по-крайней-мѣрѣ по имени, желаетъ пригласить мужа вашего къ сотрудничеству въ его журналѣ; отличный талантъ г. Шамбеля заставилъ г. Нортона желать,

чтобъ предложеніе его не было отвергнуто; но есть вещи, о которыхъ мужчины не любятъ объясняться другъ съ другомъ; можетъ-быть, мнѣнія г. Шамбеля или какія-нибудь другія причины заставятъ его отказаться отъ предложеній г. Нортона, и вотъ чтò мнѣ поручено вывѣдать отъ васъ искуснымъ образомъ, и вотъ о чемъ я спрашиваю васъ съ полною откровенностью.

Изора, приготовлявшаяся услышать совсѣмъ другое, была приведена въ замѣшательство вопросами г-жи де-Моранси и, не будучи въ состояніи отвѣчать въ ту же минуту, дала тѣмъ графинѣ случай еще больше выказать свою откровенность:

— Еслибъ г. Нортонъ услыхалъ, что я сдѣлала вамъ этотъ вопросъ такъ прямо, то конечно сталъ бы упрекать меня въ опрометчивости; но, признаюсь чистосердечно, я тщетно пріискивала какую-нибудь хитрость, съ помощію которой могла бы вывѣдать отъ васъ то, чтò мнѣ знать нужно. Вывѣдать что-нибудь у женщины хитростью — сами вы знаете — не такъ легко, кàкъ думаютъ мужчины; вы, конечно, угадали бъ все съ первыхъ словъ. Теперь вы знаете, чтò мнѣ поручили узнать и съ какою цѣлью. Можете ли вы и хотите ли отвѣчать мнѣ?

— Я не имѣю права, графиня, располагать тайнами моего мужа; не думаю однакоже, чтобъ онъ былъ воспитанъ въ томъ образѣ мыслей, которыми отличается г. Нортонъ, и потому не могу сказать, пріиметъ ли онъ его предложеніе.

— О! воскликнула г-жа де-Моранси: — это дѣло, касающееся собственно до нихъ; вы понимаете, что г. Нортонъ, который будетъ говорить вашему мужу съ такою же откровенностью, съ какою я говорю вамъ, желаетъ только увѣриться, что предложеніе его не будетъ оскорбительно для г. Шамбеля, и если вы хотите, чтобъ я сказала вамъ все, то признаюсь, г. Нортонъ надѣется на ваше содѣйствіе, если вы съ своей стороны признàете желаніе свое удобоисполнимымъ.

— На мое содѣйствіе, графиня! воскликнула Изора, еще съ большимъ изумленіемъ.

— Если я ужь приняла на себя порученіе, то должна выполнить его какъ умѣю лучше. И такъ, еслибъ вы были не г-жа Шамбель, я сказала бы вамъ за тайну, что г. Нортонъ безъ ума отъ вашего мужа, и что если онъ однажды кого полюбитъ, то не успокоится до-тѣхъ-поръ, пока не доставитъ ему всего. Но я пустилась въ пророчества, тогда, какъ мнѣ надобно только развѣдывать. Чтò жь должна я отвѣчать г. Нортону?

Г-жа Шамбель была въ нерѣшимости; вдругъ въ головѣ ея мелькнула мысль, что лучшимъ ручательствомъ въ постоянствѣ ея мужа была бы тѣсная связь его съ человѣкомъ, который извѣстенъ непо-

мѣрнымъ своимъ честолюбіемъ и который не замедлилъ бы заразить сердце Пьерра этою страстью, поглощающею всѣ другія. Мысль эта заставила Изору рѣшиться; она выразила графинѣ всю свою благодарность къ г. Нортону и сказала прямо, что человѣкъ, который будетъ умѣть только взяться за ея мужа, можетъ сдѣлать изъ него все, что захочетъ. Въ эту минуту она была далеко отъ всякой ревности. Когда г. Нортонъ возвратился и когда графиня пересказала ему объ успѣхѣ даннаго ей порученія, онъ отвѣчалъ ей самымъ безстрастнымъ и серьёзнымъ тономъ:

— Въ такомъ случаѣ, вы можете быть увѣрены, что г. Шамбель будетъ нашъ.

Графиня поняла эту эпиграмму, но не отвѣчала ни слова.

Дѣйствительно, два дня спустя, Пьерръ сдѣлался сотрудникомъ аббата, а графиня де-Моранси другомъ г-жи Шамбель... Мы увидимъ, продолжительна ли была эта дружба.

III.

Перенеситесь теперь въ кабинетъ къ аббату Нортону. Кабинетъ его былъ довольно-обширная комната, обитая зеленымъ сукномъ; большая картина, изображающая снятіе со креста, занимала середину главной стѣны; другія стѣны были увѣшаны гравированными изображеніями святыхъ; но по странной особенности, которая не могла быть случайною, во всей этой коллекціи не было ни одной женщины. Аббатъ Нортонъ сидѣлъ у огромнаго письменнаго стола, заваленнаго книгами и бумагами; онъ былъ занятъ корректурою журнальной статьи, когда ему доложили, что какой-то священникъ, неимѣющій чести быть ему извѣстнымъ, желалъ видѣть его. Принявъ за постоянное правило никому не отказывать, г. Нортонъ приказалъ просить гостя, и чрезъ нѣсколько минутъ слуга, отворивъ двери, доложилъ объ аббатѣ Фортенѣ. Это былъ человѣкъ очень высокаго роста; сѣдые волосы покрывали его голову; одежда его отличалась чрезвычайною простотою, а лицо и поступь дышали благородствомъ. Г. Нортонъ устремилъ на него свои быстрые, проницательные глаза и привѣтливая улыбка, съ которою онъ готовился-было встрѣтить своего гостя, вдругъ исчезла съ лица его, уступивъ мѣсто самой холодной и почти дерзкой минѣ. Перемѣна эта была слѣдствіемъ инстинктивнаго убѣжденія, сказавшаго Нортону, что предъ нимъ былъ человѣкъ души возвышенной и сильной, человѣкъ, котораго открытый взглядъ и строгое лицо служили доказатетьствомъ, что онъ не могъ ни раздѣлять его мнѣній, ни одобрять его правилъ. Еслибъ аббатъ Фортенъ не былъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, то г. Нортонъ, можетъ-быть, не предложилъ бы ему стула, а принялъ бы его стоя,

какъ принимаютъ людей, отъ которыхъ желаютъ скорѣе отдѣлаться: но холодность, съ какою онъ исполнилъ этотъ долгъ вѣжливости, доказывала, что посѣщеніе аббата Фортена было ему непріятно.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю я честь говорить? спросилъ г. Нортонъ:—и какой случай доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть?

— Я занимаю мѣсто священника въ небольшомъ городкѣ Л... отвѣчалъ г. Фортенъ:—въ этомъ званіи былъ я духовникомъ и другомъ молодой дѣвушки, воспитывавшейся на вашемъ попеченіи въ тамошнемъ монастырѣ, и пришелъ теперь къ вамъ поговорить о Маргаритѣ.

— Вы пришли отъ ея имени? спросилъ г. Нортонъ, сдѣлавъ удареніе на послѣднее слово.

— Отъ ея имени, г. аббатъ; но что хочу я сказать вамъ на счетъ ея, слишкомъ далеко отъ мыслей бѣдной дѣвушки.

— Я думалъ, что пріобрѣлъ уже довольно правъ на довѣренность Маргариты; мнѣ казалось, что, не прибѣгая къ посредничеству посторонняго лица, она могла бы обратиться прямо ко мнѣ съ своею просьбою.

— Она такъ и сдѣлала, г. аббатъ, отвѣчалъ Фортенъ, какъ-будто не замѣчая колкости, заключавшейся въ словахъ Нортона: — но потому ли, что ваши многочисленныя занятія заставили васъ забыть объ этомъ, или потому-что вы нехорошо поняли всей важности ея просьбы, вы не дали ей никакого отвѣта.

—Что жь это за просьба, которую такъ трудно понять и для объясненія которой нуженъ особый посланникъ? спросилъ Нортонъ тономъ смиренія, столь мало соотвѣтствовавшимъ настоящему смыслу его словъ.

— Просьба эта состоитъ въ томъ, чтобъ вы позволили ей оставить домъ графини де-Моранси.

— Я отвѣчалъ Маргаритѣ, что по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ она не можетъ еще вступить въ семейство, которое, по моей убѣдительной просьбѣ, согласилось принять ее; что надо подождать еще нѣсколько времени.

— Но не было ли бы лучше, еслибъ она дожидалась этого въ другомъ мѣстѣ, а не въ домѣ графини?

— Домъ графини де-Моранси, какъ и она сама, заслуживаютъ полнаго уваженія, милостивый государь.

Аббатъ Фортенъ, въ свою очередь, устремилъ на Нортона быстрый, проницательный взглядъ, но не замѣтилъ на лицѣ его никакого замѣшательства. Старикъ зналъ, что передъ нимъ былъ отъявленный лицемѣръ, но зналъ также, что онъ не имѣлъ никакого права дать ему это почувствовать, и потому, помолчавъ съ минуту, сказалъ вѣжливымъ, спокойнымъ тономъ:

— Не-уже-ли бѣдному деревенскому священнику суждено лучше проникать въ интриги свѣта, чѣмъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ нашей эпохи? Врядъ ли можно было бы повѣрить этому, еслибъ не было дознано, что человѣкъ, предавшійся высшимъ политическимъ соображеніямъ, часто отчуждается отъ міра болѣе, чѣмъ тотъ, кто живетъ въ глуши какого-нибудь отдаленнаго мѣстечка. Вижу, что мы теперь именно въ такомъ положеніи съ вами, — и потому я, бѣдный деревенскій священникъ, постараюсь открыть вамъ глаза и скажу прямо: «нѣтъ, домъ графини де-Моранси не можетъ быть приличнымъ убѣжищемъ для Маргариты».

Лицо Нортона умѣло сохранять во всякомъ случаѣ, какъ бы неожиданъ онъ ни былъ, совершенное безстрастіе и холодность, и потому слова Фортена не могли произвесть на немъ ни изумленія, ни досады, и онъ спросилъ его очень спокойно:

— Развѣ Маргарита видѣла въ этомъ домѣ что-нибудь предосудительное, или неприличное?

—Благодаря Бога, до-сихъ-поръ этого еще не было; взоры невинности сами прикрываютъ все дурное своими чистыми лучами; но Маргаритѣ надобно оставить этотъ домъ, для того именно, чтобъ она наконецъ не увидѣла въ немъ чего-нибудь подобнаго. До-сихъ-поръ она только страдала и подвергалась опасности...

— Нельзя ли узнать, чѣмъ она страдала и какой опасности подвергалась?

— Она страдала страданіемъ, непонятнымъ еще для нея-самой, но которому малѣйшее обстоятельство можетъ придать настоящій смыслъ; она подвергалась опасности, которую готовитъ ей одна изъ самыхъ бурныхъ и необузданныхъ страстей.

— Извините, я не понимаю васъ. Если это страданіе не имѣетъ имени для Маргариты, то оно, вѣроятно, имѣетъ его для васъ и для меня, точно такъ же, какъ и страсть, о которой вы говорите.

Фортенъ взглянулъ строго на г. Нортона; такая непонятливость могла быть только притворствомъ, и онъ воскликнулъ громкимъ, выразительнымъ голосомъ:

—Маргарита любитъ г. Шамбеля, сама не понимая своихъ чувствъ къ нему, — вотъ причина ея страданій. Г-жа Шамбель ревнуетъ къ ней своего мужа, — вотъ опасность, которая угрожаетъ ей.

Слова эти были слишкомъ-ясны и не позволяли Нортону упорствовать долѣе въ непонятливости; но, какъ искусный іезуитъ, онъ не смѣшался и отвѣчалъ:

— Если сказанное вами правда, то не моя вина, если домъ графини де-Моранси сдѣлался опасенъ для Магариты.

Это желаніе оправдаться, когда его не обвиняли, это стараніе сложить всю вину на бѣдную дѣвушку, слабую и беззащитную, возбу-

дили все негодованіе добраго священника, и онъ возразилъ еще болѣе-строгимъ тономъ:

— Повторяю вамъ, что домъ графини де-Моранси ни въ какомъ случаѣ не приличенъ для Маргариты!

— Вы приводите меня въ изумленіе, г. аббатъ! воскликнулъ Нортонъ, прикидываясь опять, что не понимаетъ его: — еслибъ не санъ вашъ, то я могъ бы подумать, что вы слишкомъ-опрометчиво повѣрили какой-нибудь клеветѣ. Я имѣю честь знать графиню де-Моранси очень давно и никогда не замѣчалъ, чтобъ...

— Оставимъ прошедшее г-жи де-Моранси; настоящее ея такъ ясно, что можетъ открыть глаза тѣмъ, которые хотятъ видѣть...

— Но не-уже-ли вы поставите въ вину графинѣ эту преступную любовь? и не-уже-ли думаете, что совѣты, еще болѣе преступные...

— Графиня де-Моранси еще такъ хороша собою, что въ подобныхъ дѣлахъ, вѣроятно, не захочетъ быть второстепеннымъ лицомъ; но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ хитра и такъ осторожна, что, конечно, не посовѣстится избрать себѣ ширмами даже самую невинную дѣвушку.

— Позвольте мнѣ опять сказать вамъ, что я не понимаю васъ.

Терпѣніе аббата Фортена не устояло противъ этого новаго притворства Нортона, и онъ сказалъ громкимъ голосомъ:

— Знайте же, г. аббатъ, что графиня де-Моранси любовница г-на Шамбеля, и что, не смотря на это, она умѣла обратить ревность г-жи Шамбель на Маргариту.

— Что̀ вы это? Богъ съ вами! воскликнулъ Нортонъ, сдѣлавъ крестное знаменіе и замолчалъ, какъ-будто не находя слова, которымъ могъ бы опредѣлить всю дерзость такого обвиненія.

Фортенъ съ смиреніемъ склонилъ голову; онъ понялъ, но слишкомъ поздно, что выраженіе, употребленное имъ, не соотвѣтствовало ни лѣтамъ его, ни сану, и прибавилъ тихо:

— Я дурно выразился, г. аббатъ, но сказалъ правду.

Въ первую минуту, Нортонъ подумалъ, что имѣлъ дѣло съ человѣкомъ робкимъ, который готовъ будетъ отказаться отъ своего мнѣнія; но послѣднія слова старика доказывали противное. Тогда Нортонъ пустился въ длинную іереміаду: говорилъ о клеветѣ, никого не щадящей, о безнравственности вѣка, о развратѣ, прививающемся къ самымъ юнымъ сердцамъ. Трудно сказать, какую именно цѣль имѣла эта длинная проповѣдь; но аббатъ Фортенъ понялъ, что въ ней Маргарита была принесена въ жертву графинѣ де-Моранси, и, принявъ опять свой строгій видъ, отвѣчалъ сухо:

— Все, что̀ вы сказали, мнѣ кажется очень умно; не мое дѣло входить въ подробное разсмотрѣніе отношеній людей, мнѣ совершенно чуждыхъ, и я готовъ согласиться, что, можетъ-быть, отношенія

эти не такъ порочны, какъ кажутся; но безумная любовь Маргариты къ Шамбелю неподвержена никакому сомнѣнію; она ясна, какъ день, и потому-то непремѣнно должно удалить бѣдную дѣвушку изъ дома, въ которомъ она имѣетъ случай видѣть г-на Шамбеля ежедневно.

— Но если Маргарита такъ легко влюбляется въ перваго встрѣчнаго, то надо знать, раздѣляетъ ли г. Шамбель ея чувства; если даже званіе человѣка женатаго не могло остановить ея страсти, то какой же домъ можетъ служить ей безопаснымъ убѣжищемъ? Она вездѣ встрѣтитъ молодыхъ людей, красивыхъ и любезныхъ...

— Единственное убѣжище, приличное Маргаритѣ, возразилъ Фортенъ: — домъ, гдѣ она была воспитана, и я пришелъ просить васъ позволить мнѣ отвезти ее туда.

— Хорошо, г. аббатъ, хорошо... я... подумаю объ этомъ... я самъ поговорю съ Маргаритой.

— Она стоитъ на краю пропасти; умоляю васъ, не медлите спасти ее. Завтра пріѣду я за отвѣтомъ.

— Вамъ ненужно безпокоиться: Маргарита сама передастъ вамъ отвѣтъ.

Оба аббата разстались недовольные другъ другомъ. Нортонъ былъ очень озабоченъ всѣмъ случившимся... Отослать Маргариту въ ея монастырь было бы мѣрою самою приличною и самою легкою; но замыслы хитраго аббата могли бы потерпѣть отъ того. Стараясь помѣстить свою питомицу гувернантою въ богатое, знатное семейство, онъ не только хотѣлъ пристроить ее, но и сдѣлать орудіемъ своихъ плановъ, онъ хотѣлъ дѣйствовать посредствомъ ея на членовъ этого семейства, вывѣдать всѣ ихъ тайны и управлять ими по своему произволу. Мало того, онъ, какъ настоящій іезуитъ, для котораго всѣ средства казались позволительными, разсчитывалъ даже на необыкновенную красоту Маргариты и надѣялся, что она только по названію будетъ гувернантою и пріобрѣтетъ скоро всѣ права на полную довѣренность отца своихъ воспитанницъ, который не отличался особеннымъ постоянствомъ.

Все это не позволяло ему удалить Маргариту, и онъ рѣшилъ, что она не возвратится въ монастырь. Но въ домѣ графини де-Моранси легко могла случиться какая-нибудь скандалёзная исторія, въ которой имя Маргариты было бы неминуемо замѣшано, и это конечно воспрепятствовало бы ей вступить въ то семейство, на которое онъ имѣлъ свои виды. Обстоятельство это не позволяло ему оставить Маргариту у графини, и онъ рѣшился въ тотъ же вечеръ пріискать какое-нибудь средство взять ее оттуда подъ благовиднымъ предлогомъ.

Между-тѣмъ, аббатъ Фортенъ, согласно обѣщанію, данному имъ

Маргаритѣ, отправился къ ней, чтобъ разсказать о результатѣ своего визита. Когда онъ пришелъ въ домъ графини де-Моранси, ему сказали, что Маргариты не было дома.

— Если вы желаете видѣть мамзель Маргариту, сказала служанка: —никогда не приходите отъ 3 до 5 часовъ; въ это время, она ежедневно выходитъ со двора.

— А можно ли видѣть графиню? спросилъ аббатъ.

— Нѣтъ, сударь. Она также выѣхала.

— Вмѣстѣ съ мамзель Маргаритой?

— Нѣтъ-съ, мамзель Маргарита ушла черезъ четверть часа послѣ графини.

Г. Фортенъ былъ чрезвычайно удивленъ такою странностью, но, не желая показать этого служанкѣ, не сталъ продолжать своихъ вопросовъ и удалился, сказавъ, что пріидетъ опять вечеромъ. Тогда было четыре часа.

Входя въ домъ графини, Фортенъ замѣтилъ стоявшую недалеко оттуда карету, въ которой сидѣла какая-то женщина, проворно спрятавшаяся при его появленіи; то же самое повторилось и при его выходѣ. Аббатъ тотчасъ понялъ, что она наблюдаетъ за тѣми, кто входитъ въ этотъ домъ и выходитъ оттуда — и мысль, что то могла быть госпожа Шамбель, показалась ему довольно вѣроятною. То, что онъ слышалъ на счетъ Маргариты, чрезвычайно его удивило и онъ напрасно старался объяснить себѣ причину ежедневныхъ ея отлучекъ; все это до того его тревожило, что онъ рѣшился наконецъ также взять наемную карету. Едва успѣлъ онъ помѣститься въ ней, какъ увидѣлъ графиню де-Моранси, возвратившуюся домой вмѣстѣ съ г-жею Ансьё. Часа полтора спустя, показалась Маргарита, шедшая очень скоро; вслѣдъ за нею явился и г. Шамбель, вошедшій къ себѣ въ домъ.

Только-что они успѣли скрыться, какъ дама, сидѣвшая въ каретѣ, поспѣшно выскочила; Фортенъ узналъ г-жу Шамбель: сильное душевное волненіе выразилось на лицѣ ея; бросивъ кучеру какую-то монету и не дождавшись сдачи, она побѣжала къ дому. Фортенъ, опасавшійся какой-нибудь сцены, въ которую могла быть замѣшана Маргарита, пошелъ-было за г-жею Шамбель, чтобъ въ случаѣ нужды заступиться за бѣдную дѣвушку; но г-жа Шамбель вдругъ какъ-будто перемѣнила намѣреніе и вошла къ себѣ въ домъ.

Первое слово Шамбеля, возвратившагося въ этотъ день съ прекраснымъ аппетитомъ, было:

— Велите давать кушать.

— Барыни еще нѣтъ дома, отвѣчалъ слуга.

Отвѣтъ этотъ, вѣроятно, не понравился Шамбелю; онъ нахмурил-

ся, и когда Изора явилась домой блѣдная, разстроенная, онъ сказалъ ей тономъ упрека:

— Какъ ты поздно возвращаешься домой, Изора!

— Двумя минутами позже тебя, отвѣчала госпожа Шамбель, затворяя поспѣшно дверь комнаты.

— Я ужѐ полчаса здѣсь.

— Ты здѣсь столько времени, сколько мнѣ было нужно, чтобъ выйдти изъ кареты, которая стояла передъ домомъ и изъ которой я видѣла тебя возвратившагося вслѣдъ за этой презрѣнной тварью...

— Чтò это значитъ? воскликнулъ Шамбель, который только теперь замѣтилъ необыкновенную блѣдность жены своей и судорожное трепетаніе всѣхъ ея членовъ. — Чтò съ тобою? Чтó хочешь ты сказать? Чтò значитъ этотъ гнѣвъ?..

— То, что ты злодѣй, ты...

Сильное стѣсненіе груди не позволило ей кончить. Она упала на диванъ блѣдная, съ неподвижнымъ взоромъ, схватившись за голову обѣими руками.

— Но чтò съ тобою? спросилъ опять Шамбель.

Она встала, не отвѣчая ему ни слова, и вошла въ свою комнату, куда онъ послѣдовалъ за нею; тамъ взявъ графинъ, налила она стаканъ воды и выпила его зàлпомъ, стараясь пересилить судорожный трепетъ, отъ котораго зубы ея, касаясь хрусталя, стучали объ него. Потомъ, видя, что мужъ смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, подошла къ зеркалу, поправила волосы и взявъ колокольчикъ, сильно позвонила.

— Подавайте кушанье! сказала она повелительнымъ тономъ вошедшему слугѣ.

— Да скажешь ли ты мнѣ наконецъ, чтò все это значитъ? воскликнулъ Шамбель.

— Чтò такое? спросила Изора хладнокровно и какъ-будто съ удивленіемъ.

— Да то, чтó ты сейчасъ сказала.

— Какъ, развѣ я что-нибудь сказала?.. воскликнула она какъ-будто пробуждаясь...—А что такое сказала я?

— Помилуй, да эти слова: злодѣй и еще что-то...

— А! я сказала это?.. возразила она съ притворнымъ равнодушіемъ.—Можетъ-быть, не помню...

Шамбель глядѣлъ на Изору точно такъ, какъ-будто считалъ ее сумасшедшею; она засмѣялась, пожала плечами:

— Пойдемте обѣдать, я не хочу заставлять васъ дольше дожидаться...

— Но я не пойду обѣдать не узнавъ, чтò значатъ ваше волненіе, ваши слова...

— Какія слова?..

— Да тѣ, которыя вы сейчасъ сказали въ той комнатѣ, произнесъ Шамбель съ сердцемъ.

— Вы еще думаете объ этомъ?.. Я уже сказала вамъ, что забыла ихъ... Хотите ли вы идти обѣдать?

— Нѣтъ!

— Какъ вамъ угодно!

Сказавъ это, Изора сѣла на диванъ и, взявъ книгу, стала читать очень спокойно. Шамбель глядѣлъ на нее съ изумленіемъ, ничего не понимая; все это было для него или припадкомъ безумія, или самою обидною насмѣшкою. Онъ прошелъ нѣсколько разъ по комнатѣ не зная, что̀ дѣлать, что̀ начать. Первыя слова, сказанныя его женою, были такъ ясны, что нельзя было усомниться въ настоящемъ ихъ значеніи, и вдругъ, послѣ такого взрыва, все прошло, все успокоилось. Нѣсколько минутъ былъ онъ въ жестокомъ и вмѣстѣ комическомъ недоумѣніи, останавливался предъ женою и смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, стараясь поймать на лицѣ какой-нибудь слѣдъ прежней тревоги. Но она читала съ величайшимъ вниманіемъ и даже порою улыбалась.

Положеніе Шамбеля было очень-странно; внутренно взбѣшенный, онъ готовъ былъ на кого-нибудь излить весь гнѣвъ свой, но въ то же время боялся сдѣлать какую-нибудь глупость и измѣнить самому-себѣ. Вообразите человѣка на краю широкаго оврага, чрезъ который онъ хочетъ перескочить: онъ измѣряетъ его глазами и приготовляется прыгнуть; но вдругъ мысль, что онъ можетъ упасть, останавливаетъ его, и усиліе, сдѣланное имъ, пропадаетъ даромъ; онъ только снова вытягиваетъ шею, чтобъ заглянуть на дно оврага, поворачивается и отходитъ прочь. Шамбель сдѣлалъ почти то же; онъ кончилъ слѣдующими вопросами:

— Угодно ли вамъ идти обѣдать?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала Изора.

Ласковость этого отвѣта заставила подумать Шамбеля, что онъ можетъ получить наконецъ желаемое объясненіе, и въ ту минуту, когда жена его поравнялась съ нимъ, онъ тихо взялъ ее за руку; но она поспѣшно отдернула руку и лицо ея снова измѣнилось.

— Но, скажи мнѣ ради Бога, что съ тобою? воскликнулъ Шамбель.

Одной минуты было достатотно для Изоры, чтобъ оправиться, и она отвѣчала съ тою жестокою кротостью, которая приводила въ бѣшенство ея мужа:

— Я иду обѣдать; вѣдь ты самъ позвалъ меня.

— Но зачѣмъ же отнимаешь ты у меня руку?

— Мы никогда не имѣли привычки ходить къ столу рука-объ-руку, какъ маленькія дѣти, отвѣчала Изора съ улыбкою.

Изора чувствовала, что не будетъ въ состояніи долго выдержать роль, которую приняла на себя, и потому поспѣшила въ столовую, гдѣ присутствіе слугъ неминуемо должно было заставить и ее и Шамбеля воздержаться отъ всякаго объясненія. Шамбель послѣдовалъ за нею взбѣшенный до невѣроятности; онъ съ наслажденіемъ переломалъ бы всю мёбель, бывшую въ комнатѣ, еслибъ не боялся показаться смѣшнымъ. Не имѣя возможности излить гнѣвъ свой этимъ путемъ, онъ сталъ ко всему придираться и все находить дурнымъ; Изора, вмѣсто того, чтобъ противорѣчить ему, во всемъ съ нимъ соглашалась, а это его бѣсило еще болѣе.

— Супъ этотъ никуда не годится! замѣтилъ Шамбель.

— Франсуа! воскликнула Изора, обращаясь къ оффиціанту:—скажи повару, что супъ этотъ никуда не годится.

— Дичь не дожарена!

— Франсуа, скажи повару, что эта дичь не дожарена.

И такимъ образомъ при каждомъ блюдѣ... Сначала, Шамбель не обратилъ на это вниманія; но при четвертой перемѣнѣ онъ взглянулъ на нее съ видомъ, который, казалось, спрашивалъ:

— Что это такое? Ты, кажется, смѣешься надо мною?

Но Изора приняла этотъ взглядъ съ улыбкою, исполненною ласки и кротости.

— Впрочемъ, я сама нѣсколько виновата, что обѣдъ кажется тебѣ такъ дуренъ. Я заставила тебя такъ долго дожидаться.

Шамбель разсердился еще болѣе и поклялся во что бы то ни стало добиться послѣ обѣда объясненія. Казалось, Изора угадала намѣреніе мужа, потому-что почти въ ту же минуту прибавила спокойнымъ тономъ:

— Франсуа, скажи Матильдѣ, чтобъ она приготовила мнѣ одѣться; я сейчасъ послѣ обѣда поѣду со двора...

— Куда же ты хочешь ѣхать? спросилъ Шамбель отрывисто.

— Мнѣ надобно сдѣлать визитъ г-жѣ Азьè.

— Г-жи Азьè нѣтъ дома; она обѣдаетъ у графини де-Моранси.

— Ты увѣренъ въ этомъ?

— Какъ-нельзя-болѣе.

— А кто сказалъ это тебѣ?

Шамбель закусилъ губы и отвѣчалъ:

— Графъ де-Моранси.

— Все равно; я все-таки одѣнусь и пойду къ графинѣ де-Моранси нѣсколько ранѣе обыкновеннаго.

— Такъ ты хочешь идти къ графинѣ?

— Развѣ она не принимаетъ?

— Почему же ей не принимать?

— Почему же мнѣ не идти?

— Потому-что я не располагаю быть тамъ.

— Я не хочу мѣшать тебѣ въ дѣлахъ твоихъ, и пойду одна.

— У меня нѣтъ никакихъ дѣлъ. Мнѣ хотѣлось бы остаться дома, и ты бы очень меня одолжила, еслибъ осталась со мною.

Глаза Изоры засверкали отъ гнѣва; но она въ ту же минуту отвѣчала:

— Хорошо, я останусь.

Обѣдъ кончился посреди глубочайшаго молчанія. Г-жа Шамбель становилась мрачной, и мужъ ея съ какою-то радостью видѣлъ, что буря не замедлитъ разразиться. Онъ хотѣлъ узнать во что бы то ни стало, что̀ все это значило, и еслибъ въ эту минуту хоть нѣсколько раздражилъ досаду Изоры, то безъ сомнѣнія вывелъ бы ее изъ той холодности, въ которой она упорствовала по разсчету; но онъ не умѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, и когда они вышли изъ-за стола, Изора снова приняла на себя видъ веселости и спокойствія, который такъ бѣсилъ ея мужа. Они вошли вмѣстѣ въ гостиную; Изора сѣла къ столу и начала писать какую-то записку съ величайшимъ хладнокровіемъ. Бѣдный Шамбель, хотѣвшій непремѣнно ссоры, спросилъ ее:

— Что ты пишешь?

— Я пишу къ графинѣ де-Моранси, что мы не можемъ быть къ ней сегодня вечеромъ, потому-что ты очень нездоровъ.

— Я не вижу никакой въ этомъ надобности; зачѣмъ писать то, чего нѣтъ?..

— Если тебѣ угодно, я напишу, что мы не будемъ, потому-что тебѣ не хочется...

— Не пиши ничего; это будетъ гораздо-лучше.

Изора взяла записку, бросила ее въ огонь, сѣла подлѣ камина и стала подбирать щипцами уголья. Шамбель снова началъ свою прогулку по комнатѣ; онъ, въ свою очередь, вздумалъ разыгрывать роль равнодушнаго и сказалъ:

— Читала ты этотъ журналъ?

— Читала.

— Что жь, интересенъ?

— Очень интересенъ.

Эти два отвѣта были достаточны, чтобъ остановить дальнѣйшіе вопросы Шамбеля.

— Такъ-то ты хочешь провести со мною вечеръ?

— А что̀ жь должна я дѣлать?

— Отвѣчать мнѣ, когда я говорю съ тобою.

— Я отвѣчаю.

Шамбель сложилъ на груди руки и, остановясь передъ Изорою, спросилъ:

— Когда кончится эта комедія?

— Когда тебѣ будетъ угодно.

— Ну, такъ объяснись.

— О чемъ?

— А! я вижу, это все одно и то же!

— Кажется.

— Прощай!

— Прощай!

Шамбель заперся въ своемъ кабинетѣ, а Изора кликнула горничную и стала одѣваться. Шамбель былъ взбѣшонъ и встревоженъ... Изора знала что-то, но что̀ именно? Въ этомъ-то и заключалась вся тайна; напрасно старался онъ угадать ее; напрасно ломалъ себѣ голову: ни одно изъ его предположеній не могло казаться ему возможнымъ. Наконецъ, онъ рѣшился пойдти къ Изорѣ и заставить ее говорить; но едва успѣлъ онъ переступить черезъ порогъ ея комнаты, какъ горничная подала ему записку:

«Ты, вѣрно, занятъ работой, а такъ-какъ присутствіе мое тебѣ не нужно, то я отправилась къ графинѣ де-Моранси, передъ которою извиню тебя.»

Записка эта была для Шамбеля громовымъ ударомъ. Изора ушла, ушла безъ его позволенія!.. Гнѣвъ закипѣлъ въ груди его; но скоро тысячи опасеній замѣнили въ немъ это чувство... Изора была у графини! Изора, вспыльчивая, рѣшительная, готовая на все въ пылу страсти; Изора, доказавшая уже, какъ мало она дорожила мнѣніемъ свѣта!.. Все это представилось ему; онъ хотѣлъ-было писать къ ней, чтобъ она воротилась домой; но она могла не послушаться... Его страшила какая-нибудь сцена въ-присутствіи графини и гостей ея... Мысли его растерялись; онъ самъ не зналъ, что̀ дѣлалъ... наконецъ, схватилъ шляпу и побѣжалъ къ графинѣ.

IV.

Трепещущій, запыхавшійся, подошелъ онъ къ двери салона. Шумный, оживленный говоръ заставилъ его остановиться; мысль, что сцена, которой онъ такъ страшился, началась уже, облила его холодомъ; онъ хотѣлъ-было воротиться, но громкій смѣхъ, раздавшійся вскорѣ за тѣмъ, остановилъ его; онъ вообразилъ, что смѣялись надъ нимъ, и страхъ превратился въ ярость. Онъ вошелъ стремительно — и чрезвычайно удивился, что появленіе его не произвело никакого особеннаго эффекта. Гости, составлявшіе обыкновенное общество графини, сидѣли очень спокойно; между ними Шамбель увидѣлъ аббата

Фортена, разговаривавшаго отдѣльно съ Юліемъ. Г. Милонъ занималъ середину круга и оканчивалъ какой-то разсказъ, который, казалось, былъ очень смѣшонъ; Шамбель слышалъ только послѣднія слова этого разсказа и не обратилъ на нихъ вниманія, еслибъ г. Милонъ, въ видѣ заключенія, не прибавилъ, адресуясь къ нему:

—Кàкъ жаль, что вы не были сегодня въ редакціи! Клянусь вамъ, любезный другъ, вы много потеряли: тамъ случилась самая забавная сцена...

Шамбель не отвѣчалъ ни слова и съ недовольнымъ видомъ сѣлъ подлѣ графа де-Моранси, который, противъ обыкновенія, взглянулъ на него значительно, не измѣнивъ, впрочемъ, своего неподвижнаго положенія. Между-тѣмъ, разговоръ продолжался:

— Ну, чтò же, любезная г-жа Азьè! воскликнулъ г. Милонъ: — когда подарите вы насъ новымъ своимъ романомъ: *Добродѣтельный Супругъ*?

— Онъ давно уже конченъ; но мой издатель медлитъ выпускомъ.

Г. Нортонъ, сидѣвшій въ отдаленіи во время разсказа г. Милона, какъ человѣкъ, считавшій неприличнымъ принимать участіе въ общей веселости, всталъ и, подошедъ къ камину, сказалъ съ важностію:

— Да, желательно, чтобъ романъ этотъ появился скорѣе; послѣ всѣхъ безнравственныхъ книгъ, развращающихъ общество, пора бы отдохнуть надъ сочиненіемъ благонамѣреннымъ.

— Не знаю, успѣю ли я достигнуть цѣли, которую предположила себѣ, сказала г-жа Азьè съ смиреннымъ видомъ:—но если книга моя подѣйствуетъ хоть нѣсколько на умы, то, можетъ-быть, она успѣетъ остановить людей слабыхъ и малодушныхъ, которые, давая волю страстямъ своимъ, часто теряютъ и доброе имя, и семейное счастіе.

—Если книга ваша можетъ произвесть такое благодѣтельное дѣйствіе, замѣтила г-жа Шамбель:—то подвигъ вашъ будетъ поистинѣ великъ.

—Я не вижу, почему бы книга нравственная не могла произвести хорошаго вліянія, когда столько порочныхъ поступковъ и слабостей происходятъ отъ чтенія сочиненій безнравственныхъ.

Г-жа Шамбель не могла не примѣнить къ себѣ этой фразы; она поняла эпиграмму, но, какъ женщина умная, притворилась, что не понимаетъ ея, и отвѣчала очень спокойно:

— Если я сомнѣвалась въ благотворномъ вліяніи вашей книги, не смотря на всю нравственную цѣль ея, то сомнѣвалась потому-что не вѣрю также вліянію такъ-называемыхъ дурныхъ книгъ.

— Кàкъ? воскликнулъ аббатъ Нортонъ:—вы думаете, что порокъ,

выставляемый безпрестанно въ розовыхъ краскахъ, не можетъ имѣть вреднаго вліянія на юность, не можетъ развращать ея?..

— Юность, возразила г-жа Шамбель съ жаромъ:—я такъ думаю по-крайней-мѣрѣ, подвержена страстямъ, которыя и безъ пособія вредныхъ сочиненій развиваются сами-собою, не смотря ни на какой бдительный надзоръ. Сколько есть молодыхъ дѣвушекъ, которыя, не читавъ никогда ничего, кромѣ книгъ нравственныхъ, забываютъ всѣ свои обязанности и въ порочности своего поведенія далеко превосходятъ женщинъ, не убѣгающихъ чтенія книгъ, называемыхъ опасными.

При этихъ словахъ, аббатъ Фортенъ всталъ и вышелъ на середину салона, какъ-будто приготовляясь защитить ту, къ которой относилось это обвиненіе. Но аббатъ Нортонъ поспѣшилъ возразить:

— Еслибъ такая дѣвушка существовала, она была бы чудовищемъ; но я увѣренъ, что этого быть не можетъ, и въ этомъ ручается вамъ моя опытность.

Это возраженіе аббата Нортона, и тонъ, съ какимъ оно было пропроизнесено, доказало г-жѣ Шамбель, что обвиненіе, сдѣланное ею, было понято, и какъ всѣ умы, предубѣжденные въ чемъ-нибудь, она тутъ же подумала: «Маргариту защищаютъ, слѣдовательно, она виновна». Лукавый взглядъ, брошенный графинею де-Моранси на г-жу Азьѐ, серьёзный видъ г-на Милона, движеніе, сдѣланное аббатомъ Фортеномъ,—все это еще болѣе убѣдило ее въ предположеніи. Итакъ, интрига мужа ея была извѣстна всѣмъ! До-сихъ-поръ, г-жа Шамбель еще сомнѣвалась, теперь сомнѣніе превратилось въ увѣренность. Она вдругъ поблѣднѣла; чувство горести, казалось, готово было уничтожить ее; но она почти въ ту же минуту оправилась и глаза ея засверкали гнѣвомъ. Г. Милонъ, знавшій свѣтъ и сердце человѣческое гораздо-лучше, чѣмъ аббатъ Нортонъ, хотѣлъ дать г-жѣ Шамбель время оправиться, и съ живостію, которая была не въ его характерѣ, сказалъ Нортону:

— Извините меня, почтеннѣйшій аббатъ, но мнѣ кажется, что тэма, защищаемая вами, не совсѣмъ справедлива...

Нортонъ взглянулъ съ удивленіемъ на человѣка, осмѣлившагося сказать ему прямо, что онъ ошибался, и отвѣчалъ съ колкостью:

— Можетъ-быть, г-жа Шамбель права; есть люди, которыхъ новѣйшая литература не могла уже развратить.

— Конечно, возразилъ г. Милонъ, насмѣшливымъ тономъ: —есть мужчины и женщины, которые были уже развращены прежде существованія настоящей литературы; итакъ, если она не была виною разврата прошедшаго, то почему же ей быть причиной разврата будущаго?

Графиня де-Моранси и г-жа Азьѐ, взглянувъ другъ на друга, въ

смущенiи опустили глаза. Шамбель сидѣлъ молча, какъ истуканъ; графъ де-Моранси повернулся въ своихъ креслахъ, и это было знакомъ, что онъ понялъ эпиграмму г. Милона. Нортонъ также понялъ ее, но его iезуитское лицо осталось совершенно-спокойно, и онъ продолжалъ тихо съ прежнею важностью:

— Это большая разница...

— А я такъ думаю, что тутъ нѣтъ никакой разницы...

— Но какое заключенiе хотите вы вывести изъ всего этого? спросила г-жа Азьè съ презрительною миною.

— А вотъ какое, отвѣчалъ Милонъ съ улыбкой, и какъ человѣкъ, желающiй кончить скорѣе скучный, тяжелый разговоръ: — я думаю, что свѣтъ и теперь точно таковъ же, какъ былъ всегда; добро и зло управляютъ имъ почти въ равной степени; но проявленiе ихъ можетъ быть уже не то...

Въ эту минуту Милонъ стоялъ подлѣ г-жи Шамбель, которой испытующiй взоръ былъ устремленъ на Маргариту, и бѣдная дѣвушка невольно отъ него трепетала.

— Я думаю, прибавилъ Милонъ съ улыбкою, обращаясь къ Изорѣ: — я думаю, мы часто видимъ зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, и обвиняемъ невинныхъ, не смотря на то, читаютъ ли они дурныя книги, или не читаютъ.

Изора не могла не понять намѣренiя г. Милона, и гнѣвъ ея усилился отъ-того еще болѣе: стало-быть, ревность, мучившая ее, была обнаружена столь явно, что всѣ ее замѣтили; стало-быть, она сама выставила себя съ смѣшной стороны. Этого новаго огорченiя она не могла простить Маргаритѣ; она успѣла однакожь пересилить свою досаду, и отвѣчала Милону:

— Да, вы правы, часто обвиняютъ невинныхъ, и...

— И эти обвиненiя, не смотря на всю ихъ несправедливость, бываютъ почти всегда пагубны, слѣдовательно преступны, сказалъ аббатъ Фортенъ, перебивъ г-жу Шамбель.— Преступны, потому-что, не повредивъ невинности даже въ мнѣнiи свѣта, они тѣмъ не менѣе разрушаютъ чистоту ея, давая ей понятiе о порокѣ, — а невинность подобна нѣжному цвѣтку, который увядаетъ отъ малѣйшаго прикосновенiя...

Сравненiе это дурно удалось доброму аббату.

— Вы совершенно правы, господинъ-аббатъ, воскликнула г-жа Шамбель съ примѣтною радостью: — и я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣнiе, что съ нѣжными цвѣтами надобно обращаться осторожно. Отъ-того-то я почитаю всегда святотатствомъ забаву влюбленныхъ, которые, желая узнать, платятъ ли имъ взаимностью, обрываютъ листки бѣдной *маргаритки*...

Такое заключенiе произвело эффектъ необыкновенный.

— Эта женщина взбѣсилась! подумалъ г. Милонъ. Шамбель выпучилъ глаза: онъ теперь только понялъ заблужденіе жены своей; г. де-Моранси повернулся; Нортонъ потупилъ глаза предъ взоромъ аббата Фортена, полнымъ негодованія, а г-жа Азье и графиня де-Моранси остались совершенно-спокойными, какъ-будто не поняли сказаннаго.

Нѣсколько минутъ продолжалось глубочайшее молчаніе, во время котораго Изора, окинувъ торжествующимъ взоромъ все собраніе, остановила его наконецъ на бѣдной дѣвушкѣ. Маргарита не могла выдержать этого взгляда; голова ея склонилась на грудь, и страшная блѣдность покрыла лицо... Графиня де-Моранси, видя это, такъ перепугалась, что, желая удалить Маргариту, сдѣлала ей какое-то порученіе. Маргарита вышла изъ гостиной шатаясь. Аббатъ Фортенъ хотѣлъ-было послѣдовать за нею, но г. Нортонъ остановилъ его, сказавъ ему тихо:

— Не показывайте вида, что вы замѣтили смущеніе Маргариты: это значило бы подтвердить сдѣланное противъ нея обвиненіе... Успокойтесь, я все устрою и даю вамъ обѣщаніе удалить ее изъ этого дома.

Все это случилось при началѣ вечера, и только пріѣздъ новыхъ гостей могъ уничтожить монотонность разговора, которая была неминуемымъ слѣдствіемъ описанной нами сцены. Шамбель подошелъ къ женѣ своей и очень-тихо спросилъ ее, не расположена ли она возвратиться домой; но Изора отвѣчала очень-громко, что никогда еще не находила столько удовольствія въ пріятномъ обществѣ, въ которое онъ ввелъ ее, какъ теперь,—и чтобъ довершить свое мщеніе, нашла средство привлечь къ себѣ простодушнаго Юлія, заставивъ его просидѣть рядомъ съ собою болѣе двухъ часовъ. Бѣдный юноша былъ такъ удивленъ этимъ неожиданнымъ счастіемъ, что г-жа Шамбель едва могла воздержаться отъ смѣха, видя съ какою благоговѣйною страстью онъ смотрѣлъ на нее.

Во взглядахъ Изоры было столько жалкой ироніи къ страстнымъ выраженіямъ молодаго человѣка, что только одна глупая суетность Шамбеля не могла замѣтить этого... Другой, болѣе-опытный мужъ, оставилъ бы безъ вниманія подобныя шутки жены своей, и онѣ самой ей наконецъ наскучили бы. Но онъ выказывалъ свое негодованіе и досаду, а это заставило ее еще болѣе усилить свое кокетство. Вообще, комедія была разъиграна прекрасно. Графинѣ де-Моранси удалось какъ-нельзя-лучше удалить отъ себя ревнивыя подозрѣнія г-жи Шамбель. Изора успѣла въ полной мѣрѣ взбѣсить своего мужа; но какія же роли занимали во всемъ этомъ Маргарита и Юлій, — Маргарита, которую г-жа де-Моранси компрометтировала такимъ недостойнымъ образомъ; Юлій, котораго г-жа Шам-

бель завлекла такъ безжалостно, играя его юношескою любовью? Они были не что иное, какъ жертва преступныхъ страстей, и еслибъ наконецъ глаза ихъ открылись, еслибъ они поняли, какія роли заставляли играть ихъ и захотѣли бы заплатить зломъ за зло имъ сдѣланное, — аббатъ Нортонъ первый сталъ бы кричать, что ихъ развратила новѣйшая литература!.. Но комментаріи не должны предшествовать фактамъ, и мы возвращаемся къ разсказу.

Ревность, какъ перемежающаяся лихорадка, имѣетъ свои пароксизмы, за которыми слѣдуетъ общее разслабленіе тѣла. Ни одинъ больной не былъ бы въ состояніи перенесть очень-долго лихорадочную дрожь, оледеняющую весь составъ его; ни одно сердце не выдержало бы продолжительнаго напряженія гнѣва, которому была предана Изора нѣсколько часовъ сряду, и она возвратилась домой въ совершенномъ изнеможеніи. Шамбель понялъ это состояніе и хотѣлъ воспользоваться имъ; видя жену свою слабою, онъ хотѣлъ снова начать борьбу, надѣясь выйдти изъ нея побѣдителемъ. Къ-тому же онъ думалъ, что имѣлъ теперь надъ нею большое преимущество; Изора ревновала къ Маргаритѣ, Изора обманывалась: она безъ всякаго размышленія предавалась слѣпой страсти, а поэтому онъ имѣлъ право наказать ее, могъ торжественно протестовать противъ обвиненія, на него взводимаго. Мы не будемъ утверждать, чтобъ Шамбель выучился такимъ увёрткамъ въ школѣ аббата Нортона; онѣ довольно свойственны каждому человѣку и для нихъ не нужно никакихъ уроковъ.

Когда Изора и мужъ ея возвратились домой, Шамбель терпѣливо ожидалъ минуты, въ которую они должны были остаться одни. Изора медлила своимъ раздѣваніемъ, и старалась удержать при себѣ какъ-можно-долѣе горничную; но Шамбель, казалось, не обращалъ на это вниманія и преспокойно сидѣлъ у камина; Изора нѣсколько разъ, въ-продолженіи этого времени, старалась возвращать себѣ ту энергію, которая поддерживала ее нѣсколько часовъ сряду; но всѣ усилія ея были напрасны; она была такъ слаба, что не имѣла даже силъ сердиться. Наконецъ, когда они остались одни, она сказала мужу:

—Вижу ваше намѣреніе; вы хотите во что бы ни стало добиться объясненія; но будьте великодушны, оставьте это до завтра; я чувствую себя очень нездоровой, и вы хоть изъ сожалѣнія должны дать мнѣ успокоиться...

—Конечно! воскликнулъ Шамбель твердымъ голосомъ. — Вамъ было угодно оскорбить меня своими словами, взбѣсить своимъ молчаніемъ, раздражить своимъ отъѣздомъ, пристыдить своею вспыльчивостію, сдѣлать меня предметомъ насмѣшекъ, и я долженъ снести все это терпѣливо, и вамъ будетъ довольно сказать: «оставьте меня,

я нездорова», чтобъ принудить меня къ молчанію?.. Нѣтъ, сударыня, не будетъ этого!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Изора съ видомъ притворной покорности. — Я могла бы выслушать васъ и завтра; но вы хотите, чтобъ это было теперь же: хорошо, пусть будетъ по-вашему; говорите.

Шамбель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, какъ-будто для того, чтобъ приготовиться къ своей импровизаціи; потомъ, ставъ прямо предъ женою, началъ:

— Выслушай меня со вниманіемъ, Изора, и пусть слова мои послужатъ тебѣ урокомъ на будущее время. Ты добра, сердце у тебя прекрасное, и я знаю, что нѣтъ жертвы, которую ты не была бы въ состояніи принесть тѣмъ, кого любишь.

— Вы знаете это?.. сказала Изора съ горькою улыбкой.

— Да, знаю; отвѣчалъ Шамбель тономъ декламатора: — но знаю также, что если какая-нибудь мысль заберется тебѣ въ голову, то она кажется тебя непреложною: ты предаешься ей со всѣмъ жаромъ и дѣйствуешь сообразно съ нею, не щадя ни себя, ни другихъ.

Взоръ, обращенный въ эту минуту Изорою на мужа, былъ полонъ слезъ, и она отвѣчала ему глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Вы убѣждены въ этомъ, не правда ли? Вы видѣли тому первое и самое торжественное доказательство.

Шамбель сдѣлалъ движеніе, обнаруживавшее все его нетерпѣніе, но Изора возразила грустнымъ тономъ:

— Продолжайте, продолжайте; вы возбудили въ душѣ моей самое горькое воспоминаніе; я вѣрю, что вы сдѣлали это безъ намѣренія и не сержусь на васъ; — продолжайте...

Шамбель нѣсколько минутъ молчалъ; онъ неосторожно опредѣлилъ этотъ характеръ, которому былъ обязанъ любовію и самоотверженіемъ Изоры, и чувствовалъ, что справедливость не позволяла ему охуждать то, чѣмъ онъ самъ воспользовался. Не зная, что́ сказать, онъ началъ ходить скорыми шагами по комнатѣ, съ примѣтною досадой на самого-себя, между-тѣмъ, какъ Изора, погрузясь въ глубокую думу, можетъ-быть, обратилась мысленно къ прошедшему, и не смотря на всѣ усилія, не могла удержать слезъ, которыми наполнились глаза ея. Пьерръ также былъ не совсѣмъ спокоенъ; совѣсть пробудилась въ немъ; ему стало стыдно, что онъ обманывалъ ту, которая пожертвовала ему всѣмъ, и увлеченный первымъ движеніемъ, которое было бы прекрасно и исправило бы все, еслибъ могло сдѣлаться чистосердечнымъ признаніемъ, протянулъ руку къ Изорѣ, сказавъ съ нѣжностью:

— Клянусь тебѣ честью, Изора, ты ошиблась...

Изора вскочила, чтобъ взять руку Пьерра; но прежде, чѣмъ она

успѣла прикоснуться къ ней, взоръ его встрѣтился съ ея взоромъ: она остановилась и упала въ кресла, сказавъ ему грустнымъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Я не вѣрю тебѣ...

При этомъ словѣ, гнѣвъ Шамбеля вспыхнулъ снова.

— Итакъ, воскликнулъ онъ: — когда я даю тебѣ честное слово, когда я клянусь, что ты ошибаешься, ты отвѣчаешь мнѣ, что я лгу?

— Нѣтъ, Пьерръ, отвѣчала Изора съ кротостью: — я не говорю, что ты лжешь: я сказала только, что не вѣрю тебѣ; можетъ-быть, я поступаю дурно, но что жь мнѣ дѣлать, если это такъ... Какой-то тайный голосъ говоритъ мнѣ, что ты меня обманываешь; подозрѣніе это уже давно терзаетъ меня...

— Итакъ, воскликнулъ Шамбель съ живостію: — основываясь на пустомъ подозрѣніи, ты рѣшилась обвинять бѣдную, невинную дѣвушку, которая даже не могла понять твоихъ грубыхъ ругательствъ?

Г-жа Шамбель выпрямилась въ своихъ креслахъ; вся сила души ея возвратилась въ эту минуту...

— Моихъ грубыхъ ругательствъ! повторила она. — За кого же вы принимаете меня, сударь? Кому вы говорите это?

— Той, которая назвала меня обманщикомъ и подлецомъ, возразилъ Шамбель, взбѣшенный въ свою очередь угрожающимъ видомъ жены.

Изора взглянула на него презрительно и отвѣчала холоднымъ, насмѣшливымъ тономъ:

— Я была не права и прошу у васъ прощенія; если вамъ угодно, я даже извинюсь передъ бѣдной и невинной дѣвушкой, которую такъ оскорбила своими грубыми ругательствами; но, я думаю, она такъ чиста, такъ непорочна, что не могла понять ихъ, и извиненіе это было бы новымъ для нея оскорбленіемъ.

— Да, сударыня, отвѣчалъ Шамбель: — чистота и непорочность ея таковы, что вы не въ состояніи понять ихъ.

— Довольно, довольно, сударь! воскликнула г-жа Шамбель: — вамъ слѣдовало бы по-крайней-мѣрѣ, хоть изъ вѣжливости, выбрать кого-нибудь другаго, а не меня въ повѣренные своей страсти.

— Ты все-таки вѣришь этому вздорному подозрѣнію?..

— Вѣрю, отвѣчала сухо г-жа Шамбель.

— Но это просто безуміе! воскликнулъ Шамбель съ запальчивостію.

— Пусть это будетъ безуміемъ; но я знаю, что ты обманываешь меня: у меня есть на то доказательство.

— Доказательство? повторилъ Шамбель, взглянувъ на жену съ видомъ жалкаго презрѣнія.

Страсть увлекла Изору до того, что она сказала неправду; гор-

дость и внутреннее убѣжденіе въ измѣнѣ мужа заставили ее поддержать сказанное.

— Да, повторила она:—у меня есть доказательство.

— Хорошо, воскликнулъ Шамбель:—я требую, чтобъ ты представила его мнѣ.

Торжествующій видъ Шамбеля раздражилъ Изору; она видѣла тутъ человѣка, принявшаго такъ искусно всѣ предосторожности, что улика не будетъ страшна для него, и отвѣчала:

— Вы будете удовлетворены.

— Да, сударыня, вы должны представить мнѣ это доказательство, слышите ли, должны? Если же вы этого не сдѣлаете, я скажу вамъ однажды-навсегда, что мнѣ надоѣли всѣ эти смѣшные порывы ревности, возмущающіе мое спокойствіе, и что я не намѣренъ переносить ихъ болѣе.

Шамбель вышелъ изъ комнаты; онъ торжествовалъ; онъ поставилъ жену свою въ такое положеніе, что она должна была или сознаться въ своей винѣ, или доказать то, что не существовало. Побѣда казалась ему блистательною. Бѣдняжка! онъ и самъ не зналъ, какой огонь раздулъ онъ такъ неосторожно...

V.

Сцена, случившаяся наканунѣ въ домѣ г-жи де-Моранси, столь ясная для всѣхъ, могла, однакожь, быть понята не всѣми. Нѣсколько общихъ выраженій, которыя каждый былъ воленъ толковать по-своему и одинъ, довольно-удачный каламбуръ, вырвавшійся у г-жи Шамбель какъ-бы невольно,—вотъ все, чѣмъ отличался этотъ вечеръ. Всѣ, бывшіе тогда вмѣстѣ, могли свидѣться опять безъ особенныхъ объясненій; г-жа Шамбель понимала это и хотѣла, чтобъ мужъ ея также это понялъ:

— Ты совершенно справедливо опредѣлилъ мой характеръ, сказала она ему на другой день:—я дѣйствительно не умѣю противиться влеченію перваго чувства, хорошо ли оно или дурно,—и теперь, сдѣлавшись гораздо-спокойнѣе, я тщетно стараюсь объяснить себѣ чувство, увлекшее меня вчера. Аббатъ Нортонъ сказалъ правду: эта молодая дѣвушка была бы чудовищемъ, еслибъ была способна на преступленіе, въ которомъ я винилъ ее; она была бы тогда олицетвореннымъ развратомъ.

Говоря такимъ образомъ о Маргаритѣ, Изора внимательно смотрѣла на мужа; но онъ оставался совершенно-спокоенъ, и Изора, убѣжденная въ дѣйствительности его измѣны, подумала въ эту минуту: «Я не воображала, чтобъ онъ могъ быть скрытенъ до такой степени; я отзываюсь такъ презрительно о женщинѣ, которую онъ лю-

бить, и это нисколько не дѣйствуетъ на него; онъ холоденъ какъ ледъ!»

Шамбель, не придавая вѣры чистосердечію раскаянія жены своей, воспользовался однакожь случаемъ, чтобъ сдѣлать ей самыя благоразумныя и самыя отеческія наставленія, которыя она приняла съ такою кротостью и смиреніемъ, что это, конечно, испугало бы всякаго другаго болѣе-опытнаго человѣка. Было уже около часа, какъ Шамбель ушелъ со двора, не подозрѣвая, что жена его наканунѣ еще просила у г-жи де-Моранси позволенія прійдти къ ней съ работой на цѣлое утро. Графиня не смѣла отказать ей и готовилась принять ее, когда Пьерръ вошелъ въ гостиную, гдѣ она сидѣла вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Юліемъ. Приходъ Шамбеля, казалось, былъ очень ей непріятенъ, и когда онъ сѣлъ подлѣ нея, графиня сказала ему тихо:

— Зачѣмъ вы пришли утромъ?

— Чтобъ узнать о вашихъ планахъ насчетъ вечера.

— Я не выѣду сегодня никуда; буду цѣлую недѣлю сидѣть дома; мы должны быть теперь осторожнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ Шамбель: — что подозрѣнія, обнаруженныя вчера, могутъ быть самымъ лучшимъ ручательствомъ нашей безопасности.

— Да, еслибъ Маргарита была еще здѣсь; но аббатъ Нортонъ увезъ ее ныньче утромъ, и вы понимаете, что намъ надобно будетъ принять теперь другія мѣры, потому-что теперь отлучки ея не могутъ уже прикрывать моихъ отлучекъ.

— Ея отлучки? повторилъ Шамбель съ удивленнымъ видомъ: — такъ она выходила въ одни часы съ вами, и вы знали это?

Графиня, казалось, была очень смущена этимъ вопросомъ и отвѣчала, склонивъ голову на пяльцы, за которыми работала:

— Я узнала объ этомъ только ныньче утромъ; случай благопріятствовалъ намъ... Но уйдите, ради Бога; жена ваша можетъ сію минуту быть здѣсь.

Сказавъ ему о желаніи, изъявленномъ Изорою наканунѣ, она прибавила:

— Кто знаетъ, чтó она могла бы подумать, еслибъ застала васъ здѣсь!

— Она, вѣроятно, подумала бы, что я пришелъ для Маргариты.

— Послѣ того, чтó случилось вчера, это было бы величайшимъ неблагоразуміемъ; она, конечно, не повѣрила бы, чтобъ вы могли бытъ такъ неосторожны, и этого было бы достаточно, чтобъ удостовѣрить ее въ заблужденіи.

— Но что же располагаете вы дѣлать? чтó будете говорить ей? спросилъ Шамбель съ безпокойствомъ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, кàкъ она сама поведетъ себя, и отъ ея вопросовъ; но, пожалуйста, уйдите поскорѣе; я найду какое-нибудь средство увѣдомить васъ о томъ, чтò здѣсь было; постараюсь удержать ее къ обѣду, и въ-продолженіе вечера мы вѣрно найдемъ случай поговорить другъ съ другомъ.

Шамбель повиновался нехотя, а графиня была очень-рада, что успѣла отдѣлаться отъ неловкаго союзника въ сценѣ, которая должна была разъиграться скоро. Чрезъ нѣсколько минутъ явилась г-жа Шамбель, и графиня съ перваго взгляда поняла, что контр-мина, приготовленная ею, произведетъ именно то дѣйствіе, котораго она ожидала. Г-жа Шамбель вошла съ улыбкою на устахъ, которая ничего еще не доказывала; но она отвѣчала на робкій поклонъ Юлія тѣмъ ласковымъ, привѣтливымъ взглядомъ, который, казалось, говорилъ: «Съ удовольствіемъ припоминаю нашъ пріятный вчерашній разговоръ.» Г-жа де-Моранси съ первыхъ словъ хотѣла испытать, въ какомъ расположеніи духа была г-жа Шамбель и, спросивъ ее о здоровьи, прибавила съ участіемъ:

— Мнѣ показалось вчера вечеромъ, будто вы несовсѣмъ-хорошо себя чувствовали.

— Я? Напротивъ! отвѣчала Изора и, обратясь къ Юлію, спросила: —Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, вчера былъ у меня болѣзненный видъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ Юлій, счастливый тѣмъ, что обратились къ нему съ подобнымъ вопросомъ:—я никогда не видалъ васъ столь...

Послѣднее слово замерло на устахъ Юлія; бѣдный юноша не смѣлъ сказать, что никогда не видалъ г-жу Шамбель столь очаровательною, прекрасной,, и пр. и пр. Г-жа де-Моранси, замѣтивъ, что начало фразы Юлія обѣщало что-то любезное, была очень раздосадована, что онъ остановился на такой прекрасной дорогѣ, и сказала ему съ нетерпѣніемъ:

— Столь, столь... Ну, чтò жь далѣе?

Юлій покраснѣлъ и смутился, а г-жа Шамбель прибавила смѣясь:

— Столь здоровою, хотѣли вы вѣрно сказать?

Г-жа де-Моранси вздумала помочь племяннику и возразила:

— Я увѣрена, что онъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое.

— Впрочемъ, изъ того, чтò господинъ Юлій могъ бы сказать мнѣ, это было бы всего любезнѣе, потому-что болѣзнь рѣдко оставляетъ женщинѣ красоту ея.

Искусство, съ какимъ г-жа Шамбель умѣла растолковать въ свою пользу недоконченную фразу Юлія, обнаружило г-жѣ де-Моранси планы ея. Но дѣйствительное ли мщеніе было цѣлью этихъ плановъ, или она ограничивалась только желаніемъ внушить Шамбелю опасенія,—вотъ чего не могла угадать графиня; однакожь, собственная ея

польза заставляла ее способствовать этимъ планамъ, и она приступила къ этому по-своему.

— Юлій, сказала она:—подай г-жѣ Шамбель скамейку...

Изора поставила на скамейку ноги, поблагодаривъ Юлія точно такъ, какъ-будто услуга эта была сдѣлана имъ по собственному его побужденію; а г-жа де-Моранси тутъ же воскликнула:

— Ахъ, какого прекраснаго цвѣта у васъ ботинки!

— Вамъ нравятся? сказала г-жа Шамбель смѣясь и выставивъ еще болѣе свои хорошенькія ножки, на которыя Юлій смотрѣлъ страстно, и прибавила потомъ:

— Ну, что же, г. Юлій?

— Что прикажете? спросилъ онъ съ видомъ удивленія.

— Ну, что же, повторила г-жа Шамбель съ веселою улыбкой: — фраза совсѣмъ готова, вамъ стоитъ только кончить ее...

— Какая фраза? спросилъ Юлій, не догадываясь ни о чемъ.

— О! возразила г-жа Шамбель съ усмѣшкой: — я не имѣю права сама окончить эту фразу; я ожидала, что вы это сдѣлаете.

— Извините, я не понимаю васъ, сударыня! отвѣчалъ простодушно Юлій.

— Это ничего; вы очень искусно избѣжали силкòвъ, вамъ разставленныхъ...

— Какихъ силкòвъ? спросилъ Юлій, для котораго все это было китайскою грамотою.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула Изора смѣясь:—всякій другой на вашемъ мѣстѣ непремѣнно прибавилъ бы: могутъ ли прекрасныя ножки быть обуты не хорошо?

— Точно; я долженъ былъ бы сказать это, отвѣчалъ Юлій въ смущеніи.

Г-жа Шамбель и графиня громко засмѣялись при этомъ словѣ, сказанномъ Юліемъ съ самымъ комическимъ отчаяніемъ, и смѣхъ еще усилился, когда Юлій, чтобъ поправиться, прибавилъ:

— Но я подумалъ это...

— Послушайте же, г. Юлій, сказала г-жа Шамбель съ улыбкою: —когда вамъ случится подумать что-нибудь подобное о другой женщинѣ, скажите ей это прямо; это очень пошло, но будетъ всегда пріятно. Спросите объ этомъ хоть у вашей тетушки.

Г-жа де-Моранси взглянула быстро на г-жу Шамбель; она не знала, кàкъ принять эти слова и не были ли они колкою эпиграммой; но опасеніе это разсѣялось, когда Изора прибавила съ кроткимъ видомъ:

— Позвольте мнѣ позабавиться немного простодушіемъ вашего милаго племянника?..

Г-жа де-Моранси отвѣчала на это благосклоннымъ взглядомъ, подумавъ сама: «Да, она хочетъ придать этому видъ шутки, чтобъ при-

крыть ею все, когда дѣло дойдетъ до чего-нибудь серьёзнаго; это довольно-хитро, но такъ-какъ это можетъ послужить имъ въ пользу, то пусть она думаетъ, что я ей вѣрю». Сцена, бывшая наканунѣ, доказала, что г-жа Шамбель не умѣла владѣть собою и шла къ предположенной цѣли прямо, безъ всякихъ предосторожностей. Боясь, чтобъ размышленіе не остановило Изоры на пути ею избранномъ, г-жа де-Моранси рѣшилась оставить ей полную свободу кокетничать съ Юліемъ, надѣясь, что она сама обожжется наконецъ раздутымъ ею пламенемъ, и вышла изъ комнаты. Еслибъ г-жа де-Моранси остановилась подслушать у дверей, то увѣрилась бы еще болѣе въ справедливости своихъ предположеній, потому-что немедленно послѣ ея ухода Изора, обратясь къ Юлію, сказала съ особенною ласкою:

— Ну, г. Юлій, помните ли вы о чемъ мы говорили съ вами вчера вечеромъ?

При этомъ вопросѣ, бѣдный юноша затрепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— О, конечно, помню!

— А что вы думаете обо всемъ этомъ? спросила Изора, потупивъ глаза, какъ-будто страшилась услышать отвѣтъ.

— Не спрашивайте меня объ этомъ; я не могу, я не долженъ сказать вамъ, и вы не захотите выслушать меня.

— О! возразила г-жа Шамбель съ самою ободрительною улыбкой:—я уже довольно-стара и мнѣ нечего бояться довѣренности, которую захотѣло бы мнѣ сдѣлать страждущее сердце.

— Да, я очень несчастливъ! воскликнулъ Юлій съ непритворнымъ отчаяніемъ.

— Но вы сами нѣсколько виноваты въ томъ; надобно высказать свои страданія; это можетъ иногда возбудить сожалѣніе.

— Сожалѣніе! отвѣчалъ Юлій:—нѣтъ, я не хочу сожалѣнія!

— А что же вамъ надобно?

— Что мнѣ надобно! воскликнулъ Юлій съ жаромъ. — Ахъ! вообразите себѣ, что вы любите, любите со всѣмъ увлеченіемъ страсти; вообразите, что любовь эта сдѣлалась вашею единственною мыслію, вашимъ существованіемъ—вообразите все это и отвѣчайте, не захотѣли ли бы вы лучше затаить ее въ своемъ сердцѣ, чѣмъ подвергнуть ее состраданію, можетъ-быть, даже насмѣшкѣ?

Г-жа Шамбель казалась сильно взволнованною, и, избѣгая пламенныхъ взоровъ, бросаемыхъ на нее Юліемъ, отвѣчала ему тѣмъ тономъ холодности, которому женщины умѣютъ придавать иногда столько выраженія:

— Я женщина, и скажу вамъ, что страсть истинная никогда не возбуждаетъ насмѣшекъ; вѣрьте, если вы признаетесь той, которую любите...

—Мнѣ признаться ей,—ей, которой голосъ заставляетъ меня тре-

петать, которой взоръ ослѣпляетъ меня? Нѣтъ, я никогда не осмѣлюсь...

Онъ остановился и потомъ съ самоотверженіемъ труса, рѣшившагося быть храбрымъ, прибавилъ:

— Еслибъ я смѣлъ, однакожь, вѣрить, что она не отвергнетъ любви этой, что она не возненавидитъ меня...

— Почему же вы думаете, что Маргарита возненавидитъ васъ за любовь вашу? сказала г-жа Шамбель, перебивъ Юлія именно въ ту минуту, когда ей надобно было расхолодить бѣднаго юношу.

Юлій сталъ какъ вкопанный, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова въ-продолженіи цѣлой минуты; наконецъ, онъ взглянулъ на Изору, которая опустила глаза и воскликнулъ съ отчаяніемъ:

— Маргарита! такъ вы думаете, что я люблю Маргариту?

— Она прекрасна и заслуживаетъ любви; привычка видѣть ее всякій день...

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ Юлій съ примѣтнымъ усиліемъ:—вы ошибаетесь! Я люблю другую, люблю съ первой минуты, какъ только увидѣлъ ее, и если счастіе позволило мнѣ въ-послѣдствіи видѣть ее часто, это послужило мнѣ къ тому только, чтобъ убѣдиться, кáкъ безумна была страсть моя.

Не смотря на всю простоту Юлія, онъ не могъ однакожь не подумать, что чувство ревности заставило г-жу Шамбель сказать ему слѣдующія слова:

— Что жь дѣлать, г. Юлій! Маргарита излечитъ васъ отъ этой безумной страсти...

— Маргарита? Вы ошибаетесь: ея ужь нѣтъ здѣсь, отвѣчалъ Юлій.

— Нѣтъ?.. воскликнула Изора съ удивленіемъ и беапокойствомъ, которыя на этотъ разъ не были уже притворными.

— Аббатъ Нортонъ прислалъ сказать ей нынче рано утромъ, чтобъ она приготовилась въ дорогу, и, спустя нѣсколько часовъ, самъ пріѣхалъ за нею...

— Чтобъ отвезти туда, гдѣ вы, конечно, будете умѣть найдти ее?

— Я не знаю, куда онъ отвезъ ее; но еслибъ я и зналъ это, то конечно не подумалъ бы возмутить ея уединеніе. Я полагаю даже, что она покинула Парижъ; уѣзжая, она оставила мнѣ письмо къ одной особѣ, къ которой не имѣла бы нужды писать, еслибъ осталась здѣсь, потому-что навѣрное увидалась бы съ нею.

Отъѣздъ Маргариты совершенно измѣнилъ всѣ намѣренія Изоры; ей уже не нужно было болѣе дѣлать изъ Юлія шпіона, который передавалъ бы ей все, — и нѣтъ сомнѣнія, что романъ, затѣянный ею съ нимъ, кончился бы тутъ же, еслибъ онъ не упомянулъ о письмѣ. Зачѣмъ оно было оставлено Юлію? къ кому адресовано? Можетъ-

быть, къ ея мужу... Это казалось неправдоподобнымъ, но оно могло быть адресовано къ кому-нибудь для передачи ея мужу... Въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Письмо было бы доказательство, котораго искала Изора, и ей надобно во что бы ни стало получить его отъ Юлія. Но какъ? какимъ образомъ? Встревоженная, взволнованная, Изора придумывала какую-нибудь хитрость, какъ вдругъ послышался кашель графини де-Моранси, которая, казалось, хотѣла предупредить тѣмъ о своемъ приближеніи, что̀ во всякое другое время показалось бы Изорѣ довольно-оскорбительнымъ. Теперь г-жа Шамбель воспользовалась этимъ, и взглянувъ значительно на Юлія, приложила къ губамъ палецъ, какъ-будто хотѣла сказать ему: ни слова о томъ, что̀ было между нами! Юлій не отвѣчалъ, но подумалъ невольно, что если ему приказывали молчать, то вѣроятно его поняли такъ, какъ онъ желалъ.

Г-жа де-Моранси сочла приличнымъ оправдаться въ своемъ продолжительномъ отсутствіи и входя сказала:

— Я думала, что вы въ саду вмѣстѣ съ графомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Изора лукаво: — мы заговорились, занимаясь теоріею любви...

— Теоріею? замѣтила съ усмѣшкою графиня.

— Да, только теоріею, отвѣчала Изора съ легкимъ наклоненіемъ головы, заставившимъ улыбнуться графиню.

Она взглянула съ видомъ сожалѣнія на Юлія и шепнула на ухо г-жѣ Шамбель:

— Къ-несчастію, я увѣрена въ этомъ.

И, сѣвъ за свои пяльцы, прибавила:

— Ну, Юлій, а что̀ говоритъ эта теорія?

— Ничего, тетушка; г-жа Шамбель шутитъ.

— Нисколько, г. Юлій... Вы, кажется, говорили, что любовь истинная готова на всякую жертву.

Юлій, неговорившій ничего подобнаго, хотѣлъ-было отвѣчать, но г-жа Шамбель, боясь, чтобъ онъ не сказалъ какой-нибудь глупости, насмѣшливо спросила г-жу де-Моранси:

— Не правда ли, что это совершенно-справедливо?

— Какъ-нельзя-болѣе, отвѣчала графина:—любовь, которая не забываетъ всего — не любовь.

— Слышите, г. Юлій? И такъ, чтобъ доказать женщинѣ любовь свою, надобно убѣдить ее прежде всего, что она можетъ повелѣвать самовластно и требовать всего... Что до меня, я никогда не повѣрила бы любви человѣка, который не исполнилъ бы моего требованія...

— О! я бы готовъ былъ подвергнуться такому испытанію, воскликнулъ Юлій...

Графиня, видя, что племянникъ ея нѣсколько ободрился, очень-кстати замѣтила, что г. де-Моранси былъ въ саду.

— Ахъ! я и забыла сказать графу, что нынче утромъ приходилъ...

И, не докончивъ своей фразы, она поспѣшно вышла изъ комнаты. Юлій, подошедшій ближе къ Изорѣ, сказалъ ей самымъ почтительнымъ и вмѣстѣ страстнымъ тономъ:

— Что будетъ вамъ угодно приказать мнѣ?

— Дайте мнѣ письмо Маргариты!

— Письмо Маргариты? повторилъ Юлій съ удивленіемъ: — но...

— А! такъ вотъ-какъ вы тверды въ испытаніи...

Юлій подалъ ей письмо. Изора взяла его и прочла адресъ: «Г-ну аббату Фортену!» Только одно это имя могло уничтожить подозрѣнія г-жи Шамбель, что подъ этимъ адресомъ могъ скрыться другой; она хотѣла уже возвратить письмо; но мысль, что оно, не будучи даже назначено Шамбелю, доставитъ ей возможность узнать всю истину, заставила ее перемѣнить свое намѣреніе. Юлій протянулъ-было руку, чтобъ взять письмо; г-жа Шамбель отдала его.

— Довѣренность ваша непродолжительна.

— Вы смѣетесь надо мною!

— Совсѣмъ нѣтъ, я только увѣрена, что вы не оставите у меня этого письма.

— О, держите его сколько вамъ будетъ угодно!

— Хорошо, я оставляю его у себя, сказала она вставая: — но...

И она снова приложила палецъ къ губамъ и пошла въ садъ, гдѣ была г-жа де-Моранси.

— Что хочетъ она дѣлать съ этимъ письмомъ? сказалъ самъ себѣ Юлій, не подумавъ даже, что она желаетъ прочитать его. — Это больше ничего, какъ капризъ; я исполнилъ его; она должна была понять меня... И бѣдный юноша предался мечтамъ любви, тогда-какъ Изора думала только о письмѣ.

Согласно обѣщанію, данному графинею Шамбелю, она уговорила Изору остаться у ней обѣдать; г-жа Шамбель не хотѣла отказать ей и просила только позволенія перемѣнить свой туалетъ.

— О! это уже слишкомъ! вы сведете съ ума бѣднаго мальчика, сказала ей графиня съ хитрою улыбкой.

Изора не отвѣчала; ей хотѣлось быть скорѣе одной; возвратясь домой, она заперлась у себя въ спальнѣ и, не колеблясь ни минуты, разломала печать. Вотъ письмо, которое прочла она.

VII.

Маргарита къ аббату Фортену.

Почтенный другъ мой!

Нынче утромъ, благодѣтельный г. Нортонъ пришелъ сказать мнѣ, что я сегодня же должна оставить домъ графини де-Моранси. Извѣстіе это обрадовало меня, и я спросила его, позволено ли мнѣ будетъ пользоваться вашими отеческими совѣтами въ томъ семействѣ, въ которое должна я вступить?—Г. Нортонъ отвѣчалъ, что я въ-продолженія нѣсколькихъ дней должна пробыть въ монастырѣ, но что настоятельница этого монастыря вѣроятно не воспрепятствуетъ такому натуральному желанію... Слова его осчастливили меня, тѣмъ болѣе, что, не знаю почему, я какъ-то не надѣялась получить это позволеніе. Я стала благодарить г. Нортона; но вѣроятно не умѣла выразить какъ-должно чувствъ своихъ, потому-что онъ тутъ же сказалъ мнѣ съ тою добротою, которая всегда отличаетъ его:

«Радость твоя внушена тебѣ чувствомъ похвальнымъ; но она слишкомъ-жива, слишкомъ-восторжена для вещи столь обыкновенной. Я боюсь, другъ мой, излишней живости твоего воображенія, боюсь, что ты не довольно стараешься умѣрять его, и не имѣешь того смиренія, которое предписываетъ намъ религія. Подумай объ этомъ хорошенько, еще есть время; вооружись противъ страстей, которыя губятъ нашу душу, и не забывай, что тотъ, кто внимаетъ ихъ обольстительному голосу, уже совратился съ прямаго пути и утратилъ чистоту своего сердца!»

Это благочестивое увѣщаніе заставило меня покраснѣть, какъ-будто я точно была виновата; и нѣтъ сомнѣнія, что на душѣ моей дѣйствительно есть какой-нибудь проступокъ, потому-что я смутилась и почувствовала какое-то раскаяніе. Аббатъ Нортонъ ушелъ; въ порывѣ отчаянія и стыда, бросилась я на колѣни и стала просить у Бога прощенія въ грѣхахъ своихъ.

Но сказать ли вамъ всю правду, отецъ мой? Молитва не утѣшила, не успокоила меня! Я повергласъ въ прахъ предъ Богомъ съ смиреніемъ въ сердцѣ и встала съ отчаяніемъ и тоскою въ душѣ!—О! какъ счастлива была бы я, еслибъ въ эту минуту вы могли быть со мною; вы приняли бы мою исповѣдь и возвратили бы мнѣ надежду...

Отецъ мой! непроницаемый мракъ окружаетъ меня; духъ зла конечно ослѣпилъ меня; я ищу вины своей — и не нахожу... Никогда еще сомнѣніе въ самой-себѣ не было во мнѣ такъ сильно, какъ теперь; я раскаяваюсь и страдаю—слѣдовательно, я виновна; но въ чемъ вина моя? Вы одни можете объяснить мнѣ это; вы остановите меня на пути погибели, вы исторгнете меня изъ этой тьмы, въ кото-

рой я блуждаю. Увы! Тьма такъ страшна, что я не узнаю въ ней даже самой себя; я только чувствую, что еслибъ мнѣ пришлось пересказать вамъ все, что происходитъ въ душѣ моей, у меня не достало бы къ тому ни словъ, ни силъ.

Вотъ отъ-чего пишу я къ вамъ; я помню, что вы всегда совѣтывали намъ прибѣгать къ этому средству, когда требовали отъ насъ строгаго разбора нашихъ поступковъ. О, какъ это было легко тогда! Въ этомъ святомъ, мирномъ убѣжищѣ, гдѣ подъ вашимъ руководствомъ жизнь наша текла такъ тихо и такъ счастливо, малѣйшее слово, малѣйшая мысль, противная обязанностямъ, являлись намъ во всей своей ясности! Теперь, не знаю отъ-чего, мнѣ трудно высказать то, что я чувствую; теперь я даже сама не понимаю этихъ чувствъ и боюсь, что буду не въ состояніи передать вамъ мою исповѣдь такъ, какъ бы того желала.

Да, отецъ мой, во мнѣ нѣтъ уже прежней силы, но есть по-крайней-мѣрѣ воля, — и только ваши мудрые совѣты могутъ дать ей надлежащее направленіе. «Переберите въ вашей памяти недѣли, дни, часы вашей жизни, разсмотрите ихъ внимательно, и — легко найдете минуту, когда проступились»: вотъ что вы совѣтывали намъ, чтобы дѣлали, чего я не исполняла уже давно и что хочу исполнить теперь. Можетъ-быть, найду я такимъ образомъ то мгновеніе, въ которое сердце мое отклонилось отъ прямаго пути, и если даже собственный разсудокъ мой останется слѣпъ при этомъ, вашъ умъ угадаетъ и просвѣтитъ меня... Вотъ, видите ли, отецъ мой, съ какою благостью милосердый Богъ помогаетъ тѣмъ, которые искренно заботятся о своемъ спасеніи; даже одно намѣреніе исправить себя сдѣлало меня спокойнѣе, даже одно желаніе возвратиться на путь истинный было вчтено мнѣ какъ усиліе, и я чувствую, что у меня достанетъ теперь мужества выполнить то, что еще за минуту казалось невозможнымъ.

Вы знаете, около какого времени покинула я Л... и за чѣмъ покинула его. Когда я пріѣхала въ Парижъ, г. Нортонъ приказалъ отвезти меня къ графинѣ де-Моранси, которая приняла меня чрезвычайно ласково и милостиво. Первые дни, проведенные мною у ней, были посвящены заботамъ и занятіямъ совершенно для меня новымъ; однакожь я покорилась имъ съ тѣмъ повиновеніемъ, которымъ была обязана волѣ г. Нортона; но скажу вамъ откровенно, — оно не доставило мнѣ особеннаго удовольствія. Я пріѣхала въ монастырскомъ платьѣ: и его надобно было замѣнить другимъ, болѣе приличнымъ новому образу моей жизни; г-жа де-Моранси взяла это на себя; хлопотала какъ-нельзя-болѣе, и успокоилась тогда только, когда увидѣла меня, — я привожу собственныя ея слова, — въ полномъ блескѣ моей красоты. Красота — даръ неба, а не достоинство, и хотя каждый день, при всякомъ новомъ нарядѣ, который заставляли меня

примѣривать, говорили мнѣ: «какъ она мила въ этомъ платьѣ! какъ эта прическа идетъ къ ней!» клянусь вамъ, отецъ мой, никогда ни малѣйшее чувство гордости или суетности не закрадывалось въ мое сердце; я краснѣла отъ этихъ похвалъ и забывала ихъ. . . .

Такъ-какъ, по выходѣ изъ монастыря, мнѣ было назначено жить въ богатомъ, знатномъ семействѣ, то г. Нортонъ требовалъ, чтобъ я иногда являлась въ салонѣ графини де-Моранси, для того, чтобъ пріучиться къ манерамъ и обычаямъ свѣтской жизни. Я чувствовала, что эти обычаи не могли быть одинаковы съ монастырскими, и въ нѣсколько дней совершенно освоилась съ новымъ міромъ, въ которомъ должна была жить, и со всѣми его приличіями, такъ-что г-жа де-Моранси увѣряла уже г. Нортона, что мною непремѣнно будутъ довольны. . . . .

Но между-тѣмъ, какъ я такъ хорошо понимала всѣ матеріальныя подробности этого новаго міра, въ немъ была одна сторона, оставшаяся для меня недоступною и непостижимою — я разумѣю разговоры, которые слышала. Я напрягала все свое вниманіе, чтобъ слѣдить за ними; но вниманія этого было недостаточно для множества различныхъ предметовъ, до которыхъ касались эти разговоры. Когда г. Нортонъ бывалъ у графини, рѣчь шла больше всего о политикѣ и, не смотря на все мое невѣжество, я постигала еще кое-какъ смыслъ его разсужденій; но когда разговоръ принималъ другой оборотъ, когда отъ одного предмета переходилъ онъ быстро къ другому, я рѣшительно ничего не понимала. Когда слово, слышанное мною, заставляло меня задумываться, и когда я снова прислушивалась къ разговору, нить его была уже потеряна для меня; чаще всего говорили о театрѣ, объ оперѣ, о балетѣ, о прекрасныхъ танцовщицахъ, о чудесныхъ пѣвицахъ, о знатныхъ господахъ, которые любили ихъ, и Богъ знаетъ еще что... Тотъ проигралъ 2000 луидоровъ въ какомъ-то клубѣ, другой выигралъ 200,000 франковъ на биржѣ, и это давало ему возможность сблизиться съ какой-то дамой, которой имя называли шопотомъ. Въ другой разъ говорили о какой-то свадьбѣ, которая устроилась потому-что мать завидовала красотѣ своей дочери, объ отцовскомъ согласіи, безъ котораго можно было бы обойдтись, и тысячи подобныхъ странностей... . . . . . .

Мысли, и слова, которыми онѣ выражались, были равно для меня непонятны, и весьма часто всѣ эти мистическія фразы оканчивались какимъ-нибудь знакомъ, какимъ-нибудь однимъ словомъ, которые были понятны для всѣхъ — кромѣ меня. . . . . .

День, когда я въ первый разъ захотѣла во что бы ни стало освоиться съ предметами разговоровъ, мною слышанныхъ, и постигнуть ихъ, былъ днемъ, въ который мысли мои перепутались и сдѣлались для самой-меня неясны. Я припоминала все слышанное мною

въ-продолженіи вечера и старалась сообразить это; но усилія были напрасны, и въ головѣ моей оставался только какой-то хаосъ. Я не смѣла просить графиню де-Моранси, чтобъ она объяснила всѣ мои недоумѣнія; мнѣ было совѣстно высказать ей свою непонятность, и я оставалась въ прежнемъ положеніи, какъ однажды, сидя въ задумчивости у окна своей комнаты, рядомъ съ которою была комната графини, увидѣла я въ саду, отдѣлявшемъ нашъ домъ отъ сосѣдняго,—какого-то молодаго человѣка, прекрасной наружности, котораго взоры были обращены въ ту сторону, гдѣ стояла я. Я хотѣла отойдти отъ окна, но вдругъ замѣтила, что молодой человѣкъ глядѣлъ не на меня, а на окно г-жи де-Моранси. Онъ не спускалъ съ него глазъ, и это заставило меня подумать, что онъ вѣрно ожидаетъ графини, чтобъ поклониться ей или поговорить съ нею. Желая предупредить объ этомъ г-жу де-Моранси, я вошла къ ней въ комнату и увидѣла ее сидящею у окна. Замѣтя, что появленіе мое было несовсѣмъ-пріятно, я хотѣла-было объяснить причину моего прихода, но лишь-только успѣла приблизиться къ ней, какъ молодой человѣкъ, который, вѣроятно, увидѣлъ меня, исчезъ въ ту же минуту. Я поняла, что вѣрно сдѣлала какую-нибудь нескромность и, не сказавъ за чѣмъ пришла, просила у г-жи Моранси позволенія сойдти въ гостиную заняться работою, которую она вышивала.

Должна ли я была сказать г-жѣ де-Моранси правду, и не заключался ли первый мой проступокъ въ той лжи, которою я хотѣла прикрыть свою нескромность? — Должно быть такъ, отецъ мой! Теперь, когда припоминаю все, скажу вамъ откровенно, мнѣ очень не хотѣлось оставаться въ гостиной. Мысль о молодомъ человѣкѣ никакъ не выходила у меня изъ головы. Я видѣла его пламенный взглядъ, какъ-бы прикованный какою-то неодолимою силою къ окну, гдѣ сидѣла г-жа де-Моранси и я спрашивала самоё-себя: зачѣмъ онъ глядѣлъ на нее такъ пристально? Я хотѣла отдалить отъ себя это недоумѣніе, котораго не умѣла объяснить; но взглядъ его безпрестанно мелькалъ предъ моими глазами какъ молнія, и мнѣ казалось, надобно было имѣть много твердости, чтобъ перенести его; мнѣ казалось даже, что еслибъ онъ такъ былъ устремленъ на меня, то могъ бы уничтожить меня.

Возвратясь къ себѣ въ комнату, я невольно посмотрѣла въ окно и увидѣла того же молодаго человѣка, сидѣвшаго на скамьѣ и смотрѣвшаго опять на г-жу де-Моранси. Она до того привлекала все его вниманіе, что онъ даже не замѣтилъ меня. Вдругъ г-жа де-Моранси съ шумомъ отодвинула свой стулъ, и въ ту же минуту я увидѣла въ саду какую-то женщину, которая остановилась съ замѣтнымъ удивленіемъ; она устремила взоры свои на нашъ домъ, обратила ихъ потомъ на молодаго человѣка и остановила ихъ наконецъ на мнѣ

съ выраженіемъ такой надменности и угрозы, что мнѣ стало страшно... Я поспѣшно отошла отъ окна и мною овладѣло какое-то безпокойство, въ которомъ я сама себѣ не могла отдать отчета. Безпокойство это было такъ сильно, что я не могла избавиться отъ него въ продолженіи цѣлаго дня, и даже ночью сонъ мой былъ безпрестанно возмущаемъ видомъ этого молодаго человѣка; но тутъ мнѣ чудилось будто онъ смотрѣлъ на меня точно такимъ же взоромъ, какой устремлялъ на г-жу де-Моранси, и этотъ взоръ, вмѣсто того, чтобъ уничтожить меня, какъ я думала прежде, проливалъ въ сердце сладостную теплоту, подобную той, какую чувствуешь при первыхъ лучахъ весенняго солнца.

Сонъ мой былъ тихъ и покоенъ; но, не смотря на это, я проснулась утомленная и печальная. Я вышла изъ своей комнаты, не смѣя взглянуть въ садъ и хотѣла остаться въ гостиной, но г-жа де-Моранси велѣла сказать мнѣ, что проситъ меня прійдти работать вмѣстѣ съ нею, и я нашла ее сидящею у окна. Молодой человѣкъ былъ опять въ саду и, увидѣвъ меня, опять отошелъ прочь. Я подумала, что г-жа де-Моранси нарочно призвала меня, чтобъ избавиться отъ него; но онъ скоро опять возвратился; въ-слѣдъ за нимъ пришла и та дама, которую я уже видѣла. По странному случаю, я опять была одна у окна, когда она взглянула на него, и опять взоръ ея былъ такъ же строгъ и гнѣвенъ, какъ въ первый разъ.

Въ этотъ день, отецъ мой, въ сердцѣ у меня пробудились странныя, непонятныя чувства; я замѣтила, что графиня часто бросала взоры свои на этого незнакомца, и каждый разъ, когда это случалось, лицо молодаго человѣка принимало выраженіе радости и счастія. И такъ, подумала я, одинъ взглядъ можетъ сдѣлать счастливымъ? Я вспомнила тогда, какою радостью было полно сердце мое, когда мнѣ казалось во снѣ, что онъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту, я стала невольно разсматривать г-жу де-Моранси и въ первый разъ еще замѣтила, что она была прекрасна; до-тѣхъ-поръ я какъ-будто не замѣчала этого. Въ этотъ день подумала я также о той красотѣ, которою надѣлилъ меня Богъ, и была счастлива мыслью, что и я когда-нибудь буду въ состояніи привлечь на себя такіе же взоры и, отвѣчая на нихъ, дѣлать другихъ счастливыми.

Вотъ первый мой проступокъ — и если я забыла его посреди тревогъ и волненій, которыми была преисполнена съ нѣкотораго времени душа моя, то поняла его въ эту минуту и стала просить Бога, чтобъ онъ удалилъ отъ меня эту преступную надежду. А знаете ли, отъ-чего считала я ее преступною? Отъ-того, что изъ всѣхъ взглядовъ, которые могли бы достаться на мою долю, я желала только *его* взглядовъ, хоть и видѣла, что они принадлежатъ не мнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, я молилась не съ должнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ, потому-что

мысль объ этомъ молодомъ человѣкѣ не оставляла меня даже и въ самыя минуты молитвы...

Такъ прошло нѣсколько дней, въ-продолженіи которыхъ мысли самыя безразсудныя толпились въ головѣ моей. Что говорю я? То не были мысли, — нѣтъ, я не думала о томъ, что сейчасъ скажу вамъ: я только чувствовала; присутствіе г-жи де-Моранси было мнѣ непріятно: оно тревожило, безпокоило меня. Отъ-чего? я сама этого не знала, не знаю и теперь, потому-что не могу вѣрить тому, что предполагала, что подозрѣвала одно мгновеніе. Боже мой! такъ-то устроены сердца, отвращающіяся отъ Тебя; они вымышляютъ преступленія и придаютъ ихъ другимъ, для того, чтобъ только извинить свои заблужденія!.. Женщина, которую я видѣла подлѣ него, наводила на меня невольный страхъ; но угроза, которую я замѣчала въ глазахъ ея, пугая меня, не казалась мнѣ несправедливой; я была раздражена болѣе противъ г-жи де-Моранси, чѣмъ противъ этой женщины; да, я была раздражена; теперь я вижу это, разбирая свои чувства; теперь, по мѣрѣ того, какъ я издали, такъ-сказать, смотрю на мои тогдашнія ощущенія, теперь я лучше понимаю ихъ; но тогда все это было для меня какимъ-то хаосомъ, въ которомъ одно только было бы для меня ясно — мои страданія!

Точно такія же страданія терзали меня въ то время, когда я была такъ больна и когда болѣзнь эта едва не свела меня въ могилу: вы помните это, отецъ мой! Тогда силы оставили меня, а съ ними исчезла и кротость моего нрава; я сдѣлалась нетерпѣливою; малѣйшій шорохъ тревожилъ меня и самое ничтожное противорѣчіе раздражало; я вообразила себѣ, что подобная же болѣзнь угрожаетъ мнѣ и, воспользовавшись этимъ предлогомъ, осталась у себя въ комнатѣ, не покидая постели. Но это изнеможеніе, которое тогда дѣлало меня почти безчувственною, проявлялось теперь какимъ-то мучительнымъ волненіемъ; совершенный покой, который былъ тогда такъ необходимъ мнѣ, становился для меня теперь нестерпимымъ, невозможнымъ, и когда насталъ часъ, въ который я привыкла видѣть *его* каждый день, я вскочила съ постели и, спрятавшись за занавѣсками, взглянула въ садъ — *его* не было тамъ. О, отецъ мой! какъ страшно становится мнѣ, когда воспоминанія воскресаютъ предо мною! Не видя его въ саду, я почувствовала какое-то облегченіе, какую-то отраду, которой выразить не умѣю; но когда, чрезъ нѣсколько минутъ, я услыхала, что г-жа де-Моранси вошла въ свою комнату, слезы невольно выступили на глазахъ моихъ; я горько заплакала, сказавъ самой-себѣ: «*Его* нѣтъ тутъ, потому-что *ея* нѣтъ!»

Обманулась ли я тогда, или обманываюсь теперь? Дѣйствительно ли мысль эта мелькнула тогда предо мною? Я сама этого не знаю; помню только, что я плакала долго, долго!.. Сердце мое сжалось отъ

грусти, и мысль, которая должна была бы прійти мнѣ ранѣе, и которая только теперь пробудилась во мнѣ, какъ-будто я начала жить, овладѣла вдругъ всею моею душою.

Взглянувъ вокругъ себя, я увидѣла, что была одна, совершенно одна въ домѣ, гдѣ все было мнѣ чуждо и гдѣ я жила... другаго дома, еще болѣе мнѣ чужаго!.. Тогда-то спросила я у самой-себя: «гдѣ же тотъ домъ, гдѣ бы я могла быть не чужою?» Тогда-то въ первый разъ слово поняла я все значеніе слова «сирота» — и сердце мое сжалось невыразимою грустью!.. Неужели Богъ отвратилъ отъ меня лицо свое, и потому чувство одиночества такъ тяготитъ меня? Отвергнулъ ли онъ меня, или я сама удалилась отъ него? Вотъ о чемъ я спрашиваю теперь у самой себя; но тогда я только страдала, и мнѣ казалось, что какой-то голосъ твердилъ мнѣ безпрестанно: «У тебя нѣтъ матери, которая могла бы утѣшить тебя; нѣтъ матери, на груди которой ты могла бы плакать!»... Сказать ли вамъ всю правду, отецъ мой? Грусть эта послужила мнѣ въ пользу; я обрадовалась ей радостью отчаянія; я оживилась при мысли о моемъ одиночествѣ, о моей зависимости отъ другихъ; забыла тогда и его, и эту женщину, и г-жу де-Моранси; я старалась увѣрить себя, что мнѣ нельзя было надѣяться ни на какое счастіе на землѣ; я чувствовала себя очень несчастливой; но страданія мои были уже не такъ мучительны: смиреніе и покорность къ судьбѣ пробудились въ моемъ сердцѣ.

Нѣсколько дней не оставляла я своей комнаты; но г-жа де-Моранси хотѣла непремѣнно, чтобъ я сошла въ гостиную, увѣряя, что общество развлечетъ меня. Я была съ нею одна, когда г. Нортонъ принесъ книгу, сочиненную какимъ-то молодымъ человѣкомъ, которую онъ очень хвалилъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ тотъ самый, котораго я видѣла всякій день, а женщина эта была его жена; его звали Шамбелемъ. Аббатъ положилъ книгу на столъ, стоявшій подлѣ меня... Не знаю, чего бы я не сдѣлала, чтобъ имѣть только возможность прочесть ее; но явился г. Милонъ и разсказалъ о Шамбелѣ страшную исторію. Этотъ человѣкъ увезъ жену у мужа, и, чтобъ женщина эта могла сдѣлаться его женою, мужъ ея былъ умерщвленъ! Г. Милонъ сказалъ это; я это слышала своими ушами; я повѣрила ему и оцепенѣла отъ ужаса... Нѣтъ, я не повѣрила, и на слѣдующій же день рѣшилась спросить у г-жи де-Моранси подтвержденія этихъ словъ; она стала громко хохотать, объявивъ, что я въ тотъ же вечеръ увижу этого ужаснаго убійцу, который такъ страшенъ. Она была права: мнѣ точно было страшно отъ одной мысли, что я буду вмѣстѣ съ нимъ; все это до того меня встревожило, что г-жа де-Моранси, продолжая смѣяться, совѣтовала мнѣ не подвергаться опасности быть въ его присутствіи. Совѣтъ ея былъ благоразуменъ, я чувствовала это; но онъ раздражилъ меня, потому только, что его

подала г-жа де-Моранси, я еслибъ появленіе мое въ гостиной должно было мнѣ стôять жизни, я и тогда пришла бы туда.

Весь этотъ день провела я гораздо-спокойнѣе, чѣмъ ожидала: я предчувствовала, что онъ долженъ былъ произвесть большую перемѣну въ моей жизни. До-тѣхъ-поръ, я думала, что жизнь состоя да только въ правильномъ исполненіи вседневныхъ обязанностей; но теперь вижу, что ошибалась; нѣтъ, жизнь заключается въ нашихъ мысляхъ, въ нашей душѣ; я поняла это тогда же по моимъ воспоминаніямъ, по моимъ сожалѣніямъ; я припомнила себѣ тогда и свои дѣтскіе годы, проведенные въ тишинѣ нашего бѣднаго монастыря, и тѣ хвалебные гимны Творцу Небесному, — гимны, которымъ такъ торжественно вторили величественные звуки органа; и ту сладкую задумчивость, которая такъ часто по цѣлымъ часамъ удерживала меня въ нашемъ монастырскомъ саду, откуда я любовалась закатомъ солнца, освѣщавшимъ зубчатыя вершины снѣжныхъ горъ. Сколько разъ тогда добрыя сестры наши увѣряли меня, что я спала съ открытыми глазами, нѣсколько разъ бранили меня за безпечную лѣнь, которая овладѣвала мной; тогда я сама себя обвиняла, отецъ мой: я думала, что дѣйствительно предавалась дремотѣ; но я жестоко обманывалась; тогда, тогда только жила я жизнію души,— жизнію въ то время столь сладостною,—теперь столь тяжкою! Сколько счастія испытала я, сама не понимая его, и кàкъ высоко цѣню я его теперь, когда оно навѣки для меня погибло!

Появленіе г. Шамбеля въ домѣ г-жи де-Моранси не должно было, по моему мнѣнію, произвести никакого особаго вліянія на образъ моей жизни; но я надѣялась, что оно разсѣетъ страхъ мой. Надежда эта была ненапрасна. Съ наступленіемъ вечера, явился Шамбель, и съ той самой минуты, когда онъ вошелъ въ гостиную, бремя тоски, тяготившее мое сердце, вдругъ исчезло совершенно. Я не видѣла въ немъ ничего необыкновеннаго и спрашивала самоё-себя почти съ удивленіемъ: почему образъ этого молодаго человѣка, взоры его и мысль о немъ преслѣдовали меня такъ часто? Наконецъ, я подумала, что все это было только слѣдствіемъ моего болѣзненнаго состоянія, отъ котораго я наконецъ освободилась. Вы не можете себѣ представить, отецъ мой, кàкъ спокойною чувствовала я себя тогда и кáкъ свободно могла разсуждать обо всемъ! Не правда ли, это спокойствіе очень странно? по-крайней-мѣрѣ, я не могу объяснить его себѣ... То, чтò я чувствовала тогда, не было ли счастіемъ, отецъ мой?.. Въ первый разъ еще въ жизни провела я цѣлую ночь безъ сна, и безсонница эта не казалась мнѣ тягостною. Я мысленно перебирала въ своей памяти всѣ подробности этого продолжительнаго вечера, котораго такъ страшилась, и въ первый разъ замѣтила, что не оставалась чуждой тому, о чемъ было говорено. Онъ говорилъ

о поэзіи, о томъ благородномъ инстинктѣ человѣка, который заставляетъ его воспѣвать чудеса природы, величіе Бога, безконечныя тайны души, и я понимала его. Нѣжный, звучный голосъ безпрестанно раздавался въ ушахъ моихъ, и я безпрестанно припоминала себѣ быстрый и вмѣстѣ неподвижный взоръ, который, казалось, читалъ какую-то невидимую книгу, раскрытую предъ нимъ въ пространствѣ. Я была увѣрена, что еслибъ этотъ человѣкъ сталъ разспрашивать меня о томъ, что я чувствовала, я нашла бы для объясненія ему этихъ чувствъ слова, которыхъ не нахожу для объясненія ихъ самой-себѣ. Казалось, душа моя, подобно эху, могла бы откликнуться ясно на его голосъ, оставаясь безотвѣтною для всѣхъ другихъ голосовъ... Что̀ все это значитъ, отецъ мой?.. Отъ-чего мои силы, моя воля, мои мысли зависятъ такимъ образомъ отъ чужой мысли и чужой силы? Какъ назвать эту рабскую покорность души моей другой душѣ? Не-уже-ли?... Нѣтъ, это не можетъ быть любовью; я знаю это чувство, я видѣла его, я слѣдила за нимъ, и въ немъ не было ничего подобнаго тому что̀ я ощущаю. . . . . .

Г-жа де-Моранси любила Шамбеля, — я въ томъ увѣрена: я слышала, какъ она сама говорила объ этомъ однажды вечеромъ г-жѣ Азьѐ, которой повѣряла свое безпокойство по случаю какихъ-то словъ, произнесенныхъ г-жею Шамбель... Она любила его; я слышала, какъ г-жа Азьѐ разсказывала г. Милону о неукротимой силѣ этой любви; она любила его, — и когда онъ являлся къ ней, она едва обращала на него вниманіе. Сто разъ замѣчала я за нею: никогда лицо ея не измѣнялось, никогда она не краснѣла и не блѣднѣла при его приближеніи, какъ краснѣла и блѣднѣла я, когда онъ подходилъ ко мнѣ; я видѣла, какъ она разговаривала съ другими, когда онъ говорилъ вслухъ, какъ она оставалась попрежнему веселой и безпечной, когда онъ умолкалъ. Со мною же было совсѣмъ не то: когда онъ говорилъ, я вся превращалась въ слухъ; когда онъ умолкалъ, или уходилъ, — мнѣ казалось, что воздухъ и все видимое пространство дѣлались пустыми. . .

Нѣтъ, я не любила его, потому-что она, любившая его, часто подводила его ко мнѣ и оставляла со мною; она, любившая его, говорила мнѣ, чтобъ я слушала его со вниманіемъ; она, казалось, была довольна, когда я ловила малѣйшее его слово; она почти благодарила меня, когда мнѣ удавалось удержать его подлѣ себя долго — она любила его! Я, напротивъ, я страдала, видя, какъ онъ разговаривалъ съ другою женщиной: я хотѣла бы отозвать его отъ нея, я могла внимать только одному ему... Г-жа де-Моранси, любившая его, осыпала меня и г-жу Шамбель ласками; а я ненавидѣла и г-жу Шамбель и графиню... Нѣтъ, я не любила его, я можетъ-быть ненавидѣла также и его... Да, я точно его ненавидѣла; только одно страшное

чувство ненависти может возмущать такъ спокойствіе сердца и посылать ему такія мученія, какія меня терзали!

— Жизнь, которую я вела съ тѣхъ поръ, была, конечно, несравненно разнообразнѣе прежней моей жизни, и не смотря на это, она никогда не казалась мнѣ столь унылою. Ничто не нравилось мнѣ; — ни работа, ни чтеніе, ни цвѣты мои; я не находила даже отрады въ молитвѣ; какая-то безчувственность овладѣла всѣмъ существомъ моимъ, и я оживала только въ его присутствіи... Правда, тогда я жила только грустію и страданіями; но все-таки жила!.. Все это было опять почти такъ же, какъ въ эпоху моей болѣзни, когда въ продолженіи цѣлаго дня оставалась я совершенно-безчувственною и начинала оживать только съ наступленіемъ вечера, когда жаръ разливался по моимъ жиламъ, когда голова моя горѣла какъ въ огнѣ. Теперь я сама силилась иногда возбудить въ себѣ сознаніе жизни, и если мнѣ удавалось собрать наконецъ свои мысли, — это было для того только, чтобъ страдать еще болѣе, жаловаться на судьбу свою, чувствовать свое одиночество, ненавидѣть всѣхъ окружающихъ меня, и болѣе всѣхъ — *его*.

Эта тревога сердца подѣйствовала на мое здоровье; во мнѣ раждались странныя желанія, чудныя мысли. Я, бѣдная дѣвушка, привыкшая къ скромной монастырской пищѣ, садилась съ какимъ-то отвращеніемъ за роскошный столъ графини де-Моранси. Еслибъ мнѣ было возможно выйдти, я себѣ купила бы кусокъ черстваго хлѣба, чтобъ съѣсть его украдкой отъ всѣхъ, и нѣсколько разъ, по какому-то невольному влеченію, срывала я въ саду цвѣты потому только, что они были прекрасны и какъ-будто улыбались благотворнымъ лучамъ солнца.

— Все это было безуміе, не правда ли, отецъ мой? Богъ поражаетъ иногда затмѣніемъ человѣческій разумъ, и, конечно, Онъ захотѣлъ подвергнуть и меня такому наказанію. Тогда-то, — этому будетъ около мѣсяца, — графиня де-Моранси, которой доброта и кротость неистощимы, вздумала употребить противъ моей странной болѣзни лекарство, котораго дѣйствіе было не безполезно.

«Вамъ остается еще нѣсколько мѣсяцевъ времени прежде, чѣмъ вы вступите въ семейство, которое ожидаетъ васъ» сказала она мнѣ. «Въ числѣ обязанностей, предстоящихъ вамъ, главнѣйшая будетъ заключаться въ томъ, чтобъ вы могли слѣдить за ученіемъ своихъ воспитанницъ; но науки не составляютъ еще всего для молодыхъ дѣвицъ, которымъ назначено блистать въ свѣтѣ: искусства необходимы имъ, и онѣ вѣроятно будутъ брать въ нихъ уроки у учителей. Вамъ извѣстны уже нѣсколько начальныя основанія музыки, и такъ, милая Маргарита, нѣсколько мѣсяцевъ прилежнаго упражненія — и вамъ будетъ нетрудно достигнуть въ игрѣ на фортепіано нѣкотораго совершенства, а это

дастъ вамъ возможность быть хорошею репетиторкою для вашихъ ученицъ. Представьте себѣ, какой сюрпризъ будетъ это для семейства, которое и не подозрѣваетъ ничего подобнаго, и какъ пріятно будетъ г. Нортону, что вы не только будете въ состояніи вполнѣ оправдать его рекомендацію, но даже превзойдете ее. Но, чтобъ удовольствіе это было для него еще сильнѣе, надобно, чтобъ онъ даже не подозрѣвалъ ничего. Вы будете брать уроки тайно, и берусь устроить все, и мы когда-нибудь сдѣлаемъ г. Нортону такой сюрпризъ, какого онъ вовсе не ожидаетъ.»

Можете себѣ представить съ какою благодарностію приняла я это новое благодѣяніе. На другой же день графиня свезла меня къ одной учительницѣ музыки, и съ-тѣхъ-поръ я хожу къ ней каждый день отъ 3 до 5 часовъ. Занятіе это, которому я предалась сначала какъ обязанности, сдѣлалось скоро для меня наслажденіемъ, потому-что оно влило въ душу мою надежду. Я должна признаться вамъ во всемъ, отецъ мой; надежда эта была не та, которою бы мнѣ слѣдовало утѣшаться: въ желаніяхъ моихъ появлялась неблагодарность, потому-что они были возбуждены во мнѣ только мыслію о самой себѣ. Я училась усердно не для того, чтобъ пріятно удивить г. Нортона и семейство, которому онъ рекомендовалъ меня, но для того, чтобъ въ свою очередь обладать талантомъ, который далъ бы мнѣ возможность занять когда-нибудь въ обществѣ приличное мѣсто и обратить на себя его вниманіе. Впрочемъ, болѣзненное состояніе души моей оставалось почти все одно и то же; я чувствовала только, что силы мои съ каждымъ днемъ ослабѣвали; все становилось для меня сомнѣніемъ; я уже не ненавидѣла и г-жу Шамбель такъ же, какъ прежде графиню де-Моранси. Появленіе или отсутствіе *его* не производило уже во мнѣ того сильнаго волненія, какое я чувствовала прежде, и при постоянной грусти, преслѣдовавшей меня, страданія болѣе сильныя не терзали ужъ меня такъ, чтобъ я могла узнать въ чемъ именно они заключались... Тогда-то пріѣхали вы въ Парижъ, тогда-то разсказала я вамъ о моихъ горестяхъ, такъ, какъ въ то время сама понимала ихъ, и просила васъ уговорить г. Нортона, чтобъ онъ позволилъ мнѣ оставить домъ графини де-Моранси.

Да, отецъ мой, я хотѣла покинуть этотъ домъ, и новый ужасъ овладѣлъ мною; не знаю отъ-чего, но обращеніе со мною г-жи Шамбель съ каждымъ днемъ становилось непріязненнѣе; взоры ея, полные гнѣва, не оставляли меня; мнѣ чудилось, будто каждое слово ея отзывалось насмѣшками на мой счетъ и желаніемъ оскорбить меня. Я предчувствовала какое-то несчастіе и оно, кажется, ужь обрушилось на меня... Что хотѣла она сказать вчера вечеромъ, говоря о молодыхъ дѣвушкахъ, которыя, нечитавъ никогда ничего, кромѣ бла-

гочестивыхъ книгъ, могутъ забыть всѣ свои обязанности?.. Слова эти вѣрно относились ко мнѣ; я поняла это, увидѣвъ, что вы, отецъ мой, встали; конечно хотѣли вы защитить меня.. Наконецъ, она сказала что-то о Маргаритѣ... Что значатъ эти слова? Что значитъ этотъ взоръ, который она бросила на меня? Отъ-чего всѣ казались пораженными? Отъ-чего это молчаніе, и отъ-чего графиня де-Моранси такъ поспѣшно подошла ко мнѣ, выдумавъ предлогъ выслать меня изъ гостиной именно въту минуту, когда я чувствовала, что силы мои готовы были оставить меня? Отъ-чего, Боже мой, напала на меня такая слабость! отъ-чего это волненіе, это безпокойство, которыя вдругъ овладѣли мною? Что жь такое сдѣлала я?..За чѣмъ обвиняютъ меня? за чѣмъ обвиняю я самое-себя? Не-уже-ли поступки мои достойны порицанія? Этого не можетъ быть, этого нѣтъ! Стало-быть, мысли мои преступны... Вотъ гдѣ я теряюсь... Не-уже-ли я точно люблю его? не-уже-ли всѣ страданія мои происходятъ отъ-того, что онъ не любитъ меня? Не-уже-ли ненависть моя къ графинѣ и г-жѣ Шамбель — низкое чувство ревности? Я не могу этому вѣрить, я не вѣрю!.. Все, что я чувствую—конечно, слѣдствіе странной перемѣны, произшедшей въ образѣ моей жизни.. Брошенная изъ уединенной монастырской жизни въ шумное свѣтское общество, я вѣрно отуманилась его обаяніемъ... Если это такъ, то благодарю васъ, отецъ мой, что вы исторгли меня изъ этого вихря — вы одни поняли меня; я напрасно просила г. Нортона прійдти ко мнѣ на помощь . . . .

. . . .

Сію минуту услыхала я шаги г. Нортона; онъ шелъ къ мнѣ... Чувство какого-то стыда, въ которомъ я сама не умѣю отдать себѣ отчета, заставило меня спрятать это письмо... Оно назначено для однихъ васъ, и я была бы въ отчаяніи, еслибъ онъ могъ прочитать его... Было ли это вдохновеніемъ неба, или новымъ проступкомъ—не знаю; но вотъ, что сказалъ мнѣ г. Нортонъ:

«По особеннымъ причинамъ необходимо нужно, чтобъ никто не зналъ, что ты пробудешь нѣсколько времени въ монастырѣ ***. Когда будетъ можно, чтобъ г. Фортенъ пришелъ туда повидаться съ тобою, я самъ скажу ему, гдѣ ты. До-тѣхъ-поръ, онъ также не долженъ знать твое мѣстопребываніе».

Отецъ мой, я боюсь всего: боюсь г. Нортона. Не смотря на его приказаніе, не смотря на уваженіе и довѣренность, которыми я обязана ему, не хочу оставаться опять совершенно-одинокою въ мірѣ, не хочу оставаться безъ друга, котораго совѣты могли бы просвѣтить меня... вы одни, вы истинный другъ мой... Я чувствую это; г. Нортонъ — только благодѣтель мой. То, что я сказала теперь, можетъ-быть дурно; неповиновеніе мое къ г. Нортону также предосудительно... Но я боюсь чего-то... Прійдите ко мнѣ на помощь; я жду васъ. Маргарита.

—

Мы привели здѣсь это письмо, не прерывая его; но г-жа Шамбель не могла прочитать его такимъ образомъ; частыя восклицанія гнѣва и удивленія вырывались у нея по мѣрѣ того, какъ она узнавала истину, которой даже не подозрѣвала. Въ душѣ ея оставалось, однакожь, еще одно сомнѣніе: *случай ли благопріятствовалъ графинѣ де-Моранси, или собственное ея искусство приготовило все такимъ образомъ, что Изора могла впасть въ заблужденіе?..* Г-жа Шамбель, не побоявшаяся обвинить молодую дѣвушку въ самомъ постыдномъ проступкѣ, почти не вѣрила возможности, чтобъ въ сердцѣ человѣческомъ могло вмѣщаться столько низости, столько разсчета, чтобъ можно было съ такимъ равнодушіемъ приготовить всѣ обстоятельства для обвиненія невинности. Это сомнѣніе и невѣроятное искусство, съ какимъ была ведена постыдная интрига, заставили г-жу Шамбель быть осторожною; она поняла, что ей нужно было совершенное спокойствіе и хладнокровіе, чтобъ не сдѣлаться опять жертвою своего пылкаго характера. Такимъ образомъ, когда настало время возвратиться къ графинѣ, Изора явилась къ ней съ веселымъ, безпечнымъ лицомъ; и когда Юлій спросилъ у ней о письмѣ, она отвѣчала ему совершенно равнодушно: «Ахъ, Боже мой, я забыла его дома; я пришлю его вамъ завтра».

Шамбель явился вскорѣ послѣ того и по веселому виду, съ какимъ приняла его Изора, онъ вообразилъ, что она была совершенно успокоена отъѣздомъ Маргариты. Онъ хотѣлъ, однакожь, хорошенько въ этомъ удостовѣриться, а Изора, желавшая узнать, до какой степени графиня и Шамбель имѣли нужду поспѣшить условиться другъ съ другомъ, пригласила Юлія пройдтись съ нею по саду и сдѣлала это съ такимъ кокетствомъ, что мужъ сказалъ ей тихо, но съ примѣтнымъ гнѣвомъ:

—Кажется, вчерашняя комедія еще не кончилась?

— Кажется, нѣтъ, отвѣчала г-жа Шамбель и удалилась, оставя своего мужа одного съ г-жею де-Моранси.

VII.

Шамбель, пересиливъ досаду, закипѣвшею въ немъ отъ кокетства жены съ Юліемъ, подошелъ къ графинѣ, чтобъ узнать отъ нея, въ какомъ положеніи были дѣла ихъ.

— Чтó говорила она вамъ, и чтó сдѣлалось нынче утромъ? спросилъ онъ, бросивъ вскользь взоръ въ ту сторону, гдѣ были гуляющіе.

— Вы видите, отвѣчала г-жа де-Моранси: — ни болѣе, ни менѣе того, что дѣлается предъ вашими глазами.

Г-жа де-Моранси сказала это съ торжествующей улыбкою, какъ-

будто въ поведеніи г-жи Шамбель заключалось лучшее ручательство ихъ безопасности. Шамбель, старавшійся, между-тѣмъ, не выпускать изъ виду жены своей и Юліи, не замѣтилъ выраженія удовольствія, съ какимъ ему отвѣчали, и возразилъ съ досадою:

— Это все та же комедія, которая началась вчера; мнѣ кажется, ей пора бы кончиться...

Онъ сдѣлалъ-было движеніе, чтобъ идти въ садъ; но г-жа де-Моранси тихо остановила его.

— Что жь это такое? сказала она. — Что вы хотите дѣлать?

Шамбель остановился, пораженный этимъ вопросомъ, и, взглянувъ на г-жу де-Моранси, прочиталъ на лицѣ ея еще большее изумленіе. Съ минуту глядѣли они другъ-на-друга въ молчаніи, стараясь угадать одинъ другаго. Г-жа де-Моранси рѣшилась не говорить первая и повторила свой вопросъ. Но Шамбель, подмѣтившій въ эту самую минуту какой-то знакъ, который жена его подала Юліи, отвѣчалъ г-жѣ де-Моранси рѣшительнымъ тономъ:

— Сказать женѣ моей, что я не намѣренъ и не хочу сносить ея смѣшнаго, поддѣльнаго кокетства.

Г-жа де-Моранси въ досадѣ закусила себѣ губы; но Шамбель, все еще занятый надзоромъ за женою, не замѣтилъ и этого, такъ-что графиня отвѣчала ему съ колкостью:

— То, что вы принимаете за поддѣльное кокетство, кажется мнѣ, напротивъ, сердечнымъ увлеченіемъ...

— Какъ? воскикнулъ Шамбель встревоженымъ голосомъ, обратясь быстро къ г-жѣ де-Моранси: — не-уже-ли то, что происходило въ мое отсутствіе, можетъ заставить васъ предполагать...

— Что племянникъ мой нравится госпожѣ Шамбель? подхватила г-жа де-Моранси съ насмѣшкой. — Что жь тутъ страннаго?

Шамбель вспыхнулъ.

— Но я не потерплю этого! воскликнулъ онъ съ запальчивостью. — Я не изъ тѣхъ людей, которые позволяютъ безнаказанно оскорблять себя!

Есть люди, которые отвергаютъ силу рока; а между-тѣмъ, бываютъ случаи, когда онъ обнаруживается такъ явно, что можно подумать, будто онъ скрывался за дверью, которую отворяетъ вдругъ чтобъ показать намъ всю нашу глупость и надменность. На этотъ разъ, рокъ явился въ гостиную подъ видомъ г-жи де-Моранси, который былъ именно тѣмъ, чѣмъ не хотѣлъ быть г. Шамбель. Увидя графа, герой нашъ смутился, а г-жа де-Моранси съ невѣроятною дерзостью сказала громко, обращаясь къ Шамбелю:

— Спросите объ этомъ графа: онъ одинъ можетъ дать вамъ удовлетворительный отвѣтъ.

И съ этими словами она вышла изъ гостиной.

Графъ де-Моранси, съ которымъ мы старались уже ознакомить читателей, былъ человѣкъ очень тихій; онъ даже неспособенъ былъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія для своей защиты; но, при всей своей физической и нравственной неподвижности, былъ одаренъ инстинктомъ устрицы, которая, приросши къ своему утесу, закрывается, чтобъ лучше пожирать непріятеля, когда волна броситъ его въ ея скорлупу. Г. де-Моранси видѣлъ прогулку г-жи Шамбель съ Юліемъ, и конечно не придумалъ бы самъ собою средства покровительствовать ей; но это средство представилось ему случайно: ему отдали Шамбеля на жертву, — и онъ ухватился за него.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ, ставъ въ дверяхъ, которыя вели въ садъ, такимъ образомъ, что Шамбель могъ свободно видѣть все происходившее тамъ, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ никакого средства пройдти туда.

— Ахъ, Боже мой! отвѣчалъ Шамбель съ нетерпѣніемъ: — это вздоръ, которымъ вамъ не стоитъ заниматься.

Онъ отвѣчалъ графу, какъ человѣку, котораго привыкли считать за ничто; въ этомъ случаѣ, онъ увлекся собственнымъ чувствомъ, забывъ, что г-жа де-Моранси вмѣнила ему въ обязанность показывать въ обращеніи съ ея мужемъ величайшее уваженіе. Графъ де-Моранси, довольствовавшійся наружными знаками почтенія, крѣпко дорожилъ ими, и потому отвѣчалъ тономъ, въ которомъ были замѣтны угроза и важность:

— Мнѣ странно, что такой человѣкъ, какъ вы, можетъ говорить вздоръ такой женщинѣ, какъ графиня де-Моранси!

Шамбель почувствовалъ свою неосторожность и хотѣлъ вывернуться какъ-нибудь; но графъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— А если рѣчь дѣйствительно шла о вздорѣ, какъ вы говорите, то мнѣ кажется еще страннѣе, какимъ образомъ графиня де-Моранси могла поручить мнѣ дать вамъ отвѣтъ на него.

Шамбель былъ какъ на иголкахъ; понявъ глупость опасеній, которыя обнаружилъ онъ предъ г-жею Моранси, и не зная, что отвѣчать ея мужу, неспускавшему съ него глазъ, онъ схватился за первую попавшуюся ему мысль, и отвѣчалъ тономъ, которому хотѣлъ придать выраженіе равнодушія:

— Ахъ, Боже мой, графъ, какъ вы горячо это принимаете! Я спрашивалъ у графини, какимъ образомъ приходится ей съ родни господинъ-Юлій, и что онъ за человѣкъ?

Графъ нахмурилъ нѣсколько брови, какъ-будто вопросъ этотъ заключалъ въ себѣ что-то для него оскорбительное; но, по взволнованному, встревоженному виду Шамбеля, который вытягивалъ шею то въ правую, то въ лѣвую сторону, чтобъ заглянуть въ садъ чрезъ плечо графа, — графъ понялъ, что слова, сказанныя Шамбелемъ, не

имѣли никакой особенной цѣли, и отвѣчалъ съ совершенно-спокойнымъ видомъ:

— Юлій — человѣкъ, котораго ни вы, ни другіе не умѣли оцѣнить по достоинству; слишкомъ-застѣнчивый въ обществѣ и слишкомъ-равнодушный къ тому, что говорится въ немъ, онъ подъ холодною наружностію скрываетъ самый быстрый, предпріимчивый умъ и душу пылкую, страстную...

— Возможно ли? воскликнулъ Шамбель съ притворною недовѣрчивостью, но въ-самомъ-дѣлѣ съ величайшимъ безпокойствомъ.

— А такъ-то возможно, возразилъ графъ: — что даже теперь, въ эту самую минуту, Юлій, преданный въ жертву сильной страсти, затѣваетъ что-то очень важное...

— Вы думаете? воскликнулъ Шамбель.

— Не думаю, а увѣренъ, отвѣчалъ съ важностью графъ де-Моранси: — и увѣренъ также, что Юлій непремѣнно успѣетъ въ томъ, что задумалъ.

Шамбель сдѣлалъ судорожное движеніе, котораго графъ не хотѣлъ, однакожь, замѣтить, и понизивъ голосъ, какъ-будто то, что намѣренъ былъ сказать, заключало въ себѣ большую важность, продолжалъ:

— Юлій человѣкъ рѣшительный, терпѣливый, неутомимый; человѣкъ, котораго не остановятъ никакія препятствія, никакія опасности для достиженія предположенной цѣли.

Шамбеля начинала пробирать дрожь, и чѣмъ болѣе казался онъ встревоженнымъ, тѣмъ хладнокровнѣе становился графъ; онъ даже нарочно тянулъ слова свои, какъ-будто для того, чтобъ придать имъ болѣе вѣсу. Шамбель, не будучи въ состояніи сносить долѣе своего ужаснаго положенія, попытался проскользнуть мимо графа, сказавъ ему отрывисто:

— Вотъ именно то, что хотѣлъ я знать о господинѣ Юліи, и очень благодаренъ вамъ за все мною слышанное.

— Это еще не все, возразилъ графъ, остановивъ Шамбеля за руку: — Я долженъ сказать вамъ, и вы вѣрно сами уже замѣтили, — что графиня де-Моранси имѣетъ особенную слабость къ этому молодому человѣку. Богу не угодно было дать намъ дѣтей, продолжалъ графъ съ важностью: — и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что графиня любитъ его какъ сына. Такимъ образомъ, если вы намѣрены сдѣлать что-нибудь въ его пользу, — а я думаю, что разспросы ваши о немъ не могли имѣть другой цѣли, — если вы хотите взять его себѣ въ сотрудники для какой бы то ни было работы, то я совершенно убѣжденъ, что вы сдѣлаете этимъ госпожѣ де-Моранси большое удовольствіе.

Важный видъ и тонъ довѣренности, съ какимъ графъ сказалъ эту

послѣднюю фразу, позволяли Шамбелю сомнѣваться, что слова его не были насмѣшкою. Впрочемъ, самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, было прикинуться, будто онъ не понимаетъ этихъ словъ, потому-что какой отвѣтъ могъ бы онъ дать человѣку, отъ котораго слышалъ ихъ?

Подвигъ, совершенный графомъ де-Морансu, былъ такъ великъ, что онъ былъ принужденъ собрать для него всѣ свои силы, покоившіяся въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ; утомленный такимъ необыкновеннымъ напряженіемъ, онъ пропустилъ наконецъ Шамбеля въ садъ и бросился на диванъ.

Шамбель, высвободясь изъ когтей почтеннаго супруга, опрометью бросился въ садъ и нашелъ тамъ Изору, читавшую какую-то бумагу, которую, вѣроятно, подалъ ей Юлій. Шамбель былъ вспыльчивъ, какъ почти всѣ слабохарактерные люди; онъ, конечно, вырвалъ бы изъ рукъ жены своей эту бумагу, но она сама поспѣшила подать ему, сказавъ притомъ:

— Ахъ, другъ мой, у меня есть до тебя важная новость; въ лицѣ господина-Юлія явился тебѣ соперникъ—и очень опасный, прибавила она, взглянувъ на молодаго человѣка. — Посмотри... какіе прекрасные стихи!..

Шамбель не зналъ, какъ понять то, что слышалъ. Въ первую минуту, онъ вообразилъ себѣ, что Изора, желая встревожить его, была сама наконецъ испугана своимъ неосторожнымъ поступкомъ и хотѣла доказать, что если прогулка была предпринята ею въ намѣреніи взбѣсить его, то, по-крайней-мѣрѣ, разговоръ, который она вела съ Юліемъ, не имѣлъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Добрый Шамбель подумалъ, что жена его просто струсила, и потому, взявъ бумагу съ важнымъ видомъ мужа и поэта, развернулъ ее медленно. И что же? вдругъ лицо его приняло выраженіе гнѣва и удивленія. Заглавіе стихотворенія бросилось ему въ глаза; оно было слѣдующее: *Той, которую люблю.*

Шамбель повернулся къ женѣ, которая сказала ему очень граціозно:

— Прочти, пожалуйста!

Это *прочти,* казалось, значило: ты увидишь, что стихи эти относятся не ко мнѣ. Успокоенный, Шамбель началъ читать; переходя отъ стиха къ стиху, отъ строфы къ строфѣ и встрѣчая ежеминутно довольно-счастливыя мысли, выраженныя очень удачно, онъ невольно досадывалъ и напрасно искалъ что-нибудь, къ чему бы могъ придраться, чтобъ разсердиться. Вся элегія состояла въ описаніи страстныхъ чувствъ первой любви и оканчивалась слѣдующими стихами:

> Quant à son nom c'est un mystère;
> Même à ma couche solitaire

Jamais je ne l'ai dit tout bas;
Et la seule voix douce et tendre
A qui mon coeur voudrait l'apprendre
Ne me le demandra pas(*).

Конецъ стихотворенія показался Шамбелю мистификаціей; онъ принялъ на себя грозный видъ и сказалъ тихо Юлію:

— А еслибъ я спросилъ у васъ объ этомъ имени, господинъ-Юлій?

— Это было бы слишкомъ-нескромно: это тайна господина-Юлія, замѣтила г-жа Шамбель смѣясь.

— А вы его не угадали? спросилъ Шамбель, обращаясь къ женѣ.

— Думаю, что угадала, возразила Изора, взглянувъ лукаво на Юлія.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы убѣдиться въ своей догадкѣ, сказалъ Шамбель.

Изора почувствовала свою неосторожность; но, не желая уступить, обратилась къ Юлію и спросила:

— Можете ли вы назвать мнѣ это имя?

— Сударыня, отвѣчалъ Юлій съ досадой и смущеніемъ: — стихи эти не относятся ни къ кому.

— Въ такомъ случаѣ, я не настаиваю болѣе, сказала г-жа Шамбель, мигнувъ значительно Юлію.

— Можетъ-быть, воскликнулъ Шамбель съ гнѣвомъ, котораго не могъ скрыть: — можетъ-быть, есть другое средство заставить отвѣчать господина-Юлія...

— Поспѣшите къ намъ, милая графиня, воскликнула г-жа Шамбель, обращаясь къ г-жѣ де-Моранси, которая показалась у садовой двери: — поспѣшите къ намъ на помощь; между этими господами завязался важный споръ, который надобно разрѣшить...

— Скажите, замѣтилъ тихо Шамбель женѣ своей: — не намѣрены ли вы сдѣлать меня смѣшнымъ?..

— Болѣе, нежели вы съ-самомъ-дѣлѣ? отвѣчала Изора. — О, нѣтъ!

— Этотъ молодчикъ дорого заплатитъ мнѣ за всѣ ваши дерзости!

Г-жа Шамбель не отвѣчала, и, обращаясь къ г-жѣ де-Моранси, сказала:

— Любезная графиня, господинъ-Юлій, полагая, что я могу имѣть какое-нибудь вліяніе на господина-Шамбеля (какъ вы просты, господинъ-Юлій), просилъ меня, чтобъ я вывѣдала у моего мужа мнѣніе его насчетъ этихъ стиховъ. Я показала ихъ господину-Шамбелю и, вмѣсто того, чтобъ сказать свое мнѣніе о нихъ, онъ цѣлые полчаса мучилъ вашего племянника вопросами о томъ, къ кому они относятся.

(*) «Что же до имени ея — я не смѣлъ произносить его даже на своемъ одинокомъ ложѣ; а нѣжный, сладостный голосъ, которому одному хотѣло бы сказать его мое сердце, не спроситъ его у меня».

Г-жа де-Моранси, очень недовольная Шамбелемъ, который такъ глупо выказалъ досаду на кокетство жены своей, отвѣчала Изорѣ:

— О! я знаю, что господинъ-Шамбель имѣетъ чрезвычайно странныя претензіи...

— Слава Богу! воскликнула г-жа Шамбель: — я очень рада, что хоть вы сказали ему правду... Съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался несносенъ въ своихъ требованіяхъ. Побраните его хорошенько: онъ послушаетъ васъ скорѣе, чѣмъ меня.

Сказавъ это, Изора удалилась, оставивъ Шамбеля и г-жу де-Моранси однихъ. Шамбель, взбѣшенный на Изору, хотѣлъ-было жаловаться на нее г-жѣ де-Моранси; но при первомъ словѣ, она отвернулась отъ него, сказавъ:

— То, что̀ неприлично для г-жи Шамбель, неприлично также и для меня. Графъ смотритъ на насъ.

Шамбель остался одинъ на мѣстѣ, неподвижный, какъ истуканъ. Положеніе его было жестоко; онъ не могъ обнаружить своей ревности къ Изорѣ, не оскорбивъ г-жи де-Моранси. Если ревность проистекала отъ остатка любви къ Изорѣ, то она должна была показаться обидною графинѣ, которую онъ любилъ; если жь, напротивъ, въ немъ кипѣло только одно негодованіе, и если онъ хотѣлъ только оградить отъ позора имя свое и честь, это значило сказать г-жѣ де-Моранси, до какой степени онъ самъ забылъ всѣ свои обязанности. Шамбель не могъ, однакожь, освоиться съ мыслію, чтобъ его заставили играть такую же роль, какую онъ самъ заставлялъ играть другаго, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ власти своей надъ женою, чтобъ принудить ее оставить всѣ шутки.

Возвращаясь въ гостиную, онъ старался казаться совершенно-спокойнымъ, что̀, по его мнѣнію, должно было обезоружить неудовольствіе г-жи де-Моранси. Но, кажется, она была задѣта за-живое; по-крайней-мѣрѣ, во весь обѣдъ она не переставала преслѣдовать несчастнаго мужа самыми жестокими сарказмами. Дѣло дошло наконецъ до того, что графъ де-Моранси, наливъ стаканъ бургонскаго, воскликнулъ съ громкимъ смѣхомъ:

— Ваше здоровье, господинъ Шамбель!

Шамбель не зналъ, что̀ дѣлать: разсердиться, или обратить все въ шутку; послѣднее средство показалось ему лучше, и онъ отвѣчалъ графу:

— Развѣ вы считаете меня больнымъ, что пьете за мое здоровье?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, возразила Изора: — ты какъ-будто нездоровъ.

Замѣчаніе это могло показаться насмѣшкой послѣ того смысла, какой графъ де-Моранси, казалось, хотѣлъ придать словамъ своимъ. Но прежде, чѣмъ Шамбель успѣлъ разсердиться, Изора закрылась вѣрнымъ щитомъ.

— Не правда ли, графиня, сказала она:—мужъ мой какъ-будто не въ духѣ сегодня?

— Да, отвѣчала г-жа де-Моранси, взглянувъ на него:—можно подумать, что онъ боится какого-нибудь несчастія.

— Я никогда не боюсь того, что могу отвратить, отвѣчалъ Шамбель грубымъ тономъ.

— Это очень хорошо для того, чего еще нѣтъ, замѣтила Изора:— но не для того, что уже есть...

— Какъ, что есть? воскликнулъ Шамбель внѣ себя.

— Да, что есть, отвѣчала Изора простодушно:— то, что уже сдѣлано, часто тревожитъ насъ, мы раскаяваемся, но не имѣемъ средства поправить бѣду...

Слова эти сильно встревожили Шамбеля; въ первую минуту, онъ подумалъ, что Изора знаетъ все; но ему тутъ же представилось, что она метила на любовь его къ Маргаритѣ, и онъ возразилъ:

— Конечно, когда есть въ чемъ раскаяваться; но когда нѣтъ ничего, когда мы умѣли воздержаться отъ глупостей, такъ намъ нѐ отъ чего тревожиться.

Г-жа де-Моранси была также очень-удивлена выходкою г-жи Шамбель; но она вовсе не отнесла ея насчетъ Маргариты, такъ-что отвѣтъ Шамбеля коснулся прямо ея-самой, и если она нашла запирательство его благоразумнымъ, то видъ презрѣнія, съ какимъ оно было сдѣлано, и слово *глупость*, употребленное имъ, показалось ей неслыханною дерзостью. Она поблѣднѣла отъ злости и до самаго конца обѣда молчала. Что до Изоры, она была въ самомъ веселомъ расположеніи духа и любезничала съ Юліемъ какъ-нельзя-болѣе.

Обѣдъ кончился, и посреди всеобщаго шума, послѣдовавшаго за тѣмъ, произошла маленькая, чрезвычайно-быстрая сцена. Шамбель подошелъ къ женѣ и сказалъ тихо:

—Если вы станете говорить съ Юліемъ, я при всѣхъ дамъ ему пощечину.

И недождавшись отвѣта, обратился къ г-жѣ де-Моранси, которая наблюдала за нимъ. Графиня не могла слышать, что сказалъ Шамбель; но по бѣшенству, выражавшемуся въ лицѣ его и по раздраженному виду г-жи Шамбель, почти угадала смыслъ его словъ; когда же онъ приблизился къ ней, чтобъ предложить руку, она отвернулась, сказавъ вполголоса:

— Берегитесь; графъ человѣкъ бѣшеный и можетъ убить насъ на мѣстѣ.

Шамбель невольно оглянулся и увидѣлъ графа, который, взявъ г-жу Шамбель подъ руку, уговаривалъ ее идти въ садъ:

— Мнѣ есть кой-что сообщить вамъ, сказалъ онъ:—не откажите мнѣ въ минутномъ разговорѣ.

Г-жа Шамбель, боясь, чтобъ мужъ ея не исполнилъ своей угрозы въ минуту запальчивости, не рѣшалась слѣдовать за графомъ, потому-что Юлій прошелъ уже въ садъ.

— Поди же, сказалъ ей Шамбель: — развѣ ты боишься того, что графъ хочетъ сообщить тебѣ?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Изора: — но я не хотѣла оставить графиню одну, тѣмъ болѣе, что и г. Юлій въ саду.

Сказавъ это, она ушла. Шамбель остался у двери; ему очень хотѣлось помѣшать встрѣчѣ Изоры съ Юліемъ, которую графъ, вѣроятно, хотѣлъ устроить, и въ то же время остаться одному съ г-жею де-Моранси, чтобъ объясниться. Это послѣднее желаніе пересилило первое, и онъ возвратился въ гостиную. Подойдя къ графинѣ, онъ сказалъ:

— Вы сердитесь на меня?

— Боже мой, за что хотите вы, чтобъ я сердилась!

— Вы придали словамъ моимъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, съ какимъ я сказалъ ихъ.

— Вы забываете, что г-жа Шамбель теперь вмѣстѣ съ Юліемъ.

— Я забуду объ этомъ, если вы непремѣнно того хотите, сказалъ Шамбель съ покорностью.

Г-жа де-Моранси, какъ и всѣ подобныя ей женщины, чувствуя, что власть ея была незаконна, боялась ея лишиться. Предложеніе Шамбеля показалось ей довольно-выгоднымъ; но она не хотѣла принять его безусловно, и потому отвѣчала грустнымъ тономъ:

— Забыть! вамъ это невозможно!

— Испытайте!

— О, я знаю, что вы останетесь со мною и, не смотря на всѣ мученія вашего сердца, не пойдете туда, гдѣ бы вы хотѣли быть.... Но прежде это было бы не такъ; прежде вы даже и не подумали бы покинуть меня...

— Виноватъ, каюсь!..

— Не думайте, чтобъ я осуждала ваши опасенія, еслибъ они были справедливы; но вся эта комедія не стоила ни малѣйшаго вниманія, и еслибъ вы были спокойнѣе, то сами увидѣли бы, что лучшимъ средствомъ прекратить ее было бы сдѣлать видъ, что вы ничего не замѣчаете.

— Право, вы такъ думаете? воскликнулъ Шамбель съ примѣтною радостью.

— Да; и это избавило бы меня также отъ стыда подумать собственно о себѣ и о моихъ отношеніяхъ къ вамъ...

При этихъ словахъ, двѣ крупныя слезы выступили на глазахъ графини.

Шамбель съ нѣжностью взялъ её за руку, назвалъ тихо по имени, и г-жа де-Моранси продолжала:

— Меня пугаетъ не опасность, которой я подвергаюсь; но мученія совѣсти за мой проступокъ... И вы, вы же сами съ такою жестокостію показали мнѣ всю великость его...

Тутъ слезы полились уже рѣкою, и Шамбель прибѣгнулъ къ обыкновеннымъ клятвамъ въ вѣчной любви, которыя въ подобныхъ случаяхъ всегда противопоставляются упрекамъ совѣсти.

Г-жа де-Моранси слушала ихъ съ такимъ удовольствіемъ, а Шамбель такъ усердно старался увѣрить ее въ своей искренности, что прошло болѣе часа, въ который онъ и не вспомнилъ ни о женѣ своей, ни о Юліи.—Г-жа де-Моранси торжествовала.

Изора, съ своей стороны, хотѣла убѣдиться до какой степени власть г-жи де-Моранси будетъ въ состояніи удержать ревнивость Шамбеля. Негодованіе и гнѣвъ ея достигли высшей степени, когда она увидѣла, что мужъ ея не являлся, и бѣдный Юлій никакъ не могъ понять, что̀ съ нею сдѣлалось; нѣсколько разъ пытался онъ удалиться, но Изора удерживала его; она не хотѣла возвратиться въ комнаты, ни остаться одна съ графомъ. Наконецъ, видя, что наступилъ уже вечеръ и что пора оставить садъ, о чемъ напомнилъ даже самъ Юлій, она объявила, что, чувствуя себя нездоровой, не пойдетъ къ графинѣ, а возвратится домой.

— Я буду вамъ очень благодарна, если вы не скажете объ этомъ ни слова моему мужу, прибавила она.—Онъ счелъ бы обязанностью послѣдовать со мною; а мнѣ не хочется лишать его удовольствія провести вечеръ съ вами.

Г-жа Шамбель отправилась изъ сада прямо домой, а графъ тутъ же далъ какое-то порученіе Юлію, которое должно было занять его по-крайней-мѣрѣ часа на два. Распорядясь такимъ образомъ, онъ возвратился въ гостиную и на вопросъ жены, гдѣ г-жа Шамбель, отвѣчалъ, что она пошла домой.

— А Юлій? спросила г-жа де-Моранси.

— Право, не знаю, куда онъ дѣвался, отвѣчалъ графъ: — онъ исчезъ какъ тѣнь вслѣдъ за г-жею Шамбель.

Эти слова были сказаны нарочно такъ громко, чтобъ Шамбель могъ ихъ слышать.

Въ ту же минуту графиня заставила его взять карту и усадила за вистъ.

VIII.

Для всякаго, кто постигъ настоящій характеръ г-жи Шамбель, сцена, приведенная нами, показалась бы очень удивительной. Изора смотрѣла на жизнь сердца, какъ на вещь священную, которою не

должно было играть, и при всемъ этомъ сама же играла ею. Оставшись одна и обдумавъ хорошенько все, она почувствовала какое-то раскаяніе и даже состраданіе. Теперь она невольно убѣдилась въ справедливости мысли, которая часто приходила ей въ голову и которую она такъ легко позволяла всегда оспаривать, желая сама не вѣрить ей.

— Нѣтъ, говорила она самой-себѣ: — нѣтъ, мужчины предпочитаютъ не тѣхъ женщинъ, которыя, любя искренно, не твердятъ безпрестанно о своихъ чувствахъ, но готовы принести всякую жертву человѣку, ими избранному. Кокетка, съ своими прихотями, съ своими притворными улыбками и слезами, съ своими поддѣльными восторгами, выигрываетъ у нихъ гораздо-болѣе, чѣмъ женщина, любящая просто, но вѣрно и нѣжно...

Сто разъ говорила она это при Шамбелѣ и сто разъ онъ оспоривалъ это мнѣніе такимъ аргументомъ, которому Изора не хотѣла противорѣчить — любовью своею къ ней. Но если онъ колебалъ ея убѣжденіе, то не измѣнялъ его совершенно. Оно оставалось въ сердцѣ Изоры и, можетъ-быть, характеръ ея мужа былъ первою и главнѣйшею причиною такого убѣжденія.

Обманутая наружностью и интригою, обдуманной съ удивительнымъ искусствомъ, она повѣрила на минуту любви Шамбеля къ Маргаритѣ. Но когда письмо этой молодой дѣвушки обнаружило ей всю истину, Изора удивилась, что могла такъ грубо обмануться. Нѣтъ, Шамбель не могъ любить бѣдную дѣвушку, прекрасную какъ ангелъ, но скромную, застѣнчивую, затерянную въ свѣтской толпѣ и никѣмъ незамѣчаемую. Даже любовь къ нему этой дѣвушки, любовь искренняя, чистая, святая, не могла быть угадана имъ: онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые въ состояніи понимать такое чувство, и Изора нисколько не сомнѣвалась, что мужъ ея даже не подозрѣвалъ любви Маргариты.

Шамбелю надобна была не такая любовь, какъ любовь Маргариты, — нѣтъ, ему была нужна не любовь, а побѣда надъ женщиной, поставленной высоко въ обществѣ; надъ женщиной, за которой ухаживали многіе, и которая предпочла бы его всѣмъ. Вотъ-что было нужно Шамбелю и вотъ-что нашелъ онъ въ графинѣ де-Моранси...

Изора, убѣжденная въ этой горькой истинѣ, успокоила однакожь себя мыслію, что подобная любовь не могла быть серьёзною, что ее можно было уничтожить, и что во всякомъ случаѣ только сильныя страсти могутъ встрѣтить въ человѣкѣ упорство.

Но если г-жа де-Моранси и не была такою женщиною, которой Изора могла бы страшиться, она, однакожь, заставила Шамбеля забыть свои клятвы, и сносить терпѣливо подобную связь не значило ли дать ему поводъ предаться въ-послѣдствіи связи болѣе-опа-

сной, которая легко могла бы превратиться въ страсть и лишить ее навѣкъ сердца мужа?

Преданная этимъ мыслямъ, Изора искала вокругъ себя кого-нибудь, кто могъ бы дать ей спасительный совѣтъ, ка́къ дѣйствовать, и, подобно Маргаритѣ, никого не находила. Она могла совѣтоваться только съ самой-собою и, къ-несчастію, не довѣряла самой-себѣ. Не обманывалась ли она еще за день предъ тѣмъ, когда обвиняла такъ жестоко бѣдную, невинную дѣвушку; не обманывалась ли она и тогда, когда, вѣря любви Шамбеля, пожертвовала ему всѣмъ?

Когда этотъ призракъ минувшаго мелькнулъ передъ ея глазами, она отвернулась отъ него съ ужасомъ; она силилась забыть его, чтобъ не слышать роковаго голоса, который твердилъ ей: «ты и тогда обманулась, какъ вчера!» Но что̀ же было ей дѣлать теперь? на что рѣшиться? чѣмъ возвратить утраченное? Кротостью и смиреніемъ, или явною борьбою и силою?.. Должна ли она была притворяться, что не знала ничего, и предоставить времени возбудить искреннее раскаяніе? Можетъ-быть, такая мѣра была бы самою лучшею съ человѣкомъ, подобнымъ Шамбелю? Запальчивый и вмѣстѣ слабый, онъ, въ минуту ссоры, могъ забыть все и даже рѣшиться на что-нибудь преступное или опасное; но, оставленный самому-себѣ и неподстрекаемый никѣмъ, онъ долженъ былъ скоро соскучиться отъ связи, которая, сдѣлавшись спокойною и безопасною, не представляла бы никакой пищи его самолюбію.

Зная характеръ своего мужа, Изора была убѣждена, что только одно это послѣднее средство могло упрочить ей побѣду; но того, что̀ внушилъ ей разсудокъ, что̀ подтверждалъ опытъ, что̀ она сама стала бы совѣтовать лучшему своему другу, своей дочери для будущаго счастія всей ея жизни,—того не могла она исполнить сама. Мысль дожидаться, выжидать спокойно перемѣны въ чувствахъ мужа была для нея нестерпима! «Если онъ долженъ быть возвращенъ мнѣ пресыщеніемъ или скукою» говорила она: «то пусть лучше навѣки оставитъ меня... И если я даже успѣю пересилить порывы своего гнѣва, если я измѣню для того свой характеръ, если разобью свое сердце, — къ-чему послужитъ мнѣ все это? Пройдетъ время испытанія, наступитъ, можетъ-быть, часъ возврата, и въ этомъ разбитомъ сердцѣ не будетъ уже для преступника ни любви, ни прощенія, ни даже забвенія; въ немъ останется только одно холодное равнодушіе!.. Что̀ же мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?» восклицала внутренно Изора, преданная отчаянію и терявшаяся въ лабиринтѣ своихъ мыслей.—«Бороться, бороться явно, хотя бы пришлось потерять все!.. И не лучше ли умереть разомъ, чѣмъ страдать долго и мучительно? не лучше ли вырвать вдругъ сердце изъ груди, чѣмъ вынимать его по клочкамъ?..

Въ такомъ расположеніи духа была она, когда услыхала звонокъ, и такъ велика была ея нерѣшительность, что она въ ту жь минуту подбѣжала къ двери, чтобъ запереться у себя въ комнатѣ. Какъ ни встревожена была Изора, она не хотѣла однакожь подвергнуть себя опрометчиво гнѣву мужа. Она понимала, что Шамбель пріидетъ съ угрозою требовать отчета въ ея поступкахъ. Увѣренный, что Изора не знаетъ всей истины, онъ, конечно, пріиметъ на себя видъ человѣка, оскорбленнаго несправедливыми подозрѣніями... Изора угадывала все это и чувствовала, что не будетъ въ состояніи вынести его гнѣва безъ того, чтобъ, въ свою очередь, не выказать своего справедливаго негодованія, а это значило бы начать немедленно борьбу, — борьбу, которой за минуту еще желала такъ пламенно и передъ которой сама же теперь отступала. Да, она отступала отъ нея, зная, что въ ней могла найдти только горе и отчаяніе, горе— видѣть себя обманутою, отчаяніе—убѣдиться во лжи и низости человѣка, котораго любила еще такъ страстно. Увѣренная, что можетъ побѣдить его, показавъ ему, до какой степени ей все извѣстно, она примѣнила къ себѣ извѣстное изреченіе: «Еще одна такая побѣда, и я погибла!» Она понимала, что ей пріидется оставить на полѣ сраженія послѣднія развалины своего сердца и, не смотря на всю свою гордость, хотѣла лучше уклониться отъ боя, въ которомъ могла только лишиться всего, нежели начинать его.

Между-тѣмъ, Шамбель, возвратившійся домой, пошелъ въ комнату Изоры и, увидѣвъ дверь запертою, постучался такъ, что стукъ этотъ ясно доказывалъ непремѣнную волю отпереть немедленно дверь. Дѣйствительно, онъ былъ полонъ гнѣва, скопившагося въ немъ въ-продолженіи шести робберовъ виста, которые графъ де-Моранси съ такою неимовѣрною жестокостью заставилъ его съиграть. Ему надобно было во что бы ни стало высказать Изорѣ все, что̀ кипѣло въ немъ; а какъ она притворилась, будто не слышитъ стука, то онъ стукнулъ снова въ дверь и въ этотъ разъ уже такъ сильно, что дверь едва не соскочила съ петель. Изора испугалась, чтобъ люди не сбѣжались на шумъ, и то, чего не могли сдѣлать всѣ ея размышленія, сдѣлалъ страхъ. Рѣшась выслушать спокойно все, что̀ могъ сказать ей мужъ, точно такъ, какъ-будто бы ей пришлось слушать сумасшедшаго, Изора отворила дверь.

— Извини, что заставила тебя дожидаться, сказала она ему: — я не знала, что это былъ ты.

Шамбель, вошедъ въ комнату, окинулъ ее недовѣрчивымъ взглядомъ. Къ-счастію, Изора не поняла этого взгляда, не зная, что Юлій скрылся немедленно послѣ ея ухода отъ г-жи де-Моранси.

—Вы, кажется, не имѣете привычки запираться у себя въ комнатѣ, когда бываете однѣ? сказалъ Шамбель.

— Возвратясь домой часа два тому назадъ, отвѣчала Изора съ кротостью: — я заперла дверь, чтобъ никто не безпокоилъ меня, и потомъ совершенно забыла объ этомъ.

— Въ чемъ же состояли ваши занятія, что вы такъ боялись быть обезпокоены? спросилъ Шамбель.

— Ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ, отвѣчала Изора: — я сдѣлала это такъ, безъ всякаго намѣренія, и повторяю, мнѣ очень жаль, что заставила тебя дожидаться.

Изора говорила кротко, голосомъ, въ которомъ дышала просьба; но Шамбель пришелъ за тѣмъ, чтобъ поссориться; ссора ему была необходима; онъ сказалъ:

— Вамъ, конечно, хотѣлось вспомнить на свободѣ стихи Юлія и обдумать хорошенько всѣ любезности, которыя онъ могъ наговорить вамъ во время вашего продолжительнаго и уединеннаго разговора?

— Графъ де-Моранси былъ съ нами и не оставлялъ насъ ни на минуту, отвѣчала Изора.

— Графъ де-Моранси! воскликнулъ Шамбель, произнеся это имя съ видимымъ презрѣніемъ: — графъ де-Моранси! повторилъ онъ съ улыбкою, которая означала: развѣ графъ что-нибудь значитъ?

Кто могъ бы воздержаться, чтобъ не воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ? Искушеніе было слишкомъ - велико, и Изора не пересилила его.

— Я знаю, отвѣчала она, стараясь придать словамъ своимъ какъ-можно-болѣе выраженія: — я знаю, что графъ де-Моранси считается многими за человѣка очень-снисходительнаго.

— Что вы хотите сказать этимъ? спросилъ Шамбель: — и кто эти многіе, которые такъ думаютъ?

— Во-первыхъ, можетъ-быть, я и г. Юлій, возразила Изора, въ которой гнѣвъ начиналъ уже вскипать понемногу.

— Что до меня, то мнѣ это совершенно неизвѣстно; я не знаю, что может быть сказано при немъ, отвѣчалъ Шамбель: — но еслибъ даже графъ былъ человѣкомъ самымъ непроницательнымъ, то присутствіе его и тогда не могло бы оправдать такого продолжительнаго разговора, какой вамъ угодно было имѣть съ г. Юліемъ.

— Мнѣ очень жаль, что это непріятно вамъ, отвѣчала Изора съ холодностью: — но отъ васъ зависѣло прервать этотъ разговоръ во всякое время, еслибъ вы того захотѣли.

— Но я не хотѣлъ! воскликнулъ съ горячностью Шамбель.

— Точно ли вы увѣрены, что только вы одни не хотѣли этого? возразила Изора, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ.

Гнѣвъ Шамбеля, до-сихъ-поръ удерживаемый, разразился теперь со всею силою, такъ, что онъ слышалъ только слова Изоры, не понявъ обвиненія, которое таилось въ нихъ.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ съ запальчивостью:—я не хотѣлъ этого, предупреждаю васъ, что я не намѣренъ былъ приниматься за ремесло шпіона и слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, чтобъ заставить васъ кончить комедію, которую вамъ угодно разъигрывать. Но я хочу, я требую, чтобъ вы вели себя благоразумнѣе, чтобъ оставили эти глупыя сцены кокетства, предлогомъ которыхъ вамъ угодно было выдумать какую-то ревность, которая не могла быть въ вашемъ сердцѣ, и которой...

—И которой теперь, по-крайней-мѣрѣ, уже нѣтъ, отвѣчала Изора съ видомъ покорности.

— Очень радъ, что вы убѣдились наконецъ въ нелѣпости своихъ подозрѣній.

— Вы совершенно правы, возразила Изора:—я была точно глупа, вообразивъ себѣ, что вы могли быть хоть одну минуту влюблены въ бѣдную молодую дѣвушку, которая, не имѣя ничего, кромѣ красоты, не обладаетъ даромъ кокетства и искусствомъ нравиться людямъ геніальнымъ.

— Этотъ насмѣшливый тонъ вовсе нейдетъ къ вамъ, отвѣчалъ Шамбель:—и все, что было нынче вечеромъ между вами и Юліемъ, могло бы заставить васъ сознаться съ большею искренностью въ вашей ошибкѣ.

— Клянусь вамъ, возразила Изора тономъ, въ которомъ все еще отзывалась притворная покорность:—клянусь, я искренно сознаюсь въ несправедливости своей къ этой молодой дѣвушкѣ, и еслибъ вы не были такъ заняты однимъ собою, то разговоръ мой съ г. Юліемъ не разгнѣвилъ бы васъ до такой степени, потому-что ему я обязана убѣжденіемъ, что подозрѣнія мои на счетъ Маргариты были вовсе неосновательны.

Въ этомъ признаніи и въ тонѣ, съ какимъ оно было сдѣлано, заключалось что-то оскорбительное для Шамбеля; но онъ не могъ или не смѣлъ понять этого, и по какому-то инстинкту чувствовалъ, что Изора, обвиняя себя, въ-самомъ-дѣлѣ обвиняла только его одного. Онъ не могъ, однакожь, предположить, чтобъ интрига его съ г-жею де-Моранси была ей извѣстна; ему казалось, что всѣ поступки Изоры обнаруживали только досаду ея на невозможность доказать чѣмъ-нибудь обвиненіе свое на счетъ Маргариты. Въ этой увѣренности, онъ сказалъ насмѣшливо:

—Я понимаю вашу досаду; она очень натуральна:—хлопотать такъ усердно около г. Юлія и не получить отъ него непреложнаго доказательства моей измѣны, которое вы поклялись представить еще сегодня—это ужасно!

—Я не сказала «сегодня»; на это будетъ свое время, и я получила отъ г. Юлія все, что мнѣ было нужно.

При этомъ отвѣтѣ, произнесенномъ съ угрожающею холодностью, Шамбель поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Не знаю, что вы хотѣли получить отъ г. Юлія, воскликнулъ онъ съ запальчивостью: — но запрещаю вамъ говорить съ нимъ, а болѣе всего запрещаю кокетничать съ нимъ такъ безстыдно.

— А если я не послушаюсь васъ? спросила Изора, взглянувъ на мужа смѣло.

— Если вы не послушаетесь!.. закричалъ Шамбель.

Онъ остановился на минуту, терзаемый необыкновеннымъ волненіемъ, и продолжалъ потомъ голосомъ, въ которомъ было замѣтно болѣе скорби, чѣмъ угрозы:

— Если вы не послушаетесь!.. Состояніе ваше совершенно-независимо отъ моего, и если уваженіе къ мужу кажется вамъ такъ ничтожно, что имъ можно играть по произволу, то пусть будетъ такъ; я оставляю вамъ полную свободу дѣйствовать какъ угодно; не прибѣгну ни къ угрозамъ, ни къ крикамъ, но разстанусь съ вами навсегда.

Отчаяніе, съ какимъ Шамбель произнесъ слова эти, было, конечно, слѣдствіемъ внутренняго убѣжденія, что онъ не имѣлъ права на подобную угрозу; но Изора приняла это иначе, и съ чувствомъ непритворнымъ, но уже полнымъ искренности сказала ему:

— Не-уже-ли могла я такъ глубоко оскорбить тебя, Пьерръ?.. Не-уже-ли въ сердцѣ твоемъ осталось еще столько привязанности ко мнѣ, что притворное кокетство мое могло встревожить тебя до такой степени? Если это правда, если въ негодованіи, можетъ-быть, и справедливомъ, могла я заставить тебя подумать, что предпочитаю собственное мщеніе твоему счастію, то прости меня и вѣрь искренности моего раскаянія. Если же и послѣ этого разлука намъ будетъ необходима—я не хочу, чтобъ ты покинулъ меня потому только, что я забыла въ-отношеніи къ тебѣ обязанности супруги, какъ забыла ихъ нѣкогда... въ-отношеніи къ другому.

Слезы брызнули изъ глазъ Изоры; она упала въ кресла, закрывъ лицо руками. Шамбель достигъ наконецъ своей цѣли, но достигъ не страхомъ, который думалъ внушить Изорѣ: другое чувство, несравненно-тягостнѣйшее, сокрушало ее,—чувство скорби, что онъ могъ подумать о вѣчной разлукѣ съ нею. Шамбель понялъ это и былъ тронутъ; голосъ совѣсти раздался на минуту въ его сердцѣ, и онъ подошелъ къ ней, сказавъ тихо:

— Ну, полно, Изора, успокойся... Я точно былъ жестоко оскорбленъ, видя, какъ вѣтренно играла ты чувствами самыми священными; но я увѣренъ, что этого уже не будетъ болѣе. И такъ, все забыто... все!..

. . . .

Изора, преданная въ жертву отчаянія, въ которомъ было столько

же раскаянія за прошлое, сколько ужаса за настоящее, не слыхала, что сказалъ мужъ ея, и счастливы были бы они оба, еслибъ объясненіе это, начавшееся такъ бурно, кончилось этими последними словами Шамбеля; но Изора, слышавшая, что онъ говорилъ что-то, отвѣчала ему:

— Да, я была не права, виновата...! Но я такъ страдала; я была такъ несчастлива, и ты одинъ знаешь отъ-чего... Не станемъ же говорить объ этомъ; впередъ я постараюсь быть благоразумнѣе, спокойнѣе.

Всякій другой, на мѣстѣ Шамбеля, былъ бы въ восхищеніи, что умѣлъ кончить все такъ миролюбиво и заставилъ жену сознаться въ винѣ своей; но онъ, какъ всѣ люди пишущіе, имѣлъ страсть къ поученіямъ и никакъ не хотѣлъ лишить себя удовольствія сказать хоть небольшую проповѣдь:

— Да, Изора, постарайся умѣрить въ себѣ излишнюю пылкость; не будь такъ опрометчива въ своихъ поступкахъ. Я никогда не усомнюсь въ тебѣ; но свѣтъ придирается къ малѣйшимъ бездѣлицамъ, чтобъ сплетать свои клеветы, и довольно будетъ двухъ сценъ, подобныхъ нынѣшней, чтобъ дать ему право дѣлать разныя предположенія, конечно несправедливыя, но которыя будутъ оскорбительны особенно для тебя...

Изора приподняла голову и взглянула прямо въ глаза своему мужу съ страннымъ оцѣпенѣніемъ; въ этомъ взглядѣ отражалась мучительная тоска, и можно было легко догадаться, что она была еще подъ властью той скорби, которая такъ быстро побѣдила ея гнѣвъ.

— Какъ! произнесла она тихо:— за нѣсколько словъ, сказанныхъ молодому человѣку, осмѣлились подумать...

— О нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Шамбель, стараясь успокоить ее:—но вотъ видишь, Изора, я говорю тебѣ какъ другъ: одна женщина, которая знаетъ свѣтъ, которая любитъ тебя искренно, словомъ, графиня де-Моранси говорила мнѣ...

При этомъ имени, слезы Изоры исчезли, какъ-будто раскаленное желѣзо высушило ихъ въ одно мгновеніе; при этомъ имени, она встрепенулась, какъ-будто какой-то невидимый ударъ разбудилъ ее вдругъ отъ усыпленія; взоръ ея загорѣлся огнемъ необыкновеннымъ, лицо поблѣднѣло, по всему тѣлу пробѣжала судорожная дрожь, и она повторила страшнымъ, ужаснымъ голосомъ:

— Графиня де-Моранси!..

— Да, повторилъ Шамбель:—она говорила мнѣ, что такая женщина, какъ ты, должна была бы дѣйствовать не такъ; даже еслибъ подозрѣнія твои были справедливы...

— Графиня де-Моранси! воскликнула Изора, вскочивъ стремительно и всплеснувъ руками въ отчаяніи.— Графиня де-Моранси! Эта

женщина!.. эта... Она остановилась и, взглянувъ на Шамбеля дико, прибавила съ живостію:

— О! ради Бога, сжальтесь надо мною, оставьте меня одну; не говорите со мною; не заставьте меня сказать вамъ то, чего я не хочу сказать. Подите прочь, умоляю васъ, подите!

— Не думаете ли вы испугать меня своимъ притворнымъ отчаяніемъ? воскликнулъ Шамбель, испуганный въ-самомъ-дѣлѣ.

— О, замолчите! возразила Изора: — ради Бога, замолчите!.. Я не знаю ничего, я не хочу ничего знать; но оставьте меня, умоляю васъ...

— Такъ нѣтъ же, сказалъ Шамбель: — нѣтъ; надобно, чтобъ все это кончилось; я требую формальнаго объясненія всѣхъ этихъ криковъ, всѣхъ упрековъ... требую непремѣнно...

— Вы требуете? воскликнула Изора внѣ себя. — Хорошо же; пусть будетъ по вашему!..

Сказавъ это, она съ удивительною рѣшительностію пошла замкнуть ту самую дверь, которую за часъ предъ тѣмъ хотѣла противопоставить какъ преграду борьбѣ, страшившей ее. Эта предосторожность, совершенно безполезная, служила только доказательствомъ, что борьба будетъ ужасна...

— Ты хотѣлъ этого?.. Хорошо! Арена для битвы готова и выходъ изъ нея запертъ для сражающихся... Нѣтъ болѣе возможности ни отступать, ни бѣжать... Ты хотѣлъ этого!.. Станемъ же другъ противъ друга, будемъ разить безъ пощады, безъ отдыха до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ насъ падетъ... Ты хотѣлъ, — пусть будетъ по твоему!..

Шамбель слѣдилъ взоромъ за женою своею, пока она замыкала дверь, и имъ овладѣлъ невыразимый ужасъ, когда она сѣла наконецъ противъ него.

Нѣсколько минутъ она молчала, не будучи въ состояніи говорить отъ сильнаго душевнаго волненія. Рѣшительность Изоры и гнѣвъ, который пылалъ въ глазахъ ея, заставили наконецъ Шамбеля подумать, что она можетъ-быть дѣйствительно знаетъ всю истину, и онъ упрекалъ уже себя, что зашелъ такъ далеко. Въ свою очередь рѣшился и онъ, какъ незадолго предъ тѣмъ рѣшилась Изора, дать ей волю высказать все и, подобно ей, думалъ, что будетъ въ состояніи пересилить себя и выслушать ее терпѣливо. Онъ принялъ на себя видъ совершеннаго хладнокровія и дожидался, чтобъ Изора начала говорить... Молчаніе продолжалось еще нѣсколько минутъ; Изора силилась успокоить волненіе души своей и привести въ порядокъ мысли. Сначала, Шамбель дожидался съ безпокойствомъ, потомъ съ нетерпѣніемъ; наконецъ подумалъ, что молчаніе Изоры происходило отъ нечего-сказать, а какъ онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые стараются немедленно воспользоваться всякимъ преимуществомъ, то воскликнулъ тутъ же съ насмѣшливымъ видомъ:

— Ну, что же, сударыня?... Я жду...

Толчокъ былъ данъ, и Изора начала:

— Выслушайте же меня, сударь, сказала она: — выслушай меня, Пьерръ. Я люблю тебя любовью взъискательною, ревнивою, пылкою — это правда; но люблю искренно. Въ жизни своей сдѣлала я важный проступокъ; должна я раскаяваться, или нѣтъ, — это такой вопросъ, въ которомъ ты не можешь быть безпристрастнымъ судьею, потому-что проступокъ былъ сдѣланъ для тебя. Но ты знаешь, что, измѣнивъ священнѣйшимъ обязанностямъ своимъ, я не хотѣла прибавить преступленія къ преступленію, не хотѣла обманывать того, противъ котораго была виновна. Никогда не разсказывала я тебѣ, Пьерръ, какъ насталъ тотъ день, когда я покинула свой домъ и промѣняла его на твой. Теперь хочу я сказать тебѣ это, чтобъ ты зналъ наконецъ, что̀ такое я, и каковъ былъ тотъ человѣкъ, которымъ я тебѣ пожертвовала.

По этому предисловію, Шамбель заключилъ, что ему предстоитъ выдержать сцену упрековъ и жалобъ, и нѣсколько успокоенный насчетъ самого-себя и г-жи де-Моранси, въ знакъ согласія кивнулъ головою. Изора была такъ занята своими мыслями и цѣлью, которой хотѣла достигнуть, что не обратила вниманія на это движеніе и продолжала:

— Выслушай меня со вниманіемъ, Пьерръ; слова мои не будутъ простою исповѣдью прошедшаго; онѣ послужатъ тебѣ объясненіемъ настоящаго. Въ тотъ день, когда я должна была оставить домъ, гдѣ, не будучи счастлива сердцемъ, наслаждалась однакоже спокойствіемъ и всеобщимъ уваженіемъ, — въ тотъ день написала я къ мужу своему письмо, которое помню до послѣдняго слова.

— «Викторъ», писала я къ нему: «не имѣя никакого повода жаловаться на тебя, не зная въ тебѣ никакого недостатка, не испытавъ никакихъ огорченій, въ которыхъ ты былъ бы умышленно виновенъ, я сдѣлалась преступницей и рѣшилась сегодня же бѣжать съ тѣмъ, кого люблю. Вотъ уже мѣсяцъ, что я потеряла всѣ права на твое уваженіе; вотъ уже мѣсяцъ, что я содрогаюсь отъ стыда каждый разъ, когда уста твои прикасаются къ челу моему, когда рука твоя съ нѣжностью пожимаетъ мою руку, и когда я принимаю всѣ эти изъявленія любви, какъ-будто бы была достойна ихъ. Эта ложь, это притворство нестерпимы, ужасны для меня; мнѣ кажется, что тебя должны они оскорблять, а меня унижать еще болѣе, чѣмъ самый проступокъ мой. Чрезъ нѣсколько часовъ, бѣгство мое сказало бы тебѣ все; но я стала бы презирать себя еще болѣе, еслибъ, осмѣлившись сдѣлать преступленіе, не осмѣлилась признаться въ немъ изъ опасенія возбудить гнѣвъ, справедливо мною заслуженный. Собственное признаніе въ моемъ проступкѣ и въ моихъ намѣреніяхъ да

послужитъ тебѣ оправданіемъ того наказанія, которому ты, можетъ-быть, захочешь подвергнуть меня, если сочтешь обязанностью отмщать за свою оскорбленную честь. Я должна уѣхать ныньче вечеромъ около 10-ти часовъ.»

— Ты написала это письмо? воскликнулъ Шамбель, ужаснувшись невольно опасности, которой подвергалась Изора, а можетъ-быть и той, которой она подвергала его-самого.

— Я написала его, Пьерръ, и написала къ человѣку, который не зналъ ни утонченной свѣтской вѣжливости, ни восторженности поэтическаго великодушія; я написала это письмо къ человѣку характера крутаго, самовластнаго, къ человѣку, который сокрушалъ все силою своей желѣзной воли... Часъ спустя послѣ того, какъ онъ получилъ мое письмо, мнѣ принесли отъ него запечатанный пакетъ. Въ немъ заключались отчеты по моему имѣнію, акты на право владѣнія моими помѣстьями и наконецъ подлинное письмо мое.

— И ни одного слова болѣе?.. спросилъ Шамбель, слушавшій съ чрезвычайнымъ изумленіемъ.

— Ты знаешь, продолжала Изора: — что̀ такое былъ Викторъ: не получивъ хорошаго воспитанія и лишась на 20-мъ году отца, разстроившаго состояніе свое, онъ призвалъ всю силу своего характера, всю дѣятельность, къ которой былъ способенъ, чтобъ поправить дѣла и заплатить всѣ долги, оставленные ему отцомъ. Даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ брался онъ неохотно за перо, зная, что не умѣлъ владѣть имъ. И такъ, онъ не написалъ мнѣ ни слова; но это письмо, которое онъ возвратилъ мнѣ, эти счеты, которые были приложены къ письму, имѣли для меня силу краснорѣчія, врѣзавшагося въ мое сердце. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ самъ вошелъ въ мою комнату.

«Я прислалъ этотъ пакетъ,—сказалъ онъ мнѣ,—для того, чтобъ ты не испугалась моего прихода. Еслибъ я умѣлъ писать, то не пришелъ бы сюда; но есть вещи, которыя ты должна выслушать и которыхъ я не считаю себя въ правѣ не сказать тебѣ.»

— Я ожидала гнѣва и угрозъ, но онъ продолжалъ хладнокровно: «Изора, ты была рождена для того, чтобъ сдѣлаться честною, хорошею женщиною, и осталась бы ею, не скажу съ другимъ мужемъ, но еслибъ въ характерѣ твоемъ не было той неблагоразумной, неразсудительной пылкости, которая будетъ чаще увлекать тебя къ злу, чѣмъ къ добру. Ты составила себѣ фальшивое понятіе о счастіи, и жизнь представляется тебѣ не въ настоящемъ своемъ видѣ; ложный блескъ чувствъ преувеличенныхъ казался тебѣ всегда предпочтительнѣе чувствъ истинныхъ; ты увлекалась всегда одною наружною формою, не обращая вниманія на то, что̀ таилось подъ нею; вотъ въ чемъ состояло твое заблужденіе и вотъ причина твоего проступка.

Правда, ты созналась въ этомъ проступкѣ; но сознаніе это было внушено тебѣ тщеславіемъ и суетностію. Я строгъ, я имѣлъ право быть строгимъ, но это не заставитъ меня измѣнить моему хладнокровію. Попирая свои обязанности, играя моею честью, подвергаясь опрометчиво моему справедливому гнѣву, ты думала, что загладила свой проступокъ потому только, что призналась въ немъ сама. Нѣтъ, ты ошибаешься и въ этомъ; я не прощаю тебѣ твоего проступка; свѣтъ не проститъ тебѣ его и, что всего хуже, тотъ, для котораго ты сдѣлала его, самъ когда-нибудь упрекнетъ тебя въ этомъ. Вотъ мое мщеніе; вся злоба, весь гнѣвъ мой не могли бы придумать бо̀льшаго наказанія, и я предаю тебя ему. Но я взялъ тебя чистою, непорочною; я клялся быть твоимъ покровителемъ, твоею опорою: предъ лицомъ свѣта, передъ Богомъ, передъ тобою разрѣшенъ я отъ этой клятвы, но неразрѣшенъ отъ нея предъ самимъ-собой. До-тѣхъ-поръ, пока мы шли вмѣстѣ рука-объ-руку, я велъ тебя путемъ чести и добродѣтели. Теперь, когда ты отвергла эту руку, которая служила тебѣ опорою, теперь я уже не протяну ея тебѣ болѣе, не протяну, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Но до-тѣхъ-поръ, пока голосъ мой можетъ еще достигать твоего слуха, я считаю себя обязаннымъ показывать тебѣ бездну, къ которой ты стремишься. Ты сама затворила для себя домъ мой; но тебѣ остается еще домъ отца твоего. Я знаю, ты не послѣдуешь моему совѣту, ты не захочешь лишиться плода своего проступка и своей смѣлости; но я долженъ былъ подать тебѣ такой совѣтъ. Это послѣднее средство, которое осталось тебѣ, чтобъ защитить себя не отъ позора, но отъ отчаянія. Восторги любви недолговременны: они пройдутъ скоро, и ты почувствуешь тогда, что нельзя безнаказанно пренебрегать мнѣніемъ свѣта, что онъ отомщаетъ самыми жестокими мученіями за малѣйшее отступленіе отъ его законовъ. Если онъ когда-нибудь оказываетъ сожалѣніе, то къ тѣмъ только, которые смиренны и кротки, а ты никогда не будешь смиренною и кроткою. И такъ, послушай меня, оставь своего любовника: клянусь тебѣ, съ нимъ найдешь ты только горе и несчастіе.»

— Онъ замолчалъ; я не хотѣла отвѣчать ему, не желая показать, что признаю справедливость его словъ. Онъ подождалъ съ минуту и, понявъ мое молчаніе, удалился, сказавъ: «Да спасетъ тебя Богъ!» — Онъ былъ добрый, благородный человѣкъ, Пьерръ! я увѣрена, что одно слово раскаянія — и онъ простилъ бы меня и сдѣлалъ бы меня счастливой!

При этихъ словахъ, Шамбель принялъ мрачный видъ, какъ-будто такая похвала была для него оскорбительна. Изора замѣтила это и грустная улыбка мелькнула на устахъ ея; съ отчаяніемъ видѣла она,

что говорила языкомъ, непонятнымъ для малодушнаго человѣка; однакоже продолжала:

— Онъ удалился, и я ужь никогда не видала его... Вспомни, Пьерръ, вспомни о той минутѣ, когда мы узнали о его смерти. Ты не могъ ненавидѣть его, а я его уважала—что же! въ эту минуту мы узнали о его смерти съ радостью; ты прочиталъ это чувство въ моихъ глазахъ, какъ я прочитала его въ твоихъ. Но радость не была внушена намъ ненавистью или жестокостью; нѣтъ, она происходила отъ-того, что надъ нами тяготѣло уже то наказаніе, которое онъ предсказалъ мнѣ: смерть его давала намъ наконецъ возможность выйдти изъ того мучительнаго состоянія, въ которомъ мы находились. Ты видишь, я признаюсь въ своихъ дурныхъ ощущеніяхъ съ такою же откровенностью, съ какою признавалась въ своихъ дурныхъ поступкахъ. Это страшитъ тебя, Пьерръ, потому-что въ тебѣ нѣтъ довольно мужества; а теперь настала минута, въ которую оно необходимо. Будь внимателенъ къ словамъ моимъ и постарайся понять меня хорошенько. Я вѣрю, — мнѣ необходимо вѣрить, — что всѣ слабости, всѣ проступки могутъ быть поправлены; но знаю, что это не легко. Мой проступокъ также и твой, и я не буду въ состояніи сбросить его съ себя одна, безъ твоей помощи. Но къ твоимъ слабостямъ свѣтъ будетъ снисходителенъ, а къ моимъ строгъ; мало того: твои проступки будутъ оправдываемы моими, я понесу на себѣ всю ихъ тяжесть, меня одну будутъ обвинять въ нихъ, и свѣтъ, видя твою холодность ко мнѣ, скажетъ: «это и должно такъ быть; эта женщина не заслуживала лучшей участи!»

Шамбель молчалъ. Въ сердцѣ его, преисполненномъ эгоизма и суетности, таился уже отблескъ того мнѣнія, которое жена его только предвидѣла въ будущемъ. Виновный противъ Изоры, онъ старался найдти извиненіе себѣ въ этомъ проступкѣ, но не имѣлъ довольно твердости и благородства сознаться въ этомъ. Изора, неподозрѣвая этихъ чувствъ, продолжала съ умоляющею кротостью:—Понимаешь ли ты меня, Пьерръ, понимаешь ли ты, что свѣтъ можетъ уважать меня тогда только, когда ты будешь уважать меня? Надобно, чтобъ обращеніе твое со мною доказало, что я заслуживаю этого уваженія. Ты уже достигъ нѣкоторой извѣстности; на тебя смотрятъ, тобою занимаются: пусть же любовь твоя, твое постоянство будутъ щитомъ моимъ противъ злословія свѣта; только они одни могутъ поддержать меня—безъ нихъ я погибла!

Оборотъ, который принялъ этотъ разговоръ, начавшійся такъ непріязненно, долженъ бы былъ удовлетворить Шамбеля; но во всемъ, что говорила Изора, онъ видѣлъ только невозможность, въ которой она находилась доказать свое обвиненіе, и необыкновенное искусство замѣнить жалобами и просьбами угрозы. Болѣе затрудненный,

чѣмъ тронутый словами жены, онъ отвѣчалъ ей однакоже спокойнымъ голосомъ:

— Вѣрь мнѣ, Изора, ни уваженіе мое къ тебѣ, ни любовь никогда не измѣнятся, если ты сама станешь уважать себя какъ должно.

Изора не отвѣчала, хоть поученіе, заключавшееся въ этой фразѣ, показалось ей излишнимъ.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ? продолжалъ Шамбель.

— Надѣюсь, ты понялъ меня, сказала ему тихо Изора.—Воспоминаніе о прошедшемъ было мнѣ гораздо-полезнѣе, чѣмъ всѣ твои увѣщанія... Да, прибавила она, устремивъ глаза къ небу: — Викторъ былъ правъ; пылкость часто ослѣпляетъ меня, я чувствую это; но теперь я успокоилась, и потому оставимъ этотъ разговоръ. Ты далъ мнѣ слово любить и уважать меня: я вѣрю тебѣ, а ты можешь вѣрить мнѣ.

Еслибъ Шамбель имѣлъ хоть малѣйшее понятіе объ организаціи женщины пылкой и ревнивой, онъ понялъ бы, что поспѣшность, съ какою Изора хотѣла прекратить этотъ разговоръ, могла служить доказательствомъ, какъ она чувствовала еще въ себѣ порывы гнѣва, который сначала разразился съ такою силою, и не сталъ бы продолжать его; но онъ думалъ упрочить еще больше торжество свое, и не хотѣлъ пропустить такого прекраснаго, по его мнѣнію, случая.

— И такъ, сказалъ онъ:—ты не будешь уже удивлять меня такими смѣшными сценами, какъ нынче?

—Нѣтъ, отвѣчала Изора, стараясь придать еще голосу своему кротость:—нѣтъ, клянусь тебѣ.

— Не будешь предаваться порывамъ вспыльчивости и ревности, которыхъ никто не оправдываетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, обѣщаю тебѣ!

Слова эти были произнесены съ нетерпѣніемъ и досадою, которой она, не смотря на все стараніе, не могла скрыть... Чувствуя, что въ сердцѣ ея началъ уже кипѣть прежній гнѣвъ, Изора встала и подошла къ двери, которую отворила.

Шамбель смотрѣлъ молча на жену, не покидая своего мѣста; она взглянула на него: онъ сидѣлъ съ торжествующимъ видомъ побѣдителя. Это ей показалось ужаснымъ; она поклялась перенести все и сказала умоляющимъ голосомъ:

—Я чувствую себя очень нездоровой, Пьерръ; прошу тебя, позволь мнѣ немного успокоиться.

— Пожалуй, отвѣчалъ Шамбель, вставая съ разсѣяннымъ видомъ:—но еслибъ ты была благоразумна, этого бы не случилось.

— Конечно, отвѣчала Изора, голосомъ, который выражалъ вмѣстѣ и гордость и досаду:—но я больна... очень больна... ты видишь самъ...

Шамбель взялъ свѣчу.

— Если ты хочешь быть одна, я оставляю тебя, сказалъ онъ съ холодностью.

— Да, я хочу быть одна; мнѣ это необходимо...

Изора была взволнована, и Шамбель, замѣтивъ это, нарочно не оставлялъ своего торжествующаго вида. Часы пробили одиннадцать.

— Еще очень рано, сказалъ онъ, обратясь къ Изорѣ.

— Да, отвѣчала Изора безъ всякаго дурнаго намѣренія, и для того только, чтобъ скорѣе удалить его:—ты можешь еще возвратиться къ г-жѣ де-Моранси.

Имя это возбудило въ Шамбелѣ всѣ его опасенія, и взглянувъ на жену съ угрожающимъ видомъ, онъ спросилъ ее:

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ это?

— Боже мой! воскликнула Изора съ нетерпѣніемъ: — я сказала это такъ, безъ всякаго намѣренія; ты можешь идти къ г-жѣ де-Моранси, или остаться дома . . . Мнѣ все равно... Но я—я хочу быть одна, мнѣ нуженъ покой...

Едва успѣла она сказать это, какъ раздался звонокъ...

— Кто бы это могъ быть въ такое позднее время? спросилъ Шамбель.

—Не знаю, отвѣчала Изора, обрадовавшись случаю, который далъ разговору другое направленіе.

Вошла горничная и подала г-жѣ Шамбель записочку, сказавъ потомъ:

— Приказано просить отвѣта...

По знаку, поданному Шамбелемъ, горничная удалилась, и Изора развернула записку въ присутствіи мужа, который устремилъ на нее гнѣвный взглядъ. Она не могла скрыть трепетъ, овладѣвшій ею при чтеніи записки, и смяла ее въ рукѣ своей.

— Что это? спросилъ Шамбель.

— Ничего, отвѣчала Изора съ замѣтнымъ волненіемъ, и позвонила. Горничная вошла въ комнату.

— Скажи тому, кто принесъ эту записку, что я больна, что я въ постели, и что не знаю куда дѣла то, что спрашиваютъ у меня... Нѣтъ, скажи лучше, что я сплю, что ты не смѣешь разбудить меня.

— Но, сударыня, отвѣчала горничная:—я сказала уже г. Юлію, что отдала вамъ записку.

— Юлію! воскликнулъ Шамбель голосомъ, который заставилъ задрожать всѣхъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Изора, гордымъ, рѣшительнымъ тономъ:—скажи г. Юлію, что я пришлю ему завтра то, что онъ спрашиваетъ у меня.

Горничная опять удалилась, и Изора бросилась въ кресла съ отча

ніемъ человѣка, который не можетъ избѣжать судьбы, его преслѣдующей.

— А! воскликнулъ Шамбель, поставивъ свѣчу на каминъ: — г. Юлій переписывается съ вами.

— Какъ видите.

—И, кажется, онъ очень нетерпѣливо желаетъ получить отвѣтъ, котораго требуетъ.

— Онъ, можетъ-быть, имѣетъ на то полное право.

—Послушай, Изора, воскликнулъ Шамбель:—вся эта комедія становится уже слишкомъ-странною!

— Нѣтъ, тутъ нѣтъ никакой комедіи; я въ отчаяніи, потому-что записка эта прислана именно теперь; но умоляю, не думайте, чтобъ въ ней было что-нибудь заслуживающее вашего вниманія.

— Нѣтъ сомнѣнія, что я ничего не увижу въ ней, если вы еще долго будете мять ее такъ, какъ теперь, сказалъ Шамбель съ язвительною насмѣшкой.

Изора встала и, подойдя къ Шамбелю, сказала ему съ рѣшительностью:

— Пьерръ, сознаюсь, я не совсѣмъ права передъ тобою; но умоляю тебя не старатьея узнать, что̀ заключается въ этой запискѣ. Завтра не будетъ объ этомъ и помину, завтра принесу я тебѣ великую жертву.

— Да, вы пожертвуете вашею перепискою съ г. Юліемъ! воскликнулъ Шамбель насмѣшливо.

— Пьерръ, Пьерръ! сказала Изора умоляющимъ голосомъ.

— Угодно ли вамъ показать мнѣ образчикъ этой переписки, чтобъ я могъ оцѣнить всю великость вашей жертвы?

Изора взглянула на него, какъ-будто удивляясь, ка̀къ могъ человѣкъ стремиться съ такимъ упорствомъ къ собственной своей гибели. Въ эту минуту, Шамбель совершенно забылъ о томъ, сколько былъ самъ виновенъ, и увѣренный, что вина эта была неизвѣстна, хотѣлъ быть самъ обвинителемъ. Изора угадала это и подала ему записку:

— Читайте!

Шамбель развернулъ ее... Записка была писана карандашемъ, вполовину истертымъ; онъ успѣлъ, однакожь, разобрать эти слова: «Аббатъ Фортенъ теперь у тетушки; позвольте же просить васъ возвратить мнѣ письмо, которое я ввѣрилъ вамъ».

Шамбель ничего не понялъ; въ слогѣ записки не было ничего неприличнаго; только часъ, въ который она была прислана, могъ показаться не совсѣмъ обыкновеннымъ. Шамбель нахмурилъ брови и сказалъ Изорѣ:

— А что̀ это за письмо, которое г. Юлій ввѣрилъ вамъ?

— Письмо, адресованное къ аббату Фортену.
— А какимъ образомъ попало оно къ вамъ?..
— Я выпросила его у г. Юлія.
— За чѣмъ?
— За тѣмъ, чтобъ имѣть доказательство въ вашей измѣнѣ.
— Изора! воскликнулъ Шамбель.
— Пьерръ! я отвѣчаю тебѣ точно такимъ образомъ, какъ ты спрашиваешь меня; но изъ сожалѣнія ко мнѣ, изъ сожалѣнія къ самому-себѣ, не спрашивай меня ни о чемъ больше.
— Право? А доказательство?.. Вы нашли его?
— О, нашла! отвѣчала Изора тихо, но рѣшительно.
— И вы смѣете говорить это!.. воскликнулъ Шамбель.
— Смѣю! отвѣчала Изора: — я нашла доказательство преступной вашей связи съ г-жею де-Моранси. Вы ея любовникъ!
— Клевета! воскликнулъ Шамбель, зашатавшись отъ испуга.
— Правда! возразила Изора. — Я нашла то, чего не искала; но какъ бы то ни было, у меня есть доказательство, я имѣю его противъ васъ и противъ нея: теперь понимаете ли меня?

Положеніе Шамбеля становилось затруднительнымъ. Оправившись отъ перваго страха, онъ спрашивалъ самого-себя, до какой степени Изора была увѣрена въ томъ, что̀ говорила, и то, что́ она выдавала съ такою увѣренностью за непреложный фактъ не было ли только подозрѣніемъ?

Въ такомъ состояніи дѣла, признаніе было бы величайшею ошибкой и, чтобъ избѣжать ея, онъ обратился къ власти мужа, съ помощью которой надѣялся одержать побѣду.

— Изора, сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ: — подай мнѣ это письмо!
— Оно не принадлежитъ мнѣ, и я не имѣю права располагать имъ.
— Однакожь, ты имѣла право прочитать его... Все это однѣ пустыя фразы; я хочу имѣть письмо.
— Пьерръ! ты знаешь меня, знаешь, что никакая угроза не въ состояніи испугать меня... Повторяю тебѣ, ты не получишь этого письма.
— Хорошо же! возразилъ Шамбель: — если я знаю тебя, то ты не знаешь меня; отдай мнѣ это письмо, говорю я тебѣ, или...
— Или что?.. повторила Изора.

Шамбель сжалъ судорожно свои руки.

— Изора!.. воскликнулъ онъ задыхающимся отъ гнѣва голосомъ: — Изора! это письмо... я требую его...
— Я сдѣлала очень-дурно, что взяла его; но сдѣлаю еще хуже, если отдамъ его тебѣ... Тутъ дѣло идетъ не обо мнѣ одной, но о бѣд-

ной, невинной дѣвушкѣ, которой тайны не принадлежатъ мнѣ; я не хочу, я не должна отдавать тебѣ этого письма.

Шамбель, казалось, размышлялъ о чемъ-то, и Изора продолжала:

— То, что̀ я разсказала тебѣ, Пьерръ, должно служить тебѣ доказательствомъ, что я не умѣю и не хочу лгать. Съ тою же откровенностью, съ какою я сказала нѣкогда вину свою человѣку, котораго оскорбила, скажу теперь тебѣ: Ты, и только ты одинъ, можетъ-быть, не долженъ читать этого письма!

Голосъ, съ какимъ г-жа Шамбель произнесла эти слова, остановилъ ея мужа.

— Знаю, отвѣчалъ онъ:—что тебя нельзя склонить ни угрозами, ни просьбами, что ты имѣешь особенное искусство придавать всѣмъ поступкамъ своимъ такой видъ, какой тебѣ угодно. Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые прибѣгаютъ къ силѣ, чтобъ поставить на своемъ; но предупреждаю тебя, завтра же кончу я все, завтра ты будешь совершенно свободна, и я уже ни въ чемъ не буду требовать отъ тебя отчета!

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала Изора:—завтра я также рѣшу, что̀ должна сдѣлать съ этимъ письмомъ.

Шамбель удалился, а Изора снова заперлась въ своей комнатѣ, взяла письмо Маргариты и стала списывать съ него копію.

IX.

Шамбель провелъ ночь въ страшномъ волненіи; онъ перебиралъ всѣ средства, кàкъ бы отвратить опасность, ему угрожающую, не подумавъ о томъ изъ нихъ, которое одно могло спасти его, — и утро застало его въ прежней нерѣшительности. Онъ вышелъ довольно-поздно изъ своей комнаты и, не видя Изоры, подумалъ, что она рѣшилась прикинуться больною:—обыкновенное средство, къ которому прибѣгаютъ женщины въ важныхъ случаяхъ, особенно когда онѣ боятся чего-нибудь. Мысль эта нѣсколько ободрила его, и онъ приказалъ чрезъ своего каммердинера спросить у горничной Изоры, встала ли она и можетъ ли онъ ее видѣть? Ему отвѣчали, что г-жа Шамбель уѣхала рано утромъ и не возвращалась еще. При этомъ извѣстіи, страшное безпокойство овладѣло Шамбелемъ; мысль о бѣгствѣ и даже о самоубійствѣ представлялась ему; онъ вошелъ въ комнату жены, искалъ, шарилъ повсюду, боясь найдти какое-нибудь письмо, которое оправдало бы его опасенія и, не нашедъ ничего, долженъ былъ ограничиться смертельнымъ ожиданіемъ. Такъ прошло еще около двухъ часовъ, и онъ рѣшился наконецъ идти къ г-жѣ де-Моранси, чтобъ сообщить ей о своихъ опасеніяхъ и попросить совѣта. Оставимъ его тамъ и возвратимся къ г-жѣ Шамбель.

Съ самой той минуты, въ которую Изора принялась списывать ко-

пію съ письма Маргариты, она рѣшилась уже какъ дѣйствовать. Довольная тѣмъ, что успѣла побѣдить въ себѣ первые порывы гнѣва, не сказавъ мужу своему болѣе того, что́ сказала, она думала, что послѣ этого перваго усилія ей надобно было сдѣлать еще болѣе и рѣшилась во всѣхъ будущихъ поступкахъ своихъ слѣдовать не собственному побужденію, но совѣту посторонняго лица. Изъ всѣхъ тѣхъ, къ кому она могла обратиться съ просьбою о совѣтѣ, аббатъ Нортонъ, казалось, лучше другихъ могъ понять ее и быть ей полезнымъ. Аббатъ Нортонъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ; онъ принялъ подъ свое покровительство Шамбеля, онъ былъ другомъ графа де-Моранси, и совѣты его не могли быть неуважены.

Еще было очень рано, когда Изора явилась къ Нортону. Мы уже сказали, что дверь его была отворена для всѣхъ, и хоть визитъ г-жи Шамбель былъ очень-непріятенъ аббату, который, казалось, угадалъ цѣль его, однакожь онъ приказалъ просить ее обождать немного, отзываясь необходимостью кончить нѣкоторыя важныя дѣла. И такъ, г-жа Шамбель должна была остаться въ пріемной комнатѣ вмѣстѣ съ другими посѣтителями и была принята аббатомъ не прежде, какъ дошла до нея очередь.

Привыкшая къ свѣтскимъ обычаямъ, Изора была очень обижена такою невѣжливостью; но твердо рѣшась слѣдовать однажды-принятому ею намѣренію, вооружилась терпѣніемъ и рѣшилась дожидаться. Наконецъ настала ея очередь, и она вошла въ кабинетъ аббата, какъ въ кабинетъ какого-нибудь министра, который принимаетъ потому-только, что по обязанностямъ своего званія долженъ принимать. Аббатъ Нортонъ поклонился г-жѣ Шамбель, какъ женщинѣ совершенно незнакомой, и съ видомъ, который, казалось, говорилъ ей: между нами нѣтъ ничего общаго!

— Что́ доставляетъ мнѣ честь вашего посѣщенія, сударыня? спросилъ онъ сухо, подавая ей стулъ и ставъ самъ у камина.

— То, что я имѣю сказать вамъ, господинъ-аббатъ, отвѣчала Изора:—займетъ васъ, можетъ-быть, слишкомъ-долго, и я боюсь задержать тѣхъ, которые дожидаются въ пріемной.

— Въ такомъ случаѣ, неугодно ли вамъ будетъ отложить разговоръ этотъ до другаго дня? Я буду всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ, господинъ-аббатъ, я желаю говорить съ вами нынче же; завтра будетъ поздно; но если вамъ угодно принять прежде тѣхъ, которые желаютъ васъ видѣть, я подожду.

— Какъ вамъ угодно; позвольте же мнѣ кончить съ другими. Вотъ книги...

Онъ указалъ на разбросанныя по столу книги и сталъ принимать

другихъ просителей. Это продолжалось около часу; наконецъ не осталось никого, и аббатъ, обратясь къ Изорѣ, сказалъ ей:

— Теперь, сударыня, я къ вашимъ услугамъ.

Изора, помолчавъ съ минуту, начала такъ:

— Я пришла поговорить съ вами о моемъ мужѣ, ввѣрить вамъ свои опасенія и найдти въ вашихъ совѣтахъ опору и надежду. Хоть мы и не въ церкви, господинъ-аббатъ, но то, что̀ я намѣрена сказать вамъ, будетъ какъ-бы исповѣдью моего сердца, и я надѣюсь, что все, мною сказанное, останется тайною для всѣхъ.

— Сударыня, возразилъ Нортонъ строго:— если вы обратились ко мнѣ не какъ къ священнику, а какъ къ другу вашего мужа, то я не могу принять этого условія, не зная того, что̀ услышу.

— Это не условіе, а просьба, господинъ-аббатъ; впрочемъ, предоставляю совершенно въ вашу волю поступить въ этомъ случаѣ, ка̀къ вы заблагоразсудите.

Аббатъ Нортонъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, и Изора продолжала:

— Вы приняли и обласка̀ли моего мужа; вы сдѣлались его покровителемъ и, благодаря вашимъ стараніямъ, онъ достигъ на избранномъ имъ поприщѣ такого мѣста, какого другіе достигаютъ только чрезъ нѣсколько лѣтъ.

Г. Нортонъ былъ убѣжденъ въ справедливости словъ г-жи Шамбель; но онъ пожертвовалъ своимъ самолюбіемъ для того только, чтобъ сдѣлать Изорѣ строгое замѣчаніе и отвѣчалъ съ холодностью:

— Я сдѣлалъ для господина-Шамбеля не болѣе того, что̀ онъ заслуживалъ, и никто не удивляется, видя его занимающаго такое мѣсто, на которое давали ему право его достоинства.

— Я, кажется, не сказала, господинъ-аббатъ, чтобъ мужъ мой не заслуживалъ того, что̀ вы для него сдѣлали; я только замѣтила, что многіе другіе, столько же достойные какъ онъ, не были такъ счастливы. Но теперь это постороннее дѣло; зная участіе, которое вы принимаете въ моемъ мужѣ, я увѣрена, вы желаете, чтобъ онъ всегда его заслуживалъ; мы почти всегда любимъ тѣхъ, кому покровительствуемъ.

— И тѣхъ, кого уважаемъ, замѣтилъ г. Нортонъ.

— Уваженіе ваше дѣлаетъ честь моему мужу; но часто уваженіе людей основывается только на тѣхъ качествахъ, которыя они могли узнать въ отношеніяхъ своихъ другъ-къ-другу...

— Кто же имѣетъ право проникать глубже?

— Другъ, благодѣтель и, если позволите сказать мнѣ откровенно, —священникъ!

— Но другъ, но благодѣтель, но священникъ, сударыня, не имѣ-

ютъ на это права; они могутъ явиться тогда только, когда ихъ призываютъ...

— Я призываю васъ, господинъ-аббатъ, воскликнула Изора:—призываю на помощь не къ себѣ, зная, что не имѣю на то никакого права; но на помощь господину-Шамбелю, который заблуждается и губитъ себя!..

— Какъ, сударыня, вы обвиняете своего мужа? сказалъ Нортонъ строгимъ тономъ.

—Да, господинъ-аббатъ, обвиняю въ проступкѣ, который обыкновенно извиняется свѣтомъ, но который все-таки очень важенъ.

— А если его извиняетъ свѣтъ, подхватилъ аббатъ:— то вы тѣмъ болѣе должны быть снисходительны къ нему...

Изора никакъ не подозрѣвала, что аббатъ положилъ себѣ за правило не допускать ее высказать то, зачѣмъ она пришла, и думая, что до-сихъ-поръ слова ея были слишкомъ-неясны, рѣшилась приступить прямо къ объясненію.

— Но, господинъ-аббатъ, сказала она:—заслуживаетъ ли тотъ снисхожденія, кто измѣняетъ священнѣйшимъ своимъ обязанностямъ?

— Конечно, нѣтъ, и горе тому или той, кто измѣняетъ имъ, замѣтилъ аббатъ, сдѣлавъ особенное удареніе на слово *той*.

Это слово поразило Изору какъ ударъ кинжала. Опустивъ глаза, она сидѣла съ минуту какъ преступница, приговоренная къ казни. Нортонъ стоялъ спокойно, устремивъ на нее свои холодные, проницательные глаза; наконецъ она оправилась и продолжала тихимъ, кроткимъ тономъ:

— Да, господинъ-аббатъ, горе той, которая измѣнила имъ... но вы сказали также: горе и *тому,* кто имъ измѣняетъ,—а мужъ мой измѣняетъ имъ; онъ оставляетъ жену свою для другой женщины; онъ забываетъ всѣ законы религіи и чести...

— Вы слишкомъ строги, сударыня.

— Не имѣя права быть строгою,—хотѣли вы сказать, господинъ-аббатъ? Да, именно потому-что я не имѣю этого права, обращаюсь къ вамъ. Будучи виновна и осуждена, я не хочу сомнѣваться въ правосудіи Божіемъ, не хочу вѣрить, чтобъ одинъ и тотъ же проступокъ могъ быть вмѣненъ въ преступленіе одному и прощенъ другому.

— На это я скажу вамъ, что первое наказаніе грѣшника состоитъ именно въ томъ, что онъ видитъ часто зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, и что чувство подозрѣнія и недовѣрчивости, терзающее его, есть справедливое воздаяніе за собственные его проступки...

— Но я не подозрѣваю, я увѣрена, убѣждена! воскликнула Изора.

— Только одинъ Богъ видитъ сердце человѣка; люди обыкновенно ошибаются...

—Вы не хотите понимать меня, г. аббатъ,—какъ вамъ угодно! вос-

кликнула г-жа Шамбель, вскочивъ со стула съ пламенемъ во взорѣ. — Но я, въ свою очередь, скажу, какъ и вы: «Горе тому, кто обманываетъ меня, и горе той женщинѣ, для которой онъ это дѣлаетъ!»

— Вы напрасно призываете проклятіе на главу бѣдной дѣвушки; оно не обрушится на нее.

Изора остановилась и, взглянувъ на аббата Нортона, казалось, только въ эту минуту поняла причину его строгости.

—Ахъ! вы правы, г. аббатъ! воскликнула она.—Эта дѣвушка чиста и непорочна, какъ ангелъ; я была слишкомъ-виновата противъ нея и искренно раскаяваюсь, что могла подозрѣвать ее... Нѣтъ, г-нъ аббатъ, здѣсь рѣчь идетъ не о Маргаритѣ, а о другой женщинѣ...

Нортонъ, въ свою очередь, изумился; онъ видѣлъ, что г-жа Шамбель знала всю истину, и съ минуту не зналъ, что̀ дѣлать. Изора, полагая, что найдетъ теперь въ немъ болѣе участія, продолжала съ большимъ увлеченіемъ:

— Да, г. аббатъ, рѣчь идетъ не о Маргаритѣ, а о другой женщинѣ... словомъ, о...

— Прежде, чѣмъ вы произнесете это имя, возразилъ аббатъ:—подумайте, что обвиненіе, сдѣланное даже при мнѣ, можетъ быть клеветою... Вы уже разъ обманулись: можете ли вы поручиться, что и теперь не обманываетесь?

Изора опять остановилась; она не имѣла неопровержимаго доказательства, или того, что̀ называютъ явной уликой. Конечно, письмо Маргариты говорило, что г-жа де-Моранси любитъ Шамбеля—Изора не сомнѣвалась въ этомъ; но могло ли оно служить убѣдительнымъ доказательствомъ для такого человѣка, какъ аббатъ Нортонъ, и даже, представивъ ему это доказательство, не должна ли она была признаться, какимъ образомъ достала его?

— Хорошо! воскликнула Изора со слезами на глазахъ: — пусть будетъ по-вашему; я не назову никого, потому-что, увѣренная въ своемъ несчастіи, я не могу доказать этого. Но, г. аббатъ, женщина, о которой я говорю, замужемъ, такъ же, какъ и я; мужъ ея, какъ и мой, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ вы покровительствуете, а жена его другъ вашъ... Будьте къ ней снисходительнѣе, чѣмъ ко мнѣ,—это ваша воля; я не назову вамъ ея, но предупреждаю васъ —берегитесь за нее...

Въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ объ аббатѣ Фортенѣ.

— Пусть войдетъ! воскликнулъ г. Нортонъ, обрадовавшись, можетъ-быть, что присутствіе посторонняго лица избавитъ его отъ объясненія, котораго онъ боялся.

Аббатъ Фортенъ вошелъ, и г-жа Шамбель, обратясь къ нему, сказала:

— Г. аббатъ, вотъ письмо къ вамъ; вы получили бы его вчера, еслибъ я не завладѣла имъ почти насильно...

Потомъ, обратясь къ г. Нортону, прибавила:

— Въ письмѣ этомъ заключается имя той женщины. Если вы не угадали его, то г. Фортенъ можетъ вамъ назвать...

Она вышла съ отчаяніемъ въ душѣ, и оба аббата остались одни.

XI.

Нортонъ и Фортенъ провожали глазами г-жу Шамбель; потомъ, когда она скрылась за дверь, взглянули другъ на друга, какъ люди, которымъ надобно объясниться, но изъ которыхъ ни одинъ не хочетъ начать объясненія. Аббатъ Фортенъ взглянулъ потомъ на письмо, оставленное ему г-жею Шамбель такъ неожиданно, и узналъ руку Маргариты. Еслибъ письмо это было отдано ему пять минутъ прежде, онъ не явился бы къ г. Нортону, и всѣ послѣдующія событія этой исторіи измѣнились бы совершенно. Г. Нортонъ также бросилъ взглядъ на письмо, въ которомъ заключалось имя, давно имъ угаданное; но ему хотѣлось знать, кто писалъ это письмо, и, главное, на какихъ доказательствахъ было основано обвиненіе. Видя, что аббатъ Фортенъ не рѣшался прочитать письмо, Нортонъ сказалъ ему:

— Если вы думаете, что это письмо можетъ сообщить вамъ что-нибудь интересное, я готовъ дожидаться сколько вамъ будетъ угодно. Вы послѣ скажете мнѣ о цѣли вашего посѣщенія.

— Цѣль эта, отвѣчалъ аббатъ, послѣ минутнаго размышленія: — должна быть совершенно чужда тому, что̀ заключается въ этомъ письмѣ, хоть, можетъ-быть, въ немъ и говорится о томъ, что̀ я пришелъ спросить у васъ; но я хочу, я долженъ узнать это только отъ васъ однихъ. Письмо отъ Маргариты, г. аббатъ, и, не смотря на это, я спрашиваю васъ прямо: что̀ сдѣлалось съ этою дѣвушкою, гдѣ она?

Г. Нортонъ угадалъ, зачѣмъ пришелъ къ нему аббатъ, и вопросъ этотъ не могъ удивить его; ему надобно было, однакоже, призвать на помощь всю власть надъ самимъ-собою, чтобъ скрыть гнѣвъ, запылавшій въ немъ при извѣстіи, что письмо, перехваченное г-жею Шамбель и обвинявшее г-жу де-Моранси, было отъ Маргариты. Какъ бы то ни было, онъ рѣшился однакожь отдѣлаться отъ аббата и отвѣчалъ ему голосомъ, въ которомъ не было замѣтно ни малѣйшаго смущенія:

— Вы говорили мнѣ, г. аббатъ, объ опасности, угрожавшей Маргаритѣ,—опасности, можетъ-быть, только мечтательной,—и я взялъ ее изъ дома, гдѣ она подвергалась нападкамъ женщины, ослѣпленной ревностью. Вы видите, въ этомъ случаѣ я послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ; я помѣстилъ Маргариту въ такой домъ, который,

конечно, покажется вамъ приличнымъ для нея; она въ монастырѣ ***.

— Позволено ли будетъ мнѣ видѣть ее?

— Когда вамъ угодно.

— Благодарю васъ за позволеніе, г. аббатъ, отвѣчалъ Фортенъ, удивленный такими категорическими отвѣтами на свои вопросы.

— Маргарита имѣетъ къ вамъ довѣренность, совѣты ваши могутъ быть ей полезны, и я бы хотѣлъ надѣяться, что она воспользуется ими лучше, чѣмъ пользовалась до-сихъ-поръ.

— Я надѣюсь, г. аббатъ, возвратить душѣ ея потерянное спокойствіе; но вы знаете, никто не властенъ въ своихъ чувствахъ, и самая добродѣтель потому только уважается, что умѣетъ подавлять силу этихъ чувствъ.

— Вы правы, г. аббатъ; никто не властенъ въ своихъ чувствахъ, но каждый властенъ въ своихъ поступкахъ, а Маргарита доказала уже, что она должна была бороться не только съ своими чувствами, но и исправлять свои поступки...

— Какъ, г. аббатъ? воскликнулъ Фортенъ. — Маргарита могла сдѣлать что-нибудь предосудительное?

— Это письмо, котораго я не знаю и котораго знать не хочу, отвѣчалъ Нортонъ холоднымъ, сухимъ тономъ: — это письмо служитъ тому доказательствомъ.

— Если вы такъ думаете, воскликнулъ Фортенъ съ увлеченіемъ довѣрчиваго сердца:—прочтите его; я увѣренъ, что въ немъ вы найдете ея оправданіе.

Сказавъ это, онъ подалъ письмо Нортону, который оттолкнулъ его рукою.

— Нѣтъ, я не хочу знать больше того, что знаю. Самое письмо это уже проступокъ; я сказалъ Маргаритѣ, что по разнымъ причинамъ, которыхъ не могъ объяснить ей, пребываніе ея въ монастырѣ *** должно оставаться тайной.

— Даже для меня? спросилъ аббатъ Фортенъ.

— Даже для васъ; я сказалъ, что предоставлю себѣ увѣдомить васъ о мѣстѣ ея пребыванія.

— Но, можетъ-быть, писавъ ко мнѣ, она не сказала этого, отвѣчалъ аббатъ Фортенъ, распечатывая письмо.

Съ первыхъ строкъ, аббатъ увидѣлъ, что ошибся, и въ смущеніи потупилъ глаза. Нортонъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣтилъ этого; онъ ждалъ, чтобъ старикъ самъ сознался въ своей ошибкѣ...

— Она не исполнила вашего приказанія, сказалъ Фортенъ, склонивъ печально голову.

— И произвела тѣмъ соблазнъ, котораго я хотѣлъ избѣжать. От-

вѣты мои на ваши вопросы, г. аббатъ, должны были доказать, что запрещеніе, сдѣланное Маргаритѣ, не имѣло цѣлью лишить ее вашихъ совѣтовъ. Но я предвидѣлъ, что запальчивость этой женщины, которая вышла отсюда, надѣлаетъ намъ хлопотъ, что она захочетъ во что бы ни стало узнать мѣсто, гдѣ скрывается та, которую она считаетъ своею соперницею. Тайна эта, ввѣренная кому-нибудь изъ посѣщающихъ домъ г-жи де-Моранси, могла быть легко исторгнута этою женщиною, которая не посовѣстилась распечатать чужое письмо. Вы видите, что предосторожности приняты были мною не напрасно, и если я не объяснилъ причины ихъ Маргаритѣ, то сдѣлалъ это потому только, что не хотѣлъ открыть ей глаза на счетъ собственныхъ ея чувствъ, которыхъ, какъ вы увѣряли меня, она сама еще не понимаетъ.

Между-тѣмъ, пока аббатъ Нортонъ говорилъ это, Фортенъ успѣлъ пробѣжать первую страницу длинной исповѣди Маргариты, и каждое ея слово убѣждало его, что она сама не постигала причины того отчаянія, которое ею овладѣло.

— Прочтите же это письмо, г. аббатъ, сказалъ Фортенъ: — вы увидите, что я хорошо понялъ состояніе души Маргариты.

Аббатъ Нортонъ снова оттолкнулъ письмо.

— Я вѣрю, что она сама не постигаетъ чувствъ своихъ, отвѣчалъ Нортонъ: — но еслибъ, вмѣсто того, чтобъ слѣдить за поступками окружавшихъ ее, она обратила болѣе вниманія на самоё-себя, то можетъ-быть не подала бы повода женщинѣ, вышедшей отсюда, обвинять ту, которая приняла ее у себя, какъ сироту.

Фортенъ хотѣлъ что-то сказать, но Нортонъ продолжалъ:

— Вы слышали, что въ этомъ письмѣ упоминается одно имя, котораго я не хотѣлъ позволить назвать, потому-что это имя принадлежитъ женщинѣ, обвиняемой въ забвеніи своихъ обязанностей. Судя по тому, что вы говорили мнѣ въ первое наше свиданіе, вы должны догадаться, какое это имя.

Аббатъ Фортенъ, казалось, былъ очень-огорченъ словами Нортона, тѣмъ болѣе, что не могъ не согласиться въ ихъ справедливости.

— Это имя, которое вы не побоялись произнесть, продолжалъ Нортонъ, возвысивъ голосъ: — это имя Маргарита осмѣлилась написать, и ослушавшись меня, предала его женщинѣ необузданной и пылкой, противъ которой я хотѣлъ защитить ее-самоё, потому-что ревность г-жи Шамбель, какъ вы же сами говорили, угрожала только Маргаритѣ. Столь непонятливая въ-отношеніи къ самой-себѣ, она слишкомъ-проницательна въ-отношеніи къ другимъ... Отъ-чего же это, г. аббатъ? Вы, который съ самого ея младенчества управляли ея совѣстью и умомъ, не можете ли вы дать мнѣ на это отвѣтъ?

При этомъ обвинительномъ вопросѣ, аббатъ Фортенъ взглянулъ на Нортона спокойно и отвѣчалъ ему съ твердостью:

— Жизнь такого бѣднаго священника, какъ я, аббатъ, конечно, не такъ извѣстна вамъ, чтобъ могла ручаться за чистоту совѣтовъ, которые я могъ подавать Маргаритѣ; иначе вы не сдѣлали бы мнѣ подобнаго вопроса.

— Нисколько не сомнѣваюсь въ чистотѣ вашихъ совѣтовъ; я только говорю о результатѣ, который они произвели и, можетъ-быть, имѣю право опасаться, что та, которая такъ дурно слѣдовала имъ до-сихъ-поръ, пойметъ ихъ лучше въ-послѣдствіи.

—Богъ видитъ чистоту моихъ намѣреній, г. аббатъ, и Онъ одинъ можетъ судить ихъ.

— Вѣрю всей ихъ мудрости; но, видя, что они не умѣли быть поняты тою, къ которой относились, думаю, что, можетъ-быть, другіе совѣты вразумятъ ее лучше.

— Это значитъ, г. аббатъ, что вы запрещаете мнѣ видѣть Маргариту?

—Я прошу васъ объ этомъ, какъ человѣкъ, который до-сихъ-поръ заботился о ея существованіи и будущности.

— Исполню вашу волю, г. аббатъ, исполню до той минуты, когда Маргарита сама призоветъ меня, и предупреждаю васъ, что пойду къ ней завтра же, если она призываетъ меня въ этомъ письмѣ.

— А по какому праву, воскликнулъ г. Нортонъ: — осмѣливаетесь вы вмѣшиваться въ судьбу этой дѣвушки?

— По праву, отъ котораго вы отказались: по праву священника, который долженъ отвѣчать призыву души страждущей; по праву священника, который обязанъ подавать утѣшеніе невинно-скорбящимъ, какъ Маргарита, и виновнымъ, какъ та женщина, которая была здѣсь.

Сказавъ это, аббатъ Фортенъ поклонился и вышелъ.

XII.

Г-жа Шамбель, вышедъ въ слезахъ отъ аббата Нортона, бросилась въ карету, ожидавшую ее, и на вопросъ кучера, куда везти ее, отвѣчала: «куда хочешь!» Кучеръ, знавшій сердце человѣческое, потому-что лѣтъ тридцать возилъ его по парижскимъ улицамъ, тотчасъ смекнулъ, въ чемъ было дѣло. Женщина эта, сказалъ онъ самъ себѣ: — ускользнула отъ своего мужа, чтобъ тайкомъ подсмотрѣть за своимъ любовникомъ, котораго подозрѣвала въ измѣнѣ; она убѣдилась въ своемъ несчастіи, слѣдствіемъ чего была сцена объясненія и наконецъ разрывъ. Теперь бѣдная женщина возвращается, въ отчаяніи, къ своему супругу; но какъ явиться къ нему съ заплаканными

глазами и въ такомъ сильномъ волненіи? Надобно дать время, чтобъ все это миновалось... Отъ-этого она и сказала: «куда хочешь»!..

И вотъ, кучеръ поворотилъ лошадей къ Елисейскимъ-Полямъ и сталъ разъѣзжать какъ тамъ, такъ и по Булоньскому-Лѣсу, взадъ впередъ по всѣмъ направленіямъ, тою легкою рысцою, которая кажется всегда такъ понятна, когда въ каретѣ сидятъ два лица, и такъ странна, когда въ ней только одно лицо.

Изора, преданная въ жертву думъ, волновавшихъ ее, не замѣтила спачала продѣлокъ своего кучера; скоро однакожь ей показалось страннымъ, что она не выѣзжала изъ Булоньскаго-Лѣса, и наконецъ спросила кучера, зачѣмъ онъ привезъ ее туда. Кучеръ объяснилъ ей, что, получивъ приказаніе везти ее кудá ему хочется и замѣтивъ, что она была не совсѣмъ здорова, онъ думалъ, что ей не худо будетъ подышать чистымъ воздухомъ, чтобъ нѣсколько оправиться.

Изора невольно покраснѣла отъ мысли, что этотъ человѣкъ такъ хорошо понялъ ее, и спросила у него: — Который часъ?

— Одиннадцать.

— Одиннадцать часовъ, — а я ушла изъ дому въ восемь! Чтó подумаетъ *онъ*?

Это было первою мыслію Изоры; но скоро она сказала самой-себѣ: А какое мнѣ дѣло до того, чтò онъ подумаетъ? Развѣ я обязана отдавать ему отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ, въ каждой минутѣ моей жизни? Развѣ онъ заботится о томъ, чтò меня тревожитъ? А если онъ и точно безпокоится теперь? Тѣмъ лучше: пусть безпокоится! пусть страдаетъ такъ же, какъ и я; — это право возмездія.

И, въ-слѣдствіе такого разсужденія, Изора приказала кучеру продолжать прогулку по лѣсу. Оставимъ ее тамъ и возвратимся къ Шамбелю, который, видя, чтó жена его не возвращается, сталъ опасаться какого-нибудь страшнаго несчастія.

Перебравъ въ умѣ всѣ причины, которыя могли задержать ее такъ долго, онъ остановился наконецъ на мысли, не посягнула ли она на жизнь свою и не прибѣгла ли къ самоубійству. Безпокойство его достигло высочайшей степени; онъ не зналъ, чтò дѣлать, на что рѣшиться, кого спрашивать... Мысль прибѣгнуть къ г-жѣ де-Моранси представилась-было уму его; но кáкъ объявить ей объ обвиненіи Изоры и о ея угрозахъ? Шамбель начиналъ раскаяваться и думать, что было бы лучше разорвать связь, которая могла быть причиной такихъ бѣдъ; но въ эту самую минуту онъ получилъ записочку отъ графини де-Моранси, которая просила его поспѣшить къ ней.

Шамбель нашелъ г-жу де-Моранси блѣдною, взбѣшенною и въ такомъ раздражительномъ состояніи, въ какомъ еще никогда не видалъ ее прежде. Она была не одна. Г-жа Азьè сидѣла въ углу съ ка-

кимъ-то торжественнымъ, надменнымъ и полнымъ негодованія видомъ.

При появленіи Шамбеля, г-жа де-Моранси отвернулась съ отчаяніемъ и бросилась на диванъ, закрывъ лицо, омоченное слезами. Шамбель подошелъ къ ней.

— Оставьте меня, сударь! воскликнула она: — оставьте меня; вы погубили меня! Несчастная! и я могла вамъ ввѣриться!...

Испуганный Шамбель обратился къ г-жѣ Азьѐ и спросилъ ее съ безпокойствомъ:

— Что̀ это значитъ?

— Вотъ-что̀, отвѣчала г-жа Азьѐ съ негодованіемъ. — Ныньче утромъ, отправясь къ г. Нортону, чтобъ передать ему одну весьма важную работу, которую онъ поручилъ мнѣ, я встрѣтила г-жу Шамбель, выбѣжавшую отъ него съ видомъ фуріи. Простите мнѣ это выраженіе; видъ ея былъ такъ ужасенъ, что перепугалъ меня. Я предчувствовала какое-нибудь несчастіе, и хоть мнѣ не было нужды говорить съ г. Нортономъ, однакожь я дождалась окончанія разговора его съ аббатомъ Фортеномъ и просила доложить о себѣ. Аббатъ Нортонъ—человѣкъ, котораго строгая, примѣрная жизнь превыше всѣхъ слабостей, и онъ никогда не осуждаетъ ихъ въ другихъ; эта снисходительность не могла, однакожь, помѣшать ему видѣть всю низость мщенія женщины, которой нехудо было бы помнить то, что̀ она сдѣлала сама...

Г-жа Азьѐ, не смотря на свое искусство писать и говорить, затруднялась какое употребить выраженіе, чтобъ сказать Шамбелю то, что̀ узнала отъ г. Нортона; но г-жа де-Моранси, уступивъ гнѣву, волновавшему ее, вскочила съ дивана:

— Однимъ словомъ, г-жа Шамбель была ныньче утромъ у г. Нортона, осмѣлилась сказать ему, что я ваша любовница, и угрожала ему оглаской и Богъ-знаетъ еще чѣмъ... Вотъ, сударь, вотъ истина, которую г-жа Азьѐ не могла сказать вамъ, стыдясь за г-жу Шамбель; но вы должны это знать и я говорю вамъ это прямо.

— Невозможно! воскликнулъ Шамбель, который, будучи оглушенъ этою новостью и гнѣвомъ г-жи де-Моранси, не зналъ, что̀ отвѣчать.

— Нѣтъ, все это правда, возразила г-жа Азьѐ: — самъ г. Нортонъ объявилъ мнѣ объ этомъ со всею возможною снисходительностью къ поступку г-жи Шамбель.

Безстыдство этихъ двухъ женщинъ было подлинно удивительно; онѣ съ такою язвительностью отзывались о г-жѣ Шамбель, которая въ ихъ мнѣніи одна только заслуживала презрѣнія; но еще удивительнѣе было, что Шамбель слушалъ все это терпѣливо, и что при

этихъ двухъ непорочныхъ дамахъ ему было совѣстно за г-жу Шамбель.

— Къ-счастію, поспѣшилъ онъ отвѣчать: — г. Нортонъ не такой человѣкъ, на котораго подобные доносы (онъ не смѣлъ сказать клеветы) могли бы имѣть какое-нибудь вліяніе, и я клянусь вамъ, что положу конецъ всему этому.

— Если только можете... замѣтила язвительно г-жа де-Моранси.— Г-жа Шамбель, прибавила она съ презрѣніемъ:—принадлежитъ къ такому кругу, въ которомъ домашнія ссоры, крики и брань вещи обыкновенныя. Часто ли она утѣшаетъ васъ подобными сценами?

Шамбель закусилъ губы и поклялся въ душѣ, что накажетъ Изору за всѣ непріятности, которымъ онъ подвергался. Одно строгое слово съ его стороны—и г-жа де-Моранси оставила бы тонъ оскорбленной добродѣтели; но гдѣ тотъ, кто имѣлъ бы довольно мужества защитить жену, обманываемую имъ, противъ любовницы, оскорбляющей ее... и Шамбель отвѣчалъ съ досадою:

— Даю вамъ слово, что этого уже не будетъ; я пріиму самыя строгія мѣры.

— Самая лучшая изъ этихъ мѣръ, замѣтила г-жа де-Моранси: — будетъ состоять въ томъ, чтобъ намъ болѣе не видаться и разорвать знакомство, противъ котораго вооружаются съ такимъ безстыдствомъ.

— Намъ разстаться! воскликнулъ Шамбель съ нѣжностью и испугомъ:—никогда!

— А что же мнѣ дѣлать? возразила г-жа де-Моранси, заливишись чрезвычайно-кстати слезами: — не дожидаться ли мнѣ, чтобъ эта женщина опозорила меня и нарушила бы мое семейное спокойствіе? Не-уже-ли хотите вы этого? Ахъ, Пьерръ! какъ несчастливы вы, что связали на вѣки жизнь свою съ такою женщиною!

Слова эти были сказаны съ нѣжнымъ сожалѣніемъ, тронувшимъ чувствительное и тщеславное сердце Шамбеля, которое разнѣжилось еще болѣе, когда г-жа Азьè прибавила съ участіемъ къ горестному положенію Шамбеля:

— Да, когда молодые люди, подобно г. Шамбелю, встрѣтятъ, въ молодости, женщинъ, которыя овладѣваютъ ими, чтобъ сдѣлать ихъ невольниками своихъ капризовъ и своего честолюбія, — ихъ ожидаетъ самая жалкая будущность...

— Бѣдный Пьерръ! сказала г-жа де-Моранси со вздохомъ:—какъ мнѣ жаль васъ!

— И чтобъ сбросить съ себя такое бремя, надобно имѣть силу характера, которою одарены немногіе.

— Что жь? воскликнулъ Шамбель, вскочивъ:—развѣ вы считаете

меня за ребенка? Я также буду умѣть сбросить съ себя это бремя, и сбросить его совершенно, если это будетъ нужно...

— Пьерръ! воскликнула г-жа де-Моранси будто-бы испугавшись: —нѣтъ, не дѣлайте этого, если не для себя, то по-крайней-мѣрѣ для меня...

Г-жа де-Моранси снова заплакала и продолжала голосомъ, прерываемымъ рыданіями:

— Г-жа Шамбель стала бы кричать вездѣ, что вы разстались съ нею для меня, и свѣтъ, готовый принять всякую клевету, можетъ-быть, повѣрилъ бы ей. Нѣтъ, Пьерръ, повторяю вамъ, намъ надобно разстаться и разстаться навсегда.

— Не говорите этого! воскликнулъ Шамбель страстно: — предоставьте мнѣ защищать васъ.

— Ахъ! возразила г-жа де-Моранси: — я говорю вамъ не за себя, а за васъ. Дѣло идетъ о всей вашей будущности; уступить нынче, значитъ навсегда потерять свободу и подчинить себя власти чужой... Ахъ, Пьерръ, берегитесь...

— О, будьте увѣрены, я не допущу до этого.

— Это еще не все, Пьерръ; только любовь моя можетъ заставить меня сказать вамъ всю истину; мало того, что надъ вами хотятъ властвовать деспотически: надъ вами смѣются, играютъ вашимъ спокойствіемъ, вашею честію, и еслибъ я не остановила Юлія...

— Что̀ вы говорите? воскликнулъ Шамбель.

— Ничего, ничего... Но я не хотѣла, чтобъ этотъ юноша, котораго я такъ люблю, могъ сдѣлаться причиною вашихъ горестей; другіе будутъ, можетъ-быть, не такъ деликатны, или не встрѣтятъ людей, которые дали бы имъ полезные совѣты, и тогда...

Взглядъ, окончившій эту фразу, былъ краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ словъ. Шамбель поблѣднѣлъ, а г-жа Азьѐ, которой рѣчь была очень похожа на молотокъ, вбивающій гвоздь, приставленный къ доскѣ, прибавила самымъ пророческимъ тономъ:

— То, что̀ она сдѣлала, можетъ заставить васъ опасаться за то, что̀ сдѣлаетъ еще... Прошедшее всегда ручается за будущее; женщина, проступившаяся однажды, никогда не измѣняетъ своему направленію...

Возможно ли, чтобъ человѣкъ могъ дойдти до такой степени глупости, чтобъ онъ могъ позволить говорить себѣ подобныя вещи двумъ женщинамъ, изъ которыхъ одна была его любовницей, а другая ея снисходительной пріятельницей, помогавшей ей въ ея шашняхъ?.. Возможно ли, чтобъ все это было въ-самомъ-дѣлѣ съ человѣкомъ, который хоть нѣсколько чувствуетъ собственное свое достоинство? Возможно, и это бываетъ очень часто и почти всегда съ людьми умными.

Попавъ къ этимъ двумъ змѣямъ, бѣдный Шамбель какъ-будто одурѣлъ, и слушая ихъ безстыдныя обвиненія, вѣрилъ имъ потому только, что эти двѣ женщины умѣли уколоть его самолюбіе. Болѣе часа продолжалась эта комедія; наконецъ, г-жа Азьѐ однимъ словомъ довершила побѣду: обратясь къ Шамбелю, она спросила:

— Но что̀ подумали вы, узнавъ, что госпожа Шамбель вышла такъ рано, и видя, что она не возвращалась?

— Признаюсь, отвѣчалъ Шамбель: — не смѣя думать, чтобъ женщина могла сдѣлать то, что̀ сдѣлала госпожа Шамбель, я боялся, не рѣшилась ли она въ минуту отчаянія на самоубійство...

— Право! воскликнула г-жа Азьѐ захохотавъ. — Ей убить себя!.. О! какой вы ребенокъ!

— Нѣтъ, онъ слишкомъ добръ, прибавила г-жа де-Моранси съ томностью.

Слова эти не пропали даромъ. Шамбель ушелъ, твердо убѣжденный въ томъ, что излишняя доброта его была причиной взъискательности и капризовъ жены, и возвратился домой въ ту самую минуту, когда карета Изоры остановилась у подъѣзда.

XIII.

Мы уже сказали, въ какомъ расположеніи духа возвратилась домой Изора; раздраженная холодностью аббата Нортона и тѣмъ пріемомъ, какой ей сдѣлали, она съ своей стороны рѣшилась не уступать... Съ первыхъ взглядовъ, брошенныхъ другъ-на-друга Изорою и Пьерромъ, она поняла, что приготовлявшаяся сцена должна была кончиться чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ. Гнѣвъ съ обѣихъ сторонъ былъ равно великъ.

— Можете ли вы сказать, сударыня, воскликнулъ Шамбель, когда они вошли въ комнату Изоры: — откуда пріѣхали теперь?

— Это мнѣ такъ же невозможно, какъ невозможно вамъ, сударь, сказать мнѣ, куда вы ходите каждый день отъ трехъ до пяти часовъ?

— Я не отвѣчаю, а спрашиваю, возразилъ Шамбель холоднымъ, рѣшительнымъ тономъ.

— А я не спрашиваю и не отвѣчаю. Вы бываете тамъ, гдѣ вамъ нравится, я тамъ, гдѣ мнѣ надобно. Что̀ жь тутъ удивительнаго?

— Предупреждаю васъ, что такіе поступки не могутъ быть терпимы мною.

— Предупреждаю васъ, что у меня не будетъ другихъ.

— Позвольте васъ спросить, съ кѣмъ говорите вы такимъ тономъ?

— Съ кѣмъ? отвѣчала Изора надменно и насмѣшливо. — Съ господиномъ-Шамбелемъ, великимъ поэтомъ и прозаикомъ, котораго я имѣю честь быть женою.

Начало, какъ видно, было недурно; каждый изъ двухъ актёровъ этой сцены такъ твердо рѣшился не уступать шага, что все это было сказано съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ, безъ криковъ, безъ жестовъ; Пьерръ продолжалъ:

— На это я скажу вамъ, что тонъ, принимаемый вами, не нравится великому поэту и прозаику, котораго вы имѣете честь быть женою. Словомъ, я не намѣренъ сносить его долѣе.

— Вы можете сносить и не сносить его; но у меня не будетъ другаго.

Споръ разгарался медленно; до-сихъ-поръ все ограничивалось только одними общими мѣстами. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, казалось, дожидалось, чтобъ другой коснулся наконецъ настоящаго предмета. Шамбель былъ такъ взбѣшонъ, что первый рѣшился приступить къ тому.

— Хотѣлъ бы я знать, такимъ ли тономъ говорили вы нынче утромъ съ аббатомъ Нортономъ?

При этомъ простомъ вопросѣ, Изора быстро взглянула на своего мужа; они, такъ-сказать, мѣрили другъ друга глазами, и Изора, отвернувшись, отвѣчала равнодушно:

— Я говорила съ господиномъ-Нортономъ тономъ приличнымъ тому дѣлу, о которомъ надобно было говорить съ нимъ.

— А что такое вамъ надобно было сказать ему?

— Тотъ, или та, которая могла донести вамъ о моемъ визитѣ аббату, могла также сказать вамъ и цѣль его.

— Я желалъ бы узнать это отъ васъ-самихъ, потому-что меня могли и обмапуть.

— Не сказали ли вамъ, что я ѣздила къ аббату Нортону для того, чтобъ обольстить его?

— Обольщать можно разными средствами, и если женщина ѣдетъ къ человѣку такихъ строгихъ правилъ, какъ господинъ-Нортонъ, для того, чтобъ представить ему своего мужа въ самыхъ черныхъ красках, то она можетъ дѣйствовать на разсудокъ его такими же виновными обольщеніями, какими дѣйствуютъ иногда на судью, котораго правосудіе хотятъ подкупить.

— Такой судья, какъ господинъ-Нортонъ, не допуститъ ничѣмъ подкупить себя такой женщинѣ, какъ я. Вы можете быть совершенно покойны на этотъ счетъ за себя и за другихъ.

— Если онъ отвергнулъ ваши обвиненія, то тѣмъ болѣе увеличилъ благодарность, которою я уже обязанъ ему; но это не отнимаетъ у меня право судить строго то, чтò вы хотѣли сдѣлать.

— То, чтò я хотѣла сдѣлать, очень-просто; я поѣхала къ аббату Нортону, которому вы обязаны такою благодарностью, поѣхала попросить его вразумить васъ, что человѣку женатому неприлично

быть любовникомъ жены того человѣка, который принялъ его у себя въ домѣ, и еще по рекомендаціи самого аббата Нортона.

— Вы осмѣлились сказать это господину-Нортону?

— Я не могла этого сдѣлать; онъ такъ искусно велъ себя, что не далъ мнѣ выговорить того, что̀ я хотѣла сказать.

— Понимаю! Благородная душа его должна была содрогнуться отъ такого недостойнаго поступка.

— Чьего? Моего, или госпожи де-Моранси?

— Отъ вашего, сударыня! воскликнулъ Шамбель: — потому-что госпожа де-Моранси не боится подобной клеветы...

— Конечно, она не боится подобной клеветы, какъ нищій не боится воровъ. Кому нѣчего терять...

— Послушайте! воскликнулъ Шамбель съ запальчивостью.

—Что̀ прикажете? возразила г-жа Шамбель хладнокровно.— Развѣ я ошиблась? Развѣ вы не любовникъ госпожи де-Моранси?

— Нѣтъ, сударыня, нѣтъ! Это клевета, выдуманная вашею бѣшеною ревностью.

— Право? спросила Изора насмѣшливо. — Что̀ жь! я очень рада; я, слѣдственно, клеветала—пусть будетъ по-вашему; для женщины, подобной мнѣ, одинъ лишній порокъ такая бездѣлица, что объ этомъ не стоитъ и говорить; вамъ могло бы это повредить, еслибъ сказанное мною была правда, и что̀ еще хуже, могло сдѣлать васъ смѣшнымъ.

— Смѣшнымъ? Меня!

—Да, васъ; кажется, вамъ двадцать-пять лѣтъ, и хоть въ-сравненіи съ вами я почти старуха, однакожь все еще не такая старуха, чтобъ могла быть вашею матерью, какъ, на-примѣръ, госпожа де-Моранси, которой лѣтъ сорокъ-пять, если не больше.

Несчастный Шамбель! еще недавно кололи его потихоньку за жену, а теперь рѣжутъ ножами за любовницу. Выраженіе: «старуха, которая могла бы быть вашею матерью», заставило его вскочить; однакожь, онъ пришелъ въ себя, и отвѣчалъ довольно-спокойно:

— Мнѣ совершенно все равно, сколько бы ни было лѣтъ госпожѣ де-Моранси; это до меня не касается; но я хочу, чтобъ вы отзывались приличнѣе о женщинѣ, заслуживающей уваженіе...

— Своею старостью...

— Сударыня! закричалъ Шамбель, для котораго этотъ второй ударъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что онъ остановилъ его на половинѣ фразы, начатой имъ съ надеждою на вѣрный эффектъ. — Да, госпожа де-Моранси должна быть уважаема вами.

— За свои добродѣтели? сказала Изора съ язвительною насмѣшкой.

— Да, за свои добродѣтели! воскликнулъ Шамбель, поглупѣвшій

отъ гнѣва:—за свои добродѣтели, потому-что она не отдавала себя на позоръ свѣту...

— Не знаю, отдавала ли она себя на позоръ свѣта, но увѣряютъ, будто она поручала себя всему свѣту, и не думаю, чтобъ вамъ могло быть лестно наслѣдовать...

— Замолчите, сударыня, замолчите! воскликнулъ въ бѣшенствѣ Шамбель. — Не произносите болѣе имени госпожи де-Моранси; не смѣйте повторять то, что̀ вы сказали...

— Боже мой! что̀ съ вами? спросила Изора. — Я понимаю, что это могло бы показаться вамъ оскорбительно, еслибъ госпожа де-Моранси была вашею любовницей, но вы сказали, что нѣтъ: почему же мнѣ не говорить того, что̀ говорятъ всѣ?

— Скажите, вы рѣшились позорить госпожу де-Моранси? спросилъ Шамбель, подступивъ къ женѣ своей.

— А вы рѣшились защищать ее?

— Да, сударыня, противъ васъ.

— Это очень-благоразумно съ вашей стороны; вы избрали самаго слабаго изъ всѣхъ ея непріятелей.

Шамбель дошелъ до той степени гнѣва, на которой человѣкъ готовъ забыть все; онъ почувствовалъ это и сказалъ Изорѣ:

— Вы понимаете, что разговоръ этотъ не можетъ продолжаться между нами въ такомъ тонѣ. Я не хочу выйдти изъ границъ, которыя предписываетъ мнѣ полъ вашъ; не могу заставить васъ замолчать, какъ заставилъ бы замолчать мужчину.

— А позвольте узнать, какимъ образомъ заставляютъ молчать мужчину? спросила Изора презрительнымъ тономъ.

— Пощечинами и шпагою! отвѣчалъ Шамбель, поблѣднѣвъ отъ ярости.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Изора: —не знаю, достало ли бы знаменитой дюрандальской шпаги, чтобъ произвесть то опустошеніе, которое предстоитъ вамъ...

— Изора! Изора! закричалъ Шамбель. — Ради Бога, пощади и меня и себя!..

Изо̀ра съ презрѣніемъ кивнула головой, сказавъ:

— Право?

—Такъ ты не боишься того, что̀ я могу сдѣлать? сказалъ ей Шамбель грозно.

— Бояться? мнѣ?.. А чего хотите вы, чтобъ я боялась?.. Развода съ вами?.. Боже мой, вы ужь угрожали мнѣ этимъ и видите, я не испугалась,—я все-таки продолжаю клеветать... Бояться, чтобъ вы поступили со мною какъ съ мужчиной.

— О, Боже!..

— Или убить меня... Чтò жь, сударь? сдѣлайте это! Можетъ-быть, вамъ будетъ пріятно исполнить эту прихоть.

— Ты сумасшедшая! сказалъ Шамбель, который вдругъ успокоился, почувствовавъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко:—ты сумасшедшая; я тоже безумецъ, что спорю съ женщиной, которой слѣпая запальчивость готова скорѣе расторгнуть всѣ связи, какъ бы священны онѣ ни были, чѣмъ уступить кому бы то ни было.

Справедливость этихъ словъ поразила Изору; она почувствовала, что была сама первою помѣхою къ искреннему раскаянію мужа, и успокоясь въ свою очередь, сказала:

— Вы правы; я никогда не уступала угрозамъ; но вы знаете, что часто уступала просьбамъ.

— Право? воскликнулъ Шамбель, который въ свою очередь взялся за иронію. — И если я попрошу у васъ прощенія въ томъ, чтò вы сдѣлали сегодня, то вы удостоите простить меня?

— Пьерръ, сказала ему Изора:—хочешь ли ты выслушать меня?.. Сдѣланное мною сегодня не имѣетъ въ себѣ ничего предосудительнаго... Оставимъ всякое притворство; ты очень-хорошо знаешь, что я не имѣла намѣренія клеветать, а хотѣла сказать только правду; я хотѣла прибѣгнуть къ покровительству человѣка, который, какъ другъ твой и какъ духовная особа, не имѣлъ права отказать мнѣ въ немъ; но онъ отвергнулъ меня съ жестокостью, доказавшею, что онъ также хорошо зналъ объ интригѣ, въ которую не хотѣлъ быть замѣшанъ.

— Продолжай, сказалъ Шамбель: — тебѣ остается сказать только, что господинъ-Нортонъ самъ помогалъ этой мнимой интригѣ.

— Мнимой? повторила Изора съ нетерпѣніемъ.

— Да, мнимой! возразилъ Шамбель, который, защищая г-жу де-Моранси съ такимъ упорствомъ, слѣдовалъ въ этомъ случаѣ правилу, впрочемъ, довольно-справедливому, что въ подобныхъ дѣлахъ только то вѣрно, чтò подтверждено признаніемъ.

Изора съ минуту глядѣла на мужа въ молчаніи, и сказала потомъ:

— Вы въ прекрасныхъ рукахъ, господинъ-Шамбель; немного времени нужно было, чтобъ уничтожить въ васъ всѣ благородныя чувства.

— Чтò значатъ еще эти слова?

— Ничего... ничего такого, чтò бы вы могли понимать.

— Я очень-хорошо понимаю, что ваша бѣшеная ревность старается набросить презрѣніе на женщину, которую вы обвиняете, и противъ которой не можете употребить ничего болѣе, кромѣ оскорбительныхъ словъ.

— Во всякомъ случаѣ, я не болѣе какъ эхо; увѣряю васъ, не я выдумала исторію любовныхъ похожденій господина-Милона съ го-

спожею де-Моранси, господина-Альбенса съ госпожею де-Моранси, господина-Френура съ госпожею де-Моранси, господина...

— Госпожа Шамбель! воскликнулъ мужъ, грозно перебивъ ее въ этой номенклатурѣ, которая, казалось, не имѣла бы конца. — Вы очень хорошо знаете, что все это ложь.

— Я уже сказала вамъ, что я ничего болѣе, какъ эхо...

— И лжете какъ эхо. Кто же, позвольте узнать, могъ посвятить васъ въ эти тайны? Не господинъ ли Милонъ?

— Помилуйте, господинъ-Милонъ не хвастаетъ такими бездѣлицами...

— Право! ну, такъ господинъ Френуръ?

— Я не имѣю чести знать его.

— Ну, такъ я бы желалъ знать того, кто сказалъ вамъ все это... Не сообщилъ ли вамъ этого какъ-нибудь господинъ-Юлій? прибавилъ Шамбель, который въ свою очередь принялъ наступательное положеніе.

— Точно такъ, сударь; вы угадали! возразила г-жа Шамбель, хоть это и была неправда.

— Онъ! воскликнулъ Шамбель тономъ упрека. — Онъ!

— Да, отвѣчала Изора, довольная эффектомъ, который произвелъ отвѣтъ ея. — Я хотѣла испытать, какимъ-образомъ можно водить за носъ бѣдныхъ молодыхъ людей, влюбляющихся въ женщинъ опытныхъ; лавры госпожи де-Моранси возбудили во мнѣ зависть, и, нѣсколько подражая ея искусству, я успѣла заставить Юлія проболтаться на счетъ многихъ извѣстныхъ ему вещей.

— А знаете ли, что̀ вы сдѣлали? воскликнулъ Шамбель трагическимъ тономъ:—несчастная, злая женщина! вы заставили сына клеветать на мать!

Подобное сочетаніе словъ имѣетъ въ себѣ всегда что-то столь торжественное, что Изора въ первую минуту была поражена ими и воскликнула съ непритворнымъ ужасомъ:

— Что̀ вы говорите?

— Истину! И вотъ до чего довела васъ ваша слѣпая ревность!

При этихъ словахъ, лицо Изоры вдругъ совершенно измѣнилось; легкая улыбка появилась на устахъ ея; она, казалось, хотѣла пересилить въ себѣ смѣхъ, но, не успѣвъ въ этомъ, наконецъ захохотала.

— Какъ! воскликнула она: — да это прелесть!.. Добродѣтельная г-жа де-Моранси имѣетъ сына, котораго называетъ племянникомъ? (и она опять захохотала). Но откуда взялся у ней этотъ племянникъ, или этотъ сынъ, который ей племянникъ?.. Право, это чудесно! это такъ ново, такъ искусно придумано!.. Въ-самомъ-дѣлѣ, бѣдная, добродѣтельная женщина, которая имѣла несчастіе сдѣлаться матерью, — вѣроятно, не нарочно, — погибла бы въ мнѣніи свѣта, еслибъ на-

зывала сына своего сыномъ; но назвавъ его племянникомъ, она все поправила... О! да это восхитительно!..

И она снова начала хохотать.

— Изора! воскликнулъ Шамбель съ гнѣвомъ.

— Ахъ! позвольте мнѣ посмѣяться... это такъ забавно!

— Изора! закричалъ Шамбель еще съ бо̀льшимъ гнѣвомъ:—замолчишь ли ты?

— Нѣтъ! Вотъ уже цѣлый часъ, какъ мы играемъ трагедію въ честь этой добродѣтельной женщины... О! ка̀къ мы глупы, другъ мой!.. Г. Юлій племянникъ! г. Юлій сынъ!.. Ха! ха! ха! это чудесно!..

И она бросилась на диванъ, задыхаясь отъ смѣха.

— Изора! восклицалъ безпрестанно Шамбель; но эти восклицанія, казалось, только усиливали смѣхъ ея.

Шамбель, внѣ себя отъ гнѣва, схватилъ наконецъ обѣ руки жены своей и съ бѣшенствомъ закричалъ:

— Изора! ты не знаешь, что я въ состояніи убить тебя!

Изора упала на диванъ, и, схватившись обѣими руками за голову, произнесла глухимъ голосомъ:

— За нее?..

— Да, за нее! воскликнулъ Шамбель, который, переступивъ наконецъ границу, не щадилъ уже ничего.—Да, за эту женщину, которую ты позоришь и которую я люблю, которая, виновна или невинна, нравится мнѣ...

— Но замолчи, замолчи, въ свою очередь! воскликнула Изора: — ты безчестишь самого-себя, говоря это!

— Довольно, сударыня, довольно! оставьте эти гнусныя чувства, которымъ вамъ угодно придавать столько благородства. Свѣтъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть; онъ снисходителенъ къ тѣмъ, которые по-крайней-мѣрѣ въ слабостяхъ своихъ не пренебрегаютъ съ безстыдствомъ законами приличія и чести...

— Пьерръ! воскликнула Изора въ отчаяніи: — замолчи, ради Бога, замолчи!

— Нѣтъ! Вы, которыя съ такою жестокостью высказываете правду другимъ, вы должны научиться выслушивать ее въ свою очередь.

— О! воскликнула Изора, залившись слезами: — онъ предсказалъ мнѣ это! Бѣдный Викторъ!...

Это имя, которое должно было бы остановить Шамбеля, еслибъ онъ теперь не былъ занятъ исключительно самимъ-собою, только еще болѣе раздражило его и показалось ему оскорбленіемъ.

— Часто ли вы доставляли ему удовольствіе подобными сценами?

— Пьерръ! Пьерръ! воскликнула Изора, рыдая: — онъ не посту-

палъ со мною такъ жестоко, не оскорблялъ меня, хоть и имѣлъ на то полное право.

— И такъ, сударыня, если вы не хотите, чтобъ васъ оскорбляли, не оскорбляйте же сами другихъ.

— Ты правъ; я буду молчать.

— Не прикасайтесь къ оружію, которое, какъ вы видите, можетъ поразить васъ самихъ.

— Довольно, довольно! воскликнула Изора, вставъ съ величавымъ, грознымъ видомъ.—Я вижу, вы унизились до послѣдней степени подлости!.. Вы могли упрекнуть меня проступкомъ,—вы, которые погубили меня; вы, которые явились ко мнѣ въ бѣдности и несчастіи съ жалобою на людей, хотѣвшихъ подавить въ васъ талантъ вашъ; я полюбила васъ изъ жалости, изъ сострадапія...

— Изора, берегись!

— Да, изъ состраданія! Заброшенный въ глушь провинціи, осмѣянный всѣми, отвергнутый родными, которые видѣли въ васъ тунеядца, нехотѣвшаго посвятить себя ничему полезному, — я приняла васъ, обремененнаго долгами, бѣднаго, отчаяннаго; я спасла васъ отъ нищеты, я поддержала васъ вѣрою своею въ талантъ вашъ, помогла своимъ богатствомъ,— и теперь, когда вы достигли извѣстности, которой еще не заслужили, теперь, когда я ужь не нужна вамъ, вы сдѣлались со мною горды, дерзки, жестоки!.. И вы думаете, что послѣ всего этого я съ покорностью склонюсь передъ вами? Нѣтъ, сударь, нѣтъ! не будетъ этого. Погубленная вами, я не хочу быть вами унижена!..Слѣдуйте путемъ, вами избраннымъ и внушающимъ вамъ столько самонадѣянности: я оставляю васъ, бѣднаго глупца, служащаго игрушкою честолюбцу; оставляю васъ на произволъ этого монаха безъ сердца, этой интригантки безъ совѣсти и чести. Поспѣшите воспользоваться вашимъ теперешнимъ положеніемъ, совѣтую вамъ, потому-что въ тотъ день, когда одинъ возьметъ все у вашего ума, а другая все у вашего сердца,—они вытолкаютъ васъ изъ дома и скажутъ вамъ: «Свѣтъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть; мужъ, живущій розно съ женою и разставшійся съ нею такъ дурно, не можетъ быть терпимъ въ нашемъ обществѣ, которое онъ пятнаетъ собою.»

— Какъ вамъ угодно! сказалъ Шамбель:— я предпочитаю нищету и неизвѣстность, даже самую неблагодарность, подобнымъ сценамъ и такой жизни, какую веду съ вами.

—Оставляю вамъ полную свободу жить, какъ вамъ будетъ угодно.

— Я не могъ ожидать отъ васъ ничего лучшаго! замѣтилъ Шамбель, достигнувшій окончательнаго результата, который онъ самъ, можетъ-быть, вызвалъ, но который не могъ не устрашать его.

— Думаю, отвѣчала Изора:—что въ этомъ отношеніи я, по-край-

ней-мѣрѣ, удовлетворяю одному изъ пламеннѣйшихъ вашихъ желаній, и во всякомъ случаѣ повинуюсь своимъ.

— Это не удивляетъ меня ; прошедшее должно было предварить меня о будущемъ.

— Да, то, что̀ мнѣ было предсказано — исполнилось; то, что̀ вы должны-были предвидѣть—совершилось.

— И такъ, все кончено между нами... Вы рѣшились?

— Твердо, и въ этомъ случаѣ прошедшее также можетъ отвѣчать вамъ за будущее.

— Хорошо! сказалъ Шамбель.

Онъ ушелъ и заперся въ своемъ кабинетѣ ; Изора занялась домашними дѣлами и хозяйствомъ съ спокойствіемъ , которое служило доказательствомъ, сколько твердости и силы было въ ея пылкомъ характерѣ, когда она рѣшалась на что-нибудь важное.

Часа черезъ два послѣ этой сцены, г-жѣ Шамбель доложили, что аббатъ Фортенъ желаетъ ее видѣть.

XIV.

Изора въ ту же минуту приказала просить аббата. Неудачная попытка, сдѣланная ею у г. Нортона, не располагала ее въ пользу этого визита; она, подобно многимъ, была заражена предразсудкомъ, что всѣ принадлежащіе къ духовному званію отличаются одинакимъ образомъ мыслей, и потому думала, что аббатъ Фортенъ, который, подобно г. Нортону, пользовался извѣстностью человѣка строгихъ правилъ , будетъ также холоденъ и также жестокъ къ ея страданіямъ. Все это было причиной , что Изора приняла стараго аббата съ какою-то недовѣрчивостью.

Послѣ первыхъ привѣтствій, аббатъ сказалъ ей:

— Я пришелъ къ вамъ, сударыня, по случаю письма дѣвицы Маргариты, которое вы передали мнѣ нынче утромъ.

Г-жа Шамбель отвѣчала ему только легкимъ наклоненіемъ головы, и аббатъ продолжалъ:

— Вы, конечно, изволили прочитать его?

— Да, г. аббатъ, отвѣчала г-жа Шамбель сухо:—я знаю, что это дурно и не стараюсь извинять себя.

— Вы правы ; это точно было очень-дурно , тѣмъ болѣе, что это сдѣлало уже большой вредъ бѣдной , невинной дѣвушкѣ, которая, какъ вы знаете, была жертвою самой недостойной и преступной интриги.

Г-жа Шамбель взглянула на аббата съ удивленіемъ , какъ-будто ей казалось страннымъ, что онъ могъ вѣрить порочной связи г-жи де-Моранси и называть ее преступною. Но недовѣрчивость Изоры не

была побѣждена этимъ, и она отвѣчала, хоть не съ прежнею сухостью, однакожь все еще съ сомнѣніемъ:

— Будьте увѣрены, г. аббатъ, я очень сожалѣю, если сдѣлалась виною несчастія бѣдной дѣвушки, которую, какъ вы говорите, другіе избрали уже своею жертвою.

— Въ такомъ случаѣ, умоляю васъ не увеличивать ея несчастія, если только есть еще время...

— О, конечно! я сдѣлаю все, что̀ отъ меня зависитъ; но, признаюсь, я не понимаю, какимъ образомъ могу имѣть какое-нибудь вліяніе на судьбу Маргариты?

— Такъ-какъ вы читали письмо ея, то помните, что ей было запрещено писать ко мнѣ. Не зная объ этомъ запрещеніи, я самъ объявилъ г. Нортону, что письмо было отъ Маргариты. Г. Нортонъ благодѣтель и покровитель этой бѣдной дѣвушки, и онъ имѣлъ полное право оскорбиться ея неповиновеніемъ; но я увѣренъ, онъ проститъ ей. Такой снисходительности нельзя, можетъ-быть, ожидать отъ тѣхъ, которые названы въ этомъ письмѣ; одно неосторожное слово можетъ погубить эту несчастную, и если узнаютъ...

— Понимаю васъ, г. аббатъ, и клянусь, что г-жа де-Моранси никогда не узнаетъ, по-крайней-мѣрѣ отъ меня, о письмѣ Маргариты.

— Извините, если я буду требовать отъ васъ болѣе; я долженъ приступить къ такому предмету, о которомъ вамъ, конечно, будетъ тяжело услышать отъ человѣка совершенно-посторонняго; но я дѣлаю это изъ участія къ бѣдной дѣвушкѣ, у которой нѣтъ никого въ мірѣ, кто могъ бы защитить ее...

— Говорите, г. аббатъ, говорите; я готова васъ выслушать.

— Если тайна Маргариты останется неизвѣстною только г-жѣ де-Моранси, этого еще недовольно; есть, можетъ-быть, другой человѣкъ, противъ котораго вы захотите вооружиться тѣмъ, что̀ писала Маргарита... и...

— И сказать ему объ этомъ значило бы сказать все г-жѣ де-Моранси; не такъ ли, г. аббатъ? отвѣчала Изора съ горькою улыбкой.

— Я боюсь этого...

— Вы увѣрены въ томъ; вы поняли ту власть, которую имѣетъ эта женщина надъ умомъ г. Шамбеля. Но что̀ же могло дать ей эту власть?

— Она невспыльчива и хладнокровна... отвѣчалъ тихо аббатъ Фортенъ.

— А я не такова, хотите вы сказать.

— Извините меня, я такъ думаю...

— Вы правы; нѣтъ, я не такова; я презираю это хладнокровіе, которое умѣетъ разсчитывать все, даже преступленіе...

— И, гордясь тѣмъ, что неспособны на подобный разсчетъ, вы предаетесь всей пылкости своего нрава?

— Да, г. аббатъ!

— Это дурно, это вредитъ вамъ... Надобно быть спокойнѣе, разсудительнѣе...

— Но развѣ это спокойствіе, эта разсудительность, которыя вы такъ восхваляете, могли бы заставить меня не чувствовать моего несчастія?

— Можетъ-быть, оно уменьшило бы его горечь.

— Я дѣлаю всѣ возможныя усилія, чтобъ вѣрить вамъ; но спрашиваю: ставъ спокойнѣе, буду ли я страдать менѣе?

— Непремѣнно, потому-что вы будете въ состояніи лучше обсудить ваше положеніе.

— Оно нестерпимо!

— Есть, однакоже, много женщинъ, которыя съ смиреніемъ переносятъ еще худшую участь.

— Благоговѣю предъ ними, но не могу подражать имъ.

— Онѣ вооружаются терпѣніемъ...

— А я не имѣю его, г. аббатъ; я не имѣю даже довольно терпѣнія, чтобъ выслушивать совѣты, которыхъ не просила.

Аббатъ Фортенъ всталъ, поклонился молча г-жѣ Шамбель и пошелъ къ двери... Изора побѣжала за нимъ.

— Простите, г. аббатъ, простите выраженію, вырвавшемуся у меня невольно; я сознаюсь въ винѣ своей, я слишкомъ-неосторожна...

Аббатъ Фортенъ остановился и, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ на г-жу Шамбель, сказалъ:

— Я буду говорить съ вами строго, и вы должны выслушать меня терпѣливо. Вы несчастливы; вы имѣете полное право жаловаться; но, повторяю, вы сами увеличиваете свое несчастіе; выслушайте меня; нѣсколько минутъ терпѣнія не могутъ быть для васъ тягостнымъ усиліемъ, когда дѣло идетъ о всей вашей будущности и будущности вашего мужа.

— Будущность эта уже рѣшена.

— Давно ли?

— Часъ тому назадъ.

— И послѣ долгаго, глубокаго размышленія?

— Г. аббатъ! сказала Изора съ нетерпѣніемъ.

— И такъ, въ одинъ часъ, можетъ-быть въ нѣсколько минутъ, вы рѣшили участь двухъ существъ, обрекли себя на одиночество, а мужа своего — на погибель... да, на погибель: вы очень хорошо знаете, что онъ не такой человѣкъ, который могъ бы дать жизни своей настоящее направленіе; что характеръ его, столько же пылкій, какъ вашъ, имѣетъ недостатокъ, котораго у васъ нѣтъ, — необыкно-

венную легкость и слабость... И вы, вы, которая, за неимѣніемъ любви, должны были бы найдти въ своихъ обязанностяхъ столько силы, чтобъ защищать его противъ всѣхъ и противъ его-самого, — вы оставляете его! И вамъ довольно было одной минуты, чтобъ рѣшиться на это! И съ-тѣхъ-поръ, какъ вы рѣшились, вы не спросили самой-себя, не увлеклись ли слишкомъ-опрометчиво гнѣвомъ противъ проступковъ важныхъ, но простительныхъ, потому-что нѣтъ такихъ проступковъ, которыхъ нельзя было бы простить. Вы самовластно рѣшили свою участь, не прибѣгнувъ къ совѣту друга...

— Но у меня нѣтъ его, г. аббатъ; у меня нѣтъ друга; я была сегодня у г. Нортона, и онъ съ жестокостью отвергнулъ меня!

— Онъ былъ, конечно, неправъ; но были ли бы вы въ состояніи выслушать его совѣты, еслибъ онъ рѣшился подать ихъ и могли ли бы вы обвинять его, еслибъ, раздраженный вашею запальчивостью, онъ сдѣлался врагомъ вашимъ?

— Вы правы. Но что́ же мнѣ дѣлать?

— Теперь я могу отвѣчать вамъ на это, сказалъ аббатъ Фортенъ, съ примѣтною радостью:—теперь вы поняли, что гордость, а не любовь управляла до-сихъ-поръ вашими поступками, — и вы спасены.

Изора взглянула на него съ изумленіемъ.

— Да, сударыня; поведеніе вашего мужа и г-жи де-Моранси недостойно, преступно — согласенъ; но такъ ли должны вы были вооружиться противъ него?.. Ваша ревность, ваше изступленіе могли только раздражить г. Шамбеля, тогда-какъ кротость и смиреніе могли бы обратить его на путь истинный. Вы хотѣли силою разорвать эту связь, забывъ, что страсти разгараются отъ препятствій...

— Что́ жь мнѣ дѣлать? спрашиваю я васъ опять.

— Умѣрить вашу пылкость и вооружиться терпѣніемъ.

— Теперь ужь поздно!

—Никогда не поздно дѣйствовать кротко и благоразумно. Что́ выиграете вы отъ новыхъ объясненій? Оскорбительныя слова, бо́льшее отчужденіе другъ отъ друга, досаду и, можетъ-быть, все кончится совершеннымъ разрывомъ.

— Разрывъ этотъ уже рѣшенъ, г. аббатъ; слово «разводъ» было уже произнесено между нами.

—Что́ жь! будете ли вы имѣть столько твердости, чтобъ взять назадъ это слово?

Изора задумалась:

—Нѣтъ, это выше силъ моихъ; я могу умереть, но не сдѣлаю этого. Я сказала Шамбелю, что между нами все кончено; можетъ-быть, я поступила дурно, но сказала это — и сдержу свое слово.

— А еслибъ вы сказали ему, что отравите его, не-уже-ли и тогда вы сдержали бы свое слово?

— Какъ это можно! воскликнула Изора съ ужасомъ.

— Такъ васъ пугаетъ только великость преступленія?.. Ахъ! если слово, сказанное вами въ пылу гнѣва, кажется вамъ обѣтомъ священнымъ, кто можетъ поручиться, что этотъ же самый гнѣвъ не доведетъ васъ когда-нибудь и до чего-нибудь худшаго?

Изора задумалась; сильное волненіе было замѣтно въ ней; наконецъ, она воскликнула:

— Унизиться до такой степени... Хорошо, г. аббатъ, продолжала она, послѣ минутнаго молчанія:—обѣщаюсь вамъ забыть о томъ, что я сказала, но съ тѣмъ, чтобъ мнѣ этого не напоминали.

— Нѣтъ, полумѣры никуда не годятся...

— Что жь мнѣ дѣлать?

— Терпѣть и дожидаться...

— Хорошо, я буду дожидаться терпѣливо, безъ криковъ, безъ обвиненій, безъ гнѣва... довольно ли этого?...

— Для другой женщины, этого было бы мало; для васъ много. Остерегайтесь только первой минуты; легко можетъ случиться, что ваше смиреніе будетъ принято какъ доказательство побѣды, одержанной надъ самой-собою, что вамъ захотятъ показать это, и что вы не перенесете...

— Я перенесу все, г. аббатъ... Но сколько времени должно продолжаться это испытаніе?

— Недѣлю... Я прійду къ вамъ опять черезъ недѣлю.

— Ожидаю васъ!

Изора осталась одна. Рѣшась послѣдовать совѣту аббата Фортена, она старалась укрѣпить себя въ принятомъ намѣреніи.

Шамбель, съ своей стороны, также имѣлъ много предметовъ къ размышленію. Въ минуту гнѣва, онъ сознался во всемъ женѣ и отдалъ ей, такимъ образомъ, на жертву тайну г-жи де-Моранси! Что сдѣлаетъ она? На что рѣшится; не захочетъ ли она погубить свою соперницу, опозоривъ ее въ мнѣніи свѣта?.. Все это мучило Шамбеля; онъ зналъ, что ему будетъ невозможно укротить Изору силою. Оставалось одно средство — смягчить ее, смириться передъ нею. Но какъ взяться за это?... Шамбель не могъ придумать никакого средства... Пожертвовать же г—жею де-Моранси и дать право г-жѣ Азье сказать насмѣшливо: «Г. Шамбель испугался жены своей» — было выше силъ его.

Цѣлые два часа думалъ Шамбель, и ничего не придумалъ... Наконецъ, онъ рѣшился предаться ходу обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно съ ними, хотя бы слѣдствіемъ ихъ былъ рѣшительный разрывъ съ женою... Въ такомъ расположеніи духа, съ нерѣшительностью съ одной стороны и съ твердою рѣшимостью съ другой сошлись Шамбель и Изора.

И мужъ и жена равно боялись этой встрѣчи; Изора, не смотря на всю рѣшимость свою, опасалась, чтобъ какое-нибудь колкое слово, которое могло вырваться у ней невольно, не раздражило мужа, а Шамбель боялся, чтобъ новые упреки Изоры не заставили его формальнымъ образомъ подтвердить свое согласіе на разрывъ. Однакожь все обошлось какъ-нельзя-лучше: Изора не показывала ни малѣйшихъ признаковъ гнѣва, Шамбель былъ чрезвычайно-внимателенъ и ласковъ. Такъ прошло все время, пока продолжался обѣдъ; но Шамбель не довѣрялъ Изорѣ: спокойствіе ея пугало его; онъ подозрѣвалъ въ немъ какое-нибудь скрытное намѣреніе, и наконецъ до того убѣдился въ этомъ предположеніи, что положилъ себѣ не выпускать Изоры изъ вида, думая, что она дожидалась только его ухода, чтобъ рѣшиться на что-нибудь. Онъ приказалъ принести себѣ бумаги и перьевъ, и расположился писать за тѣмъ же самымъ столикомъ, у котораго работала Изора при свѣтѣ лампы. Необходимость думать о томъ, что̀ онъ писалъ, отвлекла его на-время отъ мыслей, занимавшихъ его до-тѣхъ-поръ; но работа Изоры, чисто механическая, не могла произвести на нее такое же дѣйствіе: мало-по-малу, грустныя мысли овладѣли ею: работа выпала изъ рукъ, голова склонилась на грудь, и крупныя слезы повисли на рѣсницахъ. Шамбель, перевертывая листъ, на которомъ писалъ, взглянулъ машинально на Изору; онъ замѣтилъ ея слезы и въ первый разъ еще почувствовалъ въ себѣ раскаяніе и какую-то жалость къ ней. Изора, устыдясь вдругъ своей слабости, приподняла голову; Шамбель принялся опять за свою работу, между-тѣмъ, какъ она, отеревъ слезы, начала снова свое вышиванье.

Одно изъ величайшихъ преимуществъ человѣка пишущаго состоитъ въ томъ, что, кромѣ жизни настоящей, онъ можетъ жить жизнію мечтательною, фантастическою, въ которую углубляется, забывая иногда свои дѣйствительныя горести. Шамбель писалъ скоро и, какъ это часто случается, когда мысли съ быстротою толпятся въ головѣ, шепталъ тихо фразы по мѣрѣ того, какъ писалъ ихъ. Этотъ шопотъ обратилъ на себя вниманіе Изоры; она устремила глаза на мужа, котораго лицо было освѣщено лампою. Сколько разъ, бывало, проводили они такимъ образомъ вмѣстѣ длинные вечера — онъ за перомъ, она за работой, какъ и теперь; но тогда они были счастливы и безпечно смотрѣли на будущность. Въ эту минуту, Изора забыла все: ей казалось, что она была счастлива, какъ прежде. Вдругъ Шамбель началъ кашлять тѣмъ сухимъ кашлемъ, который такъ часто тревожилъ Изору; въ подобныхъ случаяхъ, она, бывало, вставала тихо, чтобъ не развлечь мужа, и приносила ему стаканъ сахарной воды, который ставила предъ нимъ, и за что мужъ, занятый работою, благодарилъ ее всегда молча нѣжнымъ взглядомъ. Полная

воспоминаній, перенесясь въ прошедшее и забывъ настоящее, Изора встала тихо, приготовила стаканъ сахарной воды, поставила его на столъ, и сѣла на свое мѣсто, ожидая взгляда, который долженъ былъ поблагодарить ее; но взглядъ этотъ не утѣшилъ ея, и въ первый разъ можетъ-быть горесть, испытанная Изорою, была истинною горестью души, тою горестью, въ которой нѣтъ ни жалобъ, ни угрозъ, ни обвиненій — есть только одно отчаяніе. Въ эту минуту, сердце Изоры дѣйствительно страдало невыразимо, чувствуя, что ей было невозможно удержать слезъ своихъ и рыданій, которыя душили ее. Она встала и ушла въ свою комнату, чтобъ плакать тамъ на свободѣ. Въ эту минуту Шамбель приподнялъ голову и съ жестокостью человѣка, который не вѣритъ ничему, потому-что самъ обманываетъ, вставъ со стула, сказалъ: — Слава Богу! комедія кончилась. Терпѣніе ея не могло продолжаться болѣе, и она возвращаетъ мнѣ наконецъ свободу! — Онъ забылъ, какъ опасался скрытныхъ намѣреній жены своей; онъ былъ доволенъ торжествомъ своимъ и гордился имъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не онъ первый уступилъ: онъ оставался въ комнатѣ до-тѣхъ-поръ, пока оставалась Изора; онъ говорилъ равнодушно о вещахъ постороннихъ и былъ спокоенъ. Довольный самимъ собою, Шамбель вышелъ изъ гостиной и черезъ минуту былъ уже у г-жи де-Моранси.

Но прежде, чѣмъ мы разскажемъ о томъ, что происходило у г-жи де-Моранси, необходимо привести нѣкоторыя обстоятельства, случившіяся въ этотъ же день.

Юлій, отдавая письмо Маргариты г-жѣ Шамбель, думалъ, что уступилъ въ этомъ случаѣ только ея капризу, и потому отвѣтъ, данный ему, когда онъ присылалъ требовать назадъ это письмо, очень удивилъ его. Отказъ возвратить письмо заставилъ его бояться, что оно было выманено у него съ какою-нибудь неблагонамѣренною цѣлью. Соображая всѣ обстоятельства, онъ не могъ не сознаться, что во всемъ этомъ было что-то странное. Продолжительное отсутствіе Изоры (онъ раза три прибѣгалъ къ ней, чтобъ переговорить съ нею или отдать записку, но ему отвѣчали всегда, что ея нѣтъ дома), ранній пріѣздъ г-жи Авье, которая казалась сильно-встревоженной, продолжительный разговоръ ея съ графиней, приглашеніе, посланное къ Шамбелю, который заперся съ ними, все это пришло ему на умъ, и онъ сталъ бояться, не было ли замѣшено тутъ письмо Маргариты, которое онъ такъ неосторожно ввѣрилъ г-жѣ Шамбель. Внутреннее чувство говорило ему, что онъ поступилъ дурно, не оправдавъ довѣренности Маргариты, и полагая, что, можетъ-быть, г-жа Шамбель имѣла какую-нибудь непріязнь къ этой молодой дѣвушкѣ, которой покровительствовала его тетка, рѣшился признаться

во всемъ графинѣ, и поспѣшилъ къ ней. Между-тѣмъ, г-жа де-Моранси была одна съ г-жей Азье.

— Какъ, г. Нортонъ не сказалъ тебѣ ничего болѣе? спросила г-жа де-Моранси.

— Ты знаешь аббата Нортона, другъ мой; скажетъ ли онъ когда-нибудь лишнее слово въ подобномъ дѣлѣ? Вотъ собственныя слова его: «Г-жа Шамбель, не объявивъ мнѣ ничего положительнаго, кажется, обвиняетъ вашу пріятельницу въ проступкѣ, которому я не вѣрю; но эта женщина ревнива, необузданна, рѣшительна: ее надобно бояться.»

— И ничего больше?... спросила г-жа де-Моранси.

— Это удивляетъ тебя? Сказать между нами, мнѣ кажется, что отъ аббата Нортона и этого уже слишкомъ-много; заботился ли онъ когда-либо о комъ-нибудь, кромѣ себя одного? Если онъ велѣлъ мнѣ предупредить тебя, то вѣрь мнѣ, что и это сдѣлано изъ какихъ-нибудь личныхъ видовъ.

— О, навѣрное! Но какимъ образомъ ревность этой женщины въ одинъ день могла обратиться отъ Маргариты ко мнѣ?

— Вотъ чего г. Нортонъ не сказалъ бы, еслибъ даже это и было ему извѣстно.

— И онъ сказалъ тебѣ, что не вѣритъ обвиненіямъ г-жи Шамбель?

—Ахъ, другъ мой! возразила г-жа Азье съ нетерпѣніемъ:—г. Нортонъ не ребенокъ: онъ играетъ свою роль, и дѣлаетъ очень-хорошо. Мнѣ кажется, та роль, которую онъ предоставляетъ тебѣ, очень-нетрудна: тебѣ остается только вѣрить, что онъ не вѣритъ, и ты можешь смѣло просить у него совѣта, не опасаясь отъ него никакой проповѣди. Не забудь, что онъ тебѣ нуженъ, потому-что Шамбель, не смотря на всѣ свои крики, кажется, не такой человѣкъ, который могъ бы заставить жену свою замолчать?

— Какая фурія эта женщина! воскликнула г-жа де-Моранси.

— Что жь дѣлать! замѣтила г-жа Азье:—именно тѣ, которыя грѣшили много, бываютъ менѣе снисходительны къ слабостямъ другихъ; такова ужь натура человѣческая, ты не перемѣнишь ее.

Въ эту самую минуту вошелъ Юлій: онъ былъ въ большомъ смущеніи и чрезвычайно обрадовался присутствію г-жи Азье, которая была всегда очень къ нему ласкова, имѣя, можетъ-быть, на него виды, которыхъ онъ, въ простотѣ сердца, не угадывалъ.

—Я пришелъ, сказалъ Юлій:—сообщить вамъ, тетушка, объ одномъ очень-важномъ обстоятельствѣ, случившемся со мною; мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ.

— Что такое? спросила графиня очень-сухо, не имѣя ни малѣйшей охоты заниматься дѣлами своего племянника.

— Что такое? спросила также г-жа Азьё, но только очень-ласково.

— Мнѣ надобно разсказать вамъ со всею подробностію о случившемся, чтобъ вы могли понять, какимъ образомъ я доведенъ до такой неосторожности, сказалъ Юлій. — Вообразите, вчера г-жа Шамбель...

Имя это подѣйствовало на г-жу де-Моранси какъ талисманъ, и она приготовилась слушать со всевозможнымъ вниманіемъ.

— Ну, что же? г-жа Шамбель... повторила она.

Юлій началъ свой разсказъ, перебиваемый безпрестанно вопросами г-жи де-Моранси, которую г-жа Азьё старалась успокоить знаками. Но г-жа де-Моранси, увлекшись чувствомъ ужаса, воскликнула, когда Юлій объявилъ, что отдалъ письмо:

— Несчастный! Ты погубилъ меня!..

Юлій взглянулъ на тетку съ такимъ удивленіемъ, что г-жа Азьё поторопилась сказать:

— Вы поступили очень неосторожно, г. Юлій!

— Но какимъ образомъ эта мнимая невинность могла сказать... воскликнула г-жа де-Моранси внѣ себя.

— А что могла она сказать? возразила г-жа Азьё. — Перестань, другъ мой, успокойся. Маргарита проступилась. Г. Нортонъ слишкомъ справедливъ, и конечно не вмѣнитъ тебѣ этого въ вину.

Г-жа де-Моранси поняла наконецъ, что гнѣвъ увлекъ ее слишкомъ далеко; она пересилила себя и, обратясь къ Юлію, сказала:

— Но какъ осмѣлился ты принять такое письмо?

— Письмо это было адресовано къ аббату Фортену.

— Зачѣмъ же было отдавать его этой женщинѣ?..

— Дѣло сдѣлано, замѣтила г-жа Азьё, все еще опасавшаяся, чтобъ какое-нибудь неосторожное слово графини не открыло Юлію всей истины.—Всѣ эти толки не поправятъ ошибки... Оставьте насъ на минуту однѣхъ, г. Юлій... Я постараюсь успокоить вашу тетушку; оставьте насъ.

Юлій вышелъ.

— Вотъ онѣ, эти невинныя монастырки! воскликнула г-жа де-Моранси.—Нищая, которую я приняла къ себѣ въ домъ, съ которою обращалась, какъ съ дочерью, пишетъ къ своему духовнику разныя обо мнѣ мерзости. Ужасный развратъ! Какъ безнравственны нынѣшнія молодыя дѣвушки!..

— Можетъ-быть, замѣтила г-жа Азьё: — но это письмо въ рукахъ г-жи Шамбель, и намъ надобно во что бы ни стало овладѣть имъ.

— Какимъ образомъ?

— Предоставь это мнѣ; постарайся успокоиться, и письмо будетъ

завтра у тебя. Позволь мнѣ только поговорить нынче вечеромъ наединѣ съ Шамбелемъ?

— Дѣлай, что хочешь! отвѣчала г-жа де-Моранси.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда явился Шамбель.

XV.

Послѣ нѣкотораго времени, проведеннаго Шамбелемъ у г-жи де-Моранси, г-жа Азьè отвела его въ сторону и приступила на счетъ Изоры къ совершенному допросу, на который Шамбель отвѣчалъ сообразно съ тѣмъ, чтò внушало ему его самолюбіе, т. е., онъ драматизировалъ по-своему объясненіе, бывшее у него съ Изорой, разсказывалъ о ея покорности и кончилъ увѣреніемъ, что сила этого характера, казавшагося столь непреклоннымъ, потому-что никто не смѣлъ противиться ему,—была теперь навсегда сокрушена и уничтожена. Но г-жа Азьè, хорошо постигнувшая характеръ Шамбеля и Изоры, не вѣрила ни его побѣдѣ, ни ея покорности, и отвѣчала:

— Г-жа Шамбель обманываетъ васъ; эта покорность только притворство, хитрость, съ помощью которой она, конечно, надѣется сдѣлать что-нибудь ужасное.

— Изора вспыльчива, ревнива, но не зла.

— Говорила ли она вамъ о письмѣ, которое выманила у Юлія, не знаю какою цѣною...

Шамбель былъ столько же удивленъ, какъ оскорбленъ этимъ вопросомъ и тономъ, которымъ онъ былъ сдѣланъ.

— Откуда знаете вы, что у нея есть это письмо?

— Что вамъ до того! мы знаемъ—и этого довольно. Но вы, зная, что письмо это у ней въ рукахъ, какъ могли оставить его?

Шамбель закусилъ губы и не отвѣчалъ ни слова г-жѣ Азьè.

— Письмо это у ней; она бережетъ его и можетъ имъ воспользоваться. Это такое оружіе, которымъ она можетъ легче всего погубить графиню. И послѣ этого вы гордитесь побѣдою, вами одержанною, и вѣрите покорности, къ которой она, кажется, не пріучила васъ?

— Но если она откажется отдать мнѣ письмо, вѣдь я не могу же вырвать его силою.

Г-жа Азьè быстро взглянула на Шамбеля:

— Положимъ, что вы ревнуете и хотите непремѣнно узнать истину; положимъ, что между женою вашею и еще кѣмъ-нибудь существуетъ тайная переписка, которую вы хотите перехватить: не-ужели подойдете вы къ женѣ своей и станете просить ее выдать эти письма? Вы вѣрно сдѣлаете такъ, какъ дѣлаютъ всѣ мужья; вы изберете удобную минуту, воспользуетесь отсутствіемъ ея и отъищите то, чтò вамъ надо, хотя бъ вамъ пришлось разломать замокъ...

Шамбель содрогнулся.

— Что жъ, развѣ это не правда? развѣ вы не сдѣлали бы этого? Не такъ ли поступаютъ всѣ мужья? И чтобъ спасти женщину, которая васъ любитъ, не-уже-ли вы не сдѣлаете того, что сдѣлали бы для самого-себя? Я не вѣрю этому, не хочу вѣрить!..

Шамбель молчалъ.

— Подумайте, продолжала г-жа Азьѐ: — что письмо это нужно намъ завтра, слышите ли, завтра?.. Послѣ завтра ударъ, который приготовляютъ, будетъ уже нанесенъ, и тогда все пропало!..

Въ этотъ вечеръ Шамбель ушелъ отъ г-жи де-Моранси съ худшими мыслями, чѣмъ послѣ перваго разговора, который онъ имѣлъ съ этими двумя женщинами... Тогда, онъ обѣщалъ только заставить жену свою молчать, рѣшась прибѣгнуть, если будетъ нужно, даже къ угрозамъ; теперь, онъ согласился унизиться до средствъ самыхъ подлыхъ для похищенія письма.

Въ-продолженіи цѣлыхъ двухъ дней не могъ онъ найдти ни одного удобнаго случая пробраться въ комнату жены своей, такъ, чтобъ она того не замѣтила, и эти два дня прошли точно такъ, какъ тотъ вечеръ, который мы уже описали. Изора казалась совершенно-покойною и укрѣпляла себя въ этой роли, тѣмъ болѣе, что она не удавалась ей. Мысли ея были все тѣ же: «Я докажу имъ, говорила она самой-себѣ, что терпѣніе и кротость, которыя они называли спасительными средствами, ничто болѣе, какъ мечта, и тогда я буду имѣть право разорвать наконецъ цѣпь, которую отнынѣ ничто уже не можетъ облегчить!» Шамбель, преслѣдуемый и мучимый безпрестанно графинею и г-жею Азьѐ, не могъ успѣть ни въ чемъ, Изора никуда не выходила. Наконецъ, однажды вечеромъ рѣшился онъ прибѣгнуть къ послѣднему средству, и предложилъ женѣ своей ѣхать съ нею вмѣстѣ въ театръ; усадивъ ее и дождавшись начала піесы, онъ вышелъ изъ ложи и поспѣшно возвратился домой. Ему не стоило большаго труда отворить коммодъ Изоры, который она хотя и запирала тщательно, но отъ котораго ключъ прятала всегда въ одно и то же мѣсто, извѣстное Шамбелю; ей никогда не приходило въ голову, чтобъ онъ могъ унизиться когда-нибудь до такого подлаго поступка; къ-тому жь, она не имѣла ничего такого, что желала бы скрыть, и съ той минуты, въ которую отдала аббату Фортену письмо Маргариты, она какъ-будто забыла о копіи, списанной ею.

Шамбель долго не могъ найдти этой копіи, потому-что, перебирая бумаги, онъ обращалъ болѣе всего вниманія на почеркъ; копія эта раза три уже была въ его рукахъ, но онъ всегда откладывалъ ее въ сторону, какъ бумагу, писанную Изорой. Наконецъ, раздосадованный неудачею своихъ поисковъ, онъ снова сталъ перебирать всю груду бумагъ, прочитывая первыя строки каждой изъ нихъ. Такимъ

то образомъ нашелъ онъ наконецъ письмо Маргариты, которое началъ читать—и не могъ оставить, не прочитавъ до конца.

Конечно, ни графиня де-Моранси, ни г-жа Азье, ни сама Изора, знавшая это письмо, не могли предвидѣть той странной перемѣны, которую оно произвело вдругъ въ Шамбелѣ.

Никогда ни одинъ человѣкъ не испыталъ такого сладостнаго удивленія, какое овладѣло Шамбелемъ при чтеніи этого мистическаго письма, дышавшаго такою любовью къ нему. Но что же такое былъ онъ, котораго видъ внушалъ столь внезапныя и пламенныя страсти? Что такое была Изора, желавшая приковать его къ цѣпи супружеской жизни, какъ-будто время побѣдъ его уже миновалось? Что такое была сама графиня де-Моранси? Женщина, утратившая свою молодость, старуха, воспользовавшаяся его неопытностью потому только, что онъ не зналъ собственныхъ своихъ достоинствъ. Не былъ ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ, какъ говорила Изора, глупцомъ, котораго женщина, искусная въ интригахъ, умѣла опутать своими сѣтями? Не казалось ли ему иногда, что г. Милонъ, самъ уже не молодой человѣкъ, глядѣлъ съ презрѣніемъ на г-жу де-Моранси, передъ которой онъ, Шамбель, склонялся, какъ передъ идоломъ? И онъ былъ такъ слѣпъ, такъ смѣшонъ, что, вздыхая по старухѣ, не замѣчалъ, рядомъ съ нею, молодой дѣвушки въ полномъ цвѣтѣ красоты и невинности, дѣвушки, дарившей его любовью самою чистою, самою пламенною, самою дѣвственною!

Всѣ усилія Изоры, всѣ ея убѣжденія, всѣ эпиграммы не могли бы въ цѣлый годъ разочаровать Шамбеля на счетъ г-жи де-Моранси: письмо Маргариты сдѣлало это въ нѣсколько минутъ. Тщеславіе сокрушило эту тщеславную любовь, такъ-что Шамбель, возвращаясь къ женѣ, говорилъ самъ себѣ:

«Изора была права: какъ женщина, она по инстикту догадалась, гдѣ была опасность. Маргарита прежде всего заставила ее ревновать; она поняла любовь, которую я внушилъ, и думала, что я раздѣлялъ эту страсть, достойную меня. Теперь мнѣ понятенъ гнѣвъ ея, когда она узнала, для кого я принесъ ее въ жертву. Изора въ тысячу разъ лучше г-жи де-Моранси, этой женщины, которая способна на все, которая могла съ холоднымъ разсчетомъ компрометировать бѣдную, невинную дѣвушку... Но она просто чудовище! И ей-то жертвовалъ я Изорой, которая любитъ меня искренно, и которая, при всей своей вспыльчивости, благородна и великодушна. Нѣтъ, кончено! Я возвращу Изорѣ спокойствіе, разорву связь свою съ графиней и буду такъ искусно обманывать жену на-счетъ Маргариты, что она будетъ наслаждаться полнымъ счастіемъ.

Между-тѣмъ, Изора, оставшись одна, стала сильно безпокоиться отсутствіемъ своего мужа. Куда ушелъ онъ? Зачѣмъ везти ее въ те-

атръ, чтобъ покинуть там одну, тогда какъ она оставляла ему полную свободу располагать всѣми часами дня? Не-уже-ли, разрушивъ всю довѣренность, существовавшую между ними, хотѣлъ онъ избавить себя даже отъ обязанностей вѣжливости, которую люди порядочные всегда сохраняютъ?

Раздраженная и опечаленная такими жестокими предположеніями, она нѣсколько разъ была готова встать и уѣхать изъ театра; но тамъ были многіе изъ ея знакомыхъ, которые, казалось, замѣтили ея одиночество; она не хотѣла собственнымъ своимъ смущеніемъ подтвердить ихъ догадки и осталась, стараясь казаться веселою, тогда, какъ внутренно страдала ужасно. Возвращеніе Шамбеля, вмѣсто того, чтобъ успокоить ее, встревожило еще болѣе. Что̀, если онъ сядетъ подлѣ нея съ угрюмымъ, скучнымъ видомъ, какъ человѣкъ, которому надоѣло все:—это будетъ еще хуже, чѣмъ оставить ее совершенно одну.

Но вышло напротивъ: едва явился онъ въ ложу, какъ извинился предъ Изорою въ своей отлучкѣ; онъ сказалъ, что долженъ былъ возратиться на минуту домой, забывъ, что не отправилъ въ типографію статьи, которая была необходима тамъ и которую онъ долженъ былъ дописать. Послѣ этого сталъ онъ разспрашивать ее о спектаклѣ, былъ веселъ, любезенъ, внимателенъ, почти страстенъ къ ней. Изора, удивленная сначала такимъ обращеніемъ, скоро увлеклась имъ и въ свою очередь была нѣжна и внимательна къ мужу. Не желая отъискивать причины такой перемѣны, она была довольна ею; въ ней видѣла она какъ-будто тѣнь того счастія, которымъ наслаждалась прежде, и когда, по возвращеніи домой, вниманіе Шамбеля не охладѣло, она невольно подумала: «Не-уже-ли кротость и терпѣніе могли произвести все это?»

Изора и Пьерръ разстались поздно вечеромъ. Едва Шамбель увидѣлъ себя одного въ своей комнатѣ, какъ принялся снова читать письмо, которое въ первый разъ успѣлъ только пробѣжать мелькомъ. Страсть, дышавшая въ этомъ письмѣ, воспламенила Шамбеля: онъ сталъ припоминать черты Маргариты, ея грустную улыбку, ея прекрасные, томные глаза, роскошную талію, стройный станъ—и припоминалъ все это такъ усердно, что по прошествіи нѣсколькихъ часовъ былъ уже страстно влюбленъ въ нее. Убѣжденный въ этомъ, онъ написалъ къ ней письмо самое поэтическое, письмо, которое годилось бы въ любой романъ; оно начиналось такъ:

«Вы любите меня, Маргарита; я знаю это, я убѣдился въ этомъ изъ «письма вашего къ аббату Фортену. Вы любите!.. Я... я тоже люблю «васъ; но я не смѣлъ признаться въ томъ самому себѣ; я почиталъ «безуміемъ волненіе, которое чувствовалъ въ вашемъ присутствіи. «Вы казались мнѣ ангеломъ, слетѣвшимъ на землю, ангеломъ, предъ

«которымъ можно было только благоговѣть, но котораго любить было «бы слишкомъ дерзко... Вы обратили взоры свои на меня, и я чувствую, что они дали мнѣ новую жизнь, сдѣлали меня лучшимъ, возвысили меня до васъ...»

Письмо продолжалось такимъ образомъ и было наполнено самыми темными фразами, въ которыхъ Шамбель старался поддѣлаться подъ мистическій тонъ Маргариты и придать имъ всевозможный пылъ страсти. Онъ желалъ только, чтобъ эта любовь была поддерживаема взаимнымъ обмѣномъ чувствъ самыхъ чистыхъ и святыхъ; ему казалось, что домъ, въ который Маргарита должна была вступить, доставитъ имъ всѣ средства вести переписку, долженствовавшую сблизить ихъ духовно. Словомъ, все письмо было чрезвычайно-смѣшно; но оно могло произвести сильное впечатлѣніе на такое неопытное и восторженное сердце, какъ сердце Маргариты, расположенное уже къ любви самой страстной.

Чтобъ не ввѣрить никому своей тайны, Шамбель рано утромъ отправился самъ съ письмомъ въ Монастырь * * *, гдѣ была Маргарита. Взглядъ, брошенный на него привратницею, заставилъ его на минуту опасаться, дойдетъ ли письмо по адресу; однакожь онъ подалъ его, сказавъ:

— Дѣвицѣ Маргаритѣ.

Привратница взяла письмо, взглянула на адресъ, и посмотрѣвъ потомъ внимательно на молодаго человѣка, спросила:

— Отъ кого?

— Отъ аббата Нортона, отвѣчалъ Шамбель, вообразивъ, что такое почтенное имя отвратитъ всѣ подозрѣнія.

— Хорошо, сказала привратница: — письмо будетъ доставлено.

Шамбель, довольный успѣхомъ, возвратился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, давъ себѣ слово быть съ Изорой ласковымъ и нѣжнымъ. Но въ ту самую минуту, какъ онъ подходилъ къ дому, ему подали записку отъ г-жи де-Моранси, которая писала, что ожидаетъ его къ себѣ. Шамбель, однакожь, не пошелъ; онъ не хотѣлъ пропустить утра безъ того, чтобъ не повидаться съ Изорой, и отправился къ ней. Изора была грустна и спрашивала самоё-себя, не былъ ли весь вчерашній день сномъ сладостнымъ, но обманчивымъ? Она стерегла возвращеніе Шамбеля, зная, что за нимъ нѣсколько разъ уже присылали отъ г-жи де-Моранси, и думала, что онъ немедленно отправится туда; когда же она увидѣла, что онъ шелъ прямо къ ней, чувство радости и счастія проникло въ ея сердце. Онъ вошелъ въ комнату, и она, съ нѣжностью, почти со слезами протянувъ ему руку, сказала:

— Благодарю, благодарю тебя, другъ мой!

Пьерръ поцаловалъ ее и, преисполненный чувствомъ самодовольствія, подумалъ:

— Не глупъ ли я былъ, что подвергалъ себя жестокимъ сценамъ, ревности, гнѣву потому только, что хотѣлъ въ глазахъ жены имѣть связь съ другою женщиною?.. Боже мой! надобно только умѣть распорядиться; надобно выбрать предметъ своей любви подальше и — все пойдетъ прекрасно, и при сердечныхъ наслажденіяхъ сохранится домашній миръ.

Довольный самимъ-собою, Шамбель былъ чрезвычайно-любезенъ съ женой и остался съ нею завтракать. Между-тѣмъ, г-жа де-Моранси, узнавъ о возвращеніи Шамбеля и видя, что онъ не явился, дошла до такой степени раздражительности, что не помнила себя... Скоро пришли сказать Шамбелю, что Юлій дожидался его въ кабинетѣ, и Пьерръ отправился туда очень-неохотно.

— Г. Шамбель, сказалъ ему Юлій: — тетушка желаетъ говорить съ вами; не знаю, что съ нею сдѣлалось, но она чрезвычайно встревожена; съ нею были даже нервическіе припадки... Даже г-жа Азьè очень безпокоится за нее.

Не было никакого средства отдѣлаться, и Шамбель воротился сказать Изорѣ, что ему тотчасъ же надобно ѣхать... Это извѣстіе очень огорчило Изору, увѣренную, что онъ шелъ къ г-жѣ де-Моранси.

Шамбель отправился вмѣстѣ съ Юліемъ, который оставилъ его у двери. Когда Шамбель вошелъ въ гостиную графини, она стояла у камина въ сильномъ волненіи, а г-жа Азьè сидѣла въ углу съ какимъ-то угрожающимъ видомъ.

—Право, воскликнула г-жа де-Моранси, увидѣвъ Шамбеля:—вниманіе ваше ко мнѣ безгранично... Я не имѣла чести видѣть васъ вчера въ-продолженіе цѣлаго дня, и нынѣче утромъ, посылая къ вамъ нѣсколько разъ, не могла добиться, чтобъ вы пожаловали...

— Извините, графиня, дѣла...

— Да, эти дѣла состоятъ въ томъ, чтобъ везти г-жу Шамбель въ театръ и нѣжничать съ нею въ ложѣ, подобно страстному голубку.

— Графиня! воскликнулъ Шамбель съ гордостью.

— Предупреждаю васъ, сударь, что вы были очень-смѣшны.

— Я не полагаю, графиня, отвѣчалъ Шамбель торжественнымъ тономъ: — чтобъ доброе согласіе между мужемъ и женою могло показаться смѣшнымъ.

— Въ такомъ случаѣ, комедія была разыграна прекрасно, потому-что всѣ были тронуты ею.

— Потому-что это, можетъ статься, не было комедіей.

При этомъ поразительномъ словѣ, г-жа де-Моранси и г-жа Азьè взглянули другъ на друга съ невыразимымъ удивленіемъ. Нѣ-

сколько минутъ все молчали; наконецъ г-жа Азьё встала, подошла къ графинѣ и, взявъ ее за обѣ руки, сказала со слезами:

— Я предсказывала тебѣ это, бѣдный другъ мой; ты слишкомъ благородна, и не можешь бороться съ такою женщиною, какъ г-жа Шамбель.

— Г-жа Шамбель — женщина, достойная всякаго уваженія! воскликнулъ Шамбель, который не былъ, какъ прежде, расположенъ сносить терпѣливо дерзкія выходки г-жи Азьё.

Это превзошло все, чего могла ожидать г-жа де-Моранси, и она возразила задыхающимся отъ гнѣва голосомъ:

— Не потому ли сдѣлалась она вдругъ достойна такого уваженія, что выучилась перехватывать и читать чужія письма?

— Другъ мой! воскликнула г-жа Азьё:—ради Бога, успокойся; это не могло быть иначе; эта женщина торжествуетъ; успѣвъ заставить его жениться, она успѣетъ заставить его сдѣлать что-нибудь еще хуже.

— Г-жа Шамбель, возразилъ Пьерръ, — не давала мнѣ ни дурныхъ, ни хорошихъ совѣтовъ, сударыня; она смирилась; и если горесть ея обнаружилась въ первыя минуты слишкомъ явно, то ни я никто изъ васъ не можемъ осуждать ея за это строго. Но размысливъ хорошенько о томъ, что вы предложили мнѣ, графиня, я убѣдился, что еще болѣе для васъ, чѣмъ для меня, мы должны...

Шамбель остановился, не зная какъ кончить фразу... Грозный и надменный видъ г-жи де-Моранси, устремленный на него, заставилъ его невольно смириться.

— Очень жалѣю, сказала она: — что вы такъ долго не могли понять, какъ стыдилась я сама слабости, которая могла помрачить честь мою.

— Я, по-крайней-мѣрѣ, счастливъ тѣмъ, что понялъ это наконецъ, возразилъ Шамбель раздосадованный, видя, что предложеніе его было принято такъ скоро и безъ всякихъ криковъ.

— Дай Богъ, чтобъ это было не поздно, и чтобъ я не имѣла причины проклинать васъ!... сказала г-жа де-Моранси, заплакавъ отъ злости.—У васъ ли, наконецъ, это письмо?

— Я читалъ его; въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы компрометтировать васъ.

— Я разсужу объ этомъ сама и лучше васъ, когда вы отдадите мнѣ письмо.

— Письмо это принадлежитъ не мнѣ, отвѣчалъ Шамбель, принявъ на себя важный видъ.

— Но г-жа Шамбель читала его, вы также, а я, обвиняемая въ немъ, не могу этого сдѣлать! Право, вы становитесь слишкомъ самонадѣянны!...

— Это письмо, графиня, отвѣчалъ Шамбель, пародируя слова, сказанныя ему Изорой въ подобномъ же случаѣ:—это письмо заключаетъ въ себѣ тайну, принадлежащую одной Маргаритѣ...

— И г. Шамбелю съ супругой! воскликнула г-жа де-Моранси съ гнѣвомъ.—Отдадите ли вы мнѣ это письмо?

— Нѣтъ, графиня.

— Да ты видишь, другъ мой, что у него нѣтъ письма: онъ не смѣлъ взять его, сказала г-жа Азьё.

— Я сдѣлалъ то, что̀ слѣдовало сдѣлать, сказалъ Шамбель:—я не могу и не долженъ отдать вамъ это письмо.

Г-жа де-Моранси взглянула на Шамбеля, и, не произнеся ни одного слова, повелительно показала ему на дверь. Шамбель поклонился и вышелъ.

Минуту спустя, Юлій постучался въ дверь и, вѣроятно, думая сообщить г-жѣ де-Моранси пріятную новость, сказалъ:

— Г-жа Шамбель два дня тому назадъ отдала письмо Маргариты аббату Фортену у г. Нортона.

— Два дня назадъ! замѣтила г-жа Азьё.—Слѣдовательно, Шамбель не могъ читать его.

— Ахъ! воскликнула г-жа де-Моранси: — я вижу, что во всемъ этомъ скрывается противъ меня какой-нибудь ужасный замыселъ!

XVI.

Возвращеніе Шамбеля домой было для Изоры новымъ торжествомъ; выраженіе гнѣва и презрѣнія, сохранившагося на лицѣ его, ясно доказывало, что чувства эти относились къ тѣмъ, съ кѣмъ онъ только-что разстался. Прошло нѣсколько дней, и ничто, казалось, не возмущало новаго счастія, которымъ наслаждалась Изора.

Шамбель выходилъ, однакожъ, часто со двора; отсутствіе его всегда было продолжительно, и когда онъ возвращался, въ немъ всегда было замѣтно какое-то безпокойство, которое Изора толковала по-своему. Она не сомнѣвалась, что г-жа де-Моранси, взбѣшенная тѣмъ, что была такъ скоро оставлена, старалась вредить Шамбелю въ мнѣніи г. Нортона, который, вѣроятно, не оказывалъ ему уже такого вниманія, какъ прежде; но она равно обманывалась и насчетъ расположенія аббата, и насчетъ настоящихъ причинъ безпокойства Шамбеля.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вотъ что̀ происходило на другой день послѣ разрыва между Шамбелемъ и г-жею де-Моранси, разрыва, который, сказать правду, потому только не встрѣтилъ большихъ препятствій, что обѣ стороны равно желали его. Г-жа де-Моранси была пріучена къ интригамъ болѣе-спокойнымъ, чѣмъ та, въ которую она такъ неосторожно замѣшалась, и соперницы, подобныя г-жѣ Шамбель, напо-

дали на нее безсонницу, лишавшую ее свѣжести лица и слѣдовательно послѣднихъ остатковъ красоты. Она воспользовалась первою возможностью, чтобъ прекратить эту связь; но какъ женщина умная и осторожная, она не хотѣла оставить въ чужихъ рукахъ документа, который обвинялъ ее и которымъ могли бы воспользоваться въ-послѣдствіи.

Между-тѣмъ, противорѣчіе, замѣченное ею въ томъ, что̀ сказалъ Шамбель, и что̀, по словамъ Юліи, говорила Изора, поставляло ее въ величайшее недоумѣніе. Шамбель увѣрялъ, что читалъ письмо, а Изора сказала, что письмо это было отдано аббату Нортону гораздо прежде, чѣмъ г-жа Азьѐ открыла Пьерру о его существованіи. Оставалось одно средство узнать, кто изъ нихъ солгалъ, кто говорилъ правду— спросить Нортона; а какъ послѣдніе переговоры г-жи Азьѐ съ почтеннымъ аббатомъ не имѣли желаемаго успѣха, то г-жа де-Моранси рѣшилась сама идти къ Нортону въ той увѣренности, что никто не можетъ обдѣлать такъ хорошо собственныхъ ея дѣлъ, какъ она сама.

Г. Нортонъ и съ графинею де-Моранси поступилъ точно такъ же, какъ съ г-жею Шамбель: и она также должна была дожидаться своей очереди; въ этомъ отношеніи, почтенный аббатъ никогда не отступалъ отъ своего правила. Г-жа де-Моранси знала это, но думала, что, предупредивъ Нортона запиской о необходимости видѣть его скорѣе, онъ пріиметъ ее тотчасъ, однакоже ошиблась и была принуждена дожидаться. Пріемная зала Нортона была въ этотъ день наполнена множествомъ посѣтителей, и г-жа де-Моранси, желая узнать, сколько человѣкъ были записаны выше ея, велѣла подать себѣ реестръ; имя ея было семнадцатымъ; ему предшествовало имя другой дамы, г-жи Б... настоятельницы *** монастыря, гдѣ была Маргарита. Г-жа де-Моранси, не предвидя того, что̀ она могла выиграть отъ этой случайной встрѣчи, обрадовалась ей и рѣшилась сблизиться съ настоятельницею хоть для того, чтобъ въ разговорѣ ея чѣмъ-нибудь убить скучное время ожиданья. Она нашла настоятельницу въ одномъ углу передней, гдѣ добрая старушка, перебирая свои четки, бормотала потихоньку молитвы.

— Извините меня, если я прерву ваши благочестивыя занятія, сказала ей г-жа де-Моранси: — но мнѣ кажется, что я имѣю честь говорить съ настоятельницею монастыря***.

— Точно такъ, сударыня.

— Кажется, г. Нортонъ помѣстилъ въ вашъ монастырь молодую дѣвушку, которой онъ покровительствуетъ и которую зовутъ Маргаритой?

— Вы ее знаете? спросила довольно-холодно настоятельница.

— Къ-несчастію; я графиня де-Моранси, у которой она жила нѣсколько времени.

Это «къ-несчастію» произвело ожиданное дѣйствіе. Настоятельница подвинула стулъ, чтобъ дать подлѣ себя мѣсто графинѣ.

—Я знаю, графиня, сказала она:—что вы приняли къ себѣ эту дѣвицу, она вѣрно надѣлала вамъ много хлопотъ.

— Изъ дружбы къ г. Нортону согласилась я взять ее къ себѣ; но вы знаете, какъ трудно усмотрѣть за молодыми дѣвушками, и я была принуждена просить аббата помѣстить ее въ какой-нибудь другой домъ, гдѣ за нею могли бы наблюдать строже.

— Развѣ вы имѣли причину быть ею недовольны?

Графиня подняла глаза къ небу и сказала таинственно:

— Я пришла къ г. Нортону за тѣмъ, чтобъ поговорить о ней.

— Я здѣсь за тѣмъ же, отвѣчала настоятельница съ глубокимъ вздохомъ.

— Боюсь, замѣтила графиня: — что благодѣянія г. Нортона дурно вознаграждаются...

— Я также.

— Жаль! воскликнула г-жа де-Моранси съ притворною грустью.

— Извините меня, графиня, если я сдѣлаю вамъ одинъ вопросъ: не принимали ли вы у себя въ домѣ какого-то г. Шамбеля?

Это имя заставило г-жу де-Моранси содрогнуться: она спрашивала самоё-себя, какимъ образомъ оно могло сдѣлаться извѣстнымъ даже въ монастырѣ, и ею овладѣлъ неизъяснимый страхъ. Однакожъ она скоро оправилась, вспомня, съ какимъ искусствомъ вела всю интригу и какъ ловко умѣла обратить подозрѣніе на Маргариту... Если даже Изора могла обмануться, то почему же другіе не могли обмануться такъ же, какъ Изора? Все это успокоило ее, и она отвѣчала:

— Да, я принимала его. Г. Шамбель одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала г. Нортона, который покровительствуетъ ему.

— Въ такомъ случаѣ, г. Нортонъ очень дурно награжденъ за свои благодѣянія. Вообразите, что этотъ г. Шамбель имѣлъ дерзость писать къ дѣвицѣ Маргаритѣ, и всего страннѣе то, что г. аббатъ Фортенъ, кажется, согласился быть повѣреннымъ ихъ любви.

Г-жа де-Моранси рѣшительно ничего не понимала: ей никогда не приходило въ голову, чтобъ Шамбель могъ быть влюбленъ въ Маргариту, а вмѣшательство въ это дѣло аббата Фортена казалось ей совершенною нелѣпостью. Она взглянула однакожъ на настоятельницу, какъ-будто желая увѣриться, точно ли она сказала то, что ей послышалось.

— Такая дерзость и такой развратъ удивляютъ васъ, графиня? сказала настоятельница.

— Признаюсь, вы чрезвычайно удивили меня.

— Но не сказали ли вы мнѣ сію минуту, что сами пришли жаловаться на нее г. Нортону?

— Да, отвѣчала г-жа де-Моранси, не зная, что̀ все это значило, но догадываясь, по довѣрчивому тону старухи, что она не могла имѣть никакихъ насчетъ ея подозрѣній:—да... но это совсѣмъ другое...

— Право? воскликнула настоятельница: — такъ эта дѣвушка совсѣмъ погибшая...

— Къ-несчастію, такъ!.. сказала г-жа де-Моранси со вздохомъ:—я думаю... я боюсь, не оклеветала ли она самымъ подлымъ образомъ одну женщину, которая, конечно, выше всякихъ подозрѣній; но...

— А! воскликнула настоятельница: — вы объясняете мнѣ теперь нѣсколько письмо г. Шамбеля; онъ увѣряетъ Маргариту, что она ошибалась, полагая, будто онъ былъ влюбленъ въ женщину недостойную даже малѣйшаго сравненія съ нею.

Г-жа де-Моранси судорожно сжала руки, какъ-будто хотѣла удавить Шамбеля и Маргариту. Настоятельница продолжала:

— Въ женщину, которой безстыдное кокетство заставляло его тысячу разъ краснѣть...

— Презрѣнный! прошептала тихо г-жа де-Моранси.

—Я постигаю ваше негодованіе, графиня, если женщина эта принадлежитъ къ числу вашихъ пріятельницъ; но думаю, что во всякомъ случаѣ ей ненадобно разсказывать о томъ, съ какимъ презрѣніемъ о ней отзываются.

Гнѣвъ и ярость г-жи де-Моранси были такъ сильны, что она совершенно забыла о томъ, съ какою цѣлью заговорила съ г-жею Б..., продолжавшею между-тѣмъ исчислять всѣ дерзости, которыми было наполнено письмо. Наконецъ, мысль о мщеніи запала въ сердце графини, и чтобъ не упустить его изъ рукъ своихъ, она рѣшилась дѣйствовать хладнокровно.

— И вы перехватили это письмо?

— Я читала его, потому-что это моя обязанность, отвѣчала настоятельница съ важностью:—а такъ-какъ дѣвица Маргарита не принадлежитъ къ нашему монастырю, то я пришла просить г. Нортона положить конецъ такому соблазну. Но я боюсь, что мнѣ нельзя будетъ дождаться г. аббата; священныя обязанности моего званія призываютъ меня, и мнѣ нельзя оставаться здѣсь долго.

— Завтра будетъ опять то же, что̀ сегодня; у г. Нортона всегда такъ много посѣтителей и такъ много важныхъ дѣлъ, что ему невозможно оставить ихъ для того, чтобъ заняться такими бездѣлицами, какъ тѣ, которыя привели насъ сюда.

— Отъ-того-то, графиня, я и рѣшилась подождать еще немного; если черезъ часъ г. Нортонъ не приметъ меня, то я возвращуеъ до-

мой и пошлю къ нему письмо, объяснивъ въ особомъ письмѣ причину моего посѣщенія.

— Прежде васъ записано болѣе десяти человѣкъ, и врядъ ли г. аббатъ успѣетъ отдѣлаться отъ нихъ въ часъ; я увѣрена, что вы прождете напрасно; во всякомъ случаѣ, вы можете написать вашу записку здѣсь, и я берусь отдать ее вмѣстѣ съ письмомъ г. Нортону, котораго дождусь непремѣнно.

— О очень вамъ благодарна, графиня, за ваше предложеніе, сказала настоятельница и встала, чтобъ написать записку.

— Если вамъ угодно, то я могу лично объяснить аббату цѣль вашего посѣщенія.

— Еще болѣе буду вамъ благодарна; однакожь, во всякомъ случаѣ мнѣ надобно написать ему.

Настоятельница написала записку; но, къ величайшей досадѣ графини, запечатала ее вмѣстѣ съ письмомъ въ конвертъ, который и подала ей.

Все это было сдѣлано въ-присутствіи двадцати человѣкъ, такъ-что графинѣ не оставалось никакой возможности сорвать печать и прочитать письмо, которое жгло ея пальцы. Нѣсколько разъ хотѣла она выйдти, чтобъ сдѣлать это; но настоятельница, уходя, сказала каммердинеру Нортона:

— Скажите г. аббату, что мнѣ нельзя было дожидаться долѣе, но что я поручила графинѣ де-Моранси отдать ему письмо, которое привезла съ собой.

Богъ-знаетъ, что̀ заставило старушку распорядиться такимъ образомъ — предосторожность, или аккуратность; какъ бы то ни было, но это обстоятельство положило предѣлъ пламенному любопытству графини де-Моранси, и она должна была дожидаться цѣлые два часа съ письмомъ въ рукахъ. Но эти два часа дали ей время обдумать все хорошенько и составить планъ дѣйствованія въ-отношеніи къ г. Нортону. Наконецъ, очередь ея настала. Каммердинеръ аббата, докладывая о графинѣ де-Моранси, повторилъ слово-въ-слово сказанное ему настоятельницею, такъ-что графиня не имѣла никакой возможности не отдать письма; но она была женщина догадливая и положила письмо въ карманъ, для того, чтобъ достать его тогда только, когда это будетъ совершенно необходимо.

Г. Нортонъ принялъ г-жу де-Моранси очень-ласково и подалъ ей стулъ.

— Чтобъ начать по порядку, къ которому я привыкъ, позвольте мнѣ просить васъ, графиня, сказать мнѣ прежде всего о томъ, зачѣмъ была здѣсь настоятельница монастыря * * *, и отдать мнѣ ея письмо, а потомъ мы перейдемъ къ тому, что̀ касается собственно до васъ.

— Можетъ-быть, вы поймете лучше цѣль посѣщенія г-жи Б.....

когда узнаете причину моего визита, отвѣчала г-жа де-Моранси сухо.

Аббатъ Нортонъ, бросивъ на нее взглядъ судьи, приготовляющагося рѣшить участь обвиняемаго, возразилъ съ холодностью:

— Извольте; я слушаю.

— Правда ли, г. аббатъ, что три дня тому назадъ г-жа Шамбель отдала, въ вашемъ присутствіи, аббату Фортену письмо отъ Маргариты?

— Правда.

— И вы знаете содержаніе этого письма?

— Оно было адресовано не ко мнѣ, и я не читалъ его.

— Оно заключало въ себѣ самое подлое противъ меня обвиненіе.

— Можетъ-быть; не знаю.

— Однакожь то, что̀ вы поручили г-жѣ Азьѐ сказать мнѣ, доказываетъ, что вы знали объ этомъ обвиненіи.

— Мнѣ показалось, что въ словахъ г-жи Шамбель скрывалось какое-то недоброжелательство къ вамъ, какое-то обвиненіе, и, какъ другъ графа де-Моранси, я счелъ обязанностью предупредить васъ объ этомъ.

— Покорно благодарю. Но это обвиненіе, которое вы только подозрѣвали въ словахъ г-жи Шамбель, изложено прямо въ письмѣ Маргариты къ г. Фортену, и я пришла просить васъ кончить это дѣло.

— Какимъ образомъ могу я его кончить?

— Г. Шамбель обязанъ вамъ всѣмъ, что̀ онъ есть, а Маргарита находится въ совершенной отъ васъ зависимости, и я думаю, что если вы только захотите, то можете найдти средство прекратить эту непріятную исторію.

— Графиня! я считаю неприличнымъ для себя вмѣшиваться въ такое дѣло, въ которомъ только и рѣчи, что о перехваченныхъ письмахъ и обвиненіяхъ... Я не осуждаю никого, но не могу также никого и оправдывать.

— И такъ, воскликнула г-жа де-Моранси съ негодованіемъ: — вы просили меня дать Маргаритѣ убѣжище въ моемъ домѣ и находите теперь очень-справедливымъ, чтобъ въ благодарность за это она такъ подло клеветала на меня?

— А развѣ она на васъ клевещетъ? спросилъ Нортонъ.

Слова эти были сказаны такимъ страннымъ, такимъ двусмысленнымъ тономъ, что г-жа де-Моранси не знала, какъ принять ихъ — за эпиграмму, или за простой вопросъ. Она помолчала съ минуту и потомъ продолжала:

—Впрочемъ, Маргаритѣ, кажется, скорѣе надобно было бы защищаться самой отъ любви г. Шамбеля, чѣмъ приписывать ее другимъ.

— Да, г-жа Шамбель такъ думала, замѣтилъ г. Нортонъ, уди-

вленный словами графини, но сохранившій всю свою холодность и безстрастіе.

— И думала очень-справедливо, потому-что г. Шамбель въ перепискѣ съ Маргаритой.

— Право? Я рѣшительно ничего не знаю объ этомъ, точно такъ же, какъ не знаю, что̀ содержитъ въ себѣ письмо ея къ г. Фортену.

— Въ такомъ случаѣ, я объявляю вамъ это, и вотъ именно то, что̀ г-жа Б... поручила мнѣ сказать вамъ...

— Вручивъ вамъ для передачи мнѣ письмо Маргариты.

— Нѣтъ, г. аббатъ, отдавъ мнѣ письмо г. Шамбеля къ Маргаритѣ...

— Котораго она не получила, сообразно съ правилами монастыря? Въ такомъ случаѣ, бѣда еще не такъ велика. Шамбель вѣтренникъ!

— Шамбель подлецъ! воскликнула г-жа де-Моранси съ запальчивостью.

— Конечно, г. Шамбель поступаетъ дурно: будучи женатъ, онъ измѣняетъ женѣ своей и любитъ другую женщину; но онъ еще такъ молодъ...

— Въ такомъ случаѣ, возразила г-жа де-Моранси, стиснувъ отъ ярости зубы: — я считаю обязанностью предварить г-жу Шамбель о недостойномъ поведеніи ея мужа.

— Вы можете сдѣлать это лучше, чѣмъ кто-нибудь, замѣтилъ г. Нортонъ.

Г-жа де-Моранси вскочила и, взглянувъ на аббата гордо, сказала ему:

— Вы поняли меня очень-хорошо, г. аббатъ; но и я также поняла васъ. Вижу, что напрасно обращалась къ вамъ, и потому предупреждаю васъ, чта сама буду умѣть защитить себя.

Сказавъ это, она поспѣшила къ двери и скрылась, между-тѣмъ, какъ аббатъ Нортонъ, идя за нею, кричалъ:

— Графиня! графиня! вы забыли о письмѣ настоятельницы!..

Нѣтъ, она не забыла объ этомъ письмѣ, и потому именно, что во̀ время вспомнила о немъ, прибѣгнула къ этому трагическому выходу, который оставилъ аббата въ недоумѣніи о томъ, что̀ бы она сдѣлала, еслибъ не была увлечена гнѣвомъ.

Сѣвъ въ карету, г-жа де-Моранси могла прочитать наконецъ это знаменитое письмо, начинавшееся такъ: «Вы любите меня, Маргарита; я знаю это... и проч.» И такъ, Шамбель читалъ письмо Маргариты; но письмо это было вручено г. Фортену прежде, чѣмъ Шамбель могъ найдти его; слѣдовательно, онъ прикидывался влюбленнымъ въ графиню де-Моранси, зная уже о страсти, которой былъ предметомъ... Все это было такимъ хаосомъ, въ которомъ г-жа де-Моранси рѣшительно ничего не понимала, потому-что ей не приходило даже въ

голову, чтобъ г-жа Шамбель могла списать копію съ письма Маргариты.

Какъ бы то ни было, но все это не могло не взбѣсить ея; но когда она дошла до фразъ, относящихся собственно къ ней, хоть имя ея и не упоминалось, тогда едва не задохнулась отъ ярости: ни что не могло сравниться съ тономъ поэтическаго презрѣнія, съ какимъ Шамбель доказывалъ невозможность любви своей къ ней, — любви, которую онъ назвалъ даже смѣшною.

Одна мысль, одно чувство овладѣло всею душою г-жи де-Моранси: мщеніе, — мщеніе противъ Шамбеля, противъ Изоры, противъ Маргариты и даже противъ аббата Нортона. Она хотѣла поразить ихъ всѣхъ однимъ ударомъ. Наконецъ, послѣ долгихъ размышленій, послѣ яростныхъ порывовъ гнѣва, послѣ всевозможныхъ угрозъ, напала она на нить, долженствовавшую служить ей путеводителемъ въ мрачномъ лабиринтѣ ея замысловъ, которыхъ она рѣшилась не ввѣрять даже своей милой г-жѣ Азьѐ.

Возвратясь домой, она приказала отказывать всѣмъ, заперлась въ своей уборной вмѣстѣ съ горничною, и черезъ два часа явилась въ гостиную, гдѣ г-жа Азьѐ ожидала ее вмѣстѣ съ Юліемъ.

Удивленіе ихъ было невыразимо; никогда нарядъ болѣе кокетливый не возвышалъ до такой степени красоту г-жи де-Моранси. Въ тридцать-восемь лѣтъ (только одна г-жа Шамбель имѣла право давать ей сорокъ-пять лѣтъ) графиня была еще очень-хороша собою; а теперь казалась восхитительной, свѣжей, почти молодой. Она быстро прошла чрезъ гостиную, и не отвѣчая на вопросы слѣдовавшихъ за нею съ удивленіемъ, сошла съ лѣстницы, сѣла въ карету, и сказала кучеру:

— Къ герцогу В.....

XVII.

Да позволено намъ будетъ не разсказывать въ подробности визита, сдѣланнаго г-жею де-Моранси герцогу В..... Мы сообщимъ только результатъ этого посѣщенія. Въ этой исторіи старались мы представить очеркъ нѣсколькихъ характеровъ, дѣйствительно-существовавшихъ, и не имѣли намѣренія приводить сцены, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ извѣстномъ романѣ: «Опасныя Связи» (*Les Liaisons Dangereuses*); цѣль, которую мы предположили себѣ, не требуетъ этого, и потому, пропустивъ нѣсколько дней, перенесемъ мѣсто дѣйствія въ домъ г-жи Шамбель.

Разрывъ Шамбеля съ г-жею де-Моранси не былъ подверженъ никакому сомнѣнію, и не смотря на это, безпокойство его съ каждымъ днемъ становилось замѣтнѣе; онъ старался сблизиться съ Маргаритой, но видя, что всѣ усилія были напрасны, грустилъ и

отчаявался. Что касается до Изоры, она продолжала приписывать эту грусть причинѣ, о которой мы уже упоминали, и, не желая оставлять долѣе всей ея тяжести на долю мужа, рѣшилась наконецъ приступить къ объясненію.

— Пьерръ! сказала она ему однажды: — если какіе-нибудь неблагонамѣренные люди стараются вредить тебѣ въ мнѣніи господина-Нортона и лишить выгодъ, доставляемыхъ тебѣ его покровительствомъ, то не надобно слишкомъ этимъ огорчаться. Состояніе мое, которое вмѣстѣ и твое, позволитъ намъ всегда жить прилично, а если намъ и прійдется отказаться нѣсколько отъ той роскоши, къ которой мы привыкли, благодаря твоей неутомимой дѣятельности по редакціи значительнаго журнала, — въ этомъ нѣтъ еще большой бѣды. Только тотъ силенъ, кто не имѣетъ ни въ комъ надобности. Если же найдутся люди, которые станутъ говорить, что ты остановился на своемъ литературномъ поприщѣ, докажи имъ противное, подаривъ свѣту сочиненія лучше-обдуманныя и болѣе-долговѣчныя, чѣмъ та ежедневная полемика, въ которой притупляются умы самые возвышенные.

На это Шамбель отвѣчалъ, что Изора безпокоилась напрасно, что никогда отношенія его къ г-ну Нортону не были лучше теперешнихъ, и что если онъ казался грустнымъ и печальнымъ, такъ это отъ его болѣзненнаго состоянія и отъ увѣренности, что здоровье его было сильно разстроено.

Отвѣтъ Шамбеля огорчилъ Изору. Между грустію, которая дѣлаетъ насъ больными, и болѣзнію, которая дѣлаетъ грустными, такая большая разница, что Изора не могла ошибиться. «Не-ужь-ли онъ такъ искренно любилъ эту женщину, что разрывъ съ нею можетъ сильно огорчать его?» думала она. «Онъ всегда разсѣянъ, всегда задумчивъ, даже и тогда, когда говоритъ со мною; не-уже-ли сердце его осталось съ нею?» Въ-самомъ-дѣлѣ, права супруги были удовлетворены, но сердце ея не получило ничего. Пьерръ не оскорблялъ ея болѣе, но любовь его осталась у той женщины, которую онъ покинулъ. Часто бываетъ, что мы жалѣемъ, зачѣмъ не существуютъ тѣ вины и проступки, которые оставляли намъ, по-крайней-мѣрѣ, какую-нибудь надежду... Недѣлю назадъ, Изора была только обманываема, теперь же начинала чувствовать, что не была уже любима. Къ-тому же, знала ли она какимъ образомъ послѣдовалъ этотъ разрывъ? Не былъ ли онъ слѣдствіемъ убѣжденій аббата Фортена и совѣтовъ аббата Нортона? Не уступалъ ли въ этомъ случаѣ Шамбель болѣе чужому вліянію, чѣмъ собственнымъ своимъ чувствамъ?

Всѣ эти размышленія разрушали радость, которую доставляло Изорѣ торжество ея, и тихая грусть заступила мѣсто тѣхъ криковъ

и ссоръ, которыхъ домъ Шамбеля еще такъ недавно былъ театромъ.

Однажды, вечеромъ, Изора, оставшись одна после обѣда, ушла къ себѣ въ комнату въ самомъ грустномъ расположеніи духа; она спрашивала у самой-себя, не было ли счастіе, какъ и честь, убѣжищемъ, въ которое нельзя ужь возвратиться, если хоть разъ покинешь его? Въ-самомъ-дѣлѣ, разсудокъ и покорность судьбѣ могутъ поддерживать нашу твердость; но сердце, лишенное однажды вѣры, не можетъ уже возвратиться къ ней, и счастіе дѣлается мечтою! Преданная этимъ грустнымъ мыслямъ, Изора сидѣла молча и невольно переносилась къ прошедшему, когда ей доложили объ аббатѣ Фортенѣ. Она обрадовалась этому гостю, какъ послѣдней надеждѣ; но видъ аббата разрушилъ эту радость: онъ былъ мраченъ, и лицо его выражало какую-то строгость, которая не была отличительною чертою его характера. Когда онъ вошелъ, Изора сказала ему тономъ, въ которомъ выражалась глубокая грусть:

— Вы дали мнѣ слово прійдти... Благодарю васъ, какъ за ваши посѣщенія, такъ и за добрые совѣты, которые вы мнѣ подали.

—Судя по тому, что̀ я вижу, они, кажется, принесли горькіе плоды.

— Нѣтъ, г. аббатъ, отвѣчала Изора: — я не имѣю уже никакой причины жаловаться; разсудокъ побѣдилъ заблужденіе; каждый обратился къ своимъ обязанностямъ, и мнѣ остается только надѣяться... если надежда можетъ еще быть моимъ удѣломъ.

Эта грусть, полная смиренія, удивила аббата; онъ спросилъ:

— Отъ-чего же вы такъ грустны послѣ такой побѣды?

Съ минуту Изора какъ-будто колебалась отвѣчать, однакожь, рѣшилась наконецъ ввѣрить аббату страданія души своей и сказала:

— Не-уже-ли сердце его осталось у этой женщины? А если оно осталось не съ нею, то гдѣ же оно? Ко мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, оно не возвратилось.

— Какъ, вы не подозрѣваете? воскликнулъ аббатъ съ удивленіемъ.

Она вскочила, и въ глазахъ ея зажегся лучъ той пылкости, которую аббату Фортену было такъ трудно умѣрить за нѣсколько дней предъ тѣмъ.

— Мнѣ подозрѣвать его? Такъ это правда? воскликнула она. — Опять обманута! Боже мой, Боже мой! Это невозможно; говорите, г. аббатъ, говорите!..

Аббатъ задумался, и послѣ минутнаго молчанія сказалъ:

— Пора истинѣ явиться во всемъ своемъ свѣтѣ, и можетъ-быть, лучше будетъ, если вы узнаете ее отъ меня, чѣмъ отъ кого-нибудь

другаго, или случайно. Къ-тому же, въ свою очередь, мнѣ нужно объясненіе, но объясненіе чистосердечное; я ожидаю его отъ васъ.

— Я не умѣю лгать, г. аббатъ; изъ всѣхъ пороковъ—ложь для меня порокъ самый ужасный, самый презрѣнный.

—И такъ, отвѣчайте мнѣ откровенно. — Сдержали ли вы слово, данное вами мнѣ?

— Сдержала; ни малѣйшая жалоба, ни малѣйшій упрекъ не вырвался изъ устъ моихъ.

— Это еще не все, замѣтилъ Фортенъ.

Изора взглянула на него быстро, какъ-будто хотѣла угадать, что̀ онъ хотѣлъ сказать.

Фортенъ продолжалъ, наблюдая за Изорой:

— Вспомните, что была одна тайна, о которой вы обѣщали мнѣ молчать.

—И я исполнила свое обѣщаніе, г. аббатъ, отвѣчала г-жа Шамбель, обиженная сомнѣніемъ Фортена:—но еслибъ я даже не обѣщала вамъ хранить этой тайны, то и тогда не предала бы постороннему любопытству изліяній сердца, которое хотѣло ввѣрить ихъ вамъ одному; если вы не уважаете меня столько, чтобъ могли вѣрить моей скромности, то должны согласиться, что собственная моя польза не позволяла мнѣ назвать подобной соперницы.

— Извините; во всемъ этомъ есть что-то необыкновенное; я долженъ, однакожь, узнать все, чтобъ убѣдиться, дѣйствительно ли тотъ, кого я подозрѣваю, виновенъ. — Письмо Маргариты было отдано вамъ запечатанное?

—Точно такъ, г. аббатъ.

— И съ той минуты, въ которую оно было вручено вамъ, до той, когда вы отдали мнѣ его у г. Нортона...

— Оно было у меня...

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Клянусь въ томъ честью.

— И, не смотря на то, г. Шамбелю извѣстно содержаніе этого письма.

Изора вскрикнула, вскочила, бросилась къ своему коммоду, открыла ящики, перебрала всѣ бумаги, но не нашла копіи, списанной ею.

— Несчастный! воскликнула она.—Унизиться до такой степени! О! какая подлость!

—Что это значитъ? спросилъ г. Фортенъ, слѣдя за всѣми ея движеніями.

—Что̀ могу я сказать вамъ? Конечно, я виновата, но клянусь, совершенно забыла обо всемъ. Въ ночь, предшествовавшую тому дню, когда я отдала вамъ письмо, я списала съ него, не знаю сама

для чего, копію... Копія эта украдена у меня, да, украдена—украдена Шамбелемъ, который, конечно, хвастался страстью Маргариты передъ своею любовницею... передъ всѣми!..

Аббатъ Фортенъ грустно опустилъ голову, и въ этомъ движеніи Изора читала приговоръ свой.

—Но клянусь вамъ, г. аббатъ, сказала она:—я совершенно забыла объ этой копіи, клянусь...

— Вѣрю; но несчастіе тѣмъ не менѣе ужасно...

— Что же такое случилось?

—Зачѣмъ вамъ знать! того, что̀ случилось, поправить ужъ нельзя...

— Нельзя!.. Почему?.. кому угрожаетъ это несчастіе—мнѣ, г. Шамбелю, или Маргаритѣ?.. О, говорите, ради Бога, говорите!..

Вошедшій лакей прервалъ вопросы Изоры и подалъ ей письмо; она содрогнулась, узнавъ по адре́су почеркъ графини де-Моранси, сорвала дрожащею рукою печать и съ смертною блѣдностью на лицѣ прочла слѣдующія строки:

«Такъ-какъ г-жа Шамбель забавляется составленіемъ коллекціи краденыхъ писемъ, то ей полагаютъ сдѣлать удовольствіе доставленіемъ прилагаемаго письма».

Тутъ было знаменитое письмо Шамбеля къ Маргаритѣ, начинавшееся извѣстными словами:

«Вы любите меня, Маргарита» и проч.

Изора прочла до конца письмо, дрожа всѣмъ тѣломъ и заливаясь слезами; потомъ передала его аббату Фортену.

—Если я сдѣлала ошибку, то наказана за нее слишкомъ жестоко, и, думаю, теперь никто уже не имѣетъ права требовать отъ меня какой-нибудь жертвы... О! теперь горе всѣмъ, горе этой женщинѣ, горе ему! Гибель, которую я предсказываю ему, ожидаетъ его—и будетъ достойнымъ ему наказаніемъ... Боже! воскликнула она, сжавъ судорожно руки: — если Ты правосуденъ, проклятіе твое обрушится на главу его!...

— И такъ, вы призываете проклятіе на главу своего мужа за проступокъ, котораго, можетъ-быть, сами были первою причиной... Будучи сами виновны, вы проклинаете:—что̀ же должны сдѣлать тѣ, которые страдаютъ болѣе васъ, хотя ни въ чемъ невиноваты?..

— Вы говорите, что я была первою причиною всего этого? воскликнула Изора съ запальчивостью.—Не потому ли, что я завладѣла письмомъ Маргариты? Но еслибъ г. Шамбель не подалъ мнѣ справедливаго повода подозрѣвать его, я никогда не обратила бы вниманія на переписку этой дѣвушки и ничего случившагося не было бы.

— Но Маргарита была невинна, и вы напрасно подозрѣвали ее! сказалъ аббатъ Фортенъ.

— Я напрасно подозрѣвала ее въ любви къ Шамбелю? возразила Изора:—а еслибъ она была такъ добродѣтельна и невинна, какъ вы увѣряете, то онъ конечно не осмѣлился бы писать къ ней.

При этихъ словахъ, сказанныхъ съ выраженіемъ величайшаго презрѣнія, аббатъ Фортенъ всталъ и въ свою очередь сказалъ съ жаромъ:

— Да, невинна какъ ангелъ, невинна предъ Богомъ, который проститъ ей любовь ея и наградитъ за всѣ страданія, ее ожидающія... Да, сударыня, эта дѣвушка, о которой вы отзываетесь съ такимъ презрѣніемъ,—при всей чистотѣ своей и непорочности погибла невозвратно: нищета и одиночество будутъ теперь ея удѣломъ!

— Что говорите вы? воскликнула Изора: — вы сказали, что она погибла....

— Да, погибла, потому-что у ней нѣтъ теперь ни убѣжища, ни друзей; у нея остался только я одинъ... но что̀ могу я сдѣлать?

— Ради Бога, скажите, что̀ же случилось? воскликнула Изора съ участіемъ.—Не могу ли я поправить зла, которое сдѣлала?—О, простите меня, простите! Я такъ страдаю...

— Я самъ не постигаю, ка̀къ все это сдѣлалось, и подозрѣвая, кто дѣйствовалъ во всемъ этомъ такъ ужасно, удивляюсь, какимъ-образомъ герцогъ В*** могъ тутъ вмѣшаться...

— Я не понимаю васъ; вы говорите о герцогѣ В***; но это тотъ самый, въ домъ котораго Маргарита должна была вступить гувернантой?

— Да, сударыня, и нынѣшній день былъ назначенъ для вступленія Маргариты; г. Нортонъ самъ ѣздилъ въ монастырь *** сказать ей, что ее ожидаютъ у герцога... Маргарита отправилась туда въ сопровожденіи одной монахини... О, нѣтъ, г. Нортонъ не зналъ ничего! Не смотря на всю свою суровость, на безчувственность къ горестямъ бѣдной дѣвушки, онъ, конечно, не захотѣлъ бы купить такою цѣною право лишить ее своего покровительства и выгнать ее отъ себя...

— Что? воскликнула Изора.—Г. Нортонъ выгналъ отъ себя Маргариту?

— Да, послѣ того, какъ герцогъ В*** прогналъ ее изъ дома...

— Но что жь она сдѣлала, несчастная?...

— Ничего; она написала только мнѣ письмо, которымъ вы завладѣли и которое мужъ вашъ похитилъ у васъ. Узнавъ тайну Маргариты, онъ въ свою очередь писалъ къ ней, и письмо его, полученное вами сію минуту при такой дерзкой запискѣ, было уже въ рукахъ герцога В***. Это письмо, въ которомъ г. Шамбель, основываясь на любви къ нему Маргариты, предлагаетъ ей продолжать переписку въ домѣ, куда она должна вступить, дало право герцогу В** ска-

зать ей въ глаза, что онъ не можетъ принять къ себѣ молодую дѣвушку, находящуюся въ любовной связи съ женатымъ человѣкомъ. Та самая женщина, которая прислала вамъ это письмо, конечно, показывала его также и герцогу В***, для того, чтобъ погубить Маргариту. На такое мщеніе способна только одна соперница, и вы ее знаете... Но г. Нортонъ, конечно, ни въ чемъ тутъ невиноватъ, и вѣрно не зналъ ничего.

— Но и онъ также отвергнулъ Маргариту? онъ прогналъ ее отъ себя?

— Да, сударыня, онъ объявилъ ей, что отказывается отъ нея навсегда, что не хочетъ знать ее. Несчастная дѣвушка, не имѣя ни пристанища, ни знакомыхъ, пришла ко мнѣ; я бѣденъ, у меня нѣтъ средствъ содержать ее, но я открою ей входъ въ убѣжище мира и тишины, введу ее въ обитель Бога, гдѣ она, далеко отъ свѣта и его волненій, забудетъ, можетъ-быть, свои страданія... Однако, чтобъ выѣхать изъ Парижа и вступить въ монастырь, надобно имѣть по-крайней-мѣрѣ хоть нѣсколько сотъ франковъ, а у меня ихъ нѣтъ, и я пришелъ къ вамъ, сударыня, просить васъ ссудить меня ими на короткое время.

Крупныя слезы катились по щекамъ Изоры; сердце ея сжалось, но на лицѣ не было уже замѣтно ни отчаянія, ни гнѣва.

— Когда намѣрены вы оставить Парижъ, г. аббатъ? спросила она послѣ минутнаго молчанія твердымъ голосомъ.

— Когда мнѣ будетъ это возможно, отвѣчалъ аббатъ.

— Завтра... или не будетъ ли это слишкомъ скоро для васъ?

— Я уѣхалъ бы сегодня; впрочемъ, готовъ дожидаться до завтра, если вамъ угодно.

— И такъ, г. аббатъ, вы и Маргарита можете отправиться завтра въ 12 часовъ: все будетъ готово къ вашему отъѣзду; я принимаю все на себя, и прошу васъ помедлить потому только, что это необходимо для тѣхъ распоряженій, которыя я должна сдѣлать.

Аббатъ, не понявъ смысла послѣднихъ словъ, отвѣчалъ съ скромностью:

—Для насъ не нужно большихъ приготовленій, сударыня.

—Хорошо, г. аббатъ, хорошо. Я сдѣлаю все, что нужно. И такъ, до завтра!

Фортенъ удалился. Изора осталась одна.

Читатели, конечно, догадались, какимъ образомъ г-жа де-Моранси совершила свое мщеніе. Г. Нортонъ, какъ эгоистъ, какъ человѣкъ, любившій только самого-себя, воспользовался случаемъ, чтобъ избавиться отъ Маргариты; но онъ не могъ простить графинѣ того, что она компрометтировала его въ глазахъ герцога В***, и въ свою очередь

рѣшился отмстить ей: на слѣдующій день нумеръ его журнала начинался слѣдующими словами:

«Съ нынѣшняго дня, главная редакція этого журнала поручена «г. Шамбелю, который заступаетъ мѣсто прежняго редактора, графа «де-Моранси.»

Вѣроятно, мщеніе было угадано графинею де-Моранси, которая умѣла внушить герцогу В***, что человѣкъ его сана не долженъ былъ допускать другихъ распоряжаться произвольно въ дѣлѣ партіи, которой онъ былъ представителемъ; какъ-бы то ни было, но на другой день почти во всѣхъ журналахъ появилось слѣдующее объявленіе:

«По разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ графъ де-Мо«ранси отказался отъ участія въ журналѣ, котораго такъ долго былъ «главнымъ редакторомъ, и приступаетъ чрезъ нѣсколько дней къ из«данію другаго журнала, назначеннаго исключительно для поддер«жанія правъ законной монархіи.»

Въ тотъ самый день, когда весь Парижъ былъ занятъ этою важною политическою новостью, почтовая карета остановилась у воротъ дома, въ которомъ жилъ г. Фортенъ; аббатъ вмѣстѣ съ Маргаритой поспѣшилъ собраться и чрезвычайно удивился, увидѣвъ въ каретѣ г-жу Шамбель.

— Вы здѣсь, сударыня? воскликнулъ онъ съ изумленіемъ.

— Я ѣду съ вами; г. аббатъ; будьте мнѣ другомъ, а Маргарита будетъ моею дочерью...

Часъ спустя, всѣ трое были уже далеко отъ Парижа, а теперь почти никто не вспоминаетъ, что у г. Шамбеля есть въ провинціи жена, которая не могла пріучиться къ обычаямъ общества, столь снисходительнаго къ пороку и столь строгаго къ несчастію!

---

* * * *

—

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужь догарали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался,
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю,
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И между-тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

М. Лермонтовъ.

* * *

Сидѣла мать у колыбели;
Дитя спало, но въ странномъ снѣ:
Его уста ужъ не алѣли;
А будто улыбались мнѣ.
Свѣча бросала отблескъ блѣдный,
Ребенокъ блѣденъ былъ лицомъ.
Я думалъ: спи, малютка бѣдный,
Пока ты съ горемъ незнакомъ.

Прійдетъ пора — и вспыхнутъ страсти,
Въ сомнѣньяхъ истомится умъ,
И станетъ рваться грудь на части,
И лобъ наморщится отъ думъ;
И, можетъ-быть, среди обмана
Надеждъ напрасныхъ и суетъ,
Ты пожалѣешь слишкомъ-рано
О томъ, что былъ рожденъ на свѣтъ.

И я на мать взглянулъ уныло, —
Увидѣлъ слезы на глазахъ,
Лицо ея такъ грустно было,
Такъ много скорби на устахъ.
Я подошелъ: передо мною
Лежало мертвое дитя,
А мать качала головою —
И въ холодъ бросило меня...

Н. ОГАРЕВЪ.

НЕАПОЛЬ.

—

1.

Въ часъ полуденный, на склонѣ
Раскаленныхъ береговъ,
Дремлетъ смуглый Lazzarone,
Врагъ заботы и трудовъ.
Въ шапкѣ красной на бекрень,
Грудь широко распахнувъ —
И отъ зноя, и отъ лѣни
Разметался онъ, заснувъ.
Брови черныя нависли,
Пышетъ жаръ отъ желтыхъ щекъ,
Руки жилистыя свисли
На разсыпчатый песокъ.
Нищъ и босъ, и грёзъ не зная,
Вѣкъ безпеченъ онъ лежитъ,
И надъ соннымъ пролетая
Чайка сѣрая кричитъ.
Съ неба лучъ палитъ и блещетъ,
И, на скатъ береговой
Набѣгая, море плещетъ
Вѣчно-шумною волной.
Strada nuova, садъ и Chiaia.
И Везувій — думы полнъ —
Растянулись, облегая
Ширь серебряную волнъ.
Съ лона водъ въ нѣмомъ покоѣ
Капри синій тихо всталъ...
Ясно небо голубое,
Жарокъ воздухъ, звученъ валъ:
Хорошо, мой Lazzarone,
Спать, не вѣдая трудовъ,
Въ зной полуденный на склонѣ
Итальянскихъ береговъ!

2.

За утесами Puzziole
Солнце клонится свѣтло
И лучи свои оттолѣ
Въ небѣ синемъ разнесло.

Западъ красный жарко пышетъ;
Чистъ широкій небосклонъ;
Теплый воздухъ робко дышетъ;
Пахнетъ роза и лимонъ.
Въ блескѣ позднемъ длинной лентой
Сквозь туманъ прозрачный — мнѣ
Виденъ берегъ, гдѣ Sorrento
Дремлетъ въ свѣтлой тишинѣ.
По лиловому играетъ
Морю золото лучей,
Море тихо гладь вздымаетъ
Переливчатыхъ зыбей.
Взоры тонутъ въ отдаленьи,
Внемлетъ слухъ волнѣ морской
И послѣднему движенью
Опустѣлой мостовой.
Челнъ качается лѣниво
У прибережья забытъ...
Вечеръ пышный молчаливо
Въ нѣгѣ гаснетъ и горитъ.

3.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

4.

Въ мглѣ вечерней дремлетъ Chiaia,
И расходится народъ;
Итальянка молодая
Одинокая идётъ;
Станъ роскошный стройно-тонокъ,
Грудь высокая пышна,
А давно ль была ребёнокъ
Беззаботная она?
Нынче жь страсть во взорахъ яркихъ,
Щеки смуглыя горятъ
И уста лобзаній жаркихъ,
Можетъ-быть, уже хотятъ.
Ужь не спросту завитъ смѣло
Локонъ черный по вискамъ,
И съ косы платочекъ бѣлый
Спущенъ въ складкахъ по плечамъ.
Длиннымъ платьемъ чуть прикрыта
Пара маленькая ногъ
И легко стучитъ о плиты

Деревянный башмачокъ.
Вотъ она стопой спущённой
Робко входитъ въ тусклый храмъ,
Помолилась предъ Мадонной,
Поклонилась образамъ;
Тихо стала у рѣшотки,
За которой въ мглѣ сидитъ —
Разбирая молча четки —
Престарѣлый кармелитъ.
«Padre santo! я не знаю
«Прегрѣшенья за собой,
«Но я стражду и сгараю
«Безотходною тоской.
«Кровь какъ пламень льется въ тѣлѣ,
«День несносенъ, ночь длинна;
«Я не знаю на постелѣ
«Освѣжающаго сна.
«Сердце проситъ все чего-то,
«И о чемъ-то я грущу,
«И во тмѣ ночной кого-то
«Тщетно, страстно я ищу.»
— Часто ль ты творишь молитву?
«Я молюсь, отецъ святой.»
— Зналъ, дитя, я эту битву,
Тоже молодъ былъ, другъ мой;
Также кровь огнемъ горѣла,
Я ловилъ мечту и тѣнь,
И покоя не имѣла
Грудь моя ни ночь, ни день.
Но я сталъ поститься строго,
И постриженъ и разутъ —
Отдалъ я на службу Бога
Каждый мигъ и каждый трудъ.
«Что жь мнѣ дѣлать?» — Сдѣлай то же:
Монастырь пріютъ святой;
Да пошлетъ тебѣ въ немъ Боже
Силу, святость и покой. —
. . . .
. . . .
Но предъ дѣвой у порога
Итальянецъ молодой:
Оба вздрогнули и стали.
Ужь скорѣй бы ей бѣжать!
Вѣдь о ней теперь едва-ли
Не встревожилася мать...
Тьмою улицы покрыты,
Слышенъ шагъ двухъ крѣпкихъ ногъ —
И за нимъ стучитъ о плиты
Деревянный башмачокъ.

5.

Надъ Везувіемъ восходитъ
И спокойна и пышна
И на море блескъ наводитъ
Лучезарная луна.
По лазури неба тёмной
Звѣзды ярко зажжены,
Тихо дышетъ въ нѣгѣ томной
Ночь полуденной страны.
Тихъ Везувій. Груды лавы
Вкругъ себя онъ набросалъ
И, дымяся величаво,
Середь ночи задремалъ.
Я смотрю съ Villa reale
Вдаль по искристымъ водамъ,
Тѣни дымкой легкой пали
По далекимъ берегамъ;
Море въ сладкомъ усыпленьи
Звучно зыблетъ лоно водъ
И въ туманномъ отдаленьи
Смутно Капри предстаётъ;
Въ думѣ мрачной и суровой,
Какъ преступникъ въ часъ ночной,
Одинокъ Castel del ovo,
Омываемый волной.
Спитъ Неаполь, нѣгой свѣта
Лунной ночи озарёнъ;
Я гляжу и мнѣ все это,
Предстаетъ какъ пышный сонъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

СЕНЯ.

Знаю, что правду пишу и именъ не значу;
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.
Князь Антіохъ Кантемиръ.

—

ГЛАВА I.

О музыкальномъ вечерѣ у Гнѣдопѣгаго Моста.

Хвастливаго отъ богатаго не распознаешь.
Народная поговорка.

Когда-то, при началѣ весны, часу въ шестомъ вечера, шелъ я по Невскому-Проспекту. Въ магазинахъ начали зажигать лампы.

— Что вы ко мнѣ никогда? сказалъ Макаръ Ивановичъ, одною рукою останавливая меня, а другою вѣжливо приподнимая свою шляпу.

— Виноватъ, Макаръ Ивановичъ, непремѣнно постараюсь быть.

— Третій годъ это вы мнѣ говорите!

— Вашу квартиру отъискать такъ трудно, а у меня мало времени...

— Помилуйте! Я имѣю, благодаря его превосходительству Александру Петровичу, казенную квартиру, въ Каменномъ Департаментѣ. Знаете, большой домъ недалеко отъ Гнѣдопѣгаго Моста?

— А! очень радъ...

— Вотъ видите, рады, а ко мнѣ никогда...

— Посмотрите, Макаръ Ивановичъ, какой страшный левъ.

Мы стояли у шляпнаго магазина Симиса. Многіе, можетъ-быть, видѣли на оконномъ стеклѣ этого магазина нарисованнаго льва, но видѣли его днемъ и пропустили безъ вниманія. Неугодно ли посмотрѣть этого льва, какъ зажгутъ лампы: онъ преображается въ какую-то саламандру *златоогненнаго* цвѣта; его зѣвъ, кажется, готовъ сію минуту раствориться и скусить голову первому прохожему. Его глаза сверкаютъ адскимъ, зеленоватымъ пламенемъ, такъ дико, такъ свирѣпо... Подите, сами посмотрите эту вывѣску — если не боитесь страшныхъ сновъ.

— На то звѣрь, отвѣчалъ Макаръ Ивановичъ: — сердито нарисованъ; должно быть, Брюловъ сдѣлалъ.

— Съ чего вы это взяли?

— Помилуйте, вы видѣли Помпею?

— Видалъ.

— Славная штука?

— Да.

— Припомните хорошенько: тамъ есть этакая подобная фигурка вся въ огнѣ.

— Да вы знатокъ въ живописи!

— Не то, чтобъ знатокъ, а люблю, признаться. Вотъ вы никогда у меня не бываете, я бы вамъ показалъ свои картинки и угостилъ бы васъ музыкою... Пріѣзжайте: у меня по субботамъ вечера.

— Вы кутите, Макаръ Ивановичъ!

— Нельзя-съ, надобно жить. Въ то время, когда вы служили въ нашемъ департаментѣ, я былъ просто чиновникъ на первомъ окладѣ, а теперь, благодаря Бога и его превосходительство Александра Петровича, въ три года шагнулъ хорошо, получилъ штатное мѣсто и казенную квартиру, — надобно жить соотвѣтственно должности и мѣсту. Вотъ видите...

— Вижу. До свиданія, Макаръ Ивановичъ!

— До свиданія. Не забудьте же: у Гнѣдопѣгаго Моста, спросите помощника архиваріуса.

— Хорошо, не забуду.

Пройдя шаговъ десять, Макаръ Ивановичъ торопливо вернулся и проговорилъ мнѣ:—Вамъ скажутъ: «дверь въ углу двора», а двери не видно. Видите: во дворѣ сложены дрова, но это ничего, идите за дрова, проходъ есть, да по лѣстницѣ придерживайтесь правой стороны, на лѣво стоятъ кадки и ведра, жена экзекутора тамъ ихъ ставитъ. Не забудьте этого... и, поклонясь, Макаръ Ивановичъ пустился по Невскому, среднимъ шагомъ между иноходью и рысцой.

Макаръ Ивановичъ былъ человѣчекъ небольшаго роста, полненькій, на коротенькихъ ножкахъ, съ круглою головою и большими глазами; вообще онъ былъ очень похожъ на сѣраго попугая въ форменномъ фракѣ и круглой шляпѣ, — даже любилъ часто повторять людскія рѣчи, не вникая въ ихъ смыслъ, любилъ перенимать обычаи и привычки, не разбирая, хороши ли они, и, при всемъ этомъ былъ весьма невиненъ въ современномъ просвѣщеніи.

Кто служитъ въ штатской службѣ, тотъ легко со мною согласится, что въ департаментахъ иногда бываютъ минуты невыносимой скуки. Не только мелкіе чиновники, но даже посѣдѣлые ветераны, которые такъ убѣдительно и такъ искусно толкуютъ о ревности, обязанности, долгѣ, пріятности и т. п.,—и тѣ длинно, длинно зѣваютъ надъ отношеніями и сообщеніями. Причину этого найдти такъ же трудно, какъ и причину дурной погоды: то и другое *бываетъ*, и

только. Судьба любитъ людей и потому въ департаменты напускала Макаровъ Ивановичей; эти люди своею невинностію и вмѣстѣ своими претензіями на что-то услаждаютъ скуку департаментовъ. Скука когда-то свела меня съ моимъ Макаромъ Ивановичемъ. И вотъ уже постоянно нѣсколько лѣтъ онъ останавливаетъ меня на улицѣ и спрашиваетъ: «что̀ вы ко мнѣ никогда?»

На бѣломъ свѣтѣ, какъ и въ департаментахъ, бываютъ иногда для человѣка скучныя минуты, да такія скучныя, что не знаешь куда дѣвать себя. Въ этомъ, надѣюсь, согласятся со мною всѣ живущіе... За что ни возмешься—все изъ рукъ валится, все не ладится...Кузьма Васильевичъ, влюбленный по уши въ Эккартсгаузена, приписываетъ это состояніе душѣ человѣка, которая растосковалась по своей отчизнѣ. Василій Кузьмичъ, ревностный почитатель доктора Бруссе, говоритъ, что Кузьма Васильевичъ вретъ, и что скука происходитъ отъ неправильнаго разложенія соковъ,основаннаго на бо̀льшей или меньшей раздражимости перепонѐкъ, а Кузьма Кузьмичъ, изучившій въ тонкости систему Галля, разсказываетъ, что въ это время на мозгу человѣка начинаетъ образовываться шишка скуки, и что, какъ его тёзка, равно и Василій Кузьмичъ, не правы. Послѣдняя теорія и мнѣ какъ-то больше нравится: она, изволите видѣть, проще, осязательнѣе, по ней повѣрка легче; хватилъ себя за голову, нашелъ шишку и дѣло въ шляпѣ, — и знаешь причину чего бы то ни было.

И такъ, по теоріи Кузьмы Кузьмича, у меня росла шишка скуки, просто сказать, мнѣ было очень скучно, и я, во время встрѣчи съ Макаромъ Ивановичемъ, ходилъ по Невскому Проспекту, не зная ка̀къ убить время, смотрѣлъ на фонари, освѣщенные газомъ, смотрѣлъ на вывѣски, толкалъ проходящихъ и былъ *сугубо толкаемъ оными*. Нѣтъ, не беретъ; скучно! Зашелъ въ кандитерскую: тамъ несносно свѣтло, пахнетъ шоколадомъ, и какой-то старичокъ жадно глотаетъ его, будто отъ роду въ первый разъ попробовалъ. На столахъ лежатъ скучныя газеты; мальчики въ зеленыхъ курткахъ безсмысленно улыбаются; краснощекій провинціалъ,зѣвая надъ какимъ-то журналомъ прошлаго года, невинно спрашиваетъ: «Когда же выйдетъ декабрьская книжка?» Это уже верхъ скуки... Я выбѣжалъ изъ кандитерской. На башнѣ городской думы ударило 6 часовъ...Сколько еще впереди времени, подумалъ я, куда мнѣ дѣваться? Ба! сегодня суббота; ѣду къ Макару Ивановичу. Въ Петербургѣ пути сообщенія чрезвычайно упрощены и усовершенствованы; отъ-того, безъ всякихъ особенныхъ приключеній, я черезъ четверть часа былъ уже въ квартирѣ Макара Ивановича.

Въ передней Макара Ивановича, меня поразили два предмета: освѣщеніе и самъ Макаръ Ивановичъ. Для освѣщенія поставлена была на окно помадная банка, налитая ламповымъ масломъ; на поверх-

ности масла, какъ лодочка, плавалъ зажженый фитилёкъ, прикрѣпленный къ поплавку изъ пробочнаго дерева. Свѣтъ этого хитраго прибора не подходилъ ни къ какому извѣстному освѣщенію. Это было что-то среднее между блескомъ звѣздъ и жучка-свѣтляка. Человѣкъ, неимѣющій гривны на покупку свѣчи, не станетъ дѣлать вечеровъ. Кто не жалѣетъ денегъ дѣлать вечера, вѣрно не пожалѣетъ купить въ переднюю свѣчку. — Изъ этого заключенія легко убѣдиться, что фантастическое освѣщеніе передней было просто маленькая странность штатнаго чиновника Макара Ивановича, который, при мерцаніи помадной баньки, какъ привидѣніе предсталъ глазамъ моимъ; онъ былъ въ галошахъ, въ шинели и даже въ шляпѣ.

— А! это вы? закричалъ онъ мнѣ на встрѣчу.—Очень радъ.

— Да, Макаръ Ивановичъ; я, разставшись съ вами, вспомнилъ, что сегодня суббота, вашъ день, и рѣшился побывать у васъ, не откладывая въ даль.

— Покорнѣйше благодарю! Вотъ что называется утѣшили! Прошу пожаловать.

— А вы куда?

— Я въ театръ.

— Въ театръ?!

— Извините; и не радъ, да ѣду; играютъ Нѣмцы какую-то комедію; я, вы знаете, и афишки по-ихнему не прочитаю.

— Кто же васъ неволитъ?

— Билетъ есть, нельзя! Поѣзжай, Макаръ Ивановичъ!

— Я васъ не понимаю; вамъ и ѣхать не хочется, и по-нѣмецки вы не знаете, а взяли билетъ и ѣдете.

— Нельзя! Вотъ видите: сегодня мнѣ подарилъ этотъ билетъ начальникъ отдѣленія. «Мнѣ, говоритъ, ѣхать некогда, а деньги за билетъ заплачены, все равно пропадутъ.» Я уже дома разсмотрѣлъ, что пьеса будетъ нѣмецкая, а дѣлать нечего, неравно обидится; надобно сходить.—До свиданія!

— И я съ вами пойду до улицы.

— Помилуйте! въ три года собрались разъ побывать у меня, да и не посидите!..

— Что же я у васъ стану дѣлать?

— Милости прошу, пожалуйте въ гостиную, не соскучитесь; тамъ у меня уже есть три гостя; они сейчасъ только пришли; прошу *до компаніи*. Я тамъ оставилъ на столѣ бутылку мадеры и сейчасъ къ вамъ явится музыка... Мое почтеніе! Боюсь опоздать....

Предложеніе Макара Ивановича было такъ оригинально, такъ нелѣпо, что я рѣшился сдѣлать ему удовольствіе, просидѣть часъ-другой съ его гостями.

Въ такъ-называемой гостиной были три человѣка, одинъ въ очкахъ,

котораго называли Семенъ Ивановичъ, другой, маленькій, горбатый чиновникъ, въ бѣломъ галстукѣ, а третій чиновникъ съ табакеркою.

Семенъ Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ, протянувъ во всю его длину свои ноги, обутыя въ сапоги съ острыми носками. Чиновникъ съ табакеркою раскрылъ табакерку и, омочивъ палецъ въ мадеру, съ большимъ усиліемъ стряхивалъ съ него вино въ табакъ, а горбунокъ въ бѣломъ галстукѣ стоялъ среди комнаты, ноги врозь, лѣвая рука въ карманѣ, а правая держала рюмку мадеры.

— Чтó, какова погода? спросилъ меня чиновникъ съ табакеркою такъ важно, съ такимъ участіемъ, будто онъ цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ комнаты и будто съ минуты на минуту ожидалъ своихъ кораблей изъ—за моря.

— Ахъ, какой вы смѣшной человѣкъ! перебилъ чиновника съ табакеркою Семенъ Ивановичъ:—сейчасъ пришли и спрашиваете о погодѣ: въ пять минутъ она не можетъ перемѣниться.

— А почему не можетъ? спросилъ очень хладнокровно чиновникъ съ табакеркою.

— Странный вы человѣкъ! Ну, атмосфера не какая-нибудь игрушка, которую взялъ такъ, да и началъ вертѣть какъ угодно! Здѣсь, можетъ-быть, и кислородъ, и другое что не позволитъ...

— Какой это кислородъ, Семенъ Ивановичъ?

— Кислородъ, простая вещь, постоянный двигатель, т. е. элементъ; онъ всегда въ воздухѣ: вы вдохнули—и его втянули.

— И это не вредно?

— Напротивъ, очень здорово; въ больницахъ нарочно дѣлаютъ кислородъ: льютъ уксусъ или что-нибудь кислое на горячую плитку; вотъ вамъ и кислородъ.

— Понимаю...И чиновникъ съ табакеркою выпилъ рюмку мадеры.

— Да, да! такъ, такъ! ученіе свѣтъ! говорилъ горбунокъ, хлопая ртомъ.—Вотъ я захвачу полонъ ротъ воздуха, и, ваша правда, Семенъ Ивановичъ, точно чувствую кислоту на языкѣ. Я этого досихъ-поръ не замѣчалъ.

Цѣлый вечеръ послѣ этого, горбунокъ только-и-дѣло пилъ мадеру и хлопалъ ртомъ, приговаривая: — да, именно такъ, чувствительная кислота...

— Значитъ, у васъ тамъ на родинѣ много кислорода, если вы ѣдете туда для поправленія здоровья? спросилъ человѣкъ съ табакеркою.

— Чистѣйшій кислородъ!.. «Какъ вы счастливы!» говоритъ мнѣ княгиня Софья Петровна: «ѣдете наслаждаться такимъ воздухомъ». Да, вѣдь они всегда такъ, эти вельможи. — Позвольте попросить призъ табаку?.. А! порядочный табакъ! Я вообще имѣю привычку нюхать французскій; у князь-Сержа удивительный, настоящій французскій, что называется пиканъ.

— Нѣтъ, я подъ этимъ названіемъ не нюхаю. Вы надолго изволите ѣхать?

— На 28 дней.

— Разсчетливо въ разсужденіи жалованья!

— Помилуйте, на что мнѣ жалованье! Я каммердинеру плачу почти столько же, хоть графъ Поль и ворчитъ на меня: «Опомнись, братъ Сеня, ты всѣхъ людей перебалуешь», да я всегда ему отрѣжу: «Полно, Поль, не твои деньги; ты графъ, а я такъ-себѣ человѣкъ, люблю наказать, люблю и помиловать». Нѣтъ, а въ деревнѣ жить долго прискучитъ, прахъ ее возьми! какъ говоритъ князь-Сержъ.

— Но у васъ есть родители; они вѣрно васъ скоро не выпустятъ изъ деревни.

— Да что я у нихъ буду дѣлать? смотрѣть какъ косятъ сѣно, или пугать воробьевъ по саду! Воображаю я этихъ провинціаловъ! Къ нимъ прійдется извѣстный стишокъ:

И не съ кѣмъ танцовать, и не съ кѣмъ молвить слова!

Нѣтъ, слуга покорный! Пріѣду, поучу стариковъ уму-разуму, не даромъ же я слушалъ курсъ юридическихъ наукъ — брошу тысячу, другую, да и назадъ. Удивлю княжну Вѣрочку — нечаянно явлюсь на балъ къ минеральнымъ водамъ... А старики не изволь шумѣть: съ вечера уложу свои вещи, пошлю на всю ночь въ городъ за почтовыми лошадьми, а самъ послѣ ужина скажу: «Итакъ, любезные родители, я завтра долженъ ѣхать! (Разумѣется, это ихъ ошеломитъ) Да, завтра, я рѣшился, а потому не угодно ли вамъ со мною проститься: заря не застанетъ меня подъ вашимъ кровомъ. Прошу васъ не безпокоиться рано вставать; это можетъ повредить вашему здоровью, и для меня двойное прощаніе тягостно.» Обниму стариковъ и на завтра уѣду. Это очень просто.

— А если васъ не пустятъ?

— Я имъ скажу: обязанности службы, долгъ, ревность, и тому подобное; и если закапризничаютъ, просто скажу: *ѣду да и только,* потому-что хочу ѣхать. Слава Богу, я, кажется, sui juris, могу располагать собою!.. Я, кажется...

— Позвольте, перебилъ его чиновникъ съ табакеркою: — позвольте попросить вашего табаку; мнѣ бы желалось понюхать подъ штемпелемъ, о какомъ вы упоминали.

— Извините, почтеннѣйшій! не взялъ съ собою, да и рѣдко беру, признаться. У меня золотая табакерка очень тяжела, носить не спокойно; правду говоритъ баронъ Киксъ: маленькія бездѣлушки тяготятъ человѣка болѣе важныхъ дѣлъ. Притомъ же, я постоянно нюхаю, когда занимаюсь литературою. Всякій день, возвращаясь съ бала, я имѣю обыкновеніе немного сочинять, — не стихами, нѣтъ! Богъ

избавилъ меня отъ подобнаго безумія,—а прозою... Пріѣдешь домой, голова еще кружится отъ ароматической, благовонной, сверкающей, можно сказать, атмосферы бала; еще чувствуешь пожатіе атласистыхъ ручекъ, видишь живо бѣломраморныя шейки и плечики; еще горятъ щеки, наэлектризованныя въ бѣшеномъ вальсѣ легкимъ прикосновеніемъ роскошныхъ локоновъ; въ устахъ еще не замеръ робкій шопотъ аристократокъ, назначавшихъ мнѣ rendez-vous. Скорѣе за перо,—и вѣрите ли, иногда пропишешь часа три, четыре, такъ и льется, да все такое граціозное, грандіозное; предо мною возникаютъ гиганты, исполины, графы, князья, — все это ново съ иголочки, по послѣдней модѣ; тонъ, манера!... Я самъ иногда удивляюсь, какъ прочту спустя недѣлю свое писанье — откуда что берется?! Просто, вдохновеніе: его не купишь и не сдѣлаешь! говоритъ маркиза Брамаре.

— О комъ это вы говорите? спросилъ чиновникъ съ табакеркою.

— О вдохновеніи.

— Понимаю, вы опять о своемъ вдохновеніи; то-есть, какъ мы вдыхаемъ въ себя съ воздухомъ кислородъ?

— Помилуйте, какой тутъ кислородъ! Вы меня не понимаете... Я вамъ говорю о состояніи души, а вы...

— А я вамъ скажу, Семенъ Иванычъ, что какъ заговоритъ ваша братья, ученые, то лучше не слушать—ничего не поймешь... А! ты здѣсь уже, Григорій? Съиграй-ка мою любимую.

Послѣднія слова чиновника съ табакеркою относились къ человѣку, одѣтому въ форменный солдатскій сюртукъ, темно-зеленаго цвѣта съ красною выпушкою по швамъ и съ мѣдными пуговицами. Во время громкой болтовни Семена Ивановича, этотъ человѣкъ тихо вошелъ въ комнату и сталъ у двери, держа подъ мышкою скрипку, а въ рукахъ смычокъ, что̀ давало право сильно подозрѣвать его въ музыкальномъ талантѣ... И точно, не успѣлъ еще чиновникъ съ табакеркою окончить своей просьбы, какъ человѣкъ въ солдатскомъ сюртукѣ, словно по командѣ, вскинулъ скрипку къ подбородку, махнулъ смычкомъ — и послушныя струны запѣли довольно-фальшиво двойными нотами мотивъ извѣстной пѣсни:

Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ
На Васильевскомъ славномъ Островѣ.

Семенъ Ивановичъ въ пол-свиста аккомпанировалъ Орфею Каменнаго Департамента, а чиновникъ съ табакеркою спряталъ на время табакерку въ боковой карманъ, оперся локтемъ на столъ, склонилъ голову на руки и задумался.

Музыкантъ проигралъ пѣсню, дернулъ три раза смычкомъ по струнамъ, отъ-чего вышла проба въ аккордѣ G dur, и, опустя скрипку, стоялъ самодовольно.

Чиновникъ, вынувъ изъ боковаго кармана табакерку, началъ говорить: «Право, хорошо, Григорій!... чувствительно и пріятно — люблю я эту пѣсню! Помню, еще я былъ мальчикомъ, мы жили въ Гавани. Къ моему батюшкѣ, бывало, соберутся ластовые, усядутся лѣтомъ въ садикѣ, да какъ грянутъ!... душѣ весело!... Или какъ былъ женихомъ: бывало, зайду на Петербургской Сторонѣ къ моей Марьѣ Ивановнѣ; такъ пріятно: пьемъ чай; ея матушка, въ очкахъ, вяжетъ чулокъ, а я возьму гитару и затяну:

Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ...

И Марья Ивановна, бывало, подпѣваетъ... Гитара въ рукахъ, и слышишь такое удовольствіе... Вотъ ужь и женцы пять лѣтъ какъ не стало, а все слышу ту же пѣсню... Добрая пѣсня!... задушевная!

Чиновникъ махнулъ рукою и опустилъ на грудь голову.

— Не играешь ли ты чего-нибудь изъ Меерберга? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Не могимъ знать, ваше благородіе.

— Онъ даже нотъ не знаетъ! сказалъ чиновникъ съ табакеркою.

— Не-уже-ли?

— Смѣю васъ увѣрить. Это департаментскій сторожъ; служилъ прежде въ солдатахъ и самъ-по-себѣ дошелъ до этакой игры.

— О, русскій человѣкъ имѣетъ высокое предназначеніе! Стóитъ соскоблить съ сердца простолюдина его духовную шелуху, т. е. срѣзать съ души эту накипь невѣжества, какъ говоритъ одинъ мой задушевный другъ, извѣстный нашъ литераторъ: — вылощите, вышлифуйте русскіе умы — и нравственные великаны возникнутъ изъ праха... Ну, геніальный Григорій! съиграй теперь что-нибудь повеселѣе, такъ, для танцевъ.

Сторожъ съигралъ вальсъ изъ Фрейшюца.

— Превосходно! кричалъ Семенъ Ивановичъ: — не играешь ли ты мазурки Шопена?

— Никакъ нѣтъ.

— Какъ это можно не играть! ни одной мазруки Шопена? Это срамъ, не играть Шопена!

— Чьи мазурки вы изволили сказать? спросилъ чиновникъ съ табакеркою.

— Шопена!...

— Шопена? Я первой разъ слышу.

— Помилуйте! всѣ безъ ума отъ Шопена... Человѣкъ пятнадцать въ высшемъ кругу въ Вѣнѣ на смерть затанцовались подъ эти волшебныя мазурки... «Я предпочитаю мазурки Шопена мороженому изъ фисташекъ», говорила мнѣ еще вчера баронесса, а баронесса по своему темпераменту не можетъ жить безъ морожснаго... Третьяго дня супруга его превосходительства, тайнаго...

— Отъ-чего же онѣ такъ хороши? перебилъ Семена Ивановича чиновникъ съ табакеркою.

— Отъ-чего хороши? Онѣ просто прелесть: этакія сочныя, жирныя, мясистыя!

—Это уже слишкомъ, сказалъ чиновникъ съ табакеркою, голосомъ обиженнаго человѣка:— вашимъ ученымъ языкомъ вы можете говорить какъ вамъ угодно, я не въ претензіи; но въ глаза дурачить себя я не позволю. Кто-таки гдѣ видалъ мясистую мазурку? танцовать ихъ, пожалуй, могутъ особы всякой комплекціи; но чтобъ были мазурки жирныя...

— Вы не понимаете, милостивый государь, что значитъ сочная, мясистая мазурка?

— Позвольте вамъ напомнить, что, доживя до сѣдыхъ волосъ, я всегда разговаривалъ на россійскомъ діалектѣ и понимаю русскія слова; соcиски сочныя, мясистыя бываютъ, это понятно. А мазурки... извините меня...

Я, видя, что дѣло принимаетъ довольно-серьёзный оборотъ, и не хотя быть свидѣтелемъ полемики, взялъ шляпу.

— Не уходите! закричалъ Семенъ Ивановичъ:—вотъ я только докажу имъ о мазуркѣ— и мы поѣдемъ вмѣстѣ; у меня свой экипажъ.

Я поблагодарилъ Семена Ивановича за предложеніе, извинился передъ нимъ и вышелъ.

Въ интервалѣ между дровами и подъѣздомъ, ведущимъ къ Макару Ивановичу, стояли старыя дрожки; въ нихъ была запряжена дюжая водовозная лошадь; на козлахъ сидѣлъ мальчикъ въ сѣромъ армякѣ и картузѣ.

— Это экипажъ Семена Ивановича? спросилъ я.

— Я привезъ ихъ; а экипажъ не ихній, а отъ Марка Петровича, княжаго дворецкаго; Семенъ Ивановичъ учатъ у Марка Петровича сынка, такъ вотъ Маркъ Петровичъ и даютъ по вечерамъ ѣздить эти дрожки, да какого-нибудь разъѣзжаго коня...

Я уже былъ у воротъ, а словоохотный мальчикъ все еще проповѣдывалъ съ козелъ о своихъ дрожкахъ, о лошадяхъ и въ-особенности о Маркѣ Петровичѣ.

ГЛАВА II.

Біографія Сени.

> Гдѣ ступишь, тамъ цвѣты алѣютъ
> И съ неба льется благодать.
> Н. Карамзинъ.

Изъ всѣхъ уѣздныхъ должностей, по моему мнѣнію, самая выгодная, самая занимательная—должность уѣзднаго почтмейстера. Мѣсто

почтмейстера—мѣсто спокойное, квартира казенная, теплая. А сколько любопытнаго переходитъ черезъ его руки... Человѣкъ, наклонный къ статистикѣ, будетъ служить безъ жалованья на почтмейстерскомъ мѣстѣ! Почтмейстеръ знаетъ, кто въ уѣздѣ съ кѣмъ переписывается, кто пишетъ въ столицу и какъ кому отвѣчаютъ изъ столицы; знаетъ, кто сколько посылаетъ денегъ въ Банкъ, знаетъ, кто и какъ платитъ проценты въ Приказъ, — все знаетъ и изъ всего можетъ вывесть очень основательное логическое заключеніе. Сколько онъ можетъ прочесть журналовъ, получаемыхъ богатыми помѣщиками въ уѣздѣ; сколько можетъ узнать разныхъ новостей!.. Даже имѣетъ право распечатать посылку, адрессованную на имя уѣздной щеголихи и пересмотрѣть, прежде ея, всѣ милые наряды, которыми она станетъ щеголять на балѣ у предводителя... Счастливецъ! онъ имѣетъ право трогать своими руками, пахнущими сургучомъ, эти бусы, созданныя обвивать лилейную шейку; перебирать пушистое боа, которое будетъ живописно трепетать на роскошной груди; чего добраго! можетъ, для шутки, надѣнетъ берѐтъ съ райскою птичкою, подъ которымъ зароится въ головкѣ красавицы много очаровательныхъ думъ о «немъ»; онъ осмѣлится равнодушно брать въ руки сережки, будущія свидѣтельницы и повѣренныя робкаго шопота любви... Несносный человѣкъ! и все-таки счастливецъ!.. Притомъ же, онъ въ городѣ единственная власть по почтовой части, — одинъ, какъ судья, какъ исправникъ, какъ городничій. Онъ имѣетъ право рѣзать хвосты негоднымъ почтовымъ лошадямъ и можетъ, если захочетъ, оказать пособіе проѣзжающимъ. Послѣдняя причина познакомила гороховскаго почтмейстера, Ивана Яковлевича Лобко, съ княгинею Плёрезъ.

Это случилось въ 18.. году. Иванъ Яковлевичъ былъ въ городѣ Гороховѣ почтмейстеромъ, имѣлъ жену, сыновей: Сеню, Митю, Гришу, Сашу, и дочерей: Лизу и Клавдочку. Самому старшему, Сенѣ, было восемь лѣтъ. Княгиня Плёрезъ была женщина лѣтъ 35-ти, нехороша собою, черноглазая, черноволосая, съ рѣзкимъ голосомъ, живыми манерами и довольно-плоскою грудью. Она пять лѣтъ какъ овдовѣла, не имѣла дѣтей и безпрестанно о чемъ-то вздыхала и плакала; гороховскій городничій говорилъ, будто онъ видѣлъ у нея въ экипажѣ книжку, подъ заглавіемъ: «Бѣдная Лиза»; но жена исправника этому не вѣритъ. Каждую весну, по смерти мужа, княгиня Плёрезъ ѣздила, изъ своихъ сѣверныхъ деревень, или изъ столицы, въ Кіевъ на богомолье, и молилась тамъ, и плакала о супругѣ, и гуляла въ казенномъ саду до осени, когда даже и войска, стоящія подъ Кіевомъ лагеремъ, оставляли свои палатки и брели по зимнимъ квартирамъ.

Въ одно изъ подобныхъ обратныхъ путешествій на сѣверъ, кня-

гиня, пріѣхавъ въ Гороховъ, узнала, что нѣтъ лошадей на станціи; вмигъ ея влажные глаза засверкали гнѣвомъ, она закричала на смотрителя, прогнала въ гнѣвѣ писаря и послала ливрейнаго лакея за почтмейстеромъ. Иванъ Яковлевичъ зналъ свою обязанность, надѣлъ мундиръ, прицѣпилъ шпагу и явился, какъ листъ передъ травой, передъ княгинею. Княгиня кричала; почтмейстеръ второпяхъ сказалъ ей какую-то отчаянную лесть; княгиня заговорила октавою ниже; ободренный почтмейстеръ еще сказалъ комплиментъ — княгиня улыбнулась и вздохнула; почтмейстеръ объявилъ, что если черезъ три часа не будетъ лошадей, то онъ готовъ повезть ее самъ на себѣ, а между-прочимъ, въ ожиданіи этого процесса, просилъ сдѣлать ему честь откушать у него чашку чаю. Княгиня согласилась — и черезъ нѣсколько минутъ въ гостиной почтмейстера на диванѣ сидѣла княгиня; рядомъ съ нею, въ чепчикѣ съ желтыми лентами, жена почтмейстера; противъ стоялъ почтмейстеръ, какъ слѣдуетъ, въ мундирѣ, съ треуголкою подъ мышкой. Княгиня вздыхала и говорила нѣжности; почтмейстерша поправляла на себѣ платочекъ, сжимала губы и подбирала слова̀, самыя учтивыя, для отвѣтовъ ея сіятельству, а почтмейстеръ осыпа̀лъ дорогую гостью комплиментами, вынесенными въ отставку покойнымъ его отцомъ изъ службы въ легкоконцахъ.

Когда княгиня изволила кушать вторую чашку чаю, вбѣжалъ въ комнату сынъ почтмейстера, Сеня, свѣжій, здоровый, румяный мальчикъ, съ большими голубыми глазами.

— Ахъ, какой амурчикъ! сказала княгиня.

— Это, съ позволенія сказать, нашъ старшій сынъ, отвѣчалъ почтмейстеръ.

— Вы имѣете дѣтей? какъ это мило!.. И княгиня вздохнула.

— Какъ же-съ! не оставилъ Богъ. Четыре сына и двѣ дочери... Жена! представь ея сіятельству...

Зашевелились отъ удовольствія желтые банты на головѣ почтмейстерши; она вышла и скоро явилась, насильно ведя обѣими руками двухъ мальчиковъ, которые сквозь слезы косились на гостью; за нею рябая дѣвка вела одного мальчика и несла груднаго ребенка; за дѣвкою кормилица несла еще одного ребенка. Вся процессія двинулась на княгиню; почтмейстеръ называлъ каждаго ребенка уменьшительнымъ именемъ, пояснивъ, что послѣднія дочери двойни.

Скоро дѣти расплакались и были вынесены вонъ. Остался одинъ Сеня. Онъ стоялъ возлѣ княгини; она тихо склонила его кудрявую головку къ себѣ на колѣни и, перебирая своими нѣжными пальчиками шелковистые волосы ребенка, съ улыбкою смотрѣла въ его голубые глаза.

Говорятъ, будто брюнетамъ всегда нравятся блондинки, а блонди-

намъ брюнетки, и основываютъ эту гипотезу на взаимномъ влеченіи противоположностей въ природѣ. Такъ ли, не такъ ли, а смуглой княгинѣ очень полюбился бѣленькій Сеня.

— У васъ хорошая должность? спросила княгиня.

— Какая хорошая, ваше сіятельство! Только съ копейки на копейку перебиваемся: городишко небольшой, всего двѣсти-пятнадцать обывательскихъ дворовъ, двѣ церкви и три ярмарки, да и тѣ Богъ знаетъ въ какую распутицу: ни ходить, ни ѣздить; Евреи по колѣно въ грязи продаютъ пряники... смотрѣть прискорбно...

— Какъ же вы станете воспитывать свое семейство?

— Богъ милостивъ; благословилъ дѣтьми, дастъ и способы пристроить. Отдамъ въ уѣздное училище: у насъ смотритель человѣкъ очень ученый, Агамемнонъ Харитоновичъ Липейкинъ... вотъ онъ идетъ по улицѣ, этакой съ усами, въ голубомъ сюртукѣ; прикажете позвать?

— Оставьте его.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство! Изъ училища опредѣлю въ уѣздный судъ, или казначейство; будутъ служить — безъ хлѣба не останутся.

— Фи! и вашъ миленькій Сеня станетъ марать свои ручки гадкими уѣздными чернилами?

— Это ничего; чернила легко и удобно отмываются...

— Нѣтъ, онъ достоинъ лучшей участи. У васъ много дѣтей, а у меня ни одного; отдайте мнѣ вашего сына, я его возьму съ собою; воспитаю, какъ своего сына. Пусть онъ подъ старость будетъ вамъ подпорою и утѣшеніемъ.

— Изволите шутить, ваше сіятельство...

— Нѣтъ, я не шучу; я очень понимаю чувство родителей, хоть Богъ не допустилъ меня испытать это чувство, и не стану играть имъ. Я говорю нешутя. Княгиня поцаловала Сеню и заплакала.

Добрая женщина!

Почтмейстеръ потолковалъ съ женой и согласился отдать Сеню на воспитаніе доброй княгинѣ. Тутъ вышла семейная сцена. Отецъ и мать плакали отъ удовольствія и называли княгиню «сіятельною благодѣтельницею». Княгиня въ свою очередь плакала, называла почтмейстера и жену его великодушными родителями, которые для счастія дитяти жертвуютъ удовольствіемъ его видѣть возлѣ себя, и увѣряла, что отъ роду не плакала такими пріятными слезами. «Это не слезы» говорила она: «это алмазы моего чувствительнаго сердца...»

— Бриліанты, ваше сіятельство! воскликнулъ почтмейстеръ, утирая глаза пестрымъ бумажнымъ платкомъ.

Княгиня, разумѣется, заночевала у почмейстера, и когда все въ домѣ уснуло, — кто убаюканный свѣтлыми мечтами о будущемъ, кто

матеріально угощенный радостнымъ почтмейстеромъ, одна женщина не спала въ домѣ: старушка, няня Сени; она, при слабомъ свѣтѣ ночника, стояла у изголовья своего спящаго любимца и старалась насмотрѣться на него.—Ты молодъ еще, дитя мое ненаглядное, шептала она:—а я стара, не увижу тебя больше, мой голубчикъ; выростешь, дастъ Богъ, пріѣдешь большимъ бариномъ, а меня ужь давно засыплютъ землею!.. Хоть бы посмотрѣть еще разъ на тебя привелъ Господь!.. выносила на своихъ рукахъ, а тутъ берутъ чужіе люди!.. Доведутъ ли они тебя до добра, мое сокровище?.. Хоть добрые, а все чужіе!.. Провожаю тебя на вѣчное разставанье, словно въ могилу ложусь... Спитъ себѣ! извѣстно: дитя, не знаетъ, что его завтра далеко увезутъ, надолго!.. Еще и улыбается, мое золото!—И няня осторожно целовала спящаго ребенка, и робко крестила его, и тихо плакала.

Да еще плакалъ на кухнѣ каммердинеръ княгини отъ-того, что былъ очень пьянъ.

На утро весь городъ съ изумленіемъ узналъ, что княгиня ночевала у почтмейстера; всѣ Гороховцы пришли въ движеніе: засѣдатель по питейной части еще до восхода солнца раза три прошелъ мимо воротъ Ивана Яковлевича и тщетно дразнилъ собакъ, чтобъ вызвать кого-нибудь для распроса. Жена градскаго головы была счастливѣе. Она сразу поймала босую дѣвчонку, бѣжавшую на рынокъ за баранками, и разспрашивала ее минутъ десять, а послѣ сама разсказывала городничихѣ слышанное часа полтора. Но когда Гороховцы узнали объ отъѣздѣ съ княгинею почтмейстерскаго сына, то, забывъ всякое приличіе, осадили ворота Ивана Яковлевича какъ Греки Трою, и чуть карета ея сіятельства, сопровождаемая благословеніями и поклонами, выѣхала со двора, толпою хлынули въ домъ, поздравляли, обнимали хозяина и хозяйку и предрекали Сени или жезлъ фельдмаршала, или губернаторское мѣсто.

— Эхъ, господа! говорилъ Агаменонъ Харитоновичъ:—въ мѣстахъ ли дѣло! Оно, конечно, почётъ; но главное, образованъ-то какъ будетъ! вотъ главное. Не для того жить, чтобъ ѣсть, а для того ѣсть, чтобъ жить! писали философы... Столичное образованіе не то, что наше. Тутъ и радъ бы, да средствъ нѣтъ... Потолковать бы изъ физики вотъ такъ тебя и тянетъ, а онъ грамоты не смыслитъ—толкуй съ нимъ!.. Эхъ, бѣда ученому!.. Вы счастливы, сугубо счастливы, почтеннѣйшій Иванъ Яковлевичъ; теперь, на-радостяхъ, не худо бы закусить.

— Ваша правда, сказали гости въ одинъ голосъ.

—

ГЛАВА III.

Продолженіе и конецъ біографіи.

Чтобъ не измучилось дитя,
Всему училъ его шутя.
А. Пушкинъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, княгиня дѣлала визиты и недѣли двѣ не видала Сени; потомъ вспомнила, приказала его принесть, расцаловала и дней десять съ нимъ нянчилась, пока не получила отъ кузины въ подарокъ прекраснаго зеленаго попугая съ краснымъ хвостомъ. Новый, пернатый любимецъ вытѣснилъ изъ сердца княгини своего соперника, тоже двуногаго, но безъ крыльевъ—почтмейстерскаго сына—и Сеня отданъ былъ въ какой-то пансіонъ. Мѣсяца два спустя, княгиня навѣстила Сеню, нашла его очень худымъ и блѣднымъ, расплакалась и объявила содержателю, г-ну Ютржбицкому, что возьметъ мальчика изъ пансіона, если его будутъ изнурять подобнымъ образомъ. Ютржбицкій былъ, что̀ называется, тёртый калачъ, —когда-нибудь мы поговоримъ объ немъ подробно,—онъ униженно раскланялся передъ княгинею, сказалъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ Сени математика; но теперь, понимая желаніе княгини, постарается приготовить его по извѣстному направленію; проводилъ ее безъ шапки до кареты, самъ отворилъ дверцы и просилъ пожаловать черезъ мѣсяцъ посмотрѣть на воспитанника.

И точно, въ самое короткое время Сеня опять сталъ такъ же румянъ и свѣжъ, какъ былъ въ благословенномъ Гороховѣ. Чудесный человѣкъ Ютржбицкій! Онъ постигъ чувствительность княгини и перемѣнилъ совершенно съ Сенею методу воспитанія: когда другіе воспитанники пансіона сидѣли надъ уроками, Сеня гулялъ на вольномъ воздухѣ; всѣ его занятія ограничивались русскою грамотою и началами ариѳметики, и то ad libitum. Гимнастическія упражненія, возбуждая аппетитъ, еще болѣе способствовали укрѣпленію тѣла. Ютржбицкій образовывалъ физическаго Сеню и образовывалъ съ знаніемъ дѣла. А нравственный Сеня? Ну, да какое до этого дѣло! Княгиня платила хорошо; княгиня не любила желтыхъ, испитыхъ рожъ —и Ютржбицкій дѣлалъ ей угодное.

Нечувствительно прошло нѣсколько лѣтъ; Сенѣ стало шестнадцать, и Сеня былъ очень-хорошенькій мальчикъ, или юноша, коли угодно: его голова была кудрява и шелковиста какъ у ребенка, но въ глазахъ свѣтилъ не дѣтскій огонь; его полное, румяное личико было свѣжо и нѣжно, какъ у дѣвушки, но на верхней губѣ, щекахъ и подбородкѣ, какъ на зрѣломъ персикѣ, пробивался густой пухъ; изъ высокой груди Сени вылетали не дѣтскіе звуки: онъ говорилъ звучнымъ контральтомъ,—Сеню взяли изъ пансіона.

Сеня былъ живъ, рѣзовъ, всѣ въ домѣ кланялись передъ Сенею, воля Сени была закономъ для всѣхъ, княгиня очень любила Сеню, ни однимъ попугаемъ такъ не занималась она, какъ своимъ воспитанникомъ.—Ахъ, какой ты ребенокъ! говорила она часто, какъ взяла Сеню изъ пансіона;—развѣ такъ платятъ дѣти за любовь своимъ родителямъ? Ну, поди сюда, назови меня мамашею, обними меня.— Сеня, робко опустивъ глаза, обнималъ маменьку....

Добрая княгиня!

Излишняя доброта не ведетъ къ добру. Скоро Сеня сдѣлался дерзокъ, гордъ, грубъ съ окружающими его, даже и съ самою княгинею, выучилъ попугая браниться, читалъ Поль-де-Кока, расписывалъ соннымъ лакеямъ рожи, даже поилъ ликёромъ любимую моську княгини, и за все это добрая женщина драла за ухо своего воспитанника.

Однажды княгиня ласково сказала Сени: — Ты, мой другъ, принятъ въ университетъ; учись, Сеня; современемъ ты долженъ быть подпорою старости твоихъ родителей; каждый день поутру ты будешь ѣздить на лекціи, а вечера можешь проводить попрежнему дома, въ обыкновенныхъ занятіяхъ.

И вотъ ежедневно гнѣдой рысакъ началъ возить Сеню въ университетъ и изъ университета.

На всѣхъ возможныхъ разгульяхъ явилось новое лицо очень веселое.

Однажды Сеня возвратился домой раньше обыкновеннаго; или не было лекціи, или онъ сократилъ ее по какимъ-нибудь неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ. Сеня вбѣжалъ въ спальную княгини; тамъ была только одна горничная. Вы согласны, что горничныя бываютъ прехорошенькія? Горничная княгини, восьмнадцатилѣтняя Маша, розовенькая, живая, веселая, съ вѣчною улыбкою, показывающею рядъ бѣленькихъ ровныхъ зубовъ, особенно была хороша теперь: она на досугѣ пришпилила себѣ на голову райскую птичку, стояла передъ трюмо, строила себѣ глазки, и улыбалась...

— Мамаша дома? спросилъ Сеня, вбѣгая въ комнату.

— Уѣхали гулять, отвѣчала Маша, отскочивъ отъ трюмо, и краснѣя начала снимать съ головы птичку; но птичка какъ нарочно запуталась въ волосахъ и не хотѣла оставить хорошенькой головки.

— Хочешь, я тебѣ помогу, Маша?

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте!

— Какая дурочка! погоди, я сейчасъ отколю. И Семенъ Ивановичъ медленно, будто нехотя, началъ отшпиливать птичку.

— Куда же уѣхала мамаша въ такую дурную погоду?

— Не знаю-съ; видно имъ хорошая погода.

— Отъ-чего?

— Такъ-съ, Аргонавтъ Макаровичъ такой занимательный...

— Какъ? Аргонавтъ Макаровичъ? вотъ это усатое чучело?

— Что вы чучело! такой молодецъ! такой плечистый!.. Маша захохотала.

— Княгиня съ нимъ поѣхала? Да онъ, кажется, всего разъ былъ у нея, какъ привезъ изъ Валдая письмо отъ ея кузины.

— Слава Богу! вотъ ужь мѣсяцъ, почти каждое утро ѣздятъ гулять вмѣстѣ.

— Вотъ что!... Семенъ Ивановичъ потихоньку засвисталъ.

— Да скоро ли вы кончите?

— Сейчасъ, сейчасъ, Машенька! Какая ты хорошенькая...

— Полно-те пустяки-то болтать! Оставьте!

— Премиленькая!..

— Пустите! кто-то идетъ. Несносный!

— Вздоръ!...

Семенъ Ивановичъ быстро схватилъ Машу за подбородокъ, приподнялъ ея голову и звонко попаловалъ.

— Ахъ!.. пропищалъ за нимъ знакомый голосъ.

— Cet homme a des entrailles! проревѣлъ басъ. Убѣгая, Сеня взглянулъ назадъ: княгиня стояла блѣдная, взволнованная. Ее держалъ подъ руку усатый человѣкъ въ венгеркѣ.

Вечеромъ того же дня, дворецкій княгини, Маркъ Петровичъ, объявилъ Семену Ивановичу, чтобъ онъ къ завтраму оставилъ домъ княгини.—Вы, дескать, сказали ея сіятельство, говорилъ дворецкій, — уже довольно образованы и можете сами себѣ искать хлѣбъ, а лѣта ваши такія, что ей, какъ вдовѣ, не пристало васъ держать, да и вамъ-то скучно жить здѣсь: вы человѣкъ молодой.

— Очень радъ! отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.

— Слушаю-съ. Княгиня приказала оставить при васъ всѣ ваши вещи и платье; такъ куда прикажете ихъ перевезть? Я приготовилъ уже подводу.

— Куда?... куда нибудь!

— Смѣшно разсуждаете, Семенъ Ивановичъ!...

— Что...?

—Не извольте горячиться; я вамъ добра желаю и изъ жалости хочу, то-есть, войдти въ ваше положеніе...

— Я сейчасъ пойду къ княгинѣ... и...

—Ея сіятельство приказали сказать, что для нихъ очень-прискорбно разставаться съ вами, отъ-того она уѣхала въ театръ, и надѣется, возвратясь, съ вами здѣсь не встрѣтиться.

— О-го! какая чувствительность! и вѣрно уѣхала съ этимъ усатымъ Валдайцемъ!..

— Не наше дѣло.

— Да, да! говорилъ Семенъ Ивановичъ самъ съ собою, ходя по комнатѣ:—ихъ воля, они sui juris! Да, проклятые Аргонавты... гдѣ нашли Колхиду! вотъ разгадка миѳа! а еще профессоръ ломаетъ голову... И лучше, прахъ возьми! Бѣгу изъ этого дома! и слава Богу! ѣду!...

— Куда же вы поѣдете? Здѣсь городъ столичный; никто ничего даромъ не даетъ, и въ комнату даромъ не пустятъ. Много ли у васъ денегъ?

— А тебѣ какое дѣло?

— Вѣрно есть, когда спрашиваю, Семенъ Ивановичъ. А я знаю, что немного; дай Богъ какъ рублей десятокъ-другой наберется — вы человѣкъ небережливый. Правда моя? То-то же. Молчите? Вамъ надобно служить, Семенъ Ивановичъ. Хотите, я вамъ достану мѣсто? Не смѣйтесь, Семенъ Ивановичъ! Нашъ братъ простой человѣкъ подъ-часъ дѣлаетъ больше инаго знатнаго; поживёте, увидите! Золотой стрѣлкѣ честь: она, дескать, время показываетъ, а её-то толкаетъ желѣзная пружинка, только пружинки не видно... Хотите, завтра же васъ опредѣлимъ, а то вамъ нѣгдѣ будетъ головы приклонить; вы же дитя барское, къ нуждѣ непривычное...

— Пожалуй! дѣлать нѣчего.

— Извольте; но вы съ своей стороны не откажите и мнѣ въ услугѣ. Когда вы сейчасъ говорили сами съ собою, я многаго не понималъ: вы говорили хорошо, по ученому, извѣстно: ученье свѣтъ, мы люди темные. Вотъ я и подумалъ: у меня ростетъ сынишка Ѳедька и грамоту уже знаетъ, не поучили ль бы вы его уму-разуму? Я за это ужь вамъ доставлю мѣстечко. У меня есть хорошій пріятель Иванъ Ивановичъ Баллада; онъ служитъ столоначальникомъ по счетной части; вотъ тутъ же недалеко отъ насъ въ казенномъ домѣ и квартируетъ; если вы согласны, мы сейчасъ же можемъ сходить къ нему поговорить о мѣстѣ.

Семенъ Ивановичъ молчалъ.

— Куда же прикажете перевезть ваши вещи? спросилъ хладнокровно дворецкій.

— Нѣтъ, пойдемъ, братецъ, лучше къ Балладѣ.

— И давно бы такъ!... Да, вотъ я еще хотѣлъ вамъ сказать, Семенъ Ивановичъ. Изволите видѣть, было время, вы на меня покрикивали *ты*, и даже часто называли сѣдланою коровою...ну, Богъ съ вами, это было время, а теперь другое; тогда вы были ребенокъ, извѣстно — балованное дитя, для потѣхи ея сіятельства—а теперь вы, слава Богу, уже человѣкъ взрослый. Со стороны подумаютъ объ васъ худо, скажутъ, что вы и сѣдинъ не уважаете... Я же, слава Богу, человѣкъ пожилой; недавно купилъ домикъ на Петербургской Сторонѣ у отставнаго каммер-музыканта Фейфа, съ огородикомъ и кус-

томъ сирени,—можетъ, вы замѣтили въ Двусторонней Улицѣ? И надзиратель у меня бываетъ, и сама княгиня говоритъ со мною уважительно...

— Хорошо, хорошо, пойдемте, почтеннѣйшій Марко Петровичъ.

— Пойдемте, любезнѣйшій Семенъ Ивановичъ! Ваши вещи я прикажу перенести въ мою комнату: вы у меня переночуете; а когда пріѣдетъ княгиня изъ театра, я доложу, что вы съѣхали и очистили покой.

— Я знаю Балладу уже болѣе двадцати лѣтъ, говорилъ дворецкій Семену Ивановичу, идя по длинному корридору казеннаго дома: тогда еще онъ пѣлъ альтомъ въ какомъ-то хорѣ, и съ-тѣхъ-поръ наша дружба не прекращается; я ему доставляю иногда игранныя ноты съ флигеля ея сіятельства... Веселый человѣкъ! а притомъ и дѣловой, учитъ пѣть двухъ дочекъ какого-то значительнаго человѣка — да, что хочетъ, все дѣлаетъ—уважительный человѣкъ! Слышите ли?

Въ это время въ углу корридора раздалось: фа-соль! фа-соль! и послѣ октавою выше: фа-соль! фа-соль!...

— Это самъ Иванъ Ивановичъ пробуетъ свой голосъ. Вишь какъ звенитъ!

При этомъ словѣ, Маркѣ Петровичъ отворилъ дверь изъ корридора прямо въ маленькую комнату. Въ комнатѣ противъ двери сидѣлъ на диванѣ толстый человѣчекъ, въ пестромъ жилетѣ и бѣломъ галстухѣ съ манжетами, держа на колѣняхъ маленькіе клавикорды аршина полтора длиною; за ухомъ у него торчало гусиное перо, на носу зеленые очки, въ правой рукѣ былъ карандашъ, въ лѣвой листъ бумаги. Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на бумагу, билъ карандашомъ по двумъ клавишамъ и вопилъ fa, sol!

Иванъ Ивановичъ очень хорошо принялъ Семена Ивановича, обѣщалъ завтра утромъ на урокѣ у его превосходительства похлопотать о мѣстѣ, и просилъ навѣдаться завтра же часу во второмъ въ департаментѣ.

Ночью Семенъ Ивановичъ имѣлъ время поразмыслить, впервые оглянулся вокругъ себя, и увидѣлъ, что ему нельзя существовать безъ службы. Но сдержитъ ли поющій скворецъ Иванъ Ивановичъ свое слово? Сомнѣніе закралось въ душу Семена Ивановича; въ немъ родилась какая-то недовѣрчивость къ себѣ и къ своему покровителю; словомъ, онъ былъ въ положеніи человѣка, ищущаго мѣста. Вы счастливы, читатель, если не испытали этого положенія! Благословляйте судьбу свою и пожалѣйте о Семенѣ Ивановичѣ, который робко прочелъ надпись: *департаментъ такой-то* и медленно, нерѣшительно взялся за чисто выполированную бронзовую ручку департаментской двери. . . . .

— Прощайте, Семенъ Ивановичъ; можетъ-быть никогда не увидимся!...

Быстро оставилъ Семенъ Ивановичъ департаментскую ручку, будто она обожгла его, и оборотился: передъ нимъ на троттуарѣ стояла Маша.

— Машенька, что съ тобою?

— Отправляютъ по пересылкѣ въ Саратовскую Губернію на фабрику... отвѣчала Маша, хотѣла улыбнуться, и заплакала.

— За что?

— Все черезъ васъ... вотъ видите...

Она не договорила, пошла, оглянулась на Семена Ивановича, еще разъ оглянулась при поворотѣ въ другую улицу, поклонилась ему и исчезла.

Семенъ Ивановичъ стоялъ у двери; ему стало и досадно и совѣстно и чего-то жаль. Непріязненное предзнаменованіе! подумалъ онъ и вошелъ въ департаментъ. Вѣрно онъ не зналъ русской поговорки: начало дурное—конецъ хорошій. Да и кто теперь вѣруетъ въ примѣты, кромѣ старушекъ-тетушекъ? Я имѣю удовольствіе лично знать человѣка, которому заяцъ перебѣжалъ дорогу почти у самой заставы, при въѣздѣ въ губернскій городъ. Согласитесь, примѣта весьма неблагопріятная, особенно для ѣдущаго по тяжебному дѣлу? Мой знакомый не оплошалъ: застрѣлилъ зайца, приказалъ зажарить, прибавилъ къ нему ящикъ шампанскаго и угостилъ судей этимъ *курiознымъ*, какъ онъ выражался, зайцемъ. Черезъ недѣлю мой знакомецъ выигралъ дѣло! Вотъ вамъ и примѣты! По-моему, всякая примѣта хороша, умѣй только распорядиться...

Хорошее дѣло опытъ! Жаль, что надо покупать его цѣною сѣдыхъ волосъ...

Семена Ивановича приняли въ департаментѣ очень хорошо и скоро опредѣлили помощникомъ къ г. Балладѣ. Баллада, не смотря на свое физическое свойство—*пѣвучесть*, обладалъ еще превосходнымъ французскимъ глаголомъ savoir vivre. На основаніи этого полезнаго глагола, онъ умолчалъ объ отношеніи Семена Ивановича къ княгинѣ, и распустилъ слухъ, будто она сама хлопочетъ о немъ. Баллада говорилъ по секрету много всякой всячины, которая была бы не очень пріятна ея сіятельству, еслибъ дошла до нея. Между-тѣмъ, это дало Семену Ивановичу вѣсъ въ глазахъ мелкихъ чиновниковъ, это его ободрило; онъ началъ безсовѣстно лгать канцеляристамъ о высшемъ кругѣ, который былъ для нихъ terra incognita, и мало-по-малу, повторяя свои нелѣпые разсказы, дошелъ до-того, что самъ если не вполнѣ, то вполовину вѣрилъ своимъ басням. Впрочемъ, если вы служили, то сами скажите, какъ не вѣрить въ сильную, необыкновенную протекцію человѣка, шагнувшаго разомъ на штат-

ное мѣсто? и какъ не вѣрить всѣмъ миѳологическимъ разсказамъ человѣка, имѣющаго такую протекцію?!..

Я имѣлъ честь въ первый разъ видѣть и слышать Семена Ивановича на музыкальномъ вечерѣ у Макара Ивановича,—помните? у Гнѣдопѣгаго Моста въ Каменномъ Департаментѣ, въ казенной квартирѣ. И еще мы шли съ вами по лѣстницѣ, гдѣ жена экзекутора ставитъ на ступенькахъ къ лѣвой сторонѣ кадки и ведра...

ГЛАВА IV.

Житье Ивана Яковлевича.

Вашъ я отнынѣ! сказалъ рыбакамъ я любезнымъ.
В. Бенедиктовъ.

Когда Сеню взяла княгиня, Ивану Яковлевичу было подъ пятьдесятъ, а женѣ его подъ сорокъ.—Это такая пара, говорилъ мнѣ одинъ докторъ: — что дѣтей почти никогда не бываетъ; дѣло другое, будь мужу семьдесятъ или восемьдесятъ—были бы непремѣнно.— И точно, больше дѣтей у Ивана Яковлевича не было.—Да и на что мнѣ дѣти? говаривалъ почтмейстеръ:—слава Богу, одинъ сынъ въ столицѣ, будетъ министромъ, а при мнѣ еще пятеро, и такъ визгу довольно.

Служилъ почтмейстеръ, подростали его дѣтки, и между-тѣмъ регулярно два раза въ годъ получалъ онъ письма отъ дворецкаго княгини, что Сеня живъ и здоровъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Однажды вечеромъ, Иванъ Яковлевичъ пришелъ домой не въ духѣ и сказалъ женѣ по секрету, что въ Россіи ходитъ страшная болѣзнь, какая-то холера, всѣ письма изъ южныхъ городовъ и даже изъ Москвы исколоты.—Что-то съ нами будетъ?

— Будетъ воля Божія, сказала Аграфена Львовна.

— Это такъ, да мнѣ что-то страшно, самъ не знаю отъ-чего.

— Станемъ молиться.

— Станемъ.

Супруги помолились, благословили дѣтей и легли спать.

Ночью, Иванъ Яковлевичъ услышалъ тревогу въ домѣ; двое меньшихъ его дѣтей жестоко страдали, тревожно метались на подушкахъ; головы ихъ горѣли, ручки и ноги были холодны. Послали за докторомъ.

Пришолъ докторъ, осмотрѣлъ дѣтей и, отступя два шага, сказалъ: «Спасайтесь! Холера!..»

Отъ ужаса никто не могъ сойдти съ мѣста. Поутру весь городъ былъ оцѣпленъ; вездѣ дымились курева. У Ивана Яковлевича лежало на столѣ двое мертвыхъ малютокъ. Крестясь проходилъ народъ мимо дома почтмейстера, робко посматривая на ворота, отмѣченныя чернымъ крестомъ.—Вотъ гнѣздо, гдѣ таится наша смерть, говорили

другіе, указывая издали на красную крышу Ивана Яковлевича;—оттуда пріидетъ она къ намъ. Къ вечеру, бѣдный почтмейстеръ былъ круглымъ сиротою: и старшія его дѣти лежали мертвы, жена едва дышала въ страшныхъ мукахъ. Иванъ Яковлевичъ не плакалъ, только потиралъ рукою лобъ и, безпрестанно переходя отъ окна къ другому, смотрѣлъ на небо. Черезъ нѣсколько дней, Аграфена Львовна, сверхъ всякаго ожиданія, начала выздоравливать. Отчаяніе почтмейтера превратилось въ тихую, безмолвную грусть. Онъ часто, сидя дома одинъ, заливался слезами.

Тогда еще мнѣніе о заразительности холеры не подлежало никакому сомнѣнію, и Иванъ Яковлевичъ крѣпко забралъ себѣ въ голову, что самъ былъ причиною смерти своихъ дѣтей, перебирая въ рукахъ исколотыя письма. Мѣсто службы стало для него противно. Сверхъ того, нѣкоторыя измѣненія по почтовой части, перемѣна вѣсовыхъ денегъ и т. п., рѣшительно сбили его съ толку; онъ подалъ въ отставку, къ удивленію всѣхъ Гороховцевъ, привыкшихъ видѣть его лѣтъ тридцать въ почтовой конторѣ, — и переселился въ родовое имѣніе жены своей на рѣчку Синеводъ.

Сильныя утраты быстро двинули добраго Ивана Яковлевича къ старости; онъ въ годъ одряхлѣлъ и примѣтно потерялъ прежнюю живость характера. Въ то время онъ получилъ письмо отъ дворецкаго, что его сынъ, окончивъ курсъ наукъ, по милости княгини, опредѣленъ въ штатскую службу. Старики отслужили молебенъ о здравіи благодѣтельной княгини, созвали на обѣдъ сосѣдей и тутъ же рѣшились вызвать сына, если можно женить, и утѣшаться на старости. Это сдѣлалось единственною мечтою Ивана Яковлевича. Пошла переписка. Сеня писалъ отцу, что радъ его видѣть, но не имѣетъ денегъ. Деньги вещь важная на Синеводѣ; прогоновъ отъ Петербурга приходилось платить не мало: старикъ призадумался. Иванъ Яковлевичъ продалъ Цыганамъ своего любимаго коня; Аграфена Львовна спустила съ рукъ, какъ она выражалась, алмазный перстень въ видѣ пылающаго сердечка, подаренный ей покойною бабушкою, сложили капиталъ, сосчитали раза четыре: выходятъ прогоны, еще и лишнихъ рублей десять. Ну, это пусть полакомится дорогою; вѣдь ѣсть надобно что-нибудь, сказалъ Иванъ Яковлевичъ, самъ отвезъ на почту деньги, и возвратясь домой, началъ высчитывать дни: когда письмо пріидетъ въ Петербургъ, когда Сеня его получитъ, когда соберется выѣхать, и когда пріѣдетъ на Синеводъ. Для этого, Иванъ Яковлевичъ даже составилъ особенную таблицу; ложась спать, каждый вечеръ зачеркивалъ одно число и считалъ остальныя. —Семенъ Ивановичъ получилъ деньги исправно, но не торопился ѣхать: онъ сейчасъ издержалъ прогоны на одну лошадь и рѣшился ждать 15-го мая, чтобъ ѣхать невозбранно на парѣ, а отцу отвѣчалъ, что его ка-

кой-то графъ съ какимъ-то княземъ не пускаютъ раньше этого числа; что они оба его начальники, оба женятся въ первыхъ числахъ мая и оба хотятъ имѣть его шаферомъ. — Подождемъ, говорилъ Иванъ Яковлевичъ: — противъ начальства не должно спорить.

ГЛАВА V.

Сеня ѣдетъ.

Гдѣ ямщикъ нашъ, на попойку
Вставшій съ темнаго утра,
И загнать готовый тройку
Изъ полтины серебра?
Кн. Вяземскій.

— Господи, Боже мой! что за городъ! всѣмъ завладѣли кулаки! житья нѣтъ отъ нихъ. Ступишь за дверь — передъ тобою кулакъ; какъ тѣнь, проклятые, не отстаютъ... Ай-да Москва! нечего сказать! Правда, видъ съ Ивана-Великаго хорошъ, и пушка въ Кремлѣ хороша, и колоколъ хорошъ, и калачи хороши... Не будь кулаковъ, далъ бы старухѣ руку на мировую; но эти несносные, эти мучители... Тутъ Семенъ Ивановичъ выразительно ударилъ себя въ грудь собственнымъ своимъ кулакомъ и началъ быстрыми шагами ходить по микроскопической компаткѣ самаго верхняго этажа гостинницы Шевалдышева, которую, подъ громкимъ названіемъ *покойнаго нумера,* отдаютъ проѣзжающимъ въ наемъ, по два рубля съ полтиною въ сутки.

У насъ много было писано о всѣхъ возможныхъ кулакахъ вообще, и о русскихъ въ особенности; смотрѣли на этотъ предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, — кажется, и довольно бы; но мода великое дѣло: извиняюсь, а все-таки скажу о нихъ два слова.

Всякому образованному человѣку извѣстно, что кулакомъ называются сжатые плотно къ ладони пять пальцовъ руки человѣческой; практическое примѣненіе ихъ къ дѣйствительной жизни тоже болѣе или менѣе не скрыто отъ публики: иные утираютъ ими слезы, и т. п. Есть еще кулаки на мельничныхъ колесахъ; эти уже дѣлаются не изъ пальцовъ человѣческихъ, но изъ какого-нибудь крѣпкаго дерева: клена, бука, или граба. Московскіе кулаки рѣшительно не подходятъ ни подъ одно изъ вышеприведенныхъ опредѣленій и сами-по-себѣ составляютъ вещь довольно-непріязненную. Это, изволите видѣть, живые люди, точно такіе же, какъ и мы съ вами, мой добрый читатель, а названы «кулаками» такъ, безсознательно, хоть и довольно-удачно. Они составляютъ касту, живущую на счетъ другихъ, безъ всякаго труда съ своей стороны, какъ омела на растеніяхъ, какъ многіе полипы на животныхъ. Кулакъ сидитъ цѣлый день

у воротъ и смотритъ на свѣтъ Божій — вотъ вся его работа; между-тѣмъ, живетъ онъ по-своему хорошо, даже роскошно. Если вы не имѣете собственныхъ лошадей, то ни сами не выѣдете, ни вышлете куда-нибудь изъ Москвы ваши вещи безъ кулака; онъ явится къ вамъ, проситъ тройную цѣну, торгуется, и наконецъ, когда вы поѣдете, тогда только узнаете, что имѣли дѣло съ кулакомъ, у котораго нѣтъ ни одной лошади, и что васъ везетъ ямщикъ за половину цѣны, взятой съ васъ кулакомъ. Ни одинъ ямщикъ не смѣетъ везти безъ посредничества кулака, который Богъ-знаетъ за что беретъ деньги. Вы думаете, они имѣютъ на это какую-нибудь привилегію? Ничуть не бывало! Спросите любаго ямщика, — онъ вамъ отвѣтитъ, почесывая въ затылкѣ: «Такъ ужь изстари ведется; извѣстно, на то кулаки проклятые, такая ихъ должность!»

Долго быстрыми шагами ходилъ Семенъ Ивановичъ по комнаткѣ, упражняясь въ спряженіи всѣхъ глаголовъ богатаго русскаго языка; хоть немного оскорбляющихъ слухъ, пересыпая, вѣроятно для практики, разныя времена и наклоненія нарицательными именами, склоненными по всѣмъ падежамъ, и приноровляя все это къ московскимъ кулакамъ; единственный въ комнатѣ экземпляръ стула прыгалъ, столъ дрожалъ, диванъ шевелился, и пауки, испуганные тревогою, робко ползли изъ дивана по стѣнкѣ. Наконецъ, Семенъ Ивановичъ надѣлъ шляпу и пошелъ жаловаться частному приставу.

Что говорилъ Семенъ Ивановичъ приставу и что отвѣчалъ Семену Ивановичу приставъ, достовѣрно неизвѣстно: исторія объ этомъ умалчиваетъ; но, кажется, экспедиція была неудачна для моего *героя*, судя по его смущенному виду и рѣчамъ, которыя онъ ворчалъ, идя по Тверскому Бульвару: «Да это срамъ разсказать порядочному человѣку!.. Здѣсь они имѣютъ какую-то власть, правственную силу, у нихъ какая-то privilegia favorabilia, какъ называется въ римскомъ правѣ... Ѣхалъ изъ Петербурга порядочнымъ человѣкомъ, ѣлъ въ Помераньи бифштексъ, въ Торжкѣ котлеты, въ Твери коврижки, въ Яжелбицахъ форели, только проспалъ валдайскіе баранки... ну, словомъ, ѣхалъ, какъ люди... Вотъ-что значитъ дилижансы,—а тутъ и сиди... третьи сутки лошадей не дождусь... Совѣтуютъ ѣхать на вольныхъ до Подольска... оно ничего; но сорокъ рублей просятъ кулаки, а прогоновъ всего девять на тройку... Ахъ, они... Ну, что скажетъ объ этомъ баронъ Киксъ?» И Семенъ Ивановичъ задумчиво опустился на бульварную скамейку, смотря на кончикъ своего сапога.

Въ это время шли мимо двѣ дамы, довольно-свѣжія, довольно-опрятныя и довольно-развязныя, въ шолковыхъ салопахъ, въ розовыхъ шляпкахъ; за ними спѣшилъ человѣкъ довольно-дряхлый, толстенькій, въ синемъ сюртукѣ, похожемъ на мѣшокъ, и въ синемъ суконномъ картузѣ съ назатыльникомъ, засматривая подъ шляпки въ ма-

ленькую лорнетку. Онъ, казалось, весь былъ преданъ своему благородному занятію; но фамилія *баронъ Киксъ,* довольно-громко произнесенная Семеномъ Ивановичемъ, остановила его; синій картузъ посмотрѣлъ на Семена Ивановича, улыбнулся и значительно убавилъ шагу, не смотря на то, что розовыя шляпки раза три на него оборачивались. Онъ вынулъ изъ кармана кусочекъ шоколаду и принялся ѣсть, о чемъ-то размышляя; потомъ вынулъ платокъ, утеръ лицо и, поворотивъ назадъ, началъ медленно, осторожно подходить къ Семену Ивановичу. Между-тѣмъ, мимо Семена Ивановича прошелъ какой-то лёгонькій старичокъ, посмотрѣлъ на него привѣтливо, и вдругъ въ головѣ Семена Ивановича, ни съ того, ни съ другаго, родилась мысль написать шараду изъ слова: *кулакъ*. «Да, напишу» думалъ Семенъ Ивановичъ: «напишу злую шараду, и тутъ же въ Москвѣ отдамъ ее напечатать: пускай читаютъ и сердятся... Вѣдь иной, право, такой профанъ, и чина небольшаго, а пишетъ-себѣ шарады; а я отъ-того не пишу, что не пробовалъ... Положимъ, первое мое *куль* — это остро: можно сказать куль съ чѣмъ-нибудь нехорошимъ; или, еще лучше, я гдѣ-то читалъ:

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мехмета-Кула,
Сибирскихъ странъ богатыря...

Значитъ, Кулъ татарская фамилія, этакая варварская, разбойничья! чудесно! Не только остро, даже очень-зло!.. Мое второе: *акъ*... что̀ бы это такое *акъ*? Кажется, ничто не называется по-русски этимъ именемъ,—жаль! а въ цѣломъ какая бы вышла богатая рифма—*дуракъ*... что̀ съ ними церемониться? писать, такъ писать!.. Разомъ шарада съ эпиграммою... *Куль*... *акъ!*.. *куль-акъ!*.. Досадно... кулъ...

— Вы изволите заниматься корнесловіемъ? вѣжливо спросилъ Семена Ивановича человѣкъ въ синемъ сюртукѣ и снялъ картузъ, какъ-бы показывая, для потѣхи, небольшую ящерообразную, плотно выстриженную головку, причесанную кверху à la ёжъ.

— Да-съ.

— Очень-пріятно. Я самъ иногда люблю произвесть слово, другое; у меня ни одно слово не пройдетъ безъ корня... Позвольте присѣсть?

— Сдѣлайте одолженіе.

Семенъ Ивановичъ засвистѣлъ водевильный куплетъ.

— Вы проѣзжающій, какъ я замѣчаю? спросилъ синій сюртукъ.

— Я ѣду изъ Петербурга въ свои деревни. Отъ-чего жъ вы узнали, что я проѣзжающій?

— Человѣкъ наблюдательный сейчасъ это замѣтитъ: вы съ такимъ вниманіемъ разсматриваете нашъ городъ. Смѣю спросить, гдѣ остановились.

— Въ гостинницѣ Шевалдышева — и очень недоволенъ: берутъ въ сутки пятнадцать рублей, кормятъ гадко... Съ нетерпѣніемъ жду

минуты, когда будетъ готова моя карета—сейчасъ же ускачу; у васъ очень скучно,—а прійдется посидѣть день, другой...

— Справедливо изволите говорить; впрочемъ, здѣсь есть много очень-веселыхъ вещей. Вотъ, противъ Кремля, новый фонтанъ—тоже по части древностей... Я, въ прежнее время, признаться, служилъ, просвѣщалъ юношество, — и все оставилъ единственно для древностей, живу здѣсь и, не утаю правды, много успѣлъ... Здѣсь есть университетъ; но профессоры молодые люди, меня не понимаютъ... Позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Я... графъ... Крузадо... къ вашимъ услугамъ.

—Вмѣняю себѣ въ особенное счастіе... Синій сюртукъ привсталъ, приподнялъ картузъ и опять сѣлъ. — Да-съ, ваше сіятельство; вѣрите ли, они даже не могутъ понять, что этотъ бульваръ африканскій...

— Я думалъ, Тверской?

— Тверской во всякое другое время; но теперь — африканскій...

— Отъ-чего же?

— Отъ-того, что Африка вовсе не Африка, но Априка — понимаете? Вѣроятно, ваше сіятельство изволите знать по-латинѣ?

— Да, разумѣется; кто теперь не знаетъ по-латинѣ! Но все я васъ какъ-то понимаю темно.

— Вотъ видите: солнце теперь вверху, а бульваръ внизу, противъ него; слѣдовательно, онъ противолежащій солнцу, что называется по-латинѣ: apricus, а въ женскомъ aprica, отъ-чего и Африка получила названіе, то-есть страна aprica, противолежащая солнцу. Въ-послѣдствіи *p* измѣнилось въ *f* и вышло — Африка; слѣдовательно, Бульваръ Тверской въ полдень дѣлается Африканскимъ, или Априканскимъ, точнѣе сказать... Что? это васъ поразило?

— Сильно поразило!

— И вѣрите ли, господа-ученые этого не понимаютъ; живутъ въ Москвѣ и знать не хотятъ, что Москва произошла отъ моста, что здѣсь былъ единственный мостъ въ цѣломъ округѣ, и всѣ говорили: «поѣдемъ въ деревню у моста», то-есть, которая стоитъ у моста; а въ-послѣдствіи, отъ скораго выговора: моста, моста, моста, вышло— Москва...

Синій сюртукъ вдругъ умолкъ и, улыбаясь, посмотрѣлъ въ глаза Семену Ивановичу.

— Да, ваше сіятельство! здѣсь очень пріятно *для антикофила*. Вотъ одинъ почтенный мужъ, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Нетрогъменя, безпрестанно пишетъ ко мнѣ и уговариваетъ служить вмѣстѣ, а я и служить не хочу, пока не кончу своихъ корней...

Синій сюртукъ вынулъ изъ кармана довольно-засаленное письмо и поднесъ его къ носу Семена Ивановича. Письмо начиналось: «Любезный другъ Меѳодій Исааковичъ...»

— Вы Меѳодій Исааковичъ? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Надворный совѣтникъ и кавалеръ Меѳодій Исааковичъ Аароновъ. Признаюсь, мое имя, напоминающее Меѳодія и Кирилла, первыхъ писателей на языкѣ словенскомъ, часто мнѣ будто шепчетъ: трудись на почвѣ корнесловія словенской рѣчи, во славу своего патрона...

— Прекрасный слогъ, сказалъ Семенъ Ивановичъ, возвращая письмо; — очень похожъ на слогъ баронессы Фруктенбау.

— Не имѣю чести знать.

— Это кузина барона Кикса, моего первѣйшаго друга.

— Я не смѣлъ васъ безпокоить, но, признаюсь, слышалъ мимоходомъ, какъ вы упоминали незабвенную для меня фамилію Киксъ. Я имѣлъ счастіе пользоваться въ молодости благосклонностію многихъ вельможъ и въ томъ числѣ барона Кикса; всегда, бывало, по вечерамъ ему читалъ газеты; баронесса, бывало, сама мнѣ поднесетъ чашку чаю и скажетъ какой-нибудь привѣтъ... Что, здоровъ ли Левъ Адамовичъ?

— Мой Киксъ Карлъ Карловичъ.

—А! долженъ быть дальній родственникъ или однофамилецъ. Потерялъ я изъ виду Льва Адамовича! Все работаю и думаю: окончу свой трудъ, перепишу на бѣло семьдесятъ тысячъ корней и посвящу ему. Но теперь я благодаренъ случаю, что имѣю честь бесѣдовать съ вашимъ сіятельствомъ и надѣюсь, современемъ ваше просвѣщенное вниманіе... Куда же вы уходите, графъ?

— Тороплюсь узнать, скоро ли будетъ готовъ мой экипажъ. Скучно у васъ въ Москвѣ!

—По-крайней-мѣрѣ, позвольте, ваше сіятельство, мнѣ имѣть честь засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе у васъ на квартирѣ.

— Къ-чему это, почтеннѣйшій?

—Нѣтъ, извините; я знаю свои обязанности въ отношеніи къ ученымъ вельможамъ, и если вы позволите...

— Хорошо, хорошо; приходите въ гостинницу въ восемь часовъ вечера пить чай...

— Несносные чудаки эти ученые! думалъ Семенъ Ивановичъ: — однако и я ему пустилъ пыль; пускай, голубчикъ, явится да поищетъ графа!.. Убираться поскорѣе изъ Москвы... Охъ, кулаки, кулаки! дорого, а дѣлать нечего...

Часа черезъ три выѣхала изъ Москвы примѣчательная телега: тройка тощихъ, разбитыхъ лошадей едва тащила ее, переваливаясь съ ноги на ногу; ямщикъ, лукаво улыбаясь, разводилъ по воздуху кнутомъ, приговаривая: «Шалишь, друзья! Охъ вы, соколики, выноси! Съ горки на горку! дастъ баринъ на водку!.. Э-но-ого!..» Въ те-

легѣ, на чемоданѣ, какъ на пьедесталѣ, сидѣлъ человѣкъ въ модномъ узенькомъ сюртучкѣ съ короткими рукавами; распустивъ надъ головою дамскій зонтикъ, онъ подпрыгивалъ при каждомъ толчкѣ телеги и былъ очень-похожъ на резинковаго Китайца. Мальчишки смѣялись, показывая на него пальцами, и кричали: «у! у!», а онъ ворчалъ: — Пари держу, что это дѣти гадкихъ кулаковъ! Что за городъ Москва! Слава Богу, что изъ него вырвался: теперь все пойдетъ ладно!..

ГЛАВА VI.

Все еще ѣдетъ Сеня.

Обманутъ я, увы! одинъ чудакъ вскричалъ.
Увидѣвши сіе прохожій отвѣчалъ:
Чрезъ злато ты себѣ не учинилъ добра;
Сей камень собери здѣсь вмѣсто серебра.

Новѣйшая дѣтская азбука.

Обращаюсь къ вамъ, господа-путешественники, имѣвшіе удовольствіе ѣздить, по своей надобности, за Москву на городъ Подольскъ: вы не станете спорить, что Подольскъ городъ самый пріятный; я держу пари за девяносто-девять изъ ста, что вы провели въ этомъ очаровательномъ городѣ гораздо болѣе минутъ, часовъ и можетъ-быть дней, нежели располагали... Подольскъ очень похожъ на волшебные замки въ народныхъ сказкахъ; ворота для приходящихъ широко распахнуты, а для выходящихъ крѣпко заперты; разница только, что въ волшебныхъ замкахъ заключенная жертва предается терзаніямъ всѣхъ возможныхъ чудовищъ, а въ Подольскѣ она занимается вѣжливымъ разговоромъ съ станціоннымъ смотрителемъ о разныхъ поучительныхъ предметахъ, слушаетъ веселыя, удалыя народныя поговорки и остроты ямщиковъ, пьетъ чай изъ трактира надъ своею головою, и можетъ—если молода—кушать *бифштекс*, кушанье въ родѣ жаркаго, пріуготовляемое мѣстными жителями изъ какого-то неизвѣстнаго мяса съ примѣсью луку и остиндскихъ пряностей—пища здоровая и пріятная, но требующая крѣпкаго устройства челюстей и прочныхъ зубовъ.

Еще было далеко до вечера, какъ Семенъ Ивановичъ торжественно вошелъ на станцію въ Подольскѣ, привѣтствуемый низкими поклонами служителей трактира, находящагося во второмъ этажѣ на верху надъ станціей. Но вотъ уже зашло солнце; уже, говоря высокимъ слогомъ, ночь покрыла міръ черною мантіею и на стогнахъ богоспасаемаго града Подольска царствовала тишина, а Семенъ Ивановичъ, очарованный, заколдованный, все еще сидѣлъ на станціи въ Подольскѣ; онъ стоялъ у растворённаго окна; въ комнатѣ едва,

мерцалъ нагорѣвшій огарокъ сальной свѣчки; на верху гремѣли бильярдные шары и рѣзкій голосъ маркёра распѣвалъ фистулою: «никого и ничего», «очень-мало и слишкомъ-обидно!» и въ-слѣдъ за этимъ слышался басистый смѣхъ и восклицаніе «экая бестія!». Передъ окномъ по улицѣ ходили подъ руку три или четыре дѣвушки; удалой ямщикъ, идя подлѣ нихъ, бренчалъ что-то на балалайкѣ, подпѣвая въ-полголоса какую-то импровизацію. Небо было мрачно; иногда вѣтеръ повѣвалъ въ окно, иногда большая станціонная собака, проходя мимо окна, сердито косилась на Семена Ивановича и ворчала поджимая хвостъ.

— А что, любезнѣйшій, когда будутъ? спросилъ самымъ ласковымъ тономъ Семенъ Ивановичъ.

— Завтра въ эту пору кони будутъ! отвѣчалъ ямщикъ, и, оборотясь къ сосѣдкѣ, запѣлъ громче прежняго:

Что на барынѣ чепецъ
Любитъ барыню купецъ.
Что на барынѣ обручикъ
Любитъ барыню поручикъ, и проч.

Семенъ Ивановичъ молча тяжело вздохнулъ.

Разобравъ хорошенько поступки Семена Ивановича, мы увидимъ, что Подольскъ былъ для него непріятнѣе кулаковъ: на кулаковъ онъ изливался цѣлымъ потокомъ ругательствъ, даже хотѣлъ-было согрѣшить эпиграммою, а здѣсь уже несчастіе сильно подавило его — онъ былъ способенъ только вздыхать.

Разумѣется, сидѣть на станціи, когда хочется ѣхать, — положеніе непріятное; но унывать въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ: это, говорятъ доктора, вредно для здоровья и можетъ подать поводъ къ улыбкѣ какому-нибудь писарю; главное же, нисколько не поможетъ горю. Въ подобномъ случаѣ лучшее правило быть веселу, вообразить какъ смѣшно сидѣть, когда сидѣть не слѣдуетъ, строить любезности женѣ или дочерямъ смотрителя, постараться поссорить двухъ ямщиковъ или двухъ пѣтуховъ, дразнить собаку и острить надъ лубочными картинками, развѣшанными по стѣнамъ; если это не поможетъ — побольше ѣсть и спать.

Одинъ мой пріятель, на подобный случай, всегда возилъ въ карманѣ флейту. На отвѣтъ «нѣтъ лошадей», онъ хладнокровно приказывалъ вносить свои вещи въ комнату, садился на нихъ, складывалъ флейту и начиналъ играть. Его игра отъ обыкновенныхъ звуковъ переходила crescendo въ самые адскіе тоны; бѣдная флейта дрожала и вопила совершенно не флейтнымъ голосомъ; ноты перебивались, путались и, съ визгомъ вырываясь изъ подъ-пальцевъ артиста, вылетали въ окна и двери. И какъ бы вы думали? Эта операція всегда удавалась: не было примѣра, чтобъ самый упорный смотритель выдержалъ ее

болѣе получаса, и обыкновенно минутъ черезъ десять, даже меньше, являлся писарь, съ поклономъ докладывалъ, что лошади готовы и просилъ поторопиться отъѣздомъ: вамъ, де-скать, на свой страхъ даемъ курьерскихъ.

Семенъ Ивановичъ въ первый разъ ѣхалъ на почтовыхъ, не имѣлъ съ собою флейты и былъ въ отчаяніи. Долго смотрѣлъ онъ на мрачныя тучи; а тучи, какъ вамъ извѣстно, рождаютъ самыя фантастическія идеи, чему прекрасный примѣръ стихотвореніе le Soleil Couchant въ «Осеннихъ Листьяхъ» Виктора Гюго. Вотъ причина, почему Семенъ Ивановичъ, глядя на тучи, какъ новый Громобой, подумалъ о нечистой силѣ, и не на шутку вздрогнулъ, когда вслѣдъ за грѣшною мыслію явилось передъ нимъ существо, будто изъ земли выросло... Не пугайтесь; существо это не съ хвостомъ, не съ рогами, самаго обыкновеннаго вида, въ форменномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ кантиками и съ кожаною сумкою на груди. Семенъ Ивановичъ очень обрадовался, когда оно, вѣжливо поклонясь, сказало человѣческимъ голосомъ: — Желаю добраго вечера! Вѣрно проѣзжающій?

— Точно-такъ, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ, и глубоко вздохнулъ.

— Гмъ! вѣроятно лошадей дожидаете?

— Да-съ, эти варвары, эти вандалы, неимѣющіе никакого сострадапія!... И Семенъ Ивановичъ разразился цѣлымъ потокомъ разныхъ эпитетовъ, радуясь, что нашелъ слушателя.

— Напрасно слова изволите тратить... не имѣю чести знать вашего имени...

— Семенъ Ивановичъ Лобковъ. Служилъ въ... и проч. Позвольте узнать съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Тринадцатаго класса Брусникинъ, къ вашимъ услугамъ. Вотъ я самъ жду болѣе двухъ часовъ, а ѣду курьеромъ по казенной подорожной.

— Не-уже-ли нѣтъ никакого средства?

— Мнѣ-то черезъ часъ обѣщаютъ, а вы подождете; ночью идетъ тяжелая почта, да къ завтраму заготовлено двѣнадцать лошадей для княгини Плёрезъ—вотъ и разсчетъ, я самъ смотрѣлъ въ книгу.

Брусникинъ подошелъ къ столу, снялъ со свѣчки пальцами, сѣлъ и, вынувъ изъ сумки свѣжій огурецъ, началъ его чистить перочиннымъ ножичкомъ, потомъ разрѣзалъ въ длину и посолилъ обѣ половины, доставъ изъ кармана мелкую соль, завернутую въ бумажку.

Семенъ Ивановичъ, глядя въ окно, запѣлъ извѣстную арію изъ Роберта:

Въ законъ, въ законъ, въ законъ себѣ поставимъ
Для ра, для ра...

— Не угодно ли? сказалъ Брусникинъ, подавая Семену Ивановичу половину огурца.

— Благодарю!...

Для радости пожить.
Другимъ, другимъ, другимъ мы предоставимъ
Безъ го...

— Развѣ вы не любите?

— Не очень.

...ря вѣкъ, безъ горя вѣкъ тужить.

— Какъ угодно; я и самъ съѣмъ, сказалъ Брусникинъ, съѣлъ огурецъ, досталъ изъ сумки колоду старыхъ картъ, и, началъ раскладывать гранпасьянсъ.

Семенъ Ивановичъ просвистѣлъ ритурнель къ своей пѣсни, и, подойдя къ столу, сталъ помогать Брусникину.

— Не хотите ли съиграть отъ скуки?

— Съиграть?

— Да; сидѣть скучно; пожалуй, я проиграю рублей двадцать пять.

Сѣли играть. Семенъ Ивановичъ проигралъ двадцать-пять рублей.

— Не хотите ли еще? авось вамъ повезетъ.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю.

— Напрасно! вы можете отъиграться.

— Это правда, я согласенъ, но... Семенъ Ивановичъ въ раздумьѣ прошелся по комнатѣ: — но будемъ говорить откровенно, почтеннѣйшій; въ Москвѣ я съѣхался съ моимъ закадычнымъ пріятелемъ, графомъ Мелондо. Вы его не знаете?

— Не имѣю чести.

— Жаль; онъ служитъ въ Петербургѣ совѣтникомъ при итальянскомъ посольствѣ. Настоящій Итальянецъ: такой веселый, все ѣстъ макароны, а теперь пріѣхалъ въ Москву искать невѣсты. Вотъ мы съ нимъ порядочно кутнули... Ваша Москва любитъ деньги...

— Истинно!

— Ну, это еще не бѣда; вдругъ, въ самый день отъѣзда, мой каммердинеръ возьми да и заболѣй, — ужаснѣйшая горячка съ бредомъ, съ пятнами; какъ дубовые листья, пошли пятна по всему человѣку! Что мнѣ дѣлать? Жаль человѣка, а домой хочется, обнять поскорѣе родителей. Вотъ я оставилъ только себѣ прогоны на перекладную, остальныя деньги отдалъ человѣку на лекарство и разныя необходимости, бросилъ въ Москвѣ экипажъ и скачу домой на простой телегѣ — согласитесь, что мнѣ рисковать въ игрѣ опасно. Другое дѣло, еслибъ вы стали играть на честное, благородное слово...

— Истинно! Гмъ! А куда вы изволите отправляться?

— Въ Далекую Губернію, въ Гороховскій Уѣздъ, въ собственныя свои деревни.

—Тутъ еще можно какъ-нибудь пособить дѣлу ; я и самъ ѣду въ ту же губернію.

— Не-уже-ли? въ Гороховъ?

— Не въ Гороховъ, а въ городъ Зеленые Бобы, верстъ двѣсти за Гороховымъ, по дорогѣ черезъ вашъ городъ.

— Прекрасно! такъ поѣдемте вмѣстѣ.

— Я самъ объ этомъ думалъ, и очень радъ, что теперь вамъ можно еще поиграть отъ скуки.

— Какъ ?

— Да вотъ какъ: у меня казенная подорожная, остановокъ не будетъ; далъ бы Господь выбраться изъ Подольска, я васъ доставлю въ Гороховъ въ четверо сутокъ ; вы отложите себѣ кормовыхъ на четыре дня, выдайте мнѣ прогоны до Горохова на одну лошадь, а на остальныя можете рискнуть въ игрѣ.

— Превосходно!

Семенъ Ивановичъ отдалъ Брусникину прогоны, не помню сколько рублей и тридцать семь копеекъ, а на остальныя сѣлъ играть. Ровно въ полночь у Семена Ивановича не осталось ни гроша въ карманѣ, и онъ выѣхалъ изъ Подольска по тракту на Серпуховъ, вмѣстѣ съ Брусникинымъ, въ очень печальномъ расположеніи духа.

Въ Серпуховѣ, наши путешественники съѣхались на станціи съ молодымъ прапорщикомъ ***го полка , ѣдущимъ въ отпускъ. Прапорщикъ былъ веселый малой , курилъ трубку, самъ пилъ мадеру и подчивалъ ихъ мадерою. Прапорщикъ вышелъ въ другую комнату и началъ тихо разговаривать съ Брусникинымъ, а Семенъ Ивановичъ, прислонясь къ спинкѣ дивана, уснулъ самымъ пріятнымъ сномъ. Тряская дорога и мадера взяли свое.

Проснувшись, Семенъ Ивановичъ съ ужасомъ замѣтилъ, что солнце клонилось уже къ вечеру, въ комнатѣ было пусто,—ни Брусникина, ни прапорщика нигдѣ не было. Гдѣ же лошади? гдѣ мои товарищи? спросилъ Семенъ Ивановичъ у вошедшаго слуги.

Слуга молча положилъ передъ нимъ ассигнацію, нѣсколько затертыхъ серебряныхъ монетъ, сорокъ копеекъ мѣди и записку слѣдующаго содержанія :

«Милостивый Государь,
«Симеонъ Ивановичъ !

«Очень сожалѣю, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ ѣхать съ вами. Прапорщикъ Свирѣлкинъ ѣдетъ прямо въ Зеленые Бобы; слѣдственно, онъ мнѣ попутчикъ выгоднѣйшій , ибо платитъ половину прогоновъ до самаго мѣста моего назначенія; а ѣдучи съ вами, я отъ

Горохова долженъ ѣхать самъ-одинъ двѣсти верстъ, что для меня бѣднаго человѣка составитъ большой разсчетъ, и, можно выразиться, даже убытокъ: отъ-того я ѣду съ господиномъ Свирѣлкинымъ прямо въ Зеленые Бобы, а вамъ возвращаю ваши прогоны на одну лошадь по разсчету отъ Серпухова до Горохова и желаю вамъ ѣхать благополучно. Вашъ всенижайшій слуга

«А. Брусникинъ 13-го класса.»

Изъ Серпухова повезъ Семена Ивановича очень дешево на сдаточныхъ ямщикъ Трошка; провезя десять верстъ, Трошка продалъ его за полцѣны Стёпкѣ; на десятой верстѣ Стёпка продалъ Филькѣ; Филька за селомъ повстрѣчалъ кума Матвѣя и перемѣнился съ нимъ сѣдоками; кумъ Матвѣй, не то на сельмой, не то на восьмой верстѣ продалъ Семена Ивановича за двугривенный какому-то Ивану Безталанному, а Иванъ Безталанный, доѣхавъ до ближняго селенія, выпрягъ лошадей и пошелъ въ кабакъ, говоря Семену Ивановичу, что дальше съ нимъ не поѣдетъ, что за двугривенный онъ, только изъ уваженія и свойства куму Матвѣю, везъ такъ далеко, почти двѣ версты, а въ заключеніе попросилъ на водочку. Везли, торговались, спорили и перепрягали цѣлыя сутки — и проѣхали пятьдесятъ верстъ!

Семенъ Ивановичъ изъ опыта и изъ пустоты кошелька убѣдился, что скорая ѣзда ему не далась; сосчиталъ свои деньги, на всѣ договорилъ одноконную подводу, и на долгихъ во весь шагъ пустился до города Пышнаго. Отъ Пышнаго оставалось до Горохова всего сто верстъ; но Семенъ Ивановичъ едва могъ найдти себѣ извощика, съ уговоромъ заплатить на мѣстѣ безъ малѣйшаго задатка впередъ. Извощикъ былъ Жидъ, вымѣнявшій, какъ онъ говорилъ, сегодня утромъ у помѣщика на старый бобровый воротникъ лошадь съ экипажемъ. Лошадь была чубарый двухлѣтокъ; экипажъ состоялъ изъ трехъ досокъ, сколоченныхъ въ видѣ корыта, и двигался на четырехъ колесахъ съ дѣтской повозки. На этомъ легкомъ экипажѣ Гершко намѣревался дебютировать первый разъ въ качествѣ извощика.

Весеннее солнце жгло землю, Гершко суетился на передкѣ, помахивая пеньковымъ кнутомъ и приговаривая: гешвинде! гешвинде, шварцъ юръ!.. Двухлѣтокъ плелся иноходью, Семенъ Ивановичъ сидѣлъ въ досчатой повозкѣ, распустя надъ головою маленькій зонтикъ: повозка дребезжала, прищелкивала какою-то снастью и ѣхала по проселочной дорогѣ прямо въ Гороховъ.

Не успѣлъ скрыться изъ виду городъ Пышный, какъ Гершко остановилъ двухлѣтка, быстро соскочилъ съ передка и началъ развязывать хомутъ.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе; распрягаю лошадь: пусть немного попасется.

— Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, не сошелъ, ваше высокоблагородіе: лошадь молодая, горячая, надорвется; а тутъ будутъ пески, оборони Господи какіе пески! страшно и подумать: цѣлая верста песку, да такой песокъ, такъ и сыплется! Надо покормить лошадь; отдохнетъ, такъ въ одну упряжку переѣдемъ весь песокъ. И вы отдохнете, пока лошадь попасется.

Дѣлать нечего. Семенъ Ивановичъ легъ въ тѣни повозки, двухлѣтокъ щипалъ листочки зеленаго подорожника, Гершко ѣлъ корку хлѣба и луковицу, приговаривая: «Ой, Боже-ты мой, что за лукъ пресладкій уродился въ это лѣто! Хоть Радзивилу кушать!»

Черезъ полчаса Гершко запрягъ чубараго, а черезъ часъ опять сталъ *попасать*. На такомъ положеніи шла ѣзда до самаго вечера; но чуть стало садиться солнце, Гершко выпрягъ двухлѣтка, заботливо стреножилъ его и пустилъ пастись, съ особеннымъ стараніемъ установилъ повозку въ сторонѣ отъ дороги, торжественно вымылъ руки и началъ навязывать себѣ на лобъ маленькій четыреугольный сундучокъ.

— Это что за штуки? спросилъ изумленный Семенъ Ивановичъ.

— Надо молиться, наступаетъ шабашъ...

— Когда?

— А вотъ сядетъ солнце и настанетъ великій день, день субботній, день Господа.

— Ну, молись поскорѣе, да поѣдемъ; теперь не такъ жарко.

— Ой вей! какъ это можно? какъ говорить такое неподобное!... Кто ѣздитъ въ шабашъ?

— Какъ! и завтра нельзя ѣхать?

— Извѣстно нельзя! зайдетъ солнце, поблагодаримъ Бога и поѣдемъ.

— Ждать цѣлыя сутки!?..

— Зачѣмъ же вы ѣхали? Будто вы не знали, что Еврей не смѣетъ ничего дѣлать въ день субботній?.. Какъ это можно!

Семенъ Ивановичъ началъ ругаться самымъ ужаснымъ образомъ. Между-тѣмъ, солнце сѣло, мильйоны голосовъ зашумѣли, запѣли, зажужжали въ обширной степи прощальную ему пѣсню. Гершко надѣлъ фелемъ, бѣлую мантію, обшитую синей каймой, и, какъ древній жрецъ, поднявъ руки къ первой звѣздочкѣ, робко мерцавшей на свѣтломъ еще небѣ, запѣлъ однообразнымъ, унылымъ голосомъ молитву:

Цуръ мишели охалну боруха іемунай
Совайну вегисарву кидварь Аденой!..

Картина была самая патріархальная: кругомъ степь и небо; на степи пасется лошадь, стоитъ убогая повозка, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея бѣдный труженикъ, рабъ копеечнаго разсчета, Гершко, въ поэтической одеждѣ своихъ предковъ, устремивъ глаза и руки къ небу, поетъ вдохновенныя пѣсни своей родины, пѣсни, которыя оглашали нѣкогда станъ Іудеевъ-скитальцевъ въ пустыняхъ Аравіи...

Должно быть, эта картина тронула Семена Ивановича: онъ смотрѣлъ на звѣзды и свистѣлъ галопадъ.

Но оставимъ на время Семена Ивановича; вы сами можете представить, какъ весело сидѣть въ степи цѣлый день, ничего не дѣлая и смотрѣть на Еврея, который безпрестанно молится. — Пусть они себѣ скучаютъ, а мы перейдемъ къ другому предмету.

ГЛАВА VII.

О рѣчкѣ Синеводѣ и Иванѣ Яковлевичѣ.

> Не можешь ты чиновъ давать,
> Но можешь зернами питать
> Семейство птичекъ благодарныхъ.
>
> Карамзинъ.

Въ Далекой-Губерніи, въ Гороховскомъ-Уѣздѣ, верстахъ въ десяти отъ славнаго города Горохова, течетъ рѣчка Синеводъ. По какому-то непонятному случаю, этой рѣчки нѣтъ ни на одной географической картѣ, хотя въ Синеводѣ есть вода, которая издали кажется синею, а вблизи зеленоватою, какъ вода славнаго Рейна, и въ этой водѣ водятся жирные золотистые караси и очень-вкусные пискари. Берега Синевода ежегодно зимою покрываются снѣгомъ, а лѣтомъ зеленью; правый берегъ немного возвышенъ, а лѣвый разстилается широкимъ лугомъ, весьма пригоднымъ для паствы всякаго скота. Правый берегъ усѣянъ садами и небольшими хуторами, отъ-чего весь Синеводъ похожъ на степной архипелагъ. Вообще, Синеводъ находится въ такомъ точно отношеніи къ Горохову, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты къ Великобританіи: отставные чиновники Горохова искони покупали по нѣскольку десятинъ земли на берегахъ Синевода, строили домы, хутора, садили сады и поселялись, отъ-чего вскорѣ составилось общество, ни мало неуступающее ни въ образованіи, ни въ современныхъ идеяхъ Гороховцамъ, и часто молодые служители Θемиды, вступая на скользкое поприще службы, въ трудныхъ казусахъ и юридическихъ недоумѣніяхъ пріѣзжали на Синеводъ, гдѣ подъ тѣнію липъ и вязовъ слушали наставленія и пользовались мудрою бесѣдою опытныхъ посѣдѣлыхъ юристовъ. Всѣ Синеводцы

были связаны неразрывными узами родства, сватовства и кумовства; въ ихъ союзѣ была даже одна статская совѣтница, отличная мастерица заваривать кашу, которую (т. е., совѣтницу) вся округа титуловала ея превосходительствомъ. Статская совѣтница снисходительно принимала это титло, ни мало не обижалась и даже гордилась имъ; Синеводцы съ своей стороны гордились, имѣя на родной рѣкѣ генеральшу. Обитатели Синевода находились въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Гороховцами; безчисленныя дороги и тропинки вели изъ Синевода къ Горохову; по нимъ Синеводцы отправляли въ Гороховъ сырыя произведенія своей земли: свѣжую рыбу, молоко, яица, куръ, разный хлѣбъ, и взамѣнъ вывозили изъ Горохова предметы роскоши: курительный табакъ, судацкое вино, мыло, московскіе ситцы, гвозди, выдѣланныя кожи, маленькія зеркала, перецъ, желѣзный купоросъ, и тому подобное.

Весною, Синеводъ разливался и затоплялъ лѣвый берегъ широко, шаговъ на двѣсти или болѣе; но эта свирѣпость Синевода была болѣе благодѣтельна, нежели опасна: добрая рѣка, какъ Нилъ въ Египтѣ, оплодотворяла своимъ разливомъ лѣвый берегъ; дня въ два вода приходила въ прежнее положеніе, и гдѣ недавно бушевали волны Синевода, тамъ ярко раскидывалась зеленая растительность и расцвѣтали букеты желтыхъ болотныхъ цвѣтовъ. Только сообщеніе праваго берега съ лѣвымъ въ это время бывало немного затруднительно: всѣ плотины и гати размокали и превращались въ толщу грязи, весьма неудобную для переѣзда; но, благодаря благодѣтельному вліянію солнечныхъ лучей, и это неудобство со временемъ исчезало: гати мало-по-малу высыхали, крѣпли, и къ петрову-дню почти по всему Синеводу учреждался прочный и безопасный переѣздъ.

Между безчисленными хуторами Синевода прошу замѣтить одинъ, состоящій изъ четырехъ крестьянскихъ хатъ и бѣленькаго господскаго дома; отъ дому до самого Синевода тянется густой вишневый садъ, оканчивающійся у рѣки высокою осиновою аллеею. Этотъ хуторъ съ хатами, домомъ и садомъ, принадлежитъ отставному почтмейстеру Ивану Яковлевичу Лобко; въ четырехъ хатахъ живутъ 13 душъ его крестьянъ. Домъ у Ивана Яковлевича чистенькій, съ крыльцомъ на дворѣ и двумя колоннами; на домѣ вѣчно сидятъ голуби; по двору бѣгаютъ кролики, цесарскія и простыя куры, и ходитъ павлинъ; налѣво отъ дома выстроена кухня, направо анбаръ и конюшня, возлѣ нихъ прикованы двѣ цѣпныя собаки, а противъ самаго дома, vis-a-vis, стоитъ на четырехъ столбикахъ маленькій домикъ, какъ игрушка, съ однимъ круглымъ окномъ въ фасадѣ, вершковъ десяти въ діаметрѣ; по временамъ изъ этого окна выглядываетъ и сверкаетъ маленькими глазами чудовищно-жирная кабанья голова. Тамъ живетъ охота Ивана Яковлевича, затворникъ, отшельникъ, кормле-

ный кабанъ. Иванъ Яковлевичъ очень любитъ пить чай, или просто сидѣть на крыльцѣ и посматривать на своего кабана, воображая вкусныя колбасы и ветчину, въ которыя преобразится современемъ этотъ затворникъ. «Кровожадное удовольствіе!» скажете вы. Достойное римскаго обжоры временъ имперіи! прибавлю я, и все-таки скажу, что Иванъ Яковлевичъ былъ добрѣйшій человѣкъ въ цѣломъ округѣ; всѣ Синеводцы уважали его, хотя онъ былъ бѣднѣе многихъ и очень многихъ, что̀ на Синеводѣ считается немалымъ порокомъ. Сама генеральша дѣлала Ивану Яковлевичу визиты, особливо, когда узнала, что ско̀ро пріѣдетъ къ нему изъ Петербурга сынъ. Иванъ Яковлевичъ былъ по-своему счастливъ; одна забота—ожиданіе сына, смущала иногда его спокойствіе, и старикъ въ бѣломъ халатѣ часто выбѣгалъ за ворота посмотрѣть, не ѣдетъ ли Сеня, когда слышалъ звукъ почтоваго колокольчика вдали по дорогѣ.

ГЛАВА VIII,

въ которой можетъ Сеня пріѣхать.

> *Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется,*
> *Но мимо, мимо звукъ несется,*
> *Слабѣй... и смолкнулъ за горой.*
>
> Пушкинъ.

Вечерѣло. Стада, возвращаясь домой, мычали и блѣяли; на Синеводѣ кричали утки и гудѣлъ выпь, точно будто кто водилъ смычкомъ по контрбасу: въ садахъ пѣли соловьи; въ воздухѣ летали жуки; затворникъ Ивана Яковлевича, выставивъ голову въ круглое окно своей темницы, безсмысленно смотрѣлъ на природу. Иванъ Яковлевичъ сидѣлъ на крыльцѣ въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ; здѣсь была жена его и два сосѣда: синеводскій архитекторъ и живописецъ. Впрочемъ, не должно понимать этого въ буквальномъ смыслѣ. Сосѣди были мнимый архитекторъ и мнимый живописецъ, короче сказать, они были аматёры, почти такіе же аматёры, какихъ мы съ вами, любезный читатель, имѣли скуку не разъ слышать на домашнихъ концертахъ. Первый весь свой вѣкъ строился и не могъ себѣ состроить комнаты, въ которой можно бы зимою сидѣть безъ шубы, а лѣтомъ, во время дождя, остаться суху. Второй рисовалъ тушью съ натуры цвѣты, прикрывалъ ихъ слегка красками и дарилъ всѣмъ Синеводцамъ въ день ихъ ангела, подписывая: «рисовалъ Георгій Кулѣшъ 18.. года, мая 9-го дня, въ два часа по полудни, при солнцѣ», или «въ 7 часовъ утра, при сильномъ вѣтрѣ», и т. п., судя по времени и погодѣ.

Пили чай.

— Посмотрите, почтеннѣйшій, что за машина этакая! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, указывая чайною ложечкою на кабанью голову: —*подлинно*, славнѣйшее животное на всемъ Синеводѣ.

— Да! отвѣчалъ архитекторъ: — животное! настоящее животное! И зданіе не дурно! Вы сами его строили?

— Самъ.

— И планъ сами составляли?

— Самъ.

— Не дурно! Есть ошибочки, а право, не дурно! Я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ карнизъ у окошка.

— Куда намъ до карнизовъ! было бы сало...

— А должно вамъ отдать справедливость, прибавилъ живописецъ: —вы отлично умѣете откармливать кабановъ..

— Стоитъ только сначала закормить *нечуйвѣтромъ*, сказала хозяйка:—а послѣ и отъ чистаго хлѣба будетъ сытъ.

— Вотъ что! Знаю нечуйвѣтеръ: — маленькіе голубенькіе цвѣточки; я еще имѣлъ удовольствіе изобразить ихъ на картинѣ, которую подарилъ вамъ въ день вашего рожденія, Аграфена Львовна.

— Славнѣйшее животное! Вѣрите, иногда меня страхъ беретъ глядя на него: жары наступаютъ, можетъ съ ума сойдти отъ жиру!

— Кто же вамъ мѣшаетъ порѣшить его? Вотъ скоро заговѣнье на петровъ постъ; оно и кстати угостить и насъ колбасами.

— Очень радъ, милости просимъ; да нельзя... Все, знаете, сынишка поджидаю, хочу ужь при немъ это торжество совершить; у нихъ тамъ, знаете, говорятъ, все такое поджарое, этакая штука въ рѣдкость.

— А ужь пора быть Семену Ивановичу!

— Пора-то, пора! ума не приложу куда онъ дѣвался... Пишетъ ко мнѣ Сеня изъ Москвы: доѣхалъ, говоритъ, благополучно, да тамъ съ какимъ-то графомъ трое сутокъ гуляли, не пускаетъ, говоритъ, да и только; однако сегодня, говоритъ, вырвался и уѣзжаю.

— Какія знакомства! прошепталъ архитекторъ.

— Благословилъ васъ Богъ сыномъ!.. сказалъ живописецъ.

— Да, спасибо Грушѣ, выкормила молодца.

Иванъ Яковлевичъ обнялъ жену и отеръ слезы.

— Вѣрите ли, друзья мои, жду не дождуся! Изъ Москвы, мнѣ хорошо извѣстно, почта ходитъ на худой конецъ шесть, семь дней,—а вотъ уже недѣля слишкомъ, какъ я получилъ письмо. На долгихъ можно бы давно пріѣхать, а онъ летитъ на перекладныхъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ. Старикъ Иванъ Яковлевичъ закричалъ: *«это онъ»*, и сбѣжалъ съ крыльца; сосѣди улыбались, Аграфена Львовна была уже за воротами. Но, увы! это былъ становой приставъ, въ

зеленомъ нанковомъ сюртукѣ, въ пыли, съ трубкою въ зубахъ. Опять все пришло въ прежній порядокъ.

— Откуда васъ Богъ несетъ? спросилъ хозяинъ у становаго.

— Не Богъ, скажите, а съ позволенія сказать — нечистая! Кто-то съ-дуру увѣрилъ исправника, что въ моемъ стану скрывается извѣстный разбойникъ Засоринъ. А вы знаете какой онъ, нашъ исправникъ: все у него по-военному, кричитъ: «лови, бери! доставляй въ полицію!» А гдѣ его ловить? Третьяго-дня получаю строжайшее предписаніе: «немедленно съ полученія сего отправиться на поиски». Моя Лизочка была именинница, собрались добрые пріятели, пирогъ стоялъ на столѣ, — все оставилъ, двое сутокъ бѣгалъ по стану; во ржахъ искали, въ тростникахъ искали, перерылъ, что-называется, всѣ мышьи норки, въ озеро неводъ забрасывалъ, вытащили небольшую щуку — и только! Усталъ какъ почтовая лошадь, заѣхалъ къ вамъ на перепутьѣ отдохнуть полчасика, да прямо въ Гороховъ; отрапортую, что нѣтъ, и засяду дома.

Въ одинъ годъ, Засоринъ былъ какое-то фантастическое лицо, пугавшее нѣкоторыя южныя и западныя губерніи. Его никто не видѣлъ, даже никто не видѣлъ человѣка, имъ ограбленнаго; но всѣ трепетали при имени Засорина. Про него разсказывалъ простой народъ самыя нелѣпыя исторіи: будто Засоринъ перекидывается волкомъ, птицею, прячется въ табакерки, въ кувшины, въ пустыя бутылки; будто онъ владѣетъ чудною *разрывъ-травою*, передъ которою разступаются каменныя стѣны и отскакиваютъ самые хитрые и крѣпкіе замки, и т. п. Люди поумнѣе не вѣрили этимъ баснямъ; но къ ночи удвоивали сторожей около амбаровъ, заряжали ружья и пистолеты, запирали тщательно двери и окна, и готовы были при малѣйшей причинѣ поднять шумъ и тревогу. Такъ были напуганы умы и разстроено воображеніе страшнымъ, таинственнымъ именемъ Засорина.

Только напугалъ становой добрыхъ людей Засоринымъ; не посидѣлъ получаса, выпилъ чашку чаю съ мурашковымъ спиртомъ, и ускакалъ въ городъ; гости Ивана Яковлевича послѣ деревенскаго ужина уѣхали на таратайкѣ домой; еще съ-полчаса свѣтился огонекъ въ комнатѣ Ивана Яковлевича; видно было въ окно, какъ онъ читалъ псалтирь и молился Богу; но и этотъ огонекъ погасъ... Синеводъ уснулъ глубокимъ сномъ; изрѣдка сонная утка плескала крыломъ по водѣ, да гдѣ-то вдалекѣ замирала пѣсня запоздалаго гуляки... Полная луна плыла по небу, дробилась въ струяхъ Синевода и освѣщала бѣлыя хаты хутора... Вдругъ цѣпныя собаки на дворѣ Ивана Яковлевича залаяли, загремѣли цѣпями, завопили ужаснымъ голосомъ... По двору шли мѣрными шагами два человѣка, одинъ совершенный нѣмецъ, даже въ круглой шляпѣ, другой съ ужасною рыжею бородою, съ длинными кудрями, точь въ точь наряженный Жидовъ...

О ужасъ! они прямо идутъ къ крыльцу, стучатъ, ломятся въ двери... Быстро отворилось слуховое окно, изъ него показалась женская голова и еще быстрѣе спряталась, закричавъ: «*Засоринъ!..*» Изъ всѣхъ дверей и оконъ выглядывали и прятались испуганныя головы... отворилось слуховое окно и мужской голосъ поддѣльнымъ басомъ спросилъ: «Кого вамъ надобно?»

— Ивана Яковлевича Лобко! сказалъ прохожій.

— Здѣсь нѣтъ Ивана Яковлевича, отвѣчалъ голосъ:—здѣсь только полонъ домъ солдатъ, ищутъ Засорина.

— Убирайся къ чорту, дуракъ! отвори скорѣе.

Голосъ умолкъ, а изъ окна явилась рука, вооруженная топоромъ, махнула раза два и перерубила какую-то веревку; веревка, какъ оборванная струна, взвилась, хлопнула по амбару и вмигъ собаки, почуя свободу, понеслись на гостей. Нѣмецъ отмахивался шляпою, Жидъ кричалъ и прыгалъ; куски его халата летали по воздуху...—Помогите! кричалъ человѣкъ въ нѣмецкомъ платьѣ:—я Семенъ Ивановичъ, я сынъ Ивана Яковлевича, уймите вашихъ проклятыхъ собакъ! Наконецъ кое-какъ вышли люди съ рогатинами, съ ухватами, даже одинъ съ ружьемъ; уняли собакъ, и, осмотрѣвъ плѣнниковъ съ головы до ногъ, рѣшились ввести въ домъ

Явился старикъ въ бѣломъ халатѣ съ пистолетомъ въ одной рукѣ, въ другой съ огаркомъ свѣчи, и освѣтилъ чудесную картину: Семенъ Ивановичъ въ узкихъ брюкахъ по колѣно въ грязи, въ модномъ сюртучкѣ, оборванномъ собаками, живописно рисовался, приглаживая руками шляпу. Его прическа à la moujik была поднята къ верху въ видѣ пламени; за нимъ стоялъ Гершко, безъ ярмолки, лицо въ грязи, платье въ дырахъ; вокругъ толпились мужики и бабы съ разными непріязненными орудіями.

— Что за народъ? грозно спросилъ старикъ тѣмъ же голосомъ, какимъ говорилъ изъ слуховаго окна.

— Оставь, братецъ, эту комедію, сказалъ раздосадованный Семенъ Ивановичъ:—лучше доложи Ивану Яковлевичу, что пріѣхалъ его сынъ изъ Петербурга.

— О-го! знаю, братъ, куда стрѣляешь! Слышали, что ждутъ сына, такъ и прикидываешься! У Ивана Яковлевича сынъ никогда не выглядывалъ такимъ разбойникомъ. Что, не бось и Жидъ сынъ или племянникъ? Обыщите, ребята, хорошенько этихъ бродягъ, свяжите ихъ, а завтра чуть свѣтъ въ Гороховъ, въ полицію.

— Да это разбой! Вотъ мои бумаги, читай, коли грамотенъ, не то отнеси къ Ивану Яковлевичу. И Семенъ Ивановичъ бросилъ подорожную.

— Гмъ! говорилъ старикъ, искоса поглядывая на пріѣзжаго: — штука, и фамиліи не умѣлъ прописать: Иванъ Яковлевичъ Лобко, а

здѣсь Семенъ Лобковъ. Какой-то Москаль писалъ!.. Да Сеня былъ красавчикъ, а это...

—Коли отецъ Лобко, такъ сынъ Лобковъ. Такъ слѣдуетъ по грамматикѣ.

—Да что тутъ толковать! сердце мое чуетъ, это Сеня; вотъ я скорѣе узнаю, кричала пожилая женщина въ старомъ ситцевомъ капотѣ, съ головою, повязанною зеленымъ платкомъ:—у Сени на шеѣ родимка, точно очаковскій крестикъ, батюшки; вотъ я сейчасъ...

Костистые пальцы женщины въ капотѣ принялись развязывать галстухъ Семена Ивановича. Семенъ Ивановичъ хотѣлъ ее оттолкнуть; но два сильные мужика схватили его за руки; онъ только моталъ головою ворча: — Отвяжись, тетка, задавить хочешь, бѣлены объѣлась...

Галстухъ упалъ къ ногамъ Семена Ивановича, а женщина повисла на шеѣ повторяя: — Онъ, мой голубчикъ, ей-Богу, онъ!... Дитя мое, Сеня... Сенюшка!.. Старикъ бросилъ подорожную и тоже сталъ обнимать сына. Семену Ивановичу насилу растолковали, что они его родители.

— Вотъ что! сказалъ Семенъ Ивановичъ.—А я думалъ вы дворецкій и ключница!

— А мы тебя, Сеня, приняли-было за разбойника!

Семенъ Ивановичъ сплелъ какую-то басню о разбойникахъ, которые его ограбили, вотъ тутъ, недалеко отъ Синевода.

— Вотъ полиція! кричалъ Иванъ Яковлевичъ. — А еще сегодня былъ становой и говорилъ все благополучно, а у него подъ носомъ грабятъ, рѣжутъ!..

— А вы и повѣрили ему? кричала старуха.—Ему лишь бы скорѣй домой косить сѣно!..

— Ограбили! кричалъ Сеня: — рѣшительно ограбили, всѣ деньги отняли...

— Всѣ до копейки!?...

— До полушки! и гостинцы отняли! А какіе вамъ гостинцы везъ я! Боже мой!.. Слава Богу, что чемоданчикъ съ будничнымъ платьемъ оставили, а мундиръ пропалъ, весь въ золотѣ...

— Богъ съ ними, Сеня!.. Слава Богу, что ты живъ!.. Вотъ полиція!..

И старики принялись обнимать сына.

— Кто бы могъ подумать, что я буду ограбленъ на порогѣ родительскаго дома!.. ворчалъ Семенъ Ивановичъ.

— Богъ съ тобою, Сеня! Что вспоминать нехорошее! Пойдемъ же; я поведу тебя въ твою комнату; вотъ уже четыре недѣли, какъ ее для тебя убрала... И образъ поставила, которымъ меня благословили замужъ: кіота серебряная, золоченая чистымъ червоннымъ золо-

томъ, — при себѣ покойница велѣла золотить, чтобъ не украли, — и занавѣсочки на окнахъ чистыя, настоящія кисейныя, своими руками вымыла, не дала Палашкѣ; посмотри... Что̀ ты смѣешься?

— Ничего. Я вспомнилъ, что видѣлъ такія занавѣсочки въ одномъ домикѣ въ Петербургѣ, на Итальянской Улицѣ.

— Вотъ видишь, Сеня! и мы сдѣлаемъ не хуже вашихъ итальянскихъ! А цвѣты-то какіе на окнахъ! нарочно сѣяли, тебя дожидая... Насилу сѣменъ выпросила у генеральши... Понюхай, какой горошекъ.

— Не дурно! я люблю геліотропъ.

— Вотъ этого, душа моя, отроду не слыхала.

— Полно тебѣ молодца потчивать цвѣточками, это бабье дѣло. Ты куришь, Сеня?

— Какъ же!

— И прекрасно; я для тебя приготовилъ два картуза табаку: что̀ въ ротъ такъ спасибо, настоящій вакштафъ фабрики Каратаева и Богомолова—дорогъ, да для тебя куда ни шло!

— Я курю пахитосы.

— Ей-Богу, въ первый разъ слышу! Было написать: я поискалъ бы... Жаль, когда не угодилъ!.. А наши канцелярскіе, еслибъ услышали про мой вакштафъ, мигомъ налетѣли бы изъ Горохова, какъ осы на медъ; да я купилъ и не признаюсь, все тебя поджидаю.

Между-тѣмъ, принесли яичницу, жареныхъ голубей, сливокъ, огурцовъ... Семенъ Ивановичъ ѣлъ за четверыхъ; старики улыбались, поглядывая на него.

— Люблю, говорилъ Иванъ Яковлевичъ:—за аппетитъ; мо̀й сынъ! славно ѣстъ! Ты, Сеня, скажи, что̀ любишь, такъ то и будутъ готовить.

— Я люблю страсбургскій пирогъ.

— Ну, братъ, этакого наша кухарка не то не изготовитъ, да и не выговоритъ.

— Отъ-чего же? перебила Аграфена Львовна. — Можетъ-быть, у насъ не такъ называется. Я недавно начитала въ «Опытной Поварихѣ» про одинъ пирогъ, вѣрно этотъ; книга изъ Петербурга: надобно взять, говоритъ, рубленое мясо, приправить перцомъ и ниточкою уксуса, потомъ...

— Пошла болтать!.. Ѣшь, братъ Сеня, не слушай ея; завтра я тебя угощу: у меня есть колбасы удивительныя... Ты не повѣришь, толщина необычайная!

— Вотъ вы уже у меня отбиваете сына! Горькая наша доля: выкормила и прощай! говорить не дадутъ.

— Богъ съ тобою, матушка! Наговоришься; впереди много времени. Я только хотѣлъ сказать слова два о кабанѣ. Вѣдь ты любишь, Сеня, колбасы?

— Иногда, а больше люблю дрозды съ трюфелями.

Старики взглянулись между собою.

— А вотъ что, папаша: заплатите моему бѣдному извощику; у меня все отняли, нечемъ расплатиться; ночевать онъ не хочетъ, заплатите сейчасъ.

Жидъ получилъ плату за извозъ, да сверхъ-того за ограбленныя вещи выпросилъ пять рублей и исчезъ. При выходѣ въ сѣни, онъ еще получилъ отъ Аграфены Львовны четвертакъ за благополучную доставку сына.

А дѣло было очень-просто: въ четверо сутокъ, Еврей, откармливая чубараго двухлѣтка, наконецъ, вечеромъ, привезъ Семена Ивановича на Синеводъ; но на-бѣду еще оставалось три недѣли до петрова-дня и гати на Синеводѣ не успѣли надлежащимъ образомъ окрѣпнуть; двухлѣтокъ, погрузясь по брюхо въ грязь, рѣшительно отказался везти пассажировъ и спокойно легъ на бокъ; ни крики, ни угрозы пеньковымъ кнутомъ не помогали дѣлу, и, провозясь безъ успѣха съ двухлѣткомъ до глубокой ночи, наши путники рѣшились идти пѣшкомъ искать хутора Лобка. Выйдя изъ грязи на другой берегъ, они увидѣли мужика, который сидѣлъ верхомъ на срубленномъ деревѣ, лежащемъ у дороги, и распѣвалъ пѣсню про синій кафтанъ и красное сѣдло.

— Эй, послушай, мужикъ! сказалъ Семенъ Ивановичъ.

— Здѣсь нѣтъ мужика.

— А кто же ты?

— Казакъ.

— Ну, казакъ, все равно.

— Какъ бы не такъ! какой грамотный!

— Гдѣ хуторъ Лобка?

— Вы или дураки, или пріѣзжіе: пришли въ хуторъ, а спрашиваете хутора!..

— Это туда дорога?

— И туда, и сюда.

— Какъ?

— Пойдете туда, будетъ туда, пойдете сюда, будетъ сюда; извѣстно: дорога на обѣ стороны!..

— А Иванъ Яковлевичъ дома?

— Дома, если никуда не поѣхалъ.

— Такъ намъ идти въ хуторъ прямо?

— Нѣтъ, криво! вотъ дурни!..

— Прощай! спасибо, братъ.

— На здоровье! нè за что.

И казакъ опять запѣлъ про красное сѣдло, а Семенъ Ивановичъ съ Жидомъ пошелъ прямо во дворъ Ивана Яковлевича, гдѣ и надѣ-

лалъ столько шуму. Семенъ Ивановичъ радъ былъ слухамъ о Засоринѣ и на него сложилъ всю вину своего не очень-блистательнаго пріѣзда...

ГЛАВА IX.

У Ивана Яковлевича гости.

> Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
> Въ кибиткахъ, бричкахъ и въ саняхъ.
> А. Пушкинъ.
>
> Какъ спокоенъ съ верху видъ;
> Опустись на дно, ужасный
> Крокодилъ на немъ сидитъ.
> Батюшковъ.

Рано поутру, Семену Ивановичу показалось, будто каркаетъ ворона; онъ проснулся, началъ вслушиваться, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что въ карканьѣ отзывались человѣческія рѣчи.

— А гдѣ же вашъ петербургскій паничъ? кричалъ странный голосъ: — покажите мнѣ его! Спитъ? Вотъ прекрасно! Спать до-сихъ-поръ!

—Хитёръ мой батюшка, подумалъ Семенъ Ивановичъ:—выучилъ на досугѣ говорить ворону, и потѣшается!.. Это рѣдкость была бы и въ Петербургѣ; сороки говорящія не рѣдкость, а ворона — почти не слыхано. Правда, мнѣ разсказывалъ на дорогѣ какой-то семинаристъ, что ворона говорила привѣтственную рѣчь одному римскому императору: почему же на Синеводѣ не можетъ выкинуться римская штука?.. Ворона, кажется, кричитъ подъ моею дверью?

—А вставайте-ка! громко закричалъ вороній голосъ. Семенъ Ивановичъ увидѣлъ огромную человѣчью голову, которая кивала ему въ полурастворенную дверь.

— Не конфузьтесь! мы не петербургскіе; мы свои. Да какой же вы худой! Ни одна барышня не пойдетъ замужъ за такого поганаго!

И, прихлопнувъ дверь, голова исчезла.

Между-тѣмъ, мальчикъ, босой, въ пестрядинной курткѣ, сѣлъ верхомъ на буланую кобылу, которую Иванъ Яковлевичъ очень-удачно называлъ камбалою, потому-что она имѣла одинъ глазъ и была непозволительно-худощава, и отправился по рѣкѣ Синеводѣ. Пріѣзжая въ каждый хуторъ, мальчикъ являлся на дворъ къ хозяину и почесываясь говорилъ:

— Баринъ и барыня приказали кланяться.

— Ну?

— Кланяться... и... просили...

— Ну?

— И просили... Да! и просили кушать колбасъ.

— Развѣ убили вашего кабана?

— Убили...

— Быть не можетъ!

— Убили, ей-Богу, убили! сегодня на зарѣ убили!

— Для чего же его убили?

— Такъ убили, говорятъ отъ радости: паничъ прiѣхалъ.

— Изъ Петербурга?

— А-га! оттуда!

— И давно бы такъ сказалъ, дуракъ! убирайся къ чорту! Скажи, что будемъ.

— Э-ге! къ чорту! Нѣтъ, еще надобно заѣхать къ Петру Петровичу, ворчалъ мальчикъ, садился на камбалу и свистя ѣхалъ далѣе.

Я уже сказалъ вамъ, что Синеводъ — маленькiй мiръ, и какъ въ мiрѣ есть много и хорошаго и дурнаго, такъ точно и на Синеводѣ. Отъ-того я не стану вамъ описывать разнообразнаго общества, прiѣхавшаго на обѣдъ къ Ивану Яковлевичу. Скажу только, что весь Синеводъ явился къ доброму сосѣду раздѣлить его радость вмѣстѣ съ колбасами, и посмотрѣть на прiѣзжаго. Здѣсь были всѣ возрасты, отъ желтоватыхъ сѣдинъ до груднаго ребенка; глаза всѣхъ цвѣтовъ, отъ сѣроголубенькихъ до самыхъ черныхъ, на которые нельзя смотрѣть безъ смущенiя; были талiи, похожiя на арбузъ и на осу, были лица отвратительныя и были возбуждающiя страстную охоту расцаловать ихъ. Словомъ, было все, что мы встрѣчаемъ ежедневно.

Гости были рады; поздравляли Ивана Яковлевича и Аграфену Львовну съ прiѣздомъ дорогаго гостя; все шло очень хорошо, кромѣ маленькой сцены съ двоюродною тетушкою, которая раскапризилась, раскричалась, расплакалась, и уѣхала домой, говоря, что подобное неуваженiе къ лѣтамъ и прекрасному полу невыносимо, что она давно замѣчала коварные взгляды своей двоюродной сестры, но презирала ихъ, а теперь, когда сестрица настроила насмѣхаться своего сына, столичнаго сорванца, княжескаго нахлѣбника, она прекращаетъ всякое знакомство.

Семенъ Ивановичъ, будучи представленъ своей двоюродной тетушкѣ, не бросился въ родственныя объятiя, не подошелъ къ рукѣ, а просто пожалъ ей руку. Вотъ чѣмъ тетушка обидѣлась.

—Ну, Богъ съ нею! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, когда уѣхала сестра. — Эта старая дѣвка всегда съ капризами... Пора обѣдать. Кажется, всѣ?

— А ея превосходительство не будетъ? замѣтилъ архитекторъ.

— Къ обѣду врядъ ли воротится. Она была у меня сегодня рано утромъ,—такая добрая! Сеня еще спалъ, и къ нему заглянула...

— Перепугала меня, mesdames! сказалъ Семенъ Ивановичъ, обращаясь къ чепчикамъ: — вѣрите ли, я думалъ, ученая ворона, — такъ кричитъ...

— Да, такая добрая! почти закричалъ Иванъ Яковлевичъ, желая заглушить отзывъ сына о статской совѣтницѣ: — забѣжала хоть на минуту, мимоѣздомъ въ Гороховъ. Тамъ сегодня ждутъ губернатора, такъ и ей должно быть—сами знаете.

— Разумѣется! отвѣчали сосѣди.

— А развѣ она служитъ? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Какъ ты простъ, Сеня! Не служитъ, а все же надобно быть — этакъ, знаешь, для почета...

— Скажите, Семенъ Ивановичъ, вы такъ удачно сравнили нашу сосѣдку съ говорящею вороною, сказала одна пожилая дама въ черномъ чепчикѣ, вертя головкою и очень-зло улыбаясь: — развѣ можно птицу выучить говорить?

— Помилуйте! сколько ихъ въ Петербургѣ! на каждомъ шагу попадаются. Вотъ, напримѣръ, разъ я иду съ баронессою Соте по Биржѣ и слышу, кто-то меня вполголоса кличетъ: «Семенъ Ивановичъ! Семенъ Ивановичъ!»

— Что̀ вамъ угодно? спрашиваю я у баронессы.

— Ничего, отвѣчала она: — я васъ не звала.

— Кто жь это меня кликалъ на французскомъ языкѣ?

— Я и сама слышала, а не знаю кто.

— Странно! подумалъ я и посмотрѣлъ вокругъ—нѣтъ никого; мы пошли. Опять слышу: «Семенъ Ивановичъ! Семенъ Ивановичъ!» Глядь: наверху, надо мной, сидитъ на деревѣ прекрасный попугай— самъ голубой, хвостъ желтый, крылья оранжевыя, головка черная съ краснымъ носомъ. Я показалъ на него баронессѣ.

—Баронесса вскричала: «ахъ! какая бель-птица!» и замолчала отъ восторга.

— Что̀ тебѣ, братецъ, надобно? спросилъ я у попугая.

—Купите меня! отвѣчалъ попугай:—пожалуйста, купите, Семенъ Ивановичъ! я буду хорошъ.

— Отъ-чего же ты меня знаешь?

— Мнѣ много говорилъ о васъ мой братецъ, попугай княгини.

— Вотъ-что! Дѣлать нѐчего, купилъ. Славная была птица!

— И умерла? спросили дамы.

— Нѣтъ, я ее подарилъ начальнику; знаете, нельзя отказать,—все хвалитъ, все говоритъ, бывало: «рѣдкую птицу имѣете», да послѣ этого такъ немного и покосится... Думалъ, думалъ, да и отдалъ въ день именинъ...

— И прекрасно сдѣлалъ, душа моя, сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Изъ-за дрянной птицы не ссориться съ начальствомъ! прахъ ее возьми...

— Однако я утѣшился: скоро пропалъ у начальника попугай. Чего не дѣлали—и консиліумъ сзывали, и гомеопатовъ, и гидропатовъ,—ничего не помогло: кашлялъ, кашлялъ, и пропалъ въ Спасовки. Ни мнѣ, ни тебѣ, что-называется!

—Вы шутили? спросила Семена Ивановича робкимъ голосомъ миленькая розовая дѣвушка.

— Надъ чѣмъ?

— Надъ нами, когда говорили о попугаѣ.

— Возможно ли? какъ вы жестоки!

— А я думала...

— Что̀ вы думали?

— Я думала, вы... сочиняете.

Семенъ Ивановичъ сказалъ дѣвушкѣ что-то на ухо и громко прибавилъ: — Надѣюсь, это останется между нами?

Дѣвушка покраснѣла и опустила глазки.

— Онъ сочинитель! шепнулъ черный чепчикъ, толкая локтемъ сосѣдку.

— Что̀ это, моя матушка?

— Этакій критиканъ столичный! хуже бѣшеной собаки!

Сѣли за столъ; застучали ножи и тарелки; общій разговоръ слился въ нестройный шумъ, изъ котораго вырывались порою отрывистыя фразы: «я не люблю огурцовъ — осталась вдовою — а съ медомъ хорошо?—прикупила себѣ валета и выиграла!— самой рысистой породы—должно быть, землемѣръ? — и по два съ полтиною аршинъ? — смѣю вамъ доложить, самые живые, настоящіе раки—красные цвѣточки по зеленому полю—знаю—дама самъ-другъ — три дня въ самомъ темномъ погребѣ, а потомъ—ка̀къ это хорошо!..»

Къ вечеру явилась статская совѣтница и навезла съ собою кучу новостей и гороховскихъ чиновниковъ; новости переходили изъ устъ въ уста, чиновники изъ угла въ уголъ. Семенъ Ивановичъ разсказывалъ дамамъ разные анекдоты, пѣлъ водевильные куплеты; старики пили, съ позволенія сказать, пуншъ. Было очень-весело. Иванъ Яковлевичъ обнималъ отъ радости сосѣдей и благословлялъ добрую княгиню Плёрезъ; желтые банты на чепчикѣ Аграфены Львовны плясали; смотритель училища, Агамемнонъ Харитоновичъ, поднявъ къ верху стаканъ пуншу, восклицалъ: —Не правда ли моя, Иванъ Яковлевичъ? не говорилъ ли я: будетъ человѣкъ, дайте только вырости въ Петербургѣ! Воспитаніе дѣло великое... да-съ!

— Выбрался веселый денёкъ! сказалъ Иванъ Яковлевичъ, когда гости разъѣхались по домамъ. — Ну, что̀, Сеня, ка̀къ тебѣ понравились наши добрѣйшіе сосѣди?

— Ужасные уроды, папаша!

— Богъ съ тобою! Въ семьѣ не безъ урода, есть пословица; но не всѣ же уроды!

— Да; эта дѣвушка въ розовомъ платьѣ очень мила.

— Дочь становаго... Что? не бось, понравилась?!...

— Да, я даже сказалъ ей на ухо, когда мы шли обѣдать: *вы хороши, какъ Венера!*

— Мой сынъ! рѣшительная голова!.. Что жь она?

— Сгорѣла.

— Люблю за обычай! Быть бы тебѣ офицеромъ...

— А что жь? прибавила Аграфена Львовна:—она дѣвушка не бѣдная: сорокъ душъ, и садъ, и прудъ, и еще кое-что есть... Можно бы и жениться...

Семенъ Ивановичъ легъ спать въ восторгѣ самъ отъ себя, не воображая, что посѣялъ сѣмена величайшей ненависти къ своей особѣ. Статская совѣтница разсказала всему Горохову о разбойникахъ, ограбившихъ Семена Ивановича почти въ ея глазахъ; исправникъ далъ порядочную гонку становому и даже грозилъ жаловаться губернатору, если становой впередъ, вмѣсто поисковъ, станетъ ловить рыбу,—становой сталъ первымъ врагомъ Семену Ивановичу. Второй врагъ была двоюродная тетушка—за родственное пожатіе руки. Третій врагъ и врагъ заклятой — статская совѣтница, которой дорогою объявилъ черный чепчикъ о говорящей воронѣ. Надобно же было на бѣду пріѣхать Семену Ивановичу лѣтомъ, когда пѣхотный полкъ выступилъ изъ Синевода въ лагерь, и уѣздные любезники, за отсутствіемъ офицеровъ, собирались пожинать лавры. Пріѣзжій изъ Петербурга развлекъ вниманіе барышень; онѣ только его слушали, только на него и смотрѣли; многія остроты молодыхъ Синеводцевъ, многіе комплименты, многіе вздохи остались незамѣченными. Это возбудило противъ Семена Ивановича цѣлый полкъ самыхъ злыхъ враговъ: въ нихъ бушевало оскорбленное самолюбіе, а оскорбленное самолюбіе человѣка, еще болѣе Синеводца — звѣрь страшный, неукротимый!.. Бѣдный Семенъ Ивановичъ, спитъ спокойно!

ГЛАВА X.

ШАПКА-НЕВИДИМКА.

> Молва, зло скоростью всѣхъ паче золъ извѣстна,
> Проворствомъ не всегда своимъ оживлена;
> Сперва мала и вдругъ величины чудесной!..
>
> Херасковъ.

Славное было время въ-старину! Какъ почитаешь книжечекъ, называемыхъ россійскими сказками, душа радуется. Кутили наши пра-

щуры не по-нашему: у нихъ были и сапоги-самоходы, и коверъ-самолётъ, и шапка-невидимка... Поэтическое было время; иной отдалъ бы пароходы, желѣзныя дороги, гальванопластику, дагерротипъ и всѣ чудеса нашего премудраго вѣка за одни сапоги-самоходы; вотъ славный инструментъ, чтобъ уходить отъ долговъ! Впрочемъ, и у меня есть нѣчто въ-родѣ шапки-невидимки: стоитъ надѣть ее, и вы сдѣлаетесь невидимкою. Попробуйте, надѣньте... Ну, вотъ, вы надѣли —и я васъ не вижу, мой добрый читатель, клянусь—не вижу; будто васъ вовсе нѣтъ передо мною.

Теперь, не угодно ли, я поведу васъ куда прикажете : вы можете все видѣть, все слышать и остаться незамѣченнымъ, хотя бы вы имѣли большой чинъ, почетные знаки отличія и даже огромное богатство. Согласитесь, быть незамѣченному *иногда* чрезвычайно-пріятно. На первый разъ, я васъ проведу по гостинымъ Синеводцевъ, обѣдавшихъ наканунѣ у Ивана Яковлевича.

Гостиная первая.

Мужъ сидитъ въ креслахъ и слегка прижимаетъ къ груди обѣ ладони. Жена обрываетъ съ герани сухіе листочки.

Мужъ. Проклятыя колбасы, чтобъ ихъ чортъ побралъ! Совершенно меня разстроили: вотъ тутъ, и тутъ... и здѣсь... охъ! будто ящерицы бѣгаютъ...

Жена. Этотъ старый дуракъ вѣчно окормитъ; пристанетъ, ѣшь да ѣшь, будто у насъ дома ѣсть нечего...

Мужъ. Нельзя; изъ политики...

Жена. Какая тутъ политика! просто самъ радъ поѣсть и другихъ силуетъ, чтобъ не совѣстно было, а можетъ-быть и подмѣшалъ чего...

Мужъ. Богъ съ тобою...

Жена. Ты не говори мнѣ; не даромъ они съ нашимъ лекаремъ шептались... Вотъ ему и будетъ практика!.. Меня не проведешь, я всякое кушанье нюхала; чуть немного подозрительно — и въ ротъ не возьму; а ты, мой батюшка, все убиралъ: смотрѣть было совѣстно! Ужь я и мигала, и кашляла, и посматривала на тебя,—нѣтъ, ничего не видитъ... Знай-себѣ обжирается, какъ-будто три дня не ѣлъ... Теперь, Богъ знаетъ, что будетъ!..

Мужъ. Что жь мнѣ дѣлать, матушка? не напиться ли чего?..

Жена. Мяты хорошо бы... да нѣтъ... вотъ сухіе листочки, очень пахучіе, сдѣлаемъ пробу, нальемъ кипяткомъ, какъ чай; ты и выпей: авось уймется...

Мужъ. А хорошо ли оно?..

Жена. Попробуемъ; попытка не шутка, спросъ не бѣда. А! здравствуйте!..

Архитекторъ (*входитъ раскланиваясь*). Мое почтеніе!.. Какъ ваше здоровье?

Мужъ. О...охъ!.. признаюсь... не знаю, что̀ я съѣлъ... а очень вредное...

Жена. Лекарь скажетъ спасибо Ивану Яковлевичу...

Архитекторъ. Вы думаете?..

Мужъ. Я думаю, это штуки петербургскія... Иванъ Яковлевичъ добрый человѣкъ...

Жена. Когда спитъ...

Гостиная вторая.

Статская совѣтница. Ахъ, онъ сорванецъ!.. Такъ и сказалъ?..

Черный чепчикъ. Да, ваше превосходительство, извините, говоритъ: «такая черная, какъ головня», а послѣ подумалъ, и говоритъ: «нѣтъ, головня не живая, а *она*, т. е., вы, какъ ворона каркаетъ, и, говоритъ, говоритъ какъ ворона каркаетъ, вотъ такъ: кра! кра!.. кра!..» Ей-Богу!..

Статская совѣтница. Ахъ, онъ дрянь! щенокъ!.. Видали мы этихъ выскочекъ... Да я его съ грязью смѣшаю...

Черный чепчикъ. Ломается и куда тебѣ! Своей ближайшей родственницѣ какой афронтъ сдѣлалъ... Страшно разсказывать... А та по немъ души не слышитъ, все бывало говоритъ: вотъ пріѣдетъ Сеня, какого-то мнѣ гостинца привезетъ? Вотъ тебѣ и гостинецъ!.. расплакалась бѣдная дѣвушка... безпомощная, беззащитная!..

Статская совѣтница. Правда, правда! Уродъ какой!..

Черный чепчикъ. Мало этого, ваше превосходительство, еще признался, что онъ сочинитель, — знаете, критиканъ: что̀ увидитъ, такъ сейчасъ и на смѣхъ, въ этихъ дурацкихъ книжкахъ все и напечатаетъ, и хлѣбъ-дескать подавали не выпеченой, и руки были не вымыты, и все такое.

Статская совѣтница. И это онъ вамъ признался?

Черный чепчикъ. Какъ бы не такъ! Засмотрѣлся на дочку становаго и выболталъ, а я подслушала...

Статская совѣтница. На Лизку? и что̀ въ ней хорошаго!

Черный чепецъ. Вы же говорите! А послѣ спохватился, да почти со слезами говоритъ: «ради Создателя, пускай это останется между нами».

Статская совѣтница. Покорно васъ благодарю. Вотъ что значитъ поступать по-дружески.

Черный чепецъ. Какъ же, ваше превосходительство, вы намъ и примѣръ, и наставникъ, и все...

Гостиная третья.

Становой ходитъ по комнатѣ руки крестомъ à la Napoléon. Нѣсколько молодыхъ Синеводцевъ сидятъ на стульяхъ. Лиза вяжетъ кошелекъ въ видѣ голубой уланской шапки.

Становой. Сплётникъ, мерзкій человѣкъ и больше ничего! Ну, если и пошалилъ съ нимъ кто, очень-нужно передавать проклятой болтунѣѣ; она на весь городъ разблаговѣстила, а меня ни за что, ни про что распудрили какъ осла!.. Да каковъ онъ собою?.. молодецъ ли?

Молодой Синеводецъ № 1. Такъ себѣ, чортъ знаетъ что такое, ни важности, ни приличія...

Становой. Я такъ и думалъ. Увидѣлъ пьянаго мужика и кричитъ: разбойники! Только нарушаетъ тишину и спокойствіе... Ужь эти мнѣ петербургскіе фертики : вотъ тутъ сидятъ...

Уѣздный учитель. Человѣкъ безъ всякой эрудиціи, вертопрахъ, вѣтрогонъ...

Молодой Синеводецъ № 2. Все скалитъ зубы, да болтаетъ какъ трещотка...

Становой. Изъ ума выжилъ Иванъ Яковлевичъ! Какъ не унять сорванца?..

Молодой Синеводецъ № 3. А съ дамами говоритъ будто съ своимъ братомъ.

Лиза. Онъ говоритъ очень-занимательно.

Становой. Та, та, та! занимательно!.. Вамъ очень нравятся этакіе заѣзжіе шаркуны, въ папильйоткахъ, въ пуговкахъ, въ цѣпочкахъ! Очень занимательно!..

Статская совѣтница (*вбѣгая запыхавшись въ комнату*). Хороши мы, хороши! нечего сказать.. Ухъ, устала! здравствуйте!.. Садитесь, садитесь, зачѣмъ вы повставали съ мѣстъ? Попались!..

Всѣ. Что такое, ваше превосходительство?

Статская совѣтница. Ужо будемъ всѣ съ руками и съ ногами вотъ въ тѣхъ проклятыхъ книжкахъ...

Становой. Что такое?..

Статская совѣтница. Ваша Лиза лучше меня знаетъ. Не краснѣйте, сударыня. Что вамъ говорилъ пріѣзжій сорванецъ, когда вы шли къ обѣду?

Лиза. Не помню.

Статская совѣтница. Короткая память у васъ, душечка; отчего жь у васъ слезы на глазахъ?.. Помните, еще онъ сказалъ: «пускай это останется между нами»?

Становой. Лиза! что это? опять за старое? а? Что за шептанья?.. Да я тебя... знаешь?...

Статская совѣтница. Видно мнѣ прійдется сказать: этотъ бо-

гоненавистникъ признался ей, что онъ сочинитель: «Я» говоритъ, «всѣхъ выведу на чистую воду! Тотъ» говоритъ «пѣтухъ, та ворона, та куропатка»...

Становой. Ну, а я Богъ-знаетъ что̀ подумалъ! Впрочемъ, не хорошо, что ты, Лиза, мнѣ этого не сказала. Чему же ты смѣешься?

Лиза. Это пустяки, папенька!

Статская совѣтница. Слышите—пустяки! Вашего отца, вашу матушку, васъ самихъ, меня—всѣхъ выведутъ вотъ съ такими головами, вотъ съ такими носами, съ этакими рогами, и станутъ потѣшаться... Пустяки!... Вѣрно и вы въ заговорѣ?

Архитекторъ *(вбѣгаетъ)*. Живы ли вы?.. здоровы ли?.. бѣда!.. нѣтъ ли у васъ анисовой водки?

Статская совѣтница. Что съ вами? Можетъ-быть, съ перцомъ лучше, если у васъ что такое...

Архитекторъ. Охъ, что-то будто колонною подпираетъ меня подъ ложечку.

Статская совѣтница. Богъ знаетъ, что̀ вы говорите! какая у васъ колонна?..

Архитекторъ. Охъ... есть... ужь я... лучше васъ знаю... вчера подали мнѣ у Ивана Яковлевича огурецъ, а на огурцѣ листочекъ: какъ съѣлъ, такъ и заварило!.. Дайте водки!..

Становой. Выкушайте; это вамъ такъ, отъ воздуха.

Архитекторъ. Какое отъ воздуха! Не я одинъ; вотъ сейчасъ отъ Мнишкиныхъ: обое и мужъ и жена при смерти... все отъ вчерашняго обѣда... Такъ ихъ и коробитъ, кричатъ на весь домъ...

Статская совѣтница. Аграфена Львовна таки, нѐчего грѣха таить, за кухнею вовсе не смотритъ; мой кучеръ говорилъ, у нихъ есть кастрюля, вѣрно забылъ какой-нибудь проѣзжающій, совсѣмъ нелуженая, и ту для гостей берегутъ.

Архитекторъ. Мнишкина жена изволила сказывать, что замѣтила, будто бы Иванъ Яковлевичъ съ докторомъ что-то подсыпали въ кушанье...

Статская совѣтница. Я и сама замѣтила; только не старикъ, а его шальной сынъ: это вы ослышались...

Архитекторъ. Можетъ-быть, ваше превосходительство.

Статская совѣтница. Я знаю эти штуки; когда стоялъ здѣсь драгунскій полкъ, такъ мнѣ разъ, на полковомъ балѣ, дали чашку кофе... Знала я кофе!.. Вы не повѣрите...

Учитель. Позвольте, ваше превосходительство; у меня есть книга изъ Петербурга, гдѣ написано, что уѣздный учитель танцуетъ и машетъ платочкомъ; я сейчасъ подумалъ: это на мой счетъ, я танцую и, когда жарко, машу платочкомъ; но не зналъ, кто написалъ, а теперь понимаю...

Статская совѣтница. Посмотрите: тамъ, я думаю, подписано.

Учитель. Смотрѣлъ, да подписано Богъ-знаетъ что, какая-то вещь. Кто пишетъ пасквиль, тотъ своего имени не подпишетъ, а такъ, знаете, что-нибудь...

Статская совѣтница. Такъ на васъ написано?

Учитель. Написано! Есть еще и генеральша Воронина...

Статская совѣтница. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ! Я знаю... Нѣтъ ли еще кого изъ нашихъ?

Учитель. Не помню наизустъ... Есть еще какой-то человѣкъ, который женился на богатой и заважничалъ, а между-тѣмъ подличаетъ передъ женою...

Статская совѣтница. А жена его за носъ водитъ?

Учитель. Кажется...

Статская совѣтница. Знаю, знаю; это Чурбинскій... Сейчасъ же ѣду къ нему и разскажу, а вы, пожалуйста, сбѣгайте въ городъ и привезите къ Чурбинскому книжку...

Учитель. Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Статская совѣтница. Ахъ, онъ сочинитель!..

—

Но я васъ утомилъ, мой снисходительный читатель, водя по гостинымъ обитателей доброй рѣчки Синевода; вы зѣваете, а еще впереди вдесятеро больше домовъ, куда намъ слѣдовало бы заглянуть. Богъ съ ними, бросьте шапку-невидимку! Всѣ остальныя гостиныя похожи на видѣнныя нами. Впрочемъ, не думайте, что Синеводцы племя злое,—нѣтъ, избави Боже! они всѣ люди, какъ люди; будь они овцы, или лошади, то были бы гораздо-смирнѣе. Мнѣ кажется, вся бѣда въ томъ, что они люди. Человѣкъ—животное разумное, объ этомъ нечего и говорить; его потребность жить и физическою, т. е. животною жизнію, и духовною; но какъ на Синеводѣ, по обычаю предковъ, живутъ чисто животною жизнію, то всякій Синеводецъ, утопая въ чувственномъ довольствѣ, вѣчно скучаетъ, жаждетъ чего-то, а чего—и самъ хорошенько не знаетъ. Это изнываетъ въ Синеводцѣ мыслящая способность; не имѣя для себя никакой пищи, она томитъ Синеводца. Потому малѣйшая новость, нелѣпѣйшая сплетня, уродливѣйшая фантазія—принимаются съ любовью, съ жадностью, находятъ себѣ защитниковъ, быстро распространяются по Синеводу; Синеводцы оживаютъ; для нихъ открывается величайшее наслажденіе хоть какъ-нибудь пожить не физически; они думаютъ, догадываются, предполагаютъ, строютъ гипотезы, вдаются въ теоріи вѣроятностей, доходятъ до истины по аналогіи, словомъ, начинаютъ мыслить, начинаютъ предвкушать настоящую жизнь и удовольствія человѣчества. Какъ они мыслятъ, каковы ихъ гипотезы и теоріи, объ

этомъ мы умолчимъ. Но все-таки мыслятъ, и мнѣ кажется, здѣсь заключается корень синеводскихъ толковъ и сплетней. Займите умы добрыхъ Синеводцевъ чѣмъ-нибудь, кромѣ кушанья, и, даю вамъ слово, нелѣпости будутъ умирать на Синеводѣ, не успѣвъ родиться.

Вамъ живой примѣръ: — Петербургъ.

ГЛАВА IX.

ВѢСТИ ЗА БАКАНЪ.

> Однимъ словомъ, сатира что чистосердечно
> Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно;
> Ибо всякъ въ семъ зеркалѣ какъ станетъ смотрѣти,
> Мнитъ, зная себя, лицо свое ясно зрѣти.
>
> Князь Антіохъ Кантемиръ.

— Думалъ я тебя женить, Сеня, да чтò-то, кажется, сосѣди тебя не полюбили, говорилъ Иванъ Яковлевичъ, спустя недѣлю послѣ своего званаго обѣда.

— Вы спросите, полюбилъ ли я ихъ? А они, эти профаны... ничего не понимаютъ...

— Не говори...

— Отъ-чего жь бы имъ меня не полюбить?

— Не знаю, а не полюбили; скажу тебѣ больше: они даже сердятся, и очень сердятся; не знаю на кого, а сердятся.

— Вамъ это кажется.

— Нѣтъ. Вчера, помнишь, кàкъ насъ приняли у становаго: Лиза не показалась: значитъ, ее не пустили; это намекъ, чтобъ ты выбросилъ изъ головы женитьбу. Хозяинъ явился съ подвязаннымъ глазомъ, говоритъ: оса укусила; хозяйка перевязала щеку и жаловалась на зубы, это для того, чтобъ не разговориться... Худыя примѣты!.. Петръ Петровичъ, когда ѣдетъ мимо двора, всегда отворачивается, раза два я видѣлъ; а ея превосходительство, поравнявшись съ воротами, даже плюнетъ.

— Можетъ, ей въ ротъ муха попала.

— Нѣтъ, закричалà Аграфена Львовна: — это на нашъ счетъ... Генеральша даромъ не плюнетъ.

— Для чего же, если сердиты на васъ и не хотятъ смотрѣть на нашъ домъ, они присылаютъ просить къ вамъ разныхъ вещей: третьяго-дня, генеральша просила ванны купаться; вчера Иванъ Ивановичъ бралъ нашего мальчика обрывать въ саду вишни, и даже сегодня утромъ Петръ Петровичъ прислалъ занять на три дня одного охотничьяго сапога: одинъ, де-скать, у него мыши съѣли.

— Неопытность, Сеня! отвѣчалъ старикъ. — Это и показываетъ, что они на насъ сердиты; а если не дадимъ, тутъ начнется настоя-

щая ссора. Хочешь, мы сдѣлаемъ опытъ: пошлемъ мальчика просить чего-нибудь у сосѣдей. Эй, Ярошъ!

Извѣстный намъ мальчикъ въ пестрядинной курткѣ явился передъ Иваномъ Яковлевичемъ.

— Слушай, Ярошъ! садись на камбалу и поѣзжай вверхъ по Синеводу; кланяйся отъ меня Петру Петровичу, да попроси на два часа краснаго жилета; для скройки, молъ, нужно. Слышишь?

— Слышу.

— Послѣ заѣзжай къ Ивану Ивановичу, и попроси пару лошадиныхъ подковъ только въ городъ съѣздить. Послѣ кланяйся Ѳедору Ѳедоровичу, и займи печеную булку: у насъ, молъ, выпекутся къ вечеру, такъ принесемъ. У генеральши спроси листочекъ бумаги: письмо, скажи, въ Петербургъ писать нужно; да оттуда заверни къ становому, нѣтъ ли у него ружейнаго кремня. Слышишь?

— Слышу.

Чрезъ два часа возвратился Ярошъ съ пустыми руками.

— Ну, что? спрашивалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ничего.

— Что Петръ Петровичъ?

— Сказали, что и сами умѣютъ смѣяться въ красномъ жилетѣ.

— Тутъ что-то не такъ! врешь. А Иванъ Ивановичъ?

— Ей-Богу, такъ. А Иванъ Ивановичъ сказали, что всѣ подковы избили, посылая за лекаремъ.

— А Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

— Сказали: у меня булка не выпечена; боюсь, не пролѣзетъ въ петербургское горло.

— А генеральша?

— Выбранили меня и васъ, дурнями назвали, и сказали: а дзуски имъ на моей бумагѣ съ меня портреты писать.

— А становой?

— Становой сказалъ: кремня самому нужно. Поѣду искать разбойниковъ, что ограбили вашего панича, такъ для безопасности въ свое ружье нужно.

— Хорошо, ступай себѣ. Вотъ видишь, Сеня: всѣ противъ насъ! Есть какая-то штука, да я и самъ не понимаю ничего. Должно быть, не ея ли превосходительство на тебя гнѣвается. Ты ее обидѣлъ.

— Я? чѣмъ?

— А называлъ воропою! И охота же тебѣ ссориться съ такою почетною женщиною; отъ нея все станется: она такихъ людей сводила и разводила—не намъ чета, а мы что для нея? Захочетъ—по міру пустить, захочетъ—воду запрудитъ въ Синеводѣ, и не дастъ тебѣ напиться.

— Да развѣ я ее въ глаза называлъ вороною? Я говорилъ только, что ея голосъ похожъ на вороній, и то говорилъ между пріятелями.

— Молодъ ты, Сеня! Ничто такъ не расходится скоро, какъ секретъ между пріятелями, на Синеводѣ.

Вошелъ живописецъ.

— Здравствуйте, Иванъ Яковлевичъ. А я вотъ это къ вамъ. Пускай что хотятъ говорятъ, а я люблю васъ. Вотъ принесъ показать вашему сыну новую картину; нельзя сказать, чтобъ отличная, а все-таки очень-хороша. Первая картина не съ натуры, а своя фантазія. Посмотрите: цвѣтокъ тюльпанъ, въ тюльпанѣ лежатъ три яичка; ихъ снесъ жаворонокъ, ошибся: думалъ, что тюльпанъ гнѣздо, а самъ летаетъ вокругъ и поетъ...

— Умудрился! сказалъ Иванъ Яковлевичъ: — и жаворонокъ похожъ; все есть: и крылья, и лапки, и носикъ; видно, что птица, и ротъ раскрылъ, словно поетъ.

— Поетъ, поетъ...

— Немного не натурально, прибавилъ Семенъ Ивановичъ.

— Ужь молчите; самъ я знаю, да что вы прикажете дѣлать? Нѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ хорошаго бакану... Лѣтъ пять тому назадъ, мнѣ было-вывезъ изъ Кишинева одинъ офицеръ маленькій кусочекъ бакану; признаться, баканъ былъ!.. Я нарисовалъ имъ картины четыре, да грѣхъ попуталъ: какъ-то заночевалъ у ея превосходительства, всталъ поутру, нѣтъ бакана: украли горничныя на румяна... чтобъ имъ почернѣть!.. Я уже все собираюсь васъ попросить, если дастъ Богъ поѣдете въ Петербургъ, вышлите мнѣ бакану, хоть рубля на два; я четвертакъ вамъ дамъ впередъ, а остальныя вышлю по почтѣ, какъ получу вещь. А то, не повѣрите, мы здѣсь покупаемъ у Жидовъ и дорого, и дрянь: совсѣмъ синій, едва замѣтна краснота; возьмешь иногда пышную столиственную розу срисуешь, прикроешь жидовскимъ баканомъ, и выйдетъ не роза—никакого сходства нѣтъ съ розою, а такъ будто-бы піонъ или что другое свекловичнаго цвѣта.

— Хорошо; я напишу къ моему пріятелю, даже можно сказать, къ другу, просто къ моему единственному, задушевному другу, придворному живописцу, г-ну Тердесень: онъ вамъ пришлетъ самаго лучшаго бакану, самаго свѣжаго; тамъ все курьеры привозятъ...

— На то столица! Когда же вы напишете къ Тридесѣну?

— Къ г-ну Тердесень я написалъ бы хоть сегодня; но вы повремените, почтеннѣйшій: онъ теперь въ Италіи, то-есть въ Римѣ.

— Тамъ, гдѣ, говорятъ, папа?

— Да. Такъ вы повремените немного; онъ поѣхалъ на самое короткое время, на курьерскихъ, по казенной надобности, снимать съ папы портретъ — онъ скоро возвратится; только я получу объ этомъ

извѣстіе, сейчасъ же напишу къ нему, и будьте увѣрены, вы получите отличнѣйшій баканъ. Онъ мнѣ, по дружбѣ, пришлетъ безъ денегъ.

— Покорнѣйше васъ благодарю! И еще говорятъ о васъ худо... о такомъ человѣкѣ!..

— Кто? спросили въ одинъ голосъ Иванъ Яковлевичъ и Аграфена Львовна.

— Да такъ! пускай на меня сердятся, а я разскажу вамъ все: вчера былъ балъ у Юліяна Астафьевича Чурбинскаго; много было нашихъ, да, всѣ были наши, кромѣ вашего семейства; изъ Горохова было много и самъ судья былъ.

— И судья?!

— Да, и судья, пріѣхалъ въ каретѣ шестернею; а карета, я вамъ скажу, словно гумигутомъ выкрашена, какъ золотая, такъ и горитъ. Я было спросилъ, отъ-чего васъ нѣтъ? да какъ закричитъ на меня ея превосходительство: «знайте себя! и безъ него обойдемся— этобъ-то безъ васъ»; я и замолчалъ.

Сѣли обѣдать. Судью посадили на первое мѣсто; возлѣ него ея превосхидительство, а тамъ всѣ, всѣ сѣли. Хозяинъ не садился, ходитъ вокругъ стола, потираетъ руки, и такъ что-то самъ не при себѣ, какъ-будто что непорядочное сдѣлалъ, и людей совѣстится. Вотъ съѣли жаркое, начали подавать пирожное; топчется Юліянъ Астафьевичъ около судьи и въ лицѣ перемѣнился, и слезы на глазахъ: всѣ даже замѣтили.

— Да полно вамъ переминаться! сказала хозяину ея превосходительство: — говорите уже судьѣ, что̀ тамъ у васъ такое на душѣ сидитъ.

Всѣ посмотрѣли на Чурбинскаго, а онъ сдѣлалъ головою такъ, будто насильно проглотилъ что-нибудь непріятное, сложилъ руки калачикомъ и почти со слезами началъ: — Вы у насъ судья, разсудите по законамъ мальчишку, молокососа, который для всего Синевода злѣе Засорина.

— Вѣрно вамъ приснился Засоринъ! крикнулъ становой.

— Молчите! не перебивайте! еще громче закричала ея превосходительство.

— Этотъ молокососъ, продолжалъ Чурбинскій:— описываетъ всю нашу страну самыми черными красками, кощунствуетъ, издѣвается и ругается надъ нами, женами и дѣтьми нашими, даже тревожитъ прахъ предковъ нашихъ для потѣхи празднаго народа, читающаго книги; единственно изъ корыстолюбія продаетъ насъ...

— Кто же это? спросилъ судья.

— Сынъ отставнаго почтмейстера Лобко... Прошу съ нимъ поступить по законамъ, съ симъ пасквилянтомъ.

— Вы имѣете доказательства?

— Вотъ явная улика!..

Тутъ Чурбинскій вынулъ изъ кармана книжку, толщиною, этакъ, букваря въ четыре, и подалъ ее судьѣ.

— Знаю я эту книжку, сказалъ судья:—да здѣсь, кажется, нигдѣ нѣтъ сочиненія Лобка.

— Э! ужь вы не говорите! закричала генеральша:—еще бы и подписался! Эти сочинители все, говорятъ, опишутъ неподобное, да на концѣ и поставятъ что-нибудь, сапоги или шапку, ихъ уже и прозвали за это какими-то псы... или... что̀ жь вы не говорите, г-нъ Тетрадка?

Учитель поклонился и сказалъ:—Вотъ я и самъ упомнилъ, а что-то бранное... псовой домъ или псовой дымъ—не помню.

— Положимте и такъ, сказалъ судья: — гдѣ же здѣсь на васъ пасквиль?

— Помилуйте! вскрикнулъ Чурбинскій: — не только на меня, на весь Синеводъ, на весь Гороховскій Уѣздъ. Посмотрите: повѣсть *Пѣтухъ*. Съ перваго слова критика. Какъ можетъ быть повѣсть пѣтухомъ? Это явно вотъ на ихъ счетъ насмѣшка.

— Именно на меня, сказалъ Иванъ Ивановичъ Пѣтуховъ:—а, кажется, я ему ничего и не сдѣлалъ!

— У васъ прекрасныя дрожки, а у него нѣту: вотъ и злится! закричала генеральша.

— Что жь! я дрожки не укралъ—купилъ на свои деньги.

— Здѣсь и на меня напечатано, сказалъ учитель: — и все неправда; иногда, точно, я машу платкомъ въ танцахъ, когда жарко, но зачѣмъ писать, что я похожъ на латинскую букву S?

— Да вѣдь здѣсь напечатанъ уѣздный учитель; а развѣ вы одинъ уѣздный учитель въ цѣломъ свѣтѣ? отвѣчалъ судья.

— Еще бы написать мое имя и фамилію! Тогда была бы явная обида.

— А какъ меня отдѣлали! закричала генеральша.

— Не-уже-ли? спросилъ судья. — Вы читали?

— Нѣтъ, слава Богу, я не читаю этихъ безтолковыхъ книжекъ; спасибо, добрые люди прочитали, да растолковали, что̀ на меня приходится... Называетъ просто вороною, а самъ порядочнаго зяблика не сто̀итъ... Прочитайте тамъ, Юліанъ Астафьевичъ... гдѣ про меня писано... Э! какіе вы непроворные, а еще мужчина!...

— И на меня! и на меня! и на меня написано! кричали со всѣхъ сторонъ гости.

—А болѣе всѣхъ на меня, сказалъ вздыхая Юліанъ Астафьевичъ:—а что̀ я сдѣлалъ этому злокозненному человѣку? Видитъ Богъ, всегда къ нему былъ расположенъ какъ къ наилучшему изъ друзей, пи-

талъ къ нему самую нѣжную привязанность, — и вотъ вамъ благодарность.

— Злодѣй! ворчали гости: — утопить его въ Синеводѣ!

— Гдѣ же вы тутъ себя узнаёте? спросилъ Чурбинскаго судья.

— Еще и спрашиваете! будто вы не видите: вотъ Фока Фоковичъ Подковкинъ. Это я.

— Вы не Подковкинъ, не Фока Фоковичъ?

— Да, это я по поступкамъ...

— Здѣсь описанъ самый низкій, безхарактерный человѣкъ, взяточникъ.

— То-то и обидно — все неправда!.. пишетъ, будто я подаю женѣ подъ ноги скамеечку.

— А если бы и такъ, что же тутъ дурнаго?

— Неправда, вотъ что обидно.

— Это написано на тотъ счетъ, закричала генеральша: — будто у Юліяна Астафьевича людей нѣтъ, подать нѣкому: — вотъ въ чемъ насмѣшка.

— Еще пишетъ, продолжалъ Чурбинскій: — будто меня жена водитъ за носъ... Ну, скажите господа, кто это видѣлъ? Развѣ я лодка? Душа болитъ, такъ обидно...

— Да не спорьте съ нимъ, сказала судьѣ жена Чурбинскаго: — это съ него списанъ портретъ, ей-Богу съ него — и принялась хохотать.

— Изъ уваженія къ вамъ и Синеводцамъ я не вѣрю, говорилъ судья Чурбинскому.

— Такъ знайте же, отвѣчалъ онъ съ сердцемъ: — тутъ и на васъ есть, да еще и съ намѣреніемъ насъ поссорить... Смотрите: пишетъ, будто вы умерли, а я на ваше мѣсто избранъ судьею.

— Разувѣрьтесь! Вѣдь молодаго Лобко не было здѣсь болѣе десяти лѣтъ: откуда бъ онъ могъ знать ваши нравы, привычки, ваши отношенія? Это вздоръ!...

— Говорите вы «вздоръ»! спускайте ему, пока съ васъ портретъ не напечатаетъ, закричала генеральша. — Я справлялась на почтѣ: три раза въ годъ, говорятъ, отсылаетъ старикъ Лобко къ сыну въ Петербургъ по толстому письму. О чемъ бы ему писать такъ часто и такъ много? Не графы какіе! Старикъ вышелъ изъ ума и пишетъ все сыну про насъ: тотъ обманулъ того, у того сбѣжала дочка, а у этого денегъ нѣтъ ни гроша, и все вотъ этакое, а сынъ радъ, — описываетъ земляковъ: безъ того опухъ бы съ голоду.

— Охъ, не говорите! сказала сосѣдка въ черномъ чепчикѣ: — я подозрѣваю тутъ штуки Аграфены Львовны; она прехитрая женщина.

— Обое рябое! отвѣчала генеральша.

Еще, можетъ-быть, и больше что-нибудь говорили бы, да встали изъ-за стола. Судья сейчасъ же уѣхалъ. Тутъ принялись ругать

судью и рѣшили, что онъ оглупѣлъ, живя долго въ Петербургѣ, а генеральша даже начала подозрѣвать, что онъ участникъ Семена Ивановича. Послѣ обѣда немного отдохнули, и за чаемъ опять принялись ругать все ваше семейство.

— И вѣрно меня больше всѣхъ? спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Не могу сказать, чтобъ больше; вамъ сильно досталось, но и батюшкѣ вашему не меньше; а какъ подумаешь, то и матушку не обдѣлили! Дѣло щекотливое и трудное, рѣшить не берусь... Ругали васъ, ругали, а послѣ начали придумывать вамъ, собственно вамъ, Семенъ Ивановичъ, вашей особѣ достойное наказаніе, и на васъ самъ Юліанъ Астафьевичъ сочинилъ стишки... Я, говоритъ, и самъ учился не хуже его, и самъ напишу и напечатаю.

— Стихи? вы не помните?...

— Гдѣ мнѣ ихъ помнить! А понялъ я, что очень обидные, на какой-то Парнасъ какой-то пегасъ ѣхалъ и вы родились будто-бы... Обидно сказано... Я было и самъ хотѣлъ принять ихъ на свой счетъ, отъ-того, что пріѣзжалъ къ Чурбинскому на пѣгой лошади, да Богъ съ ними, берите все на себя!..

Иванъ Яковлевичъ и Аграфена Львовна сидѣли какъ громомъ пораженные вѣстью живописца. Семенъ Ивановичъ хохоталъ...

—Ахъ, онъ проказникъ! да онъ на меня не сочинилъ стихи, а передѣлалъ чужіе, я ихъ слышалъ гдѣ-то на станціи въ Тульской Губерніи.

— Чужіе ли, свои ли, а какъ напечатаетъ на тебя, такъ худо будетъ, сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

— На нихъ... на нихъ! Я самъ видѣлъ, такъ и подписано: стихи Лобченку, да еще, вмѣсто Ч, поставилъ Юліанъ Астафьевичъ Щ. Такъ и читаютъ Лоб-щенку: этимъ, говоритъ, я намекаю на его гадкую молодость.

— Ахъ, онъ уродъ! закричалъ Иванъ Яковлевичъ...

— Оставьте его, папаша. Я знаю въ Петербургѣ одного молодаго литератора, на котораго пишутъ по три эпиграммы въ день, а онъ только смѣется да толстѣетъ...

— Вотъ до чего я дожила! сквозь слезы говорила Аграфена Львовна:—мало, что безчестятъ меня, издѣваются надъ моимъ рожденіемъ, дворянскаго сына называютъ щенкомъ...

—Ну, прощайте! Видите, какую я вамъ принесъ вѣсточку, сказалъ откланиваясь живописецъ:—смотрите жь, не забудьте за это достать баканцу...

—

ГЛАВА XII.

Съ разлукою.

Прости! Хранимый небомъ
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ.
А. Пушкинъ.

На петровъ-день въ Гороховѣ была ярмарка. Гороховцы, Синеводцы и жители другихъ смежныхъ областей толпились въ лавкахъ, кланялись, обнимались, болтали о всякой всячинѣ и рѣшительно мѣшали купцамъ торговать. Иванъ Яковлевичъ началъ прицѣняться къ желтой китайкѣ, а Семенъ Ивановичъ отъ скуки пошелъ гулять по краснымъ рядамъ. Онъ прошелъ изъ конца въ конецъ всѣ ряды и, встрѣчая вездѣ непріязненные взгляды, вышелъ изъ-подъ холстиннаго навѣса и сталъ пробираться между мѣняльными столиками въ бакалейныя лавки, гдѣ обыкновенно продаются пряники, свѣчи, мыло и черносливъ. Вдругъ знакомый голосъ закричалъ сзади его: — «Мое почтеніе, ваше сіятельство!» Семенъ Ивановичъ оглянулся: у мѣняльнаго столика стоитъ московскій антикварій въ синемъ сюртукѣ, въ синемъ картузѣ съ назатыльникомъ, держитъ въ зубахъ старую серебряную монету и кланяется ему и говоритъ: — Очень радъ, что имѣю честь васъ видѣть, сіятельный графъ!..

— Здравствуйте, разсѣянно отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ и прибавилъ шагу.

— Погодите, графъ; вы опять хотите исчезнуть, какъ изъ Москвы. Вотъ любопытная вещь, должна быть монета Рюрика: вся затерта, только едва примѣтна буква Р., далѣе можно замѣтить ȣ... и еще будто есть на концѣ ъ. Весьма основательно, здѣсь было цѣлое слово Рȣрикъ, все равно что и Рюрикъ... Куда же вы?... Не уходите... Въ Москвѣ тогда вся полиція поднялась за вами. А я вотъ поѣхалъ по Россіи подбирать штучки, знаете, по нашей части...

Но Семенъ Ивановичъ исчезъ между народомъ, прямо почти прибѣжалъ на квартиру, и началъ съ досады ѣсть ветчину.

Часа черезъ два пришли Иванъ Яковлевичъ и Аграфена Львовна, блѣдные, разстроенные.

— Что ты надѣлалъ, Сеня? спросилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Ничего.

— Какъ ничего? Въ городѣ странные слухи, вся полиція на ногахъ... Тебя подозрѣваютъ...

— Въ чемъ?

— Не знаю. Я слышалъ, говорятъ, будто становой мѣнялъ синюю ассигнацію у стола, гдѣ человѣкъ подозрительной наружности искалъ какихъ-то старыхъ денегъ. Вдругъ ты показался — и вы заговорили

съ нимъ Богъ-знаетъ о чемъ; подозрительный человѣкъ тебя величалъ графомъ, говорилъ о полицейскихъ поискахъ за тобою въ Москвѣ... Говорятъ, будто этотъ странный человѣкъ собираетъ какую-то шайку... Генеральша при мнѣ совѣтовала городничему захватить тебя, говоря:—Можетъ-быть, это не Лобченко, а самъ Засоринъ...

— Успокойтесь; это пустяки...

— Какіе пустяки! Посадятъ тебя подъ арестъ, осрамятъ мою сѣдую голову! Хоть послѣ и выпустятъ, а стыда вѣкъ не воротишь... Послушай, Сеня! Богъ тебя знаетъ, что у тебя на умѣ. Если ты и вправду недобрый человѣкъ — бѣги поскорѣе, я спасу тебя...

— Бѣги, дитя мое! вопила Аграфена Львовна.

— Увѣряю васъ, мнѣ нечего бояться.

— Вѣрю, Сеня, хочу вѣрить, а самому что-то не вѣрится: даромъ народъ говорить не станетъ. Гласъ народа — гласъ Божій; отъ-чего за меня ничего не говорятъ подобнаго?.. Знать не хочу, Сеня, что у тебя на душѣ, а боюсь за тебя... И явился ты странно, Богъ тебя знаетъ съ какимъ человѣкомъ; и обычаи и привычки у тебя все не наши, какія-то странныя, и все такъ неладно пошло у меня съ сосѣдями со дня твоего пріѣзда... Намъ съ тобою не жить... Бѣги, Сеня! засудятъ тебя; чего добраго, что откроется,—и мнѣ безчестье на старость принесешь; да и что тебѣ у насъ дѣлать? Служить въ Горохомѣ ты не хочешь, жениться и жить съ нами тоже, да за тебя никто и дѣвушки не выдастъ... Ты не покоишь, а смущаешь мою старость...

— Пожалуй, я уѣду въ Петербургъ. Дайте денегъ... Признаться, мнѣ у васъ наскучило.

— Сеня, Сеня! не грѣхъ тебѣ такъ говорить? рыдая сказала Аграфена Львовна.

— Денегъ, братъ, я тебѣ на прогоны дать не могу: нѣтъ; на ярмаркѣ продалъ пудовъ сто муки, заплатилъ подати, и всего осталось пятьдесятъ рублей; но я тебя отправлю на эти деньги. Сегодня утромъ прискакалъ изъ Петербурга въ городъ Подвишни знакомый мнѣ курьеръ; онъ часто ѣзжалъ, когда я былъ еще почтмейстеромъ, и по старой пріязни, свезетъ тебя въ Петербургъ. Подвишни отъ насъ пятьдесятъ верстъ; значитъ, курьеръ къ вечеру будетъ здѣсь обратно. Поѣзжай, Сеня, домой, возьми свои вещи; а я буду гулять около станціи, чтобъ не пропустить курьера; поѣзжай скорѣе въ нашей бричкѣ, да надѣнь мою шапку и шинель, чтобъ тебя не узнали.

Вечеромъ курьерская тройка остановилась у воротъ квартиры Ивана Яковлевича. Курьеръ, согласившійся за пятьдесятъ рублей довезти Сеню до Петербурга, вросхмѣль сидѣлъ на повозкѣ и кричалъ: — Гдѣ жь вашъ мододецъ? подавайте его поскорѣе! время дорого...

— Прощай, Сеня! говорила рыдая Аграфена Львовна и надѣвала ему на шею серебряный крестикъ.

— Прощай, Сеня! началъ Иванъ Яковлевичъ: — мы съ тобою... ты... И не договорилъ за слезами.

Семенъ Ивановичъ вскочилъ въ повозку, свистя:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

Лошади рванули, колокольчикъ загремѣлъ и залился въ разные тоны, и вскорѣ изъ виду скрылась курьерская тройка.

Долго смотрѣли старики на пустую улицу, и тихо, безмолвно обнялись.

Статская совѣтница, два мѣсяца разсказывала въ Гороховѣ и въ шести смежныхъ уѣздахъ, что Семена Ивановича схватили на ярмаркѣ и увезли Богъ-вѣсть куда съ фельдъегеремъ.

ГЛАВА XIII-Я,

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ, ДАЖЕ БЕЗЪ ЭПИГРАФА.

Недавно мнѣ случилось быть на вечерѣ у одного дѣловаго человѣка. Былъ вечеръ, какъ обыкновенно бываютъ вечера: въ одной комнатѣ играли въ преферансъ, въ другой танцовали подъ фортепьяно, въ третьей ничего не дѣлали, въ кабинетѣ хозяина курили. Все шло своимъ порядкомъ: юноши и старики любезничали, дамы кокетничали, дѣвушки старались не показывать никакого знака жизни... Я ушелъ въ кабинетъ.

Вдругъ вбѣгаетъ Семенъ Ивановичъ, выпросилъ у какого-то прапорщика пахитоску, раскурилъ ее и развалился на пате.

— Весело вы провели время въ деревнѣ? спросилъ Семена Ивановича старичокъ-чиновникъ.

— Чрезвычайно-весело! Одно удовольствіе ѣзды чего стоитъ!

— Признаюсь, я не испыталъ этого удовольствія: дальше Павловска въ жизнь свою нигдѣ не бывалъ.

— О! .вы много потеряли! Вояжъ обворожителенъ... разумѣется, вояжъ съ удобствомъ, съ комфортомъ...

— Такъ, такъ! я самъ думалъ... А житьё провинціальное?

— Житьё чудное! Знаете, этакое дружество, радушіе... очень-пріятно!... Не хвастая вамъ скажу, я прожилъ въ уѣздѣ будто въ своемъ семействѣ... Тамъ балъ, здѣсь охота, въ другомъ мѣстѣ рыбная ловля — и это все безъ малѣйшаго этикета... Жалѣйте, если вы никогда не испытали этого!

— Истинно жалѣю! Счастливецъ вы, Семенъ Ивановичъ!...

Е. ГРЕБЕНКА.

ЧЕРНОГОРЕЦЪ.

—

Нѣтъ у меня ни стадъ рогатыхъ,
Ни златокованныхъ коней,
Ни чепраковъ, ни уздъ богатыхъ,
Ни городовъ, ни кораблей;
Ко мнѣ не шлетъ алжирскій бэй
Пословъ съ обильными дарами —
Мечей съ насѣчкой золотой,
Ни бусъ, ни плѣнницы младой
Съ побѣдоносными очами.

Иныя блага у меня:
Подземныхъ родниковъ струя,
Лѣса въ зеленыхъ ихъ уборахъ,
Да песъ на стражѣ ночь и день,
Ружье двуствольное, да порохъ,
Да вѣрно-ввинченный кремень,
Да сводъ пещеръ, да хмѣль у свода,
Да горы, — а въ горахъ свобода.

1839. АП. МАЙКОВЪ.

ВСТРѢЧА.

—

Друзья они смолоду были,
Но рано разстались они,
И встрѣтились послѣ случайно
Чрезъ долгіе годы и дни.

И какъ же они удивились!
Ужъ лица наморщены ихъ,
И головы были сѣдыя,
И сгорблены спины у нихъ.

Старикъ старику подалъ руку
И молча смотрѣлъ — и никто
Изъ нихъ не сказалъ, сколько было
Имъ внутреннихъ бурь прожито.

Н. ОГАРЕВЪ.

ПРИЗЫВЪ.

Смотри: пришла весна. Пѣвучія струи
Спадаютъ съ горъ въ поля, гдѣ свищутъ соловьи;
Листомъ пушится лѣсъ и озимь зеленѣетъ,
И море, въ берегахъ качаяся, свѣтлѣетъ
И дышетъ ласково, и шумно по водѣ
Гагары дикія скользятъ и въ глубь ныряютъ,
И клочья облаковъ разорванныхъ летаютъ
По небу синему, гдѣ пышно въ высотѣ
Гуляетъ солнца шаръ... Прійди, мой ангелъ милый!
Оставь столицы шумъ и блескъ ея унылый;
Прійди, тебя зоветъ весенній блескъ долинъ,
Паденье шумное растаявшихъ лавинъ,
И солнце красное, и розы молодыя,
И ночи синія, и зори золотыя,
И гротъ, гдѣ слушать любишь ты
Ихъ нимфъ невидимыхъ глухое лепетанье,
И къ нимъ склонившися надъ бездной темноты,
Ихъ учишь повторять любимыя названья.

АП. МАЙКОВЪ.

---

* * *

Она никогда его не любила,
А онъ ее втайнѣ любилъ;
Но онъ о любви не выронилъ слова,
Въ себѣ ее свято хранилъ.

И въ церкви съ другимъ она обвѣнчалась;
По прежнему вхожъ онъ былъ въ домъ,
И молча въ лицо глядѣлъ ей украдкой
И долго томился потомъ.

Она умерла. И днемъ онъ и ночью
Все къ ней на могилу ходилъ;
Она никогда его не любила,
А онъ о ней память любилъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

БЭРНЕБИ РОДЖЪ.

Романъ *Чарльза Диккинса* (Воz).

ГЛАВА I.

Въ 1775 году, у Эппингэмскаго Лѣса, въ разстояніи двѣнадцати миль отъ Лондона—т. е. отъ коргильскаго штандарта, или лучше съ того мѣста, на которомъ когда-то стоялъ штандартъ,—была большая гостинница, называвшаяся гостинницею *Майскаго-Дерева*. На этотъ фактъ указывала всѣмъ путешественникамъ, неумѣвшимъ ни читать, ни писать (а 67 лѣтъ тому назадъ, на такой степени образованія стояло большое число путешественниковъ и домосѣдовъ) эмблема, поставленная на дорогѣ, насупротивъ дома. Если эта эмблема и не отличалась той вышиною, которою могли хвалиться встарину другія «майскія-деревья», она все-таки была ни болѣе, ни менѣе, какъ красивый молодой ясень въ тридцать футовъ вышины, и притомъ прямой, ровный, какъ самая лучшая стрѣла, когда-либо спущенная съ тетивы англійскаго фермера.

Майское-Дерево—впередъ мы будемъ разумѣть подъ этимъ именемъ не эмблему, а самую гостинницу—было старое строеніе съ такимъ множествомъ фронтоновъ, что ихъ едва ли бы счелъ лѣнивый человѣкъ въ теплый лѣтній день,—съ такими неизмѣримыми, угловатыми трубами въ видѣ зигзаговъ, что изъ нихъ, казалось, и дымъ не могъ выходить иначе, какъ въ неестественныхъ, фантастическихъ формахъ,—строеніе съ большими пустыми конюшнями и сараями, имѣвшими видъ мрачныхъ развалинъ. Домъ этотъ, какъ гласило преданіе, построенъ во времена Генриха VIII, и въ народѣ сохранилось сказаніе, что сама королева Елизавета, однажды, запоздавъ на охотѣ, не только переночевала въ немъ, и именно въ небольшой, выложенной дубомъ комнаткѣ съ полукруглымъ окномъ,—но что эта дѣва-королева на другое утро, стоя одной ногой въ стремени, а другою на колодѣ, помогавшей путешественникамъ садиться на лошадь, выдрала одного бѣднаго пажа за уши, и надавала ему нѣсколько полновѣсныхъ пощечинъ за какой-то маловажный промахъ. Правда, скептическіе, мнительные умы, какихъ, къ-сожалѣнію, много въ

каждомъ небольшомъ приходѣ, и какихъ было довольно между посѣтителями Майскаго-Дерева, старались опровергать справедливость этого сказанія; но какъ-скоро хозяинъ старой гостинницы призывалъ въ свидѣтели самую колоду и, торжественно указывая на нее пальцемъ, говорилъ, что она и теперь лежитъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ лежала во время Елизаветы,—скептики были заглушаемы большинствомъ голосовъ, и всѣ вѣрующіе торжествовали, какъ-будто одержали знаменитую побѣду.

Справедливы или ложны были эти и многія другія подобныя имъ исторіи, несомнѣнно только то, что Майское-Дерево дѣйствительно было старое, очень-старое зданіе, вѣроятно столь же старое, какъ о немъ говорили, а можетъ-быть и еще старѣе:—это иногда случается съ домами неизвѣстныхъ лѣтъ, какъ и съ женщинами извѣстныхъ лѣтъ. Мелкія стекла въ окнахъ были вставлены въ свинцовые переплеты; полы вездѣ опустились и покоробились; потолки почернѣли отъ времени и кряхтѣли подъ натискомъ огромныхъ балокъ. Надъ подъѣздомъ устроена старомодная бесѣдка, украшенная разными рѣзными фигурами; здѣсь въ лѣтніе вечера сидѣли почетные посѣтители Майскаго-Дерева, такъ-называемые «коренные гости», курили и пили, а подчасъ и пѣли пѣсни, покоясь на двухъ креслахъ съ высокими спинками, украшенныхъ какими-то страшилищами; кресла эти, подобно двумъ драконамъ въ волшебной сказкѣ, казалось, стерегли входъ въ гостинницу.

Въ каминахъ многочисленныхъ необитаемыхъ комнатъ ласточки давно уже вили свои гнѣзда, а въ сточныхъ трубахъ съ первыхъ весеннихъ дней до поздней осени чирикали и пищали цѣлыя колоніи воробьинаго рода. Въ опустѣлыхъ конюшняхъ и вокругъ прочихъ пристроекъ жило столько голубей, что врядъ-ли кто-нибудь, исключая хозяина гостинницы, могъ сосчитать ихъ. Стаи веселыхъ голубей, летавшихъ цѣлый день вокругъ дома, можетъ-быть не совсѣмъ соотвѣтствовали важному и торжественному характеру зданія, но за то однозвучные крики индѣекъ, неумолкавшихъ съ утра до вечера, совершенно сообразовались съ нимъ, и казалось, хотѣли усыпить всѣхъ находящихся въ немъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, домъ этотъ, съ выдавшимися впередъ верхними этажами, съ сонными, крошечными стеклами въ окнахъ, съ брюхомъ, высунувшимся далеко за тропинку, которая тянулась вдоль дороги, казалось, погруженъ въ полную дремоту. Не нужно было имѣть сильное воображеніе, чтобъ замѣтить въ немъ и другія сходства съ дремлющимъ человѣкомъ. Кирпичи, изъ которыхъ онъ построенъ, первоначально были темнокрасны, пожелтѣли и сдѣлались безцвѣтны, какъ кожа старика: толстыя балки изгрызаны и изъѣдены подобно дряхлымъ зубамъ; а дерево, плотно обвивавшееся своими зелеными листьями около сѣ-

рыхъ стѣнъ, походило на теплое платье, защищающее старика отъ холода.

Однакожь, домъ пользовался здоровою, веселою старостью. Въ лѣтніе и осенніе вечера, когда пурпуровые лучи заходящаго солнца падали на дубовыя и каштановыя деревья близь-лежащаго лѣса, старый домъ, получая па свою долю также часть этого блеска и роскоши, казался ихъ товарищемъ, который въ состояніи прожить съ ними еще не одинъ годъ.

Тотъ вечеръ, о которомъ мы намѣрены вести теперь рѣчь, былъ ни лѣтній, ни осенній, а какой-то средній — мартовскій. Вѣтеръ страшно вылъ въ сухихъ вѣтвяхъ деревьевъ, стучалъ въ обширныхъ каминахъ и гналъ дождевыя капли въ окна Майскаго-Дерева, такъ-что посѣтители, бывшіе тамъ въ это самое время, имѣли самую основательную причину просидѣть еще долѣе въ гостинницѣ. Хозяинъ предсказывалъ, что погода непремѣнно прояснится ровно въ одиннадцать часовъ ночи — а въ это время, по странному стеченію обстоятельствъ, онъ всегда запиралъ свою гостинницу.

Человѣкъ, на котораго такимъ образомъ сошелъ духъ прорицанія, назывался Джономъ Уиллитомъ. Неуклюжее тѣло, толстая голова и жирное лицо его выражали глубокое, основательное упрямство, весьма явную способность воспринимать впечатлѣнія, и притомъ сильную, закоренѣлую увѣренность въ собственныхъ достоинствахъ. Будучи въ миролюбивомъ расположеніи духа, Джонъ Уиллитъ хвалился обыкновенно, что идетъ впередъ хоть медленно, но вѣрно, — истина, которую, въ нѣкоторомъ отношеніи, никакъ нельзя было оспаривать, потому-что онъ во всемъ безспорно былъ прямо противоположенъ скорости, и отличался упорствомъ и задорливостію необычайными. Онъ былъ увѣренъ въ правотѣ своей, что бы ни думалъ, ни говорилъ, ни дѣлалъ, и считалъ неоспоримымъ, основаннымъ на законахъ природы и Провидѣнія фактомъ, что всякій, кто думалъ, говорилъ или дѣйствовалъ не такъ, какъ онъ — думалъ, говорилъ или дѣйствовалъ ложно, неправильно.

Мэстеръ Уиллитъ медленно подошелъ къ окошку и приплюснулъ свой жирный носъ къ холодному стеклу; потомъ обернулся назадъ и, заслонивъ глаза рукою, чтобъ не быть ослѣплену краснымъ заревомъ, тихо пошелъ на свое прежнее мѣсто въ углу камина и расположился привольно, какъ-будто желая еще увеличить удовольствіе, доставляемое тепломъ. Наконецъ, взглянувъ на своихъ гостей, онъ сказалъ:

— Въ одиннадцать часовъ прояснится, — ни раньше, ни позже, — ни прежде, ни послѣ.

— Почему же вы это знаете? спросилъ маленькій человѣчекъ, си-

дѣвшій въ противоположномъ углу комнаты.—Полнолуніе прошло; мѣсяцъ всходитъ теперь въ девять часовъ.

Джонъ съ важнымъ и торжественнымъ видомъ смотрѣлъ на спросившаго до-тѣхъ-поръ, пока понялъ всю силу его возраженія; потомъ отвѣчалъ тономъ, которымъ, казалось, хотѣлъ выразить, что наблюденіе за мѣсяцомъ есть исключительное его занятіе или должность, и ни до кого болѣе касаться не можетъ:

— Пожалуйста, ужь не заботьтесь о мѣсяцѣ. Пусть онъ идетъ себѣ своимъ путемъ; вѣдь я предоставлю вамъ идти своимъ!

— Надѣюсь, вы не обидѣлись? спросилъ маленькій человѣчекъ.

Джонъ опять подождалъ, пока этотъ вопросъ совершенно проникъ въ его голову; потомъ отвѣчалъ: «это еще не обида» — закурилъ трубку и сталъ выпускать изъ нея дымъ тучами; иногда онъ поглядывалъ искоса на одного изъ посѣтителей, который, закутавшись въ широкій сюртукъ съ огромными отворотами, съ истертыми серебряными галунами и металлическими пуговицами, сидѣлъ поодаль отъ обыкновенныхъ «коренныхъ гостей» Майскаго–Дерева. Нахлобучивъ шляпу на лицо, онъ, сверхъ того, закрывалъ его рукою, на которую опиралъ голову, и потому казался довольно–подозрительнымъ.

Былъ тутъ еще и другой гость въ сапогахъ со шпорами. Онъ сидѣлъ также нѣсколько поодаль отъ огня; мысли его, судя по скрещеннымъ на груди рукамъ, наморщенному лбу и непочатому стакану вина, стоявшему передъ нимъ на столѣ, заняты были совсѣмъ другими предметами,—не тѣмъ, о чемъ сейчасъ разсуждали хозяинъ и маленькій человѣчекъ.

Этотъ второй гость былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, нѣсколько выше средняго роста, и, хоть довольно-тщедушный съ виду, но сильный и красивый. Голова его была покрыта не напудренными темнаго цвѣта волосами; платье, подобно сапогамъ (походившимъ на ботфорты нынѣшнихъ кирасировъ), носило на себѣ неоспоримые слѣды дурнаго состоянія дорогъ. Однакожь, не смотря на грязь, покрывавшую его платье, оно было щеголевато, даже богато, и обнаруживало въ носившемъ его человѣка не безъ достатка.

Подлѣ него на столѣ лежали увѣсистый хлыстъ и шляпа съ широкими полями; эту шляпу носилъ онъ, безъ сомнѣнія, какъ лучшую защиту отъ немилосердой погоды. Сверхъ того, на столѣ же лежала пара пистолетовъ въ чушкахъ, и короткій плащъ. Лица его почти вовсе не было видно; замѣтны были только длинныя, темныя рѣсницы, которыми оттѣнялись его опущенные глаза; но ловкость пріемовъ и природный вкусъ, замѣтный даже въ платьѣ и пистолетахъ отличной работы, свидѣтельствовали о благородномъ происхожденіи молчаливаго гостя.

Мэстеръ Уиллитъ только одинъ разъ взглянулъ на этого молодаго человѣка и то какъ-бы съ нѣмымъ вопросомъ, замѣтилъ ли онъ своего молчаливаго сосѣда. Видно было, что Джонъ и молодой гость давно знакомы. Когда Джонъ убѣдился, что человѣкъ, на котораго взглянулъ онъ, не отвѣчалъ на этотъ взглядъ, или, лучше сказать, вовсе не замѣтилъ его, тогда мало-по-малу собралъ всю силу глазъ своихъ въ одну точку и прицѣлился ими въ человѣка съ нахлобученною шляпой; потомъ сталъ такъ энергически и упорно глядѣть на него, что гости, сидѣвшіе у камина, пораженные этимъ, всѣ, какъ-будто по командѣ, вынули трубки изо ртовъ и также вперили глаза въ пріѣзжаго.

У жирнаго хозяина гостинницы была пара большихъ, глупыхъ, рыбьихъ глазъ, а у маленькаго человѣчка, осмѣлившагося сдѣлать замѣчаніе о мѣсяцѣ (и бывшаго церковно-служителемъ и звонаремъ въ Чигуэллѣ, сосѣдней деревенькѣ) были маленькіе круглые глазки, черные и блестящіе, какъ зёрна въ чёткахъ; сверхъ-того, у него же на колѣнкахъ черныхъ какъ сажа панталонъ, на сюртукѣ такого же цвѣта, и вдоль всего жилета виднѣлись маленькія странныя пуговки, которыхъ ни съ чѣмъ нельзя сравнить, кромѣ его глазъ, такъ-что, когда онѣ блестѣли при свѣтѣ огня, что̀ впрочемъ случалось и съ его свѣтлыми пряжками на башмакахъ, то маленькій человѣчекъ казался составленнымъ отъ маковки до оконечностей ногъ изъ однихъ глазъ, и теперь каждымъ изъ нихъ смотрѣлъ на незнакомаго гостя. Немудрено, что человѣкъ, подъ вліяніемъ такого присмотра, долженъ былъ сдѣлаться безпокойнымъ, не говоря уже о дѣйствіи глазъ коротенькаго Тома Кобба, торговца съѣстными припасами и содержателя почтоваго двора, да долговязаго Филь Паркеса, объѣздщика: оба они, зараженные примѣромъ своихъ товарищей, также внимательно осматривали гостя, сидѣвшаго съ нахлобученною на головѣ шляпою.

Незнакомецъ встрѐвожился, можетъ-быть отъ-того, что подвергался такому перекрестному огню взглядовъ, можетъ-быть и отъ свойства предшествовавшихъ этому думъ своихъ—и гораздо вѣроятнѣе отъ послѣдней причины, потому-что, перемѣнивъ положеніе, обернувшись, онъ удивился, видя, что за нимъ наблюдаютъ такъ пристально. Онъ бросилъ сердитый и подозрительный взглядъ на группу, бывшую у камина. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было то, что глаза всѣхъ отвернулись отъ него и обратились снова на каминъ, исключая глазъ Джона Уиллита, такъ-сказать захваченнаго врасплохъ и, при упомянутой уже нами медленности его природы, продолжавшаго чрезвычайно-неловко глазѣть на пріѣзжаго.

— Ну? сказалъ незнакомецъ.

Ну! Этимъ немного было сказано.

— Я думалъ, вы приказали что-нибудь, сказалъ хозяинъ, промолчавъ минуты двѣ или три, чтобъ собраться съ духомъ.

Незнакомецъ снялъ шляпу и зрителямъ представились жесткія, временемъ разрушенныя черты мужчины лѣтъ около шестидесяти; отъ природы строгое выраженіе его физіономіи нисколько не смягчалось чернымъ платкомъ, который обернутъ былъ около головы и служилъ вмѣсто парика, закрывая въ то же время почти совершенно лобъ и брови. Если гость хотѣлъ скрыть этимъ платкомъ глубокую рану, проходившую первоначально до самой кости верхней челюсти, и теперь зажившую и оставившую только непріятнаго вида рубецъ, то онъ достигалъ своей цѣли весьма неполно, потому-что рану можно было замѣтить съ перваго взгляда. Лицо его совершенно походило цвѣтомъ на лицо мертвеца, а щетинистый съ просѣдью подбородокъ не былъ бритъ по-крайней-мѣрѣ три недѣли.

Вотъ какова была эта очень просто и бѣдно одѣтая фигура, которая, вдругъ вставъ съ своего мѣста и перешедъ поперегъ комнаты, присѣла у камина на стулѣ, который весьма охотно уступленъ былъ ей маленькимъ церковнослужителемъ изъ страха, или изъ вѣжливости, Богъ-знаетъ.

— Разбойникъ съ большой дороги! шепнулъ Томъ Коббъ объѣздщику Паркесу.

— Развѣ вы думаете, что разбойники одѣты не лучше этого? возразилъ Паркесъ. — Это промыслъ болѣе выгодный, нежели вы воображаете себѣ, Томъ; разбойники большой дороги не имѣютъ надобности, да и не привыкли одѣваться такъ скаредно, — честное слово.

Между-тѣмъ, незнакомецъ принесъ свою дань гостинницѣ, приказавъ подать себѣ что-нибудь выпить. Ему тотчасъ услужилъ сынъ хозяина, Джой, широкоплечій, высокій, сильный молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, котораго отецъ, однакожь, по особенной какой-то прихоти, все еще считалъ ребенкомъ и съ которымъ поступалъ, какъ слѣдовало поступать по этому понятію. Незнакомецъ протянулъ руки, чтобъ погрѣться у огня, и между-тѣмъ, какъ, обратясь къ обществу, разсматривалъ его проницательнымъ взглядомъ, спросилъ голосомъ, соотвѣтствовавшимъ его наружности:

— Что это за домъ вполмили отсюда?

— Гостинница? сказалъ хозяинъ съ обыкновенною своею медленностію и обдуманностью.

— Гостинница, батюшка! воскликнулъ Джой: — гдѣ найдешь ты на милю въ окружности гостинницу, кромѣ Майскаго-Дерева? Онъ разумѣетъ большой домъ—Кроличью-Засѣку—вѣроятно, такъ? Старое строеніе изъ краснаго кирпича, сэръ, стоящее посреди полей, которыя ему и принадлежатъ?..

— Разумѣется, отвѣчалъ незнакомецъ.

— И которое, продолжалъ Джой:—лѣтъ пятнадцать или двадцать назадъ стояло въ паркѣ впятеро обширнѣе нынѣшняго, который переходилъ вмѣстѣ съ другими богатѣйшими участками изъ рукъ въ руки и исчезъ поштучно... Жаль!

— Все равно, отвѣчалъ старикъ. — Я хотѣлъ спросить о хозяинѣ его. Чѣмъ этотъ домъ былъ когда-нибудь, мнѣ нѣтъ до того дѣла, а теперь я могу видѣть и самъ.

Перворводный, будущій наслѣдникъ Майскаго-Дерева прижалъ палецъ къ губамъ и отвѣчалъ тише, поглядывая на описаннаго выше молодаго джентльмена, при первомъ словѣ объ этомъ домѣ перемѣнившаго свое положеніе:

— Хозяина зовутъ Гардалемъ, мэстеромъ Джоффруа Гэрдалемъ, и (тутъ онъ опять взглянулъ на молодаго джентльмэна) онъ достойный, почтенный человѣкъ—хм!

Незнакомецъ такъ же мало обратилъ вниманіе на этотъ кашель, какъ и на значительные взгляды, предшествовавшіе ему, и продолжалъ спрашивать:

— Идучи сюда, я свернулъ съ дороги и пошелъ стороной по тропинкѣ, ведущей черезъ поля. Кто была молодая дама, садившаяся въ карету? Дочь его?

—А почему же мнѣ знать это, честнóй господинъ? отвѣчалъ Джой и началъ хлопотать около камина, чтобъ подойдти ближе къ спрашивающему и дернуть его за рукавъ.—Вѣдь я не видалъ этой молодой дамы... Уу! вотъ опять завыла буря... Дождь какъ изъ ведра... Чтò за проклятая ночь!

— Да, погода нехороша! замѣтилъ незнакомецъ.

—Вы привыкли къ ней? началъ опять Джой, чтобъ отклонить разговоръ отъ прежняго предмета.

— Порядочно-таки, отвѣчалъ тотъ.—Да! на-счетъ молодой дамы: Есть ли дочь у мэстера Гэрдаля?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ молодой человѣкъ съ досадой: — онъ холостой... онъ... Да молчите же! развѣ вы не можете молчать? Развѣ вы не видите, что тамъ неохотно слушаютъ нашъ разговоръ?

Не обращая вниманія на это предостереженіе, сказанное вполголоса, и дѣлая видъ, будто вовсе не слыхалъ его, мучитель Джоя продолжалъ съ настойчивостью:

— Ну, бывали примѣры, что и холостые имѣли дочерей. Можетъ-быть, она все-таки дочь его, хоть онъ и не женатъ.

— Вотъ еще! сказалъ Джой и прибавилъ, подойдя опять ближе и понизивъ голосъ: — Вы попадётесь въ тиски, говорю вамъ, попадётесь!

— Вѣдь у меня нѣтъ ничего дурнаго на умѣ, сказалъ смѣло путе-

шественникъ: — и, кажется, я не сказалъ ничего дурнаго. Я дѣлаю тебѣ вопросы—какіе можетъ дѣлать и всякій — о тѣхъ, кто живетъ въ замѣчательномъ домѣ по сосѣдству, для меня совершенно новому, а вы всѣ вдругъ такъ встревожились и испугались, какъ-будто бы я клеветалъ на короля Георга. Можетъ-быть, *вы*, сэръ, можете объяснить мнѣ причину этого, потому-что (какъ я уже сказалъ) я не здѣшній, и ваши поступки для меня загадочны.

Послѣднее замѣчаніе относилось прямо къ смущенію Джоя Уиллита, который всталъ и накинулъ плащъ, чтобъ выйдти съ короткимъ отвѣтомъ, что не можетъ дать отвѣта на предложенный вопросъ. Молодой джентльменъ подозвалъ Джоя, далъ ему монету для расплаты за то, что̀ выпилъ, и поспѣшно вышелъ въ сопровожденіи молодаго Уиллита, свѣтившаго ему до самаго подъѣзда.

Между-тѣмъ, какъ Джой былъ на дворѣ, старый Уиллитъ и три товарища его курили трубки важно, торжественно, въ глубочайшемъ молчаніи; но глаза каждаго изъ нихъ были устремлены на огромный мѣдный котелъ, висѣвшій надъ огнемъ. Спустя нѣсколько времени, Джонъ Уиллитъ медленно потрясъ головой; затѣмъ и пріятели его медлено потрясли головами; но ни одинъ не отвратилъ взглядовъ отъ котла и нисколько не измѣнилъ торжествующаго выраженія своей физіономіи.

Наконецъ возвратился Джой въ весьма разговорчивомъ и миролюбивомъ расположеніи духа, какъ-будто сильно предчувствовалъ, что его побранятъ скоро.

—Странная вещь любовь! сказалъ онъ, придвинувъ къ огню стулъ, и оглянулся кругомъ, ища себѣ слушателей.—Теперь онъ ушелъ въ Лондонъ; всю длинную дорогу въ Лондонъ хочетъ онъ пройдти пѣшкомъ. Лошадь его, захромавшая отъ ѣзды въ это проклятое послѣобѣда, еще о-сю-пору лежитъ очень-спокойно на соломѣ въ конюшнѣ, и онъ отказывается отъ хорошаго, теплаго ужина и превосходной постели нашей, потому-что миссъ Гэрдаль отправилась въ городъ на балъ, а онъ рѣшился непремѣнно видѣть ее! Думаю, я не былъ бы способенъ на это, какъ она ни будь тамъ хороша — да и что̀ жь мнѣ? вѣдь я не влюбленъ,—по-крайней-мѣрѣ не думаю, чтобъ былъ влюбленъ...

— А онъ влюбленъ? спросилъ незнакомецъ.

— Да на-порядкахъ! отвѣчалъ Джой. — Онъ никогда не будетъ болѣе, а могъ бы быть гораздо-менѣе влюбленъ.

— Молчи! закричалъ отецъ Джою.

— Какой вы чудакъ, Джой! сказалъ долговязый Паркесъ.

— Такой безразсудный мальчишка! проворчалъ Томъ Коббъ.

— Можно ли соваться впередъ и выворачивать родному отцу носъ изъ лица! воскликнулъ метафорически звонарь.

— Чтò жь я такое сдѣлалъ? началъ разсуждать бѣдный Джой.

— Смирно, сэръ! отвѣчалъ отецъ его.—Кàкъ ты смѣешь начинать говорить, когда видишь, что люди вдвое и втрое старше тебя сидятъ молча, и имъ не приходитъ въ голову вымолвить ни одного слова?

— Если вы молчите, это значитъ, что я могу говорить, значитъ, что это настоящее для меня время говорить, — сказалъ непокорный Джой.

— Настоящее время, сэръ! замѣтилъ отецъ его: — настоящаго времени никогда не бываетъ.

— А, разумѣется! проворчалъ Паркесъ и торжественно кивнулъ прочимъ, которые кивнули также, и ворча про себя замѣтили, что хозяинъ былъ совершенно правъ.

— Настоящаго времени никогда не бываетъ, сэръ, повторилъ Джонъ Уиллитъ: — будучи въ твоихъ лѣтахъ, я никогда не говорилъ, никогда не имѣлъ позыва къ разговору; я только слушалъ и учился; вотъ-чтò я дѣлалъ.

— И вы узнали бы, Джой, что вашъ отецъ ужасный спорщикъ, настоящій пѣтухъ, еслибъ кто-нибудь захотѣлъ связаться и заспорить съ нимъ, сказалъ Паркесъ.

— Ну, что касается до этого, Филь, замѣтилъ мэстеръ Уиллитъ, выпуская изъ рта длинное, тонкое, спиральное облако дыма, и смотря задумчиво вслѣдъ за его направленіемъ: — что касается до этого, такъ способность спорить — даръ природы. Если кого природа надѣлила ею, тотъ имѣетъ право ею пользоваться по своимъ силамъ, а ты не имѣешь права, изъ ложной скромности, утверждать, чтобъ не былъ одаренъ этою способностью; иначе, ты повернулся бы задомъ къ природѣ, наругался бы надъ нею, презрѣлъ ея драгоцѣнныя сокровища, — да, это значило бы доказывать, что ты свинья, недостойная того, чтобъ природа метала передъ тобой бисеръ.

Такъ-какъ хозяинъ сдѣлалъ послѣ этихъ словъ большую паузу, то мэстеръ Паркесъ подумалъ, что онъ кончилъ рѣчь свою, и потому, обратившись съ строгимъ видомъ къ молодому человѣку, воскликнулъ:

— Слышите ли, что говоритъ вашъ отецъ, Джой? У васъ, я думаю, нѣтъ теперь большой охоты связываться съ нимъ?

— Если... сказалъ Джонъ Уиллитъ, отвративъ глаза отъ потолка, чтобъ взглянуть въ лицо прервавшему его Паркесу. Онъ произнесъ слово «если», какъ-будто все оно состояло изъ однѣхъ прописныхъ буквъ, или было изображено лапидарнымъ шрифтомъ,—чтобъ показать дерзкому, осмѣлившемуся прервать его, что онъ раскрылъ глотку съ неприличною и непочтительною поспѣшностію: — если природа, сэръ, одарила меня способностью спорить, то почему жь бы мнѣ не признаться въ этомъ, почему бы даже не гордиться тѣмъ? Да,

сэръ, я ужасный пѣтухъ въ дѣлахъ такого рода. Вы правы, сэръ. Моя сила испытана была, сэръ, въ этой комнатѣ не одинъ разъ; вы, я думаю, знаете это; а если вы еще не знаете, прибавилъ Джонъ, вкладывая трубку опять въ ротъ: — тѣмъ лучше, потому-что я не гордъ, и не стану вамъ пересказывать этого.

Бормотанье трехъ пріятелей и киванье головъ ихъ въ направленіи къ мѣдному котлу удостовѣрили Джона Уиллита, что они достаточно испытали его силу и не нуждаются въ дальнѣйшихъ доказательствахъ его преимуществъ. Джонъ сталъ курить съ большимъ достоинствомъ и осматривалъ ихъ торжествующими взорами.

— Все это прекрасно сказано, ворчалъ Джой, вертѣвшійся съ разными безпокойными движеніями на стулѣ: — но если вы думаете, что я не долженъ никогда раскрывать рта...

— Смирно! закричалъ его отецъ. — Да, ты никогда не долженъ раскрывать рта. Если спросятъ твоего мнѣнія — скажи его; если заговорятъ съ тобой — говори. Если не спросятъ твоего мнѣнія и не заговорятъ съ тобой, то тебѣ не для чего сказывать свое мнѣніе и не о чемъ говорить. Чудная перемѣна сдѣлалась съ міромъ въ мое время, право! Я думаю, теперь совсѣмъ нѣтъ больше дѣтей; — такой вещи, какъ мальчикъ, вовсе нѣтъ въ свѣтѣ; — теперь нѣтъ никакой разницы между ребенкомъ въ пеленкахъ и взрослымъ мужчиной. Вмѣстѣ съ его благословеннымъ величествомъ королемъ Георгомъ-Вторымъ у насъ вывелись всѣ мальчики.

— Это весьма справедливое замѣчаніе; только надо исключить молодыхъ принцевъ, сказалъ церковнослужитель, который, какъ представитель государства и церкви въ этомъ обществѣ, почиталъ долгомъ своимъ строго держаться законности. — Если для мальчика прилично и справедливо вести себя такъ, какъ слѣдуетъ мальчику, то молодые принцы должны быть мальчиками и не могутъ вести себя иначе.

— Слыхали ль вы когда-нибудь о морскихъ дѣвицахъ, сэръ? спросилъ мэстеръ Уиллитъ.

— Безъ сомнѣнія! отвѣчалъ церковнослужитель.

— Хорошо, сказалъ мэстеръ Уиллитъ. — На сколько въ морской дѣвицѣ нѣтъ женскаго свойства, на столько въ ней, по самой натурѣ ея, должно быть свойства рыбьяго. По натурѣ всякаго принца, въ немъ должно быть столько свойственнаго молодому принцу, что онъ хоть не совершенный ангелъ, то, по-крайней-мѣрѣ, долженъ быть благочестивъ и справедливъ. Если, поэтому, молодымъ принцамъ прилично, благочестиво и справедливо быть мальчиками, — какъ это и есть на-самомъ-дѣлѣ, — то они суть и должны быть мальчиками, и имъ невозможно быть ни чѣмъ инымъ.

Это лучезарное развитіе труднаго вопроса было принято съ такими

знаками одобренія, что Джонъ Уиллитъ пришелъ въ самое лучшее расположеніе духа и удовольствовался тѣмъ, что еще разъ приказалъ своему сыну молчать, хоть тотъ и не говорилъ ни слова; потомъ, повернувшись къ незнакомцу, сказалъ:

— Еслибъ вы обратились съ вашими вопросами къ взрослому человѣку,—ко мнѣ, или къ одному изъ этихъ джентльменовъ,—то получили бы удовлетворительный отвѣтъ и не наговорили бы себѣ попусту чахотки. Миссъ Гэрдаль — племянница мэстера Джоффруа Гэрдаля.

— Живъ ли отецъ ея? спросилъ незнакомецъ равнодушно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ хозяинъ:—онъ не живъ, хоть и не умеръ...

— Не умеръ! воскликнулъ пріѣзжій.

— Не умеръ обыкновеннымъ образомъ, сказалъ хозяинъ.

Три пріятеля кивнули другъ другу головами, и мэстеръ Паркесъ замѣтилъ тихо (покачивая притомъ головой, какъ-будто желая сказать: «никто не противорѣчь мнѣ, потому-что я не повѣрю»), что Джонъ Уиллитъ нынче вечеромъ въ своей тарелкѣ и былъ бы въ состояніи поспорить съ самимъ главнымъ судьею.

Незнакомецъ пропустилъ нѣсколько минутъ и потомъ вдругъ спросилъ:

— Что̀ жь вы разумѣете подъ этимъ?

— Болѣе, нежели вы подозрѣваете, отвѣчалъ Джонъ Уиллитъ.— Можетъ-быть, въ моихъ словахъ болѣе смысла, чѣмъ вы думаете.

— Очень можетъ быть, сказалъ съ досадой незнакомецъ: — да на кой же чортъ говорите вы такими обинякам и такъ цвѣтисто? Сперва вы сказали, что тотъ, о комъ я васъ спрашивалъ, не живъ и не умеръ; потомъ—что онъ не умеръ обыкновеннымъ образомъ; потомъ еще — что вы разумѣете больше, нежели я подозрѣваю. По правдѣ сказать, это должно быть такъ, потому-что, сколько я могу понять изъ всего сказаннаго, вы сами ничего не разумѣете. А? Ну, что̀ вы разумѣете? спрашиваю я васъ еще.

— Это, отвѣчалъ хозяинъ, сбитый немного грубостью незнакомца съ прежней высоты: — это исторія Майскаго-Дерева, и было всегда его исторіею въ-продолженіи двадцати-четырехъ лѣтъ. Это исторія Соломона Дэйзи. Она принадлежитъ этому дому, и никогда никто, кромѣ Соломона Дэйзи, не разсказывалъ ея подъ этой кровлей, и никто не смѣетъ впредь гдѣ-либо разсказывать. Вотъ и все тутъ!

Онъ взглянулъ на церковнослужителя, котораго самонадѣянный и важный видъ доказывалъ ясно, что рѣчь шла о немъ, а Джонъ, замѣтивъ, что звонарь вынулъ уже изо рта трубку, потянувъ изъ нея предварительно какъ-можно-сильнѣе, чтобъ она не погасла, и безъ сомнѣнія былъ намѣренъ разсказывать безъ дальнѣйшей отсрочки свою исторію, — закутался въ широкій сюртукъ свой и отодвинулся

еще далѣе, такъ-что почти скрылся въ тѣни камина. Только изрѣдка пламя, вырываясь съ усиліемъ изъ-подъ огромной вязанки хвороста, внезапно вспыхивало и на мгновеніе освѣщало его, погружая потомъ еще въ большій мракъ.

При этомъ дрожащемъ свѣтѣ огня, отъ котораго старинная комната съ тяжелыми балками и выложенными дубомъ стѣнами казалась построенною изъ полированной слоновой кости, при ревѣ и завываніи вѣтра, то стучавшагося въ дверную ручку и потрясавшаго воротами, то ударявшаго въ окна, Соломонъ Дэйзи началъ разсказъ свой:

— Мэстеръ Реубенъ Гэрдаль, старшій братъ мэстера Джоффруа...

Онъ вдругъ замолчалъ и сдѣлалъ такую длинную паузу, что даже самъ Джонъ Уиллитъ пришелъ въ нетерпѣніе и спросилъ, отъ-чего онъ не продолжаетъ.

— Коббъ, сказалъ Соломонъ Дэйзи таинственнымъ голосомъ содержателю почтоваго двора:—которое число у насъ сегодня?

— Девятнадцатое.

— Марта? сказалъ церковнослужитель, нагнувшись впередъ:—девятнадцатое марта? Это очень странно!

Всѣ тихомолкомъ согласились съ нимъ, и Соломонъ Дэйзи продолжалъ:

— Мэстеръ Реубенъ Гэрдаль, старшій братъ мэстера Джоффруа Гердаля, былъ, двадцать-два года назадъ, владѣтелемъ «Кроличьей-Засѣки», которая, какъ сказалъ Джой—не то, чтобъ вы помнили объ этомъ, Джой: такой мальчишка, какъ вы, не можетъ этого помнить, а потому-что часто слышали это отъ меня — словомъ, Засѣки, которая была тогда обширнѣйшимъ, лучшимъ строеніемъ и выгоднѣйшимъ имѣніемъ. Жена Реубена умерла недавно, оставивъ ему одного ребенка—ту самую миссъ Гэрдаль, о которой вы спрашивали. Этому ребенку было тогда около года.

Разсказчикъ все обращался къ тому человѣку, который такъ любопытствовалъ знать исторію этого семейства, и теперь, замолчавъ, ожидалъ себѣ какого-нибудь восклицанія, выражающаго удивленіе или поощреніе съ его стороны; но незнакомецъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія, и вообще ничѣмъ не обнаруживалъ вниманія къ разсказу; Соломонъ опять обратился къ своимъ старымъ пріятелямъ, у которыхъ оконечности носовъ ярко освѣщались отблескомъ огня, бывшаго въ трубкахъ. Долговременная опытность удостовѣряла его въ ихъ внимательности; притомъ же, онъ рѣшился показывать, что нечувствителенъ къ такому невѣжливому поведенію незнакомца.

— Мэстеръ Гэрдаль, сказалъ Соломонъ и повернулся къ незнакомцу спиною:—послѣ смерти жены своей покинулъ это жилище, потому-что оно показалось ему слишкомъ уединеннымъ, и отправился въ Лондонъ, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ; но какъ и Лондонъ ему

скоро наскучилъ, — да я и самъ слыхалъ объ немъ невыгодные отзывы,—то вдругъ возвратился съ своею маленькою дочерью въ Кроличью-Засѣку и привезъ съ собою только двухъ служанокъ, одного управляющаго и одного садовника.

Тутъ мэстеръ Дэйзи замолчалъ, чтобъ покурить трубку, которая готова была погаснуть, и потомъ продолжалъ — сначала нѣсколько въ носъ, чему были причиною довольно-сильныя затяжки изъ трубки, но потомъ съ возрастающею ясностію:

— Да-съ; только двухъ служанокъ, одного управляющаго и одного садовника. Прочая прислуга его осталась въ Лондонѣ и должна была прибыть на другой день. Случайно, въ ту самую ночь, умеръ одинъ старый джентльменъ, жившій въ Чигуэль-Ровѣ и давно уже хворавшій; мнѣ было приказано встать въ половинѣ перваго часа ночи, чтобъ идти ударить въ колоколъ по усопшемъ...

Въ маленькой группѣ слушателей произошло движеніе, обнаруживавшее какъ сильно каждый изъ трехъ пріятелей звонаря воспротивился бы приказанію отправиться изъ дому для подобнаго дѣла въ такой поздній часъ ночи. Церковнослужитель умѣлъ достойно оцѣнить это движеніе и продолжалъ:

— Это было страшное дѣло, особенно потому-что заболѣлъ могильщикъ,—онъ, видите, долго работалъ въ сырой землѣ, потомъ сѣлъ на холодную могильную плиту, чтобъ пообѣдать, и простудился. Нечего дѣлать, я принужденъ былъ идти одинъ; въ такое позднее время, нельзя уже было найдти себѣ другаго провожатаго. Между-тѣмъ, я былъ приготовленъ къ такому приказанію, потому-что старый джентльменъ нѣсколько разъ просилъ меня ударить въ колоколъ какъ-можно-скорѣе послѣ его смерти,—а уже нѣсколько дней ждали съ часу на часъ, что онъ умретъ. И такъ, небудучи пораженъ нечаянностью и хорошенько закутавшись—тогда было чертовски холодно—съ фонаремъ въ одной и ключемъ отъ церкви въ другой рукѣ, я приготовился отправиться въ путь.

Въ это время, платье незнакомца немного зашумѣло, какъ-будто онъ обернулся, чтобъ лучше слышать разсказъ звонаря. Соломонъ украдкой указалъ пальцемъ черезъ плечо, вздернулъ брови, и безмолвнымъ наклоненіемъ головы спросилъ Джоя, точно ли незнакомецъ двигался. Джой заслонилъ глаза рукою и сталъ глядѣть въ уголъ, но, не увидѣвъ ничего, потрясъ головой въ знакъ отрицанія.

— Тогда была точно такая ночь, какъ сегодня: истинный ураганъ, проливной дождь и притомъ ужаснѣйшая темнота — я до-сихъ-поръ увѣренъ, что тогда была такая темнеть, какой мнѣ никогда не случалось видѣть ни прежде, ни послѣ. Можетъ-быть, это только игра воображенія; но всѣ домы были тогда плотно заперты, люди лежали въ своихъ постеляхъ, и можетъ-быть теперь есть только одинъ че-

ловѣкъ, который знаетъ, кàкъ тогда было темно. Я вошелъ въ церковь, притворилъ дверь такъ, что она осталась полуоткрытою — потому-что, откровенно говоря, у меня не было охоты запереться въ церкви—и, поставивъ фонарь на каменную скамью въ томъ углу, куда спущена веревка отъ колокола, сѣлъ подлѣ, чтобъ снять со свѣчки. Снявъ же со свѣчи, я не могъ никакъ рѣшиться встать, чтобъ приняться за дѣло. Не знаю, кàкъ это случилось, только вдругъ я вспомнилъ всѣ исторіи о привидѣніяхъ, когда-либо мнѣ разсказанныя и даже тѣ исторіи, которыя слышалъ еще будучи мальчикомъ въ школѣ и которыя давнымъ-давно забылъ, да притомъ еще не поодиначкѣ, а всѣ вдругъ явились онѣ въ умѣ моемъ. Я вспомнилъ преданіе, сохраняемое въ деревнѣ, какъ ежегодно въ одну опредѣленную ночь (можетъ-быть, именно въ эту ночь) всѣ мертвецы выходятъ изъ земли и, сѣвъ въ головахъ своихъ могилъ, сидятъ такъ до утра. Это навело меня на мысль, сколько людей, которыхъ я зналъ, были похоронены между церковною дверью и кладбищною калиткой и кàкъ было бы ужасно, еслибъ я долженъ былъ пройдти между ними и узнавать старыхъ пріятелей, не смотря на ихъ искаженныя, разрушенныя физіономіи. Съ-дѣтства зналъ я каждую нишу, каждую арку въ церкви; но, не смотря на это, никакъ не могъ повѣрить, чтобъ тѣни, упадавшія на церковный помостъ, естественнымъ образомъ происходили отъ этихъ нишъ и арокъ. Нѣтъ, мнѣ казалось, что за ними торчали уродливыя привидѣнія и выглядывали оттуда. Тутъ еще вспомнилъ я только-что умершаго стараго джентльмена, и былъ готовъ присягнуть, что, глядя на каѳедру, увидѣлъ его на обыкновенномъ его мѣстѣ, закутавшагося въ саванъ и дрожавшаго отъ холода. Все это время сидѣлъ я присматриваясь и прислушиваясь, и едва смѣлъ переводить духъ отъ ужаса. Наконецъ я вскочилъ и протянулъ руку къ веревкѣ. Въ ту же минуту раздался звонъ — не этого (я не успѣлъ и тронуть веревки) а другаго колокола...

Вдругъ слышу ясно звуки другаго и притомъ довольно-большаго колокола. Звуки продолжались одно мгновеніе, вѣтеръ уносилъ ихъ: однакожь я ихъ слышалъ. Прислушиваюсь еще нѣсколько времени, но звуки не повторяются. Мнѣ разсказывали о колоколахъ-привидѣніяхъ и потому я тотчасъ же убѣдился, что это былъ колоколъ-привидѣніе, самъ собою звонящій въ полночь по усопшемъ. Наконецъ, я началъ звонить; — долго ли и кàкъ звонилъ я, не помню; помню только, что потомъ со всѣхъ ногъ бросился домой и забился подъ подушки.

На другое утро, послѣ ночи, проведенной безъ сна, я всталъ рано и разсказалъ сосѣдямъ о томъ, чтò со мною случилось. Одни приняли мой разсказъ серьёзно, другіе слегка, но никто, по-видимому, не

вѣрилъ, чтобъ это случилось такъ на-самомъ-дѣлѣ. Въ то же утро мэстеръ Реубенъ Гэрдаль найденъ убитымъ въ своей спальнѣ; въ рукѣ его остался еще конецъ веревки, проведенной къ набатному колоколу, привѣшенному надъ крышей; веревка висѣла въ спальнѣ покойника, но, безъ сомнѣнія, была перерѣзана убійцами, когда несчастный ухватился за нее.

Этотъ-то звонъ я и слышалъ.

По осмотрѣ комнаты, оказалось, что конторка разломана, а шкатулка съ деньгами, которыя въ тотъ же день мэстеръ Гэрдаль привезъ съ собою и въ которой, вѣрно, были большія суммы денегъ, пропала. Не найдены ни управляющій, ни садовникъ; ихъ долго подозрѣвали въ преступленіи, но не могли нигдѣ найдти, хоть и дѣлали самые строгіе розъиски. И долго и далеко искали бы они бѣднаго управляющаго, мэстера Роджа, еслибъ не узнали трупа его по платью, перстню и часамъ; этотъ трупъ найденъ былъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ небольшомъ прудѣ, на полѣ, съ глубокою раною въ груди. Онъ былъ не совсѣмъ одѣтъ, и всѣ согласны, что онъ, вѣроятно, читалъ, сидя въ своей комнатѣ, гдѣ осталось много кровавыхъ пятенъ, въ то время, когда злодѣи напали на него и убили въ глазахъ господина.

Тутъ всѣ уже догадались, что садовникъ одинъ совершилъ убійство, и хоть съ-тѣхъ-поръ до нынѣшняго дня не было о немъ ни слуху, ни духу, но, вѣрьте моему слову, вы услышите о немъ когда-нибудь. Сегодня двадцать-два года минуло съ того дня; злодѣяніе совершено девятнадцатаго марта 1753 года. Девятнадцатаго марта какого-нибудь года, все равно какого бы то ни было, злодѣй будетъ пойманъ, — я увѣренъ въ этомъ, потому-что мы всегда по какому-нибудь случаю вспоминаемъ объ этой исторіи именно девятнадцатаго марта.

ГЛАВА II.

— Курьёзная исторія! сказалъ человѣкъ, подавшій церковнослужителю поводъ къ разсказу. — Еще курьёзнѣе будетъ, если исполнится ваше пророчество. Ну, что же? и все тутъ?

Такой неожиданный отвѣтъ очень оскорбилъ Соломона Дэйзи. Онъ такъ часто разсказывалъ свою исторію, и, по обычаю деревенскихъ повѣствователей, всегда съ такимъ множествомъ прикрасъ и прибавокъ, внушаемыхъ ему время-отъ-времени различными слушателями, что наконецъ достигъ нѣкотораго рода виртуозности въ этомъ дѣлѣ, и дѣйствительно разсказывалъ съ большимъ эффектомъ. «И все тутъ?» — къ такому вопросу, послѣ искуснаго, художественнаго разсказа, не привыкъ Соломонъ Дэйзи.

— И все тутъ! повторилъ онъ: — да, тутъ все, сэръ... я думаю, этого довольно.

— Довольно. Лошадь мою, молодой человѣкъ! Это, правда, дрянная кляча, нанятая на дрянномъ почтовомъ дворѣ; но она должна довезти меня сегодня ночью до Лондона.

— Сегодня ночью? сказалъ Джой.

— Сегодня ночью, отвѣчалъ тотъ. — Что жь ты вытаращилъ на меня глаза? Право, мнѣ кажется, въ этомъ кабакѣ сходятся всѣ лѣнтяи и зѣваки изъ окрестностей.

При этомъ ясномъ намекѣ на любопытные взгляды, которымъ незнакомецъ подвергался сначала, Джонъ Уиллитъ и друзья его съ удивительною скоростью обратили опять взоры на мѣдный котелъ. Не такъ поступилъ Джой: какъ смѣльчакъ, онъ твердо выдержалъ гнѣвный взглядъ незнакомца и отвѣчалъ:

—Что жь тутъ дерзкаго, если удивляются, что вы хотите еще сегодня ночью отправиться въ путь? Вѣрно, такой невинный вопросъ дѣлали вамъ уже во многихъ гостинницахъ и при лучшей погодѣ. Я думалъ, вамъ неизвѣстна дорога, потому-что вы, повидимому, совсѣмъ не знаете нашей стороны.

— Неизвѣстна дорога! возразилъ тотъ, еще болѣе раздраженный.

— Да. Ну, знаете ли вы дорогу?

— Я? Не безпокойся, найду и безъ тебя, отвѣчалъ незнакомецъ, презрительно махнувъ рукою, и отвернулся.—Хозяинъ! скорѣе счетъ!

Джонъ Уиллитъ тотчасъ исполнилъ требованіе, потому-что въ этомъ отношеніи онъ былъ всегда проворенъ, исключая случаевъ, когда ему приходилось мѣнять деньги и давать сдачу: тогда обыкновенно онъ дѣлался гораздо осмотрительнѣе, удостовѣрялся въ достоинствѣ каждой монеты зубами или языкомъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ подвергалъ монету цѣлому ряду опытовъ, которые всегда оканчивались тѣмъ, что онъ не принималъ монеты. Незнакомецъ плотно завернулся въ плащъ, чтобъ сколько-можно-болѣе быть защищену отъ дурной погоды и отправился во дворъ, не сказавъ на прощанье ни единаго слова, не сдѣлавъ ни одного знака. На дворѣ стоялъ уже Джой, укрывая себя и лошадь отъ дождя подъ крышей стараго навѣса.

— Лошадь почти совершенно согласна съ моимъ мнѣніемъ, сказалъ Джой, поглаживая ее. — Бьюсь объ закладъ, что еслибъ вы остались ночевать здѣсь, ей это было бы пріятнѣе, нежели мнѣ.

— Она и я въ продолженіи этого путешествія были уже не одинъ разъ несогласны въ своихъ мнѣніяхъ, коротко отвѣчалъ незнакомецъ.

— Я подумалъ это прежде, нежели вы пришли сюда: бѣдная скотинка порядочно испытала ваши шпоры.

Незнакомецъ закрылъ лицо воротникомъ сюртука и не отвѣчалъ ни слова.

— Вы стараетесь замѣтить мое лицо, какъ я вижу, и вѣрно узнаете меня при новой встрѣчѣ, сказалъ онъ, прыгнувъ въ сѣдло и видя, какъ пристально смотрѣлъ на него молодой человѣкъ.

— *Тотъ* человѣкъ, мэстеръ, вѣрно стоитъ, чтобъ его замѣтили, кто въ такую погоду отказывается отъ теплаго ночлега, и хочетъ ѣхать дальше по незнакомой дорогѣ и на измученной лошади.

— У васъ вострые глаза, да и язычокъ востёръ, какъ я вижу.

— И то и другое даръ природы; но языкъ ржавѣетъ иногда за недостаткомъ въ упражненіи.

— Упражняй и глаза меньше; сохрани востроту ихъ для своей дѣвчонки, мальчишка! сказалъ незнакомецъ, выдернулъ поводья изъ руки Джоя, ударилъ его толстымъ концомъ хлыста по головѣ и пустился во всю прыть.

Чрезъ грязь и болота, ночью поскакалъ онъ съ такою бѣшеною скоростью, на которую рѣшились бы немногіе, сидя на дурной лошади и при незнаніи мѣстности, которое ежеминутно грозило непредвидѣнною опасностью и даже гибелью.

Въ то время, дороги, даже въ двѣнадцати миляхъ отъ Лондона, были дурны и поправлялись рѣдко. Дорога, по которой пустился нашъ ѣздокъ, взрыхлена была колесами тяжелыхъ телегъ, а морозы и оттепели въ прошлую зиму, можетъ-быть даже въ-продолженіи нѣсколько зимъ совершенно ее испортили. Она была усѣяна ямами и рытвинами, которыя, наполнившись отъ послѣдняго дождя, угрожали опасностью даже днемъ, потому-что, попавъ въ одну изъ этихъ рытвинъ, лошадь и покрѣпче несчастной клячи нашего путешественника упала бы непремѣнно. Острые камни летѣли изъ-подъ копытъ ея; ѣздокъ едва могъ различать предметы далѣе головы своего буцефала, или на протяженіи собственной руки своей вправо и влѣво. Притомъ же, въ тѣ времена всѣ дороги близь столицы были обезпокоиваемы мошенниками, а въ эту ночь преимущественно каждый изъ нихъ могъ упражняться въ своемъ ремеслѣ, не опасаясь быть открытымъ. Однакожь, ѣздокъ нашъ продолжалъ путь бѣшенымъ галопомъ, не смотря ни на грязь, ни на воду, брызгавшія вокругъ него, ни на темноту ночи, ни на возможность встрѣтиться съ какими-нибудь отчаянными людьми и помѣшать ихъ ночному промыслу. При каждомъ изгибѣ и поворотѣ дороги, даже тамъ, гдѣ всего меньше можно было ожидать или замѣтить ихъ, онъ твердою рукою брался за узду и держался середины дороги. Такъ летѣлъ онъ, приподнявшись на стременахъ, наклонясь впередъ всѣмъ тѣломъ, почти касаясь шеи своего коня и какъ бѣшенный махая тяжелымъ хлыстомъ надъ своей головою.

При необыкновенномъ волненіи стихій случается, что люди, отправившіеся на головоломное предпріятіе, или побуждаемые великими, злыми или добрыми, замыслами, чувствуютъ тайную симпатію съ раздраженною природою и приходятъ въ соотвѣтствующее ей состояніе. При бурѣ, громѣ и молніи много сдѣлано ужасныхъ дѣлъ, и люди, которые прежде совершенно владѣли собою, становились вдругъ добычею страстей, которыхъ не могли болѣе обуздывать. Демоны ярости и отчаянія состязаются тогда съ духами, прокатывающимися на вихрахъ, повелѣвающими бурею, и человѣкъ, до бѣшенства терзаемый шумнымъ вѣтромъ и пѣнящимися потоками, на-время становится столь же немилосердымъ, какъ и бунтующія стихіи.

Волновали ли нашего путешественника мысли, которымъ ужасная непогода придавала еще болѣе мятежности, или у него были только сильныя причины скорѣе окончить свое путешествіе, — какъ бы то ни было, онъ летѣлъ по дорогѣ, болѣе похожій на преслѣдуемую адскими призраками тѣнь, нежели на человѣка. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ не умѣрялъ своего галопа до-тѣхъ-поръ, пока, достигнувъ перекрестка, съ котораго одна дорога шла также и въ Майское-Дерево, не наткнулся такъ неожиданно на ѣхавшую встрѣчу ему повозку, что при попыткѣ свернуть въ сторону почти посадилъ лошадь на хвостъ и едва не упалъ вмѣстѣ съ нею навзничь.

— О-го! вскричалъ мужской голосъ. — Кто тамъ? Кто идетъ?

— Другъ! отвѣчалъ путешественникъ.

— Другъ? повторилъ голосъ. — Кто смѣетъ называть себя другомъ, когда летитъ такъ безчеловѣчно, срамитъ дары неба въ образѣ лошадинаго мяса и не только себя, но и другихъ подвергаетъ опасности сломить шею?

— У васъ тамъ, я вижу, фонарь, сказалъ путешественникъ, слѣзая съ лошади: — одолжите его мнѣ на минуту. Вы, кажется, ранили мою лошадь оглоблей, или колесомъ.

— Ранилъ! воскликнулъ другой: — не вы виноваты, что я не убилъ ея. Да что вы о себѣ думаете, что скачете такъ по королевской столбовой дорогѣ, а?

— Давайте свѣчу, сказалъ путешественникъ, вырывая у него изъ рукъ фонарь: — и не дѣлайте ненужныхъ вопросовъ человѣку, у котораго нѣтъ охоты болтать много.

— Еслибъ вы сказали мнѣ раньше, что у васъ нѣтъ охоты болтать, то и я, можетъ-быть, не имѣлъ бы охоты свѣтить вамъ, возразилъ голосъ. — Впрочемъ, какъ ранена только лошадь, а не вы, то охотно уступаю фонарь одному изъ васъ — однакожь не тому, который кусается.

Путешественникъ не удостоилъ этихъ словъ отвѣтомъ, но при

свѣтѣ фонаря осматривалъ измученную свою лошадь. Въ-продолженіе этого времени другой преспокойно сидѣлъ въ своей повозкѣ, которая была нѣчто въ родѣ колясочки, съ особеннымъ вмѣстилищемъ для мѣшка, содержавшаго въ себѣ разные инструменты, — и съ большимъ вниманіемъ присматривалъ за поступками путешественника.

Сидѣвшій въ повозкѣ былъ круглый, краснощокій, плотный мужчина, съ двойнымъ подбородкомъ, и голосомъ, которому спокойная жизнь, веселый нравъ и здоровый сонъ его владѣльца придали какую-то жирную охриплость. Онъ прожилъ уже цвѣтущія лѣта жизни, но время, хоть и не оставляетъ безъ посѣщенія ни одного изъ своихъ дѣтокъ, однакожь дотрогивается только слегка до тѣхъ, которыя хорошо обращались съ нимъ, дѣлаетъ ихъ также старикамы и старушками, но оставляетъ имъ молодое, полное жизненной силы сердце и умъ. У такихъ людей, сѣдые волосы только признакъ благословляющей руки ихъ матери — времени, и каждая морщинка — не болѣе, какъ отмѣтка въ календарѣ хорошо-проведенной жизни.

Человѣкъ, съ которымъ столкнулся такъ внезапно нашъ путешественникъ, принадлежалъ именно къ этому классу; онъ былъ силенъ, здоровъ, бодръ и веселъ на старости, всегда въ мирѣ съ самимъ-собой, и очевидно желалъ жить въ мирѣ съ цѣлымъ свѣтомъ. Хоть онъ и закутался въ разные сюртуки и платки (изъ которыхъ одинъ, ловко наброшенный на голову и завязанный подъ подбородкомъ, удерживалъ треугольную шляпу и парикъ съ тупеемъ въ приличномъ состояніи), однакожь онъ не могъ скрыть своей мясистой, лѣнивой фигуры; даже нѣсколько грязныхъ слѣдовъ отъ пальцевъ придавали лицу его забавно-комическое выраженіе, сквозь которое ярко проглядывала вся его обыкновенная веселость.

—Лошадь вовсе не ушиблась, сказалъ наконецъ путешественникъ, приподнявъ голову и фонарь въ одно время.

— Наконецъ-то вы догадались! отвѣчалъ старикъ. — Хоть глаза мои и больше вашихъ видали свѣтъ и людей, однакожь я не хотѣлъ бы помѣняться съ вами.

— Это что значитъ?

— Что значитъ! А вотъ что. Я ужь минутъ пять назадъ могъ бы сказать, что лошадь ваша не ранена. Подайте-ка фонарь, пріятель, ступайте дальше, да потише. Доброй ночи!

Подавая фонарь, незнакомецъ, разумѣется, освѣтилъ полное лицо говорившаго. Глаза ихъ встрѣтились. Путешественникъ вдругъ бросилъ фонарь объ землю и раздавилъ его ногою.

— Развѣ вы не видывали никогда слѣсаря, что такъ пугаетесь, какъ-будто встрѣтились съ мертвецомъ? воскликнулъ старикъ, сидѣвшій въ повозкѣ. — Или, прибавилъ онъ, поспѣшно всунувъ руку въ

мѣшокъ и вытаскивая молотокъ: — или вамъ хочется ограбить меня? Мнѣ знакомы тутъ всѣ дороги, пріятель, и когда я ѣзжу по нимъ, никогда не беру съ собой болѣе пары шиллинговъ, несоставляющихъ даже и кроны. Говорю вамъ прямо, чтобъ избавить насъ обоихъ отъ напраснаго труда, — вы не найдете у меня ничего, кромѣ руки столь сильной, сколько позволяютъ мои лѣта, и этого молотка, которымъ я, можетъ-быть отъ долговременнаго съ нимъ знакомства, умѣю владѣть порядочно. Впрочемъ, обѣщаюсь, если вы подойдете слишкомъ-близко, метить не прямо въ голову. — Съ этими словами онъ приготовился къ оборонѣ.

— Я не тотъ, за кого вы принимаете меня, Габріель Уарденъ, сказалъ путешественникъ.

— Кто жь вы? спросилъ слѣсарь. — Вы, кажется, знаете мое имя. Скажите мнѣ свое.

— Я узналъ ваше имя не изъ дружескаго разговора съ вами, а изъ надписи на вашей колясочкѣ, которая объявляетъ его всему городу, отвѣчалъ незнакомецъ.

— Видно, для этого у васъ были лучше глаза, нежели для лошади, сказалъ Уарденъ, поспѣшно выходя изъ повозки. — Кто жь вы? Дайте-ка мнѣ взглянуть на ваше лицо.

Но пока слѣсарь выходилъ изъ повозки, путешественникъ сѣлъ опять на лошадь и въ такомъ положеніи встрѣтилъ старика, который соразмѣрялъ свои движенія съ каждымъ движеніемъ безпокойной, раздражаемой натянутыми удилами лошади, и упорно оставался подлѣ незнакомца.

— Дайте мнѣ взглянуть на ваше лицо, говорю я!

— Отвяжитесь! Прочь!

— Э, полно, любезнѣйшій! брось эти маскарадныя штуки! сказалъ слѣсарь: — а то, пожалуй, завтра же будутъ говорить въ клубѣ, какъ Габріэль Уарденъ испугался чьего-то глухаго голоса въ потемкахъ. Стой; дай мнѣ взглянуть на твое лицо!

Видя, что дальнѣйшее сопротивленіе кончится только дракой, и притомъ съ противникомъ, которымъ никакъ нельзя было пренебрегать, незнакомецъ откинулъ воротникъ сюртука, наклонился и взглянулъ прямо на слѣсаря.

Можетъ-быть, никогда еще два человѣка болѣе противоположные не стояли другъ противъ друга. Красное лицо слѣсаря такъ сильно разнилось отъ необычайно-блѣдной физіономіи всадника, что послѣдній казался духомъ безплотнымъ и безкровнымъ, а темныя, крупныя капли, выжатыя быстрою ѣздой на лицѣ его, казались холодными, предсмертнымъ потомъ. Физіономія стараго слѣсаря была освѣщена улыбкою, какъ-будто онъ ожидалъ найдти стараго знакомаго. Физіономія незнакомца, исполненная сильныхъ, разрушитель-

ныхъ страстей, но притомъ подозрительная, недовѣрчивая, казалась физіономіею человѣка, стоящаго на караулѣ; плотно-сомкнутыя челюсти, стиснутыя губы и болѣе всего какое-то скрытное движеніе руки къ боковому карману указывали, по-видимому, на отчаянное намѣреніе, ничуть не похожее на дѣтскую игру, или водевильную сцену.

Такъ смотрѣли они съ минуту другъ на друга.

— Гм! сказалъ старикъ, разсмотрѣвъ черты незнакомца: — я васъ не знаю.

— И не хотите узнать? спросилъ незнакомецъ, закутывая себѣ лицо по-прежнему.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Габріель: — откровенно говоря, пріятель, ваше лицо не слишкомъ хорошее рекомендательное письмо для своего хозяина.

— Оно и не должно быть хорошимъ, сказалъ путешественникъ: — я хочу, чтобъ люди меня убѣгали.

— Ну, сказалъ откровенно слѣсарь: — я полагаю, что ваше желаніе исполнится какъ-нельзя-лучше.

— Оно должно исполниться во что бы то ни стало, отвѣчалъ путешественникъ. — Въ доказательство же этому помните вотъ что: вы никогда еще не были въ такой опасности лишиться жизни, какъ въ продолженіи этихъ немногихъ минутъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ; за пять секундъ до послѣдняго вздоха вы будете не ближе къ смерти, какъ были сегодня ночью.

— Можетъ ли это быть? сказалъ упорный слѣсарь.

— Да; и смерти насильственной!

— Отъ чьей же руки?

— Отъ моей, отвѣчалъ путешественникъ, пришпорилъ лошадь и поѣхалъ сначала легкою рысцею, разбрызгивая грязь на обѣ стороны, потомъ скорѣе, скорѣе, и звукъ отъ копытъ коня его замеръ въ отдаленіи. Тогда онъ опять началъ тотъ же бѣшеный галопъ, въ какомъ налетѣлъ на повозку слѣсаря.

Габріель Уарденъ стоялъ на дорогѣ съ разбитымъ фонаремъ въ рукѣ, и неподвижный, окаменѣлый, прислушивался до-тѣхъ-поръ, пока до слуха его не достигало уже другихъ звуковъ, кромѣ стона вѣтра и шума дождя; тогда онъ раза два-три ударилъ себя въ грудь, какъ-будто для возбужденія своей энергіи, и восклицанія удивленія полились потокомъ изъ жирныхъ устъ его:

— Клянусь всѣми чудесами, желалъ бы я знать кто это такой! Бѣглецъ ли изъ дома сумасшедшихъ, или разбойникъ, головорѣзъ? Еслибъ онъ не ускользнулъ такъ скоро, мы посмотрѣли бы, кто изъ насъ въ большей опасности — онъ или я! «Я никогда не былъ ближе къ смерти, какъ нынче ночью»! Кажется, что и че-

резъ двадцать лѣтъ я буду такъ же далекъ отъ нея, какъ былъ теперь. Я хотѣлъ бы всегда быть такъ близко къ смерти... Удивительное хвастовство передъ сильнымъ, здоровымъ человѣкомъ! ха, ха!

Габріель сѣлъ опять въ свою повозку и задумчиво глядѣлъ на дорогу, по которой прилетѣлъ къ нему на встрѣчу путешественникъ, бормоча:

— Майское-Дерево... двѣ мили отъ Майскаго-Дерева. Я нарочно выбралъ самую длинную дорогу отъ Кроличьей-Засѣки, провозившись весь день за замками и звонками, чтобъ только не проѣхать мимо Майскато-Дерева и не измѣнить слову, данному Мартѣ, —вотъ твердость въ словѣ, такъ ужь подлинно твердость! Однакожь ѣхать въ Лондонъ безъ огня было бы опасно, а до перваго дома еще четыре мили съ доброю полмилью въ придачу; тутъ всего нужнѣе освѣщеніе. Двѣ мили до Майскаго-Дерева! Я сказалъ Мартѣ, что не сдѣлаю, сказалъ, что не сдѣлаю — и не сдѣлалъ; вотъ что я называю твердостью!

Послѣднія слова — «вотъ что я называю твердостью» повторялъ онъ очень часто, какъ-будто желая эту твердость въ словѣ, которую показать намѣревался, возвеличить собственною своею похвалой. Наконецъ Габріель Уарденъ повернулъ спокойно оглобли, рѣшась ѣхать безъ огня въ Майское-Дерево, — единственно за тѣмъ, чтобъ достать тамъ огня въ фонарь.

Но когда онъ подъѣхалъ къ Майскому-Дереву, когда Джой, по знакомому призыву Габріеля подскочивъ къ лошади, оставилъ за собою дверь растворенною, и передъ Габріелемъ раскрылась перспектива блеска и тепла; когда веселый говоръ голосовъ, благовоніе отъ дымящагося грога и чудный табачный запахъ, все это какъ-будто наноенное веселымъ свѣтомъ, встрѣтило его; когда движеніе тѣней за гардинами показало, что гости встали съ своихъ мѣстъ, чтобъ очистить тепленькое мѣстечко (и какъ онъ хорошо зналъ это мѣстечко!) для честнаго слесаря; когда широкій пламень, вдругъ вспыхнувъ, свидѣтельствовалъ о добромъ качествѣ дровъ, которыя въ эту минуту вѣрно въ честь его пріѣзда пустили цѣлый залпъ искръ; когда, кромѣ всѣхъ этихъ приманокъ, изъ отдаленной кухни послышалось тихое шипѣніе сковородъ, вмѣстѣ съ гармоническимъ стукомъ тарелокъ, мисокъ и вкуснымъ запахомъ, слышимымъ даже сквозь свистящій вѣтеръ, — тогда Габріель почувствовалъ, что вся твердость его начинаетъ исчезать быстрѣе молніи. Онъ усиливался смотрѣть глазами стоика на трактиръ, но этотъ взглядъ невольно превратился въ нѣжный; онъ оглянулся — даже безчувственная, холодная, черная окрестность, по-видимому, мрачно отвергала его и гнала въ дружескія объятія гостинницы.

— Добрый христіанинъ, Джой, сказалъ слѣсарь:—поступаетъ по-христіански и съ скотомъ своимъ. Я войду только на минутку.

Да и какъ было не войдти въ гостинницу! Естественно ли было умному человѣку трудиться надъ утаптываніемъ грязныхъ дорогъ и подвергаться ударамъ дождя и вѣтра, когда здѣсь ожидала его опрятная передняя, посыпанная бѣлымъ пескомъ, уютный камелёкъ, столъ, накрытый чистою скатертью, свѣтлыя оловянныя бутылки, и другія заманчивыя приготовленія къ хорошо-состряпанному ужину; присоедините ко всему этому веселое общество, въ которомъ каждый готовъ былъ услуживать ему, приглашать его къ наслажденію...

ГЛАВА III.

Такія мысли волновали слѣсаря, когда онъ сидѣлъ уже въ извѣстномъ намъ уголку и медленно освобождался отъ пріятной глазной боли,—мы говоримъ «пріятной», потому-что она происходила отъ вѣтра, дувшаго въ глаза и теперь постепенно проходила отъ теплоты, объявшей все тѣло путешественника. По той же причинѣ онъ нарочно усиливалъ небольшой свой кашель и объявилъ, что совсѣмъ выбился изъ силъ. Такія мысли волновали его еще часъ спустя, когда ужинъ кончился, и онъ сидѣлъ съ веселой, блестящей физіономіей въ томъ же уютномъ уголку, прислушиваясь къ чириканью маленькаго Соломона Дейзи, занимая и самъ немаловажную роль между веселыми собесѣдниками вокругъ камина Майскаго-Дерева.

— Желаю, чтобъ онъ былъ честный человѣкъ, и не скажу больше ничего, говорилъ Соломонъ, развивая нити цѣлой массы различныхъ наблюденій и предположеній о незнакомцѣ, въ-отношеніи котораго Габріель сравнивалъ свои наблюденія съ наблюденіями общества, чѣмъ и возбудилъ важное объясненіе.—Желаю, чтобъ онъ былъ честный человѣкъ»...

— Думаю, что и всѣ будутъ этого мнѣнія? замѣтилъ слѣсарь.

— Только не я, сказалъ Джой.

— Не ты? воскликнулъ Габріель.

— Да. Этотъ подлый трусъ ударилъ меня хлыстомъ, сѣвъ на лошадь, тогда какъ я былъ пѣшій, и за это я желаю, чтобъ онъ оказался тѣмъ, чѣмъ я считаю его.

— А что же ты думаешь о немъ, Джой?

—Да, ничего добраго не думаю, мэстеръ Уарденъ... Кивайте головой, батюшка, сколько угодно—мнѣ все равно: я все-таки скажу что ничего добраго о немъ не думаю, и буду всегда говорить это, и сказалъ бы еще сто разъ, еслибъ тѣмъ могъ принудить его вернуться за побоями, которые онъ заслужилъ.

— Молчать, сэръ! сказалъ Джонъ Уиллитъ.

— Не хочу. Вы одни виноваты въ томъ, что онъ осмѣлился поднять на меня руку. Видя, что со мною поступаютъ какъ съ ребенкомъ, что мнѣ запрещаютъ говорить, онъ тоже ободрился и смѣлъ оскорбить человѣка, у котораго въ головѣ, — какъ онъ думалъ, и какъ всѣ должны думать по вашей милости — нѣтъ ни искры ума. Но онъ ошибается, я докажу ему это, — ему и всѣмъ вамъ въ скоромъ времени!

—Понимаетъ ли этотъ мальчишка, что̀ говоритъ? воскликнулъ удивленный Джонъ Уиллитъ.

—Батюшка! отвѣчалъ Джой:—я очень хорошо понимаю, что̀ говорю, —понимаю лучше чѣмъ вы, слушая меня. Отъ васъ я могу еще сносить все, но не могу сносить отъ другихъ презрѣнія, навлекаемаго на меня вашимъ обращеніемъ. Поглядите-ка на другихъ молодыхъ людей моихъ лѣтъ. Развѣ они лишены воли, свободы, права говорить? Развѣ они принуждены сидѣть какъ болваны, не смѣя пикнуть? развѣ они позволяютъ помыкать собою до такой степени, что дѣлаются цѣлью насмѣшекъ и обидъ стараго и малаго? Я сталъ притчею во всемъ Чигуэллѣ, и говорю вамъ—потому-что гораздо благороднѣе сказать это теперь, чѣмъ дождавшись вашей смерти, когда ваши деньги зазвенятъ въ моихъ карманахъ—говорю вамъ, что скоро буду принужденъ разорвать эти оковы, и тогда вините ужь себя, а не меня!

Джонъ Уиллитъ былъ до того поражонъ досадою и смѣлостію своего сына, что сидѣлъ какъ окаменѣлый, чрезвычайно комически глядя на котелъ и напрасно стараясь собрать лѣнивыя свои мысли и придумать отвѣтъ. Гости, едвали меньше его пораженные, были въ подобномъ же замѣшательствѣ; наконецъ они встали, пробормотали нѣсколько полупонятныхъ сожалѣній и совѣтовъ, и удалились, потому-что были тоже порядочно отуманены.

Честный слесарь одинъ сказалъ нѣсколько связныхъ и понятныхъ словъ обѣимъ партіямъ; онъ напомнилъ Джону Уиллиту, что Джой вступилъ уже въ возрастъ мужа и не долженъ быть школенъ такъ жестоко, а къ Джою обратилъ увѣщанія сносить капризы отца и лучше противиться имъ умѣренными возраженіями, чѣмъ несвоевременнымъ явнымъ возстаніемъ. Совѣтъ этотъ былъ принятъ такъ, какъ обыкновенно принимаются подобные совѣты. На Джона Уиллита онъ произвелъ почти такое же впечатлѣніе, какъ на вывѣску гостинницы, а Джой, хоть и вовсе не разсердился на него, а напротивъ объявилъ себя столько обязаннымъ, что не можетъ выразить,—однакожь намекнулъ очень вѣжливо, что тѣмъ не менѣе отнынѣ пойдетъ собственнымъ, самостоятельнымъ шагомъ.

— Вы всегда были до меня очень добры, мэстеръ Варденъ, ска-

залъ онъ, когда они вышли на подъѣздъ и слѣсарь приготовлялся ѣхать домой:—я вижу доброжелательство съ вашей стороны въ томъ, что вы уговаривали меня такимъ образомъ, но все-таки, кажется, мнѣ ужь пора разстаться съ Майскимъ-Деревомъ.

—Катящійся камень не обрастаетъ мохомъ, Джой! сказалъ Габріель.

— Да и поверстный столбъ также, отвѣчалъ Джой.—А мнѣ здѣсь не лучше, чѣмъ поверстному столбу на большой дорогѣ; я столько же знаю о свѣтѣ, сколько и онъ.

— Да что жь вы хотите дѣлать, Джой? продолжалъ слѣсарь, задумчиво поглаживая свой подбородокъ.—Чѣмъ можете вы быть?—Смотрите, куда пойдете вы?

— Я предоставлю это своему счастію.

—Плохое дѣло—счастіе; на него не надо много полагаться, Джой. Я не люблю его. Я всегда твержу своей дѣвчонкѣ, чтобъ, при рѣчи о замужствѣ, она никогда не полагалась на счастіе, а шла бы впередъ съ увѣренностью и старалась найдти себѣ добраго и вѣрнаго мужа!—тогда счастье ничего не можетъ ей сдѣлать. Что вы тамъ хлопочете, Джой? Надѣюсь, у меня ничего не пропало изъ повозки, ничего не испортилось въ упряжи?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Джой, хлопотавшій однако около пряжекъ и ремней:—здорова ли миссъ Долли?

— Здорова, покорно благодарю. Она по прежнему мила и добра.

— Она всегда мила и добра, сэръ...

— Да, слава Богу!

— Надѣюсь, сказалъ Джой, послѣ нѣкотораго молчанія: — что не будете разсказывать о той исторіи—знаете... ну, о той, что меня побили, какъ-будто я въ-самомъ-дѣлѣ такой мальчишка, какого они желали бы сдѣлать изъ меня... По-крайней-мѣрѣ не разсказывайте до-тѣхъ-поръ, покуда я не отъищу этого джентльмена и не расквитаюсь съ нимъ. Тогда исторія будетъ любопытнѣе...

— Э, да кому же мнѣ разсказывать о такихъ вещахъ? отвѣчалъ Габріель. — Здѣсь всѣ уже знаютъ объ этомъ, а въ другомъ мѣстѣ едвали я встрѣчу кого-нибудь, кому бы этотъ разсказъ показался занимателенъ.

— Да, правда ваша, отвѣчалъ молодой человѣкъ, вздохнувъ. —Я совсѣмъ забылъ объ этомъ. Правда, правда!

Онъ поднялъ голову; лицо его, вѣроятно отъ напряженія при стягиваніи ремней, сильно покраснѣло; онъ подалъ старику, сѣвшему уже въ повозку, возжи, вздохнулъ еще разъ и пожелалъ ему покойной ночи.

— Доброй ночи! воскликнулъ Габріель.—Смотрите жь, обдумайте хорошенько то, о чемъ мы говорили, и не будьте слишкомъ опромет-

чивы, мой милый; я интересуюсь вами и не желалъ бы, чтобъ вы погубили себя. Доброй ночи!

Джой Уиллитъ отвѣчалъ искренно на привѣтливое прощаніе и простоялъ еще нѣсколько минутъ на улицѣ, пока до ушей его перестал доходить стукъ колесъ; тогда онъ тихо покачалъ головою и возвратился въ комнату.

Габріель Уарденъ поѣхалъ по направленію къ Лондону и размышлялъ о многихъ предметахъ, особенно же о пламенныхъ выраженіяхъ, въ которыхъ разскажетъ онъ свое приключеніе, чтобъ оправдаться передъ мистриссъ Уарденъ въ нарушеніи нѣкоторыхъ священныхъ условій, заключенныхъ съ нею по поводу Майскаго-Дерева.

Человѣкъ можетъ быть очень трезвымъ, или по-крайней-мѣрѣ стоять еще твердыми ногами на нейтральной землѣ, лежащей между совершенною трезвостію и легкимъ опьяненіемъ, и не смотря на то чувствовать большую охоту смѣшивать видимые предметы съ совершенно имъ чуждыми, упустить изъ виду всякое отношеніе къ мѣсту и времени, лицамъ и вещамъ, и превратить свои несвязныя мысли въ какой-то родъ духовнаго калейдоскопа, изъ котораго происходятъ столь же неожиданныя, мимолетныя комбинаціи. Въ такомъ именно состояніи былъ Габріель Уарденъ, когда, дремля въ своей колясочкѣ и предоставляя лошади свободу идти по дорогѣ, хорошо ей знакомой, подвигался впередъ, самъ того не замѣчая и все болѣе и болѣе приближаясь къ дому. Разъ онъ очнулся, когда лошадь его остановилась у конторы, гдѣ сбиралась пошлина за шоссе, и весело пожелалъ сборщику «доброй ночи»; но и тутъ пробудился онъ отъ сна, въ которомъ мерещилось ему, что онъ открывалъ замокъ въ утробѣ великаго могола; даже проснувшись, онъ все еще мысленно смѣшивалъ сборщика пошлинъ съ своею тёщею, умершею двадцать лѣтъ назадъ. Не диво, поэтому, что онъ скоро заснулъ опять, и, забывъ о своей поѣздкѣ, катился далѣе и далѣе по трясучей мостовой.

И вотъ онъ приближался къ огромному городу, который лежалъ передъ нимъ, какъ черная тѣнь на землѣ, наполняя сгущенную атмосферу мутно-краснымъ отсвѣтомъ, обозначавшимъ цѣлые лабиринты улицъ и лавокъ, и рой дѣятельнаго народа. По мѣрѣ его приближенія, этотъ отсвѣтъ начиналъ исчезать, и глазамъ Габріеля должны бъ были представляться причины, его производившія: сначала показались длинныя линіи бѣдно-освѣщенныхъ улицъ, кое-гдѣ съ болѣе-яркими точками, и именно тамъ, гдѣ скопилось болѣе фонарей, — около площади, сквэра, или большаго строенія; черезъ минуту, домы сдѣлались явственнѣе и лампы имѣли уже видъ маленькихъ свѣтло-желтыхъ пятенъ, которыя попеременно гасли и мелькали, по мѣрѣ того, какъ проходящіе заслоняли

ихъ собою. Потомъ поднялись звуки — бой башенныхъ часовъ, отдаленный лай собакъ, жужжанье на улицахъ; — надъ массой неровныхъ кровель начали возвышаться статныя башни и колокольни; далѣе жужжанье превратилось въ болѣе-внятные звуки; фигуры становились явственнѣе, многочисленнѣе, и Лондонъ, освѣщаемый собственнымъ, слабымъ свѣтомъ, — не свѣтомъ небеснымъ — лежалъ передъ глазами нашего путешественника какъ на ладони.

Слѣсарь, ни мало не предчувствуя близости Лондона, ѣхалъ все далѣе и далѣе, въ полуснѣ, въ полубдѣніи, какъ вдругъ громкій крикъ, въ недальнемъ разстояніи, разбудилъ его.

Съ минуту онъ оглядывался, подобно человѣку, перенесенному во время сна въ страну невѣдомую, но скоро узналъ давно-знакомые предметы, лѣниво протеръ себѣ глаза, и, можетъ-быть, заснулъ бы опять, еслибъ крикъ не повторился — и не одинъ, не два, не три раза, а много разъ сряду и каждый разъ громче и сильнѣе прежняго. Габріель, какъ человѣкъ смѣлый, котораго нелегко было испугать, проснувшись совершенно, началъ напропалую гнать свою бодрую лошадку прямо туда, откуда неслись крики.

Дѣло было точно довольно-важное; прибывъ на мѣсто, Габріель увидѣлъ мужчину, лежавшаго на дорогѣ безъ всякихъ признаковъ жизни; наклонясь надъ нимъ, стоялъ другой, съ дикимъ нетерпѣніемъ махая по воздуху факеломъ и повторяя громче и громче крики, привлекшіе вниманіе слѣсаря.

— Что здѣсь такое? спросилъ старикъ, выходя изъ своей повозки. — Что это?.. какъ?.. Бэрнеби!

Человѣкъ съ факеломъ откинулъ назадъ длинные, развитые волосы, быстро подошелъ къ слѣсарю и вперилъ въ него взглядъ, который разомъ объяснилъ всю исторію его.

— Узнаешь ли ты меня, Бэрнеби? спросилъ Уарденъ.

Онъ кивнулъ головою — не одинъ, не два раза, но двадцать разъ, и притомъ съ фантастическою, неестественною быстротою, которая заставила бы голову его кивать цѣлый часъ, еслибъ слѣсарь, поднявъ палецъ и смотря на него сурово, не принудилъ успокоиться. Потомъ Габріель указалъ съ вопрошающимъ взглядомъ на трупъ.

— На немъ кровь, сказалъ Бэрнеби содрагаясь: — это дѣлаетъ меня больнымъ!

— Какъ это случилось? спросилъ Уарденъ.

— Сталь, сталь, сталь! отвѣчалъ онъ дико, подражая рукою удару шпаги.

— И его ограбили? спросилъ слѣсарь.

Бэрнеби схватилъ Габріеля за руки и кивнулъ утвердительно; потомъ указалъ на городъ.

— А! сказалъ старикъ, наклонясь надъ трупомъ и глядя въ блѣд-

ное лицо Бэрнеби, на которомъ вспыхнуло что-то странное, чего нельзя было назвать мыслію.—Разбойникъ ушелъ въ ту сторону, не такъ ли? Хорошо, оставимъ пока это. Посвѣти сюда,—не такъ близко; —хорошо. Теперь стой смирно: я осмотрю рану.

Сказавъ, онъ началъ внимательнѣе осматривать раненнаго, между-тѣмъ, какъ Бэрнеби, держа факелъ, какъ ему было приказано, и увлекаемый участіемъ, или любопытствомъ, но въ то же время не скрывая ужаса, судорожно потрясавшаго каждую жилку въ его тѣлѣ, былъ нѣмымъ зрителемъ дѣйствій Уардена.

Незнакомецъ стоялъ въ полунаклоненномъ положеніи, безпрестанно отворачиваясь съ ужасомъ отъ трупа, и лицо его вмѣстѣ со всею фигурою было освѣщено факеломъ такъ ярко, какъ солнцемъ въ самый ясный день. Ему было двадцать-три года, и хоть онъ былъ довольно худощавъ, однакожь высокъ ростомъ и сильнагѳ тѣлосложенія. Густые, рыжіе волосы, лежа въ дикомъ безпорядкѣ около лица и плечь, придавали тревожнымъ взглядамъ его выраженіе странное, замогильное, усиливаемое еще блѣдностью лица и стекляннымъ блескомъ большихъ, безчувственныхъ глазъ. Не смотря на отталкивающую наружность, въ чертахъ его было замѣтно какое-то добродушіе, и блѣдный, изнуренный видъ имѣлъ даже что-то плачевное. Но отсутствіе души гораздо ужаснѣе въ живомъ человѣкѣ, нежели въ трупѣ,—а у этого несчастнаго созданія не доставало благороднѣйшихъ силъ ея...

Платье его, украшенное грубыми, но блестящими шнурками, вѣроятно имъ-самимъ сдѣланными, было роскошно убрано тамъ, гдѣ сукно болѣе всего истерлось и износилось, а, напротивъ, бѣдно тамъ, гдѣ сукно было еще хорошо. На рукахъ у него висѣла пара красивыхъ манжетъ, между-тѣмъ, какъ шея была совсѣмъ обнажена. Шляпу украсилъ онъ пучкомъ павлиныхъ перьевъ, но перья были стары, изломаны и свѣсились ему на спину, Съ боку носилъ онъ стальную рукоять старой сабли безъ клинка и ноженъ; нѣсколько цвѣтныхъ лентъ и стеклянныхъ коралловъ дополняли нарядъ. Нелѣпая смѣсь всѣхъ этихъ пестрыхъ тряпокъ, составлявшихъ его одежду, не менѣе лица, глазъ и ухватокъ свидѣтельствовала о слабости его ума и странною противоположностью своею еще болѣе усиливала дикое выраженіе чертъ лица его.

— Бэрнеби, сказалъ слѣсарь послѣ быстраго, но внимательнаго осмотра:—этотъ человѣкъ не умеръ; онъ раненъ въ бокъ и лежитъ въ обморокѣ.

— Я знаю его, я его знаю! кричалъ Бэрнеби, всплеснувъ руками.

— Ты знаешь его? сказалъ Уарденъ.

— Тс! возразилъ Бэрнеби, приложивъ палецъ къ губамъ. — Онъ вышелъ сегодня за тѣмъ, чтобъ свататься. Я не взялъ бы и гинеи за

го, чтобъ онъ не могъ пойдти свататься, потому-что когда помутятся гь глаза, которые блестятъ теперь, какъ... видите, когда я заговорю о глазахъ, на небѣ начинаютъ проглядывать звѣзды. Чьи это глаза? Если глаза ангеловъ, то зачѣмъ они терпятъ, что добрые люди подвергаются страданіямъ, и блестятъ только ночью?

— Прости Господи безумцу! бормоталъ сконфуженный слѣсарь:— можетъ ли быть, чтобъ онъ зналъ этого джентльмена? Домъ его матери недалеко отсюда; лучше бы посмотрѣть, не можетъ ли она сказать, кто онъ. Послушай, Бэрнеби, помоги мнѣ положить его въ повозку и поѣдемъ вмѣстѣ домой.

— Я не могу дотронуться до него! кричалъ безумный, отскочивъ и дрожа всѣмъ тѣломъ:—онъ въ крови.

— Такъ, такъ, это въ натурѣ его, бормоталъ слѣсарь:— нельзя просить его о помощи въ такомъ дѣлѣ; но что жь тутъ начать... Бэрнеби... добрый Бэрнеби... милый Бэрнеби, если ты видишь этого джентльмена, то ради жизни его и жизни всѣхъ, которые любятъ его, помоги мнѣ поднять его и положить въ повозку.

— Ну, такъ закройте жь его... закутайте хорошенько... чтобъ я не видѣлъ... не чувствовалъ на рукахъ своихъ... не произносите этого слова. Вы не произнесете этого слова—не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, будь спокоенъ. Ну вотъ, онъ закрытъ. Осторожнѣе. Хорошо, такъ!

Они подняли раненнаго, и хотя Бэрнеби былъ очень силенъ, но въ продолженіе этого минутнаго дѣла всѣ члены его такъ дрожали и онъ такъ былъ испуганъ, что слѣсарь смотрѣлъ на него съ состраданіемъ.

Окончивъ дѣло и покрывъ раненнаго своимъ собственнымъ сюртукомъ, Уарденъ вмѣстѣ съ Бэрнеби поѣхалъ дальше. Бэрнеби считалъ по пальцамъ звѣзды, а Габріель внутренно поздравлялъ себя съ новымъ приключеніемъ, которое, вѣроятно, успокоитъ мистриссъ Уарденъ на счетъ Майскаго-Дерева.

ГЛАВА IV.

Въ почтенномъ предмѣстьи Клеркенуэллѣ, — въ той сторонѣ, которая ближе всего къ сиротскому дому, и въ одной изъ тѣхъ прохладныхъ, тѣнистыхъ улицъ, какія сохранились донынѣ въ древнихъ частяхъ Лондона, гдѣ каждый кварталъ прозябаетъ еще спокойно какъ гражданинъ минувшаго, давно уже оставившій свою торговлю, и еле-еле живущій до-тѣхъ-поръ, пока времени вздумается отправить его на покой, чтобъ очистить мѣсто пылкому молодому наслѣднику, — въ такомъ-то кварталѣ и въ такой-то улицѣ происходитъ дѣйствіе этой главы нашего разсказа.

Въ это время—хоть этому и не болѣе 67 лѣтъ—еще не было большей

части нынѣшняго Лондона. Даже въ головѣ самыхъ отчаянныхъ мечтателей не существовали еще ни длинные ряды улицъ, соединяющихъ Гейгэтъ съ Уайтечэплемъ, ни группы дворцовъ въ болотистыхъ низменностяхъ, ни маленькіе города на открытомъ полѣ. Хоть эта часть города также какъ теперь пересѣкалась улицами и была очень населена, однакожъ она имѣла совсѣмъ другой видъ. При многихъ домахъ были сады и деревья росли по сторонамъ у троттуаровъ; свѣжесть, которой напрасно стали бы искать теперь, оживляла всю эту часть города. Подъ рукой зеленѣли поля, черезъ которыя извивался Нью-Рейверъ, и лѣтомъ тутъ происходило много забавныхъ сценъ. Тогда жители Лондона не были еще такъ далеки отъ природы, какъ теперь, и хоть въ Клеркенуиллѣ были лавки и дѣятельные ювелиры, однакожъ въ немъ было болѣе чистоты, свѣжести и дачь по близости, нежели можетъ себѣ представить иной обитатель новаго Лондона. Тамъ были даже мѣста для прогулки влюбленнымъ, оканчивавшіяся темными дворами, гораздо прежде, чѣмъ родились теперешніе любовники.

Въ одной изъ такихъ улицъ, очень опрятной и притомъ на тѣнистой сторонѣ ея, — потому-что добрыя хозяйки выбираютъ преимущественно эту сторону, зная, что солнечный свѣтъ портитъ ихъ дорогую мёбель — стоялъ тотъ домъ, съ которымъ мы должны будемъ имѣть дѣло. Это было строеніе скромное, не слишкомъ новомодное, не слишкомъ правильное, небольшое, не прямое, не горделиво украшенное огромными безсовѣстными окнами, а такъ, домикъ тихій, скромный, съ конусообразной кровлею, поднимавшеюся надъ маленькимъ окномъ о четырехъ стеклахъ подкровельной коморки и оканчивавшеюся остреемъ, отъ-чего походила она на треугольную шляпу на головѣ стараго, одноглазаго джентльмена. Домикъ былъ построенъ не изъ кирпича, и не изъ какого-нибудь камня, а изъ бревенъ и глины; постройка его не была исполнена по глубокомысленнымъ соображеніямъ и докучнымъ правиламъ, ибо ни одно окно не подходило симметрически къ другому и не имѣло отношенія къ окружавшимъ его предметамъ.

Сводъ (въ этомъ домѣ былъ сводъ) находился, какъ водится, въ первомъ этажѣ; но этимъ и оканчивалось сходство его со всякимъ другимъ сводомъ. Входящіе и выходящіе не должны были всходить на него по лѣстницѣ, не могли также войдти прямо съ улицы, но сходили въ него по тремъ крутымъ ступенямъ, какъ въ погребъ. Полъ былъ усланъ камнемъ и кирпичомъ, какъ въ настоящемъ погребѣ, и, вмѣсто окна съ переплетами и стеклами, въ немъ былъ большой, черный деревянный ставень, аршина въ полтора надъ землей; ставень этотъ открывался днемъ и впускалъ столько же, а часто и гораздо-болѣе холода, чѣмъ свѣта. За нимъ лежала красивая комната, «гостиная», изъ которой можно было пройдти сперва

на вымощенный дворъ, а потомъ въ небольшой садикъ, похожій на террассу и возвышавшійся нѣсколькими футами надъ дворомъ. Всякій чужой человѣкъ подумалъ бы, что эта комната, кромѣ входа изъ свода, не имѣетъ никакой другой связи съ остальнымъ міромъ, и дѣйствительно не рѣдко случалось, что посѣтители, приходившіе сюда въ первый разъ, сильно задумывались, какъ-будто разсчитывая въ умѣ своемъ, что въ верхнія комнаты невозможно попасть иначе, какъ приставивъ съ улицы лѣстницу къ окнамъ, ибо никто не подозрѣвалъ, чтобъ двѣ невидныя собой и ничего не выражавшія двери, — которыя остроумнѣйшій въ мірѣ механикъ непремѣнно счелъ бы дверьми алкова, — вели изъ этой комнаты на двѣ темныя круглыя лѣстницы, изъ которыхъ одна шла вверхъ, а другая внизъ, и служили единственною связью этого свода съ другими частями дома.

Не смотря на всѣ означенныя странности, не было болѣе чистенькаго, опрятнаго, красиваго и содержимаго въ бо̀льшемъ порядкѣ домика ни въ Клеркенуиллѣ, ни въ Лондонѣ, ни даже въ цѣлой Англіи. Нигдѣ не нашли бы вы болѣе-свѣтлыхъ стеколъ, болѣе-чистаго двора, такъ лоснящихся печей и мёбелей изъ стариннаго краснаго дерева. Вообще, во всѣхъ домахъ цѣлой улицы, взятыхъ вмѣстѣ, хозяева не занимались столько мытьемъ, полировкой, чищеньемъ какъ владѣльцы одного этого домика. Но этотъ блескъ обходился не безъ хлопотъ и расходовъ, особенно же не безъ большаго напряженія голосовыхъ органовъ, въ чемъ сосѣди могли убѣждаться очень часто, когда добрая хозяйка присутствовала при чисткѣ комнатъ въ опредѣленные дни; а эти дни продолжались — съ утра въ понедѣльникъ до вечера въ субботу, включая и эти поименованные два дня.

Опершись о дверь своего дома, стоялъ слесарь (это былъ его домъ) рано утромъ послѣ той ночи, когда нашелъ раненнаго, и съ отчаяніемъ поглядывалъ на огромный деревянный ключъ, который, какъ символъ его ремесла, окрашенный золотистою краскою, висѣлъ надъ входомъ и съ грустнымъ скрипомъ качался изъ стороны въ сторону, какъ-будто жалѣя, что ему не̂чего отомкнуть. Иногда слесарь оборачивалъ голову и искоса поглядывалъ въ мастерскую, которая имѣла такой темный и мрачный видъ отъ многочисленныхъ инструментовъ, необходимыхъ слесарю, такъ была закопчена дымомъ небольшой кузницы, у которой работалъ его ученикъ, что человѣкъ, неодаренный проницательнымъ взглядомъ, едва-ли замѣтилъ бы тутъ что-нибудь другое, кромѣ разнаго хлама, огромныхъ связокъ заржавѣлыхъ ключей, кусковъ желѣза, полуготовыхъ замко̀въ, и тому подобной дряни, украшавшей стѣны и потолокъ.

Послѣ продолжительнаго, терпѣливаго осмотра золотаго ключа и нѣсколькихъ взглядовъ назадъ, Габріель вышелъ на улицу и, обер-

нувшись назадъ, посмотрѣлъ украдкой на окна верхняго этажа своего дома. Одно изъ оконъ случайно отворилось въ эту минуту, и веселое личико встрѣтилось съ глазами слѣсаря,—личико, украшенное парою такихъ прелестныхъ, блестящихъ глазъ, какіе когда-либо случалось видѣть какому нибудь слѣсарю,—личико хорошенькой, улыбающейся дѣвушки, свѣжей и здоровой, истиннаго олицетворенія цвѣтущей красоты и веселаго нрава.

— Тсс! прошептала она, нагнувшись и съ усмѣшкой указывая на окно, которое было пониже:—маменька спитъ еще.

— Спитъ, моя милая? отвѣчалъ слѣсарь также шопотомъ.—Ты говоришь такъ, какъ-будто она спала всю ночь, между-тѣмъ, какъ она спитъ не болѣе получаса. Но я очень радъ этому. Сонъ, безъ всякаго сомнѣнія—истинное благословеніе Божіе!.. Послѣднія слова проворчалъ онъ про-себя.

— Какъ жестоко было съ вашей стороны, что вы заставили насъ прождать до утра, не сказавъ даже, гдѣ были! сказала дѣвушка.

— Ахъ, Долли, Долли, отвѣчалъ слѣсарь, улыбаясь и качая головой:—какъ ужасно съ твоей стороны, что ты, кажется, хочешь снова лечь въ постель! Сойди-ка внизъ къ завтраку, шалунья, да потише; иначе разбудишь мать. Она должно быть устала, право—и я тоже усталъ!—Послѣднія слова пробормоталъ онъ опять про-себя и отвѣчая на поклонъ дочери тѣмъ же, хотѣлъ идти, все еще улыбаясь, въ мастерскую, подъ сводъ, какъ вдругъ ему бросился въ глаза коричневый бумажный колпакъ его ученика, который присѣлъ, чтобъ не быть замѣченнымъ, и отъ окна прыгнулъ на прежнее мѣсто, гдѣ тотчасъ началъ опять стучать молоткомъ изо всѣхъ силъ.

— Опять подслушивать, Симъ! сказалъ Габріель про-себя. — Это дурно. Коего чорта хочетъ онъ услышать отъ дѣвушки? я всегда застаю его на сторожѣ, когда она говоритъ, и только тогда, когда она говоритъ? Это дурная привычка, Симъ, подлая, низкая привыка! Да, стучи-себѣ сколько хочешь; ты не выбьешь у меня изъ головы этого мнѣнія.

Выговоривъ такую угрозу и важно покачавъ головою, вошелъ онъ въ мастерскую и остановился передъ предметомъ приведенныхъ нами замѣчаній.

—Довольно, довольно! сказалъ слѣсарь.—Брось теперь этотъ проклятый молотокъ. Завтракъ на столѣ.

—Сэръ, сказалъ Симъ съ удивительною вѣжливостью, дѣлая притомъ незначительный поклонъ, отъ котораго между головой и шеей его образовался почти прямой уголъ:—я сейчасъ пріиму на себя смѣлость явиться.

—Думаю, бормоталъ Габріель:—что онъ выхватилъ это выраженіе изъ «Букета Учениковъ», или изъ «Восхищенія Ученика», или

изъ «Пѣсенника Ученика», или изъ «Путеводителя Ученика къ Висѣлицѣ», или изъ другаго какого-нибудь столь же назидательнаго собранія словъ. Теперь онъ будетъ еще наряжаться—хорошъ слѣсарь!

Симъ, не подозрѣвая, что хозяинъ смотритъ за нимъ изъ темнаго угла комнаты, безъ околичности сбросилъ свой бумажный колпакъ, сдѣлалъ два необыкновенные скачка, — отчасти похожіе на катанье на конькахъ, и отчасти на менуэтный прыжокъ,—къ умывальнику въ другомъ концѣ мастерской, и здѣсь съ величайшимъ стараніемъ сгладилъ съ лица и рукъ всѣ слѣды прежней работы, продолжая въ это время повторять съ величайшею торжественностью тѣ же скачки. Потомъ онъ досталъ маленькій кусокъ зеркала, съ помощію котораго пригладилъ свои волосы и удостовѣрился, что красный лишай все еще сидитъ у него на носу. Окончивъ туалетъ, онъ поставилъ обломокъ зеркала на низкую скамейку и, смотря черезъ плечо съ величайшимъ самодовольствомъ, старался обозрѣть ту часть своихъ ногъ, которая могла отражаться въ небольшомъ кусочкѣ стекла.

Симъ, какъ называли его въ домѣ слѣсаря, или мэстеръ Симонъ Тэппертейтъ, какъ онъ самъ себя называлъ и какъ хотѣлъ, чтобъ другіе его называли внѣ дома по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, былъ старомодный, жиденькій, простоволосый, остроносый, узкоглазый, крошечный человѣкъ, не выше пяти футовъ, но совершенно убѣжденный, что ростъ его выше средняго, и онъ, дѣйствительно, былъ болѣе высокъ, чѣмъ толстъ, или наоборотъ. Къ собственному лицу, довольно хорошему, но слишкомъ-худощавому, питалъ онъ глубочайшее удивленіе; а ноги, которыя, въ узкихъ панталонахъ, достававшихъ до колѣнъ, представляли истинную рѣдкость по своему малому размѣру, приводили его часто въ восхищеніе, близкое къ энтузіазму. Сверхъ того, онъ питалъ еще нѣсколько величественныхъ, темныхъ идей о силѣ своего взгляда, которыхъ никогда не могли совершенно постигнуть даже лучшіе друзья его. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ хвалился даже, что можетъ совершенно побѣдить и подчинить своей власти самую гордую красавицу простымъ пріемомъ, который называлъ технически «обглядываніемъ»; мы должны однакожь прибавить, что онъ никогда не былъ въ состояніи доказать ни этотъ даръ, ни другую способность, которою, по его увѣренію, владѣлъ онъ,—именно тѣмъ же взглядомъ укрощать и усмирять всѣхъ животныхъ, даже бѣшеныхъ.

Изъ этихъ подробностей видно, что въ маленькомъ тѣлѣ мэстера Тэппертейта была честолюбивая и гордая душа. Какъ извѣстныя жидкости, заключенныя въ слишкомъ-тѣсныхъ сосудахъ, начинаютъ приходить въ броженіе, пѣниться и шипѣть, такъ иногда приходила въ броженіе и духовная эссенція души мэстера Тэппер-

тейта въ своей драгоцѣнной тюрьмѣ, — въ тѣлѣ его, и бродила до-тѣхъ-поръ, пока съ сильнымъ паромъ, пѣной и свистомъ не вырывалась изъ заключенія и не ниспровергала все встрѣчное.

Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, онъ говорилъ, что душа его ушла въ голову, и въ этомъ новомъ родѣ опьянѣнія на него находили разныя тѣлесныя и духовныя гримасы, которыя онъ, часто съ большимъ трудомъ, скрывалъ отъ своего почтеннаго хозяина.

Рядомъ съ другими мечтаніями, въ которыхъ безпрерывно парила вышереченная душа его, и которыя, подобно печенкѣ Прометея, безпрестанно возобновлялись, Симъ Тэппертейтъ имѣлъ также высокое мнѣніе о своемъ состояніи; служанка нерѣдко слушала его жалобы на то, что ученики не носятъ болѣе по-прежнему огромныхъ дубинъ, вмѣсто скипетровъ, для владычествованія надъ гражданами,—именно такъ выражался онъ. Сверхъ-того, разсказывали, ка́къ онъ говорилъ, что въ старинныя времена вся корпорація ихъ была оклеймена казнію Джорджа Барнуэлля, которую допустили совершить безъ сопротивленія низкіе трусы. По его мнѣнію, напротивъ, должно было вытребовать Барнуэлля отъ начальства сперва въ умѣренныхъ выраженіяхъ, потомъ, въ случаѣ нужды, силой — чтобъ поступить съ нимъ по благоусмотрѣнію мудрой корпораціи. Такія разсужденія всегда наводили его на мысль о томъ, какое славное сословіе могло бы еще образоваться изъ учениковъ или работниковъ, еслибъ ими начальствовала голова умная, способная. Далѣе, къ ужасу своихъ слушателей, онъ намекалъ стороной о нѣкоторыхъ отчаянныхъ, смѣлыхъ головахъ, которыхъ знаетъ, и о нѣкоемъ львиномъ сердцѣ, готовомъ сдѣлаться ихъ атаманомъ, и передъ которымъ, если онъ явится на поприще, будетъ дрожать даже самъ лордъ-мэръ на своемъ престолѣ.

Въ нарядахъ и вообще въ одеждѣ, Симъ Тэппертейтъ показывалъ также большую предпріимчивость и силу характера. Видали не разъ, какъ по субботамъ, передъ возвращеніемъ домой, онъ останавливался на углу улицы, снималъ тончайшіе манжеты и тщательно пряталъ ихъ въ карманѣ. Было также извѣстно, что въ большіе праздники онъ замѣнялъ свои обыкновенныя стальныя пряжки другими съ блестящими (фальшивыми) алмазами, которыя надѣвалъ тайно и ловко подъ кровомъ сѣней сосѣдняго дома. Прибавьте ко всему этому, что ему было ровно 20 лѣтъ, что по наружности онъ казался гораздо старше, а самъ воображалъ, что ему было по-крайней-мѣрѣ 200 лѣтъ; онъ охотно позволялъ трунить надъ собой на счетъ хозяйской дочери, и даже въ одномъ дрянномъ кабакѣ, когда потребовали, чтобъ онъ пилъ за здоровье дамы своего сердца, онъ съ разными знаками и подмигиваніями выпилъ за здравіе прелестной дѣвушки, которой имя начиналось съ буквы Д... Теперь вы знаете Сима Тэп-

пертейта (который отправился между-тѣмъ завтракать) именно столько, сколько нужно для знакомства съ нимъ.

Завтракъ былъ солидный, сытный. Кромѣ обыкновенно-употребляемаго чая съ принадлежностями, столъ трещалъ подъ гнётомъ превосходнаго ростбифа, окорока первой величины и нѣсколькихъ йоркшейрскихъ пироговъ. Тутъ же стояла кружка изъ красной глины, нѣсколько сходная съ старымъ слѣсаремъ; на обнаженномъ темени ея находилась красивая бѣлая пѣна, соотвѣтствовавшая парику Габріеля, и заставлявшая предполагать въ кружкѣ отличное пиво, сваренное дома. Но гораздо драгоцѣннѣе пива, или йоркшейрскихъ пироговъ, или окорока, или ростбифа, или чего-нибудь другаго, доставляемаго землей, водой и воздухомъ для пищи и питья, была дочь слѣсаря, занимавшая верхній конецъ стола и распоряжавшая завтракомъ. Передъ ея темными глазами даже ростбифъ превращался въ ничто; передъ блескомъ красоты ея хмѣль и солодъ теряли всякое достоинство.

Но отцы никогда не должны бы цаловать своихъ дочерей въ присутствіи молодыхъ мужчинъ. Это слишкомъ! Человѣкъ можетъ переносить многое, но все имѣетъ свои границы. Такъ думалъ Симъ Тэппертейтъ, когда Габріель прижалъ розовыя губки дочери къ своимъ губамъ — прижалъ эти губки, которыя всякій день были очень близки отъ Сима, и въ то же время были такъ далеки отъ него! Симъ уважалъ своего хозяина, однакожь пожелалъ, чтобъ йоркшейрскій пирогъ остановился у него въ горлѣ.

— Папенька, сказала дѣвушка послѣ этого привѣтствія, когда всѣ усѣлись за столъ:—правда ли, что̀ я слышала сегодня ночью?

— Совершенная правда, моя милая, совершенная правда.

— Я слышала, что, подъѣзжая къ Лондону, вы нашли на дорогѣ молодаго мэстера Честера ограбленнаго и раненнаго.

— Да, это былъ мэстеръ Эдвардъ. Подлѣ него стоялъ Бэрнеби, изъ всѣхъ силъ крича о помощи. Хорошо еще, что такъ случилось, потому-что дорога уединенна и притомъ было поздно, ночь холодна, бѣдный Бэрнеби отъ ужаса и удивленія помѣшался въ умѣ болѣе обыкновеннаго, и молодой джентльменъ легко могъ бы умереть.

— Ужасно и подумать объ этомъ! воскликнула дочь Габріеля, содрогаясь.—Но ка̀къ вы узнали его?

— Да, отвѣчалъ слѣсарь:—я не зналъ его, никогда не видывалъ, хоть и часто слыхалъ о немъ. Я отвезъ его къ мистриссъ Роджъ: она лишь-только взглянула на него, тотчасъ же сказала мнѣ все.

— Миссъ Эмма пріидетъ въ отчаяніе, если узнаетъ объ этомъ, батюшка, особенно когда разскажутъ ей все съ преувеличеніями, какъ обыкновенно разсказываются подобныя вещи.

— Посуди же, чему подвергаются люди, одаренные сострадатель-

нымъ сердцемъ, сказалъ слѣсарь. — Миссъ Эмма, какъ сказали мнѣ люди въ Кроличьей-Засѣкѣ, очень неохотно отправилась съ своимъ дядей въ маскарадъ въ Карлейль-Гоузъ. И я, глупая голова, вмѣсто того, чтобъ лечь спать, переговоривъ съ мистриссъ Роджъ, бѣгу туда, уговариваю пріятеля своего, швейцара, чтобъ онъ впустилъ меня, надѣваю маску и домино и вмѣшиваюсь въ толпу посѣтителей.

— Какъ это похоже на васъ, батюшка! воскликнула Долли, обвивая отца прекрасною своею рукою и цалуя его съ жаромъ.

— Совершенно похоже на меня! повторилъ Габріель, повидимому съ досадой, но въ-самомъ-дѣлѣ обрадованный похвалой и гордясь своею рѣшимостью. — Совершенно похоже на меня... такъ сказала и мать твоя. Но какъ бы то ни было, я вмѣшался въ толпу и меня за это порядкомъ потолкали, пощипали и помучили безпрестаннымъ пискомъ: «Развѣ ты меня не знаешь?», «Я узналъ тебя» и всею этой безсмыслицей, которая достигала до ушей моихъ. Впрочемъ, я ходилъ бы тамъ и теперь, не нашедъ того, кого надо было, еслибъ не увидѣлъ въ небольшой боковой комнаткѣ молодую дѣвушку, которая сняла отъ жара маску.

— Это была она? поспѣшно спросила дочь.

— Да, она, отвѣчалъ слѣсарь: — едва я шепнулъ ей о случившемся, такъ тихо, милая Долли, и почти съ такою же нѣжностью, съ какою развѣ только ты могла бы это сдѣлать, какъ она вскрикнула глухо и упала въ обморокъ.

— Что жь вы сдѣлали?.. Что потомъ?

— Потомъ налетѣли маски съ ужаснымъ шумомъ, визгомъ, гамомъ, и я почиталъ себя счастливымъ, что могъ ускользнуть отъ нихъ, отвѣчалъ слѣсарь. — А что случилось, когда я пришолъ домой, это ты сама можешь себѣ представить, если не слыхала. Ахъ, это бѣдное сердце, которое никогда не выздоровѣетъ... Подай-ка мнѣ Тоби, душенька.

Этотъ Тоби былъ именно та кружка, о которой мы говорили уже выше. Слѣсарь, до-сихъ-поръ сражавшійся безъ устали съ кушаньями, приложилъ теперь губы къ доброжелательному челу почтенной старой кружки, и до-тѣхъ-поръ потягивалъ ея содержаніе, приподнимая все выше и выше, пока Тоби остановился наконецъ головой на носу его. Слѣсарь цмокнулъ тогда губами и съ нѣжностью поставилъ кружку опять на столъ.

Хоть Симъ Тэппертейтъ и не участвовалъ въ этомъ разговорѣ, потому-что никто не обращался къ нему, однакожь онъ безпрестанно обнаруживалъ такіе знаки удивленія, какіе казались ему сообразнѣйшими для болѣе-выгодной игры своего всепобѣждающаго взора. А такъ-какъ онъ почелъ послѣднее дѣйствіе слѣсаря особенно-благопріятнымъ случаемъ, чтобъ пустить свои глаза въ маневры противъ

Долли (которая, по его мнѣнію, смотрѣла на него въ нѣмомъ удивленіи), то началъ коверкать и вертѣть всю физіономію свою, особенно же глаза, такъ ужасно и неестественно, что Габріель, случайно взглянувъ на него, остановился отъ удивленія посреди своей услаждительной работы.

— Ба, чортъ возьми! что̀ сдѣлалось съ этимъ парнемъ? вскричалъ онъ.—Не подавился ли ты?

— Кто? спросилъ Симъ немного презрительно.

— Кто? да ты, чортъ возьми! отвѣчалъ хозяинъ.—Что за дурацкая манера корчить рожи за завтракомъ?

— Корчить рожи, сэръ—дѣло вкуса, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, нѣсколько смущенный, особенно тѣмъ, что и дочь слѣсаря засмѣялась.

— Симъ, возразилъ Габріель, хохоча во все горло.—Не будь дуракомъ, потому-что я охотнѣе желалъ бы видѣть тебя въ полномъ умѣ. Эти молодые люди, прибавилъ онъ, обратясь къ дочери:—вѣчно выдумываютъ какую-нибудь глупость. Вотъ, вчера вечеромъ, напримѣръ, былъ опять споръ между Джоемъ Уиллитомъ и старымъ Джономъ — хоть и нельзя сказать, чтобъ Джой былъ неправъ. Въ одно прекрасное утро онъ улетитъ изъ Майскаго-Дерева, чтобъ поискать счастья въ другомъ мѣстѣ... Ба, ба, ба! это что, Долли? И ты начала гримасничать. Право, эти дѣвочки ни чѣмъ не лучше мальчишекъ.

— Это отъ чаю, сказала Долли, то краснѣя, то блѣднѣя, что̀, безъ сомнѣнія, происходило отъ обжоги:—чай такъ горячъ...

Мэстеръ Тэппертейтъ вперилъ ужасно-пристальный взглядъ въ четверть хлѣба, лежавшую на столѣ, и дышалъ тяжело.

— И больше ничего? отвѣчалъ слѣсарь.—Подлей еще молока. Да! мнѣ жаль Джоя; онъ славный малый, и чѣмъ чаще его видишь, тѣмъ привязываешься къ нему больше. Но, вспомни мое слово,—онъ убѣжитъ, убѣжитъ непремѣнно, онъ самъ сказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Не-уже-ли? воскликнула Долли слабымъ голосомъ.—Не-уже-ли это правда?

— Развѣ чай все еще жжетъ тебя, душенька? сказалъ слѣсарь.

Но Долли, прежде, чѣмъ могла отвѣчать, закашляла, и это былъ такой ужасный кашель, что̀ слезы выступили на глазахъ ея. Простодушный слѣсарь ударилъ ее раза три по спинѣ и употреблялъ еще другія кроткія средства къ исцѣленію, какъ вдругъ отъ мистриссъ Уарденъ явилось посольство ко всѣмъ тѣмъ, до которыхъ могло оно касаться — съ объявленіемъ, что она, послѣ испуга и тревогъ прошлой ночи, сдѣлалась очень нездорова, и не можетъ встать съ постели, почему и требуетъ немедленной присылки маленькаго чайника съ крѣпко-настоенным чаемъ, нѣсколькихъ кусковъ пирога, не

слишкомъ-большой тарелки съ мелко-изрѣзаннымъ ростбифомъ и ветчиной, да протестантскій молитвенникъ въ двухъ томахъ, въ восьмушку. Подобно нѣкоторымъ другимъ женщинамъ, которыя въ древнія времена цвѣли въ Англіи, мистриссъ Уарденъ бывала очень благочестива, когда была не въ духѣ. Лишь только, бывало, прійдетъ она въ непріязненное отношеніе съ Габріелемъ, — протестантскій молитвенникъ не выходитъ изъ рукъ ея.

Завтракавшіе знали по неоднократнымъ опытамъ, что̀ значили подобныя требованія. Итакъ, тріумвиратъ всталъ и отправился: Долли—присмотрѣть, чтобъ все было исполнено тотчасъ же: Габріель въ сарай, чтобъ исправить какое-то поврежденіе, случившееся съ повозкой; а Симъ въ мастерскую, унося съ собой свой пристальный взглядъ, хоть четверть хлѣба, на которую онъ смотрѣлъ сначала, и осталась на столѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пристальный, окаменѣлый взглядъ его усиливался болѣе-и-болѣе, и когда Симъ повязалъ передникъ, этотъ взглядъ сдѣлался невыносимъ... Наконецъ, когда онъ прошелся нѣсколько разъ по мастерской съ сложенными на спинѣ руками, дѣлая притомъ исполинскіе шаги, и оттолкнувъ ногой множество мелкихъ предметовъ, которые попадались на пути, — губы его начали судорожно двигаться; потомъ на лицѣ проявилась мрачная насмѣшка, онъ улыбнулся и при этомъ воскликнулъ съ величайшимъ презрѣніемъ: «Джой!»

— Я смотрѣлъ на нее, когда она говорила объ этомъ человѣкѣ, сказалъ онъ:—и, безъ сомнѣнія, это смутило ее... Джой!..

Онъ снова пустился ходить взадъ и впередъ, но еще скорѣе, и еще болѣе исполинскими шагами; иногда останавливался, чтобъ взглянуть на свои ноги, иногда, чтобъ такъ-сказать лягнуть ими и еще вскрикнуть: «Джой!» Спустя съ четверть часа, онъ надѣлъ опять свой бумажный колпакъ и попробовалъ приняться за работу. Нѣтъ, работа не клеилась.

— Сегодня я не буду ничего дѣлать, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, бросивъ работу: — буду только точить. Навострю всѣ ножи, ножницы и топоры. Это сообразно съ расположеніемъ моего духа... Джой!

Урр—р-р-р-р-р-р! Точильный камень скоро былъ приведенъ въ движеніе и искры потоками посыпались изъ него. Это было прекрасное занятіе для разгоряченнаго воображенія.

Урр—р-р-р-р-р-р!

—Что-нибудь да будетъ изъ этого! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ, останавливая колесо, какъ-бы отдыхая отъ торжества и отирая потъ рукавомъ. — Что-нибудь да окажется же послѣ этого. Надѣюсь, что не прольется кровь человѣческая...

Урр—р-р-р-р-р-р!

ГЛАВА V.

По окончаніи дневной работы, слѣсарь отправился къ раненному джентльмену, чтобъ узнать о его положеніи. Домъ, въ которомъ онъ оставилъ его, стоялъ въ переулкѣ близь Соутверка, недалеко отъ Лондонскаго Моста; туда-то побѣжалъ онъ со всевозможною скоростью, чтобъ возвратиться поскорѣе и лечь по раньше спать.

Вечеръ былъ бурный, погода такъ же дурна, какъ была и въ прошедшую ночь. Для такого толстаго мужчины было не легко удерживать въ равновѣсіи на поворотахъ свое тѣло; дѣйствительно, иногда вѣтеръ одерживалъ верхъ и отгонялъ его назадъ на нѣсколько шаговъ, или принуждалъ, не смотря на всѣ старанія и мужество, искать защиты подъ воротами или въ сѣняхъ, пока сила вѣтра не ослабѣвала. По-временамъ, какъ бѣшеные летѣли на встрѣчу — то шляпа, то парикъ, то то и другое вмѣстѣ, между-тѣмъ, какъ изразцы, глина и подобныя пріятности падали съ крышъ передъ самымъ его носомъ на мостовую и въ ту жь минуту разсыпались на тысячи кусковъ, что, разумѣется, нимало не увеличивало удовольствія прогулки.

— Скверная ночь для такого человѣка, какъ я! сказалъ слѣсарь, стучась тихонько въ дверь дома вдовы. — Я охотно сидѣлъ бы теперь въ уголку у камина старика Джона, — право, клянусь честью!

— Кто тамъ? спросилъ женскій голосъ изнутри. Послѣ отвѣта Габріеля, женщина поспѣшно отперла дверь и поклонилась ему.

Этой женщинѣ было лѣтъ сорокъ, можетъ-быть, съ небольшимъ. Она имѣла привѣтливыя черты и лицо, которое нѣкогда было красиво. На немъ видны были слѣды печали и заботы; но эти слѣды, очевидно, были давнишніе и рука времени отчасти загладила ихъ. Кто когда-нибудь видѣлъ Бэрнеби, долженъ былъ тотчасъ узнать въ этой женщинѣ, по сходству, мать его; но тамъ, гдѣ его черты выражали дикость и отсутствіе ума, у ней выражалось терпѣніе, — слѣдствіе продолжительной борьбы съ жизнію и спокойной рѣшимости.

Одно въ этомъ лицѣ было особенно странно и непріятно. Какъ бы ни было оно радостно, на него никогда нельзя было смотрѣть безъ сознанія въ томъ, что оно чрезвычайно-способно выражать страхъ. Эта черта, впрочемъ, была не на поверхности лица, выражалась не въ отдѣльныхъ чертахъ его; нельзя было, указавъ на глаза, ротъ, или линіи щекъ, сказать: еслибъ то, или другое, было иначе, оно имѣло бы то или другое выраженіе. А между-тѣмъ, эта черта не сходила съ лица, всегда неясно обнаруживавшаяся, но всегда присущая, не исчезавшая ни на минуту. Это была слабая, блѣдная тѣнь какого-то взгляда, тѣнь, которую могло произвесть только мгновеніе величай-

шаго и невыразимаго ужаса; но какъ эта тѣнь ни была блѣдна и слаба, по ней можно было угадывать, каковъ долженъ быть этотъ взглядъ во всей его силѣ. Этотъ же самый знакъ являлся и на лицѣ ея сына, только слабѣе отпечатлѣнный и, такъ сказать, безъ силы и значенья, потому-что не оживлялся умомъ. Представленный на картинѣ, этотъ знакъ долженъ бы былъ разсказать цѣлую повѣсть тому, кто замѣтитъ его. Знавшіе исторію Майскаго-Дерева и еще помнившіе, чѣмъ была эта вдова передъ умерщвленіемъ ея мужа и господина, — понимали выраженіе ея физіономіи какъ-нельзя-лучше. Они помнили, какъ случилась эта перемѣна въ ней и знали еще, какъ сынъ ея, родившійся въ тотъ самый день, когда совершено убійство, имѣлъ на рукѣ кровавое пятно.

— Богъ вамъ въ помощь, сосѣдка! сказалъ слѣсарь, какъ старинный пріятель послѣдовавъ за нею въ небольшую комнату, гдѣ въ каминѣ горѣлъ отрадный огонь.

— И вамъ также, отвѣчала она улыбаясь. — Доброе сердце привело васъ опять сюда; васъ ничто не удержитъ дома, если кому-нибудь изъ друзей нужна помощь или совѣтъ; я давно уже знаю это.

— Тст... тст!.. возразилъ слѣсарь, грѣя у огня руки и потирая ихъ. — Вы, женщины, любите болтать; ну, что̀ дѣлаетъ нашъ больной, сосѣдка?

— Онъ спитъ теперь. Подъ-утро былъ онъ очень безпокоенъ и нѣсколько часовъ сряду метался во всѣ стороны. Теперь, однакожь, жаръ прошолъ, а докторъ говоритъ, что ему скоро будетъ легче. Раньше завтрашняго дня ему нельзя будетъ выйдти.

— У него были нынче гости. А?.. спросилъ Габріель лукаво.

— Да; старый мэстеръ Честеръ былъ здѣсь и ушелъ минуты за двѣ предъ тѣмъ, какъ вы постучались.

— А дамъ не было? спросилъ Габріель.

— Нѣтъ, но было письмо, отвѣчала вдова.

— Ну, это все-таки лучше, чѣмъ ничего! воскликнулъ слѣсарь. — А кто принесъ его?

— Бэрнеби.

— Бэрнеби настоящее сокровище! Онъ дѣлаетъ свое дѣло, тогда какъ мы, считая себя умниками, ничего не дѣлаемъ. Надѣюсь, онъ не ушолъ опять?

— Слава Богу, онъ теперь ужь въ памяти. Вы знаете, онъ всю ночь не спалъ и былъ цѣлый день на ногахъ; измучился, бѣдный... Ахъ, еслибъ я почаще могла видѣть его такимъ, еслибъ я могла только побѣдить въ немъ эту странную лѣнь!..

— Все прійдетъ своимъ чередомъ, отвѣчалъ слѣсарь добродушно: — не надо только слишкомъ принуждать его; въ моихъ глазахъ, онъ съ каждымъ днемъ становится лучше.

Вдова покачала головою. Она знала, что слѣсарь говорилъ это не по убѣжденію, а только для того, чтобъ потѣшить ее; однакожь такая похвала ея бѣдному, безумному сыну, была очень ей пріятна.

— Онъ будетъ славнымъ, дѣльнымъ человѣкомъ, продолжалъ слѣсарь: — того и смотри, что пристыдитъ еще насъ съ тобой, когда мы состаримся... А что нашъ другой пріятель, прибавилъ онъ, заглянувъ подъ столъ и окинувъ глазами комнату: — самый хитрый и лукавый изъ всѣхъ хитрецовъ и лукавцевъ—гдѣ онъ?

— Въ комнатѣ Бэрнеби, отвѣчала вдова съ усмѣшкой.

— О, хитрая штука! сказалъ Уарденъ, покачавъ головою: — при немъ я остерегся бы разсказывать что-нибудь, что надо держать въ тайнѣ. Нечего сказать, славная голова: я думаю, онъ можетъ писать, читать, и даже вести счетныя книги, если только захочетъ... Что это? Ужь не онъ ли стучится?

— Нѣтъ, возразила вдова: — это, кажется, съ улицы; послушайте: да, такъ точно... Опять... Стучатъ въ ставню... Кто бы могъ это быть?

Во все время говорила она шопотомъ, чтобъ не разбудить больнаго, который лежалъ въ комнаткѣ, бывшей надъ ними и отдѣлявшейся весьма-тонкимъ потолкомъ. Такимъ образомъ прохожій, стучавшійся съ улицы, не могъ слышать ни слова изъ ихъ разговора, еслибъ даже и приложилъ ухо къ ставнѣ. Видя сквозь скважину огонь и не слыша никакого шума, онъ легко могъ вообразить, что въ домѣ всего одинъ человѣкъ.

— Какой-нибудь воръ, или мошенникъ, сказалъ слѣсарь. — Подайте-ка свѣчу.

Нѣтъ, нѣтъ, возразила вдова: — такіе гости никогда еще не стучались у моего бѣднаго домика. Останьтесь здѣсь... Въ случаѣ нужды, я васъ кликну... Пойду лучше одна...

— Зачѣмъ? спросилъ слѣсарь, отдавая не охотно свѣчу, которую взялъ-было со стола.

— Затѣмъ... затѣмъ, что... Я и сама не знаю зачѣмъ... Но мнѣ такъ хочется. Пожалуйста, не удерживайте меня... Прошу васъ.

Габріель взглянулъ на нее съ удивленіемъ, не понимая отъ-чего эта женщина, всегда столь покойная и кроткая, могла быть такъ встревожена бездѣлицею. Она вышла изъ комнаты и заперла за собою дверь. Съ минуту стояла она въ трепетной нерѣшимости, положивъ руку на дверной засовъ. Между-тѣмъ, стукъ раздался снова, и какой-то голосъ, показавшійся слѣсарю знакомымъ и подѣйствовавшій на него непріятно, произнесъ у самой ставни: «скорѣе, скорѣе!»

Слова эти были сказаны тихимъ, однакоже рѣзкимъ тономъ, отъ котораго могъ бы пробудиться спящій... Въ первую минуту она не-

пугали слѣсаря, невольно отскочившаго отъ окна и начавшаго прислушиваться...

Вѣтеръ, свистѣвшій въ каминѣ, мѣшалъ ему слышать, что̀ происходило въ сѣняхъ; однакожь, онъ могъ различить стукъ отворившейся двери и скрипъ ступеней подъ ногою какого-то человѣка, взбѣжавшаго по лѣстницѣ... После этого настала минутная тишина; потомъ послышался шумъ, который не былъ ни воплемъ, ни вздохомъ, ни зовомъ на помощь, но могъ заключать въ себѣ все это вмѣстѣ; и наконецъ слова: «Боже мой!» сказанныя такимъ тономъ, что отъ нихъ по тѣлу слѣсаря пробѣжала холодная дрожь.

Онъ бросился въ сѣни. Тамъ стояла она, какъ-будто пригвожденная къ землѣ, съ страшною блѣдностью въ лицѣ, съ неподвижными взорами, устремленными на человѣка, котораго онъ видѣлъ въ прошлую ночь... Глаза слѣсаря встрѣтились съ его глазами; взглядъ этотъ былъ быстръ, какъ молнія, и незнакомецъ скрылся...

Слѣсарь устремился вслѣдъ за нимъ, коснулся почти его развѣвавшагося плаща, но въ ту жь минуту почувствовалъ, что кто-то схватилъ его самого за руки и увидѣлъ вдову, упавшую предъ нимъ на колѣни.

— Туда... туда!.. воскликнула она:—онъ тамъ, въ той сторонѣ!.. Назадъ! Назадъ!

— Тише!.. теперь я вижу его!.. воскликнулъ слѣсарь, указывая рукою:— тамъ... тамъ мелькнула его тѣнь. Кто это?.. Пустите меня за нимъ.

— Назадъ! назадъ! кричала она, схватившись за слѣсаря: — не троньте его... если жизнь дорога̀ вамъ... Приказываю вамъ остаться... Назадъ!..

— Что это значитъ?.. воскликнулъ слѣсарь.

— Все равно, что̀ бы это ни значило; не спрашивайте меня, не говорите, не думайте объ этомъ... Онъ не позволитъ ни слѣдовать за собою, ни схватить себя—это невозможно... Назадъ, говорю я вамъ!

Старикъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ, и какъ ошеломленный ужасомъ ея и отчаяніемъ, остановился... Только тогда, когда она снова затворила наружную дверь засовомъ и съ дикою торопливостію безумной втолкнула старика въ комнату, только тогда взглянула она опять на него своимъ страшнымъ, неподвижнымъ взглядомъ, и упавъ на стулъ, закрыла блѣдное лицо свое руками.

ГЛАВА VI.

Пораженный всѣмъ случившимся, старый слѣсарь смотрѣлъ на бѣдную женщину въ какомъ-то страшномъ недоумѣніи и, можетъ-быть, долго остался бы безмолвенъ, еслибъ сожалѣніе и человѣколюбіе не развязали ему языка.

— Вы, кажется, нездоровы, сказалъ наконецъ Габріель: — постойте, я позову кого-нибудь изъ сосѣдей.

— Ни за что въ свѣтѣ! воскликнула она, отвратя отъ него блѣдное лицо свое и всплеснувъ дрожащими руками. — Ни за что въ свѣтѣ! Довольно и того, что вы были свидѣтелемъ всего случившагося...

— Слишкомъ-довольно, или слишкомъ-мало, сказалъ Габріель.

— Какъ вамъ угодно... все равно, возразила она: — только не спрашивайте меня ни о чемъ, умоляю васъ.

— Сосѣдка! сказалъ слѣсарь послѣ минутнаго молчанія: — такъ ли должны вы поступать со мною? Вы знаете меня давно и всегда обращались ко мнѣ за совѣтами... Я не узнаю васъ; вы всегда отличались твердостью души, а теперь...

— Ахъ! возразила она: — лѣта и скорби сокрушили меня; но не спрашивайте, ради Бога, не спрашивайте ни о чемъ; не говорите ничего со мною.

— Но кàкъ могу я молчать послѣ того, чтò видѣлъ? воскликнулъ слѣсарь. — Кто былъ этотъ человѣкъ, и отъ-чего появленіе его произвело на васъ такое ужасное дѣйствіе?

Она молчала и держалась за стулъ, какъ-будто для того, чтобъ не упасть.

— Я спрашиваю васъ объ этомъ, Марія, какъ старый знакомецъ, который, кажется, часто доказываетъ вамъ, какое сердечное участіе принимаетъ онъ во всемъ, до васъ касающемся. Кто этотъ человѣкъ, и чтò можетъ быть общаго между имъ и вами? Кто этотъ призракъ, являющійся только во мракѣ ночи и во время грозы? Какимъ образомъ знаетъ онъ этотъ домъ, куда приходитъ для того только, чтобъ плевать на него и хозяйничать въ немъ произвольно, какъ-будто между вами существуетъ какая-то связь, о которой вы даже и говорить боитесь? Кто онъ?

— Вы правы; онъ плюетъ на этотъ домъ, отвѣчала вдова слабымъ голосомъ: — до-сихъ-поръ, только призракъ его носился надъ этимъ домомъ и надо мною и въ полдень и въ полночь; теперь явился онъ самъ, облеченный, какъ и мы, плотью...

— И, конечно, не ускользнулъ бы отъ моихъ рукъ, еслибъ вы не удержали меня, воскликнулъ слѣсарь съ жаромъ. — Но скажите же, чтò это за загадка?

— Загадка эта, отвѣчала вдова: — должна остаться навсегда неразгаданною... Я не смѣю сказать вамъ ничего больше.

— Не смѣете? повторилъ удивленный слѣсарь.

— Да; но не спрашивайте меня ни о чемъ, продолжала она: — я больна; всѣ жизненныя силы какъ-будто умерли во мнѣ... Подите прочь! не прикасайтесь ко мнѣ...

Габріель, сдѣлавшій-было шагъ впередъ, чтобъ поддержать ее,

— Что жь могло это быть, кромѣ сна?..

— Мнѣ чудилось, продолжалъ безумный шопотомъ, опершись на руку Уардена и устремивъ прямо на него дикіе глаза свои:—мнѣ чудилось сію-минуту, что какой-то призракъ въ образѣ человѣка преслѣдовалъ меня, не выпускалъ изъ вида, забѣгалъ впередъ, прятался какъ кошка по тёмнымъ угламъ, выжидая, чтобъ я прошолъ мимо, и выползалъ потомъ изъ своей засады... Видалъ ты когда-нибудь, какъ я бѣгаю?

— Какъ же! нѣсколько разъ видалъ.

— Никогда еще не бѣжалъ я такъ скоро, какъ въ этотъ разъ, и не смотря на то, онъ все былъ за мною, ближе, ближе, ближе... Я побѣжалъ еще шибче... вскочилъ съ постели, выпрыгнулъ въ окно —и тамъ, на улицѣ... Но онъ ждетъ насъ — пойдемъ.

— Что же тамъ на улицѣ, Бэрнеби? ты не досказалъ?.. спросилъ слѣсарь, думая найдти какую-нибудь связь между этимъ сномъ и тѣмъ, что̀ случилось дѣйствительно.

Бэрнеби взглянулъ ему прямо въ лицо, пробормоталъ какія-то несвязныя слова, замахалъ опять свѣчою и, схвативъ крѣпче руку слѣсаря, потащилъ его вверхъ по лѣстницѣ.

Они вошли въ небольшую комнату, уставленную соломенными стульями и другими простыми мёбелями, но весьма чистую и опрятную. Въ большихъ креслахъ, передъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ, сидѣлъ блѣдный и изнеможенный отъ потери крови сэръ Эдвардъ, тотъ самый молодой человѣкъ, который въ предшествовавшую ночь прежде всѣхъ оставилъ Майское-Дерево. Онъ протянулъ руку слѣсарю и привѣтствовалъ его какъ своего избавителя.

— Ни слова больше, сэръ, ни слова! сказалъ Габріель. — Я сдѣлалъ бы то же самое для всякаго въ такомъ положеніи, а тѣмъ болѣе для васъ, сэръ. Извѣстная вамъ миссъ, прибавилъ онъ смѣючись:— не разъ оказывала намъ услуги, и намъ надобно было поквитаться съ нею; надѣюсь, что вамъ лучше, и нельзя опасаться никакихъ дурныхъ послѣдствій?

Молодой человѣкъ улыбнулся; но въ ту же минуту сдѣлалъ движеніе, которое доказывало, что онъ страдалъ сильно.

— Я не чувствую ничего, кромѣ слабости отъ потери крови; рана не опасна, отвѣчалъ онъ, стараясь пересилить боль.—Садитесь, мистеръ Уарденъ.

— Позвольте, сэръ Эдвардъ, остаться здѣсь, подлѣ вашихъ кресслъ, чтобъ имѣть возможность говорить съ вами тихо. Бэрнеби нынче не въ хорошемъ расположеніи духа, а въ такомъ случаѣ разговоры ему всегда непріятны.

И сэръ Эдвардъ и слѣсарь взглянули на Бэрнеби, который сѣлъ, между-тѣмъ, недалеко отъ камина и съ безсмысленною улыбкою на

лицѣ забавлялся дѣланіемъ узловъ и петлей на длинной ниткѣ, обвивая ею свои пальцы.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ, сказалъ Уарденъ:—разскажите мнѣ подробно обо всемъ, что̀ случилось въ прошедшую ночь... Я имѣю причины спрашивать объ этомъ. Вы уѣхали изъ Майскаго-Дерева одни?

— Я отправился домой пѣшкомъ. Дошедъ до того мѣста, гдѣ вы нашли меня, я услыхалъ лошадиный топотъ...

— За вами? спросилъ слѣсарь.

— Да, за мною; то былъ одинъ проѣзжій, который, догнавъ меня, остановилъ свою лошадь и сталъ разспрашивать о дорогѣ въ Лондонъ.

— Вы, конечно, были вооружены, сэръ, зная, сколько мошенниковъ шатается по этой дорогѣ?

— У меня была только одна палка, а пистолеты, по несчастію, остались у хозяйскаго сына. Я разсказа̀лъ о дорогѣ проѣзжему, но прежде, чѣмъ успѣлъ кончить, онъ стремительно бросился на меня, какъ-будто хотѣлъ растоптать конемъ своимъ. Я отскочилъ въ сторону, поскользнулся и упалъ. Онъ ударилъ меня кинжаломъ и взялъ мой кошелекъ, въ которомъ нашолъ немного за свой подвигъ. Теперь, мэстеръ Уарденъ, прибавилъ сэръ Эдвардъ, взявъ руку слѣсаря и сжавъ ее крѣпко:—теперь знаете вы столько же, сколько и я самъ.

— Но я хотѣлъ бы знать еще примѣты разбойника; каковъ онъ былъ собою?. Говорите, пожалуйста, тише, сэръ... Бэрнеби, кажется, не обращаетъ на насъ вниманія; но я знаю его лучше, чѣмъ вы, и увѣренъ, что онъ теперь замѣчаетъ за нами.

Можно было подумать, что замѣчаніе слѣсаря было неосновательно, потому-что Бэрнеби, казалось, совершенно занялся своею игрушкою; однакожь, увѣренность, съ какою Уарденъ сказалъ послѣднія слова, подѣйствовала на сэра Эдварда и онъ отвѣчалъ, понизивъ голосъ:

— Ночь была такъ темна, нападеніе такъ быстро и неожиданно, что я не могу отвѣчать удовлетворительно на вашъ вопросъ... Кажется, однакожь, что...

— Не называйте его по имени!.. поспѣшилъ сказать слѣсарь, слѣдя за взоромъ сэра Эдварда, устремленнымъ на Бэрнеби: — я знаю, что онъ видѣлъ его; но мнѣ бы хотѣлось знать то, что̀ вы видѣли.

— Я помню только, продолжалъ сэръ Эдвардъ:—что у него слетѣла съ головы шляпа, когда онъ остановился. Онъ поймалъ ее на воздухѣ и надѣлъ опять; при этомъ я замѣтилъ, что голова его была обвязана чорнымъ платкомъ. Когда я былъ въ Майскомъ-Деревѣ, туда заѣзжалъ какой-то незнакомецъ, котораго я не видалъ въ лицо, потому-что сидѣлъ въ сторонѣ; когда же я всталъ, чтобъ выйдти изъ

комнаты, и оглянулся, то увидѣлъ его, сидѣвшаго близь камина, спиною ко мнѣ. Если жь этотъ незнакомецъ и разбойникъ два разныя лица, то звукъ ихъ голоса чрезвычайно сходенъ; я не могъ не замѣтить этого, когда проѣзжій заговорилъ со мною на дорогѣ.

— Вотъ именно то, чего я боялся; этотъ самый человѣкъ былъ здѣсь ныньче ночью! подумалъ слѣсарь, и лицо его покрылось блѣдностью... Боже мой! что̀ все это значитъ?..

— Гей, гой!.. крикнулъ какой-то рѣзкій голосъ: — гей, гой!.. что тамъ?.. гей, гой!..

Крикунъ этотъ, отъ котораго слѣсарь отскочилъ, какъ отъ сверхъестественнаго шпіона, былъ во̀ронъ, спустившійся непримѣтно на спинку кресла сэра Эдварда и слушавшій съ такою внимательностью, какъ-будто онъ дѣйствительно могъ понимать то, о чемъ слѣсарь и молодой человѣкъ разговаривали между собою; при этомъ во̀ронъ безпрестанно по̀ворачивалъ голову то къ одному, то къ другому изъ нихъ, и казалось, не хотѣлъ проронить ни одного слова.

— Посмотрите! сказалъ Уарденъ, съ удивленіемъ и съ какимъ-то необъяснимымъ страхомъ, внушеннымъ этою птицею.—Видалъ ли кто такого урода?.. О! онъ страшный удалецъ!...

Во̀ронъ приклонилъ на одну сторону свою голову, въ которой два глаза сіяли какъ два брильянта и, помолчавъ съ минуту, закричалъ рѣзкимъ, глухимъ голосомъ, который, казалось, вылеталъ не изъ его клюва, а изъ внутренности туловища: «Гей, гой, гей!... Что тутъ такое?... Крр, крр, крр!.. Смѣйся и веселись, не говори о смерти... Гей, гой, гей!... Я дьяволъ! дьяволъ! дьяволъ!... ура!...»

Воронъ началъ свистать и каркать ужасно, какъ-будто радуясь самъ тому, что̀ сказалъ.

— Я почти готовъ думать, что онъ говоритъ правду!.. воскликнулъ Уарденъ: — посмотрите, ка̀къ онъ глядитъ на меня: точно понимаетъ, что я говорю.

На̀ это во̀ронъ прискакивая отвѣчалъ:—«Я дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ!» и началъ бить себя крыльями, какъ-будто хотѣлъ лопнуть отъ смѣха. Бэрнеби всплеснулъ руками и въ чрезмѣрной радости сталъ валяться по полу.

— Не́чего сказать, удивительные товарищи, сэръ!.. замѣтилъ Габріель, посматривая то на во̀рона, то на Бэрнеби: — у птицы станетъ ума на двоихъ!

— Подлинно удивительно! сказалъ сэръ Эдвардъ, протянувъ свой указательный палецъ къ во̀рону, который, будто въ знакъ признательности къ такой ласкѣ, схватился за палецъ клювомъ:—старъ ли онъ?

—Еще совершенный птенецъ, сэръ, отвѣчалъ Габріель.—Ему, мо-

жетъ-быть, лѣтъ сто-двадцать, не болѣе. Кликни его отсюда, любезный Бэрнеби.

— Кликни его! повторилъ Бэрнеби, бросивъ на Габріеля безсмысленный взглядъ и не трогаясь съ пола, на которомъ сидѣлъ: — кто можетъ его спугнуть оттуда?—Онъ кличетъ меня и я долженъ идти за нимъ, куда онъ хочетъ... не такъ ли, Грейфъ?

Воронъ каркнулъ тихо и отрывисто, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Зачѣмъ посвящать этихъ людей въ наши тайны? мы понимаемъ другъ друга, и этого довольно!»

—Мнѣ кликнуть его оттуда! воскликнулъ Бэрнеби, указывая пальцемъ на птицу:—его, который никогда не спитъ, а только дремлетъ!.. Ночью, во всякое время можете вы видѣть глаза его, блистающіе въ моей темной коморкѣ, какъ двѣ яркія звѣзды. Каждую ночь бываетъ онъ веселъ и живъ; толкуетъ самъ съ собою, говоритъ, что̀ намѣренъ дѣлать, куда хочетъ идти, что̀ украсть, что̀ спрятать! И мнѣ тревожить, мнѣ кликать его? Ха, ха, ха!

Казалось, однакожь, что во̀ронъ самъ-собою рѣшился спуститься со спинки креселъ, гдѣ сидѣлъ. Сначала взглянулъ онъ на потолокъ, потомъ на каждаго изъ бывшихъ въ комнатѣ, порхнулъ къ дверямъ, спустился на полъ и скорымъ шагомъ, какъ какой-нибудь важный господинъ, отправился прямо къ Бэрнеби, вскочилъ ему на руку и сталъ каркать и свистать съ примѣтнымъ самодовольствіемъ.

Слѣсарь покачалъ головою, сомнѣваясь, можетъ-быть, не былъ ли этотъ во̀ронъ дѣйствительно что-нибудь болѣе во̀рона — а можетъ-быть и соболѣзнуя о Бэрнеби, который вмѣстѣ съ птицею катался по полу. Отведя свои взоры отъ бѣднаго юноши, встрѣтился онъ съ взоромъ его матери, которая, вошедъ незамѣтно въ комнату, стояла у дверей молча.

Лицо ея было покрыто смертною блѣдностью и даже губы не имѣли обыкновеннаго своего цвѣта; она побѣдила однакожь свое внутреннее волненіе и смотрѣла на сына съ обыкновеннымъ спокойствіемъ. Уардену показалось, что она содрогнулась, когда онъ взглянулъ на нее, и поспѣшила сказать, обращаясь къ больному:

— Вамъ пора бы лечь въ постелю; завтра васъ отвезутъ къ вашимъ роднымъ; вы просидѣли въ креслахъ долѣе, чѣмъ должно.

Слѣсарь, услыхавъ это, хотѣлъ откланяться.

— Кстати, сказалъ сэръ Эдвардъ, пожавъ ему руку и взглянувъ на мистриссъ Роджъ: что̀ тамъ былъ за шумъ внизу? Мнѣ слышались ваши голоса. Что случилось?

Слѣсарь взглянулъ на вдову; она оперлась на стулъ и опустила глаза; Бэрнеби прислушивался.

— Какой-то пьяница ошибся домомъ и хотѣлъ насильно войдти

сюда, отвѣчалъ Уарденъ, бросивъ украдкою взоръ на мистриссъ Роджъ.

Она вздохнула свободнѣе, однакожъ не сказала ни слова. Когда слѣсарь простился съ сэръ Эдвардомъ, Бэрнеби взялъ свѣчу, чтобъ посвѣтить ему на лѣстницѣ; мистриссъ Роджъ, увидѣвъ это, выхватила у сына свѣчу, и съ необыкновенною живостью приказала ему не трогаться съ мѣста. Вóронъ послѣдовалъ за сошедшими внизъ, какъ-будто для того, чтобъ удостовѣриться все ли было въ порядкѣ; а когда вдова и слѣсарь дошли до наружной двери, онъ остановился на нижней ступенькѣ лѣстницы.

Трепещущей рукою отодвинула она засовъ и повернула ключъ... Слѣсарь сказалъ между-тѣмъ тихимъ голосомъ:

— Изъ привязанности къ вамъ и по старому знакомству съ вами, Марія, рѣшился я ныньче солгать, чего никогда не дѣлалъ. Я хочу вѣрить, что отъ этого не будетъ ничего дурнаго; подозрѣнія, возбуждаемыя вами во мнѣ, не покидаютъ меня и, признаюсь откровенно, я не охотно оставляю здѣсь сэра Эдварда.. Смотрите, чтобъ съ нимъ не случилось чего-нибудь худаго. Я не считаю его въ безопасности подъ этою кровлею и радуюсь, что онъ скоро оставляетъ вашъ домъ. Ну, теперь пустите меня.

Она закрыла лицо руками и горько заплакала; скоро, однакожъ, пересиливъ себя, отворила дверь и сдѣлала слѣсарю знакъ, что онъ можетъ идти. Лишь-только слѣсарь успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ дверь захлопнулась за нимъ, и онъ услышалъ съ какою поспѣшностію вдова задвинула засовъ, и какъ ужасно закаркалъ зловѣщій вóронъ.

Съ минуту стоялъ слѣсарь, погруженный въ мрачныя мысли.— Чтò все это значитъ? думалъ онъ:—не-уже-ли эта женщина, которая всегда пользовалась доброю славою, могла рѣшиться на что нибудь худое... Прости мнѣ, Господи, такія мысли! но она бѣдна, а искушеніе сильно... Каркай, каркай себѣ, проклятый! Если здѣсь скрывается что-нибудь недоброе, то вóронъ не чуждъ этому, я готовъ побожиться!

ГЛАВА VII.

Мистриссъ Уарденъ была женщина причудливая. Она казалась грустною, когда другимъ было весело, и веселою, когда другіе скучали. Капризная отъ природы, она никогда не умѣла скрывать своихъ ощущеній и предавалась имъ со всѣмъ увлеченіемъ своего сердца. Мы сказали уже, что эта добрая дама (которая, вѣроятно, была еще очень недурна собою, хотя и уступала въ красотѣ своей дочери), становилась капризнѣе и несноснѣе по мѣрѣ того, какъ уве-

личилось ея благосостояніе, такъ, что люди, знакомые коротко съ семействомъ слѣсаря, были убѣждены, что лучшимъ средствомъ къ нравственному исправленію жены его была бы потеря всего его имущества. Мы не можемъ ручаться за справедливость этой гипотезы, но думаемъ, что душа подобно тѣлу приходитъ въ болѣзненное состояніе отъ слишкомъ-хорошей жизни, и что ее надобно лечить лишеніями и несчастіями, какъ тѣло микстурами и порошками.

Главною помощницею и распорядительницею въ домашнихъ дѣлахъ мистриссъ Уарденъ, а также и главною жертвою ея капризовъ была единственная ея служительница, миссъ Меггсъ. Эта Меггсъ была высокая, худощавая дѣвица съ лицомъ, которое, не будучи очень безобразно, имѣло въ себѣ что-то рѣзкое и непріятное. Главною тэмою ея мыслей и убѣжденій было то, что мужчины вообще не стòятъ никакого вниманія, что всѣ они непостоянны, лукавы, низки и завистливы. Въ минуты, когда она особенно была раздражена противъ мужчинъ (а это, по замѣчанію злоязычной молвы, случалось именно тогда, когда Симъ Тэппертейтъ не обращалъ на нее вниманія); обнаруживала она желаніе, чтобъ весь женскій полъ вымеръ, для того только, чтобъ мужчины поняли наконецъ, какимъ божественнымъ существомъ пренебрегали они такъ недостойно.

Когда слѣсарь постучался у своего дома, голосъ этой мужчино-ненавистницы, этой Меггсъ, былъ первый, грубо спросившій его: «кто тамъ?»

— Я, Меггсъ, я! отвѣчалъ Габріель.

— Какъ, сэръ, вы уже возвратились? воскликнула Меггсъ, отворяя дверь. — А мы только-что надѣли свои ночные чепцы и хотѣли ложиться спать... О! мистриссъ Уарденъ была такъ нездорова...

Меггсъ сказала это довольно-громко, и Габріель, видя, что двери въ гостиную были отперты, догадался, къ кому относились эти слова.

— Мэстеръ воротился! воскликнула Меггсъ, спѣша въ гостиную: —вы были неправы, мистриссъ, а я права... Я говорила, что мэстеръ не оставитъ васъ однѣхъ цѣлыя двѣ ночи... Я такъ рада за васъ, мистриссъ, такъ рада!.. Меня уже давно клонилъ сонъ, хоть я и не признавалась вамъ въ этомъ... право, мистриссъ...

— Въ такомъ случаѣ ты сдѣлала бы лучше, еслибъ давно уже отправилась спать, сказалъ слѣсарь, желавшій въ эту минуту, чтобъ воронъ Бэрнеби сѣлъ ей на губы и зажалъ ихъ своимъ клювомъ.

—Благодарю, мэстеръ, благодарю! возразила Меггсъ:—я не уснула бы спокойно, не уложивъ прежде въ постель мою добрую мистриссъ; а, сказать правду, ей бы давно уже была пора лечь въ постель.

— Ты слишкомъ-заботлива, Меггсъ! замѣтилъ Уарденъ, снимая сюртукъ и взглянувъ косо на служанку.

— Какъ вамъ угодно, мэстеръ. Я готова терпѣть за свою добрую госпожу и не требую за свое усердіе къ ней никакой посторонней похвалы, была бы только она мною довольна.

Мистриссъ Уарденъ, сидѣвшая во все время за молитвенникомъ и не говорившая ни слова, приподняла въ эту минуту голову, украшенную огромнымъ ночнымъ чепцомъ, и, вмѣсто благодарности за такую привязанность къ ней доброй Меггсъ, приказала ей молчать.

Меггсъ вспыхнула отъ злости и всѣ жилы шеи ея налились кровью; однакожь она воздержалась и отвѣчала со смиреніемъ:

— Слушаю, мистриссъ.

— Ну, какъ ты чувствуешь себя, другъ мой? спросилъ слѣсарь, сѣвъ на стулъ рядомъ съ женою, которая опять схватила свой молитвенникъ.

— Тебя это очень интересуетъ, не правда ли? отвѣчала мистриссъ Уарденъ, устремивъ глаза въ книгу. — Ты, однакожь, цѣлый день не былъ у меня и не пришолъ бы, еслибъ я даже умирала.

— Что ты? милая Марта? что ты, Богъ съ тобою! сказалъ Габріель.

Мистриссъ Уарденъ перевернула листъ и продолжала читать.

— Милая Марта, продолжалъ слѣсарь: — какъ можешь ты говорить такія вещи? Ты знаешь, что я всегда нѣжно любилъ тебя и, конечно, не покинулъ бы, еслибъ ты точно была нездорова.

— Да! воскликнула мистриссъ Уарденъ и залилась слезами: — да, я знаю, ты былъ бы радъ, еслибъ я закрыла навѣки глаза; тогда ты могъ бы жениться на другой...

Меггсъ глубоко вздохнула.

— Но ты скоро уходишь меня, продолжала мистриссъ Уарденъ: — и тогда мы оба будемъ наконецъ счастливы. Единственное мое желаніе — пристроить только Долли, и тогда можешь ты дѣлать со мною что хочешь...

— Ахъ! воскликнула Меггсъ, вздохнувъ еще громче.

Бѣдный Габріель долго вертѣлъ на себѣ парикъ то въ ту, то въ другую сторону и спросилъ наконецъ глухимъ голосомъ:

— Долли спитъ уже?

— Мэстеръ спрашиваетъ тебя, сказала мистриссъ Уарденъ, обратясь къ Меггсъ и взглянувъ на нее строго.

— Нѣтъ, другъ мой; я спрашиваю не ее, а тебя, сказалъ слѣсарь.

— Слышишь ли ты, Меггсъ? закричала упрямая женщина, топнувъ ногою. — Теперь уже и ты пренебрегаешь мною, не слушаешься меня?.. Это чудесно! только этого не доставало!

При этихъ ужасныхъ словахъ, Меггсъ, у которой слезы были всегда въ запасѣ, горько заплакала; мистриссъ Уарденъ послѣдовала ея

примѣру и комната огласилась рыданіями и вздохами. Это продолжалось нѣсколько минутъ, въ-теченіи которыхъ Габріель, измученный усталостью и не спавшій прошлую ночь, началъ дремать на стулѣ и, вѣроятно, преспокойно заснулъ бы, еслибъ голосъ мистриссъ Уарденъ, отершей наконецъ свои слезы, не разбудилъ его.

— Не ужасно ли, говорила она:—что со мною поступаютъ такимъ образомъ именно тогда, когда я въ самомъ лучшемъ расположеніи духа и когда желала бы поболтать со всею откровенностью?

— Но на что можешь ты жаловаться, другъ мой? сказалъ Габріель, протирая глаза: — увѣряю тебя, я ничѣмъ не хотѣлъ тебя огорчить.

— На что могу я жаловаться? вотъ прекрасно!.. Нечего сказать, пріятно имѣть мужа, который возвращается домой для того только, чтобъ хмуриться или спать, вмѣсто того, чтобъ разсказать что-нибудь.

—Извини, другъ мой; я думалъ, что ты не расположена меня слушать. Впрочемъ, я готовъ разсказать тебѣ все и радъ поболтать съ тобою часокъ-другой...

— Нѣтъ, мэстеръ Уарденъ, нѣтъ, отвѣчала она, вставъ съ своего мѣста. — Благодарю покорно... Я не ребенокъ, съ которымъ можно забавляться какъ угодно; я ужь слишкомъ-стара для этого. Меггсъ, свѣчку.

Меггсъ схватила со стола свѣчу и пошла вслѣдъ за своею госпожою, которая вышла изъ комнаты, бросивъ на мужа сердитый взглядъ.

— Она не въ духѣ, подумалъ Уарденъ, поправляя въ каминѣ угольи.—Что жь? у всякаго свои слабости; не надобно быть слишкомъ-строгимъ; мы такъ давно ужь живемъ вмѣстѣ...

И, прислонивъ голову къ стѣнкѣ стула, началъ онъ опять дремать. Вдругъ дверь потихоньку отворилась и изъ-за нея выставилась какая-то голова, которая, увидѣвъ Габріеля, въ ту жь минуту скрылась.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, пробормоталъ Уарденъ пробудившись: — чтобъ кто-нибудь женился на Меггсъ; но это невозможно: гдѣ найдти такого сумасшедшаго, который рѣшился бы на это?

Габріель опять задремалъ и оставался въ этомъ положеніи до-тѣхъ-поръ, пока огонь въ каминѣ совсѣмъ потухъ. Наконецъ, онъ проснулся, всталъ, замкнулъ наружную дверь дома, положилъ въ карманъ ключъ и отправился спать. Черезъ нѣсколько минутъ показалась опять та же самая голова—и Симъ Тэппертейтъ, съ небольшою лампадою въ рукѣ, вошолъ въ комнату.

— Какой дьяволъ задержалъ его здѣсь такъ долго? проворчалъ онъ сквозь зубы, вошедъ въ комнату и поставивъ лампаду на печь.—

— Теперь уже далеко за полночь!.. Проклятое ремесло! Вотъ вся польза, которую я извлекъ отъ тебя!..

При этихъ словахъ вытащилъ онъ изъ кармана большой ключъ, всунулъ его въ замо́къ двери и тихо, съ величайшею осторожностью отворилъ ее. Замкнувъ потомъ дверь съ наружной стороны, спряталъ онъ въ карманъ свой поддѣльный ключъ и выбрался на улицу такъ тихо, что слѣсарь, заснувшій крѣпко, ничего не могъ слышать.

ГЛАВА VIII.

Вышедъ изъ дома, Симъ Тэппертейтъ пустился скорымъ шагомъ по темнымъ улицамъ, хватаясь по временамъ за карманъ, чтобъ удостовѣриться, точно ли ключъ былъ при немъ. Такимъ образомъ добрался онъ до Бэрбейкена и поворотилъ въ одну изъ самыхъ узкихъ улицъ, отирая потъ, катившійся градомъ съ лица. Наконецъ дошолъ онъ до какого-то узкаго прохода, чрезъ который пробрался къ небольшому дворику, темному какъ ночь, и остановился у рѣшотки.

Симъ ударилъ въ нее три раза ногою, но не получая никакого отвѣта на этотъ знакъ, разсердился и ударилъ еще три раза сильнѣе прежняго. Тогда земля подъ ногами его вдругъ растворилась и оттуда высунулась какая-то лысая голова.

— Вы ли это, капитанъ? спросилъ чей-то голосъ.

— Кто же можетъ быть другой? отвѣчалъ мэстеръ Тэппертейтъ, и спустился внизъ.

— Теперь такъ поздно, что мы уже перестали ожидать васъ, сказалъ тотъ же голосъ.—Вы запоздали, мэстеръ!

— Безъ замѣчаній; я не прошу ихъ у тебя, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ съ важностью: — впередъ, маршъ!

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ и проводникъ его вошли въ большой погребъ, въ которомъ было нѣсколько стульевъ, столъ и кровать, покрытая толстымъ одѣяломъ; большой огонь былъ разложенъ въ сторонѣ и освѣщалъ сырые своды подземелья.

— Добро пожаловать, капитанъ! воскликнула какая-то высокая фигура, какъ-бы пробудясь отъ сна.

Капитанъ кивнулъ головою, сбросилъ съ себя кафтанъ и, окинувъ глазами того, который шелъ за нимъ, спросилъ:

— Что новаго нынче вечеромъ?

Ничего особеннаго, отвѣчалъ тотъ, вытянувшись (а онъ и безъ того былъ гигантскаго роста): — по какому случаю пожаловали вы такъ поздно?

— Это не твое дѣло, отвѣчалъ капитанъ: — готова ли зала?

— Готова! отвѣчалъ провожатый.

— А товарищъ... здѣсь?

— Здѣсь—такъ же, какъ и нѣсколько другихъ... вы слышите ихъ?

— Они играютъ въ кегли! сказалъ капитанъ съ неудовольствіемъ: — глупцы!

Нельзя было не отгадать ихъ занятія, потому-что стукъ отъ бросаемыхъ шаровъ раздавался подъ сводами сыраго и мрачнаго погреба и звучалъ какъ перекаты грома. Такая забава должна была показаться очень-странною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вмѣсто пола была земля, гдѣ воздухъ былъ тяжолъ и удушливъ и гдѣ стѣны во многихъ мѣстахъ были покрыты мохомъ.

Владѣтель этого погреба, тотъ самый, которому принадлежала лысая голова, встрѣтившая капитана у рѣшотки, былъ человѣкъ очень блѣдный и худощавый. Глаза его были закрыты и по трепетанію вѣкъ ихъ можно было догадаться, что онъ былъ слѣпъ.

— Даже и Стэггъ вздремнулъ, сказалъ великанъ, указывая на хозяина.

—Не бѣда, капитанъ, не бѣда!.. воскликнулъ слѣпой.—Не хотите ли чего-нибудь выпить: водки, рому, или джину? все достанемъ для васъ, хотя бы пришлось забраться въ погребъ короля Георга.

— Чего нибудь, только покрѣпче; а изъ какого погреба — мнѣ все равно, хоть бы изъ чортова.

— Славно сказано, капитанъ! возразилъ слѣпой.—Ха ха ха!.. изъ чортова погреба... славно! славно!

— Ну, поворачивайся, давай скорѣе! закричалъ мэстеръ Тэппертейтъ.

— Сейчасъ! воскликнулъ Стэггъ и какъ зрячій отправился прямо къ шкафу, взялъ оттуда бутылку, наполнилъ стаканъ, не проливъ ни капли, и, подавая его Симу, сказалъ:

— Пей, благородный капитанъ, пей! Смерть всѣмъ мастерамъ! жизнь и здоровье всѣмъ подмастерьямъ, любовь всѣмъ хорошенькимъ дѣвушкамъ! Пей, храбрый генералъ, и согрѣй этимъ виномъ свое мужественное сердце!

Мэстеръ Тэппертейтъ взялъ стаканъ и выпилъ. Стеггъ, между-тѣмъ, ставъ на колѣни, обхватилъ своими руками его ноги и воскликнулъ съ восторгомъ:

— О! зачѣмъ я слѣпъ! зачѣмъ не могу налюбоваться на эти чудесныя икры... на эти сокровища...

— Пусти меня! закричалъ мэстеръ Тэппертейтъ: — пусти!

—Если я ихъ сравню съ своими, продолжалъ Стеггъ, ударивъ себя по икрамъ: — то начинаю ненавидѣть ихъ. Что онѣ? щепки и больше ничего!

— И конечно щепки! замѣтилъ съ усмѣшкой мэстеръ Тэппертейтъ: —но довольно; возьми стаканъ, и за работу.

Сказавъ это, онъ нахмурилъ брови, скрестилъ на груди руки и,

принявъ величественный видъ, скрылся вмѣстѣ съ длиннымъ товарищемъ своимъ за небольшою дверью, бывшею въ концѣ погреба.

Подземная зала, въ которую они вступили, была усѣяна опилками; она освѣщалась слабо нѣсколькими зажженными свѣчами и находилась между погребомъ и другою залою, гдѣ играли въ кегли, что ясно доказывалось шумомъ и криками, вылетавшими оттуда; скоро однакоже, по знаку, поданному длиннымъ товарищемъ, шумъ этотъ замолкъ, и въ залѣ водворилась мертвая тишина. Товарищъ этотъ подошелъ къ буфету, и досталъ оттуда огромную костяную голень, которая, вѣроятно, принадлежала когда-то человѣку столь же высокому, какъ онъ самъ. Эту кость принялъ мэстеръ Тэппертейтъ изъ рукъ товарища какъ скипетръ, свидѣтельствовавшій о его высокомъ достоинствѣ, надѣлъ на голову свою трехугольную шляпу и влѣзъ на большой столъ, на которомъ было приготовлено для него кресло, обложенное человѣческими черепами.

Едва успѣлъ онъ сѣсть на эти кресла, какъ явился другой молодой человѣкъ, поклонился низко капитану, передалъ длинному товарищу огромную книгу съ застёжками и, подошедъ къ столу, сталъ къ нему спиною. Тогда длинный товарищъ въ свою очередь влѣзъ на столъ, сѣлъ на табуретъ, разложилъ на спинѣ молодаго человѣка огромную книгу и, взявъ перо, съ важнымъ видомъ приготовился писать.

МэстеръТэппертейтъ, видя, что все было готово, поднялъ кость и ударилъ ею девять разъ по двумъ лежавшимъ предъ нимъ черепамъ. При девятомъ ударѣ явился изъ кегельной залы третій молодой человѣкъ, поклонился низко и съ почтеніемъ ожидалъ приказаній.

— Ученикъ! сказалъ могущественный капитанъ:—кто ждетъ тамъ?

Молодой человѣкъ отвѣчалъ, что какой-то незнакомецъ пришолъ просить о принятіи его въ общество ученическаго братства, съ распространеніемъ на него всѣхъ правъ и привилегій его. Мэстеръ Тэппертейтъ снова ударилъ костью по черепу и воскликнулъ: «впустите его!» Ученикъ опять поклонился почтительно и вышелъ.

Скоро изъ той же самой двери показались еще два ученика, и между ними третій, съ завязанными глазами, котораго они вели подъ руки. На немъ былъ парикъ съ кошелькомъ вмѣсто косы, кафтанъ съ широкими полами и длинная шпага; одинъ изъ проводниковъ этого новопринимаемаго кандидата держалъ надъ самымъ ухомъ его длинное, покрытое ржавчиною ружьё, а другой старую саблю, которою онъ размахивалъ во всѣ стороны.

Между-тѣмъ, какъ эта группа приближалась въ молчаніи, мэстеръ Тэппертейтъ надѣлъ шляпу. Новопринимаемый кандидатъ положилъ руку на грудь и преклонился передъ капитаномъ. Симъ приказалъ

лъ съ глазъ его повязку и устремилъ на него свои проницатель-
ые взоры.

— Начинайте! воскликнулъ онъ потомъ громкимъ голосомъ.

Длинный товарищъ началъ читать слѣдующее:

«Маркъ Джильбертъ; 19 лѣтъ отъ роду; въ ученьи у Томаса Кур-
цона, чулочника; любитъ дочь Курцона и не можетъ сказать навѣр-
ное, любимъ ли ею взаимно, но полагаетъ, что любимъ. Курцонъ,
въ прошедшій вторникъ, выдралъ его за уши...»

— Какъ! за что? воскликнулъ капитанъ съ жаромъ.

— За то, что я смотрѣлъ на его дочь, отвѣчалъ кандидатъ.

— Записать: «на Курцона принесена жалоба», и поставить про-
тивъ его имени черный крестъ.

— Съ вашего позволенія, великомощный капитанъ, это еще не
все, сказалъ новопосвящаемый.—Мэстеръ Курцонъ называетъ сво-
ихъ учениковъ лѣнивыми собаками и не даетъ имъ пива, когда они
работаютъ не такъ, какъ онъ хочетъ; самъ ѣстъ честерскій сыръ, а
насъ потчуетъ голландскимъ; въ довершеніе же всего, оставляетъ на
гулянье только одно воскресенье въ цѣлый мѣсяцъ.

— Это важное обвиненіе! сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ величе-
ственно:—поставить два черные креста противъ имени Курцона.

— Не угодно ли будетъ высокопочтенному братству, продолжалъ
кандидатъ, отличавшійся особеннымъ безобразіемъ: — поджечь не-
застрахованный домъ Курцона, или поколотить его порядкомъ, ког-
да онъ будетъ возвращаться вечеромъ домой, или пособить мнѣ увез-
ти его дочь и жениться на ней, не смотря на то, хочетъ она этого,
или нѣтъ?

Мэстеръ Тэппертейтъ поднялъ свой страшный скипетръ и прика-
залъ поставить противъ имени Курцона три черные креста.

— Это значитъ, воскликнулъ онъ: — что Курцонъ обреченъ мще-
нію, ужасному мщенію.

Послѣ этого, капитанъ началъ длинную рѣчь въ которой, объ-
яснилъ новопосвящаемому, что по прежнимъ законамъ, въ преж-
нее время, всѣ ученики, посвящавшіе себя какому бы то ни было
ремеслу, наслаждались полною свободой, могли безнаказанно ко-
лотить своихъ мастеровъ и даже при случаѣ рѣзать ихъ на улицахъ;
что законы эти нынѣче нарушены и измѣнены разными вредными
реформами, и что цѣлію ихъ братства было возстановить ее въ пре-
жней силѣ, уничтожить всѣхъ мастеровъ, сокрушить власть ихъ и
отмстить за всѣ ихъ тиранства. Мэстеръ Тэппертейтъ кончилъ тѣмъ,
что спросилъ съ необыкновенною торжественностью новопосвящае-
мого, чувствуетъ ли онъ въ себѣ довольно силы и мужества къ со-
вершенію такого великаго подвига, и можетъ ли дать клятву упо-
требить всѣ средства къ достиженію этой цѣли, прибавивъ, что есть

еще время одуматься и что онъ можетъ удалиться, если трудност предстоящаго дѣла устрашаетъ его.

На это новопосвящаемый отвѣчалъ, что готовъ дать требуему отъ него клятву и сдержать ее, хотя бы ему пришлось удавиться. Тогда, по знаку, поданному капитаномъ, началась церемонія посвященія, состоявшая въ разныхъ странныхъ обрядахъ, во врем которыхъ черепы освѣтились плошками и шумъ, замолкшій на врем въ кегельной залѣ, возобновился съ большею противъ прежняго силою. Когда требуемая клятва была наконецъ произнесена, мэстер Тэппертейтъ сошелъ съ своего трона, приказалъ убрать всѣ атрибуты своего могущества, отпереть двери въ погребъ и въ кегельну залу и позволилъ всѣмъ почтеннымъ сочленамъ этого тайнаго братства предаться общему веселью, въ которомъ самъ не хотѣлъ принять участія, считая это несовмѣстнымъ съ своимъ высокимъ званіемъ. Онъ бросился на кровать и, смотря равнодушно на карты, кости и кегли, предался мечтамъ о прекрасной дочери слѣсаря.

— Великій капитанъ! сказалъ слѣпой хозяинъ, подсѣвъ къ нему: — ты не хочешь ни играть, ни пѣть, такъ выпей чего-нибудь, вино развеселитъ тебя.

Мэстеръ Тэппертейтъ осушилъ поданный ему стаканъ, потомъ, засунувъ въ карманъ руки, пустился ходить по залѣ между кеглями картами. При приближеніи его, игравшіе останавливались и съ почтительнымъ видомъ давали ему дорогу.

—Зачѣмъ не родился я знатнымъ бариномъ или патріотомъ, думал мэстеръ Тэппертейтъ, поглядывая разсѣянно на кегли:—тогда был бы я на своемъ мѣстѣ. Но быть затеряннымъ въ толпѣ, жить незнаему никѣмъ, не значить ничего—ужасно!.. Но терпѣніе, терпѣніе!.. Я еще прославлюсь... мнѣ говоритъ что-то: «ты назначенъ къ великому!» Скоро, скоро явлюсь я въ настоящемъ своемъ видѣ, и тогда какая власть будетъ въ состояніи противиться мнѣ? я трепещу отъ радости при одной мысли объ этомъ... Вина, скорѣе вина!

— Гдѣ новопосвященный? продолжалъ мэстеръ Тэппертейтъ, возвысивъ голосъ:—гдѣ онъ?

— Здѣсь, благородный капитанъ! отвѣчалъ Стэггъ: — я чувствую по духу, что рядомъ со мною стоитъ чужой.

— Есть ли у тебя восковой оттискъ ключа отъ дверей дома твоего мастера? спросилъ онъ, бросивъ на новопосвященнаго быстрый взглядъ.

— Есть, отвѣчалъ тотъ почтительно, и подалъ оттискъ.

— Хорошо, ты получишь ключъ, который тебѣ нуженъ, сказалъ мэстеръ Тэппертейтъ и сунулъ въ карманъ оттискъ, между-тѣмъ, какъ всѣ присутствующіе смотрѣли на него съ какимъ-то благоговѣніемъ;

каждаго изъ нихъ снабдилъ онъ уже такимъ ключомъ и, можетъ-быть, это ничтожное обстоятельство было причиной того уваженія, какое они невольно питали къ нему. Вотъ отъ какихъ бездѣлицъ зависитъ иногда вліяніе, которое имѣютъ люди на подобныхъ себя!

Отведя въ сторону новопосвященнаго, мэстеръ Тэппертейтъ сказалъ ему:

— И такъ, ты любишь дочь своего хозяина?

— Да, капитанъ; но у меня честныя намѣренія, клянусь вамъ!

— Есть ли у тебя... спросилъ мэстеръ Тэппертейтъ заикнувшись и схвативъ его за руку съ мрачнымъ видомъ: — есть ли у тебя соперникъ?..

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно.

— А еслибъ у тебя былъ соперникъ, что̀ сдѣлалъ бы ты...

Новопосвященный взглянулъ на него выразительно и поднялъ кулакъ съ угрожающимъ видомъ.

— Довольно, воскликнулъ мэстеръ Тэппертейтъ:— мы понимаемъ другъ-друга... За нами примѣчаютъ, благодарю тебя!

Сказавъ это, онъ оттолкнулъ его, подозвалъ длиннаго товарища и приказалъ ему прилѣпить немедленно къ стѣнѣ письменное объявленіе, по которому нѣкто Джозефъ Уиллитъ (извѣстный болѣе подъ именемъ Джоя) обрекался опалѣ; въ этомъ объявленіи предписывалось всѣмъ братьямъ-ученикамъ подъ страхомъ исключенія изъ общества, вредить Джою всѣми средствами, преслѣдовать его, мѣшать ему во всѣхъ предпріятіяхъ и заводить съ нимъ ссоры, гдѣ бы его ни встрѣтили.

Облегчивъ свое сердце этою рѣшительною мѣрою, мэстеръ Тэппертейтъ удостоилъ принять участіе въ общей трапезѣ и такъ развеселился, что затянулъ громкую пѣсню, которой всѣ собесѣдники вторили хоромъ; мало того, онъ пустился въ пляску; примѣру его послѣдовали всѣ другіе, и тутъ поднялся такой шумъ и гвальтъ, что стѣны погреба дрожали въ своихъ основаніяхъ. Эта дикая, пьяная оргія могла бы быть весьма продолжительною, еслибъ вбѣжавшій хозяинъ, вышедшій незадолго предъ тѣмъ изъ залы пиршества, не объявилъ, что не болѣе, какъ черезъ часъ настанетъ день, и что всѣ пѣтухи въ Бэрбейкенѣ затянули свою пѣсню. При этомъ извѣстіи, всѣ пирующіе прекратили пляски и пѣсни, построились въ одну шеренгу, мѣрнымъ шагомъ прошли мимо капитана и поспѣшили каждый къ себѣ домой.

— Прощайте, благородный капитанъ, прощайте. Добрая ночь! воскликнулъ слѣпой хозяинъ, провожая мэстера Тэппертейта. — Чтобъ чортъ сломилъ тебѣ шею, проклятый гордецъ! прибавилъ онъ опуская рѣшетку и будучи увѣренъ, что страшный капитанъ, за отдаленностію, не могъ слышать его.

ГЛАВА IX.

Романисты пользуются особенными преимуществами; они входятъ куда хотятъ, переносятся съ мѣста на мѣсто и даже проникаютъ сквозь замочныя скважины. Да будетъ трижды благословенно это право, дающее намъ возможность послѣдовать за мужчино-ненавистницею Меггсъ въ святилище ея спальни и провести въ ея обществѣ цѣлую ночь.

Уложивъ свою госпожу, миссъ Меггсъ удалилась въ свою комнатку, бывшую подъ самой крышей. Не смотря на сказанное ею слѣсарю, она не имѣла ни малѣйшаго расположенія ко ему; поставивъ свѣчу на столъ, отдернула она занавѣски небольшаго окна и устремила въ задумчивости свои прекрасно-сѣрые глаза на ночное небо.

Можетъ-быть, думала она, какая-нибудь звѣзда назначена для ея мѣстопребыванія послѣ волненій этой земной жизни; можетъ-быть, разгадывала, которая изъ этихъ блестящихъ сферъ была мѣстомъ родины ея милаго мостера Тэппертейта, а можетъ-быть и удивлялась, какъ могли эти лучезарныя свѣтила глядѣть такъ спокойно на землю, гдѣ жили такія презрѣнныя и ненавистныя существа, какъ мужчины. Сидя такимъ образомъ на окнѣ своемъ, она была вдругъ поражена какимъ-то шорохомъ, происходившимъ въ сосѣдней комнатѣ, принадлежавшей Симу Тэппертейту, — Тэппертейту, который спалъ въ ней и которому, можетъ-быть (такъ думала по-крайней-мѣрѣ его сосѣдка), въ сладостныхъ сновидѣніяхъ представлялся порою милый образъ милой Меггсъ.

Но теперь было ясно, что онъ не спалъ, и слѣдовательно, не мечталъ о ней. Безпрестанно-повторявшійся шорохъ доказывалъ, что мастеръ Тэппертейтъ покинулъ свое ложе. Скоро послышался тихій скрипъ его двери и наконецъ шумъ шаговъ въ сѣняхъ... Миссъ Меггсъ поблѣднѣла при этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, какъ-будто опасаясь, что онъ имѣлъ какое-нибудь дерзкое намѣреніе, и нѣсколько разъ повторяла, задыхаясь отъ сильнаго волненія: «О! какое счастіе, что я заперлась! какая благоразумная предосторожность!» Бѣдная дѣвушка, встревоженная такъ сильно разными страшными мечтами, вѣроятно забыла, что предосторожность, которою она такъ хвалилась, не была употреблена ею, и что дверь ея комнаты оставалась всегда незамкнутою.

Одаренная чрезвычайно-тонкимъ слухомъ, миссъ Меггсъ скоро убѣдилась, что шаги, миновавъ дверь ея, взяли другое направленіе, и что комнатѣ ея не угрожала осада. При этомъ открытіи, она испугалась еще болѣе и была уже готова закричать: «Воры! грабятъ! рѣжутъ!», какъ вдругъ ей пришло на умъ выбраться самой потихоньку за дверь и удостовѣриться своими глазами, дѣйствительно ли опасенія ея были справедливы.

Высунувъ голову въ дверь, она къ чрезвычайному своему удивленію увидѣла мэстера Тэппертейта, который, будучи совершенно одинъ, сходилъ съ величайшею осторожностію съ лѣстницы, держа въ одной рукѣ башмаки, а въ другой лампадку. Сдѣлавъ сама нѣсколько шаговъ впередъ, она увидѣла, какъ онъ отворилъ дверь гостиной, и сунувшись туда головой въ ту жь минуту отскочилъ назадъ.

— Тутъ кроется какая-нибудь тайна! сказала Меггсъ, прыгнувъ опять съ проворствомъ кошки въ свою комнату. — Желаніе узнать что все это значило и удовлетворить тѣмъ своему любопытству было въ ней такъ сильно, что еслибъ она приняла даже опіумъ, то не могла бы заснуть во всю ночь. Минуту спустя, услышала она опять шорохъ, выбралась опять за дверь и увидѣла, какъ Симъ вошелъ въ гостиную, откуда уже не показывался болѣе.

Въ одно мгновеніе она была миссъ Меггсъ опять въ своей комнатѣ и бросилась къ окну, которое въ этотъ разъ отворила. Симъ вышелъ на улицу, замкнулъ за собою дверь, и, сунувъ что-то въ карманъ, отправился далѣе. Увидѣвъ это, миссъ Меггсъ воскликнула: «Небо!» и, схвативъ свѣчу, сошла по лѣстницѣ въ гостиную, а оттуда въ сѣни.

— О! хитрый плутъ! Я готова прозакладывать голову, что онъ поддѣлалъ себѣ фальшивый ключъ!.. сказала Меггсъ. — Прошу покорно, кто бы могъ подумать, чтобъ этотъ мальчикъ былъ способенъ на такія дѣла?

Для отстраненія всякаго недоразумѣнія со стороны читателей на счетъ того, почему миссъ Меггсъ употребила слово «мальчикъ», мы должны однажды навсегда замѣтить, что всѣхъ мужчинъ, которымъ не было еще тридцати лѣтъ, она почитала ни больше, ни меньше, какъ «мальчиками».

Нѣсколько минутъ миссъ Меггсъ не знала, что ей дѣлать, и въ продолженіи всего этого времени не спускала глазъ съ двери; наконецъ вынула изъ ящика листъ бумаги, свернула въ трубочку, наполнила его золою отъ каменнаго угля, стала на колѣни передъ дверью и, вложивъ трубочку въ замочную скважину, дунула въ нее сильно, и послѣ этого маневра съ злобною радостію возвратилась къ себѣ въ комнату.

— Ну, сказала она, потирая себѣ руки: — теперь посмотримъ, не прійдется ли тебѣ, мэстеръ, обратиться и къ моей помощи!.. Ха, ха, ха! Теперь у тебя будутъ глаза не для одной Долли... этой толстощекой утки!

Сдѣлавъ это прекрасное сравненіе, она взглянула съ самодовольной улыбкой въ свое маленькое зеркальцо, какъ-будто хотѣла тѣмъ выразить: «благодаря Бога, про меня этого нельзя сказать!» и въ этомъ случаѣ она была совершенно права. Миссъ Меггсъ не могла

похвалиться полнотою; она была чрезвычайно похожа «на ободранную кошку» — сравненіе, которымъ мэстеръ Тэппертейтъ часто мысленно удостоивалъ ее.

— Я не лягу въ постель во всю ночь! сказала миссъ Меггсъ, накинула на себя платокъ, поставила къ окну два стула, сѣла на одинъ изъ нихъ и положила ноги на другой. Я буду дожидаться твоего возвращенія и не отойду отъ окна ни за что въ свѣтѣ, ни даже за 50 фунтовъ стерлинговъ.

Съ этими словами, въ которыхъ выражались въ одно время злость, хитрость, торжество и твердая рѣшимость, облокотилась миссъ Меггсъ на окно и, подобно хищному звѣрю, стерегущему свою добычу, стала дожидаться возвращенія мэстера Тэппертейта.

Такъ сидѣла она цѣлую ночь; наконецъ, предъ самымъ разсвѣтомъ, послышался на улицѣ шумъ шаговъ и вслѣдъ за тѣмъ мэстеръ Тэппертейтъ остановился у дверей дома. Миссъ Меггсъ видѣла, какъ онъ вытащилъ изъ кармана ключъ, какъ пытался вложить его въ замокъ, какъ, встрѣтивъ препятствіе, сталъ онъ выдувать золу, какъ всовывалъ туда кусочекъ дерева, стараясь очистить замокъ, какъ наконецъ вложивъ ключъ, силился повернуть его, какъ, не успѣвъ въ этомъ, сталъ раскачивать дверь, чтобъ просто отпереть ее, какъ, желая вытащить ключъ, который не вынимался, рванулъ его съ такою силою, что упалъ самъ навзничь, и какъ наконецъ, видя, что все его усилія были напрасны, сѣлъ въ отчаяніи на порогѣ, отирая рукою потъ, градомъ катившійся съ лица его.

Въ эту трагическую минуту миссъ Меггсъ, высунувъ голову въ окно, прикинулась испугавшеюся и слабымъ, дрожащимъ голосомъ спросила: кто тамъ?

— Тст! отвѣчалъ мэстеръ Тэппертейтъ и, подбѣжавъ подъ самое окно, сталъ просить, чтобъ она не шумѣла.

— Не воры ли это? воскликнула миссъ Меггсъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! отвѣчалъ Симъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнула она еще съ большимъ ужасомъ: —не пожаръ ли?.. Гдѣ? Вѣрно близко отсюда... Ахъ, спасите, спасите!

— Меггсъ! миссъ Меггсъ!... воскликнулъ мэстеръ Тэппертейтъ:— не-уже-ли вы не узнаёте меня?... Это я... Симъ Тэппертейтъ...

— О Боже! что съ нимъ? не въ опасности ли онъ?.. закричала миссъ Меггсъ всплеснувъ руками... Не горитъ ли онъ? О, небо!...

— Я здѣсь, здѣсь! возразилъ Симъ.—Только ради Бога не кричите такъ громко... Я здѣсь... взгляните на меня... Можно ли быть такой безтолковой!...

— Какъ, это вы?... сказала наконецъ миссъ Меггсъ, не обративъ

вниманія на его комплиментъ.. — Но какимъ образомъ? Боже мой, что это значитъ?.. Я побѣгу сказать мистриссъ.

—Не надо, не надо! воскликнулъ въ отчаяніи мэстеръ Тапиертейтъ, приподнявшись на цыпочки и стараясь сколько-возможно приблизиться къ окну.—Не надо!... Я уходилъ со двора безъ позволенія, а между тѣмъ съ замкомъ что-то случилось... Сдѣлайте милость, сойдите внизъ, отворите мнѣ окно кухни, чтобъ я могъ попасть въ домъ хоть черезъ него.

— Вы знаете, Симъ, какъ я труслива... Нѣтъ, я никогда не рѣшусь сойдти внизъ одна ночью...

— Сжальтесь надо мною... воскликнулъ Симъ: — милая, дорогая миссъ Меггсъ!

Меггсъ глубоко вздохнула...

— Которую я такъ люблю, о которой всегда думаю, продолжалъ Симъ, дѣлая страстные глаза... Сдѣлайте милость, сойдите внизъ...

— О Симъ! воскликнула Меггсъ:—не говорите мнѣ этого.. Я знаю, что если сойду...

— Что же, мое сокровище?

— Вы захотите цаловать меня... или сдѣлаете что-нибудь еще хуже...

— Клянусь вамъ, ничего не сдѣлаю... Ахъ, Боже мой! смотрите: совсѣмъ ужь свѣтло... Ночной сторожъ приближается. Сойдите, умоляю васъ...

Миссъ Меггсъ, которой чувствительное сердце было тронуто его просьбами, рѣшилась предаться судьбѣ своей; она сошла тихонько съ лѣстницы и сама своими нѣжными, худыми ручками отворила внутреннюю ставню кухоннаго окна, помогла Симу влѣзть и, прошептавъ тихимъ голосомъ: «теперь вы въ безопасности!» упала въ обморокъ къ нему на руки.

— Я зналъ, что она не устоитъ противъ меня, подумалъ Тэппертейтъ, приведенный въ замѣшательство ея обморокомъ. — Миссъ Меггсъ, миссъ Меггсъ! опомнитесь, прійдите въ себя!.. Что за костлявое созданіе! нельзя порядочно ухватиться за нее... Миссъ Меггсъ!.. да опомнитесь же!...

Но какъ миссъ Меггсъ, не смотря на всѣ его старанія, оставалась глуха и неподвижна, то онъ прислонилъ ее на минуту къ стѣнѣ, какъ трость или зонтикъ, затворилъ окно и потомъ, взявъ безчувственную дѣву на руки, поплелся по лѣстницѣ съ своею ношею, что стоило ему не малаго труда; наконецъ добрался благополучно до ея комнаты, положилъ на постель и оставилъ ее тамъ.

—Пусть будетъ онъ холоденъ какъ ледъ, сказала сама себѣ миссъ Меггсъ, пришедшая въ чувство въ ту же минуту, какъ онъ ушелъ:— но я владѣю его тайной, и онъ не ускользнетъ отъ меня!

ГЛАВА X.

Въ одно весеннее утро, когда начинающійся годъ, подобно юношѣ, не имѣетъ еще положительнаго, опредѣлительнаго характера, когда въ-продолженіи нѣсколькихъ часовъ бываетъ то тепло, то холодно, когда на солнцѣ уже лѣто, а въ тѣни еще зима, въ одно такое утро Джонъ Уиллитъ, заснувшій на своемъ желѣзномъ сундукѣ, былъ вдругъ разбуженъ лошадинымъ топотомъ и, выглянувъ въ окно, увидѣлъ какого-то господина, остановившаго коня своего у самыхъ воротъ Майскаго-Дерева.

Остановившійся незнакомецъ былъ серьёзный, важный джентльменъ, лѣтъ сорока-пяти, бодрый и стройный собою. Онъ сидѣлъ молодцомъ на своемъ темногнѣдомъ клеперѣ и отличался прекрасною одеждою, въ которой не было, однакоже, ничего моднаго. На немъ былъ сюртукъ свѣтло-зеленаго сукна съ бархатнымъ воротникомъ и съ карманами, узорочно обшитыми широкимъ шнуркомъ; бѣлье его было тонко и чрезвычайно бѣло; лошадь прекрасно вычищена, и хоть дорога изъ Лондона, по которой онъ пріѣхалъ, была въ то время чрезвычайно-грязна, однакожь онъ нисколько не запачкался и стоялъ предъ воротами старинной гостинницы, какъ человѣкъ только-что выѣхавшій для прогулки.

— Какой странный домъ! сказалъ незнакомецъ (голосъ его былъ силенъ и звученъ). — Здѣсь хозяинъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ Уиллитъ, выбѣжавшій между-тѣмъ на улицу и съ почтеніемъ стоявшій предъ проѣзжимъ.

— Надѣюсь, что у тебя можно найдти порядочное помѣщеніе для моей лошади и что нибудь поѣсть. Я не прихотливъ: было бы чисто. Да есть ли у тебя комната собственно для меня?.. Судя по величинѣ этого дома, въ немъ, кажется, не можетъ быть недостатка въ помѣщеніи, прибавилъ незнакомецъ, поглядывая на фасадъ трактира.

—Все это можете вы получить здѣсь, сэръ, рѣшительно все, отвѣчалъ Джонъ.

— Тѣмъ лучше, очень радъ, сказалъ незнакомецъ съ улыбкой и проворно спрыгнулъ съ лошади.

— Эй, Гогъ, сюда! заревѣлъ Джонъ. — Извините, сэръ, что заставляю васъ дожидаться; но сынъ мой отправился по дѣламъ въ Лондонъ, а безъ него я всегда въ большомъ затрудненіи... Гогъ!... Этотъ Гогъ, мой работникъ, страшный лѣнтяй, соня; онъ, я полагаю, полу-Цыганъ; лѣтомъ только и знаетъ, что валяется на солнцѣ, а зимой на печкѣ... Гогъ! Господи Боже мой! онъ, кажется, оглохъ... заставляетъ дожидаться здѣсь такого джентльмена... Гогъ! Гогъ!.. проклятый! я желалъ бы, чтобъ онъ околѣлъ...

— Не случилось ли этого съ нимъ въ-самомъ-дѣлѣ? замѣтилъ незнакомецъ.—Я полагаю, что еслибъ онъ еще здравствовалъ, вѣрно бы услыхалъ васъ давно.

— Если онъ разъ заснетъ, то спитъ такъ крѣпко, что не проснется, еслибъ ему стали даже стрѣлять изъ пушекъ въ уши, отвѣчалъ смущенный трактирщикъ.

Незнакомецъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія на эту новую методу будить людей, но стоялъ преспокойно, сложивъ за спиною руки, и смотрѣлъ на Джона, который, держа за поводъ лошадь, не зналъ бросить ее или ввести въ сѣни, чтобъ имѣть возможность проводить гостя въ его комнату.

— Вотъ онъ наконецъ, проклятый! воскликнулъ Джонъ. — Развѣ ты не слыхалъ какъ я тебя кликалъ, лѣнтяй?

Тотъ, къ которому были обращены слова эти, не давъ никакого отвѣта, прыгнулъ на сѣдло, поворотилъ лошадь къ конюшнѣ и исчезъ въ одну минуту.

— Онъ довольно проворенъ! замѣтилъ незнакомецъ.

— Да, проворенъ, сэръ! отвѣчалъ Джонъ, глядя на то мѣсто, гдѣ стояла лошадь и какъ-будто не понимая, что̀ съ нею сдѣлалось и куда она дѣвалась. — Проворенъ, когда ему вздумается.

Сказавъ это, Джонъ Уиллитъ повелъ своего гостя вверхъ по лѣстницѣ въ лучшую, великолѣпнѣйшую комнату Майскаго-Дерева.

Комната эта, занимавшая всю середину дома, была очень обширна и имѣла на каждомъ концѣ своемъ по огромному окну, въ которомъ торчало еще нѣсколько расписанныхъ гербами стеколъ, доказывавшихъ, что бывшій владѣтель этого дома приказалъ нарисовать ихъ тамъ вѣроятно по чувству тщеславія и для того, чтобъ солнце, ударя на эти гербы, напоминало ему всю древность и славу его фамиліи.

Но все это было во времена о̀ны; теперь же, это самое солнце могло свободно проникать въ разбитыя стекла и освѣщать голыя стѣны залы во всей ихъ наготѣ. Хоть зала эта считалась лучшею въ цѣломъ домѣ, однакожь она имѣла въ себѣ что-то печальное, грустное, напоминавшее о ея прежнемъ величіи. Будучи слишкомъ велика и слишкомъ пуста, она не представляла ничего къ спокойствію и комфорту того, кто поселился бы въ ней. Богатыя, великолѣпныя занавѣски, блескъ свѣчей, красивыя женщины, стройные молодые кавалеры, шумъ, движеніе, веселые разговоры, музыка, танцы, шопотъ любви, — все это было когда-то здѣсь; но все это миновалось, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и домъ, служившій жилищемъ благородному семейству, стоялъ теперь брошенный и лишенный своего прежняго блеска... Грустное чувство пробуждается въ душѣ при видѣ древняго, благороднаго зданія, превращеннаго въ грязный трактиръ!

Теперь все убранство этой залы состояло во множествѣ простыхъ

столовъ и скамеекъ, расставленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ предъ огромнымъ каминомъ. Джонъ, положивъ дорожный чемоданъ своего гостя въ уголъ и разложивъ огонь въ каминѣ, удалился, чтобъ потолковатать съ поваромъ, какъ бы угостить получше своего постояльца; но какъ огонь въ каминѣ не хотѣлъ разгорѣться, то незнакомецъ отворилъ окно и, сѣвъ къ нему, сталъ грѣться на тепломъ мартовскомъ солнцѣ.

Время-отъ-времени покидалъ онъ окно и расхаживалъ по залѣ во всю длину ея; наконецъ, когда огонь разгорѣлся, незнакомецъ отворилъ окно, придвинулъ къ камину единственное кресло, бывшее въ залѣ, сѣлъ въ него и кликнулъ Джона.

— Что прикажете, сэръ? спросилъ Джонъ.

— Мнѣ нужно перо, чернилъ и бумаги.

Джонъ подалъ все требуемое и хотѣлъ удалиться, но незнакомецъ сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ подождалъ и, написавъ нѣсколько строкъ, сказалъ ему:

— Недалеко отсюда есть домикъ, который вы называете, кажется, Кроличьей-Засѣкой.

Такъ-какъ слова эти были сказаны тономъ человѣка, увѣреннаго въ томъ, что̀ онъ говоритъ, то Джонъ Уиллитъ удовольствовался утвердительнымъ знакомъ, сдѣланнымъ головою.

— Мнѣ нужно, продолжалъ незнакомецъ, складывая бумагу: — чтобъ кто-нибудь взялся отнести туда эту записку и доставить мнѣ отвѣтъ... Есть ли у тебя для этого кто-нибудь?

Джонъ подумалъ съ минуту и отвѣчалъ:—Есть!

— Я хотѣлъ бы его видѣть, сказалъ незнакомецъ.

Дѣло становилось щекотливымъ; такъ-какъ Джоя не было дома, а Гогъ былъ занятъ въ конюшнѣ лошадью пріѣзжаго, то Джонъ намѣревался поручить записку Бэрнеби, который былъ всегда готовъ бѣжать куда бы его ни послали.

— Признаться откровенно, сэръ, отвѣчалъ Джонъ послѣ минутнаго молчанія: — человѣкъ, который могъ бы исполнить это скорѣе, чѣмъ кто-нибудь, дикарь... и хотя онъ очень проворенъ на ноги, но съ нимъ не легко сговорить, потому-что онъ немножко тупъ, т. е. слабоуменъ...

— Надѣюсь, ты говоришь не о... какъ бишь зовутъ его?.. не о Бэрнеби?.. спросилъ незнакомецъ.

— Именно о немъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ, котораго лицо въ эту минуту выразило величайшее изумленіе.

— Какимъ образомъ онъ здѣсь? спросилъ незнакомецъ спокойнымъ тономъ и съ усмѣшкою.—Я видѣлъ его нынѣче ночью въ Лондонѣ?

— Онъ бываетъ то здѣсь, то тамъ... отвѣчалъ Джонъ: — бѣгаетъ

туда и сюда какъ заяцъ... По дорогѣ знаютъ его всѣ, даже дѣти... Иногда пріѣзжаетъ онъ, усѣвшись на запяткахъ кареты, иногда съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ на одной лошади... Ни дождь, ни снѣгъ, ни вѣтеръ не удерживаютъ его; все это ему ни по чемъ.

— И онъ часто бываетъ въ этой Кроличьей-Засѣкѣ? спросилъ равнодушно незнакомецъ.—Помнится, вчера мать его сказывала что-то подобное... Впрочемъ, я слушалъ безъ вниманія эту добрую женщину.

— Да, сэръ, онъ часто бываетъ тамъ; отецъ его былъ умерщвленъ въ этомъ домикѣ.

— Я слышалъ это, возразилъ незнакомецъ, вынувъ изъ кармана зубочистку.—Весьма непріятный случай для всего семейства!

— Весьма-непріятный!.. отвѣчалъ Джонъ, выпучивъ глаза отъ изумленія, что такое несчастіе можно было называть «непріятнымъ случаемъ».

— Признаюсь, продолжалъ незнакомецъ прежнимъ, равнодушнымъ тономъ и какъ-будто говоря съ самимъ-собою: — послѣдствія подобнаго убійства должны быть чрезвычайно-непріятны для семейства... Сколько хлопотъ, сколько толковъ, какая бѣготня, какая суматоха... Все это должно быть несносно... Ты хотѣлъ еще что-то сказать, прибавилъ наконецъ незнакомецъ, обращаясь къ трактирщику.

— Ничего больше, какъ только то, что мистриссъ Роджъ живетъ небольшимъ пансіономъ, получаемымъ ею отъ родственниковъ, и что Бэрнеби наслаждается въ домѣ полною свободой, отвѣчалъ Джонъ. —Угодно ли вамъ, сэръ, чтобъ онъ исполнилъ ваше порученіе?

— Разумѣется; сдѣлай одолженіе, приведи его сюда для того, чтобъ я могъ попросить его поторопиться. Еслибъ онъ сталъ отказываться, скажи ему только, что я мэстеръ Честеръ — я знаю, что онъ вспомнитъ мое имя.

Джонъ былъ такъ удивленъ, узнавъ, кто былъ его гостемъ, что удивленіе это не имѣло даже силы выразиться ни на лицѣ его, ни въ словахъ; онъ только молча поспѣшилъ выйдти изъ залы, такъ-что незнакомецъ не могъ замѣтить въ немъ никакой перемѣны. Говорятъ, однакоже, что Джонъ, вышедъ изъ залы, минутъ десять стоялъ молча покачивая головою; какъ бы то ни было, но вѣрно одно—что онъ возвратился въ комнату незнакомца вмѣстѣ съ Бэрнеби не ранѣе, какъ чрезъ четверть часа.

— Поди сюда, другъ мой! сказалъ мэстеръ Честеръ.—Ты знаешь мэстера Джоффруа Гэрдаля?

Бэрнеби засмѣялся и взглянулъ на трактирщика, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Слышишь, что онъ говоритъ?» Но Джонъ, приведем-

ный въ смущеніе такою невѣжливостью, понюхалъ табаку и покачалъ головою.

— Онъ знаетъ его, сэръ; такъ же хорошо знаетъ, какъ вы и я, сказалъ Джонъ, бросивъ, между-тѣмъ, на Бэрнеби сердитый взглядъ.

— Я не имѣю удовольствія пользоваться такимъ короткимъ знакомствомъ съ этимъ господиномъ, какъ ты полагаешь, возразилъ незнакомецъ: — и потому сравненіе твое, другъ мой, совершенно напрасно.

Хотя слова эти были сказаны тѣмъ же ласковымъ и спокойнымъ тономъ, какимъ отличался пріѣзжій, однакожь они совершенно сразили бѣднаго Джона, который, приписывая все глупости и невѣжливости Бэрнеби, далъ себѣ слово при первомъ удобномъ случаѣ выместить свою досаду на его воронѣ и попотчивать его препорядочнымъ толчкомъ.

— Вотъ эту записку, сказалъ пріѣзжій, подозвавъ къ себѣ Бэрнеби:—долженъ ты вручить мэстеру Гэрдалю въ собственныя его руки. Подожди отвѣта и принеси мнѣ его сюда. Если же онъ теперь занятъ чѣмъ-нибудь, скажи ему... упомнитъ ли онъ то, что̀ ему скажутъ, г. трактирщикъ?

— Если захочетъ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ:—впрочемъ, вашего порученія онъ вѣрно не забудетъ.

— Почему жь ты такъ увѣренъ въ этомъ?

Джонъ показалъ только рукою на Бэрнеби, который, устремивъ глаза на спрашивавшаго, слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ.

— И такъ, скажи ему, Бэрнеби, что если онъ теперь чѣмъ-нибудь занятъ, то можетъ прійдти послѣ самъ сюда, и что я буду готовъ принять его во всякое время... Найдется ли для меня здѣсь какая-нибудь постель, Уиллитъ?

Джонъ хотѣлъ уже распространиться о чудесной постели, которую онъ приготовитъ своему гостю, но тотъ не далъ ему времени, и отдавая письмо Бэрнеби, сказалъ:

— Ну, скорѣе же.

— Скорѣе! повторилъ Бэрнеби и спряталъ письмо за пазуху.—Скорѣе! Это значитъ скорѣе и таинственнѣе... Посмотрите сюда...

Онъ взялъ, къ величайшему страху Джона, пріѣзжаго за руку и подвелъ къ окну.

— Посмотрите-ка сюда, сказалъ Бэрнеби тихо:—замѣчаете ли вы, какъ они шепчутъ другъ-другу на ухо; какъ они пляшутъ и прыгаютъ... Видите, какъ они примолкли вдругъ, полагая, что на нихъ никто не смотритъ... Но вотъ они опять зашевелились. О, я знаю ихъ! я часто подсматривалъ за ними, лежа въ травѣ... Что такое они тамъ дѣлаютъ?.. не знаете ли вы?..

— Да это бѣлье, которое виситъ тамъ для сушки, отвѣчалъ пріѣзжій:—оно качается отъ вѣтра...

— Бѣлье! повторилъ Бэрнеби, взглянувъ ему прямо въ лицо и вдругъ отскочивъ назадъ: — Ха, ха, ха! Право, лучше быть дуракомъ, чѣмъ такимъ мудрецомъ, какъ вы... Вы не видите тамъ цѣлой толпы тѣней, похожихъ на тѣ, что являются во снѣ... Вы не слышите голосовъ ихъ... О, какъ вы жалки!.. Я гораздо-счастливѣе васъ, я вижу и слышу все и не помѣняюсь своею глупостью на вашъ умъ... Вы живете во мракѣ—я въ блескѣ свѣта!.. Какъ вы жалки!

Сказавъ это, онъ надѣлъ шляпу и выбѣжалъ вонъ.

— Странное существо, клянусь честью! сказалъ пріѣзжій и, вынувъ изъ кармана красивую табакерку, понюхалъ изъ нея табаку.

— Въ немъ нѣтъ никакого воображенія, замѣтилъ съ важностью Джонъ:—рѣшительно никакого.

Мэстеръ Честеръ внутренно усмѣхнулся, но не обнаружилъ этого, и придвинувъ опять кресло къ камину, сдѣлалъ Джону знакъ, что хочетъ остаться одинъ.

Старый Джонъ отправился въ кухню и, поджидая изготовленія завтрака, погрузился въ глубокую думу. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ мэстеръ Честеръ, который, какъ всѣмъ въ околодкѣ извѣстно, былъ въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ мэстеромъ Гэрдалемъ, могъ пріѣхать въ Майское-Дерево за тѣмъ только, чтобъ повидаться съ нимъ и послать къ нему нарочнаго. Въ такомъ недоумѣніи, Джону оставалось только посматривать почаще на часы и съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія Бэрнеби.

Но Бэрнеби не возвращался. Гостю былъ уже подань завтракъ, потомъ обѣдъ; въ каминѣ нѣсколько разъ подкладывались новые уголья; на дворѣ начинало уже смеркаться, наконецъ совершенно стемнѣло, а Бэрнеби все еще не возвращался. Это чрезвычайно удивляло и безпокоило Джона, а гость его преспокойно сидѣлъ въ своихъ креслахъ и не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ нетерпѣнія.

— Какъ долго не возвращается Бэрнеби! рѣшился сказать Джонъ, поставивъ на столъ два подсвѣчника съ зажженными свѣчами.

— Да, отвѣчалъ мэстеръ Честеръ, осушивъ стаканъ вина: — но теперь онъ вѣрно скоро будетъ назадъ.

Джонъ кашлянулъ и поправилъ въ каминѣ огонь.

— Судя по тому, что̀ случилось съ моимъ сыномъ, доро̀ги здѣсь не совсѣмъ безопасны, сказалъ мэстеръ Честеръ:—а такъ, какъ мнѣ вовсе нѣтъ охоты наткнуться на какого-нибудь мошенника, то я рѣшился переночевать здѣсь... Ты, кажется, сказалъ мнѣ, что у тебя есть постель?

— Да еще какая постель, сэръ!.. воскликнулъ Джонъ: — мягкая,

широкая... Вашъ благородный сынъ былъ послѣднимъ гостемъ, спавшимъ на ней, мѣсяцевъ шесть тому назадъ...

— Прекрасно; прикажи только хорошенько выколотить перину и прибавить поскорѣе угольевъ въ каминъ... Домъ этотъ холодноватъ немного.

Джонъ хотѣлъ идти; но вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги и Бэрнеби, запыхавшись, вбѣжалъ въ комнату.

— Черезъ часъ явится онъ сюда, воскликнулъ Бэрнеби:—его цѣлый день не было дома; онъ только сію минуту пріѣхалъ ; однакожь, не смотря на свою усталость, онъ поѣвши и попивши прійдетъ къ своему любезному другу.

— Онъ сказалъ тебѣ это? спросилъ пріѣзжій, взглянувъ быстро на Бэрнеби, но не измѣнивъ нисколько своему хладнокровію.

— Все, кромѣ послѣднихъ словъ, возразилъ Бэрнеби.—Но онъ подумалъ это ; я замѣтилъ по его лицу.

— Вотъ тебѣ за труды, сказалъ мэстеръ Честеръ, и сунулъ ему въ руку деньги, взглянувъ прямо въ глаза.

— Мнѣ, Грейфу и Гогу... мы раздѣлимъ это по-равну, сказалъ Бэрнеби, начиная разсчитывать по пальцамъ: «Грейфъ одинъ, я другой, Гогъ третій, потомъ еще собака, кошка, коза... всѣмъ будетъ довольно... всѣмъ... Постойте, умные люди! видите ли вы тамъ что-нибудь?

Онъ опустился на одно колѣно передъ каминомъ и съ неподвижными взорами сталъ смотрѣть на дымъ, который густою, чорною полосою улеталъ въ трубу. Джонъ, принявшій на свой счетъ эпитетъ «умные люди», сталъ также смотрѣть на дымъ.

— Куда это они такъ спѣшатъ? спросилъ Бэрнеби: — зачѣмъ перегоняютъ другъ друга?.. Экіе проворные! Какая веселая пляска!.. Какъ бы хотѣлъ я попрыгать также вмѣстѣ съ Грейфомъ!

— Что у тебя тамъ въ корзинѣ? спросилъ мэстеръ Честеръ, между-тѣмъ, какъ Бэрнеби все еще смотрѣлъ въ трубу.

— Что въ корзинѣ? воскликнулъ Бэрнеби, вскочивъ быстро, и прежде, чѣмъ Джонъ успѣлъ отвѣчать.—Что тамъ, хотите вы знать, прибавилъ онъ, тряся корзиною:—что тамъ? Скажи ему!

— Дьяволъ, дьяволъ, дьяволъ! закричалъ какой-то рѣзкій голосъ.

— Вотъ деньги, Грейфъ, деньги тебѣ и мнѣ, сказалъ съ радостью Бэрнеби.

— Ура! ура! ура! закричалъ воронъ.

Джонъ, боясь, чтобъ Бэрнеби и его чорный товарищъ не надоѣли наконецъ гостю, взялъ безумца за руку и насильно утащилъ изъ залы.

—

ГЛАВА XI.

Въ этотъ вечеръ Джону было много хлопотъ: каждому постоянному посѣтителю Майскаго-Дерева долженъ онъ былъ толковать, что зала, въ которой обыкновенно всѣ собирались, была занята мэстеромъ Честеромъ, ожидающимъ прибытія мэстера Джоффруа Гэрдаля, къ которому онъ посылалъ съ Бэрнеби записку, вѣроятно, самаго грознаго содержанія.

Новость эта чрезвычайно заинтересовала всѣхъ скромныхъ курильщиковъ, которые, привыкнувъ къ однообразной жизни своей, были очень рады какому-нибудь случаю, дававшему пищу ихъ разговорамъ. Всѣ они видѣли въ томъ, чтó разсказалъ имъ Джонъ, какую-то тайну, и пустились толковать объ этомъ каждый по-своему, не забывая притомъ ни трубокъ своихъ, ни пива, которое пили очень усердно.

Во всей этой толпѣ только двое не курили, не пили и не разговаривали. Эти двое были—Бэрнеби и Гогъ; первый пріютился къ углу камина и спалъ, или притворялся спящимъ, чтобъ избѣжать вопросовъ, а второй дѣйствительно храпѣлъ во всю мочь, растянувшись передъ очагомъ, на которомъ пылалъ торфъ.

Свѣтъ, падавшій на него отъ огня, выказывалъ во всей красотѣ стройность его формъ. Гогъ былъ прекрасный, здоровый малый; всѣ мускулы его обнаруживали необыкновенную силу, а смуглое лицо и чорные длинные волосы могли бы служить моделью любому живописцу. Небрежность его одежды, нечосаная голова, въ которой торчали солома и сѣно, выразительныя, рѣзкія черты лица,—все это обратило на себя вниманіе даже вседневныхъ посѣтителей Майскаго-Дерева, знавшихъ его хорошо, и многіе изъ нихъ, даже самъ Паркесъ, посматривая на Гога, спавшаго крѣпкимъ сномъ, говорили, что онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь былъ похожъ на разбойника.

—Онъ, вѣрно, дожидаетъ здѣсь мэстера Гэрдаля, или, лучше сказать, его лошади, чтобъ поставить ее въ конюшню, замѣтилъ Соломонъ.

— Да, отвѣчалъ Джонъ, закуривъ свою трубку: — онъ всегда возится съ скотами, и потому самъ похожъ на скота.

— Прекрасно сказано! воскликнулъ Паркесъ.

— Вотъ-что значитъ не получить никакого воспитанія, продолжалъ Джонъ съ важностью. — Онъ остался ребенкомъ послѣ матери своей, которую повѣсили за дѣланье фальшивыхъ денегъ,—и чтó жь изъ него вышло?..

— Довольно объ этомъ, Джонъ, сказалъ Соломонъ, начинавшій досадовать, что такой олухъ могъ отвлечь разговоръ ихъ отъ прежняго предмета.—Вы говорили, что мэстеръ Честеръ, пріѣхавъ сюда утромъ, занялъ большую залу?

— Да, онъ объявилъ, что ему нужна особая комната.

— Ну, такъ я вамъ скажу, господа̀, продолжалъ Соломонъ: — что̀ все это значитъ; онъ и мэстеръ Гэрдаль будутъ тамъ стрѣляться.

При этомъ ужасномъ предположеніи, всѣ взглянули на Джона, а Джонъ, устремивъ глаза на очагъ, думалъ самъ въ себѣ, какое вліяніе будетъ имѣть это на его трактиръ.

— Не знаю, сказалъ онъ наконецъ; — могу только объявить вамъ, джентльмены, что когда я вошолъ въ послѣдній разъ въ залу, то видѣлъ, что мэстеръ Честеръ поставилъ оба подсвѣчника на каминъ.

— Это такъ ясно, возразилъ Соломонъ; — какъ то, что у мэстера Паркеса носъ посреди лица... (Мэстеръ Паркесъ, у котораго носъ былъ чрезвычайно великъ, схватился за него невольно, какъ-будто сказанное Соломономъ было личною для него обидой).

— Я говорю вамъ, продолжалъ Соломонъ: — что они будутъ стрѣляться; между джентльменами это часто случается: они пріѣзжаютъ въ трактиры, чтобъ выходить на дуэль безъ секундантовъ... Я читалъ объ этомъ не разъ въ газетахъ... Повѣрьте, одинъ изъ нихъ будетъ раненъ, а можетъ-быть даже и убитъ.

— Такъ не-уже-ли Бэрнеби носилъ къ мэстеру Гэрдалю вызовъ? спросилъ Джонъ.

—Я въ этомъ увѣренъ, продолжалъ Соломонъ:—они будутъ драться, и если мэстеръ Гэрдаль падетъ, то на полу залы останется такое кровавое пятно, которое никогда не сойдетъ; если же мэстеръ Честеръ будетъ раненъ, то пятно будетъ, вѣроятно, еще больше.

— Не-уже-ли? воскликнули всѣ съ ужасомъ.

— Да; я говорю вамъ, что пятно это никогда не сойдетъ; вы знаете всѣ, что такой случай былъ уже въ одномъ домикѣ, который всѣмъ намъ извѣстенъ...

— Въ Кроличьей-Засѣкѣ, воскликнулъ Джонъ. — Да, такъ-точно!

— То-то же... Пятно это смывали, строгали доску, а кровь все оставалась; сдѣлали новый полъ — все напрасно: пятно явилось опять на томъ же мѣстѣ, и знаете ли что̀, — подвиньтесь-ка поближе, — я слышалъ и знаю навѣрное, что мэстеръ Джоффруа сдѣлалъ изъ этой комнаты свой кабинетъ, и когда сидитъ въ немъ, то закрываетъ всегда ногою кровавое пятно, будучи увѣренъ, что оно тогда только пропадетъ, когда убійца будетъ отъисканъ.

При этихъ послѣднихъ словахъ, на улицѣ послышался лошадиный топотъ.

— Вотъ онъ! пріѣхалъ! воскликнулъ Джонъ.—Гогъ! Гогъ!

Гогъ вскочилъ и выбѣжалъ вонъ. Джонъ бросился также на встрѣчу мэстеру Джоффруа и съ величайшими знаками почтенія ввелъ его въ комнату. Мэстеръ Гэрдаль, котораго Джонъ былъ арендаторомъ, взглянулъ на толпу и, приподнявъ немного шляпу, сказалъ:

— У тебя, Джонъ, есть здѣсь пріѣзжій, который присылалъ за мной: гдѣ онъ?

— Въ большой залѣ въ первомъ этажѣ, сэръ, отвѣчалъ Джонъ, низко кланяясь.

— Покажи мнѣ дорогу. Лѣстница твоя такъ темна...

Джонъ пошелъ впередъ со свѣчкой; когда они взошли на лѣстницу и когда трактирщикъ хотѣлъ отворить дверь въ залу, мэстеръ Джоффруа остановилъ его:

— Не нужно докладывать, я самъ это сдѣлаю, сказалъ онъ:—можешь идти.

Съ этимъ словомъ вошелъ онъ въ залу и поспѣшно затворилъ за собою дверь. Джонъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія оставаться тамъ одинъ и подслушивать, тѣмъ болѣе, что стѣны были очень толсты. Онъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступеней, и присоединился къ своимъ пріятелямъ, ожидавшимъ его въ кухнѣ.

ГЛАВА XII.

Мэстеръ Гэрдаль, захлопнувъ за собою дверь и замкнувъ ключомъ, пошолъ прямо къ камину и остановился предъ сидѣвшимъ въ креслахъ мэстеромъ Честеромъ.

Если внутреннія чувства этихъ людей были такъ же несходны между собою, какъ несходна была ихъ наружность, то свиданіе это, казалось, не могло кончиться мирно и спокойно. Лѣтами они были почти-одинаковы, но за то во всѣхъ отношеніяхъ не имѣли рѣшительно ничего общаго, и врядъ ли бы можно было встрѣтить другихъ двухъ человѣкъ, которые бы такъ мало походили другъ на друга. Одинъ отличался свѣтскою вѣжливостью и изъисканностію въ манерахъ и одеждѣ, — другой грубою простотою и небрежностью въ обращеніи; одинъ вѣчно улыбался, другой былъ мраченъ и угрюмъ. Гэрдаль, казалось, твердо рѣшился не скрывать чувствъ своихъ и высказать всю непріязнь свою человѣку, къ которому пришолъ; Честеръ, напротивъ, казалось, хотѣлъ дѣйствовать совсѣмъ иначе, и угадывая всю выгоду, которая могла произойдти отъ-того собственно для него, втайнѣ радовался этому.

—Мэстеръ Гэрдаль, сказалъ онъ, не обнаруживъ ни малѣйшей непріязни и не измѣнивъ нисколько своего спокойно-улыбающагося лица:—мнѣ чрезвычайно-пріятно васъ видѣть.

— Оставимъ пустыя учтивости; онѣ между нами совершенно неумѣстны, возразилъ Гэрдаль: — выскажемъ другъ другу прямо и безъ всякихъ обиняковъ то, что̀ намъ надобно высказать. Вы желали видѣться со мною: я здѣсь... Зачѣмъ, для чего мы свидѣлись?

— Все тотъ же крутой и неуклончивый нравъ, какъ и прежде!

— Хорошъ ли, дуренъ ли я, сэръ, отвѣчалъ Гэрдаль, прислонясь спиною къ камину и бросивъ на сидѣвшаго въ креслахъ гордый взглядъ: — но я таковъ, какимъ быть хочу; я не перемѣнился нисколько ни въ своей любви, ни въ своемъ отвращеніи; память моя осталась при мнѣ. Вы требовали свиданія, повторяю вамъ, я здѣсь.

— Наше свиданіе, сэръ, сказалъ мэстеръ Честеръ, ударивъ пальцами по табакеркѣ и замѣтивъ съ усмѣшкой, что мэстеръ Гэрдаль, можетъ-быть безсознательно, схватился за шпагу: — наше свиданіе, вѣроятно, будетъ имѣть самыя мирныя послѣдствія.

— Я пришелъ сюда, отвѣчалъ Гэрдаль: — по вашему требованію, считая себя обязаннымъ увидѣться съ вами всегда и вездѣ, гдѣ вамъ это будетъ угодно; но пришолъ не за тѣмъ, чтобъ разсыпаться въ пустыхъ фразахъ; въ этомъ отношеніи вы, какъ человѣкъ свѣтскій, будете имѣть передо мною всегда большое преимущество. Увѣряю васъ, что мэстеръ Честеръ въ цѣломъ мірѣ былъ бы послѣднимъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ я рѣшился бы затѣять борьбу на комплиментахъ и притворствѣ. Признаю себя гораздо-слабѣе его въ искусствѣ владѣть такимъ оружіемъ и думаю, что въ этомъ отношеніи онъ не найдетъ достойныхъ себѣ соперниковъ.

— Вы дѣлаете мнѣ слишкомъ-много чести, сэръ, возразилъ Честеръ съ величайшимъ спокойствіемъ; — благодарю васъ и буду съ вами чистосердеченъ.

— Извините, я не понялъ васъ: чѣмъ хотите вы быть?

— Чистосердечнымъ, откровеннымъ...

— Право? воскликнулъ мэстеръ Гэрдаль съ язвительной усмѣшкой. — Впрочемъ, я не хочу прерывать васъ...

— Я такъ твердо рѣшился на это, продолжалъ мэстеръ Честеръ, взявъ стаканъ и выпивъ немного вина: — что вмѣнилъ себѣ въ обязанность не спорить съ вами и не оскорбляться ни чѣмъ, что̀ бы вы могли сказать въ жару разговора.

— Въ этомъ случаѣ, вы опять будете имѣть большое предо мною преимущество; ваше умѣнье владѣть собою...

— Непоколебимо, когда оно можетъ послужить мнѣ къ достиженію моей цѣли, хотѣли вы сказать... Соглашаюсь, пусть будетъ по вашему; теперь я именно въ такомъ положеніи, и думаю, что цѣль наша одинакова; будемъ же стремиться къ ней, какъ люди разсудительные, которые давно уже перестали быть ребятами... Пьете ли вы вино?

— Съ друзьями... отвѣчалъ Гэрдаль.

— Сядьте по-крайней-мѣрѣ, сказалъ Честеръ.

— Я хочу стоять, возразилъ Гэрдаль съ нетерпѣніемъ: — продолжайте...

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ мэстеръ Честеръ, перекинувъ одну ногу на другую и взявъ стаканъ съ виномъ, которое онъ разсѣянно началъ разсматривать: — но позвольте вамъ замѣтить, что вы не совсѣмъ-правильно смотрите на вещи; конечно, мы съ вами не то, что̀ свѣтъ называетъ друзьями, однакожь въ этомъ самомъ свѣтѣ изъ десяти человѣкъ, которые величаютъ себя этими именами, девять вѣрно похожи на насъ. У васъ есть племянница, у меня сынъ— славный, но странный малый. Эти молодые люди вздумали влюбиться другъ въ друга, и свѣтъ толкуетъ, что между ними существуетъ то, что̀ онъ называетъ связью... хоть этого еще и вовсе нѣтъ... Но это можетъ случиться, и не-уже-ли потому-что этотъ самый свѣтъ называетъ насъ врагами, должны мы оставаться въ отдаленіи и смотрѣть спокойно, какъ они бросятся другъ другу въ объятія, тогда-какъ, сблизясь и дѣйствуя согласно, мы можемъ поправить зло и разлучить ихъ.

— Я люблю племянницу, сказалъ Гэрдаль послѣ минутнаго молчанія: — это должно казаться вамъ несовсѣмъ-понятнымъ, однакожь я люблю ее.

— Непонятнымъ? воскликнулъ Честеръ, наливая стаканъ и вынувъ изъ кармана зубочистку. — Нисколько; я также расположенъ не дурно къ моему Нэду, или, какъ вы говорите—люблю его... Онъ славный малый и къ тому же красавецъ—право! Но дѣло въ томъ, — я уже сказалъ, что буду съ вами чистосердеченъ,—дѣло въ томъ, что, отложивъ въ сторону взаимное наше нежеланіе породниться и различіе нашихъ вѣроисповѣданій,—а это не бездѣлица,—я не могу согласиться на этотъ бракъ... Не могу, понимаете ли вы? и онъ не состоится.

— Нельзя ли вамъ оставить подобныя выраженія и укротить свой языкъ! воскликнулъ съ запальчивостью мэстеръ Гэрдаль. — Я уже сказалъ вамъ, что люблю племянницу, и не-уже-ли вы думаете, позволю ей отдать свое сердце человѣку, въ жилахъ котораго течетъ ваша кровь?

— Вотъ видите! возразилъ мэстеръ Честеръ, не обнаруживъ ни малѣйшаго гнѣва на подобную выходку:—какъ выгодно и какъ хорошо говорить съ такою откровенностію. Клянусь честью, я думалъ именно то, что̀ вы сказали... Я очень люблю своего Нэда, я безъ ума отъ него, и скажу прямо, что глупая страсть его могла бъ уже помѣшать намъ сойдтись дружелюбно, еслибъ это намъ когда-нибудь вздумалось. Не хотите ли выпить стаканъ вина?

— Выслушайте меня, воскликнулъ Гэрдаль, подступивъ ближе и ударивъ по столу рукою.—Если кто-нибудь могъ подумать, или ска-

зать, что мнѣ когда-нибудь приходила въ голову мысль позволить Эммѣ Гэрдаль отвѣчать любви человѣка, который хоть нѣсколько сърodни вамъ, тотъ солгалъ самымъ безстыднымъ образомъ!

— Гэрдаль! возразилъ Честеръ, поправляя огонь въ каминѣ:—право, вы дѣйствуете чрезвычайно-благородно, высказывая мнѣ такъ откровенно свои мысли. Увѣряю васъ, я думаю точно также, но къ сожалѣнію не умѣю выражать этого съ такою силою, какъ вы. Вѣдь вамъ извѣстна моя застѣнчивость, и вы вѣроятно извиняете меня...

— Я желалъ бы лишить Эмму возможности не только видѣть вашего сына, но даже думать о немъ, хотя бъ это стоило ей жизни... сказалъ мэстеръ Гэрдаль, который, между-тѣмъ, сталъ ходить по комнатѣ: — но я желалъ бы, чтобъ это сдѣлалось само-собою, безъ насильственныхъ мѣръ.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я радуюсь, видя, что вы раздѣляете мое мнѣніе, продолжалъ мэстеръ Честеръ съ величайшею ласковостью. — Вы видите, какъ мы хорошо сдѣлали, что объяснились лично; теперь мы понимаемъ другъ друга и знаемъ чего должны держаться. Зачѣмъ не пьете вы вина вашего арендатора? — Оно недурно.

—Прошу васъ, возразилъ Гэрдаль:—скажите, кто помогалъ Эммѣ и сыну вашему въ ихъ сношеніяхъ?.. знаете ли вы это?

— Всѣ добрые люди здѣшняго околодка — отвѣчалъ Честеръ съ своею вѣчною улыбкой... а болѣе всѣхъ тотъ посланецъ, который доставилъ вамъ мою записку.

— Бэрнеби! этотъ сумасшедшій?..

— Васъ удивляетъ это? и меня также... Я вывѣдалъ это у его матери — очень почтенной женщины, отъ которой узналъ, какъ было дѣло. Немедленно рѣшился я пріѣхать сюда, чтобъ повидаться съ вами... Вы пополнѣли, сэръ, и, кажется, вполнѣ наслаждаетесь здоровьемъ.

— Кажется, мы кончили все? сказалъ Гэрдаль съ нетерпѣніемъ, котораго не старался даже скрыть: — положитесь на меня, мэстеръ Честеръ; племянница моя отнынѣ совершенно перемѣнится... Я обращусь къ ея сердцу, постараюсь пробудить въ ней гордость и припомнить ей ея обязанности.

—То же самое сдѣлаю я съ моимъ Нэдомъ, возразилъ мэстеръ Честеръ, поправивъ noскомъ своего сапога уголья въ каминѣ.—Если въ мірѣ есть что-нибудь положительнаго, такъ это конечно отношенія отца къ сыну; я представлю ему, что низкая страсть эта не приведетъ его ни къ какому результату; что я всегда разсчитывалъ для него на богатую партію, которая могла бы успокоить мою старость и удовлетворить мои справедливыя требованія, состоящія въ томъ только, чтобъ всѣ долги мои были заплачены изъ кошелька будущей

жены его; словомъ, что обязанности сына и чувства благодарности къ моимъ благодѣяніямъ непремѣнно требуютъ, чтобъ онъ околдовалъ какую-нибудь богатую наслѣдницу, увезъ ее...

—И растерзалъ бы ея сердце, бросивъ ее какъ-можно-скорѣе? замѣтилъ мэстеръ Гэрдаль, надѣвая перчатки.

— Это не мое дѣло, отвѣчалъ мастеръ Честеръ, прихлебывая вино:—это совершенно отъ него зависитъ; ни за что въ свѣтѣ не захотѣлъ бы я вмѣшаться въ семейныя отношенія моего сына, особенно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ... Не-уже-ли вы не дадите уговорить себя и не выпьете стаканчика... Нѣтъ?.. Ну, какъ вамъ угодно, прибавилъ онъ, наливая себѣ еще вина.

— Честеръ! сказалъ мэстеръ Гэрдаль послѣ минутнаго молчанія и взглянувъ на его улыбающееся лицо. — Честеръ! тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ обманѣ и хитрости, голова и сердце ваше истинно-дьявольскія...

— За ваше здоровье! воскликнулъ Честеръ, кивнувъ головою... — Извините меня, я перервалъ васъ...

— Но если мы встрѣтимъ затрудненія, стараясь разлучить этихъ молодыхъ людей? сказалъ Гэрдаль:—если вы, напримѣръ, съ своей стороны будете въ такомъ положеніи, къ какому средству прибѣгнете вы тогда, мэстеръ?

— Къ самому легкому и простому, любезнѣйшій мэстеръ, отвѣчалъ Честеръ, развалясь въ креслахъ.—Я прибѣгну къ тѣмъ качествамъ, которыя вы такъ благосклонно мнѣ приписываете, хотя, сказать по чести, заслуживаю только въ половину ваше доброе обо мнѣ мнѣніе... употреблю два весьма обыкновенныя домашнія средства — хитрость и коварство; постараюсь возбудить и съ той и съ другой стороны ревность...

— И такъ, стремясь къ нашей цѣли, мы употребимъ въ дѣло предательство, ложь, обманъ?

—Избави насъ Богъ отъ этого!.. воскликнулъ Честеръ, понюхавъ табаку. — Нѣтъ, предательство, ложь, обманъ тутъ не нужны... нужны только тонкость и дипломатика... словомъ, надобно умѣть немного интриговать, и больше ничего.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ все это устроилось какъ-нибудь полегче, сказалъ Гэрдаль, прохаживаясь по комнатѣ въ сильномъ волненіи: -впрочемъ, если дѣло зашло ужь такъ далеко, что мы должны дѣйствовать, то постараюсь помогать вамъ; это единственный случай, въ которомъ мы можемъ быть согласны... надѣюсь, однакоже, что мы видимся теперь въ послѣдній разъ, и намъ не встрѣтится уже надобности опять говорить другъ съ другомъ.

— Вы хотите идти? сказалъ мэстеръ Честеръ, приподнявшись съ креселъ.—Позвольте проводить васъ и посвѣтить на лѣстницѣ.

— Благодарю, не безпокойтесь; я найду дорогу и одинъ, отвѣчалъ Гэрдаль и, надѣвъ шляпу, пошелъ къ двери, которую сильно захлопнулъ за собою.

— Какая грубая скотина! проворчалъ Честеръ, опустясь опять въ кресла.

Джонъ Уиллитъ и пріятели его, прислушивавшіеся къ малѣйшему шуму, въ ожиданіи шпажнаго звука или пистолетнаго выстрѣла, и готовые броситься въ залу по первому крику, были чрезвычайно удивлены, увидѣвъ мэстера Гэрдаля, который живъ и здравъ сошелъ съ лѣстницы, спросилъ очень-спокойно свою лошадь, сѣлъ на нее съ задумчивымъ видомъ и поѣхалъ прямо домой. Послѣ довольно-продолжительнаго пренія, всѣ эти добрые люди рѣшили, что Гэрдаль вѣрно убилъ на-повалъ своего противника и оставилъ его въ залѣ плавающаго въ крови. Они готовились уже отправиться въ залу церемоніальнымъ порядкомъ, заранѣе устроеннымъ, какъ громкій звукъ колокольчика, раздавшагося изъ верхней комнаты, повергъ всѣхъ въ величайшее недоумѣніе; наконецъ, Джонъ Уиллитъ, оправившись отъ этой неожиданности, рѣшился идти самъ; но изъ предосторожности на всякій случай взялъ съ собою двухъ проводниковъ: Гога и Бэрнеби.

Подъ защитой такого сильнаго прикрытія, Джонъ, отворивъ дверь, съ трепетомъ переступилъ порогъ и увидѣлъ мэстера Честера, сидящаго по-прежнему въ креслахъ.

— Ну, Джонъ, сказалъ Честеръ:—готова ли та комната, которую ты назначалъ мнѣ спальнею? Меня что-то клонитъ ко сну и я хочу посмотрѣть точно ли постель твоя такъ хороша, какъ ты говорилъ...

— О! что до этого, сэръ, вы будете совершенно довольны! воскликнулъ Джонъ, посматривая съ недовѣрчивостью на своего гостя и надѣясь отъискать на немъ гдѣ-нибудь рану...

— Проводи же меня.

— Милости просимъ, сэръ...

Мэстеръ Честеръ всталъ и въ сопровожденіи Джона, Гога и Бэрнеби отправился въ спальню, которая была такъ же пуста и холодна, какъ зала, и въ одномъ углу которой стояла старинная огромная кровать съ грязнымъ пуховикомъ. Честеръ, посмотрѣвъ на нее, улыбнулся и сѣлъ въ кресла. Джонъ, увѣренный, что гость его раненъ, подумалъ, что ему сдѣлалось дурно, и хотѣлъ уже звать на помощь; но Честеръ преспокойно сказалъ ему:

— Добрая ночь, Джонъ; я здѣсь усну прекрасно. Прощай, Бэрнеби; прощай, Гогъ!

Съ этимъ словомъ онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ его оставили одного, и скоро въ верхнемъ этажѣ Майскаго-Дерева воцарилось мертвое молчаніе.

ГЛАВА XIII.

Еслибъ Джозефъ Уиллитъ, или просто, Джой (тотъ самый, на главу котораго мэстеръ Тэппертейтъ призывалъ мщеніе всего братства подмастерьевъ) былъ дома, когда вѣжливый гость его отца остановился у воротъ Майскаго-Дерева, ему, конечно, удалось бы какимъ-нибудь образомъ проникнуть въ тайныя его намѣренія. Онъ тотчасъ предупредилъ бы любовниковъ объ угрожающей имъ бѣдѣ и далъ бы чрезъ то средство принять нужныя мѣры, которыми и самъ пособилъ бы имъ, потому-что всѣ желанія Джоя клонились къ тому, чтобъ сдѣлать этихъ молодыхъ людей счастливыми. Но Джоя не было; онъ не могъ знать происшедшаго и былъ принужденъ съѣздить для разсчетовъ съ продавцемъ и дистилаторомъ винъ, которому въ концѣ каждаго мѣсяца отвозилъ деньги за всѣ забранные отцомъ его вина и другіе припасы.

Путешествіе это совершалъ Джой всегда на старой, сѣрой кобылѣ, въ которой Джонъ Уиллитъ подозрѣвалъ отличныя качества, бывъ увѣренъ, что она могла бы выиграть первый призъ на скачкѣ, еслибъ только ему вздумалось пустить ее на скачку. Правду сказать, она никогда еще не дѣйствовала на этомъ блистательномъ поприщѣ и вѣроятно, ей было суждено никогда не бывать на немъ, потому-что надъ нею тяготѣло уже добрыхъ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ; но это не мѣшало Джону оставаться при своемъ убѣжденіи и каждый разъ, когда Гогъ выводилъ ее изъ конюшни, старый трактирщикъ съ гордостью и любовью посматривалъ на нее.

— Вотъ лошадь! говорилъ онъ:—что̀ за стать, что̀ за ростъ, что̀ за кости!..

Костей было въ ней, дѣйствительно, довольно и въ этомъ, казалось, соглашался даже и Гогъ, который, выведя ее изъ конюшни, подвелъ къ крыльцу въ ожиданіи Джоя.

—Смотри, Джой, береги лошадь; не скачи скоро, сказалъ Джонъ, обращаясь къ своему сыну.

— Это было бы очень трудно, отвѣчалъ Джой, бросивъ презрительный взглядъ на клячу.

— Безъ замѣчаній! воскликнулъ Джонъ: — я знаю, для тебя и зебръ былъ бы недовольно проворенъ; ты, пожалуй, радъ бы осѣдлать дикаго льва... Но, повторяю, прошу беречь мою лошадь и не замучить ее...

— Будьте спокойны, батюшка. Я не замучу ее...

— Молчать! воскликнулъ Джонъ, употреблявшій это выраженіе весьма-часто въ разговорахъ, которые ему удавалось имѣть съ своимъ сыномъ: — молчать!.. Что̀ это за нарядъ у тебя? къ-чему ты такъ расфрантился?

— Чтò же находите вы дурнаго въ этомъ небольшомъ букетѣ цвѣтовъ? спросилъ закраснѣвшись Джой.

— Да къ-чему онъ? Ты очень ошибаешься, думая, что погребщикъ прійметъ тебя ласковѣе съ такимъ букетомъ...

— Я совсѣмъ этого не думаю: красноносый погребщикъ и не увидитъ этого букета: онъ назначенъ не ему... Но чтò толковать объ этомъ! Отдайте мнѣ деньги, батюшка, и пустите съ Богомъ.

— Вотъ деньги; но смотри же, дай лошади хорошенько отдохнуть, да не останавливайся слишкомъ-долго у Золотаго-Льва; а не то, тамъ, пожалуй, Богъ-знаетъ чтò на меня запишутъ...

— Зачѣмъ же не дадите вы мнѣ самому денегъ на расходы, а заставляете брать все въ долгъ, даже обѣдъ у Золотаго-Льва, за который расплачиваетесь сами?..

— Дай ему денегъ! прошу покорно! воскликнулъ Джонъ: — да чтò же называешь ты деньгами? одинъ гинеи, что ли? Развѣ шиллингъ и шесть пенсовъ, которые я далъ тебѣ, не деньги? а?..

— Шиллингъ и шесть пенсовъ! повторилъ презрительно молодой человѣкъ.

— Да, шиллингъ и шесть пенсовъ, — шутка это! Въ твои лѣта я не только не имѣлъ въ рукахъ своихъ денегъ, но даже и не видывалъ такого количества ихъ. Шиллингъ можешь ты употребить на новую подкову, въ случаѣ, если лошадь потеряетъ свою; ну, а шесть пенсовъ остаются тебѣ для расходовъ въ Лондонѣ... Развѣ этого мало?..

Джой не счелъ нужнымъ отвѣчать, сдѣлалъ знакъ Гогу, вскочилъ на сѣдло — и былъ таковъ. Джонъ, стоявшій на порогѣ двери, разинулъ ротъ и смотрѣлъ на удалявшагося сына, или, лучше сказать, на свою сѣрую кобылу, до-тѣхъ-поръ, пока она пропала у него изъ виду; тогда вошелъ онъ обратно въ домъ и легъ отдохнуть часика на два...

Несчастная сѣрая кобыла бѣжала тихою рысцою по большой дорогѣ до-тѣхъ-поръ, пока Майское-Дерево не скрылось за строеніями; тогда, зная привычку своего всадника, она сама-собою пустилась въ галопъ, поворотила въ сторону и, сдѣлавъ довольно-большой кругъ черезъ поле, остановилась наконецъ у одного старциннаго зданія, которое въ первой главѣ этой исторіи мы назвали уже Кроличьей-Засѣкой. Джой соскочилъ проворно на землю и привязалъ лошадь къ дереву.

— Стой здѣсь, старая кляча! сказалъ онъ: — дай посмотрѣть, нѣтъ ли мнѣ сегодня какого порученія.

Сказавъ это, онъ бросилъ лошади немного скошенной травы и, отворивъ калитку, пустился пѣшкомъ къ Кроличьей-Засѣкѣ.

Тропинка, по которой онъ шолъ, привела его скоро къ самому до-

му. Мертвая тишина царствовала въ его обширныхъ, пустыхъ комнатахъ и въ полуразвалившихся башенкахъ. Садъ, окружавшій террассу, былъ мраченъ и печаленъ; высокая желѣзная рѣшетка, заржавѣвшая отъ времени, наклонилась на бокъ и, казалось, была совсѣмъ готова упасть. По стѣнамъ строенія, во многихъ мѣстахъ, вился дикій плющъ, перемѣшанный съ мохомъ. Даже обитаемая часть дома, бывшая въ лучшемъ состояніи, имѣла въ себѣ что-то мрачное и унылое. При взглядѣ на это зданіе, трудно было представить себѣ, чтобъ въ немъ могла обитать радость, чтобъ стѣны эти могли вмѣщать въ себѣ что-нибудь другое, кромѣ грусти и молчанія.

Такое мрачное состояніе дома могло быть, конечно, во многомъ приписано смерти прежняго его владѣльца и характеру нынѣшнихъ его обитателей; однакожь, если припомнить исторію, соединенную съ этимъ зданіемъ, то все, повидимому, будетъ доказывать, что оно съ незапамятныхъ временъ было назначено къ чему-нибудь ужасному. При воспоминаніи о печальномъ происшествіи, случившемся въ немъ, небольшой прудъ, въ которомъ было найдено тѣло управителя, принималъ какой-то особенно-черный видъ, котораго не могъ имѣть никакой другой прудъ; а колоколъ, висѣвшій надъ крышею и возвѣстившій въ самую полночь о совершившемся убійствѣ, казался какимъ-то роковымъ глашатаемъ, при звукахъ котораго волосы подымались дыбомъ у всѣхъ окрестныхъ жителей.

Джой ходилъ около дома взадъ и впередъ, останавливаясь часто, и не спуская глазъ съ одного окна, какъ-будто поджидалъ чего-то. Такъ прошло около четверти часа; наконецъ, изъ этого окна показалась маленькая, бѣлая ручка, сдѣлавшая молодому человѣку знакъ, на который онъ отвѣчалъ низкимъ, почтительнымъ поклономъ, и поспѣшилъ къ своей лошади, сказавъ самъ себѣ: «Ныньче нѣтъ мнѣ никакого порученія!»

Однакожь, щеголеватый нарядъ, за который Джонъ Уиллитъ такъ сердился, и букетъ цвѣтовъ, приколотый къ кафтану Джоя, доказывали, что, за неимѣніемъ чужаго порученія, онъ готовился исполнить свое собственное. Такъ дѣйствительно и было. Кончивъ въ Лондонѣ всѣ счеты съ погребщикомъ, получивъ отъ него расписку и заѣхавъ въ трактиръ Золотаго-Льва, пустился онъ къ дому слесаря, къ которому влекли его прекрасные глаза Долли.

Хотя Джой былъ малый незастѣнчивый, неробкій, однакожь, онъ не скоро рѣшился войдти въ домъ Уардена; оставивъ свою лошадь въ ближней тавернѣ, прошелся онъ раза два по улицѣ и наконецъ, призвавъ на помощь все свое мужество, съ трепещущимъ сердцемъ переступилъ черезъ завѣтный порогъ и очутился въ мастерской Габріеля.

— Ба! Джой Уиллитъ! Ты ли это? воскликнулъ слесарь, вставъ

изъ за письменнаго стола, за которымъ сидѣлъ надъ своею расходною книгой, и снявъ очки. — Откуда? какъ поживаютъ твои домашніе?

— Какъ всегда, сэръ...

— Ну, слава Богу; а что дѣлаетъ твой буцефалъ? Бѣгаетъ еще? Ха, ха, ха!.. Это что, Джой? букетъ цвѣтовъ?...

— Да-съ, маленькій букетецъ... я думалъ... я хотѣлъ... миссъ Долли.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ слѣсарь, понизивъ голосъ и покачавъ головою: — не Долли: отдай букетъ ея матери, это будетъ лучше... Что жь? развѣ ты не хочешь отдать его мистриссъ Уарденъ?

— Почему же нѣтъ, сэръ? отвѣчалъ Джой, стараясь скрыть свою досаду:—мнѣ это будетъ очень пріятно.

— Такъ пойдемъ же къ ней; меня сейчасъ звали пить чай; она тамъ въ «гостиной».

— Она! подумалъ Джой:—но кто же эта она: мистриссъ, или миссъ?

Слѣсарь не замедлилъ разсѣять его недоумѣніе; отворивъ двери, онъ сказалъ громко: —Милая Марта, вотъ тебѣ гость, мэстеръ Джой Уиллитъ.

Но мистриссъ Уарденъ была вовсе не рада этому гостю, и букетъ былъ ей очень-непріятенъ, потому-что въ немъ видѣла она желаніе молодаго человѣка задобрить ее,—а мистриссъ Уарденъ была вовсе нерасположена подавать ему надежду, чтобъ виды его на миссъ Долли могли когда-нибудь осуществиться. Она вдругъ притворилась, что ей сдѣлалось дурно и, приписавъ эту сильному запаху цвѣтовъ, просила извинить ее, если она положитъ ихъ за окошко. Джой просилъ ее не церемониться и съ грустнымъ сердцемъ увидѣлъ, какъ прекрасные цвѣты его, которые достать стоило ему такъ много труда, были съ пренебреженіемъ выброшены за окно.

— Теперь я чувствую себя гораздо-лучше, сказала мистриссъ Уарденъ.

Джой поблагодарилъ ее за то, что она поспѣшила отдѣлаться отъ букета и старался не показывать вида, какъ огорчало его отсутствіе миссъ Долли.

— У васъ, въ Майскомъ-Деревѣ, собираются ужасные люди, мэстеръ Джозефъ, сказала мистриссъ Уарденъ...

— Почему же, мистриссъ Уарденъ? сказалъ удивленный Джой.

— Я знаю, что каждый вечеръ всѣ ваши сосѣди покидаютъ своихъ женъ и собираются къ вамъ пить и курить... не ужасно ли это?

—Оставимъ ихъ въ покоѣ, другъ мой, и будемъ пить свой чай! замѣтилъ слѣсарь...

Въ эту критическую минуту явилась миссъ Меггсъ съ чашками.

— Я знаю, что тебѣ это непріятно слышать, потому-что ты и самъ не прочь отъ такого занятія, продолжала мистриссъ Уарденъ. —Ты радъ не видать жены своей цѣлый вѣкъ, не заботясь о томъ, здорова она, или больна...

— Какъ, напримѣръ, весь вчерашній день, сказала миссъ Меггсъ. —Бѣдная мистриссъ была такъ нездорова, такъ слаба, что у меня сердце разрывалось отъ жалости.

— Тебя объ этомъ не спрашиваютъ! воскликнула мистриссъ Уарденъ.

— Извините; это вырвалось у меня невольно изъ любви къ вамъ.

— Ни слова больше! возразила мистриссъ Уарденъ гордо: — поди посмотри, одѣлась ли Долли и скажи ей, что если она хоть одну минуту заставитъ ждать носилки, въ которыхъ должна отправиться на танцовальный вечеръ, я ихъ отошлю назадъ.

Миссъ Меггсъ, не отвѣтивъ ни слова, вышла изъ комнаты.

— Зачѣмъ же не пьешь ты чаю? спросила мистриссъ Уарденъ мужа: — я вижу, дома тебѣ ничто не нравится. И вы также, мэстеръ Джозефъ, не пьете...

Джой хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе; но въ эту минуту явилась Долли, и слова замерли на устахъ юноши. Она такъ была прекрасна, нарядъ ея отличался такимъ вкусомъ, такимъ изяществомъ, что у бѣднаго Джоя разбѣжались глаза; мысль, что она собирается на вечеръ, гдѣ съ нею будутъ танцовать, что его не будетъ тамъ, — мучила его, и онъ внутренно проклиналъ всѣ балы и тѣхъ кто выдумалъ ихъ.

А она даже и не взглянула на него,—или, лучше сказать, почти не взглянула... Бѣдный Джой былъ въ отчаяніи; но вотъ явились носильщики: Долли, увидѣвъ ихъ, обрадовалась и поспѣшила вонъ изъ комнаты; Джой пошелъ въ слѣдъ за нею и помогъ ей сѣсть... Какъ затрепеталъ онъ, когда рука ея прикоснулась къ его ручкѣ! и какая была эта ручка! маленькая, пухленькая, нѣжная... ручка, которой, конечно, не было подобной въ цѣломъ мірѣ—такъ, по-крайней-мѣрѣ, казалось Джою. Долли ласково взглянула на юношу, улыбнулась ему привѣтливо и, опершись на его руку своею рукою, какъ-будто ждала, чтобъ онъ тихо пожалъ ее. Но миссъ Меггсъ стояла рядомъ и глазами аргуса смотрѣла на молодыхъ людей. Наконецъ, носилки тронулись, и Джой, грустный, печальный, возвратился въ гостиную.

Какъ пусто, какъ уединенно казалась ему теперь эта «гостиная»! какъ тяжко, какъ мучительно было ему сидѣть въ ней, между-тѣмъ, какъ Долли можетъ-быть въ эту самую минуту кружилась въ бѣшеномъ вальсѣ съ какимъ-нибудь счастливцемъ, который обнималъ своею рукою ея чудный, роскошный станъ! Джой былъ такъ занятъ

своими мыслями, что не могъ выговорить ни слова, и только мѣшалъ безпрестанно чай въ своей чашкѣ, какъ-будто въ ней не было ни куска сахару. Габріель также былъ нерасположенъ говорить, а мистриссъ Уарденъ, которая всегда была очень-весела, когда другіе бывали грустными, казалась въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа. Впрочемъ, любезность ея была непродолжительна; посидѣвъ еще съ четверть часа, она встала.

— Куда же ты, другъ мой? спросилъ ее слѣсарь:—останься еще съ нами...

— Благодарю, возразила мистриссъ Уарденъ.—Я не хочу затруднять васъ... Вы вѣроятно хотите курить... трубка и пиво для мужчинъ всегда пріятнѣе бесѣды женщинъ,—и я оставлю васъ на свободѣ... Прощайте, мэстеръ Уиллитъ, поклонитесь отъ меня мэстеру Джону; покойной ночи!

Сказавъ это, она присѣла и вышла изъ комнаты въ сопровожденіи своей вѣрной Меггсъ.

Бѣдный Джой! Могъ ли ты думать, что всѣ надежды твои будутъ имѣть такой конецъ?.. Нѣсколько недѣль сряду ожидалъ ты, какъ блага, дня, въ который будешь въ домѣ слѣсаря; съ величайшимъ стараніемъ собиралъ ты цвѣты для своего букета, хотѣлъ отдать его Долли и сказать ей, какъ нѣжно, какъ пламенно любишь ее, и что же? Букетъ твой выбросили за окно; а Долли?.. Ты увидѣлъ ее только на одну минуту для того, чтобъ проводить на балъ, куда она спѣшила съ такою радостью!.. Все это, и въ особенности холодный пріемъ, сдѣланный ему мистриссъ Уарденъ, сильно огорчило бѣднаго юношу; онъ простился съ своимъ старымъ другомъ, слѣсаремъ, пошелъ за своею лошадью и отправился домой, думая дорогой о своемъ горькомъ положеніи, о Долли, которая, казалось, мало обращала на него вниманія, о ея злой, капризной матери, о невозможности достигнуть счастія, и о томъ, что ему оставалось только идти въ солдаты или матросы, чтобъ скорѣе кончить жизнь, начинавшую становиться ему въ тягость.

ГЛАВА XIV.

Преданный отчаянію, Джой Уиллитъ ѣхалъ тихо, мечтая о прекрасной дочери слѣсаря, какъ вдругъ услыхалъ за собою лошадиный топотъ; обернувшись, увидѣлъ онъ какого-то молодаго джентльмена, который, остановивъ своего коня, назвалъ его по имени. Джой въ ту же минуту ударилъ свою клячу и подскакалъ къ всаднику.

—Я такъ и думалъ, что это вы, сэръ Эдвардъ, сказалъ онъ, снявъ

свою шляпу. — Какой прекрасный вечеръ! какъ я радъ, что вижу васъ опять здоровымъ!

— Ну, что новаго? спросилъ мэстеръ Эдвардъ: — все ли она такъ же хороша, какъ прежде? Зачѣмъ же краснѣть, другъ?

— Если я покраснѣлъ, то, конечно, отъ стыда, что могъ такъ глупо вѣрить моимъ надеждамъ, сэръ Эдвардъ... Мнѣ до миссъ Долли такъ же далеко, какъ до неба!

— Полно, Джой; что за отчаяніе! все еще можетъ устроиться... отвѣчалъ мэстеръ Эдвардъ.

— Ахъ! сказалъ Джой, съ глубокимъ вздохомъ: — вамъ хорошо такъ говорить... Но оставимъ это; куда вы ѣдете, сэръ? не къ намъ ли, въ Майское-Дерево?

— Да; такъ-какъ я еще не совсѣмъ оправился, то хочу переночевать тамъ, чтобъ завтра потихоньку пуститься домой.

— Если вы не торопитесь, и если вамъ будетъ не скучно ѣхать, соображаясь съ бѣгомъ моей клячи, то я готовъ проводить васъ до Кроличьей-Засѣки и подержать вашу лошадь во время вашего отсутствія; это избавитъ васъ отъ труда идти пѣшкомъ изъ Майскаго-Дерева... У меня довольно времени, и какъ бы поздно я ни пріѣхалъ домой, мнѣ все будетъ казаться еще очень-рано.

— Радъ быть твоимъ товарищемъ; но, пожалуйста, перестань грустить; все еще можетъ поправиться; не надобно только терять надежды, и Долли можетъ еще быть твоею...

Джой грустно покачалъ головою; однакожь, слова сэра Эдварда нѣсколько ободрили его; онъ далъ шпоры своей клячѣ, и она пошла довольно-скорою рысью, какъ-будто хотѣла показать тѣмъ, что о ней напрасно думали такъ дурно.

Ночь была прекрасна; полный мѣсяцъ разливалъ свой таинственный свѣтъ на окрестныя поля. Тихій, прохладный вѣтерокъ качалъ вершины деревьевъ, которыми была обсажена дорога; путники ѣхали рядомъ, и по-временамъ, переставая разговаривать, погружались въ тихую задумчивость.

— Майское-Дерево сегодня что-то особенно освѣщено, сказалъ сэръ Эдвардъ, когда трактиръ показался изъ-за деревьевъ.

— Да, замѣтилъ Джой и приподнялся на стременахъ, чтобъ лучше видѣть.—Большая зала освѣщена и кажется въ верхней комнатѣ затопленъ каминъ. Желалъ бы я знать, *для* кого все это?

— Можетъ-быть, какой-нибудь проѣзжій, котораго перепугали разсказами о разбойникѣ, напавшемъ на меня, и который не рѣшился ѣхать ночью.

— Это долженъ быть какой-нибудь знатный проѣзжій: ему отдали даже вашу спальню...

— Ничего, Джой; всякая комната будетъ хороша для меня... Но поѣдемъ скорѣе; ужь бьетъ девять часовъ.

Они пустили лошадей своихъ въ галопъ и остановились у той самой рощицы, въ которой Джой утромъ оставлялъ свою лошадь. Мэстеръ Эдвардъ соскочилъ на землю, отдалъ лошадь Джою и пошелъ съ величайшею осторожностью къ дому.

Служанка, дожидавшаяся у калитки, впустила его безпрепятственно. Онъ прошелъ скоро чрезъ террасу, взбѣжалъ по лѣстницѣ и достигъ наконецъ старинной, мрачной комнаты, стѣны которой были расписаны разными охотничьими сценами. Удивленный, что служанка не пошла за нимъ, мэстеръ Эдвардъ остановился; но вдругъ дверь сосѣдней комнаты отворилась; прекрасная молодая дѣвушка, съ чорными локонами, выбѣжала оттуда и бросилась къ нему на шею; но почти въ ту же самую минуту какая-то сильная рука оттолкнула сэра Эдварда: мэстеръ Гэрдаль стоялъ между имъ и ею.

Онъ взглянулъ строго на молодаго человѣка, не снявъ даже шляпы; одною рукою обхватилъ онъ за талью свою племянницу, а другою, въ которой былъ хлыстъ, указалъ на дверь. Сэръ Эдвардъ не испугался однакожь и гордо смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Вы прекрасно поступаете, сэръ! воскликнулъ мэстеръ Гэрдаль: — подкупивъ людей, прокрадываетесь въ домъ, какъ воръ!... Оставьте насъ сію же минуту и не переступайте никогда моего порога.

— Какъ благородный человѣкъ, вы бы не должны были пользоваться присутствіемъ миссъ Гэрдаль и родствомъ съ нею, чтобъ оскорблять меня такъ, какъ теперь оскорбляете, возразилъ молодой человѣкъ.—Вы сами принудили меня избрать эту дорогу, и вся вина лежитъ на васъ, не на мнѣ.

—Какъ благородному и честному человѣку, сказалъ мэстеръ Гэрдаль:—вамъ бы не слѣдовало обольщать сердце молодой, неопытной дѣвушки и, чувствуя всю низость своего поступка, скрываться отъ того, кто служитъ ей защитникомъ и покровителемъ. Послѣ всего этого мнѣ остается только запретить вамъ входъ въ домъ свой и требовать, чтобъ вы немедленно его оставили.

— Не знаю, возразилъ Эдвардъ:—благородно ли принимать на себя роль шпіона, которой вы не постыдились; знаю только, что слова ваши не заслуживаютъ ничего болѣе, кромѣ презрѣнія.

— Напрасно величаете вы меня шпіономъ, сэръ, отвѣчалъ спокойно мэстеръ Гэрдаль: — я случайно увидѣлъ какъ вы вошли въ калитку и еслибъ вы не спѣшили такъ, то конечно могли бы услыхать голосъ мой въ саду... Но все это не йдетъ къ дѣлу; повторяю вамъ, присутствіе ваше здѣсь оскорбительно для меня и обидно для моей племянницы.

При этихъ словахъ, онъ еще сильнѣе обхватилъ плачущую дѣвушку, и хотя въ этомъ движеніи было что-то строгое и угрожающее, однакожь лицо его выражало все участіе, которое онъ принималъ въ ея страданіяхъ.

—Мэстеръ Гэрдаль, сказалъ Эдвардъ:—я люблю ее. Съ радостью пожертвовалъ бы я жизнію, еслибъ могъ искупить ея счастіе... Въ ней одной заключается все бытіе мое; она поклялась мнѣ, а я поклялся ей въ вѣчной вѣрности... Что же сдѣлалъ я, что вы обращаетесь со мною такимъ образомъ и говорите со мною такимъ тономъ?

—Вы сдѣлали то, сэръ, чего бы никогда недолжно было дѣлать, отвѣчалъ мэстеръ Гэрдаль: — вы сплели здѣсь любовную сѣть, которая должна быть разорвана, слышите ли — должна! По-крайней-мѣрѣ я разрываю ее, отвергаю васъ и весь родъ вашъ, въ которомъ нѣтъ ни чести, ни совѣсти.

— Это только слова! возразилъ Эдвардъ гордо.

— Слова, которыя сказаны безвозвратно; замѣтьте это, сэръ.

— А вы... прошу васъ замѣтить то, что скажу теперь, сэръ, отвѣчалъ Эдвардъ:—ваше холодное, безчувственное сердце, оледеняющее все, что только приближается къ вамъ; ваша строгость, наводящая на все страхъ, заставили насъ окружить любовь свою тайною.— Я не дурной, не безнравственный человѣкъ; намѣренія мои чисты, и вы напрасно приписывали мнѣ качества, которыя скорѣе приличны вамъ, чѣмъ мнѣ. Вы не въ состояніи разорвать союзъ, скрѣпленный любовью и взаимнымъ уваженіемъ. — Я не откажусь отъ своихъ правъ; полагаюсь на ея вѣрность и не страшусь вашего вліянія и вашей власти; оставляю ее съ полною увѣренностію, что она никогда не перемѣнится ко мнѣ, и скорблю только о томъ, что оставляю ее въ такомъ домѣ, гдѣ никто не утѣшитъ ея участіемъ въ горести.

Сказавъ это, онъ прижалъ холодную руку дѣвушки къ устамъ своимъ, взглянулъ гордо на мэстера Гэрдаля и вышелъ изъ комнаты.

Въ короткихъ словахъ разсказалъ онъ Джою о всемъ случившемся; въ глубокомъ молчаніи поворотили они лошадей своихъ къ Майскому-Дереву и остановились у воротъ его, съ сердцами, полными скорби и отчаянія.

Старый Джонъ, сидѣвшій у окна, выскочилъ на дворъ въ ту самую минуту, когда они стали кликать Гога, и сказалъ съ величайшею поспѣшностью сэру Эдварду:

— Онъ давно ужь въ постели... въ лучшей моей постели... и, кажется, ужь започивалъ..

— Кто, Уиллитъ? спросилъ разсѣянно Эдвардъ, слѣзая съ лошади.

— Вашъ почтенный батюшка, сэръ.

— Батюшка? воскликнулъ Эдвардъ, взглянувъ на Джоя, полный испуга и сомнѣнія.

— Чтó вы говорите? развѣ вы не видите, что сэръ Эдвардъ не понимаетъ васъ? сказалъ Джой.

— Какъ, сэръ... не-уже-ли вы ничего объ этомъ не знали?.. спросилъ Джонъ, выпучивъ глаза.—Странно!.. Онъ здѣсь уже съ самаго обѣда; къ нему приходилъ мэстеръ Гэрдаль; они долго разговаривали о чемъ-то и мэстеръ Гэрдаль ушелъ отсюда не болѣе часа.

— Мой отецъ здѣсь, Уиллитъ?

— Да, сэръ, вашъ батюшка; онъ тамъ, наверху, въ вашей комнатѣ. Вы, вѣрно, можете еще поговорить съ нимъ; онъ, кажется, еще не спитъ... Да, такъ точно, прибавилъ Джонъ, взглянувъ вверхъ на окна:—онъ не загасилъ еще свѣчей.

Эдвардъ также взглянулъ на окна, вскочилъ на лошадь и, сказавъ, что забылъ что-то въ Лондонѣ, поскакалъ назадъ. Джонъ и Джой стояли на крыльцѣ, какъ вкопанные, и смотрѣли другъ на друга съ безмолвнымъ изумленіемъ.

ГЛАВА XV.

На слѣдующій день, около полудня, сидѣлъ мэстеръ Честеръ у себя дома за завтракомъ; на немъ былъ щеголеватый, покойный шлафрокъ; развалясь въ мягкихъ, широкихъ креслахъ, онъ, казалось, отдыхалъ отъ трудовъ и лишеній предшествовавшаго дня, проведеннаго имъ въ Майскомъ-Деревѣ, гдѣ, не смотря на заботливость стараго Джона, многаго не доставало къ удовлетворенію привычекъ знатнаго гостя.

Кончивъ завтракъ, мэстеръ Честеръ сѣлъ къ окну и сталъ смотрѣть разсѣянно на площадь, посреди которой былъ обширный сквэръ, гдѣ толпилось уже много народу и гдѣ какой-то молодой человѣкъ сидѣлъ задумчиво на скамейкѣ.

— Нэдъ чрезвычайно терпѣливъ! сказалъ мастеръ Честеръ, взглянувъ на молодаго человѣка и вынувъ изъ кармана свою золотую зубочистку:—удивительно, какъ терпѣливъ!.. Онъ сидѣлъ тутъ, когда я только-что всталъ, и не перемѣнилъ съ-тѣхъ-поръ нисколько своего положенія...

Между-тѣмъ, молодой человѣкъ всталъ и скорыми шагами пошолъ прямо къ дому.

— Право, мóжно подумать, что онъ слышалъ или понялъ меня, сказалъ мэстеръ Честеръ, взявъ машинально газету, которую уже давно прочелъ:—славный малый мой Нэдъ!

Въ эту самую минуту отворилась дверь, и Эдвардъ вошелъ въ ком-

нату; отецъ привѣтствовалъ его наклоненіемъ головы и привѣтно улыбнулся.

— Есть ли у васъ время поговорить со мною немного, сэръ? сказалъ Эдвардъ.

— Конечно, Нэдъ; у меня всегда есть время... Завтракалъ ли ты?

— Давно ужь.

— О! какъ же ты рано встаешь! воскликнулъ Честеръ, взглянувъ на сына съ усмѣшкой.

— Сказать правду, продолжалъ Эдвардъ, придвинувъ къ окну стулъ и сѣвъ на него:—я очень-дурно спалъ эту ночь, и потому былъ радъ встать пораньше. Причина моей безсонницы и безпокойства должна быть вамъ извѣстна, сэръ, и объ ней-то хочу я поговорить съ вами.

— Сдѣлай милость, другъ мой, ввѣрь мнѣ свое горе, отвѣчалъ отецъ:—но ты знаешь мои привычки: я не люблю, когда кто слишкомъ распространяется...

— Постараюсь быть какъ-можно-короче и пойду прямо къ дѣлу, отвѣчалъ Эдвардъ.

— Прекрасно. И такъ, ты хочешь сказать мнѣ...

— Ничего больше, кромѣ того, что я знаю, гдѣ вы были нынъче ночью, съ кѣмъ говорили и съ какою цѣлію; знаю это потому-что самъ былъ тамъ же, гдѣ и вы...

— Не-уже-ли?.. Какъ я радъ! воскликнулъ Честеръ: — это избавитъ насъ обоихъ отъ скучнаго предисловія. Ты былъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я? Зачѣмъ же ты не пришолъ ко мнѣ? Я былъ бы очень радъ видѣть тебя.

— Я зналъ, что то, о чемъ намъ нужно было говорить другъ съ другомъ, будетъ высказано гораздо-лучше тогда, когда мы оба сдѣлаемся нѣсколько-хладнокровнѣе, отвѣчалъ Эдвардъ.

— Чортъ возьми, Нэдъ! воскликнулъ Честеръ: — мнѣ было очень холодно въ этомъ Майскомъ-Деревѣ. Вѣтеръ въ немъ гуляетъ на свободѣ, право, не хуже, какъ въ открытомъ полѣ... Но ты хотѣлъ что-то сказать?

— Я хотѣлъ сказать, что вы, сэръ, сдѣлали меня на вѣки несчастнымъ; хотите ли вы выслушать меня нѣсколько минутъ спокойно и не перебивая?

— Любезный мой Нэдъ; я готовъ слушать тебя съ терпѣніемъ анахорета... Сдѣлай одолженіе, подай мнѣ сливки...

— Я видѣлъ вчера вечеромъ миссъ Гэрдаль, продолжалъ Эдвардъ, подавъ ему сливки:—дядя ея, въ-слѣдствіе вашего съ нимъ свиданія, запретилъ мнѣ являться къ нему въ домъ, и въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ потребовалъ, чтобъ я оставилъ его.

— Въ дерзкомъ обращеніи его, милый Нэдъ, ты не долженъ и не

можешь винить меня, клянусь тебѣ честью... возразилъ Честеръ:— онъ настоящій мужикъ, необтесанный чурбанъ, незнающій нисколько свѣтскихъ приличій; право, я никогда еще не встрѣчалъ подобнаго невѣжи.

Эдвардъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, междутѣмъ, какъ его почтенный родитель преспокойно прихлебывалъ чай.

— Батюшка! сказалъ наконецъ Эдвардъ, остановясь передъ нимъ: —не будемъ шутить такими вещами, не будемъ также и обманывать другъ друга. Позвольте мнѣ идти моею дорогой, какъ прилично мужу, и не отталкивайте меня отъ себя своимъ равнодушіемъ.

— Предоставляю тебѣ самому судить, любезный Нэдъ, равнодушенъ ли я, отвѣчалъ мэстеръ Честеръ:—проѣхать по грязи 25 миль, обѣдать въ скверномъ трактирѣ, видѣться съ мэстеромъ Гэрдалемъ, и говорить съ нимъ, какъ съ братомъ или другомъ, ночевать въ Майскомъ-Деревѣ, имѣть собесѣдниками стараго дурака и сумасшедшаго мальчика... Если добровольное обреченіе себя на всѣ эти мученія ты назовешь равнодушіемъ, я замолчу...

— Прошу васъ только подумать, въ какое ужасное положеніе повергли вы меня. Я люблю миссъ Гэрдаль...

— Любезный сынъ, возразилъ мэстеръ Честеръ съ улыбкою сожалѣнія: — ты, право, ошибаешься; въ тебѣ столько здраваго смысла, столько ума, что ты не можешь предаться такой глупости, повѣрь мнѣ въ этомъ.

—Повторяю вамъ, продолжалъ Эдвардъ съ твердостью:—я люблю ее. Вамъ удалось разлучить насъ теперь, но я прошу васъ подумать объ этомъ хорошенько и сказать рѣшительно, намѣрены ли вы разлучить насъ навсегда, если это только можетъ удасться вамъ?

— Любезный Нэдъ, отвѣчалъ мэстеръ Честеръ, понюхавъ табаку и подавая ему табакерку: — говорю тебѣ прямо, что намѣренъ сдѣлать это непремѣнно.

— Выслушайте же меня, батюшка. Съ самаго младенчества былъ я воспитанъ въ довольствѣ и праздности; съ самой колыбели окружала меня роскошь и богатство; меня пріучали думать, что не личныя заслуги, не истинныя достоинства должны вести къ возвышенію, а слѣпой случай, удача. Я, какъ говорится, выросъ въ знатности и сдѣлался ни къ чему не годнымъ. Но какое-то тайное чувство говорило мнѣ, что дорога, по которой вы заставили меня идти, была не настоящею дорогой честнаго и благороднаго человѣка. Я не могъ раболѣпствовать предъ тѣми, которые казались вамъ достойными поклоненія; не имѣлъ силы показывать вниманія тѣмъ женщинамъ, которыхъ вы, по богатству ихъ, прочили мнѣ въ невѣсты; вообще не чувствовалъ въ себѣ способности слѣпо покоряться вашей

волѣ... Простите, что говорю такъ откровенно; мнѣ надобно было сказать это давно; но вы знаете сами, имѣлъ ли я къ тому случай...

— Все это прекрасно; но къ-чему ты говоришь мнѣ это?

— Къ тому, продолжалъ Эдвардъ съ жаромъ:—что я не могу сносить безусловной зависимости даже отъ васъ, сэръ. У меня потеряно уже много времени; но я еще молодъ и могу воротить потерянное. Дайте мнѣ средства посвятить свои способности и силы какой-нибудь благородной цѣли... Оставьте мнѣ полную свободу проложить самому себѣ дорогу, и вы увидите, что дѣвушка, которую я люблю и которую вы отвергаете потому только, что, кромѣ красоты и добродѣтели, у ней нѣтъ другаго приданаго, не будетъ вамъ въ тягость... хотите ли вы это, сэръ? Отвѣчайте...

— Любезный, милый Нэдъ, возразилъ мэстеръ Честеръ, взявъ газету и заглянувъ въ нее разсѣянно: — ты знаешь, какъ я не люблю касаться такъ-называемыхъ фамильныхъ исторій; но видя, что ты во многомъ, относящемся къ тебѣ, заблуждаешься до невѣроятности, рѣшаюсь побѣдить свое отвращеніе и дать тебѣ ясный, удовлетворительный отвѣтъ, если ты только сдѣлаешь мнѣ одолженіе замкнешь эту дверь.

Эдвардъ пошелъ исполнить желаніе отца своего, который, между-тѣмъ, взявъ маленькій перочинный ножичекъ, сталъ обрѣзывать себѣ ногти и продолжалъ такъ:

—Мнѣ долженъ ты быть благодаренъ, Нэдъ, что происходишь отъ хорошей фамиліи, потому-что мать твоя, впрочемъ очень милая женщина, съ нѣжнымъ сердцемъ, прекрасною душою и проч., и проч., оставившая меня въ-послѣдствіи, не могла въ этомъ отношеніи многимъ похвастать.

— Однакожь, отецъ ея былъ извѣстнымъ адвокатомъ, замѣтилъ Эдвардъ.

— Точно такъ, Нэдъ; онъ пользовался большою славою въ судахъ и огромнымъ богатствомъ; но, происходя изъ низкаго состоянія, хотѣлъ, посредствомъ дочери своей, вступить въ родство съ какою-нибудь хорошею фамиліею. Желаніе это было исполнено. Будучи младшимъ сыномъ младшаго въ семействѣ, я женился на ней и такимъ образомъ онъ и я достигли своей цѣли. Дочь его вступила прямо въ лучшій кругъ, а я во владѣніе ея имѣніемъ, которое мнѣ было чрезвычайно нужно, увѣряю тебя. Но теперь, любезный другъ, имѣніе это принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыя были: теперь его уже нѣтъ — его какъ-будто и не было... Сколько тебѣ лѣтъ? Я всегда забываю...

— Двадцать семь, сэръ.

— Какъ, не ужь-то столько! воскликнулъ отецъ съ удивленіемъ.— Ну, мой другъ, въ такомъ случаѣ, я могу сказать тебѣ, что послѣдніе

остатки этого имѣнія исчезли лѣтъ девятнадцать тому назадъ... Это было около того времени, когда я переѣхалъ въ этотъ домъ, доставшійся мнѣ отъ твоего дѣда, и когда я началъ жить ничтожнымъ оставшимся у меня доходомъ и моею старинною репутаціею.

— Вы шутите, сэръ?... сказалъ Эдвардъ.

— Ни мало, увѣряю тебя, отвѣчалъ отецъ съ величайшимъ спокойствіемъ.—Всѣ эти фамильныя подробности такъ сухи и такъ скучны, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ расположить къ шуткамъ; отъ-того-то я такъ и ненавижу ихъ. Но довольно объ этомъ; остальное тебѣ извѣстно... Сынъ, который не можетъ еще быть отцу товарищемъ — то-есть, если ему нѣтъ еще двадцати-трехъ или двадцати-четырехъ лѣтъ — можетъ только стѣснять его, и вотъ почему лѣтъ за пять предъ симъ (у меня память очень-плоха на числа; ты простишь меня, если я ошибаюсь), удалилъ я тебя отсюда и далъ тебѣ средства пріобрѣсти множество познаній ученіемъ. Мы видѣлись рѣдко; наконецъ, ты возвратился, и скажу тебѣ откровенно: еслибъ ты возвратился неучемъ или невѣжей, то я услалъ бы тебя опять какъ-можно-дальше, въ какую-нибудь другую часть свѣта.

— Жалѣю очень, что вы этого не сдѣлали, сэръ, замѣтилъ Эдвардъ.

— Напрасно, любезный другъ, отвѣчалъ Честеръ очень-спокойно: —напрасно! Я нашолъ въ тебѣ красиваго, ловкаго малаго и ввелъ тебя въ общество, въ которомъ имѣю еще нѣкоторый вѣсъ. Такимъ образомъ открылъ я тебѣ блестящую дорогу ко всему и надѣюсь, что изъ благодарности ты сдѣлаешь съ своей стороны что-нибудь для меня.

— Не понимаю, что̀ вы хотите сказать этимъ, сэръ.

— Вещь очень-простую... Потрудись вынуть изъ молочника муху, которая залетѣла туда... Я хочу сказать, что ты долженъ поступить точно такъ же, какъ поступилъ я, то-есть, жениться какъ-можно-выгоднѣе и воспользоваться богатствомъ жены, чтобъ жить какъ-можно лучше...

— И сдѣлаться въ глазахъ свѣта презрѣннымъ негодяемъ, расточающимъ чужое достояніе! воскликнулъ Эдвардъ съ негодованіемъ.

— Что̀ ты, Нэдъ, Богъ съ тобою! возразилъ мэстеръ Честеръ хладнокровно: — кто осмѣлится назвать тебя негодяемъ, когда ты будешь сорить золотомъ? Напротивъ, всѣ будутъ уважать тебя, искать твоей дружбы.

Молодой человѣкъ опустилъ голову на грудь и не отвѣчалъ ни слова.

— Я очень радъ, что у насъ завязался такой разговоръ, любезный Нэдъ, сказалъ наконецъ отецъ, вставъ съ креселъ и подошедъ къ зеркалу, въ которое взглянулъ съ довольной улыбкой. Онъ поселилъ

между нами совершенную довѣренность другъ къ другу, которая была такъ необходима въ нашемъ положеніи. Признаюсь, однакожъ, я думалъ, что все обдѣлается безъ объясненій, и думалъ это до-тѣхъ-поръ, пока не узналъ о твоей страсти къ этой дѣвушкѣ.

— Я знаю, что вы бывали иногда въ затруднительномъ положеніи, сказалъ Эдвардъ, приподнявъ на-минуту голову и опустивъ ее снова на грудь:—но мнѣ никогда не приходило на мысль, чтобъ мы могли быть нищими... Зачѣмъ же, зная растройство дѣлъ своихъ, воспитывали вы меня какъ богача? Зачѣмъ продолжали вести по-прежнему такую роскошную жизнь?

— Любезный Нэдъ, воскликнулъ отецъ:—ты разсуждаешь какъ ребенокъ. Я для-того-то и далъ тебѣ такое блестящее воспитаніе, чтобъ поддержать свой кредитъ... Что же касается до роскошной жизни, которую веду я, она мнѣ необходима. Я привыкъ ко всѣмъ удобствамъ, окружающимъ меня, и не могу обойдтись безъ нихъ. Но это не мѣшаетъ намъ быть въ самомъ отчаянномъ положеніи. Увѣряю тебя честью, однѣ карманныя наши деньги поглощаютъ весь годовой доходъ нашъ.

— Зачѣмъ не зналъ я этого прежде? зачѣмъ заставляли вы меня разъигрывать роль богача, когда я былъ нищимъ?

— Ахъ, другъ мой! Еслибъ ты не разъигрывалъ этой роли, то не былъ бы принятъ такъ хорошо въ свѣтѣ и не могъ бы достигнуть цѣли, къ которой я назначаю тебя. Какой богачъ отдалъ бы тогда за тебя дочь свою?... Повторяю тебѣ, долги наши очень-велики и потому тебѣ, какъ молодому, благородному человѣку, надобно постараться какъ-можно-скорѣе заплатить ихъ.

— Какую подлую роль разъигрывалъ я, самъ не зная того!.. пробормоталъ Эдвардъ, какъ-будто говоря самъ съ собою.— Я завлекъ бѣдную дѣвушку, вкрался въ ея сердце для того, чтобъ только растерзать его. О, Эмма! Эмма! зачѣмъ не умеръ я прежде, чѣмъ увидѣлъ тебя!

— Меня чрезвычайно радуетъ, любезный сынъ, что ты самъ наконецъ видишь всю невозможность подобнаго союза. Одно различіе религій было бы уже непобѣдимымъ къ тому препятствіямъ, и признаюсь, я не понимаю, какъ могло тебѣ прійдти въ голову жениться когда-нибудь на католичкѣ... тебѣ, происходящему отъ старинной протестантской фамиліи!.. Но даже, еслибъ можно было отстранить и это неудобство, то одна мысль жениться на дѣвушкѣ, отецъ которой былъ зарѣзанъ какъ баранъ и котораго осматривали присяжные, должна бы ужаснуть тебя... Но я, можетъ-быть, надоѣлъ тебѣ всѣми этими напоминаніями... Ты, можетъ-быть, хочешь остаться одинъ?.. Оставайся, любезный Нэдъ... Я иду со двора, но ввечеру

мы опять увидимся... Смотри же, береги себя, другъ мой—ты такъ нуженъ мнѣ!...

Во все время, пока мэстеръ Честеръ говорилъ это, онъ стоялъ передъ зеркаломъ, завязывая свой галстухъ, и наконецъ вышелъ изъ комнаты, напѣвая какую-то арію. Эдвардъ, погрузившійся междутѣмъ въ глубокую думу, казалось, не слыхалъ или не понялъ словъ отца своего и сидѣлъ неподвижно, склонивъ голову на грудь. Черезъ полчаса вошолъ Честеръ, одѣтый очень-щеголевато, вышелъ изъ дому, а Эдвардъ все еще сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, какъ окаменѣлый.

ГЛАВА XVI.

Еслибъ мы бросили взглядъ на лондонскія улицы въ то время, къ которому относится разсказъ нашъ, то никакъ не могли бы узнать самыхъ извѣстныхъ нынѣшнихъ улицъ и скверовъ. Такъ измѣнился Лондонъ менѣе чѣмъ въ полстолѣтія.

Самыя главныя и широкія улицы, подобно самымъ узкимъ и рѣдко-посѣщаемымъ, были очень-темны. Правда, онѣ были освѣщены фонарями, и фонарщики должны были три раза въ ночь обрѣзывать нагорѣвшія свѣтильни; но, не смотря на это, свѣтъ отъ нихъ и въ началѣ вечера былъ самый слабый, а среди ночи, когда въ домахъ и лавкахъ гасли огни, фонари эти бросали на дорогу какой-то мутноватый отблескъ, и двери и фасады домовъ были погружены въ совершенную темноту. Во многихъ маленькихъ улицахъ, посреди густаго мрака, блистали кое-гдѣ слабые огоньки въ окнахъ. Часто даже жители сами гасили по разнымъ причинамъ фонари, повѣшенные у ихъ домовъ, и при тогдашнемъ безсиліи патрулей никто и не думалъ за это съ нихъ взъискивать. Такимъ образомъ, даже въ освѣщенныхъ улицахъ, а болѣе всего на поворотахъ и въ переулкахъ, было нѣсколько темныхъ мѣстъ, куда могли всегда скрыться мошенники и гдѣ ихъ опасно было преслѣдовать. Но такъ-какъ старый городъ отъ предмѣстья былъ отдѣленъ полями, пашнями и пустынными улицами, то преслѣдованіе воровъ было большою частію неуспѣшно, и они легко могли увернуться изъ рукъ служителей правосудія.

Поэтому неудивительно, что, при стеченіи такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, даже въ центрѣ города почти каждую ночь происходили грабежи, нерѣдко сопровождаемые убійствами, и мирные жители, только побуждаемые необходимостью, рѣшались пускаться въ лабиринтъ этихъ улицъ послѣ закрытія лавокъ и магазиновъ.

Тѣ, которые въ полночь рѣшались на подобныя путешествія, шли всегда посрединѣ улицы, чтобъ обезопасить себя по-крайней-мѣрѣ

отъ неожиданнаго нападенія изъ-за угловъ. Рѣдко кто отправлялся безъ оружія и даже безъ прикрытія въ Кентиш-Тоунъ, или Гемпстидъ, въ Кензингтонъ, или въ Чельзей. Самыхъ отважныхъ героевъ сопровождали, при незначительныхъ переходахъ, слуги съ факелами.

Еще много особеннаго и замѣчательнаго было въ то время на лондонскихъ улицахъ. На многихъ лавкахъ, наиболѣе къ востоку отъ Темпль-Бэра, вѣрныхъ стариннымъ обычаямъ, висѣли огромныя вывѣски, и скрыпъ этихъ желѣзныхъ досокъ, слабо укрѣпленныхъ на желѣзныхъ же петляхъ, составлялъ какой-то странный, пронзительный и печальный концертъ. Длинные ряды носилокъ и группы носильщиковъ, въ сравненіи съ которыми нынѣшніе кучера—образцы учтивости и вѣжливости, заграждали дорогу и наполняли воздухъ дикими завываньями. Изъ погребовъ, которыхъ двери чорной пастью растворялись на улицы, приглашая къ себѣ самую грубую чернь, неся ревъ смѣшанныхъ голосовъ. Подъ каждымъ навѣсомъ, у каждой лавки толпы работниковъ и факелоносцевъ проигрывали то, что заработали въ цѣлый день, и, часто, догорѣвшій факелъ, выпадая изъ рукъ уснувшаго посреди этой шумной толпы, освѣщалъ какимъ-то кровавымъ свѣтомъ эту картину и гасъ, дымясь и разбрасывая искры по грязной мостовой.

Тутъ проходила ночная стража съ палками и фонарями, громко возглашая часъ и состояніе погоды, и тѣ, которые уже засыпали сладкимъ сномъ въ своихъ постеляхъ, просыпались, прислушиваясь къ тому, «идетъ ли дождь, или снѣгъ, морозитъ, или таетъ». Скромные пѣшеходы бросались въ сторону, услыша крики носильщиковъ: «Дорогу, съ вашего позволенія!». Порою, носилки какой-нибудь знатной дамы, окруженныя толпою слугъ съ факелами и скороходовъ, которые бѣжали впередъ, очищая дорогу, освѣщали на-минуту улицу, и потомъ снова погружалась она въ непроницаемую темноту. Нерѣдко у слугъ, дожидающихся у подъѣзда господъ своихъ, завязывались драки, и поле сраженія усыпалось пудрою, клочками париковъ и измятыми цвѣтами. Обыкновенно, причиною подобныхъ дракъ была игра, бывшая въ то время почти необходимою потребностью народа. Страсть къ костямъ и картамъ перешла къ слугамъ отъ господъ и производила множество безпорядковъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ классѣ. Часто, въ то время, когда въ западной части города гремѣли трубы и кадрили масокъ пересѣкали улицы по всѣмъ направленіямъ, въ Сити цѣлые караваны повозокъ съ кучерами и пассажирами, вооруженными съ ногъ до головы, были останавливаемы толпою разбойниковъ; пистолетные выстрѣлы смѣшивались съ криками, и, смотря по своей силѣ или по упорной защитѣ, злодѣи то грабили повозки, то отступали, не рѣдко

оставляя множество труповъ своихъ товарищей и пассажировъ. Наутро эти ночныя происшествія доставляли неистощимый запасъ для разсказовъ и анекдотовъ праздному любопытству. Порою процессія молодыхъ и пьяныхъ джентльменовъ, отправлявшихся въ Тэйбёрнъ, забавляла толпу народа, подавая ей прекрасный и поучительный примѣръ.

Между праздными толпами, скитавшимися ночью по улицамъ, замѣтнѣе всѣхъ былъ одинъ человѣкъ. Его почти каждую ночь видѣли въ разныхъ мѣстахъ, и самый безстрашный, отчаянный гуляка, встрѣтясь съ нимъ, не могъ удержаться отъ невольнаго трепета. Кто онъ и откуда явился? — на это никто не могъ дать отвѣта. Никто не зналъ его имени; онъ былъ незнакомъ ни старикамъ, ни молодому поколѣнію. Онъ не могъ быть шпіономъ, потому-что ни передъ кѣмъ никогда не снималъ своей широкополой шляпы, никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ, не вмѣшивался ни въ какія уличныя исторіи, не прислушивался ни къ чьему разговору, не смотрѣлъ ни на кого, кто проходилъ мимо. Спокойно и молча сидѣлъ онъ по ночамъ до самаго разсвѣта въ погребахъ, между толпами самой буйной и развратной черни.

Какимъ-то привидѣніемъ являлся онъ на ихъ безпорядочныхъ и грязныхъ праздникахъ, пугая ихъ необузданныя и шумныя скопища. Съ наступленіемъ ночи показывался онъ на улицахъ—вездѣ и всегда одинъ, и шелъ скорыми шагами, не осматриваясь, не останавливаясь. Порою (какъ разсказывали тѣ, которымъ случалось съ нимъ встрѣтиться), оглядывался онъ назадъ и потомъ шелъ еще скорѣе. На лугахъ, поляхъ и улицахъ, во всѣхъ частяхъ города, въ восточныхъ и западныхъ, въ сѣверныхъ и южныхъ, какъ тѣнь бродилъ этотъ странный незнакомецъ. И всегда казалось, что онъ торопился оставить то мѣсто, гдѣ его встрѣчали. Встрѣтившійся съ нимъ не смѣлъ взглянуть на него, невольно давалъ ему дорогу и пропускалъ мимо. Когда же потомъ онъ разсматривалъ фигуру незнакомца, скрывающагося въ темнотѣ, ему иногда удавалось поймать взоръ его, обращенный назадъ, и онъ тотчасъ же невольно опускалъ свои глаза внизъ и прекращалъ свои наблюденія.

Этотъ странный образъ жизни, это внезапное появленіе то въ той, то въ другой части города подали поводъ къ разнымъ толкамъ. Незнакомца такъ часто видали почти въ одно и то же время въ двухъ мѣстахъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, что нѣкоторые думали, будто это было два лица; другіе — что онъ сверхъестественною силою переносится съ одного мѣста на другое. Воръ, спрятанный въ своей западнѣ, говорилъ, что онъ какъ тѣнь проскользнулъ мимо его; ночной бродяга повстрѣчался съ нимъ въ самой глухой улицѣ; нищій замѣтилъ, какъ онъ остановился на мосту, свѣсился за перилы, посмо-

трѣлъ на воду и потомъ снова исчезъ во мракѣ; могильщики увѣряли, что онъ проводитъ ночи на кладбищахъ, потому-что часто видали, какъ, при ихъ приближеніи, онъ мелькалъ между могилами, и въ то время, когда они разсказывали другъ другу свои замѣчанія, оглянувшись, съ ужасомъ видѣли, что незнакомецъ стоитъ между ними.

Наконецъ одинъ изъ могильщиковъ рѣшился завести разговоръ съ этимъ загадочнымъ существомъ, и въ темную ночь, увидя, что незнакомецъ сидитъ на могилѣ, онъ смѣло подошелъ и сѣлъ подлѣ него.

— Темная ночь, мэстеръ!

— Да, темна.

— Гораздо темнѣе прошедшей, хоть и та была чертовски-темна... Не встрѣтился ли я недавно съ вами въ Оксфордской-Улицѣ у ратуши?

— Можетъ-быть.

Могильщикъ поглядѣлъ вокругъ себя и видя, что ихъ окружили въ это время его товарищи, рѣшился на отчаянный поступокъ и, ударивъ незнакомца по плечу, вскричалъ:

— Слушайте, мэстеръ! Что̀ вы вѣчно смотрите совой? Будьте немножко пообходительнѣе, поразговорчивѣе. Вы здѣсь въ обществѣ джентльменовъ. Про васъ разсказываютъ такія вещи, что волосъ дыбомъ становится! Говорятъ, что вы чорту душу продали...

— Мы всѣ продали чорту свои души, угрюмо отвѣчалъ незнакомецъ.—Еслибъ насъ не было такъ много, онъ бы дороже давалъ за одну душу.

— Видно, вамъ не очень посчастливилось на этомъ свѣтѣ? сказалъ могильщикъ, взглянувъ на блѣдное, худощавое лицо незнакомца и на его ветхое рубище.—Что жь за бѣда! Это не мѣшаетъ быть веселымъ... Ну-ка, мэстеръ, затянемъ удалую пѣсенку, такъ горе какъ рукой сниметъ!

— Пой самъ, если хочешь, отвѣчалъ незнакомецъ и, сбросивъ съ плеча его руку, прибавилъ: — да не совѣтую дотрогиваться до меня. Со мною добрый ножъ, который легко выходитъ изъ ноженъ, какъ это ужь и случилось испытать кой-кому однажды. Я не люблю, чтобъ меня разспрашивали, чтобъ со мной такъ дерзко обходились...

— О-го! ты, кажется, грозишь мнѣ?

— Да, и докажу всякому, кто дотронется до меня, что слова мои не напрасны! вскричалъ незнакомецъ, вскакивая и бросая вокругъ себя дикіе взгляды, какъ-будто спрашивая, кто изъ толпы будетъ такъ смѣлъ, чтобъ на него броситься.

Голосъ, взоры, движенія, полныя какого-то грубаго отчаянія, заставили окружавшихъ его отступить на нѣсколько шаговъ.

— Я такой же человѣкъ, какъ и вы, и живу такъ же, какъ и вы живете, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, все еще стоя въ оборонительномъ положеніи и осматривая своихъ противниковъ. — Что вамъ отъ меня надобно? Какое кому до меня дѣло? Если я не хочу говорить съ вами, не хочу имѣть съ вами никакихъ сношеній, кто жь меня можетъ къ этому принудить? У меня на это свои причины. Оставьте меня въ покоѣ; въ противномъ случаѣ, горе тѣмъ, которые осмѣлятся напасть на меня, хотя бы ихъ было вдесятеро болѣе!

Глухой шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ. Нѣкоторые болѣе благоразумные люди совѣтовали оставить незнакомца, не вмѣшиваться въ частную жизнь человѣка, не сдѣлавшаго вреда никому, не принуждать его открывать свою тайну. Когда они кончили совѣщаніе и оглянулись, незнакомца уже не было.

Въ слѣдующій вечеръ, только-что стемнѣло, появился онъ снова на улицахъ. Нѣсколько разъ останавливался онъ передъ домомъ слѣсаря, но домъ былъ запертъ. Потомъ черезъ Лондонскій-Мостъ пошелъ онъ къ Соутверку. На поворотѣ одной улицы, увидѣлъ онъ женщину съ корзинкою въ рукѣ и тотчасъ же спрятался за уголъ, выжидая, пока она пройдетъ мимо его; потомъ вышелъ изъ своей засады и, озираясь, пошелъ за нею.

Она заходила въ лавки, покупая разныя вещи для домашняго обихода. Онъ также останавливался, бродилъ около того мѣста, куда она заходила, и потомъ снова слѣдовалъ за нею. Около одиннадцати часовъ, когда прохожіе начинали рѣже и рѣже показываться на улицахъ, повернула она, вѣроятно, домой и вошла въ ту же улицу, гдѣ ее встрѣтилъ незнакомецъ. Улица была пуста и темна, женщина удвоила шаги свои, робко оглядываясь по сторонамъ. Незнакомецъ преслѣдовалъ ее неутомимо.

Наконецъ, подошла вдова — это была она — къ своему дому и остановилась, чтобъ достать изъ корзины ключъ отъ дверей. Запыхавшись отъ скорой ходьбы и радуясь счастливому окончанію своего путешествія, вложила она ключъ въ замочную скважину и, поднявъ голову, увидѣла передъ собою страшнаго незнакомца.

Онъ зажалъ ей ротъ рукою; это было напрасно: отъ ужаса она не могла произнести ни одного слова.

— Долго подстерегалъ я тебя на улицахъ! Есть ли кто у тебя въ домѣ? Одна ли ты? Отвѣчай!

Какой-то неясный звукъ вылетѣлъ изъ спертой груди ея.

—Если ты не можешь говорить, то сдѣлай утвердительный знакъ.

Она кивнула головою.

Онъ отперъ дверь, ввелъ ее въ домъ и крѣпко заперъ дверь за собою.

ГЛАВА XVII.

То была темная и холодная ночь. Огонь потухъ въ каминѣ. Странный посѣтитель досталъ тлѣющій уголь и началъ раздувать его, поглядывая по-временамъ на вдову, которая въ какомъ-то безпамятствѣ опустилась на стулъ.

Наконецъ, ему удалось раздуть огонь, который былъ необходимъ, чтобъ согрѣть его окоченѣвшіе члены. Платье незнакомца было промочено насквозь, потому-что прошлую ночь и все утро шелъ проливной дождь. Все доказывало, что онъ жилъ подъ открытымъ небомъ, не имѣя никакого пристанища. Перепачканный въ грязи и угляхъ, въ платьѣ, плотно прильнувшемъ къ его исхудалымъ членамъ, съ блѣднымъ лицомъ, небритою бородою, стоялъ онъ, жадно слѣдя взорами разгарающееся пламя и порою поглядывая изъ-подлобья на вдову, какъ-бы боясь, чтобъ она не ушла отъ него.

Она закрыла лицо руками, дрожа отъ ужаса, не смѣя взглянуть на страшнаго гостя. Прошло нѣсколько долгихъ и мучительныхъ минутъ. Наконецъ, онъ сѣлъ и сказалъ:

— Это твой домъ?

— Да. Но, ради Бога, зачѣмъ вы пришли сюда?

— Дай мнѣ ѣсть и пить, если не хочешь, чтобъ я самъ здѣсь распорядился... Я прозябъ и голоденъ! Мнѣ необходима пища и теплый уголъ, гдѣ бы я могъ отдохнуть. Надѣюсь все это получить здѣсь, отъ тебя...

— Ты разбойникъ изъ Чигуэльской Улицы?

— Да!

— Ты готовъ былъ совершить убійство?

— По-крайней-мѣрѣ это было моимъ желаніемъ. Да что прикажешь дѣлать? Онъ поднялъ ужасный крикъ: «убійцы! спасите!» Ему было бы худо, еслибъ онъ не былъ такъ проворенъ... Я побѣжалъ за нимъ...

— Съ ножомъ? вскричала вдова, подпимая руки къ небу.—О, Боже! Ты слышишь его, Ты видишь этого ужаснаго человѣка!..

И сложивъ руки, подняла она къ небу взоры, полные отчаянія. Сурово посмотрѣлъ онъ на нее, и вставъ съ своего мѣста, остановился передъ нею въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Берегись! вскричалъ онъ дикимъ голосомъ:—берегись оскорблять меня, или ты погибла, — погибла душою и тѣломъ.

— Слушай, продолжалъ онъ:— я дикій звѣрь въ образѣ человѣка, злой духъ облеченный тѣломъ и плотью, привидѣніе, котораго страшатся всѣ живущіе, проклятое существо, житель не здѣшняго міра.. Я ничего не боюсь, я испыталъ всѣ ужасы жизни, я на землѣ живу какъ въ аду; но если ты будешь исполнять мои приказанія и не

будешь оскорблять меня — не сдѣлаю тебѣ никакого зла. Ты осмѣлилась угрожать мнѣ, а я никому не прощаю оскорбленій. Если ты заставишь меня пролить кровь, она падетъ на тебя же и на подобныхъ тебѣ во имя злаго духа, который искушеніемъ ведетъ людей къ погибели.

При этихъ словахъ, онъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и крѣпко сжалъ его въ рукѣ.

— О! накажи этого человѣка, правосудное небо! вскричала вдова. —Пошли ему минуту раскаянія, и потомъ очисти отъ него землю.

— Дай мнѣ пить и ѣсть, не то я исполню свои угрозы.

— Но оставишь ли ты домъ мой, когда я исполню твое требованіе? Обѣщаешь ли ты никогда сюда не возвращаться?

— Ничего не обѣщаю, отвѣчалъ онъ, садясь за столъ:—кромѣ одного: исполнить свою угрозу, если ты не будешь мнѣ повиноваться.

Она встала и молча подошла къ маленькому шкапу, изъ котораго вынула ломоть хлѣба, нѣсколько кусковъ холоднаго мяса, и поставила все это на столъ. Онъ потребовалъ вина и водки. И это исполнила она. Съ жадностью голоднаго звѣря пожиралъ онъ принесенное ею и во все это время она сидѣла въ противоположномъ углу комнаты, съ ужасомъ слѣдя за его движеніями. Она не смѣла не глядѣть на него: ужасное лицо незнакомца, казалось, приковывало къ себѣ ея взоры. Проходя мимо его къ шкапу, она подобрала платье, опасаясь прикосновенія къ этому человѣку. Окончивъ свой обѣдъ, если обѣдомъ можно назвать животное утоленіе голода, придвинулъ онъ снова къ огню стулъ и, грѣясь у ярко разгорѣвшагося камина, началъ снова:

—Я никогда такъ не былъ доволенъ обѣдомъ, какъ сегодня. Теплое пристанище—для меня необыкновенная роскошь. Кусокъ хлѣба, бросаемый нищему вмѣсто подаянія, былъ бы для меня роскошнымъ пиромъ. Здѣсь такъ хорошо и уютно. Ты одна живешь здѣсь?

— Нѣтъ! отвѣчала она какъ бы противъ воли.

— Кто жь еще здѣсь живетъ?

— Человѣкъ, мужчина; для тебя все равно, кто бы онъ ни былъ, но я совѣтовала бы тебѣ поскорѣе уйдти отсюда — онъ можетъ застать тебя...

— Я хочу хорошенько согрѣться, отвѣчалъ онъ, протягивая къ огню свои исхудалыя, жилистыя руки. Ты вѣрно богата?

— О, очень! отвѣчала она съ горькой улыбкой: — очень богата!..

— По-крайней-мѣрѣ, я увѣренъ, что у тебя найдется пара шиллинговъ. Я знаю, что у тебя есть деньги — ты сегодня вечеромъ дѣлала разныя закупки.

— Весьма небольшія. У меня осталось два, три шиллинга...

— Дай мнѣ твой кошелекъ. Ты держала его въ рукѣ, когда отворяла дверь.

Она молча положила кошелекъ на столъ. Онъ высыпалъ на руку мелкія деньги и началъ ихъ пересчитывать. Въ это время она вдругъ остановилась посреди комнаты, какъ-будто прислушиваясь къ чему-то, и потомъ бросилась къ нему.

— Бери всѣ деньги, бери все, что̀ хочешь, все, что̀ здѣсь найдешь, но ради Бога уходи скорѣе... Онъ сейчасъ прійдетъ... я узнаю шаги его. Я одна могу различить ихъ издалека. Уходи! уходи!

— Кто тамъ идетъ? чьи шаги услыхала ты?...

— Оставь эти неумѣстные вопросы. Еслибъ я была въ силахъ, своими руками притащила бы тебя къ дверямъ и вытолкнула на улицу. Бѣги! бѣги! Не теряй ни минуты, жалкій разбойникъ!

— Если тамъ ждутъ меня шпіоны, то я здѣсь гораздо-безопаснѣе, отвѣчалъ незнакомецъ съ какимъ-то страхомъ: — я хочу здѣсь остаться, и не уйду, пока не минетъ опасность.

— Поздно! вскричала вдова, которая прислушивалась къ шагамъ, раздававшимся по улицѣ и не обращала вниманія на его слова: — слышишь ли ты эти шаги? Это онъ, мой сынъ, мой бѣдный, беззаботный сынъ!..

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ необыкновенною дикостью, снова сильно застучали въ дверь. Онъ взглянулъ на вдову, вдова взглянула на него.

— Впусти его! сказалъ онъ хриплымъ голосомъ. — Я боюсь его не столько, какъ темной, безпріютной ночи. Онъ опять стучится. Впусти!

— Я предчувствовала ужасъ этой минуты, отвѣчала вдова: — это предчувствіе тревожило меня во всю жизнь мою, — я не впущу его. Бѣдствіе неминуемо постигнетъ его, если вы встрѣтитесь съ глаза на глазъ. Сынъ мой! мой несчастный сынъ! О, добрые ангелы неба, передъ которыми открыта истина! внемлите молитвѣ бѣдной матери, сохраните ей сына, не допустите его до знакомства съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ!

— Онъ стучится въ ставни! вскричалъ разбойникъ. — Онъ зоветъ тебя. Этотъ голосъ, этотъ крикъ... А! это онъ! онъ боролся со мною на дорогѣ, не такъ ли?

Она почти лишилась чувствъ, упала на колѣни и шевелила губами, но не могла произнести ни слова. Пока разбойникъ смотрѣлъ на нее, не зная что̀ начать, куда обратиться, — ставни отворились. Онъ едва успѣлъ съ быстротою молніи схватить со стола ножъ, всунуть его въ рукавъ и броситься въ кладовую, когда Бэрнеби уже постучался въ окно и съ дикимъ торжествомъ поднялъ нижнюю часть его рамы.

— Ха, ха, ха! кто же можетъ не впускать меня съ Грейфомъ? вскричалъ онъ, просунувъ голову въ окно и дико озирая комнату. — Вы тутъ, матушка? Зачѣмъ такъ долго не допускали вы насъ къ свѣту и огню?

Мать заикаясь сказала что-то въ извиненіе и протянула ему руку. Но Бэрнеби, не принимая руки ея, прыгнулъ въ комнату, бросился къ ней на шею и целовалъ ее.

— Мы были въ полѣ, матушка; прыгали черезъ рвы, ползали черезъ просѣки, взбирались на крутизны и спускались внизъ. Вѣтеръ дулъ сильно; трава и молодой тростникъ наклонялись и кланялись ему, чтобъ онъ не обижалъ ихъ, трусы! — А Грейфъ — ха, ха, ха! — молодецъ Грейфъ! ему все не по чемъ; когда вѣтеръ покатаетъ его въ пыли, онъ смѣло оборачивается и кусаетъ его... Грейфъ, смѣлый Грейфъ, дрался съ каждою склонявшеюся вѣточкой... Онъ говорилъ мнѣ, что вѣтки смѣются надъ нимъ... и онъ трепалъ ихъ, какъ бульдогъ. Ха, ха, ха!

Вóронъ въ маленькой корзинкѣ, бывшей на спинѣ его господина, слыша, что такъ часто и громко произносятъ его имя, выразилъ свое участіе тѣмъ, что закричалъ пѣтухомъ, и потомъ произнесъ всѣ слова, какія зналъ, съ такою скоростію и въ такихъ многоразличныхъ хриплыхъ тонахъ, что они показались говоромъ цѣлой толпы народа.

— Какъ онъ слушается меня! продолжалъ Бэрнеби. — Пока я сплю, онъ стережетъ меня, а когда я закрываю глаза, прикидываясь спящимъ, онъ тихонько твердитъ новый урокъ; но всегда присматриваетъ за мною, и если замѣтитъ, что я хоть немножко смѣюсь, тотчасъ перестанетъ болтать. Онъ хочетъ сдѣлать мнѣ сюрпризъ, когда совсѣмъ вытвердитъ слова.

Вóронъ опять закричалъ пѣтухомъ и такъ увлекательно, какъ-будто хотѣлъ сказать: «опять рѣчь идетъ обо мнѣ; я горжусь этимъ.» Между-тѣмъ, Бэрнеби закрылъ окно и, подходя къ огню, хотѣлъ сѣсть лицомъ къ кладовой. Но мать предупредила его въ этомъ, сѣвъ сама такимъ образомъ и подавая ему знакъ, чтобъ онъ сѣлъ напротивъ ея.

— Какъ вы блѣдны сегодня, матушка! сказалъ Бэрнеби, опершись на свою палку.—Мы поступили жестоко, Грейфъ; мы напугали ее!

Дѣйствительно, она испугалась; сердце ея билось сильно. Разбойникъ немного растворивъ дверь своего убѣжища, пристально смотрѣлъ на сына вдовы. Грейфъ, замѣчавшій все, чего даже не подозрѣвалъ господинъ его, высунулся изъ корзины и съ своей стороны сталъ внимательно глядѣть на разбойника сверкающими глазами.

— Онъ бьетъ крыльями, сказалъ Бэрнеби, и обернулся такъ быстро, что едва не замѣтилъ затворявшейся двери и головы подслу-

шивавшаго: — вѣрно тутъ есть кто-нибудь чужой; Грейфъ такъ уменъ, что вѣрно не выдумаетъ небылицы. На; скачи-себѣ!

Принявъ это приглашеніе съ свойственною ему важностью, воронъ вспрыгнулъ на плечо Бэрнеби, оттуда спустился на протянутую его руку, и сошолъ на землю. Когда Бэрнеби снялъ со спины корзину и поставилъ ее съ открытой крышкой въ уголъ, первою заботою Грейфа было закрыть ее какъ-можно-скорѣе и сѣсть на нее. Полагая, безъ сомнѣнія, что теперь отнялъ возможность у всякаго запереть его опять въ корзину, торжествуя, защелкалъ языкомъ и нѣсколько разъ прокричалъ «ура!»

— Матушка, сказалъ Бэрнеби, положивъ шляпу и палку въ уголъ и сѣвъ опять на стулъ, съ котораго всталъ-было:—я разскажу тебѣ, гдѣ мы были сегодня и что̀ дѣлали—хочешь?

Она взяла его за руку, крѣпко сжала ее и кивнула въ знакъ согласія, не имѣя силы говорить.

— Только никому не пересказывай этого, продолжалъ Бэрнеби, грозя ей пальцемъ: — потому-что это тайна, извѣстная только мнѣ, Грейфу и Гогу. Правда, съ нами была и собака, но она не можетъ все еще сравняться съ Грейфомъ; хоть и она тоже молодецъ, но никакъ не угадаетъ, зачѣмъ ходила съ нами, бьюсь объ закладъ... Что̀ ты все смотришь черезъ мое плечо?

— Кто? я? отвѣчала мать слабымъ голосомъ. — Такъ, сама не знаю. Подвинься ко мнѣ ближе.

— Ты встревожена, сказалъ Бэрнеби, блѣднѣя. — Матушка... Ты не видишь...

— Чего?

— Вѣдь нѣтъ... Здѣсь ничего этого нѣтъ, а? шепталъ онъ, придвигаясь еще ближе и указывая на родимый знакъ на рукѣ.—Боюсь, что оно здѣсь гдѣ-нибудь. Волосы у меня подымаются дыбомъ, когда смотрю на тебя, и по всему тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Зачѣмъ ты глядишь такъ странно? Развѣ оно въ комнатѣ такъ, какъ мнѣ снилось, брызжетъ кровью на потолокъ и на стѣны? Отвѣчай же? Да?

Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, дѣлая эти вопросы, закрывъ глаза руками. Черезъ нѣсколько времени онъ приподнялъ голову и оглянулся.

— Ушло?

— Да здѣсь ничего и не было, отвѣчала мать, успокоивая его. — Право, ничего, милый Бэрнеби. Посмотри хорошенько! Ты видишь, здѣсь никого нѣтъ, кромѣ меня и тебя.

Онъ со страхомъ посмотрѣлъ на нее и, успокоясь немного, захохоталъ дико.

— Посмотримъ, сказалъ онъ, задумываясь. — Мы ли это говорили? Была ли это ты, да я? Гдѣ мы были?

— Нигдѣ; мы сидѣли здѣсь.

— Ахъ, да, только Гогъ и я, сказалъ Бэрнеби: — вотъ что. Гогъ изъ Майскаго-Дерева, да я, знаешь, да Грейфъ—лежали въ лѣсу, подъ деревьями у дороги, съ потайнымъ фонаремъ, когда пришла ночь; у насъ была собака на веревкѣ, чтобъ тотчасъ спустить ее, когда тотъ человѣкъ пройдетъ мимо.

— Какой человѣкъ?

— Разбойникъ; тотъ, на котораго глазѣли звѣзды. Мы ужъ нѣсколько ночей подстерегали его впотьмахъ, и ужъ непремѣнно поймаемъ его. Я узна́ю его изъ тысячи человѣкъ. Смотри сюда, матушка! Вотъ каковъ онъ собой. Смотри!

Онъ обвилъ себѣ около головы платокъ, надвинулъ шляпу на лобъ, закутался въ сюртукъ и всталъ, до того похожій на подлинникъ, къ которому хотѣлъ поддѣлаться, что темная фигура, выглядывавшая за нимъ изъ коморки, могла быть почтена за тѣнь его.

— Ха, ха, ха! Ужь мы поймаемъ его, воскликнулъ онъ, скидывая съ себя такъ же скоро шляпу и платокъ, какъ скоро надѣлъ ихъ. — Увидишь его, матушка, связаннаго по рукамъ и по ногамъ; увидишь, какъ потащутъ его въ Лондонъ на сѣдельной подпругѣ; услышишь, что онъ на тэйбёрнскомъ деревѣ, если намъ посчастливится. Такъ говоритъ Гогъ. Но ты опять блѣднѣешь, опять дрожишь. Зачѣмъ ты смотришь такъ въ дверь кладовой?

—Ничего, отвѣчала она. — Я не такъ здорова. Поди, лягъ въ постель, милый Бэрнеби; оставь меня въ покоѣ.

— Въ постель! сказалъ онъ. — Я не люблю постели... Я лучше люблю лежать передъ огнемъ и смотрѣть на мѣстоположе́нія въ раскаленныхъ угляхъ—на рѣки, пригорки, пещеры въ темнокрасномъ солнечномъ закатѣ, на дикія, огненныя лица. Да вѣдь я голоденъ, и Грейфъ тоже не ѣлъ ничего съ самаго обѣда. Дай намъ поужинать. Грейфъ! ужинать; эй, молодецъ!

Вѐронъ захлопалъ крыльями и, каркая отъ радости, прыгнулъ къ ногамъ своего господина, раскрывая клювъ, чтобъ подхватить бросаемые куски. Бэрнеби бросилъ ему около двадцати кусковъ, и вѐронъ, не двигаясь съ мѣста, ловилъ ихъ очень-ловко.

— Довольно, сказалъ Бэрнеби.

— Больше! кричалъ Грейфъ.—Больше!

Но увѣрившись, что не получитъ ничего болѣе, вѐронъ отретировался съ своею провизіею, выбросилъ куски изо рта и спряталъ ихъ по разнымъ угламъ; но при этомъ особенно остерегался подходить близко къ кладовой, какъ-бы не довѣряя намѣреніямъ спрятавшагося въ ней человѣка и его силѣ противиться искушенію. Кончивъ работу, онъ прошелся два-три раза поперегъ комнаты, стараясь придать себѣ видъ величайшей беззаботности, но при всемъ

томъ безпрестанно поглядывая однимъ глазомъ на свое сокровище; потомъ началъ доставать одинъ кусокъ за другимъ и ѣсть съ величайшимъ аппетитомъ.

Бэрнеби, съ своей стороны, сдѣлавъ тщетныя усилія, чтобъ заставить мать раздѣлить съ нимъ ужинъ, поѣлъ тоже плотно. Одинъ разъ, въ-продолженіе этого, онъ хотѣлъ идти за хлѣбомъ въ кладовую; но мать поспѣшно предупредила его и, собравъ все свое мужество, пошла сама въ кладовую и принесла кусокъ хлѣба.

— Матушка, сказалъ Бэрнеби, посмотрѣвъ ей прямо въ глаза, когда она сѣла опять:—развѣ сегодня день моего рожденія?

— Сегодня? отвѣчала она. — Да развѣ ты не помнишь, что онъ былъ съ недѣлю назадъ, и прежде чѣмъ онъ опять прійдетъ, должны бъ были пройдти лѣто, осень и зима?

—Помню, что до-сихъ-поръ было такъ, сказалъ Бэрнеби. — Но, не смотря на все это, я полагаю, что и сегодня долженъ быть день моего рожденія.

— Почему жь ты такъ думаешь?

— Я скажу тебѣ почему, отвѣчалъ онъ. — Я видалъ, хоть и не говорилъ тебѣ ничего,—но видалъ, что ты всегда очень печальна въ этотъ день вечеромъ. Я видалъ тебя плачущею, когда мы съ Грейфомъ были очень-веселы, и испуганною безъ всякой причины; пожималъ тебѣ руку, и чувствовалъ, что она была холодна, точно какъ теперь. Разъ, матушка... тоже въ день моего рожденія... я и Грейфъ начали размышлять объ этомъ, отправившись спать, и ночью, когда пробилъ часъ, мы сошли внизъ и подошли къ двери твоей комнаты, чтобъ узнать здорова ли ты. Ты стояла на колѣняхъ... Я опять забылъ, что ты говорила тогда... Грейфъ, что она тогда говорила?

— Я дьяволъ! поспѣшно вскричалъ воронъ.

— Врешь, сказалъ Бэрнеби. — Ты что-то говорила въ молитвѣ, и когда встала и начала прохаживаться по комнатѣ, то была такъ же блѣдна, какъ теперь и какъ бываешь всегда въ день моего рожденія. Видишь, я понялъ это, хоть и глупъ. Вотъ почему и говорю теперь, что ты ошибаешься: сегодня долженъ быть день моего рожденія... Грейфъ, вѣдь нынче день моего рожденія?

Воронъ запѣлъ пѣтухомъ такъ продолжительно, какъ могъ бы запѣть только пѣтухъ, одаренный разумомъ, чтобъ провозгласить наступленіе должайшаго дня. Какъ будто въ-самомъ-дѣлѣ понявъ слова Бэрнеби и придумывая, какъ поздравить его, воронъ почелъ приличнѣе всего сказать: «Очень много разъ говорю не быть мертвымъ!» хлопая при этомъ весьма-патетически крыльями.

Мать не отвѣчала на слова сына и старалась обратить его вниманіе на другой предметъ, что, какъ знала изъ опыта, было очень-легко. Послѣ ужина, Бэрнеби, не смотря на просьбы матери, легъ на ци-

новкѣ передъ каминомъ; Грейфъ качался на одной ногѣ и то дремалъ въ пріятной теплотѣ, то, казалось, старался вспомнить какую-то рѣчь, которую заучивалъ днемъ.

Наступило продолжительное, глубокое безмолвіе, только изрѣдка прерываемое Бэрнеби, который все еще пристально смотрѣлъ въ огонь и ворочался на своей постели, то Грейфомъ, который, стараясь припомнить что-то, время-отъ-времени вскрикивалъ глухимъ голосомъ: «Полли, поставь чайн...» и, забывъ остальное, умолкалъ и продолжалъ дремать.

Прошло довольно времени; Бэрнеби начиналъ уже дышать сильнѣе, правильнѣе и закрылъ глаза. Но тутъ опять крикъ безпокойнаго ворона: «Полли, поставь чайн...» пробуждалъ его.

Наконецъ Бэрнеби заснулъ глубокимъ сномъ, и воронъ, опустивъ голову на вздувшуюся грудь свою, болѣе и болѣе закрывалъ блестящіе глаза свои, и казалось, тоже расположился спать. Кое-когда бормоталъ онъ еще гробовымъ голосомъ: «Полли, поставь чайн...» но очень невнятно и скорѣе, какъ пьяный человѣкъ, нежели какъ размышляющій воронъ.

Вдова, едва смѣя дышать, встала съ своего мѣста. Разбойникъ тихонько выбрался изъ кладовой и задулъ свѣчу.

— «...никъ на огонь» вскричалъ Грейфъ, вдругъ вспомнивъ окончаніе фразы, чрезвычайно громкимъ голосомъ: — «никъ на огонь. Ура! Полли, поставь чай...никъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай. Полли, поставь чайникъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай. Ура, ура, ура! Я дьяволъ, дьяволъ, чайникъ на огонь! скорѣе. Говори никогда не быть мертвымъ, бау, вау, вау, я дьяволъ; чайникъ на огонь; я... Полли, поставь чайникъ на огонь, мы всѣ пьемъ чай...»

Вдова и разбойникъ стали какъ вкопанные, будто услышали голосъ изъ могилы.

Но и эти крики не могли разбудить спящаго. Онъ обернулся къ огню, рука его опустилась на землю, голова склонилась на руку. Вдова и незваный гость взглянули на него, потомъ другъ на друга, и она указала ему дверь.

— Постой, прошепталъ онъ.—Славнымъ дѣламъ учишь ты своего сына!

— Я не учила его ничему изъ того, что̀ ты слышалъ. Уйди сію же минуту, или я разбужу его.

— Это въ твоей волѣ. Не хочешь ли, чтобъ я разбудилъ его?

— Ты не осмѣлишься этого сдѣлать!

— Я уже говорилъ тебѣ, что осмѣлюсь на все. Онъ, кажется, хорошо знаетъ меня: такъ и я хочу съ нимъ познакомиться.

— Ты хочешь убить спящаго? вскричала вдова, бросаясь между нимъ и сыномъ.

— Женщина! сказалъ онъ сквозь зубы, отводя ее въ сторону:—я хочу посмотрѣть на него получше, и сдѣлаю это. Если жь ты хочешь, чтобъ одинъ изъ насъ былъ убитъ, то, пожалуй, разбуди его.

Сказавъ это, онъ подошелъ ка Бэрнеби, наклонился, тихо повернулъ къ огню его голову и всматривался ему въ лицо. Пламя озарило лицо Бэрнеби и освѣтило малѣйшую черту его. Съ минуту разбойникъ всматривался въ него и потомъ отошелъ быстро.

— Замѣть себѣ, шепнулъ онъ вдовѣ:—черезъ этого молодца, о существованіи котораго я не зналъ ничего до нынѣшняго вечера, ты въ моей власти. Берегись дурно обращаться со мною! берегись! Я покинутъ всѣми; я нищій, умирающій съ голоду: я могу мстить вѣрно и медленно!

— Въ твоихъ словахъ долженъ быть ужасный смыслъ, но я не понимаю его.

—Въ нихъ есть смыслъ, и я вижу, ты понимаешь ихъ какъ-нельзя-лучше. Ты напередъ знала это цѣлые годы, ты сама говорила мнѣ о томъ. Предоставляю тебѣ размыслить объ этомъ. Не забудь же моей угрозы.

Онъ указалъ еще разъ на спящаго и вышелъ тихими шагами на улицу. Мать бросилась на колѣни подлѣ сына и осталась въ такомъ положеніи какъ окаменѣлая, пока слезы, удерживаемыя до-тѣхъ-поръ страхомъ, не облегчили ея стѣсненнаго сердца.

— Боже! воскликнула она:—Ты, научившій меня такой сильной любви къ этой единственной надеждѣ, которая осталась мнѣ отъ минувшаго счастія,—къ этому больному ребенку, изъ недуга котораго, можетъ-быть, проистекаетъ утѣшеніе, что онъ навсегда останется мнѣ нѣжнымъ, любящимъ сыномъ,—будь ему заступникомъ на мрачномъ пути жизни; иначе онъ погибнетъ, а бѣдное сердце мое не вынесетъ его погибели...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ.

I see before me the gladiator lie...
Byron.

—

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена:
А онъ, пронзенный въ грудь — безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его сенаторъ
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Чтó яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актёръ.

И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ, — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай ..
И родина цвѣтетъ... свободный жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей.
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ, — прости, о край родной!..»

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

2 февраля 1836 г.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ГЁТЕ.

Статья третья.

Гёте въ Веймарѣ съ 1775 по 1796 г. — Путешествіе въ Италію. — Знакомство и дружба съ Шиллеромъ.

Центромъ, около котораго обращались всѣ современныя знаменитости, посѣщавшія Веймаръ, или постоянно-жившія въ немъ, была герцогиня Анна-Амалія Саксен-Веймарская, мать владѣтельнаго герцога, образецъ истинно-царскаго величія, исполненная благородства и любезности въ обращеніи, любительница наукъ и искусствъ, проводившая время въ кругу замѣчательныхъ по уму своему мужчинъ и женщинъ. Сохранившійся до сего времени абрисъ живописца Крауса представляетъ вечернее общество герцогини, состоявшее изъ Виланда, Эйнзиделя, Кнебеля, Луизы фон-Гехгаузенъ, Амаліи фон-Имгофъ и другихъ, къ которому въ послѣдствіи принадлежали Гёте, Гердеръ, Майеръ и Ферновъ.—Герцогиня хорошо знала музыку и живопись; еще при жизни супруга своего она покровительствовала возраждающейся нѣмецкой драмѣ, и когда Гёте въ 1775 году прибылъ въ Веймаръ, театръ былъ почитаемъ моральнымъ учрежденіемъ, школою добродѣтели и нравственности. Съ любовію къ умной, назидательной бесѣдѣ, она соединяла въ высочайшей степени терпимость, и это дѣлало ее способною поддерживать согласіе и отвращать всякое непріязненное столкновеніе разнородныхъ элементовъ двора. Она сообщала всѣмъ окружавшимъ ее страсть къ забавамъ и увеселеніямъ, которыми въ Веймарѣ встрѣчали всякаго посѣтителя, замѣчательнаго своимъ умомъ и принадлежавшаго къ сы-

шему кругу. Любимецъ ея Виландъ не могъ довольно надивиться многосторонности ея образованія и постоянству, съ которымъ она старалась обогащать умъ свой разнородными свѣдѣніями, разсуждая попеременно съ Райналемъ о политикѣ, съ Вилоазономъ о литературѣ, съ Ёзеромъ объ искусствахъ.

Таковъ былъ кругъ, въ который должно было вступить Гёте, съ которымъ онъ долженъ былъ соединиться на всю свою жизнь. Вступленіе его походило на тріумфъ. Онъ явился въ костюмѣ Вертера, проникнутый еще духомъ этого романа, что и дѣлало его чрезвычайно интереснымъ въ глазахъ женщинъ. Изъ нихъ болѣе другихъ сдѣлала на него впечатлѣніе сестра Коцебу, впослѣдствіи вышедшая за синдика Гильдемейстера въ Бременѣ. Въ честь ей написалъ онъ комедію Die Geschwister, въ которой изобразилъ себя и ее.—Въ первое время своего пребыванія въ Веймарѣ, Гёте жилъ въ домѣ каммер-президента фон-Кальба, который былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ, предвидя въ немъ всемогущаго любимца восьмнадцатилѣтняго герцога. Но скоро Гёте поселился въ саду, принадлежавшемъ Бертуху, и граничившемъ съ дворцовымъ паркомъ: это было для него весьма удобно, потому-что, при недостаточности своего туалета, онъ часто пользовался гардеробомъ герцога.

Вмѣстѣ съ подобными странностями, которыя всякій легко прощалъ генію Гёте, вскорѣ оказалась большая перемѣна въ отношеніяхъ его къ прежнимъ друзьямъ. Нѣкоторыхъ онъ приблизилъ къ себѣ; отъ большей же части старался удалиться. Гердеръ былъ призванъ къ веймарскому двору по его рекомендаціи. Графъ Фридрихъ-Леопольдъ Штольбергъ также былъ приглашаемъ въ веймарскую службу, но конечно педантское изображеніе придворной жизни, сдѣланное ему Клопштокомъ, заставило его отказаться отъ этого приглашенія. До насъ дошло письмо творца «Мессіады» къ Гёте и замѣчательный отвѣтъ его. «Избавьте насъ, любезный Клопштокъ»—писалъ ему Гёте 21 мая 1776 года—«отъ подобныхъ писемъ. Они не могутъ помочь намъ, но всегда разстроиваютъ насъ на нѣсколько часовъ. Вы сами чувствуете, что мнѣ нечего отвѣчать на нихъ. Я долженъ или какъ школьникъ пропѣть «pater peccavi», или извинять себя софизмами, или наконецъ защищаться мужественно; вѣроятно отвѣтъ мой былъ бы смѣшеніе всего этого, и такъ ни слова болѣе. Увѣряю васъ, что у меня не осталось бы ни одной свободной минуты, если бъ я вздумалъ отвѣчать на подобныя увѣщанія. Герцогу было больно слышать такія вещи отъ Клопштока: онъ любитъ и уважаетъ васъ; во мнѣ вы также на этотъ счетъ увѣрены. Прощайте. Пусть Штольбергъ пріѣзжаетъ, онъ найдетъ насъ навѣрное нехуже, а Богъ дастъ и лучше, нежели какъ воображаетъ.»

Многіе изъ прежнихъ друзей его, которыхъ фортуна Гёте привлекла въ Веймаръ, были приняты имъ холодно и сухо.—Гёте не нравилась серьёзная натура его земляка Клингера; онъ находилъ общество его утомительнымъ. Зятя своего Шлоссера Гёте обидѣлъ письмомъ, написаннымъ его каммердинеромъ, къ которому онъ не прибавилъ ни одной строчки своей руки. Ленцъ самъ изгналъ себя отъ двора, ибо, по словамъ Виланда, «онъ ежедневно дѣлалъ какую-нибудь глупость». Только съ Меркомъ дружба Гёте продолжалась довольно долго. Добродушный Виландъ едва не обожалъ лю-

бимца герцога. Въ письмѣ къ Мейзелю отъ 16 ноября называетъ онъ Гёте «величайшимъ геніемъ и добрѣйшимъ, любезнѣйшимъ человѣкомъ». Впрочемъ, слишкомъ навязчивая дружба Виланда скоро надоѣла Гёте и начала остывать, особливо, когда Виландъ болѣе сблизился съ Гердеромъ, въ характерѣ котораго Гёте всегда находилъ что-то отталкивающее; Гёте не нравилось въ немъ, какъ самъ онъ говоритъ, «вѣчно дурное расположеніе духа, которымъ онъ мучилъ себя и другихъ».

Такой характеръ,конечно,нисколько не согласовался съ веселою свѣтскостію Гёте, съ его юношескою живостію и страстію къ наслажденіямъ, готовою иногда преступить освященныя временемъ обыкновенія; разговоръ его былъ всегда оживленъ шутками и юморомъ; его богатая фантазія представляла въ волшебномъ блескѣ самые обыкновенные предметы. Такимъ образомъ Гёте скоро сдѣлался душою веселаго круга, который собралъ около себя молодой герцогъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Охота смѣнялась придворными праздниками въ Тифуртѣ и Эттесбургѣ, въ память которыхъ много замѣчательныхъ именъ было вырѣзано собственноручно на одномъ деревѣ въ тифуртскомъ паркѣ.

Всѣ письма Гёте этого времени, показываютъ какъ доволенъ онъ былъ своею жизнію. 21 декабря 1775 писалъ онъ къ Лафатеру: «Я здѣсь какъ между своими; съ каждымъ днемъ герцогъ становится мнѣ дороже, и мы тѣснѣе связываемся другъ съ другомъ». Въ письмѣ къ Мерку, писанномъ 5 января 1775 года, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Гёте сдѣланъ былъ тайнымъ совѣтникомъ посольства съ правомъ засѣдать и подавать голосъ въ совѣтѣ, онъ между-прочимъ говорилъ: «Вѣроятно скоро услышишь ты о моихъ подвигахъ на Theatro mundi, и надѣюсь, я буду сносенъ во всѣхъ его трагикомическихъ сценахъ». — Замѣчательно также и слѣдующее мѣсто изъ письма его къ Лафатеру отъ 6 марта 1776 года: «Я пустился въ океанъ жизни, съ твердою рѣшимостію сдѣлать новыя открытія и пріобрѣтенія, сражаться, и готовый перенесть кораблекрушеніе или взорвать себя со всѣмъ грузомъ на воздухъ».

Эта восторженность скоро уступила мѣсто болѣе спокойному расположенію духа. Въ письмѣ къ Мерку отъ 24 іюля 1776 г., въ которомъ онъ говоритъ, что возвращается къ своему любимому занятію, живописи,и что даже на охоту ѣздитъ съ своимъ портфёлемъ, — мы видимъ его опять болѣе углубленнымъ въ самого себя. «Герцогъ» писалъ онъ: «таковъ же, какъ и я, и конечно это многимъ не по-сердцу. Мы рука-объ-руку идемъ по избранному нами пути, сталкиваемся, правда, со всѣми посредственностями злыми и добрыми, но при всемъ томъ, надѣюсь, дойдемъ до своей цѣли, потому-что боги видимо на нашей сторонѣ!»—Въ нѣсколько позднѣйшемъ письмѣ къ Лафатеру, отъ 8 января 1777 г., Гёте говоритъ: «Сколько бы ни продлилось теперешнее мое существованіе, — образецъ тревожной и разнообразной свѣтской жизни, —мнѣ навсегда останется отъ него воспоминаніе огорченій, надеждъ, любви, трудовъ, нуждъ, похожденій, скуки, глупостей, дурачествъ, радостей, ожиданнаго и неожиданнаго, плоскаго и глубокаго, и все это украшенное праздниками, танцами, роскошью, блестками и гремушками,–право, прекрасная жизнь! Но при всемъ томъ, любезный братъ, благодаря Бога я счастливъ въ самомъ себѣ и въ отношенія

къ предназначенной цѣли. У меня нѣтъ ни одного желанія, которое я не надѣялся бы исполнить.»—То же говоритъ Гёте въ письмѣ отъ 19 февраля 1777 г. «Я совершенно счастливъ въ безпрерывномъ движеніи и треніи жизни, и въ душѣ у меня спокойнѣе, нежели когда-нибудь; ни къ кому не пишу, ни о комъ не слышу. Кромѣ круга, въ которомъ живу, ни что меня не занимаетъ.»

Гёте вовлеченъ былъ во всѣ политическія и придворныя интриги, и Герцогства Веймаръ и Эйзенахъ, какъ говоритъ онъ въ письмѣ отъ 22 января 1777 года, представляли довольно просторную сцену для того, кто хотѣлъ испытать себя въ политической роли.—Лѣтнее пребываніе въ деревнѣ, на берегу Ильма, опять возвратило Гёте къ внутренней жизни. «Моя долина» — писалъ онъ къ Мерку 5 августа 1778 г.—«украшается, т. е. я свыкаюсь съ нею и дѣлаю ее пріятнѣе для себя и для другихъ. Я собственными руками расчищаю и убираю запущенныя мѣста, и потомъ предоставляю природѣ довершить мои труды. Эти игрушки для меня то же, что лодка, на которой я объѣзжаю скучныя мѣста моей жизни. Въ глубинѣ души моей все идетъ какъ-нельзя-лучше. Стихія, въ которой я теперь живу, во многихъ отношеніяхъ похожа на воду. Она привлекаетъ всякаго; но, погрузившись въ нее до половины, чувствуешь сначала стѣсненіе въ дыханіи, а окунувшись — не видишь ни неба, ни земли; преодолѣвъ первый страхъ, начинаешь чувствовать, что стихія въ состояніи поддержать тебя, что ты не идешь ко дну, хоть только носъ твой выглядываетъ на поверхности; являются члены и способности лягушечьей натуры, и современемъ привыкаешь малымъ движеніемъ производить многое. — Я сажу теперь деревья, какъ нѣкогда сыны Израиля клали камни—для ознаменованія пути своего».

Это же письмо содержитъ въ себѣ краткое описаніе путешествія въ Гарцскія Горы, увѣковѣченное извѣстнымъ стихотвореніемъ. «Прошлою зимою» писалъ Гёте— «путешествіе на Гарцъ доставило мнѣ чистѣйшее наслажденіе. Ты знаешь, какъ я не люблю, когда обыкновенное, естественное хотятъ представить чудеснымъ, и на оборотъ какъ люблю, когда чудесное происходитъ естественнымъ образомъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, не смотря на холодъ, грязь и снѣгъ, я одинъ-одинехонекъ отправился верхомъ, съ чемоданомъ за сѣдломъ, черезъ Нордгаузенъ, Вернингероде, Госларъ, на высокій Гарцъ (я опишу тебѣ въ другой разъ всѣ подробности), преодолѣлъ всѣ трудности. и 8 декабря, въ часъ по полудни, стоялъ на Броккенѣ , облитый лучами солнца, на слоѣ снѣга въ полтора аршина толщиною и смотрѣлъ на окрестную страну, подернутую облаками; лѣсничій, котораго я съ трудомъ могъ уговорить быть моимъ вожатымъ, съ удивленіемъ увидѣлъ себя на такой высотѣ, которую онъ считалъ недоступною, живя уже нѣсколько лѣтъ у подошвы горы. Тутъ провелъ я одинъ двѣ недѣли,, и никто не зналъ гдѣ я. Посылаю тебѣ нѣсколько строкъ, плодъ уединеннаго пребыванія на Гарцѣ.»—Это было извѣстное стихотвореніе *Зимняя Поѣздка на Гарцъ* (Harzreise im Winter) (*). Многія

(*) Оно переведено А. Н. Струговщиковымъ и напечатано въ послѣдней книжкѣ Отечеств. Записокъ 1841 года.

мѣста его относятся къ даровитому, но одержимому неизлечимою меланхоліею молодому человѣку, Плессингу, съ которымъ Гете познакомился въ Вернингероде.

Къ этому же времени относится непродолжительное пребываніе Гете въ Берлинѣ, куда онъ весною 1778 года сопровождалъ герцога веймарскаго. «Я былъ въ Берлинѣ только нѣсколько дней», писалъ онъ къ Мерку: «и только успѣлъ заглянуть въ него, какъ ребенокъ заглядываетъ въ ящикъ съ игрушками. Но ты знаешь, что̀ значитъ для меня первый взглядъ, — тысячи идей родились въ головѣ моей. Наконецъ я узналъ короче стараго Фрица (Фридриха II), видѣлъ его житьё-бытьё, его золото, серебро, мраморы, обезьянъ, попугаевъ и изорванные занавѣсы, и слышалъ пересуды о немъ его собственныхъ *негодяевъ* (Lumpenhunde). Мы проѣхали большую часть арміи принца Генриха; ея движенія и генералы, которыхъ я дюжинами встрѣчалъ на обѣдахъ, обратили мое вниманіе на теперешнюю войну. Впрочемъ, я мало имѣлъ сношеній съ людьми, и во все пребываніе въ прусскихъ владѣніяхъ не сказалъ ни одного слова, котораго нельзя было бы напечатать; за это меня прославили гордецомъ и т. п.»

Еще бо̀льшимъ упрекамъ подвергся Гете отъ друзей за свою новую трагедію *Клавиго*, въ которой онъ опять вывелъ характеръ Вейслингена, чтобъ, какъ самъ онъ говорилъ, представить его во всей полнотѣ главнаго дѣйствующаго лица. Упрекъ, который Гете впослѣдствіи дѣлалъ самъ себѣ, именно, что разсѣянная придворная жизнь стѣсняла, уничтожала дѣятельность его поэтическаго таланта, онъ теперь уже часто долженъ былъ слышать отъ Мерка, который между прочимъ писалъ ему: «Не понимаю, ка̀къ Вольфгангу пришла мысль втереться ко двору? какъ-будто ты не могъ выбрать ничего другаго?»

Дѣйствительно, Гете жертвовалъ почти всѣмъ своимъ временемъ и всѣми силами новому своему назначенію. Онъ вполнѣ чувствовалъ и цѣнилъ дружбу герцога, и, можетъ-быть, опасаясь, чтобъ союзъ этотъ не разорвался такъ же скоро, какъ былъ заключенъ, онъ всемѣрно старался оправдать довѣріе своего государя; можетъ-быть, онъ самъ еще не понималъ ясно что̀ предстояло ему на этомъ поприщѣ. По-крайней-мѣрѣ, онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее мѣсто изъ одного письма его: «Возложенныя на меня обязанности, которыя съ каждымъ днемъ становятся мнѣ легче и труднѣе, требуютъ неусыпной дѣятельности; онѣ начинаютъ дѣлаться для меня священными, и въ этомъ-то, и только въ этомъ я хочу подражать великимъ людямъ. Смотрю на свое существованіе, какъ на пирамиду, которой основаніе мнѣ дано, и которой верхъ я долженъ по возможности вознесть къ небесамъ. Это желаніе перевѣшиваетъ всѣ другія и ни на минуту не оставляетъ меня. Мнѣ нельзя терять времени, я уже въ лѣтахъ: можетъ-быть смерть похититъ меня съ половины пути — и столпотвореніе вавилонское останется недоконченнымъ. Въ такомъ случаѣ, всякій, по-крайней-мѣрѣ, скажетъ, что оно начато было по смѣлому плану, а если Богъ продлитъ жизнь мою, то, надѣюсь, у меня достанетъ силъ окончить зданіе». Въ-самомъ-дѣлѣ, Гете имѣлъ цѣлію, какъ выразился объ немъ одинъ остроумный писатель: «жить вмѣстѣ для свѣта и искусствъ, для наукъ и природы, соединить въ себѣ прак-

тическую и теоретическую деятельность государственнаго человѣка и литератора».

Эти обширные планы скоро должны были уступить мѣсто пробудившейся страсти къ театру. Еще въ первое время пребыванія Гете въ Веймарѣ разъиграны были небольшія пьесы и оперетки въ Эттесбургѣ и Тифуртѣ, въ буковыхъ рощахъ на берегу Ильма. Написанныя для этого Эйнзиделемъ, Зекендорфомъ, Музеусомъ и самимъ Гете пьесы должны были удовлетворять всѣмъ условіямъ времени и мѣста, и потому изъ твореній Гете этого времени заслуживаютъ вниманія только *Рыбачка*, *Эрвинъ и Эльмира* и *Клаудина фонъ-Вилла-Белла*, не говоря о множествѣ прологовъ и маскерадныхъ сценъ, исполненныхъ безжалостныхъ выходокъ противъ враговъ и друзей:—такъ однажды Гете написалъ ѣдкую пародію на одну арію изъ виландовой «Альцесты». Болѣе-серьёзный характеръ сохранилъ учрежденный въ Веймарѣ стараніями Гете театръ любителей, который получалъ отъ двора гардеробъ, освѣщеніе, музыку и проч. Даровитая Корона Шретеръ, бывшая тогда придворною пѣвицею, которую Гете обезсмертилъ въ своемъ стихотвореніи *Смерть Мидинга*, блистала преимущественно въ трагическихъ, или такъ-называемыхъ характерныхъ роляхъ превосходною мимикою, высокимъ, стройнымъ станомъ и изяществомъ движеній. Впослѣдствіи, торжествомъ ея была *Ифигенія* Гете. Игра самого Гете въ роляхъ Альцеста въ *Виновныхъ* и Ореста, исполненная пылкой страсти, была вмѣстѣ съ тѣмъ неразвязна. Онъ лучше игралъ шуточныя роли, особливо въ собственныхъ своихъ пьесахъ, каковы: *Гаманъ*, *Паяцъ* (Hanswurst) на плундерсвейлерской ярмаркѣ и т. п. Эйнзидель, Музеусъ и другіе взяли комическія роли, между-тѣмъ, какъ серьёзный Кнебель былъ совершенно на своемъ мѣстѣ въ роляхъ царя въ *Счастливыхъ Нищихъ* Гоцци, и Тоаса въ *Ифигеніи* Гете. Всѣ относящіяся къ этому времени сочиненія Эйнзиделя, Зекендорфа и другихъ потеряны; изъ твореній Гете, кромѣ большихъ драматическихъ сочиненій, дошли до насъ многія лирическія произведенія, и въ числѣ ихъ *Эпиваніасъ*, обработанный тогда въ драматической формѣ.

Въ 1779 году, Гете возобновилъ впечатлѣніе поѣздки своей въ Швейцарію новымъ путешествіемъ вмѣстѣ съ герцогомъ. Письмо къ Мерку отъ 17 октября 1779 содержитъ въ себѣ отрывистыя замѣчанія объ этомъ путешествіи, во время котораго онъ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней у Лафатера.

Въ письмѣ къ Мерку отъ 7 апрѣля 1780 года, которымъ Гете увѣдомляетъ его о своемъ выздоровленіи отъ продолжительной болѣзни, есть бѣглыя замѣчанія о нѣкоторыхъ его литературныхъ проектахъ и планахъ, которые, впрочемъ, большею частію остались неисполненными, въ томъ числѣ и біографія герцога Бернгардта веймарскаго.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Лафатеру, отъ 5 іюля 1780 года. Гете опять упоминаетъ о своемъ намѣреніи написать біографію герцога Бернгардта; мысль эта, кажется, очень привлекала его.«Я по обыкновенію своему собираю» — писалъ онъ — «матеріалы для біографіи этого человѣка, который значителенъ какъ государь и человѣкъ, и въ-продолженіи своей краткой жизни былъ любимцемъ фортуны и людей. Онъ жилъ, во время тридцати-

лѣтней войны. Картина его семейства и семейства его братьевъ занимаетъ меня еще болѣе потому-что я такъ близокъ къ ихъ правнукамъ, въ которыхъ сохранились многія черты ихъ характеровъ.

Объ этой идеѣ самъ Гете говорилъ гораздо позже: «Много тщетныхъ трудовъ и времени посвятилъ я мысли написать исторію герцогаБернгардта.Послѣ долгихъ розъисканій и распредѣленія матеріаловъ я наконецъ убѣдился, что жизнь героя, взятая отдѣльно, не представляетъ изъ себя живой картины. Онъ играетъ достойную роль въ плачевной Иліадѣ тридцатилѣтней войны, но за то не можетъ быть отдѣленъ отъ современныхъ событій и лицъ. Я было-выдумалъ средство помочь себѣ, хотѣлъ написать его жизнь какъ первый томъ, за которымъ должно было слѣдовать продолженіе, — думалъ оставить мѣстами недодѣлки, которыя внушили-бы всякому сожалѣніе, что преждевременная смерть не дала строителю докончить зданіе. Всѣ эти труды не были для меня совершенно безполезны. Какъ Гецъ-фон-Берлихингенъ ознакомилъ меня съ пятнадцатымъ и шестнадцатымъ столѣтіями, такъ теперь открылись передъ мною всѣ бѣдствія семнадцатаго вѣка».

Занятія другаго рода, вѣроятно, также отчасти были причиною, почему Гете оставилъ свои историческія розъисканія. Онъ еще не переставалъ любить художества, къ которымъ пристрастился съ-дѣтства. Его письма къ Лафатеру и Мерку исполнены замѣчаній касательно гравюръ, ландшафтовъ, очерковъ, которые онъ уже имѣлъ или желалъ пріобрѣсть, чтобъ дополнить свое собраніе. 6 марта 1780 года, писалъ онъ Лафатеру объ Альбрехтѣ Дюрерѣ: «Я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе уважаю неоцѣненныя произведенія этого художника, который въ естественности, возвышенности и граціи имѣетъ равныхъ себѣ, можно смѣло сказать, только въ первоклассныхъ итальянскихъ живописцахъ. Въ послѣднее путешествіе я составилъ себѣ порядочную коллекцію абрисовъ, особенно ландшафтовъ. Пожалуйста, будь внимателенъ,— черезъ твои руки проходитъ такъ много всякой всячины. Если тебѣ попадется листокъ, на которомъ наброшено перомъ быстрое, непосредственное выраженіе мысли художника, не упускай его, если только можно пріобрѣсть его за умѣренную цѣну. Ты мнѣ доставишь этимъ большое удовольствіе».

Новою пищею для любви Гете къ художествамъ было двухнедѣльное пребываніе Ёзера въ Эттесбургѣ. Ничто не могло быть для него пріятнѣе свиданія съ наставникомъ своей юности, которому, какъ мы уже видѣли изъ его писемъ, онъ обязанъ наиболѣе своимъ образованіемъ. Ёзеръ занятъ былъ тогда учрежденіемъ и устройствомъ въ Эттесбургѣ театра любителей, на которомъ въ-теченіи четырнадцати дней хотѣлъ поставить гетеву комедію «Птицы» (Die Vögel), подражаніе Аристофану. Гете писалъ объ Ёзерѣ: «Старикъ не имѣлъ ни минуты покоя; цѣлый день онъ хлопоталъ, приказывалъ, измѣнялъ, рисовалъ, училъ и т. п. Безъ него у насъ теперь все идетъ тише и проще».

Послѣ отъѣзда Ёзера, страсть Гете къ художествамъ начала уступать мѣсто усиливавшейся въ-послѣдствіи съ годами любви къ предметамъ естественной исторіи. Въ письмѣ къ Мерку отъ 3 іюля 1780 года, говоря о бюстѣ Ёзера, высѣченномъ изъ камня скульпторомъ Клауеромъ, онъ при-

совокупляетъ: «Кстати о камняхъ: я предпринялъ нѣчто весьма пріятное и занимательное. Одинъ молодой человѣкъ, котораго мы намѣрены употребить по горной части, составляетъ теперь для меня минералогическое описаніе Веймара, Эйзенаха и Іены, собираетъ и полируетъ разныя породы камней; изъ этого составится простой, но для насъ очень любопытный кабинетъ. Мы много нашли хорошаго и полезнаго, хоть и нельзя сказать доходнаго. Ты сдѣлалъ бы мнѣ большое удовольствіе, еслибъ при случаѣ доставилъ кусокъ гранита изъ вашихъ горъ; большіе отколки его заставляютъ меня думать, что Римляне употребляли его для своихъ обелисковъ. Также мнѣ хотѣлось бы узнать, какія породы находятся на самой вершинѣ Фельсберга».

Во время этихъ разнообразныхъ занятій въ области искусствъ и наукъ, поэтическая дѣятельность Гете, кажется, совершенно уснула. Но она опять была пробуждена явленіемъ виландова «Оберона». «Конечно, ты прочелъ уже Оберона и восхищался имъ», писалъ Гете къ Мерку 7 апрѣля 1780 года. «Я послалъ Виланду лавровый вѣнокъ, который очень обрадовалъ его». Въ письмѣ къ Лафатеру отъ 3 іюля 1780 года, Гете говоритъ: «Пока поэзія останется поэзіей, золото золотомъ и кристаллъ кристалломъ, до тѣхъ-поръ всякій будетъ удивляться Оберону Виланда, этому мастерскому художническому произведенію». Какъ высоко цѣнилъ Гете это твореніе можно видѣть изъ письма его отъ 24 іюля 1780 года, замѣчательнаго и потому-что оно не одобряетъ черезъ-чуръ-привязчивой критики и распространявшейся страсти къ порицанію, не щадившей даже образцовыхъ твореній. «Говоря о виландовомъ Оберонѣ», — писалъ Гете къ Лафатеру — «ты нарочно употребляешь слово *талантъ*, какъ противоположность или по-крайней-мѣрѣ низшую степень *генія*. Подумавъ хорошенько, ты долженъ сказать, что талантъ есть только языкъ генія. Я не хочу быть привязчивымъ, ибо знаю, чтò ты хочешь сказать, и только остерегаю тебя. Мы часто бываемъ слишкомъ расточительны на общія выраженія. Сверхъ того, въ такихъ твореніяхъ, какъ Оберонъ, часто остается незамѣченнымъ весьма рѣдкое достоинство, именно, что авторъ хотѣлъ написать и написалъ только то, чтò есть въ его произведеніи. Онъ заслуживаетъ большую благодарность за художническое чувство и тонкость, съ которою пожертвовалъ тутъ многимъ, и эту справедливость можетъ отдать ему только собратъ и художникъ».

Такія идеи успокоивали Гете при сужденіяхъ толпы, часто весьма односторонних, о собственныхъ его произведеніяхъ этого времени. Многіе осуждали его драматическое твореніе «Торжество Чувствительности» (Triumph der Empfindsamkeit), принимая его за злую сатиру на тогдашнихъ сценическихъ артистовъ, на ихъ привычки и манеру выражаться, и находя въ немъ намеки на нѣкоторыя современныя событія. Равнымъ образомъ сантиментальность, преобладающая въ комедіяхъ «*Лила*», «die Geschwister» и другихъ драматическихъ произведеніяхъ Гете, — встрѣтила противодѣйствіе. Многія шуточныя и серьёзныя стихотворенія, написанныя, большею частію въ драматической формѣ, по случаю придворныхъ праздниковъ, объясняются непосредственно личными и мѣстными отношеніями. Но «Ифигенія» имѣла основаніемъ высшую поэтическую идею. Первыя

сцены этой трагедіи, такъ же какъ и «Вильгельма Мейстера» — относятся къ этому времени. Многія изъ тогдашнихъ сочиненій своихъ Гете сообщалъ въ рукописи друзьямъ, которыхъ мнѣніе было для него очень важно. 20 іюля 1780 года, писалъ онъ къ Лафатеру: «Одобреніе твое моей «Ифигеніи» пріятнѣйшій для меня подарокъ. Мы такъ близки другъ другу по образу жизни, и при всемъ томъ наши идеи и мечтанія идутъ по столь противоположнымъ направленіямъ, что я никогда не надѣялся даже, чтобъ труды мои могли тебѣ нравиться; тѣмъ пріятнѣе мнѣ, что моя Ифигенія нашла доступъ къ твоему сердцу».

Въ такомъ расположеніи духа Гете предстояло перенести непріятность, приготовленную ему берлинскимъ книгопродавцемъ Гимбургомъ, который въ 1779 году, безъ согласія автора, издалъ въ двухъ томахъ собраніе его сочиненій. Въ письмѣ къ Гете онъ выхвалялъ свою заслугу передъ публикою и просилъ позволенія прислать ему, въ знакъ признательности, берлинскій фарфоровый сервизъ. Взбѣшенный наглостію непрошеннаго издателя, Гете оставилъ письмо его безъ отвѣта, и только тайно отмстилъ ету стихами, которыхъ вотъ содержаніе: «Милые свидѣтели годовъ, проведенныхъ «въ сладостныхъ мечтаніяхъ, увядшіе цвѣты, измятые вуали, полинялыя «ленты, печальные залоги давно умершей любви, которые были обречены «мною на сожженіе, — васъ схватилъ безстыдный Cosia (*), какъ-будто «все мое достояніе перешло къ нему по наслѣдству. И я, живой, долженъ «еще съ благодарностію вспоминать объ этомъ поступкѣ за чайнымъ сто«ломъ. Нѣтъ! прочь фарфоръ, прочь бисквиты! для Гимбурговъ я ужь въ «могилѣ.»

Всѣ эти занятія не отвлекали Гете отъ обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ тайнаго совѣтника, имѣющаго право засѣданія и голоса во многихъ коллегіяхъ. Конечно, герцогъ, по особому расположенію, освободилъ его отъ нѣкоторыхъ тягостныхъ обязанностей, однако онъ писалъ къ Лафатеру въ февралѣ 1781 года: «Я почти слишкомъ много беру на себя, но не могу поступить иначе. Человѣкъ, взявшій на себя государственную службу, долженъ посвятить себя ей исключительно, а мнѣ не хотѣлось бы оставить и другія занятія». Подобнымъ образомъ говорилъ Гете въ одномъ изъ прежнихъ писемъ своихъ къ Лафатеру: «Ты пожалѣлъ бы еще болѣе, еслибъ увидѣлъ вблизи истиннаго отца народа. Никакой языкъ не въ состояніи выразить трудности его обязанностей и заботъ. Способность управлять людьми никогда не бываетъ врожденною. Тотъ, кто наслѣдовалъ власть, долженъ съ такою же трудностію пріобрѣсть эту способность, какъ и завоеватель,—даже еще съ большею. Этого не можетъ понять человѣкъ, который самъ создалъ для себя сферу своей дѣятельности». Но сознаніе собственныхъ силъ придавало ему бодрость; въ письмѣ къ Лафатеру отъ 18 марта 1784 года, онъ говоритъ: «Молю Бога, чтобъ онъ еще надолго сохранилъ насъ въ этомъ прекрасномъ мірѣ, и далъ силы служить на пользу его. Я доволенъ своимъ состояніемъ, особенно душевнымъ. Съ каждымъ днемъ пріобрѣтаю я болѣе ловкости въ мірскихъ дѣлахъ, и ежедневно душа моя сбрасываетъ съ себя пелены и разсѣеваетъ окружающую ее атмо-

(*) Торговцы манускриптовъ въ древнемъ Римѣ.

сферу тумана; со-временемъ, я думаю, она останется совершенно нагою, хоть теперь на ней еще много оболочекъ.

Если еще что-нибудь особенно могло возвысить Гете надъ гнётомъ житейскихъ отношеній, — это конечно врожденное чувство къ красотамъ природы. Садъ его, примыкавшій къ самому веймарскому парку, представлялъ ему много разнообразныхъ наслажденій. «Первыя недѣли весны» — писалъ онъ къ Лафатеру 9 апрѣля 1781 года: «для меня неоцѣненны. Каждое утро привѣтствуетъ меня новый цвѣтокъ или новая почка. Тихая, чистая, вѣчно возраждающаяся и незнающая страданій растительная жизнь доставляетъ мнѣ большое утѣшеніе послѣ золъ и бѣдствій нравственныхъ и еще болѣе физическихъ, неразлучныхъ съ человѣческою жизнію». Въ позднѣйшемъ письмѣ отъ 22 іюня 1781, Гете говоритъ: «Вѣрь мнѣ, нашъ политическій и нравственный міръ подкопанъ катакомбами, клоаками, минами, о связи которыхъ никто не заботится. По этому тотъ, кто имѣетъ о нихъ нѣкоторое понятіе, не будетъ удивляться, если въ иномъ мѣстѣ сдѣлается провалъ, въ другомъ изъ пропасти покажется дымъ».

При всѣхъ этихъ разнородныхъ занятіяхъ и развлеченіяхъ, Гете опять возвратился къ поэзіи. Кромѣ окончанія «Ифигеніи» занимала его мысль представить героемъ драмы Тасса, творца «Освобожденнаго Іерусалима». Дворъ герцогини Амаліи доставлялъ ему все необходимое для постановки пьесы; въ немъ онъ изучилъ тонъ, приличный этому кругу. Въ письмѣ отъ 14 ноября 1781 года, извѣщая Лафатера объ окончаніи перваго акта, онъ между прочимъ говоритъ: «Я желалъ бы, чтобъ *Тассъ* понравился и тебѣ. Вѣчныя безпокойства и заботы, въ которыхъ я живу, не позволяютъ мнѣ долго останавливаться на подобныхъ пріятныхъ трудахъ, и я не вижу передъ собою столько свободнаго времени, чтобъ написать остальные акты. Впрочемъ, со мною дѣлается то же, что съ расточителями, которые въ минуту наибольшаго замѣшательства, побуждаемые духомъ противорѣчія, пускаются въ новые предпріятія и расходы».

Въ этихъ строкахъ Гете прекрасно представилъ себя и *подвижность* своего духа, который рѣдко останавливался долго на одномъ и томъ же предметѣ. Въ томъ же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «Я намѣренъ будущею зимою, вмѣстѣ съ учениками и учителями нашей академіи живописи, ближе разсмотрѣть устройство человѣческаго скелета, для ихъ и своей собственной пользы; хочу обратить ихъ вниманіе на достопримѣчательности этого устройства и поставить ихъ въ состояніе познавать и отъискивать свои выгоды въ подражаніи видимой природѣ. При этомъ я разсматриваю нашъ остовъ какъ текстъ, изъ котораго можно развить всю жизнь и всю человѣческую природу, и имѣю выгоду два раза въ недѣлю говорить публично и разсуждать съ внимательными слушателями о предметахъ весьма *для* меня интересныхъ — удовольствіе, отъ котораго надо отказаться въ свѣтской и придворной жизни.... Въ жизни я иду все впередъ» — говоритъ Гете въ концѣ письма, — «и начинаю понимать, почему всѣ люди на землѣ, какъ скоро начнутъ немного устраиваться, необходимо должны идти далѣе».

Наконецъ, увеличеніе занятій заставило его думать о краткости человѣческой жизни. «Я въ такомъ же положеніи, какъ вѣрный другъ въ моей комедіи «Птицы» — писалъ Гете къ Мерку 16 іюля 1782 года: — «во время

прогулокъ взваливаютъ мнѣ на плечи одинъ клочокъ государства за другимъ, а теперь это уже не шутка, потому-что мой почтенный предшественникъ оставилъ своему преемнику много работы. Жизнь, особливо моя жизнь идетъ очень скоро. Иногда мнѣ приходится очень трудно, потому-что я добросовѣстно исполняю свои обязанности. Но опять я думаю: Hic est, aut nusquam quod quaerimus». То же говорилъ Гете въ позднѣйшемъ письмѣ своемъ отъ 29 іюля 1782 года: «Я совершенно жертвую собою своимъ обязанностямъ, и не ищу ничего другаго, какъ будто это есть цѣль всѣхъ моихъ понятій».

Слѣдующія психологическія замѣчанія въ письмѣ къ Мерку отъ 4 октября 1782 года намекаютъ на состояніе души Гете: «То, что человѣкъ замѣчаетъ и чувствуетъ въ самомъ-себѣ, есть, по моему мнѣнію только меньшая часть его существа. Его болѣе занимаетъ то, чего не достаетъ ему, нежели то, чѣмъ онъ обладаетъ; ему замѣтнѣе то, что его безпокоитъ, нежели то, что радуетъ. При всѣхъ пріятныхъ ощущеніяхъ душа наша теряетъ самосознаніе, какъ и тѣло; только непріятныя впечатлѣнія напоминаютъ ей о самой себѣ. Такимъ образомъ, всякій, описывая себя и свою прошлую жизнь, вспоминаетъ только непріятное и горестное, и такъ-сказать стягиваетъ, уменьшаетъ объемъ своего существованія. По этому, чтобъ возстановить полный образъ человѣка, каковъ онъ есть и былъ, къ собственному его изображенію должно химически присоединить все, что мы знаемъ изъ его поступковъ и твореній».

Между-тѣмъ, поэтическіе труды Гете, и въ томъ числѣ начало «Вильгельма Мейстера», относящіеся къ этому періоду его жизни, были оставлены. Идею «Вильгельма Мейстера», какъ говорилъ Гете гораздо-позже, породило въ немъ «темное предчувствіе великой истины, что человѣкъ часто рѣшается на предпріятія, къ которымъ природа не дала ему способности, вступаетъ на поприще, съ которымъ никогда не можетъ сродниться; внутреннее чувство предостерегаетъ его оставить это поприще, онъ не можетъ ясно представить себѣ свое положеніе, — и безсознательно идетъ ложными путями къ ложной цѣли. Въ эту категорію можетъ быть отнесено все, что называютъ ложнымъ направленіемъ, диллетантизмомъ, и т. д. Отъ времени до времени взглядъ проясняется; тогда имъ овладѣваетъ чувство, сопредѣльное съ отчаяніемъ; но при первомъ случаѣ онъ опять безъ сопротивленія увлекается теченіемъ. Весьма многіе тратятъ въ подобныхъ попыткахъ лучшіе годы своей жизни и потомъ впадаютъ въ страшное уныніе. Но очень возможно, что эти ложные пути приведутъ наконецъ и заблудшаго къ неоцѣненному благу. Это предчувствіе постепенно развиваетъ Гете въ своемъ «Вильгельмѣ Мейстерѣ», и наконецъ ясно выражаетъ его словами: «Я вижу въ тебѣ Саула, сына Киса, который пошелъ искать ослицу отца своего — и нашелъ царство.»

Къ этому времени, именно къ 1786 году, относится одно событіе, которое дало рѣшительно другое направленіе жизни и умственной дѣятельности Гете. Благосклонность герцога дозволила ему увидѣть страну, которая съ-дѣтства сдѣлалась цѣлію его пламеннѣйшихъ желаній. Въ Италіи его обильное чувство сдѣлалось равно воспріимчивымъ къ возвышенному, и его глубокомысленный взглядъ на природу и искусства нашелъ полное удовлетво-

реніе. Гёте началъ свое путешествіе въ Италію веселымъ праздненствомъ въ Карлсбадѣ, въ день своего рожденія, въ кругу друзей. Онъ взялъ съ собою неоконченную рукопись «Ифигеніи», о которой писалъ къ Мерку отъ 8 сентября 1786 года: «Пьеса эта, въ настоящемъ ея видѣ, болѣе походитъ на проектъ, нежели на исполненіе; она написана въ поэтической прозѣ, которая иногда переходитъ въ ямбы или въ стихи другихъ размѣровъ. Конечно, чтобъ это не вредило впечатлѣнію, надо читать ее очень хорошо, и употреблять нѣкоторыя уловки, чтобы скрыть ея недостатки. Гердеръ старается уговорить меня исправить ихъ; такъ-какъ я отъ всѣхъ скрываю цѣль своего путешествія, то онъ думаетъ, что я хочу опять сдѣлать кратковременную поѣздку въ горы, и не будучи любителемъ геологіи, онъ совѣтуетъ мнѣ употребить время и силы на этотъ трудъ, вмѣсто того, чтобъ допрашивать мертвые камни. Теперь я вынулъ изъ своего портфёля «Ифигенію», и беру ее, какъ спутницу, въ прекрасную Италію. День такъ дологъ, мысли ничѣмъ не развлечены и образы древняго міра отнюдь не разгоняютъ поэтическаго вдохновенія; вмѣстѣ съ движеніемъ и открытымъ небомъ, они возбуждаютъ его дѣятельность.»

Гёте самъ подробно описалъ свое путешествіе въ Италію. Изъ Венеціи, куда пріѣхалъ 28 сентября 1786 г., онъ писалъ: «Я остановился въ прекрасной гостинницѣ «Англійской Королевы», недалеко отъ Площади св. Марка. Окна моей квартиры выходятъ на узкій каналъ, идущій между высокими зданіями. Прямо подо мною мостикъ въ одну арку, а передо мною узкая, оживленная улица. Такъ живу я, и вполнѣ наслаждаюсь уединеніемъ, въ которомъ такъ часто имѣлъ нужду, потому-что нигдѣ нельзя быть столь одинокимъ, какъ въ толпѣ, которая тебя не замѣчаетъ.»

Въ праздникъ св. Михаила, когда несметная толпа тѣснилась черезъ Ріальто къ Церкви Архангела, Гёте, обѣгавъ лабиринтъ Венеціи, съ ея каналами, мостами и мостиками, усталый бросился въ гондолу и объѣхалъ сѣверную часть Большаго Канала, около острова Клары, черезъ Лагуны, до Площади св. Марка. «Такъ и я» писалъ онъ: «сдѣлался на одну минуту обладателемъ Адріатическаго Моря, какимъ считаетъ себя каждый Венеціянецъ, сидя въ своей гондолѣ. Я невольно вспомнилъ моего отца, который такъ любилъ разсказывать о своемъ итальянскомъ путешествіи. Не будетъ ли и со мною того же? Все меня окружающее такъ почтенно; это величественное твореніе соединенныхъ человѣческихъ силъ, великолѣпный памятникъ не одного владыки, но цѣлаго народа. Хотя Лагуны Венеціи отъ времени засоряются и вредные туманы носятся надъ ея болотами; хотя могущество ея ослабло, но при всемъ томъ, учрежденія республики и жизнь ея еще также почтенны въ глазахъ наблюдателя... Время сокрушаетъ ее, какъ и все на землѣ.»

Гёте обѣщалъ себѣ много удовольствія, идучи въ Театръ св. Хризостома; но представленіе кребильйоновой «Электры» не удовлетворило его, не смотря на очень-хорошую игру актёровъ. «Однако» писалъ онъ: «я все-таки посѣтилъ театръ не безъ пользы. Итальянскій односложный ямбъ представляетъ большое неудобство для декламаціи, потому-что послѣдній слогъ всегда короткій, и декламаторъ противъ воли долженъ дѣлать на немъ удареніе.» Но болѣе театра занимала Гёте итальянская архитектура, кото-

рая, по собственнымъ словамъ его, «возставала передъ нимъ какъ привидѣніе изъ могилы». Онъ изучалъ Витрувія, Палладіо и другихъ писателей, чтобъ достигнуть яснаго, отчетливаго взгляда на эти почтенныя остатки временъ минувшихъ. Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Венеціи, отправившись черезъ Феррару, Ченто, Болонью, Лугано, Перуджію, Терни и Читта въ Римъ, Гёте могъ сказать самому-себѣ: «Я не долго пробылъ въ Венеціи, но довольно ознакомился съ ея жизнію; я уношу съ собою если не совсѣмъ полное, то, по-крайней-мѣрѣ, ясное и вѣрное о ней понятіе.»

Въ Болоньѣ, Гёте восхищался многими произведеніями Рафаэля, изъ которыхъ сильнѣйшее впечатлѣніе сдѣлала на него св. Агата. 19 октября 1786 Гете писалъ: «Образъ ея врѣзался въ моей памяти, и я хочу мысленно читать ей свою «Ифигенію»; въ уста героини моей я не вложу ни одного слова, котораго бы не могла произнести святая. Упомянувъ объ этой пріятной ношѣ, которую я таскаю за собою въ путешествіи, не могу умолчать, что посреди великихъ явленій природы и искусствъ меня осаждаетъ рядъ новыхъ поэтическихъ образовъ. Проѣхавъ Ченто, я хотѣлъ продолжать «Ифигенію»; но вышло на-оборотъ. Новая идея *Ифигеніи въ Дельфахъ* заняла меня, и не дала окончить начатое. Изложу какъ-можно-короче мысль мою: Электра, въ полной увѣренности, что Орестъ принесетъ изъ Тавриды въ Дельфы изображеніе Діаны, является въ храмѣ Аполлона и посвящаетъ ему, какъ послѣднюю очистительную жертву, ужасную сѣкиру, орудіе столькихъ убійствъ въ поколѣніи Пелопса. Къ ней подходитъ Грекъ и разсказываетъ, что онъ сопровождалъ Ореста и Пилада въ Тавриду, видѣлъ, какъ ихъ обоихъ вели на казнь и самъ едва спасся. Страстная Электра выходитъ изъ себя и не знаетъ, на кого излить свою ярость, на боговъ или на людей. Между-тѣмъ, Ифигенія, Орестъ и Пиладъ также прибыли въ Дельфы. Святое спокойствіе Ифигеніи составляетъ рѣзкую противоположность съ земными страстями Электры, когда онѣ сходятся не зная другъ друга. Грекъ видитъ Ифигенію, узнаетъ въ ней жрицу, которая обрекла на жертву обоихъ друзей, и объявляетъ объ этомъ Электрѣ — она готова поразить Ифигенію сѣкирою, которую опять взяла съ алтаря, но счастливый оборотъ отклоняетъ это новое преступленіе. Если эта сцена удастся, то трудно будетъ найдти ей подобную на театрѣ. Но при всей готовности воображенія, откуда взять столько времени и рукъ, чтобъ исполнить всѣ эти планы?»

Въ Римѣ ожидали Гете новыя развлеченія, долженствовавшія отвлечь его отъ поэтическихъ трудовъ. Въ письмѣ отъ 1 ноября 1786 г. описываетъ онъ впечатлѣнія, произведенныя на него столицею міра, какъ онъ называетъ Римъ. «Всѣ мечты моей юности» писалъ онъ: «оживились; первыя картины, которыя я увидѣлъ ребенкомъ (одна комната въ домѣ отца моего была увѣшана видами Рима), теперь были передо мною въ дѣйствительности; куда ни обращусь я, вездѣ встрѣчаю старыхъ знакомыхъ въ новомъ мірѣ. Я нашелъ все такъ, какъ вообразилъ, и при томъ все мнѣ кажется новымъ. То же могу сказать о моихъ наблюденіяхъ и идеяхъ. Я не нашелъ ничего незнакомаго; но мнѣ не родились новыя мысли, но старыя получили столько опредѣлительности, столько жизни, столько связи, что ихъ можно считать новыми.»

Къ интереснымъ знакомствамъ, сдѣланнымъ Гете въ Римѣ, принадлежитъ знакомство его съ княземъ Лихтенштейномъ, поэтомъ Монти, историческимъ живописцемъ Тишбейномъ и литераторомъ Морицомъ, умершимъ въ молодыхъ лѣтахъ. Особенно тѣсная дружба связывала его съ двумя послѣдними; въ ихъ обществѣ онъ провелъ много пріятныхъ дней. Тишбейнъ, съ которымъ Гете еще прежде былъ въ перепискѣ, сообщилъ ему вѣрный взглядъ на неоцѣненныя произведенія Рафаэля, Микель-Анджело и другихъ художниковъ въ Церкви св. Петра и преимущественно въ Сикстинской Капеллѣ. Морицъ, извѣстный авторъ «Антона Рейзера», показывалъ непритворную привязанность къ Гете и восторженное удивленіе къ его твореніямъ, особливо къ «Вертеру». Гете также любилъ его и вполнѣ доказалъ свое участіе, когда Морицъ переломилъ руку. «Что я испыталъ и узналъ» писалъ Гете: «у постели этого страдальца, какъ его прислужникъ, духовникъ, повѣренный, какъ министръ финансовъ и тайный секретарь,—можетъ со-временемъ намъ пригодиться. Все это время самыя ужасныя страданія и самыя благородныя наслажденія посѣщали насъ неразлучно.»

Какъ велика была благодарность Гете за эти наслажденія, можно видѣть изъ письма его къ его покровителю, герцогу Карлу-Августу Саксен-Веймарскому. Письмо это, отправленное въ ноябрѣ 1786 года изъ Рима, такъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ, что мы считаемъ необходимымъ привести его здѣсь. «Какъ благодаренъ я вамъ» писалъ Гете: «за этотъ неоцѣненный отдыхъ и свободу! Съ самой ранней молодости душа моя приняла это направленіе, и я никогда не былъ бы спокоенъ, не достигнувъ этой цѣли. Моимъ положеніемъ въ обществѣ обязанъ я личнымъ моимъ отношеніямъ къ вамъ; теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, дайте образоваться новымъ отношеніямъ изъ прежнихъ. Въ теперешнемъ уединеніи моемъ, я опять нашелъ самого-себя; но какимъ?—художникомъ! Значу ли я что-нибудь въ другихъ отношеніяхъ—судить объ этомъ и располагать мною я предоставляю вамъ. Дѣятельною жизнію вы умѣли развить въ себѣ и изощрить царственную способность цѣнить людей и угадывать на что каждый годится. Я охотно предаю себя этому суду. Спросите меня о симфоніи, которую вы хотите разъиграть, и я всегда готовъ сказать мое мнѣніе. Дайте мнѣ близъ васъ развить во всей полнотѣ мое существованіе—и тогда направляйте, съ высоты своей, силы мои, какъ вновь-открытый, очищенный источникъ, по своей волѣ. Я теперь уже чувствую пользу этого путешествія: оно очистило мой взглядъ, прояснило мое существованіе. Продлите попеченія ваши обо мнѣ. Вы дѣлаете для меня болѣе, нежели я самъ, болѣе, нежели я смѣю желать и надѣяться. Я видѣлъ такой прекрасный уголокъ земли, а результатъ этого—то, что я могу жить только съ вами и съ близкими вамъ. Да, я могу быть теперь для васъ болѣе, нежели чѣмъ былъ, если вы возложите на меня только то, что кромѣ меня никто не можетъ исполнить, а остальное предоставите другимъ.»

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ своихъ, Гёте говоритъ герцогу: «Если вы позволите мнѣ объявить еще одно желаніе, относящееся къ тому времени, когда я возвращусь изъ путешествія, то я буду просить позволенія прежде всего объѣхать ваши владѣнія въ качествѣ совершенно-посто-

ронняго лица, чтобъ съ свѣжимъ взглядомъ и съ неутраченною еще наблюдательностію путешественника обсудить ихъ положеніе. Составивъ такимъ-образомъ новое и полное о немъ понятіе, я буду въ состояніи исполнить всѣ обязанности, которыя вашему расположенію и довѣренности угодно будетъ возложить на меня.»

Гёте всегда сохранялъ чувства привязанности и уваженія къ герцогу, которому обязанъ былъ и своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, и счастливыми свободными часами *для* литературныхъ трудовъ. Въ такомъ расположеніи духа трудился онъ въ Римѣ надъ окончаніемъ «Ифигеніи». Въ письмѣ отъ 6 февраля 1787 года, онъ объявлялъ, что трагедія эта уже кончена и лежитъ передъ нимъ переписанная на-бѣло. Въ этомъ же письмѣ онъ вспоминаетъ мѣста, гдѣ преимущественно занимался ею. «На Гардскомъ Озерѣ» писалъ онъ: «когда полуденный вѣтеръ гналъ волны къ берегу, и когда я, по-крайней-мѣрѣ, былъ такъ же одинокъ какъ моя героиня на берегахъ Тавриды, написалъ я первыя строки послѣ новой обработки, которою занимался въ Веронѣ, Виченцѣ, Падуѣ и преимущественно въ Венеціи. Но потомъ работа остановилась. Меня заняла новая мысль, именно: написать «Ифигенію въ Дельфахъ», что я и исполнилъ бы тотчасъ, еслибъ нѣкоторыя развлеченія и чувства долга къ начатой уже пьесѣ не удержали меня. Въ Римѣ опять я занимался ею почти безпрерывно. Вечеромъ, ложась спать, я обдумывалъ мой завтрашній урокъ. Почему я предпочелъ прозу, причина этого заключается въ неопредѣлительности нашей просодіи; весьма странно, что въ нашемъ языкѣ можно насчитать весьма-немного слоговъ рѣшительно долгихъ или короткихъ; съ остальными же каждый поступаетъ по своему произволу.»

Впечатлѣніе, произведенное рукописью «Ифигеніи» на друзей Гёте, не удовлетворило его ожиданіямъ. Благородныя и возвышенныя мѣста, конечно, имѣли свое дѣйствіе, но къ спокойному ходу пьесы они не могли еще привыкнуть; они ожидали болѣе страстнаго безпокойства, «чего-нибудь берлихингенскаго», какъ говорилъ самъ Гете. Они представляли себѣ Гете все еще въ періодѣ поэтическаго броженія и бурь, который давно уже миновался. Тѣмъ радостнѣе было для него одобреніе нѣкоторыхъ веймарскихъ друзей, которымъ онъ послалъ списки съ «Ифигеніи». Такимъ образомъ онъ кончилъ работу, которая, по собственному его признанію, «была въ теченіи цѣлой четверти года его заботою, занятіемъ и изученіемъ.»

Еще до окончанія «Ифигеніи», Гете написалъ первыя сцены *Тасса*, отъ котораго ожидалъ большаго эффекта. Въ письмѣ отъ 21 февраля 1787 года, онъ жалуется, что не слыхалъ еще ни одного основательнаго сужденія о своей «Ифигеніи», между-тѣмъ, какъ оно было бы для него весьма полезно, ибо «Тассъ»—произведеніе совершенно съ нею однородное. «Содержаніе его» писалъ онъ: «еще ограниченнѣе, нежели въ «Ифигеніи», и потому подробности требуютъ большаго развитія. Не знаю еще, что изъ него выйдетъ. Все, что до-сихъ-поръ написано, никуда не годится; она лежала слишкомъ-долго, и ни дѣйствующія лица, ни планъ, ни тонъ, не соотвѣтствуютъ моему теперешнему взгляду.»

Въ этомъ намѣреніи утверждали Гете похвалы «Ифигеніи», которыя онъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ друзей своихъ, которыхъ мнѣніемъ дорожилъ. «Я знаю» писалъ онъ 3 марта 1787 года изъ Неаполя: «что я сдѣлалъ, и могу говорить объ этомъ, ибо могъ сдѣлать еще болѣе. Если пріятно наслаждаться хорошимъ, то еще пріятнѣе ощущать *лучшее*, а въ искусствахъ много *лучшаго*.» — «Подобная работа» говоритъ Гете въ другомъ письмѣ: «никогда не можетъ быть совершенно окончена; ее должно считать готовою, если по времени и обстоятельствамъ сдѣлано возможное. Но это не устрашитъ меня предпринять такую же операцію съ «Тассомъ»; безъ этого я готовъ бросить его въ огонь. Я хочу упорствовать въ моей рѣшимости, и попробую сдѣлать изъ «Тасса» что-нибудь необыкновенное.

Гете продолжалъ заниматься «Тассомъ» и въ Неаполѣ, не смотря на знакомство и частыя свиданія съ живописцемъ Филиппомъ Гакертомъ, котораго жизнь впослѣдствіи описалъ такъ привлекательно. Онъ остался вѣренъ своему отшельническому характеру, въ которомъ его упрекали еще въ Римѣ. Но удаляясь общества людей, онъ любилъ осматривать окрестности. «Неаполь настоящій рай» писалъ онъ въ мартѣ 1787 г.: «всѣ живутъ здѣсь въ какомъ-то упоительномъ самозабвеніи. Я тоже; я сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ и едва узнаю себя.»

Долго не рѣшался Гете посѣтить Сицилію. «Въ кругѣ понятій моихъ совершенно не достаетъ идеи морскаго путешествія. Небольшой переѣздъ въ Сицилію поможетъ моему воображенію и расширить передъ мною міръ. И такъ, въ будущій четвергъ, 29 числа, я отправляюсь въ Палермо на корветтѣ, которую, въ невѣдѣніи своемъ, произвелъ-было на степень фрегата.» Мучимый припадками морской болѣзни, онъ совсѣмъ не выходилъ на палубу, и не могъ насладиться прекрасною картиною береговъ и острововъ. «Отлученный отъ внѣшняго міра» писалъ онъ: «я вполнѣ предался внутреннему, и предвидя продолжительное плаваніе, задалъ себѣ порядочный урокъ. Изъ всѣхъ моихъ бумагъ я взялъ съ собою на корабль только два первые акта «Тасса»; они были написаны нѣсколько лѣтъ назадъ, прозою, и были вялы, туманны; но эти недостатки исчезли въ новой обработкѣ, въ стихахъ. Изрѣдка я выходилъ на палубу, но моя поэтическая работа постоянно занимала меня, и я довольно ясно уже представлялъ себѣ всю пьесу.»

Скоро новыя обстоятельства заставили на-время забыть «Тасса». Гете восхищался величественнымъ видомъ моря, съ его безчисленными островами, и видѣлъ въ нихъ лучшій комментарій къ гомеровой «Одиссеѣ», которую тогда читалъ. «Относительно Гомера» писалъ онъ Гердеру: «съ глазъ моихъ спала завѣса. Его описанія и сравненія кажутся намъ поэтическими, между-тѣмъ, какъ они въ высочайшей степени естественны, и притомъ написаны съ чистотою и вѣрностію, которыя приводятъ въ содроганіе. Здѣсь, вблизи описанныхъ имъ мѣстъ, самыя странныя вымышленныя имъ происшествія кажутся возможными. Постараюсь въ немногихъ словахъ выразить мысль мою: Гомеръ представляетъ намъ дѣйствительность, а новѣйшіе поэты гоняются за эффектомъ; онъ описываетъ дѣйствительно-*ужасное*, мы же описываемъ только *ужасно*; онъ изображаетъ истинно-*пріятное*, мы описываемъ *пріятно*. Отсюда проистекаютъ у насъ

преувеличенія, напыщенность, манерность и всѣ ложныя красоты. Если все это уже не ново, то, по-крайней-мѣрѣ, я живо чувствую это въ сію минуту. Теперь только, когда вижу передъ собою эти берега и мысы, заливы и бухты, острова, скалы и песчаныя мели, холмы, поросшіе кустарниками, плодоносныя поля, тучныя пастбища, красивые сады, горы, возвышающіяся до облаковъ и веселыя долины, и кругомъ всего этого море, столь разнообразное и перемѣнчивое,—теперь только «Одиссея» сдѣлалась для меня живымъ словомъ.»

Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, въ Гете родилась мысль написать трагедію *Наузикая,* которой только первыя двѣ сцены перваго акта напечатаны въ собраніи его сочиненій, и въ которой онъ хотѣлъ самому простому сюжету придать занимательность богатствомъ подробностей, сдѣлавъ мѣстомъ дѣйствія острова и море. Эта мысль такъ озабочивала его, что онъ занимался сю все время пребыванія своего въ Палермо и большую часть путешествія по Сициліи.

Но скоро этотъ сюжетъ потерялъ для него всю прелесть. Въ письмѣ отъ 17 апрѣля 1787 года, Гете жалуется «на истинное несчастіе свое быть безпрестанно преслѣдуему и искушаему множествомъ демоновъ». Такимъ образомъ, разсматривая въ публичномъ саду различныя растенія, Гете опять попалъ на давнишнюю любимую мысль: отъискать между ними, если возможно, первобытное прозябаемое. Идею эту Гете развилъ въ поэтической формѣ въ своемъ стихотвореніи: *Превращеніе Растеній* (Die Metamorphose der Pflanzen ,- и потомъ, въ 1790 году, напечаталъ особое сочиненіе, подъ названіемъ: *Опытъ Объясненія Превращенія Растеній.*

О взглядѣ Гете вообще на природу и преимущественно въ противоположности съ искусствами, можетъ дать понятіе письмо, писанное имъ еще въ декабрѣ 1786 года къ герцогинѣ Луизѣ Саксен-Веймарской. «Самое малѣйшее произведеніе природы» писалъ онъ: «заключаетъ въ самомъ-себѣ свое совершенство; нужно только имѣть глаза, чтобъ открыть эти отношенія, и я увѣренъ, что и въ предѣлахъ самаго ограниченнаго круга находится истинное бытіе. Напротивъ, достоинство всякаго художественнаго произведенія лежитъ *внѣ* его; главное въ немъ — мысль художника, которая рѣдко бываетъ, или никогда не бываетъ выполнена. Все остальное подчинено принятымъ условіямъ и законамъ, которые хотя извлечены изъ сущности искусства, но не такъ ясны и понятны, какъ законы живой природы. Въ художествахъ все основано на преданіяхъ; произведенія же природы — живое слово Божіе.»

Въ маѣ 1787 года, Гете писалъ къ Гердеру: «Открою тебѣ, что почти постигъ таинство рожденія и организація растеній, и увѣряю, что ничего нельзя придумать проще этого закона. Прекрасное небо Италіи очень благопріятствуетъ подобнымъ наблюденіямъ. Я уже ясно и неоспоримо открылъ главное, т. е., мѣсто, въ которомъ заключается зародышъ будущаго растенія; все прочее также мнѣ понятно, и остается только опредѣлить немногіе пункты. Мое первобытное растеніе будетъ удивительнѣйшее твореніе, которому позавидуетъ сама природа. Съ этою моделью и съ ключемъ къ ней можно будетъ создать безконечное множество растеній, которыя должны быть послѣдовательны (consequent), т. е.,

должны быть возможны, хотя и не дѣйствительны, должны быть не живописными только и поэтическими вымыслами, но типами, имѣющими внутреннюю естественность и необходимость. Этотъ законъ можно примѣнить и ко всему живому.»

Во время путешествія своего, Гете часто и живо чувствовалъ тоску по родинѣ; это видно изъ многихъ писемъ его тогдашняго времени. «Мнѣ непремѣнно должно увидѣть тебя какъ-можно-скорѣе» писалъ онъ къ Гердеру 17 мая 1787: «мы опять проведемъ вмѣстѣ счастливые дни. Я такъ много собралъ впечатлѣній, что имѣю нужду въ покоѣ для переработанія ихъ. Мы такъ близки другъ другу въ понятіяхъ нашихъ, какъ только можно быть, не бывъ однимъ и тѣмъ же существомъ, а ближе всего въ главныхъ началахъ. Если ты все это время много почерпалъ изъ самого-себя, то я, напротивъ, много пріобрѣлъ извнѣ, и мы можемъ сдѣлать размѣнъ, выгодный для насъ обоихъ. Конечно, ты правъ, говоря, что всѣ мои понятія преимущественно обращены къ настоящему, а чѣмъ болѣе я вижу свѣтъ, тѣмъ менѣе имѣю надежды, чтобъ человѣчество когда-нибудь составило одну благоразумную, мудрую, счастливую массу.»

Гете обѣщалъ себѣ много наслажденія отъ третьяго тома гердеровыхъ «Идей о Философіи Исторіи Человѣчества», въ то время еще ненапечатаннаго. Когда, наконецъ, онъ получилъ давно-ожиданную книгу, онъ написалъ къ Гердеру отъ 12 декабря 1787 года: «Пріими искреннюю мою благодарность за *Идеи;* въ нихъ сосредоточиваются любопытнѣйшіе предметы, занимавшіе меня въ-продолженіи моей жизни.»

Но узы дружбы, соединявшія Гете съ Гердеромъ, замѣтно ослабѣли по возвращеніи Гете изъ Италіи. Главною преградою, раздѣлявшею ихъ, было ихъ различное положеніе въ отношеніи къ новой кантовой философіи, которая въ то время во всей силѣ оказывала свое вліяніе и проповѣдывала совершенно новыя начала какъ для философіи, такъ и для поэзіи и художествъ. Во время появленія кантовой «Критики Чистаго Разума», Гердеръ, хоть и ученикъ его, сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ его противниковъ. Напротивъ, Гете присталъ къ его партіи, хоть онъ вообще не имѣлъ особенныхъ способностей къ философіи въ строгомъ смыслѣ; онъ принялъ его мнѣніе, состоявшее въ томъ, что хоть всѣ знанія наши начинаются опытомъ, но они не всегда проистекаютъ единственно изъ опыта. Во время своего прѣбыванія въ Римѣ, Гете часто разсуждалъ съ Морицомъ о художествахъ и ихъ теоретическихъ требованіяхъ, но всё-еще сужденія его не имѣли твердаго основанія, которое онъ наконецъ нашелъ въ позднѣйшемъ твореніи Канта, въ «Критикѣ Практическаго Разума». Отсюда любовь Гете къ этому творенію и холодность къ Гердеру, который возставалъ противъ него. Во всякомъ случаѣ, изученіе кантовой философіи было во многихъ отношеніяхъ полезно для Гете. Хоть онъ и не могъ согласиться во всемъ съ идеями и взглядомъ кёнигсбергскаго философа, но главныя положенія «Критики Практическаго Разума» вообще согласовались съ его образомъ мыслей и чувствованій. Эта книга—единственное чтеніе его въ-продолженіи нѣкотораго времени,—ясно выражала ему внутреннюю жизнь художества и природы, и ихъ взаимное другъ на друга дѣйствіе.

Но вскорѣ Гете самъ убѣдился, что онъ не созданъ для отвлеченной философіи и ея метафизическихъ умозрѣній. Живая природа всегда болѣе занимала его, особенно, когда, по возвращеніи его въ Веймаръ, сообщество съ людьми, каковы Батисъ, Гёттлингъ, Дитрихъ и др., опять разбудило въ немъ любовь къ ботаникѣ. Надзоръ за учеными учрежденіями въ Іенѣ, приведеніе въ порядокъ тамошнихъ музеевъ, разведеніе ботаническаго сада были для него пріятными и вмѣстѣ поучительными занятіями. Изслѣдованіе природы при изученіи обширной, всеобъемлющей науки, вознаграждало ему отсутствіе художнической жизни, какую онъ велъ въ Италіи. Его всегда занимало образованіе и преобразованіе органическихъ и неорганическихъ произведеній природы, и собственная его теорія, развитая въ *Превращеніи Растеній*, служила ему путеводителемъ.

Между-тѣмъ, поэтическій геній Гете, по окончаніи «Ифигеніи» и «Тасса», трудился надъ трагедіею *Эгмонтъ*. Въ это время, одна изъ написанныхъ уже сценъ «Эгмонта» почти слово-въ-слово повторилась въ Брюсселѣ, и была подробно описана въ тогдашнихъ газетахъ. Французская революція и исторія брильянтоваго ожерелья еще во время пребыванія Гете въ Италіи сдѣлала на него такое впечатлѣніе, что онъ внимательно слѣдовалъ за ходомъ процесса, начавшагося по этому случаю. Изъ собранныхъ въ Сициліи извѣстій о Каліостро и его семействѣ, и помѣщенныхъ въ полномъ собраніи его сочиненій, Гете составилъ комедію *Великій Кофта* (Der Groscophta), сюжетъ которой болѣе годился для оперы, судя по нѣкоторымъ аріямъ, написаннымъ капельмейстеромъ Рейхардтомъ. Гете привезъ изъ Италіи пристрастіе къ оперной формѣ, плодомъ котораго былъ неоконченный оперный текстъ *Несогласные Жильцы*. Отголосками его путешествія въ Италію были также *Римскія Элегіи* и *Венеціанскія Эпиграммы*. Впрочемъ, онѣ были написаны послѣ втораго путешествія въ 1790 году, въ свитѣ герцогини Амаліи.

Тотчасъ по возвращеніи изъ вторичнаго путешествія въ Италію, Гете, вмѣстѣ съ герцогомъ веймарскимъ, отправился въ Силезію, гдѣ на рейхенбахскомъ конгрессѣ были собраны прусскіе и австрійскіе полномочные. Въ Бреслау находилась главная квартира арміи и собралась большая часть прусскаго дворянства. Здѣсь-то, посреди манёвровъ отлично-устроенныхъ войскъ, Гете опять совершенно уединился и предался изученію природы, въ особенности же сравнительной анатоміи. Мысль о существованіи общаго типа для органическихъ существъ, котораго всѣ части явно видны въ нѣкоторыхъ переходныхъ степеняхъ, обратилась наконецъ въ полное убѣжденіе. Многія, большею частію оставшіяся ненапечатанными разсужденія развивали эту тэму. Но проблема была слишкомъ-велика, и потому осталась неразрѣшенною; притомъ же, по возвращеніи въ Веймаръ, вниманіе Гете скоро обратилось на предметы другаго рода. Обширная темная комната въ его жилищѣ, расположенномъ на открытомъ мѣстѣ и окруженномъ садами, была чрезвычайно-способна къ хроматическимъ наблюденіямъ, которымъ Гете предался въ это время съ особеннымъ рвеніемъ. Преимущественно обращено было его вниманіе на явленія преломленія лучей въ призмѣ. Результаты своихъ наблюденій Гете сообщалъ свѣту въ

своихъ *оптическихъ* разсужденіяхъ, изъ которыхъ первыя были напечатаны въ 1791 году.

Принявъ около этого времени завѣдываніе Веймарскимъ Придворнымъ Театромъ, Гете опять былъ возвращенъ своему поэтическому призванію и любви къ драматической литературѣ. Стараніе развить таланты актёровъ, сдѣлать ихъ игру и техническое устройство сцены болѣе совершенными, доставляло Гете много занятія и развлеченія. Въ этихъ заботахъ большую помощь оказывалъ ему Эйнзидель, который съ такимъ же пристрастіемъ къ оперѣ тогда только-что возвратился изъ Италіи въ свитѣ герцогини Амаліи. Театральныя творенія Чимарозы и оперы другихъ итальянскихъ композиторовъ были разъиграны съ большимъ успѣхомъ, а въ концѣ 1791 года была поставлена и первая опера Моцарта, именно «Донъ Жуанъ». Послѣ достаточнаго упражненія таланта актёровъ въ драмахъ и комедіяхъ Юнгера, Ифланда и Коцебу, принялись за болѣе-серьёзныя драматическія произведенія Шиллера и Гете, и даже за нѣкоторыя пьесы Шекспира.

Лѣтомъ 1792 года важныя современныя событія отвлекли Гете отъ этихъ пріятныхъ занятій. Между-тѣмъ, какъ воображеніе его пыталось изобразить, въ *Бесѣдахъ Нѣмецкихъ Эмигрантовъ* и въ комедіи *Бунтовщики* (Di A fgeregten), отдѣльныя сцены тогдашняго театра войны, ему предстояло ознакомиться съ этимъ театромъ на-самомъ-дѣлѣ, ибо онъ долженъ былъ сопровождать герцога веймарскаго въ его походѣ въ Шампань. Черезъ Франкфуртъ и Маинцъ, Триръ и Люксанбургъ достигъ онъ Лонгви, который 26 августа былъ уже занятъ французскими войсками; отсюда Гете переѣхалъ въ Труа, и чтобъ избѣжать тѣсноты въ дорогѣ, по которой слѣдовала цѣлая армія, онъ отправился по берегу Мозеля до Кобленца. Среди всѣхъ тревогъ и безпокойствъ лагерной жизни, Гете не оставлялъ своихъ ученыхъ занятій, и съ физическимъ словаремъ Фишера продолжалъ наблюдать природу и дѣлать хроматическіе опыты. Мысль составить общую теорію цвѣтовъ (Farbenlehre) относится именно къ этому времени, такъ же, какъ и стихотвореніе *Рейнеке Лиса* (Reineke Fuchs), вольная обработка старинной германской сказки.

Находясь при осадѣ Майнца, Гете получилъ письмо отъ своей матери, которая увѣдомляла его о смерти его дѣда Текстора и указывала на открывшееся мѣсто ратсгера. Нѣкоторое время ему нравилась мысль достигнуть высшихъ должностей въ своемъ родимомъ городѣ, но неограниченная довѣренность и неоднократно-доказанная привязанность къ нему герцога веймарскаго, съ другой же стороны чувство признательности—заставили его скоро отказаться отъ этого плана. Сверхъ-того, онъ нашелъ, что подобное поприще не соотвѣтствуетъ ни его способностямъ, ни склонностямъ.

Наконецъ, Гете опять возвратился къ своей мирной жизни въ Веймарѣ, увидѣвъ вблизи бѣдствія, навлекаемыя войною на всѣ классы народа. Еще продолжались огромныя потрясенія, порожденныя французскою революціею. Казнь короля и королевы, неистовство Робеспьера и другихъ правителей Франціи приводили въ ужасъ всѣхъ, а быстрые успѣхи французскаго оружія заставляли опасаться большихъ измѣненій, если не совершеннаго ниспроверженія существовавшаго порядка. Вездѣ готовились къ войнѣ;

Австрійцы отступили за Рейнъ, Англичане въ Нидерланды, а Французы безпрестанно занимали новыя области и усиливались въ своихъ средствахъ. Германія наполнилась переселенцами изъ занятыхъ провинцій, и не было ни одного семейства, ни одного круга друзей, который не пострадалъ бы болѣе или менѣе. Напрасно Гете предлагалъ своей матери безопасное убѣжище въ Веймарѣ. Она не боялась за себя, утѣшалась мѣстами изъ Библіи и ни за-что не хотѣла разстаться съ родимымъ городомъ.

Среди всѣхъ этихъ смятеній Гете по обыкновенію предавался своимъ любимымъ трудамъ. Стихотвореніе *Рейнеке-Лиса* было окончено, и первый томъ «Вильгельма Мейстера» отданъ въ-печать. Равнымъ образомъ не оставлялъ онъ своихъ ботаническихъ и минералогическихъ занятій, при чемъ ему было весьма полезно знакомство съ Гетлингомъ, Фоггомъ, Батшемъ и другими профессорами Іенскаго Университета. Особенно радовали его рудники въ Ильменау, и онъ часто ѣздилъ любоваться успѣхами этого предпріятія, которое, впрочемъ, при ограниченности способовъ должно было оставаться въ весьма-небольшихъ размѣрахъ.

Изъ числа отсутствующихъ друзей своихъ, Гете продолжалъ еще связи съ Лафатеромъ и Якоби, хотя переписка съ Лафатеромъ уже начинала замедляться. Ихъ образъ мыслей былъ слишкомъ-различенъ, и поэтому продолжительный размѣнъ идей не могъ быть для нихъ интересенъ.

Неоспоримо важнѣйшимъ событіемъ для Гете въ теченіи 1794 года было начало короткихъ отношеній къ Шиллеру, которымъ впослѣдствіи онъ былъ обязанъ лучшими минутами своей жизни. До сего времени, Гете держалъ себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Шиллера, котораго первыя произведенія рѣшительно не нравились ему, напоминая ему періодъ поэтическаго броженія, изъ котораго онъ самъ уже вышелъ. Въ 1789 году онъ содѣйствовалъ ему въ полученіи мѣста профессора въ Іенскомъ Университетѣ, но о тѣснѣйшихъ отношеніяхъ нельзя еще было думать. Даже посредничество Дальберга и другихъ друзей и почитателей Шиллера осталось безъ всякаго успѣха, и самъ Шиллеръ, послѣ перваго свиданія съ Гете въ Рудольштадтѣ, по возвращеніи его изъ Италіи, кажется, отчаявался въ возможности когда-нибудь сблизиться съ Гете. «Многое» — писалъ Шиллеръ — «что̀ меня занимаетъ еще, уже отжило свое время для Гете. Все существо его устроено иначе, нежели мое, его міръ — не мой міръ, понятія наши совершенно противоположны».

Даже тогда, какъ Шиллеръ уже поселился въ Іенѣ, Гете не посѣщалъ его. Наконецъ, они встрѣтились въ засѣданіи общества естествоиспытателей, основанномъ Батшемъ. Случайнымъ образомъ они вышли оттуда оба въ одно время. «Между нами» — разсказываетъ самъ Гете — «завязался разговоръ. Шиллеръ, казалось, принималъ большое участіе въ предметахъ, занимавшихъ общество, но сдѣлалъ весьма глубокомысленное замѣчаніе, что подобная раздробительная метода изслѣдовать натуру едва-ли можетъ быть привлекательна для неученыхъ; я отвѣчалъ, что она неудовлетворительна даже для посвященныхъ въ таинства науки, и что можно было бы найдти другой способъ разсматривать природу не по частямъ, но представлять ее какъ живое и дѣятельное цѣлое, дѣйствующее отъ общаго къ частностямъ. Онъ желалъ имѣть нѣкоторыя объясненія, но не скрылъ своего сомнѣнія на-

счетъ основательности моихъ мыслей; онъ не могъ согласиться, чтобъ существованіе природы, какою я представлялъ ее себѣ, могло быть выведено изъ опытовъ. Такимъ образомъ мы дошли до его жилища, и занимательность разговора завлекла меня къ нему. Я изложилъ ему мое *Превращеніе Растеній* и между тѣмъ чертилъ перомъ символическое растеніе. Онъ разсматривалъ его съ величайшимъ участіемъ и съ рѣшительною понятливостію. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ: «Это не опытъ, это идея». Такое замѣчаніе поразило меня, потому-что оно ясно обозначало пунктъ, съ котораго мнѣнія наши начинали расходиться. Я очень былъ радъ, узнавъ, что имѣлъ идеи, не подозрѣвая этого. Шиллеръ отвѣчалъ какъ ученый Кантіанецъ; мой упорный реализмъ былъ поводомъ къ жаркому спору, который кончился перемиріемъ; никто изъ насъ не могъ считать себя побѣдителемъ, по-крайней-мѣрѣ мы оба считали себя непобѣдимыми. Но первый шагъ былъ сдѣланъ. Въ обращеніи Шиллера было такъ много привлекательнаго, что оно привязывало всѣхъ, сближавшихся съ нимъ; жена его съ своей стороны также много содѣйствовала къ упроченію его связей. Такимъ образомъ, великій, неразрѣшимый споръ между объектомъ и субъектомъ запечатлѣлъ нашъ союзъ, который впослѣдствіи продолжался безпрерывно и много принесъ пользы намъ и другимъ».

Журналъ *Die Horen*, изданіе котораго замышлялъ тогда Шиллеръ, былъ первымъ узломъ продолжительной связи его съ Гете, потому-что Шиллеръ пригласилъ и его въ сотрудники. «Я обѣщаю себѣ двоякое удовольствіе» писалъ Гете отъ 24 іюня 1794: «какъ отъ журнала, который вы предпринимаете, такъ и отъ участія въ немъ, къ которому приглашаете меня. Съ радостію и отъ всего сердца соглашаюсь принадлежать къ вашему обществу». Въ этомъ письмѣ, онъ обѣщалъ сообщать изъ своихъ рукописей все, что̀ будетъ годиться для журнала. Онъ надѣялся, что, въ связи съ такими достойными литераторами, каковы сотрудники Шиллера, ему легко будетъ опять приняться за свои неконченныя сочиненія. Онъ совѣтовалъ постановить опредѣлительныя начала, по которымъ должно будетъ впослѣдствіи оцѣнять присылаемыя статьи, и тщательно пещись о содержаніи и формѣ, чтобъ надолго сохранить преимущества ихъ журнала передъ другими.

Мѣсяцъ спустя, именно 25 іюля, Гете послалъ уже нѣсколько статей, и вслѣдъ за тѣмъ самъ посѣтилъ Шиллера въ Іенѣ. Въ разговорахъ, предметомъ которыхъ были искусства и теорія ихъ, они сообщали другъ другу идеи свои, которыхъ достигли совершенно различными путями, и въ которыхъ, не смотря на то, оказалось большое сходство. «Съ этого времени» говорилъ Шиллеръ— «Гете чувствовалъ необходимость тѣснѣе соединиться со мною, чтобъ вмѣстѣ продолжать путь, который онъ началъ одинъ и безъ всякой подпоры».

Еще болѣе могъ убѣдиться въ этомъ Шиллеръ письмомъ Гете отъ 27 августа 1794 года. «Никакой подарокъ» — писалъ онъ — «не могъ быть пріятнѣе ко дню моего рожденія, который будетъ на этой недѣлѣ, какъ ваше письмо, въ которомъ вы подводите итогъ моего существованія, и участіемъ вашимъ ободряете меня къ болѣе-дѣятельному и живому употребленію силъ моихъ. Чистое наслажденіе и истинная польза должны быть не-

premѣнно взаимны, и я обѣщаю себѣ при случаѣ раскрыть передъ вами, кàкъ важна для меня бесѣда ваша, которую я считаю эпохою въ моей жизни, и кàкъ я доволенъ, что до-сихъ-поръ шелъ по избранному мною пути безъ особеннаго одобренія, ибо кажется теперь, послѣ такой неожиданной встрѣчи, мы будемъ странствовать вмѣстѣ. Во всѣхъ вашихъ твореніяхъ я всегда удивлялся рѣдкой добросовѣстности, а теперь надѣюсь чрезъ васъ самихъ ознакомиться съ ходомъ вашего духа, особенно въ последнее время. Указавъ другъ другу пункты, которыхъ мы достигли теперь, мы будемъ въ состояніи безостановочно дѣйствовать общими силами. Я охотно буду сообщать все свое, и чувствуя, что предпріятія мои далеко превышаютъ человѣческія силы, я желалъ бы многое оставить въ вашихъ рукахъ и этимъ не только сохранить, но и оживить мои труды. Кàкъ благодѣтельно для меня ваше участіе, увидите современемъ, когда, узнавъ меня короче, замѣтите во мнѣ какую-то нерѣшительность, которую я не могу преодолѣть, хоть вполнѣ сознаю въ себѣ этотъ недостатокъ».

Въ концѣ этого письма, Гете изъявлялъ сожалѣніе, что отослалъ уже въ Берлинъ рукопись своего «Вильгельма Мейстера», который, по мнѣнію его, могъ быть помѣщенъ въ журналѣ Шиллера, какъ загадочное твореніе, которыя такъ нравятся Нѣмцамъ. «Если вы найдете» — присовокупляетъ онъ — «что изъ моихъ идей что-нибудь годится для этой цѣли, мы легко можемъ избрать приличнѣйшую форму, а за исполненіемъ дѣло не станетъ».

Во всѣхъ трудахъ Шиллера, относящихся къ этому времени, Гете принималъ живѣйшее участіе, которое еще увеличилось взаимнымъ сходствомъ ихъ идей. 4 сентября 1794 года, Гете писалъ объ одномъ, тогда еще неконченномъ разсужденіи Шиллера: «Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ ваше развитіе идеи *возвышеннаго* и убѣдился, что не только насъ занимаютъ однѣ и тѣ же предметы, но даже нашъ образъ воззрѣнія на нихъ большею частію одинаковъ. Вижу, что мы совершенно согласны въ главныхъ пунктахъ; что же касается до различія точекъ зрѣнія, связи идей и выраженія, — оно происходитъ отъ богатства объекта и отъ соотвѣтствующаго ему разнообразія субъектовъ. Прошу васъ сообщать мнѣ мало-по-малу все, что вы написали и издали относительно этого предмета, чтобъ я могъ не теряя времени ознакомиться съ прошедшимъ».

Въ этомъ же письмѣ, Гете приглашаетъ Шиллера посѣтить его въ Веймарѣ. «На будущей недѣлѣ» — писалъ Гете — «дворъ ѣдетъ въ Эйзенахъ, в цѣлыя двѣ недѣли я буду такъ одинокъ и независимъ, какъ едва ли опять буду скоро. Навѣстите меня въ это время и остановитесь у меня. Вы можете заниматься чѣмъ вамъ угодно. Въ свободные часы мы будемъ бесѣдовать, посѣщать друзей, которыхъ образъ мыслей наиболѣе сходенъ съ нашимъ, и разстанемся не безъ пользы. Вы можете расположиться совершенно какъ у себя и вести образъ жизни какой вамъ угодно. Я показалъ бы вамъ важнѣйшее изъ моего собранія и много новыхъ нитей связало бы насъ».

Шиллеръ принялъ это приглашеніе. «Наша двух-недѣльная конференція» писалъ Гете 10 октября 1794 года: — «показала намъ, что мы согласны въ главныхъ началахъ, и что сферы нашего мышленія, дѣйство-

ванія и чувствованія отчасти совпадаютъ, отчасти соприкасаются». Гете ожидалъ отъ этого много пользы для нихъ обоихъ. «Я продолжаю», — писалъ онъ — «думать и началъ уже работать для журнала».—Вскорѣ потомъ Гете выслалъ римскія элегіи, два посланія и нѣкоторые другіе поэтическіе отрывки. Онъ надѣялся еще найдти время для небольшихъ повѣстей, между-тѣмъ, какъ его безпрерывно занимало продолженіе «Вильгельма Мейстера».—«Послѣ тяжкаго труда»— писалъ онъ 27 ноября 1794: «котораго требовала такая *псевдо-эпопея*, какъ мой романъ «Вильгельмъ Мейстеръ», я чувствую сильную склонность къ небольшимъ повѣстямъ, и намѣренъ слѣдовать методѣ разсказчицы въ *Тысячѣ Одной Ночи*».

Шиллеръ убѣждалъ Гете окончить «Фауста», который давно уже не подвигался впередъ. «Не смѣю» — писалъ Гете, — «раскрыть связку бумагъ, въ которой заключенъ онъ». — Дѣятельность Гете развлечена была множествомъ проектовъ, предназначенныхъ большею частію для журнала. Одною изъ достопримѣчательнѣйшихъ статей Гете, помѣщенныхъ въ журналѣ *die Horen*, были *Бесѣды Нѣмецкихъ Эмигрантовъ* (Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten). Содержаніе этой книги взято было изъ современныхъ политическихъ событій. Вообще, Гете подвергалъ всѣ свои произведенія тогдашняго времени суду Шиллера, и Шиллеръ опять возвратилъ ему почти-утраченную увѣренность въ достоинствахъ «Вильгельма Мейстера», породившаго въ читателяхъ, при самомъ началѣ, требованія, которыя Гете не надѣялся удовлетворить. Посылая къ Шиллеру часть рукописи, Гете писалъ, 6 декабря 1794 года: «Посылаю вамъ первую книгу *Вильгельма Школьника* (Wilhelm Schüler), который, не знаю какимъ образомъ, назвался Вильгельмомъ *Мейстеромъ*. Къ-сожалѣнію, первыя двѣ книги будутъ уже напечатаны, когда вы ихъ прочтете. Но, не смотря на то, скажите мнѣ ваше настоящее мнѣніе, — скажите, чего желаетъ и чего ожидаетъ отъ меня публика».

Еще до окончанія всего романа, Шиллеръ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ немъ слишкомъ-много мѣста занимаетъ бытъ актёровъ, чтó, впрочемъ, входило въ первоначальный планъ Гете. Но кромѣ этого и нѣсколькихъ другихъ неважныхъ замѣчаній, критика Шиллера была такъ основательна и притомъ такъ благосклонна, что совершенно успокоила Гете. «Вашъ отзывъ», писалъ онъ 10 декабря 1794 года: «о первой книгѣ моего романа чрезвычайно ободрилъ меня. Послѣ странныхъ судебъ, которымъ подвергалось это произведеніе извнѣ и изнутри, я совсѣмъ сбился съ толку въ моемъ сужденіи о немъ. Наконецъ, я слѣдовалъ только моей идеѣ, и буду весьма вамъ обязанъ, если вы выведете меня изъ этого лабиринта». Шиллеръ дѣйствительно много помогъ ему своими совѣтами, и въ письмѣ Гете отъ 25 февраля 1795 года, мы видимъ, какъ онъ былъ благодаренъ ему за это. «Ваши *критическія* попеченія о моемъ романѣ», писалъ онъ: «придали мнѣ духу и охоты пересмотрѣть четвёртую книгу. Я понялъ ваши намеки и воспользовался ими; надѣюсь также помочь и прочимъ desideriis и въ цѣломъ сдѣлать еще кое-что хорошаго».—«Я очень буду доволенъ» писалъ онъ 11 марта 1795 года: «если романъ мой будетъ являться въ опредѣленныя эпохи; но ускорить работу —не въ моихъ силахъ».

Гете очень желалъ видѣться съ Шиллеромъ. «Къ-сожалѣнію» писалъ онъ 11 марта: «въ-продолженіи всей этой недѣли я не могъ тронуться съ мѣста. Нѣсколько пріѣзжихъ актёровъ, которыхъ мнѣ хотѣлось видѣть на сценѣ, дурная погода и ревматизмъ, слѣдствіе простуды, задерживали меня, и я не вижу еще, когда и какъ удастся мнѣ вырваться къ вамъ». Въ этомъ же письмѣ, Гете признается, что все это время былъ онъ очень прилеженъ, отослалъ въ печать большую часть четвертой книги «Вильгельма Мейстера», и сверхъ-того написалъ повѣсть *Прокураторъ*, помѣщенную впослѣдствіи въ полномъ собраніи его сочиненій. Распредѣливъ хорошо время, Гете надѣялся въ-теченіи этого года окончить многое.

Римскія элегіи, которыя Гете выслалъ для напечатанія въ журналѣ, были возвращены ему Шиллеромъ съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, которыя онъ передавалъ на его судъ. Отъ 12 мая 1795 года, Гете писалъ: «Возвращенныя вами элегіи застали меня въ элегическомъ, т. е., въ самомъ жалкомъ положеніи. Послѣ счастливой жизни въ Іенѣ, гдѣ наслаждался духовною пищею и теплымъ воздухомъ, я былъ принятъ въ Веймарѣ очень дурно холодною погодою, и по-необходимости простоявъ нѣсколько времени на сквозномъ вѣтру, получилъ сильную лихорадку, съ жестокою болью въ правой сторонѣ головы, а отъ этого и лѣвая сдѣлалась ни къ чему негодною. Теперь я опять поправился до такой степени, что могу въ своей комнатѣ заниматься остановившимися работами». Болѣе всего занимался онъ продолженіемъ своего романа. «Наконецъ» писалъ онъ къ Шиллеру: «посылаю къ вамъ второй томъ «Вильгельма Мейстера». Теперь привожу въ порядокъ пятую книгу, и такъ какъ шестая уже совершенно готова, то надѣюсь къ концу мѣсяца отдѣлаться на все лѣто».

Благосклонные отзывы Шиллера придавали ему бодрости для окончанія романа. «Одобреніе, котораго удостоили вы пятую книгу Вильгельма Мейстера», — писалъ Гете 18 іюня 1795 года: «чрезвычайно обрадовало меня и поощрило къ новымъ трудамъ. Мнѣ очень пріятно, что чудныя и забавныя тайны въ моемъ романѣ производятъ желаемое дѣйствіе, и что мнѣ удалось исполненіе предположенныхъ сценъ. Я воспользовался вашими замѣчаніями о практико-теоретическомъ пустословіи, и вычеркнулъ многія мѣста; но едвали мнѣ удастся совершенно изгладить всѣ слѣды прежней обработки, хоть я и сократилъ первую рукопись почти цѣлою третью».

Эти занятія были прерваны разстроеннымъ состояніемъ здоровья Гете. «Мнѣ наскучило мучиться» писалъ онъ 10 іюня 1795 года: «и я рѣшился ѣхать въ Карлсбадъ, который одинъ разъ уже избавилъ меня на долгое время отъ подобныхъ страданій». «Четырех-недѣльное пребываніе мое тамъ» говоритъ Гете позже въ письмѣ отъ 18 іюня: «я намѣренъ посвятить пересмотру моихъ трудовъ по части естественной исторіи. Мнѣ хочется сдѣлать обзоръ всего уже конченнаго, и опредѣлить за что я долженъ прежде всего приняться, чтобъ сообщить какую-нибудь связь отдѣльнымъ своимъ опытамъ и изслѣдованіямъ».

Въ письмѣ отъ 19 іюля Гете писалъ: «Курсъ леченія начинаетъ уже оказывать пользу; за то я и веду себя совершенно такъ, какъ должно больному

на водахъ. Цѣлые дни провожу въ абсолютномъ бездѣйствіи, вѣчно между людьми, не упускаю никакого развлеченія. Я привезу съ собою множество анекдотовъ; но за то, пятая книга романа еще не переписана, и я не произвелъ даже ни одной удачной эпиграммы. Если вторая половина моего пребыванія здѣсь будетъ подобна первой, я возвращусь ни съ чѣмъ».

По возвращеніи въ Веймаръ, Гете опять предался своей обычной дѣятельности; письмо отъ 17 августа содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе разнообразныхъ работъ, предпринятыхъ имъ отчасти для журнала «die Horen», и отчасти для «Альманаха Музъ», издаваемаго въ то время также Шиллеромъ. «Мнѣ кажется» писалъ Гете: «я могу изготовить слѣдующія статьи: въ августѣ, *Бесѣды Нѣмецкихъ Эмигрантовъ*. окончаніе послѣдняго разсказа *Гимнъ*, который я для этого прошу возвратить мнѣ ; въ сентябрѣ: *Драма и Романъ*, *Сказка* (das Märchen); этимъ окончу «Бесѣды»; въ октябрѣ продолженіе *Сказки*, *Примѣчанія* къ элегіямъ и эпиграммамъ; въ ноябрѣ и декабрѣ *Извѣстія* о *Бенвенуто Челлини* и , если успѣю, что-нибудь изъ *Фауста*. Мой «Фаустъ» подобенъ порошку, осѣвшему на дно послѣ какого-нибудь химическаго процесса. Пока его мѣшаешь , то, кажется, онъ распускается ; но какъ скоро оставилъ въ покоѣ, онъ опять мало-по-малу садится на дно».

Относящееся къ этому времени путешествіе стариннаго друга Гете, Іоганна Генриха Мейера, который былъ для него всегда надежнымъ путеводителемъ въ области живописи, скульптуры и другихъ родственныхъ имъ художествъ, пробудило въ немъ желаніе еще разъ вмѣстѣ съ нимъ посѣтить Швейцарію. «Все это время» писалъ Гете отъ 14 сентября 1795 года : «я стоялъ на одной ногѣ , потому-что другая была уже занесена въ Швейцарію».

Отсутствіе Мейера, по собственному признанію Гете , было весьма для него чувствительно , и онъ сталъ чаще ѣздить въ Іену къ Шиллеру. Эти посѣщенія получили для него еще большій интересъ по случаю знакомства съ Александромъ и Вильгельмомъ Гумбольдтами. Въ бесѣдахъ ихъ, поэзія и искусства часто уступали мѣсто предметамъ естественной исторіи. Шиллеръ убѣждалъ Гете продолжать своего «Вильгельма Мейстера» и работать для журнала , который, впрочемъ, далеко не удовлетворялъ его ожиданіямъ. Онъ надѣялся отъ него всеобщаго , великаго вліянія; на самомъ же дѣлѣ журналъ находилъ мало сочувствія въ публикѣ и на каждомъ шагу сталкивался съ ограниченными понятіями. Гете вполнѣ раздѣлялъ восторгъ Шиллера ко всему прекрасному и живую ненависть къ ложному вкусу и къ всякому ограниченію въ наукахъ и искусствахъ. «Вездѣ » писалъ Гете : «проглядываетъ это привидѣніе притязательной посредственности. Удивительно, какое странное смѣшеніе заблужденій и истинъ необходимо для существованія этихъ людей , какую чудную терминологію изобрѣли они, чтобъ отстранить то , что̀ имъ не по силамъ, и выставить на показъ, какъ моисеевъ змій, то что̀ у нихъ есть».

Въ такомъ расположеніи духа составлено было извѣстное собраніе эпиграммъ «Xenien». Это были, какъ говоритъ Шиллеръ въ одномъ изъ тог-

кашнихъ писемъ своихъ, буйныя сатиры на писателей и ихъ произведенія, одушевленныя нѣкоторыми поэтическими и философскими идеями. «Ксеніи» писалъ Гете гораздо позже: «начавшись съ невиннаго достигли мало-по-малу величайшей рѣзкости и остроты; они занимали насъ нѣсколько мѣсяцевъ и появившись, наконецъ, въ «Альманахѣ Музъ», произвели сильное движеніе и потрясеніе въ нѣмецкой литературѣ». — Неизвѣстно, Шиллеру или Гете принадлежала первая идея «Ксеній». Они намѣревались ежегодно помѣщать въ «Альманахѣ Музъ» подобное собраніе двустишныхъ эпиграмъ на всѣ журналы.

Сначала стрѣлы этихъ эпиграммъ устремлены были только противъ второстепенныхъ дарованій; но поприще постепенно расширялось, и наконецъ стрѣлы ихъ не щадили даже именъ, приносившихъ честь нѣмецкой литературѣ. Многіе изъ обиженныхъ также натягивали лукъ, но рукою слишкомъ неопытною и неловкою.

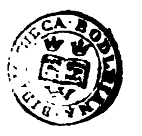
Кромѣ *Ксеній*, къ этому же времени относится множество отчасти уже упомянутыхъ нами стихотвореній Гете, принадлежащихъ къ числу лучшихъ произведеній германской поэзіи. Таковы: элегія *Алексисъ и Дора* и нѣкоторыя баллады, написанныя для соревнованія съ Шиллеромъ; *Коринеская Невѣста*, *Бандерка*, *Цвѣтокъ*, *Wunderschön*, *Юноша и Ручей* (*der Junggesell und der Mühlbach*), *Предательство Мельничихи*. Къ этому же времени относятся многія шуточныя стихотворенія, и между прочимъ извѣстная застольная пѣсня: *Mich ergreift, ich weiss nicht wie, seliges Behagen*. Для журнала, Гете также постоянно доставлялъ статьи, между прочимъ нѣсколько отрывковъ изъ неоконченнаго еще тогда жизнеописанія флорентинскаго ювелира Бенвенуто Челлини. Но главнымъ занятіемъ его оставался романъ «Вильгельмъ Мейстеръ», и Гете всегда съ благодарностію принималъ критическія на него замѣчанія Шиллера.

Весьма-любопытнымъ дополненіемъ къ характеристикѣ Гете можетъ служить собственное сознаніе его въ письмѣ къ Шиллеру отъ 9 іюля 1796 года. «Недостатокъ, который вы во мнѣ замѣчаете, проистекаетъ изъ моей сокровенной природы, изъ какого-то реальнаго упрямства (sic), вслѣдствіе котораго я нахожу удовольствіе представлять людямъ не въ настоящемъ видѣ мое существо, мои дѣйствія, мои творенія. Такимъ образомъ я хочу вѣчно странствовать инкогнито, буду предпочитать худое платье хорошему, въ разговорахъ съ посторонними или съ полузнакомыми избирать самые ничтожные предметы или по-крайней-мѣрѣ самыя ничтожныя выраженія, буду показывать себя легкомысленнѣе, нежели каковъ я въ-самомъ-дѣлѣ, и такъ-сказать поставлю себя между самимъ собою и своимъ собственнымъ явленіемъ.

Не смотря на всѣ эти разнообразныя занятія, Гете нашелъ еще время посвящать особенное вниманіе театру. Послѣ нѣкоторыхъ представленій, въ которыхъ участвовалъ Ифландъ, въ мартѣ и апрѣлѣ 1796 года дана была на веймарскомъ театрѣ трагедія Гете, *Эгмонтъ*, передѣланная для сцены Шиллеромъ. Это заставило Гете опять приняться за «Фауста», котораго

онъ, по собственному признанію, более отдалилъ отъ сцены, нежели приблизилъ къ ней. Окончаніе «Вильгельма Мейстера» относится къ 1796 году. Гете самъ называетъ его необозримымъ произведеніемъ, какъ бы ни было оно разсматриваемо — въ цѣломъ или по частямъ, и говоритъ, что ему самому не достаетъ масштаба для сужденія о немъ.

К. Л.

СИСТЕМА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ ГЕРМАНІИ,

КАКЪ СРЕДСТВО КЪ УСИЛЕНІЮ ПРОМЫШЛЕНОСТИ ТАМОЖЕННАГО СОЮЗА И ВООБЩЕ КЪ УКРѢПЛЕНІЮ НАЦІОНАЛЬНОЙ СВЯЗИ ГЕРМАНІИ.

Статья Фридриха Листа (*).

—

Система желѣзныхъ дорогъ въ Германіи и таможенный союзъ, — сіамскіе близнецы, рожденные вмѣстѣ, неразрывно связанные тѣлами, составляющіе духомъ и волею одно существо: они взаимно поддерживаютъ другъ друга и стремятся къ одной и той же цѣли — къ соединенію всѣхъ нѣмецкихъ племенъ въ одну великую, образованную, богатую, могущественную и неприкосновенную націю. Безъ таможеннаго союза никогда не могла бы родиться, тѣмъ менѣе исполниться, идея системы желѣзныхъ дорогъ въ Германіи. Только при помощи системы желѣзныхъ дорогъ, общественное хозяйство можетъ достигнуть въ Германіи національнаго величія, и въ свою очередь способствовать полному развитію системы желѣзныхъ дорогъ.

Но система германскихъ желѣзныхъ дорогъ благодѣтельна не по одному только вліянію своему на матеріальныя выгоды націи: развивая духовныя и политическія силы, она вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дѣйствовать и на усовершенствованіе національности Германіи: 1) какъ *средство защиты*, ибо она облегчаетъ сосредоточеніе, распредѣленіе и направленіе войскъ; 2) какъ *средство распространенія образованности*, ибо она ускоряетъ и облегчаетъ обращеніе произведеній литературы, искусствъ и наукъ, приводитъ въ соприкосновеніе таланты, познанія и предпріимчивость всѣхъ родовъ, увеличиваетъ способы образованія для всѣхъ сословій и возрастовъ; 3) какъ *облегченіе* противъ дороговизны, голода и чрезмѣрнаго измѣненія въ цѣнахъ на первыя жизненныя потребности; 4) какъ *средство усиленія народнаго духа*, ибо она со-временемъ искоренитъ все зло провинціальной односторонности и предразсудковъ (Kleinstädterei); 5) какъ *крѣпкій поясъ около тѣ-*

(*) Бывшаго виртембергскаго консула въ Сѣверной Америкѣ, извѣстнаго недавно-изданнымъ сочиненіемъ «О Національной Системѣ Политической Экономіи», и перваго провозвѣстника идеи о желѣзныхъ дорогахъ въ Германіи. Статья эта, напечатанная въ только-что полученномъ здѣсь нумерѣ журнала «Deutsche Vierteljahrs Schrift», показалась намъ весьма интересною, особенно потому, что во многомъ можетъ быть принята къ соображенію при размышленіи о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, возбуждаемомъ теперь петербургско-московскою желѣзною дорогою. *Ред.*

ла Германіи, связующій всѣ члены ея въ одно могучее и величественное цѣлое, и 6) какъ *проводникъ общественнаго мнѣнія.*

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, система желѣзныхъ дорогъ не представляетъ ни для одного государства столько важности, какъ для Германіи.

По географическому положенію своему, Германія со всѣхъ сторонъ открыта нападеніямъ и, сверхъ-того, имѣетъ весьма мало природныхъ внутреннихъ путей сообщенія. Поэтому, ни одна страна такъ не нуждается въ искусственныхъ дорогахъ, чтобъ быть въ состояніи сосредоточивать свои средства защиты и съ быстротою переносить ихъ отъ одной границы къ другой, какъ Германія.

За неимѣніемъ средоточія для наукъ, художествъ и литературы, образованіе въ Германіи наиболѣе нуждается въ быстрыхъ и удобныхъ средствахъ сообщенія, и потому въ этомъ отношеніи желѣзныя дороги никому не принесутъ такой пользы, какъ ей. Феодальнымъ раздробленіемъ лишенная всѣхъ принадлежностей національности, она наиболѣе имѣетъ нужду въ тѣсномъ соединеніи своихъ частей. Посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, Германія пріобрѣтетъ неисчислимыя выгоды, которыя другія націи получаютъ отъ своихъ столицъ, не чувствуя неразлучныхъ съ тѣмъ золъ. Она будетъ пользоваться всѣми выгодами системы централизаціи, не лишаясь благодѣяній федеративной системы.

Взвѣсивъ всѣ эти слѣдствія учрежденія въ Германіи желѣзныхъ дорогъ и притомъ взявъ въ соображеніе, какъ сильно всѣ умственныя и политическія усовершенствованія содѣйствуютъ матеріальному благосостоянію народа, каждый необходимо долженъ будетъ согласиться, что ужь это одно должно сдѣлать необходимымъ учрежденіе въ Германіи системы желѣзныхъ дорогъ, еслибъ даже отъ нея нельзя было ожидать никакихъ финансовыхъ выгодъ. Образованность, существованіе, независимость, неприкосновенность націи — блага неоцѣненныя, и народъ, который не рѣшится пожертвовать небольшою частію своего богатства для пріобрѣтенія и обезпеченія этихъ благъ, не заслуживаетъ ихъ. Онъ подобенъ скупцу, который, чтобъ не покупать замка и запора, рискуетъ всѣмъ своимъ богатствомъ и жизнію. Французы полагаютъ, что оба занятія Франціи союзными войсками стоятъ ей до 6-ти бильйоновъ франковъ: Германіи это обошлось бы, конечно, не дешевле. И такъ, если система желѣзныхъ дорогъ въ-теченіи цѣлаго столѣтія отвратитъ одно подобное бѣдствіе, то она уже вдесятеро вознаградитъ всѣ издержки.

Возвратимся опять къ матеріальнымъ выгодамъ и къ таможенному союзу. Въ этомъ отношеніи, система желѣзныхъ дорогъ представляется единственнымъ средствомъ къ раздѣленію труда и къ сосредоточенію производительныхъ силъ въ большомъ размѣрѣ, къ возстановленію равновѣсія между фабричною и земледѣльческою промышленостію между заграничнымъ ввозомъ и вывозомъ. Поэтому, мы прежде всего постараемся доказать важность такого равновѣсія, чтобъ объяснить всю необходимость желѣзныхъ дорогъ въ этомъ отношеніи.

Докторъ Боурингъ, въ донесеніи англійскому парламенту о торговомъ состояніи Германіи, говоритъ, — и мы почитаемъ донесеніе его весьма основательнымъ, — что въ Германіи число земледѣльцевъ содержится къ

числу мануфактуристовъ, какъ 3 къ 1, тогда-какъ въ Англіи оно содержится какъ 1 къ 2-мъ. Послѣднее отношеніе, безъ сомнѣнія, не естественно; оно не могло бы существовать, еслибъ всѣ націи стояли на одинакой степени промышленаго развитія. Причиною этого непомѣрнаго увеличенія числа мануфактуристовъ,— первенство Англіи въ торговой и фабричной промышлености. Германцы, конечно, никогда не вздумаютъ гоняться за этимъ первенствомъ; Германія всегда будетъ ограничиваться нормальнымъ состояніемъ, къ которому должна стремиться каждая физически, морально и политически здоровая, образованная нація, котораго не могутъ лишить ее успѣхи другаго народа. Это состояніе достигается тогда, когда нація, благопріятствуемая климатомъ и почвою, сама производитъ для себя всѣ мануфактурныя издѣлія и необходимыя колоніальные продукты получаетъ непосредственно изъ первыхъ рукъ за свои мануфактурныя издѣлія. Глубокомысленнѣйшіе политическіе экономы полагаютъ, что въ этомъ положеніи число мануфактуристовъ къ числу земледѣльцевъ должно относиться какъ 1 къ 1-му.

Но предположимъ, что государства, участвующія въ таможенномъ союзѣ, въ-продолженіи первыхъ 10 или 15 лѣтъ, при помощи желѣзныхъ дорогъ и благоразумнаго покровительства фабричной промышлености, достигнутъ того, что на двухъ земледѣльцевъ будетъ приходиться одинъ фабричный работникъ, то и тогда уже послѣдній классъ умножится 2—3 мильйонами человѣкъ. Въ такой же пропорціи увеличатся требованія на произведенія земледѣльческой промышлености, на грубые матеріалы и на колоніальные товары, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится доходъ съ земель, цѣнность ихъ, и государственные доходы отъ косвенныхъ налоговъ.

Эти ожиданія не мечты, но естественныя, необходимыя слѣдствія видимыхъ причинъ, и неоспоримо доказываются опытами послѣднихъ 10 лѣтъ. Извѣстно, что во всѣхъ государствахъ таможеннаго союза, въ-слѣдствіе развитія мануфактурной промышлености, въ послѣдніе 10 лѣтъ значительно возвысилась цѣнность земли; во многихъ странахъ она возвысилась на 50 и даже 100% и нигдѣ не менѣе 20%. Принявъ всю поверхность Германіи (за исключеніемъ Австріи) въ 150 м. акровъ (по 40,000 кв. футовъ) и оцѣнивъ акръ среднимъ числомъ только въ 40 талеровъ, мы получимъ цѣнность всѣхъ земель Германіи въ 6 бильйоновъ талеровъ. Къ этому должно прибавить цѣнность сельскихъ строеній, рудокопенъ и другихъ заведеній, составляющую около $1\frac{1}{4}$ или $1\frac{1}{2}$ бильйона. Очевидно, это исчисленіе далеко не равняется подлинному; но и тутъ, увеличеніе цѣнности земель только на 20%, даетъ уже 1600 мильйоновъ талеровъ, слѣдовательно, чистый доходъ съ земель увеличится на 50 или 60 мильйоновъ, а валовой на нѣсколько сотъ мильйоновъ.

Если политика таможеннаго союза будетъ идти одинакимъ шагомъ съ промышленымъ развитіемъ націи и съ умноженіемъ капиталовъ; если въ-продолженіе слѣдующихъ 10 лѣтъ въ помощь народной промышлености устроится вся система германскихъ желѣзныхъ дорогъ, то увеличеніе народнаго богатства въ слѣдующемъ десятилѣтіи будетъ гораздо-значительнѣе, нежели въ истекшемъ. То, что предстоитъ еще Германіи совершить для достиженія нормальнаго состоянія въ-отношеніи къ народному хозяй-

ству, гораздо значительнѣе того, что до-сихъ-поръ сдѣлано. Ввозъ иностранныхъ мануфактурныхъ и полумануфактурныхъ издѣлій и колоніальныхъ продуктовъ, за которые Германія большею частію платитъ еще не своими произведеніями, составитъ вѣрно не менѣе 50 или 60 мильйоновъ талеровъ. Если эта потребность будетъ удовлетворяться собственными произведеніями, то само собою разумѣется, умноженіе мануфактурнаго класса народа увеличитъ требованіе произведеній земледѣлія, за которыя будетъ большею частію платиться внутренними мануфактурными издѣліями, что необходимо должно усилить мануфактурную дѣятельность. Непремѣннымъ слѣдствіемъ этого взаимнаго вліянія будетъ увеличеніе суммы произведеній сельской и мануфактурной промышлености въ четыре, даже въ пять разъ противъ того, что нынѣ нація можетъ выиграть непосредственною торговлею съ иностранными государствами и наполняя свои рынки произведеніями иностранныхъ мануфактуръ.

Для Германіи большое счастіе, что эти необыкновенныя усовершенствованія средствъ сообщенія совпадаютъ съ эпохою ея промышленаго возрожденія, ибо только этими усовершенствованіями Германія въ состояніи будетъ отвратить всѣ невыгоды и препоны, представляемыя самою природою ея промышленому развитію, въ-сравненіи съ Англіею. Важнѣйшая изъ этихъ невыгодъ состоитъ въ томъ, что въ Германіи фабрики большею частію должны приводиться въ движеніе силою воды, тогда-какъ фабрики Англіи движутся парами. Съ перваго взгляда, это можетъ показаться нелѣпостію, ибо извѣстно, что сила воды, гдѣ она еще не употреблена и не обращена въ капиталъ, несравненно-дешевле силы паровъ; но легко убѣдиться въ справедливости этого положенія, разсматривая его въ-отношеніи къ раздѣленію труда и къ соединенію производительныхъ силъ. Главное преимущество паровъ состоитъ въ томъ, что въ странахъ, гдѣ каменный уголь въ изобиліи и дешевъ, она дѣлаетъ возможнымъ сосредоточеніе фабричныхъ заведеній и капиталовъ, техническихъ силъ и способностей, и образуетъ цѣлыя мануфактурныя колоніи! Сотни фабрикъ раздѣляютъ между собою самыя мелкія отрасли производства. Каждая прядетъ только извѣстный сортъ нитокъ, ткетъ или печатаетъ только извѣстный видъ матерій. Въ одномъ и томъ же городѣ скопляются цѣлыя арміи работниковъ, и каждый изъ нихъ посвящаетъ себя исключительно какой-либо вѣтви производства и достигаетъ въ своемъ дѣлѣ возможнаго совершенства. Подлѣ фабриканта поселяется банкиръ, который снабжаетъ его деньгами, или беретъ на сохраненіе излишніе капиталы; купецъ, который доставляетъ ему грубые матеріалы и покупаетъ его издѣлія, какъ-скоро они готовы. Сверхъ-того, тутъ возникаютъ заводы для изготовленія машинъ, которые слѣдуютъ тому же правилу раздѣленія труда, посвящаютъ себя одному какому-нибудь роду машинъ и слѣдовательно могутъ изготовлять самыя совершенныя машины за дешевѣйшую цѣну и въ кратчайшее время. Все это чрезвычайно облегчаетъ основаніе и поддержаніе фабрикъ. Фабрикантъ всегда можетъ исправить или замѣнить новыми испортившіяся машины. Онъ ежедневно можетъ увеличивать или уменьшать число работниковъ, сообразно своимъ капиталамъ и сбыту. Въ-продолженіи недѣли, онъ можетъ обратить въ деньги всѣ свои капиталы, а въ благопріятное время всеобщаго довѣрія поддержать

свое заведеніе однимъ кредитомъ. Близость моря неимовѣрно способствуетъ его оборотамъ; были примѣры, что привезенная въ Ливерпуль хлопчатая бумага черезъ нѣсколько дней, ужь обработанная, опять отправлялась въ море.

Напротивъ того, вода, какъ движущая сила на фабрикѣ, вообще очень рѣдка вблизи приморскихъ гаваней. Она находится только во внутренности страны и рѣдко въ значительныхъ, большей же частію въ весьма малыхъ массахъ на одномъ пунктѣ, чаще всего въ странахъ безлюдныхъ, въ уединенныхъ долинахъ. Поэтому, въ мѣстахъ, гдѣ употребляется двигателемъ вода, каждый фабрикантъ стоитъ отдѣльно. Машинистъ, банкиръ, торговецъ живутъ далеко отъ него, одинъ тутъ, другой тамъ. Грубые матеріалы онъ получаетъ изъ отдаленныхъ приморскихъ городовъ, и потому долженъ дѣлать большіе запасы, чтобъ не подвергнуть своего заведенія остановкѣ. Издѣлія свои онъ долженъ посылать также далеко. Онъ издалека выписываетъ работниковъ, или самъ образуетъ ихъ; поэтому, распространеніе или ограниченіе заведенія—для него дѣло весьма трудное. Онъ по-необходимости долженъ стараться содержать его всегда въ одномъ размѣрѣ и часто принужденъ работать въ убытокъ, чтобъ только сохранить вполнѣ свои производительныя силы въ надеждѣ на лучшія времена. При помощи усовершенствованныхъ способовъ перевоза, всѣ эти неудобства вододѣйствующихъ фабрикъ не только отстранятся, но даже обратятся въ преимущества въ сравненіи съ силою паровъ. Фабрикантъ сблизится съ приморскими гаванями, что чрезвычайно облегчитъ ему пріобрѣтеніе грубыхъ матеріаловъ и сбытъ собственныхъ издѣлій. Съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ онъ можетъ дѣлать гораздо бóльшіе обороты; съ бóльшимъ удобствомъ можетъ самъ отъискивать новые пути сбыта для своихъ произведеній, добывать капиталы, слѣдовать за всѣми улучшеніями въ своей отрасли фабричной промышлености. По причинѣ увеличенія своего круга дѣйствій, онъ въ состояніи будетъ ограничиться извѣстными отраслями производства; ему легче будетъ нанимать работниковъ. Онъ будетъ въ тѣсной связи съ фабрикантами машинъ, которые также поставлены будутъ въ возможность усовершенствовать свое производство, слѣдуя правилу раздѣленія труда.

Мы сказали, что неудобства, сопряженныя съ вододѣйствующими фабриками, посредствомъ усовершенствованныхъ способовъ сообщенія могутъ даже быть обращены въ преимущества передъ силою паровъ, и остаемся при этомъ мнѣніи. Отдѣльность фабрикъ имѣетъ также свою выгодную сторону. Равномѣрное распредѣленіе мануфактурной промышлености по всему пространству государства значительно смягчаетъ неразлучное съ нею зло и неудобства, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельное дѣйствіе ея на земледѣльческую промышленость оказывается повсемѣстнѣе, нежели въ государствахъ, гдѣ фабричная промышленость сосредоточена въ нѣсколькихъ пунктахъ.—Фабрикантъ, живущій въ маленькомъ городкѣ, или въ уединенномъ помѣстьѣ, по необходимости долженъ жить скромнѣе и тише, нежели живутъ въ большихъ фабричныхъ городахъ; и поэтому при меньшихъ доходахъ онъ будетъ также счастливъ. Принужденный содержать

свое заведеніе всегда на одинакой ногѣ, онъ не подвергается конкурренціи и внезапнымъ гибельнымъ перемѣнамъ, отъ которыхъ такъ часто разоряются англійскіе фабриканты. — Состояніе фабричнаго работника, при меньшей поденной платѣ, будетъ гораздо болѣе обезпечено, нежели въ Англіи, гдѣ онъ сегодня получаетъ двойную плату, а завтра остается безъ работы и безъ хлѣба.—При дешевизнѣ содержанія, умѣренная плата будетъ для него такъ же достаточна, какъ для англійскаго работника гораздо высшая. Въ настоящемъ положеніи земледѣлія въ Германіи, онъ будетъ въ состояніи съ помощію своего семейства самъ воздѣлывать землю и производить столько, сколько нужно для его семейства, и такимъ образомъ, въ случаѣ уменьшенія заработка на фабрикѣ, безъ крайней нужды ожидать лучшаго времени.

Поэтому, опасенія бѣдствій, которымъ подверженъ рабочій классъ въ Англіи, и которыми угрожаютъ Германіи въ случаѣ усиленія ея мануфактурной промышлености, совершенно неосновательны. Въ Англіи, эти бѣдствія проистекаютъ отъ непомѣрнаго сосредоточенія фабричной промышлености и отъ частыхъ колебаній, которымъ она подвергается въ-слѣдствіи своего стремленія къ всемірной монополіи. За отсутствіемъ этихъ двухъ причинъ, Германіи нѣчего опасаться, чтобъ развитіе промышлености наполнило ее полчищами пролетаріевъ.

Протяженіе предположенныхъ желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ государствахъ таможеннаго союза (со включеніемъ сѣверныхъ государствъ и городовъ, намѣревающихся приступить къ союзу, но за исключеніемъ Австріи) составляетъ около 520 миль, а издержки построенія будутъ простираться до 150 мильйоновъ талеровъ. Слѣдовательно, эти издержки не составляютъ даже 2% цѣнности всѣхъ земель въ Германіи и не болѣе 15% съ ежегоднаго валоваго дохода отъ нихъ. Скорѣе можно при солнечномъ свѣтѣ увѣрять, что день есть ночь, нежели отвергать справедливость положенія, что въ-теченіи одной человѣческой жизни, Германія, въ-отношеніи къ своимъ производительнымъ силамъ, выиграетъ въ десять, въ двадцать разъ болѣе, нежели сколько будутъ стоять желѣзныя дороги.

Это такъ очевидно, что система германскихъ желѣзныхъ дорогъ перестала уже быть проектомъ. Изъ числа 520 миль, пятая часть уже устроена или будетъ окончена въ нынѣшнемъ году. Устройство остальныхъ дорогъ рѣшено, или почти рѣшено. Никто не сомнѣвается болѣе въ томъ, что эти дороги будутъ давать хорошій доходъ, особливо тогда, когда вся сѣть ихъ будетъ приведена единовременно къ окончанію, ибо только отъ взаимнаго дѣйствія всѣхъ частей системы одна на другую, обращеніе по нимъ людей и товаровъ можетъ достигнуть наибольшей дѣятельности, и мѣстныя, провинціальныя сообщенія обратятся въ національныя.

При такомъ положеніи дѣла, было бы излишне распространяться объ этомъ предметѣ, если бы въ послѣднее время нѣсколько голосовъ не объявило сомнѣній на счетъ доходности и государственно-экономической пользы желѣзныхъ дорогъ въ Германіи, преимущественно же касательно выгодъ отъ постройки ихъ на счетъ правительства.

Этихъ скептиковъ прежде всего можно упрекнуть въ томъ, что они вовсе упускаютъ изъ виду вліяніе, которое система желѣзныхъ дорогъ будетъ

имѣть на усовершенствованіе общежительнаго, нравственнаго и политическаго быта Германіи.—Если рѣчь идетъ о томъ, должно ли Виртембергское Королевство участвовать во всеобщихъ успѣхахъ цивилизаціи, или оставаться назади, то, кажется, слѣдовало бы обратить вниманіе на выгоды, которыя проистекутъ для этого государства отъ возстановленія національности Германіи,—выгоды, большею частію самыя осязательныя; на-примѣръ, въ-отношеніи къ оборонѣ.

Очевидно, что западныя государства Германіи всего болѣе заинтересованы въ дѣлѣ защиты слабѣйшаго, наименѣе огражденнаго пункта Германіи—ея западной границы. Въ случаѣ войны съ Франціею, они первые подвергнутся всѣмъ ея бѣдствіямъ. Они ли должны быть театромъ военныхъ дѣйствій, или Франція? Должны ли они быть пожертвованы вторженію непріятеля съ превосходнѣйшими силами, пока австрійскія и прусскія войска медленно приближатся къ нимъ, или быть увѣренными въ быстрой помощи великихъ державъ при первомъ востребованіи? Должны ли они подвергаться голоду при проходѣ многочисленныхъ армій, или получать обильные запасы съ востока? Кажется, не нужно доказывать, что рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ зависитъ преимущественно отъ средствъ сообщенія, и что дѣло идетъ о существованіи Виртемберга и Бадена. Замѣтимъ только, что въ первую войну съ Франціею, на Рейнѣ, вѣроятно, сосредоточатся огромныя военныя силы.

Въ-отношеніи къ распространенію наукъ, художествъ, литературы, національнаго образованія и проч., вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ представляетъ для Виртембергскаго Королевства не менѣе, даже,—смѣло можно сказать,—болѣе важности, нежели для всякаго другаго государства равной съ нимъ величины. По недостатку морскихъ и рѣчныхъ сообщеній, оно слишкомъ отдѣлено отъ всего свѣта, и въ немъ не можетъ образоваться торговая и промышленая дѣятельность и сметливость, которыя легко развиваются при значительныхъ оборотахъ.—Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить самая оппозиція и ограниченный взглядъ ея на вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ.

По мнѣнію скептиковъ, предположеніе, что желѣзныя дороги споспѣшествуютъ развитію промышлености, способствуютъ процвѣтанію земледѣлія, оживляютъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю, и слѣдовательно увеличиваютъ народное богатство и государственные доходы, есть *дерзкая*, ни на чемъ не основанная гипотеза, которую такъ-называемые защитники желѣзныхъ дорогъ выдаютъ за аксіому. «Скорость»,—говорятъ они—«есть единственное преимущество желѣзныхъ дорогъ. Въ-отношеніи къ перевозу тяжестей, эта скорость нужна только для съѣстныхъ припасовъ; но для этого есть уже скоровозы (Eilfahrer) и т. п. Другіе же товары довольно скоро приходятъ къ мѣстамъ назначенія. Ограниченность сбыта происходитъ не отъ недостатка средствъ перевоза, но отъ-того, что рынки переполнены товарами. Огромные торговые и мануфактурные города, каковы Ливерпуль и Манчестеръ, не созданы скоростію сообщеній, но наоборотъ, они создали эту скорость. Примѣръ Бельгіи доказываетъ, что провозъ товаровъ составляетъ только четвертую часть доходовъ съ желѣзныхъ дорогъ. Только относительно перевоза путешественниковъ, желѣзныя дороги пред-

ставляютъ неоспоримыя выгоды. Но путешествуютъ обыкновенно или по дѣламъ, или для удовольствія. Дѣла можно обдѣлывать письменно; а тѣ, для которыхъ необходимы личные переговоры, не требуютъ большой поспѣшности. Облегченіе же путешествій по прихоти усилятъ только пагубную страсть къ удовольствіямъ. Конечно, нѣкоторые города и нѣкоторыя отрасли промышлености получатъ отъ-того пользу, но обогащеніе нѣкоторыхъ часто влечетъ за собою бѣдность многихъ, и такъ-называемое усиленіе промышлености есть часто не что иное, какъ увеличеніе роскоши съ одной стороны, и недостатковъ съ другой. Желѣзныя дороги могутъ существенно содѣйствовать оживленію промышлености только тамъ, гдѣ она стоитъ уже на такой высотѣ, что для ея дальнѣйшаго развитія не достаетъ лишь большей быстроты сообщеній. А гдѣ желѣзныя дороги не приносятъ дохода, тамъ, слѣдовательно, по нимъ мало ѣздятъ: а гдѣ по нимъ мало ѣздятъ, тамъ можно сомнѣваться въ ихъ государственно-экономической пользѣ».

Вотъ какъ разсуждаютъ скептики. Очевидно, они принадлежатъ не къ дѣятельному, неутомимому классу производителей, но къ спокойному классу потребителей, привыкшихъ ко всѣмъ удобствамъ мирной жизни. Противъ нихъ можно употребить только одинъ, впрочемъ весьма сильный argumentum ad hominem. Конечно, ихъ потребности въ шелковыхъ и другихъ модныхъ товарахъ довольно-скоро удовлетворяются посредствомъ обыкновенныхъ сообщеній; конечно, дѣла ихъ могутъ быть обдѣланы перепискою, а для увеселительныхъ прогулокъ ихъ достаточно рейнскихъ пароходовъ; но развѣ это ничего не стоитъ, что они будутъ получать устрицъ и икру, морскихъ рыбъ и раковъ прямо изъ соленой воды?..

Промышленый классъ въ Виртембергѣ, конечно, думаетъ совсѣмъ иначе. Удивительно, почему противники желѣзныхъ дорогъ не спросили своихъ соотечественниковъ-книгопродавцевъ, ювелировъ, бумажныхъ фабрикантовъ: все ли равно для нихъ быстрый или тихій, правильный или неправильный перевозъ товаровъ; все ли равно для нихъ путешествовать скоро, спокойно и дешево, или медленно, дорого и притомъ неудобно; все ли равно для нихъ обдѣлывать дѣла словесно или письменно?

Главнѣйшее заблужденіе противниковъ желѣзныхъ дорогъ состоитъ въ томъ, что они ожидаютъ отъ этихъ дорогъ только *скорости*, а не *дешевизны* перевоза товаровъ. Это заблужденіе, такъ же, какъ и другія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, происходитъ отъ-того, что скептики принимаютъ существующіе нынѣ на отдѣльныхъ пространствахъ торговые обороты за мѣрило для будущей національной торговли, тогда-какъ всякому понятно, что при помощи всей сѣти желѣзныхъ дорогъ, торговые обороты необходимо пріимутъ совершенно-другой видъ. Весьма естественно, что теперь по отдѣльнымъ желѣзнымъ дорогамъ перевозится мало товаровъ, составляющихъ предметъ торговли. Кому нужно отправить товары, на пр., изъ Мюнхена въ Штутгартъ, тотъ, разумѣется, предпочтетъ шоссе, потому-что на такомъ незначительномъ разстояніи не стоитъ труда перекладываться въ Аугсбургѣ. Но при одинаковой платѣ за провозъ, онъ непремѣнно изберетъ желѣзную дорогу, когда она будетъ на всемъ протяженія. Съ другой же стороны, пока провозъ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ еще незначителенъ, нѣтъ никакого разсчета брать плату меньшую

той, которая берется на шоссе. Эти сообщенія еще не устроились; они досихъ-поръ приносятъ мало выгодъ и много хлопотъ, и даже значительное пониженіе платы, при настоящихъ обстоятельствахъ, едвали увеличило бы провозъ товаровъ по железнымъ дорогамъ. Теперь онѣ пока перевозятъ то, что есть, и берутъ такую плату, чтобъ было изъ чего возить. Но и теперь уже плата за провозъ малоцѣнныхъ товаровъ, каковы: топливо, камень и т. п., которые перевозятся на небольшія протяженія, такъ значительно понизилась, что эта отрасль торговли ощутительно оживилась, и если железныя дороги не получаютъ еще отъ того большихъ выгодъ, то тѣмъ менѣе получаютъ національно-экономической пользы.

Главный вопросъ состоитъ однако въ томъ: будетъ ли провозъ товаровъ по железнымъ дорогамъ дешевле, нежели провозъ по шоссе? Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, если провозъ будетъ значителенъ. Железная дорога съ двойнымъ рядомъ рельсовъ можетъ только въ-продолженіи ночнаго времени, когда поѣзды съ пассажирами прекращаются, перевозить милліоны центнеровъ. При менѣе-значительной скорости сила паровъ такъ дешева, что съ этой стороны нѣтъ препятствія къ установленію самыхъ низкихъ цѣнъ. Сверхъ-того, можетъ быть еще употреблена и сила лошадей, которая, оказывая на железныхъ дорогахъ дѣйствіе въ десять разъ большее, нежели на шоссе, можетъ чрезвычайно понизить цѣну провоза, который непремѣнно сдѣлается весьма-значительнымъ, какъ-скоро вся сѣть железныхъ дорогъ будетъ устроена. Она будетъ значительна, когда дороги управляются отъ правительствъ, и когда, слѣдственно, плата будетъ болѣе сообразоваться съ будущими національно-экономическими выгодами, нежели съ временнымъ большимъ дивидендомъ, когда она будетъ назначаться болѣе въ видахъ отдаленной, нежели настоящей пользы.

Вычисливъ хоть приблизительно массу тяжестей, которыя будутъ перевозиться по железнымъ дорогамъ во всей Германіи, именно: колоніальныхъ товаровъ,—каковы: сахаръ, хлопчатая бумага, кофе, табакъ,—туземныхъ произведеній, каковы: шерсть, лёнъ, пенька, железо и другіе металлы, соль, овощи, скотъ, кожи, вино, пиво, водка; далѣе — строительныхъ матеріаловъ, топлива и мануфактурныхъ издѣлій всѣхъ родовъ; принявъ сверхъ-того въ соображеніе, сколько торговое движеніе должно увеличиться въ-слѣдствіе улучшенія сообщеній и оживленія промышлености, никто, конечно, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что провозъ товаровъ по германскимъ железнымъ дорогамъ долженъ достигнуть весьма-обширныхъ размѣровъ. По-крайней-мѣрѣ, въ послѣднее время мы не встрѣчали ни одного человѣка, знающаго дѣло, который бы сколько-нибудь сомнѣвался въ этомъ.

Наконецъ, одно изъ преимуществъ железныхъ дорогъ передъ обыкновенною сухопутною доставкою состоитъ въ томъ, что на нихъ, такъ же какъ на каналахъ, плата за провозъ можетъ быть гораздо-болѣе, нежели на шоссе, соразмѣрена съ цѣнностью товаровъ; что они могутъ назначать плату съ дорогостоящихъ произведеній (какъ на-примѣръ, съ шелковыхъ издѣлій и другихъ предметовъ роскоши, для которыхъ сбереженіе времени и процентовъ на капиталъ, скорость, вѣрность и точность доставки весьма важны) гораздо-бо́льшую, нежели почта, и провозить товары малоцѣнные въ-сравненіи съ ихъ объемомъ, гораздо-дешевле, нежели послѣдній

извощикъ. Сверхъ-того, тамъ, гдѣ дороги устроиваются и содержатся отъ правительства, предметы, которыхъ дешевая доставка требуется видами государственнаго хозяйства, на-примѣръ, каменный уголь, могутъ быть перевозимы за самую умѣренную плату, покрывающую только издержки перевоза и ремонтъ дороги, между-тѣмъ, какъ проценты съ капиталовъ, употребленныхъ на возведеніе дороги, будутъ покрываться съ провоза пассажировъ.

Наши противники не знаютъ ничего этого, а если бы и знали, то это мало принесло бы имъ пользы при ихъ предубѣжденіи, что о національно-экономической пользѣ учрежденія можно судить по финансовымъ отъ него выгодамъ. Они говорятъ: въ Бельгіи провозъ товаровъ приноситъ вчетверо болѣе дохода, нежели провозъ пассажировъ, слѣдовательно, по незначительности своей, онъ не можетъ быть важенъ ни въ финансовомъ, ни въ народно-экономическомъ отношеніи. Они не подозрѣваютъ, что національно-экономическая польза можетъ быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ менѣе предметъ перевоза доставляетъ финансовой выгоды.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ должно остерегаться дѣлать сравненія между двумя государствами, изъ которыхъ мы знаемъ хорошо только одно, а можетъ-быть и ни одного не знаемъ. Въ Бельгіи существуетъ весьма дѣятельное и систематическое сообщеніе посредствомъ рѣкъ и каналовъ, которое (за исключеніемъ зимняго времени) удовлетворяетъ почти всѣмъ потребностямъ перевоза тяжестей, и притомъ для тяжелыхъ товаровъ удобнѣе и дешевле, нежели желѣзныя дороги. Германія же, напротивъ, совершенно лишена этого пособія; поэтому, здѣсь перевозъ тяжестей по желѣзнымъ дорогамъ будетъ гораздо-важнѣе и въ финансовомъ и въ государственно-экономическомъ отношеніи.

Въ такомъ же положеніи находится и Сѣверная-Америка. Но при этомъ сравненіи, противники желѣзныхъ дорогъ впадаютъ въ совершенно-другую погрѣшность: они судятъ объ иностранномъ государствѣ гораздо-вѣрнѣе, нежели о своемъ отечествѣ. Въ Германіи, говорятъ они, желѣзныя дороги не будутъ имѣть такого вліянія на земледѣліе, ибо она достигла уже «пресыщенія», что доказывается ежегодно-увеличивающимися переселеніями. Какое понятіе о промышленыхъ отношеніяхъ Германіи! Въ Германіи, по-крайней-мѣрѣ, три мильйона рукъ могутъ перейдти отъ земледѣлія къ мануфактурной промышлености. Онѣ не переселятся въ другую часть свѣта, но останутся въ отечествѣ и будутъ содѣйствовать усиленію народнаго богатства; онѣ увеличатъ требованія на произведенія земледѣлія, а удовлетвореніемъ этихъ требованій увеличится торговое движеніе по желѣзнымъ дорогамъ. Да и можно ли ожидать правильнаго взгляда на предметы отъ людей, которые убѣдительнѣйшимъ опытамъ противопоставляютъ только пустыя фразы? Они видятъ и сознаются, что *дорога Фердинанда* Ferdinandsbahn) оказываетъ уже большія услуги для перевоза тяжестей и притомъ съ ощутительною пользою для земледѣлія. Но вмѣсто того, чтобъ изъ этого вывесть заключеніе, что явленіе это должно повториться и въ остальной Германіи, какъ-скоро отдаленныя плодородныя провинціи соединены будутъ съ многолюдными городами, они говорятъ: «тутъ ошиблись въ разсчетѣ на число пассажировъ и по необходимости должны были

силить перевозъ тяжестей, чтобъ отвратить большіе убытки». Но если бъ то было и такъ, то что же изъ этого слѣдуетъ? Менѣе ли полезна отъ-то о дорога? и возможность замѣнить недостатокъ пассажировъ усиленнымъ ровозомъ товаровъ говоритъ ли въ пользу или противъ устройства желѣзыхъ дорогъ отъ правительствъ (*)?

Далѣе, изъ ложнаго взгляда противниковъ, судящихъ, по результатамъ тдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ, о движеніи, которое будетъ по устроніи всей сѣти, проистекаетъ ихъ сомнѣніе о доходности этихъ дорогъ. мѣстѣ съ тѣмъ раждается другое сомнѣніе: будутъ ли приносить доходъ дороги, на устроеніе которыхъ не рѣшатся частныя компаніи? Они полаютъ, что казна должна рѣшиться на подобное предпріятіе не иначе, какъ мѣя въ виду вѣрный доходъ; если же частная компанія не увѣрена въ доодѣ, то, значитъ, весьма сомнительно, чтобъ по дорогѣ былъ значительый проѣздъ, а слѣдовательно и экономическо-національная польза ея такке сомнительна.

Всѣмъ этимъ сомнѣніямъ, проистекающимъ не изъ сущности дѣла, но зъ страсти къ сомнѣніямъ, которой обыкновенно бываютъ подвержены ѣ математики, пускающіеся въ чуждыя имъ области, мы противопоставимъ доказательства сколь-возможно-опредѣлительныя. Доходы отъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ такъ же вѣрны, какъ плоды отъ деревъ, которыя мы сажаемъ; неизвѣстно только, принесутъ ли они первые плоды а четвертомъ и пятомъ году, или на шестомъ и седьмомъ. Но всегда можно съ достовѣрностію предполагать, что польза желѣзныхъ дорогъ когда-нибудь съ избыткомъ вознаградитъ издержки ихъ построенія, ибо расходы на нихъ съ каждымъ годомъ будутъ уменьшаться, между-тѣмъ, какъ оставляемыя ими выгоды годъ-отъ-году увеличиваются. Это подтверждается неоспоримыми опытами. Кто и послѣ этого еще будетъ сомнѣваться въ доходности германскихъ желѣзныхъ дорогъ, тотъ, значитъ, отчаявается въ будущности германской націи. Весь вопросъ состоитъ теперь олько въ томъ: когда онѣ начнутъ приносить доходъ? Мы полагаемъ, что ъ первомъ году по устроеніи всей сѣти; другіе, можетъ-быть, думаютъ, что ъ пятомъ, еще другіе — въ десятомъ. Но это совершенно все равно, сли дороги устроиваются отъ правительствъ, которыя считаютъ свои еріоды жизни вѣками, а не годами. Если пожертвованія, дѣлаемыя ими въ ервыя десять лѣтъ, вознаградятся въ теченіи послѣдующаго десятилѣтія, о они перестаютъ уже быть для нихъ пожертвованіями (**). Съ ча-

(*) Противники желѣзныхъ дорогъ говорятъ: «Частныя компаніи едва ли когда-нибудь рѣшатся основать свою спекуляцію на одномъ провозѣ тяжестей, и устроенная ъ этою цѣлію желѣзная дорога, конечно, не будетъ приносить дохода». Противъ ого можно сказать, что есть множество желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ даже не для провоза собственно-такъ-называемыхъ товаровъ, но единственно для провоза каменнаго угля, лѣса или камня, и приносящихъ значительный доходъ. Въ Бельгіи еперь еще строится желѣзная дорога, предназначенная собственно для выгодъ сельскаго хозяйства.

(**) Противники говорятъ: «Правительства не иначе, какъ послѣ зрѣлыхъ размышленій должны рѣшаться на предпріятіе, отъ котораго въ настоящее время предвидятся только огромныя издержки, между-тѣмъ, какъ ожидаемая отъ него ольза окажется, можетъ-быть, только при будущемъ поколѣніи». Слѣдовательно, эти

стными компаніями было бы совершенно не такъ. Онѣ могутъ разсчитывать только на скорый доходъ, и для нихъ нисколько неутѣшительна мысль, что убытки, которые они понесутъ на своихъ акціяхъ, черезъ десять лѣтъ втрое вознаградятся тѣмъ, кто купитъ эти акціи, въ эпоху упадка ихъ курса.

Поэтому, и окончательное заключеніе противниковъ желѣзныхъ дорогъ, что правительства не должны рѣшаться на предпріятіе, коль-скоро частныя лица отъ него отказываются,—совершенно фальшиво. Тутъ прежде всего должно имѣть въ виду, что доходность отдѣльныхъ желѣзныхъ дорогъ зависитъ преимущественно отъ того, будетъ ли вся система единовременно приведена въ исполненіе. При устройствѣ дорогъ частными компаніями, исполненіе этого условія подвержено было бы множеству случайностей. Ошибочныя вычисленія, непредвидимыя затрудненія въ постройкѣ, торговые кризисы, дороговизна, война, и т. п., могутъ остановить предпріятіе; и при самыхъ основательныхъ надеждахъ на выгоды, еслибъ работы были приведены къ окончанію, акціонеры могутъ лишиться бóльшей части своихъ взносовъ. Отъ подобной остановки въ одномъ государствѣ потеряло бы предпріятіе во всей Германіи, ибо сѣть осталась бы неполною. Но всѣ эти препятствія или вовсе невозможны, или, по-крайней-мѣрѣ, не будутъ имѣть такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ-скоро работы предприняты правительствами. Такимъ образомъ, можетъ случиться, что желѣзныя дороги частныхъ компаній цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ будутъ безъ доходовъ, между-тѣмъ, какъ въ рукахъ правительствъ онѣ уже въ первый годъ принесли бы доходъ. Наконецъ, должно еще замѣтить, что частные антрепренёры всегда будутъ стараться назначить сколь возможно высшія цѣны за провозъ, что, само собою разумѣется, ограничивало бы государственную пользу желѣзныхъ дорогъ, тогда-какъ всякое правительство, конечно, изберетъ путь совершенно-противоположный, т. е., прежде всего будетъ имѣть въ виду общую пользу, ожидая увеличенія своихъ доходовъ съ желѣзной дороги отъ развитія промышлености и торговли.

Изъ этого слѣдуетъ, что подобнаго рода предпріятія могутъ теперь уже обѣщать правительству вѣрный и достаточный доходъ, и цѣлыя еще столѣтія не находить частныхъ антрепренёровъ. Для нихъ необходимы въ высшей степени духъ предпріимчивости и общественности, вѣрныя понятія о промышлености и вещественные капиталы. Всѣ эти условія можно встрѣтить у частныхъ людей только въ странѣ, которая уже нѣсколько столѣтій пользовалась всѣми благодѣяніями цвѣтущей, обширной торговли, но не въ государствѣ, гдѣ она еще только-что начинаетъ вступать въ свои политическія права. Тамъ, при изобиліи матеріальныхъ способовъ, довольно надежды на самый обыкновенный выигрышъ, чтобъ возбудить духъ предпріимчивости; здѣсь всякій будетъ требовать необыкновенныхъ и скорыхъ

господа не того мнѣнія, что настоящее поколѣніе должно заботиться о благосостояніи и величіи грядущаго? Мы же думаемъ, что подобная нація эгоистовъ стоитъ гораздо-ниже селянина, который сажаетъ дерево съ тѣмъ, чтобъ хоть внуки воспользовались его плодами. Самое рѣзкое различіе образованнаго человѣка отъ дикаго состоитъ въ томъ, что первый бросаетъ сѣмена и тамъ, гдѣ не надѣется собрать жатву, а последній рубитъ цѣлое дерево, для того, чтобъ достать съ него плоды.

доходовъ, чтобъ во всякомъ случаѣ быть увѣрену въ обыкновенномъ. Тамъ каждый фабрикантъ, каждый владѣлецъ земли, или дома, рискуетъ возможною потерею на акціяхъ, для видимой общественной пользы предпріятія, которая разольется и на него; здѣсь, въ этомъ отношеніи, понятія еще такъ ограничены, что эта польза подвержена сомнѣнію даже у людей, рѣшающихся публично подавать свой голосъ въ дѣлѣ. Какъ въ первомъ случаѣ подобныя предпріятія должны быть предоставлены частнымъ лицамъ, которыхъ силы для нихъ достаточны, такъ во второмъ здравая политика требуетъ, чтобъ правительство приняло на себя исполинское дѣло, котораго пугаются частныя лица, и которымъ оно не по силамъ. Слѣдовательно, утверждать, что въ Германіи желѣзныя дороги могутъ быть устроены только при пособіи правительствъ, не значитъ еще соглашаться, что дороги эти не могутъ приносить дохода.

Равнымъ образомъ, и мнѣніе, что государство получитъ неисчислимыя выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ тогда даже, если дороги вовсе не будутъ приносить дохода, не заключаетъ еще въ себѣ такого сознанія. Это сказано, потому-что это справедливо, а не потому, чтобъ сомнѣвались въ финансовой выгодѣ желѣзныхъ дорогъ; это сказано для того, чтобъ опровергнуть сомнѣнія записныхъ скептиковъ, а не для того, чтобъ открыть нашу слабую сторону. Если же противники говорятъ, что государственно-экономическая польза желѣзныхъ дорогъ всегда сомнительна, когда онѣ не приносятъ достаточнаго дохода (ибо это доказываетъ, что на нихъ мало движенія), — то это очевидно нелѣпость. Стало-быть, и провинціальныя дороги и шоссе также не приносятъ никакой государственной пользы, ибо, сколько намъ извѣстно, онѣ во всей Германіи не приносятъ дохода; послѣднія даже рѣдко покрываютъ издержки, употребляемыя на ихъ содержаніе. Поэтому, всякое государственное учрежденіе, неприносящее финансовыхъ выгодъ, не имѣетъ никакой народно-экономической важности (*).

(*) Чтобъ прикрыть это противорѣчіе, противники говорятъ: «Обыкновенныя дороги суть необходимыя средства сообщенія, и потому составляютъ потребность, объ удовлетвореніи которой должно заботиться правительство; желѣзныя же дороги нельзя назвать потребностью; правительство нисколько не обязано переносить путешественниковъ и товары съ быстротою вѣтра. Если правительство строитъ богадельни, изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ оно должно было строить ихъ съ такою же роскошью, какъ дворцы.» Къ этому они еще присовокупляютъ, что «обыкновенныя дороги сдѣлаются только дополненіемъ желѣзныхъ дорогъ, и будутъ относиться къ нимъ какъ протоки къ главнымъ рѣкамъ.» Мысли эти едва заслуживаютъ опроверженія. Отъ-чего желѣзныя дороги не могутъ быть почитаемы необходимою потребностью для торговли цѣлой націи, какъ шоссе и простыя дороги для сообщеній и торговыхъ оборотовъ провинцій и округовъ? Отъ насъ еще не такъ далеко время, когда сомнѣвались въ необходимости послѣднихъ, точно такъ же, какъ теперь сомнѣваются въ необходимости первыхъ. Притомъ же, въ государствахъ, изобилующихъ капиталами, наприм., въ Англіи, правительство не беретъ на себя даже устроенія и содержанія шоссе, но предоставляетъ и это частной предпріимчивости, изъ чего, по логикѣ противниковъ, слѣдовало бы заключить, что и въ Германіи правительства напрасно обременяютъ себя этою заботою. Мы согласны, что шоссе будутъ въ такомъ же отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ, какъ второстепенныя рѣки къ главнымъ; но вѣдь никто еще не сомнѣвался въ пользѣ большихъ рѣкъ для обширныхъ торговыхъ оборотовъ, потому-что малыя рѣки достаточны для менѣе значительной торговли.

Очевидно, что противники железныхъ дорогъ рѣшительно не достаетъ яснаго понятія о взаимномъ дѣйствіи производительныхъ силъ и о вліяніи средствъ сообщенія на ихъ развитіе и на умноженіе народнаго богатства. Положимъ, что всѣ материальныя, духовныя и политическія условія развитія народной промышлености уже существуютъ (что можно съ увѣренностію сказать о Германіи въ настоящее время), все остальное будетъ зависѣть уже отъ средствъ сообщенія. Они будутъ въ состояніи въ-теченіи одной человѣческой жизни увеличить число людей мануфактурнаго класса, сельскую и фабричную промышленость, цѣну земли, внутреннюю и внѣшнюю торговлю, государственные доходы и военную силу Германіи. Предположеніе это покажется гипотезою только тому, кто никогда не изслѣдывалъ причинъ, въ-слѣдствіе которыхъ другія націи достигли подобныхъ результатовъ (*).

Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ более разсуждаешь о слѣдствіяхъ подобнаго національнаго учрежденія, тѣмъ неизмѣримѣе оказывается оно. Разсмотримъ ихъ, на-примѣръ, только въ-отношеніи къ округленію германскаго таможеннаго союза и къ усовершенствованію торговой системы его, преимущественно внѣшней.

Нынѣче всѣ согласны въ томъ, что таможенный союзъ останется весьма несовершеннымъ до-тѣхъ-поръ, пока устья германскихъ рѣкъ и берега германскихъ морей не будутъ принадлежать ему, ибо только обладаніемъ ихъ онъ будетъ поставленъ въ возможность привесть въ нормальное положеніе свои взаимныя торговыя отношенія, образовать національный флотъ (на первый разъ хоть только купеческій), и занять достойнымъ образомъ излишекъ своего народонаселенія. Лучшіе государственные люди, въ странахъ, не участвующихъ въ союзѣ, согласны въ этомъ, и сила сопротивленія съ каждымъ днемъ становится слабѣе, даже въ приморскихъ городахъ, которые такъ высоко цѣнятъ свою независимость и такъ завидуютъ своимъ сильнымъ сосѣдямъ. Итакъ, здравомыслящіе видятъ уже, что гор-

---

(*) Народное богатство Англіи начинается собственно съ послѣдней половины семнадцатаго столѣтія. Сэръ Уильямъ Пэтти въ 1664 году полагалъ весь народный капиталъ Англіи не болѣе какъ въ 250 мил. фунт. стерл. Грегори Кингъ, авторъ «British Merchant» въ началѣ XVIII столѣтія цѣнилъ его уже въ 615 мил. Умноженіе капитала сдѣлалось еще быстрѣе въ-слѣдствіе метюенскаго договора и распространенія англійской торговли въ Ост-Индіи и Сѣверной Америкѣ. Сэръ Уильямъ Пюльтней, тридцать лѣтъ спустя, считалъ его уже въ 2,000 милліоновъ, а Бэкъ, въ концѣ XVIII вѣка, въ 2,600 милл. Наконецъ, въ 1839 году, по вычисленію Кэна, народный капиталъ Англіи долженъ былъ простираться до $4^{1}/_{2}$ билліоновъ, а Мартинъ полагаетъ сумму капиталовъ, вложенныхъ въ колоніяхъ, до $2^{1}/_{2}$ билліоновъ, почему въ настоящее время весь національный капиталъ Англіи простирается до 7 билліоновъ ф. стерл. Государственные доходы возрастали еще въ гораздо сильнѣйшей прогрессіи. Въ царствованіе королевы Елисаветы доходы трехъ королевствъ не превышали доходовъ Флоренціи (около 15 мил. франковъ, или 600,000 ф. стерл.), а нынѣ они составляютъ отъ 30 до 40 мил. ф. стерл. Кто понимаетъ эти результаты, кто знаетъ сколько улучшилось съ конца прошлаго столѣтія благосостояніе Франціи, не смотря на разорительныя войны, непріятельскія вторженія, революціи, и расточительное управленіе финансовое, тому не покажется страннымъ, если мы отъ совокупнаго дѣйствія желѣзныхъ дорогъ и поощрительной политики правительствъ ожидаемъ удвоенія народнаго богатства и государственныхъ доходовъ Германіи.

говля и благосостояніе приморскихъ городовъ тѣсно связаны съ могуществомъ и независимостію націи. Они видятъ, что требуемая отъ нихъ жертва своей частной независимости ничтожна въ сравненіи съ выгодами, которыя проистекутъ для нихъ изъ національнаго соединенія Германіи. Они помнятъ, что медъ, собранный ими въ свои соты, въ-теченіи вѣковъ, при благопріятной свободѣ торговли, въ одинъ день сдѣлался добычею національнаго врага, и понимаютъ, что только сильная и связанная общими торговыми выгодами нація можетъ оградить ихъ отъ такого бѣдствія.

Въ Ганноверѣ рѣзко говорили о пользѣ національнаго соединенія Германіи, въ-отношеніи къ Франціи, и вѣроятно, скоро убѣдятся, что тоже самое можно сказать и въ-отношеніи къ Англіи. Впрочемъ, и безъ того уже присоединеніе Брауншвейга къ союзу нанесло сильный ударъ прежней системѣ Ганновера. Увѣряютъ, что въ Мекленбургѣ и Гольштейнѣ также серьёзно занимаются мыслію приступить къ союзу.

Все это показываетъ, что, можетъ-быть, близко то время, когда всѣ государства и города, доселѣ нерасположенные къ союзу, добровольно присоединятся къ нему, и что какой-нибудь внѣшній толчокъ еще ускоритъ это событіе.

Впрочемъ, должно замѣтить, что таможенный союзъ всегда будетъ въ состояніи, не нарушая народнаго права и общихъ отношеній германскаго союза, коммерчески посадить на мѣль государства и города, которые будутъ противиться національнымъ выгодамъ всей Германіи и истинной своей пользѣ. Такимъ образомъ, чтобъ дать почувствовать, на-прим., Ганноверу, невыгоды его упорства, союзъ можетъ, и будетъ въ правѣ, обложить меньшею пошлиною товары, идущіе водою черезъ Прейсишъ-Минденъ и Магдебургъ, нежели товары, идущіе транзитомъ чрезъ Ганноверъ. По присоединеніи Ганновера, то же можно будетъ сдѣлать противъ Гамбурга и Бремена, особливо въ томъ случаѣ, еслибъ Ольденбургъ и Гольштейнъ еще прежде приступили къ союзу. Очевидно, что система желѣзныхъ дорогъ, соединяющая Везеръ, Эльбу и Одеръ, чрезвычайно облегчитъ подобныя мѣры.

Всѣ эти выгоды системы желѣзныхъ дорогъ еще болѣе ощутительны, когда дѣло идетъ о такихъ же мѣрахъ противъ Голландіи. Положимъ, что сѣверныя германскія государства уже вступили въ союзъ, и Рейнъ съ одной стороны соединенъ уже желѣзными дорогами съ Эмсомъ, Везеромъ, Эльбою и Одеромъ, а съ другой, съ системою бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ,— тогда таможенный союзъ можетъ посредствомъ различія пошлинъ заставить Голландію согласиться на всѣ свои требованія, основанныя на обоюдной пользѣ.

Вопросъ объ устроеніи въ Германіи систеты желѣзныхъ дорогъ и объ участіи въ этомъ дѣлѣ правительства, нынче можетъ быть почитаемъ рѣшеннымъ. Правительства баварское и баденское приняли на себя все устройство дорогъ въ ихъ предѣлахъ, и работы производятся уже съ большою дѣятельностію. Саксонія избрала систему вспомоществованій. Тюрингенскія правительства еще колеблются между этими двумя способами; однакожь рѣшено, что такъ, или иначе, они пріймутъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Ганноверское правительство объявило себя рѣшительно въ

пользу устроенія желѣзныхъ дорогъ отъ казны, и собственныя выгоды его ручаются, что оно не будетъ медлить исполненіемъ. Оба гессенскія великія герцогства, говорятъ, рѣшились уже на послѣдній способъ. Отъ Пруссіи также должно ожидать скорыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, ибо для нея весьма важно соединить свои рейнскія провинціи съ главнымъ тѣломъ королевства. Притомъ же, доходность желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи, за исключеніемъ весьма незначительныхъ протяженій, такъ мало подвержена сомнѣнію, что требующіяся финансовыя пожертвованія дѣлаются незначительными, въ-сравненіи съ ожидаемыми отъ нихъ неисчислимыми выгодами.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОРЕНБУРГСКАГО СТАРОЖИЛА.

—

I.

Разсказъ Абдрахмана Ишана, Авганца, и муллы Мирзы, изъ народа Ламгани.

1833.

Въ декабрѣ 1833 года прибыли поименованные муллы съ караваномъ въ Оренбургъ, съ тѣмъ, чтобъ слѣдовать отселѣ черезъ Россію въ Мекку, на поклоненіе; ближнимъ путемъ, черезъ Персію, мусульманамъ-сунитамъ Средней Азіи слѣдовать нельзя, ибо Персіане, какъ шіиты, ихъ преслѣдуютъ и не пропускаютъ. Авганецъ былъ чрезвычайно старъ; высокое, открытое, умное чело и почтенная бѣлая борода внушали уваженіе; рѣзкими очерками обозначенное лицо его не имѣло ничего монгольскаго, ни даже татарскаго. Плотный товарищъ его походилъ болѣе на подозрительнаго Бухарца и говорилъ, что онъ изъ народа Ламгани, который обитаетъ между Кабуломъ и Пшавуромъ. Это должно быть какое-либо небольшое племя. Но путники не исполнили набожнаго пути своего: они, недолго спустя послѣ прибытія ихъ въ Оренбургъ, зимою, отогрѣвая, по-вечеру, пріобыкшую къ теплу кровь свою у самовара, заснули и — не пробуждались: чадъ ихъ уморилъ. Вотъ разсказы ихъ:

Ламгани живутъ постоянными жителями въ старинномъ городѣ Али-Шанъ, въ городахъ: Чарбагъ, Тилгали, Исламъ-абадъ, Джеланъ-абадъ. Абдрахманъ жилъ въ городѣ Газни, между Кабуломъ и Кандагаромъ. Оба они оставили лѣтъ тому двадцать отечество свое.

На пути изъ Амберсера въ Кашемиръ товары носятся людьми, потому-что горы тамъ непроходимы даже для вьючныхъ лошадей и верблюдовъ. Черезъ рѣку Чякя, по этой же дорогѣ, устроена переправа, на которой товары перетаскиваются въ ящикѣ, который ходитъ по канату на лету, не касаясь воды. Тутъ живетъ народъ Киштуворъ, гдѣ двое, даже четверо мужчинъ держатъ одну, общую жену. Народъ этотъ подвластенъ Ранджитъ-Сингу, строитъ глиняныя избы, по двѣ, по три вмѣстѣ, а селеній тамъ нѣтъ. Мѣста каменистыя, неровныя; обработка полей до того тяжела и многосложна, что нерѣдко жители привозятъ землю изъ окрестныхъ мѣстъ и строятъ насыпныя поля.

Индиго или нилъ растетъ въ Баулпурѣ и около города Дейра-Газа-Ханъ и Дейра-Исмаилъ-Ханъ, а въ Мултанѣ его нѣтъ. Впрочемъ, Мултанъ страна плодородная, травъ и лѣсовъ изобильно, а есть и пески. Рѣка Гиндъ — Индусъ—здѣсь глубока, но далеко не такъ быстра, какъ у Аттока.

Въ Кашемирѣ мѣстоположеніе такъ болотисто и низко, что обыкновенно для пашенъ и садовъ колотятъ сваи, покрываютъ ихъ досками и насы-

паютъ сверху землю. Городъ расположенъ оба полы рѣки, длиннику и поперечнику на девять верстъ. Рѣка покрыта лодками и челноками. Улицъ въ городѣ пять, дома выстроены по берегамъ рѣки и множество озеръ и заводей. Озера обстроены кругомъ, и по нимъ разъѣзжаютъ въ челнокахъ.

Между Коканомъ и Кашгаромъ есть вѣчно-снѣговыя горы. Зимою есть, для лошадей, прямой путь, черезъ горы; лѣтомъ идутъ въ объѣздъ, на верблюдахъ, которые по крутымъ, снѣжнымъ и льдистымъ оврагамъ спускаться и подыматься не могутъ. По лѣтней дорогѣ, на хребтахъ снѣгу нѣтъ, но по глубокимъ оврагамъ лежитъ онъ во все лѣто. Каменные Киргизы, Буруты, Кара-Киргизы давно уже не стали больше грабить каравановъ, и Абдрахманъ прошелъ, по ихъ землѣ съ караваномъ; одинокихъ путниковъ, однакожь, они грабятъ и убиваютъ.

Цѣпь горъ Гинду-Кушъ, между горами Кабулъ и Хульмъ, также покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, но горы не круты, и верблюды проходятъ по нимъ даже зимою. Караваны, однакожь, ходятъ всегда почти черезъ Геранъ, потому-что боятся народа Гязаря, который грабитъ всякаго, кого осилитъ.

Абдрахманъ проѣхалъ изъ Кашемира въ Кабулъ, тамъ въ Кандагаръ, Бухару, Коканъ, Кашгаръ, Хутанъ, Яркендъ, Аксу и опять въ Кашгаръ. Авганцы раздѣляются на одиннадцать родовъ или поколѣній: 1) Тухи, 2) Дурани, 3) Лугани, 4) Насыръ, 5) Ширани, 6) Сеиданъ, 7) Асулъ-дурани, 8) Юсуфъ-Зеи, 9) Барыкъ-Зеи, 10) Нуръ-Зеи, 11) Аллаку-Зеи.

Изъ Кабула караваны приходятъ три или четыре раза въ годъ: въ каждомъ караванѣ бываетъ нилюмъ (индиго) навьюченныхъ верблюдовъ отъ 200 до 300. Краску эту возятъ Индійцы, или, какъ ихъ называютъ въ Средней-Азіи, Мултане и Авганцы-Лугани. Легко можно бы доставлять оттолѣ въ Россію пудовъ тысячь до десяти. Лѣтъ двадцать тому, платили до 200 руб. за пудъ; нынче, на сроки, не платятъ болѣе 80 руб. Въ Бохарѣ продается кубовая краска, или индиго трехъ сортовъ: 1) хурджа, куски въ кулакъ, 40 руб. сер. за пудъ, 2) джама-пуре, 32 руб. за пудъ, 3) гаре, 24 руб. за пудъ.

II.

Повѣствованіе потомка шаховъ авганскихъ, Ша-Заде-Мохаммеда Мустафа, объ Авганистанѣ.

Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа есть сынъ Ша-Заде-Мохаммедъ-Насыра, внукъ Ша-Земана, правнукъ Ша-Тимура, праправнукъ Ша-Ахмуда, бывшаго первымъ независимымъ владѣльцемъ Авганистана по смерти Шаха-Надыра. Отецъ и дѣдъ его, со многими другими членами авганистанскаго дома, живутъ на содержаніи Англичанъ, въ городѣ Лудіанѣ, стоявшемъ на день караваннаго ходу отъ рѣки Сетлюджа и на шесть дней пути отъ города Лагора. На всѣхъ ихъ отпускается ежемѣсячно по десяти тысячь рупій, изъ которыхъ четыре тысячи выдаются Ша-Зиману, а шесть тысячь Ша-Шуджа-Уль-Мульку, которые уже отъ себя содержатъ живущихъ съ ними родственниковъ своихъ.

Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа жилъ съ отцомъ своимъ въ Лудіанѣ, когда, въ 1825 году, родная тетка его, дочь Ша-Земана по имени Таджи-

Джиганъ-Бегюмъ, вышедшая лѣтъ за пятнадцать предъ симъ за бохарскаго хана, Мир-Хайдара, вызвала его для свиданія съ нею въ Бохару. Онъ отправился туда, проѣхалъ тайно Авганистанъ, чтобъ не подвергнуться опасности отъ нынѣ-владѣющихъ тамъ похитителей престола предковъ его.

Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Бохарѣ, во дворцѣ, при теткѣ своей, Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа пожелалъ возвратиться въ Индію, но ханъ Мир-Хайдаръ отклонялъ подъ разными предлогами отъѣздъ его; по смерти же Мир-Хайдара, послѣдовалъ на возобновленную просьбу авганскаго князя возвратиться домой — отказъ; онъ вынужденнымъ нашелся прибѣгнуть къ обыкновенной уловкѣ мухаммеданъ при такомъ случаѣ: просить о дозволеніи слѣдовать, для поклоненія гробу пророка, въ Мекку и Медину: въ этомъ, по закону, отказать нельзя.

Проживъ въ Бохарѣ всего годъ и десять мѣсяцевъ, отправился Ша-Заде съ караваномъ въ Хиву, оттуда къ Мамгишлацкой Пристани, тамъ водою до Астрахани, но взморье устья Волги было покрыто льдомъ; судно вынуждено было спуститься къ Кизляру, откуда князь пріѣхалъ сухимъ путемъ въ Астрахань, а потомъ въ Оренбургъ. Здѣсь онъ показывалъ, что ему отъ роду 24 года; росту онъ небольшаго, что̀ ему крайне обидно; наружность его довольно пріятная; здоровья и сложенія слабаго, что̀ должно приписать отчасти воспитанію князей Востока. Ша-Заде сидѣлъ до 18 лѣтъ взаперти въ гаремѣ съ женщинами и не видалъ свѣта. У него, какъ видно изъ слѣдующаго за симъ показанія его,—удивительная память; скроменъ и даже не смѣлъ въ поступкахъ и разговорахъ, чему, вѣроятно, причиною несчастія, все семейство его постигшія. Относительно намѣреній своихъ, объявляетъ онъ только, что желаетъ быть представленъ къ Высочайшему двору. Онъ, дѣйствительно, по отправленіи въ столицу нашу, удостоился счастія личнаго свиданія съ Государемъ Императоромъ; былъ одаренъ, отправился въ Царьградъ и тамъ скончался.

О новѣйшихъ переворотахъ Авганистана, которыми свергнутъ съ престола домъ шаховъ авганскихъ, разсказываетъ Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа слѣдующее:

По смерти Шаха-Надыра, одинъ изъ военачальниковъ его, природный Авганецъ, поколѣнія Дурани, сынъ султана Салмяса, по имени Ахмедъ, пользуясь общимъ смятеніемъ и безпорядкомъ, занялъ Кандагаръ и Гератъ и двинулся съ войскомъ къ Мешеду, гдѣ находился тогда Ша-Шягрухъ, сынъ Надыровъ, лишенный, по приказанію отца, зрѣнія и покинутый вѣроломными сановниками. Безсильный слѣпецъ отказался отъ власти своей, призналъ, по требованію Ахмеда, похитителя этого независимымъ владѣльцемъ Авганистана и отдалъ ему, сверхъ всего, родную дочь свою и еще молодую родственницу; Ахмедъ, принявъ названіе *шаха*, первую взялъ себѣ, а другую отдалъ сыну своему, Тимуру.

Ша-Ахмедъ основалъ столицу свою въ городѣ Кандагарѣ, который выстроилъ вновь, въ двухъ фарсангахъ отъ уничтоженнаго имъ Надыр-Абада, основаннаго Надыр-Шахомъ: новый Кандагаръ именуется, въ книгахъ и письмахъ, Ахмедъ-шаги. Владѣнія новаго шаха были обширны: Кашемиръ, Пенджабъ, Мултанъ, Шакрпуръ, Лагоръ и даже великій моголъ повинова-

лись ему; последній, по-крайней-мѣрѣ, уважалъ и боялся его и отдалъ ему свою дочь. Ша-Ахмедъ владѣлъ спокойно 20 лѣтъ и умеръ лѣтъ около 60 отъ роду.

Ша-Тимуръ, старшій сынъ его, наслѣдовалъ престолъ и перенесъ его въ Кабулъ, гдѣ, впрочемъ, проживалъ только лѣтомъ, а на зиму отправлялся въ Пшавуръ, потому-что здѣсь зима умѣреннѣе. Городомъ Кабуломъ управлялъ, во время отсутствія его, третій сынъ его, Ша-Зиманъ; старшій, Ша-Заде-Гамаюнъ, былъ начальникомъ Кандагара; второй, Ша-Махмудъ—Герата. Кромѣ сыновей, у Ша-Тимура было шесть братьевъ, которые содержались, по обыкновенію, подъ стражею, въ Балан-Хиссарѣ, то-есть, въ замкѣ, составлявшемъ часть царскаго дворца въ Кабулѣ. И онъ владѣлъ, какъ отецъ, лѣтъ 20, и умеръ, оставивъ много дѣтей.

Ша-Зиманъ, третій сынъ Ша-Тимура, вступилъ—какъ говорятъ—по завѣщанію отца, на престолъ Авганистана. Это было около 1793 года. Желая избавиться опаснаго соперника, пошелъ онъ съ войскомъ на Кандагаръ, захватилъ Ша-Заде-Гамаюна, выкололъ ему глаза и привезъ въ Кабулъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ подъ стражею, въ замкѣ Балан-Хиссаръ. Сына своего, Ша-Заде-Султанъ-Кейсара, послалъ Ша-Зиманъ съ войскомъ въ Гератъ: Ша-Махмудъ встрѣтилъ его храбро, но былъ разбитъ и бѣжалъ.

Вскорѣ Сейки возстали на новаго шаха, и онъ самъ пошелъ смирять ихъ. Взявъ городъ Лагоръ, посадилъ онъ туда воеводу—Авганца, забралъ найденныя тамъ пушки и отправился съ ними во-свояси; но, при переправѣ чрезъ одну изъ обширныхъ рѣкъ Пенджаба, не могъ онъ сладить съ ними и бросилъ ихъ на мѣстѣ, въ водѣ. Новый воевода не удержался въ Лагорѣ. Другой и третій испытали ту же участь, и Ша-Зиманъ увидѣлъ, что иноземцу нельзя управлять строптивыми Сейками; онъ далъ имъ въ правители природнаго же Сейка, нынѣшняго владѣльца Лагора и Пенджаба, Раджитъ-Синга или Ренджитъ-Цинга. Этотъ ладилъ дѣлами хорошо; прислалъ, между прочимъ, Ша-Зиману покинутыя имъ пушки; Ша за это наградилъ его управляемою имъ, Раджитъ-Сингомъ, областію, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Ша-Заде-Султанъ-Кейсаръ, по разбитіи дяди своего, Ша-Махмуда, былъ сдѣланъ начальникомъ Герата, а изгнанникъ Махмудъ, поскитавшись въ Хорасанѣ, отправился въ Бохарію, гдѣ тогда владѣлъ отецъ Мир-Хайдара, дядя нынѣшняго хана, Ша-Мурадъ-Бекъ, или Ша-Мрадъ-Бекъ. Махмудъ былъ принятъ хорошо, но пособія получить не могъ; а наконецъ, въ-слѣдствіе письма Ша-Зимана, бохарскій ханъ хотѣлъ его даже выдать. Ша-Махмудъ, бѣжалъ въ Хиву, къ Ильтезеръ-Хану, который, на требованіе Ша-Мурадъ-Бека о выдачѣ авганскаго князя, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Ша-Махмудъ уѣхалъ вскорѣ изъ Хивы опять въ Хорасанъ, оттуда къ народу Гязаря, собралъ войско и пошелъ къ Кабулу. Здѣсь произошло незначительное сраженіе, и городъ передался Ша-Махмуду охотно. Это было въ 1801 году. Ша-Зиманъ бѣжалъ съ визиремъ своимъ, Вефадар-Ханомъ, и приверженцами своими, которыхъ было человѣкъ 40, къ Пшавуру. Дорогою заѣхалъ онъ, въ двухъ переходахъ отъ Кабула, въ укрѣпленное мѣстечко или дачу визиря; управитель визирскій, по имени

Ашикъ, узнавъ о всемъ обстоятельно, заперъ крѣпостцу, угналъ лошадей шаха и донесъ обо всемъ новому правителю. Асат-Ханъ, братъ Фаты-Хана, пріѣхалъ изъ Кабула, захватилъ бѣглецовъ, повезъ въ столицу, дорогою выкололъ Ша-Зиману глаза и посадилъ его, въ Кабулѣ, въ Балаи-Хиссаръ, между-тѣмъ, какъ визиря и большую часть спутниковъ Ша-Зимана казнили.

Новый правитель, Ша-Махмудъ, опредѣлилъ начальникомъ въ Гератѣ брата своего, Ша-Заде-Фейрузъ-Эддина, смѣнивъ имъ Ша-Заде-Кайсара. Но посаженный Ша-Зиманомъ на воеводство въ Пшавуръ, Шакарпуръ, Мултанъ и Пенджабъ, Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ собралъ войско и пошелъ на Махмуда. Городъ Кабулъ сдался ему 1802 года безъ сопротивленія. Придворные сами выдали Ша-Махмуда, который владѣлъ менѣе двухъ лѣтъ и —нельзя, кажется, сомнѣваться объ участи его, еслибъ Ша-Зиманъ не испросилъ у побѣдителя пощады Ша-Махмуду, который, какъ упомянули мы, за два года передъ тѣмъ выкололъ Ша-Зиману глаза. Это почти безпримѣрная черта восточнаго великодушія. Ша-Махмудъ былъ однакожь заключенъ въ Балаи-Хиссаръ.

Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ сдѣлалъ сына Ша-Зимана, Ша-Заде-Султанъ-Кейсара, воеводою въ Кандагарѣ и имѣлъ къ нему большое довѣріе; онъ сдѣлалъ его намѣстникомъ своимъ въ Кабулѣ, когда пошелъ усмирять возмущенія въ Пшавурѣ, Дирѣ, Мултанѣ и Шакарпурѣ. Во время этого отсутствія шаха, Ша-Заде-Султанъ-Кайсаръ вздумалъ—послѣдуя совѣтамъ вельможъ — провозгласить себя шахомъ. Онъ послалъ предварительно брата своего, Ша-Заде-Османа, въ Пшавуръ, чтобъ поджигать возмущенія, а потомъ и самъ отправился вслѣдъ за нимъ съ войскомъ. Шахъ, узнавъ объ этомъ, воротился, ударилъ на Пшавуръ, взялъ послѣ упорной битвы городъ—при чемъ Ша-Заде-Османъ былъ раненъ, но успѣлъ достигнуть Кабула (1806) и оба брата бѣжали-было послѣ неудачной попытки — но, повѣривъ обѣщаніямъ шаха, сами явились къ нему въ Кабулъ, гдѣ были заключены въ Балаи-Хиссаръ, а сообщники ихъ казнены.

Но во время смятеній, Ша-Махмудъ, ослѣпившій Ша-Зимана и возставшій противу владѣющаго шаха, освободился изъ заключенія своего и ушелъ къ брату своему Ша-Заде-Фейрузъ-Эддину, въ Гератъ, куда прибылъ вмѣстѣ со впавшимъ въ немилость сардаромъ, Фаты-Ханомъ. Братъ принялъ его и подалъ ему руку помощи: Ша-Махмудъ собралъ войско и пошелъ на Кабулъ. Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ встрѣтилъ его — слѣды кровопролитной битвы видны доселѣ—разбитый шахъ бѣжалъ въ Пшавуръ, потомъ въ Сенкамъ, а Ша-Махмудъ вступилъ въ городъ и въ 1808 году вторично занялъ престолъ Авганистана.

Ша-Махмудъ посадилъ брата своего, Ша-Аюба, въ Пшавуръ, а сына Ша-Заде-Камрана въ Кандагарѣ; брату же Ша-Заде-Султанъ-Галію поручилъ управленіе столицею. Фаты-Ханъ былъ пожалованъ визиремъ, а 16 братьевъ его всѣ были опредѣлены къ должностямъ. Между-прочимъ, Газимъ-Ханъ сдѣланъ воеводою въ Кашемирѣ, Самять-Ханъ въ Дирѣ, Ярь-Мохаммедъ-Ханъ данъ въ помощь Ша-Аюбу, въ Пшавуръ; Дусъ-Мохаммедъ Ханъ въ ту же должность къ Ша-Заде-Султанъ-Галію, въ Кабулъ, и пр. Но Ша-Фейрузъ-Эддину не досталось ничего; Ша-Махмудъ былъ обя-

ванъ ему помощію, но ненавидѣлъ за то, что онъ прислуживался нѣкогда Ша-Заде-Мохаммедъ-Насыру, сыну Ша-Зимана и отцу Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафа, равно какъ и угождалъ Ша-Шуджа-Уль-Мульку. Ша-Махмудъ, рѣшившись смѣнить Эддина, послалъ визиря своего, Фаты-Хана, съ небольшимъ отрядомъ въ Гератъ, поручивъ ему выманить оттуда Эддина въ Кандагаръ, а сыну своему, Ша-Зэде-Камрану, велѣдъ занять мѣсто начальника Герата; потомъ же и самъ двинулся съ значительными силами на Гератъ, оставивъ въ Кабулѣ Ша-Заде-Султанъ-Галія. Но визирь перехитрилъ: Ша-Заде-Фейрузъ-Эддинъ догадался, и дошло до непріятельскихъ дѣйствій съ визиремъ. Ша-Заде-Камранъ счелъ за лучшее поворотить дѣломъ иначе: онъ, чтобы успокоить Эддина и успѣть въ коварномъ обольщеніи — велѣлъ выколоть глаза визирю; а Ша-Махмудъ, вступивъ безъ сопротивленія въ Гератъ, захватилъ обманутаго брата, ввѣрившагося ему цѣною глазъ визирскихъ—и отправилъ его, Эддина, въ Кандагаръ, подъ надзоръ тамошняго воеводы Пурдулъ-Хана, брата Фаты-Хана.

Когда шестнадцать братьевъ визиря услышали объ ослѣпленіи брата — они соединенными силами поклялись шаху истить. Старшій братъ визиря, Газимъ-Ханъ, управляя Кашмиромъ, былъ сильнѣе прочихъ. Онъ предложилъ услуги свои Ша-Шуджа-Уль-Мульку, который находился тогда въ Лудіанѣ—вызвалъ его въ Пшавуръ, гдѣ хотѣлъ встрѣтить съ войскомъ и завладѣть, для него, Авганистаномъ. Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ былъ бы не Азіатецъ, если бы онъ не воспользовался приглашеніемъ этимъ; онъ отправился изъ Лудіаны въ Баулпуръ, набралъ тамъ Индійцевъ и Авганцевъ сколько могъ и отправился со значительнымъ ополченіемъ къ городу Дири. Здѣсь сидѣлъ воевода Ша-Махмуда, Самятъ-Ханъ, братъ Фаты-Хана. Онъ сдалъ городъ наперснику своему, Семандеръ-Хану, а самъ ушелъ въ Пшавуръ. Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ взялъ городъ, посадилъ начальникомъ туда другаго брата Фаты-Хана, Мохаммедъ-Зиманъ-Хана, подошелъ къ Пшавуру и взялъ его безъ сопротивленія, потому-что начальникъ города, Ша-Аюбъ, призналъ за лучшее покинуть честь и мѣсто на произволъ судьбы и бѣжать.

Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ, будучи еще въ Дирѣ, принялъ посольство отъ жителей области Синдской, которые просили принять ихъ во владѣніе и управленіе свое. Онъ послалъ сына своего, Ша-Заде-Тимура, въ Шахарпуръ, главный городъ Синдовъ, которые всегда состояли подъ владѣніемъ авганскихъ шаховъ. Но Газимъ-Ханъ, вызвавъ Уль-Мулька обѣщаніемъ встрѣтить его съ войскомъ у Пшавура, не сдѣлалъ этого. За это новый завоеватель сталъ обходиться гордо и презрительно съ братьями Газимъ-Хана, и не давалъ имъ никакой власти. Газимъ-Ханъ собралъ шестдесятъ тысячъ человѣкъ, пошелъ къ Юсуфъ-Земмъ, гдѣ находился бѣжавшій изъ Пшавура Ша-Аюбъ, провозгласилъ его шахомъ и подступилъ къ Пшавуру, въ которомъ было не болѣе десяти тысячъ войска. Для довершенія бѣдствія, молнія ударила въ пороховой запасъ осажденныхъ Пшавурцевъ: взрывъ этотъ причинилъ такой безпорядокъ и испугъ, что Газимъ-Ханъ взялъ немедленно городъ. Уль-Мулькъ ушелъ къ городу Дирѣ, но братья Газимъ-Хана выгнали его; онъ кинулся въ Шакарпуръ, ко-

торымъ управлялъ, его именемъ, сынъ его, Ша-Заде-Тимуръ. Это случилось въ 1818 году.

Въ-продолженіе переворотовъ этихъ, происходившихъ на востокѣ Авганистана, Ша-Махмудъ съ сыномъ своимъ Ша-Заде-Камраномъ, устроивъ дѣла въ Гератѣ и умноживъ войско свое до двадцати тысячь человѣкъ, взявъ съ собою слѣпаго визиря, Фаты-Хана, пошли на Кабулъ. Но прибывъ въ городъ Газни, узнали они объ измѣнѣ братьевъ слѣпаго визиря въ пользу Ша-Шуджа-Уль-Мулька; и Ша-Заде-Камранъ, не долго думавъ, велѣлъ изрубить слѣпца на куски, и продолжалъ съ отцомъ путь свой. Но Ша-Заде-Султанъ-Гали встрѣтилъ ихъ, разбилъ на голову, и они едва спаслись съ остатками ополченія въ Гератъ, гдѣ, впрочемъ, владѣютъ понынѣ.

Ша-Аюбъ и Газимъ-Ханъ, взявъ Пшавуръ, отправились на Кабулъ. Ша-Заде-Султанъ-Гали вышелъ и къ нимъ на встрѣчу; но счастіе ему измѣнило: онъ самъ былъ убитъ, Кабулъ взятъ, и Ша-Аюбъ занялъ престолъ Авганистана, въ 1819 году.

Во время безконечныхъ раздоровъ этихъ, Сеики, пользуясь отсутствіемъ Газымъ-Хана и войска его изъ Кашемира, заняли городъ и область, и владѣютъ Кашемирскою страною понынѣ.

Ша-Аюбъ, вступивъ на престолъ, пожаловалъ Газимъ-Хана визиремъ и выступилъ съ нимъ на Шакарпуръ, дабы присоединить снова отдѣлившихся Синдовъ, которыми управлялъ, по призыву народа, Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ съ сыномъ. Уль-Мулькъ ушолъ, не дожидаясь встрѣчи, въ Индію, въ городъ Лудіану, гдѣ уже находилось семейство его, а Ша-Аюбъ, давъ Шакарпуру своего воеводу, возвратился въ Кабулъ. Но въ то же время опять Сеики приступили къ Пшавуру; Ша-Аюбъ встрѣтилъ ихъ; но войско, лишенное болѣзнію визиря начальника своего, было разбито Сеиками, и Ша-Аюбъ возвратился въ Кабулъ. Побѣдители не за престоломъ гнались: они разграбили весь городъ и ушли во-свояси.

Газимъ-Ханъ, возвратившись съ шахомъ въ Кабулъ больной, вскорѣ умеръ; одинъ изъ братьевъ его, Пурдулъ-Ханъ, прибылъ скрытно съ сообщниками въ Кабулъ, и, въ соединеніи съ находившимися тамъ братьями своими, условился свергнуть Ша-Аюба съ престола. Они ворвались во дворецъ, убили между прочими сына шаха, Ша-Заде-Мохаммедъ-Исмаила, который защищалъ отца и стрѣлялъ въ бунтовщиковъ, захватили самого шаха Аюба, и выгнали его изъ города. Онъ отправился въ Пшавуръ къ брату своему, Ша-Заде-Ибрагиму, бывшему тамъ начальникомъ, и съ нимъ вмѣстѣ ушолъ къ Сеикамъ, въ городъ Лагоръ, гдѣ находятся оба понынѣ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, весь домъ шаховъ авганскихъ лишился престола и отечества своего, а братья бывшаго сардаря, Фаты-Хана, который, какъ сказано, впалъ въ немилость у шаха Шуджа-Уль-Мулька и бѣжалъ, вмѣстѣ съ заключеннымъ въ Балаи-Хиссарѣ Ша-Махмудомъ въ Гератъ,—братья вельможи этого овладѣли Авганистаномъ и держатся тамъ понынѣ. Но Кашемиръ остался подъ властію Сеиковъ, а Гератъ доселѣ управляется Ша-Заде-Камраномъ, сыномъ Ша-Махмуда, ушедшаго въ Индію, въ городъ Лудіану. Областію Синдскою владѣютъ нынѣ Белуджи.

—

Около 1814-го года, Ша-Зиманъ, со внукомъ своимъ, Ша-Заде-Мохаммедъ-Мустафою, жилъ въ Кабулѣ; а сынъ Ша-Зимана, отецъ Мустафы, Ша-Заде-Мухаммедъ-Насыръ, былъ уже въ Индостанѣ. Онъ вздумалъ идти въ Мекку на богомолье съ сыномъ Ша-Заде-Вудутомъ, съ женою и со взрослою дочерью отъ другой жены, Таджи-Джиганъ-Беггомъ. При проѣздѣ чрезъ бохарскій городъ Балькъ, начальникъ города волею и неволею отправилъ его на Бохару. Ханъ Мир-Хайдаръ, отецъ нынѣшняго, Насыръ-Уллы, взялъ дочь его себѣ въ замужство; и Ша-Зиманъ, проживъ въ Бохарѣ только десять дней, отправился черезъ Серахсъ въ Мекку, оттуда прибылъ, по истеченіи четырехъ лѣтъ, черезъ Персію, Гератъ и Кандагаръ въ Шакарпуръ, гдѣ владѣлъ Ша-Шуджа-Уль-Мулькъ (1817—1819). Когда Ша-Аюбъ подступилъ къ этому городу, то Ша-Зиманъ ушелъ въ Индію. Бохарская ханша, Таджи-Джиган-Беггомъ, живетъ и понынѣ въ Бохарѣ, во дворцѣ. У ней гостилъ, какъ сказано выше, братъ Ша-Заде-Фаррукъ, пришедшій изъ Мешеда въ 1825 году, бывшій въ 1831 году въ Оренбургѣ и проживающій нынѣ въ Коканѣ.

Ша-Заде-Камранъ, владѣтель Герата, крайне притѣсняетъ жителей. Съ Персіанами онъ въ дружбѣ, а хивинскому хану, Мохаммед-Рахиму, за добрый пріемъ отца его, Ша-Махмуда, хивинскимъ Ильтезер-Ханомъ, прислалъ онъ слона, или никакъ еще двухъ, съ которыми Хивинцы не знали куда дѣваться, ибо онъ поѣдалъ одинъ почти столько, сколько весь дворъ ханскій, и потому нынѣшній хивинскій ханъ, Алла-Кулъ, вздумалъ прислать его россійскому Императору въ 1826 году, чтобъ загладить чѣмъ-нибудь грѣхи свои; но слонъ и посолъ были отправлены обратно. Ханъ послалъ надоѣвшаго ему слона коканскому хану.

—

Братья Фаты-Хана владѣютъ, независимо одинъ отъ другаго, областями и городами Авганистана; всѣ города разобраны по разнымъ рукамъ, и согласія между братьями нѣтъ. Въ Кабулѣ сидитъ Дусъ-Мохаммедъ-Ханъ. Владѣльцы позволяютъ себѣ всякую неправду противъ подданныхъ, какою только когда-либо славился Востокъ. Они грабятъ сосѣдей, иногда и своихъ, а богатыхъ, если только могутъ ихъ провѣдать, казнятъ, и отбираютъ имѣніе. Поэтому, Бохарцы нынѣ почти вовсе не ходятъ въ Кабулъ; персидскіе купцы, однакожъ, все еще бываютъ.

Газаря есть кочующій и склонный къ грабежу народъ, между Балькомъ и Кабула. Они подвластны были авганскимъ шахамъ, которые назначали старшинъ изъ нихъ же и не позволяли имъ грабить; но нынѣ, при общихъ неустройствахъ Авганистана, они никому не повинуются и грабятъ всякаго, кого осилятъ.

Менѣе опасны Кафыры, кочевой народъ по окрестностямъ Кабула и Пшавура. Но и тамъ безначаліе производитъ большіе безпорядки.

Сейки, завладѣвъ Кашемиромъ, болѣе и болѣе усиливаются. Ежегодно ходятъ они въ Пшавуръ и собираютъ постоянную подать лошадьми, припасами и деньгами. Но Сейки справедливы и правдивы; Кашемиръ несравненно счастливѣе, чѣмъ при Газимъ-Ханѣ. Кашемирцы вовсе были бы довольны, еслибъ Сейки не запрещали имъ сзывать къ молитвѣ съ минарє-

товъ и рѣзать въ пищу рогатый скотъ, который пользуется у Сейковъ неприкосновенною святостью.

Промыслы и торговля упадаютъ въ Авганистанѣ съ-году-на-годъ; города бѣднѣютъ и пустѣютъ. Кабулъ былъ болѣе Астрахани; нынѣ онъ опустѣлъ значительно. Хорошій дворецъ кабульскій разоренъ, и Дус-Мохамед-Ханъ живетъ въ небольшомъ домѣ, имъ въ городѣ выстроенномъ. Народъ нерѣдко подсылалъ людей къ Ша-Шуджа-Уль-Мульку и просилъ его возвратиться, а Англичане обнадеживали его, что снабдятъ его войскомъ, когда согласіе упрочится между Россіею и Персіею.

Ша-Заде-Мохаммед-Мустафа имѣлъ превосходную память для именъ и происшествій и разсказывалъ все, что мы теперь пересказали, порядочно и, при повторенныхъ въ разное время вопросахъ, всегда одинаково; но когда касалось дѣло до времени, онъ нерѣдко сбивался, или показывалъ не всегда согласно съ прежними разсказами своими. Кромѣ того, нелегко было усчитывать его, слѣдовать за счисленіемъ времени и переводить его на нашу эру. По показаніямъ его составлена слѣдующая лѣтосчислительная таблица:

Начало владѣнія Ша-Ахмеда	въ 1748	году.
Смерть его и воцареніе сына его, Ша-Тимура	— 1772	—
Смерть Ша-Тимура и воцареніе сына его, Ша-Зимана .	— 1793	—
Сверженіе съ престола Ша-Зимана, воцареніе Ша-Махмуда	— 1801	—
Сверженіе Ша-Махмуда, воцареніе Ша-Шуджа-Уль-Мулька	— 1801	—
Возстаніе Ша-Заде-Кайсара	— 1806	—
Сверженіе Уль-Мулька и вторичное воцареніе Ша-Махмуда	— 1808	—
Вступленіе на престолъ Ша-Аюба	— 1819	—

Всѣ Авганцы вообще раздѣляются на три поколѣнія: Дурани, Юсуфъ-Зеи и Гильджеи; поколѣніе Дурани имѣетъ девять отраслей: Саду-Зеи, Башу-Зеи, Барыкъ-Зеи, Популъ-Зеи, Нуръ-Зеи, Али-Зеи, Ачикъ-Зеи, Ширъ-Задъ, Везиръ или Уайзиръ; поколѣніе Юсуфу-Зея имѣетъ три отрасли: Мохмяндъ, Хамель и Дау-Зеи; поколѣніе Гиль-Джеи раздѣляется на Насиръ, Са-Акъ, Джабаръ-Хилъ и Му-Шуани. Языкъ Авганцевъ есть нарѣчіе персидское; вѣра мухаммеданская, толка шіитовъ.

Авганистанъ можетъ, или могъ бы выставить до 300,000 воиновъ, говоритъ князь-повѣствователь. Въ предмѣстіяхъ Кабула обитаютъ Гулямъ-Ханы, царскіе тѣлохранители, до 12,000. Они живутъ по домамъ семействами, и отправляютъ службу только при дворѣ; лучшіе воины суть: Дурани, которые говорятъ чистымъ авганскимъ языкомъ; Джауанъ-Ширъ, говорящіе испорченнымъ турецкимъ нарѣчіемъ; они происходятъ отъ Персіянъ, и наконецъ Кугистаны, живущіе въ полуторы дняхъ отъ Кабула, въ отрасляхъ Тибетскихъ Горъ. Кугистаны сунниты и говорятъ своимъ особымъ языкомъ. Число ихъ до 200.000. Выключая всегда конныхъ Джауанъ-Шировъ, которые выставляютъ 15,000 воиновъ, въ пѣхоту назначаются изъ всѣхъ другихъ племенъ. Пушекъ мало, и мало ихъ, кромѣ осады, употребляютъ; дерутся войска всегда почти конныя и при семъ бываютъ пушченки на верблюдахъ, замбуракъ. Войско вооружается и одѣвается кто какъ можетъ; единообразія нѣтъ; конница имѣетъ сабли, пистолеты, ханджары, копья и луки; кабульскіе луки славятся, и стрѣлки, чтобъ имѣть твердую руку, учатся стрѣлять стоя на одной ногѣ. Пѣхота имѣетъ шамхалы, длинныя ружья, сабли, ханджары, а иногда также стрѣ-

лы. Одежда воиновъ, особенно многочисленнѣйшаго племени Дурани, состоитъ изъ полукафтанья или чекменька; пушкари носятъ обыкновенно родъ легкой армянской одежды. У кого есть, надѣваютъ кольчуги, латы, шишаки — берутъ щиты. Воины отличаются отъ граждань неширокою, молодецкою одеждою и оружіемъ, которое носятъ всегда. Въ самомъ Кабулѣ, Индійцы на службу не берутся; въ Пшавурѣ, Амбарсарѣ и Кашемирѣ отчасти служатъ. Войска вообще раздѣляются на дасти, на полки около 1,500 человѣкъ; дастя на сотни и полусотни.

Высшіе гражданскіе и воинскіе чиновники имѣютъ безотчетную власть надъ жизнію и смертію имъ ввѣренныхъ. Сардари суть главнокомандующіе; ханы первые воинскіе чины ихъ; ханы командуютъ дастями, двутысячными, тысячными и пятисотенными отрядами; шыргазіи помощники и заступающіе мѣста хановъ; беки, то же, что въ Россіи офицеры, командуютъ обыкновенно сотнями и полусотнями; иногда назначаются изъ простыхъ десятники. Въ военное время получаетъ солдатъ отъ 5 до 10 тумановъ — серебряная монета въ 10 рублей русскихъ. Впрочемъ, не всегда выдается жалованье; одна крайность заставляетъ владѣльца ихъ сардаря прибѣгнуть къ этой непріятной мѣрѣ. Въ конницѣ, у каждаго бываетъ по одной своей, да по одной казенной лошади; продовольствія же, фуража и аммуниціи не отпускаютъ никогда. Маркитанты во множествѣ слѣдятъ военные обозы и водятъ вьючныхъ верблюдовъ со всякими припасами. Въ казенномъ обозѣ есть нѣсколько оружія, немного военныхъ припасовъ, котлы, и мастеровые съ ихъ орудіями. Все это возится на вьючныхъ верблюдахъ. Пушки, запряженныя волами, слѣдуютъ съ этимъ обозомъ. Тутъ же и табабы, то-есть лекаря, со снадобьями и припасами своими.

Городъ и крѣпость берутъ или приступомъ, взбираясь на стѣны по лѣстницамъ, или разбивая стѣны пушками, или осадою, выморивъ крѣпость голодомъ, но на послѣднее очень рѣдко достаетъ у нихъ терпѣнія. Дѣлаютъ и подкопы и подрываютъ стѣны порохомъ. Взятую крѣпость или городъ всегда предаютъ грабежу и расхищенію.

Шахи награждаютъ чиновъ своихъ подарками: кашемирскими шалями, богатыми одеждами; иногда жалуютъ и деревнями и землями, но онѣ въ вотчинныя не обращаются. Приговоры суда постановляются казыемъ или кадіемъ, который вычитываетъ ихъ изъ Алкорана. Во власти шаха измѣнить приговоръ казыя. Уголовныя казни въ Авганистанѣ всегда сопряжены съ варварскими мученіями и истязаніями. Пытка въ употребленіи.

На грабежъ посылаютъ нерѣдко не только малые и большіе чиновники, но и сами государи. Посланные собираютъ тайно шайку, нападаютъ на сосѣдей, куда сказано, а иногда и просто гдѣ удобнѣе, угоняютъ съ полей скотъ, лошадей, верблюдовъ, грабятъ жителей и нерѣдко еще уводятъ ихъ въ плѣнъ. Вообще нынѣ—хоть большаго порядка никогда не было—Авганистанъ, распавшись на отдѣльныя части, по областямъ и городамъ, находится въ самомъ жалкомъ положеніи; правъ только сильный, а быть сильнымъ пытается всякій, кто имѣетъ, кромѣ себя самого, хотя одно подвластное себѣ лицо; а потому жители во множествѣ бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто и въ особенности уходятъ изъ большихъ городовъ и стараются скрываться по небольшимъ селеніямъ въ неизвѣстности.

Примѣч. Выписки эти сдѣланы въ 1833 году, т. е. до новаго переворота въ Кабулистанѣ, произведеннаго Англичанами, и каждое *нынѣ* относится къ тому времени.

В. ДАЛЬ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1841 ГОДА.

—

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ).

—Для облегченія Герольдіи въ составленіи общаго списка гражданскимъ чинамъ, постановлено: Губернскія Правленія, прочія присутственныя мѣста и всѣ вообще начальства, обязанныя, на основаніи существующихъ узаконеній, представлять въ Герольдію послужные списки о состоящихъ въ вѣдомствѣ ихъ классныхъ чиновникахъ, должны, сверхъ-того, къ 1-му марта и къ 1-му сентября каждаго года присылать туда же о службѣ означенныхъ лицъ и особые краткіе списки.

— Обнародовано положеніе для сплава дровъ и бревенъ по рѣкѣ Тоснѣ.

— По представленію государственнаго секретаря объ увеличившихся занятіяхъ Отдѣленія Экономіи Государственной Канцеляріи повелѣно: прибавить къ составу сей канцеляріи одного помощника статс-секретаря съ опредѣленнымъ въ общемъ штатѣ содержаніемъ.

— Высочайше-повелѣно: отмѣнивъ совершенно дѣйствіе въ грузинскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ Церковнаго Устава 1829 года, распространить на сіи колоніи общій Уставъ Евангелическо-Лютеранской Церкви въ Россіи 1832 года и принадлежащій къ нему Наказъ Духовенству и начальствамъ сей церкви, вмѣстѣ съ отдѣльными въ видѣ дополненія къ Уставу правилами, содержащими особыя права и привилегіи грузинскихъ колоніальныхъ обществъ въ духовномъ отношеніи, предоставленныя имъ при самомъ водвореніи въ Грузіи и въ-послѣдствіи утвержденныя Церковнымъ Уставомъ 1829 года.

— Коммерческому Банку и конторамъ его дозволено принимать въ залогъ и облигаціи Коммиссіи Погашенія Долговъ новаго 4% займа съ учетомъ по 70 коп. за рубль по нарицательной цѣнѣ.

— Обнародовано Высочайше-утвержденное положеніе учрежденнаго въ

Нижнемъ-Новѣгородѣ губернскаго дворянскаго банка, подъ наименованіемъ *Александровскаго*. Банкъ сей основанъ дворянствомъ Нижегородской Губерніи въ память посѣщенія Нижняго-Новагорода Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ.

— Воспослѣдовалъ Высочайшій указъ о новомъ таможенномъ тарифѣ, въ силу котораго таможенныя пошлины вообще, соотвѣтственно ходу торговли, съ однихъ товаровъ усилены, а съ другихъ уменьшены, изъ числа же запрещенныхъ дозволяются къ привозу тѣ, которыхъ впускъ не можетъ обращаться во вредъ собственной промышлености. Заимствуемъ изъ новаго общаго Тарифа списокъ товаровъ, запрещенныхъ къ привозу:

Альбомы, или книжки, съ бѣлою и цвѣтною бумагою. Дорожныя аптеки, т. е., всякіе ящики съ лекарствами, для домашняго употребленія. Ассигнація россійскія, билеты Государственнаго Казначейства, билеты Депозитной Кассы и кредитные билеты (запрещены и къ вывозу). Басоны и бахрамы золотые, серебряные, мишурные, шелковые, шерстяные, бумажные и пр. Бланкеты, или отпечатанные листки, для коносаментовъ и другихъ бумагъ, имѣющихъ опредѣленную форму. Всякія вообще бумажныя и полубумажныя матеріи и издѣлія, печатныя и набивныя, кромѣ особо-поименованныхъ; также нанка. Бѣлье всякое шитое и обрубленое, кромѣ принадлежащаго пріѣзжающимъ въ Россію. Воинскіе снаряды, чугунные и желѣзные, какъ-то: пушки, мортиры, ядра, бомбы и россійскіе гири и безмены. Галантерейныя вещи, кромѣ стальныхъ и тѣхъ, которыя подходятъ подъ дозволенныя статьи о золотыхъ и серебряныхъ издѣліяхъ, также о каменьяхъ и другихъ веществахъ въ оправѣ. Галуны золотые, серебряные и мишурные. Грибы сушеные, кромѣ поименованныхъ въ росписи аптекарскихъ матеріаловъ. Жирандоли всякія, кромѣ серебряныхъ и апликe. Занавѣсы всякіе, гардины и сторы къ окнамъ. Затворы къ печамъ. Зеркала и зеркальныя стекла. Зонтики всякіе. Книги переплетенныя бѣлыя, конторскія и всякія. Кожевенныя издѣлія всякія, кромѣ особо-поименованныхъ. Колпаки всякіе, не поименованные. Кофейный суррогатъ, т. е. жженая цикорія, жженые жолуди и проч. Всякія льняныя и пеньковыя издѣлія, печатныя и набивныя, кромѣ особо-поименованныхъ. Полотно парусное, фламское и равентухъ. Льняныя тесемки. Люстры. Мраморъ съ украшеніями изъ бронзы и тому-подобнаго. Масло льняное, конопляное, рѣпное, орѣховое, также изъ сѣменъ подсолнечника, и составное, для освѣщенія употребляемое. Золотая и серебряная позументная работа и золото и серебро волоченое, пряденое, бить, блестки, также всякія издѣлія позолоченыя и посеребреныя. Платина въ дѣлѣ. Чугунъ въ крицахъ, лому и дѣлѣ (моремъ). Желѣзо въ прутьяхъ и полосное, сортовое и брусчатое (моремъ). Ножи, вилки, щипцы, замки, петли и другіе особо-неразрѣшенные предметы, неподходящіе подъ статью кузнечной работы, также съ череньями апликe, и посеребреные и позолоченые. Клинки или лезвеи, шпажные, сабельные и кинжальные, съ золотою и серебряною насѣчкою и безъ оной. Духовыя ружья. Желѣзныя издѣлія луженыя, кромѣ особо-поименованныхъ. Желѣзныя издѣлія изъ проволоки, кромѣ особо-поименованныхъ. Составные металлы: томпакъ, принцъ-металлъ, аренантинъ, британскій металлъ и прочіе составные металлы, въ кускахъ,

листахъ и издѣліяхъ. Монеты, извѣстныя подъ названіемъ бильоновъ, берлинокъ, цвельферовъ, литокъ, ползлотокъ и двузлотокъ. Всѣ низкопробныя иностранныя монеты. Мягкая рухлядь морскихъ собакъ и тюленей; всякія издѣлія изъ мягкой рухляди, мѣха, палатины, шубы, тулупы, муфты, и проч., кромѣ шапокъ. Шромъ. Ликеры, наливки и настойки, кромѣ поименованныхъ въ росписи аптекарскихъ матеріаловъ. Киршвассеръ. Медъ, липецъ и вишнякъ. Вино и спирты хлѣбные, подслащенные и неподслащенные, также яниверъ, или водка можжевеловая. Уксусъ пивной. Пиво всякое. Обувь всякая, т. е. сапожная и башмачная работа. Опіатъ для очищенія зубовъ. Перья щипаныя. Платье шитое всякое, женское и мужское, кромѣ принадлежащаго пріѣзжающимъ въ Россію. Подвязки и подтяжки. Порохъ мелкій и пушечный. Порошокъ для очищенія винъ, составленный изъ бычьей крови, истреблять въ случаѣ привоза. Постели и подушки, кромѣ принадлежащихъ пріѣзжающимъ. Фарфоровая посуда. Пудра. Сало скотское и сальныя свѣчи. Сахаръ: рафинадъ, мелисъ, лумпъ и леденецъ, въ головахъ, кускахъ и толченый. Селитра очищенная. Соль, въ портахъ черноморскихъ, азовскихъ и дунайскихъ, не исключая одесскаго. Стеаринъ и свѣчи стеариновыя. Струя бобровая и кабардинская. Уборы женскіе, головные: чепчики, шелковыя шляпы, токи и тому подобное. Факелы. Фитили. Фуражки. Перловая и манная крупа. Печеный хлѣбъ, сухари и крендели. Цикорія, трава и коренья. Чай. Часы, стѣнные и столовые, съ украшеніями изъ металла, мрамора, алебастра и т. п. Чулки замшевые и штиблеты. Ленты россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ. Шелковыя и полу-шелковыя издѣлія, печатныя, набивныя, также пестрыя не въ нити крашеныя, кромѣ особо-поименованныхъ. Шерстяныя и смѣшанныя матеріи, издѣлія печатныя и набивныя, кромѣ особо-поименованныхъ. Шитье всякое: всякаго рода шитое платье, бѣлье и всякія вещи вышитыя, особо не разрѣшенныя. Шляпы пуховыя и полупуховыя, кожаныя, лакированныя, шелковыя и всякія, особо-непоименованныя. Экипажи, исключая привозимыхъ пассажирами на пароходахъ и тѣхъ, кои упомянуты во II пунктѣ ст. 949 Св. Зак. Т. VI.

— Въ именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «По уваженію пользы, какую могутъ приносить сберегательныя кассы, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, повелѣли Мы министру финансовъ, сообразивъ разныя, имѣвшіяся въ виду по сему предмету предположенія съ основаніями подобныхъ кассъ въ другихъ государствахъ и съ правилами Нашихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, составить общій проектъ о сберегательныхъ кассахъ въ Россіи. Представленный, вслѣдствіе сего, министромъ финансовъ и въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнный проектъ Устава таковыхъ кассъ, признавъ предположенной цѣли соотвѣтствующимъ, и утвердивъ оный, повелѣваемъ: учредить, на изъясненномъ въ Уставѣ основаніи, Сберегательныя Кассы, на первый разъ, при Санктпетербургской и Московской Сохранныхъ Казнахъ».

Выписка изъ Устава Сберегательныхъ Кассъ. 1) Сберегательныя Кассы учреждаются для пріема небольшихъ суммъ на сохраненіе, съ приращеніемъ

процентовъ, для доставленія чрезъ то недостаточнымъ всякаго званія людямъ средства къ сбереженію, вѣрнымъ и выгоднымъ образомъ, малыхъ остатковъ отъ расходовъ, въ запасъ на будущія надобности. Суммы, вносимыя въ Сберегательныя Кассы, не подвергаются секвестру ни за казенныя, ни за частныя взысканія, и за цѣлость ихъ отвѣтствуютъ тѣ государственныя кредитныя установленія, при которыхъ онѣ учреждены, собственными своими капиталами. Сберегательныя Кассы учреждаются, на первый разъ, при сохранныхъ казнахъ воспитательныхъ домовъ, а въ-послѣдствіи времени и при приказахъ общественнаго призрѣнія, по особому усмотрѣнію правительства. II. Сберегательныя Кассы при сохранныхъ казнахъ состоятъ изъ директора, бухгалтера и кассира, съ потребнымъ числомъ помощниковъ ихъ и канцелярскихъ служителей, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, Опекунскихъ Совѣтовъ. Чиновники при Сберегательныхъ Кассахъ могутъ быть опредѣлены изъ тѣхъ, кои уже состоятъ на службѣ въ вышеозначенныхъ мѣстахъ и, въ такомъ случаѣ, по усмотрѣнію начальства, имъ дѣлается прибавка къ получаемому ими жалованью. Для пріема и возврата вкладовъ назначается одинъ день въ недѣлю, а именно, воскресный (исключая св. пасхи, пятидесятницы, также рождества христова, новаго года и другихъ двунадесятыхъ праздниковъ, если они пріидутся въ воскресный день), отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ по-полудни. III. Вклады принимаются отъ одного лица не менѣе 50 коп. сер., и не свыше 10 руб. серебромъ въ одинъ разъ; вся же сумма вкладовъ, одному лицу принадлежащихъ, не должна превышать 300 руб. серебромъ. Въ удостовѣреніе принятой отъ вкладчика суммы выдается изъ Сберегательной Кассы книжка, составленная изъ нѣсколькихъ листовъ особо приготовленной бумаги, съ внутренними знаками, и имѣющая печатный нумеръ и штемпель Сберегательной Кассы. На послѣднихъ страницахъ сей книжки должна быть напечатана выписка изъ постановленій Сберегательной Кассы и таблица причитающихся на всякую сумму (до 300 р. включительно) за извѣстное время процентовъ. IV. Отъ вносящаго въ первый разъ деньги отбирается показаніе объ имени, отчествѣ, фамиліи или прозваніи вкладчика, званіи, лѣтахъ и мѣстѣ рожденія, которое записывается на особо приготовленномъ для того листѣ, и скрѣпляется чиновникомъ, отбиравшимъ оное. Въ то же время вкладчикъ отдаетъ деньги кассиру, который, отмѣтивъ на показаніи нумеръ книжки и записавъ принятую сумму въ приходъ, показаніе передастъ бухгалтеру, вмѣстѣ съ книжкою, въ которую должны быть вписаны имя и фамилія вкладчика, день вноса цифрами, а внесенная сумма прописью; вкладчику же выдаетъ контромарку, съ означеніемъ нумера книжки и имени вкладчика. Въ бухгалтеріи записывается принятая сумма, и книжка передается директору, или его помощнику, который, отмѣтивъ въ своемъ настольномъ реестрѣ количество внесенной суммы, отдаетъ книжку вносителю, по предъявленіи имъ контромарки. При послѣдующихъ вносахъ, вкладчикъ предъявляетъ выданную ему книжку кассиру вмѣстѣ съ вносимыми деньгами, по пріемѣ коихъ выдается ему контромарка, и въ дальнѣйшемъ ходѣ поступается по выше-изъясненному порядку. Пріемъ денегъ и выдача книжки оканчиваются въ одинъ день. V. Вносимыя въ Сберегательную Кассу суммы приносятъ по

4% въ годъ, начиная съ 1 числа послѣдующаго за вносомъ мѣсяца. (*Примѣчаніе.* На вклады, внесенные 1 числа какого-либо мѣсяца, проценты считаются съ того самаго мѣсяца). Проценты сіи исчисляются на всякую внесенную сумму по день возврата капитала, за полные прошедшіе мѣсяцы; но, при удовлетвореніи вкладчиковъ, дробь менѣе копейки отсѣкается. Проценты причисляются къ капиталу по прошествіи года, и на оные вновь исчисляются проценты. При истребованіи всего внесеннаго капитала, или части онаго, выдаются вмѣстѣ и проценты, на требуемую сумму причитающіеся. VI. Желающій взять обратно весь капиталъ, или часть онаго, объявляетъ о томъ словесно бухгалтеру, который, принявъ отъ него книжку и записавъ количество требуемой суммы, выдаетъ приносителю контромарку, съ означеніемъ въ оной имени и фамиліи вкладчика и нумера книжки, и за тѣмъ приступаетъ къ учиненію разсчета процентовъ и надлежащимъ отмѣткамъ по счетамъ. Въ книжку записывается прописью требуемая сумма съ причитающимися процентами, которая потомъ передается кассиру. Кассиръ, записавъ показанную въ книжкѣ сумму въ расходъ, производитъ выдачу оной предъявителю контромарки, съ возвращеніемъ ему и книжки. Если возвращается сполна вся внесенная сумма, то книжка перечеркивается крестообразно по страницамъ и оставляется въ кассѣ. VII. Какъ возвратъ капитала производится немедленно предъявителю книжки, то Сберегательная Касса не отвѣтствуетъ за выдачу денегъ, еслибъ книжка предъявлена была не тѣмъ лицомъ, которому она принадлежитъ. Въ случаѣ потери кѣмъ-либо книжки, онъ объявляетъ о томъ въ Сберегательной Кассѣ, и если по справкѣ окажется, что та книжка не была предъявлена для полученія денегъ, въ такомъ случаѣ дѣлается надлежащая отмѣтка по книгамъ кассы. Если въ-теченіи четырехъ мѣсяцевъ со дня объявленія о потерѣ книжки, она предъявлена не будетъ въ кассу, то записанный по оной капиталъ съ процентами выдается объявившему о потерѣ книжки. Но если, въ теченіи сего срока, кто-либо предъявитъ въ кассу ту книжку для полученія по ней денегъ, въ такомъ случаѣ опредѣленіе права на принадлежность книжки предъявителю, или объявившему объ утратѣ ея, предоставляется полицейскому или судебному разбирательству. VIII. По окончаніи пріема и выдачи вкладовъ, наличныя суммы повѣряются съ книжками и контромарками, и объ оказавшемся составляется журналъ. Въ субботу отпускается въ Сберегательную Кассу, изъ сохранной Казны (или приказа общественнаго призрѣнія), достаточная сумма, по соображеніи обыкновенныхъ ея оборотовъ, въ запасъ для безостановочнаго удовлетворенія вкладчиковъ; остатокъ же въ кассѣ, за всѣми оборотами, возвращается на другой день по принадлежности. Сберегательная Касса представляетъ опекунскому совѣту (или приказу) еженедѣльныя и мѣсячныя вѣдомости о поступившихъ и истребованныхъ вкладахъ, а по окончаніи года, подробный отчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ для надлежащей повѣрки, который публикуется во всеобщее извѣстіе.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ).

— Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 5

іюля 1838 года, для отклоненія затрудненій, встрѣченныхъ коммиссіями для ревизіи дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній въ Западныхъ губерніяхъ назначенъ трехлѣтній срокъ на представленіе неимѣющихся при дѣлахъ тѣхъ собраній документовъ о дворянствѣ, на которыхъ опредѣленія ихъ были основаны, съ тѣмъ, чтобъ лица, которыя сего не исполнятъ и не владѣютъ или не владѣли недвижимыми населенными имѣніями, немедленно обращены были въ однодворцы. Хотя срокъ сей уже миновалъ, но Высочайше повелѣно продолжить оный до 1 января 1871 года для представленія жителями всѣхъ западныхъ губерній доказательствъ ихъ на дворянство, какъ въ Депутатскія Собранія, такъ и въ Герольдію.

— Высочайше повелѣно возобновить въ 1842 году опытъ открытія въ городѣ Рыбинскѣ Временной Конторы Коммерческаго Банка, съ 10 мая по 10 іюля, командировавъ для того въ Рыбинскъ по примѣру 1841 года, чиновниковъ, имѣющихъ назначиться въ составъ Нижегородской Временной Банковой Конторы.

— Постановлено: по уваженіямъ крайней надобности въ землемѣрахъ для полюбовнаго размежеванія, тѣхъ изъ отставныхъ разныхъ вѣдомствъ землемѣровъ, которые изъявятъ желаніе состоять на службѣ безъ жалованья при посредническихъ коммиссіяхъ и по свѣдѣніямъ своимъ въ межевомъ дѣлѣ могутъ быть полезны для успѣха специальнаго межеванія — опредѣлять землемѣрами при Межевой Канцеляріи сверхъ штата безъ жалованья, съ прикомандированіемъ ихъ потомъ къ посредническимъ коммиссіямъ, ограничивъ право сихъ землемѣровъ тѣмъ, чтобъ проведенное ими время на службѣ по специальному межеванію было зачитаемо въ срокъ выслуги къ пенсіи, и чтобъ при томъ неимѣющіе обер-офицерскихъ чиновъ, производимы были въ первое классное званіе на общемъ основаніи законовъ.

— Высочайше повелѣно: на будущее время принять за правило обывательскіе дома, предназначаемые въ крѣпостяхъ въ сломку, съ вознагражденіемъ на основаніи узаконеній о пріобрѣтеніи частной собственности на казенныя надобности, не иначе подвергать оцѣнкѣ, какъ по наступленіи безотлагательной надобности въ пріобрѣтеніи ихъ въ казну.

— Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: разрѣшить приказы общественнаго призрѣнія, за исключеніемъ столичныхъ (которые по силѣ Св. Учр. и Уст. о Общ. Приз. Т. 13 ст. 237 ссудъ вовсе не выдаютъ), на выдачу денежныхъ ссудъ подъ залогъ билетовъ кредитныхъ установленій, кромѣ облигацій Коммиссіи Погашенія Долговъ, съ тѣмъ: 1) чтобъ приказы на счетъ представляемыхъ въ оные залогомъ билетовъ кредитныхъ установленій предварительно сносились только съ опекунскими совѣтами, такъ-какъ при взносѣ въ сохранныя казны капиталовъ дѣлаются иногда въ объявленіяхъ условія, препятствующія выдачѣ денегъ по предъявленному билету, а съ банками, по несуществованію тамъ подобныхъ условій, таковыхъ сношеній не дѣлали, но въ замѣнъ сего въ залогъ принимали бы такіе банковые билеты, на которыхъ приложенъ грифъ, или которые предъявляются лицами извѣстными и пользующимися общимъ довѣріемъ. 2) Чтобъ ссуды выдаваемы были на одинъ, на два и на три года и до восьми лѣтъ, съ платежемъ капитала и по шести процентовъ,

по срокамъ, установленнымъ въ приказахъ для таковыхъ кратковременныхъ займовъ. 3) Чтобъ въ случаѣ неисправности заемщика въ платежѣ, приказы, не дѣлая никакихъ отсрочекъ, немедленно отсылали заложенный билетъ въ кредитное установленіе, изъ котораго онъ выданъ, съ требованіемъ по оному капитала и процентовъ, для чего, если билетъ выданъ на имя вкладчика, при самой ссудѣ требовать отъ него бланковой или передаточной надписи; по удовлетвореніи же претензіи приказа по займу, остальную сумму, хотя бы открылись на заемщикѣ казенныя или частныя взысканія, выдавать ему потому уваженію, что всѣ ввѣряемые кредитнымъ установленіямъ капиталы освобождены отъ всякой конфискаціи.

— Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: остаточныя по всѣмъ вообще системамъ золотоносныхъ розсыпей площади отдавать промышленникамъ за 15-ти процентную подать въ томъ только случаѣ, когда заявка въ установленный трех-лѣтній срокъ сдѣлана была на мѣста свободныя, а въ-послѣдствіи оказалось, что мѣста сіи должны быть причислены къ остаточнымъ площадямъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, когда пріиски на означенныя площади заявлены послѣ уже причисленія оныхъ къ остаткамъ, или когда сами промышленники согласятся вносить высшую подать, плата за разработку сихъ розсыпей полагается по 24 процента.

III. Законы относительно состояній.

— По замѣченному разстройству благосостоянія государственныхъ поселянъ Вятской Губерніи Уѣздовъ Слободскаго, Глазовскаго и Орловскаго со времени запрещенія имъ ловить птицъ и звѣрей во всякое время года, происходящему большею частію отъ мѣстности, непредставляющей имъ другихъ занятій, свойственныхъ ихъ быту, вносима была въ Комитетъ Министровъ записка, о предоставленіи поселянамъ означенныхъ уѣздовъ заниматься звѣриною и птичною охотою во всякое время года. Въ-слѣдствіе сего воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе: распространить на сіи уѣзды силу 196 ст. Св. Уст. о Благ. въ Гор. и Казен. Сел. и Высочайше-утвержденнаго 1 мая 1841 года положенія Комитета Министровъ, которыми дозволено крестьянамъ Архангельской, всей сѣверо-восточной части Вологодской и Верхотурскаго Округа Пермской Губерніи, ловить и стрѣлять птицъ и звѣрей во всякое время года.

IV. Законы относительно службы гражданской.

— Разрѣшено Министерству Государственныхъ Имуществъ опредѣлять при палатахъ государственныхъ имуществъ ветеринарныхъ врачей изъ числа состоящихъ въ Гражданскомъ Медицинскомъ Вѣдомствѣ, съ предоставленіемъ имъ правъ государственной службы и съ назначеніемъ содержанія по ближайшему усмотрѣнію Министерства въ количествѣ не свыше опредѣленнаго по штатамъ для чиновниковъ особыхъ порученій при палатахъ и особо разъѣздныхъ денегъ, относя всѣ сіи расходы, безъ обремененія Государственнаго Казначейства, на общественный сборъ съ крестьянъ.

V. Законы уголовные и рекрутские.

— Постановлено: а) дополненіе къ 383 ст. Рекрутскаго Устава изложить въ слѣдующемъ видѣ: по участкамъ мѣщанъ, крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и крестьянъ удѣльныхъ, дозволяется перемѣнять принятыхъ рекрутъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если тройниковое семейство состоитъ изъ отца съ двумя сыновьями и при наборѣ одинъ сынъ, по дошедшей къ сему семейству очереди, взятъ будетъ въ рекруты, а другой прежде окончанія того набора умретъ, въ семействѣ же ни одного не будетъ подростка мужескаго пола отъ 14 до 17 лѣтъ, то дозволяется перемѣнить сего рекрута другимъ подочереднымъ, если отецъ, не пропуская трехъ мѣсяцевъ со дня пріема рекрута, подастъ о томъ просьбу во время производства набора къ председателю рекрутскаго присутствія, по окончаніи же онаго къ губернатору, и по сей просьбѣ представитъ свидѣтельство думы, или по принадлежности волостнаго правленія, какъ о смерти оставшагося при немъ сына, такъ и о неимѣніи подростка выше означенныхъ лѣтъ. 2) Такимъ же образомъ дозволяется перемѣнять рекрута, взятаго поочереди съ двойникова семейства, если до окончанія набора последній работникъ сего семейства умретъ и между оставшимися членами семейства не будетъ ни одного подростка мужескаго пола отъ 14 до 17 лѣтъ. Въ обоихъ сихъ случаяхъ, дѣлаются немедленно распоряженія о перемѣнѣ рекрута, если онъ не выступилъ еще съ мѣста набора подочереднымъ; въ противномъ же случаѣ, губернаторъ представляетъ о возвращеніи рекрута по установленному порядку. б) Въ измѣненіе статьи 84 Устава о Рекрутской Повинности Евреевъ постановить, чтобъ Евреи, укрывающіеся отъ набора, были зачитаемы, на основаніи 337 ст. Общаго Рекрутскаго Устава, обществу при будущихъ наборахъ.

— Въ дополненіе къ подлежащимъ статьямъ Свода Законовъ, постановлено: въ кантонахъ башкиро-мещерянскаго войска окончательная по дѣламъ о кражѣ, мошенничествѣ и всякомъ обманѣ расправа предоставляется до 6 руб. сер. попечителямъ, а до 3 руб. сер. кантоннымъ начальникамъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ таковая расправа дозволена земскимъ судамъ и становымъ приставамъ (Пунктъ 37, Приложеніе къ ст. 688 Учрежд. Губерн. Т. II въ Продолженіи).

VI. Законы гражданскіе.

— Въ разрѣшеніе вопроса: къ какому роду имуществъ, движимому или недвижимому, должны быть причисляемы золотые пріиски и какимъ порядкомъ могутъ они переходить отъ одного лица къ другому, постановлено: золотосодержащіе пріиски, отводимые частнымъ лицамъ на казенныхъ земляхъ для одной лишь разработки, признаются, въ отношеніи къ золотопромышленникамъ, имуществомъ движимымъ, а потому и въ переходѣ своемъ по наслѣдству или инымъ случаямъ отъ одного владѣльца къ другому подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какія вообще для имуществъ движимыхъ постановлены. Но при семъ наслѣдники принимаютъ на себя обязательство: во-первыхъ, исполнять въ точности всѣ предписанныя къ добыванію золота правила; и во-вторыхъ, въ случаѣ участія въ наслѣдствѣ нѣсколькихъ лицъ, владѣть пріисками, на основаніи горныхъ узаконеній,

нераздѣльно. Въ удостовѣреніе сего они должны при самомъ принятіи наслѣдства представлять тому вѣдомству, отъ коего выдаются дозволительныя на разработку пріисковъ свидѣтельства, особое по установленной для того формѣ объявленіе.

— По предмету о порядкѣ совершенія выводныхъ писемъ на помѣщичьихъ крѣпостныхъ вдовъ и дѣвокъ, отдаваемыхъ въ замужство въ чужое владѣніе, постановлено: оставивъ выдачу выводныхъ писемъ на крестьянскихъ вдовъ и дѣвокъ въ нынѣшнемъ порядкѣ, то есть, безъ взъисканія крѣпостныхъ пошлинъ и на простой бумагѣ, не воспрещать, впрочемъ, помѣщикамъ если пожелаютъ, облекать эти письма формальностію, свидѣтельствуя ихъ въ уѣздныхъ судахъ.

— Постановлено: дозволить палатамъ государственныхъ имуществъ западныхъ губерній и Бѣлостокской Области употреблять для контрактовъ печатные бланки, согласно установленнымъ формамъ, съ тѣмъ, чтобъ бланки сіи печатать на простой бумагѣ съ нужными пробѣлами, для наполненія оныхъ измѣняющимися обстоятельствами, относящимися къ имѣнію, къ обязанностямъ администратора, представленному отъ него залогу и т. п. При употребленіи сихъ бланковъ для контрактовъ взыскивать съ арендатора или администратора гербовую бумагу натурою, одинъ листъ крѣпостной бумаги по суммѣ контракта, а за печатные бланки, гербовые листы въ 90 коп. сер. и приобщать ихъ къ печатнымъ бланкамъ за шнуромъ и печатью, а на крѣпостномъ листѣ излагать всѣ добавочныя условія контракта и присовокуплять подпись членовъ палаты и лица, заключающаго контрактъ.

— Повелѣно: при отдачѣ казенныхъ имѣній въ содержаніе, срокомъ не болѣе какъ на шесть лѣтъ, или съ условіемъ по прошествіи оныхъ подвергнуться положеніямъ новой люстраціи, ограничиться залогомъ на годовую сумму дохода отъ имѣнія.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ДЕКАБРЬ 1841.

Благотворительность. Въ честь Поляковъ, падшихъ 17 (29) ноября 1830 года, при самомъ началѣ мятежа, жертвою вѣрности своему Монарху, по Высочайшему повелѣнію сооруженъ памятникъ посреди Варшавы на Саксонской Площади. Государю Императору благоугодно было ознаменовать торжество открытія сего памятника новымъ доказательствомъ неисчерпаемой Монаршей милости къ вдовамъ и сиротамъ тѣхъ, памяти коихъ онъ посвящается. Всемилостивѣйше пожалованы слѣдующія награды: вдовѣ генерала отъ инфантеріи, генерал-адъютанта графа Станислава Потоцкаго, Маріи, 60,000 злотыхъ и домъ на Саксонской Площади, въ которомъ она живетъ теперь, въ ея собственность. Дѣтямъ генерала отъ артиллеріи графа Маврикія Гауке 50,000 злотыхъ. Дѣтямъ бригаднаго

генерала Трембицкаго 30,000 злотыхъ. Вдовѣ бригаднаго генерала Игнатія Блюмера Констанціи 25,000 злотыхъ. Вдовѣ бригаднаго генерала Ѳомы Семіонтковскаго, Павлинѣ, 25,000 злотыхъ. Вдовѣ полковника Филипа Мецимевскаго, Іозефѣ, по другомъ мужѣ Суской, и дѣтямъ ея 25,000 злотыхъ.

— Въ 6 день декабря въ Тулѣ открытъ Пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, стараніемъ и попеченіемъ супруги военнаго губернатора княгини Софьи Петровны Голицыной, которая утверждена и попечительницею сего Пріюта. Генералъ отъ кавалеріи графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ, въ ознаменованіе всерадостнѣйшаго дня тезоименитства Государя Императора, препроводилъ къ харьковскому губернскому предводителю дворянства 10,000 руб. ассиг. для учрежденія въ городѣ Харьковѣ дѣтскаго пріюта.—Санктпетербургскій купеческій сынъ Аристархъ Погодинъ и придворный мастеръ водочистительныхъ машинъ Дмитрій Аксеновскій принесли въ даръ Демидовскому Дому Призрѣнія Трудящихся: первый ежегодно по 75 руб. сер. и на такую же сумму провизіи, а послѣдній машины для очищенія воды, суммою на 600 руб. асс. —Крестьянинъ Кожевинъ для постояннаго помѣщенія въ селеніи Шуйскомъ Городкѣ (Вологодской Губерніи въ Тотемскомъ Уѣздѣ) приходскаго училища, пожертвовалъ деревянный домъ, оцѣненный въ 285 р. 70 коп. сер.

Промышленость. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта повелѣно: 1) По неучрежденію Третьяго Россійскаго Страховаго отъ Огня Общества, страхованіе имуществъ въ губерніяхъ и областяхъ, вошедшихъ въ округъ онаго, дозволить производить исключительно Второму Страховому отъ Огня Обществу, на точномъ основаніи Устава его 6 марта 1835 года и 2) учредителямъ Третьяго Общества постановить въ обязанность, дабы они собранныя за выданныя акціи деньги безотлагательно возвратили акціонерамъ съ банковыми процентами по разсчету и объ окончаніи возврата денегъ объявили въ публичныхъ вѣдомостяхъ.

— Ламповому мастеру Ивану Биль-Гейварду выдана четырех-лѣтняя привилегія на сдѣланное имъ усовершенствованіе въ устройствѣ лампы, на которую выдана была ему привилегія 6 ноября 1839 года. Въ прошеніи своемъ Биль-Гейвардъ объяснилъ, что изобрѣтеніе, на которое ему выдана привилегія въ 1839 году, состоитъ въ устройствѣ въ концѣ рожка лампы, около пламени, особаго металлическаго колпачка, который, сосредоточивая воздухъ у пламени, сообщаетъ ему большую яркость. Настоящее его усовершенствованіе заключается въ томъ, что, вмѣсто означеннаго металлическаго колпачка или конуса, онъ дѣлаетъ его въ самомъ ламповомъ стеклѣ, и для того ламповое стекло приготовляется съ перехватомъ или шейкою въ нижней части надъ пламенемъ, и на этотъ перехватъ или шейку кладется металлическое кольцо; усовершенствованіемъ симъ устраняется тѣнь, которую производитъ металлическій конусъ въ прежнемъ изобрѣтеніи. Сущность сего изобрѣтенія остается прежняя, чтобъ питать пламя постояннымъ притокомъ изрѣженнаго воздуха, приводя его надъ горящею поверхностью свѣтильни къ самой точкѣ горѣнія, независимо отъ различныхъ для этой цѣли устройствъ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1842 ГОДА.

—

I. Государственныя учрежденія (измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ 25 декабря 1841 года, повелѣно: 1) Всѣ недвижимыя населенныя имѣнія православнаго духовенства западныхъ губерній передать въ вѣдѣніе и управленіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, за исключеніемъ имѣній, состоящихъ во владѣніи собственно-приходскаго бѣлаго духовенства, непринадлежащаго къ нынѣшнему составу каѳедральныхъ соборовъ. 2) Составить для епархіальныхъ управленій, каѳедральныхъ соборовъ и монастырей штаты, съ назначеніемъ въ оныхъ окладовъ, сообразныхъ съ потребностями лицъ и мѣстъ и приличныхъ сану и степени каждаго, и поднести оные на Высочайшее утвержденіе. За тѣмъ, по недостаточности нынѣшнихъ доходовъ съ духовныхъ имѣній западнаго края для удовлетворительнаго и приличнаго содержанія всего тамошняго духовенства и принадлежащихъ оному учрежденій Высочайше предназначены особые способы, именно: доходы съ имѣній, конфискованныхъ въ западныхъ губерніяхъ за участіе въ бывшемъ мятежѣ, по уплатѣ долговъ и исполненіи другихъ обязанностей, лежащихъ на тѣхъ имѣніяхъ.

— Высочайше утверждены штаты для православныхъ епархіальныхъ управленій и монастырей въ западномъ краѣ и повелѣно привесть оные въ исполненіе съ 1 мая сего года.

— Канцелярію по осушенію и воздѣланію окрестностей Санктпетербурга, учрежденной при главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, повелѣно: состоять при министрѣ государственныхъ имуществъ.

— Постановлено: обмѣнъ ветхихъ кредитныхъ билетовъ на новые производить въ Заемномъ Банкѣ, на точномъ основаніи правилъ объ обмѣнѣ ветхихъ депозитныхъ билетовъ, распубликованныхъ при указѣ Правительствующаго Сената отъ 25 января 1841 года.

— Государственный Совѣтъ, по разсмотрѣніи внесенной министромъ юстиціи записки о дополненіи правилъ касательно донесенія Правительствующему Сенату о получаемыхъ изъ онаго указахъ, мнѣніемъ положилъ: въ дополненіе и поясненіе надлежащихъ статей Свода Законовъ по-

становить нижеслѣдующія по предмету сему правила: 1) Представляемыя отъ разныхъ мѣстъ и лицъ Правительствующему Сенату ежемѣсячныя о полученныхъ изъ онаго указахъ вѣдомости, по тѣмъ изъ сихъ указовъ, которые посылаются только къ *свѣдѣнію*, считать окончательно очистительными донесеніями, и потому особо о полученіи такихъ указовъ уже не рапортовать, а дѣлать лишь надлежащія о томъ отмѣтки въ упомянутыхъ общихъ вѣдомостяхъ. 2) Особые, сверхъ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, рапорты представлять по такимъ только указамъ Правительствующаго Сената, по коимъ требуется какое-либо дѣйствительное *исполненіе*. 3) Для сего на всѣхъ указахъ Правительствующаго Сената, внизу, гдѣ пишется краткое оныхъ содержаніе, отмѣчать, посылается ли указъ «къ дѣйствительному исполненію, или же только къ свѣдѣнію и руководству». 4) Обязанность дѣлать сіи отмѣтки возлагается на надписывающихъ указы оберсекретарей, подъ личною ихъ за непремѣнное исполненіе сего отвѣтственностію. 5) Сообразно съ онымъ имѣющуюся при экзекуторскихъ дѣлахъ Правительствующаго Сената книгу дополнить новою графою, помѣстивъ оную между графами 3-ю и 4-ю, для отмѣтки: къ дѣйствительному ли исполненію, или только къ свѣдѣнію и руководству указъ посланъ.

— Обнародовано: положеніе объ орловской судоходной депутаціи, которая учреждена для усовершенія судоходства и управленія всѣми его отраслями по торговлѣ и мѣстному управленію на протяженіи рѣкъ: Оки отъ Орла до Калуги, и Зуши отъ Мценска до ея впаденія въ Оку.

— Высочайше утверждены правила для дѣлопроизводства въ Герольдіи и временномъ ея присутствіи.

— Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, обративъ вниманіе на врачебную часть ввѣреннаго ему министерства, нашелъ, что Медицинскій Совѣтъ, при настоящемъ его образованіи, не соотвѣтствуетъ значенію своему, какъ высшему въ государствѣ, по врачебнымъ дѣламъ, мѣсту. Предсѣдатель Совѣта долженъ быть представителемъ всей врачебной науки и давать правительству ручательство въ томъ, что всѣ заключенія Совѣта будутъ вполнѣ отвѣчать какъ правиламъ науки, такъ и потребностямъ государства; съ другой стороны, по соединенію въ занятіяхъ совѣта двухъ началъ, административнаго и ученаго, учрежденіе это должно состоять: 1) изъ членовъ правительственныхъ или непремѣнныхъ, назначаемыхъ по главнымъ вѣдомствамъ врачебнаго управленія, и 2) изъ членовъ ученыхъ, или совѣщательныхъ, избираемыхъ Совѣтомъ по личному ихъ достоинству, опытности и свѣдѣніямъ, и разсматривающихъ всѣ дѣла Совѣта съ независимой точки зрѣнія науки. Основываясь на сихъ началахъ, министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ счастіе повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора слѣдующія предположенія: 1) Опредѣлить, что Медицинскій Совѣтъ есть высшее въ государствѣ врачебно-учебное, врачебно-полицейское и врачебно-судебное мѣсто. 2) Постановить, чтобъ каждый изъ членовъ Медицинскаго Совѣта, управляющій отдѣльною частію, ежегодно отдавалъ Совѣту отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ по ввѣренной ему части, для представленія Его Императорскому Величеству общаго отчета по всему медицинскому устройству въ государствѣ. 3) Чтобъ никакая мѣра по медицинскому устройству не была представляема на Высочайшее у-

твержденіе, безъ предварительнаго обсужденія оной въ Медицинскомъ Совѣтѣ. 5) Постановить, что предсѣдатель Медицинскаго Совѣта непремѣнно долженъ быть самъ изъ числа врачей. 6) Упразднить званіе дѣйствительныхъ членовъ Совѣта, какъ излишнихъ, оставивъ только непремѣнныхъ и почетныхъ, переименовавъ сихъ послѣднихъ въ званіе совѣщательныхъ и прибавить къ первымъ еще медицинскаго инспектора заведеній Попечительнаго и Опекунскаго Совѣтовъ и медицинскаго чиновника со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія. Если директоръ Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій не медикъ и не фармацевтъ, то мѣсто его въ Совѣтѣ долженъ занимать старшій совѣтникъ департамента, назначенный всегда изъ числа врачей. 7) Избирать по большинству голосовъ совѣта ученаго секретаря изъ числа членовъ совѣщательныхъ, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ. 8) Ученому секретарю производить жалованье на прежнемъ основаніи, а штатную сумму на жалованье упраздняемыхъ двухъ дѣйствительныхъ членовъ употребить на библіотеку и канцелярію совѣта. 9) Постановить, чтобъ дѣла разсматривались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ общемъ присутствіи непремѣнныхъ и совѣщательныхъ членовъ, которымъ во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ сужденію Совѣта, имѣть голосъ наравнѣ съ первыми. При равенствѣ голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Въ случаяхъ же, гдѣ нужно ускорить ходъ дѣлъ чисто-административныхъ, предсѣдатель назначаетъ чрезвычайное собраніе однихъ непремѣнныхъ членовъ, въ присутствіи своемъ и ученаго секретаря. 10) Приводить въ исполненіе утвержденныя министромъ заключенія Совѣта передачею выписокъ изъ журнала онаго въ мѣста вѣдомства непремѣнныхъ членовъ. 11) Исключительное право, данное Совѣту, удостоивать врачей безъ испытанія высшихъ ученыхъ степеней отмѣнить. На всеподданнѣйшемъ представленіи министра внутреннихъ дѣлъ о семъ Государь Императоръ въ 11 день декабря 1841 года собственноручно написать изволилъ: «исполнить».

— Высочайшимъ указомъ, за собственноручнымъ Государя Императора подписаніемъ, даннымъ Правительствующему Сенату, повелѣно: провести желѣзную дорогу отъ Санктпетербурга до Москвы, и по примѣру другихъ державъ, произвести оную на счетъ казны, дабы удержать постоянно въ рукахъ правительства и на пользу общую сообщеніе, столь важное для всей промышленной и дѣятельной жизни государства. Съ сею цѣлію для устройства санктпетербургско-московской желѣзной дороги Государь Императоръ Высочайше соизволилъ учредить въ непосредственной отъ Его Императорскаго Величества зависимости особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника изъ главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, министра финансовъ, министра государственныхъ имуществъ, министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантовъ графа Бенкендорфа, графа Орлова, графа Левашева, графа Клейнмихеля, генералъ-лейтенанта Дестрема, Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго, генералъ-майора Чевкина и состоящаго въ должности шталмейстера при Ея Императорскомъ Высочествѣ Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, графа Бобринскаго. Сему комитету поручены всѣ главныя распоряженія по этому дѣлу, равно

наблюденіе за правильнымъ его довершеніемъ, сходно особому положенію, которое Высочайше дано будетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ нѣкоторыхъ членовъ комитета образовать строительную коммиссію, которой поручить: ближайшій надзоръ за сооруженіемъ, всѣ распорядительныя мѣры и самое производство работъ по особому помянутому выше положенію, имѣющему быть составленымъ въ комитетѣ. Предсѣдателемъ этой Строительной Коммиссіи назначенъ генерал-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, а членами: генерал-адъютантъ графъ Клейнмихель, генерал-лейтенантъ Дестремъ, Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, генерал-майоръ Чевкинъ, графъ Бобринскій, и инженеръ-полковники: Крафтъ и Мельниковъ. Сверхъ-того, при комитетѣ повелѣно быть тремъ членамъ отъ купечества по выбору, собственно для совѣщаній съ симъ сословіемъ нужныхъ. Вмѣстѣ съ таковыми распоряженіями, Высочайше возложено на министра финансовъ приготовленіе потребныхъ на возведеніе желѣзнаго пути между столицами денежныхъ способовъ, отдѣльно отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненія и дополненія к составу и правъ ихъ).

— Повелѣно: силу и дѣйствіе 314 ст. пункта прилож. къ 276 ст. Продолженія II Т. Св. Зак., по коему гражданскіе губернаторы при объѣздахъ губерній получаютъ прогонныя деньги собственно для себя на шесть лошадей и для канцеляріи на три лошади, распространить какъ на грузино-имеретинскаго гражданскаго губернатора, такъ и на начальника Каспійской Области.

— Высочайше утверждено положеніе объ устройствѣ губернскаго города Казани. Для сего учреждается строительный комитетъ, который обязанъ заботиться: а) чтобъ зданія, наблюденію комитета принадлежащія, возводимы были прочно и правильно и служили къ украшенію города, и б) чтобъ домы, дворы, заборы, мосты, съѣзды съ горъ и къ озеру Кабану, мостовыя на улицахъ и площадяхъ, каналы, троттуары, колодцы, водопроводы, бассейнъ, парадныя мѣста, площади, городской садъ и загородныя общественныя дачи были во всегдашней исправности. Комитетъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи всѣ городскія общественныя зданія: Казанскій кремль, казармы военныхъ кантонистовъ и прочія воинскія помѣщенія, какъ нынѣ существующія, такъ и впредь могущія быть устроенными, не исключая и принадлежащихъ приказу общественнаго призрѣнія, и городской садъ съ означенными загородными дачами. Для присмотра за цѣлостію всѣхъ строеній и означенныхъ мѣстъ, опредѣляются два или три коммиссара, по выбору гражданъ, на общихъ правилахъ, безъ жалованья. Служба сихъ коммиссаровъ должна быть сравнена съ гласными думы; они состоятъ въ распоряженіи комитета по дѣламъ устройства города. Къ устройству города комитетъ имѣетъ два способа: 1) вспомогательный капиталъ и 2) рабочихъ для вспомоществованія обывателямъ въ ихъ постройкахъ. Комитетъ заимствуетъ по мѣрѣ надобности сумму изъ доходовъ

получаемыхъ съ лавокъ казанскаго гостинаго двора, требуя оную по сношеніямъ съ градскою думою. Сверхъ-того, въ вѣдѣніи комитета состоитъ: а) сумма, отпускаемая градскою думою на городскія постройки и исправленія по ежегодныкъ росписаніямъ, и б) сумма, назначаемая на содержаніе комитета и арестантской роты. Рабочіе формируются изъ арестантовъ гражданскаго вѣдомства по особому объ арестантской ротѣ положенію. Никакое частное, ни казенное, ни общественное строеніе не можетъ быть возведено вновь, или старое исправлено безъ вѣдома комитета. Всякое новое строеніе не иначе возводится, и всякая перемѣна фасада не иначе дозволяется, какъ съ Высочайшаго утвержденія плана через Департаментъ Военныхъ Поселеній.

—Высочайше повелѣно распространить на Уѣзды: Чигиринскій и Радомысльскій—Кіевской, Житомірскій, Ковельскій, Ровенскій и Овручскій—Волынской, Ушицкій, Летичевскій и Балтскій—Подольской Губерніи, во всей силѣ и подробностяхъ Высочайшее повелѣніе 5 мая 1840 года, объ усиленіи способовъ полиціи въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и городахъ Волынской и Подольской Губерній, кромѣ 7-го и 8-го пунктовъ, имѣющихъ свое особенное къ означеннымъ въ нихъ уѣздамъ приложеніе, обративъ на покрытіе исчисленныхъ по штату разсыльныхъ командъ 12,658 руб. 8⁴/₇ к. отпускаемую нынѣ сумму для найма разсыльныхъ при земскихъ судахъ и становыхъ приставахъ, а остальные за тѣмъ отнесть на общіе земскіе сборы въ помянутыхъ губерніяхъ.

— Обнародованы Высочайше утвержденные штаты Петергофской и Гатчинской Полиціи.

— Для образованія новаго устройства въ полицейскомъ управленіи сѣверной части Таврической Губерніи, повелѣно: 1) Днѣпровскій и Мелитопольскій Уѣзды помянутой губерніи раздѣлить на три, поименовавъ вновь образуемый уѣздъ Бердянскимъ и установивъ границы оныхъ, согласно съ особою картою. 2) Уѣздными городами назначить въ Мелитопольскомъ уѣздѣ казенное селеніе Ново-Александровку, наименовавъ оное Мелитополемъ; въ Бердянскомъ портовый городъ Бердянскъ; для Днѣпровскаго-же оставить впредь до усмотрѣнія уѣзднымъ городомъ городъ Алешки. 3) Съ учрежденіемъ въ портовомъ городѣ Бердянскѣ уѣзднаго управленія, подчинить оный въ полицейскомъ отношеніи вѣдомству таврическаго губернскаго начальства на общемъ основаніи. 4) Находящіяся нынѣ въ городѣ Орѣховѣ мѣста городоваго и уѣзднаго управленій и суда перенесть въ вновь-учреждаемый городъ Мелитополь, которыя и помѣстить тамъ на первый разъ въ наемныхъ домахъ; о возведеніи же необходимыхъ для сего казенныхъ зданій представить по порядку. 5) Возложить на обязанность мѣстнаго начальства составить для города Мелитополя приличный гербъ и планъ, и оные съ предположеніями объ устройствѣ хозяйственныхъ способовъ сего города внесть на Высочайшее утвержденіе установленнымъ порядкомъ. 7) Обратить въ мѣщанъ тѣхъ жителей города Мелитополя, которые изъявятъ на сіе желаніе, а прочихъ оставить въ состояніи поселянъ, съ подчиненіемъ однакожъ въ полицейскомъ отношеніи городскому управленію. 8) По примѣру городовъ Ново-Александровска и Грайворна освободить купцовъ Мелитополя отъ платежа гильдейскихъ повин-

ностей, а мѣщанъ отъ взноса мѣщанскаго оклада въ казну въ-теченіе пяти лѣтъ. 9) Въ-продолженіе того же срока не подвергать сего города воинскому постою, освободивъ отъ сего также и городъ Бердянскъ. 10) Въ пользу города Мелитополя отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства, на основаніи Высочайше утвержденнаго 2 мая 1839 года положенія Комитета Министровъ по одному проценту съ имѣющаго поступить собственно по сему городу въ казну питейнаго дохода. 11) Орѣховъ, уѣздный городъ нынѣшняго Мелитопольскаго Уѣзда, переименовать въ заштатный, и учредить въ немъ полицейское управленіе сообразно населенію и способамъ, на томъ основаніи и съ тѣмъ содержаніемъ, какое существуетъ для другихъ подобныхъ заштатныхъ городовъ. 12) Дозволить жителямъ Орѣхова переселяться по желанію ихъ въ Мелитополь, съ распространеніемъ и на нихъ льготы, даруемой сему послѣднему. 13) Поручить мѣстному начальству немедленно войдти въ разсмотрѣніе, какія надобно будетъ учредить въ городѣ Бердянскѣ мѣста полицейскаго, судебнаго и торговаго управленія, въ новомъ назначеніи сего города, представить предположенія свои по сему предмету вмѣстѣ съ проектами штатовъ на Высочайшее утвержденіе черезъ кого слѣдуетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возложить на обязанность того же начальства представить по порядку соображенія свои о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя признаны будутъ полезными въ отношеніи штатовъ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго Уѣздовъ, въ коихъ съ учрежденіемъ уѣзднаго управленія въ Бердянскѣ число дѣлъ должно уменьшиться. 14) По значительному количеству государственныхъ крестьянъ, предположенныхъ къ отчисленію отъ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго Уѣздовъ въ новый Бердянскій Уѣздъ, предоставить Министерству Государственныхъ Имуществъ учредить въ оновъ установленнымъ порядкомъ управленіе ими, мѣстнымъ потребностямъ сообразное.

III. Постановления относительно службы гражданской.

— Повелѣно: инспекторовъ классовъ и учителей батальйоновъ военныхъ кантонистовъ для чинопроизводства причислять къ XII классу, а для назначенія пенсій отнести ихъ къ IX разряду пенсіонныхъ окладовъ. Въ семъ же разрядѣ пенсій считать также экономовъ и казначеевъ батальйоновъ военныхъ кантонистовъ, которые по расписанію должностей Военнаго Министерства отнесены въ XII классу, но въ росписаніе пенсій не вошли.

— Разрѣшено: чиновниковъ, составляющихъ редакцію газеты «Валенскій Вѣстникъ», а именно: редактора, сотрудниковъ его и канцелярскихъ служителей считать въ дѣйствительной государственной службѣ, дозволя впредь до усмотрѣнія опредѣлять при неизбѣжной необходимости редактора и сотрудниковъ его изъ лицъ, неимѣющихъ класныхъ чиновъ, но съ тѣмъ, чтобъ изъятіе сіе не предоставляло имъ по производству въ чины другихъ правъ, кромѣ общихъ, т. е., производить ихъ не иначе, какъ начиная съ XIV класса, по выслугѣ узаконенныхъ сроковъ; за тѣмъ, хотя бы они не имѣли класныхъ чиновъ, пока занимаютъ означенныя мѣста, причислять по разряду должностей: редактора къ VIII, а сотрудниковъ его,

если они не изъ учителей, къ IX классу заурядъ, — канцелярскихъ же служителей сравнить по чинопроизводству съ служащими въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. 2) Редактору предоставить носить мундиръ Министерства Народнаго Просвѣщенія VIII, а сотрудникамъ, если они не изъ учителей, IX разряда. 3) Всѣмъ чинамъ редакціи предоставить право на полученіе пенсій и единовременныхъ пособій по общему пенсіонному уставу, съ причисленіемъ редактора къ VI, сотрудниковъ, если они не изъ учителей, къ VII, а канцелярскихъ служителей къ IX разряду пенсіонныхъ окладовъ.

— Относительно пріобрѣтенія гражданскою службою въ Финляндіи правъ, сопряженныхъ съ россійскими чинами, постановлено: 1) дѣтей чиновниковъ не дворянъ, занимающихъ въ гражданскихъ управленіяхъ Финляндіи, по табели 17-го іюля 1826 года, должности до 9-го класса включительно и прослужившихъ въ сихъ должностяхъ безпорочно шесть лѣтъ, принимать въ гражданскую и военную службу Имперіи наравнѣ съ дѣтьми личныхъ россійскихъ дворянъ, съ тѣмъ, чтобъ такимъ же правомъ пользовались и дѣти Финляндцевъ, получившихъ на службѣ, по Всемилостивѣйшему пожалованію, гражданскіе обер-офицерскіе чины. 2) Дѣтей тѣхъ финляндскихъ чиновниковъ, которые, занимая по табели 1826 года мѣста 8-го класса и выше, находятся въ оныхъ не менѣе 6-ти лѣтъ и притомъ вообще состоятъ въ классныхъ должностяхъ по-крайней-мѣрѣ 15-ть лѣтъ, опредѣлять въ службу Имперіи на правѣ дѣтей россійскихъ чиновниковъ, состоящихъ въ 8-ми высшихъ классахъ, причисливъ къ сему же разряду и дѣтей Финляндцевъ, Всемилостивѣйше пожалованныхъ за службу россійскими штаб-офицерскими чинами. 3) Награжденіе чиновниковъ, занимающихъ должности въ гражданскихъ управленіяхъ Финляндіи россійскими чинами за особыя отличія оставить на существующемъ нынѣ основаніи, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобъ впредь къ такой наградѣ представлять не иначе, какъ по выслугѣ опредѣленныхъ россійскими узаконеніями для каждаго чина сроковъ и не далѣе, какъ однимъ классомъ выше того, къ которому занимаемое чиновникомъ мѣсто по табели 1826 года причислено.

— Въ дополненіе къ подлежащимъ статьямъ Свода Законовъ постановлено: церковно-служительскія дѣти православнаго исповѣданія, окончившія полный курсъ ученія въ семинаріяхъ, но не получившія права на чинъ 14 класса, производятся въ оный за выслугу въ гражданской по духовному вѣдомству службѣ 8-ми лѣтъ, безъ всякаго впрочемъ особаго старшинства въ пользу тѣхъ изъ сихъ лицъ, которыя доселѣ въ упомянутомъ вѣдомствѣ прослужили бы уже болѣе опредѣляемаго нынѣ срока, и безъ распространенія силы настоящаго постановленія на церковно-служительскихъ дѣтей, состоящихъ въ гражданской службѣ не по духовному управленію, а по какой-либо другой части.

IV. Постановленія относительно состояній.

— Для преподанія способовъ къ вящшему распространенію торговли и промышлености въ западномъ краѣ Россіи, объемлющемъ Губерніи Мо-

гилевскую, Витебскую, Минскую, Виленскую, Гродненскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, и Область Бѣлостокскую и для возвышенія чрезъ то благосостоянія тамошнихъ городовъ, Высочайше повелѣно: 1) купцовъ, мѣщанъ и вообще людей свободнаго состоянія и христіанскаго исповѣданія, принадлежащихъ къ другимъ, выше не поименованнымъ губерніямъ, и имѣющихъ право на переходъ въ городское сословіе, если кто изъ нихъ пожелаетъ приписаться, съ постояннымъ притомъ въ мѣстахъ приписки водвореніемъ,—въ городахъ, или въ имѣющихъ думы или ратуши мѣстечкахъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, западнаго края, въ послѣднихъ съ согласія ихъ владѣльцевъ,—допускать къ сему съ одними свидѣтельствами мѣстныхъ начальствъ, что, по существующимъ правиламъ, не представляется никакихъ къ ихъ переходу препятствій; что они не подвергались наказаніямъ по суду за преступленія, и что тѣ изъ нихъ, которые обязаны рекрутскою повинностію, не состоятъ ни на первой, ни на второй очереди, не требуя затѣмъ на причисленіе ихъ согласія отъ новыхъ обществъ. 2) Водворяющимся на семъ основаніи предоставить слѣдующія облегченія: а) въ теченіи 25-ти лѣтъ, считая срокъ сей съ 1-го января 1842 года, по 1-е января 1867 года, каждый изъ нихъ увольняется на пятнадцать лѣтъ отъ всѣхъ слѣдующихъ въ казну податей и повинностей, равно и отъ повинности рекрутской, если кто по званію своему оной подлежитъ; б) купцы, при упомянутой льготѣ, сохраняютъ торговыя права той же гильдіи, въ которой каждый до перехода своего состоялъ; а лица, несостоящія въ гильдіяхъ, причисляются къ новому водворенію въ мѣщане. Но тѣмъ изъ сихъ послѣднихъ, которые своимъ иждивеніемъ и для собственнаго употребленія устроятъ или покупкою пріобрѣтутъ въ мѣстахъ того водворенія домы или торговыя и мануфактурныя заведенія, какъ-то: лавки, заводы, фабрики и т. п., въ-продолженіе означеннаго 15-ти-лѣтняго льготнаго срока даруется, безъ платы гильдейскихъ повинностей, право торговли: если таковыя зданія и заведенія будутъ стоять не менѣе семи тысячь рублей серебромъ, то по первой гильдіи, если свыше трехъ тысячь, то по второй, и если свыше тысячи рублей, то по третьей гильдіи. Дѣйствительные купцы третьей гильдіи, при тѣхъ же условіяхъ, пользуются торговыми правами—второй, а купцы второй гильдіи—правами первой; в) въ случаѣ смерти начальника семейства, даруемая льгота, до истеченія каждому срока оной, распространяется и на вдову, дѣтей и прочихъ родственниковъ, къ семейству принадлежащихъ, пока они останутся въ предѣлахъ тѣхъ губерній, для коихъ льгота сія нынѣ постановляется.

— Постановлено правиломъ, чтобъ государственные поселяне, получившіе образованіе на общественный счетъ для поступленія въ штатныя должности волостныхъ и сельскихъ писарей, или ихъ помощниковъ, со времени назначенія ихъ въ сіи должности обязаны были прослужить въ оныхъ не менѣе 10 лѣтъ, а въ случаѣ желанія ихъ перейдти въ другое сословіе, или обратиться къ промысламъ и ремесламъ другаго рода ранѣе означеннаго срока, увольняемы были на общемъ основаніи не иначе, какъ по удовлетвореніи обществъ всѣми употребленными на ихъ образованіе издержками.

— Относительно правъ состоянія жительствующихъ въ Ригѣ Евреевъ, по-

становлено: 1) тѣмъ изъ Евреевъ, кои дѣйствительно имѣли донынѣ постоянное въ Ригѣ пребываніе, дозволить приписываться къ сему городу и остаться въ ономъ на жительствѣ, не пользуясь однако ни правомъ гражданства, ни правомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности; 2) переходъ вновь на жительство въ Ригу Евреевъ не только изъ другихъ губерній, но изъ посада Шлока, отнынѣ впредь рѣшительно воспретить; 3) оставляемыхъ, по силѣ настоящаго положенія, въ Ригѣ Евреевъ обязать носить нѣмецкое платье, и 4) опредѣленіе правъ Евреевъ по производству въ Ригѣ торговли отнести къ окончательному разрѣшенію общаго о рижской коммерціи вопроса.

—По устройству быта однодворцевъ въ западныхъ губерніяхъ, постановлено: 1) составить однодворцамъ и гражданамъ западныхъ губерній новую точнѣйшую перепись; за тѣмъ исключить изъ обществъ всѣ тѣ лица, которыя причислены къ онымъ неправильно, сложить недоимки, состоящія за нихъ на обществахъ и освободить сіи послѣднія отъ уплаты недоимокъ двойнаго и полуторнаго подымнаго сбора за пропускъ по ревизіи душъ; 2) выдачу гражданамъ и однодворцамъ видовъ на отлучку изъ мѣстъ жительства, какъ до 30 верстъ, такъ и на дальнѣйшее разстояніе, подвергнуть тѣмъ же правиламъ, какія установлены по сему предмету для мѣщанъ и государственныхъ крестьянъ, поступая съ отлучающимися самовольно безъ надлежащаго вида, какъ съ бродягами, и сверхъ того съ ихъ семействъ за неувѣдомленіе начальства въ теченіи трехъ дней объ отлучкѣ взыскивать штрафъ по 1 руб. сереб., а тѣхъ, кто будетъ у себя держать гражданъ и однодворцевъ безъ установленныхъ видовъ, подвергать оштрафованію по закону; 3) однодворцевъ, водворенныхъ на земляхъ казенныхъ, или которые впослѣдствіи будутъ на оныя переселены, подчинить вѣдомству Министерства Государственныхъ, Имуществъ и на сей конецъ ввести ихъ въ составъ обществъ государственныхъ крестьянъ тѣхъ имѣній, гдѣ они поселены, подвергнувъ ихъ одному во всемъ управленію и одинакимъ казеннымъ повинностямъ, кромѣ полушной подати, но оставя при нихъ названіе однодворцевъ и особыя права, которыя отличаютъ ихъ отъ государственныхъ крестьянъ; 4) распространить на нихъ правила учрежденія о управленіи государственными имуществами въ западныхъ губерніяхъ и Бѣлостокской Области на сельскомъ управленіи тамошнихъ государственныхъ крестьянъ, также сельскіе уставы: полицейскій и судебный, съ тѣми измѣненіями и дополненіями, которыя окажутся нужными допустить по усмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ, въ-слѣдствіе ближайшаго соображенія дѣла; 5) оставить однодворцевъ попрежнему при платежѣ подымной подати, впредь до установленія податной системы для государственныхъ крестьянъ, но съ тѣмъ, чтобъ какъ подымную подать, такъ земскій и общественные сборы—однодворцы, живущіе на казенныхъ земляхъ, платили не отдѣльно отъ государственныхъ крестьянъ, а совокупно съ ними, отвѣчая другъ за друга одинаково, какъ лица, принадлежащія къ одному обществу; 6) на семъ же основаніи наравнѣ съ государственными крестьянами вносить однодворцамъ хлѣбный сборъ, если отправляютъ хлѣбопашество, и платить денежный сборъ въ продовольственный капиталъ; 7) въ отправленіи рекрутской повинности

подчинить однодворцевъ, на казенныхъ земляхъ живущихъ, правиламъ рекрутскаго устава, постановленнымъ для государственныхъ крестьянъ, распространивъ на сихъ однодворцевъ способъ опредѣленія очередей семействъ числомъ работниковъ, а не ревижскихъ душъ и считая очередь у нихъ не отдѣльно, а наравнѣ съ крестьянами того общества, къ которому они принадлежатъ. Отдачу однодворцевъ въ рекруты за предосудительные поступки производить на основаніи существующихъ узаконеній по приговорамъ самихъ обществъ. Однодворцевъ, какъ принимаемыхъ въ военную службу, такъ и отсылаемыхъ по неспособности къ оной, установленному обряду бритью головъ не подвергать; 8) за пользованіе однодворцевъ казенными землями и прочими мѣстными выгодами имѣній, въ которыхъ они водворены, взимать съ нихъ вмѣсто отбыванія хозяйственныхъ работъ натурою поземельный оброкъ, исчисленный люстраціею; 9) однодворцамъ вообще и въ особенности не осѣдлымъ, проживающимъ на помѣщичьихъ земляхъ западныхъ губерній и Бѣлостокской Области при селеніяхъ, имѣющихъ въ оныхъ избытокъ, на казенныхъ оброчныхъ статьяхъ и на участкахъ, кои за предположеннымъ уменьшеніемъ фольварковъ могутъ остаться праздными, 10) однодворцевъ, поселенныхъ на земляхъ собственныхъ, общественныхъ и помѣщичьихъ въ-отношеніи отправленія рекрутской повинности оставить при нынѣ-существующихъ правилахъ, равно какъ и при платежѣ подымной подати, и 11) однодворцы, живущіе въ округахъ военнаго поселенія, впредь до воспослѣдованія общаго положенія должны оставаться при дѣйствующихъ нынѣ постановленіяхъ.

— Въ разрѣшеніе представленій мѣстныхъ начальствъ о Евреяхъ, принимающихъ христіанскую вѣру, постановлено: 1) при принятіи Евреями христіанской вѣры, совершать св. крещеніе и надъ малолѣтными ихъ дѣтьми до 7-ми-лѣтняго возраста; а если принимаетъ христіанскую вѣру только одинъ отецъ, или одна мать, то крестить въ первомъ случаѣ сыновей, а въ послѣднемъ дочерей; 2) Евреевъ, принявшихъ христіанскую вѣру и вступившихъ въ духовное званіе, исключить изъ оклада, въ которомъ они состояли; 3) Евреямъ, обратившимся въ христіанство, выдавать въ пособіе на первоначальное обзаведеніе, каждому, безъ различія пола, отъ 15 до 30 руб. сереб., дѣтямъ въ половину; 4) крестившимся Евреямъ дозволить приписываться въ купечество, по объявленіи только капитала и взноса гильдейскихъ денегъ, и къ обществамъ: земледѣльческому, мѣщанскому и ремесленному, безъ предварительнаго согласія тѣхъ, съ тѣмъ, а) чтобъ поселеніе на казенныхъ земляхъ, безъ согласія сельскихъ обществъ, допускаемо было только тамъ, гдѣ за надѣленіемъ крестьянъ узаконенною пропорціею земли остается излишекъ оной, или на земляхъ, предназначенныхъ подъ новыя поселенія, и б) если въ-теченіи установленныхъ льготныхъ лѣтъ Евреи не исходатайствуютъ согласія общества на причисленіе, тогда облагать ихъ податьми, на основаніи 272 ст. Прод. Свод. Зак. Т. IX, съ личною каждаго отвѣтственностію; 5) водвореніе и первоначальное обзаведеніе новокрещенныхъ Евреевъ, поселяющихся на казенныхъ земляхъ, производить на основаніи правилъ, постановленныхъ для Евреевъ, перечисляющихся въ Херсонскую Губернію, и 6) предоставить новокрещеннымъ Евреямъ, при поселеніи ихъ на казенныхъ и владѣльческихъ земляхъ, пользоваться льго-

тами, какія на основаніи дѣйствующихъ законовъ предоставлены вообще Евреямъ, переходящимъ въ земледѣльческое состояніе.

V. Законы Уголовные.

— Высочайше утверждено положеніе о псковской арестантской ротѣ гражданскаго вѣдомства, Въ составъ сей роты поступаютъ изъ Псковской Губерніи способные по силамъ и лѣтамъ къ работѣ: а) бѣглые и бродяги; б) осуждаемые къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе за маловажныя преступленія, ненаказанные рукою палача и имѣющіе отъ 35 до 40 лѣтъ; а также преступники, осужденные къ отдачѣ въ военную службу, но оказавшіеся къ оной неспособными и признанные годными къ работамъ; в) осуждаемые въ крѣпостную работу на срокъ, также за неважныя преступленія, или къ заключенію въ рабочіе домы, и г) люди дурнаго поведенія, отдаваемые по приговорамъ обществъ и по волѣ помѣщиковъ для исправленія.

— Относительно правъ полицейскихъ мѣстъ въ окончаніи дѣлъ о проступкахъ, постановлено: 1) Дѣла о кражѣ, мошенничествѣ и всякомъ обманѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существующимъ узаконеніямъ, подлежатъ полицейскому разбирательству, рѣшатся окончательно, съ опредѣленіемъ исправительнаго лишь наказанія, городскими полиціями и земскими судами до 15, а становыми приставами до 5 руб. сер. включительно; виновные же въ кражѣ или обманѣ свыше 15 руб. сереб., отсылаются въ надлежащія судебныя мѣста для поступленія по законамъ. 2) Право волостныхъ расправъ рѣшать окончательно до 15 и сельскихъ до 5 руб. сереб. дѣла, вѣдомству ихъ подлежащія, распространяется на томъ же основаніи и въ той же степени и на дѣла о воровствѣ-кражѣ и воровствѣ-мошенничествѣ. За тѣмъ всѣ дѣла по тяжбамъ и проступкамъ государственныхъ крестьянъ свыше 15 рублей серебромъ препровождаются къ судебному разсмотрѣнію. 3) Вопросъ касательно того, въ какихъ случаяхъ воровство должно быть почитаемо проступкомъ и въ какихъ переходитъ оно въ разрядъ преступленій, отнести къ общему пересмотру уголовныхъ законовъ.

— По вопросу о распредѣленіи малолѣтныхъ бродягъ, оказывающихся къ военной службѣ неспособными, постановлено: Въ дополненіе къ 391 статьѣ Уст. о Бѣгл. (т. XIV), постановить слѣдующее правило: малолѣтные бродяги, не могущіе, по какой-либо постоянной болѣзни, или по важнымъ тѣлеснымъ недостаткамъ поступить въ батальйоны военныхъ кантонистовъ должны быть обращены въ приказы общественнаго призрѣнія, съ тѣмъ однако, чтобъ тѣ изъ нихъ, кои отъ болѣзни въ-послѣдствіи освободятся, были, по точномъ удостовѣреніи мѣстной врачебной управы въ годности ихъ къ военной службѣ, немедленно передаваемы по принадлежности военному вѣдомству. При неизлечимости же болѣзни, если оная, по свойству своему, не требуетъ непремѣннаго пребыванія и пользованія въ больницѣ, означенные бродяги, по вступленіи ихъ въ совершеннолѣтіе, распредѣляются порядкомъ, въ ст. 413 Уст. о Бѣгл. узаконеннымъ, т. е. приписываются къ податнымъ обществамъ. Когда же они приписаться на семъ основаніи не пожелаютъ, или, по дурному поведенію, правомъ такой переписки воспользоваться не могутъ, или же когда общества не пріемлютъ

согласія на ихъ принятіе, то поступать съ ними по силѣ 2 пункта примѣчанія къ приведенной 413 статьѣ и именно: обращать ихъ въ военно-рабочія и арестантскія роты, если токмо сіе, по состоянію ихъ здоровья и по тѣлеснымъ недостаткамъ, окажется, въ-слѣдствіе медицинскаго свидѣтельства, возможнымъ; въ противномъ же случаѣ оставлять ихъ въ заведеніяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія для употребленія, подъ строгимъ надзоромъ, въ соотвѣтственныя силамъ ихъ работы.

VI. Законы Гражданскіе.

— Въ поясненіе 634 ст. Св. Зак. Гражд. т. X, повелѣно присовокупить къ оной слѣдующее примѣчаніе: установленный въ сей статьѣ допросъ свидѣтелей, подписывающихся на духовныхъ завѣщаніяхъ, производится безъ присяги, въ присутствіи гражданскихъ палатъ, при представленіи въ оныя завѣщаній къ засвидѣтельствованію; но если явка въ палату свидѣтелей будетъ по какимъ-либо законнымъ уваженіямъ затруднительна, то допросы отъ свидѣтелей отбираются, по мѣсту ихъ пребыванія, въ уѣздныхъ судахъ. Буде же свидѣтель ни въ палату, ни въ судъ, по законной причинѣ, явиться не можетъ, то онъ допрашивается уже на дому, при членѣ гражданской палаты или уѣзднаго суда.

— Государственный Совѣтъ разсматривалъ представленіе министра финансовъ о дозволеніи владѣльцамъ поссессіонныхъ горныхъ заводовъ посылать въ Сибирь заводскихъ людей для производства золотаго промысла. Принявъ въ уваженіе съ одной стороны затрудненія, встрѣчаемыя по отзыву министра заводчиками въ пріискаціи благонадежныхъ людей изъ туземцевъ для тѣхъ высшихъ по производству золотаго промысла занятій, кои требуютъ особаго искусства и опытности въ семъ дѣлѣ, а съ другой тѣ неудобства, съ которыми была бы сопряжена принужденная посылка въ Сибирь людей, не составляющихъ безусловной собственности владѣльцевъ, Государственный Совѣтъ, въ видахъ обоюднаго въ семъ отношеніи соглашенія интересовъ, положилъ: не касаясь никакими ограниченіями пространства власти лицъ, владѣющихъ горными заводами, или состоящими при нихъ людьми на помѣщичьемъ правѣ, относительно тѣхъ людей, которые приписаны къ симъ заводамъ на правѣ поссессіонномъ, постановить, что посылка ихъ на золотые промыслы въ Сибирь Западную и Восточную, владѣльцамъ хотя также разрѣшается, но не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ собственнаго со стороны сихъ людей согласія, надлежащимъ образомъ заявленнаго.

— Постановлено: при назначеніи количества денегъ, какое должны представлять помѣщики въ доплату для полученія зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій за несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ, уступаемыхъ ими изъ имѣній своихъ въ военное вѣдомство, руководствоваться не 63 пунк. прилож. 120 къ ст. 3659, част. I., кн. IV, разд. V, гл. III Св. Воен. Пост., но примѣчаніемъ къ I пунк. ст. 336, т. IV Св. Гр. Зак., какъ основаннымъ на позднѣйшемъ узаконеніи Рекрутскаго Устава.

— Въ дополненіе и поясненіе ст. 200 Уст. Торгов. (т. XI) постановлено: упомянутыя въ сей статьѣ жалобы на притѣсненія и вообще на неправиль-

ныя дѣйствія торговыхъ депутацій должны быть приносимы казеннымъ палатамъ не далѣе, какъ въ 4-хъ-недѣльный срокъ, считая оный со дня объявленія участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ постановленій означенныхъ депутацій; по миновaніи же сего срока никакія жалобы не пріемлются.

— Дозволено принимать въ залогъ, при отдачѣ казенныхъ оброчныхъ статей въ содержаніе, незаселенныя удобныя земли въ Саратовской Губерніи на луговой сторонѣ Волги въ той цѣнѣ, какъ сіе дозволено по питейнымъ откупамъ на будущее четырехлѣтіе.

— Высочайше утверждено положеніе о заставныхъ договорахъ въ остзейскихъ губерніяхъ, составленное для установленія твердаго и опредѣлительнаго при составленіи заставныхъ контрактовъ порядка, равно сообразнаго и съ особенными правами и пользами сихъ губерній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для предупрежденія неправильнаго по такимъ контрактамъ владѣнія и другихъ злоупотребленій и подлоговъ въ ущербъ пошлинъ, слѣдующихъ при переходѣ имѣній.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1842 ГОДА.

—

Народное Просвѣщеніе. — Для возвышенія учебнаго курса въ высшемъ разрядѣ Горыгорѣцкой Земледѣльческой Школы, повелѣно: 1) Въ высшій разрядъ Горыгорѣцкой Земледѣльческой Школы принимать только дворянъ потомственныхъ и личныхъ, почетныхъ гражданъ, священно-служителей и купцовъ 1 и 2 гильдіи, получившихъ уже достаточное общее образованіе, а именно: а) окончившихъ полный курсъ наукъ въ гимназіяхъ; б) принятыхъ по экзамену въ одинъ изъ русскихъ университетовъ и с) по экзамену, въ самомъ заведеніи производенному, имѣющихъ достаточное понятіе въ наукахъ, гимназическій курсъ составляющихъ, кромѣ языковъ латинскаго, греческаго и французскаго. 2) Учебный курсъ высшаго разряда Горыгорѣцкой Земледѣльческой Школы распространить въ предметахъ сельскаго хозяйства и притомъ дополнить оный преподаваніемъ русской словесности, нѣмецкаго языка, основаній механики, минералогіи, началъ геодезіи, положительнаго русскаго законодательства и счетоводства. 3) Для преподаванія сихъ предметовъ опредѣлить потребное число преподавателей; жалованье имъ, согласно Высочайше-утвержденному 24 апрѣля 1836 года положенію, отнести на счетъ хозяйственныхъ средствъ заведенія и предоставить имъ, кромѣ учителя нѣмецкаго языка, относительно чиновъ, пенсіи и мундира, тѣ же права, коими пользуются состоящіе нынѣ при школѣ адъюнкт-профессоры сельскаго хозяйства. 4) Воспитанниковъ высшаго разряда, которые, при хорошемъ поведеніи, окажутъ удовлетворительные успѣхи въ ученіи, выпускать, по окончаніи курса съ чиномъ 14 класса и предоставить всѣмъ пользоваться на службѣ правами воспитанниковъ учебныхъ заведеній 2 разряда.

— По устройству закавказскаго края повелѣно: 1) Для главнаго управленія всею учебною въ закавказскомъ краѣ частію опредѣлить главнаго инспектора закавказскихъ училищъ, съ содержаніемъ и особыми при немъ чиновниками. Инспекторъ долженъ состоять въ тѣхъ же къ главноуправляющему закавказскимъ краемъ отношеніяхъ, въ какихъ состоялъ къ нему, на основаніи положенія 12 мая и 10 апрѣля 1840 года, директоръ Тифлисской Гимназіи. 2) Поелику въ управленіи инспектора должна состоять вся учебная часть, собственно Министерству Народнаго Просвѣщенія подвѣдомственная, то опредѣленіе и увольненіе его, равно какъ и лицъ, при немъ состоящихъ, предоставить сему министерству на общихъ основаніяхъ, и 3) предоставить министру народнаго просвѣщенія снабдить инспектора особою, по взаимному съ главноуправляющимъ закавказскимъ краемъ согласію, инструкціею.

— Комитетъ Министровъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія, положилъ: 1) На всѣ лица обоего пола, какъ иностранцевъ, такъ и русскихъ подданныхъ, которыя откроютъ у себя школы, или заведенія въ родѣ пансіоновъ, безъ испрошенія на то разрѣшенія установленнымъ порядкомъ, распространить денежный штрафъ (75 руб. сер.), установленный § 66 Высочайше утвержденнаго 1 іюля 1834 года Положенія о Домашнихъ Наставникахъ и Учителяхъ, съ обращеніемъ сего штрафа въ пользу капитала призрѣнія, учрежденнаго тѣмъ положеніемъ. 2) Тѣхъ изъ иностранцевъ обоего пола, которые, подвергшись уже разъ вышесказанному оштрафованію, вновь начнутъ обучать у себя дѣтей безъ надлежащаго дозволенія, отправлять, согласно § 67 выше помянутаго положенія, установленнымъ порядкомъ за границу. 3) Поставить въ непремѣнную обязанность какъ училищному, такъ и гражданскому начальству, чтобъ они имѣли бдительнѣйшее наблюденіе, дабы частныя учебныя заведенія не были учреждаемы безъ надлежащаго разрѣшенія. На сіе положеніе Комитета послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества повелѣніе: «строжайше наблюдать за симъ и донести Мнѣ немедля, гдѣ подобныя заведенія находятся.»

Промышленость. — Выданы привилегіи: 1) Механику Францу Тибо, на изобрѣтенную имъ машину для приготовленія паркетовъ, которою, по словамъ его; работа производится гораздо-совершеннѣе и паркеты получаются болѣе-прочные, нежели нынѣ. Прочность эта тѣмъ будетъ большая, что бревна ставятся въ машины стоймя, а не кладутся вдоль, при чемъ обнаруживается вся струистость дерева, и приготовленные такимъ образомъ полы будутъ не только прочны, но и весьма красивы; выдѣлка паркетныхъ половъ составитъ отрасль мануфактурной промышлености, и полы сіи будутъ доступны для всѣхъ домохозяевъ, представляя неоспоримыя выгоды въ отношеніи изящности, экономіи, чистоты. Пользуясь посредствомъ сей машины, прочностью и красотою дерева, употребляемаго въ поперечномъ, а не продольномъ разрѣзѣ, можно съ выгодою употреблять и простое дерево, сообщая ему цѣнность, которой оно до сего времени не имѣло, и тѣмъ способствовать сбереженію дуба, столь драгоцѣннаго для кораблестроенія. 2) Сардинскому подданному механику Герзи—на изобрѣтенный имъ механическій двойной ткацкій станокъ, который, по объясненію изобрѣтателя, можетъ при управленіи одного человѣка очень-легко производить вдругъ по два куска ткани и оба челнока ходятъ въ немъ такъ незатруднительно, что изобрѣтатель полагаетъ устроивать оный и для тканія трехъ и четырехъ кусковъ за разъ. На немъ ткутся безъ затрудненія шолковыя, шерстяныя, льняныя и бумажныя ткани; для дѣйствія своего онъ не требуетъ никакого особаго движителя, кромѣ того человѣка, который имъ управляетъ. Впрочемъ, онъ легко можетъ быть приспособленъ къ дѣйствію посредствомъ другаго какого-либо движителя, на-пр., паровою машиною и проч.; для этого нужно только замѣнить рукоятку шкивомъ. 3) Графу Александру Чапкому—на изобрѣтенный имъ фильтръ для свеклосахарнаго производства. Посредствомъ сего фильтра, какъ объясняетъ изобрѣтатель, открывается возможность приготовлять сыропъ въ 36° изъ бѣлаго песка и устраняя необходимость промывать рафинадъ посредствомъ глины, ибо онъ получается

высшаго качества и совершенно-чистый; производство же ускоряется 15-ю днями.

— Высочайше-разрѣшено дозволить полковнику Якобію, титулярному совѣтнику Дорогову и поручику Герасимову учредить въ Казанской Губерніи общество на паяхъ, для выдѣлки стеариновыхъ свѣчей и жировоска; причемъ утвержденъ представленный ими уставъ сему обществу. Цѣль предпріятія его состоитъ преимущественно въ устройствѣ заведеній для улучшенія одной изъ первыхъ и главнѣйшихъ отраслей народной промышлености Россіи — салотопленія, и въ возвышеніи качества и доброты, а чрезъ то и цѣнности издѣлій изъ онаго. Существованіе общества опредѣлено со дня утвержденія его на десять лѣтъ съ правомъ сократить или продолжить этотъ срокъ. Капиталъ общества будетъ первоначально состоять изъ 60,000 руб. сер. и долженъ быть представленъ паями въ 1500 руб. сер. каждый. Капиталъ этотъ можетъ быть увеличенъ. Общество займется немедленно устройствомъ въ Казани, или снятіемъ на аренду готоваго завода для салотопленія по улучшеннымъ способамъ и производства стеариновыхъ свѣчей съ употребленіемъ потребной на то суммы изъ общаго складочнаго капитала, предоставляя себѣ, впрочемъ, на будущее время право перевести этотъ заводъ, если обстоятельства того потребуютъ, въ другое мѣсто, или устроить сверхъ онаго новый, смотря по видамъ пользъ предпріятія. Общество сіе обязано, по силѣ II пункта приложенія къ 1387 ст. X т. Св. Зак. Граж. брать, по содержанію своего завода въ городѣ и на продажу его издѣлій, установленное торговое свидѣтельство.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕНОСТЬ ВООБЩЕ.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Часть I.

(*Окончаніе.*)

—

§ 7.

Иностранцы ведутъ науку сельскаго хозяйства впередъ: у насъ, ошибочныя ея основанія ведутъ неопытнаго хозяина только къ убыткамъ. Разнообразіе мѣстности и вліяніе возвышенностей. Ошибочное заключеніе иностранцевъ, будто нѣкоторые предѣлы возвышенностей равны полосамъ болѣе сѣвернымъ.

Иностранные мыслители, хоть весьма сложнымъ образомъ, по-возможности идутъ впередъ и, можетъ-быть, достигнутъ того, что опростятъ науку сельскаго хозяйства во многихъ отношеніяхъ, или по просту сказать, приведутъ ее *въ ремесло*, имѣя на то гораздо-болѣе нашего невещественныхъ средствъ и несравненно-менѣе разнообразія въ составѣ ихъ хозяйствъ. Но у насъ обработано ли ученіе о сельскомъ хозяйствѣ, приспособлено ли оно къ нашимъ климатамъ, мѣстностямъ, разсчетамъ и законоположенію?

Всякій безпристрастный и просвѣщенный хозяинъ скажетъ, что у насъ, въ нашихъ русскихъ изданіяхъ, видны только сколки, и то поверхностные, съ извѣстныхъ всѣмъ образованнымъ хозяевамъ иностранныхъ твореній, въ которыхъ корень ученія основанъ на чуждомъ намъ законоположеніи, на совершенно-различномъ отъ нашего климатѣ и убыточныхъ для насъ разсчетахъ,— да въ нѣкоторыхъ журналахъ, возгласы ничего недоказывающіе, или лучше сказать, весьма ясно выказывающіе неопытность по всѣмъ частямъ сельскаго хозяйства, фанатизмъ науки, или журнальную спекуляцію и шарлатанство, вмѣсто основательности. Дивные образчики тому и другому были и будутъ указаны въ этихъ «Запискахъ».

Какое же въ настоящее время слѣдствіе можетъ породить такое книжное ученіе о сельскомъ хозяйствѣ? Съ одной стороны, непремѣнно, сбивчивость въ понятіяхъ; съ другой, переведя это ученіе, эту теорію на практику, при «новомъ», «раціональномъ» устройствѣ своего хозяйства, неопытный хозяинъ непремѣнно ошибется въ разсчетахъ тѣмъ, что *производить будетъ дорогими пріемами дешевое, или неумѣстное произведеніе* (это случалось и, къ-несчастію, случается); и тогда, вмѣсто того, чтобъ достичь цѣли всякаго хозяйства: наибольшей выгоды, потеряетъ, во-первыхъ, главный, ничѣмъ невознаграждаемый капиталъ — *время,* да сверхъ того еще понесетъ денежные убытки.

Все тутъ сказанное относится болѣе до общаго ученія. Но Россія не Фландрія, гдѣ земледѣліе втиснуто въ тѣсную раму однообразія. У насъ необходимо означать ту мѣстность, для которой не только руководство на какой-нибудь предметъ сельскаго хозяйства написано, но даже и соображенія хозяйственныя пишутся, объясняя ясно: къ какому разряду земель принадлежитъ ея почва и стараясь избѣгать при этомъ опредѣленіи сбивчивыхъ названій и ошибочной классификаціи почвъ, какъ непростительныхъ ошибокъ, влекущихъ за собою сбивчивость въ понятіяхъ, или лжеученіе. Также необходимы опытныя замѣчанія насчетъ мѣстныхъ разсчетовъ, климата и темперетуры, потому-что на этихъ соображеніяхъ не только у насъ, но и вездѣ опредѣляются посѣвы и пріемы въ-отношеніи къ землеудобренію и землевоздѣлыванію; содержится скотъ, основанъ бытъ жителей, введены способы приготовленія прозведеній для продажи, воздвигаются сельскія хозяйственныя строенія, и разсчитываются лѣтнія и зимнія работы, для которыхъ, вообще, помѣщикъ русскій среднихъ и сѣверныхъ губерній имѣетъ не болѣе 130 дней въ году, а собственно для полевыхъ только 65 дней, вмѣсто 300 или 310, на которые разсчитываютъ фермеры и хозяева германскіе, фламандскіе, французскіе и даже англійскіе.

Въ октябрской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» за 1839 годъ, подъ рубрикою «Промышленность и Сельское Хозяйство» напечатана статья: «Что значитъ мѣстность», и пр. Въ этой статьѣ повторяется сказанное иностранцами по тому же предмету. Но иностранцы, особенно Синклеръ, обсуживая основательно нѣкоторыя свои мѣстности, не указываютъ на разительныя степени такого разнообразія, которое у насъ встрѣчается; и потому я счелъ нужнымъ войдти по сему предмету въ точнѣйшія изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ иностранныхъ писателей не имѣлъ и не имѣетъ малѣйшаго понятія о ходѣ нашего хозяйства какъ въ-отношеніи къ климату, такъ и въ-отношеніи къ разсчетамъ. Не мудрено: иностранцы пишутъ для Европы — а у насъ, особенно тамъ, гдѣ сельское хозяйство, а не оброкъ крестьянъ, даетъ болѣе выгодъ помѣщикамъ — Азія во всемъ значеніи слова; впрочемъ, она не только не мѣшаетъ опытному хозяину посредствомъ своихъ заведеній получать обильное возмездіе за трудъ и положенные капиталы, но, можетъ-быть, еще и способствуетъ къ тому, какъ всегда случается тамъ, гдѣ частная, сметливая,

дѣятельная и просвѣщенная предпріимчивость не находитъ еще себѣ вездѣ и во всемъ столкновенія и совмѣстничества.

Говоря о мѣстностяхъ, надобно замѣтить, что у насъ онѣ могутъ быть не только 15-ю градусами широты и 36-ю долготы (для Европейской Россіи, не считая Финляндскихъ губерній) одна другой южнѣе, или сѣвернѣе, одна другой восточнѣе или западнѣе; но, сверхъ-того, одна другой несравненно-открытѣе и возвышеннѣе.

Скажу болѣе: теоріи нашей, кажется, вовсе неизвѣстно даже существованіе возвышенной плоскости, которая, прошедъ чрезъ Губерніи Симбирскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Смоленскую, соединяется съ Торопецкою; неизвѣстно, что она, по возвышенію своему, имѣла вліяніе на образованіе склоновъ ея поверхности; на составныя части различныхъ ея почвъ, на температуру тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя она проходитъ, и вообще на климатъ ея мѣстности; въ-слѣдствіе этого, она также должна имѣть вліяніе на растительность, на бытъ жителей, на полевыя работы, постройки и посѣвы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, теорія такъ малосвѣдуща, что еще въ предметѣ не имѣла рѣшить вопросъ: почему на южныхъ черноземныхъ почвахъ яровая пшеница родится хорошо, а въ средней полосѣ, на черноземныхъ же земляхъ, вообще, очень-дурно. Чему приписать эту различную производительную силу почвы: единственно ли составнымъ ея частямъ, или теплѣйшему климату, или въ совокупности тому и другому; и какія условія, въ томъ, или другомъ случаяхъ, способствуютъ, или вредятъ растительности?

«Исчислено, — говоритъ Синклеръ, — что 60 ярдовъ (около 170 Французскихъ футовъ; а Французскіе агрономы полагаютъ отъ 60 до 80 метровъ,—отъ 200 до 265 футовъ) возвышенія почвы отъ поверхности моря, равносильны, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и условіяхъ, одному градусу широты болѣе-сѣверной, или другими словами: «увеличеніе вертикальной высоты на упомянутое число футовъ соотвѣтствуетъ, относительно климата, приближенію на одинъ градусъ къ сѣверу«.»

Привожу это мнѣніе, однакожь, для того только, чтобъ подтвердить, сколько вездѣ и всѣ мыслящіе люди обращали вниманія на вліяніе, которое производится въ хозяйственномъ быту большею или меньшею мѣстною возвышенностью. Вѣрить этому вычисленію и опредѣленію какъ закону общему нельзя, потому, съ одной стороны, что «температура зависитъ» какъ говоритъ Синклеръ «не только отъ географической широты, но и отъ положенія почвы горизонтальнаго, или наклоннаго къ сѣверу и югу, равно отъ величины угла, составляемаго поверхностью почвы съ горизонтомъ, въ одномъ изъ этихъ наклонныхъ ея направленій, и многихъ другихъ причинъ и обстоятельствъ, еще не точно-изслѣдованныхъ. Съ другой, въ широтахъ болѣе-сѣверныхъ, во время роста и вызрѣванія растеній и плодовъ, солнце свѣтитъ долѣе, или другими словами, день бываетъ продолжительнѣе, нежели въ широтахъ южныхъ; отъ-того нужная для развитія и оплодотворенія сумма тепла

и свѣта, раздѣленная на количество времени, въ обѣихъ мѣстностяхъ уравнивается; все растетъ и вызрѣваетъ гораздо-скорѣе, нежели въ южныхъ; отъ-того въ широтахъ сѣверныхъ могутъ вызрѣвать многія растенія, которыя бы не вызрѣвали въ южныхъ, на высотѣ, по предъидущему вычисленію равносильной сѣвернымъ широтамъ. Докажемъ это примѣромъ. Вѣроятно, никому въ голову не прійдетъ въ Крыму, подъ 45° широты, на тѣхъ хребтахъ Яйлы, которые не возвышались бы болѣе 2,500 футовъ отъ уровня моря (высота этого хребта, не говоря о Чатырдагѣ, достигаетъ мѣстами до 3,500 футовъ) сѣять пшеницу-арнаутку, тогда-какъ въ степяхъ симбирскихъ, оренбургскихъ, около Самары, на луговой сторонѣ Волги, возвышенныхъ отъ уровня моря, конечно, не менѣе 480 футовъ подъ 53° широты, т. е. сѣвернѣе 8 градусами, которые вмѣстѣ съ возвышеніемъ почвы, слѣдовательно, должны были бы имѣть одинаковый климатъ съ возвышенными хребтами Яйлы (полагая, по исчисленію французскихъ агрономовъ, по 265 футовъ на градусъ). арнаутка, или, какъ ее тутъ называютъ, бѣлотурка, родится превосходно, что̀ приписать должно не только отличному свойству известковатой почвы, но и тому еще, что во время роста пшеницы, въ этихъ губерніяхъ, подъ 53° широты, день бываетъ продолжительнѣе; въ-слѣдствіе чего, для вызрѣванія пшеницы, или другихъ посѣвовъ, тутъ нужно гораздо-менѣе времени, нежели въ Крыму. Изъ этого, кажется, довольно-яснаго примѣра видно, что гг. ученые иностранцы много писали, соображали, но всего не дописали и не досообразили. А почему? Потому-что у нихъ нѣтъ передъ глазами примѣра, который обратилъ бы въ эту сторону ихъ просвѣщенное вниманіе.

§ 8.

Принятая г. Павловымъ классификація почвъ неопредѣлительна, сбивчива и ошибочна. Г. Усовъ тоже принялъ ошибочную. Неопредѣлены границы, раздѣляющія разнородныя почвы. Всѣ принятыя теоріею классификаціи почвъ неопредѣлительны. Точное разложеніе почвъ недоступно земледѣльцамъ. Едва-ли его достигли знаменитые химики. Терминологія путается въ названіяхъ. Разложеніе, сдѣланное г. Германномъ, не повело къ результатамъ очевидно полезнымъ. По принятой методѣ разложенія почвъ, дѣлается ошибочное заключеніе о ихъ тучности. Этотъ недостатокъ въ практическомъ быту замѣняется опытностью. Химическое разложеніе почвъ, въ наше время, не прибавитъ ничего въ пользу земледѣлія.

Не распространяясь болѣе о младенчествѣ теоріи, обратимся теперь къ тѣмъ предметамъ сельскаго хозяйства, въ которыхъ она порождаетъ ошибочное и ложное ученіе, между-тѣмъ, какъ эти пред-

меты служатъ главными основаніями практическому земледѣлію. Начнемъ съ классификаціи почвъ.

Г. Павловъ дѣлилъ ихъ на четыре разряда: *глинистую, песчаную, известковатую и черноземную* (Въ-послѣдствіи я буду говорить о томъ, что нельзя полагать въ числѣ особаго разряда «черноземную», названную такъ г. Павловымъ, потому-что она будто болѣе другихъ пресыщена черноземомъ,— т. е. по смыслу ученія г. Павлова, *перегноемъ*, humus (смотр. «Курсъ Сельскаго Хозяйства» г. Павлова, Т. II. страница 29).

Г. Усовъ (смотр. его «Курсъ Земледѣлія» стр. 62) къ четыремъ разрядамъ почвъ г. Павлова, прибавивъ 5-й и назвавъ эти почвы «средними», опустилъ изъ виду, что тутъ онъ опредѣлялъ классификацію почвъ первобытныхъ; слѣдовательно, когда дѣло идетъ о среднихъ, т. е. смѣшанныхъ, которыя онъ называетъ «суглинистыми, супесчаными», то найдется ихъ, по различному смѣшенію, множество, чтò и самъ г. Усовъ замѣтилъ.

Точное познаніе составныхъ частей почвъ, безспорно, должно бы служить главнымъ основаніемъ теоріи земледѣлія, для чего химическое ихъ разложеніе дѣло необходимое. Но почему познаніе составныхъ частей почвъ должно служить главнымъ основаніемъ теоріи земледѣлія? Чтобъ узнать до-сихъ-поръ дѣло неизвѣстное: *какъ велика степень плодородія данной почвы и для какихъ именно растеній она, въ данномъ климатѣ, болѣе способна.* Вотъ что остается рѣшить теоріи. Можно себѣ представить, кàкъ далека теорія до рѣшенія этого вопроса, когда она не опредѣлила еще границъ, отдѣляющихъ одну почву отъ другой, на-прим. песчаной отъ глинистой, и путается въ названіяхъ! Но если границы различныхъ почвъ теоріею точно не опредѣлены, можетъ ли классификація почвъ быть опредѣлительна? Вопросъ этотъ, между-тѣмъ, сдѣланъ въ томъ предположеніи, что такія границы опредѣлить возможно. Мы видимъ слабыя доказательства этому у иностранцевъ, которые старались опредѣлить такое разграниченіе, постигая, что безъ него не можетъ держаться система, классифирующая почвы по составнымъ ихъ частямъ, на особенные разряды. Но если мы возьмемъ въ соображеніе безчисленно-различное смѣшеніе почвъ, различную ихъ степень тучности, или безплодія, и различные климаты, имѣющіе всегда прямое вліяніе на посѣвы и растительность, и то дѣтство, въ которомъ находится химія съ сложными своими манипуляціями по предмету разложенія почвъ и опредѣленія ихъ относительнаго достоинства къ климату, воздѣлыванію, посѣвамъ и урожаямъ,—кàкъ послѣ того удержаться принятой системѣ, которая въ этомъ отношеніи особенно требуетъ точности, и какими способами она можетъ быть полезна сельскому хозяйству, гдѣ все должно быть основано на правилахъ точныхъ, а не шаткихъ, или только гадательныхъ?

Для практическаго нашего быта, всѣ принятыя системы классифированія почвъ неопредѣлительны, и потому часто тамъ, гдѣ почва преимущественно глинистая, называютъ песчаною ту, которая въ другихъ мѣстностяхъ называется глинистою; и наоборотъ, почвы преиму-

щественно-песчаныя называются глинистыми, между-тѣмъ, какъ онѣ же между глинистыми называются песчаными. Собственно-черноземныя почвы, по составамъ своимъ бывъ едва-ли не многосложнѣе другихъ, принимаютъ мѣстныя названія еще разнообразнѣе. Все это давнымъ-давно и весьма-справедливо замѣтилъ знаменитый Тэеръ. Съ другой стороны, нельзя воображать, чтобъ разложеніе, на которомъ основана химическая классификація почвъ и терминологія составныхъ частей ихъ, могли быть доступны земледѣльцамъ и тогда даже, когда бы первое опиралось на манипуляцію всегда точную, чего и господà знаменитые химики едва-ли достигли; а вторая (терминологія составныхъ частей почвы) приведена была однажды-навсегда въ систему неизмѣнную.

Еслибъ разложеніе почвы было дѣломъ легкимъ, всѣмъ подручнымъ, и опиралось на основанія неизмѣнныя, точныя, почему же не разложены наши почвы нашими учителями? Почему не отдѣлены рѣзкими, или хоть понятными границами различные ихъ разряды? Почему точно не опредѣлены ихъ отношенія къ климату, воздѣлыванію, посѣвамъ и растительности? Почему названія не только составныхъ частей, но и собственно-различныхъ главныхъ разрядовъ почвъ такъ много разъ въ послѣдніе годы измѣнялись и *не всѣми приняты одинаково?* Почему въ нашихъ ученыхъ книгахъ видны по этимъ предметамъ только поверхностныя выписки изъ иностранныхъ сочиненій, которыя всѣмъ мыслящимъ и просвѣщеннымъ помѣщикамъ и безъ того давно извѣстны, не указывая хозяину на правила точныя и неизмѣнныя?

Г. Германнъ разлагалъ два раза черноземную почву, и хоть онъ пользуется заслуженною извѣстностію, и потому полагать надобно, что манипуляціи, имъ сдѣланныя, были точны,—однакожь со всѣмъ тѣмъ, какъ первое, такъ и второе разложеніе онъ сдѣлалъ только какъ химикъ, безъ всякаго приложенія плода своего труда къ практическимъ потребностямъ сельскаго хозяйства, въ чемъ, вѣроятно, и самъ почтенный г. Германнъ согласится. Впрочемъ, еще вопросъ не изслѣдованъ: точнà ли та манипуляція, посредствомъ которой опредѣляютъ составъ почвы, особенно въ-отношеніи ея тучности? Наприм. для того, чтобъ узнать количèство находящагося въ почвѣ перегноя, обыкновенно высуша почву, раскаляютъ ее. Послѣ того останутся однѣ минеральныя части; растительныя всѣ сожгутся, ибо, по увѣренію химиковъ, и въ томъ числѣ покойнаго г. Павлова (Курсъ Сельскаго Хозяйства, Т. I, стр. 380), перегной или, какъ его называетъ г. Павловъ, «черноземъ», весь въ массѣ и «каждая его часть порознь, на огнѣ сгараютъ безъ остатка». Можно только удивляться, что такая неосновательная и совершенно-ошибочная манипуляція принята и многими почитается настоящимъ проводникомъ для опредѣленія тучности почвы. Постараемся кратко доказать ошибочную системỳ таковаго разложенія.

Когда органическіе остатки утучняютъ почву? Когда они въ полномъ броженіи. Тогда образующаяся слизь и *газы* служатъ ли они пищею растеніямъ, или только, рыхля землю, дѣлаютъ

ее болѣе-проницаемою для свѣта, воздуха и влаги, или болѣе притягиваютъ влагу, — тогда собственно эти остатки, и во время только ихъ броженія, полезны растительности. Спрашиваю: можетъ ли химическое разложеніе уловить степень и моментъ броженія? Конечно, нѣтъ. Что же можетъ указать химическое разложеніе въ-отношеніи къ тучности почвы? Только количество сгараемыхъ органическихъ частей, находящихся въ почвѣ. Но они могутъ находиться несогнившими, отчасти-согнившими и совершенно-перегнившими. Въ первомъ случаѣ, они, при содѣйствіи свѣта, теплоты, влаги и спертаго воздуха, прійдутъ въ броженіе и передадутъ почвѣ ту мѣру удобренія, какую передать могутъ; во второмъ случаѣ, передача эта будетъ не полная; въ третьемъ, едва-ли какая-нибудь будетъ, потому-что не только совершенно-перегнившіе органическіе остатки не утучняютъ почвы, но навозъ вывѣтрившійся, какъ бы онъ ни напитанъ былъ остатками изъ царства животнаго, уже сильно слабѣетъ. Между-тѣмъ, во всѣхъ трехъ случаяхъ, органическіе остатки, находящіеся въ почвѣ, сгорятъ. Теперь спрашиваю: покажутъ ли они ту степень тучности, которую передать могутъ почвѣ, отчасти передали, или уже передать не въ состояніи? Кажется, отвѣтъ незатруднителенъ, и должно согласиться, что химическое разложеніе почвъ, клонящееся къ тому, чтобъ узнать подлинную ея тучность, или безплодіе—было, есть, по способамъ употребляемымъ, и долго будетъ еще, для практическаго производства, дѣло пустое и совершенно-безполезное (Смотри въ этой 1 части на стр. 7-й XX-го тома О. З., отд. IV §. 2-й *Теорія еще въ дѣтствѣ*). Потому-то люди опытные и просвѣщенные увѣрены, что химія въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлала полезнаго для сельскаго хозяйства.

Въ практическомъ быту, этотъ теоретическій недостатокъ весьма легко и удобно замѣняется многолѣтнею опытностію земледѣльцевъ, которая переходитъ у нихъ отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Съ помощію ея они твердо знаютъ: какіе хлѣба и на какихъ именно мѣстахъ ихъ земли родятся хорошо, посредственно, плохо, или вовсе не родятся. Предъ этимъ знаніемъ, книжное ученіе, особенно столь мало обработанное, какъ наше, еще долго будетъ ничтожно. Не зная химическихъ названій, они также знаютъ главные составы ихъ земель до той степени, которой требуетъ практическое производство. Въ-слѣдствіе чего на песчаной почвѣ озимый посѣвъ они вездѣ боронуютъ, чтобъ почва менѣе просыхала; на глинистой это дѣлается только на югѣ, т. е. въ климатѣ болѣе-сухомъ и тепломъ; а въ сѣверной части Имперіи бороздятъ мелкими, средними, или весьма-широкими грядами, ados, смотря по климату, обычной температурѣ, цвѣту и составу почвы, и потому еще, на горизонтальной ли площади разбиты поля, гдѣ нѣтъ скатовъ для дождевой и снѣжной воды, или на мѣстахъ отлогихъ, крутыхъ. На глинисто-иловатой землѣ, насыщенной на возвышенныхъ мѣстностяхъ всегда кислотами, какъ наша черноземная почва (о чемъ уже было говорено), сѣятъ рожь, гречу и овесъ, а не пшеницу, ячмень, горохъ и просо, сѣятъ всегда хоть простыми, но приличными пріемами и способами;

— на известковатой почвѣ сѣять послѣдніе хлѣба, а первыхъ мало, и т. д.

Да и что прибавитъ для пользы нашего земледѣлія, въ настоящее время, химическое разложеніе почвъ пока еще одностороннее, частное и врядъ ли точное? Что иловатые или кислые, какъ нашъ черноземъ, вмѣстѣ съ животнымъ и растительнымъ туками, надобно удобривать известью, мергелемъ, пескомъ или пережженою глиною? Это было бы возможно у насъ весьма-рѣдко и въ маломъ размѣрѣ, т. е. только въ огородныхъ хозяйствахъ. Въ большомъ потребуетъ огромныхъ денежныхъ пожертвованій, отъ которыхъ произведеніе до того будетъ приходиться производителю дорого, что вмѣсто выгодъ доставитъ убытки, не только отъ низкихъ цѣнъ, которыя у насъ обыкновенно стоятъ на произведенія хлѣбопашества и вообще сельскаго хозяйства, но и потому еще, что въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, для произведенія на данномъ пространствѣ maximum продукта —*только для обработыванія этого пространства* намъ нужно бы имѣть ежегодно вдвое болѣе времени, нежели сколько мы имѣемъ, или обработывать то же пространство вдвое увеличенными силами противъ на-прим. Бельгійца; и это пространство со всѣмъ тѣмъ дастъ менѣе произведеній, получаемыхъ Бельгійцемъ; въ-слѣдствіе чего это произведеніе будетъ обходиться намъ дороже нежели оно обходится въ Бельгіи (Во II части этихъ «Записокъ», при описаніи бельгійскаго хозяйства, представятся тому доказательства). Что песчаную почву надобно удобривать сильнѣе, нежели глинистую и, вмѣстѣ съ животнымъ и растительнымъ удобреніями навозить на поля жирную глину—всѣ эти и прежде упомянутыя средства для поправленія плодородія почвъ не только всѣмъ извѣстны болѣе трехъ тысячь лѣтъ, но мы знаемъ также, что они хороши для гряды и огорода, или для малыхъ хозяйствъ французскихъ, англійскихъ и фламандскихъ, гдѣ недостатокъ земли и высокая цѣна на произведенія заставляютъ владѣльца, вспомоществуемаго климатомъ, не жалѣть трудовъ и издержекъ на воздѣлываніе и удобреніе его земли, для полученія съ даннаго пространства maximum произведеній, которыя вырученною за нихъ цѣною окупятъ пожертвованіе. Коротко сказать, если бъ естественныя науки и дали намъ точныя, неизмѣнныя правила для того, чтобъ заставить почву родить самымъ превосходнымъ образомъ все, что на ней, сообразно съ климатомъ и требованіями, постяно будетъ, наше сельское хозяйство не можетъ воспользоваться этими уроками, потому-что пріемы утучненія и обработки земли поведутъ хозяина не къ выгодѣ, но къ убыткамъ. Сельское хозяйство не садоводство, которое, по-большей-части, не считаетъ издержекъ; оно не принадлежность прихоти: оно — такая промышленость, которая должна за собою вести непремѣнную выгоду, иначе распались бы всѣ царства и народы и уничтожились бы даже признаки гражданской жизни. Во II части этихъ «Записокъ» (§ 3) будетъ говорено о томъ, что и въ Западной Европѣ дорогія удобренія опытными хозяевами употребляются только въ огородныхъ хозяйствахъ,—petite culture.

§ 9.

Мы не имѣемъ для науки сельскаго хозяйства общепринятыхъ словъ. Г. Павловъ даетъ ошибочное названіе перегною, и еще ошибочнѣе опредѣляетъ составъ черноземныхъ почвъ. Черноземныя почвы черны не отъ избытка перегноя. Причина плодородія черноземныхъ почвъ. Почвы эти чисто-глинистыя. Перегной находится въ нихъ только въ поверхностномъ слоѣ. Подъ нимъ черноземъ всегда тощъ. Онъ кажется однороденъ съ глиною, подъ нимъ лежащею. Еслибъ черноземная почва была черна отъ избытка перегноя, то большая часть растеній и деревьевъ на ней не могли бы рости. Западные агрономы не нашли избытка перегноя въ черноземныхъ почвахъ. Они рѣшительно утверждаютъ, что онѣ проникнуты желѣзнымъ окисломъ. Черный цвѣтъ почвы, въ жаркое и сухое лѣто, гораздо-болѣе вреденъ для растительности, нежели полезенъ. Практика допускаетъ классифированіе почвы только на два разряда. Слѣдствіе ошибочной классификаціи. Черноземная слизь. Нельзя сказать утвердительно, чтобъ перегнойная слизь служила главною пищею растеніямъ.

Пензенскій Земледѣлецъ доказывалъ, что до-сихъ-поръ естественныя науки, замѣтно, нигдѣ еще не подвинули впередъ сельскаго хозяйства; что принятыя нашими гг. профессорами классификаціи почвъ не одинаковы, неопредѣлительны, сбивчивы и ложны. Ко всѣмъ этимъ важнымъ недостаткамъ присовокупляется еще важнѣйшій: мы не имѣемъ точной номенклатуры для наукъ, входящихъ въ составъ сельскаго хозяйства, ни точнаго значенія многихъ употребительныхъ названій для производствъ, пріемовъ, работъ, произведеній, случаевъ, и даже для нѣкоторыхъ частей сложныхъ орудій и снастей, особенно механическихъ. То-есть, мы не имѣемъ для науки сельскаго хозяйства бездѣлицы — азбуки; и не смотря на то принялись преподавать эту науку на каѳедрахъ, забывъ, что безъ точнаго значенія словъ—нѣтъ науки. Отъ-того непонятныя, или ложныя названія, вопросы и совершенная безтолочь въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ...

Для доказательства, изъ множества примѣровъ, укажемъ читателю на тотъ, который обращаетъ на себя особенное вниманіе мыслящихъ хозяевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послужитъ окончательнымъ доказательствомъ, что наша теорія сельскаго хозяйства не имѣетъ настоящаго понятія о составѣ и принадлежностяхъ почвъ.

Г. Павловъ говорилъ, что имена, кончающіяся на «земъ» должны употреблятся въ химіи для веществъ однородныхъ, почему и принялъ для перегноя, humus, названіе «черно*зема*» («Земледѣльческая Физика» г. Павлова стр. 336), забывъ, что слово «черноземъ» есть имя черноземной почвы, которую, сокращенно, русскіе люди называютъ *черноземомъ*.

Но это была бы еще не ошибка, а только неудачно-выбранное и сбивчивое название. Удивительнѣе же всего, что на той же страницѣ г. Павловъ говоритъ: «Почву, въ составъ которой однородное вещество, черноземомъ (т. е. перегноемъ) называемое, въ сравненіи съ другими находится въ наибольшемъ количествѣ, по примѣру глинистой, песчаной и известковатой приличнѣе назвать *черноземною*». Такимъ образомъ, древнее наше слово *чернозем*ъ, которымъ называются всѣ почвы чернаго цвѣта, въ химической номенклатурѣ г. Павлова получило двоякій смыслъ: имъ называетъ онъ перегной, humus, и черноземную почву! Легко постигнуть, какая во многихъ случаяхъ выходитъ изъ этого путаница для тѣхъ, которые доискиваются смысла въ «Земледѣльческой Физикѣ», изучая теорію «землеудобренія» и «землевоздѣлыванія».

Но чѣмъ же завѣритъ «Земледѣльческая Физика», что въ черноземныхъ почвахъ всегда находится избытокъ *перегноя*, когда столѣтняя опытность ей докажетъ, что *выпаханная черноземная почва*, т. е. потерявшая большую часть—не перегноя, который, какъ уже доказано, послѣ полнаго своего броженія перестаетъ служить пищею растеніямъ,—но *органическихъ частей*, способныхъ къ броженію, останется черною, какъ прежде была, и тогда, какъ имъ была пресыщена; между-тѣмъ, послѣ совершившагося полнаго броженія, или, какъ говорятъ наши кабинетные агрономы, по истощеніи перегноя, само-по-себѣ разумѣется, одна должна была сдѣлаться тощею почвою, что и доказываютъ урожаи? Слѣдовательно, такая почва можетъ быть гораздо-менѣе насыщена органическими частями, способными къ броженію, нежели известковатая и даже песчаная, если первая нова, или та и другая сильно-удобрены.

Но этого мало; если Пензенскій Земледѣлецъ доказываетъ, что черноземная почва чисто *глинистая*, а черный ея цвѣтъ, сильно поглощающій лучи солнечные (при нѣкоторыхъ условіяхъ температуры, это составляетъ главную причину необыкновеннаго ея плодородія, слѣдовательно, и неотъемлемаго достоинства, но только въ сѣверномъ и влажномъ климатѣ и для тѣхъ растеній, которымъ избытокъ кислотъ, находящихся въ этой почвѣ, не вреденъ), происходитъ не отъ перегноя, humus, названнаго г-мъ Павловымъ «черноземомъ», но отъ смѣшенія глины съ другими минеральными частями, которыя ускользнули отъ его вниманія — къ чему послѣ того должно причислить, въ этомъ отношеніи, уроки «Земледѣльческой Физики» какъ не къ лжеученію? Доказать же это очень легко.

Когда у насъ кирпичъ выходитъ безцвѣтенъ, то мы примѣшиваемъ къ глинѣ, изъ которой онъ дѣлается, черной нашей земли, взятой на 5 и 6 вершковъ отъ ея поверхности, чтобъ въ ней не было замѣтныхъ остатковъ растительности. Послѣ обжига кирпичъ тогда получаетъ яркій алый цвѣтъ.

Безъ познаній химическихъ, всякій кирпичникъ знаетъ, что насыщенная перегноемъ, или остатками растительности черная наша земля въ этомъ случаѣ все дѣло бы испортила и кирпичъ послѣ обжига непремѣнно разсыпался бы. Отъ-чего же онъ не разсыпается

и краснѣеть? — Во-первыхъ, потому-что черноземъ нашъ, безъ противорѣчія—чисто *глинистая почва*,—это всякому мыслящему хозяину извѣстно; тѣмъ болѣе, что другаго свойства въ этой почвѣ и быть нельзя. Второе — можетъ-быть, отъ образовавшагося въ ней желѣзнаго окисла? Желѣзный окислъ, перейдя изъ металла, съ помощію воздуха и сырости, въ окись, т. е. соединившись съ кислородомъ (смотр. Основаніе Раціональнаго Хозяйства Тэера, переводъ г. Маслова, т. 3. стр. 29), полагать надобно, и поверхностный слой нашей глинистой почвы окрасилъ въ черной цвѣтъ на такую глубину, до которой достигали вода и воздухъ. Въ этомъ Пензенскій Земледѣлецъ почти увѣренъ, основывая свое убѣжденіе на томъ, что темножелтая глина, лежащая подъ нашимъ черноземомъ на поларшина, на аршинъ и болѣе глубины, не имѣетъ никакого видимаго и постигаемаго отдѣленія отъ черноземнаго пласта, на ней лежащаго. И если составныя части чернозема измѣнились, то развѣ въ томъ только, что поверхностный растительный слой его вмѣщаетъ въ себѣ болѣе или менѣе перегною, и весь вообще — двѣ различныя кислоты, происшедшія, полагать надобно, отъ вліяній атмосферныхъ; а глина, подъ нимъ лежащая, бывъ лишена этихъ кислотъ, является чѣмъ глубже, тѣмъ известковатѣе, до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наконецъ превращается въ совершенный мергель, вѣроятно кислотами въ верхнемъ слоѣ почвы уничтоженный. Эта догадка опирается на фактъ всѣмъ опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ извѣстный, именно, что эта глина, бывъ подвергнута вліянію свѣта, сырости и воздуха, годъ-отъ-году чернѣетъ; подтвердить это можетъ и опытный помологъ нашъ, г. Шварцъ, котораго Пензенскій Земледѣлецъ не имѣетъ чести знать (*).

Черноземная почва наша, при обработкѣ, представляетъ всѣ доказательства глинистаго своего свойства: въ составѣ ея нѣтъ ни камней, ни хряща, но пахать ее всегда тяжело; а при большой засухѣ, убитая пасущимся скотомъ, она до того твердѣетъ, что для пашни надобно ждать дождя. Но если земля еще не успѣла такъ сильно и глубоко ссохнуться и пашня возможна, то она до того бы-

(*) Чтобъ узнать-утвердительно, почему чернѣетъ глина, выставленная подъ вліяніе атмосфернаго воздуха, взятая подъ нашимъ черноземомъ на нѣкоторой глубинѣ и пресыщенная обыкновенно известковатыми частями до того, что чистая известь, называемая у насъ *опокою*, тянется въ ней видимыми жилами, или находится отдѣльными частицами,—полагаю, нужно будетъ опытному химику сперва разложить часть вынутой известковатой глины, и вмѣстѣ съ тѣмъ другую такого же свойства подвергнуть атмосферному вліянію; потомъ эту послѣднюю разлагать нѣсколько разъ, по мѣрѣ того, какъ она будетъ чернѣть въ продолженіи времени. На такой химической процессъ нужно будетъ нѣсколько лѣтъ. Тогда измѣняющіяся ея составныя части, можетъ-быть, укажутъ и причину ея измѣненія. Если, какъ предполагать можно, желѣзный окислъ и кислоты чрезъ нѣсколько времени покажутся и уничтожатъ въ ней известковыя части, то эти показавшіяся кислоты, желѣзный окисль и черный цвѣтъ почвы, могутъ быть произведеніями атмосфернаго вліянія, въ чемъ трудно и сомнѣваться.

вает комьиста ; что вся пашня состоитъ изъ взвороченныхъ глыбъ, которыхъ ни каткомъ, ни бороною раздробить нельзя. Все это въ совокупности служитъ неоспоримымъ доказательствомъ, что черноземъ нашъ не только *глинистая почва*, но что онъ при послѣднемъ условіи мало пресыщенъ перегноемъ. Въ противномъ случаѣ, земля была бы рыхла и при засухѣ распадалась отъ пашни, что и случается, когда въ то же время обработываютъ земли новыя, богатыя перегноемъ, или сильно-удобренныя. Если бъ черноземныя почвы были черны отъ «избытка находящагося въ нихъ перегноя», то весь черноземный пластъ долженъ бы имѣть эту богатую принадлежность. А этого-то и нѣтъ! Снимите съ черноземнаго пласта, въ аршинъ и болѣе толщины, поверхностный слой на 7 или на 8 вершковъ: подъ нимъ будетъ земля еще чернѣе, но весьма тощая. Она превратится въ нѣсколько лѣтъ, безъ искусственныхъ способовъ, въ тучную, когда насытится свѣтомъ, воздухомъ, влагою и, — что всего важнѣе, когда показавшаяся на ней растительность, сперва однородная и тощая, потомъ разнородная и годъ-отъ-году сильнѣйшая, будетъ на этой почвѣ рости и гнить, и такимъ образомъ своими остатками во время ихъ гніенія обогащать ее, т. е. дѣлать эту почву рыхлѣе и удобнѣе для пріема свѣта, воздуха и влаги; при чемъ ростъ корней не будетъ встрѣчать такого сильнаго сопротивленія, какое онъ встрѣчаетъ въ почвѣ болѣе твердой, отъ-чего они могутъ скорѣе и удобнѣе распространяться и находить болѣе пищи, приготовленной атмосфернымъ вліяніемъ. Слѣдовательно, если бываетъ *избытокъ перегноя въ черноземной почвѣ, то въ земляхъ новыхъ, невыпаханныхъ и только въ поверхностномъ растительномъ слоѣ, который никогда не бываетъ глубже 6 вершковъ.*

Наконецъ, чтобъ читатель могъ вполнѣ постигнуть, до какой степени ложно предположеніе, будто черноземная почва бываетъ черна, какъ многіе полагаютъ, «*отъ избытка находящагося въ ней перегноя*», спрашиваю: какое количество перегноя нужно смѣшать съ какою бы то ни было не-черноземною почвою, чтобы она столь же была черна, какъ настоящая черноземная, и возможно ли посредствомъ этого смѣшенія дать не-черноземной почвѣ тотъ цвѣтъ, который имѣетъ черноземная? Отвѣтъ на эти простые и прямые вопросы незатруднителенъ, потому, во-первыхъ, что перегной, бывъ темно-бураго цвѣта, никогда, какъ бы часть его при смѣшеніи ни была велика, не даетъ этой смѣси того черно-синяго, или лучше сказать, желѣзнаго цвѣта, которымъ отличается настоящая черноземная почва. Слѣдовательно, она черна совершенно-независимо отъ перегноя. Выведемъ другое соображеніе. Не касаясь до разницы, существующей между бурымъ и черножелѣзнымъ цвѣтами, отличающими перегной отъ черноземныхъ почвъ, согласимся, что онѣ черны отъ избытка перегноя. Въ такомъ случаѣ, для того, чтобъ окрасить обыкновенную глинистую, или песчаную почву въ черный цвѣтъ до той степени, въ какой эти почвы находятся, надобно примѣшать къ нимъ такое ужасное количество перегноя, что послѣ смѣшенія почва можетъ годиться только для посѣва коноплей, и конечно на ней

пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи, гороха, проса, льну ни одинъ мыслящій хозяинъ не посѣетъ, потому-что такая почва до того будетъ легка и рыхла, что при засухѣ всякое колосовое растеніе засохнетъ, а при обыкновенной температурѣ повалится. Равномѣрно, на такой почвѣ, особенно еще столь глубокой, какъ черноземная (пластъ чернозема бываетъ въ аршинъ и болѣе толщины), ни какія деревья, ни кустарники рости немогли бы, потому-что корнямъ ихъ не было бы опоры. Въ этомъ случаѣ, для того, чтобъ такая почва была способна къ посѣвамъ и насажденіямъ, нужно было бы наво-зить на нее ужасное количество глины. Слѣдовательно, предполагаемаго «избытка перегноя» въ черноземной почвѣ *не только нѣтъ, но и сохрани Богъ, чтобъ онъ былъ.*

Всѣ европейскіе трудолюбивые агрономы, занимавшіеся своимъ предметомъ съ знаніемъ дѣла, также нигдѣ не нашли мнимаго избытка «*перегноя*» въ черноземныхъ почвахъ, и не приписывая ему чернаго, или темнаго ихъ цвѣта, рѣшительно говорятъ о пресыщеніи такихъ почвъ желѣзнымъ окисломъ, весьма вреднымъ для многихъ растеній и деревьевъ.

Въ доказательство пусть читатель развернетъ «La Maison Rustique du XIX siécle» — откуда и г. Павловъ почерпалъ свои свѣдѣнія — и сравнитъ во 2-мъ томѣ «Курса Сельскаго Хозяйства» (§ 10, страница 29) раздѣленіе «почвъ по составу» (!?!), на двухъ съ половиной страничкахъ русской печати помѣщенное, съ II-ю главою I тома иностраннаго сочиненія: «Du sol, de ses propriètés et de la nature diverse des terres» (*) и въ 4 томѣ того же сочиненія, на стр. 333:

(*) Въ этой главѣ, на страницѣ 31, ясно говорится о составѣ, принадлежностяхъ и степени плодородія черноземныхъ почвъ, подъ названіемъ земель песчано-желѣзно-глинистыхъ «terres sablo-argilo-ferrugineuses».

Подобныя почвы часто встрѣчаются у насъ не только между жирными черноземными; но описанныя принадлежности этихъ земель такъ однородны вообще нашимъ черноземнымъ почвамъ, что я долгомъ почитаю вполнѣ выписать все, что по этому предмету тутъ сказано: «Elles ont deux incovenients de plus que les terres simplement sablonneuses. La couleur brunatre ou violatre qu'elles doivent *à l'oxide de fer* et qui les caracterise autant au moins que leur fâcheuse disposition à s'aglomerer en éspeces de pouddingues plus ou moins compactes, les rend d'un accès plus facile encore à l'éxessive chaleur, et la surabondance de cet oxide s'oppose parfois complétement à toute végétation. Il est presque toujours préférable de les cultiver en bois que de toute autre maniére... Les bouleaux y croissent bien et divers autres arbres peuvent, sinon y prospérer, du moins y végéter avec assez de force pour acquerir de la valeur.—A force d'engrais peu chauds, on peut aussi risquer sur de semblables terrains *la culture du seigle,* mais on doit s'attendre a la voir manquer complétement, pour peu que les pluies ne soient pas fréquentes pendant la belle saison» (Т. е. «Въ нихъ (земляхъ песчано-желѣзно-глинистыхъ) двумя недостатками болѣе нежели въ земляхъ собственно-песчаныхъ. Происходящій отъ желѣзной окиси ихъ темноватый, или черносиній, violatre, цвѣтъ, который ихъ столько же отличаетъ отъ другихъ, какъ и невыгодное расположеніе ихъ превращаться въ комья, болѣе или менѣе твердые, даетъ имъ еще болѣе возможности сильно нагрѣваться, и избытокъ этой желѣзной

«De la classification des terres arables». Тогда неосмотрительность сочинителя «Курса Сельскаго Хозяйства» явно выкажется. Но она не могла иначе произойдти, какъ отъ отсутствія положительныхъ свѣдѣній, а особенно необходимой опытности. При нихъ, наша глинистая черноземная почва не могла бы попасть въ особенный 4-й разрядъ, отдѣльно отъ глинистой, помѣщенной въ 1-мъ; не приписано бы ей было избытка перегноя, который можетъ въ ней съ излишествомъ находиться только въ поверхностномъ растительномъ слоѣ; да и вмѣсто того, чтобъ дѣлить почвы на 4 «первобытные разряда» (глинистый, песчаный, известковатый и черноземный), какъ это раз-

окиси иногда совершенно противодѣйствуетъ растительности. Почти-всегда выгоднѣе эти земли обращать подъ древесныя насажденія. На нихъ хорошо ростетъ береза» (настоящая принадлежность нашего чернозема)«и многія другія деревья, если не роскошно по-крайней-мѣрѣ достаточно для того, чтобъ дать прибыль хозяину. Утучняя эти земли не очень-сильнымъ удобреніемъ, *можно на нихъ сѣять рожь; но если въ-продолженіе лѣта не будетъ частыхъ дождей, то и она пропадаетъ».*—Это и у насъ всегда случается, если лѣтняя температура очень суха, совсѣмъ тѣмъ, что наши долголежащіе снѣга не дають времени, даже въ сухое лѣто, черноземной почвѣ такъ долго ссыхаться и изсушиться какъ въ полосахъ болѣе-южныхъ, для которыхъ это замѣчаніе написано. Въ нашемъ сѣверномъ климатѣ, при скоро-проходящемъ лѣтѣ и особенно, если температура не суха, черный цвѣтъ почвы, сильно поглощая лучи солнечные, дѣлаетъ почву горячѣе, и тѣмъ замѣняется недостатокъ теплоты въ температурѣ. Это главная причина, по которой черноземныя почвы, неудобряемыя искусственно, въ сѣверномъ нашемъ климатѣ дають обильные урожаи—но только въ тѣ годы, когда лѣто стоитъ довольно-дождливое и теплое. Въ этомъ случаѣ, если бы поверхностный слой этихъ почвъ имѣлъ и слабые остатки перегноя, т. е. еслибъ эти почвы были стары, выпаханны, то конечно можно во многихъ отношеніяхъ обходиться безъ удобренія, особенно тамъ, гдѣ почва и климатъ дозволяютъ сѣять гречу, и она вошла въ сѣвооборотъ непремѣннымъ посѣвомъ, потому-что она служитъ лучшимъ пріуготовленіемъ для будущаго. Но если температура неблагопріятна и особенно если въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ стоятъ засухи и жары, то черноземныя почвы безплоднѣе просто-глинистыхъ, или глинисто-известковатыхъ, сѣрыхъ, красныхъ или желтоватыхъ—именно отъ своего чернаго цвѣта, сильно-поглощающаго лучи солнечные.

Я не утверждаю, чтобъ «избытокъ желѣзной окиси иногда не допускалъ растительности», однакожь мы замѣтили, что черный цвѣтъ почвы иногда многимъ хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ весьма-вреденъ. Вотъ тому изъ многихъ случаевъ одно доказательство. Одна часть моихъ полей (всѣ на черноземной почвѣ) разбита на 6 клиновъ. Въ сѣвооборотъ ихъ вошла тимоѳеева-трава въ слѣдующемъ порядкѣ: 1 годъ паръ и озимая рожь, 2-й рожь, 3-й овесъ съ тимоѳеевой-травою; 4, 5 и 6-й, покосы тимоѳеевой травы; въ томъ числѣ одинъ годъ выгонъ. Если она вскорѣ послѣ посѣва взойдетъ, а овесъ еще не укроетъ земли, и дни стоятъ ясные и жаркіе, тогда на тимоѳееву-траву остается мало надежды: большая часть ея посохнетъ отъ палящихъ лучей солнца только потому, что черный цвѣтъ почвы сильно поглощаетъ ихъ. Я знаю, что посѣвъ тимоѳеевой-травы съ рожью былъ бы надежнѣе; но не назначилъ такого сѣвооборота по хозяйственнымъ разсчетамъ, отъ которыхъ однакоже видно отказаться должно, равно какъ и отъ тимоѳеевой-травы, если будутъ продолжаться сухіе годы, или съ ранней весны будутъ начинаться жары, какъ въ прошломъ 1841 году.

дѣленіе сдѣлано въ «Земледѣльческой Физикѣ», число первобытныхъ почвъ, въ химическомъ смыслѣ, вѣроятно ограничилось бы только тремя разрядами: *глинистымъ* съ безчисленными своими смѣшеніями, *песчаныиъ* и *каменистымъ*.

Въ практикѣ нельзя допустить и такой классификаціи. Тутъ всегда были и будутъ только два рязряда почвъ, одинъ отъ другаго хоть не всегда рѣзко, но по-крайней-мѣрѣ понятно отдѣленные: *пшеничные и ржаные*, которые въ свою очередь безчисленно измѣняются въ своихъ составахъ: отъ климата, отъ своей экспозиціи, или того возвышенія, на какомъ онѣ находятся въ-отношеніи къ поверхности моря; потомъ и отъ-того, сколько лѣтъ каждая почва была пахана, какъ глубоко, какими хлѣбами была засѣваема, и если была удобриваема, то чѣмъ именно.

Иностранцы присоединяютъ къ этимъ двумъ разрядамъ почвъ третій, terres à céréales de printemps, т. е. тѣ почвы, на которыхъ можно воздѣлывать только яровые хлѣба. Но тутъ дѣйствуютъ не качества почвы, а постороннія вліянія на почву, на-прим. разливы рѣкъ, большая возвышенность, или, какъ у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, долго-лежащіе снѣга.

Для подкрѣпленія этихъ доказательствъ, Пензенскій Земледѣлецъ не ссылается на разложенія, много разъ имъ сдѣланныя, черноземной почвы, потому-что доступная для земледѣльца, въ этомъ отношеніи, химическая манипулація весьма-далека до результатовъ точныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не основываетъ своего разсужденія на сравненіи вѣса перегноя, глины и черноземной почвы (удѣльный вѣсъ для этихъ трехъ веществъ нельзя опредѣлить) въ различныхъ ея смѣшеніяхъ, потому-что мыслящему читателю и этихъ доказательствъ, кажется, слишкомъ-достаточно, для удостовѣренія въ томъ, что мнѣніе, будто черноземная почва черна «отъ избытка находящагося въ ней перегноя»—сказка; а помѣщеніе этой почвы въ особенный 4-й разрядъ отъ глинистой, какъ это сдѣлано въ «Земледѣльческой Физикѣ» и «Курсѣ Сельскаго Хозяйства»—отсутствіе первоначальнаго познанія о свойствахъ и составахъ различныхъ почвъ.

Между-тѣмъ, прочитавъ и затвердивъ урокъ «Земледѣльческой Физики», неопытный хозяинъ и вправду подумаетъ, что черноземная его почва пресыщена перегноемъ. На этомъ основаніи, онъ будетъ распоряжаться земледѣліемъ въ своемъ помѣстьѣ, котораго почва весьма легко можетъ быть до того изнурена, что слабые остатки органическихъ веществъ могутъ только въ годы чрезвычайно благопріятные поправлять обыкновенное ея безплодіе.

Много примѣровъ можно было бы представить, сколько ошибочное книжное ученіе о предметахъ, которые до-сихъ-поръ еще остаются хоть эмпирически, но твердо понятны однимъ людямъ опытнымъ, вело и ведетъ за собою пагубныхъ послѣдствій; но укажемъ на слѣдствіе этого сбивчиваго названія.

За г. Павловымъ начали называть перегной *«черноземомъ»* не мы земледѣльцы - хозяева, которые близко съ нимъ знакомы, но многія другія почтенныя особы; между-тѣмъ, надобно было и черно-

земную почву называть черноземомъ. Изъ этого двоякаго смысла родилась какая-то *«черноземная слизь»*, непонятное ученіе и во многихъ отношеніяхъ,.съ одной стороны, совершенная безтолочь въ опредѣленіи принадлежностей того и другаго, съ другой странные вопросы, на пр. къ чему хозяинъ опытный, но не слѣдившій сбивчиваго и ошибочнаго ученія «Земледѣльческой Физики», отнесетъ вопросъ о *«черноземной* (!!??) *слизи»* (вмѣсто перегнойной, сдѣланной кѣмъ-то), какъ не къ лжеученію, потому-что тутъ выказывается, будто образовывающаяся при броженіи органическихъ тѣлъ, при переходѣ ихъ въ перегной, и служащая, какъ говорятъ намъ, «главною пищею растеніямъ», *слизь* имѣетъ и можетъ имѣть свое начало отъ черноземной, или другой почвы, которая можетъ служить ей только вмѣстилищемъ? (На этотъ вопросъ г. Шварцъ отвѣчалъ какъ слѣдовало.)

Но къ-чему такое безотчетливое преувеличеніе, будто перегнойная слизь служитъ «главною пищею растеніямъ»? При опытѣ, поглощенная растеніемъ *слизь* еще не доказательство à priori. Кто не знаетъ, что растеніе можетъ роскошно рости при содѣйствіи температуры на промывномъ сыпучемъ песку? кто не знаетъ, что луковица пуститъ побѣги и будетъ рости и цвѣсти повѣшенная надъ стаканомъ воды? кто не читалъ, что дубъ росъ 7 лѣтъ въ одной чистой водѣ? кто не сѣялъ кресс-салата на войлокѣ? Но въ смыслѣ науки, есть доказательства сильнѣе и удовлетворительнѣе тому, что растеніе будетъ рости роскошно и безъ перегнойной слизи. По новѣйшимъ наблюденіямъ утверждаютъ, что перегнойною слизью питаться растеніе можетъ только при 15° тепла по Реомюру. Начиная съ половины сентября до апрѣля, кажется, у насъ въ средней и сѣверной полосахъ очень-рѣдко удается замѣтить тепленькій денёкъ, въ который бы термометръ, на открытомъ мѣстѣ, поднялся до + 15°. Да если бы и нашлись такіе два-три дня, конечно вся сумма пятнадцати-градуснаго тепла не составитъ болѣе 24 часовъ. Между-тѣмъ, въ сентябрѣ, ржаныя озими на тучныхъ почвахъ ростутъ и довольно-хорошо, когда температура не ниже +10°. Слѣдовательно, онѣ ростутъ безъ посредства перегнойной слизи—въ чемъ и сомнѣваться нельзя, равно какъ и въ томъ, что растеніе можетъ рости въ той почвѣ, въ которой не можетъ быть сколько-нибудь значительной примѣси перегноя.

Недавно я вырвалъ овсяный кустъ, имѣвшій около 80 стеблей, выросшій отъ зерна случайно-упавшаго на валъ, насыпанный около гумна, сперва землею, потомъ глиной, выкопанною изъ канавы по ея протяженію. Этотъ кустъ я храню — не какъ удивительный образчикъ тому, какъ овесъ куститься можетъ (въ 1836 году я выслалъ въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства овсяный кустъ, имѣвшій 112 стеблей), но какъ доказательство, что при благопріятныхъ условіяхъ температуры, земля, или эта глина, вѣроятно вовсе лишенная перегноя, можетъ роскошно возращать растенія.

§10.

Перечень всего, что сказано было о теоріи сельскаго хозяйства. Сельскому хозяйству можно учиться какъ ремеслу, искусству и наукѣ. Какъ понимаетъ это Домбаль.

Въ предъидущихъ §§ я старался доказать, что естественныя науки, которыя приложить можно было бы къ сельскому хозяйству, со всѣмъ желаніемъ и прилежаніемъ гг. агрономовъ, химиковъ, физиковъ и естествоиспытателей досель еще далеко вполнѣ не приложены, почему онѣ сколько-нибудь значительной пользы сельскому хозяйству еще нигдѣ не принесли, тѣмъ болѣе, что теорія сельскаго хозяйства по своей необъятной сложности, и какъ наука весьма-недавно-явившаяся, слѣдовательно еще мало обработанная, не можетъ быть наукою точною, какою быть должна; отъ того сельское хозяйство вездѣ опиралось и опирается болѣе на наглядное ученіе, смыслъ и толкъ хлѣбопашцевъ; вездѣ совершенствовалось и совершенствуется ихъ сметливостію и опытностію, т. е. искусствомъ, независимо отъ книжнаго ученія—теоріи, которая, конечно, можетъ и должна принести пользу, но когда покажутся у насъ наставленія формальныя, кратко, ясно и безошибочно приспособленныя къ дѣлу, мѣстности, разсчетамъ и климату нашимъ, а неотвлеченныя, которыя были и долго еще будутъ удѣломъ не практики, а пріятною мечтвенною заботою кабинетнаго агронома, и особенно не сбивчивые, ошибочные и ложные, влекущіе за собою потери и убытки, или только наудачу выбранныя извлеченія изъ тѣхъ сочиненій, гдѣ иностранцы обсуживаютъ со всѣхъ сторонъ возможно-основательнымъ образомъ нѣкоторую часть предметовъ своего сельскаго хозяйства теоретически и практически. Иначе эта теорія сельскаго хозяйства, да еще столь высокомѣрная какъ наша, или, скажу словами Домбаля (*) одно *книжное ученіе*, безъ *зрѣлой опытности* и безъ искусства, не обѣщая вѣроятнаго успѣха, можетъ быть пагубно,—чѣмъ подлинно наша теорія и сдѣлалась. Но г. Павловъ думалъ не такъ. Онъ предполагалъ, что «наука его готовитъ не теористовъ, не мечтателей, напротивъ образуетъ свѣдущихъ управителей, способныхъ *въ каждомъ данномъ случаѣ* (!!!) въ большомъ и маломъ хозяйствѣ дѣйствовать по разумѣнію дѣла, а не на слѣпую удачу» (смотри «Русскій Земледѣлецъ» 1830 года № 8-й, страница 174). Въ III части, я постараюсь опредѣлить, сколько это заключеніе можетъ быть справедливо (**).

(*) Прошу читателя прочесть по этому предмету въ «La maison rustique du XIX. siècle» T. 4, стр. 305, въ книгѣ 7-й, посвященной устройству и распорядительной части сельскаго хозяйства «administration rurale» предисловіе, всю первую главу «De l'entrepreneur d'industrie agricole» и замѣтить 1-е отдѣленіе этой главы «De l'instruction agricole».

(**) Тэеръ первый раздѣлилъ ученіе о сельскомъ хозяйствѣ на три рода, сказавъ, что можно учиться этой промышлености какъ *ремеслу*, *искусству* и *наукѣ*, и полагая, что въ наукѣ состоитъ главная возможность приводить сельское хозяйство къ полезной цѣли (смотр. Раціональное Хозяйство Тэе-

Между-тѣмъ, книжное ученіе о сельскомъ хозяйствѣ, намъ Русскимъ, менѣе нежели кому нибудь принесло и можетъ принести пользу, какъ потому-что разсчеты нашего сельскаго хозяйства не допускаютъ насъ до сложныхъ, слѣдовательно и дорогихъ пріемовъ, такъ и отъ-того, какъ уже сказано, что нашимъ кабинетнымъ агрономамъ-писателямъ не извѣстны наши климаты, различныя наши мѣстности, требующія различныхъ устройствъ для хозяйствъ и различныхъ, каждой мѣстности приличныхъ, разсчетовъ. Слѣдовательно, у насъ и для насъ теорія землевоздѣлыванія и землеудобренія еще весьма-далека отъ-того, чтобъ быть во всѣхъ отношеніяхъ безошибочною, точною и хозяйству нашему полезною. О скотоводствѣ и распорядительной части говорить нѣчего. Въ этихъ отношеніяхъ найдутся у насъ дѣльныя записки многихъ помѣщиковъ; но въ показавшихся у насъ учебныхъ книгахъ, весьма-мало отъищемъ дѣльнаго и полезнаго для русскаго сельскаго хозяйства; вслѣдствіе этого, по зрѣлому разсужденію и безъ всякаго пристрастія, большая часть нашихъ сельскихъ хозяевъ видятъ въ нихъ только сбивчивые и убыточные для насъ толки и примѣры, выдаваемые нашими учителями, увлеченными системою и чужими мыслями, за неизмѣнныя и благотворныя правила, потому-что эти учители не обняли всѣхъ причинъ устройства нашихъ хозяйствъ, которыя, имѣя основаніемъ всегда-существующую между нашими южными, средними и сѣверными хозяйствами общую зависимость и вліяніе климата, оправдываются нашими разсчетами и получаемыми выгодами тамъ, *гдѣ онѣ отъ сельскаго хозяйства получаемы быть могутъ.*

ра Ч. 1, § 6, 7, 8, 9, и 10-й). Знаменитый агрономъ тутъ немного увлекся пламенными порывами въ пользу науки. Домбаль, его послѣдователь, изъяснился гораздо-точнѣе и основательнѣе. Онъ говоритъ: «Le point fondamental dans l'instruction qui peut assurer la réussite d'un agriculteur ce sont les connaissances agricoles proprement dites, que l'on peut considérer sous trois points de vue: les connaissances du métier, celles de l'art et celles de la science (Т. е. Основное ученіе, необходимое для успѣховъ хозяина, заключается въ познаніяхъ собственно-земледѣльческихъ, на которыя опирается сельское хозяйство. Эти познанія проявляются въ трехъ видахъ: какъ ремесло, искусство и наука»). Тутъ, подъ словомъ науки, Домбаль совсѣмъ не разумѣетъ высшаго разряда наукъ, которыя онъ называетъ прикладными, accessoires, но ту способность, которая изучаетъ отношенія между причинами и слѣдствіями, которая силится разсматривать въ общемъ объемѣ слѣдствія наблюденій практики и извлекать изъ нихъ правила, которыя тогда только сдѣлаются искусствомъ, когда практика утвердитъ за ними это преимущество.

ЗАПИСКИ ПЕНЗЕНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА О ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ЧАСТЬ II.

—

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Во многихъ періодическихъ нашихъ изданіяхъ, въ курсахъ сельскаго хозяйства и земледѣлія, гг. агрономы (какъ въ первой части этихъ «Записокъ» сказано) всегда намъ ставятъ въ образецъ устройство иностранныхъ хозяйствъ. Разсмотримъ, можетъ ли это устройство быть для насъ выгодно.

§ 1.

Устройство бельгійскаго хозяйства. Количество земли. Денежный капиталъ. Сѣвооборотъ. Произведеніе земли. Рабочій народъ и скотъ.

Въ Бельгіи, фермеръ, нанявъ 15 гектаровъ земли (13 десятинъ и 1890 квадратныхъ саженъ), изъ которыхъ 13 гектаровъ только пахатной, или 11 десятинъ и 2226 квадр. саженъ, которые, для круглаго счета, почислимъ полными 12-ю десятинами, долженъ имѣть не менѣе 8000 франковъ, или около 7200 рублей, на устройство маленькой своей фермы и хода своего хозяйства.

Чтобъ отчетность въ фермѣ была ясна и точна, эта сумма обыкновенно дѣлится на два особые капитала. Первый называется *шептель, или осѣдлымъ*. На него фермеръ строитъ нужное строеніе, покупаетъ скотъ, орудія и сбрую; для этого ему нужно около 2970 рублей. Другой называется *подвижнымъ, или оборотнымъ*. Этотъ капиталъ израсходывается ежегодно на плату за наемъ подённыхъ, или годовыхъ работниковъ и работницъ, за аренду, или за наемъ земли, налоговъ и повинностей; на покупку удобренія, на поддерживаніе въ исправности строенія, орудій, сбруи и на непредвидимые случаи. Онъ можетъ простираться до 4230 рублей. Слѣдовательно, бельгійскій фермеръ тратитъ изъ подвижнаго капитала 352 рубля 50 копеекъ, да считая по 12% на *осѣдлый*, 29 рублей 70 копеекъ,

всего круглымъ счетомъ 380 рублей ежегодно, на каждую имъ воздѣлываемую десятину, въ 2400 саженъ каждая.

Для того, чтобъ выручить это пожертвованіе, онъ разобьетъ, какъ у насъ говорится, свою землю на 5 полей. Но ближе было бы сказать, что бельгійскій фермеръ разобьетъ свой *огородъ* на 5 частей и учредитъ на нихъ слѣдующій сѣвооборотъ: 1-й участокъ засадивъ картофелемъ и снявъ его въ августѣ, въ тотъ же годъ осенью засѣваетъ озимою рожью. Со 2-го участка снявъ рожь, послѣ нея, въ тотъ же годъ снимаетъ еще рѣпу. Съ 3-го снимаетъ весною посѣянный овесъ, въ которомъ остается вмѣстѣ съ нимъ посѣянный клеверъ. Съ 4-го скосивъ два раза клеверъ, засѣетъ его осенью озимою пшеницею. Съ 5-го снимаетъ сперва пшеницу, а потомъ морковь, въ то же лѣто. Посредствомъ такого сѣвооборота, Бельгіецъ, слѣдовательно, получаетъ ежегодно съ пяти его полей 6 урожаевъ колосовыхъ и корнеплодныхъ растеній и два укоса клевера. Рабочій народъ въ такой фермѣ состоитъ изъ фермера съ женою, двухъ работниковъ, одного мальчика и двухъ работницъ, всего 7 человѣкъ. По нашему счету, это ровно три тягла, не полагая въ счетъ дѣтей и стариковъ, которые какъ въ Бельгіи, такъ и у насъ, при этихъ трехъ тяглахъ должны числиться. Скотоводство обыкновенно состоитъ изъ 10 коровъ и двухъ добрыхъ ѣзжалыхъ лошадей (*).

§ 2.

Вліяніе бельгійскаго климата на обработку и на способы удобренія земли, на посѣвы, домашнія и полевыя работы, и вліяніе нашего на эти же предметы. Наши денежные капиталы. Пролетаріи.

На обработку и удобреніе этихъ 12-ти десятинъ, бельгійскій фермеръ имѣетъ ежегодно не менѣе 5-ти мѣсяцевъ въ году болѣе нашего времени, потому-что жестокихъ морозовъ и глубокихъ снѣговъ въ Бельгіи нѣтъ; слѣдовательно, въ-продолженіе нашей глубокой осени, зимы и начала весны, т. е. съ октября до половины апрѣля, онъ имѣетъ время пахать свою землю, перепахивать, удобривать, обрывать, загораживать и обсаживать, не боясь, чтобъ его загороды, живыя и мертвыя, во время зимнее, занесло въ три-четыре аршина высоты сугробами снѣга, которые намъ весною должно было бы отрывать, иначе они не растаятъ до 1-го мая; а насажденія его были уничтожены 30-градуснымъ морозомъ. Въ это же время онъ имѣетъ возможность дорываться до глины и мергеля, чтобъ то и другое, равно какъ и навозъ, наваживать на песчаный участокъ своей земли, и зачинать весенніе посѣвы, не около 1-го мая, какъ у насъ, но въ мартѣ; а осенніе, не въ концѣ іюля и непремѣнно 1-го августа, но въ

(*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ «la Maison Rustique du XIX siècle» смотр. гл. 4, страницы 385 и 386.

сентябрѣ и октябрѣ; отъ-чего въ Бельгіи, какъ и у насъ на югѣ, время для удобренія, обработки и посѣвовъ гораздо-продолжительнѣе, нежели въ сѣверныхъ полосахъ. Въ-слѣдствіе этого, бельгійскій фермеръ подъ посѣвъ обработываетъ землю свою исподволь, соображаясь съ температурою и тѣмъ состояніемъ земли, въ которомъ бываетъ она отъ дождя, или засухи, имѣя возможность отложить обработку, или посѣвъ, не только на день, или на два, но на недѣлю, если земля слишкомъ-мокра, или очень-суха, и обращая въ такое время свою дѣятельность и силу свою на другія полевыя же работы.

Насъ, сѣверныхъ хлѣбопашцевъ,— особенно тамъ, гдѣ земледѣліе уже *начинаетъ* развиваться въ огромномъ размѣрѣ, на-прим., въ Губерніяхъ Казанской, Симбирской, въ сѣверной части Саратовской, въ южныхъ: Пензенской и Тамбовской (далѣе къ западу, подъ однѣми широтами, народонаселеніе живетъ тѣснѣе, слѣдовательно и посѣвы ограниченнѣе)—температура почти всегда лишаетъ возможности ожидать лучшаго времени для обработки земли, посѣвовъ, и даже уборки хлѣба, — потому-что яровые посѣвы, исключая гречи, должны у насъ, въ средней и сѣверной полосахъ, быть посѣяны всѣ въ-продолженіи двухъ, или, много, трехъ недѣль: съ 20-го апрѣля по 7-е мая; а озимой непремѣнно въ двѣ: съ 1-го по 15-е августа; къ этому еще,—всѣ они поспѣваютъ, исключая овощей и гороха, въ-продолженіи трехъ недѣль: съ 15-го іюля по 7-е августа, уже во время озимаго сѣва. Потому-то во многихъ отношеніяхъ, касающихся до обработки земли, посѣвовъ и уборки хлѣбовъ, всѣ наши разсчеты и наша теорія основаны на одномъ только: чтобъ не пропустить лишняго дня, лишняго часа, въ которые бы можно было не только засѣять и запахать побольше земли, *въ чемъ состоитъ главная наша выгода*, но и убрать кое-какъ поскорѣе урожай. Одинъ пропущенный день, какъ для яроваго, такъ и озимаго посѣвовъ, очень-часто производитъ неблагопріятное вліяніе на урожай и уборку.

Отъ этого же вліянія климата, въ лѣтнее время и особенно въ прекрасное осеннее, обыкновенно послѣ равноденствія бывающее, у Бельгійца остается также болѣе, нежели у насъ, времени на уборку хлѣбовъ и корнеплодныхъ растеній, которыя одни за другими поспѣваютъ съ іюля до поздней осени,—на разныя постройки, особенно каменныя,—равно какъ на содержаніе строеній, маленькаго огорода, садика и всей своей усадьбы, въ томъ опрятномъ видѣ, который прельщаетъ глаза путешественника, тѣмъ болѣе, что по ограниченному количеству земли вся она въ дѣлѣ.

У насъ, въ средней и сѣверной полосахъ, только для воздѣлыванія и уборки такого же пространства, т. е. 12 десятинъ, обыкновенными нашими способами, нужно имѣть, вмѣсто двухъ, три лошади и лишнее орудіе: потому-что нашему земледѣльцу остается для полевыхъ работъ гораздо-менѣе времени особенно тамъ, гдѣ хлѣбопашество, всегда вмѣстѣ съ скотоводствомъ, составляетъ хотя главную, но не единственную промышленость народонаселенія, т.

е. тамъ, гдѣ у народонаселенія, или въ имѣніи, находится не бѣдное количество пахатныхъ земель (*).

Но если у насъ, въ средней и сѣверной полосахъ, удобривать и обработывать землю по способу Бельгійцевъ, то намъ слѣдовало бы ограничиваться такимъ же малымъ пространствомъ полей, имѣть такое же число рукъ, лошадей и орудій, и столько же времени для полевыхъ работъ въ-продолженіи года, сколько и въ Бельгіи; или, при нашемъ климатѣ, чтобъ замѣнить недостатокъ времени увеличенною силою, надобно имѣть по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе работниковъ, ѣзжалыхъ лошадей и орудій, потому-что снѣгъ и жестокіе морозы осенніе и вешніе, грязь и гололедица прекращаютъ у насъ въ средней и сѣверной полосахъ на 6 или на 7 мѣсяцевъ въ году полевыя работы, равно какъ и тѣ, которыя требуютъ чистоты и опрятности около дома и на усадьбѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣверный климатъ прекращаетъ у насъ каменныя, кирпичныя и земляныя ра-

---

(*) Въ средней полосѣ, на-прим. въ Пензенской, Тамбовской, отчасти въ Саратовской или Симбирской Губерніяхъ, и тамъ, гдѣ почвы черноземныя мало или вовсе не удобряются,—гдѣ сѣются преимущественно рожь, овесъ и греча, потому-что они родятся тутъ лучше другихъ хлѣбовъ, подъ словомъ: «не бѣдное количество земли», надобно разумѣть, если имѣніе господское и въ немъ заведена господская полная запашка, господской пашни около двухъ экономическихъ десятинъ (каждая въ 3,200 квадратныхъ саженъ) и по $2^1/_2$ крестьянской, на каждое тягло, въ каждомъ изъ трехъ полей. Всего во всѣхъ трехъ поляхъ господской и крестьянской пашни около $13^1/_2$ экономическихъ десятинъ на тягло, или не много болѣе 17 казенныхъ;—если же оно оброчное, или казенное, неменѣе $7^1/_2$ экономическихъ десятинъ на тягло, или по 10 казенныхъ. Однако, во многихъ другихъ мѣстахъ той же средней полосы, гдѣ народонаселеніе живетъ просторнѣе, и особенно гдѣ почвы известковатыя, т. е. тамъ, гдѣ главные посѣвы опираются на яровую пшеницу и просо, на-прим., въ той же Саратовской или Симбирской Губерніяхъ, но на луговой сторонѣ Волги, надобно имѣть пахатныхъ земель по-крайней-мѣрѣ вдвое болѣе,— для того, чтобъ земледѣлецъ могъ послѣ трехъ, четырехъ урожаевъ обращать свою землю въ залежь, подъ паству скота; чтобъ она чрезъ нѣсколько лѣтъ опять собралась съ новыми силами и могла быть способною опять производить пшеницу и просо. Этимъ только простымъ способомъ, т. е. *многоземельемъ*, вообще у насъ, особенно въ южной полосѣ, земледѣлецъ избавляется труда удабривать свои пахатныя поля искусственнымъ удобреніемъ, которое, въ этихъ отношеніяхъ, всегда можно замѣнять многоземельемъ. Эта система земледѣлія у насъ, по-книжному, называется выгонною. Многоземелье даетъ всегда возможность въ южной и средней полосахъ Имперіи простыми, дешевыми пріемами производить огромныя количества хлѣба и содержать значительное скотоводство, что, совокупно съ огромнымъ числомъ хлѣбопашцевъ, понижаетъ въ средней и сѣверной полосахъ на то и другое цѣны, до того, что хлѣбопашество и скотоводство перестаютъ быть прибыльною промышленостію въ сѣверной полосѣ, при обыкновенныхъ цѣнахъ на хлѣбъ: климатъ, и отъ-того почва земли, требуютъ тутъ непремѣнно искусственнаго, дорогаго удобренія, которое не окупается низкими цѣнами на произведенія земледѣлія и скотоводства.

боты на 8 мѣсяцевъ, а деревянныя только на три мѣсяца. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему сельскіе жители на сѣверѣ всегда дѣлаютъ строенія изъ дерева.

Но этого мало: вмѣсто шести урожаевъ и двухъ укосовъ, которые получитъ Бельгіецъ съ пяти своихъ участковъ земли, въ нашихъ средней и сѣверной полосахъ, по причинѣ неотразимаго дѣйствія климата, мы можемъ снимать ежегодно только по 3 урожая и по одному укосу клевера. На отаву можемъ считать только въ южной полосѣ, и то въ рѣдкихъ мѣстахъ; потому-что эта полоса вообще безлѣсная, плоская и находится подъ вліяніемъ сухой температуры.

Именно: *съ 1-го участка* ничего; потому-что для посѣва озимой ржи, онъ долженъ быть весну и часть лѣта подъ паромъ, который въ средней и сѣверной полосахъ у насъ необходимъ для того, чтобъ въ краткіе промежутки времени между яровыми посѣвами, сѣнокосомъ, жнитвомъ ржи и ея посѣвомъ, можно было землю, приготовляемую къ озимому посѣву, очистить отъ сорныхъ травъ, хорошенько обработать и начать посѣвъ (въ средней и сѣверной полосахъ) непремѣнно съ 1-го августа, если нельзя ранѣе. Въ Бельгіи сѣютъ рожь въ сентябрѣ и октябрѣ; слѣдовательно, тамъ найдется время на очищеніе и приготовленіе земли для озимыхъ посѣвовъ и послѣ того, какъ съ нея снимется картофель, поспѣвающій какъ въ Бельгіи, такъ и у насъ, въ концѣ августа. Но у насъ онъ поспѣваетъ послѣ посѣва ржи и даже озимой пшеницы, а въ Бельгіи, по-крайней-мѣрѣ, мѣсяцемъ прежде озимаго сѣва. Вотъ почему въ Бельгіи, и во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ озимый сѣвъ начинается въ послѣднихъ числахъ сентября, октябрѣ и ноябрѣ, можно обходиться безъ пароваго поля, т. е. взять съ него, прежде посѣва озимаго хлѣба, урожай; а у насъ въ сѣверномъ климатѣ нельзя. Со 2-го участка снимется рожь, послѣ которой въ то же лѣто никакое однолѣтнее растеніе—корнеплодное, или какое другое—сѣять у насъ тоже невозможно, потому-что оно не вызрѣетъ. Съ 3-го — овесъ, въ которомъ останется посѣянный клеверъ (полагая, что мѣстность дозволитъ посѣвъ клевера). Съ 4-го снимется одинъ укосъ клевера въ концѣ іюня; послѣ чего надобно землю немедленно вспахать и дать ей хоть малое время попрѣть, для надежнаго посѣва, въ половинѣ августа, озимой пшеницы. Съ 5-го — пшеница, послѣ которой, такъ же какъ и послѣ ржи, ничего сѣять нельзя. Слѣдовательно, Бельгіецъ получаетъ съ одного и того же пространства земли, сверхъ того, что можетъ получать русскій земледѣлецъ, три лишніе урожая: картофеля, рѣпы и моркови, да лишній укосъ отавы клеверной.

Если русскій земледѣлецъ захочетъ получать то же количество произведеній, которое получаетъ Бельгіецъ, ему нужно будетъ увеличить пространство своей пахатной земли на $^3/_8$, и для обработки этого лишняго пространства, слѣдовательно, надобно будетъ увеличить количество удобренія, число орудій, рабочихъ людей и лошадей. По этому счету выходитъ: что еслибъ намъ, сѣвернымъ хлѣбопашцамъ, захотѣлось обработывать землю по-бельгійски и по-

лучать равныя количества произведенiй, намъ нужно увеличить дѣйствующую силу болѣе нежели въ три раза противъ Бельгiйца, и все успѣхъ будетъ ненадеженъ, если на этомъ, тщательно воздѣланномъ пространствѣ, будемъ мы сѣять корнеплодныя и масляныя растенiя, озимыя—овесъ и ячмень, и тѣ же травы для искусственныхъ луговъ, которыя въ Бельгiи сѣются,—потому, съ одной стороны, что нашъ жестокiй климатъ не допускаетъ въ средней и сѣверной полосахъ дѣлать нѣкоторую часть бельгiйскихъ посѣвовъ, легко вымерзающихъ во время зимы, или безснѣжной осени; съ другой отъ-того, что корнеплодныя растенiя для насъ мало выгодны: сохранять ихъ большими количествами малымъ иждивенiемъ, какъ это дѣлается въ Бельгiи, намъ невозможно; кормить ими скотъ, зимою, затруднительно и невыгодно; а требованiе на нихъ можетъ быть только въ большихъ городахъ, которые у насъ очень-рѣдки. Даже искусственные луга клевера, или тимоѳеевой-травы, рѣдко-гдѣ удаются, потому-что эти посѣвы требуютъ влажнаго лѣта, или влажной, сильно-удобренной почвы и умѣреннаго климата, который, у насъ, подъ влiянiемъ двухъ противоположностей, неизвѣстныхъ въ Бельгiи и Англiи: сначала весны, по сходѣ снѣга и въ срединѣ лѣта, у насъ бываютъ частыя засухи и нестерпимые жары; въ концѣ же лѣта, около 20-го августа, ужь начинаются морозы, увеличивающiеся въ сентабрѣ до того, что земля во весь день иногда не оттаеваетъ. Потомъ, въ началѣ ноября морозы доходятъ до 15°—20°, даже и тогда, когда земля не покрыта снѣгомъ; главная причина этому—сѣверо-восточное наше географическое мѣстное положенiе и длинныя осеннiя ночи (*).

(*) О влiянiи нашей измѣнчивой и не въ каждомъ году одинаковой температуры на растительность подробно говорено въ 1-й части этихъ «Записокъ», посвященной теорiи сельскаго хозяйства. Здѣсь повторяю, что влiянiе температуры на растительность тѣмъ благотворнѣе, чѣмъ переходъ ея отъ тепла къ холоду менѣе быстръ и разница между maximum тепла и minimum холода менѣе значительна. Эта разница не только между лѣтнею и зимнею температурами у насъ несравненно сильнѣе, нежели на западѣ въ Европѣ, но и переходъ ея отъ тепла къ холоду и наоборотъ, гораздо-быстрѣе, т. е. температура наша гораздо-измѣнчивѣе, и потому менѣе благотворна для растительности. Вотъ среднiя температуры Москвы и Эдинборга, лежащихъ почти подъ одною широтою:

Средняя температура:

	Года.	Зимы.	Лѣта.	Разность.
Въ Москвѣ.	$+3^{\circ}$	$-9\frac{1}{2}^{\circ}$	$+15^{\circ}$	$24\frac{1}{2}^{\circ}$
— Эдинборгѣ.	$+7^{\circ}$	$+2\frac{1}{2}^{\circ}$	$+11\frac{1}{2}$	9°

(—значитъ холода, +тепла). Изъ этой метеорологической таблицы ясно, что въ Москвѣ средняя температура зимы 12° холоднѣе, а лѣто $3\frac{1}{2}^{\circ}$ теплѣе, нежели въ Эдинборгѣ. Отъ-того средняя разность между пониженiемъ и возвышенiемъ тепла и холода въ Москвѣ сильнѣе $15\frac{1}{2}^{\circ}$. Но если взять въ соображенiе maximum тепла и minimum холода, въ то время, какъ растительность въ полномъ ростѣ, т. е. главное отношенiе климата къ растительности, то разница будетъ ужасная, потому-что въ Московской Губернiи случаются екс-

Вешнія засухи вредятъ росту клевера; жары изсушаютъ безвременно его листья и тимоѳееву траву; а сильные морозы, начинающіеся, въ средней полосѣ, около 20-го августа, прекращаютъ почти всю растительность, особенно однолѣтнихъ растеній. Потомъ, сверхъ продолжительной зимы, если снѣгъ сходитъ въ мартѣ и апрѣлѣ медленно, подснѣжная вода часто губитъ озимые посѣвы, какъ это и случилось въ 1839 году.

Но тутъ еще не оканчиваются затрудненія и недочеты того земледѣльца, который захотѣлъ бы у насъ ввести бельгійское устройство хозяйства. Всѣ строенія: жилище хозяина, анбары для храненія хлѣба, хлѣвы, сараи и всѣ помѣщенія, у насъ—въ средней и сѣверной полосахъ, вообще строятся деревянные, согнивающіе и сопрѣвающіе, по милости нашей разрушительной температуры, обыкновенно чрезъ 20—30 лѣтъ; тогда-какъ въ Бельгіи, съ малыми поправками, они стоятъ отъ 120 до 200 лѣтъ. Притомъ наши строенія дешевы только въ лѣсныхъ мѣстахъ; въ степныхъ же мѣстахъ, всякая отчетливая постройка обходится не дешевле бельгійской. Если бы замѣтили на это: почему не строиться изъ камня, или кирпича? Потому,—отвѣчаю,—что у насъ, говоря общественно, во-первыхъ, не найдется для такихъ построекъ двухъ главныхъ предметовъ—времени и денегъ; во-вторыхъ, на открытыхъ мѣстахъ у насъ, въ сѣверной и средней полосахъ, аршинная кирпичная, не только каменная, стѣна промерзаетъ; отъ-чего, во всю зиму, въ низкихъ жилыхъ кирпичныхъ строеніяхъ обыкновенно бываетъ нестерпимый угаръ и вообще сырость (*), а не жилыя строенія, разъ

годно морозы въ апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и иногда въ іюлѣ, и хоть рѣдко, но въ такой же степени жары; слѣдственно, разность между пониженіемъ и возвышеніемъ температуры доходитъ до 31°, тогда-какъ въ Эдинборгѣ она, не будучи колеблема столь сильными и быстрыми пониженіемъ и возвышеніемъ, какъ у насъ, гораздо-постояннѣе; морозы тамъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ едва ли бываютъ; и сверхъ того, она въ Эдинборгѣ гораздо-влажнѣе; а потому температура Эдинборга благотворнѣе для растительности.

Лѣтняя температура въ Палермѣ maximum +30° minimum +14½°, слѣдовательно, въ Палермѣ лѣтняя чувствительная разница 15½°, въ Пензѣ 35° и въ томъ числѣ морозы, бывающіе почти ежегодно.

(*) Многіе помѣщики, не щадя издержекъ, строили своимъ крестьянамъ изъ кирпича избы, не вѣря, чтобъ тщательно-возведенное строеніе могло промерзать. Но слѣдствія обнаружили ихъ невниманіе къ опытности. Въ Пензенской Губерніи можно кое-гдѣ встрѣтить такія избы. За то зимою, въ сильные холода, ежедневный угаръ—ихъ неотъемлемая принадлежность, и этотъ угаръ тѣмъ сильнѣе, что нечистота, неопрятность—спутницы въ жизни того крестьянина хлѣбопашца, который половину года живетъ въ одной избѣ со скотомъ своимъ.

Для жилищъ, строенія, по способу Герарда сдѣланныя, не имѣютъ сказанныхъ недостатковъ, но они требуютъ во всѣхъ отношеніяхъ отлично-прочнаго кирпича, который не вездѣ имѣть можно, и большой точности во всей работѣ; что съ нашими рабочими дѣло весьма-затруднительное; и сверхъ того, подобно всякому каменному зданію, оно не иначе должно строиться, какъ въ лѣтнее время года, которое у насъ обречено на полевыя работы.

промерзнувъ, при внезапной оттепели покрываются льдомъ, или инеемъ, отъ-того, что понизившаяся быстро температура не въ состояніи также быстро передать свою теплоту каменной стѣнѣ, которая остается и послѣ прекратившагося мороза еще на нѣкоторое время промерзнувшею. По этой причинѣ, хранить хлѣбъ въ каменныхъ и кирпичныхъ магазинахъ невозможно, не сдѣлавъ деревянной обшивки по стѣнамъ. Эта же, впрочемъ, всѣмъ мыслящимъ хозяевамъ извѣстная причина, уничтожаетъ сцѣпленіе всякаго рода необожженыхъ кирпичей, отъ-чего глино-соломенныя, или земле-соломенныя, особенно жилыя строенія, въ сѣверномъ климатѣ, такъ непрочны, а землебитныя, *испаровскія*, ни на что не годятся. Сверхъ-того, мы, сѣверные хлѣбопашцы, должны имѣть еще лишнее противъ Бельгійца строеніе для приготовленія нашего хлѣба на продажу, или потребленія, требующее большой заботы и не малаго иждивенія,— овинъ, для сушки зерна въ снопахъ: молотьба у насъ начинается осенью и оканчивается зимою; въ это время, намоченныхъ осенними дождями, или зимними снѣгами сноповъ чисто обмолотить, безъ исправнаго овина, невозможно. Въ Бельгіи, какъ и у насъ на югѣ, вся молотьба сыромолотная, которую сѣверный климатъ рѣдко допускаетъ.

Изъ этого сравненія, кажется, понятно: что если оцѣнивать произведеніе временемъ, работою, или количествомъ его (*), оно намъ въ сѣверномъ климатѣ обходиться должно несравненно-дороже, нежели Бельгійцу, если мы будемъ удобривать и воздѣлывать землю одинакими съ нимъ пріемами; это давнымъ-давно всѣмъ опытнымъ нашимъ хозяевамъ извѣстно, и единогласно подтверждается иностранными писателями (Смотри русскій переводъ: «Практическаго и умозрительнаго земледѣлія, Синклера». Ч. 1, стр. 21 и 22. «Дѣйствіе климата на произведенія» и «Зависимость издержекъ на воздѣлываніе—отъ климата»). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выше говорено, посѣвы будутъ во многихъ отношеніяхъ неумѣстные и повлекутъ за собою невыгоды для хозяина и тяжкіе убытки.

Наконецъ, главная опора отчетливаго хозяйства — денежные капиталы. Спора, кажется, не можетъ быть въ томъ, что мы ими не богаты, потому-что они могутъ рождаться и возрастать отъ сельскаго хозяйства только *въ пропорціи цѣнъ на произведенія этого хозяйства*. Тамъ, гдѣ эти произведенія сбываются обыкновенно по такимъ низкимъ цѣнамъ, какъ у насъ, денежные капиталы бываютъ всегда очень-бѣдны, отъ-чего и круговращеніе денежное весьма-слабо. Сильные капиталы, употребляемые въ Западной Европѣ на улучшеніе сельскаго хозяйства, опираются на высокія цѣны, по коимъ хозяева продаютъ свои произведенія.

Сверхъ-того, при сложномъ и искусственномъ устройствѣ хозяйства, наши помѣщики встрѣтили бы важное неудобство въ томъ, что

(*) Оцѣнивать работу деньгами вездѣ можно; но эта оцѣнка будетъ мѣстная, слѣдовательно, чрезвычайно-разнообразная, почему и отведетъ читателя отъ заключеній общихъ, которыя въ этомъ случаѣ предлагаются.

мы не имѣемъ для отчетливыхъ полевыхъ работъ пріученныхъ и надежныхъ работниковъ, которые тогда только явятся, когда въ нихъ будетъ общая, а не частная нужда; а это можетъ случиться тогда только, когда будутъ у насъ пролетаріи, особенный классъ рабочаго народа, какъ въ Западной Европѣ, неимѣющій поземельной собственности и вообще домашней, ему принадлежащей осѣдлости.

§ 3.

Скотоводство въ Бельгіи и у насъ. Улучшенная порода рогатаго скота. Почему для насъ она невыгодна.

Скотину въ Бельгіи кормятъ, во всѣ 12 мѣсяцевъ въ году, зеленымъ кормомъ съ малымъ прибавленіемъ сухаго; и это потому опять, что большихъ снѣговъ и жестокихъ морозовъ — нашей русской зимы,—тамъ не бываетъ. Слѣдовательно, не только нѣтъ никакого затрудненія кормить скотъ кореньями, но въ то время, какъ у насъ всѣ поля покрыты бѣлою снѣжною пеленою, или еще безъ снѣга стоятъ двадцати-градусные морозы, и скотъ по необходимости должно прокармливать сухимъ кормомъ,— тамъ искусственные луга и коренья, собранные съ нивъ, или оставленные на нивахъ на зиму (какъ это дѣлается въ Англіи), даютъ скоту обильный кормъ. Сверхъ-того, по ограниченному пространству земли, не имѣя возможности содержать скотину на паствѣ, искусственные луга съ ранней весны до поздней осени даютъ возможность Бельгійцу кормить свой скотъ, большую часть времени въ году, въ конюшнѣ; отъ этого гораздо-болѣе собирается навоза. Между-тѣмъ, скотина ничего не топчетъ, не портитъ, да и самый пометъ ея всегда прибранъ и употребленъ въ дѣло. Въ этомъ-то послѣднемъ случаѣ, особенно западный хозяинъ опирается на искусственные луга, которыхъ назначеніе состоитъ не только въ томъ, чтобъ получать съ нихъ двойные обильные покосы, но скашивая малую часть ихъ ежедневно для корма содержимаго на стойлѣ скота, во время, гораздо-болѣе нежели у насъ продолжительное, доставлять ему обильное содержаніе на малыхъ пространствахъ сверхъ пастбища, которое можетъ продолжаться на нихъ во всю зиму. Этой-то огромной выгоды, съ одной стороны, мы лишены нашимъ климатомъ; съ другой, гдѣ у насъ скотоводство даетъ хозяину существенныя выгоды—тамъ вообще дешевая земля и многоземелье, во все продолженіе времени подножнаго корма, даютъ возможность содержать скотъ на этомъ дешевомъ пастбищѣ, безъ всякихъ искусственныхъ луговъ, и не запирая его на это время въ конюшни. Весьма-понятно, что такое безъискусственное, простое содержаніе обходится гораздо-дешевле иностраннаго искусственнаго, которое обошлось бы намъ до того дорого, что продажа скота ни въ какомъ отношеніи не могла бы окупить расходовъ; слѣдовательно, искусственные луга

не могутъ намъ доставить равномѣрныхъ выгодъ, и скотъ, по-бельгійски содержимый, доставилъ бы хозяину одни убытки.

Наши теористы ставятъ намъ въ образецъ это иностранное содержаніе, равно какъ улучшенныя породы рогатаго скота, содержимаго въ Бельгіи, Голландіи, особенно въ Англіи, и желаютъ, чтобъ въ нашихъ хозяйствахъ былъ заведенъ такой же скотъ...

О содержаніи было говорено; теперь изслѣдуемъ, какія обстоятельства содѣйствовали и содѣйствуютъ западнымъ хозяевамъ улучшать породу скота, и почему мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣрамъ при его воспитаніи.

Но прежде, нежели коснемся этого предмета, нужно имѣть общее понятіе о способахъ Россіи въ-отношеніи къ содержанію скотоводства, и о ходѣ торговли скотомъ: эти два обстоятельства откроютъ намъ тѣ разсчеты, на которые опираются наши хозяева во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, и дадутъ точку опоры, для того, чтобъ опредѣлительно судить объ этомъ предметѣ.

На южныхъ нашихъ степяхъ: екатеринославкихъ, херсонскихъ, таврическихъ, астраханскихъ, отчасти саратовскихъ и оренбургскихъ, на Землѣ Донскихъ Казаковъ, въ Черноморіи и въ Кавказской Области, народонаселеніе, на привольномъ просторѣ, содержитъ свой многочисленный скотъ совершенно-патріархально, потому-что климатъ и обиліе въ дешевой землѣ даютъ возможность содержать его во всѣ времена года на подножномъ корму, или съ малыми на зиму запасами. Тутъ замѣтна Азія во всѣхъ пріемахъ и разсчетахъ.

Въ губерніяхъ, сѣвернѣе лежащихъ, должно запасать на зиму сухаго корма для разнороднаго скота на 160, или на 240 дней. Слѣдовательно, въ южныхъ, содержаніе скота мало, или почти ничего не стоитъ; а въ сѣверныхъ, оно обходится тѣмъ дороже, чѣмъ мѣстность сѣвернѣе.

Южный скотъ отъ Кубани, низовьевъ Волги и Яика, отъ подножія Кавказа и съ береговъ Чернаго и Азовскаго Морей, съ саратовскихъ, оренбургскихъ, симбирскихъ, астраханскихъ, таврическихъ и донскихъ степей идетъ чрезъ всѣ великороссійскія губерніи въ Москву и Петербургъ на продажу, безъ пошлинъ и какихъ-либо акцизовъ въ пользу сѣвернаго скотоводства, и продается на однихъ рынкахъ съ тѣмъ, который родится и выкармливается въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ. Слѣдовательно, цѣна этому южному скоту, всегда низкая, должна имѣть прямое и неотразимое вліяніе на тѣ цѣны, по которымъ сельскіе жители среднихъ и сѣверныхъ губерній продаютъ свой скотъ и по которымъ покупается тамъ мясо, сало и кожи. Вотъ отъ-чего на базарахъ Пензенской Губерніи довольно-часто продается говядина по 1 р. 50 копеекъ ассигнаціями за пудъ; а въ Москвѣ и Петербургѣ можетъ она продаваться по 6 рублей.

Въ Германіи, Франціи, Англіи, Фландріи и Голландіи усовершенствована и поддерживается улучшенная порода домашняго скота, потому-что пудъ говядины продается тамъ отъ 16 до 24 рублей,

масло 40 рублей." Цѣны эти окупаютъ искусственное содержаніе и могутъ доставить прибыль разсчетливому хозяину. Но у насъ, при существующемъ ходѣ дѣлъ сельскаго хозяйства, и происходящихъ отъ-того цѣнъ на мясо, масло и кожи — какая возможность безъ убытка, гдѣ бы то ни было въ Имперіи, содержать рогатый скотъ сколько-нибудь отчетливымъ, или искусственнымъ образомъ, и поддерживать улучшенную породу животныхъ, которая выведена и поддерживается единственно приличнымъ для улучшенной породы содержаніемъ и обильнымъ, слѣдовательно, всегда дорогимъ кормомъ (*)? Конечно, никакой. По этимъ-то причинамъ, скотоводство въ сѣверной полосѣ содержится, по необходимости, всегда на тощемъ, не заботливомъ содержаніи; а въ средней сколько-можно-ближе къ патріархальному порядку. Иначе, мы не могли бы выдержать совмѣстничества съ южными нашими хозяевами. На этихъ разсчетахъ основалось у насъ скотоводство, судя по капиталу, на него употребленному, въ южныхъ мѣстахъ очень-выгодное, въ среднихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ выгоднаго сбыта на сѣно и солому, неубыточное, дающее между-тѣмъ возможность не дорожить ужасною и неотразимою убылью въ нашемъ тощемъ и дешевомъ скотѣ, всегда бывающею въ годы неизобильные, или неблагопріятные по лѣтней, знойной температурѣ. Коротко сказать, эти совершенно-азіатскіе разсчеты, нашими агрономами неизслѣдованные и Европѣ неизвѣстные, служатъ главною причиною тому, что опытные хозяева, имѣя въ предметѣ получать съ хозяйствъ своихъ несомнѣнную выгоду, не позволяютъ себѣ увлекаться ошибочнымъ предположеніемъ — чтобъ содержаніе отличнаго и породистаго рогатаго скота могло доставлять увеличенную прибыль. Можно себѣ представить, какую въ этомъ случаѣ пользу хозяевамъ принесетъ страховое для скота общество, и можно ли въ настоящее время сочетать выгоды акціонеровъ такого общества съ выгодами помѣщичьими? При торговлѣ скотомъ—дѣло другое: гуртовщики, гоняющіе скотъ на продажу въ Москву и Петербургъ, вѣроятно воспользуются условіями общества, потому-что эти условія, обезпечивая ихъ отъ потерь, лягутъ на покупщиковъ.

Но и эти, кажется, довольно-убѣдительныя причины, еще не пополнены. Тутъ ничего не сказано о неотразимыхъ падежахъ и эпидемическихъ болѣзняхъ, посѣщающихъ наши стада и табуны, если не ежегодно, то ужь непремѣнно въ то время, когда лѣто стоитъ сухое и знойное. Въ Западной Европѣ только мериносы подвержены сильнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ, и то потому-что изъ нынѣш-

---

(*) Различныя улучшенія породы рогатаго скота: свиней, лошадей и овецъ выведены не природою, а человѣкомъ посредствомъ корма, содержанія и совокупленія; природа же, безъ этихъ усилій человѣка, въ малое число поколѣній превратитъ въ нашемъ климатѣ, при скудномъ кормѣ, прекраснѣйшую породу въ хилую, малорослую, или уничтожитъ въ ней тѣ качества, которыя даны ей искусственно человѣкомъ.

нихъ мериносовъ, заводчики, гоняясь за тонкою волною, образовали вообще хилыхъ животныхъ, съ тонкою безъ мѣры кожею, способною носить тончайшую волну. У насъ есть разнаго рода оспа на овецъ, чума, сибирская язва, и другія острыя эпидемическія болѣзни рогатаго скота; моръ на куръ, индѣекъ (даже зайцевъ), разныя сложныя и острыя болѣзни на лошадей: все это случается, и можно сказать, непремѣнно случится въ концѣ іюля и началѣ августа, если лѣто, какъ сказано, стоитъ жаркое и сухое. Для того, чтобъ увѣриться въ очевидности этой напасти, разсуждать много не нужно; стоитъ только посмотрѣть на скотъ въ это время, или вскрыть трупъ послѣ смерти животнаго, павшаго отъ эпидеміи. Тотчасъ убѣдиться можно, что засухи и жары всему причиною, какъ собственно по причинѣ зноя, отъ котораго скотинѣ укрыться нѣкуда, такъ и отъ высушеннаго жарами корма, котораго желудокъ не перевариваетъ. Вотъ источникъ всѣхъ болѣзней скота, которыя еще поддерживаются прогономъ зараженнаго скота, идущаго на дальнія разстоянія, на ярмарки, базары и въ столицы. Отъ-того, когда покажется въ одномъ мѣстѣ болѣзнь, она немедленно разносится по многимъ путямъ торговымъ. Тутъ никакія полицейскія мѣры не въ состояніи остановить, или прекратить зло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ іюлѣ и августѣ стоитъ время сухое и жаркое, немедленно появляется ужасное количество насѣкомыхъ разнаго рода. Изъ нихъ, въ средней полосѣ, опаснѣйшія и наносящія болѣе всѣхъ вреда, во-первыхъ, мошки, поядающія свекловицу (въ прошломъ, 1841 году, сколько мнѣ извѣстно, въ средней полосѣ вездѣ свекловица была поѣдена ими); потомъ, червь, пожирающій съ необыкновенною быстротою овесъ, другой—гречу, третій—капусту. Вмѣстѣ съ ними покажутся слѣпни, отъ которыхъ скотинѣ нѣкуда дѣваться; наконецъ, червь, поядающій озимь, котораго опустошенія не могутъ быть такъ сильны на западѣ Европы, потому-что сѣвъ озимый дѣлается тамъ гораздо-позднѣе нашего, когда черви подобнаго рода не вредятъ болѣе посѣвамъ. Въ южной полосѣ саранча и разнаго рода другія насѣкомыя, вредныя для посѣвовъ и фруктовыхъ деревьевъ,—и все это слѣдствіе обыкновенное: вездѣ лѣтомъ, при постоянной засухѣ и жарахъ, распложается множество насѣкомыхъ, тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ дни лѣтомъ долгіе и много земли не воздѣланной. Уничтожаютъ ихъ только дожди и холодное время. Но когда атмосфера не охлаждается ни дождями, ни суровымъ временемъ, наши домашнія животныя, безъ труда привыкшія выносить двадцати-пяти градусные морозы, которые иногда превращаются въ тридцати-градусные постоянные жары, какіе у насъ бываютъ въ сухое лѣто, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ,—не выносятъ; да и какъ ихъ вынести, когда разница между maximum тепла и холода отъ 60° до 64°—ужасно! Между-тѣмъ, это факты неоспоримые. Такія жестокія принадлежности жаркаго лѣта, отражающіяся на посѣвахъ и скотоводствѣ, неизвѣстны ни въ Англіи, ни въ Бельгіи. Тамъ климатъ умѣренный; разница между холодною и жаркою тем-

пературами, какъ уже сказано, едвали выше 35°, отъ-чего климатъ способнѣе и выгоднѣе для того и другаго.

Конечно, съ другой стороны, наши длинные лѣтніе дни и слѣдствія ихъ: жаркая лѣтняя температура — величайшее благо, данное Провидѣніемъ сѣвернымъ странамъ. Наши средняя и сѣверная полосы были бы едва обитаемы, еслибъ солнце шло по экватору, а не по эклиптикѣ; тѣмъ болѣе, что онѣ удалены отъ средняго океана, не защищены отъ сѣверныхъ вѣтровъ, или мѣстами не мало возвышены отъ уровня моря.

Для повѣрки этихъ разсчетовъ и соображеній, стóитъ только спросить: почему ныньче многіе помѣщики уничтожили свои прекрасные заводы рогатаго скота? Можно сказать рѣшительно, что всякій заводъ такой иностранной улучшенной породы, которая бы давала болѣе нашей мяса, масла и сала, въ сѣверной и средней полосахъ не окупитъ издержекъ и не доставитъ прибыли хозяину. Такое скотоводство, какъ скаковыя лошади (*) и борзыя собаки, могутъ нынѣ быть у насъ только принадлежностію роскоши. А въ южной поло-

---

(*) Въ примѣръ тутъ поставлены скаковыя лошади только въ-отношеніи разсчетовъ сельскаго хозяйства, которые не допускаютъ въ своихъ заведеніяхъ безполезной роскоши и всѣхъ тонкостей скаковаго ремесла на скачкахъ и оцѣнки лошадей только по генеалогическимъ дипломамъ. Эти подсобныя средства, конечно, сильны. Но ни азартная игра скачекъ, ни генеалогическіе дипломы, ни даже убѣдительныя доказательства тѣхъ почтенныхъ особъ, которыхъ мнѣніемъ мы привыкли дорожить, не въ состояніи изъ «чисто-кровной» скаковой лошади сдѣлать лошадь, способную къ ѣздѣ, потому-что чистая скаковая лошадь должна быть сложена такъ, чтобъ она могла скакать долговременно, съ нетяжелымъ вѣсомъ, бывъ къ тому предварительно приготовлена. А это сложеніе, если разбирать его механически, должно быть противоположно красивому, покойному движенію и всѣмъ способностямъ, которыя требуются отъ *возовой*, *каретной* или *верховой* лошади—не исключая силы и нрава, судя по многолѣтнимъ опытамъ и наглядному сравненію. Слѣдовательно, на скаковыхъ лошадей не можетъ быть требованія постояннаго, вѣрнаго. Сбытъ такихъ лошадей—случайная прихоть богатаго человѣка; для него скаковыя лошади и скачки только невинная и весьма-занимательная забава, въ которой, къ тому еще, принимаетъ живое участіе публика. А потому, заводъ скаковыхъ лошадей, по моему мнѣнію, не можетъ входить въ статью сельскаго хозяйства, особенно «раціональнаго», о которомъ такъ много нынѣ начали заботиться, и которое должно производить только то, что даетъ постоянную и вѣрную выгоду и можетъ безъ затрудненій скоро сбываться на ближнихъ рынкахъ на *чистыя деньги*. Это послѣднее обстоятельство тоже дѣло необходимое для «раціональнаго» сельскаго хозяина; иначе, т. е. когда произведеніе какого-нибудь заведенія на ближнихъ рынкахъ сбываться не можетъ, то заведеніе уже не входитъ въ кругъ сельскаго хозяйства, а должно быть причислено къ фабричному, потому-что тогда владѣльцу нужно имѣть, сверхъ употребленнаго, еще запасный капиталъ и войдти по кредитивнымъ денежнымъ счетамъ въ коммерціальный кругъ дѣйствія, который для помѣщика-дворянина затруднителенъ по многимъ отношеніямъ.

съ и подавно! Тамъ только мѣстная порода, привыкшая къ тамошнему климату, корму и содержанію, способна давать доходъ хозяину.

Эти хозяйскіе разсчеты относятся не только къ рогатому скоту, но во многихъ мѣстностяхъ заводы лошадей входятъ въ ту же категорію, особенно если хозяинъ не пріобщаетъ къ опытности и дѣятельности своей цыганства, шарлатанства и барышничества. То же можно сказать объ огромной породѣ свиней. Даже мериносы, бывшіе до 1841 года самою выгодною отраслію скотоводства, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средней полосы и почти-повсемѣстно въ южной, никогда не обѣщали и не обѣщаютъ выгодъ, если хозяинъ будетъ разсчитывать *на тончайшую волну*. Коротко сказать, что тамъ у насъ, гдѣ можно продавать на мѣстѣ сѣно отъ 40 до 50 копеекъ за пудъ, а солому отъ 20 до 30 копеекъ, нѣтъ никакой надежды получать прибыль отъ скотоводства, какого бы оно рода ни было. Конечно, необходимость заставляетъ и въ этихъ мѣстностяхъ содержать нужное для хозяйства; но за то, исключая ѣзжалыхъ лошадей, и содержится оно очень-часто на такомъ корму, который, во время зимы, только спасаетъ его отъ голодной-смерти, и то не всегда.

Изъ множества примѣровъ, которые доказали бы всю справедливость этого заключенія, обратимъ вниманіе читателя на одинъ, доказывающій вмѣстѣ съ тѣмъ и сметливость нашихъ крестьянъ. Въ Тверской и Ярославской Губерніяхъ, какъ и вездѣ, крестьяне обязаны держать лошадей для воздѣлыванія земли, для своихъ надобностей и, главное, для извозовъ. Тутъ, во многихъ мѣстахъ, они содержатъ для этихъ нуждъ великорослыхъ красивыхъ кобылъ и общественныхъ жеребцовъ, довольно-дорогихъ—единственно для того, чтобъ продавать жеребцовъ сосунками, и брать за нихъ не низкія цѣны. Осенью на ярмаркахъ, въ городахъ и по базарамъ, особенно въ Ростовѣ, Кашинѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, можно покупать ихъ сотнями, отъ 10 до 20 рублей за жеребенка. Но почему крестьянинъ отдаетъ жеребенка, который чрезъ полтора года будетъ стоять 150 рублей, за такую низкую цѣну? Потому-что кормъ, въ продолженіе года, дороже ему прійдется, нежели чего будетъ стоять полуторо-годовалый его жеребенокъ.

Между-тѣмъ, въ нашихъ учебныхъ книгахъ для сельскаго хозяйства толкуютъ намъ, иностраннымъ толкомъ, о разведеніи улучшенныхъ породъ домашняго скота, отъ котораго выгоды и убытки, въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, мы давно разочли; учатъ насъ, какъ его кормить, поить и содержать, что мы давно уже знаемъ; одно забыли: какъ безъ убытка его продавать! Это, впрочемъ, такъ и быть должно, когда ученіе объ этомъ предметѣ не что иное, какъ сколокъ съ иностранныхъ изданій, да еще сколокъ весьма-опрометчивый, потому-что иностранцы, изъясняя свое ученіе, вездѣ опираются на свои обычаи, климатъ и, что всего важнѣе, на свои законы, цѣны и разсчеты. Все это въ нашихъ учебныхъ книгахъ упущено изъ виду, равно и то, что эти разсчеты установили у иностранцевъ, на произведенія сельскаго хозяйства, цѣны сообразныя труду и рас-

ходамъ; между-тѣмъ, какъ законоположеніе, на малыхъ, по сравненію съ обширностью нашей земли пространствахъ, охраняетъ трудъ отъ потерь, которыя могли бы произойдти отъ привоза тѣхъ же продуктовъ изъ чуждыхъ странъ, гдѣ ихъ производятъ до того дешево, что не смотря на дальній привозъ, они сходнѣе могли бы продаваться, нежели туземные; такая продажа дѣлалась бы въ ущербъ мѣстнымъ хозяевамъ, приспособившимъ свои хозяйства къ требованіямъ тѣсно-живущаго народонаселенія, и разсчетшимъ свои выгоды на основаніи такого же охранительнаго законоположенія, которое блюдетъ у насъ юную фабрикацію многихъ предметовъ отъ чуждаго намъ дѣятельнаго, болѣе-совершеннаго и опытнаго совмѣстничества, имѣющаго возможность почти всѣ предметы этой нашей фабрикаціи, выходящіе изъ самаго низкаго разряда, настоящіе и будущіе, производить и дешевле, и лучше, и прочнѣе.

Что сдѣлалось бы съ фермерами и хозяевами-помѣщиками Англіи, Франціи, Германіи, Бельгіи и Голландіи, еслибъ наши хлѣбъ, скотъ, масло, сало и хлѣбное вино ввозились безпошлинно въ эти государства? Производя свои работы наймомъ, слѣдовательно, имѣя возможность оцѣнивать точно и для всѣхъ однообразными способами во что имъ обходятся (*) произведенія сельскаго хозяйства, они должны бы, въ этомъ случаѣ, уничтожить хлѣбопашество, скотоводство и винокуреніе, или терпѣть отъ своихъ заведеній ужасные убытки, потому-что наши произведенія съ провозомъ могли бы тамъ продаваться гораздо-ниже тѣхъ цѣнъ, по коимъ ихъ произведенія обходятся производителямъ. Или, снимите у насъ пошлину съ иностранныхъ суконныхъ, шолковыхъ и бумажныхъ издѣлій, — что тогда станется съ нашими фабриками? Останутся изъ нихъ только тѣ, которыя производятъ самый плохой, дешевый товаръ; прочія же прекратятъ свои дѣйствія прежде, нежели иностранный товаръ покажется на рынкахъ нашихъ.

Эти примѣры равносильны тому вліянію, которое имѣетъ *скотоводство южное* на скотоводство всѣхъ *сѣверныхъ* и *среднихъ* великороссійскихъ губерній; а *хлѣбопашество среднихъ* на хлѣбопа-

---

(*) Хоть и мы можемъ оцѣнивать свои сельскія произведенія точно; но способовъ оцѣнки у насъ столько же, сколько имѣній, имѣющихъ различное количество земли по числу рукъ, сколько различныхъ цѣнъ на земли, различныхъ качествъ земель, различныхъ мѣстностей, способствующихъ, или неспособствующихъ сбыту, и различныхъ отношеній помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ. Можно къ этому присовокупить, что даже досужество и проворство крестьянъ не одинаковы. Вотъ примѣръ послѣднему. У меня (въ Пензенскомъ Уѣздѣ), какъ и во всемъ околодкѣ, два человѣка свободно въ день скашиваютъ 3.600 квадратныхъ саженъ ржи (разумѣется, когда рожь косить можно), столько же гречи и трое степныхъ луговъ. Взявъ работниковъ изъ Городищенскаго или Краснослободскаго Уѣздовъ, той же губерніи, надобно урокъ уменьшить одною третью. Подмосковный житель въ полевыхъ работахъ не сработаетъ, въ равное число времени, половины того, что сдѣлаетъ нашъ крестьянинъ.

шество *съверныхъ*, и *южныхъ* на *среднія*, не смотря на ужасныя разстоянія и тяжелыя сообщенія. И если то и другое въ среднихъ и сѣверныхъ губерніяхъ этимъ ужаснымъ совмѣстничествомъ не уничтожены до корня, это потому только, что сметливость и опытность нашихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ приспособили искусно и неубыточно хозяйства къ такому ходу дѣлъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ту теорію сельскаго хозяйства, о которой у насъ много пишутъ и говорятъ, и не выучились у покойнаго г-на Павлова съ братіею «новому хозяйству».

V.

КРИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА. *Санктпетербургъ.* 1841.

—

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь-только ожесточенное тяжкими утратами, или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія, — какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнитъ ли оно то, утрата чего была для васъ утратою какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастія: это другой вопросъ, — и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ даетъ намъ изящно-напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны, или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта г. Майкова,—мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и *нѣчто* обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодаго поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не обѣщать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ,—теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; теперь когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ...

Наша литература, не смотря на свою молодость и незрѣлость, уже свершила нѣсколько фазовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей, нѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много

обѣщавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!... И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы, и приходить въ неистовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ — съ адомъ... Точно также, теперь только развѣ не образованная, не воспитанная посредственность рѣшится «призывать вдохновеніе на *высь чела*, вѣнчаннаго звѣздой»; выдумать «грудь, которая высоко взметалась безпредметною любовью», или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры. А прежде—и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава гг. Марлинскому, Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ, и навсегда избавили нашу публику отъ наклонности къ изысканной дичи въ мысляхъ и выраженіи!.. Ихъ образъ дѣйствованія и усилія, для этой цѣли, были совершенно-обратные и отрицательные; но за то результаты вышли теперь и прямые и положительные. Въ этомъ случаѣ, намъ мало нужды даже до намѣреній и мотивовъ: результатъ все выкупаетъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданъ для самихъ дѣйствователей... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностію имени г. Полеваго, который стремился къ той же цѣли, и притомъ еще двумя совершенно-различными путями: *безсознательно* — философско-историческими статьями, критиками и повѣстями; и *сознательно*—превосходными пародіями на стихи нѣкоторыхъ дикихъ поэтовъ, которые помѣщалъ онъ въ своемъ «Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы» — этомъ лучшемъ произведеніи всей его литературной дѣятельности... Да, заслуги этихъ людей, вольныя и невольныя, сознательныя и безсознательныя, поставили, такъ-сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозою, не подвергаясь опасности быть замѣченною со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ, еще до-сихъ-поръ. и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобъ худы, да и не то, чтобъ очень хороши, ужь невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время рифмованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица и чувствованьица ставятся ни во что: на мѣсто того и другаго требуются глубокія чувства и идеи, выраженныя въ художественной формѣ, съ рифмами, или безъ рифмъ—все равно. Для успѣха въ поэзіи, теперь мало одного таланта: нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной, идеальной жизни; оракула, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; врача, въ самомъ-себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби, и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи и высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбору первыхъ опытовъ г. Майкова, — значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической

строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія г. Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго разделенія, тѣмъ не менѣе они сами-собою раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, неимѣющіе между собою ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти безъ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодаго поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи г. Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этихъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ «Отеч. Записокъ» должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ-называемой *антологической* поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзіи г. Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о «Римскихъ Элегіяхъ Гёте» (*). Теорія антологической поэзіи имѣетъ такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній г. Майкова, что мы, въ помянутой статьѣ, выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его дивно-поэтическую, роскошно-художественную пьесу «Сонъ», не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 годъ,— и мы, при разборѣ этого «Альманаха», еще задолго до статьи о «Римскихъ Элегіяхъ», выписали въ нашемъ журналѣ, это стихотвореніе, скромно подписанное буквою *М*. (*). И — смотрите и судите сами—удивительно ли, что это стихотвореніе, безъ подписи знаменитаго, или, по-крайней-мѣрѣ, знакомаго имени, поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ:

> Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
> На нивы жолтыя, покрытыя скирдами,
> На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
> Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
> И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь
> Своимъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,
> Иду я подъ родной, соломенный свой кровъ,
> Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
> И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
> Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
> И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
> Богиня мирная, являясь предо мной,
> Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
> И очи тихою рукою закрываетъ,
> И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
> Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.
> (Стр. 9).

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой-себѣ красота совершенно-нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе красноречива, ярко-блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и искушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе, и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполнѣ достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушки-

(*) «Отеч. Записки» 1841. Т. XVII, отдѣленіе «Критики», стр. 23.

(*) «От. Зап.» 1840, т. IX, отд. «Библ. Хроники» стр. 14.

на это стихотворенiе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ, искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышитъ живою идеею.

Чтобъ опредѣлить значенiе и достоинство антологической поэзiи г. Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найдти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотворенiяхъ, мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣнiе.

Пусть говорятъ—поэзiя мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что мiръ ея есть мiръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальнихъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дрiадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молнiя потокъ,
И на ночь Гелiосъ не сходитъ
Къ Θетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны; шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
Глубокомысленъ; солнце дня
Съ такой любовiю прiемлетъ
Пучина моря; лунный ликъ
Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты! (Стр. 120).

Остановимся на этомъ стихотворенiи, и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанiю—это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанiю, и изъ-за поэтическаго, полнаго жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующейся слову мысли... Стихъ: «Что мiръ ея есть мiръ пустой и ложный», прозаиченъ; «и блѣдный вымыслъ—красота»: неопредѣленъ и блѣденъ; выраженiе о Зевсѣ, «*низводящемъ изъ длани* потокъ разящей молнiи» невѣрно и въ-отношенiи къ языку, и въ-отношенiи къ поэзiи; «Лунный ликъ *такъ сокровенъ*» ничего не говоритъ ни уму, ни фантазiи читателя, по причинѣ неточности эпитета; «И ты невольно симъ явленьямъ *даруешь жизни красоты*»—выраженiе слабо и неопредѣленно. Послѣднiе два стиха въ пьесѣ прекрасны; но не вполнѣ удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ-много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самою пьесою настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснитъ, почему неодушевленныя явленiя природы производятъ на него впечатлѣнiя живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотворенiе, примиритъ чисто-поэтическое созерцанiе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцанiемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведенiемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренiя, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчанiй. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотворенiи для насъ, по намѣренiю нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзiи г. Майкова — природа съ ея живыми впечатлѣнiями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

Октава.

Гармонiи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучiи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы (Стр. 3).

Искусство.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ, —
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье. (Стр. 63).

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно-высказанное въ немъ, явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностію отдѣлки. Что же до содержанія — оно здѣсь представляетъ собою основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучною октавою, гармоническимъ гекзаметромъ — и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формою, краскою, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ — существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по-преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи, пьесы г. Майкова «Октава» и «Искусство» составляютъ главу эстетики, — и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ понятій объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ Эллиновъ, природа была паѳосомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи, муза г. Майкова родственна, по своему происхожденію, древне-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески-ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно-ощущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно-гармоническихъ и безъискусственно-изящныхъ пѣсень. Разумѣется, эта

родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много-обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодаго поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только-что началъ писать *не*-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва-ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,—г. Майковъ, изученіемъ изящной древне-классической поэзіи, завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато—посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы.... Эллинское созерцаніе составляетъ основный элементъ таланта г. Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами Грека, и—какъ мы увидимъ ниже—иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на все. Если взять въ разсчетъ его молодость (а ея, въ этомъ случаѣ, нельзя не брать въ разсчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Мениске, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ, и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный! (Стр. 48).

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, повидимому чуждый всякаго убранства, всякой красоты и всякаго содержанія языкъ,—вы ощутите душою и безконечную красоту и глубокое содержаніе. Кажется, тутъ нѣтъ ни начала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ собственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и мысль... Если же духу вашему не чуждо древнее міросозерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотвореніе переведено съ греческаго, или, что и человѣкъ нашего времени, въ эллинской эпохѣ своей жизни, можетъ становиться Грекомъ, такъ-что самый взыскательный Аѳинянинъ, современникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, кореннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады... Но муза г. Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она упоительною роскошью красокъ и образовъ, не переставая ни на минуту быть спокойною, самообладающею и цѣломудренною, въ качествѣ благородной эллинской музы, какъ въ «Вакханкѣ», которая уже извѣстна читателямъ «Отеч. Записокъ» (*). Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно привести и —

Доридѣ.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?..
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты

(*) Томъ XVIII (1841) отд. III, стр. 310.

И блескомъ пышныхъ ризъ. Явись мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святы-ней!
Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
Земною дѣвою. Со мной наединѣ
Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца зла-таго,
Сорви съ своей груди рукой своей пер-ловой
Ту розу блѣдную, желанный дай про-сторъ.
Горящимъ персямъ. Пусть непринуж-денный взоръ
Забудетъ всѣ любви приманки!.. Другъ мой нѣжный!
Пусть сердце юное волнуется мятежно,
Пускай спадетъ во прахъ и злато и жем-чугъ
Съ твоихъ роскошныхъ плечь, съ полу-прозрачныхъ рукъ...
Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
Одежды и рѣчей волшебный безпоря-докъ!

(Стр. 91).

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пьеса не только не понравится, но и возбудитъ все негодованіе ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навызоротъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на что напали они съ остервененіемъ,—знайте, что это превосходно; что восхвалили они съ неистовствомъ—знайте, что это пошло или мертво. Лицемѣрные моралисты въ высшей степени обладаютъ этою *вывороттною* вѣрностію сужденія... Что же до ихъ строгости—она понятна: Шиллеръ, въ одной изъ своихъ *ксеній*, сказалъ, что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее... Кто имѣетъ счастіе быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,—для тѣхъ стихотвореніе «Доридѣ», при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное—право собственности, не позволяютъ намъ выписать изъ книги г. Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній — особенно «Гезіода» и «Вакха», тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пьесъ, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія, характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и чудный
Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри: улыбаясь,*
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

(Стр. 74).

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;

Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты вiются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та жь: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшися и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь, и меня цалуешь звонко, нѣжно!
(Стр. 171).

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ; но тонъ поэзiи, но созерцанiе, составляющее ея фонъ, все тѣ же, дышущiя сладостiю и нѣгою свѣтлаго неба Эллады!..(*).

Однакожь, тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотворенiяхъ г. Майкова полное выраженiе древней поэзiи, или полное выраженiе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природою, проникнутое разумностiю и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго мiросозерцанiя. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идиллiи, или застольной пѣснѣ, но и въ трагедiи, которая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идиллiи и пѣсни, жизнь Грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-грацiозна, мила и любезна, то, со стороны трагедiи, она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляетъ любить жизнь; вторая сторона — заставляетъ уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали,—и трагедiя была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзiи. Трагическiй элементъ преобладаетъ уже и въ самой «Илiадѣ»— этой прародительницѣ всѣхъ трагедiй греческихъ, въ послѣдствiи явившихся. Что же разумѣлъ Грекъ подъ «трагическимъ»?— Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствiе противорѣчащихъ условiй жизни, или въ-слѣдствiе случайности. Человѣкъ, попавшiйся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедiи. Трагическое Грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченiемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумнаго, движительнаго начала съ общественнымъ мнѣнiемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которою онъ, въ случаѣ побѣды, запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами, и которою, въ случаѣ паденiя героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностiю человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ, источникъ борьбы былъ внутреннiй и заключался въ духовной натурѣ героя трагедiи, которымъ могъ быть только великiй человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторiи, предназначенный осуществить собою какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ въ «Антигонѣ» Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, великодушно жертвующая своею жизнiю для выполненiя того, что она считала своимъ долгомъ, и невыполненiе чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти,—и Креонъ,

(*) Вотъ перечень прочихъ пьесъ г. Майкова въ антологическомъ родѣ: VII, *Картина Вечера*, *Гезiодъ*, *Радость*. *Эхо и Молчанiе*, XVII, *Пустыннику*, *Прiапу*, XXIV, XXVI, *Туллу*, *Овидiй*, *Вакханка*, *Вертоградъ*, *Scholia*, *Вакхъ*, *Двѣ Элегiи*, *Зимнее Утро*, *Подражанiе Сафо*, LIII, *Плющъ*, *Исповѣдь*, *Цинтiи*. *Свирѣль*, LXVIII, LXX, LXXIII, LXXV, *Горы*, *Дiонея* LXXXI, *Поэзiя*.

какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому, вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно-разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро-сражавшимся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о ихъ гибели; но благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великою женщиною, не была бы героинею, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланный трупами благороднѣйшихъ жертвъ помостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность есть апоѳеоза человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ-бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума .. Но почему же герой есть — герой? что̀ дѣлаетъ человѣка героемъ? — Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ паѳосъ къ идеѣ, простирающійся до веледушной готовности смертію запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что̀ дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего, слѣдовательно, нѣтъ драгоцѣннѣе— жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастія... И такъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва-замѣтною и слабою нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться невозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды-утраченнаго счастія, однажды-полученной жизни, однажды-пріобрѣтеннаго друга, или милой сердца: но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлою жизнію—и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?.. О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурною игрою мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и копеечныхъ помысловъ... Трагическое, это—Божія гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своею высокою душою — и, умѣя наслаждаться жизнію, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать гдѣ и когда велитъ судьба, — вотъ что̀ было для Грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся—живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности Грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великою душою трагическую сторону жизни, въ противности съ свѣтлою ея стороною,—и глубоко, мощно, со всею роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ — «Торжество Побѣдителей», такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!..
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:

Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунъ!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!.. Вспоминая Аякса, убившаго себя въ гнѣвѣ за коварное похищеніе Одиссеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Оилидъ, говоритъ:

Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой паѳосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ стихахъ:

О Ахиллъ! о мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить съ людьми племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

—

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
(Діомедъ провозгласилъ)
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Великодушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе *эллинизма* и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе, повидимому, и совершенно - противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утомленье;
Добрый вакховъ даръ вино:
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.
Вспомни матерь Ніобею:
Чтó извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, чтó у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента «трагическаго» въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что г. Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природою, въ духѣ древнихъ. Но прійдетъ время—и, можетъ-быть, въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человѣка, народовъ и человѣчества... И мы почли бы себя счастливыми, еслибъ эти строки могли послужить хоть косвенною причиною къ ускоренію этого времени... Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! *Стихъ* въ поэзіи — то же, чтó *слогъ* въ прозѣ, а *слогъ*—это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ; но еще и въ движеніи,

въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта; а движеніе и развитіе состоитъ въ безпрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не въ хронологической послѣдовательности. Батюшковъ—поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его пьесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія...

Но мы отдалились отъ своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ «наивнаго» и «природнаго», такъ чуждъ элементъ «трагическаго» въ древней поэзіи. Разъ г. Майковъ былъ близокъ къ нему, по содержанію, избранному имъ для самой большой своей пьесы; но онъ и не коснулся трагическаго, хоть, можетъ-быть, и думалъ вполнѣ его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ «Олинѳъ и Эсѳирь» (римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства). Мысль поэмы—контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ *шестьдесятъ* страницъ, которыя, въ чтеніи, легко могутъ показаться *шестью-стами* страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянуто въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше намѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но г. Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи, и къ понравившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между-тѣмъ, сколько элементовъ «трагическаго» съ обѣихъ сторонъ могло бъ и должно бъ было быть! Римская литература не редставляетъ ни одной хорошей трагедіи; но за то, римская исторія есть безпрерывная трагедія,—зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи, едва-ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіею Римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паѳосъ къ гражданской свободѣ, къ ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждаго гражданина отдѣльно, гражданская доблесть, въ цвѣтущія времена великой республики, и гордая, стоистическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбѣ, въ слѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ, и счастливая для менѣе-великихъ, но болѣе во время явившихся — вотъ гдѣ элементы «трагическаго» въ исторіи Рима, великой отчизны Коріолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ — этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени!.. Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго Римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ, выразилъ бы—сколько стоистическою жизнію и трагическою смертію, столько же и тоскою по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олинѳъ г. Майкова только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ—образъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и

языческая. Впрочемъ, вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ на-пр., вотъ эта пиршественная пѣсня Римлянъ-язычниковъ:

Блеститъ чертогъ; горитъ елей;
Ясминъ и миртъ благоухаетъ;
Фонтанъ, шумя, между огней
Златыми брызгами играетъ.
Греми, волшебный гимнъ пировъ!
Несите, юноши, плодовъ
И розъ и листьевъ винограда:
Вѣнчайте насъ! Что́ въ жизни намъ?
Мы въ жертву суждены богамъ ужаснымъ ада,
А жертва пышная въ убранствахъ вертограда—
Угоднѣе богамъ!

Настанетъ часъ—воззримъ сурово
Мы на гремящій жизни пиръ,
Какъ сей скелетъ бѣлоголовый,
Бѣглецъ могилъ. На звуки флейтъ и лиръ
Онъ безотвѣтенъ, гость гробовый!
Но онъ вѣдь пѣлъ, и онъ любилъ,
И богу грозлій онъ служилъ...
О, други! сыпьте розъ гораціева сада
По симъ бѣлѣющимъ костямъ,
И свѣжей кистью винограда
Вѣнчайте черепъ—этотъ храмъ,
Чертогъ покинутый и сирый,
Гдѣ обиталъ животворящій духъ,
Во дни, когда кеоара съ звонкой лирой
Его плѣняли чуткій слухъ,
И пилъ онъ розъ благоуханье,
Любилъ кристаллъ амфоры золотой,
И дѣвъ горячія лобзанья,
И трепетъ груди молодой!

Вообще, когда г. Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ какъ-будто слабѣетъ. Доказательствомъ этого можетъ служить маленькая поэмка его «Венера Медицейская», содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ *Венеры Медицейской*, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственною красотою—

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бренный
И это гордое чело,
Вѣнчанное красой Изиды (?!),
И стройный станъ и шелкъ кудрей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало-поэтическая, слишкомъ незрѣлая и какъ-будто изъисканная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли—видѣть простую копію, портретъ, въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны; есть между ними даже оскорбляющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ, напр.:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: *пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ?* Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи г. Бенедиктова, но очень-дурно въ стихотвореніи г. Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молотъ твердый
Величья храмы раздробилъ.

Что такое: *молотъ вѣковъ, раздробляющій храмы величья?* Не-уже-ли это поэзія, не реторика?..

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія, съ болѣе или менѣе-антологическимъ оттѣнкомъ: *Радость, Измѣна, XXXIII, Жизнь, Прощаніе съ Деревней, Заря, Горы, Мраморный Фавнъ.* Что до послѣдняго стихотворенія,—оно было бы лучше, еслибъ не было растянуто приставкою и кончилось 25-мъ стихомъ, или—можетъ-быть, и еще лучше—13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній г. Майкова, и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ, мы желали бъ найдти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чув-

ствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но — увы! — мы не нашли въ нихъ, за исключеніемъ слишкомъ-немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія при усиліи сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное — реторика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ «Чудномъ Вѣкѣ» поэтъ воспѣваетъ эпоху Петра-Великаго, которая возсіяла —

> . .... въ странѣ, загроможденной
> Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
> Средь блатъ и тундръ; *въ той храминѣ священной,*
> *Гдѣ льды горятъ какъ въ храминѣ чудесъ...*

Не реторика ли это?... Въ концѣ пьесы, авторъ заставляетъ Петра *выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ млатомъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ*, а *громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу*, забывъ, что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, qui est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe, а слѣдовательно, первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N. V., превосходно по стихамъ, но мысль—приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка — изъисканна... Прекрасны послѣдніе *шесть* стиховъ стихотворенія «Воспоминаніе»; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и, особенно, этого начала:

> Когда ты *въ пучины былаго*
> *Окунешься думой...*

«Еврейская Пѣснь» отличается прекрасными, звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Пьеса «Монастырь» откровенно названа авторомъ «введеніемъ къ *ненаписанной* поэмѣ». Она начинается этими непоэтическими стихами:

> Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
> *Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзные оковы...*

За тѣмъ слѣдуетъ реторика, изрѣдка прерываемая стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

> Колонны гордыя, какъ бы утомлены
> На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
> Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора, и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ—*печатать*, но читать безъ напряженія и утомленія подобные стихи? —

> Все тлѣніе и прахъ!
> Здѣсь, за оградою, въ окованныхъ стѣнахъ,
> Гулъ міра умолкалъ предъ образомъ Распятья.
> Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятья,
> Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли;
> И въ мирной келіи, отъ суеты вдали,
> Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
> Одежду мертвую и къ небу воспаряли...
> Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
> Всегда ль, въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
> Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
> Когда, ниспавъ между готическихъ оконницъ,
> Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на нѣмомъ
> Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
> Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
> Склонившися къ окну, отшельница младая,
> Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ,
> На лоно вѣчности, въ подоблачный эфиръ,
> Гдѣ ангелы поютъ божественные гимны,
> Откуда бѣдную зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: неугодно ли прочесть вамъ его, не переводя духа, или не скрывъ смысла?... И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое «*окованныя* стѣны», «одежда *мертвая*» (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать — «одежда *мертвыхъ*», да мѣра стиха не позволила), «*вѣренъ* ли монашескій обѣтъ» (*кому* и *чему* вѣренъ?)? Что такое «*весенніе* часы и *мечтательныя* безсонницы»?..

Теперь обращаемся ко всѣмъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенные? —

> Не правда ль, часто взоръ, какъ небо, голубой,
> На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
> И уху робкому мечтались не молитвы,
> А цитры тихій звонъ, иль кликъ опасной битвы,
> И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
> Туманя ясные красавицы глаза,
> По блѣдному лицу жемчужной блистала,
> И юная глава въ волненьи упадала
> На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
> Волною падала по мрамору грудей,
> И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
> И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?...

Пьеса, означенная № XIV (стр. 30), принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ пьесахъ: «Воробьевы Горы», «Два Гроба», «Истинное Благо», «Мститель» (*скандинавская баллада*), и «Кладбище» — мы рѣшительно не узнаёмъ г. Майкова,—и подпишите подъ ними: г. Щеткинъ, г. Кропоткинъ, г. Гогніевъ, г. Романовичъ—никто бы не удивился... «Воробьевы Горы» написаны точно какъ-будто г. Бенедиктовымъ; въ нихъ есть «кровель море разливное» (жаль, что не *разливанное!*), въ нихъ есть стихи: «И *до-полюсныя* воды у моихъ восплещутъ пятъ», въ нихъ «крадется пламени змѣя»; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ «Двухъ Гробахъ» собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о *носилкахъ Карла XII* и о *вѣнцѣ Наполеона*, будто-бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изъисканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиною стихамъ:

> Взманивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія (?),
> Въ объятіяхъ его замучила Россія,
> И гробомъ стала...

Вы ли это, г. Майковъ?..

Въ «Двухъ Моряхъ» воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сиріи) Моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: «Въ вѣнцѣ бреговъ, на яблокѣ земли» (?), «По немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ среброкосматый, станица волнъ не ратуетъ во вѣкъ» (!). — Стихотвореніе «В. А. С......у» замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этюдъ.—Въ маленькой поэмѣ «Іафетъ» много ума, есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ, мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ «рефлектированномъ» произведеніи, не все высчитали, что есть въ немъ: въ немъ есть изъисканныя выраженія: *міръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія Горы—гордыя врата Европы*. «Молитва Бедуина» была бы очень хороша, еслибъ въ ней нѣкоторые стихи не были такъ тяжелы. «Горный Ключъ» принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ г. Майкова, еслибъ въ немъ ручьи не были названы «рѣзвыми нитями земли». Очень недурна пьеска «Кто-онъ?» Къ хорошимъ можно причислить еще: «Призывъ», «Безвѣтріе», «Мысль Поэта», «Пѣвцу», «Жизнь», «Мысль». «Заря» и «Е. П. М.»

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что непріятно встрѣтить въ печати, и что бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что пьесы въ родѣ

«Воробьевыхъ Горъ» и «Кладбища» написаны г. Майковымъ давно уже, и милы ему, можетъ-быть, потому именно, что были первыми пробными звуками его музы; но мы судимъ о нихъ какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту—и да пріиметъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ же радушіемъ и тою любовію, съ какими мы даемъ его!—совѣтуемъ беречься изъисканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности, и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собою ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стόитъ низвергнуть истуканъ, ею же самою слѣпленный (обыкновенно изъ весенняго снѣгу — это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потупленными очами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь *великіе* поэты, которыхъ слава продолжалась не дольше трехъ лѣтъ... по-крайней-мѣрѣ, я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и *изъисканными выраженіями*, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ г. Майкова, стихъ — просто пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишнихъ словъ, натянутыхъ или изъисканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ, онъ— истинный, глубокій и притомъ *опытный*, *искушенный* художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по-крайней-мѣрѣ, въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изъисканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однакожь и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до-сихъ-поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою. Пьесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной движимости поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова пьеса LV (стр. 119), которой не выписываемъ, потому-что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая пьеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы,
Тамъ—солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь—и громъ, и молнія, и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

На эту пьеску не нужно комментаріевъ: кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости грезъ, тотъ будетъ —«царства дивнаго всесильный властелинъ»... Но перлы не-антологическихъ стихотвореній г. Майкова это— «Ангелъ и Демонъ» и «Раздумье». Вотъ первое.

Подъемлютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла;
Владыко сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жь уступитъ
Въ пыли рожденный человѣкъ:
Вѣнецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купитъ,
Иль чашу временную нѣгъ?
Господень ангелъ тихъ и ясенъ:
Его живитъ смиренья лучъ;
Но *пышный* (!) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достаетъ, что-то недоговорено; эпитетъ *пышный* не удовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже *гордый* больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. За то «Раздумье»—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ поражаетъ оно содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларъ
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: лугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатитъ; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся,
И лозы каждый годъ подъ-осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословитъ!..
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникъ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртомъ обовьетъ...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ боренiи мятежномъ,
И, крылья распустивъ, орломъ ширикобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многаго надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрываться отъ участи, столь полной обаятельнаго счастія, и питать, въ молодой груди, желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у каждаго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

КУЗЬМА ПЕТРОВИЧЪ МИРОШЕВЪ. Русская быль времянъ Екатерины II. *Сочиненіе* М. Н. Загоскина. *Четыре части. Москва. 1842.*

Г. Загоскинъ пишетъ очень мало, но, сравнительно съ другими, онъ у насъ самый плодовитый романистъ. Въ десять лѣтъ слишкомъ—вотъ уже шестой романъ, да въ промежуткахъ, повѣстей съ пятокъ: по-нашему, по-русски, это много, очень-много. Самъ г. Булгаринъ написалъ всего-на-все только пять романовъ, и ужь больше —можно поручиться — не напишетъ ни одного: такъ ему посчастливилось въ этомъ дѣлѣ. Важный фактъ въ исторіи русскаго романа, потому-что въ ней г. Булгаринъ играетъ гораздо-большую и важнѣйшую роль, нежели какъ думаютъ и враги и почитатели его несравненнаго таланта! Такъ-какъ мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, т. е. почитателей, то и почитаемъ долгомъ объяснить значеніе г. Булгарина въ плачевной исторіи русскаго романа,—тѣмъ болѣе, что, безъ того, мы никакъ не въ состояніи дѣлать настоящей оцѣнки послѣднему роману г. Загоскина.

Всѣ русскіе романы можно раздѣлить на два разряда. Первый разрядъ къ начался «Бурсакомъ» и «Двумя Иванами» Нарѣжнаго, а кончился тремя попытками даровитаго И. И. Лажечникова—«Послѣднимъ Новикомъ», «Ледянымъ Домомъ» и «Басурманомъ». Здѣсь не мѣсто сравнивать между собою таланты обоихъ романистовъ; довольно сказать, что это таланты яркіе, замѣчательные, и что ничего общаго, никакой исторической связи между ними нѣтъ. Нарѣжный явился слишкомъ-рано, не издавалъ ни журнала, ни газеты, гдѣ бы могъ ежедневно хвалить самого-себя, — и прошелъ незамѣченнымъ, остался безъ подражателей. Романы Лажечникова были, напротивъ, оцѣнены публикою по достоинству, безъ всякихъ на этотъ счетъ старанiй съ его стороны, или со стороны его друзей, издающихъ газеты и журналы. Романы Лажечникова были фактами эстетическаго и нравственнаго образованія русскаго общества, и навсегда будутъ достойны почетнаго упоминовенія въ исторіи русской литературы. Къ этому же разряду надо причислить и «Юрія Милославскаго» г. Загоскина; но о немъ рѣчь послѣ.

Второй разрядъ романовъ ведетъ свое начало издалека.

У насъ образовался особый родъ романа, который сперва назывался *нраво-описательнымъ*, *нравственно-сатирическимъ*, а теперь ужь никакъ не называется, хотя бы и долженъ былъ называться *моральнымъ*. Блистательный талантъ г. Булгарина былъ творцомъ этого рода романовъ; не менѣе блистательный талантъ г. Загоскина былъ его утвердителемъ и распространителемъ. Господа Зотовъ и Воскресенскій принадлежатъ къ числу самыхъ счастливыхъ и даровитыхъ подражателей этихъ двухъ сочинителей. Проницательный читатель и безъ насъ угадаетъ имена прочихъ многочи-

сленныхъ романистовъ этой категоріи. Но, сверхъ морально-сатирическаго романа, есть еще два разряда романовъ, которые, впрочемъ, составляютъ одинъ разрядъ съ нимъ. Мы говоримъ о романѣ *восторженномъ*, *патетическомъ*, живописующемъ растрепанные волосы, всклоченныя чувства и кипящія страсти. Основателемъ этого рода романа былъ даровитый Марлинскій, у котораго есть тоже свои счастливые подражатели. Третій родъ романа — *идеально-сантиментальный*: его началъ г. Полевой своими сладенькими повѣстями, онъ же и кончилъ его въ переслащенномъ романѣ своемъ «Аббаддонна»; — подражателей у г. Полеваго не имѣется.

Всѣ эти три рода романа образуютъ собою одинъ разрядъ. Разсмотримъ его.

До Вальтера Скотта не было истиннаго романа. Великое твореніе Сервантеса «Донъ-Кихотъ» составляло исключеніе изъ общаго правила, а знаменитый «Жилблазъ де-Сантилана» Француза Лесажа прославленъ не въ мѣру и не по достоинству. Это не больше, какъ довольно-недурное произведеніе, которое однако было бы лучше, еслибъ не было такъ растянуто, или еслибъ его сократить на половину, т. е. изъ восьми частей сдѣлать только четыре. Романы восьмнадцатаго вѣка: Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля, Жанлисъ, Коттенъ, Шписа, Клаурена и другихъ,—только до Вальтера Скотта могли считаться романами: они изображали не общество, не людей, не дѣйствительность, а призраки больнаго, или празднаго воображенія. Знаменитые англійскіе *Памелы*, *Клариссы, Грандиссоны* и *Ловеласы* держались ближе общества и дѣйствительности; но дидактическая цѣль убила въ нихъ поэзію. Вальтеръ Скоттъ первый показалъ, чѣмъ долженъ быть романъ. До него думали, что «пѣсня—быль, а сказка—ложь», какъ говоритъ русская поговорка, и что, поэтому, чѣмъ больше нелѣпицъ въ романѣ, тѣмъ онъ лучше. Желая придать ему какую-нибудь цѣну въ глазахъ людей *солидныхъ* и *разсудительныхъ*, навязали ему полезную цѣль—исправлять нравы, осмѣивая порокъ и хваля добродѣтель. Такимъ-образомъ, роману было приказано быть òрганомъ ходячихъ моральныхъ истинъ своего времени. Да, *своего времени*, ибо ходячая мораль такъ же измѣнчива, какъ и курсъ голландскаго червонца: въ прошломъ вѣкѣ мораль предписывала бѣдному и незначительному человѣку имѣть патрона-благодѣтеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущеннымъ къ его столу или къ его ручкѣ: теперь все это считается униженіемъ человѣческаго достоинства. И такъ, чтò теперь называется *подличаньемъ*, тогда называлось *умѣньемъ жить*; чтò теперь называется *подлостью*— тогда называлось—скромностью и смиреніемъ; чтò теперь называется *благородствомъ души* — тогда называлось *гордостью, она же есть смертный грѣхъ*... Такимъ-образомъ, сочинители давали человѣческія имена и фамиліи своимъ жалкимъ, а вердо и полленькимъ моральнымъ понятьицамъ, выдавая свое резонёрство за «нравственность» да еще «чистѣйшую», а свою картофельную сантиментальность—за «любовь». Эти ограниченныя понятьица и сладенькія чувствованьица означались нумерами на особыхъ ярлычкахъ, а ярлычки наклеивались на лбахъ безобразныхъ фигуръ, грубо-вырѣзанныхъ изъ картонной бумаги: весьма-остроумно-придуманное удобство для читателя романа! благодаря ему, читатель уже не могъ запутаться во множествѣ именъ и одинаковыхъ фигуръ, потому-что на лбу каждой читалъ: «добродѣтельный № 1», «злодѣй № 2» и т. д. Тогда всѣ были или добродѣтельные или злодѣи; не было необходимѣйшихъ и многочисленныхъ членовъ общества — глупцовъ и безцвѣтныхъ характеровъ, которые ни добры, ни злы, и т. п. Романъ всегда оканчивался благополучно, и зѣвающій читатель оставлялъ книгу не прежде, какъ послѣ расправы,

т. е. брака гонимой четы, награды добрымъ и наказанія злымъ. Всѣ говорили одинакимъ языкомъ; о колоритѣ мѣстности, различіи сословій никто и не спрашивалъ.

Мы не безъ умысла распространились о старинномъ романѣ и высказали о немъ читателю истины, нѣсколько уже старыя и давно всѣмъ извѣстныя: намъ это было нужно для того, чтобъ показать, какъ новѣйшій романъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ сочинителей далеко ушелъ отъ романа добраго стараго времени, чѣмъ отъ него разнится и чѣмъ на него похожъ. «Но вѣдь вы обѣщали намъ разобрать новый романъ г. Загоскина, а говорите о романахъ, которые были за сто и дальше лѣтъ до г. Загоскина?»—Я о немъ-то и говорю, какъ увидите ниже.

Вальтеръ Скоттъ не изобрѣлъ, не выдумалъ романа, но открылъ его, точно такъ же, какъ Коломбъ не изобрѣлъ и не выдумалъ Америки, а только открылъ ее. Сервантесъ, задолго до Вальтера Скотта, написалъ истинный историческій романъ. Правда, онъ явно имѣлъ сатирическую цѣль — осмѣять запоздалое и противное духу времени рыцарствованіе въ мечтахъ и дурныхъ романахъ, — и этой цѣлью великій человѣкъ заплатилъ дань своему вѣку; но творческій, художественный элементъ его духа былъ такъ силенъ, что побѣдилъ разсудочное направленіе, и Сервантесъ, стремясь къ нравоисправительной цѣли, достигъ совсѣмъ другой цѣли — именно художественной, а черезъ нее и нравоисправительной. Его донъ-Кихотъ есть не каррикатура, а характеръ, полный истины и чуждый всякаго преувеличенія, не отвлеченный, но живой и дѣйствительный. Идея донъ-Кихота не принадлежитъ времени Сервантеса: она — обще-человѣческая, вѣчная идея, какъ всякая «идея»: донъ-Кихоты были возможны съ-тѣхъ-поръ, какъ явились человѣческія общества, и будутъ возможны, пока люди не разбѣгутся по лѣсамъ. Донъ-Кихотъ —благородный и умный человѣкъ, который весь, со всѣмъ жаромъ энергической души, предался любимой идеѣ; комическая же сторона въ характерѣ донъ-Кихота состоитъ въ противоположности его любимой идеи съ требованіемъ времени, съ тѣмъ, что она не можетъ быть осуществлена въ дѣйствіи, приложена къ дѣлу. Донъ-Кихотъ глубоко понимаетъ требованія истиннаго рыцарства, разсуждаетъ о немъ справедливо и поэтически, а дѣйствуетъ, въ качествѣ рыцаря, нелѣпо и глупо; когда же разсуждаетъ о предметахъ внѣрыцарства, то является истиннымъ мудрецомъ. И вотъ почему есть что-то грустное и трагическое въ судьбѣ этого комическаго лица, а его сознаніе заблужденій своей жизни на смертномъ одрѣ возбуждаетъ въ душѣ глубокое умиленіе и невольно наводитъ васъ на созерцаніе печальной судьбы человѣчества. Каждый человѣкъ есть немножко донъ-Кихотъ; но болѣе всего бываютъ донъ-Кихотами люди съ пламеннымъ воображеніемъ, любящею душою, благороднымъ сердцемъ, даже съ сильною волею и съ умомъ, но безъ разсудка и такта дѣйствительности. Вотъ почему въ нихъ столько комическаго, а комическое ихъ такъ грустно, что возбуждаетъ смѣхъ сквозь слезы; еслибъ это были люди ничтожные — они не были бы даже и слишкомъ-смѣшны: истинныхъ донъ-Кихотовъ можно найдти только между не дюжинными людьми. Но главное: они всегда были, есть и будутъ. Это типъ вѣчный, это единая идея, всегда воплощающаяся въ тысячѣ разныхъ видахъ и формахъ, сообразно съ духомъ и характеромъ вѣка, страны, сословія и другими отношеніями, необходимыми и случайными. Такъ и теперь сколько есть донъ-Кихотовъ, напр., въ одной литературѣ! Человѣкъ, который искренно убѣжденъ въ томъ, чему уже никто не вѣритъ, и который жертвуетъ трудомъ, достояніемъ, спокойствіемъ и здоровьемъ для убѣжденія другихъ въ своемъ убѣжденіи,—развѣ онъ не донъ-Кихотъ? Сколько умнаго, истиннаго въ томъ, что говоритъ онъ, а цѣлое все-таки —

ложь, возбуждающая уже не негодованіе, а смѣхъ, вызывающая не возраженія, а насмѣшки...

И такъ, достоинство сервантесова романа — въ идеѣ: идея сдѣлала его вѣчнымъ, никогда-неумирающимъ и никогда-нестарѣющимся поэтическимъ произведеніемъ. Въ идеѣ заключается причина того, что, несмотря на испанскія имена, мѣстность, обычаи, частности, — люди всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ читаютъ и будутъ читать «Донъ-Кихота». Что же касается до испанскаго колорита и событій, характеровъ и лицъ — этотъ колоритъ свидѣтельствуетъ, что идея «Донъ-Кихота» — живая, воплотившаяся и обособившаяся, а не отвлеченно-общая и отвлеченная идея.

Вотъ это-то жизненно-органическое сліяніе общаго (идеи) съ особнымъ (вѣкъ, страна, индивидуальные характеры) составляетъ сущность и достоинство романовъ Вальтера Скотта. Этотъ великій поэтъ былъ человѣкъ, Британецъ и баронетъ въ-добавокъ: у него были свои личныя понятія и понятьица, свои личныя чувства и чувствованьица, національныя вражды и ненависти, народные предразсудки, что̀ все, вмѣстѣ взятое, и сгубило его «Исторію Наполеона». Но онъ ничего этого не вносилъ въ свою творческую дѣятельность, и входя въ созерцаніе судебъ человѣчества и человѣка, откладывалъ въ сторону свою личность и свое баронетство: онъ хотѣлъ только приковать къ бумагѣ видѣнія и о̀бразы, возникавшіе передъ его внутреннимъ окомъ, а судить, резонёрствовать о нихъ предоставлялъ другимъ. И хорошо сдѣлалъ: онъ вообще не мастеръ былъ судить; но въ творчествѣ былъ великій мастеръ. Потому-то романы его были зеркаломъ дѣйствительности, въ которомъ она походила сама на себя больше, нежели тогда, когда оставалась бы просто дѣйствительностію. Въ его романахъ вы видите и злодѣевъ, но понимаете, почему они—злодѣи, и иногда интересуетесь ихъ судьбою. Большею же частію, въ романахъ его вы встрѣчаете мелкихъ плутовъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ бѣды въ романахъ, какъ это бываетъ и въ самой жизни. Герои добра и зла очень рѣдки въ жизни; настоящіе хозяева въ ней — люди середины, ни то, ни сё. Вальтеръ Скоттъ былъ натуры глубокой, но спокойной и тихой, пользовался отличнымъ здоровьемъ и не зналъ нищеты и бѣдности. Отъ-того, взглядъ его на жизнь веселъ и ясенъ, а романы, большею частію, оканчиваются счастливо; но, какъ человѣкъ геніальный, а слѣдовательно, и уважавшій свято объективную истину изображаемаго имъ міра, онъ написалъ нѣсколько романовъ, которые очень похожи на ужасныя трагедіи, какъ напр. «Ламмермурская Невѣста», «Сен-Ронанскія Воды», «Айвенго, или Ivanhoe» (со стороны судьбы Ревекки), «Морской Разбойникъ» (Бренда)... Да, романы Вальтера Скотта потому великія произведенія искусства, что они не прикрашенное и не разсиропленное, а дѣйствительное, хотя и идеальное, изображеніе жизни ка̀къ она есть. Только жалкіе писаки подбѣливаютъ и подрумяниваютъ жизнь, стараясь скрывать ея темныя стороны, и выставляя только утѣшительныя. Но романы этихъ господъ-сочинителей похожи на грошевые пряники, которые услаждаютъ вкусъ одной черни, поддонковъ и осадковъ человѣчества. Истина выше всего, и ка̀къ ни закрывайте глаза отъ зла — зло отъ этого не меньше существуетъ-таки. Недавно было въ модѣ нападать на современныхъ французскихъ романистовъ за исключительно - мрачный взглядъ ихъ на жизнь; но теперь порядочные люди уже не нападаютъ на нихъ за это, сколько потому-что эти нападки уже старая пѣсня, столько и въ-слѣдствіе умной, хотя и поздней догадки, что никто не можетъ видѣть вещи иначе, какъ онѣ представляются ему, и что кто не любитъ мрачныхъ картинъ, тотъ не смотри на нихъ, а писать ихъ все-таки не мѣшай. Теперь эти нападки сдѣлались достояніемъ меньшей литературной

братіи, — и Боже мой! какія тонкія остроты, какія грозныя анаѳемы бросаетъ она на бѣдную французскую литературу, втайнѣ удивляясь ей, и въявь питаясь убогими крохами съ ея богатаго стола... Смѣшно и жалко!...

Какъ великій геній, Вальтеръ Скоттъ не могъ не имѣть сильнаго вліянія на свой вѣкъ и даже на людей, съ которыми у него и у которыхъ съ нимъ не было ничего общаго. Всѣ бросились писать историческіе романы, не зная исторіи, будучи чужды всякаго историческаго созерцанія и взгляда на жизнь, и думая, въ простотѣ сердца, что романы великаго Шотландца отъ-того такъ удались, что въ нихъ исторія слита съ частнымъ бытомъ, и что имъ стоитъ только перелистовать какой-нибудь томъ исторіи Карамзина, да придумать любовь, разлуку, препятствіе и благополучный бракъ—такъ и они будутъ Вальтерами Скоттами —и разбогатѣютъ, и прославятся. Нѣкоторымъ въ-самомъ-дѣлѣ удалось это въ каррикатурѣ и въ миньятюрѣ. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ таковы только были результаты движенія, произведеннаго Вальтеромъ Скоттомъ: они были безконечно-важны во всѣхъ отношеніяхъ, и для всѣхъ литературъ, слѣдственно и для нашей. Мы уже упоминали о прекрасныхъ попыткахъ Лажечникова, и могли бы сдѣлать еще важнѣйшія указанія, — но это не относится собственно къ роману. Любопытно было бы взглянуть, какъ подѣйствовалъ Вальтеръ Скоттъ на большую. по числу, часть своихъ подражателей; но это когда-нибудь, — а теперь обратимся къ романамъ г. Загоскина и къ другимъ одной съ ними категоріи.

«Юрій Милославскій» былъ первымъ историческимъ романомъ на русскомъ языкѣ. Историческаго въ немъ было — надо сказать правду — очень мало, если исключить собственныя имена, числа и внѣшнія событія. Русскіе люди первой половины XVII вѣка у него очень-похожи на мужичковъ и бородатыхъ торговцовъ нашего времени. Герой — образъ безъ лица, не человѣкъ и не тѣнь: его ни руками схватить, ни глазами увидѣть; но что всего забавнѣе, этому безтѣлесному существу авторъ навязалъ понятія, чувства и деликатность сантиментальныхъ героевъ прошлаго вѣка. Замашка — основать русскій романъ XVII вѣка на любви, показываетъ, что авторъ не вникъ въ бытъ старой Руси и увлекался подражаніемъ Вальтеру Скотту. Всѣ лица романа —осуществленіе личныхъ понятій автора; всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ нравятся въ чтеніи, потому-что авторъ умѣлъ придать имъ какой-то призракъ дѣйствительности, и это умѣнье обличало въ немъ прежняго драматическаго писателя. Особенно же нравятся эти лица тѣмъ достолюбезнымъ добродушіемъ, которое умѣлъ придать имъ авторъ. Познакомившись съ такимъ лицомъ на одной страницѣ романа, вы знаете, что онъ будетъ говорить и дѣлать на другой, третьей — и такъ до послѣдней, а все-таки съ удовольствіемъ слѣдите за нимъ. Но герои добра и зла ужасно-неудачны: мы говорили уже о самомъ Милославскомъ, а теперь скажемъ, что и таинственный незнакомецъ, открывающійся потомъ Мининымъ, не лучше его; бояринъ Кручина и другъ его сбиваются на мелодраматическихъ злодѣевъ... И однакожь романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первая попытка на русскій историческій романъ; сверхъ-того, въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и одушевленнымъ; разсказъ легкій, льющійся, увлекательный: ничему не вѣрите, а читаете, словно «Тысячу и Одну Ночь». Его и теперь можно перелистовать съ удовольствіемъ, какъ, вѣроятно, вы перелистываете иногда «Робинзона Крузое», который въ дѣтствѣ доставлялъ вамъ столько чистѣйшаго и упоительнѣйшаго наслажденія.—За «Юріемъ Милославскимъ» послѣдовалъ другой русскій историческій романъ г. Загоски-

на «Рославлевъ». Онъ былъ повтореніемъ «Юрія Милославскаго»: тѣ же лица, тѣ же характеры, тѣ же начала, тѣ же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сдѣлалась виновата передъ судомъ автора въ томъ, что, какъ женщина, полюбила мужчину, не спрашивая, какой онъ націи. И за это, авторъ старался всѣми силами выставить ее въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, а героя тѣмъ паче возвеличить; но какъ сей великій мужъ былъ роднымъ братомъ боярина Юрія Милославскаго, то романъ и палъ, не смотря на возгласы пріятелей. Не будемъ и мы тревожить его праха.—«Аскольдова Могила» была могилою славы автора, какъ историческаго романиста; онъ самъ это увидѣлъ, и утѣшился тѣмъ, что изъ плохаго романа сдѣлалъ плохое либретто для хорошей оперы. Тогда онъ обратился къ простымъ, неисторическимъ романамъ, въ которыхъ талантъ его явно попалъ въ свою настоящую сферу, хоть и повыбился изъ силъ, напрягая ихъ въ чуждой ему сферѣ, куда приманила его подражательность. Подлинно, справедливо сказано:

> Гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно!..

Оставимъ пока романы г. Загоскина и обратимся къ историческому обозрѣнію романической дѣятельности другаго знаменитаго таланта: такъ требуетъ *внутренняя* связь нашей статьи.

Первымъ романомъ г. Булгарина былъ знаменитый въ русской литературѣ «Иванъ Выжигинъ», — это извѣстно всей просвѣщенной Европѣ. Сатира и мораль составляютъ душу этого превосходнаго произведенія; сатира отличается такимъ жолчнымъ остроуміемъ, а мораль—такою убѣдительностію, что тотчасъ же по выходѣ «Ивана Выжигина», въ Россіи уже нельзя было увидѣть ни одного изъ пороковъ и недостатковъ, осмѣянныхъ г. Булгаринымъ. И не удивительно: въ сатирѣ ему служилъ образцомъ Сумароковъ, «гонитель злыхъ пороковъ».. Вторымъ романомъ г. Булгарина былъ «Димитрій Самозванецъ», который, впрочемъ, показалъ, что историческая почва нисколько не родственна таланту г. Булгарина, столь сильному и поэтическому на моральной почвѣ. Романъ палъ, и только чрезвычайный успѣхъ *Выжигина* помогъ разойтись единственному изданію *Самозванца*. Въ немъ были всѣ недостатки «Юрія Милославскаго», но не было ни тѣни теплоты и добродушія, составляющихъ неотъемлемое достоинство произведенія г. Загоскина. Впрочемъ, г. Булгаринъ умѣлъ, съ другой стороны, сдѣлать свой историческій романъ если не интереснымъ, то заслуживающимъ неоспориваемое уваженіе: именно, съ моральной стороны, съ которой онъ такъ замѣчателенъ. Вотъ что сказалъ о немъ Пушкинъ, прикинувшійся разъ Ѳеофилактомъ Косичкинымъ: «Что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г. Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г. Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него *Ножовымъ*, взяточникъ—*Взяткинымъ*, дуракъ — *Глаздуринымъ*, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—*Хлопоухинымъ*, Димитрія Самозванца—*Каторжниковымъ*, а Марину Мнишекъ — княжною *Шмохиною*: за то и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно» (См. «Телескопъ» 1831 года, ч. IV). Третьимъ романическимъ подвигомъ г. Булгарина былъ «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» — опять историческій романъ, гдѣ Наполеонъ былъ представленъ въ контрастѣ съ Петромъ Ивановичемъ, и гдѣ Петръ Ивановичъ совершенно заслонилъ Наполеона — что и доказало неспособность г. Булгарина живописать историческія личности, особенно такія великія, какъ Наполеонъ. Г. Загоскинъ въ то же время и также неудачно изображалъ Напо-

леона въ своемъ «Рославлевѣ»: чудное сходство въ направленіи романической дѣятельности обоихъ этихъ писателей!.. Тогда г. Булгаринъ съ горя отъ неудачи впалъ въ новую неудачу — написалъ третій и послѣдній историческій романъ свой — «Мазепу». Дружба всѣми силами старалась поддержать это произведеніе, но и сама рушилась подъ тяжестію такого подвига: читатели, можетъ-быть, вспомнятъ ловкую статью о «Мазепѣ» въ «Б. для Ч». Тогда г. Булгаринъ написалъ «Записки Чухина», гдѣ снова, и уже навсегда, вошелъ въ родственную его таланту сферу.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, что́ такое моральный романъ, т. е., какъ онъ пишется и къ чему онъ годенъ. О *восторженномъ* родѣ романовъ новаго сказать нечего; что же до *идеально-сантиментальныхъ*, то здѣсь не мѣсто и не время распространяться о нихъ; мы предоставляемъ себѣ воспользоваться этимъ удовольствіемъ при появленіи перваго романа въ такомъ родѣ, или—чего лучше!—при выходѣ послѣднихъ двухъ частей «Аббаддонны» г. Полеваго: извѣстно, что первыя четыре части были изданы два раза безъ хвоста, о которомъ мы имѣемъ понятіе по двумъ большимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ «Сынѣ Отечества» 1840 года. Итакъ, приступаемъ прямо къ разбору «Кузьмы Петровича Мирошева», какъ типическаго представителя цѣлаго рода романовъ, который должно назвать *морально-сатирическимъ*.

Всѣ главы въ новомъ романѣ г. Загоскина означены разными затѣйливыми заглавіями, которыя вошли въ моду въ нашей литературѣ съ появленія въ свѣтъ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Первая глава «Кузьмы Петровича Мирошева» гласитъ «О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти». Начинается она возраженіемъ противъ несправедливо-пріобрѣтенной рѣкою Сурою извѣстности въ народѣ (вѣроятно, народѣ Пензенской Губерніи, гдѣ она только и извѣстна): авторъ справедливо замѣчаетъ, что покрытыя сосновыми лѣсами берега Суры очень мрачны, и что Сура течетъ на сѣверъ. Вы ожидаете, читатель, встрѣтить на берегу этой несправедливо-прославленной (что̀ неопровержимо доказано г. Загоскинымъ почти на двухъ страницахъ) рѣки городъ, или деревню, гдѣ родился герой, или гдѣ началось дѣйствіе романа: ничего не бывало! Сура не имѣетъ никакого отношенія къ роману, точно такъ же какъ и Гангесъ или Нилъ; на берегу Хопра начался и кончился романъ... Вы, можетъ быть, думаете, что авторъ распространился ни-съ-того ни-съ-сего о Сурѣ только для того, чтобъ къ его роману, тощему содержаніемъ, прибавилось полторы лишнія странички: ошибаетесь, читатель! Нѣтъ, это просто подражаніе русскимъ пѣснямъ: кто не знаетъ, что почти всѣ наши народныя пѣсни начинаются, не съ того, съ чего начинаются, а именно съ того, съ чего не начинаются, на-пр.:

> *Ужь не лебедь ходитъ бѣлая*
> *По зеленой травкѣ шолковой,*
> *Ходитъ красна дѣвица душа*
> *Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ,*
> *и пр.*

Или:

> Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
> Зашаталася безпріютная головушка,
> Безпріютная головушка молодецкая, и пр.

Продолжаю. Хопру посвящено только нѣсколько строкъ; за тѣмъ на тринадцати страницахъ слѣдуетъ описаніе деревни, принадлежащей герою романа. Деревня—какъ всѣ русскія деревни — ничего особеннаго! Въ число этихъ тринадцати страницъ должно включить легенду объ источникѣ, или родникѣ въ деревнѣ Мирошева. Вотъ ужь этого не понимаемъ: зачѣмъ сюда зашла эта легенда, если не для забавы читателей? ибо тѣ добрые люди, которые могли бы прійдти отъ нея въ умиленіе, за безграмотностію, не прочтутъ романа г. Заго-

скина. Изъ второй главы узнаёмъ, «Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отъ-чего у прадѣда Кузьмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а ему досталось только пятьдесятъ». Авторъ начинаетъ родъ Мирошевыхъ не съ яицъ Леды, а только лѣтъ за сто съ небольшимъ до царя Ѳеодора Іоанновича; и потому надо прочесть, по-крайней-мѣрѣ, три страницы, прежде, чѣмъ дойдешь до отца героя романа, Кузьмы Петровича. Отецъ его тянулся изъ всѣхъ силъ имѣть псарню—не меньше, чѣмъ у князя Ромодановскаго, и протянулъ тысячу-шестьсотъ душъ, а сыну оставилъ съ небольшимъ четыреста. Петръ Кузьмичъ женился на модницѣ, которая разорила его въ разоръ и терпѣть не могла своего сына (онъ-то и герой романа) за его кучерское имя,—что и заставило Петра Кузьмича отвезти малолѣтнаго Кузьму Петровича въ Петербургъ и отдать въ кадетскій корпусъ. Черезъ пять лѣтъ, родители Кузьмы Петровича умерли, и ему отъ четырехъ-сотъ душъ крестьянъ осталось только триста рублей денегъ.

Теперь мы будемъ слѣдовать за романомъ не по главамъ, а постараемся разсказать содержаніе всей книги покороче. У Кузьмы Петровича былъ дядька, Прохоръ Кондратьевичъ — маленькое, и не совсѣмъ удачное подражаніе *Савельичу* въ «Капитанской Дочкѣ». Здѣсь особенно интересно мнѣніе автора о слугахъ такого рода; представляемъ его на судъ читателей:

«Куда дѣвалось это поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патріархальными нравами нашихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ показаться невѣроятною, а встарину это бывало сплошь. Обыкновенно *барское дитя*, переходило отъ кормилицы къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожатые: кормилица, нянюшка и дядька, сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который въ послѣдствіи становился ихъ бариномъ. *Разумѣется*, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два братца подерутся между собою, а тамъ—глядишь, и нянюшки таскаютъ другъ-друга за волосы» (Ч. I. Стр. 52).

Получивъ наслѣдство (300 руб.), Мирошевъ былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ и заказалъ себѣ Нѣмцу портному полную форменную экипировку; а Прохоръ выторговалъ у Нѣмца тридцать рублей изъ ста, расплакавшись передъ нимъ о бѣдности барина. Затѣмъ, Мирошевъ пошелъ въ прусскую кампанію. По увѣренію почтеннаго и даровитаго автора «всѣ товарищи полюбили его за кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который, однакожь, не помѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи; служивые говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фрунтовомъ офицерѣ, а вся молодежь называла его *дядюшкой*». Лицо, какъ видите, идеальное, вполнѣ заслуживающее чести быть героемъ такого прекраснаго романа, какъ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ». Прохоръ тоже попалъ въ большую честь за свою услужливость и честность, а главное — за умѣнье объясняться съ Нѣмцами. Одинъ русскій офицеръ попросилъ у Нѣмца молока, а тотъ подалъ ему колбасу—офицеръ было и по зубамъ Нѣмца; но позвали Прохора, и тотъ сталъ на четвереньки, заревѣлъ теленкомъ (?!). Нѣмецъ догадался — и дѣло кончилось миролюбиво. Въ полку былъ поручикъ Фурсиковъ—забіяка въ мирѣ и трусъ на войнѣ. Мирошевъ былъ свидѣтелемъ его трусости (повтореніе слово-въ-слово исторіи съ княземъ Блёсткинымъ въ «Рославлевѣ»). Когда кончилась война, и Мирошевъ воротился съ полкомъ въ Россію, Фурсиковъ былъ эскадрон-

нымъ командиромъ и такъ распекалъ при всякомъ случаѣ нашего Мирошева, что тотъ подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву искать своихъ сослуживцевъ — не помогутъ ли они найдти ему штатское мѣстечко. Имѣнія съ нимъ было — пара крестьянскихъ лошадей, телега, да пять цѣлковыхъ въ карманѣ. Жалѣлъ о немъ болѣе всѣхъ гуляка и рубака, *добрый малый*, Костоломовъ... Да! я и забылъ сказать, что у Мирошева была родная тетка, старая дѣвица, у которой было 50 душъ крестьянъ, и съ которою мать его, а ея сестра, была во враждѣ. На дорогѣ къ Москвѣ, Мирошевъ разговорился съ Прохоромъ о-томъ-о-сёмъ, и Прохоръ, между прочими умными вещами, которыя онъ такой мастеръ говорить, сказалъ, что не худо бы Кузьмѣ Петровичу имѣть душъ тысячи двѣ крестьянъ. «Э!—отвѣчалъ Мирошевъ: хорошо было бы, еслибъ хоть вотъ и этакую деревеньку—вотъ, что стоитъ на лѣво-то!» Тутъ баринъ и левщикъ пустились въ запуски хвалить деревеньку,—и у Мирошева ни-съ-того, ни-съ-сего загорѣлось остановиться въ ней кормить лошадей, хоть они еще и мало отъѣхали. Слуга было заспорилъ, но скоро согласился: вѣдь противъ судьбы не пойдешь... Да, судьбы, читатель, судьбы: радостное біеніе вашего сердца и тонкая проницательность вашего ума давно уже сказали вамъ, къ чему ведутъ всѣ эти подробности... Путешественники остановились въ крайней избѣ у старосты Пароена. Прохоръ предлагаетъ барину обѣдъ, но баринъ хочетъ гулять. Оно такъ и должно: всѣ истинные герои романовъ любятъ гулять и мечтать, хоть бы они родились и жили въ такое время, когда по-пусту шататься не любили и всякому гулянью предпочитали —поплотнѣе набивши желудокъ, хорошенько всхрапнуть. Но Мирошевъ былъ изъ грамотныхъ и, вѣроятно, уже прочелъ «Приключенія Никанора, несчастнаго Дворянина»: — похожденія знаменитаго «Георга Милорда Англинскаго» тогда едвали еще были изданы. Вотъ Мирошевъ и спрашиваетъ у одного мужичка, можно ли погулять въ рощѣ. — Сколько душѣ угодно, не то, что въ рощѣ, да и въ саду. —Стало-быть, господъ нѣтъ дома?—Была барыня, да и та умерла.—(*Понимаете?..*) Такъ и домъ посмотрѣть можно? — Вѣстимо. Пока ключница пошла за ключами, Мирошевъ глядь въ дверь одной комнаты, да и остолбенѣлъ... Тамъ —видите—сидѣла, облокотясь на столъ и читая книжку, прелестная молодая дѣвица съ печальнымъ лицомъ. Описаніе ея красоты пропускаемъ: оно превосходно, но нѣсколько сбивается на общій тонъ чувствительныхъ романовъ. Вдругъ у дѣвицы выступили на глазахъ слезы, а у Мирошева облилось сердце кровью. «Боже мой!—подумалъ онъ: —*и это небесное созданіе, этотъ ангелъ несчастливъ!* Краснѣя, онъ разспросилъ ключницу потомъ объ этой дѣвицѣ, и узналъ, что она— «дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей», сирота, призрѣнная покойною владѣтельницею деревеньки. Яркими красками описала Мирошеву ключница Ѳедосья добродѣтели сей дѣвицы, и кáкъ она, Ѳедосья, видѣла во снѣ свою умершую дочь и прочее, все такое... Гуляя, Мирошевъ расплакался,— изъ сего ясно видно, что онъ «полюбилъ сильно, глубоко и вѣчно, а не тою чувственною любовью, что вспыхнетъ да пройдетъ». Наплакавшись и нагулявшись, онъ воротился въ деревню — глядь, въ ней движеніе: мужики и бабы въ праздничныхъ платьяхъ, и лишь только кто увидитъ его, бухъ ему въ ноги...—Что такое? спрашиваетъ изумленный Мирошевъ. — Такъ-съ, ничего-съ! отвѣчаетъ ему таинственнымъ голосомъ Прохоръ. Короче, читатель: помѣщица села Хоровки, недавно умершая, была *вышереченная* тётка Мирошева, и Кузьмѣ Петровичу не даромъ захотѣлось кормить лошадей въ этой деревенькѣ... Впрочемъ, вы давно уже ожидали такого чуда. Но вотъ бѣда: тётинька-то хотѣла отказать имѣніе своей питомицѣ; Кузьма Петровичъ даже на-

шелъ написанную вчернѣ духовную, которую не успѣли перебѣлить за смертію помѣщицы. Какъ истинный герой романа, чувствительный и великодушный, онъ почитаетъ себя не въ правѣ воспользоваться наслѣдствомъ, не ему отказаннымъ, и, къ величайшему огорченію Прохора, отдаетъ деревню Марьѣ Дмитріевнѣ, которая жила въ людской, въ семействѣ добродѣтельнаго лакея Лаврентія,—а самъ хочетъ уѣхать въ Москву. Героиня наша и не прочь-было, да какъ узнала отъ Прохора, что у его барина-то имѣнія всего-на-все, и съ лошадьми, рублей на 50,—то и не хотѣла уступить герою въ великодушіи, и *печатнымъ*, т. е. книжнымъ слогомъ плохихъ романовъ второй четверти текущаго столѣтія, на-чисто отперлась отъ деревни: иду-де, говоритъ, въ монастырь. За тѣмъ слѣдуетъ въ высшей степени патетическая сцена: Мирошевъ, собравшись съ духомъ, предлагаетъ ей владѣть деревнею вмѣстѣ, а то—говоритъ—и уѣду на край свѣта, и сойду съ ума, и умру съ тоски. Все это очень хорошо, весьма трогательно, только во всемъ этомъ не видно нисколько людей того времени, а слѣдовательно, и никакихъ людей. Но передъ вѣнцомъ, оба они явились вдругъ людьми того времени: не говоря уже о невѣстѣ, самъ женихъ страшно затосковалъ о томъ, что ихъ некому проводить къ вѣнцу и не будь Ѳедосьи и Прохора, я думаю, что бракъ не состоялся бы, а романъ кончился бы во-время... Изъ церкви, Мирошевъ, по предложенію новобрачной, пошелъ на могилу тётки: тамъ Марья Дмитріевна посадила кустъ розановъ, который сначала-было началъ рости, а потомъ завялъ, листья облетѣли. Приходятъ и — о, диво дивное и чудо чудное! — кустъ разросся, раззеленѣлся, расцвѣлъ... «О, матушка, матушка!» вскричала Марья Дмитріевна, упавъ на могилу своей благодѣтельницы: «я понимаю тебя: ты благословляешь дитя свое, ты радуешься его счастью!» Послѣ этого трогательнаго воззванія по такому чувствительному поводу, молодые упали на колѣни на могилѣ. Замѣтивъ эффектъ, произведенный надъ мужемъ своею рѣчью, Марья Дмитріевна проговорила другую—еще лучше, обнявъ своего нѣжнаго супруга: «О, мой другъ! теперь нѣтъ сомнѣнья, мы будемъ счастливы! Она благословляетъ нашъ союзъ. Вчера этотъ кустъ походилъ на *мертвый трупъ*, а сегодня... Посмотри, какъ пышны эти розаны, какъ свѣжа эта зелень! Видишь ли, какъ блестятъ на листочкахъ эти алмазныя капли росы?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Это не роса: это радостныя слезы моей второй матери!».. Милое, доброе созданіе эта Марья Дмитріевна: и говоритъ, какъ пишетъ, или словно по печатному читаетъ; во всякомъ случаѣ, говоритъ какъ не говорятъ и теперь, и какъ еще менѣе могли говорить въ тѣ времена, когда вслѣдствіе родительской предосторожности на счетъ нравственности дочерей, дѣвушекъ не учили ни читать, ни писать... Зачѣмъ же она такъ говоритъ, какъ нигдѣ не говорятъ, кромѣ плохихъ романовъ? Затѣмъ, милостивые государи, чтобъ плѣнить воображеніе, тронуть сердце и убѣдить умъ читателя, какъ это предписывается въ любой реторикѣ...

Вы думаете, что тутъ и все? что наши герои зажили бы благополучно и — и роману конецъ?... Какъ бы не такъ! Это еще только *первая* часть, только вступленіе, за которымъ слѣдуютъ три части; это только присказка, а сказка-то впереди... Доскажемъ же ее какъ-нибудь.

Между первою и второю частью проходитъ 18 лѣтъ. Марья Дмитріевна уже превратилась въ барыню толстую, плотную и румяную — простонародный идеалъ русской красоты! (Замѣчательно, что у г. Загоскина въ этомъ романѣ дѣйствующія лица большею частію плотныя, толстыя, а мужчины почти всѣ лысые...) Она уже объясняется просто, иногда даже черезчуръ-просто, какъ всѣ русскія помѣщицы того времени, т. е., 1780 года. Куз-

ма Петровичъ мало перемѣнился, да и не отъ-чего: вѣдь онъ это время только ѣлъ, пилъ да спалъ; человѣкъ онъ былъ добрый — мухи не обидитъ, на слугу не осердится; и такъ, не удивительно, что онъ только постарѣлъ немного. У нихъ есть дочь, Варинька — вотъ ужь милочка-то: глаза голубые (счетомъ два), носикъ... ну, да вы и такъ ее знаете наизустъ. Авторъ очень жалѣетъ, что принужденъ былъ сравнить ея станъ съ аравійскою пальмою, а не съ русскою сосною,—и мы вполнѣ раздѣляемъ его горе.

«Пылкое сердце и какая-то наклонность къ мечтательности составляли отличительную черту ея характера: въ этомъ она вовсе не похожа на своихъ родителей, которые не давали волю *(и)* своему воображенію *(и не мудрено: у нихъ его вовсе не было!)*, не залетали въ *туманную даль*, а жили по-просту, какъ Богъ велѣлъ, — и вѣрно въ нашъ романтическій вѣкъ показались бы людьми весьма обыкновенными, прозаическими и даже пошлыми *(вотъ что правда, то правда!)*. Бѣдняжки! они не знали, что разгульная и буйная жизнь имѣетъ свою поэзію (*но не-уже-ли же животной жизни противополагается только разгульная и буйная: есть еще разумно-человѣческая, которая выше той и другой*); что жизнь спокойная, не волнуемая страстями, вовсе не жизнь, а прозябаніе; что мы, хотя живемъ на сѣверѣ, а должны смотрѣть на западъ, и такъ же, какъ тамъ, думать объ одномъ только земномъ просвѣщеніи, то есть: что мы можемъ забыть о земной нашей родинѣ; но за то должны передъ наукою благоговѣть какъ передъ святынею, и художеству покланяться какъ божеству.»

А! вотъ что! понимаемъ... Но возьмите немного терпѣнія—то ли еще поймете: для того-то мы и пересказываемъ вамъ содержаніе этого романа. Недалеко отъ Мирошевыхъ деревня Кирсанова, богатаго помѣщика, у котораго есть сынъ. Разумѣется, *онъ* влюбился въ *нее*, а *она* начала «обожать» его. Къ Мирошевымъ ѣздятъ сосѣди: *Вертлюгины*, мужъ—дуракъ, а жена—кокетка, модница, сплетница и все что угодно: авторъ изобразилъ ее со всею ѣдкостію своей неподражаемой ироніи; потомъ, бѣдный помѣщикъ, *Зарубкинъ*, сплетникъ, пьяница, побироха и шутъ. Мы и не упомянули бы о немъ, да съ нимъ былъ анекдотъ, который вѣрно характеризуетъ то прекрасное время, когда люди «передъ наукою не благоговѣли, какъ передъ святынею, и художеству не покланялись, какъ божеству». Послушайте разсказъ самого Зарубкина о томъ, что сдѣлалъ съ нимъ *Аѳонька*, шутъ Кирсанова:

«Да, сударь! привязался ко мнѣ, проклятый! Научили что ль его—не знаю. Началъ такія не пригожія рѣчи говорить, вся чески меня порочить; я сначала все въ шутку поворачивалъ, да онъ ужь больно сталъ нахальничать: натянулъ палецъ, да и щолкъ меня по носу; я его отпехнулъ — а онъ и ну драться. А Иванъ Никифоровичъ, чѣмъ бы дурака-то унять, кричитъ: «Не поддавайся, Аѳонька!» — а тотъ и пуще! Гляжу: ахти! дуракъ-то ужь и до рожи добирается!... Я и руками и ногами, кричу: «батюшки бьетъ! батюшки бьетъ!» а *его высокородіе* такъ и умираетъ со смѣху. Да ужь сынокъ-то его, Владиміръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровье, такой добрый! схватилъ Аѳоньку за воротъ и оттащилъ прочь; а все этотъ шальной раза два съѣздилъ меня по уху. Что будешь дѣлать!» (*Часть* II. *стр.* 20—21.)

Да, можно повѣрить, что Зарубкинъ «не благоговѣлъ передъ наукою, какъ передъ святынею, и художеству не покланялся, какъ божеству»: такое самоуниженіе и животное незнаніе своего человѣческаго достоинства никогда не соединяется съ благородною любовію къ наукѣ и возвышенною страстью къ искусству. И что идетъ къ Зарубкину, то же можно сказать и о вѣкѣ «Зарубкиныхъ...»

Въ сосѣдствѣ деревни Мирошевыхъ было имѣніе одного богача-графа, который, поручивъ его управленію холопа своего, *Курочкина*, не хотѣлъ и знать о немъ: въ немъ было всего только 400 душъ! Курочкинъ этотъ

былъ знаменитый, въ духѣ того времени, законовѣдецъ: чуть кто ему не понравится—тяжбу, да и оттягаетъ, именемъ графа, сколько захочетъ десятинъ земли, или лѣсу. У Курочкина былъ сынъ — офицеръ... Я и забылъ сказать, что въ семействѣ Мирошевыхъ есть дѣвушка *Дуняша* — родъ подруги и горничной Вариньки, дочь того Лаврентія, что нѣкогда призрѣлъ-было Марью Дмитріевну. Курочкинъ началъ намекать Мирошеву о сватовствѣ, а тотъ, думая, что дѣло идетъ о Дуняшѣ, и радехонекъ; но когда недоразумѣніе разрѣшилось — въ Мирошевѣ проснулась дворянская гордость. Прохоръ чуть не избилъ сваху; Марья Дмитріевна—та, что говорила по печатному на могилѣ — не уступила въ ревности Прохору: насилу отстоялъ отъ нихъ Мирошевъ бѣдную сваху. Впрочемъ, этой свахѣ досталось и отъ автора: онъ такое принялъ горячее участіе въ оскорбленія Мирошева, что изобразилъ ее хуже чорта и такъ смѣшно, что еслибъ прочелъ Прохоръ, то сказалъ бы: «батюшки-свѣты, животики надорвешь — умора да и только...» Также саркастически изображенъ и сынъ Курочкина: самъ Митрофанъ Фонвизина — умница передъ нимъ. Оно такъ и надо; чѣмъ солонѣй севрюжина, тѣмъ вкуснѣе для извѣстнаго разряда гастрономовъ... Между-тѣмъ, наши голубки вздыхаютъ, воркуютъ, и разъ такъ разворковались, что и кольцами помѣнялись. Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ — второе изданіе Кузьмы Петровича, только съ корректурными поправками въ правописаніи: онъ надѣленъ всѣми возможными добродѣтелями, и не имѣетъ только лица и характера, но похожъ на вырѣзанную изъ картузной бумаги фигурку, у которой изъ-подъ головы тотчасъ же начинаются ноги, и на лбу ярлычокъ съ нумеромъ. —«Я — говоритъ онъ—противъ воли отца на тебѣ не женюсь, а любить буду до гроба и умру твоимъ суженымъ.»

«О! какое неизъяснимое блаженство изобразилось въ глазахъ Вариньки! «Моимъ суженымъ! — повторила она. Да чего еще я могу просить у Бога? Ты станешь вѣчно любить меня — да! вѣчно!.. *Здѣсь* ты будешь женихомъ моимъ, а *тамъ* — Господь назоветъ насъ супругами! Онъ услышитъ мою молитву: твоя невѣста умретъ прежде тебя... О! какъ она будетъ тебя дожидаться!... Владиміръ! — продолжала Варинька, снимая съ пальца золотое колечко, — можетъ быть въ церкви Божіей намъ не удастся никогда обмѣняться кольцами; надѣнь его и дай мнѣ свое. Если ты самъ не снимешь его съ моего пальца, то, будь увѣренъ, я лягу съ нимъ въ могилу...

. . . .

—Теперь мы съ тобой обручены!—сказалъ Владиміръ, *глядя съ неизъяснимою любовью* на Вариньку. О, мой ангелъ невинности и доброты! — продолжалъ онъ, *цѣлуя ея руку*,—какая женщина въ мірѣ можетъ равняться съ тобою!... О, повѣрь, мой другъ! еслибъ любовь моя не была также чиста, какъ эти ясныя небеса... еще чище —какъ душа твоя! я не смѣлъ бы тогда прикоснуться къ тебѣ, не смѣлъ бы взять тебя за руку!.. Какъ я люблю тебя *здѣсь*, такъ можно будетъ мнѣ любить тебя и *тамъ*, гдѣ нѣтъ ничего земнаго. Ты правду сказала, Варинька: если не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ мірѣ Господь благословитъ нашъ союзъ» (*Ч. II. стр.* 240—241.)

Каково?—Попробуйте найдти такую сцену любви у Шекспира, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Шиллера, Гёте, Руссо, Пушкина: увѣряю васъ, что не найдете. лучше и не трудитесь, не ищите напрасно...Вотъ перо, такъ перо!... Господи, подумаешь, какіе есть сочинители на свѣтѣ: начнешь читать —такъ невольно и плачешь и смѣешься, смѣешься и плачешь...

Эта *трогательная* сцена любви была подслушана Вертлюгиною, которая нагло навязывалась на Кирсанова и ревновала его къ Варинькѣ. Въ-слѣдствіе этого, старикъ Кирсановъ увезъ своего сына въ Воронежъ, чтобъ насильно женить его тамъ на дочери своего богатаго пріятеля; отъ-этого Варинька, на 94 страницѣ III части, упала въ обморокъ, и съ той же

минуты, какъ истинная героиня романа, сдѣлалась больна; а Курочкинъ между-тѣмъ затѣялъ дѣло, въ-слѣдствіе котораго Мирошевъ увидѣлъ себя въ необходимости ѣхать въ Москву. Варинька исхудала—узнать нельзя; къ большему несчастію, ее чуть не залечилъ Нѣмецъ - лекарь. *Игнатьевна* (которую мы доселѣ знали подъ именемъ *Ѳедосьи*) ворожитъ и колдуетъ, не смотря на свою набожность.

«Несмотря на это грубое невѣжество, на эту странную смѣсь вѣры съ суевѣріемъ, въ старину едвали ужь не тверже вѣрили, и ужь конечно лучше нашего умѣли любить».

И спору нѣтъ: въ романѣ г. Загоскина столько представлено неоспоримыхъ доказательствъ этой истины, что невольно жалѣешь о своемъ отчаянномъ безвѣріи въ гаданія, нашоптыванія, вспрыскиванья, и о своей рѣшительной неспособности объясняться въ любви на маперъ *Мирошевыхъ* и *Кирсановыхъ*...

Дуняша давно уже играетъ не послѣднюю роль въ романѣ, а ея грудь все еще высоко взметывается безпредметною любовію, говоря высокимъ слогомъ. Но не безпокойтесь: такая достойная дѣвица не останется безъ «предмета»: авторъ неусыпно блюдетъ за героями и героинями своего романа; онъ любитъ пáры, и когда понадобится, у него голубокъ какъ съ неба свалится. На святкахъ Дуняша пошла ворожить въ баню, которая стояла въ полѣ за околицею. Вдругъ звонъ колокольчика—оглянулась: за ней косматое чудовище—ахъ!.. и въ обморокъ. Очнувшись, увидѣла она не чудовище, а *его*... Онъ сбился съ дороги (въ тотъ вечеръ была страшная мятель) и пришелъ па огонекъ... Оказалось, что это русскій лекарь, изъ Воронежа. Онъ вмигъ вылечилъ Вариньку, сказавъ ей, наединѣ, разумѣется, что Владиміръ вѣренъ, а въ вящшее доказательство вручилъ ей и письмо. Словно рукой сняло болѣзнь — отецъ и мать въ восторгѣ: они увѣрены, что лекарство подѣйствовало. Уѣзжая, «лекарь поглядѣлъ на Дуняшу *такъ чудно*, что она вся вспыхнула». Понимаете?.. Вотъ вамъ и еще пара голубковъ. Они же и ровня: лекарь тоже сынъ крѣпостнаго человѣка... Надо сознаться, что подъ чудотворнымъ перомъ г. Загоскина все такъ хорошо улаживается, что лучше желать нельзя. Онъ повертываетъ законами дѣйствительности подобно тому герою русской сказки, который только скажетъ: «по моему прошенію, по щучьему велѣнію» — и какъ тутъ было...

Мирошевъ отправился съ Прохоромъ въ Москву, и на дорогѣ (очень-кстати) встрѣтился съ Костоломовымъ, который тоже ѣдетъ въ Москву искать себѣ мѣста городничаго въ какомъ-нибудь городишкѣ. Онъ—видите—любилъ несчастно, и, по великодушію, рѣшился подарить отцу своей возлюбленной любимаго полвопѣгова борзаго кобеля, *Буяна*, чтобъ тотъ согласился отдать свою дочь за того, кого она любила (*Ч. III. Стр. 263—276*). Въ Москвѣ, пріятели остановились на подворьѣ, и тотчасъ же были свидѣтелями, ка́къ сыщикъ Ванька Каинъ поймалъ разбойника, обманувъ его прежней пріязнью. Хлопоты Мирошева о дѣлѣ кончились тѣмъ, что подьячій Тетерькинъ, которому онъ, по простотѣ своей, не смотря на всѣ предостереженія Прохора, ввѣрился, —разорилъ его въ конецъ. Нашелся идеально-честный человѣкъ, который взялъ на себя трудъ объяснить простаку, что его стряпчій сидитъ въ тюрьмѣ, откуда пойдетъ на каторгу, а его дѣло едвали когда кончится. Домой! Но не на чемъ; ѣсть тоже нѐчего. Одна надежда на Костоломова, а тотъ самъ идетъ къ Мирошеву попросить взаймы. Узнавъ о положеніи пріятеля, Костоломовъ тащитъ его обѣдать къ какому-то графу.

«У нѣкоторыхъ изъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ на покоѣ, почти ежедневно были такъ-называемые *открытые столы*. Ка-

ждый опрятно-одѣтый человѣкъ, хотя бы онъ былъ вовсе незнакомъ хозяину, могъ смѣло приходить обѣдать за этотъ столъ; его не спрашивали, кто онъ такой. Дождавшись въ столовой хозяина и *отвѣсивъ ему низкій поклонъ*, онъ садился за общую трапезу и кушалъ на здоровье во славу Божію и въ честь русскаго гостепріимнаго хозяина, которому и кушанье показалось бы не вкуснымъ, еслибъ за его столомъ сидѣло менѣе ста человѣкъ гостей. Этотъ обычай извѣстенъ намъ по одному преданію. Мы не дошли еще до просвѣщенной расчетливости нашихъ западныхъ сосѣдей, у которыхъ отдѣльный сынъ не придетъ не-званый обѣдать къ отцу; но несмотря на это, съ трудомъ уже вѣримъ, что русское хлѣбосольство могло когда-нибудь существовать въ такомъ обширномъ размѣрѣ, — и вотъ почему я нашелъ необходимымъ предварить своихъ читателей, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ на Руси, и что были у насъ такіе бояре, которые находили удовольствіе угощать однимъ и тѣмъ же столомъ и бѣдныхъ и богатыхъ, и друзей и незнакомыхъ; однимъ словомъ, дѣлиться со всѣми богатствомъ, которымъ наградилъ ихъ Господь — и проживать свои доходы дома, а не копить деньги *для* того, чтобъ проматывать ихъ на чужой сторонѣ, ради *пріобрѣтенія себѣ* европейскаго имени» (*Ч. IV. Стр.* 122—123).

Теперь мы понимаемъ, въ чемъ дѣло...

Какъ ни допытывался Мирошевъ у Костоломова имени графа — тотъ не хотѣлъ его сказать до обѣда. Сѣли. Мирошеву досталось сидѣть подлѣ какого-то отставнаго драгунскаго офицера, который очень странно велъ себя и походилъ на помѣшаннаго. Надо замѣтить, что и Мирошевъ служилъ въ драгунахъ и былъ въ отставномъ драгунскомъ мундирѣ. Послѣ обѣда, узнавъ отъ Костоломова, что они обѣдали у того самого графа, съ которымъ у него процессъ, Мирошевъ, отъ простоты своей, перепугался — и бѣжать, а съ испугу едва могъ проговорить свою фамилію спрашивавшему его о ней дворецкому. На другой день вечеромъ Прохоръ, къ несказанной своей радости, получилъ, на имя своего барина, одиннадцать серебряныхъ ложекъ. Черезъ нѣсколько часовъ, Мирошевъ узналъ, черезъ разговоры незнакомыхъ ему людей въ гостинницѣ, что отставной поручикъ *Мирошевъ*, обѣдая у графа *такого-то*, укралъ серебряную ложку, а графъ, когда ему донесли, велѣлъ отдать ему и остальныя одиннадцать, говоря, что, можетъ-быть, бѣдный человѣкъ нуждается — такъ пусть ужь у него будетъ цѣлая дюжина... Мирошевъ съ отчаянія о потерѣ честнаго имени наговорилъ короба три великолѣпныхъ фразъ и совсѣмъ бы зарѣзался, еслибъ Костоломовъ не напомнилъ ему о женѣ и дочери.

Здѣсь я прерву повѣствованіе (которое, впрочемъ, скоро кончится), чтобъ замѣтить, какой великій мастеръ г. Загоскинъ завязать и развязать узелъ романа. Процессъ Мирошева явно долженъ былъ быть проигранъ; Мирошевъ — нищій безъ земли съ 50-ю душами; ему не на что и домой воротиться — бѣда да и только! Чѣмъ кончиться роману? гдѣ быть свадьбѣ и богатству, которыми оканчивается всякій порядочный романъ въ трогательномъ родѣ? Но геній тамъ-то и найдется, гдѣ обыкновенный умъ потеряется: авторъ самымъ естественнымъ образомъ свелъ Мирошева съ графомъ въ ту самую минуту, когда уже самъ читатель видитъ, что безъ участія графа роману не распутаться. Встрѣча съ графомъ была несчастна для Мирошева: она лишила его еще и чести, когда уже онъ былъ лишенъ куска хлѣба, — не безпокойтесь, это не что другое, какъ «игра трудностями» со стороны автора. Вы ближе къ развязкѣ, чѣмъ думаете. Костоломовъ, идя отъ Мирошева домой, увидѣлъ, что на какого-то олѣтаго по-нѣмецки человѣка напали три мужика: Костоломовъ разогналъ ихъ, а въ томъ, котораго спасъ отъ нихъ, узналъ сыщика Ваньку Каина. Счастливая встрѣча, не правда ли?..—Отецъ родной, услуга за услугу: помоги отъискать вора, что, нарядившись въ дра-

гунскій мундиръ, укралъ у графа серебряную ложку!—Изволь, сударь!—Стучатся молодцы въ избушку. Отворить имъ замѣшкались: замѣтно было, что кого-то прятали. Вошли, а подъ лавкой лежитъ казакинъ, картузъ и драгунская шапка. Гостей встрѣтила баба-торговка всякимъ товаромъ, какой Богъ пошлетъ.—Нѣтъ ли чего купить, Матревушка?—спросилъ Каинъ. – Вынесла разное платье.—Нѣтъ ли серебреца?—Какъ не быть!—да и тащитъ ларецъ; открыла, а ложка-то тутъ вотъ и графскій гербъ на ней... —Гдѣ взяла?—Мѣщанинъ продалъ.—Вотъ не этотъ ли, что ходитъ въ этомъ? — сказалъ Каинъ, вытаскивая изъ-подъ лавки казакинъ, картузъ и саблю. Свиснулъ Каинъ — налетѣла его команда, и скрутили молодца, что былъ за перегородкою... Видите ли, какъ все счастливо случилось, удалось и уладилось? Видите ли, что невинность всегда оправдается, а преступленіе всегда откроется?.. Поутру Каинъ представилъ молодца съ ложкою къ графу. Мирошевъ, извѣщенный Костоломовымъ обо всемъ тотчасъ же, началъ каяться въ грѣхѣ отчаянія... Развязку немудрено понять: графъ проситъ у Мирошева извиненія, увѣряетъ его, что процессъ кончился въ его пользу, даетъ ему денегъ на дорогу и пакетъ, который проситъ его велѣть Курочкину прочесть при себѣ вслухъ. Мирошевъ униженно благодаритъ графа и проситъ его походатайствовать о мѣстѣ городничаго въ Новохоперскъ для Костоломова.—Извольте: намъ это не почемъ.— Наконецъ, блаженный Мирошевъ упалъ въ объятія дородной супруги и чувствительной дочери, а Прохоръ побѣжалъ звать Курочкина. Между-тѣмъ, въ отсутствіе Мирошева, у Кирсанова съ отцомъ была горячая сцена: молодецъ такъ расплакался и такъ «трогательно» говорилъ, что старикъ махнулъ рукою—«только, говоритъ, самъ не поѣду сватать, а письмо напишу». Мирошевъ, въ-слѣдствіе правилъ, Богъ-знаетъ - почему навязанныхъ на него авторомъ, не соглашается на этотъ вынужденный и неровный бракъ, и говоритъ женѣ книжнымъ нашего времени языкомъ, слѣдующую рацею: «Эхъ, Марья Дмитріевна! тѣми ли мы смотримъ на нее (т. е. *на дочь*) глазами, какими будетъ смотрѣть Иванъ Никифоровичъ? Она единственное дитя наше, наша радость, наше утѣшеніе; а что она для него? Деревенская барышня, дочь нечиновнаго дворянина, безъ всякаго свѣтскаго образованія, помѣха всѣмъ честолюбивымъ его видамъ, и вдобавокъ ко всему этому—бѣдная дѣвушка, которая, по смерти отца и матери, получитъ пятьдесятъ душъ!.. О, *мой другъ! и пр.* (*Ч. IV. стр. 258–299*).—«Вотъ, какъ бы за нею было душъ хоть *двѣсти*»—прибавилъ онъ... Тутъ явился Курочкинъ съ поклонами и трепетомъ, чуя бѣду; распечаталъ конвертъ —тамъ купчая на село Воздвиженское, состоящее изъ *четырехъ-сотъ тридцати-семи* душъ, со включеніемъ въ ихъ число и Курочкина; купчая на имя Мирошева... О, великодушный графъ!.. И какъ все это кстати!.. Добродѣтельный Мирошевъ простилъ Курочкина и, не смотря на сопротивленіе Прохора, отпустилъ его на волю даромъ. Тутъ какъ нарочно и старый Кирсановъ раскаялся въ своей гордости и—шасть на дворъ... Боже мой, какъ все это кстати!.. Говорите послѣ этого, что на землѣ нѣтъ счастія!..

Вы думаете — конецъ: нѣтъ еще! Авторъ понялъ, какъ больно читателю будетъ разстаться скоро съ такими прекрасными и нравственными людьми, каковы герои его несравненнаго романа: онъ показываетъ намъ ихъ всѣхъ ровно черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ знаменитаго дня чтенія купчей. Бывшая Варинька Мирошева, а теперь Варвара Кузминишна Кирсанова, стала женщиною прекрасною, но *дородною*... Удивительное счастіе *для* героинь романовъ г. Загоскина—чуть перестанутъ сантиментальничать и выражаться «высокимъ слогомъ»—

тотчасъ и разжирѣютъ: видимая благодать Божія!.. Марья Дмитріевна уже очень поустарѣла, а Кузьма былъ еще довольно свѣжъ. У дородной Варвары Кузминишны было двѣ дочери и сынъ. Авторъ показываетъ намъ всѣхъ ихъ за чаемъ, подъ липкою: умилительная картина семейственнаго счастія!.. Тутъ сидитъ и старикъ Кирсановъ, и новохоперскій городничій Костоломовъ, и новохоперскій уѣздный врачъ Логиновъ, супругъ Дуняши. Изъ ихъ разговоровъ узнаёмъ, что Алексѣй Панкратьичъ Курочкинъ, сынъ бывшаго прикащика, теперь уѣздный засѣдатель,—тотъ, что было-лѣзъ въ женихи Варинькѣ—попалъ въ уголовную. Вертлюгина по духовной покойнаго мужа владѣла его имѣніемъ; племянникъ его вступился и доказалъ, что духовная фальшивая, и что Вертлюгина вложила перо въ руку уже умершаго своего сожителя, и подписала такимъ образомъ духовную, а дуралей Курочкинъ подписался свидѣтелемъ... Боже мой! какія гнусныя дѣла творились въ тѣ блаженныя времена, когда «не благоговѣли передъ наукою, какъ передъ святынею, и не поклонялись искусству, какъ божеству, когда тверже вѣрили и пламеннѣе любили, чѣмъ теперь»!..

Далѣе, изъ разговоровъ собесѣдниковъ узнаёмъ, что Прохоръ Кондратьевичъ—лежитъ при смерти, и не мудрено: ему уже за девяносто. Вдругъ докладываютъ, что *умеръ* и велѣлъ барину отдать какой-то ларецъ: въ немъ былъ образокъ, 10 цѣлковыхъ, двѣ игрушки и истертые дѣтскіе башмачки Мирошева...

Изъ этого длиннаго изложенія содержанія длиннаго романа г. Загоскина можете видѣть, читатель, какъ легко писать такіе романы для всякаго, кто только захочетъ писать: стоитъ разъ осмѣлиться, а тамъ ужь не трудно набить руку. О талантѣ, идеяхъ и тому подобныхъ вещахъ нечего и говорить, когда рѣчь идетъ о такихъ романахъ. Спрашиваемъ прямо и не шутя: не-уже-ли сколько-нибудь-образованный и начитанный человѣкъ увидитъ въ *Мирошевѣ* и *Кирсановѣ*—героевъ романа, лица и характеры типическіе?.. Скажите, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и не похожи ли одинъ на другаго, какъ двѣ капли воды, взятыя изъ одного и того же пруда?.. Умные люди говорятъ, что въ Божіемъ мірѣ нельзя сыскать двухъ листочковъ, совершенно сходныхъ между собою; а тутъ вдругъ два героя въ одномъ романѣ, которыхъ нечѣмъ отличить другъ отъ друга! Образъ мыслей ихъ одинъ и тотъ же, языкъ и фразы—тѣ же; притомъ въ нихъ нѣтъ ничего принадлежащаго къ ихъ времени. Не-уже-ли трудно выдумать, за одинъ присѣстъ, сто такихъ героевъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и въ то же время ни на кого, ни на что, даже на самихъ-себя, не похожихъ? И это искусство, литература, романъ... Но далѣе... Но что говорить далѣе? Вѣдь героини такъ же хороши, какъ и герои. По-крайней-мѣрѣ, онѣ хоть жирѣютъ съ годами, слѣдовательно, измѣняются хоть физически... А сахарныя сцены любви, приличныя фразы приторныхъ чувствованьицъ и водяныхъ ощущеньицъ?.. И это мы читаемъ въ 1842 году, и это будутъ хвалить пріятельскіе журналы и покупать довѣрчивые покупатели? А что за содержаніе романа? Человѣкъ получилъ чудеснымъ (т. е. несбыточнымъ) образомъ наслѣдство, и *таковымъ* же образомъ влюбился и женился, за неумѣніемъ и неспособностью сдѣлать что-нибудь болѣе необыкновенное. Этимъ бы слѣдовало и

кончить; кажется, и самъ авторъ такъ думалъ, но дописавъ последнюю страницу, верно решился продолжать на авось, доверившись не фантазіи, а руке и перу... Во второй части являются новые уже герои: зачемъ же романъ названъ *Кузьмою Петровичемъ Мирошевымъ?* И опять—что за содержание?—Путаница несбыточно-счастливыхъ событій, страшныя хлопоты судьбы, нарушившей законы действительности,—и все это для того только, чтобъ оставить за Мирошевымъ его 50 душъ и наклеить носъ Курочкину!.. Даже не для того, чтобъ соединить «законнымъ бракомъ» два безличныя, но добродетельныя существа: ибо старикъ Кирсановъ решился переломить свою гордость и пріехать къ Мирошевымъ, ничего не зная объ окончаніи процесса. Следовательно, процессъ, наполняющій собою две съ половиною части романа, не имеетъ никакого отношенія къ судьбе «злополучныхъ любовниковъ»? И такъ, къ чему же все это и за чемъ все это? Какой смыслъ, какая цель, какое намереніе?—И однакожь, въ романе есть все это: и смыслъ, и цель, и намереніе, только плохо выраженныя, бездарно выполненныя. Но о нихъ сейчасъ.

Мы видели, что все герои и героини романа г. Загоскина разделяются на три разряда: № 1, *добродѣтельные*, № 2, *злодѣи*, № 3, *лица комическія*. Каковы первые—мы уже говорили. Вторые — каррикатуры, въ которыхъ, однакожь, есть призракъ действительности, какъ, наприм., въ негодяе Курочкине. Третьи всехъ удачнее въ лице Өедосьи и Прохора. Это не личности, не характеры; но искусственныя олицетворенія сословія. Все это, разумеется, лучше безцветныхъ героевъ. Они, по-крайней-мере, говорятъ языкомъ — следствіе вліянія Вальтера Скотта даже на «сочинителей» романовъ. Этотъ языкъ грубо и неизящно верен природе. Въ Прохоре заключена вся мысль романа; на немъ сосредоточено все вдохновеніе, весь паөосъ концепціи; онъ истинный и единый герой романа, Ахиллъ этой вывороченной на изнанку «Иліады». Авторъ любитъ его, удивляется ему; онъ искренно жалеетъ, что ужь нетъ более такихъ слугъ. Прохоръ является на первыхъ страницахъ романа и сходитъ съ него—на последней. Въ немъ основная мысль, въ немъ смыслъ, цель и намереніе романа. Мысль эта — превосходство нравовъ старины передъ современными, разумность того времени, когда не благоговели передъ наукою, какъ передъ святынею, и не покланялись искусству, какъ божеству»... Странная ненависть къ науке и искуству, удивительная вражда къ просвещенію!..

Героиня романа—*Өедосья*. Въ ней мы видимъ неоспоримый документъ (запыленный, заплесневелый и подгнившій отъ времени), доказывающій, что только во времена суеверія «умеютъ и твердо верить и горячо любить». Напрасно даровитый сочинитель не сделалъ изъ Прохора и Өедосьи—злополучныхъ любовниковъ, въ конце романа преодолевающихъ все препятствія и вступающихъ въ «законный бракъ». Тогда бы юное поколеніе нашего времени знало у кого учиться любить...

Но довольно, читатели! Если мы заняли ваше вниманіе разборомъ «Кузьмы Петровича Мирошева»—это потому-что романъ г. Загоскина есть типъ моральныхъ и сатирическихъ русскихъ

романовъ нашего времени, глава всѣхъ ихъ. Скоро о подобныхъ явленіяхъ уже не будутъ ни говорить, ни писать, какъ уже не говорятъ и не пишутъ больше о *Выжигиныхъ*,—и цѣль нашей статьи —ускорить по-возможности это вожделѣнное время, которое будетъ свидѣтельствомъ, что наша литература и общественный вкусъ сдѣлали еще шагъ впередъ...

РУКОВОДСТВО КЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ. *Сочиненіе* Фридриха Лоренца. *Часть I. Санктпетербургъ. 1841.*

—

Вѣкъ нашъ—по-преимуществу *историческій* вѣкъ. *Историческое созерцаніе* могущественно и неотразимо проникло собою всѣ сферы современнаго сознанія. Исторія сдѣлалась теперь какъ-бы общимъ основаніемъ и единственнымъ условіемъ всякаго живаго знанія: безъ нея стало невозможно постиженіе ни искусства, ни философіи. Мало того: само искусство теперь сдѣлалось по-преимуществу историческимъ: историческій романъ и историческая драма интересуютъ теперь всѣхъ и каждаго больше, чѣмъ произведенія въ томъ же родѣ, принадлежащія къ сферѣ чистаго вымысла. Люди ограниченные никакъ не могутъ примирить, въ своемъ сухомъ и узкомъ понятіи, свободнаго вымысла фантазіи съ историческою дѣйствительностію,—и нѣкоторые изъ нихъ, съ свойственнымъ невѣжеству простодушіемъ, громко, во всеуслышаніе, издѣваются надъ историческимъ романомъ, какъ надъ нелѣпостью, которая оскорбляетъ здравый смыслъ и помрачаетъ славу генія шотландскаго романиста: въ слѣпотѣ своей, эти жалкіе умники не видятъ, что все величіе генія Вальтера Скотта именно въ томъ и состоитъ, что онъ былъ органомъ и провозвѣстникомъ вѣка, давши искусству историческое направленіе. Упадокъ живописи въ наше время происходитъ совсѣмъ не отъ-того, чтобъ это искусство исчерпало все свое содержаніе и отжило свой вѣкъ: нѣтъ, содержаніе всякаго искусства есть дѣйствительность, слѣдственно, оно неисчерпаемо и неистощимо, какъ сама дѣйствительность... Можно утверждать съ большимъ основаніемъ, что живопись—не умерла, а только обезсилѣла въ наше время, стараясь держаться старыхъ преданій, идти по слѣдамъ, разъ и, будто-бы, навсегда проложеннымъ великими мастерами среднихъ вѣковъ, силясь остановиться въ сферѣ нѣкогда могущественныхъ и великихъ, но теперь уже мертвыхъ интересовъ и не дѣлаясь искусствомъ по-преимуществу *историческимъ*. Да, только въ исторической живописи могутъ являться теперь великіе творцы, ибо только историческая дѣйствительность можетъ теперь дать живописи и живое содержаніе и современный интересъ... Таково вліяніе исторіи на современное искусство!

Въ знаніи, историческое созерцаніе едва-ли еще не больше замѣтно. Давно ли эстетика шла своимъ особымъ путемъ, не спрашиваясь у исторіи, не соприкасаясь съ нею? Еще и теперь многіе добрые люди, повторяя чужіе зады, преназвно увѣряютъ, что искусство само-по-себѣ, а жизнь сама-по-себѣ, что между тѣмъ и другою нѣтъ ничего общаго, и что искусство унизилось бы, снизойдя до современныхъ интересовъ. Дѣйствительно, если подъ «современными интересами» разумѣть моды, биржевой курсъ, сплетни и мелочи свѣта, то искусство играло бы слишкомъ-жалкую роль, еслибъ унизилось до симпатіи къ такимъ «современнымъ интересамъ». Такъ и было съ искусствомъ во Франціи, когда оно заставляло греческихъ и римскихъ героевъ выражать современныя двор-

скія сплетни. Нѣтъ, не то разумѣется подъ историческимъ направленіемъ искусства: это или современный взглядъ на прошедшее, или мысль вѣка, скорбная дума, или свѣтлая радость времени; это не интересы сословія, но интересы общества; не интересы государства, но интересы человѣчества; словомъ, это *общее,* въ идеальномъ и возвышенномъ значеніи слова... Мы теперь знаемъ уже, что искусство, какъ выраженіе сознанія того или другаго народа и цѣлаго человѣчества въ извѣстную эпоху,—есть какъ бы біеніе пульса его жизни, а потому и развитіе и исторія искусства тѣсно связаны съ развитіемъ и исторіею народа или человѣчества. Въ-слѣдствіе этого, мы теперь знаемъ, что у новѣйшихъ народовъ Европы, съ тѣхъ временъ, когда они познакомились съ древними литературами, не могло, да и никогда не можетъ быть эпопеи въ родѣ «Иліады» и «Одиссеи», и что «Освобожденный Іерусалимъ», «Потерянный Рай», «Мессіада» и т. п. суть произведенія людей даровитыхъ, но отнюдь не геніальныхъ, — произведенія блестящія, но въ то же время и ложныя... Мы теперь знаемъ, что сатира не есть осмѣяніе пороковъ *для* исправленія нравовъ, но что это есть высшій судъ надъ падшимъ обществомъ, его предсмертный, раздирающій душу вопль, и что Персіи и Ювеналы явились въ римской литературѣ не случайно, а необходимо, и притомъ въ самую пору, такъ-что ранѣе не могли явиться... Мы теперь знаемъ, что романъ и драма должны преобладать, въ наше время, надъ всѣми другими родами поэзіи, какъ наиболѣе-приличныя и способныя формы для выраженія современной дѣйствительности. Мы теперь знаемъ, что поэты нашей эпохи не могутъ быть ни классиками, ни романтиками, но что въ ихъ произведеніяхъ должны заключаться и классицизмъ и романтизмъ, какъ прошедшее заключается въ настоящемъ. И все это мы потому знаемъ, что знаемъ законы развитія духа человѣческаго въ исторіи...

Въ наукѣ—собственно, вліяніе историческаго созерцанія такъ же ощутительно, какъ и въ искусствѣ. Мы разумѣемъ здѣсь преимущественно философію, какъ науку тѣхъ живыхъ истинъ, которыя положены краеугольными камнями мірозданія. Впрочемъ, здѣсь вліяніе было взаимное: отъ успѣха исторіи, какъ науки, сдѣлался возможнымъ окончательный успѣхъ философіи, которая, въ свою очередь, по мѣрѣ собственныхъ успѣховъ, возвышала достоинство исторіи, какъ науки. Можно сказать, что философія есть душа и смыслъ исторіи, а исторія есть живое, практическое проявленіе философіи въ событіяхъ и фактахъ. По Гегелю, мышленіе есть какъ-бы историческое движеніе духа, сознающаго себя въ своихъ *моментахъ*; и ни одинъ философъ не далъ исторіи такого безконечнаго и всеобъемлющаго значенія, какъ этотъ величайшій и послѣдній представитель философіи...

Историческое созерцаніе проникло всю современную дѣйствительность—даже самый бытъ нашъ. Чувство общественности теперь вездѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде было. Каждый живѣе чувствуетъ себя въ обществѣ и общество въ себѣ, и каждый по-крайней-мѣрѣ претендуетъ служить обществу, служа себѣ-самому. Вражда между сословіями исчезаетъ, и они примиряются въ признаніи взаимной необходимости и взаимной важности для общества. Зависть уступаетъ мѣсто соревнованію. Общественныя предпріятія возбуждаютъ общій интересъ, какъ дѣло, лично до каждаго касающееся. Какая-нибудь желѣзная дорога утверждается на основаніи опытовъ прошедшаго, на предвидѣніи результатовъ въ будущемъ. Для обществъ какъ-будто исчезло различіе между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ: общества равно живутъ теперь во всѣхъ трехъ этихъ отношеніяхъ времени, — и настоящее для нихъ есть результатъ прошедшаго, на основаніи котораго должно осуществиться и ихъ будущее. *Прогрессъ* и *движеніе* сдѣлались теперь словами

ежедневными. Новизна никого не пугаетъ; предѣла усовершенствованіямъ никто не видитъ. Каждое общество теперь, въ каждую минуту своего существованія, представляется въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, которыя суть живыя лѣтописи прошедшаго, свидѣтельство настоящаго и пророчество будущаго: это ступени историческаго движенія общества, ступени, едва-ли отдѣленныя другъ отъ друга какими-нибудь пятилѣтіями!... Такъ скоро все движется теперь...

Какая же причина этого скораго движенія? — Созрѣвшее историческое сознаніе, въ-слѣдствіе успѣха, въ последнее время, исторіи, какъ науки.

Исторія была всегда и у всѣхъ народовъ: у одного какъ преданіе, у другаго какъ сказка, у третьяго какъ поэма, у четвертаго какъ хроника, и т. д. У Грековъ была даже художественная исторія, гдѣ съ критическимъ анализомъ событій соединялось и художественное изложеніе. Но это все-еще не та исторія, о которой мы говоримъ: это еще простая исторія, какъ разсказъ о событіяхъ въ жизни народа, а не исторія, какъ наука. Народъ самъ-по-себѣ еще немного значитъ, и сколько есть народовъ на землѣ, о которыхъ мы знаемъ только то, что они есть, а больше ничего о нихъ и знать не хотимъ. Притомъ же, повѣствованіе о томъ, что̀ было, — еще не исторія. Средніе вѣка были богаты хрониками, которыхъ простодушные авторы описывали что̀ и ка̀къ видѣли съ своей точки зрѣнія. Теперь исторія, изъ хроники, сдѣлалась «мемуарами». Но все это только матеріалы для исторіи, еще не исторія. Сущность исторіи, какъ науки, состоитъ въ томъ, чтобъ возвысить понятіе о человѣчествѣ до идеальной личности; чтобъ во внѣшней судьбѣ этой «идеальной личности» показать борьбу необходимаго, разумнаго и вѣчнаго съ случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ, а въ движеніи впередъ этой «идеальной личности» показать побѣду необходимаго, разумнаго и вѣчнаго надъ случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ. Да, задача исторіи — представить человѣчество, какъ индивидуумъ, какъ личность, и быть біографіею этой «идеальной личности». Человѣчество есть именно — «идеальная личность»: *личность* — потому-что у него есть свое *я*, есть свое сознаніе, хотя и выговариваемое не однимъ, а многими лицами; есть свои возрасты, какъ и у человѣка, есть развитіе, движеніе впередъ; *идеальная* — потому-что нельзя эмпирически доказать ея существованія, указавъ невѣрующему пальцемъ и сказавши: «вотъ человѣчество — смотри!»

И однакожь, сколько этихъ невѣрующихъ, которые никогда не признаютъ существованія того, на что нельзя указать, чего нельзя увидѣть глазами, обонять носомъ, отвѣдать языкомъ, услышать ухомъ, осязать рукою!... Таково свойство всякой живой истины: сколько громко говоритъ она живой душѣ, столько нѣма *для* мертвой! Никто не усомнится въ существованіи человѣчества, какъ числительнаго собранія двуногихъ тварей, населяющихъ собою земной шаръ; но многіе ли въ состояніи понять, что человѣчество есть не только *собирательное*, но еще и *личное* имя — названіе одного лица, которое, проживши нѣсколько тысячелѣтій, подобно каждому человѣку, отдѣльно взятому, не помнитъ своего рожденія и первыхъ лѣтъ своего безсознательнаго существованія; которое, подобно каждому человѣку, отдѣльно-взятому, было младенцемъ, отрокомъ, юношею, и теперь стремится къ своей полной возмужалости; которое, подобно каждому, отдѣльно взятому человѣку, всегда стремилось къ положительному убѣжденію и знанію, и всегда отрицало свое убѣжденіе и знаніе, чтобъ, на его развалинахъ, основать болѣе-близкое къ истинѣ; которое, подобно человѣку, заблуждалось и возставало, страдало и блаженствовало, и котораго жизнь вѣчно будетъ состоять въ томъ, чтобъ заблуждаться и возставать, страдать и бла-

женствовать .. Однакожъ, изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ человѣчество стояло на одномъ мѣстѣ, или чтобъ оно стремилось отъ одной лжи къ другой: нѣтъ лжи для человѣчества, но есть только старая истина, которая, разрушаясь, раждаетъ изъ себя новую, высшую истину, подобно фениксу, въ новой красѣ возраждающемуся, по восточному преданію, изъ собственнаго пепла... Человѣчество движется не прямою линіею и не зигзагами, а спиральнымъ кругомъ, такъ-что высшая точка пережитой имъ истины въ то же время есть уже и точка поворота его отъ этой истины,—правда, поворота не вверхъ, а внизъ; но для того внизъ, чтобъ очертить новый, болѣе обширный кругъ и стать въ новой точкѣ, выше прежней, и потомъ опять идти, *понижаясь*, кверху . . . Вотъ почему человѣчество никогда не стоитъ на одномъ мѣстѣ, ни отодвигается назадъ, дѣлая такимъ образомъ безполезнымъ пройденный прежде путь: это только попятное движеніе назадъ, чтобъ тѣмъ съ бо́льшею силою ринуться впередъ... Сперва свѣтъ знанія и цивилизаціи блеснулъ на берегахъ Ефрата, Тигра и Нила, но перешедши въ Грецію, померкъ, — потомъ Греція же возвратила его, и уже не въ томъ видѣ, въ какомъ получила, но въ большемъ и лучшемъ; Македонскій герой разлилъ его до береговъ Ганвеса, утвердилъ въ Сиріи, Египтѣ и Малой Азіи... Погибъ міръ древній, съ его цивилизаціею и просвѣщеніемъ, съ его искусствомъ и правомъ; и что́ же?—варварскія тевтонскія племена, разрушившія Западную Римскую Имперію, съ лихвою возвращаютъ теперь землѣ Гомера и Платона взятое ими отъ нея, а смѣшавшіеся съ Римлянами Вандалы и Готы не вѣчно же будутъ дремать въ позорномъ бездѣйствіи... Движеніе и развитіе человѣчества основано на простомъ законѣ смертности отдѣльныхъ лицъ: народится поколѣніе, образуется въ извѣстную форму, пріобрѣтетъ себѣ, или просто привычкою усвоитъ себѣ, извѣстный кругъ мыслей, извѣстныя убѣжденія и понятія, въ которыхъ и умираетъ, съ которыми ему такъ же трудно разставаться, какъ съ жизнью. Но вотъ слѣдующее за нимъ поколѣніе уже розвится отъ него: съ жадностію принимаетъ оно всякое нововведеніе, всякую новую мысль; старое поколѣніе обыкновенно упрекаетъ новое въ вольнодумствѣ и развратѣ, а новое обыкновенно изподтишка смѣется надъ старымъ, не слушая его, до-тѣхъ-поръ, пока наконецъ не состарѣется само и не будетъ играть такой же роли въ-отношеніи къ смѣнившему его поколѣнію; — между-тѣмъ, то, что́ вначалѣ казалось вольнодумствомъ и развратомъ, въ-послѣдствіи признается и добрымъ, и истиннымъ, и полезнымъ... Вѣдь было же время, когда сожженіе на кострѣ еретиковъ, вольнодумцевъ и чародѣевъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, и когда величайшимъ безбожіемъ могло показаться сомнѣніе въ необходимости и святости благонамѣреннаго и благочестиваго аутодафэ; а теперь?.. Сколько же легло въ землю поколѣній, связавшихъ собою, подобно звеньямъ цѣпи, «тогда» и «теперь»! Вѣдь такой переворотъ въ образѣ мыслей не могъ совершиться скоро! Сколько сожжено было вольно-мыслившихъ о сожженіи!.. Но одна только смѣна поколѣнія поколѣніемъ еще недостаточна для движенія человѣчества по пути развитія и совершенствованія: въ-отношеніи къ движенію, юныя поколѣнія играютъ роль только плодородной почвы, на которой скоро принимаются сѣмена преуспѣянія. Сѣмена же эти бросаются на плодородную почву геніями —этими избранниками и помазанниками свыше, творящими волю посылающаго ихъ... Иногда одного изъ такихъ геніевъ достаточно, чтобъ оплодотворить живою мыслію цѣлый вѣкъ, —и если онъ властитель, подобно Александру Македонскому, Юлію-Цезарю, Карлу-Великому, Петру-Великому, Наполеону—онъ покоряетъ себѣ массу; если же онъ является вдалѣ, подобно ты-

сячѣ представителей идеи, то, большею частію, несчастіемъ жизни и раннею, преждевременною могилою утверждаетъ въ массахъ свою идею,—и часто тѣ же люди, которые гнали его при жизни, потомъ готовы растерзать всякаго, кто не захочетъ безсмысленно и безусловно боготворить благородную жертву ихъ невѣжественнаго остервенѣнія... Но поколѣніе, современное генію, проходитъ,—и слѣдующія за нимъ безпечно рвутъ небесные цвѣты истины на могилѣ генія и упиваются ихъ божественнымъ ароматомъ, какъ-бы не подозрѣвая, что они взрощены кровію посѣявшаго ихъ... Но геніи явленіе рѣдкое; всякая сильная натура, всякій человѣкъ, превышающій окружающую его толпу, есть движитель въ сферѣ своей дѣятельности,—и такимъ образомъ, изъ совокупности многихъ частныхъ движеній, имѣющихъ началомъ своимъ одного великаго движителя, составляется общее движеніе массъ. Мрачный духъ сомнѣнія и отрицанія, какъ элементъ, или, лучше сказать, какъ сторона всецѣлаго и вѣчнаго духа жизни, играетъ въ движеніи великую роль, отрывая отдѣльныя лица и цѣлыя массы отъ непосредственныхъ и привычныхъ положеній, и стремя ихъ къ новымъ и сознательнымъ убѣжденіямъ...

Все сказанное нами—истины столько же несомнѣнныя, сколько и не новыя; но *для всѣхъ ли, и для многихъ ли?..* Повторяемъ: историческое созерцаніе есть основа всякаго знанія, всякой истины въ наше время. Безъ него невозможно понимать, какъ слѣдуетъ, ни искусства, ни философіи, ни права... Само естествовѣдѣніе будетъ безъ него мертвымъ сборомъ фактовъ, а не живымъ знаніемъ. Не даромъ называется оно иначе «естественною исторіею»!.. Да, естествовѣдѣніе есть исторія творящей природы, повѣствованіе о восходящей лѣствицѣ ея явленій, картина развитія въ нѣмой природѣ того же духа вѣчной жизни, который развивается въ исторіи, — что Шеллингъ выразилъ двумя многозна-менательными словами: «Deus fit»... Безъ историческаго созерцанія, безъ понятія о прогрессѣ человѣчества, безъ вѣры въ разумный промыслъ, вѣчно торжествующій надъ произволомъ и случайностію — нѣтъ истиннаго и живаго знанія въ наше время. Будьте вы оріенталистомъ, изучите всю восточную мудрость, блистайте фактическими познаніями въ естественныхъ наукахъ, удивляйте свѣтъ огромною начитанностію и фейервероцнымъ остроуміемъ; издѣвайтесь, въ угожденіе толпѣ, надъ всякимъ такъ-называемымъ апріорнымъ знаніемъ, и прославляйте нѣмой, мертвый эмпиризмъ: вы все-таки не будете отъ этого ученымъ человѣкомъ, не сдѣлаетесь органомъ вѣка, но удивите одну лишь чернь и заставите мудрыхъ пожалѣть о столь блестящихъ и такъ-дурно употребленныхъ способностяхъ, если вы не понимаете, что современное состояніе человѣчества есть необходимый результатъ разумнаго развитія, и что отъ его настоящаго состоянія можно дѣлать посылки къ его будущему состоянію, что свѣтъ побѣдитъ тьму, разумъ побѣдитъ предразсудки, свободное сознаніе сдѣлаетъ людей братьями по духу и—будетъ новая земля и новое небо...

И однакожь, не смотря на ясность и ощутительную достовѣрность этой идеи,—ее не такъ-то легко усвоить себѣ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Вотъ почему многіе весьма умные отъ природы люди не признаютъ ея съ какимъ-то упорствомъ и ожесточеніемъ. Если трудно отъ эмпирическаго созерцанія переходить къ отвлеченнымъ понятіямъ, то еще, кажется, труднѣе отвлеченныя понятія возводить въ живые идеальные образы безъ лицъ. Такъ не всякій способенъ самъ собою отъ людей и народовъ сдѣлать отвлеченіе и назвать его человѣчествомъ; но еще менѣе найдется способныхъ одушевить это отвлеченіе мыслію, дать ему индивидуальность и личность. Говоря о подобной неспособности, мы разумѣемъ людей, которые наткнулись на

подобный вопросъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда привычка, лѣнь и неповоротливость разъ-установившагося ума заставляютъ ихъ крѣпко держаться за однажды-навсегда-полученныя впечатлѣнія и понятія. Не то бываетъ въ возрастѣ дѣтства и первой юности, когда способность непосредственно и незамѣтно для самого учащагося принимать въ себя идеи находится въ полной своей дѣятельности. И потому-то первоначальное ученье такъ важно для человѣка, что, можно сказать, рѣшаетъ участь всей его жизни. Хорошо и прочно положенное основаніе ученію есть ручательство за истинную и основательную ученость. Душу ученія составляетъ система и наукообразность изложенія. Самое дурное ученіе —это ученіе посредствомъ игры, забавы, ученіе простое и естественное. Поэтому, дурно, но систематически и наукообразно ученый въ дѣтствѣ человѣкъ счастливѣе всякаго самоучки, ибо что̀ онъ знаетъ,—знаетъ прочно, а главное, всегда можетъ учиться самъ, и его ученыя пріобрѣтенія всегда будутъ отличаться обширностію, глубиною, основательностію, если не всегда, при этомъ, многосторонностію,—тогда-какъ самоучка всегда и все будетъ схватывать скоро и живо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поверхностно, неосновательно, непрочно, сбивчиво, калейдоскопически. Что же касается до предразсудковъ, вкрадывающихся въ ученіе, то умъ, предоставленный самому себѣ, едва ли не склоннѣе къ предразсудкамъ, нежели умъ, направляемый авторитетомъ книги, или учителя.

Выше говорили мы о важности исторіи, какъ науки, для современнаго образованія, необходимаго каждому человѣку, не только ученому, но и просто мыслящему. Изъ предшествовавшихъ же разсужденій не ясно ли видно, какъ важно преподаваніе исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Для дѣтей моложе 14-ти лѣтъ исторія можетъ имѣть значеніе только развѣ сказокъ богатырскихъ, и многія изъ нихъ съ большею охотою будутъ читать Квинта Курція «объ Александрѣ Македонскомъ» и военную исторію Римлянъ. Собственно же исторія для нихъ не существуетъ. Тѣмъ не менѣе время отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ есть самое удобное для приготовительнаго занятія исторіею, для изученія, въ систематической связи и послѣдовательности, фактовъ, событій, чиселъ, мѣстъ, именъ и т. п. Налегать на одну память вредно и гибельно; но и безъ помощи памяти опять же нельзя обойдтись: а такъ-какъ только у дѣтей эта способность можетъ дѣйствовать самобытно, безъ особеннаго участія интереса и разумѣнія, то и всего удобнѣе положить въ эту эпоху возраста прочное; фундаментальное знаніе исторіи. Разумѣется, это знаніе будетъ фактическое, чуждое всякихъ взглядовъ и непосредственныхъ разсужденій; но хорошо-составленная учебная исторія никогда не можетъ быть книгою только-что фактическою, въ пошломъ значеніи этого слова. Въ ней событія (конечно, сухія и мертвыя по самой уже краткости изложенія) представлены въ органической связи и соотвѣтственности, во взаимномъ воздѣйствіи и противодѣйствіи одного событія на другое, одного народа на другой, такъ-что ученикъ, самъ того не замѣчая, владѣетъ цѣлымъ, хоть и далеко не подробнымъ и неполнымъ очеркомъ судебъ человѣчества. Но всего важнѣе то, что онъ, непосредственно, самъ того не замѣчая и не отдавая себѣ въ томъ отчета, привыкаетъ созерцать народъ и человѣчество, какъ идеальную личность; слѣдственно, безъ труда и отвлеченнаго усилія можетъ входить въ исторію, какъ въ науку, которая болѣе нежели что-либо другое должна сдѣлать изъ него человѣка, какъ въ-отношеніи къ современной образованности, такъ и въ-отношеніи къ гуманности. Имѣя такимъ образомъ въ рукахъ своихъ аріаднину нить, съ которою, не опасаясь заблудиться, можно ходить по лабиринту безчисленныхъ фактовъ,

знаа, гдѣ и какъ должно помѣстить каждый изъ нихъ, ученикъ дѣлается готовымъ къ болѣе обширному и подробному курсу, гдѣ мысль событій является не только непосредственно, но и освѣщается взглядами автора. Фундаментъ важенъ для дома, который онъ долженъ держать на себѣ; но самъ-по-себѣ онъ ни къ чему негодная и совершенно-безполезная вещь: курсъ исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ быть для ученика домомъ на фундаментѣ приготовительной исторіи. Здѣсь ученикъ уже мыслитъ на основаніи фактовъ, сначала пріобрѣтенныхъ имъ безсознательно, ученическою рутиною, и расширяетъ кругъ своихъ фактическихъ познаній на томъ же основаніи. Если онъ и не будетъ слушать университетскаго курса,—онъ все-таки сдѣлалъ великое пріобрѣтеніе: самъ-собою можетъ онъ учиться исторіи, какъ наукѣ, или по-крайней-мѣрѣ, будетъ въ состояніи читать съ пользою большія историческія сочиненія, не какъ «повѣствованія о замѣчательныхъ происшествіяхъ въ мірѣ», но какъ живую картину пути и хода, которыми человѣчество почти отъ животной безсознательности дошло до современнаго состоянія...

Изъ этого видна великая важность хорошихъ историческихъ учебниковъ для среднихъ учебныхъ заведеній. «Руководство ко Всеобщей Исторіи» профессора Лоренца принадлежитъ къ лучшимъ явленіямъ въ своемъ родѣ не въ одной русской литературѣ: это сочиненіе современно-европейское, напоминающее собою лучшія нѣмецкія руководства послѣдняго времени, какъ наприм. Лео, и др. Конечно, книга г. Лоренца не есть собственно курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній: она составлена изъ читанныхъ имъ въ Педагогическомъ Институтѣ лекцій, но она годится также и для гимназій, семинарій, и можетъ быть полезна особенно для тѣхъ учащихся, которые не имѣютъ возможности поступать въ университеты. Мы слишкомъ далеки отъ смѣлой мысли повѣрять со стороны современности, свѣжести и достовѣрности фактической стороны сочиненіе автора, извѣстнаго въ Европѣ своею ученостію; но не почтемъ нескромностью бросить взглядъ на твореніе г. Лоренца со стороны общей идеи его.

Первыя же строки во «Введеніи» показываютъ, какъ вѣрно и современно понимаетъ исторію г. Лоренцъ.

«Нынѣшнее состояніе міра и его образованіе (говоритъ онъ) развитіемъ своимъ представляетъ содержаніе, а совершеніемъ результатъ всеобщей исторіи. Хотя человѣкъ не измѣняется въ своей умственной и физической природѣ, хотя онъ все тотъ же, какимъ вышелъ изъ рукъ Создателя— тѣ же желанія наполняютъ его сердце, тѣ же страсти управляютъ его поступками, тѣ же горести и радости сопровождаютъ его, которыя онъ чувствовалъ при началѣ своего земнаго странствованія: однако, въ развитіи своихъ способностей, онъ не всегда одинаковъ, но различно пользуется своими силами, и умственныя его богатства увеличиваются; ибо ничто не погибаетъ изъ того, что̀ производитъ человѣческій родъ въ своемъ развитіи. Одна генерація идетъ вслѣдъ за другою, и каждое поколѣніе прибавляетъ къ наслѣдству, полученному отъ предковъ, свои собственныя пріобрѣтенія и, такимъ образомъ увеличивъ его, передаетъ своимъ наслѣдникамъ. Что для одной генераціи ново и должно было пройдти чрезъ всѣ противорѣчія и побѣдить всѣ предразсудки, то становится знакомою вещью для слѣдующихъ за нею. Теперь дѣти понимаютъ то, что было тайною для мудрѣйшихъ людей временъ прошедшихъ, потому-что всѣ понятія, всѣ мысли, истекающія изъ дѣятельности ума человѣческаго, подобно атмосферѣ, ложатся надъ человѣчествомъ. И какъ наше тѣло вдыхаетъ въ себя физическую атмосферу, такъ и духъ дышетъ этою духовною атмосферою, которая становится для него воздухомъ жизни.

«Естественно, что эта умственная атмосфера, подобно физической, имѣетъ свои, такъ сказать климатныя особенности, смотря по тому, больше или меньше какой-либо народъ пользуется результатами всеобщаго развитія. Но каковъ бы ни былъ народъ, находящійся въ области исторіи, во

всякомъ можно найдти хоть часть этихъ результатовъ. И только тамъ, гдѣ исчезаетъ всякій слѣдъ исторіи, нашъ духъ не можетъ дышать, лишась своей атмосферы, какъ человѣкъ не можетъ жить въ водѣ. Образованный человѣкъ, находясь среди Новозеландцевъ, чувствуетъ то же самое, еслибъ его окружило стадо дикихъ звѣрей. Человѣческій духъ подобенъ неистощимому руднику, изъ глубины котораго извлекаются всегда новыя сокровища. Извлеченіе этихъ сокровищъ и очищеніе ихъ отъ нечистой примѣси — вотъ трудъ, который составляетъ собственный предметъ исторіи; и тотъ народъ самый богатый, который является въ исторіи самымъ дѣятельнымъ. Такой народъ мы называемъ «историческимъ», потому-что онъ, думая трудиться только для своей пользы, трудится для пользы цѣлаго міра, и результаты его дѣятельности раньше или позже дѣлаются общимъ достояніемъ. Потому-то историкъ не съ равнымъ вниманіемъ смотритъ на всѣ народы; но все свое вниманіе устремляетъ въ особенности на какой-либо народъ, который началъ или продолжалъ дальнѣйшее развитіе умственной дѣятельности человѣческаго рода, который не только усвоилъ себѣ всѣ прежнія пріобрѣтенія, но и умножилъ ихъ. Такъ Греція, въ продолженіи нѣкотораго времени, была центромъ всеобщей исторіи, потомъ сошла со сцены и потеряла всякій историческій интересъ. Такъ Палестина нѣкогда пріобрѣла великое значеніе, а теперь только своими священными памятниками возбуждаетъ наше вниманіе. Но то, что развилось на этихъ ничтожныхъ точкахъ земнаго шара, распространилось по всей землѣ, потому-что другіе усвоивали эти пріобрѣтенія и развивали далѣе. И такъ, хотя народы, по совершеніи своего умственнаго развитія, необходимо ослабѣваютъ и умираютъ, однако, во всякомъ случаѣ, человѣчество, разсматриваемое какъ одно цѣлое, идетъ впередъ. Законъ, по которому все происходитъ, вѣченъ и неизмѣненъ, и исторія, въ цѣломъ своемъ составѣ, прекрасна и велика, какъ прекрасны и велики другія творенія, въ которыхъ духъ Божій соблаговолилъ открыть міру свое могущество и мудрость.»

Къ этому нечего прибавлять; похвалы здѣсь также неумѣстны: дѣло говоритъ само за себя. Но нельзя также безусловно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора о Китаѣ и Индіи, въ-слѣдствіе котораго эти двѣ страны будто-бы не могутъ и не должны имѣть мѣста въ исторіи, по причинѣ ихъ совершенно-изолированнаго развитія. Такъ, Китай не имѣлъ дѣйствія на другія государства, которыя, въ свою очередь, на него не имѣли никакого вліянія; но не-уже-ли же Ассиріяне, Вавилоняне, Мидяне и самые Персы, потому только, въ историческомъ смыслѣ, важнѣе Китая, что они были во внѣшнихъ столкновеніяхъ съ Египтомъ, Палестиною и Греціею? И не-уже-ли такое великое явленіе, какъ Китай, велико внѣ исторіи и безъ всякаго въ ней отношенія? А Китай—великое явленіе,—не теперешній Китай—это хорошо сохранившаяся, въ-теченіе тысячелѣтій, мумія,—а Китай древній, первоначальный, гдѣ *человѣчество* впервые изъ состоянія семейственности перешло въ состояніе общественности, государственности... Китай выразилъ собою моментъ семейства-государства: патріархальность высшей власти, руководствующейся опредѣленными установленіями, безпредѣльное уваженіе къ отеческой власти и обожествленіе умершихъ предковъ, также точно обнаруживаетъ въ немъ *первое* (по времени явленія) государство въ мірѣ, какъ и его церемоніальность, *только теперь* смѣшная въ своей крайности, но достойная уважительнаго изслѣдованія, какъ первый моментъ общественныхъ формъ. У семитическихъ народовъ, высшая власть явилась уже чистымъ деспотизмомъ, какъ второй моментъ необходимо-послѣдовательно истекшій изъ перваго, выраженнаго Китаемъ. Духъ человѣческій, въ своемъ развитіи, не дѣлаетъ скачковъ, и мы скорѣе готовы думать, что, по древности Китая, затеряны слѣды его какихъ бы то ни было сношеній съ другими народами, нежели думать, что Китай не принадлежитъ къ исторіи. Случайно только то, что лишено идеи, а Китай выразилъ собою идею перваго гражданскаго общества, чему подтвержденіемъ слу-

жать его постановленія, нравы, самое отсутствіе религіи, бѣдный языкъ, гдѣ одинъ звукъ выражаетъ пятьдесятъ совершенно-различныхъ понятій, іероглифическое письмо, — самое наконецъ презрѣніе къ другимъ народамъ, какъ къ варварамъ... Г. Лоренцъ не говоритъ ни слова о сношеніяхъ Индіи съ другими народами, чѣмъ и исключаетъ ее изъ исторіи; а между-тѣмъ включаетъ Индію въ исторію за ея литературу... Не явное ли это противорѣчіе?.. Индія точно заслуживаетъ почетное мѣсто въ исторіи за ея религіозныя секты, за ея литературу и искусство вообще. Въ ней мы видимъ теократическую націю, насквозь проникнутую религіозностію, а въ ея религіозныхъ сектахъ—обожествленіе матеріи и животности, — поэтому тѣло коровы и было въ ней признано благороднѣйшею формою духа, а боги ея такъ часто являлись въ формахъ животныхъ. Это обожествленіе природы есть первый моментъ религіознаго сознанія. Мы видимъ его и въ Египтѣ, гдѣ быки, кошки, аисты, лукъ, чеснокъ и пр., были божествами; но въ религіи Зендовъ второй моментъ религіознаго сознанія — отрицаніе природы въ пользу отвлеченныхъ представленій добра и зла, на которыя распалась, дѣятельностію движущейся діалектики мысли, всецѣлость бытія общаго, отрицаніе образовъ природы въ пользу безплотныхъ духовъ свѣта и тьмы. Въ Индіи же, вы видите первый моментъ искусства, которое изъ символики силится перейдти въ художественность, и колеблется между этими двумя крайностями, производя чудовищные образы боговъ и колоссальные храмы, лишенные всякой гармоніи и стройности. Въ Египтѣ искусство подвинулось впередъ: боги приняли болѣе человѣческій образъ; въ изваяніяхъ человѣческихъ фигуръ видны соразмѣрность, правдоподобіе и искусство; но эти фигуры неподвижны, принужденны, какъ-будто связаны: художественный духъ Грека развязалъ ихъ, обожествивъ, въ своихъ изваяніяхъ, образъ человѣческій. Вотъ точка, съ какой, по нашему мнѣнію, должно смотрѣть на историческое значеніе народовъ. Только тотъ народъ имѣетъ право называться «историческимъ», который выразилъ, своею жизнію, моментъ діалектически - развивающейся идеи человѣчества,—и съ этой точки зрѣнія, Китай и Индія — страны, въ высшей степени историческія. Г. Лоренцъ говоритъ, что у Индіи нѣтъ исторіи: мы осмѣливаемся не согласиться въ этомъ случаѣ съ нашимъ знаменитымъ ученымъ. Въ Индіи нѣтъ исторіи династій, войнъ, договоровъ, словомъ, исторіи политической: но есть исторія *браминизма* и *буддизма*, есть исторія искусства и литературы — и вотъ ея настоящая, истинная исторія: другой не должно и искать... Г. Лоренцъ нѣсколько-подробнѣе говоритъ о Зендахъ, Мидянахъ, Персахъ, Вавилонянахъ и Ассиріянахъ — и что же? изъ сказаннаго имъ объ этомъ предметѣ—существенно только то, что сказалъ онъ о религіи Зендовъ—ученіи Зороастра, а все остальное, что говоритъ онъ,—мы не понимаемъ, почему оно историческое, и до какой степени оно можетъ служить картиною развитія древнѣйшаго человѣчества... Съ этой точки зрѣнія, мы находимъ не совсѣмъ-удовлетворительнымъ отдѣлъ о Египтѣ: мало сказано о религіи, объ искусствѣ, о нравахъ, законахъ. Зато исторія Греціи изложена, какъ еще никогда не излагалась на русскомъ языкѣ. Страницу, подобную 83–84, мы считаемъ однимъ изъ перловъ исторіи г. Лоренца: только при такомъ объясненіи духа народа изъ его поэзіи можно понять исторію народа! Въ наше время слово «всеобщая исторія» налагаетъ на автора огромныя обязанности, потому-что заставляетъ ожидать отъ него полной картины жизни народовъ, гдѣ, подобно искусно-расположеннымъ тѣнямъ, должны занимать свое мѣсто: и религія, и искусство, и науки, и ремесла, и нравы, и подати, и войска, а не одни только войны да договоры. Политическая сторона должна быть

только рамою исторіи, а не содержаніемъ ея; собственно же, политическая исторія есть исторія специальная, какъ, на пр., исторія войнъ, исторія литературы, искусствъ, ремеслъ и т. п. Въ этомъ отношеніи, исторія Греціи изложена г. Лоренцомъ превосходно. Всѣ части ея расположены съ такимъ искусствомъ, что въ умѣ читателя впечатлѣвается полная картина возникновенія, развитія, упадка, взаимныхъ отношеній всѣхъ республикъ греческихъ; надъ всѣмъ носится духъ цѣлой Эллады во всей полнотѣ и во всей обаятельной красотѣ своей... Авторъ вводитъ насъ даже въ семейныя, такъ сказать, тайны греческихъ обществъ: говоритъ о жалованьи судьямъ, солдатамъ, о податахъ, о богатыхъ помѣстьяхъ аѳинскихъ аристократовъ, съ золотыми и серебряными рудниками, въ Ѳракійскомъ Херсонесѣ и на островахъ... Если въ исторіи Греціи г. Лоренца, слаба какая-нибудь часть, такъ это — по нашему мнѣнію—очеркъ греческой миѳологіи: греческіе миѳы представляютъ собою полное развитіе, въ поэтическихъ, плѣнительныхъ образахъ, глубочайшаго философскаго содержанія; въ нихъ заключается вся мудрость эллинская, которая навсегда останется мудростію человѣческою... Систему греческихъ миѳовъ слѣдовало бы или развить поподробнѣе и поглубже, чѣмъ это сдѣлалъ г. Лоренцъ, или совсѣмъ не упоминать о нихъ...

Также хорошо, если еще не лучше, изложена у г. Лоренца исторія Римлянъ до Августа. И не мудрено: здѣсь все положительно, не сложно, и перейдти отъ исторіи Греціи къ исторіи Рима все равно, что изъ области нѣмецкаго умозрѣнія войдти въ міръ практической дѣятельности Англичанъ. Не распространяясь въ подробностяхъ, замѣтимъ только, что въ очеркѣ латинской литературы, г. Лоренцъ заставляетъ Овидія далеко уступить въ талантѣ даже Виргилію, что́, по нашему мнѣнію, весьма несправедливо: ибо Овидій — истинный поэтъ, а Виргилій только щеголеватый стихотворецъ, ловкій реторъ въ стихахъ. Но это, разумѣется, мелочь: все же остальное въ исторіи Римлянъ у г. Лоренца превосходно.

Къ общимъ достоинствамъ прекраснаго творенія г. Лоренца принадлежитъ, кромѣ глубокой учоности, еще и благородное, хотя и спокойное, сообразное съ достоинствомъ исторіи одушевленіе. Симпатія ко всему великому, доблестному, возвышающему душу также составляетъ одну изъ отличительнѣйшихъ чертъ исторіи нашего учонаго и даровитаго профессора. Сколько для примѣра, столько и для того, чтобъ скрасить конецъ нашей статьи, выписываемъ здѣсь очеркъ личности Александра Македонскаго.

«Характеръ Александра Великаго, въ слѣдствіе множества распущенныхъ о немъ невѣрныхъ разсказовъ, часто былъ представляемъ въ ложномъ свѣтѣ; посему, оканчивая его исторію, мы должны сказать нѣсколько словъ о его личномъ характерѣ—по крайней мѣрѣ, сколько нужно для показанія обыкновенно взносимыхъ на него обвиненій. Онъ былъ геній, въ томъ никто не можетъ сомнѣваться; онъ имѣлъ необыкновенную прозорливость въ дѣлахъ военныхъ, въ этомъ ему уступали первенство даже старые, опытные генералы, вышедшіе изъ школы его отца; политическій умъ и кротость души онъ показалъ въ поступкахъ своихъ съ побѣжденными. Съ этими качествами онъ соединялъ еще и поэтическій духъ и живую, все одушевлявшую и все за собою увлекавшую фантазію. Если бы утверждали только, что Александръ, будучи еще такъ молодъ, не могъ предохранить себя отъ вліянія безпрерывнаго счастія и ласкательствъ, которыя обыкновенно дѣйствуютъ на душу человѣка; еслибъ его обвиняли только въ горячности, раздражительности и нетерпѣніи противорѣчія: то это было бы согласно какъ съ психологическою, такъ и съ историческою истиною, потому что Александръ былъ человѣкъ и слѣдовательно подверженъ слабостямъ. Но такъ какъ всякое блистательное явленіе несносно для людской зависти, то обыкновенно стараются «мрачить лучезарное, и попирать ногами возвышенное.» Сія судьба постигла и Александра; въ слѣдъ за славою его подвиговъ идутъ обвиненія, что онъ будто бы былъ преданъ пьянству и другимъ порокамъ, и одну изъ величай-

ихъ душъ, которая когда-либо являлась ъ человѣческомъ тѣлѣ, втаптываютъ въ рязь презрѣннѣйшихъ страстей. Преданіе наклонности Александра къ вину проис-екаетъ изъ самаго мутнаго источника: за ѣрное можно принять только то, что Алек-андръ часто угощалъ своихъ генераловъ, по окончаніи завоеваній завелъ у себя аремъ: то и другое соотвѣтствовало при-ворнымъ обычаямъ Македонянъ и Пер-овъ. Какъ царь Персидскій онъ долженъ ылъ имѣть гаремъ, какъ царь Македон-кій, онъ долженъ былъ угощать своихъ натныхъ вассаловъ и съ ними пить. Но что онъ не предавался ни сладострастію арема, ни пьянству, о томъ свидѣтель-ствуютъ его дѣла, которыхъ вѣрно не могъ совершить какой-нибудь сластолюбивый и преданный пьянству человѣкъ. Также и то, что онъ объявилъ о своемъ божественномъ происхожденіи, не есть еще доказательство его надменной гордости; онъ самъ шутилъ на счетъ этого съ Греками; только для Пер-совъ оно долженствовало имѣть священный блескъ, въ которомъ они неохотно отказы-вали своимъ повелителямъ. Александръ ревностно заботился о распространеніи на-укъ и искусствъ. Славнѣйшіе художники этого времени были: живописецъ Апеллесъ и скульпторъ Лизиппъ, которые слѣдовали еще хорошему вкусу, не смотря на то, что искусство начало тогда клониться къ фан-тастическому и колоссальному. Такъ Ста-сикратъ хотѣлъ сдѣлать изъ Аѳонской Горы колоссальную статую Александра. Въ пра-вой рукѣ она должна была держать городъ съ 10,000 жителей, а лѣвой — чашу, изъ которой большая рѣка ниспадала бы въ море. Умнымъ и прекраснымъ отвѣтомъ Александръ отклонилъ этотъ планъ. Онъ сказалъ: «Оставьте гору Аѳонскую, какъ она есть: довольно и того, что она служитъ памятникомъ глупой гордости одного царя; Кавказъ, Гемоды и Каспійское-Море ска-жутъ обо мнѣ потомству. Они будутъ па-мятникомъ моихъ дѣяній.» Любовь къ по-эзіи Александръ показалъ не только глу-бокимъ уваженіемъ къ твореніямъ Гомера, но и тѣмъ, что онъ, среди громовъ войны и подъ бременемъ множества занятій, самъ писалъ піитическія произведенія. Также на Естественную Исторію Аристотеля онъ употребилъ большія суммы и безъ его по-собій и повелѣній успѣшное исполненіе этого великаго творенія было бы невоз-можно.»

Въ-заключеніе, мы должны сдѣлать два прозаическія замѣчанія: во-пер-выхъ, для чего выписки изъ греческихъ писателей не переведены по-русски? Знаніе греческаго языка у насъ со-всѣмъ не такъ распространено, какъ въ Германіи, и для большинства чита-телей г. Лоренца эти выписки толь-ко безполезно увеличили книгу. Во-вторыхъ: переводъ, не смотря на изъ-явленную авторомъ, въ предисловіи, благодарность разнымъ грамотѣямъ, рѣшительно недостоинъ такого сочине-нія, какъ исторія г. Лоренца.

ОСНОВАНІЯ БОТАНИКИ, *составленныя* Павломъ Горяниновымъ. *Съ 9-ю гравированными таблицами и 236 изображеніями растеній. Санктпетербургъ. 1841.*

—

Въ предисловіи, заключенномъ тирадою изъ сочиненія знаменитаго шведскаго преобразователя ботаники (C. Linnaei Genera plantarum 1737), почтенный авторъ, извѣстный публикѣ уже многими своими сочиненіями, говоритъ, что послѣ многихъ изданныхъ на отечественномъ языкѣ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій общей ботаники — и *его трудъ не покажется излишнимъ* тому, кто вникнетъ въ сущность его. Боже насъ сохрани почитать какое-нибудь явленіе въ небогатой еще литературѣ нашей излишнимъ! у насъ, дай Богъ, чтобъ писали — и побольше читали, особенно такихъ, относящихся къ реальнымъ наукамъ, сочиненій.

Далѣе, авторъ говоритъ, что блистательные успѣхи фитологіи, въ послѣднемъ десятилѣтіи, требовали совершенной передѣлки прежней его книги (изданной въ 1827-мъ году подъ заглавіемъ: «Начальныя Основанія Ботаники», которая и почиталась лучшею въ то время книгою). Это неоспоримо для каждаго читателя; но мы прибавили бы съ своей стороны: *передѣлки въ самомъ духѣ или направленіи* сочиненія — и въ этомъ-то, намъ кажется, главные недостатки *новой* его книги. Онъ говоритъ (въ предисловіи), что «здѣсь изложены основанія ботаники такъ, чтобъ съ помощію этой книги были понятны тѣ сочиненія, въ которыхъ описываются признаки растеній», слѣдовательно, чтобъ понимать на-прим. извѣстное классическое сочиненіе Бишофа «Handbuch der Botanischen Terminologie», гдѣ со всевозможною полнотою и подробностію изложены признаки растеній и поясены большею частію вѣрными и достовѣрными изображеніями? — Положимъ, что авторъ разумѣетъ ботаническія сочиненія описательныя; но и тогда можно ли почитать цѣлію учебной книги — одно уразумѣніе другихъ сочиненій? Намъ кажется, что пиша какую-либо учебную книгу, непремѣнно должно обращать строгое вниманіе на то, для кого она пишется, то-есть назначить себѣ опредѣленную цѣль и сообразоваться съ нею. Положеніе г. Горянинова, какъ профессора въ высшемъ учебномъ заведеніи, имѣющемъ опредѣленную цѣль: образовать возможно-просвѣщенныхъ врачей, требовало и требуетъ, по нашему мнѣнію: 1) сколько-возможно-краткаго изложенія органографіи; 2) не обширнаго, но полнаго изложенія способовъ произрастанія и размноженія растеній, или явленій жизни растительной, т. е. физіологіи; 3) изложенія правилъ ботаники врачебной и исчисленія по какой-либо естественной системѣ — съ краткимъ описаніемъ самыхъ естественныхъ группъ растеній, заключающихъ въ себѣ употребительныя во врачеваніи, съ ука-

заніемъ именно употребительныхъ родовъ, самыхъ породъ и того, какія именно части ихъ употребительны. Къ этому можно было бы прибавить указаніе на растенія и части растеній, которыя, по незнанію или съ намѣреніемъ, могутъ быть употребляемы одна вмѣсто другихъ—и на тѣ способы, которые даетъ ботаника къ распознаванію злонамѣренныхъ или невѣжественныхъ подмѣсей, на-примѣръ, шафрана и т. п.

Но г. Горяниновъ желалъ издать возможно-полную, сообразную съ новѣйшими успѣхами науки учебную книгу ботаники, — и потому намъ остается смотрѣть только на то, какъ достигъ онъ цѣли, предназначенной имъ самимъ себѣ, не по отношенію его самого, какъ преподавателя, въ нуждамъ его слушателей — а въ отношеніи къ наукѣ вообще. Мы прочитали книгу всю — не раскрывая ея на угадъ, чего особенно не желаетъ авторъ въ своемъ предисловіи (стр. VI.) — сравнивали даже нѣкоторыя мѣста текста и приложенныя таблицы съ прежде-изданною авторомъ книгою, и можемъ сказать вообще, что направленіе сочиненія кажется намъ слишкомъ-общимъ, сокращеннымъ, терминологическимъ, линнеевскимъ. Линней, какъ извѣстно, былъ великій, безсмертный въ лѣтописяхъ науки преобразователь ботаники; но Линней, котораго, такъ-сказать, историческое назначеніе было разобрать хаосъ господствовавшей до него сбивчивости въ терминахъ, въ описаніяхъ, въ классораспредѣленіи растеній, исполнилъ назначеніе это, по тогдашнему времени, съ геніальнымъ успѣхомъ, — почему и чествуется какъ геній въ классораспредѣленіи и сжатой характеристикѣ еще не слишкомъ многочисленныхъ въ его время родовъ и породъ растеній. Но истекшее послѣ Линнея столѣтіе, съ открытіемъ въ 10 разъ болѣе новыхъ (болѣе нежели вдесятеро противу того, что было извѣстно этому учителю тогдашнихъ учителей) породъ растеній, съ новымъ, такъ сказать, пересозданіемъ фитотоміи, съ болѣе или менѣе-удовлетворительными успѣхами небреженной Линнеемъ растительной физіологіи, и отрасли ея,—растительной патологіи,—съ появленіемъ новыхъ частей науки ботанической географіи и палеонтологіи растительной,—приблизило насъ къ недосягаемымъ для Линнея идеаламъ самой классификаціи естественной, хотя и нѣтъ еще великаго Аполлона, подведшаго всѣ безъ исключенія растенія подъ систему естественную и удовлетворительную. Слѣдовательно, линнеевское направленіе, въ книгѣ изданной спустя слишкомъ сто лѣтъ все-преобразующаго времени, едва ли можетъ быть одобрено судомъ безпристрастнымъ.

Конечно, нѣкоторымъ образомъ г. Горяниновъ сообразовался и съ успѣхами науки, помѣстивъ въ своей книгѣ статьи и о внутреннемъ строеніи растеній (Phytanatomia, вмѣсто принятаго уже всѣми наименованія Phytotomia; стр. 15—41), и о химическомъ составѣ растеній (Phytochemia, стр. 41—45), и о жизненныхъ дѣйствіяхъ и явленіяхъ въ растеніяхъ (Phytophisiologia, вмѣсто Phytophysiologia; стр. 45—55), и о видоизмѣненіяхъ и болѣзняхъ растеній (Phytopathologia стр. 55—66), и описаніе органовъ растеній и терминологіи (стр. 67—243), и ботаническую систематику (стр. 244—282), и фитографію (стр. 283—324), и, въ видѣ дополненія, литературу медицинской ботаники (стр. 324—326), прибавивъ ко всему этому въ азбучномъ порядкѣ главные латинскіе термины съ нѣкоторыми нѣмецкими и французскими (стр. 327—348) и заключивъ все это исъясненіемъ рисунковъ (стр. 349—373); но выпуская правила ботаники врачебной, ботаническую географію и палеонтологію, г. Горяниновъ сообразовался, кажется, болѣе съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать книгу свою дешевле, доступнѣе для большинства покупателей—хотя бы это было на счетъ полноты науки. Изложенное нами здѣсь заглавіе и объемъ статей разбираемой книги показываетъ

однако, что духъ сочиненія есть чисто-терминологическій, то-есть, стремленіе автора, при разсматриваніи чего-либо, преимущественно обращено къ опредѣленіямъ, подраздѣленіямъ, наименованіямъ и синонимамъ, и не всегда достаточно—къ сущности предметовъ.

Но чтобъ не сказалъ кто-нибудь, а тѣмъ болѣе самъ издатель разсматриваемаго нами сочиненія, что мы дѣлаемъ приговоръ свой слишкомъ-поспѣшно, не прочитавъ, можетъ-быть, всей книги, а раскрывая въ ней кое-что наудачу, пройдемъ по частямъ всѣ статьи ея и представимъ доводы нашего мнѣнія, что духъ сочиненія—по превосходству, терминологическій.

Такъ на стр. 3-й самаго введенія, авторъ говоритъ, что «*для* настоящаго изученія ботаники необходимо точное знаніе всѣхъ частей растеній съ видоизмѣненіями ихъ, что объясняетъ *терминологія*, или *органографія*». Здѣсь замѣчательно вотъ что: авторъ не только смѣшиваетъ терминологію съ органографіей, но и отдаетъ преимущество терминологіи предъ органографіею, тогда-какъ всѣ уже теперь согласились въ важномъ достоинствѣ органографіи, которой части даже обработываются монографически,—и никто уже не заботится такъ сильно о терминологіи, составляющей часть органографіи, какъ это сдѣлано у Альфонса Декандолля, или прилагаемой даже въ видѣ отдѣльнаго словаря къ общеботаническимъ сочиненіямъ, какъ, на-пр., у г. Бишофа, въ его «Lehrbuch der Botanik», и даже къ отдѣльнымъ флорамъ, какъ, на-пр., у Коха, въ его «Deutschlands Flora».

Далѣе, давая наставленія приступающему къ изученію ботаники, не знаемъ, почему г. профессоръ отдаетъ преимущество папкѣ, или портфёлю съ пропускною бумагою, противу жестянки, дающей возможность собирать растенія во всякое время сутокъ и во всякую погоду; здѣсь опять выставляется терминологія на первомъ планѣ: «опредѣленныя растенія надобно умѣть расположить по какой-либо системѣ и описать ихъ, чему учитъ *терминологія*, систематика, фитографія и другія части фитологіи.» Стр. 5—17 содержатъ въ себѣ объясненіе *терминовъ*, служащихъ для обозначенія наружности растеній.

Въ растительной анатоміи господствуютъ также опредѣленія и подраздѣленія—смѣсь латинскихъ и иноязычныхъ терминовъ,—и нововведенія, наприм., *цикасовыхъ*, вмѣсто принятаго названія саговыхъ, или цикадовыхъ (Cycadeae Rich.), стр. 26; «Черешки одуванчика», вмѣсто цвѣточныхъ ножекъ одуванчика (стр. 3); на стр. 32, вмѣстилища собственнаго сока (receptacula succi proprii Dc.) называются «собственными сосудами» (vasa propria). шипы (aculei) называются «иглами» (стр. 35 и стр. 116 и 117), а иглы или ости (spinae) «шипами». Мѣстами есть и собственная орѳографія, такъ, на стр. 36 и другихъ: *желѣзки*, вмѣсто желёзки (glandulae); даже произвольныя поставленія видовыхъ названій, вмѣсто родовыхъ, на-пр., на стр. 37, *душистою осокорью* называется порода тополи бальзамической, тогда какъ осокорь есть извѣстная порода тополи (populus nigra L). При краткомъ, сжатомъ объясненіи,—вдругъ выраженія фигурныя, на-пр., на стр. 39: «по *сту и тысячѣ*», вмѣсто: по множеству, или, говоря о химическомъ составѣ растеній, на стр. 44,— «*тысячи породъ, сродныхъ съ мятою*»!

Но намъ пришлось бы писать почти столь же обширную статью, какъ сама разбираемая книга, еслибъ мы захотѣли слѣдить терминологическій духъ ея на каждой страницѣ. Предоставляемъ читателямъ самимъ продолжать эти изысканія: скажемъ только, что оригинальность автора видна именно какъ въ собственно ему принадлежащемъ употребленіи общепринятыхъ въ нашемъ отечественномъ языкѣ терминовъ, такъ и въ введеніи новыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые заслуживаютъ одобреніе, напр., слово *клубень*, съ нѣмецкаго *knolle*, вмѣсто слова *шиш-*

ки (употреблявшагося и *для* означенія утолщенныхъ подземныхъ вѣтвей, faber, и *для* означенія сборныхъ плодовъ нѣкоторыхъ, на-пр., хвойныхъ растеній—strobilus, conus). Въ этомъ случаѣ, нельзя не поблагодарить автора за то, что онъ, оставивъ авторитетъ своихъ предшественниковъ въ отечествѣ, подражательно вводитъ слова нашихъ учителей-Германцевъ, всегда добросовѣстно заботящихся о точности выраженій и терминовъ.

При этомъ нельзя не подивиться, однакожъ, какъ ускользнуло отъ вниманія автора застарѣлое у насъ злоупотребленіе: называть растенія—прозябеніями, прозябаемыми, какъ-будто растенія прозябаютъ, зябнутъ, или промерзаютъ, преимущественно предъ животными и другими земными тѣлами. Этотъ терминъ, по видимому, представлялъ уже автору затрудненіе въ отличенія растенія отъ акта первоначальнаго вырастанія зародыша изъ сѣменныхъ оболочекъ его, и состоянія юнаго растеньица, что у насъ доселѣ, въ русскихъ учебныхъ книгахъ ботаники, называлось также *прозябеніемъ* (germinatio), и самаго акта растительной дѣятельности вообще, или ращенія (vegetatio), противополагаемаго акту цвѣтенія и плодоношенія. Эту растительную дѣятельность г. Горяниновъ называетъ—то *прозябеніемъ* (стр. 44), то (на страницѣ 47) *ращеніемъ*; актъ же первоначальнаго выхожденія зародыша изъ сѣмени и дальнѣйшаго его возрастанія—то называетъ онъ *первопрозябеніемъ* (стр. 47, 53), то *прозябеніемъ* (на стр. 215). Пора бы, кажется, вовсе изгнать изъ языка науки слова: прозябеніе, прозябаемое, прозябословіе и пр.; иначе, нельзя понять, почему подъ полюсами нѣтъ растительности: вѣдь тамъ прозябаніе и прозябеніе въ высшей степени господствуютъ вслѣдствіе отсутствія тепла, которое, —кажется никто въ этомъ не усумнится,—*для* всякаго живаго растенія безъ исключенія, въ большей или меньшей степени, такъ же необходимо, какъ и *для* каждаго животнаго.

Не мало удивила насъ также несвойственность нѣкоторыхъ выраженій; на-пр., уродливости сами-собою случающіяся (spontaneae), въ отличіе отъ искусственныхъ, названы *произвольными* (стр. 55); разновидность рѣпы, воспитываемая *для* маслоносныхъ сѣменъ (Brassica Napus), названа *масляною рѣпою* (тамъ же).

Вообще, почитаемъ обязанностію замѣтить, что статьи, долженствующія представлять растительную химію, физіологію и патологію — не на своемъ мѣстѣ: имъ гораздо приличнѣе было бы находиться послѣ органографіи, безъ которой онѣ неудобопонятны.

Также удивило насъ, что окончанія корешковъ, по способности ихъ всасывать водянистые растворы, названныя Декандолемъ губочками (spongiolae) авторъ нашъ называетъ *скважистыми* (стр. 69), тогда какъ въ нихъ никакихъ видимыхъ скважинъ не имѣется. Не согласнымъ съ новѣйшими успѣхами науки кажется намъ также то, что авторъ смѣшиваетъ настоящіе корни (radices), съ корневищами (rhizomata) на стр. 70 и 71.

Не можемъ объяснить себѣ, почему г. Горяниновъ слои заболони (alburnum) не хочетъ принимать въ счетъ числа лѣтъ двусѣменодольныхъ деревянистыхъ растеній, а принимаетъ только слои одной старой (отвердѣлой) древесины (lignum perfectum s. duramen auctor.)— стр. 76, тогда какъ извѣстно, что число явственныхъ слоевъ первой, также ежегодно по одиначкѣ нарастающихъ, бываетъ иногда значительно!

Не постигаемъ также причины для чего общепринятый терминъ «соломина» (culmus) на стр. 76 замѣненъ словомъ «былина», тогда какъ это послѣднее слово у всѣхъ грамотныхъ обитателей великой Россіи обозначаетъ вообще травянистый стебель, а не исключительно стебель злаковъ, который и у простолюдиновъ нашихъ и у самого автора въ первомъ изданіи называется *соломиною*. Не-уже-ли ав-

тору неизвѣстны изложенныя уже и на русскомъ языкѣ общія правилаименословія и терминологіи, которыми предписывается: «если одно изъ значеній (слова) болѣе вообще извѣстно, то въ этомъ «то значеніи и надобно принимать слово». Слѣдовательно, слово «былина» должно быть и въ учебной книгѣ принято въ такомъ же значеніи, какъ и въ языкѣ общеупотребительномъ. Не менѣе извѣстно автору разсматриваемаго нами сочиненія и другое правило именословія: «если какое-нибудь «техническое слово было уже предло«жено въ извѣстномъ точномъ значе«ніи и если притомъ это слово не «противно правиламъ грамматики, или «самымъ фактамъ, то оно должно быть «предпочтено всѣмъ словамъ для вы«раженія одного и того же предмета «или понятія, послѣ него предложен«нымъ» (см. Введ. къ Изученію Бот. Альф. Декандоля, т. I. стр. 3.) — но авторъ, на перекоръ этому правилу, цвѣточную ножку (pedunculus) называетъ *черешкомъ* (стр. 77, 130 и пр.), а черешокъ листовой (petiolus) называетъ *стебелькомъ*. — лучше ли такая новизна въ сравненіи съ прежними терминами? При выраженіи, на пр. petiolus vaginans, надобно было бы сказать *стебелёкъ, объемлющій стебель*: не будетъ ли это нѣсколько сбивчиво?

Но вотъ, на стр. 79-й встрѣчаемъ попытку сообразоваться съ новѣйшими успѣхами отечественной ботаники, — попытку, которая удивила насъ еще болѣе. Въ первомъ изданіи своемъ, говоря о стеблѣ вьющемся (caulis volubilis), почтенный авторъ слѣдовалъ ученію Линнея, который смотрѣлъ на вьющійся стебель снаружи и опредѣлялъ направленіе его противно тому, какъ опредѣляютъ новѣйшіе писатели, слѣдуя Декандолю, поставлявшему себя внутри образуемой вьющимся стеблемъ спирали. Въ первомъ изданіи своей книги, авторъ правильно говорилъ о стеблѣ вьюнка (convolvulus), что онъ завивается вправо (dextrorsum), а о стеблѣ хмѣля (Humulus Lupulus, L.), что онъ завивается влѣво (sinistrorsum); только въ самомъ объясненіи были нѣкоторыя несообразности съ природою (см. стр. 49 прежн. изд.). Въ этомъ же изданіи, слѣдуя Максимовичу и переводчику Ришара, хотѣвшимъ какъ будто согласить воззрѣніе Линнея съ декандолевымъ, встрѣчаемъ удивительную разладицу въ русскихъ и латинскихъ терминахъ, такъ что всякому извѣстное выраженіе dextrorsum — на вопросъ quorsum «куда?» — означающее направленіе завиванія *вправо, contra motum solis vulgo*, какъ говорилъ Линней (см. Philos. bot edit. tertia Berol. 1790. стр. 40), по-русски значитъ *справа*; на вопросъ «откуда?» и на оборотъ выраженію sinistrorsum, означающему завиваніе влѣво — или secundum solem vulgo по Линнею (см. тамъ же Phil. bot.), должно соотвѣтствовать слово *слѣва*: — явная путаница, произшедшая отъ смѣшенія ученій линнеева съ декандолевымъ.

Не касаясь многихъ другихъ нововведеній и переиначеній терминовъ, несогласныхъ съ правилами науки, позволяемъ себѣ обратить вниманіе еще на одинъ, по-видимому весьма заманчивый нововводимый нашимъ авторомъ терминъ: *живушку* (fovilla). Извѣстно, что для обозначенія предметовъ и частей ихъ въ ботаникѣ всегда предпочитаются существительныя имена и сколько возможно слова короткія, немногосложныя и благозвучныя, чтобъ имѣть возможность составлять изъ нихъ по мѣрѣ надобности сложныя и прилагательныя. Такимъ образомъ, ботаническій русскій языкъ обязанъ г. профессору Куторгѣ весьма хорошимъ, подслушаннымъ въ народѣ русскомъ терминомъ *цвѣтень* (pollen), вмѣсто употреблявшагося доселѣ двусловнаго выраженія *цвѣточная пыль*, или слишкомъ-общаго не научнаго выраженія *пыльца!* Слово «цвѣтень», существительное имя, не многосложное, позволяющее образовать изъ себя слова производныя — и непротивное рус-

скому слуху; притомъ же, по употребленію его въ опредѣленномъ значеніи у народа не могущее обозначать ничего другаго, кромѣ того, что по-латинѣ ботанисты называютъ pollen; слѣдовательно, этотъ терминъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, и нужно только ученымъ привыкнуть къ его употребленію. И слово *живушка*, въ-отношеніи къ немногосложности и благозвучію своему, также весьма было бы хорошо — *для* замѣненія двусловнаго выраженія *оплодотворяющая жидкость*; но слово это звучитъ весьма сходно съ употребительнымъ уже родовымъ названіемъ *живучкою*, Двиг, (sempervivum, f.), а притомъ и дѣлаетъ нѣкоторый намекъ на одну изъ теорій оплодотворенія, чего, какъ извѣстно, избѣгать должно, пока еще нѣтъ ни на одной сторонѣ достовѣрности. Такъ Августъ Пирамъ Декандоль обозначилъ одну форму такъ-называемыхъ сосудовъ растеній — словомъ *полосатый* (vaisseau rayé), вмѣсто спорнаго въ тогдашнее время названія *лжедыхальца* (fausse trachée). Касательно же оплодотворенія сѣменъ растеній, существуютъ, какъ извѣстно, въ наше время два воззрѣнія: по одному изъ нихъ цвѣтеневый мѣшечекъ (Pollenschlauch нѣм., boyau pollinique франц.) служитъ къ произведенію зародыша только динамически, какъ-бы возбуждая такъ-сказать искру новой жизни и тѣмъ производя зачатокъ новаго растенія; въ случаѣ справедливости этой теоріи, конечно, слово, означающее живительное начало — *живчикъ* было бы весьма пригодно; но по другой теоріи Шлейдена, принимаемой Виллеромъ также не-на-обумъ, а въ-слѣдствіе непосредственныхъ собственныхъ наблюденій, и которой въ наше время слѣдуютъ нѣкоторые другіе, какъ вѣроятнѣйшей, самъ цвѣтеневый мѣшечекъ, входя верхнимъ концомъ своимъ непосредственно въ полость яичка, составляетъ начатокъ новаго растенія, — слѣдовательно, не оживляетъ существовавшій уже, но производитъ зародышъ, не только *участвуетъ* (!?) въ его образованіи (см. стр. 165). Не лучше ли и здѣсь употреблять извѣстный уже латинскій терминъ fovilla, какъ самъ авторъ употребляетъ слово *стигма* (стр. 175)?

Находимъ также, что одни и тѣ же предметы называются разными именами и получаютъ различныя опредѣленія; такъ на пр. плоды аконита, аквилегіи на стр. 191 — почитаются мѣшечками (folliculus), а на стр. 207 причислены къ *сочленникамъ* (syncyclium Gorian.), обозначеннымъ вновь-созданнымъ терминомъ, вмѣсто котораго въ первомъ изданіи находимъ *плодосестріе* или *совмѣстіе* (carpadelpha Gorian).

Находимъ и наоборотъ, что предметы весьма-разнородные, даже противоположные, поставляются въ одну категорію, такъ, напр. на стр. 211 въ примѣръ сѣменъ прямостоящихъ (sem. erectum), которыя авторъ именуетъ *воспрямленными*, приводятся сѣмена сливы, (Prunus), клещевины (Ricinus), и грецкаго орѣха (Juglans), которыя всѣ почитаются *прямыми*, что́, если не ошибаемся, значитъ одно и то же съ *пряморостными* (ovulum et semen orthotropum Mirb s. atropum Schleid. стр. 171), между-тѣмъ, какъ самъ авторъ сѣмена орѣховыхъ (Juglandeae) вмѣстѣ съ мириковыми (Myricacae) и гречишными (Polygoncae), справедливо относитъ къ пряморостнымъ, а сѣмена молочайныхъ, или, какъ ихъ называетъ нашъ авторъ «молочаевыхъ», куда безспорно принадлежитъ и клещевина — къ *опрокинутымъ* (sem. anatropum; смотр. тамъ же стр. 171); притомъ же, авторъ, вопреки

всѣмъ описателямъ растеній, *висячія* сѣмена сливы и клещевины называетъ восрямленными (sem. erecta), а *прямостоячія сѣмена* сростнопыльниковыхъ, яблока винограда — *превращенными* (sem. inversa), упрекая другихъ въ томъ, что они не различаютъ надлежащимъ образомъ въ сѣмени *физіологической*, или лучше, по Мирбелю, органической верхушки его отъ геометрической, и на той же 211-й страницѣ называетъ сѣмена винограда и яблока *восходящими* (*ascendentia*), а сѣмена клещевины *нисходящими* (*descendentia*), что согласно съ другими фитографами:—не явныя ли это противорѣчія самому себѣ? а дѣло въ томъ, что авторъ самъ смѣшиваетъ воззрѣнія физіологическія съ фитографическими, изъ которыхъ послѣднія существовали гораздо-ранѣе первыхъ, введенныхъ въ науку микроскопическими изслѣдованіями Мирбеля и другихъ еще здравствующихъ ученыхъ.

По мнѣнію автора, *котиледоны* не суть листья зародыша, хоть въ этомъ никто нынѣ уже не сомнѣвается; они только *превращаются въ сѣменные листья, когда сѣмя прозябаетъ!* (см. стр. 216). И такъ какъ ученіе о видоизмѣненіяхъ растительныхъ органовъ у него изложено на стр. 55—59, и *котиледоны* всегда отличаются имъ отъ *настоящихъ* листьевъ (стр. 94 и 217), то учащійся едва-ли получитъ истинное понятіе о ихъ сущности, организаціи и отправленіяхъ.

На 217-й страницѣ, о зародышѣ пшеницы авторъ говоритъ, какъ о двусѣменодольномъ, и ришаровы термины hypoblastus и epiblastus — употребляетъ въ своемъ исключительно ему собственномъ значеніи, почитая эти части зародыша, вопреки Ришару, сѣменодолями.

Систематическая ботаника изложена слишкомъ-коротко относительно самаго ученія, и слишкомъ-плодовито относительно вычисленія различныхъ, отчасти давно забытыхъ и нынѣ никѣмъ уже не употребляемыхъ системъ; посему-то, при афористической методѣ изложенія, многое весьма неясно и сбивчиво — мы не хотимъ сказать, даже ложно. Такъ, говоря о естественномъ семействѣ (стр. 246), авторъ утверждаетъ, что и его составляютъ роды, сходствующіе между собою въ разныхъ отношеніяхъ, *кромѣ цвѣтка и плода*; иной подумаетъ, что для составленія семейства вовсе не требуется существенное сходство растеній по строенію цвѣтовъ и плодовъ ихъ!

На той же 246-й страницѣ линнеева система безусловно называется *удобнѣйшею для* практическаго познанія растеній и *употребительнѣйшею*. Касательно удобства замѣтимъ, что изложеніе ея на русскомъ языкѣ для дѣвицъ было бы — не скажемъ неприлично, но отвратительно, тогда какъ ламаркова двураздѣльная метода доступна для всякаго. Употребительность линнеевой системы нынѣ также повсюду выходитъ изъ моды, и авторъ, по нашему мнѣнію, напрасно старается защищать *эту знаменитую* систему (на стр. 252-й) отъ упрека въ существенномъ ея недостаткѣ: разъединеніи сродныхъ растеній, которое не порокъ системы только по отношенію къ логикѣ Линнея, но всегда порокъ по отношенію къ практическому изученію растеній. Объ употребительнѣйшей естественной методѣ знаменитаго женевскаго ботаниста Августа Пирама Декандоля (къ общему сожалѣнію всѣхъ друзей науки похищеннаго смертію въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1841), авторъ говоритъ, что она *не облегчаетъ науки!*

Систему Эндлихера, знакомство съ которою, по употребительности новѣй-

шихъ классическихъ сочиненій его (*), по нашему мнѣнію необходимо для учащихся, авторъ не разбираетъ вовсе, потому только, что 62 класса его *трудно удержать въ памяти*. Не-уже-ли авторъ, будучи самъ медикомъ и весьма хорошимъ практическимъ врачомъ, не замѣтилъ, что память вещь весьма-относительная, что въ-отношеніи къ памяти и линнеева система также будетъ трудною, ибо и по линнеевой системѣ нельзя останавливаться на одномъ первомъ дѣленіи царства растительнаго на классы, но надобно знать и подраздѣленія классовъ на порядки (Ordines), или разряды, и дальнѣйшія подраздѣленія на роды, породы, и проч. Надобно знать сколько возможно болѣе самихъ растеній, слѣдовательно, стремиться къ познанію всѣхъ болѣе 85,000 описанныхъ породъ ихъ!

«Полагая слѣдовать *коренной* си«стемѣ Жюсье́, съ которою можно (?) «согласовать всѣ новые успѣхи клас«сификаціи и органографіи (!?) расте«ній, и извлекая изъ новѣйшихъ си«стемъ все лучшее (т. е. по индивидуальному воззрѣнію автора, что̀ ему казалось лучшимъ) и исключивъ изъ «царства настоящихъ прозябаемыхъ «грибы и водоросли, какъ среднеорга«ническія тѣла» стр. 264), авторъ предлагаетъ однакоже свою собственную систему, на весьма-удовлетворительныхъ по его убѣжденію основаніяхъ установленную, въ которой 4 области, 12 классовъ, 44 разряда и, если не ошибаемся, также болѣе 200 семействъ, но которой, по весьма-уважительнымъ причинамъ, разбирать мы не станемъ, а скажемъ только, что два класса среднеорганическаго царства (Amphorganica), авторомъ принимаемаго, грибы и водоросли, вѣроятно изъ снисхожденія къ привычкѣ соотечественниковъ почитать ихъ за растенія, также вычислены здѣсь съ четверочисленными ихъ подраздѣленіями, а о двухъ другихъ классахъ этого междоимочнаго царства, *полипникахъ* и акалефахъ сказано, что они описываются въ зоологіи (см. стр. 280). Наконецъ, въ фитографіи авторъ слѣдовалъ также своему собственному порядку. говоря 1) о именахъ растеній, 2) объ отличіяхъ или характерахъ, 3) объ описаніяхъ растеній — съ присовокупленіемъ, *для* примѣра, латинскаго описанія одуванчика аптечнаго (Taraxacum officinale Wigg), 4) о формахъ ботаническихъ сочиненій, къ коимъ авторъ относитъ также и Степана Крашенинникова Описаніе земли Камчатки 1754—86 (стр. 311), 5) о изображеніяхъ растеній, 6) о травникахъ или травохранилищахъ, — и заключаетъ литературою медицинской ботаники, или исчисленіемъ нѣкоторыхъ ботаническихъ сочиненій, содержащихъ въ себѣ или одни описанія, или описанія и изображенія растеній, употребительныхъ во врачеваніи, технологіи, сельскомъ хозяйствѣ... Здѣсь бы нашлось многое, на что также можно было бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія; но чтобъ не утомлять долѣе читателей, мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ еще и о томъ, что̀ намъ особенно понравилось въ сочиненіи г. профессора. Сюда принадлежатъ: 1) нѣкоторые весьма-счастливо-придуманные термины, на прим. *присоски* (Haustoria, стр. 72), folia sigmoideo-nervia (стр. 106), *Клубень* (Tuber, стр. 124), *пряморостное* яичко (s. orthotropum),

(*) Genera plantarum secundum ordines naturales disposita auctore Stephano Endlicher. Vindobonae 1836—1840.

Enchiridion botanicum, exhibens classes et ordines plantarum, accedit nomenclator generum et officinalum del usualium indicatio, auctore Stephano Endlicher. Lipsiae et Viennae 1841.

опрокинутое (anatropum), *дугоростное* (campylotropum), *полудугоростное* (amphitropum), стр. 171 и 172; разсѣдкп (Diatomaceae), стр. 240; 2) изложеніе: на прим. о расположеніи *листьевъ* стр. 92—97—соотвѣтственно новѣйшимъ изслѣдованіямъ Браве и Марціуса; также о цвѣторасположеніи вообще (стр. 137—и 138); о растеніяхъ тайноцвѣтныхъ (стр. 220, 243), о травохранилищахъ (стр. 318—324).

Заключимъ статью свою изъявленіемъ благодарности автору за трудъ его на попрящѣ еще не вполнѣ у насъ цѣнимомъ и мало поощряемомъ. Безкорыстный трудъ его, каковъ бы онъ ни былъ, вѣрно найдетъ себѣ почитателей.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Февраль.

---

75) Эвелина де Вальероль. *Романъ въ четырехъ томахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Второе, исправленное изданіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи Ильи Глазунова и К°. 1841—1842. Въ 12-юд. л. Въ I-й части 249, во II-й — 264, въ III-ей — 274, Въ IV-ой — 345 стр.* (Цѣна 3 р. сер., вѣсовыхъ за три фунта).

Читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе о романѣ г. Кукольника. Это далеко не художественное произведеніе: въ немъ нѣтъ ни идеи, ни слишкомъ-вѣрнаго и глубокаго взгляда на эпоху, ни внутренняго содержанія, поражающаго единствомъ впечатлѣнія и ясною ощутительностію того, чего нельзя выразить словомъ и чего поэтическая форма была бы только чувственнымъ проявленіемъ. Героиня романа служитъ лишь внѣшнимъ центромъ множества событій и множества лицъ, имѣющихъ къ ней слишкомъ-мало отношенія. Сама-по-себѣ она — ни глубоко-задуманный и хорошо-выполненный женскій характеръ, ни даже особенно интересное *описаніе* характера: блѣдна, безцвѣтна, обозначена чертами общими и неопредѣленными. Другія лица не чужды внѣшняго интереса въ запутанномъ механизмѣ романа; но ни одно изъ нихъ не можетъ назваться типическимъ лицомъ. Лучше другихъ Гаръ-Піонъ. Гойко сбивается на мелодраматическаго героя, — а онъ-то собственно и есть герой романа: по-крайней-мѣрѣ, въ романѣ все черезъ него и имъ, и ничего безъ него, такъ-что еслибъ Гойко не спасался безпрестанно отъ смерти чудеснымъ образомъ, чрезвычайно-похожимъ на *deus ex machina*, то романъ остановился бы, и авторъ не зналъ бы, что ему дѣлать съ своими героями и дѣйствующими лицами и куда ихъ дѣвать. На Ришльё г. Кукольникъ смотритъ слишкомъ-невѣрно: Ришльё, по его мнѣнію, подорвалъ, гоненіемъ аристократіи, французскую монархію и приготовилъ новѣйшіе перевороты въ исторіи Франціи... Такой взглядъ есть лучшая мѣрка достоинства романа: на ложномъ основаніи нельзя создать хорошаго произведенія. Всякая великая историческая личность творитъ волю пославшаго ее, хотя, по-видимому, и совершаетъ

только свою собственную волю; всякій великій историческій дѣйствователь выполняетъ требованія духа времени, которыхъ онъ есть только представитель, а не производитель, хоть онъ и думаетъ осуществлять лишь свои собственныя понятія о потребностяхъ общества; потому ни о какомъ историческомъ героѣ, какъ бы великъ онъ ни былъ, нельзя сказать, что онъ сдѣлалъ не то, что́ должно, — или хвалить его за то, что онъ сдѣлалъ хорошо, когда бы могъ, еслибъ захотѣлъ, сдѣлать худо. Историческое лицо дѣлаетъ только то, что́ необходимо, — по-крайней-мѣрѣ, только необходимыя изъ его дѣйствій производятъ результаты; все же принадлежащее его личному произволу, и доброе и худое, существуетъ временно, не оставляя никакихъ слѣдствій и исчезая вмѣстѣ съ лицомъ. Что́ за гигантъ такой кардиналъ Ришльё, что могъ сдѣлаться владыкою судебъ цѣлаго народа и произвести не то, чего высшія силы хотѣли, а что его кардинальской эминенціи было угодно!.. Подобное историческое созерцаніе и мелко, и ограниченно, и старо. Да притомъ, г. Кукольникъ навязалъ Ришльё дѣло, котораго тотъ и не думалъ дѣлать: онъ сокрушилъ феодализмъ и пріуготовилъ монархію Людовика XIV, которая потомъ пала вслѣдствіе причинъ, нисколько независѣвшихъ отъ кардинала Ришль ; а г. Кукольникъ заставляетъ его подрывать монархію и религію!!...

Въ изображеніи характера Ришльё, авторъ держался извѣстнаго романа Альфреда де-Виньи «Сен-Маръ». Вообще, этотъ романъ имѣлъ большое вліяніе на романъ г. Кукольника, и не смотря на то, ихъ никакъ нельзя сравнивать между собою въ достоинствѣ. Мы не слишкомъ-высокаго, или, лучше-сказать, слишкомъ-невысокаго понятія объ «облизанномъ» (какъ называлъ его Пушкинъ) произведеніи щепетильнаго французскаго романиста; но оно, по нашему мнѣнію, все-таки несравненно-выше своего русскаго отпрыска. Оно проще, малосложнѣе, ярче по очеркамъ характеровъ, и проникнуто началами, которыя, каковы бы они ни были, даютъ ему жизнь и колоритъ. Г. Кукольникъ писалъ свой романъ безъ особенныхъ притязаній: ему, кажется, просто хотѣлось написать повѣсть съ разными похожденіями, способными занять своею калейдоскопическою пестротою не слишкомъ-взыскательное вниманіе празднаго читателя,- и онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Сверхъ того, у него была еще и задушевная мысль — представить картину состоянія искусствъ въ Италіи и Франціи XVII столѣтія. Въ этомъ, у него нѣтъ ничего общаго съ де-Виньи; но за то, все это у него нисколько не вяжется съ романомъ, и составляетъ какъ-бы вставку, занимающую пять главъ, названныхъ авторомъ «римскими» и отмѣченныхъ предостерегательнымъ эпиграфомъ «ad libitum», а это значитъ, что авторъ избавляетъ отъ чтенія этихъ *римскихъ главъ* всякаго, кому «почему-либо подробности художественной исторіи могутъ показаться незанимательными и утомительными». Что касается до насъ, — намъ эти подробности не показались незанимательными и утомительными, мы прочли ихъ съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ самый романъ. — Есть и еще важное различіе романа г. Кукольника отъ романа де-Виньи: русскій романистъ представилъ Сен-Мара совершенно - иначе, чѣмъ французскій, и гораздо-ближе къ исторической истинѣ.

Говоря вообще, если разсматривать романъ г. Кукольника внѣ строгихъ требованій искусства, — это очень-пріятное явленіе въ нашей мертвой и скудной литературѣ; это просто — длинная повѣсть, переполненная затѣйливо-запутанными и удовлетворительно-распутанными происшествіями; повѣсть, умно-задуманная, внимательно-соображенная, но не *концепированная*; повѣсть, для которой много было употреблено труда, изученія, но мало вдохновенія; наконецъ, повѣсть, въ которой мало

внутренняго. но бездна внѣшняго интереса, какимъ отличается, на пр., «Тысяча и Одна Ночь». Въ ней есть эффекты, довольно неловкіе, какъ на пр., смерть кардинала Ришльё; но большая часть ея эффектовъ отличается умомъ и вкусомъ. Вообще, этотъ романъ написанъ для образованной части публики, а не для полуграмотной черни, для которой сочиняются беззубо-сатирическіе, пошло-моральные и приторно чувствительные романы. Мы не поклонники произведеній г. Кукольника: видимъ въ немъ дарованіе, котораго и не оспориваемъ; но не видимъ въ немъ ни геніа, ни огромнаго таланта, который въ немъ признается *иногда* (когда требуютъ того *особенныя обстоятельства*) нѣкоторыми журналами, печатно-называющими себя его друзьями и пріятелями...

Романъ г. Кукольника изданъ прекрасно.

76) Кузьма Петровичъ Мирошевъ. *Русская быль В(о)ремени Екатерины II. Сочиненіе* М. Н. Загоскина. *Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1842. Въ четырехъ частяхъ. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 200, во II-й — 248, въ III-й — 279, въ IV — 290 стр.* (Цѣна 5 р. сер., съ перес. 5 р. 70 к. сер.).

Появленіе новаго романа г. Загоскина есть истинный праздникъ для критики, — потому мы и посвятили «Кузьмѣ Петровичу Мирошеву» особую статью въ отдѣленіи Критики. Какъ умѣли, и сколько позволили намъ слабыя силы наши, подробно и искренно изложили мы свое скромное мнѣніе объ этомъ несравненномъ произведеніи, и — что всего важнѣе въ-отношеніи къ нему — не испугались двойкаго труда: прочесть его отъ начала до конца, и потомъ разобрать его отъ первой страницы до послѣдней. А трудъ, — согласитесь, былъ не шуточный: вѣдь 1017 страницъ, хоть и довольно разгонисто напечатанныхъ!.. Чтобъ не ограничиваться сухимъ библіографическимъ извѣстіемъ, мы замѣтимъ здѣсь, что, при всѣхъ достоинствахъ, какія только можно ожидать отъ новаго романа автора «Искусителя» и «Тоски по Родинѣ» — «Кузьма Петровичъ Мирошевъ» значительно уступаетъ этимъ двумъ, съ такою славою предшествовавшимъ ему, произведеніямъ. Мы знаемъ, что мнѣніе другихъ журналовъ не будетъ согласно съ нашимъ; но «Отеч. Записки» въ томъ и поставляютъ свою славу, тѣмъ и пріобрѣли себѣ довѣріе у просвещенной публики, что имѣютъ свое, независимое мнѣніе...

«Мирошевъ» изданъ изящно — что дѣлаетъ большую честь типографіи г. Степанова, рѣшительно лучшей въ Москвѣ. Излишнее употребленіе прописныхъ буквъ, тамъ, гдѣ нужно употреблять строчныя, и другія ороографическія странности — напр.: лице(о), плечѣ, полев(ы)ой, даровы(о)й и т. п., — вѣроятно, не зависѣли отъ типографіи.

77) Стихотворенія Аполлона Майкова. *Спб. 1842. Въ типографіи Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. 240 стр.* (Цѣна 1 р. 50 к. сер., вѣсовыхъ за 2 фунта).

Русская литература пріобрѣтаетъ въ г-нѣ Майковѣ новое весьма-замѣчательное и подающее о себѣ хорошія надежды дарованіе. Это собраніе изящныхъ стихотвореній г. Майкова, можетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, назваться *сюрпризомъ* публикѣ, которая въ одно и то же время, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, увѣрится въ истинности дарованія новаго поэта и узнаетъ о его существованіи. Причина этого заключается въ томъ, что г. Майковъ мало печаталъ въ повременныхъ изданіяхъ свои стихотворенія, — и если печаталъ, то большею частію безъ подписи имени, и большею частію въ такомъ журналѣ, въ которомъ публика не читаетъ стихотвореній, увѣренная напередъ, что тамъ стихи находятся въ большей или меньшей аналогіи съ персидскимъ выраженіемъ: «нанизывать жемчугъ на нить описаній», — а извѣстно, что въ-слѣдствіе

этого выраженія; стихъ есть нѣчто условное, искусственное, неимѣющее никакого отношенія къ своему содержанію... Въ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы помѣстили подробный разборъ стихотвореній г. Майкова, гдѣ, со всею искренностію и прямотою, изложили свое мнѣніе почти о каждой пьесѣ особенно, желая сдѣлать нашу статью полезною для молодаго поэта. Хорошее назвали мы хорошимъ, дурное дурнымъ, и только объ иномъ посредственномъ совсѣмъ умолчали. Посмотримъ и послушаемъ, что скажутъ другіе, и позабавимъ же насъ нелоѣкимъ употребленіемъ словъ: «художественность», «субъективность», «идея» и т. п. О, imitatores!.. Особенно забавно будетъ читать сужденія о достоинствѣ стихотвореній г. Майкова, какъ все лучшее въ нихъ будетъ похулено, во имя такъ-называемой «моральности», которая вѣдь въ томъ и состоитъ, чтобъ не понимать ничего истинно-прекраснаго, и какъ все худшее въ нихъ будетъ превознесено за изъисканныя выраженія, неопредѣленныя и незрѣлыя мысли и мнимую идеальность: — недостатки, которыхъ тоже не чужда муза г. Майкова. Но мы слышали, что одинъ изъ моральныхъ *критикановъ* уже выполнилъ эту задачу къ полному своему удовольствію, подавъ г. Майкову мудрый совѣтъ не воспѣвать языческихъ боговъ, во избѣжаніе соблазна міранъ, но услаждать «братію» назидательными стихотвореніями, которыхъ главное условіе, по его мнѣнію — отсутствіе всякаго изящества и надутые возгласы о томъ, что всѣ уважаютъ, но чему уже никто не вѣритъ, на-прим., о томъ, что люби добродѣтель — будешь богатъ, не имѣй таланта — станешь хорошо писать, и т. п. Говорятъ, что, въ-слѣдствіе этой прекрасной теоріи, сей критиканъ съ презрѣніемъ отозвался объ антологическихъ стихотвореніяхъ, составляющихъ торжество таланта г. Майкова, и расхвалилъ именно тѣ его стихотворенія, которыхъ бы ему совсѣмъ не слѣдовало печатать... Мы не читали знаменитой критики, и потому не знаемъ, до какой степени справедливы эти слухи о ея содержаніи, равно какъ и то, будто-бы этотъ же аристархъ открылъ въ г. Славинѣ великій талантъ; но мы почитаемъ здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о современномъ невѣжествѣ, которое, прикрывая себя именемъ какой-то лицемѣрной морали, скрежещетъ зубами на Аполлона Бельведерскаго и Венеру Медицейскую... Дай только волю этимъ кабаньимъ зубамъ — они сгрызли бы божественный мраморъ какъ гнилую картофелину; да не уцѣлѣть бы тогда отъ нихъ ни Дрезденской Галлереи, ни нашей Академіи Художествъ...

Стихотворенія г. Майкова изданы прекрасно.

78) Исторія Древней Философіи, *приспособленная къ понятію каждаго образованнаго человѣка.* Карла Зедергольма, — *доктора философіи и евангелическаго дивизіоннаго проповѣдника. Москва. Въ тип. А. Семена. 1842. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й — 282, во II-й 197 стр.* (Цѣна 10 р., съ перес. 12 р. ас.)

Въ русской литературѣ такъ мало является книгъ, предметомъ которыхъ была бы философія, что мы должны принимать со всевозможною признательностію сочиненія, въ которыхъ обнаруживаются добросовѣстныя, долгія занятія величайшею изъ наукъ. Вотъ почему, мы съ признательностію привѣтствуемъ благородный трудъ г. Зедергольма и со всею искренностію желаемъ ему продолженія, не смотря на то, что не признаемъ многихъ положеній, которыя поставилъ онъ исходнымъ пунктомъ своей исторіи философіи.

Пусть будетъ у насъ больше книгъ, которыя заставляютъ размышлять, пробуждаютъ стремленіе къ высшему знанію. Главное дѣло въ томъ, чтобъ пробудить это стремленіе, а ложныхъ понятій, обскурантизма — мы не боимся.

потому-что въ діалектическомъ процессѣ времени ложь уничтожаетъ сама себя и даетъ только большее движеніе истинѣ. Да сверхъ-того, мы повторяемъ съ Гёте, что —

Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange,
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst, —

и, по нашему мнѣнію, значитъ имѣть мало уваженія и довѣрія къ разумности духа человѣческаго, если содержать его въ пеленкахъ невѣдѣнія, или отдалять отъ него познаніе всяческихъ противорѣчій и треволненій, происходящихъ въ его мірѣ.

Мы скоро надѣемся посвятить особую статью исторіи философіи по поводу книги г. Зедергольма, и потому здѣсь скажемъ только нѣсколько словъ о введеніи, которое есть философское profession de foi автора. Въ этомъ введеніи, г. Зедергольмъ говоритъ о значеніи философіи, о цѣли ея и необходимости, о постепенномъ ея развитіи, о различныхъ философскихъ воззрѣніяхъ, и проч. и проч. Все это изложено прекраснымъ языкомъ и отличается ясностію. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать здѣсь все, что г. Зедергольмъ говоритъ о философіи вообще, какъ о наукѣ, и цѣляхъ ея:

«Объективная цѣль философіи—есть уразумѣніе всего сущаго. Каждому образованному, мыслящему человѣку, даже незанимающемуся ученымъ образомъ философіей, невольно представляются вопросы о мірѣ, о самомъ себѣ и о Богѣ, вопросы, которыхъ наукообразное рѣшеніе — есть философія, и на которые онъ, сообразно степени своей духовной жизни, долженъ отвѣчать, чтобы чувствовать себя дома въ мірѣ. Чѣмъ кто благороднѣе, благочестивѣе, тѣмъ чаще и живѣе, особливо въ настоящее время, должны представляться ему такіе вопросы о Богѣ, Его судьбахъ и Промыслѣ, о человѣкѣ и его назначеніи, о свободѣ человѣческой, о происхожденіи зла, о дѣйствительности откровенія, о значеніи христіанства и его божественнаго Основателя, о цѣли государства и церкви и взаимномъ ихъ отношеніи, о жизни по смерти тѣла, и т. д. Мы не можемъ отрѣчься отъ этихъ вопросовъ, должны заниматься ими. И не только заниматься ими должны мы, но и рѣшать ихъ, рѣшать справедливо, если хотимъ обрести успокоеніе въ здѣшней жизни, исполненной противорѣчій.»

Далѣе прекрасно отвѣчаетъ г. Зедергольмъ на вопросъ, такъ часто предлагаемый многими о пользѣ философіи:

«О пользѣ философіи собственно не слѣдовало бы и говорить, ибо истина есть также сама себѣ цѣль, какъ изящество и благо, и вопросъ, къ чему служитъ истина, столько же страненъ, сколько вопросъ къ чему служитъ Аполлонъ Бельведерскій, или какая польза отъ справедливости, честности, или благочестія. Какъ ни естественно, что мы ищемъ истины для нашего внутренняго спокойствія, однако въ высшемъ смыслѣ только истина сама по себѣ есть верховная цѣль, къ которой направлены всѣ стремленія философіи, и которая служитъ верховною наградою ея многотрудныхъ усилій. Одному только этому служенію чистѣйшимъ и непосредственнымъ образомъ посвятила себя философія. Всѣ прочія науки имѣютъ также и постороннія цѣли, приложенія въ людскихъ занятіяхъ, промыслахъ, общественныхъ потребностяхъ;—одна философія есть исключительно жрица истины. Нужнѣе ея (для земной жизни) всѣ науки, — превосходнѣе ея нѣтъ ни одной.»

«Кромѣ такой объективной пользы, философія имѣетъ еще субъективную, состоящую въ томъ, что *правильное* изученіе ея больше всего другаго служитъ къ возвышенію духа. Если философія сообщаетъ намъ познаніе истиннаго, существеннаго и основнаго во всѣхъ предметахъ, то такое познаніе въ здравомъ духѣ наклонитъ и сердце и волю къ сему истинному существу и основанію бытія и отвратитъ отъ призрачнаго, ничтожнаго и пошлаго въ жизни. Если философія убѣждаетъ насъ въ вѣчномъ и божественномъ, стоящемъ превыше временнаго, — то она воспламенитъ любовь и одушевленіе, преданность и благоговѣніе къ нему въ душѣ, не совершенно погрязшей въ неправдѣ. Сообщая намъ познанія высшаго назначенія нашей жизни, она возбудитъ и волю къ достиженію этого назначенія. Вообще, если она даетъ

намъ высшее *идеальное* направленіе въ области мысли, возвышаетъ насъ до сознанія идей истиннаго, благаго и изящнаго, то сердце и воля, мысль и желаніе, чувствованіе и дѣйствованіе необходимо последуютъ тому же направленію. Если цѣль всего философскаго мышленія состоитъ въ совершенной гармоніи міросозерцанія, то философія должна пробудить и въ жизни стремленіе къ этой гармоніи, которая всю жизнь человѣка въ чувствѣ, побужденіяхъ и поступкахъ приведетъ въ созвучіе съ верховною цѣлію божественнаго міроустройства. Дайте только человѣку, говоритъ *Шеллингъ*, сознаніе того, что онъ *есть*, — онъ скоро познаетъ чѣмъ *долженъ быть.*»

Въ высшей степени важно, что г. Зедергольмъ говоритъ о *необходимости философіи:*

«Философія является какъ нѣчто необходимое для отдѣльнаго лица, общества и государства. Она необходима отдѣльному лицу, какъ скоро оно достигло извѣстной степени духовнаго развитія, ибо безъ нее человѣкъ не можетъ устроить своей умственной жизни, а потому не можетъ удержаться на степени образованнаго человѣка, до которой довели его успѣхи въ другихъ отрасляхъ знанія и которой онъ не хотѣлъ и не можетъ оставить. Это видимъ мы ежедневно въ непріятномъ примѣрѣ тѣхъ, которые, по своему общественному или по своему частному ученому образованію, дошли до той точки, гдѣ имъ потребна философія, и которые однакожъ упорно удаляются отъ нея, и такимъ образомъ, не смотря на преимущества частнаго образованія, остаются невѣждами» и проч.

Равнымъ образомъ весьма-замѣчательно возраженіе г. Зедергольма противникамъ и порицателямъ философіи, почитающимъ стремленіе ея тщетнымъ и принимающимъ ее за вещь безполезную; такихъ порицателей онъ выразительно называетъ «чернью духовнаго міра».

Читатели видятъ въ выпискахъ, которыя мы позволили себѣ сдѣлать изъ введенія, какъ возвышенно смотритъ г. Зедергольмъ на предметъ свой, и какъ достойна книга его самаго живаго вниманія публики. Тѣмъ непріятнѣе намъ необходимость назвать невѣрными положенія автора, которыя принялъ онъ за основаніе своей «Исторіи Философіи». Хорошо говорить о философіи вообще, — не значитъ еще быть вѣрнымъ ей, ея логической дисциплинѣ. И доказательство этому представляетъ самое введеніе г. Зедергольма. Не смотря на множество прекрасныхъ и истинныхъ мыслей, — въ цѣломъ оно странная смѣсь истинныхъ понятій и піэтистическихъ представленій, — теологіи и философіи, результатовъ новѣйшей философіи и схоластическихъ предубѣжденій, — Гегеля и Штала (хоть авторъ и не ссылается на Штала въ своемъ руководствѣ, но совпадаетъ съ нимъ въ своихъ основаніяхъ). Главнѣйшая причина такого страннаго смѣшенія, по нашему мнѣнію, произошла отъ-того, что авторъ не опредѣлилъ спекулятивно сферъ философіи и религіи и не уяснилъ себѣ самостоятельнаго значенія и автономіи философіи. Г. Зедергольмъ лишь на словахъ признаетъ право ея все подвергать своему изслѣдованію; онъ не даетъ ей въ то же время свободы въ результатахъ этого изслѣдованія, и потому, въ сущности, отрицаетъ у нея и самое право изслѣдованія, — право, которое не принимаетъ никакихъ авторитетовъ, каковы бы они ни были, потому-что предметъ философіи есть не только абсолютное, являющееся въ историческомъ ходѣ *времени*, и слѣдственно, носящее въ себѣ моментъ разрушенія и перехожденія въ высшую форму, — но также и абсолютное, пребывающее *внѣ* времени и пространства.

Г. Зедергольмъ не принадлежитъ собственно ни къ какой философской школѣ — il prend son bien où il le trouve — а потому и всего менѣе можетъ быть названъ «философомъ». Основныя положенія его, да и вся вообще философская сторона его книги показываютъ, какъ далекъ авторъ отъ философской спекулятивности. То, что г. Зедергольмъ называетъ восточною философіею — было религіею Востока: ибо философія имѣетъ исходнымъ пунктомъ своимъ моментъ субъективности

и индивидуальной свободы, которыхъ не было ни въ религіи, ни въ государствахъ Востока, гдѣ человѣкъ, какъ, наприм., въ Индіи, до такой степени былъ безличенъ и потонулъ въ созерцаніи всеобщей субстанціи, что незамѣтилъ не только исторіи, — даже простой хронологіи. Мы весьма жалѣемъ, что по многимъ причинамъ не можемъ войдти въ подробное разсмотрѣніе основныхъ положеній г. Зедергольма..

Первая часть книги г. Зедергольма начинается отъ такъ-называемыхъ философій индійской, китайской перендской и оканчивается греческими софистами; вторая начинается Сократомъ, оканчивается эпохою разрушенія греческой философіи и переходомъ ея въ римскій міръ.

Считаемъ долгомъ обратить вниманіе мыслящихъ и любознательныхъ людей на книгу г. Зедергольма, — хотя въ то же время скажемъ, что философія не есть сборъ какихъ-нибудь, хоть и прекрасныхъ, но принятыхъ на вѣру, или произвольныхъ мнѣній, положеній, представленій и т. п., но что она есть великая и важная наука, основанная на имманентномъ началѣ, развивающаяся изъ него по законамъ внутренней; самодѣйствующей необходимости, — наука, исключающая всякую произвольность субъективныхъ мнѣній, всякую особность, принадлежащую индивидуальности человѣческой; ибо предметъ ея — бытіе, какъ сущность міра явленій, — и абсолютная истина, отрѣшенная отъ временности, страстей и уклоненій жизни человѣческой — истина, которая есть новѣйшій fatum всего конечнаго, ибо она рано или поздно, въ той или другой формѣ, но разражается надъ конечнымъ и призываетъ его къ суду своему.

79) **Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей**, *изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. Томъ третій. IV.* **Новгородскія Лѣтописи.** *Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1841. Въ 4-ю д. л. IX, 308 стр.* (Цѣна 2 р. сер.)

Новый великій трудъ, предпринятый Археографическою Коммиссіей... Наконецъ исполнится завѣтная мысль Шлецера, Карамзина, мысль, въ настоящее время сдѣлавшаяся требованіемъ всѣхъ людей образованныхъ: у насъ будетъ *полное собраніе Русскихъ Лѣтописей!* Поблагодаримъ же наше просвѣщенное правительство, предупредившее частную дѣятельность, невсегда успѣшную въ столь важныхъ предпріятіяхъ; поблагодаримъ и дѣятельныхъ членовъ Коммиссіи, съ такимъ усердіемъ исполняющихъ возложенную на нихъ обязанность, и порадуемся за успѣхи отечественной исторіи...

Но не одна мысль объ изданіи «Русскихъ Лѣтописей» возбуждаетъ въ насъ столь отрадное чувство: передъ нами лежитъ самое *начало* труда, соотвѣтствующее всѣмъ требованіямъ взыскательной критики. Чтобъ вполнѣ убѣдить читателей въ справедливости нашихъ словъ, прежде, нежели приступимъ къ разбору третьяго тома «Русскихъ Лѣтописей», изложимъ правила, принятыя въ руководство редакціей, основываясь на ежегодныхъ отчетахъ г. министра народнаго просвѣщенія о дѣйствіяхъ Археографической Коммиссіи и на протоколахъ ея засѣданій.

Извѣстно, что при изданіи лѣтописей доселѣ употребляли у насъ слѣдующіе три способа: одни печатали какой-нибудь отдѣльный списокъ буква-въ-букву, безъ всякихъ поправокъ и сличеній съ другими, болѣе или менѣе сходными (сюда относятся «Списокъ Кёнигсбергскій» и «Лѣтописецъ Львовскій»), — изданіе, чуждое критики, и потому справедливо-отвергаемое въ наше время. Другіе, взявъ въ основаніе лучшій или древнѣйшій списокъ, передавали его также безъ всякихъ измѣненій, но съ примѣчаніями и варіантами, заимствованными изъ другихъ однородныхъ списковъ (такъ издалъ профессоръ Тимковскій несторову лѣтопись по списку мниха Лаврентія), — способъ болѣе

критическій, но необъясняющій того, какъ должно поступать при изданіи всѣхъ вообще лѣтописей. Наконецъ, и самая метода Шлёцера, думавшаго возстановить первоначальный текстъ несторовой лѣтописи, не говоря уже о несправедливости такого мнѣнія, по его собственному признанію (см. его «Нестора», часть I, стр. 409–416), требуетъ предварительнаго изданія свода, составленнаго, по-крайней-мѣрѣ, изъ двадцати различныхъ списковъ. Слѣдственно, очевидно, что если Коммиссія въ предпринимаемомъ ею изданіи и могла руководствоваться нѣкоторыми правилами своихъ предшественниковъ, то, во всякомъ случаѣ, они были неудовлетворительны для исполненія такого труда во всей его обширности, ни даже въ примѣненіи къ составнымъ частямъ его.

Имѣя въ виду эти недостатки изданныхъ доселѣ отдѣльныхъ лѣтописей, одинъ изъ членовъ Коммиссіи, еще въ 1837 году, предложилъ ей свое мнѣніе, состоявшее въ слѣдующемъ: 1) Напечатать прежде всего лѣтопись Нестора съ варіантами по лучшему списку, какъ основную всѣмъ другимъ лѣтописямъ. 2) Продолжателей Нестора раздѣлить на отдѣльные временники, принявъ въ каждомъ разрядѣ за основаніе лучшій и полнѣйшій списокъ, какъ текстъ, а изъ прочихъ предлагая варіанты или отдѣльныя статьи въ видѣ дополненій. 3) Тѣми же правилами руководствоваться при изданіи лѣтописныхъ сборниковъ, степенныхъ книгъ и хронографовъ. Такимъ образомъ всѣ лѣтописи и другія историческія сочиненія составили бы одно полное собраніе, раздѣленное на пять отдѣленій. Одобривъ это мнѣніе, Коммиссія въ томъ же году получила правила для руководства при ея изданіяхъ, гдѣ между прочимъ, по назначеніи отдѣльнаго редактора лѣтописей, на него возложена была обязанность раздѣлить всѣ извѣстные списки на отдѣльные временники и лѣтописные сборники, разумѣя подъ именемъ первыхъ лѣтописи, содержащія въ себѣ преимущественно описаніе событій отдѣльныхъ княжествъ и областей, какъ-то: Кіева, Новагорода, Пскова, а подъ вторыми своды лѣтописей, составленные неизвѣстными лицами въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ; далѣе, раздѣливъ ихъ на разряды, приготовить къ изданію текстъ каждаго разряда по лучшему списку, а изъ однородныхъ съ нимъ подводить варіанты, дѣлая сверхъ-того нужныя примѣчанія и дополненія. Тѣмъ и другимъ должно было предшествовать изданіе временника Нестора въ видѣ особенной лѣтописи съ варіантами, заимствованными изъ всѣхъ списковъ отдѣльныхъ временниковъ и лѣтописныхъ сборниковъ, между-тѣмъ, какъ изданіе хронографовъ предположено ограничить напечатаніемъ вполнѣ одного лучшаго списка, присовокупивъ къ нему изъ прочихъ всѣ такъ-называемыя *русскія статьи* или хронологическіе перечни отечественныхъ событій. Наконецъ, степенныя книги и другія историческія сочиненія назначено приготовлять къ изданію на основаніи тѣхъ же правилъ, составляя основные тексты по лучшимъ спискамъ; а изъ однородныхъ заимствуя варіанты. Для успѣшнаго начала предпринимаемаго труда, оставалось только собрать нужные издателямъ памятники древности; но это было незатруднительно, потому-что, съ одной стороны, главный редакторъ лѣтописей, Я. И. Бередниковъ, во время своего путешествія осмотрѣвшій большую часть библіотекъ и архивовъ Сѣверо-Восточной и Средней Россіи, зналъ по собственному опыту не только о достоинствѣ и количествѣ разсѣянныхъ въ нихъ матеріаловъ, но могъ также указать мѣсто, гдѣ хранилась та или другая рукопись; съ другой стороны, Археографическая Коммиссія, пользуясь Высочайшимъ разрѣшеніемъ, была увѣрена въ безпрепятственномъ исполненіи всѣхъ ея требованій, относительно предпринимаемаго изданія. Но для того, чтобъ не упустить изъ виду и тѣхъ матеріа-

ловъ, которые могли быть ей неизвѣстными, она обратилась къ частнымъ лицамъ съ просьбою доставить ей на время принадлежащіе имъ подлинные рукописи и списки, съ обѣщаніемъ возвращать ихъ владѣльцамъ въ цѣлости.

Такъ начала Коммиссія свой исполинскій трудъ, и, между-тѣмъ, какъ во Франціи, въ Англіи и Италіи подобныя предпріятія или медленно или даже неуспѣшно, главный редакторъ «Русскихъ Лѣтописей» работалъ неутомимо и съ очевидной пользой. Уже въ началѣ 1840 года г. министръ народнаго просвѣщенія, въ отчетѣ своемъ Государю Императору, доносилъ, что изъ числа 155 рукописныхъ лѣтописей, поступившихъ въ Коммиссію, — 52 списка употреблены для изданія временника Нестора; что онъ сличенъ по всѣмъ этимъ спискамъ и раздѣленъ на три текста (древній, средній и новый) по отличительнымъ признакамъ въ слогѣ, отмѣнахъ и дополненіяхъ; что всѣ другіе списки лѣтописей разложены на отдѣльные временники и лѣтописные сборники, и что совсѣмъ приготовлены къ печатанію первые три тома, въ которыхъ будутъ заключаться, кромѣ отдѣльнаго временника Нестора, Лаврентьевская, Ипатіевская и Новгородская Лѣтописи. По-истинѣ, нельзя не удивляться такой непостижимой дѣятельности: а какого напряженнаго вниманія требуетъ сличеніе различныхъ списковъ, раздѣленіе ихъ на разряды, подведеніе варіантовъ и самое печатаніе текста, въ которомъ, по правилу, принятому редакціей, испорченныя мѣста, слова и даже буквы замѣняются болѣе-исправными изъ другихъ списковъ, съ оставленіемъ невѣрныхъ въ варіантахъ; далѣе, имѣя въ виду то, что въ этомъ отношеніи успѣли сдѣлать трудолюбивый Шлёцеръ и дѣятельный профессоръ Тимковскій, первый въ-теченіе 40, а послѣдній въ-продолженіе 10 лѣтъ, и наконецъ, не забывая, что Коммиссія въ то же самое время трудилась надъ изданіемъ множества другихъ, не менѣе важныхъ матеріаловъ для исторіи. Какъ добросовѣстно и съ какимъ вниманіемъ къ успѣхамъ науки дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ редакція, между-прочимъ показываетъ и то, что приготовивъ къ изданію первые три тома «Лѣтописей», она не рѣшилась приступить къ печатанію временника Нестора, ожидая двухъ рукописей, нужныхъ для объясненія текста варіантами. Такимъ образомъ, третій томъ является въ свѣтъ прежде втораго и перваго.

Новгородскія Лѣтописи, составляющія содержаніе изданнаго тома, напечатаны по двѣнадцати различнымъ спискамъ и раздѣлены на три разряда, или отдѣльныя лѣтописи. Желающимъ ознакомиться короче какъ съ этими списками, такъ и съ принятымъ въ основаніе текстомъ, рекомендуемъ обратиться къ самому изданію; мы же, съ своей стороны, вкратцѣ изложимъ содержанія «Лѣтописей». Первая изъ нихъ, начинаясь 1016 и оканчиваясь 1444 годомъ, изображаетъ древнее политическое и гражданское устройство Новагорода, дѣла тамошней церкви, сношенія съ русскими князьями (почему она особенно и важна для исторіи удѣльныхъ княжествъ), войны съ чужеземными сосѣдями, и пр. Составляя единственный источникъ для исторіи древняго Новагорода, она вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ назваться вполнѣ-достовѣрною по самому свойству входящихъ въ нее матеріаловъ. Вторая лѣтопись, идущая съ перерывомъ нѣкоторыхъ годовъ отъ 911 по 1587 годъ, до исхода XVI столѣтія, — мѣстами сходна съ новгородскою первою и нѣкоторыми другими лѣтописями, но съ XVI в. содержаніемъ своимъ совершенно отъ нихъ разнится. Сверхъ множества современныхъ событій, она поясняетъ древнюю мѣстность Новагорода и указываетъ на обстоятельства, дополняющія исторію царя Іоанна Васильевича, въ смутную эпоху опричины, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ спискѣ другихъ лѣтописей. Наконецъ, третья лѣтопись (отъ 988 до

1716 г.), служащая дополненіемъ первой и второй, состоитъ по-большой-части изъ сказаній о дѣлахъ церковныхъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣльныхъ повѣстей, изъ которыхъ наиболѣе любопытны: о казни Новогородцевъ царемъ Іоанномъ-Грознымъ, и о покореніи Новагорода Шведами въ началѣ XVII вѣка. Сверхъ-того, въ концѣ двухъ послѣднихъ лѣтописей приложены прибавленія, изъ которыхъ первое содержитъ въ себѣ роспись новогородскихъ владыкъ и отрывокъ изъ разряда новогородскихъ лѣтописей, безъ начала и конца, а вторая – повѣсть объ осадѣ Тихвинскаго Монастыря въ 1613 году.

О томъ, что внѣшняя сторона изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ важности его содержанія, заключая въ себѣ, сверхъ варіантовъ, необходимыя примѣчанія, дополненія и предисловія не считаемъ нужнымъ упоминать; замѣтимъ только, что къ тексту приложены искусные снимки съ двухъ рукописей (Синодальной и Академіи Наукъ), содержащихъ въ себѣ первую новогородскую лѣтопись.

Въ полной увѣренности, что Археографическая Коммиссія, съ такимъ успѣхомъ начавъ изданіе «Русскихъ Лѣтописей», будетъ также дѣятельно и добросовѣстно продолжать свой скромный, но истинно-полезный трудъ, мы пожелаемъ только, чтобъ вышедшее теперь изданіе нашло себѣ самый обширный кругъ читателей, – желаемъ этого для несомнѣнной пользы, которую извлечетъ русская исторія отъ обработыванія источника столь богатаго и еще такъ мало-изслѣдованнаго даже записными учеными.

80) Россійская Статистика. *Императорскаго Санктпетербургскаго Университета заслуженнаго профессора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера* Е. Зябловскаго. Второе изданіе. *Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова. 1842. Въ 8-ю д. л. Двѣ части. Въ I-й 170, во II-й 188 стр.* (Цѣна 1 р. 75 к. сер.)

Нынѣче понятія о статистикѣ сдѣлались болѣе, нежели когда-нибудь разнообразны. На вопросъ: что такое статистика? найдется множество ходячихъ мнѣній. Большая часть писавшихъ и пишущихъ объ этой наукѣ, понимаетъ ее какъ описаніе состоянія государства, и почти каждый изъ пишущихъ предполагаетъ ей особую цѣль. Однакожь, мнѣніе, выражающееся въ каждомъ, сколько-нибудь замѣчательномъ трудѣ по части статистики, часто даже безъ вѣдома «сочинителя», состоитъ въ томъ, что статистика не должна, не можетъ быть простымъ описаніемъ. Стараніе вывести результаты, подозрѣваніе подъ голыми фактами чего-то общаго, какихъ-то законовъ, касающихся человѣка, показываютъ, что статистика должна стоять выше описанія, выше описательныхъ знаній, на степени науки нравственной. Это показываетъ также, что предметъ ея изслѣдованій не государство, разсматриваемое какъ организмъ, не «достопримѣчательное въ немъ», какъ думали и думаютъ многіе; но – *человѣкъ*, поставленный подъ извѣстныя условія пространства, происхожденія и историческаго развитія. Предметъ ея, другими словами, та же воля человѣка, но разсматриваемая не въ свободномъ своемъ развитіи, а запечатлѣнная необходимостію отъ мѣстности, времени и генетическаго происхожденія человѣка. Каждый статистическій фактъ, каковъ бы онъ ни былъ, носитъ на себѣ отпечатокъ этой тройственной необходимости. Но это мнѣніе, повторяемъ, хоть и безсознательно выражаемое во многихъ сочиненіяхъ статистическихъ, теперь еще исключеніе, проблема. Большая часть пишущихъ о статистикѣ, оставаясь упорными послѣдователями Ахенваля, понимаютъ подъ словомъ «статистика» описаніе достопримѣчательнаго въ государствѣ, и, смотря на предметъ съ этой точки, покушаются создавать какую-то науку, пишутъ такъ-называемую ими статистику. Они заблуждаются, потому-что не-

ная построить науку на столь шаткомъ основаніи, какъ понятіе «достопримѣчательнаго»; но, по-крайней-мѣрѣ, они смотрятъ на свой предметъ съ извѣстной точки, имѣютъ, слѣдственно, какой-нибудь взглядъ.

Что же такое такъ-называемая «Россійская Статистика» г. заслуженнаго профессора Зябловскаго, изданная теперь во *второй* разъ и перепечатанная съ изданія 1832 года? — Перебирая въ памяти всѣ извѣстныя намъ, существовавшія и существующія, мнѣнія о статистикѣ, мы не видимъ, чтобъ какое-нибудь изъ нихъ могло быть удобопримѣнимо къ этой «Россійской Статистикѣ». Сочинитель не высказываетъ своего понятія о статистикѣ, а изъ того, что написано въ книгѣ, названной имъ «Россійскою Статистикою», нельзя вывести ровно ничего. Это — даже и не описаніе достопримѣчательнаго въ государствѣ: это просто какой-то сборъ свѣдѣній, принадлежащихъ географіи, исторіи, области наукъ естественныхъ и законовѣдѣнія, собранныхъ безъ всякой связи, не проникнутыхъ ни малѣйшимъ свѣтомъ мысли, и изданныхъ съ такими страшными ошибками, съ такою непростительною небрежностію и невниманіемъ, что мы не смѣемъ даже приписать вышедшаго нынѣ изданія самому сочинителю: намъ оно кажется скорѣе спекуляціею книгопродавца, и притомъ спекуляціею самою жалкою и грѣшною. Не стоитъ труда доказывать все это; взгляните лишь въ оглавленіе —вы тамъ не найдете. (на-примѣръ, въ главѣ II-й, гдѣ исчислены всѣ министерства) не найдете Министерства Государственныхъ Имуществъ; эта огромная вѣтвь управленія оставлена въ прежнемъ составѣ Министерства Финансовъ. Сочинитель не потрудился даже заглянуть въ свою книгу: онъ пустилъ, или позволилъ пустить ее въ свѣтъ для назиданія читателей (если таковые найдутся), нисколько не заботясь о томъ, что Россія 1842 года во многомъ не то, чѣмъ она была за десять лѣтъ. Посмотрите далѣе: о важныхъ преобразованіяхъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія также ни слова: Университетъ св. Владиміра какъ-бы не существуетъ; Медико-Хирургическая Академія оставлена въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; о преобразованіи отдѣленія ея въ Москвѣ также ни слова; важныя преобразованія кавказскаго края тоже какъ-бы не существовали; о преобразованіи земскаго полицейскаго управленія — ни слова... Впрочемъ, подобныхъ недосмотровъ такъ много, что исчислять ихъ всѣ не было бы возможности. Да и что за названіе: «*Россійская* Статистика»? Если слово «статистика», по ходячему мнѣнію (которому, какъ можно догадываться по книжкѣ, не непричастенъ и сочинитель) должно заключать въ себѣ понятіе *настоящаго состоянія*, то, при переводѣ этого слова по-русски, что такое будетъ *Россійское настоящее состояніе?*

81). О Нагайцахъ(.) *кочующихъ по Кизлярской Степи. Второе отдѣленіе(?). Сочиненіе путешествовавшаго по Россіи съ 1824 по 1835 годъ* Андрея Павлова. *Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. 1842. Въ 8-ю д. л. 47 стр.*

Это не что иное, какъ *второе отдѣленіе* сочиненія «О Азіатскихъ Народахъ, обитающихъ въ Южной Россіи», о которомъ мы говорили во второй книжкѣ «Отеч. Записокъ»; а совсѣмъ не *второе* отдѣленіе сочиненія «О Нагайцахъ». Причина такой безтолковости въ заглавіи заключается вообще въ неумѣніи автора складно и логически выражаться. Въ книгѣ его много интересныхъ фактовъ; но написана она какимъ-то «нагайскимъ» слогомъ.

82) Описаніе Санктпетербурга и Уѣздныхъ Городовъ С. Петербургской Губерніи. *Часть третья.* Ивана Пушкарева. *Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. С. Петербургскаго Губернскаго Правленія. Въ 8-ю д. л. 168 стр.*

Книга г. Пушкарева интересна по содержанію, и вообще хорошо написа-

на, если исключить иногда излишнія, неотносящіяся къ дѣлу разглагольствованія, въ родѣ слѣдующаго: «Какую цѣнность имѣютъ у насъ книги, особенно такія, въ которыхъ нѣтъ двухъ, трехъ убійствъ, бѣшеной любви, холодной измѣны?»...И не остроумно, и несправедливо!

83) Константинополь и Турки. *Часть первая. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Бородина и К°. 1842. Въ 4-ю д. л. 221 стр.* (Цѣна за обѣ части 15 р. сер.)

Эта книга содержитъ въ себѣ довольно-подробную исторію древней Византіи, нынѣшняго Константинополя, отъ основанія его Греками до нашихъ временъ; къ исторіи приложена хронологическая роспись государей, царствовавшихъ въ Константинополѣ отъ назначенія его столицею Римской Имперіи до нашихъ временъ и подробное описаніе примѣчательныхъ зданій, мѣстъ, нравовъ и образа жизни жителей столицы Оттоманской Порты. Книга первоначально была написана по-англійски и издана съ прекрасными гравированными картинками: г. Смирдинъ купилъ въ Англіи доски картинокъ, а текстъ поручилъ перевести кому-то по-русски, — и вотъ теперь вышла первая часть этого сочиненія съ картинкою вмѣсто виньетки, на заглавномъ листкѣ, съ *сорокá-семью* картинками, планомъ Константинополя и картою Босфора. Содержаніе книги весьма интересно; переводъ хорошъ; изданіе великолѣпно и роскошно.

84) Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ. *Соч.* Владиміра Строева. *Двѣ части. Санктпетербургъ.* 1841 — 1842. *Въ тип. А. Іогансона. Въ 8-ю д. л. Въ І-й части 222, во ІІ-й — 215 стр.* (Цѣна 2 р. сер., вѣсовыхъ за 2 фунта).

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать интересно о предметѣ всѣмъ извѣстномъ, старомъ и избитомъ; но въ то же время нѣтъ и ничего легче этого. Причина трудности, кромѣ неспособности со стороны автора, заключается чаще всего въ томъ, что хотятъ быть новыми во что бы ни стало, ищутъ предметовъ поразительныхъ, важныхъ, и, пренебрегая фактами, пускаются въ философскія воззрѣнія и поэтическія описанія. Это общій недостатокъ девяносто-девяти изо ста путешествій. Почти всѣ они бываютъ удивительно-глубокомысленны, бываютъ удивительно-живописны, и — невыносимо-скучны. Все хорошо въ нихъ, а зѣваешь; все ново, а между тѣмъ извѣстные и дешевые «guides» въ 16-ю и 32-ю долю листа, напечатанные мелкимъ шрифтомъ, такъ и толпятся въ вашей памяти. Вы хотите познакомиться съ характеромъ народа въ его домашнемъ быту, у себя, дома, такъ-сказать, — а васъ душатъ скучными описаніями памятниковъ и зданій, щедро разсыпая архитектурные термины. Если у васъ станетъ терпѣнія прочесть такую книгу, — вы обыкновенно говорите, протяжно зѣвая: «стóило ли ѣздить такъ далеко, чтобъ написать книгу, которую всякій можетъ составить и не выѣзжая изъ своего захолустья, не только изъ предѣловъ родины?..» Чтобъ путешествіе было интересно, надо только смотрѣть на вещи просто и, не гоняясь за поразительнымъ, передавать вѣрно, какое впечатлѣніе произвели на автора самые обыкновенные и вседневные предметы. Само-собою разумѣется, что всякая страна имѣетъ свое значеніе, свою физіономію и свою вседневность. Въ Англіи, кромѣ парламентовъ, важны фабрики, купеческія конторы и рабочій классъ народа; въ Германіи всего важнѣе университеты; но во Франціи, прежде всего — улицы, кафе, театры, бульвары и гулянья. У кого есть глаза, чтобъ видѣть, уши, чтобъ слышать, и разсудокъ, чтобъ понимать видимое и слышимое, — тотъ сейчасъ пойметъ, гдѣ на что должно обратить особенное вниманіе, и съ которой стороны должно взглянуть на предметъ, общій многимъ странамъ. Газеты издаются во всей Европѣ, такъ же, какъ и театры есть во всей Европѣ; но цѣлы

они или наслажденіе, или удобство жизни, а во Франціи — необходимость, насущный хлѣбъ, какъ въ старой Испаніи — бои съ быками и ауто-да-фе еретиковъ. Литература составляетъ важную сторону жизни каждаго европейскаго народа; но въ Германіи она тѣсно связана съ наукою, въ Англіи она — просто литература; въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ — обнародываніе богословскихъ мнѣній разныхъ сектъ, а во Франціи, литература — сама жизнь, по преимуществу народная, и тѣмъ менѣе обще-человѣческая. Опера въ Парижѣ — или наслажденіе немногихъ, или тщеславіе цѣлаго народа; а въ Италіи, это цѣлая жизнь, какъ во Франціи литература и журналистика. Итакъ, оставьте въ сторонѣ и длину, и ширину, и размѣры, и формы Nôtre Dame, Лувра, Тюльери, Пале-Рояля и пр., а лучше, если ужь заговорили о нихъ, разскажите намъ, какимъ образомъ возникли эти зданія изъ исторической жизни народа, и какими обстоятельствами, невозможными у всякаго другаго народа, сопровождалось ихъ построеніе: какъ смотритъ на нихъ народъ, какихъ событій въ его жизни были они театромъ или свидѣтелями. Не пересчитывайте число улицъ, не знакомьте насъ съ ихъ названіями: все это и мелко, и ничтожно, и трудно для памяти; а лучше скажите намъ, какъ толпится по нимъ живое народонаселеніе города: идетъ ли оно важно, размѣреннымъ шагомъ, съ скучною и апатическою физіономіею, или суетится, веселое, беззаботное, полное жизни и интереса. Словомъ, такъ покажите намъ народъ на улицѣ, чтобъ мы тотчасъ же узнали, каковъ онъ и у себя въ домѣ, а въ домѣ покажите намъ его такъ, чтобъ мы могли догадаться; каковъ онъ въ театрѣ. Стѣны ничего не значатъ: важны только люди.....

Для наблюдательнаго путешественника очень легко схватить характеристическія черты страны, потому что характеръ страны прежде всего сообщается вамъ самимъ, какъ прилипчивая болѣзнь. Въ Парижѣ, вамъ не посидится дома, хоть бы вы были мизантропъ, или подагрикъ: — вамъ захочется бѣгать съ утра до ночи по кафе, улицамъ, бульварамъ, театрамъ. Тамъ всего легче излечиться отъ русской хандры, или апатіи, и англійскаго сплина. Тамъ по неволѣ вы сдѣлаетесь говорливы, почувствуете охоту до вѣстей и новостей. Тамъ вы будете даже любезнымъ, хотя бы вы были семинаристъ, квакеръ, или степной житель. Въ Италіи (вообще) вы сдѣлаетесь обожателемъ прекрасной природы, хотя бы отъ роду не видѣли въ природѣ ничего другаго, кромѣ полей, которыя производятъ хлѣбъ, и навозу, которымъ удобряются поля; сдѣлаетесь меломаномъ, хотя бы уши ваши неспособны были отличить романса Глинки отъ пѣсни Шуберта, или уличной шарманки отъ скрыпки Оле-Буля. Въ Римѣ же вы непремѣнно сдѣлаетесь антикваріемъ и особенно *комментаторомъ*. Вся сущность науки тамъ въ комментаріяхъ. Понять Данта, какъ поэта — будетъ для васъ постороннимъ дѣломъ: вся ваша забота, вся дѣятельность и трудолюбіе устремятся на то, чтобъ на каждый стихъ Данта быть въ состояніи прочесть наизусть тысячу комментаріевъ. А Данта читать — наизустное дѣло — все равно, что купаться въ Адріатическомъ Морѣ... Избави васъ Богъ поддаваться этой страсти къ комментаріямъ, этому прилипчивому міазму: иначе вы воротитесь домой съ огромнымъ запасомъ пустыхъ комментаріевъ, но безъ живой души и здраваго смыслу, сдѣлаетесь страшнымъ педантомъ, заклятымъ врагомъ животворной идеи, наступленнымъ обожателемъ мертвой буквы, жаднымъ лакомкой до пергаментной гнили и фоліантной пыли... О, берегитесь, берегитесь! Иначе что за смѣшную роль будете вы играть, какъ лукаво будутъ улыбаться, слушая, какъ вы, въ высокопарныхъ фразахъ, прерываемыхъ точками, какъ будто отъ одышки, будете

производить въ геніи и Вальтеръ-Скотты какого-нибудь посредственнаго италіянскаго романиста, или кстати и не кстати обращаться къ классической почвѣ и голубому небу Италіи.

Часто путешественники вредятъ себѣ и своимъ книгамъ дурною замашкою видѣть въ той или другой странѣ не то, что въ ней есть. но то, что они заранѣе, еще у себя дома, рѣшились въ ней видѣть, въ-слѣдствіе одностороннихъ убѣжденій, закоренѣлыхъ предразсудковъ, или какихъ-нибудь внѣшнихъ цѣлей и корыстныхъ разсчетовъ. Нѣтъ ничего хуже кривыхъ и косыхъ взглядовъ; нѣтъ ничего несноснѣе искаженныхъ фактовъ. А факты можно искажать и не выдумывая лжи. Иностранецъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ праздничный день, можетъ встрѣтить на улицахъ много пьяныхъ мужиковъ, — и если онъ будетъ выходить изъ своей квартиры только по праздникамъ, и притомъ вечеромъ, то безъ всякой лжи будетъ въ правѣ написать, что на петербургскихъ улицахъ ему попадалось много пьянаго народу изъ черни; но будетъ ли онъ правъ, если напишетъ, что когда ни выйди въ Петербургѣ на улицу, всегда встрѣтишь множество пьяныхъ «джентльменовъ»? Во всѣхъ большихъ городахъ есть большіе пороки, и кто хочетъ искать въ нихъ только одной этой стороны, тотъ всегда найдетъ ее. Поэтому, нѣтъ ничего легче, какъ оклеветать, или превознести страну: не нужно выдумывать фактовъ, стоитъ только обратить вниманіе преимущественно на тѣ факты, которые подтверждаютъ заранѣе-составленное мнѣніе, закрывая глаза на тѣ которые противорѣчатъ этому мнѣнію. Такимъ образомъ, никого не обманывая вымышленною ложью, можно увѣрять, что Французы — народъ суровый, тяжелый, расчетливый, корыстный; а Англичане — народъ живой, легкій, увлекающійся, симпатичный и даже — чего добраго — гуманный!.. При этомъ случаѣ, очень-удобно, можно доказать, что все дѣ и все худо, что Европа гніетъ, что желѣзныя дороги ведутъ въ адъ, и тому подобныя странности... Но эти странности, — чтобъ не назвать ихъ иначе, — бываютъ еще смѣшнѣе, когда путешественникъ худо играетъ принятую на себя по разсчетамъ роль: когда, въ немъ невольно проглядываетъ подобострастное удивленіе къ предметамъ, въ-отношеніи къ которымъ онъ силится выказать притворное равнодушіе. Такъ иной, говоря съ презрѣніемъ о Беранже, Жоржѣ Зандѣ, Викторѣ Гюго, — вдругъ надаетъ на колѣни передъ какимъ-нибудь Ламартиномъ, какимъ-нибудь Альфредомъ де Виньи, какимъ-нибудь господиномъ *де*-Бальзакомъ. Такіе путешественники въ обоихъ случаяхъ обнаруживаютъ дикость нравовъ, несмягченныхъ цивилизаціею и образованіемъ.

Путешествія пишутся иногда въ формѣ ежедневныхъ записокъ, — и тогда центромъ описаній дѣлается личность самого путешественника. Эта форма чрезвычайно интересна и увлекательна. Разумѣется, для этого прежде всего нужно, чтобъ личность путешественника не только не оскорбляла своимъ цинизмомъ, но еще и заинтересовывала бы читателя благоуханнымъ впечатлѣніемъ своей непосредственности. Но каково же будетъ это «благоуханное впечатлѣніе», если путешественникъ разсказываетъ вамъ, какъ и что покупалъ онъ на площади?... Такая простонародная, площадная и циническая сцена не можетъ быть пріятна даже и тогда, когда дѣло идетъ о дырявомъ плащѣ; но каково же, когда вопросъ заключается въ сапогахъ, или въ чемъ-нибудь еще болѣе домашнемъ?.. Что за удовольствіе для читателя узнать, что нашъ путешественникъ такъ чуждъ чувства изящнаго, что приходитъ въ изступленіе при видѣ прекрасныхъ, но безполезныхъ вещей, которыми любитъ окружать себя образованное чувство даже и въ житейскихъ мелочахъ, и на которыя даже бѣдный, но эстетиче-

ски-настроенный человѣкъ нашего времени охотно удѣляетъ часть своихъ средствъ, какъ на необходимости?.. Нашъ вѣкъ не любитъ чопорной изъисканности въ формахъ, но онъ еще далѣе отъ цинической неопрятности въ наружности. Есть люди, которые и въ халатѣ умѣютъ быть пристойными; но есть люди, которые и во фракѣ оскорбляютъ чувство приличія. Авторъ можетъ показаться своимъ читателямъ и въ халатѣ; но подобныя фамильярности съ его стороны не должны впадать въ цинизмъ. Записки путешественника не только могутъ, должны быть просты; всему есть границы, полагаемыя чувствомъ и смысломъ, и отрывистыя отмѣтки, подобныя слѣдующимъ: «ѣли, легли спать; — вчера пошли было въ дешевый кабакъ обѣдать — на дорогѣ застигъ проливной дождь, — писали съ женой письма» напомнили бы собою записки прославленнаго Гоголемъ титулярнаго совѣтника Поприщина...»

Иногда путешествія пишутся въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ. Авторъ сперва описываетъ зданія, потомъ промышленость, нравы народа, и такъ далѣе, посвящая каждую главу на особый предметъ, о которомъ онъ уже не имѣетъ нужды говорить въ другихъ главахъ своей книги. Эта форма имѣетъ свою выгоду и свою хорошую сторону, представляя читателю рядъ отдѣльныхъ и цѣлыхъ картинъ. Если она теряетъ въ калейдоскопической живости описанія, за то дѣлаетъ безопаснѣе личность автора отъ непріятнаго впечатлѣнія на читателя. Г. Строевъ очень-хорошо поступилъ, избравъ эту форму, хотя къ описанію Парижа отрывочныя записки и всего лучше идутъ. Г. Строевъ болѣе или менѣе, но почти вездѣ избѣгъ исчисленныхъ нами недостатковъ, которые въ особенности вредятъ книгамъ путешествій. Правда, найдется въ его книгѣ нѣсколько ничего-незначущихъ выраженій въ родѣ «Сѣверной Пальмиры», подъ которою, незнаемъ почему, ему угодно разумѣть нашъ Петербургъ. Конечно, Петербургъ городъ великолѣпный и необыкновенно-красивый, но это совсѣмъ не причина называть его ни Пальмирою; ни Вавилономъ, ни другимъ древнимъ чуть-чуть недопотопнымъ городомъ, о которомъ мы не можемъ себѣ сдѣлать никакого представленія. Вообще, обыкновеніе называть новое старыми именами — Наполеона Цезаремъ, Барклая Фабіемъ, Кутузова сѣвернымъ Сципіономъ (для отличія отъ южнаго) прилично только для новыхъ изданій исторіи г. Кайданова, и развѣ еще литературщикамъ, подвизающимся въ заднихъ рядахъ фёльетонной литературы. Можно еще упрекнуть г. Строева за разсужденія, хоть ихъ у него — слава Богу — и немного. Такъ, напримѣръ, онъ могъ бы, безъ всякаго ущерба, но съ явною выгодою для своей книги, уволить насъ отъ своихъ взглядовъ на современную французскую литературу, ограничиваясь фактами и не мудрствуя... Мы охотно вѣримъ, что г. Строеву, какъ бывшему фёльетонисту и автору давно-забытыхъ (по счастію для него) «Сценъ Петербургской Жизни», Бальзакъ кажется великимъ романистомъ. Г. Бальзакъ дѣйствительно колоссъ передъ всѣми нашими *бальзачниками*, которые съ такимъ подробнымъ анализомъ расплываются въ описаніи будуара, наряда, движеній и сердецъ своихъ графинь, княгинь и княженъ. Одно уже то, что Бальзакъ всегда шелъ своею дорогою и не только никому не подражалъ, но родилъ тысячи плохихъ подражателей, доказываетъ, что Бальзакъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ. Онъ большой мастеръ разсказывать, и еслибъ не расплывался въ водяномъ и растянутомъ многословіи, которое онъ выдаетъ за тонкій анализъ платья, комнатъ, душъ, сердецъ, страстей и чувствъ — плодъ будто-бы глубокой наблюдательности; еслибъ онъ не выдумывалъ графинь и маркизъ, какія существуютъ только въ

его воображенія, прикованномъ къ прихожимъ салоновъ, а описывалъ болѣе-доступную и болѣе-знакомую ему дѣйствительность, — онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ писателей втораго или третьяго разряда, не былъ бы теперь забытъ и осмѣянъ въ Парижѣ, не выписался бы такъ скоро и не издавалъ бы плохихъ статеекъ подъ фирмою плохаго «Revue parisienne». Также мы охотно вѣримъ, что г. Строеву не можетъ слишкомъ нравиться г-жа Дюдеванъ: у всякаго свой вкусъ. И потому мы не будемъ спорить съ г. Строевымъ, а скажемъ просто, что его книга о Парижѣ чрезвычайно-любопытна по содержанію, богата фактами, хорошо написана, живо изложена, — и вообще такъ интересна, что трудно отъ нея оторваться.

85) **Русская Грамматика Александра Востокова**, *по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная.* Изданіе пятое. *Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1842. Въ 8-ю д. л. XXII и 417 стр.*

Грамматика г. Востокова до-сихъ-поръ лучшая и единственно-хорошая русская грамматика. Преподаватели и учащіеся жалуются на тяжеловатость изложенія его грамматики; до нѣкоторой степени, нельзя не согласиться съ справедливостію этихъ жалобъ, и вообще въ ней найдутся, можетъ-быть, нѣкоторые другіе недостатки. Но, несмотря на то, до-сихъ-поръ, она — лучшій и единственный сборникъ превосходныхъ матеріаловъ для составленія хорошей *учебной* русской грамматики. А *пока* она лучшая и между *учебными* грамматиками: спросите любаго ученика, чья система спряженій и вообще глаголовъ понятнѣе и проще — г. Востокова, или г. Греча, — и ученикъ отвѣтитъ вамъ... Да что ученикъ? — спросите лучше самихъ себя, въ состояніи ли вы сами понять хоть что-нибудь въ системѣ глаголовъ и спряженій г. Греча? ... и

86) **Сочиненія Гёте.** *Выпускъ I. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и К°. 1842. Въ 8-ю д. л. 82, 27, 23 и 14 стр.* (Цѣна 1 р. сер.; вѣсовыхъ за 2 фунта).

Немного въ мірѣ поэтовъ написали столько великаго и безсмертнаго, какъ Гёте, и ни одинъ изъ міровыхъ поэтовъ не написалъ столько разнаго балласту и разныхъ пустяковъ, какъ Гёте. О причинахъ этого явленія здѣсь не мѣсто и не время распространяться; впрочемъ, мы думаемъ, причина эта заключается въ томъ, что Гёте былъ столько же *Нѣмецъ*, сколько и *Германецъ*, тогда-какъ Шиллеръ, на-пр., былъ только *Германецъ* — прямой потомокъ *Арминіевъ*, и нисколько не родня *Иванамъ Ивановичамъ* и *Адамамъ Адамовичамъ*... Неизвѣстные господа, взявшіеся переводить всего Гёте, начали именно съ тѣхъ его произведеній, которыя, любя его славу и геній, должно бы было перевести послѣ всего. «Братъ и Сестра» — сладенькое произведеньице во вкусѣ XVIII вѣка. «Клавиго» уже извѣстенъ по хорошему переводу г. Струговщикова. «Добрыя Женщины» (разсказъ) — что-то такое, подъ чѣмъ если подписать имя какого-нибудь обыкновеннаго нѣмецкаго писателя, то никто и читать не станетъ, и что, даже при имени Гёте, трудно дочесть до конца. «Простое Подражаніе Природѣ, Манера, Стиль» и «О Лаокоонѣ» — очень интересныя, хоть и небольшія статьи. Статейки, означенныя общимъ именемъ «Мелкія Статьи» — незначительны. Неизвѣстные переводчики, переводя Гёте, словно издаютъ журналъ: первый выпускъ у нихъ раздѣленъ на отдѣленія; — впереди всего драмы, потомъ повѣсти; далѣе, ученыя статьи, а наконецъ — смѣсь; каждое отдѣленіе имѣетъ особую нумерацію, такъ-что, по окончаніи всего перевода, подписчикъ будетъ лишенъ возможности переплести его въ одну книгу. По извѣстію о содержаніи втораго выпуска видно, что штука эта будетъ повторяться съ каждымъ выпускомъ. Хорошо бы если

ничего, лишь бы хорошо переводили; особенно худо то, что встрѣчаются фразы, подобныя слѣдующимъ: «Я никогда не встрѣчалъ человѣка, болѣе высокомѣрнаго, *нежели какъ* я самъ»; «Еслибы даже возложили на меня вѣнецъ — я подумалъ бы, что разумѣется само собою (??!!...), и именно по этому я былъ такой же человѣкъ, какъ всѣ другіе люди», и пр.

Не понимаемъ, къ какой стати и по какому праву гг. переводчики разбиваютъ автобіографію Гёте на клочки и отрывки, которые нисколько не интересны, тогда-какъ эта автобіографія чрезвычайно-интересна. Вообще, видно, что это предпріятіе придумано наскоро и нисколько необдумано, что у трудящихся нѣтъ ни плана, ни цѣли, что каждый изъ нихъ — кто во что́ горазды... А между-тѣмъ, господамъ-переводчикамъ не мѣшало бы подумать о томъ, что́ они дѣлаютъ: вѣдь если они порядочно переведутъ только прозаическія сочиненія Гёте, и тогда дѣло ихъ будетъ почтенно и заслужитъ благодарность. Зачѣмъ шалить тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о важномъ предметѣ, не о пустякахъ какихъ-нибудь? Пусть бы принялись они за Гёте посерьёзнѣе, да начали переводить прежде всего тѣ изъ его произведеній, которыя могутъ поднять, а не уронить его на святой Руси. Чего бы лучше начать съ «Вильгельма Мейстера», «Wahlverwanschaften» или, если ужь съ драмъ, такъ съ «Гёца фон-Берлихингена», изуродованнаго на Руси дряннымъ переводомъ, въ которомъ дѣйствующія лица драмы Гёте выражаются языкомъ московскихъ брадатыхъ торговцовъ и извощиковъ?..

87) Карманный Пѣсенникъ, *или собраніе новѣйшихъ куплетовъ изъ оперъ и водевилей. Собранъ* А. Андрѣ(е)евымъ. *Въ двухъ частяхъ.* Изданіе второе, *съ дополненіемъ. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ. 1842. Въ 16-ю д. л. 146 стр.*

Всякій «Новѣйшій Пѣсенникъ», выходящій изъ русской типографіи, — будетъ ли онъ карманный или некарманный, не что иное, какъ книгопродавческая спекуляція на карманы — это уже наконецъ литературная аксіома, для которой не нужно ни примѣровъ, ни доказательствъ. Любопытно однако иногда узнать, что́ такое собиратель называетъ пѣснею или куплетомъ, и какъ онъ выбираетъ ихъ въ свой «избранный» пѣсенникъ? На-прим., г. Андрѣ(е)евъ — что́ бы такое прибралъ онъ для своего «собранія» пѣсень и новѣйшихъ куплетовъ? О, тутъ есть вещи... Послушайте: отдѣлъ I-й, пѣсни *русскія и любовныя:*

> Не гордитесь, красны дѣвки,
> Ваши взоры намъ издѣвки...

Или:

> Внимай, внимай теперь драгая:
> Отважу, на слова, себя,
> Скажу, что лишь глаза казали,
> И, можетъ быть, давно сказали,
> Внимай то: я люблю тебя.

Или:

> Отлети ты, мысль любовна,
> Я невѣрнымъ не горю;
> Я и тѣмъ уже виновна,
> Что объ немъ я говорю.

Г. Андрѣевъ, кажется, совершенно увѣренъ, что все это пѣсни, пѣсни и пѣсни! Но куплеты, то-есть, куплетцы, еще интереснѣе; ихъ сочиняли доморощеные куплетисты Н. С. и А. С., и потому они отличаются особенною наивностію. Г-нъ А. С. особенно нѣженъ и игривъ въ куплетахъ:

> «Если дѣвушки *метресы,*
> Бросимъ *мудрости умы,*
> Если дѣвушки *тигресы,*
> Будемъ тигры *такъ и мы!*

Достаточно, совершенно-достаточно! Нельзя еще лучше высказаться въ одномъ куплетѣ, въ одномъ четырехстишномъ куплетѣ! Теперь мы вполнѣ узнали г-на А. С. Ка́къ жаль, однако, что не приложенъ еще портретъ автора! Любопытно было бы взглянуть...

88) Буря 30-го мая 1841 года. *Москва. Въ тип. А. Евреинова. 1841. Въ*

12-ю д. л. 47 стр. (Цѣна 1 р. 40 ас. вѣсов. за 1 фунтъ.)

Если говорить правду, то бури здѣсь нѣтъ никакой, и книжка такъ же справедливо могла бы быть названа «Чепухою», какъ теперь называется «Бурею». Но дѣло не въ томъ: здѣсь есть слогъ,—и какой слогъ? слогъ А. А. Орлова. Рѣдко можно встрѣтить въ литературѣ явленіе болѣе утѣшительное! Слогъ Александра Анфимовича воскресаетъ, — этотъ грязный, неумытый слогъ, пересыпанный учеными терминами. Наконецъ, почитатели таланта покойнаго съ торжествомъ могутъ воскликнуть на весь міръ: «эврика!». Гдѣ и почему скрывался до-сихъ-поръ ученикъ знаменитаго мастера, это намъ неизвѣстно; но что теперь онъ въ-очью появляется, это не подлежитъ болѣе сомнѣнію. Посмотрите: «Дядя Иванъ радехонекъ былъ до nec plus ultra, въ особенности когда я, со сторицею, возвратилъ ему ущербъ, нанесенный моею утробой». Или это: «Бѣднаго Петра Ануфріевича этотъ шопотъ коробилъ въ дугу.» Еще «Дядя мой безпрестанно погромыхивая денежками, ни на минуту не умолкалъ въ похвалахъ покойному; готовъ былъ замѣнить четырехъ скотовъ, и на своихъ раменахъ стащить его милость въ могилку. День похоронъ былъ днемъ его гастрономическаго торжества. Лишь только онъ ввалилъ въ себѣ въ домъ, ребятишки тотчасъ выгрузили его кармаиы, начиненные миндальнымъ, ветчиной, блинами, и проч.» — Наконецъ вотъ что можемъ считать дѣломъ рѣшенымъ: великій мастеръ нашелъ себѣ достойнаго подмастерья!.. Сходство поразительное: та же грязь, нечистота, тотъ же цинизмъ въ каждой чертѣ, и въ то же время — остроуміе и ученость! Извѣстно, что только покойный А. А. Орловъ могъ согласить въ своихъ твореніяхъ подобныя несовмѣстныя понятія. Намъ остается пожалѣть объ одномъ — что имя такого оригинальнаго писателя, какъ авторъ «Бури», пока остается подъ завѣсою неизвѣстности. Конечно, онъ умолчалъ объ этомъ по скромности...

89) Пять Стихотвореній. Н. Ступина. *Въ пользу нуждающихся соотечественниковъ. Спб. 1842. (Типографіи не означено). Въ 32-ю д. л. 39 стр.*

Не знаемъ, какимъ образомъ поможетъ г. Ступинъ «нуждающимся соотечественникамъ» своими «Пятью Стихотвореніями»... Вѣрно, онъ думаетъ, что его стихотворенія будутъ покупаться?.. Увы, мы не думаемъ этого: потому-что ради чего покупать пять стихотвореній г. Ступина? Если ради поэзіи, — ея нѣтъ въ нихъ; если ради благотворительности, — то не лучше ли прямо подать нуждающемуся, не подвергаясь скукѣ читать плохіе стихи. А не-уже-ли такіе стихи — хороши:

Кто всенародно *торгошитъ* (?)
Стихотворенія искуствомъ (?)
Тотъ не простительно грѣшитъ
Предъ вдохновеніемъ и чувствомъ.
Онъ сребролюбецъ, онъ купецъ,
Онъ не поэтъ, не свѣтлый геній,
Поденьщикъ жалкій, *злой скупецъ*,
Онъ продавецъ стихотвореній!

Помилуйте, да это просто — вирши, которыхъ никому и даромъ не нужно! Ужь конечно, г. Ступину никогда не прійдется «торгошить искусствомъ стихотворенія», хотя бы ему и вздумалось заняться этою вѣтвію промышлености: онъ по-неволѣ останется чистъ въ такомъ грѣхѣ... Такъ точно есть люди, которые нападаютъ на преступленіе—имѣть слишкомъ много ума, ибо-де умъ часто вводитъ въ грѣхъ: положимъ, что и такъ, да они-то изъ чего хлопочутъ? — вѣдь они, уже самымъ своимъ мнѣніемъ о вредѣ ума, избавлены отъ грѣховъ, а до другихъ имъ что за дѣло?..

90) Репертуаръ Русскаго и Пантеонъ Всѣхъ Европейскихъ Театровъ, *на 1842 годъ. Изданіе* Н. Песоцкаго. *Санктпетербургъ.* 1842. №№ 1. 2. 3. 4.

Соединеніе *двухъ* названій на заглавномъ листкѣ *одного* изданія не новость на Руси: такъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ» долго играли, во взаимныхъ объятіяхъ, роль двуутробки; обнявшіеся «Репертуаръ» и «Пантеонъ» — вторая, если не ошибаемся, двойчатка въ русской литературѣ: она представляетъ собою самый разительный примѣръ измѣнчивости судебъ всего подлуннаго и умилительное зрѣлище примирившихся враговъ, которые. въ порывѣ новой дружбы, смѣнившей старую вражду, такъ и хотятъ задушить другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ... Но сущность дѣла заключается въ самомъ дѣлѣ, а не въ его названіи. Такъ иная книга смѣло называетъ себя, на-прим., исторіею русскаго народа, а въ-самомъ-то дѣлѣ есть перефразировка исторіи Карамзина, сдобренная высшими взглядами, высокопарными философскими выходками, не кстати приводимыми и плохо понятыми идеями Гизо, Тьери, Нибура; такъ иное сочиненіе смѣло называетъ себя «драматическимъ представленіемъ», тогда, какъ въ-самомъ-то дѣлѣ оно есть оскорбительная пародія на великое созданіе величайшаго генія нелѣпость, оскорбляющая и эстетическій вкусъ, и здравый смыслъ... Такъ и «Репертуаръ», соединившись съ «Пантеономъ», измѣнился и расширился только въ заглавномъ своемъ листкѣ. сжавшись однако въ числѣ листовъ: все же прочее осталось въ немъ по прежнему, развѣ съ тою разницею, что стало еще хуже, чѣмъ было прежде. Эта разница неоспоримо доказывается содержаніемъ первыхъ четырехъ книжекъ журнала - двойчатки. Вотъ что́ говоритъ редакція на 39 стр. первой книжки: «Въ прошедшіе три года, удерживаясь въ сихъ предѣлахъ, Репертуаръ нерѣдко затруднялся при печатаніи піесъ, *принужденный* иногда выбирать не изъ *хорошаго лучшее*, а изъ ДУРНАГО ПОСРЕДСТВЕННОЕ». И такъ, «Репертуаръ» наконецъ самъ съ наивною откровенностію сознался, что цѣлые три года выбиралъ онъ *изъ дурнаго посредственное*, и слѣдовательно набивался одною *посредственностію!*.. Къ этому прибавлять не́чего: собственное сознаніе паче всякаго свидѣтельства... Можно развѣ замѣтить, что слово «посредственный» употреблено редакціею изъ деликатности къ собственному самолюбію, и замѣняетъ слова «вздоръ» и «пустяки»... «Но, — продолжаетъ *откровенная* въ прошедшемъ и *осторожная* въ настоящемъ редакція, — «нынѣ это неудобство устранено: соединившись съ Пантеономъ, Репертуаръ раздвигаетъ предѣлы свои и, не ограничиваясь піесами игранными, будетъ давать читателямъ своимъ такія оригинальныя и переводныя піесы, которыя хотя бы не были, но могутъ быть играны на русской сценѣ». Мы сами думаемъ, что «Репертуаръ» будетъ давать такія пьесы: ибо онъ уже перевелъ съ французскаго на-скорую-руку новую пьесу Скриба «Цѣпь»; но кромѣ ея, онъ печатаетъ все игранныя на сценѣ чудища театральнаго міра: «Отецъ и Дочь» — пошлость первой величины; «Елена Глинская» — скучная и длинная пародія на шекспирова «Макбета»: «Приключеніе на искуственныхъ водахъ» — комедія-водевиль, передѣланный съ французскаго г. П. Каратыгинымъ, конечно, въ тысячу разъ лучше «Отца и Дочери» и «Елены Глинской», но эта бездѣлка хороша на сценѣ, особенно если хорошо играется, а не въ печати. Вотъ драматическія сокровища, напечатанныя въ четырехъ первыхъ книжкахъ «Репертуара и Пантеона»: было изъ чего и соединяться, какъ-будто бы для подобныхъ пустяковъ нужны соединенныя силы!..

Изъ статей не-драматическихъ, самыя замѣчательныя въ этихъ четырехъ книжкахъ «Репертуара» «Отрывки изъ философическихъ записокъ суфлера, Фоки Савельича Пѣтушкова» Ѳ. Булгарина, и «Обзоръ русской драматической словесности» князя А. А. Шаховскаго. Извѣстно всѣмъ, что г.

Булгаринъ особенно силенъ въ статьяхъ юмористическихъ. Вотъ образчики дивнаго остроумія его, украсившіе собою первую книжку «Репертуара» на нынѣшній годъ:

«Однажды (слова суфлёра), за столомъ, на имянинахъ жены его (подрядчика), попросилъ онъ прочесть монологъ изъ *Андромахи*, графа Хвостова. Передо мною стояло преогромное блюдо съ воздушнымъ пирожнымъ, называемымъ *безе!* Я какъ рванулъ, со всего размаха, первый монологъ, такъ всѣ пирожки разлетѣлись съ блюда, какъ пчелы изъ улья, и улеглись на прическахъ купеческихъ женъ и дочекъ, убранныхъ руками парикмахеровъ изъ-подъ вывѣски: *Здѣсь брѣютъ и кровь отворяютъ.* Пошла кутерьма! У одной дамы пирожокъ оттянулъ локонъ и, прилѣпившись къ лицу, снялъ слой свинцовыхъ бѣлилъ и сурьмы; у другой сѣлъ на чепцѣ, какъ ворона на гнѣздѣ: у третьей залѣпилъ глазъ, которымъ она умильно посматривала на путейскаго офицера,» и т. п.

Не правда ли: какъ все это остро и мило, безъ натяжки, безъ преувеличенія, безъ дурнаго тона?.. Мы увѣрены, что почитатели «Репертуара» *животики надорвали,* хохоча до слезъ и крича: «Ай, уморушка! ну, ужь господинъ-Булгаринъ! распотѣшилъ душеньку!»

«Мѣсто мое самое *не видное* въ театрѣ». Острота!..

«Будучи, такъ сказать, попираемъ *ногами* актеровъ, я всегда въ *головѣ* у нихъ». Каламбуръ!

«Кузнецъ праздновалъ крестины, и мѣхъ въ тотъ день не *надувалъ*, а ночью *надули* кузнеца, и украли у него мѣхъ».

«Я чтобъ отдѣлаться отъ него, приказалъ ему прійти къ себѣ за мѣхомъ, давъ адресъ не свой, а извѣстнаго актера-*надувалы*, который у авторовъ передъ бенефисомъ лапки *сосетъ*, а послѣ бенефиса честь ихъ *грызетъ*».

«Бенефиціанты жестоко *надуваютъ* почтеннѣйшую публику, а она хотя и *надувается*, но все-таки платитъ деньги».

Но лучшая острота во всей статьѣ — это «излеченіе отъ гнѣва *декоктомъ дубинорумъ*»!!!...

«Обзоръ Русской Драматической Словесности» есть какой-то запоздалый голосъ, нескладно-вопіющій о геніи Сумарокова, съ важностію разбирающій красоты его трагедій. Статья начинается такъ:

«Предки наши, Славяне, занимавшіе пространство отъ Балтійскаго до Чернаго морей, и въ соединеніи съ норманскими воинами составлявшіе одно обширное государсто» и проч.

Скажите на милость: какое отношеніе имѣютъ Славяне и Норманы, Балтійское и Черное Море къ русскому театру, начавшемуся въ губернскомъ городѣ Ярославлѣ, въ половинѣ XVIII вѣка?.. Мнѣнія, изложенныя въ этой статьѣ, такъ вѣрны, что даже редакція «Репертуара» принуждена была, на каждой страницѣ, дѣлать оговорки въ выноскахъ: «Это мнѣніе *почтеннаго* автора сей статьи, а не редакціи Репертуара»... Такъ зачѣмъ же было помѣщать все это?.. Вѣрно, затѣмъ, что ваше изданіе есть корзина, въ которую каждый можетъ бросать все, что ему вздумается?..

О критикѣ «Репертуара» много говорить нечего, кромѣ того, что здѣсь набиваютъ руку и вострятъ свое перо и способности дѣти, которымъ страхъ-какъ хочется поскорѣе имѣть усы и быть литераторами: это замѣтно и по взглядамъ, и по понятіямъ, и по слогу, и подѣтскому неумѣнію выражаться грамотно и складно...

Въ *Смѣси* помѣщаются разные остроумные куплеты изъ такихъ водевилей, которые даже «Репертуару» совѣстно было принять на свои страницы. Вотъ для образчика:

Я одурѣлъ, я ошалѣлъ
И отъ вина, и отъ испуга;
Съ начала до конца ревѣлъ,
Какъ быкъ, иль во сто пудъ бѣлуга!
Ну, словомъ, всѣхъ я удивилъ,
И пьесу *дьявольски* украсилъ:
Луизѣ ногу отдавилъ
И президенту носъ разквасилъ.

Скажите, Бога ради: для *кого* печатаются всѣ эти плоскости и пошлости? Не-уже-ли у «Репертуара» можетъ быть своя публика?..

91) **Руководство къ Производству Хозяйственной Съемки, Межеванія и Нивеллированія.** А. Болотова, *генеральнаго штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора геодезіи. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. XII и 362 стр. Съ 4-мя таблицами и 9-ю чертежами.* (Цѣна 10 р., съ перес. 12 р. асс.)

Авторъ этого сочиненія уже не въ первый разъ является передъ читателями съ результатами трудовъ своихъ: Въ 1837 году, издалъ онъ «Геодезію», заключавшую въ себѣ сводъ лекцій, преподаваемыхъ имъ въ Императорской Военной Акамедіи. Не смотря на неотъемлемое достоинство этой книги, намъ кажется, что авторъ не имѣлъ досуга развить всѣ предметы, заключающіеся въ его «Геодезіи», до такой степени, которая удовлетворяла бы требованія людей, посвященныхъ въ таинства науки. По всей вѣроятности, г. Болотовъ предполагалъ при преподаваніи распространять и измѣнять по усмотрѣнію различныя статьи своего сочиненія, и потому изложилъ нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ-сжато, а въ другихъ довольствовался одними лишь намеками (*).

«Руководство къ Производству Хозяйственной Съемки», нынѣ изданное г-мъ Болотовымъ — отнюдь не переводъ какого-нибудь иностраннаго сочиненія, ни компиляція изъ различныхъ книгъ по предмету съёмки написанныхъ, но напротивъ — сочиненіе оригинальное, составленное для русскихъ съёмщиковъ, на основаніи Высочайше-утвержденныхъ межевыхъ постановленій. Авторъ, имѣя въ виду сдѣлать свою книгу доступною для большей части читателей, ограничивался при изложеніи содержащихся въ ней предметовъ первыми началами геометріи.

Сочиненіе г. Болотова состоитъ изъ восьми главъ. Глава 1-я, служащая введеніемъ, заключаетъ въ себѣ предварительныя понятія о планахъ различнаго рода. Весьма замѣчателенъ въ ней способъ черченія угловъ посредствомъ таблицы хордъ: хоть этотъ способъ отнюдь не новъ, однакожь онъ у насъ въ Россіи не употребителенъ, при всемъ превосходствѣ своемъ, не только надъ простыми транспортирами, но и надъ транспортирами съ ноніусами. Еще въ 1822 году, изданы были г. Рейссигомъ таблицы хордъ съ подробнымъ описаніемъ употребленія ихъ, но онѣ были оставлены безъ вниманія, вѣроятно потому-что длины хордъ въ нихъ выражены въ десятитысячныхъ частяхъ радіуса: такое дробное выраженіе неудобно въ практикѣ и можетъ затруднять несвѣдущихъ въ математикѣ. Въ разсматриваемой же нами книгѣ, длины хордъ выражены въ тысячныхъ доляхъ радіуса, и потому, для построенія угловъ по этимъ таблицамъ, можно употреблять обыкновенные масштабы съ раздѣленіемъ дюйма на сто частей. Для сокращенія же самой таблицы, въ ней помѣщены только хорды соотвѣтствующія угламъ, разнствующимъ между собою отъ 5 до 5′, что для практическаго употребленія весьма достаточно, по той причинѣ, что посредствомъ лучшихъ астролябій, употребляемыхъ нашими землемѣрами, невозможно отсчитывать углы точнѣе, какъ отъ 5 до 5′.

Во 2-й главѣ, говорится о вѣшеніи и измѣреніи линій и объ эккерѣ: первая половина ея необходима для каждаго съёмщика, потому-что всѣ изложенныя въ ней правила для вѣшенія и измѣренія линій могутъ служить при всѣхъ родахъ съёмокъ; вторая же

(*) Мы слышали, что г. Болотовъ приготовляетъ теперь второе изданіе своей «Геодезіи», которой вся первая часть будетъ изложена совершенно въ иномъ видѣ, и читатели найдутъ въ этомъ сочиненіи полное руководство къ производству геодезическихъ и астрономическихъ дѣйствій, сообразно современному состоянію науки въ Германіи.

половина должна принести весьма-большую пользу въ-особенности всѣмъ сельскимъ хозяевамъ, которые найдутъ въ ней полное руководство для съёмки безъ всѣхъ вообще инструментовъ, исключая эккера, который можетъ быть сдѣланъ всякимъ плотникомъ. При этомъ долгомъ считаемъ обратить вниманіе читателей на пользу, которая можетъ быть доставлена тѣмъ сельскимъ хозяевамъ, кои не имѣя никакихъ угломѣрныхъ орудій, желали бы означить на планѣ окружную межу своихъ владѣній, или по плану произвести размежовку. Пріемы къ тому служащіе, предложенные во всей подробности на стр. 43—51-й, ни у кого не заимствованы авторомъ, но принадлежатъ исключительно ему-самому.

Глава 3-я, о буссоляхъ, написанная, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ, — *для землемѣровъ и лѣсничихъ*, не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго и составлена со всевозможною полнотою. Читатели найдутъ въ ней описаніе способовъ, служащихъ для намагничиванія и для опредѣленія склоненія стрѣлки (въ числѣ послѣднихъ, весьма-замѣчателенъ способъ посредствомъ таблицъ, придуманныхъ авторомъ). Подробное руководство для съёмки буссолью, въ этой главѣ помѣщенное, можетъ принести большую пользу не только гражданскимъ, но и военнымъ съёмщикамъ.

Въ главѣ 4-ой, о мензулѣ, предложено описаніе устройства, повѣрки и производства съёмки этимъ инструментомъ, гораздо-полнѣе и удовлетворительнѣе, нежели въ «Геодезіи», прежде изданной авторомъ. Въ этой статьѣ заслуживаетъ преимущественно вниманіе читателей описаніе новой мензулы г. Рейссига, нынѣ вводимой въ употребленіе на всѣхъ государственныхъ съёмкахъ.

Глава 5-я, объ астролябіи, — одна изъ важнѣйшихъ, по множеству совершенно-новыхъ статей, въ ней заключающихся; примѣчательнѣйшія изъ нихъ: повѣрка астролябіи; причины, почему часто не смыкаются на бумагѣ фигуры, снятыя астролябіею: способы исправлять это неудобство: полное руководство къ опредѣленію румбическихъ угловъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ намагниченныя стрѣлки вовсе не дѣйствуютъ, и къ возобновленію истребившихся на мѣстности межниковъ, и проч.

Въ главѣ 6-ой, о рѣшеніи различныхъ вопросовъ по снятымъ планамъ, помѣщены статьи: 1) опредѣленіе количества земли; 2) межеваніе; 3) нарѣзка десятинъ, и 4) проложеніе въ лѣсу просѣкъ: въ первой изъ нихъ, должно обратить вниманіе на описаніе *агрометра*, весьма замысловатаго и полезнаго въ практикѣ инструмента, недавно изобрѣтеннаго г. Бибиковымъ. Въ статьѣ о межеваніи, изложенной съ большими подробностями, замѣчательны геометрическіе пріемы, служащіе для дѣленія площадей въ содержаніи данныхъ чиселъ, и описаніе производства размежовки земель разнокачественной почвы и цѣнности.

Въ главѣ 7-ой, о лѣсной съёмкѣ, объясняется во всей подробности: какіе именно мѣстные предметы должны быть обозначаемы на лѣсныхъ планахъ; какимъ образомъ должно раздѣлять лѣса на кварталы, для введенія правильнаго лѣсохозяйства, и какіе пріемы употребляются при производствѣ лѣсной съёмки; въ заключеніе этой статьи, описаны различные роды лѣсныхъ плановъ, на основаніи правилъ принятыхъ учеными лѣсничими.

Глава 8-я, о нивеллированіи, написанная собственно для нашихъ инженеровъ, составлена авторомъ гораздо-удовлетворительнѣе, нежели статья о томъ же предметѣ, помѣщенная въ его «Геодезіи», и бывшая одною изъ слабѣйшихъ частей всего сочиненія. Напротивъ, въ статьѣ о нивеллированіи въ разсматриваемой нами книгѣ, читатели найдутъ много такихъ практическихъ замѣчаній, которыхъ мы до-сихъ-поръ не встрѣчали ни въ одной

изъ иностранныхъ геодезическихъ сочиненій.

Изъ этого поверхностнаго обзора книги г-на Болотова читатели могутъ судить какъ о богатствѣ ея содержанія, такъ и о пользѣ, которую можетъ принести ея изученіе нашимъ съёмщикамъ. Это сочиненіе есть плодъ трехлѣтнихъ занятій человѣка, душою преданнаго наукѣ. Изданіе книги, производившееся подъ руководствомъ самого автора, весьма-исправно и опрятно; чертежи, при ней находящіеся, отличаются ясностью и чистотою отдѣлки.

92) **Росписаніе Трактовъ** *отъ Санктпетербурга и другихъ важнѣйшихъ мѣстъ Россійской Имперіи, съ означеніемъ ра(з)счета (.) сколько слѣдуетъ платить прогоновъ за двѣ лошади на каждой станціи и съ алфавитнымъ указателемъ городовъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера и сына. 1842. Въ 16-ю д. л. 178 стр.* (Цѣна 75 коп. сер., съ перес. 1 р. сер).

Полное, хоть и не совсѣмъ грамотное, заглавіе этой книжки избавляетъ насъ отъ труда говорить о ея назначеніи, а тѣмъ болѣе о пользѣ, которая для людей, отправляющихся въ путь, несомнѣнна.

93) **Атласъ Музеума Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.** *Томъ I. Тетрадь VII. Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 8 стр.*

Содержаніе седьмой тетради — слѣдующее: «Приготовленіе животнаго угля», «Луговой скобель или Кротовая борона», «Паровой приборъ для растапливанія воска», «Кочкорѣзъ», «Циркуль для измѣренія окружностей» — съ чертежами весьма-хорошо-исполненными.

94) **Появленіе Искусственнаго Ухода за Пчелами между Крестьянами въ Россіи.** *Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 28 стр., съ рисунками въ текстѣ.*

Эта брошюрка заключаетъ въ себѣ пріятное извѣстіе, что одинъ мужичокъ, нанимавшійся для работы въ школѣ пчеловодства г. Прокоповича, близъ Батурина, перенялъ разные пріемы содержанія пчелъ; отъ него, по дознанной пользѣ, тѣ свѣдѣнія распространились по раскольничьимъ слободамъ Черниговской Губерніи, Уѣздовъ Стародубскаго и Новозыбковскаго, а отсюда уже по Губерніямъ Курской, Орловской, Полтавской, Кіевской, Подольской, Могилевской, Тверской, Тамбовской и Воронежской. «Плата за надзоръ и веденіе пасѣки» говоритъ сочинитель, г. Пакорскій-Журавко: «бываетъ отъ 800 до 1,200 рублей и болѣе въ лѣто, смотря по числу ульевъ». Это доказываетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ существуютъ огромные пчельники, и ими весьма-прилежно занимаются, что они даютъ большіе доходы, и что ремесло пчелинца у насъ быстро будетъ распространяться, представляя ощутительныя выгоды.

95) **Ручная Книга Русской Опытной Хозяйки,** *составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй хозяйки русской. Санктпетербургъ. 1841. Въ тип. Іогансона. Въ 12-ю д. л. XV и 315 стр.*

Для того, чтобъ постигнуть все то, что̀ содержитъ въ себѣ эта книжечка, не нужно 40 лѣтъ. У насъ еще нѣтъ сочиненія о домашнемъ хозяйствѣ, которое содержало бы въ себѣ систематическое описаніе свойствъ всѣхъ предметовъ кухни и проч., дѣйствія ихъ на организмъ человѣка и животныхъ, въ разныхъ видахъ, средства разведенія, собиранія, сбереженія, и пр. и пр. Но объ этомъ, можетъ-быть, поговоримъ послѣ.

Главный недостатокъ разсматриваемой книжки тотъ, что она дорогá (1 р. 50 к. сереб. для кухарокъ много!)

96) **Посредникъ** *или изложеніе способовъ полюбовнаго спеціальнаго размежеванія общихъ и чрезполосныхъ земель, съ прибавленіемъ формъ и проэктовъ объявленій, довѣренностей, полюбовныхъ сказокъ, мѣновыхъ записей и другихъ актовъ, по всѣмъ случаямъ размежеванія. Ручная книжка для поземельныхъ владѣльцевъ. Составлена авторомъ Канцелярскаго Самоучителя* Θедоромъ Русановымъ. *Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1842. Въ 12-ю д. л. 160 стр.* (Цѣна 5 р. ассиг., вѣсов. за фунтъ).

Книга къ случаю, потому-что всѣ помѣщики заняты теперь межеваніемъ. Правда, она немножко опоздала, потому-что изъ среды дворянства выбираются теперь *посредники* — не книги, а живыя сущеcтва, помѣщики, но и *посредникамъ-дворянамъ* не мѣшаетъ, на всякій случай, запастись *посредникомъ-книгой*, гдѣ правила размежеванія изложены ясно, съ надлежащею подробностію.

97) **О Рожкахъ или Спорыньѣ,** *появляющихся въ ржаныхъ колосьяхъ, и болѣзни, происходящей отъ употребленія ихъ въ пищу въ хлѣбѣ.* Второе изданіе. *Москва. Въ тип. В. Кирилова. 1842. Въ 12-ю д. л. 32 стр., съ двумя рисунками.*

Эта брошюра, достигшая втораго изданія, есть не что иное, какъ статья, перепечатанная изъ 12-го нумера «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», за 1838 годъ. Одинъ изъ рисунковъ представляетъ изображеніе колоса съ рожками, а другой — чертежъ вѣялки съ жолобомъ для отдѣленія рожковъ отъ ржаныхъ зеренъ.

98) **О Постной и Скоромной Пищѣ** *въ медицинскомъ отношеніи, соч.* Ив. Зацепина. *Часть первая. Москва, Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 66 стр.* (Цѣна 50 к. сер., вѣсов. за фунтъ.)

Между-тѣмъ, какъ большая часть современныхъ врачей, основываясь на опытахъ Мажанди, Тидемана, Гмелина и другихъ физіологовъ, считаютъ мясную пищу самою приличною для человѣка, Иванъ Яковлевичъ — (читатели помнятъ, какъ еще въ 1839 году г. Зацепинъ сердился на насъ за то, что при разборѣ его книги «О Жизни» мы называли его просто г. Зацепинымъ, и тогда же объявилъ, что его зовутъ не только г-мъ Зацепинымъ, но и *Иваномъ Яковлевичемъ*) — идетъ наперекоръ большинству, утверждая, что мнѣніе врачей нашего времени невѣрно. Смѣемъ думать, что Иванъ Яковлевичъ говоритъ правду, ибо онъ разсматриваетъ вопросъ о постной и скоромной пищѣ съ своей, особенной, болѣе нежели научной точки зрѣнія; а такъ-такъ статьи Ивана Яковлевича, по словамъ объявленія о подпискѣ на его «Терапевтическій Журналъ», *отрадны*, то, въ слѣдствіе сего Иванъ Яковлевичъ говоритъ не только справедливо, но и отрадно. Въ эпиграфѣ къ своему разсужденію избралъ онъ пословицу: *доброму сухарь на пользу, а злому и мясное не впрокъ*, — выборъ многозначительный, ясно показывающій, кому и что должно кушать, и сверхъ того сокращающій всю, болѣе чѣмъ научную теорію автора. Отъ медицинско-философскаго или философско-медицинскаго (что почти одно и то же) разсужденія о постной и скоромной пищѣ вообще, *отрадный* авторъ переходитъ къ діэтетикѣ и правиламъ жизни русскаго народа; здѣсь, на немногихъ страницахъ, сказано такъ много и умно, что вы и тутъ почувствуете *отраду*, т. е. нѣчто въ родѣ восторга, который обнаружите веселіемъ въ сердцѣ и улыбкой на устахъ. Подробно обозрѣвая хлѣбъ, проникая въ кашу и погружаясь во щи, Иванъ Яковлевичъ мимоходомъ бросаетъ испытующій взоръ на добавленія къ хлѣбу, щамъ и кашѣ, разумѣя подъ этимъ книжнымъ названіемъ капусту, лукъ, чеснокъ и прочіе предметы съ прибаутками, въ слѣдующемъ родѣ: «капуста — лихова не попуститѣ; лукъ

—семь недуговъ лечитъ; чеснокъ — семь недуговъ наводитъ; грибы рѣдька, свекла; горохъ и огурцы, свѣжіе и соленые, по временамъ, молоко кислое и масло коровье и конопляное» (стр. 34). - Но нигдѣ Иванъ Яковлевичъ не возбуждаетъ столько *отрады*, какъ въ изображеніи ѣды и сна простолюдиновъ. Здѣсь—что слово, то картина. Мы увѣрены, что г. Загоскинъ въ будущемъ романѣ не упуститъ изъ виду этой *отрадной* брошюры: «Вотъ сидятъ они за столомъ и ѣдятъ горячія щи съ хлѣбомъ, приправляя простое кушанье острыми шутками, и кончили свой обѣдъ кашею съ масломъ или со щами; наѣлись до сыта и, помолившись, легли отдохнуть, кто на чемъ попало, подложивъ подъ голову свою одежду или дюжій кулакъ. Легъ нашъ простолюдинъ и тотчасъ заснулъ. Началась работа въ его тѣлѣ: снаружи повалилъ паръ изъ его кожи и легкихъ, а внутри выступили пищеварительные соки; желудокъ началъ перемѣшивать и перемивать грубую пищу; черезъ часъ претворилъ ее въ хорошую пищевую смѣсь и вылилъ въ 12-ти-перстную кишку. Здѣсь здоровая, выработанная желчь, изливишись изъ своего пріятелища, отдѣлила изъ нея питательный сокъ и млечные сосуды начали всасывать его по всей внутренней поверхности тѣла. Тутъ проснулся нашъ простолюдинъ, всталъ и перекрестился; умывшись, принялся за работу и затянулъ любимую пѣсню» (стр. 59 и 60).

99) Литературный Кабинетъ, *труды артистовъ Императорскихъ московскихъ театровъ*: П. С. Мочалова, Д. Т. Ленскаго, А. П. Славина, С. П. Соловьева и покойнаго Н. Цыганова, —Н. В. Беклемишева, Іеронима Южнаго (псевдонимъ), П. А. Шестова, И. Н. Ваненко, Г. П. Проволанскаго, А. І. Сумарокова, А. Н. П-ше, Г. Глѣрьоза, Г. Н. Протопопова, А. П. Мартонича (псевдонимъ), Н. Ивалса, Элизы ", Р. К. Каули, Г. Румянцева, Г. А. .....ча, Г.....ни, А. П Б. р. к. ва, Г. Смирнова. *Москва. Въ Университетской типографіи. 1842. Въ 12-ю д. л. Двѣ части. Въ 1-й—124, во 2-й—79 стр.* (Цѣна р. 45 к. сер., вѣсов. за фунтъ).

Боже мой! сколько именъ безъ имени! сколько живыхъ и умершихъ, сколько умершихъ - живыхъ! Нѣтъ средства протѣсниться сквозь эту смѣсь лицъ, истинныхъ и вымышленныхъ. Но если Иванъ Яковлевичъ могъ уже прозрѣть въ двѣнадцати-перстную кишку, то и мы не будемъ отчаяваться, послѣдуемъ его отважному примѣру, прочтемъ труды артистовъ.

Имя Мочалова не безъ намѣренія поставлено на первомъ мѣстѣ: одно изъ стихотвореній его, по нашему мнѣнію, лучшее во всемъ сборникѣ; почитателямъ такихъ сценическихъ талантовъ, каковъ Мочаловъ, конечно будетъ пріятно прочесть литературное произведеніе этого замѣчательнаго трагика.

Отвѣтъ Могильщику.

Не надо мнѣ чувства въ могилу сырую
Съ мечтою былаго на вѣкъ зарывать·
Найду я для нихъ могилу другую
Вѣрнѣй схороню ихъ—теплѣй имъ лежать.
Пусть мѣстомъ могилы—имъ родина будетъ;
Въ груди, подлѣ сердца, пусть крѣпко уснутъ;
Никто ихъ въ груди моей вѣкъ не разбудитъ,
И люди къ могилѣ ихъ вѣкъ не пойдутъ.
Біеніемъ сердца ихъ сонъ не прервется:
Оно будетъ тише и рѣже стучать,—
И сладко уснувши, уже не проснется—
Какъ подлѣ младенца родимая мать,
Курганъ свѣжимъ дерномъ, цвѣтами покрытый,
Быть-можетъ разроютъ съ улыбкою злой,
А въ этой могилѣ—людьми позабытой—
И сладокъ, и вѣренъ ихъ будетъ покой.

Все прочее ниже посредственности, кромѣ стиховъ Іеронима Южнаго. Что жъ касается до произведеній г. Глѣрьова и А. Н. Пеше,—c'est un glorieux péché. --Изданіе опрятно.

100) Рѣчь *о Воспитаніи, основанномъ на законѣ Божіемъ, произнесенная штатнымъ смотрителемъ Воронежскаго Уѣзднаго Училища. 4-го марта* 1841 *года, при открытіи Нижнедѣвицкаго приходскаго училища. Москва. Въ типографіи В. Кирилова.* 1842. *Въ* 12-ю *д. л. 26 стр.*

Рѣчь, написанная по всѣмъ правиламъ реторики Кошанскаго, съ уступленіями, возвращеніями, наращеніями. и пр. и пр.

101) Всеобщая Историческая Библіотека. *Книжка 12. Исторія Ломбардіи.* Ф. Х. А. Гассе. *часть III. Москва. Въ тип. Степанова. 1841. Въ 8-ю д. л. 91 стр.*

Тѣмъ, которые, можетъ-быть, начали уже позабывать, что есть на свѣтѣ, и именно въ русской литературѣ, «Всеобщая Историческая Библіотека», чрезъ сіе напоминается, что она дѣйствительно есть, живетъ и движется. Продолжается исторія Ломбардіи, Гассе, сочиненіе, какъ извѣстно, не отличающееся большими достоинствами и имѣющее видъ болѣе подробной лѣтописи, нежели собственно-исторической книги, которая въ вѣрной и точной картинѣ изображала бы судьбу народа. Въ слѣдующей книжкѣ обѣщаютъ окончаніе этой немного-странной исторіи. Дальнѣйшіе виды «Всеобщей Исторической Библіотеки» совершенно-неизвѣстны.

102) Дитя-Художникъ. *Тетрадь первая. Санктпетербургъ. 1842. (Типографіи не означено). Въ 8-ю д. л. 53 стр.* (Цѣна 1 р. сер., вѣсовыхъ за фунтъ).

Выписываемъ предисловіе этой умной и полезной для дѣтей книжки: оно даетъ полное понятіе о ея цѣли и достоинствѣ.

«Дитя-Художникъ, представляющій всѣ необходимыя указанія для составленія красивыхъ игрушекъ, изображенныхъ въ книгѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изложеніи предварительныхъ поясненій, наставляетъ въ рисункѣ, вырѣзываніи, сгибаніи, склеиваніи и раскрашиваніи предметовъ, которые дитя, любящее забавляться симъ родомъ занятій, пожелаетъ составить изъ бумаги; за тѣмъ, въ главѣ объ употребленіи циркуля, линѣйки и треугольника, сообщаетъ крайне упрощенный, но полный курсъ начальной геометріи, изложенной какъ можно понятливѣе для дѣтскаго возраста. Начиная отъ черченія линіи, наставленія переходятъ къ измѣренію линій и ихъ разстояній, къ дѣленію линій, угловъ, къ черченію угловъ, фигуръ правильныхъ и неправильныхъ. Далѣе находятся собственно указанія для черченія, вырѣзыванія, склеиванія и раскрашиванія, сначала предметовъ легкихъ, за тѣмъ труднѣйшихъ, а именно. отъ черченія и склеиванія изъ бумаги. стула, креселъ, стола, комода, и т. п., къ склеиванію домика, конюшни, сарая, избы, будки съ часовымъ, саней, и наконецъ кареты. Для упряжки, въ миніатюрныя сани или въ карету лошадей, приложены образцовые рисунки лошади, начертанные извѣстнымъ нашимъ художникомъ, профессоромъ барономъ П. Клодтомъ; копировать лошадь съ этого рисунка можетъ быть полезнымъ не только для *художниковъ-дѣтей.*

«Большая часть чертежей въ сей тетради исполнены оригинальнымъ способомъ, сберегающимъ издержки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволяющимъ, назначивъ невысокую цѣну этому новому изданію, сдѣлать его доступнымъ для большаго круга любознательной юности.»

Къ этому мы можемъ прибавить, что всѣ рисунки исполнены прекрасно.

103) Русская Грамматика, *составленная* А. Ивановымъ. *Третье, исправленное и дополненное изданіе. Книга сія одобрена Совѣтомъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія и принята за руководство къ преподаванію въ этомъ заведеніи. Спб. Въ типографіи III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи. 1842. Въ 8-ю д. л. 107 стр.* (Цѣна 70 к. сер. вѣсовыхъ за фунтъ).

Грамматика г. Иванова принадлежитъ къ числу довольно-сносныхъ компиляцій, т. е. довольно-хорошо-сдѣланныхъ и склееныхъ выборокъ изъ разныхъ грамматикъ. Впрочемъ, несмотря на то, она преисполнена разнаго рода промаховъ, неточныхъ опредѣленій, произвольныхъ раздѣленій и проч. Укажемъ на нѣкоторыя.

«Предметы бывают: 1 *одушевленные*, т. е. имѣющіе жизнь». – Произведенія растительнаго царства имѣютъ жизнь, однакожъ *липа* или *дубъ* не суть одушевленные предметы. *Существа, одаренныя способностію произвольнаго движенія съ мѣста на мѣсто*, называются одушевленными предметами.

«*Собственное* имя, которымъ мы называемъ *нѣкоторые* (?) предметы, для отличія ихъ отъ подобныхъ же предметовъ, на-прим. *Россіянинъ*» и проч. – Стало-быть, слово *Россіянинъ* служитъ для отличія одного Россіянина отъ другаго Россіянина?.. Очень-хорошо!.. Къ числу собственныхъ же именъ, авторъ относитъ слова: *май, понедѣльникъ*... Тоже недурно!..

Мѣстоименіе авторъ опредѣляетъ стариннымъ манеромъ частію рѣчи, употребляющеюся вмѣсто имени, тогда-какъ мѣстоименіе есть часть рѣчи, выражающая сознаніе личности и ея отношенія къ другимъ личностямъ и предметамъ. Вь-слѣдствіе нашего взгляда *сей, этотъ, мой, твой* будутъ уже не мѣстоименіями, а прилагательными; мѣстоименіями же останутся только: *я, ты, онъ, мы, вы, они, кто, что, нѣкто, кто-нибудь, нѣчто, что нибудь, никто, ничто*. Да и по опредѣленію г. Иванова, *мой*, *твой*, *свой*, не суть мѣстоименія: какія имена замѣняютъ онѣ собою?

Въ примѣрѣ: «онъ *играетъ* съ нимъ въ кегли» авторъ называетъ глаголъ «играетъ» взаимнымъ: не правда; взаимные глаголы оканчиваются на *ся*, а безъ этого всѣ глаголы сдѣлались бы взаимными!

«Видъ служитъ къ различію дѣйствія или состоянія предмета». Въ этомъ опредѣленіи ровно ничего не сказано.

Много можно бы сдѣлать подобныхъ замѣчаній на грамматику г. Иванова...

) Краткая Ариѳметика, *служащая къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества, въ вопросахъ и отвѣтахъ, состоящая въ двухъ частяхъ, изданная* Константиномъ Меморскимъ. *Печатано съ изданія* 1833 *года, безъ исправленія. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1841. Въ 12-ю д. л. 168 стр.*

«Ариѳметика *Меморскаго*»: чего жь вамъ еще больше, и что объ ней можно сказать? «Печатано безъ исправленія»... но развѣ можно ее исправить? Горбатаго исправитъ лишь могила.

105) Живописное Лото, *игра, служащая для упражненія въ Россійскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Москва. 1841. Въ литографіи Корнилія Тромонина.*

Игра эта, говоритъ издатель, употребляется такимъ же способомъ, какъ и обыкновенное лото, съ тою только разницею, что мѣсто цифръ занимаютъ карточки, съ словами на трехъ языкахъ, соотвѣтствующія таковымъ же словамъ, подъ коими изображены различные предметы, замѣняющіе нумера. Симъ способомъ, дѣти, играя, берутъ число карточекъ, съ словами на трехъ языкахъ, которыя должны быть затвержены въ памяти, и незамѣтно научаются вести разговоры, на какомъ-либо языкѣ. Отъ словъ можно переходить къ фразамъ.

Вотъ диковинная вещь! Выучиться говорить на двухъ языкахъ, играя въ лото! Право, диковинка! Мы совѣтуемъ г-ну издателю попробовать прежде этотъ способъ или на самомъ себѣ, если онъ не говоритъ еще на иностранныхъ языкахъ, или на одномъ изъ своихъ родственниковъ: мы тогда пріидемъ полюбоваться его успѣхами. А между-тѣмъ скажемъ, что пора бы оставить нелѣпую мысль *учиться шутя и играя*. Теперь надъ ней смѣются даже дѣти.

106) Наши, *списанные съ натуры Русскими. Выпуски 6, 7 и 8* (Цѣна 80 коп. сер. за всѣ три выпуска).

Эти три выпуска содержатъ въ себѣ одну статью «Армейскій Офицеръ», – статью, которая написана умно, живо, остро, и въ которой много истиннаго и вѣрнаго, есть иронія, и нѣтъ пошлой сантиментальности. Картинками

на этотъ разъ нельзя быть совершенно-довольну: онѣ какъ-будто не совсѣмъ русскія, если приглядѣться къ нимъ поближе. Такъ, на-прим., Бубликовъ похожъ нѣсколько на иностраннаго офицера тѣмъ, что его виц-мундиръ не въ обтяжку, и какъ-то мѣшковато сидитъ на немъ. За то, Нѣмцы (на стр. 60) — прелесть, чудо типической вѣрности!..

107) **Исторія Петра Великаго.** *Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ. Выпускъ 3. 52 стр.*

Объ этомъ изданіи новаго говорить нечего: оно продолжаетъ быть все тѣмъ же и такимъ же, чѣмъ и какимъ было въ началѣ, по тексту и картинкамъ. Когда оно перемѣнится къ лучшему въ томъ или другомъ, или въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, мы не замедлимъ поговорить о подобной чудесной метаморфозѣ: но какъ это чудо еще не совершилось, то мы пока скажемъ о томъ, что̀ случилось уже.

Въ 34 № «Сѣв. Пчелы» прочли мы странную рекритику на *дѣльную* статью г. Полеваго объ изданіи г. Эльснера...

Г. Полевой сказалъ нѣсколько горькихъ истинъ объ историческомъ *талантѣ* г. Ламбина и изяществѣ рисунковъ: отзывъ его показался слишкомъ холоднымъ г. Булгарину, и онъ *грянулъ*, въ 34 № «Сѣв. Пчелы» слѣдующею деклараціею:

«Намъ весьма непріятно, что мы должны разногласить съ *почтеннымъ* Н. А. Полевымъ, котораго литературные труды и заслуги мы вполнѣ уважаемъ. При всѣхъ своихъ познаніяхъ, и при всей своей благонамѣренности, Н. А. Полевой доказалъ критикою (Русскій Вѣстникъ № 10, 184 , стр. 158—188) на первую тетрадь исторіи г. Ламбина истину древняго правила, что никто не можетъ быть судіею въ собственномъ дѣлѣ. Н. А. Полевой, какъ извѣстно, печатаетъ теперь большую исторію Петра Великаго, и во время его занятій ему предложили составить *Краткую Исторію* для полтинниожнаго изданія. Любя искренно свой предметъ, Н. А. Полевой согласился на предложеніе, и написалъ уже болѣе половины *Краткой Исторіи*, какъ вдругъ вышла въ свѣтъ первая тетрадь г. Ламбина, и трудъ Н. А. Полеваго остался подъ спудомъ! Событіе это, хотя *иными словами* (?) разсказано самимъ Н. А. Полевымъ, на стр. 161—163 критики. Мы ни сколько не сомнѣваемся, что никакое расчетливое побужденіе не руководило перомъ критика, *но зная сердце человѣческое*, нельзя не согласиться, что *критикъ не могъ оставаться хладнокровнымъ въ этомъ дѣлѣ*. Н. А. Полевой утѣшался надеждою, что жизнеописаніе его любимаго героя будетъ издано со всевозможною роскошью, и затмитъ полтинникожное изданіе жизни Наполеона, и вдругъ всѣ надежды рушились! Спрашиваемъ всѣхъ психологовъ (*Зачѣмъ же не просто—честныхъ людей?*): можетъ ли намъ нравиться предметъ, разрушившій наши любимыя надежды?—Надобно быть болѣе, нежели стоикомъ, чтобъ отвѣчать утвердительно! А въ этомъ случаѣ *почтенный* Н. А Полевой выказалъ мало стоицизма. Онъ разгнѣвался, и проч.»

Вотъ языкъ истинной дружбы! Такъ должны писать истинные литераторы!...

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Мартъ.

—

108) Два Призрака. *Романъ. Соч.* Ѳ. Фанъ-Дима. *Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ. 1842. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I части 252, во II—208, въ III—228, въ IV—258 стр.* (Цѣна 5 р., съ перес. 6 р. 50 к. сер.).

Въ оправданіе мудрой русской пословицы: «не родись ни уменъ, ни пригожъ, а родись счастливъ», недавно появившееся имя г-на Фанъ-Дима грозитъ сдѣлаться знаменитымъ именемъ въ современной русской литературѣ, благодаря вкусу, образованности, безпристрастію и добросовѣстности нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ, которые до седьмаго неба превознесли водяную, дѣтски-несвязную и напыщенную повѣсть «Александрина» — первый опытъ г. Фанъ-Дима. «Два Призрака» были превознесены ими только еще въ видѣ извѣщеній о появленіи этого романа: что же будетъ въ критикахъ и рецензіяхъ о немъ?.. А между-тѣмъ, «Два Призрака» не только не уступаютъ въ пухлости и водяности «Александринѣ», но едва-ли еще и не превосходятъ ее въ этихъ качествахъ—ужь тѣмъ одним, что въ-четверо длиннѣе и пухлѣе ея. Эти «Два Призрака» не что иное, какъ одинъ призракъ, и суть самое «призрачное» явленіе современной литературы — четырех-томный нуль, огромное вмѣстилище словъ безъ значенія и фразъ безъ содержанія, длинный, утомительный разсказъ о происшествіяхъ и случаяхъ, которыхъ не бываетъ въ дѣйствительности; вялое и безцвѣтное изображеніе людей, характеровъ и общества, которыхъ не было, нѣтъ и не будетъ нигдѣ, кромѣ холоднаго воображенія бездарныхъ сочинителей...

Мѣркою достоинства всякаго литературнаго произведенія, претендующаго на изображеніе дѣйствительности, должно быть его сходство съ изображаемою дѣйствительностію. Посмотримъ же, до какой степени г. Фанъ-Димъ является вѣрнымъ живописцемъ современной дѣйствительности, которую онъ рисуетъ въ своихъ «Двухъ Призракахъ».

Идеальный кирасирскій офицеръ, Владиміръ Марлинъ, «страстно влюбленъ» въ Агаѳью, или Агату Леновскую, преидеальную дѣвицу рѣдкой красоты, но и безпримѣрной глупости. Въ-послѣдствіи оказывается, что она втайнѣ «боготворила» идеальнаго кирасира, а дурочкой только прикидывалась, вслѣдствіе добровольно-даннаго ею обѣщанія своему ревнивому жениху, Васильскому, бывшему любовнику ея матери, которая, умирая, взяла съ ребенка-Агаты клятву выйдти за своего уже пожилаго обожателя. Вотъ основа романа. — Скажите: гдѣ бываютъ такія дѣвушки, которыя даютъ и сдерживаютъ слово играть въ обществѣ роль дуръ? Гдѣ бываютъ женихи, которые, изъ ревности, требуютъ подобныхъ условій отъ своихъ невѣстъ? Гдѣ бываютъ общества, въ которыхъ совершаются такія чудныя исторіи? Видите ли, какъ проста и естественна завязка романа,

какъ она въ духѣ современнаго общества, и какъ вѣрно характеризуетъ она современную дѣйствительность!.. Но далѣе: идеальная Агата тайно присылаетъ къ идеальному кирасиру письма, по добродушному убѣжденію автора, полныя ума, чувства и женской прелести, и подписывается подъ письмами *Аріэлемъ*. Идеальный Марлинъ, любя Агату, влюбляется и въ таинственнаго Аріэля, и такимъ образомъ колеблется между «двумя призраками» до-тѣхъ-поръ, пока дѣло не объяснилось въ концѣ четвертой части и онъ не женился, вмѣсто двухъ, на одномъ призракѣ. Въ первой и въ половинѣ второй части приплетена, ни къ селу, ни къ городу, какая-то Аменаида Гольцева, — тоже «идеальная» женщина, страстно влюбленная въ «идеальнаго» Марлина. Это обстоятельство значительно увеличиваетъ пухлую толщину и томительную скуку романа.

Сказавъ о содержаніи романа, укажемъ на нѣкоторыя частностости его. Не угодно ли вамъ полюбоваться, напр., картиною «большаго свѣта»?

Послѣ разныхъ сценъ на вечерѣ у Аменаиды Гольцевой, пріѣзжаетъ туда старый вѣстовщикъ и сплетникъ Гранитскій, и разсказываетъ обществу свѣжую новость о появившейся въ Петербургѣ красавицѣ. Дамы пристаютъ къ нему съ вопросами, мужчины молча окружаютъ его.

— Да-съ, продолжалъ Гранитскій съ самодовольною улыбкою, мы кое-что успѣли узнать объ этомъ *дивномъ явленіи*. Красавица только-что пріѣхала изъ Тамбовской губерніи; ей всего семнадцать лѣтъ; матери у нея нѣтъ, отецъ, Павелъ Игнатьевичъ *Леновскій*, заслуженный Суворовскій Генералъ, тяжело израненный, и потому никуда не выѣзжаетъ изъ дома. Въ собраніе онъ отпускалъ дочь съ теткой, съ которой она(,) кажется(,) будетъ выѣзжать въ продолженіе цѣлой зимы.

Марлинъ обнаруживаетъ, что онъ знаетъ Леновскую; его просятъ нарисовать обществу ея портретъ.

— Я плохой живописецъ портретовъ, особенно на словахъ; потому и не смѣю взять на себя описанія такой красавицы. Что же касается до ея ума и любезности, продолжалъ онъ *запинаясь*, то я еще такъ мало знаю Агаѳью Ивановну...

Вотъ именно языкъ «большаго свѣта»!..

Но «запинка» не долго продолжалась со стороны идеальнаго кирасира: кто-то усомнился въ красотѣ Агаты, — и Марлинъ воскликнулъ:

— *Леновская* прелестна — какъ любовь въ первыхъ мечтахъ юности, какъ робкое желанье, озаренное яркими, алмазными лучами надежды! Ея красота пышнѣе, роскошнѣе всего, что можетъ выразить это слово, *для нея* — всякое сравненіе нѣмо и мертво! При первомъ взглядѣ на чудную дѣвушку, Рафаэлевы мадонны перестаютъ казаться идеалами; но когда взглянешь на нее въ другой разъ, когда встрѣтишь ея чарующій взоръ, невольно усумнишься въ ея земномъ существованіи, и душа рвется спросить у милаго видѣнья *звучнымъ* словомъ Байрона: «откуда ты?»

Владиміръ говорилъ, будто, понуждаемый невольнымъ чувствомъ удивленія; но, высказавъ свое мнѣніе, вызванное только ошибочнымъ перетолкованіемъ его движенія, онъ неожиданно замолкъ и *лице* его снова приняло прежнее, задумчивое выраженіе.

Это — изволите видѣть — *большой свѣтъ!* Такъ описываютъ большой свѣтъ тѣ, которые знаютъ его только по повѣстямъ Марлинскаго...

Характеровъ въ этомъ романѣ нѣтъ: въ немъ все призраки, которые говорятъ длинно, утомительно, надуто и плоско. Самъ Марлинъ, что называется — просто глупъ, и слава Богу: его высокопарная дичь явно заимствована изъ «Милорда Англинскаго» и «Гуака или Непреоборимая Вѣрность». Агата... но мы объ ней не скажемъ ни слова, изъ уваженія къ ея твердой рѣшимости слыть глупою и, въ оправданіе этой благородной рѣшимости, выпишемъ нѣсколько словъ изъ ея писемъ:

«Я сейчасъ изъ Александринскаго театра....... Я видѣла M-me Allan въ трогательной роли la lectrice... Исполненіе прекрасно, я была въ восхищеніи, плакала, но не забывала, что я въ театрѣ и что она ак-

триса,—впрочемъ(,) кажется(,) актриса замѣчательная и любимая публикою».

Конечно, не рѣшившись твердо играть роль глупой, нельзя восхищаться, плакать отъ игры артиста, и въ то же время не забыть, что онъ актёръ?.. Еще менѣе нельзя говорить холодно, предположительнымъ тономъ, что г-жа Алланъ, *кажется*, актриса замѣчательная и любимая публикою... Но смѣшнѣе и каррикатурнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа — Петръ Александровичъ Смѣльскій, на которомъ авторъ хотѣлъ показать опытъ своего комическаго дарованія. Если прочія лица надуты и натянуты, то лицо Смѣльскаго плоско и тривьяльно, тогда-какъ авторъ явно силился сдѣлать изъ него умнаго, милаго и достолюбезнаго чудака. — «Но я не хочу ее любить!» — говоритъ Марлинъ Смѣльскому. — «Не хочешь? вотъ это новость? Давно ли въ твоей поэтической, художнической *башкѣ* слова: *любовь* и *воля* стали ходить въ одной упряжкѣ? Ты не хочешь ее любить, прошу покорно! За что же такія немилости?» — Такъ отвѣчалъ Смѣльскій Марлину.

Только не желая распространяться о пустякахъ, не приводимъ изъ этого романа примѣровъ приторной дружбы, сладенькой любви, пряничной сантиментальности и другихъ подобныхъ жалкихъ чувствованьицъ. Но, вмѣсто этого, приведемъ нѣсколько примѣровъ романическаго слога г. Фанъ-Дима: «побѣдительнымъ роемъ остротъ и оригинальныхъ шутокъ ослѣпить общее мнѣніе и увлечь его за собою»; — «посовѣтую ему залить шампанскимъ свои сухіе вздохи, и, съ доброй подорожной проклятій, отправить къ чорту свою глупую страсть»; — «за явнымъ отказомъ автора живописать интересную красавицу, вамъ, любезный читатель, остается осѣдлать ваше воображеніе, и ѣхать на немъ отъискивать оригиналъ нашей героини(,) или другую красавицу, столь же совершенную: итакъ, ногу въ стремя, скокъ на сѣдло, счастливый путь, мой читатель...»; — «авторъ владѣетъ внимательнымъ слухомъ: онъ слышитъ даже быструю рѣчь воображенія (?), нѣмой говоръ сердца или шопотъ таинственный души (??), такъ же ясно, какъ громкій перебой рѣчей гостиной, какъ звонкую трещотку людскихъ мнѣній, или *гласную тревогу* поэтическаго восторга...»; — «въ груди ея горѣлъ жаръ тропиковъ»; — «самыя высокія идеи являлись въ разговорахъ его естественно(,) мило, безъ малѣйшей натяжки, не на ходуляхъ напыщеннаго романтизма, но на двухъ здоровыхъ ногахъ образованнаго здраваго смысла»; — «сердце женщины, а тѣмъ болѣе умной, образованной и наклонной къ мечтательности, есть горнило, въ которомъ закаляется часто будущность человѣка и всегда опредѣляются настоящія границы способностей и достоинствъ его»; — «разговоръ съ Смѣльскимъ исполнилъ ея чувства надеждой»; — «когда же напротивъ въ фантастическомъ эскадронѣ думъ Владиміра все обстояло благополучно»; — «дума человѣческая — такая же бездна, когда въ ней заволнуютъ волны злобствующей ревности»; — «Владиміръ Марлинъ сдѣлался *чудо какой милочка*»... Но довольно — всего не перечтешь и не выпишешь...

Подражая такъ каррикатурно Марлинскому въ слогѣ, г. Фанъ-Димъ, къ сожалѣнію, не подражаетъ ему въ правильности языка: въ «Двухъ Призракахъ» часто попадаются галлицизмы, въ родѣ слѣдующаго: «Но увидѣвъ новаго человѣка, лицо его потеряло выраженіе особеннаго удовольствія» (ч. I, стр. 178), и пр.

Въ заключеніе, должно сказать, что «Два Призрака» наполнены множествомъ разсужденій, изъ которыхъ иныя обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка умнаго и образованнаго; но которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываютъ, что умъ и начитанность, при отсутствіи эстетическаго чувства, вкуса и творческой изобрѣтательности, при незнаніи сердца человѣческаго и современной дѣйствительности, ничего не

могутъ сдѣлать романистомъ и поэтомъ...

109) Шекспиръ. *Съ англійскаго* Н. Кетчера. *Выпускъ седьмой и осьмой.* Генрихъ VI. Часть вторая и третья. *Москва. 1842. Въ тип. Степанова. Въ 12-ю д. л. 131 и 134 стр.*

Г. Кетчеръ продолжаетъ выполнять благородное предпріятіе свое съ усердіемъ, достойнымъ участія всякаго образованнаго человѣка. Давно ли мы извѣщали читателей о выходѣ «Генриха V» и 1-й части «Генриха VI», какъ вотъ ужь передъ нами лежатъ 2-я и 3-я части его. Бросимъ здѣсь взглядъ на общее содержаніе всѣхъ трехъ частей «Генриха VI-го».

Конечно, мы не находимъ еще въ историческихъ драмахъ Шекспира, — произведеніяхъ его молодости, — той глубины и всеобъемлемости, которыя въ-послѣдствіи раскрылъ онъ въ своихъ мировыхъ трагедіяхъ,— «Гамлетѣ», «Лирѣ», «Отелло» и «Макбетѣ»; но вся его могучая сила уже разлита здѣсь. Не заботясь о буквальной исторической точности, вѣрный лишь существенному духу исторіи, — быстро выводитъ онъ лица свои и рѣзко, почти мгновенно, обрисовываетъ ихъ. 1-я часть «Генриха VI» открывается похоронною музыкою надъ гробомъ преждевременно-умершаго царственнаго героя — Генриха V, и во все продолженіе величественной трилогіи, полной кровавыхъ смутъ и потрясеній, кажется, слышишь голосъ страждущаго государства, взывающій къ нему: «Ты одинъ лишь могъ подать помощь: но ты умеръ, — и съ тобою умерло и счастіе Англіи!» Въ этой 1-й части «Генриха VI» видимъ мы начало партій Бѣлой и Красной Розы, подъ мѣжнымъ знаменіемъ которыхъ совершилось столько ужасныхъ дѣлъ. Перемѣнчивыя послѣдствія войны Англичанъ во Франціи занимаютъ наше вниманіе. Не станемъ говорить о томъ искаженіи, съ какимъ Шекспиръ представилъ здѣсь Жанну д'Аркъ — искаженіи, которымъ онъ заплатилъ дань духу своего времени и своимъ національнымъ предразсудкамъ. Замѣтимъ, однакожь, что лишь историческимъ изъясненіямъ новѣйшаго времени одолжены мы возстановленіемъ этого знаменитаго историческаго явленія въ его возвышенной дѣйствительности. Вообще, въ 1-й части видимъ мы, какъ черви внутреннихъ раздоровъ близятся къ нѣдрамъ Англіи. Воинственный блескъ ея тускнѣетъ, юношеская эпоха ея завоевательной славы кончилась, — а гражданское и государственное величіе свое должна она купить кровавыми внутренними смутами и потрясеніями. Драма оканчивается утратою французскихъ провинцій. Разговоръ стараго Мортимера въ тюрьмѣ съ Ричардомъ Плантагенетомъ, — въ-послѣдствіи герцогомъ Йоркскимъ, — содержитъ въ себѣ положеніе и завѣщаніе правъ Йоркскаго дома на корону Англіи.

Во 2-й части видимъ мы, что эти бѣдственныя права созрѣли и приносятъ кровавые плоды. Быстро слабѣютъ государственныя связи; неспособный, хотя и благочестивый Генрихъ VI не въ силахъ удержать ихъ. Здѣсь въ особенности сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе супруга его, королева Маргарита — существо злое, звѣрское и вмѣстѣ страстное, любящее. Супругъ ея съ своимъ слабымъ, нецарственнымъ, хотя и благочестивымъ характеромъ, — для нея жалокъ и презрителенъ. Она оскорбляетъ его иногда такими словами, что по неволѣ слабѣетъ въ насъ участіе къ человѣку, который можетъ сносить подобное. Но какимъ трагическимъ достоинствомъ облекъ Шекспиръ страсть ея къ Соффольку! Безъ всякаго старанія оправдать что-либо, или облагородить преступность любви ихъ, онъ одною чарующею силою выраженія возбуждаетъ въ насъ сердечное участіе въ ихъ горести.

Внутреннія кровавыя смуты, только что начинавшіяся во 2-й части, въ 3-й уже выступаютъ со всею своею гибельною яростію. Картины становятся

мрачнѣе и мрачнѣе, и наконецъ кажутся уже писанными не красками, а кровію. Съ ужасомъ смотришь, какъ изъ одной скорби раждается новая скорбь; мщеніе возжигаетъ мщеніе — и въ общемъ разрывѣ всѣхъ узъ человѣческаго общества ожесточаются самыя благороднѣйшія натуры. Сострадания нѣтъ ни къ кому и ни въ комъ. Мы дѣйствительно присутствуемъ тяжкому кризису и страданію государства, которые тѣмъ тяжеле и безотраднѣе на насъ дѣйствуютъ, что ихъ произвело не движеніе общественныхъ интересовъ, а одни личныя права домовъ ланкастерскаго и йоркскаго. Герцогъ Йоркскій, котораго честолюбіе, по-крайней-мѣрѣ, оправдывалось благородными его качествами, рано умираетъ, и вся послѣдующая борьба состоитъ только изъ того, чтобъ поддержать неспособнаго Генриха VI, или возвести на престолъ сластолюбца Эдуарда, который смертію скоро лишается короны, такъ дорого имъ купленной. Рыцарственный Варвикъ гибнетъ въ безславныхъ смутахъ, и Ричардъ III, способствуя брату овладѣть коровою, пробуетъ руку въ кровавыхъ дѣлахъ, которыя скоро должны проложить ему дорогу къ собственному возвышенію. Въ обѣихъ послѣднихъ частяхъ «Генриха VI» уже явственно обозначается характеръ его. Какъ чорная, грозовая туча, медленно, но неизбѣжно приближается онъ. Среди всеобщаго разстройства предстоитъ намъ беззащитный Генрихъ VI, кроткій, благородный, но безъ всякаго царственнаго призванія. Умирая отъ руки Ричарда, при послѣдней минутѣ своей прозрѣваетъ онъ еще ужаснѣйшее, коимъ чревато будущее, и симъ предчувствіемъ мрачнаго грядущаго, въ которомъ уже обозначается предъ нами страшная личность Ричарда III — оканчивается величественная трагедія...

110) **Жизнь и Поэзія Вильяма Шекспира.** *Романъ* Кенига. *Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1842. Въ тип. Н. Степанова. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I й части 105, во II-й — 234, въ III-й — 204, въ IV-й 152 стр.* (Цѣна 10 р. ас., вѣсов. за 4 ф.).

Мы нѣкогда подробно разсказали содержаніе этого романа, при появленіи его на нѣмецкомъ языкѣ (*), и тогда же отдали ему справедливость, какъ книгѣ весьма занимательной. Не разсматриваемъ теперь его содержанія, чтобъ не повторять самихъ-себя, но совѣтуемъ читателямъ ознакомиться съ самою книгою, гдѣ они найдутъ Шекспира запутаннымъ въ самыя интересныя отношенія, подъ вліяніемъ самыхъ прекрасныхъ чувствъ, съ поэтическими идеями, — хотя въ любовникѣ Теклы и не замѣтна еще та натура, изъ глубины которой возникли «Гамлетъ», «Лиръ», «Отелло»; не видно, какъ эта натура настроена была къ этимъ великимъ созданіямъ. Но во всякомъ случаѣ романъ Кенига составляетъ самое отрадное явленіе среди этой груды печатнаго мусора, которую высыпали наши типографіи въ прошломъ мѣсяцѣ на терпѣливую русскую публику.

Романъ Кенига переведенъ на русскій языкъ очень хорошо и изданъ изящно. Желательно было бы, чтобъ г. переводчикъ, такъ искусно владѣющій языкомъ, подарилъ насъ еще какимъ-нибудь замѣчательнымъ произведеніемъ нѣмецкой литературы.

111) **Альманахъ** *въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго Университета, изданный* Я. Гротомъ. *Гельсингфорсъ. Въ тип. вдовы Симеліуса. 1842. Въ 8-ю д. л. 503 стр.* (Цѣна 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р. сер.).

Заглавіе этой книги само говоритъ о причинѣ и цѣли ея явленія, — и потому мы прямо приступимъ къ разсмотрѣнію составляющихъ ее статей.

Первая статья «Воспоминанія Александровскаго Университета», принадлежитъ самому издателю и содержитъ въ себѣ подробную исторію финляндскаго святилища наукъ. Абоскій Уни-

(*) От. Зап., томъ IX (1840), Библ. Хр., «Иностр. Литература».

верситетъ основанъ 1640 года, 14 іюля; слѣдовательно, существуетъ слишкомъ 200 лѣтъ, и потому — старѣйшій университетъ въ Россійской Имперіи: послѣ Дерптскаго, который основанъ въ 1632 году, но былъ закрытъ съ 1710 по 1719 годъ. Еще Густавъ-Адольфъ думалъ объ основаніи университета въ Финляндіи; но тридцатилѣтняя война помѣшала ему въ этомъ, и онъ успѣлъ только обратить старинную абоскую школу въ гимназію. Вотъ эта-то гимназія и была обращена королевою Христиною въ университетъ, по старанію графа Браге, губернатора Финляндіи. Въ обнародованной по сему случаю королевской граммагѣ, между прочимъ, излагается, на старинномъ шведскомъ языкѣ, какъ «во всѣ времена міра признавалось, что школы и академіи подобны разсадникамъ и растилищамъ, гдѣ изъ книжныхъ искусствъ добрые нравы и добродѣтели свое первое происхожденіе извлекаютъ» и какъ «въ прежнія времена не только язычники крайне заботились объ основаніи и учрежденіи такихъ школъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ было какое-нибудь понятіе и свѣдѣніе о Богѣ, всегда о томъ же пеклись; особливо съ-тѣхъ-поръ, какъ христіанство стало озарять вселенную, начали разные христіанскіе короли и регенты не менѣе прилагать величайшее стараніе»... и пр. Потомъ говорится, что по столькимъ полезнымъ примѣрамъ въ чужихъ земляхъ и въ отечествѣ, а наиболѣе по примѣру Густава-Адольфа-Великаго, который между-прочимъ возстановилъ академію въ *Упсалѣ* и основалъ новую въ *Дерптѣ*, признаётся за благо «къ чести и украшенію нашего Великаго Княжества Финляндскаго» учредить въ Або, вмѣсто гимназіи «academiam» или университетъ». Далѣе, предоставляются новому учрежденію тѣ же права и преимущества, какими пользуется Академія Упсальская, и повелѣвается всѣмъ уважать по достоинству «реченный нашъ Абоскій Университетъ, какъ мастерскую добродѣтелей и свободныхъ книжныхъ искусствъ». Открытіе университета было религіозно-патріотическимъ торжествомъ всего края, для всѣхъ сословій, и было совершено со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ. На другой день, въ главной аудиторіи была разъиграна студентами нравоучительная комедія «Студенты», которая была принята съ восторгомъ многочисленною толпою зрителей и зрительницъ, и въ которой доказывалось, какъ «нѣкоторые родители зѣло скупо снабжаютъ деньгами своихъ сыновей, кои обыкновенно и становятся прилежны; а другіе снабжаютъ ихъ всѣмъ, чего ни потребуютъ, чрезъ каковую неразсудительную щедрость сыновья становятся нерадивы, ослушны, и негодны: какъ нѣкіи юноши предаются роскоши, игрѣ и другимъ порокамъ, и становятся развратны; другіе же прилежатъ наукамъ, добродѣтели и страху Божію, и становятся достохвальными и превыспренними мужами». Новооткрытую академію стали называть Абоскою, Аураическою (по рѣкѣ Аурѣ, при которой стоитъ Або), Христининскою. Она заняла каменный двух-этажный домъ, гдѣ была гимназія, и все помѣщеніе состояло изъ пяти комнатъ, въ которыхъ зимою было невыносимо-холодно.

На содержаніе университета первоначально назначено было только 6125 серебряныхъ талеровъ, часть которыхъ выплачивалась изъ Абоскаго Казначейства, а остальныя — натурою, т. е. хлѣбомъ, сѣномъ и пр. Профессоровъ первоначально было 11, изъ которыхъ только два Финна, а прочіе — Шведы; студентовъ 44, изъ которыхъ только 8 было Финновъ. Любопытно распредѣленіе предметовъ по философскому факультету, въ которомъ было 6 каѳедръ: *политики* и *исторіи* (politices et historiarum), *греческаго* и *еврейскаго языковъ* (linguarum hebrææ et grææ), *математики* (mathematum), *физики* и *ботаники* (physices et botanices), *логики* и *поэзіи* (logices et poëseos), *красторѣчія* (eloquentiæ, куда собственно относи-

лась только латинская литература). Не прошло года, какъ число учащихся возрасло до 300. Лекціи читались на латинскомъ языкѣ. Въ 1643 году университетъ уже назначилъ промоцію, или возведеніе студентовъ на степень *магистровъ*. Отъ высшаго начальства послѣдовало строжайшее предписаніе возводить въ эту степень только самыхъ достойнѣйшихъ. Объ одномъ студентѣ при этомъ случаѣ постановлено было, что такъ какъ онъ «in vita et moribus (по поведенію) грубоватъ, хотя впрочемъ ученая персона», то и позволить ему только держать преніе па степень, но не промовировать его. Объ одномъ магистрѣ, dominus Torgensis, сказано въ протоколѣ консисторіи (универс. совѣта): «Не благоприлично, что онъ въ разныхъ мѣстахъ сватается, почему per occasionem и замѣтить ему, чтобы онъ впредь не такъ часто, какъ доселѣ, пѣлъ свои пѣсни и вирши; онѣ ни ему, ни академіи никакой похвалы не приносятъ». Также, какъ черту тогдашнихъ нравовъ, приводимъ резолюцію, приложенную при промоціи: «Поелику оный *Сигфридусъ* къ отвѣту не готовъ, то философскому факультету потребовать, чтобъ онъ еще 3 года пробылъ здѣсь при академіи и учился прилежно. Впрочемъ, означенный Dr. S. можетъ тотчасъ послѣ промоціи отправиться куда-нибудь въ Швецію, *гдѣ бы его слабость in studiis не могла обнаружиться къ посрамленію сей академіи*».

Но разительнѣйшую черту вѣка представляетъ осужденіе на смерть одного студента, Эолеціуса, за *колдовство*, въ 1661 г. Въ числѣ обвиненій были и его быстрые успѣхи въ латинскомъ и восточныхъ языкахъ, красивый почеркъ, и легкость, съ какою другой студентъ выучился у него латинскому языку. Быть бы бѣдному на кострѣ, еслибъ не вступился за него Браге, ненашедшій достаточныхъ причинъ къ осужденію Эолеціуса, и велѣвшій зачесть ему въ наказаніе долговременное заключеніе въ карцерѣ. Подобный же случай былъ въ 1670 году. У студента Гувнеруса, въ Ревелѣ, нашли тетрадь, въ которую онъ, бывши еще въ Або, выписалъ откуда-то нелѣпыя правила о томъ, какъ посредствомъ союза съ нечистымъ духомъ сдѣлаться вдругъ ученымъ, и т. п. По возвращеніи въ Або, онъ за это былъ присужденъ къ тюремному заключенію, къ покаянію и удаленію навсегда изъ университета. Самъ тогдашній проканцлеръ Гецеліусъ старшій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, участвовалъ въ этомъ рѣшеніи; но и оно, по жалобѣ обвиненнаго, было уничтожено графомъ Браге. Этотъ замѣчательный человѣкъ, стоявшій выше своего грубаго вѣка, до самой смерти своей, слишкомъ 40 лѣтъ былъ покровителемъ Абоскаго Университета.

Изъ нашихъ сокращенныхъ выписокъ читатели могутъ видѣть, какъ интересна статья г. Грота; не желая разстаться съ нею такъ скоро, выписываемъ вполнѣ слѣдующее мѣсто:

«Но ничто такъ не показываетъ грубости тогдашнихъ нравовъ, даже въ самыхъ школахъ, какъ обычай, извѣстный подъ именемъ *депозиціи*. На молодыхъ людей, хотѣвшихъ поступить въ Университетъ, надѣвали платье изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, черный плащъ, шапку съ ослиными ушами и съ рогами. Потомъ, начернивъ лицо ихъ и въ каждый уголъ рта вставивъ имъ по длинному свиному клыку, депозиторъ — такъ назывался особый человѣкъ — съ огромной аллебардой въ рукѣ, гналъ ихъ, какъ стадо, въ университетскую залу, гдѣ ихъ ожидало многочисленное общество. Тамъ они становились въ кружокъ около своего пастыря: онъ начиналъ выравнивать, и мѣрить ихъ своею аллебардой, корчить передъ ними лицо, присѣдать, смѣяться надъ ихъ маскарадомъ. Потомъ произносилъ онъ рѣчь, доказывалъ по-своему необходимость воспитанія и, задавая разные вопросы, слегка ударялъ новичковъ, когда клыки мѣшали имъ отвѣчать; особыми щипцами схватывалъ ихъ за горло, валялъ па полъ; клыки ихъ, рога и уши сравнивалъ съ пороками, невѣжествомъ и глупостью. Вырывая послѣ эти украшенія, говорилъ, что такъ точно науки должны истреблять

въ нихъ все дурное. Еще вынималъ онъ изъ особаго мѣшка стругъ, приказывалъ имъ ложиться по очереди на полъ, стругалъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ и дѣйствіе это уподоблялъ дѣйствію ученія на душу. Слѣдовали разныя другія церемоніи въ томъ же родѣ, послѣ чего онъ окачивалъ своихъ мучениковъ цѣлымъ ведромъ воды и вытиралъ имъ лицо жесткой тряпкой. Тутъ онъ провозглашалъ ихъ *свободными студентами академіи;* но съ тѣмъ, чтобъ они еще 6 мѣсяцевъ ходили въ своихъ черныхъ плащахъ и прислуживали старымъ студентамъ съ безусловною покорностью. Служба эта называлась *пенализмомъ* и до послѣднихъ временъ сохранилась въ нѣкоторой степени при Абоскомъ Университетѣ. Должность же депозитора была уничтожена еще въ исходѣ 17-го столѣтія (постановленіемъ 25 ноября 1691 г.). До того времени она поручалась обыкновенно какому-нибудь магистру, пользовавшемуся общимъ уваженіемъ. Депозиторъ содержался на иждивеніи студентовъ. Консисторія должна была напоминать ему, чтобы онъ обращался съ ними порядочно и пристойно.»

«Другимъ обычаемъ того времени было представленіе въ Университетѣ комедій при торжественныхъ случаяхъ: актерами были студенты, игравшіе подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ. Этотъ обычай перешелъ въ Або изъ Упсалы, куда занесенъ былъ изъ школъ іезуитскихъ.

«Какъ черту, характеризующую вѣкъ, приведемъ здѣсь отрывокъ изъ опредѣленія университетской консисторіи отъ 1642 года. «На ректорскихъ угощеніяхъ (т. е. обѣдахъ, даваемыхъ новыми ректорами) должно подавать 6 ординарныхъ блюдъ, не считая масла, хлѣба и окорока; послѣ обѣда не разносить конфектъ, а развѣ только сыръ. И надлежитъ ректору подавать хорошее финское пиво и немного французскаго вина» и т. п. Потомъ исчислены почетные чины, которые ректоръ долженъ торжественно приглашать; «что касается до типографщика, книгопродавца и переплетчика, то ректоръ можетъ приглашать ихъ черезъ своего собственнаго слугу, если заблагоразсудитъ». Сверхъ того дозволяется ректору позвать одного изъ двухъ добрыхъ пріятелей или родственниковъ и тѣхъ изъ студентовъ, которые при торжествѣ участвовали въ музыкѣ. Женщинъ отнюдь не велѣно приглашать, ни даже женъ профессоровъ или другихъ гостей, и подъ опасеніемъ штрафа запрещено пировать до другаго дня.

Также подробно и также интересно разсказываетъ г. Гротъ и дальнѣйшую исторію Абоскаго Университета до незабвеннаго дня $^4/_{16}$ іюня 1808 года, когда Высочайшимъ рескриптомъ на имя проканцлера, епископа Тенгстрема, Императоръ Александръ утвердилъ «силу всѣхъ правъ и преимуществъ, Абоскому Университету присвоенныхъ», и когда богатыя милости высокаго ревнителя просвѣщенія дали этому учрежденію новую силу и новую жизнь. 1-го апрѣля 1809 г. Або былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Благословеннаго, а на другой день и Абоскій Университетъ. «Мы едва вѣрили глазамъ своимъ» говоритъ профессоръ Лагусъ: «когда этотъ гиперборейскій Атлантъ, презирая ненастье, верхомъ въѣхалъ въ городъ почти безъ свиты: всѣмъ вокругъ стоявшимъ тѣсною толпою, кланялся онъ съ необычайно радостною привѣтливостью. Допущенные въ присутствіе Монарха, не могли мы надивиться чудной сладости его рѣчи, милостивому и плѣнительному его обращенію и всѣмъ высокимъ украшеніямъ души его. Какъ блистательно явилъ онъ ихъ, бывъ въ этомъ святилищѣ музъ 2 апрѣля 1809 года! съ какимъ вниманіемъ все разсматривалъ, съ какою чрезвычайною кротостью въ выраженіяхъ принялъ онъ благоговѣйное привѣтствіе Каменъ, при чемъ — повѣрятъ ли потомки? — *стоялъ* передъ трономъ, для него приготовленнымъ!» Канцлеромъ университета былъ назначенъ сперва М. М. Сперанскій, потомъ графъ Армфельтъ, по смерти котораго выборъ палъ на графа Н. П. Румянцова; но какъ онъ отказался отъ предлагаемой ему должности, то университетъ осмѣлился повергнуть къ престолу всеподданнѣйшую просьбу, не удостоитъ ли великодушный Монархъ и его, по примѣру Упсальскаго и Лундскаго Университетовъ, пользовавшихся не разъ счастіемъ состоять подъ управленіемъ

членовъ королевскаго дома, подобною милостію, даровавъ ему канцлера въ особѣ Е. И. В. Государя Великаго Князя Николая Павловича. Императоръ, съ свойственнымъ благодушіемъ снисшелъ на просьбу университета, въ канцеляріи котораго теперь хранится одинъ драгоцѣнный актъ, писанный по-французски—рескриптъ Великаго Князя на имя членовъ университета... Любопытные могутъ прочесть его въ статьѣ г. Грота.

Такъ, по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, обогащенный во всѣхъ отношеніяхъ, университетъ сей началъ въ новыхъ стѣнахъ и жизнь въ полномъ смыслѣ новую. Въ-теченіи 9-ти лѣтъ слишкомъ, онъ, подъ отеческимъ управленіемъ Его Высочества, спокойно наслаждался плодами щедротъ Александра, и посреди постоянныхъ успѣховъ, признательно благословлялъ имена своихъ державныхъ покровителей. Неожиданная кончина обожаемаго Государя поразила музъ Ауры глубокою печалью; но могли ли слезы ихъ не осушиться, когда другой августѣйшій хранитель ихъ, восприявъ державу, назначилъ канцлеромъ Абоскаго Университета своего первороднаго сына и наслѣдника, Государя Великаго Князя Александра Николаевича?

1827 года, 4 сентября н. с., городъ Або жестоко пострадалъ отъ сильнаго пожара; въ числѣ другихъ общественныхъ зданій, сгорѣлъ и университетъ, съ своею библіотекою; но щедротами благополучно-царствующаго нынѣ Императора, подобно фениксу изъ пепла, снова возродился къ большему еще прожиу прежняго благосостоянію. Манифестомъ 9/21 октября 1824 г., Высочайше повелѣно, чтобъ Финляндскій Университетъ, для теснѣйшаго соединенія съ верховными правительственными мѣстами края, переведенъ былъ въ Гельсингфорсъ, и въ память своего незабвеннаго благотворителя, впредь назывался «Александровскимъ». Октября , 1832 года были торжественно открыты лекціи уже въ новомъ зданіи Гельсингфорса. Отсюду университетъ получалъ пособія. Особенно трогателенъ и замѣчателенъ, какъ признакъ образованности, развитой и въ низшемъ сословіи Финляндцевъ, былъ даръ, присланный университету *крестьянами* одного прихода (Вихтисъ, въ Ниландской Губерніи); даръ этотъ состоялъ въ 50-ти бочкахъ ржи, которыя университету предоставлялось употребить по его благоусмотрѣнію...

Студентовъ, посѣщавшихъ Финляндскій Университетъ отъ 1640 по 1840 годъ, было 15,763. Изъ этого числа, къ первому столѣтію относится 6,684 человѣка, ко второму 9,079.

1840 года, іюля 3/15, Александровскій Университетъ праздновалъ свой *двухсотлѣтній* юбилей, который былъ торжествомъ всей Финляндіи. Въ статьѣ г. Грота, любопытные найдутъ всѣ подробности этого торжества.

Вторая статья въ альманахѣ г. Грота, есть «Путешествіе на Юбилей 1840 года» — большое стихотвореніе (стр. 117—132), знаменитаго финляндскаго поэта Францѣна. Оно отличается общими качествами всѣхъ, писанныхъ на торжественные случаи стихотвореній.

«Финляндія въ русской поэзіи», письмо къ Цигнеусу г. Плетнева, замѣчательно, какъ фактъ, до какой степени Финляндія имѣла вліяніе на вдохновеніе нашихъ поэтовъ.

«Нѣсколько дней въ Лапландіи»—въ высшей степени любопытная статья г. Кастрена, доцента финскаго и древнихъ сѣверныхъ языковъ при Александровскомъ Университетѣ. Г. Кастренъ не разъ путешествовалъ по разнымъ областямъ Финляндіи, собирая памятники народной финской словесности. Главный трудъ г. Кастрена есть шведскій переводъ въ стихахъ большой финской поэмы «Калевала».

«Необойденный Домъ»—повѣсть князя Одоевскаго, прекрасно разсказанная.

«О національномъ характерѣ Финновъ» — чрезвычайно - любопытная

статья г. Эмина, лектора исторіи при гимназіи въ Борго, и издателя литературнаго листка.

«Макбетъ христіянская ли трагедія?» статья г. Рунеберга, не обличающая въ авторѣ особеннаго критическаго такта, или современныхъ понятій объ искусствѣ.

«О литературной совѣстливости» — письмо къ Рунебергу графа Соллогуба, содержаніемъ и изложеніемъ своимъ не совсѣмъ напоминаетъ даровитаго автора «Исторіи Двухъ Калошъ», «Тарантаса» и «Аптекарши». Немного странны могутъ показаться эти нападки на журналистику и на французскую литературу, какъ-будто отъ нихъ гибнетъ міръ?.. Гдѣ люди, тамъ и зло: но гдѣ люди, тамъ же и добро: вольно же, видя одно, не указывать на другое?.. И какъ сравнить Парижъ съ Або? Въ послѣднемъ не удивительна чистота нравовъ и безкорыстіе ученой и литературной дѣятельности: въ этомъ маленькомъ свѣтломъ ручейкѣ нѣтъ подводныхъ камней, на немъ не бываетъ бурь и ураагановъ, — плыви-себѣ, ничего не бойся, ничѣмъ не соблазняйся созерцая бѣдную, но величавую природу и погружаясь во внутрь святилища души своей... Парижъ — море, океанъ; но тамъ-то и слава смѣлому пловцу, презирающему и ярость волнъ и губительную твердость подводныхъ камней. А такіе отважные пловцы только и бываютъ, что на большихъ моряхъ... Немного странна и, признаться, немного смѣла мысль — изрекать анаѳему на цѣлый народъ, и объявлять его никуда негоднымъ... Пора бы оставить намъ выходки на цѣлыя націи, вмѣстѣ съ оставленными выходками противъ моднаго платья, французскаго языка, баловъ и танцевъ: все это не худо бы предоставить моральнымъ и бездарнымъ романистамъ... Деньги — вотъ зло въ литературѣ! — кричатъ всѣ. Да помилуйте, кто же можетъ существовать безъ денегъ, или кто захочетъ трудиться безъ вознагражденія?

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать!

справедливо сказалъ Пушкинъ. Торгуетъ своими трудами только посредственность; истинный талантъ не почтетъ для себя унизительнымъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почтетъ низостію писать для денегъ. Нѣтъ, и у насъ есть благородные дѣйствователи, отрадныя исключенія изъ общаго правила. Ссылаемся въ этомъ на самого графа Соллогуба, который, вѣроятно, самъ знаетъ не двухъ, не трехъ изъ нихъ... Тоже и въ журналистикѣ: это «Отеч. Записки» могутъ сказать смѣло, гордо и не краснѣя...

Но не съ одной этой стороны мы не согласны съ статьею графа Соллогуба: мы думаемъ также, что онъ несовсѣмъ опредѣлительно характеризуетъ русскихъ писателей:

«Передъ нами Державинъ съ своимъ мощнымъ стихомъ, Крыловъ съ народными баснями, Карамзинъ съ совѣстливыми и прекрасными трудами, Пушкинъ, пылающій страстію и остроуміемъ *(и только?..)*, Жуковскій, докторъ вашего университета, гремящій о славѣ русскаго величія на кровавомъ полѣ бородинской битвы. Вотъ имена, которыя мы произносимъ съ гордостью... а за ними имена Батюшкова, Веневитинова, Козлова, Языкова, Гоголя, Хомякова...»

Впрочемъ, если мы и «нападаемъ» на статью графа Соллогуба, то нападаемъ только на сущность ея, на содержаніе, а не на небрежности въ языкѣ: это предоставляемъ мы на разживу нищей братіи; только ея терпѣнію сродно высчитывать опечатки и мелкія обмолвки противъ грамматики, которую она такъ «твердо выучила». Судить о содержаніи она не въ силахъ; еслижь когда и примется, то наскажетъ такихъ диковинокъ, что досыта нахохочешься: ей, на-примѣръ, вдругъ покажется, что повѣсти Нарѣжнаго во сто кратъ лучше повѣстей Гоголя (дался ей этотъ Гоголь!), что въ повѣстяхъ Гоголя нѣтъ философскаго взгляда на свѣтъ (эти господа не шутя хлопочутъ о филосо-

сихъ взглядахъ!..), нѣтъ познанія сердца человѣческаго, и, наконецъ, что князь Одоевскій и графъ Соллогубъ выше Гоголя, какъ Чимбарасо выше Пулковской Горы... Избави насъ Богъ вступать въ споры съ этими господами о дѣлѣ вкуса, котораго имъ не далъ Богъ: но зачѣмъ же они ставятъ князя Одоевскаго и графа Соллогуба ниже даже гг. Булгарина и Греча, и объявляютъ, что оба означенные литератора не умѣютъ писать, не знаютъ языка и грамматики (если грамматики г. Греча—такъ правда: да кто же ее и знаетъ кромѣ самого «почтеннаго» ея автора?)?.. Что́ все это доказываетъ? - То, что гдѣ есть литераторы, тамъ есть и «сочинители», гдѣ люди, тамъ и разныя насѣкомыя, созданныя только для того, чтобъ жужжать и надоѣдать людямъ, которые то-и-дѣло прихлопываютъ ихъ...

«Нынѣшніе крестьяне-поэты Финляндіи»—прелюбопытная статья г. Ленрота, провинціальнаго врача въ Каянѣ. Г. Ленротъ—ревностный собиратель финскихъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ и т. п. Онъ обошелъ нѣкоторыя части Финляндіи пѣшкомъ, и важнѣйшими плодами его странствованій были: «Кантелетаръ» (Дочь Арфы), огромное собраніе отдѣльныхъ пѣсенъ, и «Калевала» (Финляндія), 32 большія пѣсни, составляющія, по открытію, одно цѣлое, родъ эпической поэмы.

Вообще, любопытнѣйшія статьи въ альманахѣ г. Грота суть тѣ, которыя непосредственно относятся къ Финляндіи.

112) Мараны, *историческая повѣсть* Людвига Филипсона. *Перевелъ съ нѣмецкаго* Бернардъ Бертензонъ. *Одесса. Въ городской типографіи. 1842. Въ 12-ю д. л. 269 стр.* (Цѣна 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к. сер.).

Это одно изъ тѣхъ бельлетрическихъ произведеній, которыхъ въ много-пишущей и много-читающей Германіи цѣлыя сотни тысячь, которыя тамъ печатаются для удовольствія самихъ сочинителей, но не читаются публикою, и которыя переводятся иногда на русскій языкъ неопытными юношами, употребляющими на нихъ свое знаніе нѣмецкаго языка и свободное время. *Мараны* — испанскіе Евреи, которые по принужденію приняли христіанскую вѣру, втайнѣ исповѣдуя свою, за что благочестивымъ и ревностнымъ испанскимъ духовенствомъ и были преданы аутодафе, въ XV столѣтіи, при Фердинандѣ-Католикѣ. Къ этому обстоятельству авторъ, г. Филипсонъ, присоединилъ взятіе Гренады, — и изъ толпы о́бразовъ безъ лицъ, изъ множества реторическихъ рѣчей, несвойственныхъ говорящимъ, составилъ повѣсть немного-похуже Флоріанова «Гонзальва Курдуанскаго» и немного-получше «Георга, милорда Англинскаго». Что касается до перевода, онъ довольно-хорошъ; жаль только, что трудъ переводчика потраченъ неумѣстно; въ особенности же переводъ замѣчателенъ тѣмъ, что принадлежитъ бывшему воспитаннику еврейскаго училища въ Одессѣ, и служитъ образцомъ того старанія, съ какимъ молодые люди изъ Евреевъ усвоиваютъ себѣ языкъ русскій.

113) Звѣздочка. *Разныя сочиненія* Ивана Ваненко. *Москва. 1842. Въ тип. Лазаревыхъ. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й — 246, во II-й 208 стр.*

Прежде, назадъ тому не болѣе года, г. Ваненко писалъ только прозою, и мы охотно готовы были согласиться съ тѣми, которые бы сказали, что у г. Ваненко есть признаки таланта. Но теперь — увы! — г. Ваненко пишетъ даже и стихами, тѣми убійственно-водяными стихами, которые показываютъ отсутствіе не только таланта, но и всякаго хорошаго такта: на-прим., этакіе стихи:

Я наружностью цвѣлъ,
Я еще не отцвѣлъ,
Но внутри меня червь источилъ
И я только одной
Укрѣпляюсь корой (?!)
И послѣднихъ лишуся силъ. (стр. 11)

Или:

> Разцвѣтай, мой макъ пунцовый,
> Василечикъ бирюзовый,
> Я вплету тебя въ вѣнокъ
> Милый мой цвѣтокъ!
> Что мнѣ розы и лилеи,
> Полевой цвѣтокъ милѣе,
> Поселянкой бѣдной онъ
> Больше предпочтенъ.

Слѣдующіе стихи также едва-ли могутъ дать выгодное понятіе о вкусѣ г. стихотворца:

> Жуковскаго или Козлова
> Прочтешь—благодаришь душой,
> А какъ возмешь читать другова,
> То скажешь—*дуй его горой!..*

И послѣ такихъ стиховъ можно еще ручаться за талантъ? можно подозрѣвать присутствіе сколько-нибудь вѣрнаго такта? — Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ; и если бы нужны были доказательства еще болѣе убѣдительныя, мы могли бы представить ихъ не только изъ стиховъ г. Ваненки, но и изъ его прозы, потому-что вторая часть его «Звѣздочки» писана прозою. Но мы не думаемъ, чтобъ нужно было доказывать то, что̀ ясно какъ день Божій. По-крайней-мѣрѣ, чтеніе стихотвореній г. Ваненко произвело на насъ такое странное дѣйствіе, что мы и въ самой прозѣ его, не смотря на все желаніе, не могли найдти ничего добраго, ничего такого, что̀ моглобы возбудить охоту и впредь читать его сочиненія.

114) **Месть за Месть.** *(Древнее русское народное преданіе). Повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе* К. Е.... *Съ картинкою. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1841. Въ 16-ю д. л. 108 стр.*

Г. К. Е... говоритъ, что это его «первые опыты», которые онъ «посвящаетъ въ пользу бѣднаго семейства». Плохое же средство избралъ г. сочинитель благодѣтельствовать ближнимъ! Его первые опыты едва-ли кто купитъ. Если вы такъ человѣколюбивы, г. сочинитель, то есть много другихъ, простѣйшихъ средствъ благотворить несчастнымъ, а пользоваться бѣдствіемъ ближнихъ для того, чтобъ пріобрѣсть себѣ жалкую извѣстность, — совершенно нечеловѣколюбиво. Скажите, за что благодѣтели, купившіе вашу книжку, должны будутъ читать такіе стихи:

> «Вдругъ бѣсъ-то и сгинулъ креста не сробѣлъ
> А этаго струсилъ, гадь экой какой
> Пострѣлъ непутевой, подумай, родной?
> Мы будемъ умнѣе; какъ разъ покрякѣть
> Заставимъ Асмодьку». — А вотъ что, какъ я, и т. д.

115) **Ковелъ Бунтовщикъ**, *или Машина свадьба. Новѣйшая повѣсть.* **Изданіе второе.** *Москва. 1842. Въ тип. Лазаревыхъ Инст. Вост. Языков. Въ 8-ю д. л. 81 стр.*

Авторъ говоритъ въ эпиграфѣ, что

> Въ старыхъ повѣстяхъ есть уже много пыли,
> Но эта вновь составлена изъ были.

Это ошибка: онъ хотѣлъ сказать, что «въ старыхъ повѣстяхъ есть уже много пыли, а эта *вся* составлена изъ пыли», изъ той дрянной пыли, которая толстымъ слоемъ лежитъ на «старыхъ повѣстяхъ». *Второе изданіе* этой книжки есть не что иное, какъ остроумная мистификація. Слова «второе изданіе» собственно должны относиться къ обертке книжки, на которой явилась виньетка.

116) **Деревенская Забавная Старушка,** *по вечерамъ разсказывающая простонародныя веселыя сказочки и разныя старинныя небылицы.* Не любо, не слушай, а лгать не мѣшай. *Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1842. Въ 8-ю д. л. 274 стр.*

Коллекція интересныхъ сказокъ, нѣкогда красовавшихся на лубочныхъ картинкахъ, теперь является въ книжкѣ напечатанной *гражданскою печатью.* Варварское искаженіе! Здѣсь уже не найдете «Повѣсти о бабьихъ увертках и о непостоянныхъ ихъ документахъ». Здѣсь хотя и есть «Емеля дурачокъ», «Иванъ царевичь» въ мужицкихъ лаптахъ и рукавицахъ, но есть также и

«Эдуардъ Царевичъ». Старушка ударилась въ Нѣмечину!

117) Русскій Патріотъ. *Отечественное пѣснопѣніе. Спб. Въ типографіи Карла Крайя. 1842. Въ 8-ю д. л. 24 стр.*

Неизвѣстный «пѣснопѣвецъ», настроивъ свою лиру на классическій ладъ, такъ взываетъ къ Россіи:

Не пасынокъ — твой сынъ, слуга не лицемѣрный,
Дерзаетъ пѣть тебя, и думу думать вслухъ.

Чувство любви къ отечеству — благородное и возвышенное чувство: но оно должно высказываться не въ плохихъ виршахъ, и такъ-какъ хорошая цѣль не оправдываетъ дурнаго выполненія, — то мы и совѣтовали бы неизвѣстному «отечественному пѣснопѣвцу» заняться лучше сочиненіемъ протоколовъ и отношеній, чѣмъ терзать слухъ своихъ соотечественниковъ стихотворною нескладицею, въ родѣ слѣдующей:

Россіи *каждый* дворянинъ
Благими *красится* дѣлами,
Родные чувствами, сердцами.
Вельможа, воинъ, гражданинъ.
Вмѣщая въ сердцѣ правоту,
Нося санъ званія священный (?!),
Бояринъ русскій просвѣщенный,
Презрѣвъ надменность, суету —
Для общей пользы и для благъ,
Трудовъ и жизни не жалѣя,
Къ Царю душою пламенѣя, —
Добромъ свой измѣняетъ шагъ,
Не для себя, не для родни,
Но жатву Россамъ собираетъ.
Бояринъ русскій просвѣщенъ;
Въ душѣ и въ чувствахъ благороденъ;
Ползти, склоняться въ прахъ несроденъ,
И нѣгою не пресыщенъ;
Умѣренъ въ жизни средь *довольствъ*,
Врагъ роскоши пустой, *излишней*;
Супругъ, отецъ въ семействѣ нѣжный,
И другъ радушья, хлѣбосольствъ.

Читая подобныя нелѣпости, поневолѣ вспоминаешь о «Петріадахъ» «Александріадахъ» и другихъ «идахъ», «ядахъ», и «адахъ»; а вспомнивъ о нихъ, невольно вспоминаешь стихъ изъ комедіи Грибоѣдова:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

118) Гуакъ, *или непреоборимая вѣрность. Рыцарская повѣсть.* Изданіе второе. *Спб. Въ типографіи А. Сычева. 1842. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-ой* — 115, *во II-ой* — 101 *стр.*

Глупая сказка въ родѣ «Георга Милорда Англинскаго». Какъ жаль, что наши грамотные простолюдины не могутъ ничѣмъ лучше удовлетворять свою охоту къ чтенію! Языкъ, правописаніе, бумага, печать — все въ «Гуакѣ» соотвѣтствуетъ нелѣпости и пошлости содержанія и вполнѣ оправдываетъ назначеніе типографіи г. Сычева.

119) Сказка о Мельникѣ (-) Колдунѣ, о Хлопотливой Старухѣ (,) о Жидкахъ и Батракахъ. *Соч.* Е. Алипанова. Изданіе второе. *Въ типографіи Е. Алипанова. Въ 32-ю д. л. 59 стр.*

Если правда, что эта книжонка напечатана вторымъ изданіемъ, — то по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ «Гуакъ или непреоборимая вѣрность» достигъ втораго изданія. Алипановъ смышлёный русскій мужичокъ, разсудившій, что авторство ему сподручнѣе хлѣбопашества, а перо легче сохи и бороны, — и вотъ, настроивъ волосяной гудокъ, нашъ мужичокъ поетъ православному люду:

Въ подмосковской деревнюшкѣ,
Въ свѣтлой, новенькой избушкѣ,
Жилъ, былъ мельникъ чудородъ,
А по имени Ѳедотъ.
Съ молодыхъ лѣтъ до морщины,
Не знавалъ Ѳедотъ кручины;
Съ пѣсней рожь, овесъ мололъ,
Попѣвая, за помолъ
Бралъ онъ денежки съ народу,
Пѣлъ, закинувъ сѣти въ воду;
За ничто считавъ ершей,
Щукъ ловилъ, да карасей;
Ѣлъ ушицу, *пѣлъ до поту:*
То-то жизнь была Ѳедоту!

Въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ Ѳедотъ былъ мужикъ не глупый: лучше потѣть надъ ухою, чѣмъ надъ плохими виршами, плоскими и грязными сказками.

120) **Петръ Великій**, *историческая араторія въ двухъ отдѣленіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго* П. Ободовскимъ, *и положенная на музыку* Л. Фуксомъ. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Эта книжечка издана на двухъ языкахъ — нѣмецкомъ и русскомъ. Авторъ нѣмецкихъ стиховъ неизвѣстенъ; ихъ передѣлалъ на русскій ладъ — г. Ободовскій, переводчикъ тысячи-одной нѣмецкой драмы, которыя обыкновенно съ такимъ шумомъ даются на Александринскомъ Театрѣ, и которыя ровно ничего не значатъ для драматической литературы. Ораторія была исполнена недавно въ концертѣ здѣшняго Филармоническаго Общества; мы ничего не слыхали о музыкальномъ ея достоинствѣ, но душевно желаемъ, чтобъ музыка произвела благопріятнѣйшее впечатлѣніе на публику, нежели то, какое производятъ стихи ея. Не худо бы помнить гг-мъ стихотворцамъ, работающимъ надъ оперными и ораторными либретто, что не все то поэзія, что укладывается въ размѣръ и заостряется рифмами. Въ стихахъ г. Ободовскаго есть такія диковинки, что Боже упаси!

121) **Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи**, *издаваемые съ Высочайшаго соизволенія, при статистическомъ отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1841. Въ 8-ю д. л. 382, 45, 203, 144 и V стр. (всего 781 стр.) и V №№ таблицъ.* (Цѣна 3 р., съ пер. 4 р. 50 к. сер.).

Эта огромная книга, составляющая второй томъ или продолженіе къ книгѣ, изданной подъ тѣмъ же названіемъ въ 1839 году,(*) богата драгоцѣннѣйшими матеріалами для статистики, ожидающими искусной руки, которая дала бы имъ жизнь. Она содержитъ въ себѣ: 1) Краткое обозрѣніе древнихъ русскихъ зданій и другихъ отечественныхъ памятниковъ (Церкви и монастыри.) — (382 стр.); 2) Законы народонаселенія въ Россіи (численное отношеніе одного пола къ другому, пространства къ народонаселенію, умирающихъ къ раждающимся и т. п.); 3) Историко-статистическое обозрѣніе Рязанской Губерніи; 4) Статистическое обозрѣніе Кавказской Области; 5) Города Рязанской Губерніи; 6) Города Тульской Губерніи; 7) Историческая и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществахъ въ Черниговской Губерніи; 8) Потребленіе вина въ Россіи; 9) Статистическія свѣдѣнія о лѣсной и рыбной промышленности Верхнеудинскаго Округа; 10) Сравнительная вѣдомость объ отправкѣ съ рыбинскихъ пристаней хлѣбныхъ товаровъ въ-теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, съ 1830 — 1840 годъ; 11) Обозрѣніе руднаго производства частныхъ оренбургскихъ заводовъ, въ 1838 году; 12) Справочныя цѣны на провіантъ и фуражъ въ Москвѣ въ-теченіе 21 года, съ 1819 по 1840 годъ (съ таблицами).

Всѣмъ извѣстно, какъ трудно, или лучше сказать, какъ невозможно у насъ собирать частному человѣку статистическія свѣдѣнія: книгою, издаваемою отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, просвѣщенное правительство даетъ прочное основаніе и вѣрный источникъ для хорошихъ сочиненій по части русской статистики. Эта огромная книга, какъ замѣчено, уже вторая и, безъ сомнѣнія, ихъ будетъ еще много, — чего и должно желать: ибо въ такомъ дѣлѣ — чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

122) **Описаніе Государственнаго Разряднаго Архива**, *съ присовокупленіемъ списковъ со многихъ хранящихся въономъ любопытныхъ документовъ, составленное* Петромъ Ивановымъ. *Москва: Въ тип. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. XVII, 447 и 29 стр.*

Мы не помнимъ времени, когда бы съ такою неутомимою заботливостію

(*) Отеч. Записки 1839, томъ IV, Библ. Хрон. стр. 52.

отъискивались и издавались въ свѣтъ памятники нашей старины и многоразличные акты, служащіе къ объясненію нашихъ древностей, нашей исторіи, какъ теперь. Москва и Петербургъ будто соперничаютъ въ приготовленіи изданій, въ которыхъ бы изъяснялись или, по-крайней-мѣрѣ, содержались какія-нибудь новыя открытія, сдѣланныя въ послѣдніе годы по части нашей старой письменности. Благодаря этимъ изданіямъ, литература «источниковъ» для русской исторіи сдѣлала уже многія очень-важныя пріобрѣтенія (о которыхъ достаточное понятіе читатели могутъ получить изъ отчетовъ Библіографической Хроники нашего журнала) и, какъ видно по всему, продолжаетъ дѣлать ихъ и теперь. Въ доказательство нашего мнѣнія, на этотъ разъ беремъ только замѣчательный трудъ г-на Иванова, который давно уже извѣстенъ своею дѣятельностію и способностію въ разработкѣ актовъ, принадлежащихъ древней нашей исторіи. Книга г. Иванова, не смотря на скромное заглавіе, содержитъ въ себѣ очень-много любопытнаго и важнаго не только для любителей старины, но и для самой исторіи. Она составлена по бумагамъ, принадлежащимъ Разрядному Архиву и до-сихъ-поръ остававшимся почти нетронутыми, хоть важность ихъ во многихъ отношеніяхъ неоспорима. Г. Ивановъ начинаетъ свою книгу описаніемъ самого архива, то-есть содержащихся въ немъ документовъ. Эти документы дѣлятся на восемь разрядовъ: 1) боярскія книги; 2) боярскіе списки (содержавшіе сходнаго съ первыми, кромѣ того, что здѣсь въ описаніи всевозможная краткость, ограничивавшаяся почти показаніемъ однихъ именъ) ; 3) десятенные списки (съ подробнымъ показаніемъ людей, принадлежащихъ къ военному званію); 4) смотрѣнные списки (гдѣ означались и самые оклады); 5) осмотры раненнымъ и престарѣлымъ ; 6) десятенные о раздачѣ наградъ ; 7) жилецкіе списки; 8) списки о состояніи городовъ.

Но самую интересную часть книги г. Иванова безспорно составляютъ приложенія, или выборъ изъ архивныхъ документовъ, сдѣланный съ большимъ умѣньемъ. На первомъ мѣстѣ находите здѣсь выписки изъ списковъ, относящихся до разнаго рода службъ, извѣстныхъ у насъ въ древности; нельзя составить себѣ лучшаго понятія о состояніи и средствахъ нашего военнаго класса въ древнія времена, какъ по этимъ извлеченіямъ. За тѣмъ слѣдуютъ «Документы, относящіеся до (?) вступленія на россійскій престолъ Михаила Θеодоровича Романова и последовавшихъ за тѣмъ событій». Эта часть — одна изъ самыхъ интересныхъ въ книгѣ г. Иванова Здѣсь собраны не только грамматы, относящіяся до вступленія царя Михаила Θеодоровича на престолъ, но и всѣ тѣ, въ которыхъ содержатся распоряженія великаго Земскаго Совѣта, пока онъ управлялъ дѣлами всего Московскаго Государства. Эти акты особенно важны въ историческомъ отношеніи. Изъ нихъ мы получаемъ ясное понятіе объ обширной, хоть и непродолжительной дѣятельности нашего Земскаго Совѣта и о томъ важномъ значеніи, которымъ онъ пользовался во время своего властвованія. Здѣсь, кромѣ постоянной заботливости совѣта о возстановленіи законнаго самодержавія, находимъ и наказы воеводамъ, предводительствовавшимъ войсками, и распоряженія относительно заготовленія запасовъ, прекращенія грабежей и разбоевъ, назначенія новыхъ воеводъ, и проч. и проч. Далѣе, слѣдуетъ описаніе нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ церковныхъ церемоній, напримѣръ, шествія патріарха на осляти, что обыкновенно происходило въ вербное воскресенье, и др. Но всего занимательнѣе въ книгѣ г. Иванова, по нашему мнѣнію, «Дѣла по мѣстничеству». Г. Ивановъ напечаталъ уже въ «Историческомъ Сборникѣ» нѣсколько разобранныхъ имъ мѣстническихъ процессовъ; здѣсь онъ дѣлаетъ очень-важное къ нимъ прибавленіе, прилагая

«дѣла», относящіяся собственно къ временамъ царя Михаила Ѳедоровича и послѣдующихъ царствованій. Всѣ эти акты служатъ самымъ яснымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу того мнѣнія, что преобразованіе, предпринятое Петромъ-Великимъ, было для насъ совершенною необходимостью, показывая, до какой мелочной формальности дошла-было русская жизнь, предоставленная самой-себѣ. Мы укажемъ особенно на «*дѣло*» князя Козловскаго съ Нарышкинымъ, которымъ указано было находиться за столомъ у патріарха. Это *дѣло* замѣчательно особенно потому-что оно относится ко временамъ соцарствованія, слѣдовательно, производилось спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сожженія разрядныхъ книгъ царемъ Ѳеодоромъ Алексіевичемъ. Кромѣ того, любопытенъ и самый ходъ дѣла. Козловскій, вѣроятно для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, сказался больнымъ; его велѣно привезти въ его же каретѣ: но какъ предусмотрительный князь припряталъ и экипажъ и лошадей, то его возложили на простую телегу и въ такомъ экипажѣ привезли ко дворцу, куда онъ внесенъ былъ на «килемѣ», или рогожѣ. Но князь и здѣсь не оставилъ своего упрямства: вмѣсто того, чтобъ идти къ столу, онъ расположился на полу и лежалъ «многое время». Наконецъ его подняли, и какъ онъ не хотѣлъ садиться, то его цѣлый столъ держали подъячіе... По царскому указу, князь Козловскій былъ приговоренъ къ лишенію боярства.

Послѣднее отдѣленіе въ книгѣ г-на Иванова составляютъ разныя донесенія государямъ, рѣчи имъ говоренныя, жалобы по разнымъ случаямъ и «Наказъ о посольствѣ въ Китай Ѳедора Байкова» — акты не менѣе важные и любопытные. Словомъ мы не могли бы ожидать отъ частнаго собирателя болѣе-интереснаго и занимательнаго собранія грамматъ и актовъ, какъ то, какое вышли въ книгѣ г. Иванова. Сверхъ всего, это изданіе обогащено нѣсколькими снимками съ рукописей и указателемъ.

Наконецъ, мы не можемъ удержаться, чтобъ не взять изъ книги г. Иванова двухъ замѣчательнѣйшихъ и чрезвычайно-характеристическихъ современныхъ актовъ. Одинъ изъ нихъ есть прошеніе князей Трубецкаго и Пожарскаго царю Михаилу Ѳеодоровичу:

«Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи, *холопи твои* Митька Трубецкой да Митька Пожарской челомъ бьютъ. Были мы холопи твои на твоей государевой службѣ подъ Москвою въ 119 году и голодъ и нужду великую терпѣли, и въ приходъ тотъ въ крѣпкихъ осадахъ сидѣли, и съ разорители вѣры крестьянской, съ Польскими и съ Литовскими людьми, бились не щадя головъ своихъ, и всякихъ людей на то приводили, что не увидя милости Божьей, отъ Москвы не отхаживать. И милостью Всемогущаго Бога и Пречистыя Богоматеря, и твоимъ, Государевымъ, Царевымъ и Великого Князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи счастьемъ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казаковъ, и стрѣльцовъ, и всякихъ служилыхъ людей прямою службою и кровью, Московское Государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей очистили, и многихъ людей свободными учинили, и нынѣ, Государь, приходятъ къ намъ и стольники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и приказные люди, и жильцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, которые съ нами холопи твоими были подъ Москвою, и бьютъ челомъ тебѣ, Государю, чтобъ имъ видѣть твои царьскіе очи на встрѣчѣ, *а мы холопи твои безъ твоего Государева указу на встрѣчу тебѣ Государю ѣхать не смѣемъ*, и ожидаемъ отъ тебя Государя милости и твоего царьскаго указу, какъ ты намъ, холопемъ *своимъ повелишь*. И милость бы тебѣ Государю надъ нами и надо всѣми ратными людьми, которые были съ нами

подъ Москвою, показать, велѣть намъ свой Государевъ указъ учинить, гдѣ велишь намъ холопемъ твоимъ и всѣмъ ратнымъ людямъ, свои царьскіе пресвѣтлые очи видѣть на встрѣчѣ, и въ который день и въ которомъ мѣстѣ.»

Другой актъ относится къ мѣстничеству и не менѣе замѣчателенъ своею лаконическою выразительностію. Это — дѣло стольника Татищева съ Пожарскимъ:

«7126 іюня въ 10 день, писалъ къ Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, изъ Калуги бояринъ князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, что онъ лежитъ боленъ, и ожидаетъ смерти съ часу. — И Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, указалъ къ боярину ко князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спросити послать стольника Юрья Игнатьева сына Татищева; и Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи, билъ челомъ стольникъ Юрья Татищевъ, что ему къ боярину ко князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому ѣхати *невмѣсно*. — И Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, стольнику Юрью Татищеву велѣлъ отказать, что ему ко князю Дмитрею ѣхати мочно, бьетъ челомъ онъ на князя Дмитрея не по дѣлу, и велѣлъ его поставити къ рукѣ. — И по Государеву, Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, Юрью Татищеву сказано, чтобъ онъ у руки былъ и ко князю Дмитрею ѣхалъ, и Юрьи Татищевъ государева указу не послушалъ и съ верху сбѣжалъ. И къ Юрью посыланы подъячіе, Ѳедька Ивановъ съ товарыщы; и Юрьи у себя не сказался, и у него взяты люди его, и того же дни Юрьи въ Разрядѣ явился и передъ Государемъ ставленъ. — И Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи, указалъ Юрьи Татищева за безчестье боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарскаго *бити кнутомъ и отослати ко князю Дмитрею головою*. — И *тою же дни* Юрьи Татищевъ *кнутомъ въ Разрядѣ битъ*, и ко князю Дмитрею посланъ съ Воротынцомъ съ Ѳедоромъ съ Матовымъ.» (стр. 337—8).

123) **Очерки Россіи**, *издаваемые* Владиміромъ Пассекомъ. *Книга V. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1842. Въ 8-ю д. л. 234 стр.*

Не разъ уже мы имѣли случай отдавать должную справедливость этому во всѣхъ отношеніяхъ прекрасному изданію: теперь, при выходѣ пятой книжки, намъ остается еще разъ повторить нашу благодарность дѣятельному издателю за умѣнье его составлять книжки этого занимательнаго сборника. Пятая книжка также составлена изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, принадлежащихъ частію самому издателю, частію его сотрудникамъ. Первое мѣсто, какъ по порядку расположенія, такъ особенно по интересу и важности содержанія, принадлежитъ безспорно «Портфелю Ломоносова», откуда нѣсколько бумагъ, отрывковъ и замѣчаній было уже сообщено въ предъидущихъ книжкахъ «Очерковъ»: Новыя бумаги, напечатанныя въ послѣдней книжкѣ, точно также взяты съ собственно-ручныхъ черновыхъ Ломоносова, и заключаютъ въ себѣ разные проекты и предположенія, которыя онъ составлялъ по разнымъ предметамъ въ качествѣ члена Академіи. Для насъ и для науки нашего времени эти бумаги безъ сомнѣнія не могутъ имѣть никакого особеннаго значенія; но будущій біографъ Ломоносова найдетъ въ нихъ самое неоспоримое и осязательное доказательство его многосторонней и разнообразной ученой дѣятельности. Обращая особенное вниманіе на отношенія Ломоносова къ сочленамъ его въ Академіи, — сколько можно судить объ этомъ по его черновымъ бумагамъ, — г. Пассекъ очень-остроумно замѣчаетъ: «Мы видимъ, что Ломоносовъ вполнѣ сочувствовалъ великому *преобразователю* Россіи и, какъ

человѣкъ въ полномъ смыслѣ *народный*, не находилъ въ его *преобразованіяхъ* ничего противорѣчащаго своимъ понятіямъ и чувствамъ. Это великое доказательство народности самого Петра. И вредные плоды отъ перенесенныхъ съ Запада успѣховъ образованности должно искать не въ *насажденіи* Петра, но въ ложномъ ихъ направленіи, въ неправильномъ, чуждомъ народности, воздѣлываніи этого разсадника: иначе могъ ли бы архангельскій крестьянинъ, а потомъ образованный и глубоко ученый человѣкъ, страдавшій и падшій въ борьбѣ *за народность*, — *сочувствовать* великому преобразователю и говорить: *дайте возрастать свободно насажденію Петра Великаго*»... Въ томъ, что г. Пассекъ говоритъ далѣе, онъ уже нѣсколько увлекается своею мыслію. — Изъ прочихъ капитальныхъ статей, входящихъ въ составъ пятой книжки, мы должны назвать здѣсь двѣ: «Обычаи и повѣрья Финновъ» и «Нѣсколько свѣдѣній о Новгородской Губерніи». Первая, принадлежащая самому издателю, отличается многими занимательными подробностями о домашнемъ бытѣ этого племени и также можетъ дать довольно-ясное понятіе о народной его поэзіи. Вторая статья, составленная по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, замѣчательна подробнымъ и вѣрнымъ описаніемъ системъ водяныхъ сообщеній, имѣющихъ отношеніе къ Новогородской Губерніи. — Въ Смѣси интереснѣе прочихъ изслѣдованіе о «ключѣ», упоминаемомъ въ олеговомъ договорѣ, — также самого издателя.

124) История Похода 1815 года. *Сочиненіе прусской службы майора* фонъ Дамица. *Съ примѣчаніями дивизіоннаго генерала старой арміи французской. Пер. съ французскаго генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ* Хатовъ 1-й. *Томъ первый, въ 2-хъ частяхъ. Съ тремя планами и картою театра военныхъ дѣйствій въ Нидерландахъ въ 1815-мъ году. Санктпетербургъ. Въ военной типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 519 стр.*

Чѣмъ многостороннѣе представляется какой-либо предметъ, тѣмъ вѣрнѣе и ближе къ истинѣ онъ постигается. Историческій фактъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, — родъ тяжебнаго дѣла: чтобъ глубоко изслѣдовать, вѣрно обсудить и справедливо рѣшить его, надобно выслушать не только обѣ тяжущіяся стороны, но и свидѣтелей. Поэтому, для насъ, Русскихъ, чрезвычайно-важны свидѣтельства другихъ народовъ въ дѣлѣ великой всемірной войны, въ которой мы играли такую важную и блестящую ролю. «Исторія похода 1815 года», сочиненная Пруссакомъ и пополненная примѣчаніями Француза, весьма-интересна для историка великой войны. Переводчикъ прекрасно выполнилъ свое дѣло. Изданіе опрятно и снабжено необходимыми приложеніями, т. е. планами и картами, вѣрно и отчетливо сдѣланными.

125) О (*объ?*) Индійцахъ, водворившихся въ Астрахани. *5-е отдѣленіе, сочиненіе путешествовавшаго по Россіи съ 1824 по 1835 годъ*, Андрея Павлова. *Спб. Въ типографіи А. Бородина и К°. 1842. Въ 8-ю д. л.* 15 *стр.*

Не знаемъ, будетъ ли г. Павловъ еще что-нибудь издавать «о (объ) Индійцахъ, водворившихся въ Астрахани»; но только эта тетрадка есть первая, а отнюдь не *пятое* отдѣленіе «о (объ) Индійцахъ». Названо же оно пятымъ вѣроятно по отвычкѣ отъ русскаго языка сочинителя, съ 1824 по 1835 годъ путешествовавшаго по нагайскимъ, калмыцкимъ и другимъ улусамъ, и потому невольно заимствовавшаго у этихъ улусовъ синтаксисъ и вообще способъ выраженія. Повторяемъ уже два раза сказанное нами о сочиненіи г. Павлова: оно интересно по содержанію, но безграмотно по изложенію.

126) Московский Адресъ Календарь, *для жителей Москвы, составленъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ* К. Нистремомъ. *Томъ первый.* Путеводитель Москвы. Ч-

сква. Въ тип. С. Селивановскаго. 1842. Въ 8-ю д. л. 117 стр.

Москва, обширная и разнообразная, не совсѣмъ-знакомая и кореннымъ своимъ жителямъ, давно нуждается въ хорошемъ путеводителѣ. Немногія сочиненій, изданныя по этому поводу, оказались неудовлетворительными, и г. Нистремъ рѣшился исправить этотъ недостатокъ. Онъ предпринялъ «составить книгу, которая, удовлетворяя любопытству, разрѣшала бы затрудненія при разнообразныхъ сношеніяхъ и занятіяхъ жителей» (Москвы). Онъ предпринялъ «доставить отвѣты на всѣ вопросы любопытства и необходимости». Но достигаетъ ли этой цѣли «Московскій Адрессъ-Календарь»? Судя по первой части, въ которой помѣщенъ собственно «Путеводитель Москвы», едва-ли можно сказать утвердительно. За исключеніемъ бѣглаго очерка возстановленія Москвы подъ управленіемъ князя Д. В. Голицына, книжка состоитъ изъ голой номенклатуры частей, улицъ, церквей и другихъ зданій. «Адрессъ-Календарь» отличается совершеннымъ отсутствіемъ логическаго порядка; такъ, на-прим., Школа Рисованія графа Строгонова и другія заведенія, помѣщающіяся въ наемныхъ домахъ, превращены въ «публичныя зданія и присутственныя мѣста»! Между наименованіями рынковъ, площадей и мостовъ попадаются фамиліи городскихъ нотаріусовъ и маклеровъ — живыя существа, одиноко стоящія между мертвыми принадлежностями Москвы! Путеводитель Москвы не отличается даже полнотою, на-пр., вы изъ него не узнаете, есть ли въ Москвѣ «Карунинская Площадь», хотя эта красивая площадка находится въ центрѣ города.

127) Существуютъ ли въ Медицинѣ, *для леченія воспалительныхъ и лихорадочныхъ болѣзней основанія прочные тѣхъ, какими наполнены иностранные писатели настоящаго времени. Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 12-ю д. л. 71 стр.*

Заглавіе выражаетъ вопросъ. Содержаніе книги должно быть отвѣтомъ. Мы прочли всю книжку — и отвѣта не нашли: вина не наша. Авторъ дѣльно говоритъ о пищѣ, желудкѣ, лихорадкѣ и горячкѣ: но вопросъ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ: «*существуютъ* ли въ медицинѣ; *для* леченія воспалительныхъ и лихорадочныхъ болѣзней» и такъ далѣе?..

128) Лѣченіе Молокомъ, *или изложеніе врачебныхъ качествъ молока, сыворотки, пахтанья и проч., съ наставленіемъ какъ употреблять ихъ въ разныхъ болѣзняхъ. Состав.* А. С—въ. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 18-ю д. л. 71 стр.*

Маленькая книжонка, т. е. маленькая компиляція, о которой больше нечего сказать. Развѣ (съ позволенія составителя) спросить только, что значатъ въ концѣ книги выставленныя таинственныя слова: *Л. М.* (?) Мы думали, думали, и никакъ не догадываемся, что они означаютъ. Вѣрно: *Люби Меня*, что очень-кстати, подлѣ статьи «О сметанѣ и маслѣ».

129) Практическія Упражненія въ Физикѣ, *или собраніе вопросовъ и задачь съ отвѣтами и рѣшеніями.* Піерра, *профессора математики и физики. Переводъ съ французскаго* А. Н. *Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. VI и 298 стр. Съ чертежами.*

Вотъ книга истинно-полезная! Для молодыхъ людей, которые, изучая физику, хотятъ, чтобъ въ ихъ умѣ остались познанія ясныя и прочныя, это необходимое пособіе. У насъ, на рускомъ языкѣ, есть довольно сочиненій, своихъ ли то, или переводныхъ, въ которыхъ излагается болѣе или менѣе удовлетворительно физика какъ цѣлое, какъ наука; но не было доселѣ отдѣльной книжки, въ которой были бы собраны задачи, относящіяся къ различ-

мымъ пунктамъ теоріи этой науки. Однакожь, необходимость подобныхъ упражненій при изученіи физики не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во всякой наукѣ, какъ во всякомъ дѣлѣ, есть своя практика, и вы не можете освободить себя отъ ней безъ существеннаго вреда для себя. Въ изученіи физики практика можетъ быть двухъ родовъ: рѣшеніе задачь на бумагѣ, и обращеніе съ инструментами, или, какъ говорятъ, манипуляціи. Втораго рода упражненія, безъ сомнѣнія, самыя полезныя и близкія къ цѣли, какова бы ни была эта цѣль, но они не всякому сподручны, между-тѣмъ, какъ упражненія перваго рода всегда доступны для учащагося. Изъ матеріальныхъ условій здѣсь не нужно ни инструментовъ, ни разныхъ веществъ: нуженъ только листъ бумаги да перо, предполагая, что вы имѣете нѣкоторыя свѣдѣнія въ математикѣ. Дѣло состоитъ въ томъ, что въ изученіи физики, равно какъ въ частныхъ физическихъ изъисканіяхъ, исчисленіе имѣетъ свое необходимое мѣсто. Вы работаете чистымъ мышленіемъ, когда это достаточно; въ другихъ случаяхъ, вы беретесь за инструменты, когда до этого доходитъ дѣло; наконецъ, вы прибѣгаете къ исчисленію, какъ скоро въ вашъ вопросъ входитъ извѣстное число условій, изъ которыхъ надобно извлечь одинъ результатъ. Такъ, думаемъ мы, должно понимать изученіе физики, и съ этой точки зрѣнія оцѣнивать книгу, представляющую собраніе важнѣйшихъ задачь, раждающихся изъ различныхъ физическихъ теорій. Подобная книга есть необходимое дополненіе «Руководствъ къ Физикѣ», «Опытовъ Физики», или назовите, какъ-угодно сочиненія, въ которыхъ представляется вся совокупность физики. Безъ упражненій, безъ рѣшенія задачь, учащійся никогда не будетъ имѣть познаній точныхъ, и въ случаѣ нужды не будетъ въ состояніи приложить свои познанія къ дѣлу. Доколѣ вы перебираете какой-нибудь предметъ физики въ своей головѣ одниъ чистымъ мышленіемъ, дотолѣ все можетъ идти хорошо, и все кажется вамъ такъ легко, какъ хозяину въ его домѣ; вамъ легко, потому-что вы тогда усматриваете предметъ въ однѣхъ общихъ его чертахъ, и не замѣчаете тысячи условій, которыми онъ можетъ быть окруженъ въ природѣ или въ дѣйствіяхъ человѣческихъ. Но какъ-скоро вамъ случится или понадобится рѣшить какой-нибудь опредѣленный вопросъ, вы изумитесь, увидя трудности, которыя вамъ представятся. Это отъ того, что вы до сего времени не упражнялись въ распутываніи мелкихъ обстоятельствъ вопросовъ, и что изъ области общихъ теорій, гдѣ все подводится къ весьма-немногимъ опредѣленнымъ идеямъ, и гдѣ мы властелины, вы переходите въ міръ фактовъ, который разнообразенъ, обремененъ случайностями, и который зависитъ отъ насъ менѣе, потому-что въ немъ мы не строимъ теорій, не творимъ, а только наблюдаемъ и разсчитываемъ данныя. То, что мы говоримъ, вещь весьма простая; но есть простыя вещи, о которыхъ надобно напоминать безпрестанно: это именно вещи, которыя наименѣе льстятъ нашей врожденной безпечности.

Въ-самомъ-дѣлѣ, большая часть молодыхъ людей не думаютъ ли, что достаточно пройдти курсъ физики по какому-нибудь «Руководству», чтобъ знать эту науку? Ошибка, жестокая ошибка! И чтобъ увѣриться имъ самимъ въ своей ошибкѣ, пусть каждый изъ нихъ возьметъ для рѣшенія какую-нибудь задачу, на-примѣръ, одну изъ содержащихся въ книгѣ, по поводу которой мы пишемъ это. Если учащійся не рѣшалъ еще ни одной задачи по физикѣ, онъ непремѣнно будетъ остановленъ при первой попыткѣ, хотя бы избранная имъ задача была одна изъ самыхъ простыхъ, и хотя бы онъ уже прошолъ полный курсъ науки. Что это значитъ? То, что пока мы несдѣлали никакого приложенія своихъ познаній, до-тѣхъ-поръ не можемъ сказать о себѣ, что мы *знаемъ*. Приложеніе, употре-

бленіе въ дѣло нашихъ познаній, есть единственная и лучшая повѣрка ихъ основательности; это пробный камень, который тотчасъ обличитъ степень и духъ вашего образованія. Въ физикѣ, подобно какъ во всѣхъ опытныхъ или исчислительныхъ наукахъ, безъ приложеній нѣтъ знанія: люди, привыкшіе къ учености легкой, пріобрѣтаемой простымъ чтеніемъ или слушаніемъ, никогда не согласятся въ этомъ, но за то они и не могутъ никогда показать своего знанія на дѣлѣ.

«Практическія Упражненія въ Физикѣ», Пьерра, представляютъ собраніе вопросовъ и задачь, сопровождаемыхъ рѣшеніями, по всѣмъ частямъ физики. Это сочиненіе, по словамъ автора, есть плодъ уроковъ господъ Дюлонга, Пульѐ, Депрѐ, Бабинѐ и Ламѐ. Оно назначено для воспитанниковъ Политехнической и Нормальной Школы, желающихъ занять высшія мѣста въ своихъ классахъ.

«Убѣждаясь собственнымъ опытомъ,—говоритъ авторъ,—что для лучшаго изученія физики не достаточно знать одну ея теорію, мы приняли за правило предлагать своимъ ученикамъ для рѣшенія очень много вопросовъ, методически излагаемыхъ, съ тою цѣлью, чтобъ лучше познакомить ихъ съ самою теоріею. Предлагаемыя задачи могутъ быть полезны воспитанникамъ и въ томъ отношеніи, что при помощи ихъ, и при основательномъ изученіи главныхъ началъ физики, они лучше приготовятъ себя къ важнымъ приложеніямъ этой прекрасной науки, которыя становятся день со дня болѣе полезными и болѣе обширными.»

Со всѣмъ этимъ нельзя не быть согласну; и такъ какъ изученіе науки имѣетъ одну и ту же цѣль вездѣ, и у насъ и во Франціи, то книга Пьерра столько же и по тѣмъ же причинамъ будетъ полезна и для русскаго юношества. Скажемъ, что для насъ она еще нужнѣе, потому-что у насъ нѣтъ подобнаго пособія для изученія физики, тогда -какъ на французскомъ языкѣ есть еще книга г. Бари, тоже представляющая разныя задачи по этой наукѣ. Удивляемся, какимъ образомъ Пьерръ не знаетъ о существованіи этой книги и русскій переводчикъ не поправляетъ его; въ «Предисловіи сочинителя» между прочимъ, говорится:« очень много издано собраній задачь, относящихся къ различнымъ отраслямъ математики; но сколько извѣстно, нѣтъ ни одного сочиненія въ такомъ родѣ по физикѣ»!.. Оставляя въ сторонѣ этотъ недосмотръ, должно сознаться, что задачь у Пьерра представлено много по всѣмъ частямъ физики, исключая, впрочемъ, акустику, магнетизмъ, электро-магнетизмъ, и новую часть оптики. Эти послѣднія части надѣлены авторомъ гораздо-скупѣе; но въ оправданіе его можно сказать, что онѣ менѣе другихъ важны для практики. Намъ особенно понравилась часть задачь, относящихся къ теоріи газовъ и паровъ; и это безспорно статья самая нужная для приложеній. Но и по другимъ частямъ физики есть не мало любопытныхъ, истинно-прекрасныхъ задачь. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ открытій, какъ, на-примѣръ, открытія Дюлонга касательно теплотвора, также подали автору поводъ къ задачамъ; но онъ не касается позднѣйшихъ пріобрѣтеній науки. Однѣ изъ задачь относятся къ ученой физикѣ, другія къ химіи, или къ предметамъ чисто-практическимъ. Но въ этомъ изобиліи мы замѣтили излишества; есть слишкомъ-много такихъ задачь, что, умѣя рѣшить одну изъ нихъ, учащійся былъ бы въ состояніи самъ рѣшить многія другія, которыя основываются на томъ же началѣ физики, и которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ тѣхъ же или отъ подобныхъ пріемовъ исчисленія. Хорошо помогать учащемуся; но помогать слишкомъ-много значитъ лишать его употребленія собственныхъ силъ ума и слѣдовательно располагать его къ умственной лѣности. Съ другой стороны, объемъ книги увеличенъ безъ пользы вещами, которыя входятъ въ самый курсъ физики; таковъ, на-прим., длинный выводъ законовъ равномѣрно-ускореннаго движенія, и вопросъ 30 й о

уменьшенія напряженія тяжести по мѣрѣ углубленія во внутренность земли. Что касается до порядка, въ которомъ авторъ расположилъ задачи одну за другою, то онѣ идутъ параллельно съ самымъ курсомъ физики, такъ-что учащійся проходитъ эту книгу сряду и по мѣрѣ того, какъ подвигается въ изученіи науки. Такимъ образомъ онъ тотчасъ прикладываетъ къ дѣлу пріобрѣтенныя познанія, проясняетъ ихъ въ своемъ умѣ, и усвоиваетъ себѣ науку. Авторъ поступилъ умно, что передъ каждымъ отдѣленіемъ задачь напомнилъ въ короткихъ словахъ законы физики, которые должны служить основаніемъ при рѣшеніи ихъ; эта мѣра какъ-бы связываетъ изученіе физики съ упражненіями. Въ концѣ книги помѣщены многія таблицы, именно: таблица относительнаго вѣса и объема воды отъ 0 до + 30° по опытамъ Гельстрема, таблица относительнаго вѣса и объема воды, принимая единицу того и другаго, при температурѣ наибольшей плотности воды; таблица относительнаго вѣса газовъ, взявъ плотность воздуха за единицу; таблица относительнаго вѣса твердыхъ тѣлъ, взявъ плотность воздуха за единицу; таблица относительнаго вѣса главнѣйшихъ паровъ, взявъ плотность воды за единицу; таблица относительнаго вѣса наиболѣе-употребительныхъ жидкостей, взявъ относительный вѣсъ воды при наибольшей ея плотности; таблица коеффиціентовъ совершеннаго расширенія наиболѣе-употребительныхъ жидкостей: таблица коеффиціентовъ линейнаго расширенія твердыхъ тѣлъ; таблица температуръ плавленія легкоплавкихъ тѣлъ; таблица удѣльнаго теплотвора главнѣйшихъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ; таблица удѣльнаго теплотвора главнѣйшихъ газовъ, взявъ за единицу удѣльный теплотворъ атмосфернаго воздуха: таблица удѣльнаго теплотвора главнѣйшихъ газовъ при равныхъ вѣсахъ, взявъ за единицу удѣльный теплотворъ воды; наконецъ отношеніе между удѣльными теплотворами главнѣйшихъ газовъ при постоянномъ давленіи и постоянномъ объемѣ. Мы съ намѣреніемъ исчислили эти таблицы, чтобъ показать, какую возможность имѣетъ учащійся, съ помощію этой книги, разнообразить самъ задачи автора, перемѣняя ихъ данныя на другія, взятыя изъ таблицъ.

Въ рѣшеніи физическихъ задачь, нельзя обойдтись безъ помощи математики. Иногда бываетъ достаточно элементарныхъ свѣдѣній въ этой наукѣ, а иногда требуется знаніе диффеpенціальнаго и интегральнаго исчисленій. Но Пьерръ предлагаетъ лишь такія задачи, которыхъ рѣшеніе зависитъ отъ первоначальныхъ частей математики; ариѳметика, немного алгебры и геометріи, вамъ совершенно достаточны для того, чтобъ управиться съ его книгою. И притомъ еще большая часть вопросовъ рѣшается очень просто.

Въ русскомъ переводѣ есть нѣкоторые недосмотры. Число 9,8088, выражающее скорость пріобрѣтаемую тѣломъ, свободно падающимъ, въ концѣ первой секунды паденія, относится къ Парижу: надлежало измѣнить его примѣнительно, на-примѣръ, къ Петербургу. Другія данныя, имѣющія связь съ предъидущимъ, тоже оставлены какъ онѣ есть въ французскомъ подлинникѣ. Корректура не безъ грѣха. Переводчикъ самъ замѣтитъ ошибки, когда мы укажемъ ему, на-примѣръ, на стр. 13 строк. 3. стр. 13 строк. 8, стр. 32 строк. 6. Но это легкіе промахи, которые нимало не препятствуютъ намъ рекомендовать книгу Пьерра, учащимся физикѣ.

130) Руководство къ Геогнозіи, *составленное Корпуса Горныхъ Инженеровъ генералъ-маіоромъ, С. Петербургскаго Университета профессоромъ* Д. Соколовымъ. *Съ атласомъ изъ 40 таблицъ. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Э. Праца. Двѣ части. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й – XXVII и 472, во 2-й – 344 стр.*

— Атласъ изъ 40 Таблицъ къ *Руководству къ Геогнозіи* Д. Соколова.

анктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 35 тр. текста и 40 таблицъ.

Въ 1839 году г-нъ Соколовъ издалъ урсъ геогнозіи въ 3-хъ частяхъ, и мы огда же чистосердечно высказали свое нѣніе о важномъ и полезномъ для асъ, Русскихъ, трудѣ почтеннаго рофессора (*). Съ полнымъ удовольтвіемъ спѣшимъ и теперь порадовать ублику извѣщеніемъ о новомъ сочиеніи г. Соколова. «Руководство къ еогнозіи» отличается отъ «Курса Геогнозіи» не только заглавіемъ, но и ыборомъ, объемомъ статей и самою истемою. И если въ «Руководствѣ къ еогнозіи» выпущена вся геологичекая часть, бывшая, какъ мы тогда же амѣтили, слабѣйшею частью сочинеія, и выпущена вся геологическая асть, составлявшая цѣлый первый омъ, то остальныя части обработаны ъ большею подробностію, и почтеный авторъ очень-удачно воспользоался сочиненіемъ извѣстнаго англійкаго геогноста Лейелля (*Elements of Geology*), имѣвшемъ 6 изданій.

При «Руководствѣ къ Геогнозіи» риложенъ перечень окаменѣлостей, арактеризующихъ различныя формаіи, и въ особой тетради издано 194 ертежа, объясняющіе какъ характеристическія окаменѣлости, такъ и разичныя видоизмѣненія геогностичеких образованій. То и другое составтъ важное пособіе при практичекихъ занятіяхъ. Наконецъ, подробное писаніе русской формаціи значителью пополняетъ Лейелля; а легкость изоженія и прекрасный языкъ г. Сококова дѣлаютъ его книгу доступною и анимательною не только для людей, освятившихъ себя горному дѣлу, но и ля каждаго образованнаго человѣка.

131) Основанія Ботаники, *составленныя* Павломъ Горяниновымъ. *Съ ю гравированными таблицами и 236 зображеніями растеній. Санктпетербургъ. 1841. Въ 8-ю д. л. XVI и 473 тр.*

Объ «Основаніяхъ Ботаники» г. профессора Горянинова мы говоримъ подробно въ отдѣлѣ Критики этой же книжки нашего журнала.

132) Пробирное Искусство. *Учебное руководство для воспитанниковъ Школы Горно-Заводскихъ Наукъ Гр. С. В. Строгановой. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. IV и 80 стр.* (Цѣна 60 к. сер., перес. за фунтъ).

Это руководство даетъ, хотя краткое, но ясное понятіе о пробирномъ дѣлѣ. Предметы расположены въ надлежащей системѣ и изложены совершенно-удовлетворительно. Приведенные способы пробованія рудъ и заводскихъ продуктовъ соотвѣтствуютъ настоящему состоянію пробирнаго искусства. Вообще, появленіе этой книги удовлетворяетъ современной потребности руской «горной литературы», которая, кромѣ руководствъ къ геогнозіи и минералогіи, не имѣетъ у насъ ничего оригинальнаго.

Начальство школы изъявило въ предисловіи намѣреніе издать и другія части горныхъ наукъ, что не только принесетъ пользу Школѣ Горно-Заводскихъ Наукъ, но вообще будетъ способствовать къ распространенію хотя элементарныхъ понятій о горныхъ знаніяхъ, столь необходимыхъ въ теперешнее время.

Намъ остается пожелать, чтобъ руководства къ познанію прочихъ горныхъ наукъ были составлены съ такою же ясностію и добросовѣстностію и были изданы столь же хорошо, какъ теперь-разсмотрѣнное нами сочиненіе, котораго, можно сказать, единственный недостатокъ, принимая въ соображеніе цѣль изданія, составляетъ способъ изложенія въ вопросахъ и отвѣтахъ, — способъ уже давно всѣми оставленный: онъ ведетъ прямо къ механическому изученію предмета, чего должно избѣгать во всѣхъ наукахъ, а тѣмъ болѣе въ наукахъ техническихъ; въ чемъ же состоятъ преимущества этого

(*) Отеч. Зап. томъ V, отдѣл. Критики.

устарѣлаго способа школьныхъ тетрадокъ, едва-ли рѣшитъ кто-нибудь даже и изъ запоздалыхъ его приверженцевъ.

133) Обозрѣніе Успѣховъ Науки Сельскаго Хозяйства въ Россіи *въ послѣднее трехлѣтіе. Соч.* К. Веселовскаго. *Санктпетербургъ. Въ тип. Третьяго Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 164 стр.*

Польза обозрѣній этого рода ощутительна и давно дознана; у насъ это, кажется, первый опытъ: тѣмъ большею благодарностію обязаны мы автору, употребившему немалый трудъ на извлеченіе представляемыхъ имъ свѣдѣній изъ разныхъ сочиненій и періодическихъ изданій.

Здѣсь сначала говорится объ учебныхъ спеціальныхъ заведеніяхъ для образованія земледѣльцевъ; но въ числѣ прочихъ не упомянуто объ Альткустгофскомъ (которое, правда, должно быть переведено въ другое мѣсто), хотя не забыто заведеніе профессора Павлова, съ смертію его вѣроятно закрытое; въ числѣ лицъ, принимающихъ земледѣльцевъ для обученія по частямъ ихъ званію свойственнымъ, опущенъ г. статскій совѣтникъ К. И. Гибенталь, въ Витебскѣ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Бѣлорусскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Расположеніе книжки г. Веселовскаго, или распредѣленіе предметовъ сдѣлано весьма-хорошо: къ-сожалѣнію, о нѣкоторыхъ упоминается только, что такой-то писалъ о томъ-то; но что̀ онъ писалъ, съ какимъ успѣхомъ — о томъ ни слова.

Въ числѣ сочиненій по хозяйственной части, авторъ ставитъ, какъ и слѣдовало, «Журналъ Русскаго Садоводства», издававшійся П. И. Шварцомъ и печатанный въ Санктпетербургѣ; но изъ многочисленныхъ статей, по поводу вновь-выходившихъ экономическихъ книгъ, въ немъ помѣщенныхъ, приводится только одна А. Х., о томъ, что излишнее взрыхливаніе земли вредно для сажаемыхъ или разводимыхъ на ней растеній. Между-тѣмъ, мысль, въ томъ же журналѣ развитая о неосновательности мнѣнія, будто бы растенія питаются какою-то черноземною слизью, подкрѣпляемая нынѣ мнѣніемъ издателей «Revue Progressive d'Agriculture, de Jardinage etc., тоже заслуживала быть упомянутою, а можетъ-быть и нѣкоторыя другія.

По предмету разведенія хмѣля и овощей вообще надлежало, кажется, сказать что-нибудь о трудахъ П. И. Шварца по тѣмъ же предметамъ.

Наконецъ, не обращено вниманія на начинающіеся опыты одного лифляндскаго агронома, нанявшаго землю болотистую или сырую, поросшую лѣсомъ вблизи Гатчины, о которыхъ еще въ прошломъ году читали мы въ «Земледѣльческой Газетѣ».

Желаніе автора, въ началѣ 14 страницы изъясненное, раздѣляемъ въ полной мѣрѣ, для успѣха въ развитіи народнаго богатства вообще.

Дальнѣйшихъ изъясненій и выписокъ не дѣлаемъ, не сомнѣваясь, что всякій любитель науки сельскаго хозяйства прочтетъ все сочиненіе, въ чемъ раскаяваться не будетъ.

Развѣ то еще прибавимъ, что мы въ немъ не примѣтили нигдѣ рѣчи объ «Атласѣ Музеума Вольнаго Экономическаго Общества».

134) Энциклопедія Домоводства *и сельскаго хозяйства, заключающая въ себѣ всѣ предметы, относящіеся до энциклопедіи различныхъ отраслей городской и сельской промышлености, примѣненная къ русскому хозяйству и дополняемая новѣйшими опытами и открытіями, переведенная съ извѣстнаго сочиненія, составленнаго экономическимъ обществомъ и изданнаго* Ф. Кирхгофомъ, *экономіи коммиссаромъ. Тетрадь I. О наземахъ, ихъ добываніи и употребленіи какъ удобряющихъ средствахъ для полей и садовъ. Москва. Въ типографіи*

Лазаревыхъ Института Восточныхъ Языковъ. 1842. Въ 8-ю д. л. IV и 48 стр.

Особенность этой энциклопедіи состоитъ въ изложеніи, формѣ и слогѣ, по которымъ она относится къ сочиненіямъ практическимъ, а не ученымъ, и назначена для экономовъ; а у экономовъ, какъ извѣстно, нѣтъ ни времени, ни охоты заниматься обширнымъ изученіемъ хозяйства вообще, чисто-химическими и физическими изслѣдованіями, или философическими спорами.

Изданіе составится изъ нѣсколькихъ книжекъ. Во второй будетъ говорено о почвахъ и земледѣліи, въ третьей о разведеніи полевыхъ растеній, и т. д.

135) Пояснительные Чертежи *для посѣщающихъ публичныя лекціи Технической Химіи* (,) *преподаваемой въ Москвѣ*(.) *Планъ Химической Лабораторіи Императорскаго Московскаго Университета.* (?) Родіономъ Гейманомъ, *профессоромъ химіи, статс. совѣтн., кав. и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ. Тетрадь I. Москва*(.) *1842 года. Литографировалъ* А. Рудневъ. *(П)печатано въ литографіи А. Чичикова. Въ листъ.*

Не правда ли, заглавіе грамотно, и особенно удачно разставлены прописныя буквы съ знаками препинанія? Но такое ли еще правописаніе встрѣтите вы въ поясненіяхъ, взятыхъ изъ двухъ-трехъ иностранныхъ сочиненій!.. Изданіе сѣрое. Но вы спросите, можетъ-быть, откуда и зачѣмъ зашелъ въ заглавіе «Чертежей» «Планъ Лабораторіи» и проч. Не знаемъ; вѣроятно, издателю угодно было представить въ рисункѣ планъ этой части Московскаго Университета, — только!

136) Правила Игры (въ?) Преферансъ, *или вѣрное руководство для желающихъ научиться играть въ преферансъ, почерпнутое изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій о преферансѣ и изъ совѣтовъ опытныхъ игроковъ. Съ эпиграфомъ: «Играй но не отыгрывайся». (Русская пословица). Спб. Въ типографіи Карла Крайя. 1842. Въ 16-ю д. л. 47 стр.* (Цѣна 50 к. сер., перес. за фунтъ.)

Авторъ, какъ изволите видѣть, перечиталъ для этой книжечки въ 47-мъ страницъ *лучшія* иностранныя сочиненія, да еще пользовался совѣтами опытныхъ игроковъ: трудъ немаловажный и вполнѣ достойный такого великаго предмета, какъ игра въ преферансъ. Жаль только, что авторъ нигдѣ не привелъ названій этихъ сочиненій, и тѣмъ лишилъ насъ возможности изучать предметъ по источникамъ. Еще болѣе жаль, что, излагая, по примѣру всѣхъ ученыхъ, первоначально о выгодахъ и преимуществахъ своего предмета, онъ не объяснилъ исторически его происхожденія, и называя *нынѣшній* преферансъ русскимъ, не показалъ существуютъ ли еще иностранные, хоть въ памятникахъ, и отъ чего эта игра изъ ранга подкаретныхъ возвысилась на степень игры салоновъ и гостиныхъ; конечно, она съ тѣхъ-поръ получила высшее и полное развитіе?..

Жаль также, что для непосвященныхъ многія положенія совсѣмъ необъяснены, такъ, на прим., отъ-чего при игрѣ въ 9-ть, оба непремѣнно идутъ въ вистъ, но не получаютъ ничего за взятки (§ 58), тогда какъ извѣстно, что существуетъ еще 10-ая взятка, которая въ такомъ случаѣ пропадаетъ, и что при игрѣ, на-прим., въ 7-мь и 8-мь, разбираются всѣ взятки, и за нихъ платится? Еще можно бы пожалѣть, зачѣмъ авторъ, читая иностранныя сочиненія, пренебрегаетъ русскимъ языкомъ, когда на-прим., въ предисловіи на страницѣ (должно быть) второй, изъясняется такъ: «благоразумный и осторожный игрокъ никогда ничего не проиграетъ въ преферансъ, и рискуя при несчастіи малый проигрышъ, можетъ быть при счастіи въ большомъ выигрышѣ» и проч.; но жалѣть объ этомъ мы не рѣшаемся.

137) Архитектурныя Фантазіи К. Шрейдера. *Санктпетербургъ. 1841. Выпускъ 1-й. Въ-листъ. 5 листовъ* (Цѣна каждой вып. 3 р. сер., вѣс. за 2 ф.).

Чувство красоты нераздѣлимо въ человѣкѣ съ сознаніемъ собственнаго достоинства: на этой-то нераздѣлимости и основано наше стремленіе къ улучшенію и украшенію внѣшней и внутренней стороны нашихъ жилищъ, и самая страсть къ красивымъ игрушкамъ и изящнымъ бездѣлкамъ. Люди, непонимающіе подобнаго стремленія и подобной страсти, обнаруживаютъ или грубо-развитую, или низкую натуру...

Г. Шрейдеру пришла благая мысль — дать нашимъ помѣщикамъ средство изящно обстроиваться. На первый разъ онъ предлагаетъ великолѣпный загородный домъ въ греческомъ вкусѣ; деревенскій господскій домъ въ національномъ русскомъ вкусѣ; сельскій домъ въ готическомъ и загородный домъ въ восточномъ вкусѣ: все это у г. Шрейдера — прелесть, очарованіе и заглядѣнье. Всѣ четыре дома нарисованы, разумѣется, съ фасаду, къ которому приложены подробные планы внутренняго расположенія, и потомъ планы садовъ къ домамъ.

«Архитектурныя Фантазіи» составятъ 20 таблицъ, которыя выйдутъ въ четырехъ выпускахъ, по 5-ти таблицъ каждый; при четвертомъ выпускѣ приложится объяснительный текстъ и заглавный листокъ, изящно напечатанные на веленевой бумагѣ. Отъ всей души желаемъ успѣха этому истинно-прекрасному и полезному предпріятію.

138) Сцены изъ Частной Жизни. *Разнохарактерный Divertissement. Москва. 1842. Въ литографіи* К. Тромонина.

Двѣнадцать картинокъ, изображающія разныя лица въ разныхъ положеніяхъ. Здѣсь вы увидите комиссіонера, пиръ горой, почтаря, счеты да разсчеты. Нѣкоторыя положенія и физіономіи довольно-вѣрно схвачены, и могутъ возбудить улыбку.

139) Гапсаль (, *древній разрушенный замокъ въ Эстляндіи*(,) *и при оном тогожъ имени уѣздный городъ, гдѣ пользуются морскими ваннами*, (.) *съ видомъ замка.* Н. С. *Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. А. Іоганзона. Въ 8-ю д. л.* 85 *стр.* (Цѣна 1 руб. 25 коп. сер., перес. за 1 фунтъ).

Авторъ этой книжечки, пользовавшійся, въ 1840 году, морскими гапсальскими ваннами, составилъ описаніе Гапсаля и краткую исторію его отъ построенія замка въ 1228 году до нынѣшняго времени. Къ этому присоединилъ онъ переводъ восьми древнихъ актовъ, относящихся къ исторіи Гапсаля, и литографированный видъ замка въ нынѣшнемъ его состояніи. Все это очень-занимательно, особенно теперь, когда многіе изъ «чающихъ движенія воды» вѣроятно собираются уже ѣхать или въ Гельсингфорсъ, или въ Гапсаль. Послѣднимъ совѣтуемъ запастись этой книжечкой: съ нею имъ пріятнѣе будетъ гулять по шестивѣковымъ гапсальскимъ развалинамъ.

140) Руководство къ Преподаванію Ариѳметики малолѣтнымъ дѣтямъ. *Составлено* Петромъ Гурьевымъ. *Часть вторая. Напечатано иждивеніемъ Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1842. Въ 8-ю д. л. IX, 221 стр.* (Цѣна 1 р. сер., вѣс. за фунтъ).

Первая часть этой книги вышла въ 1839 году, и объ ней мы представили отзывъ въ свое время. Въ предисловіи къ являющейся теперь второй части, авторъ старается оправдать себя отъ нѣкоторыхъ замѣчаній, которыя были ему сдѣланы касательно первой части. Такъ-какъ недостатки, въ которыхъ упрекали автора въ то время, не исчезли и во второй части его труда, то безпристрастіе заставляетъ насъ привести напередъ его оправданіе, тѣмъ болѣе, что оно опирается на весьма-здравыхъ понятіяхъ о преподаваніи вообще и въ частности о преподаваніи ариѳметики.

«Главный упрекъ, сдѣланный мнѣ,—говоритъ г. Гурьевъ,—состоитъ въ томъ, что будто бы я слишкомъ растянулъ свое Руководство къ Ариѳметикѣ. Если преподавать по этой книгѣ, замѣчаютъ нѣкоторые, гдѣ нѣсколько десятковъ страницъ занято только первыми десятью числами, то надобно будетъ потратить весьма много времени, которымъ вообще должно дорожить въ школахъ. Съ перваго взгляда, это замѣчаніе покажется справедливымъ; но если внимательнѣе разсмотрѣть дѣло, вникнуть въ выгоды, проистекающія отъ постепеннаго изложенія и той строгой отчетливости, которой я вездѣ подвергаю ученика: то замедленіе во времени будетъ только кажущимся. То, что въ началѣ, по причинѣ строгой послѣдовательности, замедляетъ успѣхи, потомъ, на оборотъ, ускоряетъ ихъ; ибо ученикъ, будучи веденъ по методѣ мною изложенной, всегда съ сознаніемъ, не имѣетъ надобности безпрестанно возвращаться къ пройденному, какъ это почти всегда бываетъ при старыхъ методахъ. Самыя важныя, по моему мнѣнію, ошибки элементарныхъ преподавателей суть поспѣшность и желаніе скорѣе насладиться плодами трудовъ своихъ, блеснуть успѣхами учениковъ, и всегда забѣгать впередъ, несоразмѣрно съ силами учащихся. Отъ того происходитъ почти общее явленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, что изъ класса, состоящаго изъ тридцати или сорока учениковъ, обыкновенно успѣетъ менѣе, нежели половина, и то самыхъ даровитыхъ, которые и безъ учителя, съ помощію одного руководства, во многомъ успѣли бы сами-собою, а прочіе схватываютъ одни верхи знанія, и принуждаютъ учителя безпрестанно возвращаться къ пройденному... Привожу здѣсь небольшую выкладку, чтобъ оправдать мои слова. Обыкновенно начинаютъ учить дѣтей ариѳметикѣ съ семилѣтняго возраста; но часто случается видѣть пятнадцати-лѣтнихъ юношей, которые, не смотря на то, что занимаются ариѳметикою около осьми лѣтъ, слабо знаютъ ее. Разсчитывая болѣе на посредственныя способности учениковъ, нежели на даровитыя, можно рѣшительно утверждать, что среднимъ числомъ, каждому приходится заниматься ариѳметикою, по-крайней-мѣрѣ, шесть лѣтъ. Полагая учебный годъ въ 9 мѣсяцевъ, за исключеніемъ каникулъ, воскресныхъ и табельныхъ дней, и круглымъ числомъ по четыре урока въ недѣлю, выйдетъ 864 урока, посвящаемыхъ собственно ариѳметикѣ. Итогъ огромный! Въ чемъ же обыкновенно проходитъ это время? По-большой-части въ механическихъ пріемахъ исчисленія и въ безпрестанныхъ повтореніяхъ пройденнаго, гдѣ дѣйствуетъ только одна память. Отъ того такія занятія тяготятъ учащихся; является скука, а гдѣ скука, тамъ и отвращеніе. Итакъ, вмѣсто того, чтобъ затруднять и себя и учащихся безпрестаннымъ повтореніемъ одного и того же, не лучше ли съ самаго начала поступать хотя медленно, но съ строгою отчетливостью, всегда давать болѣе пищи разсудку, нежели памяти, и сколько возможно возбуждать самодѣятельность ученика?...

«Когда я составлялъ свое Руководство, то преимущественно имѣлъ въ виду самодѣятельность учениковъ, ибо убѣжденъ, что большая часть неуспѣховъ происходитъ не столько отъ способностей, сколько отъ недостатка самодѣятельности. Нерѣдко видимъ, что учитель въ классѣ принимаетъ на себя роль оратора, вмѣсто того, чтобъ быть руководителемъ и только наводить учениковъ на сознаніе. Отъ этого ученики ведутся какъ бы на помочахъ, и не смѣютъ сдѣлать шагу безъ своего наставника; когда же потомъ, будучи предоставлены самимъ себѣ, встрѣчаютъ какія-нибудь затрудненія, то спотыкаются и уже не двигаются съ мѣста. Привычка довершаетъ дѣло. Такимъ образомъ умъ, не пріученный съ раннихъ лѣтъ пытать свои силы, дѣлается въ-послѣдствіи недовѣрчивымъ къ самому себѣ, и радъ, если за него работаютъ другіе. Вотъ причина плоскихъ умовъ, которыми такъ бываютъ богаты общества.»

Все это прекрасно, и нельзя умнѣе разсуждать о преподаваніи наукъ дѣтямъ. Но главное состоитъ въ томъ, чтобъ исполнить на дѣлѣ этотъ планъ «медленнаго, но отчетливаго преподаванія, возбуждающаго самодѣятельность ученика.» И здѣсь-то авторъ оставляетъ насъ не совсѣмъ-довольными. Мы прочли съ особеннымъ вниманіемъ его книгу, важную по своему предмету и по задачѣ, которую онъ самъ положилъ себѣ въ-отношеніи къ методѣ изложенія предмета. Не можемъ не признать въ г. Гурьевѣ человѣка мыслящаго и знакомаго съ труднымъ дѣломъ педагогики; но иногда человѣкъ,

видя и чувствуя неправильность хода вещей, имѣетъ болѣе ревности, нежели силъ ввести новый порядокъ. Безспорно, что въ преподаваніи дѣтямъ наукъ, особенно математическихъ, вопросительная метода — самая лучшая; но надобно знать, что метода есть личное искусство учителя, и что невозможно, да и безразсудно было бы подумать сообщить ему это искусство, если онъ не пріобрѣлъ его собственнымъ опытомъ. Умѣнье преподавать, по какой бы то ни было методѣ, не можетъ быть перенято изъ книги; изъ книгъ мы только узнаёмъ факты, отдѣльныя понятія, не болѣе: а умѣнье преподавать есть нѣчто такое, что выше всего этого. Оно не можетъ быть подчинено какимъ-нибудь формамъ, опредѣленнымъ однажды навсегда, и годнымъ для всѣхъ случаевъ; напротивъ, учитель долженъ измѣнять свои пріемы (мы не говоримъ методу) сообразно съ понятіями и отвѣтами ученика, подобно какъ полководецъ измѣняетъ свою тактику, сообразуясь съ силами и движеніями непріятеля. Какъ же вы хотите, чтобъ учитель ариѳметики слѣдовалъ предписанному вами порядку, дѣлая ученику въ такомъ-то мѣстѣ такой-то вопросъ, за нимъ непремѣнно такой-то другой, потомъ именно такой-то третій, и такъ далѣе? Чѣмъ же тогда становится преподаваніе, какъ не чтеніемъ вашей книги, и въ чемъ будетъ оно состоять, какъ не въ механическихъ пріемахъ, къ которымъ, впрочемъ, вы, г. авторъ, питаете такое отвращеніе? Учителю тутъ очевидно ничего не остается дѣлать, какъ взять въ руки вашу книгу, и дѣлать ученику готовые вопросы. То, надъ чѣмъ стоитъ въ книгѣ буква *У.*, будетъ говорить учитель; а то, что означено буквою *Д.*, будетъ говорить дитя. Изъ этого выйдетъ разговоръ между двумя дѣйствующими лицами, которые могутъ не понимать ни ариѳметики, ни другъ друга, но изъ которыхъ каждый будетъ безошибочно сказывать свою роль. Учитель лишь только подавитъ пружину вопросомъ — тотчасъ дитя даетъ отвѣтъ, и самый вѣрный, точь-въ-точь, какъ написано въ вашей книгѣ!.. А если дитя, не зная, какой отвѣтъ поставленъ въ книгѣ на сдѣланный учителемъ вопросъ, сдѣлаетъ ему *свой* отвѣтъ, или, что̀ еще хуже, предложитъ отъ себя вопросъ самому учителю, тогда что дѣлать этому бѣдняку? Его роль разстроена! Но нѣтъ, надобно непремѣнно, чтобъ и учитель и дитя говорили всякъ въ свое время, и точно такъ, какъ значится въ книгѣ г. Гурьева; ибо въ этомъ состоитъ его «медленное, но отчетливое преподаваніе, возбуждающее самодѣятельность ученика».

Замѣтьте еще, что въ книгѣ г. Гурьева, дитя́ отвѣчаетъ всегда впопадъ, и притомъ иногда очень-умно; послѣ чего учитель восклицаетъ: «хорошо!»... Я думаю!

Въ-самомъ-дѣлѣ, это было бы хорошо, еслибъ ученики дѣйствительно отвѣчали всегда такъ хорошо, такъ вѣрно и дѣльно. Но въ книгѣ г. Гурьева отвѣчаетъ не ученикъ, а самъ авторъ.

Сколь ошибочна мысль, изложить руководство къ преподаванію ариѳметики въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, это почувствовалъ самъ авторъ, дошедъ до тѣхъ пунктовъ, гдѣ неумѣстность этой методы наиболѣе-ощутительна. Онъ совершенно отказался отъ ней въ статьяхъ о составныхъ числахъ, о дробяхъ періодическихъ, о дробяхъ непрерывныхъ, и во всей остальной части книги принялъ ровное и правильное изложеніе дѣла.

Нельзя упрекнуть автора въ недостаткѣ ясности. Иногда вещи довольно-отвлеченныя для дѣтскаго ума онъ доводитъ мало-по-малу до очевидности, развивая предметъ съ умною постепенностью и наводя самого ученика на дѣло. Жаль только, что все это останется на бумагѣ, и что, въ дѣйствительности, никогда не можетъ быть такого разговора между учителемъ и дитятею. Мы пожалѣемъ еще, что авторъ слишкомъ-долго останавливается на одномъ и томъ же, стараясь

уяснить понятія дитяти. Всему есть мѣра! Краткость может быть темна, но и излишняя говорливость может наскучить. Этотъ упрекъ, который былъ уже сдѣланъ г. Гурьеву, по поводу первой части его труда, и отъ которого онъ старается оправдаться въ выписанномъ нами предисловіи ко второй, конечно может быть извиненъ его стараніемъ раскрыть предметъ какъ-можно-болѣе и съ разныхъ точекъ зрѣнія; но есть возможность сказать съ одинаково-полнымъ развитіемъ на одной страницѣ то, что̀ у него иногда занимаетъ три, или четыре страницы. Этого особенно мы въ правѣ требовать отъ книги учебной, гдѣ краткость есть вмѣстѣ экономія. И для чего это множество повтореній одного и того же, если дитя отвѣчаетъ у васъ такъ хорошо? То, что̀ говорится у автора во «второй степени», есть безполезное повтореніе сказаннаго въ первой. Въ своемъ мѣстѣ надлежало развить болѣе сложеніе, вычитаніе и пр. дробей, и не возвращаться къ нимъ снова, чтобъ не сказать ничего новаго. И мы не можемъ понять, что́ за различіе между «второю степенью» и «первою степенью», въ которыхъ излагается одинъ и тотъ же предметъ, съ тою лишь особенностью въ оглавленіи, что первая направлена «къ изустному исчисленію», а вторая къ «письменному». Еще болѣе непостижимо для насъ, почему авторъ не распорядилъ такимъ же двоякимъ образомъ предметовъ, входящихъ въ его «третью степень», и безъ сомнѣнія, показанныхъ съ тѣмъ, чтобъ ученики ихъ поняли какъ-слѣдуетъ. Но въ этой третьей степени нѣтъ уже ни вопросовъ ни отвѣтовъ, ни изустнаго, ни письменнаго исчисленія, такъ-что это отдѣленіе рѣшительно не гармонируетъ съ предъидущими, и какъ-бы отпадаетъ само собою отъ книги.

Очевидно, книга г. Гурьева не можетъ годиться для учащагося, потому-что самъ авторъ выдаетъ ее за «руководство къ преподаванію». Но обратимся къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ.

Стр. 3: «Чтобы дѣятельность внутренней созерцательности могла быть успѣшна, прежде надобно развить внѣшнюю наглядность и посредствомъ искусства пособить, такъ сказать, (?) природѣ.» Едва-ли кто скажетъ, чтобъ такой непонятный языкъ годился въ учебной книгѣ.

Далѣе, на той же страницѣ, авторъ отсылаетъ читателя къ песталоцціевымъ таблицамъ чиселъ, увѣдомляя, что онѣ помѣщены въ концѣ книги. Вы ищете таблицъ въ означенномъ мѣстѣ, и нигдѣ ихъ не находите. Между-тѣмъ, авторъ очень-часто ссылается на нихъ, и отъ этого многое для васъ непонятно.

На стр. 8 и 9, авторъ утверждаетъ, что обыкновенная дробь можетъ имѣть двоякое происхожденіе: «во-первыхъ, отъ раздѣленія единицы на извѣстныя одинакія части; во-вторыхъ, отъ раздѣленія меньшаго числа (нѣсколько единицъ) на большее». На-примѣръ, о дроби $^3/_4$ сказать: это три четверти, по его мнѣнію, есть то же, что̀ сказать: это три раздѣленные на четыре. Такое смѣшеніе двухъ весьма-различныхъ идей, происшедшее отъ ихъ тожественнаго выраженія на бумагѣ, вы найдете едва-ли не во всѣхъ книгахъ. Если относить то и другое выраженіе къ единицѣ, то они, конечно, будутъ тожественны; и дѣйствительно, три четверти единицы, на-примѣръ, рубля, представляютъ совершенно ту же величину, какъ и три единицы: на-пр., три рубля, раздѣленные на четыре; другими словами, три четверти рубля значитъ то же, что четвертая часть трехъ рублей: въ томъ и другомъ случаѣ, мы имѣемъ семьдесятъ-пять копеекъ. Но если я не отношу выраженія $^3/_4$ къ единицѣ, а говорю просто: три четверти и три раздѣленные на четыре, то вы спро́сите: три четверти чего? Это можетъ быть три четверти двухъ единицъ, трехъ единицъ, и пр., на-прим., двухъ рублей, трехъ рублей,

и пр.; однимъ словомъ, величина трехъ четвертей будетъ измѣняться, смотря потому, *чего* берете вы три четверти; тогда какъ три раздѣленные на четыре, обозначаютъ величину опредѣленную, именно ту, которая происходитъ отъ раздѣленія ни болѣе ни менѣе какъ трехъ единицъ, на-пр., трехъ рублей на четыре. Притомъ еще, если и относить выраженіе $^3/_4$ къ единицѣ, три четверти означаютъ самую величину, а три раздѣленные на четыре обозначаютъ лишь дѣйствіе дѣленія, а не результатъ его, не величину, хотя бы по окончаніи дѣленія эта величина вышла та же, которая означается словами «три четверти»; итакъ, это не одно и то же, а, правильнѣе сказать, двѣ различныя точки зрѣнія на одно и то же. Пора бы перестать повторять эти затверженныя ложныя понятія!..

Стр. 12: «*У*. Вотъ нѣсколько дробей $^4/_7$, $^2/_3$, $^5/_6$, $^8/_9$, $^7/_{10}$; наименуйте ихъ числителей и знаменателей. —*Д*. Числители суть: 4, 2, 5, 8, 7; знаменатели: 7, 3, 6, 9, 10.» — Обыкновенно въ книгахъ такъ опредѣляютъ знаменателя; но, вникнувъ въ дѣло своимъ собственнымъ умомъ, и забывъ твердимыя всѣми понятія, мы легко увидимъ, что на-пр., въ дроби $^4/_7$ знаменатель есть не 7, а $^1/_7$: одна седьмая. Въ-самомъ-дѣлѣ, я указываю вамъ на дробь $^4/_7$; вы говорите: четыре; я прерываю васъ и спрашиваю: четыре чего? вы отвѣчаете: четыре *седьмыхъ*. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о седьмыхъ, а не о семи; слѣдовательно, седьмая, $^1/_7$, и есть знаменатель дроби $^4/_7$.

На стр. 18 и 19, авторъ раздѣляетъ дроби на *правильныя* и *неправильныя*. Правильная дробь будетъ у него та, въ которой числитель менѣе знаменателя; а неправильная та, въ которой числитель болѣе знаменателя. Но что касается до насъ, то, судя по здравому смыслу, а не по закоренѣлымъ обычаямъ, мы находимъ, что, на-прим., въ дроби $^7/_4$ нѣтъ ничего неправильнаго, потому-что она имѣетъ свое значеніе, то-есть свою величину; а развѣ неправильны понятія о ней нѣкоторыхъ ариѳметистовъ...

Тамъ же, на вопросъ дитяти: «почему такія выраженія, которыя болѣе цѣлаго, называются также дробями, хотя и неправильными?» учитель отвѣчаетъ: «Потому именно, что они имѣютъ видъ дроби, и что въ такихъ выраженіяхъ мы часто нуждаемся въ исчисленіи.» Итакъ, на одномъ видѣ выраженія вы основываете его опредѣленіе? Послѣ этого, выраженія $^4/_2$, $^6/_2$, $^8/_2$, и пр., также будутъ дроби и притомъ неправильныя? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что это *дробныя* числа?

На стр. 19, авторъ называетъ *смѣшанными* числами — выраженія такія, какъ $2^1/_2$, $3^5/_6$, и др. Новое безполезное и ложное наименованіе, которое только требуетъ лишняго мѣста въ памяти дитяти, а въ умѣ его возбуждаетъ превратныя понятія.

Почему статья о приведеніи дробей къ одному знаменателю, стр. 65—70, изложена не въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, не по методѣ автора?

Приступая къ сложенію дробей, авторъ упускаетъ изъ виду сказать, почему должно напередъ привесть ихъ къ одному знаменателю. Дитя непремѣнно сдѣлаетъ своему учителю этотъ вопросъ.

Стр. 89—95. Способы узнавать дѣлимость чиселъ безъ остатка на цифры 1, 2, 3. и пр., не выведены изъ одного общаго начала; слѣдовательно, вопреки методѣ автора, они становятся для ученика дѣломъ памяти.

Въ статьѣ о умноженіи и дѣленіи составныхъ количествъ, стр. 130 — 133, не всѣ случаи показаны.

Стоятъ особеннаго замѣчанія понятія автора о способѣ рѣшенія различныхъ задачъ, относящихся къ тройнымъ правиламъ (стр. 199).

«Задачи, относящіяся къ такъ-называемымъ тройнымъ правиламъ, въ большой части ариѳметическихъ книгъ рѣшаются помощію пропорцій; но уже въ первой части предлежащаго руководства мы видѣли, что въ рѣшеніи такихъ задачъ легко

можно обойтиться безъ этого механическаго пособія, и гораздо проще и сообразнѣе съ разсудкомъ приводить всѣ рѣшенія къ закону равенства. Представимъ здѣсь нѣсколько рѣшеній возможно-разнородныхъ вопросовъ, чтобъ убѣдиться наконецъ, что употребленіе пропорцій въ ариѳметикѣ есть дѣло совершенно лишнее.»

Есть два способа рѣшать задачи, относящіяся къ тройнымъ правиламъ: 1) приведеніе данныхъ къ единицѣ, 2) пропорціи Первый способъ зависитъ исключительно отъ соображенія и не имѣетъ для себя установленной формулы на бумагѣ; второй, напротивъ, выражается формулою, состоящею въ равенствѣ двухъ отношеній. И тотъ и другой способъ хороши; даже мы думаемъ, вопреки г. Гурьеву, что второй предпочтительнѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ математикѣ, чистое соображеніе, неподдерживаемое внѣшними законами, всегда имѣетъ какую-то шаткость и неопредѣленность, особенно въ дитяти; тогда-какъ формула, какъ въ настоящемъ случаѣ пропорція, какъ-бы установляетъ наши соображенія, даетъ имъ опору и видъ. Просто умствуя, дитя скорѣе ошибется, нежели опираясь на пропорцію; пропорція — это въ задачахъ его указка. Надобно только, чтобъ дитя не дѣйствовало ею механически; надобно, чтобъ оно поняло напередъ очень-хорошо, что такое пропорція вообще и какъ она раждается изъ задачи сама собою. Какъ скоро учитель растолкуетъ это дитяти, то оно всегда дастъ задачѣ форму пропорціи, и дастъ не механически, а съ сознаніемъ: составить же пропорцію значитъ уже рѣшить задачу. Притомъ, первый способъ въ сущности не отличается отъ втораго; въ первомъ, умствованіе выражается словами, во второмъ то же, совершенно то же умствованіе выражается цифрами. И первый способъ имѣетъ еще ту невыгоду, что, поступая по немъ, вы должны пройдти чрезъ рядъ умствованій, который тѣмъ длиннѣе, чѣмъ болѣе данныхъ въ предложенной задачѣ; тогда какъ пропорція даетъ тотчасъ и только одну форму вашей задачѣ, сколь бы она ни была обременена данными.

Сочиненіе г. Гурьева, мы говоримъ съ удовольствіемъ, есть плодъ его собственнаго мышленія и опыта; тѣмъ не менѣе должно сознаться, что оно попытка нововводителя, конечно, заслуживающая уваженіе по своей цѣли, но неудачная по исполненію и ошибочная въ сущности. Не смотря на большое число ариѳметическихъ книгъ, увеличившееся теперь единицею, у насъ все еще не достаетъ по этой части сочиненія удовлетворительнаго.

141) Латинская Грамматика, *изданная въ пользу юношества* А. Лейбрехтомъ, *бывшимъ учителемъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ при Московской Губернской Гимназіи.* Изданіе четвертое, *вновь исправленное и умноженное статьею о латинскомъ стихосложеніи. Москва. Въ Университетской типографіи. 1842. Въ 8-ю д. л. 278 стр.*

Г. Лейбрехтъ былъ опытный и знающій свое дѣло учитель. Доказательствомъ служатъ учебныя книги, имъ изданныя: «Нѣмецкая Грамматика», «Нѣмецкая Хрестоматія», и «Латинская Грамматика», которыя, — не смотря на быстрое движеніе всего, слѣдственно и учебныхъ руководствъ, впередъ, — до-сихъ-поръ приносятъ пользу, не замѣненныя другими, лучшими.

142) Ариѳметика, Геометрія и Землемѣріе, *для первоначальнаго обученія, народныхъ школъ и сельскихъ жителей, съ 135 фигурами. Соч.* Буасси, *профессора математики. Переводъ съ французскаго. Изданіе книгопродавца Андрея Глазунова, съ братьями. Москва. Въ типографіи Августа Семена. 1842. Въ 12 ю д. л., Три части. Въ I-й — 92, во 2-й — 70, въ 3-й — 48.*

Хорошее руководство, въ которомъ кратко и ясно изложены основанія трехъ наукъ, всѣмъ почти нужныхъ.

143) Таблица Греческой Исторіи (,) *отъ самыхъ отдаленныхъ временъ(?), до обращенія ея* (т. е. исторіи?)

въ римскую провинцію. Изд. И. Эйнерлингъ. *Сактпетербургъ. 1841.* In-folio. *Одинъ листъ.* (Цѣна 2 р. 50 к. ас.)

144) Таблица Римской Исторіи (,) *отъ древнѣйшихъ временъ, до раздѣленія имперіи. Составленная по хронологическимъ таблицамъ* Лангле, Дюфрѣнуа, Гельвеція, Гохерта. *Изд.* И. Эйнерлингъ. *Санктпетербургъ. 1841.* In-folio. *Одинъ листъ.* (Цѣна 2 р. 50 к. ас.)

Весьма-небезполезныя пособія для нагляднаго способа изученія исторіи. Не мѣшало бы только г-ну составителю писать нѣсколько-грамотнѣе, чтобъ учащіеся Русскіе, повторяя по его таблицамъ исторію, не разучились русскому языку.

145) Политическій Балансъ Земнаго Шара, *для употребленія чиновниковъ, банкировъ, купцовъ, путешественниковъ и юношества,* или Опытъ Всеобщей Статистики Земнаго Шара, *согласно съ нынѣшнимъ политическимъ онаго раздѣленіемъ и новѣйшими открытіями. Показывающій пространство каждаго государства, число жителей онаго вообще и знатнѣйшихъ городовъ въ особенности, доходы, долги, сухопутную и морскую силу, имя царствующаго государя (или главы настоящаго(?) правительства)*(,) *съ означеніемъ его резиденціи, времени восшеств. его на престолъ, несовершеннолѣтія(?), исповѣдуемой имъ вѣры и династіи(,) къ которой принадл. и проч. Составленный* г. Бальби:(,) *переведенный съ фр.* И. Эйнерлингомъ, *съ присовокупленіемъ географической* (,) *по проекціи* Меркатора (,) *карты, и состоящій изъ двухъ гравированныхъ большихъ александрійскихъ листовъ, къ объясненію коихъ слѣдуетъ особо при семъ напечатанная книжка. Санктпетербургъ 1841.*

Не смотря на крайне-безграмотное заглавіе этихъ таблицъ, — онѣ весьма полезное дѣло, за которое, даже и при небрежномъ выполненіи, нельзя не поблагодарить г. издателя.

146) Натуральная Исторія *для юношества, расположенная систематически и съ приложеніемъ атласа, заключающаго въ себѣ болѣе семи сотъ искусно гравированныхъ изображеній замѣчательнѣйшихъ предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы. Переводъ съ 7-го французскаго изданія. Часть вторая. Москва. 1842. Въ тип. Семена. Въ 8-ю д. л. 156 стр.*

Книжка — достойно оканчивающая описаніе животныхъ. Читатели уже знаютъ наше мнѣніе о первой ея части (*). Лучшею страницею въ книгѣ, конечно, послѣдняя, на которой ясно и чётко напечатано: «конецъ». Мы такъ пріятно были поражены этою припискою, что предоставляемъ читателямъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Почему авторъ, издающій «Натуральную Исторію съ изображеніями предметовъ изъ всѣхъ царствъ природы», говоритъ исключительно только о названіяхъ животныхъ? 2) Почему онъ оканчиваетъ натуральную исторію, т. е. зоологію, указаніемъ на нѣкоторыхъ насѣкомыхъ? 3) Гдѣ же остались классы кольчецовъ, наливчатыхъ животныхъ, глистовъ, ёжевиковъ, жгучихъ полиповъ, и проч.? Что же касается до мистификаціи, заключающейся въ словахъ: «Натуральная Исторія, расположенная систематически, съ искусно гравированными изображеніями», мы объ этомъ не хотимъ и спрашивать, зная, что это не болѣе, какъ мистификація, весьма обыкновенная въ быту торговомъ.

147) Исторія Петра Великаго. *Съ 500 оригинальными рисунками, гравированными въ Лондонѣ. Выпускъ 4-й.* (Цѣна кажд. вып. 60 к. сер.; за пересылку доставляется 1 р. 50 сер.)

Предпріятіе г. Эльснера такъ довольно собою и *безкорыстнымъ* заступничествомъ одного знаменитаго сочинителя, что и не думаетъ измѣняться къ лучшему. Это обстоятельство и насъ

(*) «Отеч. Зап.» 1842, томъ XX, Библ. Хр. стр. 75—77.

дѣлаетъ постоянными въ нашихъ отзывахъ о плохой компиляціи г. Ламбина, о суздальскихъ картинкахъ и о предпріятіи благонамѣреннаго г. Эльснера. Вглядитесь въ картинку на 93-й страницѣ: юнаго Петра представляетъ безобразная куколка, стойма надѣтая, а не посаженная на коня; кругомъ псовые охотники съ лукошками на головахъ и въ рукахъ; съ правой стороны, вы видите толстаго мужика верхомъ на лошади — онъ держитъ сосворенныхъ собакъ; задомъ къ нему зрится другая мужицкая фигура на лошади же: лукошко на головѣ фигуры № 2 приросло своею верхушкою къ обнаженной головѣ фигуры № 1, а слетѣвшее съ фигуры № 1 лукошко приросло къ спинѣ фигуры № 2. Цѣлое этой картинки невыразимо-прекрасно! Для остроумнаго и забавнаго пера содержаніе картинокъ на 107 и на 118 страницахъ могло бы подать поводъ къ большой критической статьѣ: это неисчерпаемая бездна смѣшнаго! Что именно хорошо, — такъ это ревильйоновскія виньетки, ни съ того, ни съ сего, щедрою рукою разсыпанныя по безобразному изданію.

Теперь о текстѣ. Неподражаемое перо г. Ламбина очаровательно въ историческомъ повѣствованіи: безъ всякихъ усилій, но съ большимъ успѣхомъ, совпадаетъ оно то съ тацитовскимъ слогомъ г. Кайданова, то съ чувствительнымъ тономъ «Ильи Муромца», — то съ эпическою высокопарностію «Мареы Посадницы»... Объ идеяхъ и взглядахъ г. Ламбина нѣчего и говорить: г. Ламбинъ беретъ ихъ цѣликомъ и готовыми изъ богатаго, въ этомъ отношеніи, источника — «Дѣяній» Голикова, которыя онъ съ такимъ чудовищнымъ успѣхомъ перефразировываетъ.

148) Учебная Книга Всеобщей Исторіи. *(Для юношества) сочиненіе заслуженнаго профессора* И. Кайданова. Древняя Исторія. *Отъ сотворенія міра* (?!) *и* (?!) *происхожденія первыхъ государствъ до переселенія народовъ и паденія западной римской имперіи. Изданіе четвертое, исправленное, съ присовокупленіемъ къ нему хронологической таблицы событій древняго міра. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ.* 1842. *Въ 8-ю д. л.* 352 *стр.*

Что это за книга, такъ слѣпо, разгонисто, такимъ крупнымъ и избитымъ шрифтомъ, на такой сѣрой и грубой бумагѣ напечатанная, что безъ перчатокъ страшно взять ее въ руки?.. Это, милостивые государи, знаменитая исторія г. Кайданова, — та самая, изъ которой вы нѣкогда знали такъ много словъ и фразъ и такъ мало фактовъ и дѣла, и которая нѣкогда издавалась значительно-поопрятнѣе, чѣмъ издана теперь... Но не будемъ осуждать ее за эту, нѣсколько-циническую, небрежность въ убранствѣ: ей не до наружности; она теперь переживаетъ самое трудное время своей жизни — можетъ-быть, свои послѣднія минуты... Было время, когда не могли повредить ей ни явная брань, ни насмѣшливыя похвалы журналистовъ: она была одна — публика понимала ей настоящую цѣну и все-таки покупала ее; но появленіе «Исторіи» г. Смарагдова, и наконецъ «Исторіи» г. Лоренца было для нея гибельнѣе самыхъ злыхъ критикъ и ядовитыхъ рецензій. И вотъ она спѣшитъ «исправиться», убавляетъ слова и фразы, запасается бо́льшимъ количествомъ фактовъ, даже измѣняетъ нѣкоторые изъ любимѣйшихъ своихъ воззрѣній; но — увы! — все это тщетно: духъ ея все тотъ же, начала тѣ же; слѣдовательно, «исправленіе» только внѣшнее, а не внутреннее. По-прежнему толкуетъ она о «пользѣ исторіи», о чемъ давно уже никто не толкуетъ; по-прежнему остается она при добродушномъ убѣжденіи, что, прочитавъ ее, исправятся и будутъ вести себя хорошо и царства, и народы, и администраторы, и воины, и чиновники, и купцы, и мѣщане... Это грустное обстоятельство не скрылось отъ проницательнаго взора какого-то петербургскаго книгопро-

давца, г. Пётра Заикина, издателя исторіи г. Кайданова, — и, чтобъ помочь горю, сей достойный торговецъ безсмертными произведеніями ума россійскихъ сочинителей, отъ Михайлы Меморскаго до г. Кайданова включительно, по случаю выхода 3-й части «Исторіи» г. Кайданова, распустилъ по городу, при театральныхъ афишахъ, свою собственную афишу — уже не первый опытъ своего книгопродавческаго краснорѣчія, въ которой, между прочимъ, особенно замѣчательны, своею силою и гостинодворскою выразительностію, слѣдующія строки, достойныя, вмѣстѣ съ именами г. Кайданова и г. Заикина, перейдти въ потомство:

«Можно и должно сказать, что г. Кайдановъ снискалъ (кому?) почетное въ ученомъ мірѣ званіе *заслуженнаго профессора* не одною только выслугою узаконенныхъ для полученія сего званія лѣтъ, но и потому, что онъ дѣйствительно оказалъ *великія* заслуги нашему отечеству по учебной части. Воспитанникъ Санктпетербургскаго Педагогическаго Института и потомъ ученикъ отличнѣйшихъ германскихъ историковъ, онъ первый у насъ началъ писать исторію въ *духѣ философскомъ*, съ чувствованіями христіанской вѣры, преданности къ престолу и любви къ отечеству и *вообще къ роду человѣческому*. Образъ мыслей его далъ направленіе и другимъ въ нашемъ отечествѣ сочинителямъ историческихъ учебныхъ книгъ. Почти всѣ они равно какъ и почти все нынѣшнее новое просвѣщенное русское поколѣніе, обучались исторіи по сочиненіямъ г. Кайданова; многія изъ его сочиненій переведены на языки нѣмецкій, польскій, молдавскій и сербскій.»

Мы увѣрены, что благонамѣренный голосъ г. Петра Заикина не вотще будетъ раздаваться, но будетъ далеко слышимъ всѣми посѣтителями гостинаго двора, покупающими, между разными товарами, и учебныя книги въ родѣ «Исторіи» г. Кайданова...

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

6) Historica Russiae Monimenta, *ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta, ab* A. I. Turgenevio *Consiliar. st. act. et equ. Tomus I.* Scripta varia e secreto archivo Vaticano *et aliis archivis et bibliothecis Romanis excerpta continens, inde ab anno MLXXV ad annum MDLXXXIV. Petropoli. Typis Eduardi Pratzi.* 1841. — Акты Историческіе, *относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Д. Ст. Сов.* А. И. Тургеневымъ. *Томъ I.* Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива *и изъ другихъ римскихъ библіотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1841. Въ 4-ю д. л. XV, IX — XXII и 399 стр.* (Цѣна 2 р. сер.).

Въ наше время, когда историки, подъ необходимымъ условіемъ критическаго разбора фактовъ, признаютъ полезными всѣ возможные источники, относящіе-

ся къ ихъ предмету, сношенія какого-либо государства съ другими и извѣстія объ немъ иностранцевъ получили также полное право гражданства въ числѣ матеріаловъ, болѣе или менѣе важныхъ. Въ этомъ отношеніи, не говоря о томъ, какъ изученіе иностранныхъ писателей и документовъ было полезно для объясненія исторіи западныхъ народовъ, мы можемъ указать и на отечественную исторію, которая обогатилась многими важными подробностями съ тѣхъ поръ, какъ на этотъ источникъ и у насъ стали обращать должное вниманіе: нѣкоторыя страницы въ «Исторіи Государства Россійскаго», основанныя на извѣстіяхъ современныхъ иностранцевъ, и преимущественно новѣйшія изслѣдованія нашихъ археологовъ и историковъ служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Смотря съ этой точки на изученіе иностранныхъ памятниковъ о Россіи, нельзя не радоваться новому изданію Археографической Коммиссіи, удовлетворяющему отчасти общему желанію любителей исторіи — имѣть по возможности полное собраніе относящихся сюда матеріаловъ, весьма-многочисленныхъ, даже судя по тѣмъ изъ нихъ, которые извѣстны намъ въ рукописяхъ или книгахъ, составляющихъ библіографическую рѣдкость. Очевидно, что съ этой стороны настоящее изданіе, содержа въ себѣ почти исключительно сношенія одной Италіи съ Россіей, Литвою, Ливоніей и Польшей, не можетъ намъ казаться вполнѣ-удовлетворительнымъ; но съ другой стороны этотъ трудъ представляется тѣмъ болѣе-важнымъ, что помѣщенныя въ немъ статьи, какъ оффиціальныя, большею частію достовѣрны, и потому не требуютъ критической цѣнки, безъ которой не возможно обойдтись, пользуясь извѣстіями иностранныхъ писателей, часто пристрастными и недовольно-точными. Что касается до самого содержанія изданныхъ нынѣ актовъ, то хотя они преимущественно выражаютъ одну и ту же мысль — стремленіе папъ, какъ верховныхъ представителей западной церкви, подчинить востокъ и сѣверъ Европы своей духовной власти; но какъ нерѣдко между актами подобнаго содержанія встрѣчаются и такіе, которые относятся непосредственно къ другимъ событіямъ, то и въ этомъ отношеніи новое изданіе Коммиссіи можно назвать не только важнымъ, но и разнообразнымъ. Въ доказательство приведемъ донесенія и письма разныхъ лицъ изъ Польши въ Италію о современныхъ происшествіяхъ въ Россіи, о войнахъ ея съ Крымомъ, Ливоніей и Польшей, о предложеніи царю Іоанну Васильевичу польскаго престола по смерти Сигизмунда-Августа, также переговоры о томъ царя съ польскими панами; далѣе, любопытное писаніе Россіи, составленное венеціанскимъ посломъ Тіеполо, описаніе Московіи, составленное венеціанскимъ же посломъ Фоскарино, длинное, укорительное посланіе польскаго короля Стефана-Баторія къ царю Іоанну Васильевичу и проч. Жалѣемъ, что предѣлы библіографической статьи не позволяютъ намъ исчислить и другіе замѣчательные акты и привесть изъ нихъ отрывки, указывающіе на тогдашнюю политику дворовъ римскаго, русскаго и польскаго; но для полноты обзора считаемъ необходимымъ указать читателямъ по-крайней-мѣрѣ на главные пункты, къ которымъ относятся разнообразныя статьи, составляющія содержаніе перваго тома «Иностранныхъ Актовъ».

Выше мы сказали, что стремленіе папъ подчинить своей власти восточныя и сѣверныя страны Европы представляется какъ главное содержаніе документовъ, изданныхъ Коммиссіей. Въ-самомъ-дѣлѣ, исключая немногія статьи (отчасти нами уже исчисленныя) чисто-историческаго содержанія, всѣ остальныя, состоящія въ грамма-

тахъ и донесеніяхъ, выражаютъ непосредственно эту главную цѣль римскихъ первосвященниковъ, которой они такъ упорно, хотя большею частію безуспѣшно, старались достигнуть въ-продолженіи цѣлаго ряда столѣтій. Не смотря однако на это единство цѣли, все принадлежащіе сюда документы, по различію времени и государствъ, которыя находились въ сношеніяхъ съ Римомъ, можно раздѣлить на четыре части: одна изъ нихъ представляетъ сношенія папъ съ Южной Русью, именно съ великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ—Димитріемъ (посланіе къ нему Григорія VII въ 1075 г.), съ князьями Галицкими и Владимірскими (здѣсь особенно замѣчательны письма папы Иннокентія IV къ князю Даніилу галицкому и брату его Васильку Владимірскому), съ королями и герцогами польскими. Второй разрядъ составляютъ грамматы и посланія папъ къ жителямъ и духовенству Ливоніи, содержащія въ себѣ частію распоряженія ихъ касательно устройства тамошней церкви и частію различныя привилегіи, дарованныя ими тѣмъ и другимъ; сверхъ-того, сюда же принадлежатъ нѣкоторые акты, касающіеся распространенія латинской вѣры въ Россіи. Но гораздо для насъ важнѣе сношенія римскихъ первосвященниковъ съ Литвою и великими князьями владимірскими и московскими, въ-послѣдствіи царями всей Россіи. Первыя заключаются въ письмахъ папъ къ великимъ князьямъ литовскимъ, особенно къ Гедимину, Ягайлѣ и Витовту, коихъ Мартинъ V называетъ даже своими намѣстниками въ Новѣ городѣ и Псковѣ, думая, вѣроятно, что эти области зависѣли отъ государей литовскихъ; а вторыя представляютъ хитрую политику Рима, стремившагося подчинить и Россію духовной власти папскаго престола. Сюда принадлежатъ преимущественно письма къ великому князю Георгію Всеволодовичу, св. Александру Невскому, къ великому князю Василью Іоанновичу и самому царю Іоанну, граммата папы Евгенія IV митрополиту Исидору о назначеніи его легатомъ апостольскаго престола въ Россіи, наставленіе Герберштейну, инструкція іезуиту Поссевину, и проч.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ источникѣ, откуда Археографическая Коммиссія заимствовала настоящее собраніе иностранныхъ актовъ. Началомъ этому изданію, какъ видно изъ предисловія къ первому тому, послужили выписки, сдѣланныя ученымъ аббатомъ Альбертранди изъ ватиканской и другихъ римскихъ библіотекъ для историка Нарушевича, по волѣ польскаго короля Станислава-Августа. Экземпляръ ихъ, писанный рукою Альбертранди, былъ подаренъ самимъ королемъ тогдашнему посланнику нашего двора въ Варшавѣ, Я. И. Булгакову, отъ котораго онъ въ-послѣдствіи достался г-ну А. И. Тургеневу. Думая нѣкогда издать эти выписки, г. Тургеневъ во время своего путешествія по Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, Даніи и Швеціи успѣлъ составить новую коллекцію, богаче альбертрандіевой, которой запасъ особенно увеличился выписками изъ ватиканскаго тайнаго архива, при содѣйствіи начальника его, графа Марино Марини. Всѣ эти пріобрѣтенія, сдѣланныя г. Тургеневымъ въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, были поднесены Государю Императору, вмѣстѣ съ коллекціею выписокъ Альбертранди, и въ концѣ 1839 года, по Высочайшему повелѣнію доставлены въ Археографическую Коммиссію, которая немедленно приступила къ ихъ печатанію въ двухъ отдѣльныхъ томахъ. Изданный нынѣ первый томъ содержитъ въ себѣ выписки ватиканскія съ 1075 года до кончины царя Іоанна Васильевича въ 1584 году, расположенныя по порядку времени, такъ что между актами, пріобрѣтенными чрезъ графа Марино Марини, вставлены альбертрандіевы гдѣ слѣдовало, а въ случаѣ

тождества актовъ, помѣщенныхъ у того и другаго, выбираемъ былъ исправнѣйшій списокъ, съ показаніемъ при немъ варіантовъ изъ другаго списка.

7) Beschreibung *aller im Russischen Reiche gegrabenen oder projectirten schiff-und flossbaren Kanäle etc. mit einer Karte, von* I. Ch. Stuckenberg (Описаніе *всѣхъ проведенныхъ и проектированныхъ въ Россійской Имперіи судоходныхъ и сплавныхъ каналовъ; съ картою; соч.* И. Штукенберга). *Санктпетербургъ.* 1841.

Это замѣчательное сочиненіе, увѣнчанное отъ Академіи Наукъ демидовскою наградою, есть плодъ труда многолѣтняго. Благотворныя идеи русскаго правительства касательно канализаціи, и обширныя работы, которымъ первое начало положено было основателемъ всего великаго въ Россіи — Петромъ I-мъ, представлены съ возможною точностію и ясностью. Еслибъ эта книга появилась въ какой-нибудь другой европейской литературѣ, она нашла бы себѣ самый радушный пріемъ у всѣхъ. Душевно желаемъ, чтобъ не одни только hommes du métier обратили вниманіе на этотъ громадный трудъ, который даетъ право г-ну Штукенбергу на почетное мѣсто между лучшими статистиками. Книга эта имѣетъ еще и то достоинство, что она не отличается сухостью, которая такъ свойственна подобнымъ произведеніямъ. Въ ней можете найдти дополненіе къ нашей исторіи въ біографическихъ очеркахъ людей, способствовавшихъ правительству въ исполненіи этихъ изумительныхъ работъ, которыхъ совершенное окончаніе такъ необходимо для процвѣтанія внутренней торговли. Душевно желаемъ, чтобъ книга г-на Штукенберга скорѣе переведена была на русскій языкъ.

8) Notizen *über das Kaiserliche Erziehungshaus zu St. Petersburg während der Jahre 1834 bis 1840. Von doctor* Ph. Doepp. *Oberarzte desselben* (Извѣстія *объ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ отъ 1834 по 1840 годъ*). *Санктпетербургъ. 1842. Въ 8-ю д. л. 42 стр.*

Эти извѣстія составляютъ продолженіе извѣстій, изданныхъ въ 1834 году и помѣщенныхъ въ V ч. «Собранія Сочиненій Санктпетербургскаго Общества Нѣмецкихъ Врачей» и переведенныхъ на русскій языкъ. Нѣтъ нужды говорить объ интересѣ первыхъ извѣстій, напечатанныхъ въ 1834 году: всякій, кто читалъ ихъ, знаетъ, какъ они любопытны. Въ нынѣшнихъ извѣстіяхъ, сначала описывая удобства лазарета для возрастныхъ воспитанницъ и другаго лазарета для грудныхъ младенцовъ, г. Деппъ говоритъ о преобразованіи Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома слѣдующее:

«25 марта 1834 года по Высочайшему повелѣнію воспитанники перемѣщены въ Гатчинскій Воспитательный Домъ; равно и изъ Богадельни Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома питомцы мужескаго пола переведены въ Гатчину. 1837 года послѣдовала важная перемѣна въ судьбѣ воспитанниковъ. Филантропія Воспитательнаго Дома и въ-слѣдствіе этого неограниченный пріемъ дѣтей въ домъ, примѣрное попеченіе объ нихъ, далѣе, отличное образованіе, — все это было причиною непомѣрнаго умноженія питомцевъ. Не только незаконнорожденныя дѣти изъ столицы, но и изъ окрестныхъ губерній поступали въ домъ; мало этого, приносили даже законныхъ дѣтей подъ видомъ «незаконнорожденныхъ», чтобы избавить ихъ отъ обязанностей званія, къ которому они принадлежали. Отъ этого въ 1831 году число принесенныхъ въ домъ простиралось до 4088 и въ 1836 до 5237. Это умноженіе числа дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ причинило затрудненія въ пріисканіи кормилицъ для нихъ. Кромѣ того, послѣдняя ре-

визія показала, что народонаселеніе претерпѣваетъ убыль, потому-что крестьянки, кормя дѣтей Воспитательнаго Дома, не заботятся о собственныхъ дѣтяхъ. Чтобы ограничить непомѣрно-большой приносъ незаконнорожденныхъ младенцевъ и доставить способъ воспитываться сиротамъ бѣдныхъ заслуженныхъ чиновниковъ, Высочайше повелѣно (25 іюня 1837 года), чтобы находящіеся въ деревняхъ и впредь туда поступающіе питомцы были причисляемы къ сословію крестьянъ и мастеровыхъ; въ военную же службу могутъ поступать они лишь по собственному ихъ желанію. Преподаваніе наукъ не прекращается; но этимъ должны пользоваться сироты бѣдныхъ заслуженныхъ чиновниковъ включительно до 9 класса. Число этихъ сиротъ опредѣляется до 1000 (т. е. по 500 мужескаго пола въ Гатчинскомъ Воспитательномъ Домѣ и 500 женскаго пола въ таковомъ же Санктпетербургскомъ). Эти сироты образуются *для занятія мѣстъ* учителей и наставницъ, особенно для губерній. Слѣдствіемъ этого узаконенія было, что въ 1837 году взято обратно 860 дѣтей и въ 1838, 324 дитяти, и что приносъ младенцевъ значительно уменьшился. Въ дополненіе къ этому Высочайше повелѣно (15 мая 1839 года), чтобы съ 1-го числа января 1840 года принимать дѣтей въ домы, но не давать билетовъ, на коихъ обыкновенно означалось имя и № дитяти. Другое важное обстоятельство составляетъ то, что родовспомогательное заведеніе отдѣлено отъ общаго управленія Воспитательнаго Дома. Это заведеніе, ввѣреное главному акушеру, нынѣ приноситъ Отечеству особенную пользу, въ чемъ доселѣ очень нуждались — образованіемъ повивальныхъ бабокъ изъ крестьянскихъ дѣвокъ, отдаваемыхъ господами въ ученье за весьма умѣренную плату. Но такъ какъ потребность въ повивальныхъ бабкахъ по уѣздамъ значительно уменьшилась, то положено имѣть только 45 ученицъ на иждивеніи казны.»

Послѣ этого г. Деппъ исчисляетъ болѣзни. I. *У возрастныхъ дѣтей* были: *ложная корь или корь безъ лихорадки.* Эту форму сыпи, опровергаемую многими, г. Деппъ имѣлъ случай наблюдать два раза: лѣтомъ 1836 года и зимою 1839 года на 40 дѣтяхъ, когда эта же сыпь была замѣчаема въ городѣ и смѣшиваема съ *просовидною сыпью* (rubeolae). Далѣе слѣдуютъ: *корь, просовидная сыпь*, красуха (скарлатина). Замѣчательно, что въ предшествовшіе годы были только два случая этой болѣзни. Рѣдкое появленіе ея на дѣтяхъ въ Воспитательномъ Домѣ находится въ совершенной противоположности съ эпидеміею скарлатинною, когда въ городѣ вымираютъ цѣлыя семейства. — *Золотуха.* Г. Деппъ очень одобряетъ употребленіе ворвани (oleum jecoris aselli) и йода въ этой болѣзни. Старорусскія соляныя воды особенно полезны для золотушныхъ. — *Дѣвичья немочь*, одна изъ болѣзней, наичаще бывающихъ въ Санктпетербургѣ. Лучшія средства отъ этого суть: углекислое и сѣрнокислое желѣзо и ревельскія купальни. — *Рожа на лицѣ, чесотка.* Не смотря на примѣрную чистоту, эта болѣзнь появляется часто. — *Смертность.* Въ отдѣленіи возрастныхъ воспитанницъ (въ нынѣшнемъ сиротскомъ институтѣ) смертность была самая малая; изо 100 воспитанницъ умерли $1^{1}/_{2}$ въ продолженіе года: изъ всего же числа ихъ $1^{1}/_{10}$ изо 100. Должно замѣтить при этомъ, что при пріемѣ сиротъ обращается болѣе вниманія лишь на безпомощное ихъ состояніе, нежели на физическое здоровье. II. *Болѣзни новорожденныхъ дѣтей. Воспаленіе глазъ у новорожденныхъ младенцевъ.* Пятая доля дѣтей заражалась этою болѣзнію въ Воспитательномъ Домѣ, а четыре пятыхъ поступали съ нею. — *Рожа у новорожденныхъ дѣтей* бываетъ особенно послѣ привитія оспы и зависитъ отъ неосторожнаго обхожденія съ дѣтьми, хотя главная причина заключается въ эпидеміи. Изъ всѣхъ средствъ противъ этой болѣзни г. Деппъ почитаетъ лучшимъ скарификацію (насѣчки кожи). — *Венерическая болѣзнь у новорожденныхъ.* Въ этой статьѣ приводятся мнѣнія писателей о наслѣдственной венерической болѣзни. Способъ леченія, употребляемый авторомъ, заслуживаетъ быть изученнымъ. — *Опухоль на головѣ у новорожденныхъ младенцевъ.* Въ частной практикѣ, авторъ замѣчалъ эту бо-

лѣзнь, въ-теченіе 26 лѣтъ, только у двоихъ, но въ Воспитательномъ Домѣ у 262 дѣтей. Весьма-интересны результаты трупораздѣленія умершихъ отъ этой болѣзни. Сказавъ свое мнѣніе о причинахъ, отъ чего зависитъ эта болѣзнь, авторъ подробно излагаетъ методу ея леченія. — *Предохранительная оспа.* Г. Деппъ всегда замѣчалъ, что оспа Дженнера доселѣ оказывала желаемое дѣйствіе, и не было надобности возобновлять это вещество. Число дѣтей, коимъ прививается оспа въ-продолженіе года, бываетъ до 4000; кромѣ этого приносится 2000 дѣтей со стороны. — *Природные недостатки въ образованіи тѣла.* Замѣчательнѣйшіе между ними были: недостатокъ верхней губы (у 1 мальчика), заячья губа (у 5 м. и 4 д.); зубъ въ нижней челюсти (у 3 мальч.). (Суевѣрные люди весьма не рады бываютъ, когда ребенокъ рождается съ зубами; это, по ихъ мнѣнію — самое злое предвѣстіе); два зуба въ нижней челюсти (у 13 м. и у 1 д.); недостатокъ наружнаго лѣваго уха (у 2 м.); недостатокъ лѣваго верхняго плеча (у 1 д.); недостатокъ лѣвой ручной кисти (у 1 м. и у 1 д.); недостатокъ пальцевъ на обѣихъ рукахъ (у 1 м.); срощеніе пальцевъ на рукахъ (у 6 м. и у 2 д.); шесть пальцевъ на каждой рукѣ (у 2 м. и 3 д.); срощеніе задняго прохода (у 2 м. и у 3 д.); гермафродитовъ (2 м. и 2 д.); раздвоеніе спиннаго канала (у 2 м. и 4 д.). — *Смертность.* Вообще въ предшествовавшія шесть лѣтъ смертность грудныхъ дѣтей, т. е. на первомъ году жизни, была почти 50 изо 100. Въ Воспитательномъ Домѣ въ Вѣнѣ умираютъ $66^{1}/_{4}$ изо 100, не смотря на то, что вѣнское заведеніе имѣетъ многія преимущества предъ нашимъ, именно: благопріятнѣйшій климатъ, большее благосостояніе крестьянъ, принимающихъ питомцевъ на вскормленіе, большее образованіе, отъ-чего, слѣдовательно, беременныя претерпѣваютъ менѣе насилія, и призоръ за новорожденными лучше. Напротивъ, у насъ предразсудки относительно больницъ и родильныхъ домовъ такъ велики, что по-крайней-мѣрѣ шестая часть дѣтей, приносимыхъ въ Воспитательный Домъ суть уродливыя, недоношенныя, больныя и даже умирающія. Только часть дѣтей, поступающихъ въ здѣшній Воспитательный Домъ, родится въ родильнѣ. Въ Вѣнѣ и Прагѣ $^{19}/_{20}$ незаконныхъ младенцевъ родятся въ родильняхъ, учрежденныхъ при воспитательныхъ домахъ. Но такъ какъ въ воспитательныхъ домахъ въ Вѣнѣ и Прагѣ одна кормилица кормитъ двоихъ дѣтей, и послѣднія отдаются въ деревни на вскормленіе искусственною пищей (beym Wasser erziehen), а не грудью, то неудивительно, что смертность дѣтей на первомъ году жизни очень-велика въ сравненіи съ смертностью въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ. Если бы наши питомцы подвергались несчастію быть вскармливаемыми искусственной пищей, то едва-ли бы двадцатая часть ихъ достигала годоваго возраста (Замѣчанія г. Деппа о состояніи воспитательныхъ домовъ въ Вѣнѣ и Прагѣ очень интересны). — Въ одной изъ таблицъ показано, сколько по 1 число января 1840 года состояло питомцевъ въ вѣдомствѣ Воспитательнаго Дома.

I.	Въ самомъ домѣ грудныхъ дѣтей обоего пола	882
	— сиротскомъ институтѣ дѣвицъ, приготовляющихся въ наставницы	551
	— музыкальномъ классѣ, дѣвицъ, приготовляющихся въ учительницы музыки . .	32
	Приготовляемыхъ въ надзирательницы за дѣтьми . . .	38
	Приготовляемыхъ въ швейки.	292
	Прислуги мужскаго пола. .	54
	— — женскаго — . .	486
	Обучающихся мастерствамъ, мужескаго пола	28

Фельдшеровъ, аптекарскихъ, архитекторскихъ учениковъ и писарей 39
Больныхъ, поступившихъ въ лазаретъ съ разныхъ фабрикъ и заведеній, мужскаго пола. 19
женскаго — . 3

Всего, мужскаго пола. 571
женскаго — . 1853

II. Внѣ дома:

Въ деревняхъ, мужскаго пола. 6068
— — — женскаго пола. 7585
На воспитаніи у обывателей въ столицѣ, мужскаго пола. 35
женскаго — . 45
На воспитаніи у обывателей въ Гатчинѣ, мужскаго пола. 6
женскаго — . 5
Въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ 596
— С. Петербургскомъ Университетѣ. 8
— Дерптскомъ 6
— Академіи Наукъ 7
— — — Художествъ . . 2
— Коммерческомъ Училищѣ. 10
— ученьи у садовниковъ . . 16
— Межевомъ Училищѣ . . 32
— Фельдшерской Школѣ . . 41
На Александровской Мануфактурѣ, мужскаго пола. . 399
женскаго пола . . 187
— частныхъ фабрикахъ, м. п. 103
женскаго пола. 30
У мастеровъ, мужеск. пола. 812
женскаго пола. 2
— Въ Училищѣ Глухо-нѣмыхъ, мужескаго пола . . 14
женскаго . 16
— — — Слѣпыхъ, м. п. 4
женскаго. . 2
— Богадельнѣ, жен. пола. . 101
— разныхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ прислугѣ, женскаго пола . . 400

Всего муж. п. . 8163
жен. п. . 8373

Желательно, чтобъ кто-нибудь изъ просвѣщенныхъ врачей передалъ на русскомъ языкѣ извѣстія о нынѣшнемъ состояніи Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома: это могло бы служить важнымъ матеріаломъ для медицинской статистики. Нельзя умолчать при этомъ, что отчеты о больницахъ, составленные гг. Герцогомъ, Деппомъ, Зейдлицомъ и Майеромъ — прекрасные матеріалы для статистики Россіи. Порадуемся, что попечительный Совѣтъ также издастъ отчеты о подвѣдомственныхъ ему больницахъ, составленные, какъ намъ извѣстно, гг. главными врачами. Это будетъ явленіе пріятное, давно ожидаемое.

9) Bulletin *de la Societé Imperiale des Naturalistes de Moscou. Année* 1842: *N° 1. Avec une planche. Moscou, de l'imprimerie d'Auguste Semen.* (Бюллетенъ *Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы. Годъ 1842. № 1. Съ однимъ рисункомъ*). *Москва. Въ тип. Семена. 1842. Въ 8-ю д. л. 219 стр.*

Этою книжкою начинается изданіе журнала Общества въ текущемъ году. Содержаніе первой книжки слѣдующее: 1) Байкальско-Даурская Флора (начало), г. Турчанинова; 2) Обзоръ окаменѣлостей Московской Губерніи (съ однимъ рисункомъ), г. Фишера фон-Вальдгеймъ; 3) Четыре новые рода русскихъ растеній, собранныхъ г. Карелинымъ; 4) Указаніе и краткое описаніе растеній, собранныхъ г. Карелинымъ на высотахъ Алатау, въ 1841

году, для Общества (начало). Здѣсь вновь описываются многіе новые роды и виды русскихъ растеній; 5) Описаніе минеральной воды, открытой въ самомъ городѣ Москвѣ, на Варварской Площади, г. Германа. Авторъ, извѣстный практическими свѣдѣніями въ изученіи минеральныхъ водъ, находитъ въ московской водѣ ближайшее сходство съ пирмонтскими ключами и не сомнѣвается, что она окажется весьма дѣйствительною во многихъ трудныхъ болѣзняхъ, для изслѣдованія чего его свѣтлость градоначальникъ Москвы сдѣлалъ нужныя распоряженія. Что если Москва въ-самомъ-дѣлѣ будетъ имѣть дѣйствительный, цѣлебный минеральный источникъ?.. 6) Смѣсь. 7) Метеорологическія наблюденія, производимыя въ Обсерваторіи Московскаго Университета, за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1841-го года, г. Спасскаго. 8) Выписки изъ протоколовъ засѣданій Общества. 9) Приложенъ геогностическій разрѣзъ пространства между Москвою и Бѣлёвымъ, сдѣланый по наблюденіямъ извѣстныхъ геологовъ, Мурчисона, де-Варнеля, Бласіуса и графа Кейзерлинга, посѣтившихъ Россію въ прошломъ году. — Изданіе «Бюллетена» еще изящнѣе прошлогодняго.

10) Dictionnaire Français - Arabe - Persan et Turc. *Par le prince* Alexandre Handjéri. *Tome troisième. P—Z. Москва. Въ Университетской типографіи. 1841. Въ 4-ю д. л. 806 стр.*

Трудъ князя Ханджери, истинно-исполинскій, конченъ. Занимающіеся восточными языками будутъ ему вѣрно благодарны.

11) Histoire de la Littérature Française *depuis son origine jusqu'à nos jours, par* Joseph Cournand (Исторія Французской Литературы *отъ начала ея до нашихъ временъ, соч.* І. Курнана). *Санктпетербургъ.* 1842. *Въ тип.* Journal de S.-Pétersbourg. *Въ 8-ю д. л. 307 стр.*

12) Lecture Graduée. *Ouvrage dans lequel les difficultés de la lecture sont simplifiées et presentées graduellement. Dedié aux mères par* A. Boniface, *instituteur* (Постепенное Чтеніе. *Сост.* А. Бонифасомъ). *Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова.* 1841. *Въ* 8-ю *д. л.* 106 *стр.*

Первая изъ этихъ книгъ написана въ чисто-французскомъ критическомъ духѣ: въ ней всѣ авторы похвалены, даже и такіе, которыхъ ни у кого не достанетъ духу прочесть; всѣ литературныя имена удостоены почетнаго упоминовенія — даже и такія, которыя при жизни носившихъ ихъ, были извѣстны друзьямъ ихъ и родственникамъ. Такъ пишутся всѣ французскіе курсы литературы — такъ написалъ свой курсъ и г. Курнанъ, и, какъ истинный Французъ, написалъ ясно, толковито, хорошимъ языкомъ, и издалъ не только опрятно, но и красиво.

Заглавіе второй книги говоритъ за ея содержаніе; мы прибавляемъ отъ себя только, что исполненіе очень-хорошо.

13) Deutsche Chrestomathie *zum Gebrauch der deutschen Hauptschule St. Petri* (Нѣмецкая Хрестоматія *для употребленія въ Главномъ Нѣмецкомъ Училищѣ Св. Пе-*

тра). Санктпетербургъ, 1842. Въ тип. Крайя. Въ 8-ю д. л. 286 стр.

Учебная книжка въ родѣ сотни другихъ, издаваемыхъ въ Россіи, — ни хуже, ни лучше. Она, вѣроятно, имѣетъ особое назначеніе, которое лучше извѣстно издателю, нежели намъ.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Изъ безчисленнаго множества разсказовъ о путешествіяхъ и поѣздкахъ, снова появившихся въ Англіи въ послѣднее время, упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ, замѣчательнѣйшихъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: *Incidents of travel in Central America, Chiapas and Yucatan by* John L. Stephens. 2 *vols* (*Приключенія во время путешествія по Центральной Америкѣ, Чіапасу и Юкатану*, Джона Л. Стефенса, *2 части)*. Эта любопытная книга разошлась въ короткое время въ Америкѣ въ числѣ 10,000 экземпляровъ, и переведена уже на французскій и нѣмецкій языки. Авторъ ея былъ отправленъ президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ, фан-Бюреномъ, съ дипломатическою миссіею въ Среднюю Америку, и получилъ позволеніе путешествовать по ней и обозрѣть ее послѣ исполненія возложеннаго на него порученія. Прибывъ на мѣсто, бывшее цѣлію поѣздки, онъ встрѣтилъ вездѣ возмущенія и междоусобія, и потому продолжалъ свое путешествіе, углубляясь во внутренность страны на 3,000 англійскихъ миль. Путешествіе его исполнено самыхъ любопытныхъ приключеній и особенно важно тѣмъ, что онъ подробно описываетъ таинственные остатки самыхъ древнѣйшихъ обитателей американскаго материка. Онъ посѣщалъ много древнихъ, существующихъ теперь въ однѣхъ развалинахъ городовъ, и товарищъ его, живописецъ Катервудъ, не смотря на величайшія затрудненія, вездѣ на мѣстѣ срисовывалъ любопытнѣйшіе предметы, служащіе теперь украшеніемъ книги, изданной чрезвычайно-роскошно.

Не менѣе важно во многихъ отношеніяхъ состоящее въ связи съ предъидущимъ сочиненіе: *Letters and Notes on the manners, customs and condition of the North American Indians by* George Catlin, 2 *Vols with 400 illustrations (Письма и замѣтки о нравахъ, обычаяхъ и положеніи Индійцевъ Сѣверной Америки*, Джорджа Кетлина, *2 тома съ 400 гравюрами*). Авторъ восемь лѣтъ сряду бродилъ по пустынямъ и лугамъ Сѣверной-Америки, посѣщая британскія, американскія и мексиканскія владѣнія, въ надеждѣ собрать болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о нра-

вахъ и обычаяхъ дикихъ племенъ, нежели тѣ, какія собраны были до него другими. Ревность его была подстрекаема особенно увѣренностью, что эти многочисленныя племена человѣческаго семейства быстрыми шагами приближаются къ своему уничтоженію, — что они исчезаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе подходитъ къ нимъ просвѣщеніе, — что они, по собственному выраженію ихъ, *намѣреваются отправиться къ тѣнямъ отцовъ своихъ въ страну заходящаго солнца.* Въ продолженіе восьмилѣтнихъ, исполненныхъ опасностями странствованій, наблюденій и изъисканій, автору было возможно посѣтить сорокъ-восемь различныхъ племенъ, составляющихъ до 400,000 душъ и большею частью живущихъ еще въ первобытной дикости. Будучи страстнымъ художникомъ, Кетлинъ не оставлялъ нигдѣ холста и кисти, такъ-что возвратился съ 500 написанными на мѣстахъ масляными картинами, въ числѣ которыхъ около 300 портретовъ начальниковъ, воиновъ и пр., по-большой-части списанныхъ въ-ростъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ въ костюмы племени; на прочихъ картинахъ изображены деревни, религіозныя празднества, пляски, игры дикихъ и т. д.; въ нихъ слишкомъ 3,000 фигуръ. Самъ авторъ выставлялъ оригинальныя картины свои въ Egyptian hal, въ Лондонѣ, подъ названіемъ «North American Museum» (сѣверо-американскій музеумъ). Въ цѣломъ, эти изображенія носятъ на себѣ еще отпечатокъ мгновеннаго впечатлѣнія; въ нихъ замѣтно что-то отрывочное, разрозненное и это вредитъ только стилю, но не занимательности предмета.

Неменѣе любопытныя свѣдѣнія о «краснокожихъ» доставляетъ *The Canadas in 1841 by Sir* Richard Bonnycastle, *2 vols. (Канада въ 1841 году, сэра* Ричарда Боннейкэстля, *2 части*). Бѣдные цвѣтные, вытѣсняемые жестокосердыми американскими піонирами, укрываются къ человѣколюбивымъ (можетъ быть, изъ такихъ же видовъ эгоизма) британскимъ обитателямъ Канады. Здѣсь ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями, и они наслаждаются благодѣяніями цивилизованной жизни, часто, къ-сожалѣнію, превращающимися для нихъ въ гибель. Особенно любовь къ *крѣпкой водѣ* дѣйствуетъ на неосторожныхъ дѣтей природы вреднѣе, нежели притѣсненія Американцевъ. Иногда цѣлыя племена подвергаются строгостямъ военной дисциплины; такъ, на-пр., неоднократно-упоминаемое Куперомъ племя Могавковъ, отличавшееся дикостью, служило подъ начальствомъ автора «Канады» въ пограничной войнѣ 1837 года, и онъ хвалитъ услуги, оказанныя ему этими дикарями при разныхъ случаяхъ. По окончаніи войны, нѣсколько ружей, нѣсколько женскихъ уборовъ, нѣсколько ящиковъ табаку, небольшое количество пороха и свинца вполнѣ вознаградили вѣрныхъ союзниковъ за ихъ помощь. Кромѣ подробностей о краснокожихъ, въ книгѣ замѣчательны еще топографическія свѣдѣнія о Канадѣ, и ближайшія указанія о линіяхъ сообщенія и позиціяхъ, представляемыхъ этою страною для торговли и войны. При всемъ богатствѣ свѣдѣній, книга, однакожь, лишена всякой живости, и авторъ часто утомляетъ читателя сухостью и разнообразіемъ своего слога.

Между множествомъ книгъ о Новой Зеландіи, можно упомянуть объ *Account of the Settlements of the New-Zealand Company by sir* W. Petre *(Извѣстія о Поселеніяхъ Новозеландской Компаніи, соч.* сэра Уильяма Питра). Это значительное поселеніе въ Тихомъ-Океанѣ, обѣщающее сдѣлаться для этого міра острововъ средоточіемъ новой цивилизаціи, значительной торговли и расцвѣтающей промышлености, сначала нисколько не было поддерживаемо англійскимъ правительствомъ. Напротивъ, компанія, основавшая первыя поселенія, была еще принуждена бороться съ интригами и подозрительными мѣрами, принятыми для ограниче-

нія ея англійскими губернаторами. Другая книга — *Rambles in New Zealand, by* M. J. C. Bidwill *(Прогулки по Новой Зеландіи, соч.* М. І. Ч. Бидуиля) представляетъ весьма точное изображеніе внутренности óстрова, куда до-сихъ-поръ проникли еще весьма немногіе путешественники. Сверхъ-того, она содержитъ въ себѣ важныя и любопытныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ обитателей Новой-Зеландіи. Изъ замѣтокъ путешественника видно, что, для совершеннаго истребленія бѣдныхъ островитянъ, достаточно представить этимъ задорнымъ племенамъ полную волю и не вмѣшиваться въ ихъ безпрерывные внутренніе раздоры. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣколюбивая Англія воспользуется этимъ совѣтомъ!!

Въ книгѣ *Account of Konawour in the Himalaya etc, by the late Capt.* Alexander Gerard *(Свѣдѣнія о Канавурѣ въ Гималайскихъ Горахъ и проч. капитана* Александра Жерара), г. Джоржъ Ллойдъ собралъ разсѣянныя по разнымъ географическимъ «обозрѣніямъ» статьи знаменитаго путешественника по Индіи, Александра Жерара. Особенно любопытно, между прочимъ, описаніе Канавурскаго Округа, простирающагося на пространствѣ около 80 миль по берегамъ Сутлэджа (Sutledje), одной изъ пяти рѣкъ, отъ которыхъ страна Пенджабъ заимствовала свое названіе. Округъ этотъ нѣчто въ родѣ земнаго рая, заключеннаго въ исполинскихъ Гималайскихъ Горахъ, изъ которыхъ самая меньшая превосходитъ величиною Мон-Бланъ. Въ эту счастливую долину путешественники проникаютъ сквозь 15 горныхъ тѣснинъ, изъ которыхъ самая просторная возвышается на 15,000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Несмотря на это значительное возвышеніе, страна далеко не такъ холодна, какъ можно было бы предполагать, и это зависитъ отъ сухости воздуха въ Гималайскихъ Горахъ. Величайшія опасности, которымъ подвергаются путешественники на этихъ исполинскихъ горныхъ хребтахъ, происходитъ отъ силы вѣтра, быстро оледеняющаго тѣло; иногда на пространствѣ нѣсколькихъ миль путешественникъ не находитъ никакого топлива, подвергаясь въ то же время вредному вліянію разрѣженнаго воздуха, приписываемаго легковѣрными туземцами испареніямъ ядовитыхъ растеній. Эти туземцы, по словамъ автора, дѣятельны, благородны, гостепріимны и необыкновенно добросовѣстны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Они вмѣстѣ пастухи и купцы; лѣто проводятъ въ прелестнѣйшихъ долинахъ, осенью отправляются на рынки въ Гаррокъ, Лехъ и Мурдвэръ (Garroc, Leh, Murdwar); въ зимѣ приходятъ въ свои деревни, гдѣ ткутъ грубыя шерстяныя матеріи, изъ которыхъ приготовляютъ себѣ плащи, головные уборы и даже башмаки. Зимній кормъ стадъ состоитъ преимущественно въ древесныхъ листьяхъ, складываемыхъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Мѣсто не позволяетъ намъ войдти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе этой интересной книги: жаль только, что на изданіе жераровыхъ бумагъ обращено весьма мало вниманія; желательно бы, чтобъ всѣ свѣдѣнія Жерара и двухъ братьевъ его, также извѣстныхъ своими путешествіями по Индіи, были собраны и изданы съ бóльшею послѣдовательностью.

Другое сочиненіе о гималайскихъ странахъ — *Notes on the religious, moral and political state of India, by* Col. Sykes *(Замѣтки о религіозномъ, нравственномъ и политическомъ состояніи Индіи,* К. Сейкса). Важнѣйшая часть этой книги — та, въ которой доказывается, что брахманизмъ, священный языкъ и литература Индусовъ отнюдь не проистекаютъ изъ основнаго источника, появившагося безъ всякаго вліянія другихъ народовъ. Авторъ подкрѣпляетъ свои изслѣдованія путевыми замѣтками китайскаго буддистскаго жреца, по имени Фа-хи-анъ, посѣщавшаго Индію около 399 года по Р. Х. По преданіямъ этого древняго путешественника, въ его время господствую-

щею религіею въ Индіи былъ буддизмъ; брахманизмъ же былъ или неизвѣстенъ, или ограниченъ немногими округами. Изъ этого слѣдуетъ, что священныя книги и поэмы, повѣствующія о всеобщемъ распространеніи брахманизма, относятся къ позднѣйшему времени. Далѣе, изъ разсказа Фа-хи-ана видно, что языкъ *пали* былъ въ то время общеупотребительнымъ нарѣчіемъ въ Индіи, и это подтверждается относящимися къ буддизму надписями на древнихъ памятникахъ, открытыхъ между Гималайскими Горами и Коморинскимъ Мысомъ. Изъ всего этого Сейксъ заключаетъ, что санскритскій языкъ, по-крайней-мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, не существовалъ тогда, а какъ слово: *пали* означаетъ то же, что «основный», слово же *санскритъ* то же, что «усовершенствованный» или «выглаженный», то авторъ полагаетъ, что санскритскій языкъ вѣроятно искусственный, составленный изъ пали. Между-тѣмъ, если и предположить, что брахманизмъ не существовалъ въ настоящемъ видѣ своемъ, однакожь изъ историковъ эпохи Александра-Македонскаго и изъ извѣстій самого Фа-хи-ана видно, что въ Индіи существовали люди, которые были извѣстны подъ именемъ *брахмановъ*. Сейксъ приводитъ цѣлый рядъ доводовъ, которыми доказываетъ, что они были свѣтскими людьми, а не жрецами, и даже принадлежали къ буддистскому исповѣданію. Онъ говоритъ, что еще въ VII столѣтіи они почитались въ Южной и Восточной Индіи чужестранцами, и только позже усилились и сдѣлали Пенджабъ резиденціею своей власти. Слѣдствіемъ этого было бы, что они находились въ сношеніяхъ съ сосѣдними бактріанскими Греками, и потому греческое образованіе не могло не имѣть на нихъ вліянія, что и доказывается другими изслѣдованіями въ новѣйшее время, какъ напр., Wall's «On the propagation of Alphabets and other phonetic systems throughout Eastern Asia.» — Положительныя показанія китайскихъ путешественниковъ, недостатокъ древнихъ надписей на санскритскомъ нарѣчіи и совершенное *исключеніе исторіи* изъ круга санскритской литературы — безъ сомнѣнія сильныя основанія противъ предполагаемой древности брахманическихъ учрежденій, философіи и литературы. Впрочемъ, Веды, Пураны и другія священныя книги Индусовъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, исполнены перерывовъ и поддѣльныхъ мѣстъ. Удерживаемся отъ всякаго приговора въ этомъ дѣлѣ и приводимъ только заключительныя слова автора, характеризующія въ то же время Англичанъ: «Если брахманизмъ не имѣетъ ни неоспоримой древности, ни неизмѣннаго характера, то мы въ правѣ думать, что, при мѣрахъ, употребленныхъ съ осторожностію и кротостью, всегда возможны перемѣны, по мѣрѣ того, сколько онѣ согласуются съ духовными потребностями Индусовъ, для улучшенія нравственнаго и общественнаго положенія этихъ народовъ и споспѣшествованія ихъ вѣчному блаженству.»

Еще заслуживаютъ особеннаго упоминанія:

Rambles in Ceylon, by lieut. de Butts (*Прогулки по Цейлону, поручика* де Буттса). Хоть вся книга составлена довольно-небрежно, однакожь она имѣетъ нѣкоторое достоинство по совершенному недостатку свѣдѣній объ этой важной индійской колоніи Англичанъ. Узкій проливъ, отдѣляющій островъ Цейлонъ отъ твердой земли, въ прежнія времена, былъ, повидимому, перешеекъ, прорытый, вѣроятно, какимъ-нибудь переворотомъ въ природѣ. Священный островъ Рамизерамъ, лежащій посреди этого пролива, привлекаетъ пилигримовъ съ Цейлона и твердой земли, и потому кажется памятникомъ древней связи, существовавшей между островомъ и материкомъ. На островѣ Рамизерамѣ, за высокими стѣнами находится необъятный, огромный храмъ, вмѣстѣ съ большими водохранилищами для предписываемыхъ закономъ

омовеній Индусовъ и съ многочисленными часовнями. Въ длинныхъ галлереяхъ стоятъ исполинскіе идолы Вишны, Шивы и прочихъ индусскихъ божествъ, представленныхъ въ стоячемъ положеніи. Большая часть храма, святая-святыхъ, недоступна невѣрующему Европейцу; отсюда-то раздаются безпрерывно звуки музыки, и священныя дѣвы, составляющія хоръ, бросаютъ скрытно любопытные взгляды сквозь полураздвинутые занавѣсы. Превосходная Тринкомалійская Гавань, по выгодному своему положенію, составляетъ одну изъ лучшихъ гаваней въ Индійскомъ Океанѣ, и прекрасный островъ со своими роскошными лѣсами и тропическими растеніями представляетъ изъ себя восхитительное зрѣлище. Одно изъ главныхъ удовольствій для проживающихъ здѣсь Европейцевъ — охота за слонами, находящимися въ лѣсахъ Цейлона, вмѣстѣ съ другими дикими звѣрьми, въ большомъ числѣ. Авторъ описываетъ такую охоту чрезвычайно-заманчиво. Недалеко отъ Тринкомалы находится одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній рукъ человѣческихъ, сохранившееся отъ древнѣйшихъ временъ и противорѣчащее настоящей необразованности Цингалезовъ. Это Канделейское Озеро (Kandelay-Lea), необъятное циклопическое водохранилище, въ широкой долинѣ, имѣющее въ окружности около 15 квадратныхъ миль. Долина эта составлена изъ скалистыхъ обломковъ, складенныхъ одинъ на другой, и образуетъ искусственную плотину для принятія водъ, стекающихъ изъ сосѣднихъ горъ во время дождей; она избавляетъ такимъ образомъ сильно-населенныя низменности отъ наводненія. Этотъ геркулесовскій трудъ тѣмъ болѣе достоинъ удивленія, что пособія механики при подобныхъ работахъ, вѣроятно, были еще тогда совершенно неизвѣстны, и, слѣдовательно, все это произведено единственно помощію физическихъ силъ строителей. На любопытномъ островѣ Цейлонѣ не существуетъ, какъ въ Индустанѣ, различія *кастъ:* здѣсь есть только одна каста, презираемая, подобно индусскимъ паріямъ, — каста родіасовъ (Rhodias), которая состоитъ по-большой-части изъ преступниковъ всякаго рода. Туземцы нѣсколько разъ отказывались, при встрѣчавшихся случаяхъ, помогать англійскому правительству въ поимкѣ какого-нибудь изъ этихъ преступниковъ, предлагая, напротивъ, травить и убивать его, какъ дикаго звѣря. Англійское правительство старается образовать этихъ несчастныхъ и облегчить ихъ участь; поэтому родіасы болѣе держатся Англичанъ, нежели своихъ цингалезскихъ земляковъ, которые до-сихъ-поръ упорно отказываются служить вмѣстѣ съ ними въ полкахъ, составленныхъ изъ Малайцевъ. — Отъ прежней столицы острова, Анараджапура (Anaradjahpoora) остались одвѣ истинно-колоссальныя развалины, между-прочимъ 1600 огромныхъ колоннъ, служившихъ подпорою *одному* буддискому храму, и 6 дагобасовъ (dagobas), или необъятныхъ каменныхъ массъ, съ немногими вмѣстилищами внутри, которыя, подобно египетскимъ пирамидамъ, служили памятниками царствованію государя, соорудившаго ихъ. Эти дагобасы, однако, гораздо неуклюжѣе, нежели драгоцѣнные египетскіе монолиты, и самые большіе, при вышинѣ и діаметрѣ въ 270 футовъ, содержатъ въ себѣ каменную массу въ 450 000 англійскихъ кубическихъ ярдовъ. Исчисливъ достопримѣчательности острова, авторъ представляетъ еще нѣсколько подробностей о системѣ, которой слѣдуетъ здѣсь англійское правительство; только при послѣднемъ губернаторѣ приняты разумнѣйшія основанія въ-отношеніи къ свободѣ торговли, а уменьшеніемъ таможенныхъ пошлинъ на вывозные товары оживлена торговля и невѣроятно умножилось благосостояніе жителей.

Чрезвычайно интересна, какъ современная новость, книжка — *Narrative*

of a recent imprisonment in China after the Wreck of the Kite by John Lee Scott (*Повѣствованіе о плѣнѣ въ Китаѣ послѣ крушенія брига «Коршунъ»*, Джона Ли-Скотта). Китайская жизнь и нравы — сокровище, котораго долго не исчерпать; авторъ книги — молодой морякъ на купеческомъ суднѣ; воспользовавшись несчастіемъ, постигшимъ «Коршуна», онъ разсказываетъ съ величайшею простотою происшествія, которыхъ былъ очевидцемъ и въ которыхъ самъ дѣйствовалъ, но разсказываетъ такъ живо и увлекательно, какъ едва-ли разсказало бы намъ самое ученое и изъисканное сочиненіе. Невозможно передать въ короткихъ словахъ содержаніе этой книжки, но, при случаѣ, мы представимъ читателямъ въ особой статьѣ краткое извлеченіе изъ повѣсти о страданіяхъ несчастнаго экипажа и соединенное съ нею изображеніе жизни и странныхъ обычаевъ его мучителей — Китайцевъ.

Менѣе занимательно въ-отношеніи къ живости изображенія, но важно по ученымъ замѣчаніямъ твореніе профессора китайскаго языка при Лондонскомъ Университетѣ, С. Кидда: *China, or Illustrations of the Symbols, Philosophy, Antiquities etc. of the Chinese*. Авторъ намѣренъ представить въ образахъ картину китайскаго мышленія и для этого начинаетъ объясненіемъ обстоятельствъ, болѣе всего имѣвшихъ вліяніе на образованіе китайскаго характера. Значительную часть ихъ приписываетъ онъ языку, и въ-слѣдствіе этого преимущественно занимается изслѣдованіемъ природы и силъ ея. Въ противность Депонсо, Киддъ утверждаетъ, что въ китайскомъ языкѣ господствуетъ не алфавитная, а символическая система; для этого онъ сравниваетъ систему китайскихъ символовъ съ системою египетскихъ гіероглифовъ. Вслѣдъ за тѣмъ доказывается, что фонетическая система толкованія, защищаемая Шамполіономъ, основывается на заблужденіи, потому что это пріемъ, несоединимый съ духомъ символическаго языка, въ которомъ нельзя переносить идеи на звуки. Отъ языка, авторъ переходитъ къ обычаямъ и въ разныхъ точкахъ показываетъ существенное сходство между Китайцами и Египтянами, особенно чрезвычайную важность, какую они поставляли въ церемоніалѣ погребенія и обыкновеніе ихъ знакомиться посреди жизни съ картиною смерти. Сильное вліяніе, какое обнаруживаетъ система китайской цивилизаціи, авторъ находитъ и въ томъ, что татарскіе завоеватели Китая замѣнили свои національные обычаи обычаями покореннаго народа. Маньджурская династія выдумала баснословную генеалогію, въ-слѣдствіе которой производитъ происхожденіе своего основателя отъ небесной сороки. Эта птица до-сихъ-поръ почитается покровительницею царскаго рода. Китайцы чрезвычайно суевѣрны и особенно преданы астрологіи и магіи. Большая часть ихъ некромантическихъ обрядовъ ребячески-нелѣпы, а многіе отвратительны. Любопытно, что они, подобно пиѳагорейцамъ и древнимъ Египтянамъ, придаютъ нѣкоторымъ цифрамъ мистическое значеніе. Китайцы говорятъ, что числа начинаются единицею, становятся совершенными при 3-хъ и оканчиваются 10-ю. Три, какъ и у Египтянъ, означаетъ множественное число; поэтому, желая показать множественное число какого-нибудь предмета, они повторяютъ три раза слово, его изображающее. Основаніемъ многихъ китайскихъ символовъ служитъ то же начало. На-примѣръ, три солнца означаютъ блескъ, три языка — болтливость, символъ волосъ, повторенный три раза, означаетъ шкуру животныхъ, пухъ птицъ, вообще что-нибудь нѣжное, мягкое. Тройкій символъ травы означаетъ генерическое выраженіе для растеній, травъ и деревьевъ, три дерева — лѣсъ; мы умолчимъ о многихъ подобныхъ примѣрахъ. Египтяне употребляютъ символъ 3 также для выраженія неспособности говорить, потому-

что, если ребенокъ не говоритъ, достигнувъ трехъ лѣтъ, то можно предполагать, что онъ не будетъ говорить никогда. Тотъ же законъ лежитъ въ основаніи трехгодичнаго траура дѣтей по родителямъ, потому-что въ-продолженіе этого времени послѣ смерти родителей дѣти почитаются особенно безпомощными. — Мы коснулись только тѣхъ частей книги, которыя имѣютъ болѣе общій интересъ: бо́льшая же половина ея назначена *для* ученыхъ, занимающихся этимъ предметомъ.

Отъ этнографіи, или народоописанія—къ исторіи одинъ только шагъ: мы дѣлаемъ этотъ шагъ и скажемъ еще о нѣсколькихъ важнѣйшихъ историческихъ произведеніяхъ новѣйшаго времени. Отдѣлъ исторической литературы въ Англіи все еще удерживаетъ свою прежнюю значительность со временъ Юма, Гиббона, Робертсона, Кокса, Розку (Roscoe), Литтльтона, этихъ двухъ великихъ тріумвиратовъ древнѣйшей исторіографіи, до Вальтера Скотта, Лингарда и Галлама. Въ последнее время явилось опять нѣсколько превосходныхъ специальныхъ историческихъ книгъ; мы уже прежде упоминали объ «Исторіи Европы во время французской революціи» въ 10 томахъ, Арчибальда Алисона, равно какъ и о большихъ произведеніяхъ Эльфинстона и Милля объ Индіи. Передъ нами лежитъ опять удачное сочиненіе подъ названіемъ: *The History of the Western Empire from its Restoration by Charlemagne to the Accession of Charles V*, *by* Sir Robert Comyn, 2 *vols* (*Исторія Западной Имперіи отъ возстановленія ея Карломъ-Великимъ до восшествія на престолъ Карла V*, *соч.* сэра Роберта Комина, 2 *части*). Авторъ, главный судья въ Мадрасѣ, употребилъ рѣдкіе часы своего досуга на изученіе исторіи развитія европейскихъ народовъ, начиная съ того времени, когда Карлъ-Великій возстановилъ Западную Римскую Имперію, до восшествія на престолъ Карла V-го. Послѣдняго происшествія, конечно, нельзя принять за время освобожденія народовъ отъ цѣпей среднихъ вѣковъ; но въ то время, когда Карлъ V принялъ бразды правленія, различные элементы новаго государственнаго общества пріобрѣли твердость, поставлявшую дальнѣйшіе успѣхи народовъ выше всякаго человѣческаго руководства. Человѣческій духъ мало-по-малу стряхалъ съ себя иго догматовъ безъ явнаго сопротивленія и только увлекаемый обстоятельствами. Авторъ видитъ между двумя даттами заглавія своей книги особенную эпоху общественнаго движенія, какой-то родъ опеки, которую производили на европейскую цивилизацію папа и императоръ. Царствованіе Карла-Великаго, борьба между императорами и папами, исторія императорскаго дома Гогенштауфеновъ, исторія французскаго вліянія въ Италіи, организація ломбардскихъ муниципалитетовъ, большой расколъ на Западѣ и соборъ въ Констанцѣ, злоупотребленія рыцарства, введеніе тайныхъ судилищъ, времена Борджіевъ, итальянскія войны, камбрескій миръ, — вотъ почти рядъ событій, который проходитъ авторъ съ рѣдкою ясностью взгляда и умомъ, образованнымъ посредствомъ основательнаго предуготовительнаго ученія.

Въ другомъ родѣ и именно для новой исторіи весьма важно — *Memoirs of the R. H.* Warren Hastings, *late Governor-General of India, including his Journals and Letters by the Rev.* G. R. Gleig. *3 vols* (*Записки* Уаррена Гастингса, *послѣдняго генерал-губернатора Индіи, содержащія въ себѣ его журналы и записски,* Д. Р. Глейга, 3 *части*).

Хоть литературныя заслуги этого сочиненія, составленнаго по оригинальнымъ бумагамъ, хранящимся въ семействѣ Гастингса, незначительны, однакожь, необыкновенная судьба знаменитаго генерал-губернатора Индіи, преемника лорда Клейва, все-таки представляетъ высокій интересъ. Имя этого человѣка, изъ нищеты вдругъ очутившагося на вершинѣ человѣческаго величія, казалось, назначено было для

громкой славы, какъ вдругъ, посреди блистательнѣйшаго поприща, знаменитый процессъ, продолжавшійся девять лѣтъ, бросилъ ужасный свѣтъ на его тиранническое и продажное управленіе. Гастингсъ, оправданный парламентомъ по политическимъ видамъ, но лишенный всѣхъ чиновъ и неисчислимыхъ сокровищъ, провелъ послѣдніе дни своей жизни въ темномъ забвеніи, хоть и въ роскоши, которою обязанъ благодѣяніямъ Остиндской Компаніи, вынужденнымъ настойчивыми требованіями. Гастингсъ умеръ въ 1818 году, 86 лѣтъ, отъ болѣзни, которая препятствовала ему принимать пищу. Странна судьба, осудившая грабителя множества провинцій на голодную смерть!.. Не смотря на довольно-пустыя размышленія, которыя старались оправдать Гастингса, большая часть злодѣяній, ему приписанныхъ, осталась неопровержимою, и даже эти записки индійскаго Верреса выставляютъ въ еще болѣе-яркомъ свѣтѣ преступленія его тиранніи, продажности и необузданной расточительности. Можетъ-быть, мы скоро разовьемъ передъ читателями полную драму англійскаго управленія въ Индіи, драму исполненную крови, ужасовъ и необузданнаго своеволія.

Упомянемъ еще о книгѣ, непринадлежащей ни къ одному изъ двухъ разрядовъ книгъ, о которыхъ мы говорили, хоть она и является съ нѣкоторыми претензіями; это книга, подъ заглавіемъ: *The Student life of Germany by* William Howitt, *from the unpublished Memoirs of* Dr. Cornelius (*Жизнь Студента въ Германіи*, Уильяма Хоуитта, *изъ неизданныхъ записокъ доктора* Корнеліуса). Жизнь нѣмецкаго «бурша» должна представить текстъ для компиляціи этой толстой книги; авторъ пользовался неизданными рукописями какого-то доктора Корнеліуса. Англичанинъ поступилъ бы лучше, подражая манерѣ этого нѣмецкаго доктора. Если, какъ сказано въ предисловіи, нѣмецкій авторъ имѣетъ цѣлію уменьшить пристрастіе германскаго юношества къ пиву и дракамъ, а англійскій — пріучить своихъ молодыхъ земляковъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ къ удовольствіямъ болѣе благороднымъ, нежели тѣ, которымъ предаются они теперь, то ужь, конечно, такая книга самое неудобное орудіе для достиженія этой цѣли. Гейдельбергскіе «фуксы», впрочемъ, нисколько не стоятъ ниже кембриджскихъ Trenchercaps (тарелочныхъ шапокъ). Если студенты на Неккерѣ много поютъ, то студенты на Кэмѣ (Cam) пьютъ еще болѣе, и пиво и табакъ замѣняютъ здѣсь дорогой шерри, кларетъ и портвейнъ, такъ какъ короткую венгерку и нѣмецкую фуражку замѣняютъ жоккейская шапка и охотничье платье. Студенческое нарѣчіе, впрочемъ, и здѣсь и тамъ одинаково невысоко, но можетъ-быть въ Германіи не такъ остроумно, какъ въ Англіи. Сверхъ-того, кодексъ пивныхъ и дуэльныхъ законовъ, ночныя экспедиціи и пѣсни «бурша» — слишкомъ истерты, да и весьма важны для наполненія ими толстыхъ томовъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ послѣднее время промышленая сторона сильно развилась во французской литературѣ, и это развитіе усиливается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Говорятъ, въ мастерскихъ механическихъ искусствъ существуетъ особенный родъ распредѣленія работъ, который облегчаетъ и ускоряетъ ихъ; напр., при дѣланіи кареты, одинъ работаетъ колеса, другой рессоры, третій лакируетъ и расписываетъ ее. Право, можно подумать, при взглядѣ на нѣкоторыя произведенія, присвоивающія, однако, себѣ названіе произведеній умственныхъ, что и въ литературѣ есть подобныя фабрики, гдѣ употребляются такія же средства.

Чтобъ отъискать причину этого прискорбнаго движенія, увлекающаго большую часть французскихъ романистовъ на путь чисто-торговый, надобно обратиться назадъ, къ довольно-давнишнему произведенію журнализма, — роману-фёльетону. Согласились ли бы Гёте, Вальтеръ Скоттъ, Фильдингъ, Руссо, эти люди, обладавшіе силою творчества, — согласились ли бы они идти наперекоръ своему таланту, чтобъ удовлетворять ненасытную прихоть толпы? Не побоялись ли бы они, что посреди убійственной атмосферы міра дѣйствительнаго не такъ роскошно расцвѣтетъ прелестный міръ ихъ фантазіи? Видано ли когда-нибудь, чтобъ прелестныя героини: Миньйона Гёте, Юлія Руссо, Софья Уэстернъ Фильдинга, или чистыя, невинныя дѣвушки Вальтера Скотта влачили свои длинныя одежды по этой аренѣ, или, употребляя выраженіе одного французскаго критика, по этому пыльному бульвару литературы, называемомъ ежедневною газетою? Мы знаемъ, что между полумертвыми рыцарями фёльетона нѣтъ писателей, которые могли бы равняться Гёте, Вальтеру Скотту, или Руссо, что горестное вліяніе подённаго вдохновенія помѣшало бы имъ достигнуть той высоты, на которую способности ихъ давали бъ имъ право; но можно ли смотрѣть безъ сожалѣнія на таланты признанные, неоспоримые, пускающіеся по этой же пагубной стезѣ? На землѣ, всякой вещи опредѣлено приличное мѣсто. Предоставьте дикую пѣсню странствующаго Цыгана публичной площади и пріятную болтовню повѣствователя уютной комнатѣ съ каминомъ!

Между-тѣмъ, еслибъ повѣсть отъ того не теряла, намъ было бы мало заботы, разсказываютъ ли ее у камина, или на площади; мы жалѣемъ только о томъ, что на повѣсти отпечатлѣвается мѣсто, гдѣ она разсказана. Повѣствователь въ одно прекрасное утро смѣло пускается въ разсказъ, который долженъ быть такъ же продолжителенъ, какъ существованіе французскаго министерства, или засѣданія палаты. Авторъ надѣется на долгую жизнь и продолжительное здоровье лицъ, которыхъ онъ пускаетъ въ свѣтъ. Къ-несчастію, существа вымышленныя подвержены,

подобно существамъ дѣйствительнымъ, безчисленному множеству болѣзней. На другой же день, герой начинаетъ бредить и героиня впадаетъ въ слабость. Романистъ предпринялъ переѣздъ, который долженъ продолжаться нѣсколько мѣсяцевъ, запасшись провизіею только на нѣсколько часовъ; онъ завелъ декораціи для своего театра, костюмы для своихъ актеровъ и забылъ только — пьесу, или, лучше сказать, онъ надѣялся, что она прійдетъ сама-собою, и — вотъ несчастіе — она дѣйствительно приходитъ сама-собой, въ родѣ тѣхъ пьесокъ (proverbes), которыя импровизировались каждый вечеръ, въ XVIII вѣкѣ, на театрахъ любителей. Благодаря побужденіямъ всякаго рода, находимымъ въ стеченіи публики, благодаря ея любопытству, ея одобренію и поощренію, всякій наконецъ находитъ чѣмъ наполнить свою ролю. Тогда, по истеченіи часа, бывала съиграна драма; теперь, въ-теченіи мѣсяца, оканчивается романъ. Но сорившіе такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ, каждый вечеръ, остроуміемъ, были вельможи и знатные люди, способные только на сочиненіе нѣсколькихъ мадригаловъ, которыми разгоняли свою скуку и нагоняли скуку на другихъ, между-тѣмъ, какъ люди, которые нынче такъ небережливы на свой умъ, — настоящіе литераторы, назначенные если не прославлять человѣческую мысль негибнущими твореніями, то, по-крайней-мѣрѣ, понимать искусство и стремиться къ возвышенной цѣли.

Говоря о романистахъ-фёльетонистахъ, не будемъ упоминать о тѣхъ, которыхъ произведенія зарыты еще въ столбцахъ газетъ. Пусть они сами вырываютъ мертвыхъ, которыхъ разбросали на поляхъ битвы въ ежедневныхъ газетахъ, пусть хоронятъ ихъ въ книжкахъ въ восьмую долю листа: будемъ говорить только о тѣхъ, которые исполнили уже этотъ «послѣдній долгъ» въ-отношеніи къ своимъ умственнымъ произведеніямъ.

Романъ *Mathilde, ou les Mémoires d'une jeune Femme, par* Eugène Sue (*Матильда, или Записки Молодой Женщины*, Эжена Сю) — самый поразительный примѣръ, который можно привести въ подкрѣпленіе сказаннаго нами противъ того пагубнаго способа изданія, который приняла большая часть французскихъ романистовъ. Это романъ, который, не смотря на всѣ свои недостатки, на всѣ психологическія претензіи, на безконечныя длинноты, на нѣсколько-ребяческое пристрастіе къ свѣтскому блеску, возбуждаетъ, однакожь, интересъ и оправдываетъ до нѣкоторой степени любопытство, съ которымъ его всѣ читаютъ. Мнѣ кажется, это произведеніе, тщательно обдуманное господиномъ Сю, имѣло бы своего рода цѣнность, еслибъ представляло болѣе чистоты стиля и особенно являлось въ болѣе-благоразумныхъ размѣрахъ. А то судите сами — шесть томовъ! Да это длиннѣе исповѣди Жан-Жака Руссо, чуть-чуть не длиннѣе «Семейства Холмскихъ»! Правда, дѣло шло не о бездѣлицѣ: авторъ намѣревался посвятить насъ во всѣ сердечныя тайны молодой женщины...

Полныя свѣдѣнія въ подобномъ предметѣ заставляютъ предполагать въ авторѣ наблюденія, дѣланныя не въ школѣ, и это предположеніе таково, что всякому автору пріятно породить его въ умѣ читателей. Матильда г. Сю не скрываетъ отъ васъ ни одной мысли своей. Я помню фразу, гдѣ она говоритъ: «Я — о! я всегда употребляла во зло анализъ!» Надо сознаться, что она отдаетъ себѣ нѣкоторую справедливость. Я увѣренъ, что она побѣдитъ величайшихъ философовъ шотландской школы въ наблюденіяхъ надъ всѣми феноменами души. Впрочемъ, это не психологія, полная аффектаціи и манерности: тонкость наблюденія частностей, чрезвычайная тщательность въ изслѣдованіяхъ не исключаютъ нѣкоторой живости чувства, которое довольно-удачно выражается въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ этого романа. Впрочемъ, романистъ впадаетъ въ погрѣшность, которая давно уже замѣтна въ немъ. Надѣливъ своего героя—нѣчто въ родѣ кавалера Грандиссона — языкомъ, переполненнымъ реторическими эффектами и метафорами, онъ самъ восхищается его краснорѣчіемъ. Нѣтъ, одинъ только человѣкъ могъ сказать, приводя свои собственныя слова: «J'etais sublime»; это Жан-Жакъ, когда, бросившись къ ногамъ г-жи д'Удто, въ рощахъ Шевретты, онъ вдругъ вскакиваетъ свѣтлый и вдохновенный... Съ тѣхъ-поръ, романисты часто примѣняли слова Руссó къ самимъ-себѣ или къ своимъ дѣйствующимъ лицамъ, но они не имѣли на это никакого права, и читатели всегда противорѣчили ихъ мнѣнію.

Всѣ различные характеры, всѣ разнообразныя и безпрестанно-мѣняющіяся положенія души, наконецъ все, чтó выражаетъ нравственную часть Матильды, выказывается въ г. Сю, или, скорѣе, продолжаетъ выказывать въ немъ истинную способность наблюдать и глубоко чувствовать. Притомъ же, надо сознаться, все, чтó относится къ психологіи, имѣетъ всегда для читателя, наперекоръ ему самому, особенную прелесть. Книга, въ которой подробно изображена страсть, всегда производитъ на васъ такое же впечатлѣніе, какъ книга медицинская: вы поминутно прерываете чтеніе, для увѣренія себя, что не одержимы ни одною изъ описываемыхъ болѣзней. Этотъ родъ интереса, исполненнаго внутренняго движенія, не единственный въ романѣ «Матильда»: въ этой книгѣ можно указать еще на другой, совершенно новый родъ интереса, можетъ-быть самый сильный — тотъ, который порождается удачнымъ изученіемъ нравовъ высшаго общества. Знаніе свѣта, если онъ представленъ безъ излишней снисходительности, нѣсколько похоже на то, о которомъ мы говорили сейчасъ — на знаніе женщины; оно обнажаетъ передъ вами автора и заставляетъ искать въ самыхъ привычкахъ его жизни объясненія ошибокъ, которыя онъ можетъ сдѣлать противъ вѣрности дѣйствительности, или противъ вкуса. Г. Сю, по нашему мнѣнію, очень-удачно выбрался изъ этого опаснаго положенія. Можетъ-быть, онъ слишкомъ тщательно занимается изображеніемъ матеріальнаго блеска. Есть страницы, которыя очень годны для сѣдельника, другія, которыя долженъ читать обойщикъ для усовершенствованія себя въ своемъ ремеслѣ, иныя годны для портнаго. А между тѣмъ, вся эта роскошь овладѣваетъ вашимъ вниманіемъ; пріятно видѣть, какъ мчатся кареты съ гербами по мелкому песку у подъѣздовъ; съ удовольствіемъ читаете вы опись всѣхъ мёбелей отели Рошгюна; наконецъ, описаніе костюмовъ и обоевъ доставляетъ вамъ нѣкоторое удовольствіе, ощущаемое обыкновенно при видѣ тѣхъ венеціанскихъ матерій, которыхъ роскошные цвѣта такъ ярко изображены Веронезомъ. Всѣ эти блестящія декораціи назначены для театра, котораго актёры выбраны между благороднѣйшими и богатѣйшими лицами. Драма г. Эжена Сю начинается въ послѣднихъ дняхъ возстановленія Бурбоновъ. Ложа каммергеровъ въ Парижской Оперѣ не замѣнена еще тою, въ которой члены Жокейскаго Клуба выказываютъ теперь свою денежную знаменитость. Еще существуетъ общество однородное, плотно-сомкнутое и связное: въ него еще не проникли раздоры. Потомъ является іюльская революція, и послѣ первыхъ ужасовъ, скрытыхъ подъ тѣнями парка, мало-по-малу начинаетъ собираться на нейтральной землѣ посольскихъ домовъ огромное число эмигрантовъ, которые возвратились изъ изгнанія, продолжавшагося мѣсяца три. Между этими эмигрантами, нѣкоторые такъ смѣлы, что рискуютъ даже ступить краснымъ коблукомъ на траву, измятую сапогомъ національнаго гвардейца. Въ чрезвычайно - забавномъ письмѣ г-жи Ришвиль есть картина, въ которой очень тонко переданы всѣ эти

оттѣнки. Впрочемъ, не надобно преувеличивать достоинства всѣхъ этихъ подробностей свѣтской жизни; тѣ, которые держатся чисто-нравственнаго порядка, подаютъ часто поводъ къ насмѣшкамъ или спорамъ; тѣ же, которые придерживаются порядка физическаго, могутъ производить на публику странное и не слишкомъ-пріятное впечатлѣніе. Не надо довѣрять всѣмъ тонкостямъ эрудиціи: нѣтъ ни одной изъ нихъ безъ педантизма.

Между-тѣмъ, г. Сю заслуживаетъ упрекъ не только за слишкомъ-мелочную точность въ изображеніи неважныхъ обычаевъ и за слишкомъ-сильную страсть выставлять на видъ бездѣлицы, о которыхъ надобно умѣть молчать. Нѣтъ, въ «Матильдѣ» есть другіе важнѣйшіе недостатки. Слогъ этого романа по-большой-части совершенно лишенъ литературнаго достоинства. Это большею частію наборъ словъ, иногда сентиментальная декламація: исключая тѣхъ рѣдкихъ мѣстъ, на которыя мы указали, слова никогда не имѣютъ въ немъ того опредѣленнаго значенія, той живописности, которыя придаютъ книгѣ цвѣтъ и жизнь. И однакожь, г. Сю вовсе не питаетъ того равнодушія къ слогу, которое стараются выказывать многіе романисты; напротивъ, онъ часто увлекается къ тому, что̀ требуетъ самой большой тщательности и тонкости. Въ «Матильдѣ» есть мѣста, гдѣ авторъ задалъ себѣ трудную задачу — подражать Ларошфуко̀ и Лабрюйеру. Разсказъ иногда прерывается сентенціями о любви, о самолюбіи́, о всѣхъ предметахъ, которыми занимались лучшіе умы самыхъ блестящихъ эпохъ французской литературы. Попытки эти неудачны. Тамъ, гдѣ надѣешься узнать результатъ трудолюбиваго размышленія, тщательно сохраненнаго существованія — чувствуешь вліяніе спѣшной работы, вынуждаемой пагубною газетною срочностью. Романъ «Матильда», какъ всѣ почти фёльетонные романы, по стилю своему кажется произведеніемъ какой-то незаконнорожденной импровизаціи, неимѣющей даже энергическихъ оборотовъ и неожиданныхъ эффектовъ законной импровизаціи. Въ немъ скорѣе встрѣчается немощь, нежели смѣлые обороты. Догматическое выраженіе: «Вотъ фраза, которая не сдѣлана; вотъ страница, которая не написана» безпрестанно представляется уму въ-продолженіе чтенія этого длиннаго романа. Авторъ, чтобъ удостоиться похвалъ, непохожихъ на тѣ, какими осыпано было послѣднее его сочиненіе, долженъ былъ не какъ свѣтскій человѣкъ, но какъ литераторъ представить себя врагомъ тривіальности. Не смотря на всевозможное благородство нравовъ, которые кто-либо старается описать, стиль можетъ быть простымъ. Въ самыхъ блестящихъ обществахъ говорятъ языкомъ столь же свойственнымъ писателю, какъ и языкъ площади. Его-то, при поспѣшности работы, слишкомъ-часто употреблялъ г. Сю, какъ орудіе, наиболѣе ему сподручное.

Впрочемъ, не смотря на неизбѣжные недостатки книги, написанной для фёльетоновъ ежедневной газеты, — слабость стиля, велеречіе, длинноты и немощи всѣхъ родовъ, «Матильда» не лишена высокихъ достоинствъ и даже — смѣло скажемъ, — частностей, достойныхъ всевозможной похвалы. Нельзя того же сказать о романѣ г. Сулье. Переходить отъ «Матильды» къ *«Четыремъ Сестрамъ»* Фредерика Сулье; значитъ оставлять длинный рядъ раззолоченыхъ салоновъ, гдѣ вы дышали свободно, и забраться подъ низкій потолокъ хижины. Вы уже не въ высшемъ свѣтѣ, ни въ низшихъ слояхъ общества, а въ одномъ изъ тѣхъ безъименныхъ обществъ, которыя найдете въ каждомъ кварталѣ Парижа — обществъ безъ физіономіи и особеннаго отпечатка, въ которыхъ плачевные звуки фортепьяно раздаются на молчаливыхъ и мрачныхъ празднествахъ. Это не добрые и откровенные мѣщане, подобные изображеннымъ на нѣкоторыхъ фламандскихъ картинахъ и въ нѣкото-

рыхъ повѣстяхъ Гоффманна — нѣтъ, это мѣщанство угрюмое, скаредное и неловкое, знакомое со всѣми горестями и страданіями самолюбія. Хорошо бы еще, еслибъ вы по-крайней-мѣрѣ были между честными людьми! Но лица г. Сульѐ не имѣютъ даже и этого достоинства. Это также не забавные и смѣлые плуты, подобно лесажевымъ, полные остроумія и увлекательности посреди своего цинизма, въ казакинѣ, обшитомъ галунами, съ шапкой на бекрень, — нѣтъ, это жалкіе мошенники XIX столѣтія, въ черномъ платьѣ, въ очкахъ и морщинистыхъ перчаткахъ, которые отворяютъ ротъ для диссертаціи о купеческихъ оборотахъ или для раскрытія тайнъ газетчика - промышленика низшаго разряда. Даже стремительность работы, налагаемой ежедневными газетами, не извиняетъ достаточно подобнаго произведенія. Четыре сестры, изъ которыхъ одна привязывается къ обольстителю, а три остальныя выходятъ замужъ за плутовъ — вотъ дѣйствующія лица, которыхъ представляетъ намъ г. Сульѐ въ продолженіе четырехъ томовъ, или правильнѣе, въ продолженіе тридцати-сорока фёльетоновъ. Почти всѣ читатели одарены справедливымъ отвращеніемъ къ проникновенію въ постыдныя тайны парижской жизни, которую такъ сильно злоупотреблялъ г. Бальзакъ. Любопытство, возбуждаемое этимъ изображеніемъ пороковъ, есть чувство, которое должно подавлять всячески. Слогъ «Четырехъ Сестеръ» совершенно соотвѣтствуетъ основѣ книги. Г. Сульѐ, желая представить актриссу въ блестящемъ положеніи, ведетъ васъ въ будуаръ «truffé de meub'es». Ежеминутно читаете вы разговоры, которые заставили бы васъ убѣжать, еслибъ они были произносимы передъ вами живымъ голосомъ, — разговоры, которые г. Бальзакъ любитъ растягивать въ своихъ сочиненіяхъ — о плутняхъ мѣнялъ и ростовщиковъ.

Воображеніе г. Фредерика Сульѐ одарено неоспоримою силою. Онъ можетъ держать въ рукахъ нити тысячи интригъ, которыя спутываетъ и распутываетъ по своей волѣ. Нѣкоторые романы его представляютъ удивительныя сложности, которыя требуютъ отъ читателей утомительнаго вниманія, но иногда окончательно производятъ на умъ сильное впечатлѣніе. Онъ можетъ владычествовать надъ публикою, которая ищетъ сильныхъ впечатлѣній въ жизни воображаемой, не находя ихъ въ жизни дѣйствительной. У него все одѣвается въ тѣ матеріальныя формы, которыя отличитъ издали глазъ читателя. Фредерикъ Сульѐ, впрочемъ, часто отличался бельлетрическими произведеніями, которыя имѣютъ неоспоримое достоинство. Тонкое знаніе человѣческаго сердца, изложеніе, чуждое вычурности, отсутствіе насильственныхъ сближеній въ завязкѣ и развязкѣ могли бы дать ему почетное мѣсто между нынѣшними французскими романистами, еслибъ срочная журнальная работа не губила иногда его произведеній въ самомъ зародышѣ. Вспомните его «Влюбленнаго Льва», «Призракъ Любви», которыя вы читали въ «Отечественныхъ Запискахъ», или прочтите послѣдній романъ его «Маргариту», напечатанную въ этой же книжкѣ, — и простите ему грѣховныхъ «Четырехъ Сестеръ»... Хоть эти «Четыре Сестры» совершенно противоположны, по роду своему, «Матильдѣ», однако одинакія причины произвели въ этихъ двухъ книгахъ одинакія слѣдствія: во всемъ, что̀ относится къ монотоніи, многорѣчивости и слабости, г. Сульѐ можно упрекать въ томъ же, въ чемъ мы упрекали г. Сю.

Поговоримъ теперь о писателѣ, котораго имя недавно еще пріобрѣло себѣ громкую, заслуженную славу. Шарль Бернаръ, выступивъ на поприще литературной дѣятельности и отличаясь какъ слогомъ, такъ и идеею своихъ произведеній, былъ чуждъ тѣхъ преувеличеній, которыя начинали уже надоѣдать публикѣ. Въ немъ невидно было ни скучнаго духа анализа;

увлекавшаго нѣкоторыхъ романистовъ изъ области метафизики въ область медицины, ни необузданнаго желанія сильныхъ ощущеній, переносившаго въ искусство силу меча, которую пора бы выжить и изъ общества. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые связаны съ своею эпохою болѣе остроумными наблюденіями, нежели страстною восторженностью. Г. Бернаръ не возстаетъ противъ атмосферы, въ которой суждено развиваться его натурѣ; онъ, кажется, никогда не ощущалъ той необходимости, безпрестанно представляющейся нѣкоторымъ другимъ писателямъ — ставить на болѣе-роскошный театръ минувшаго сцены, порожденныя ихъ воображеніемъ. Есть поэты, которымъ невозможно отказаться отъ бархатнаго платья и пудры, которые не согласятся изобразить дворянина безъ шпаги, нотаріуса безъ письменнаго прибора, знатной дамы безъ робронда. Г. Бернаръ, какъ комическій писатель, котораго достоинства давно уже признаны, такъ же умѣетъ довольствоваться нарядами своего вѣка, какъ и его нравами. Онъ срисовываетъ то, что видитъ передъ собою, не требуя у искусства, чтобъ оно подвергло предметы магическимъ измѣненіямъ. Банкиръ, у него, такъ же мало говоритъ языкомъ Тюркарета, какъ и носитъ его огромный парикъ или жилетъ изъ золотой ткани (*). Слава Богу, что въ литературѣ есть еще подобные таланты, безъ пренебреженія говорящіе объ обществѣ, въ которомъ они родились, и описывающіе пороки его съ насмѣшливою улыбкою. Еслибъ, въ срединѣ XVIII-го столѣтія, Лесажъ бредилъ о паладинахъ, а Мариво о придворныхъ Франциска I-го, мы были бы лишены прекрасныхъ произведеній, дополняющихъ самую лучшую сторону этой эпохи. Между-тѣмъ, талантамъ, изображавшимъ такимъ образомъ дѣйствительную жизнь, представлялось затрудненіе, которое было легко предчувствовать: это вульгарность, которой такъ боятся поэты, что, желая избѣгнуть береговъ, на которыхъ живетъ она, часто пускаются въ мрачную и туманную даль невѣдомаго океана. Г. Бернару представлялось только одно средство избѣгнуть этого, — средство, состоящее въ томъ, чтобъ производить умѣренно, держась сколько-можно пути, проложеннаго первыми его произведеніями. Если кому-нибудь суждено было оставаться вдали отъ движенія журнальнаго, то конечно ему. Если романъ, по предмету своему, уже принадлежитъ жизни дѣйствительной: если онъ еще болѣе соединяется съ нею своимъ стилемъ, т. е. если разговоръ въ немъ сохранилъ всѣ неправильности обыкновенной бесѣды, тогда остается мало мѣста искусству; послѣднее произведеніе г. Бернара доказываетъ это какъ-нельзя-лучше. Почти всѣ сочиненія, собранныя имъ подъ названіемъ «Подводнаго Камня» (L'Ecueil), были напечатаны въ разныя времена въ періодическихъ изданіяхъ. Вы всегда встрѣтите у г. Бернара взгляды, исполненные тонкой наблюдательности; но, вмѣсто того, чтобъ выставить ихъ на видъ, какъ дѣлалъ онъ прежде, посредствомъ какихъ-нибудь изъисканныхъ оборотовъ, даже иногда съ нѣкоторою претензіею въ выраженіи, онъ изображаетъ ихъ первыми попавшимися ему словами. Тутъ нѣтъ оживленнаго тона бесѣды, потому-что въ ней являются лица, которыя вызываютъ остроты и выходки; это скорѣе фамильярный тонъ переписки. Вы подумаете, что это перо, которое написало уже двадцать длинныхъ посланій и котораго быстрота возрастала тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе руководило имъ размышленіе. Авторъ «Гордіева Узла» и «Жерфо» умѣлъ иногда придавать своимъ произведеніямъ особен-

(*) Читатели «Отеч. Записокъ» могутъ судить о талантѣ Шарля Бернара по его повѣстямъ: *Львиная Кожа* (томъ IX), *Ловля Любовниковъ* (т. XI) и *Пятьдесятъ Лѣтъ* (т. XVIII).

ный отпечаток скромностью, которую тщетно предписывает критика большей части современных романистов. Я очень помню одну из его повѣстей, которой развязка может служить образцом умѣнья предоставлять читателю заботу об окончаніи дѣйствія, искусно недоконченнаго. А каким образом возможно приводить в дѣйствіе эти вспомогательныя силы искусства, требующія большой заботливости и вниманія, когда каждый час, употребленный на размышленіе, должен уменьшить мѣру времени, которой невозможно увеличить! Еслибь драматическій писатель был принужден работать за занавѣсом, готовым подняться над каждою сценою его произведенія в ту минуту, когда он ее оканчивает, был ли бы он в состояніи заниматься отдѣлкою діалога и тѣми безчисленными сценическими приличіями, от которых, часто, зависит весь успѣх пьесы. Французскіе романисты поставили себя именно в это положеніе: если есть какой-нибудь жар в статьях, которыя они отдают в журнал отрывками, — крики нетерпѣнія публики могут проникнуть до убѣжища, в котором они работают; если ж жар их остыл, — зѣвота аудиторіи может помѣшать их труду и уничтожить его. Состояніе опасной восторженности или пагубной безнадежности — вот все, что может принести им безпрерывное столкновеніе с их ежедневными судьями...

Между привидѣніями, появившимися в прошедшіе мѣсяцы, и вызываемыми нами поочередно, вот еще два, и притом два самыя милыя, непривлекшія сначала на себя нашего вниманія: «Маленькая Королева» (La Petite Reine) и «Госпожа де-Рьё» (Madame de Rieux), Шарля Ребо, — по видимому, старшія сестры «Матильды». Героини г-жи Шарля Ребо не пострадали, в-продолженіе стольких томов, как героини г. Сю, но страданія их при заточеніи в один том в восьмушку были не менѣе сильны и жестоки. «Маленькая Королева» — роман, напоминающій подчас роман Купера «Послѣдній из Могиканов». Во всяком случаѣ, однакожь, не смотря на неоспоримую занимательность послѣдних произведеній г-жи Ребо, мы не находим в них болѣе этого сильнаго таланта, столь гибкаго и смѣлаго, который подарил нас «Теобальдом», «Клод Стокком» и многими другими повѣстями.

Если талант, подобный тому, каким одарены многіе романисты, — талант, котораго силу можно почти измѣрять числительным образом, как силу паровых машин, о котором можно сказать, на-примѣр: «это талант силою в десять романистов, могущій доставлять в год от двадцати до тридцати томов в восьмую долю листа»; если воображеніе, подобное тому, которое задумало и исполнило «Записки Дьявола», «Всеобщую Исповѣдь» и множество других ужасающих предпріятій; словом, если самая сильная из всѣх литературных организацій преклонилась пред журнализмом, то какая участь ждет дарованіе, которое должно было от самой природы уже получить тонкіе, нѣжные органы? «Госпожа де-Рьё» появилась фёльетонами: — вы, вѣдь, знаете, что многія героини г-жи Ребо смѣшивают теперь свой краснорѣчивый или жалобный голос с криками, раздающимися ежедневно на политической аренѣ. Мы не хотим сказать этим, чтоб послѣднія произведенія лишены были всѣх прежних достоинств этой писательницы. Отнюдь не составляя поразительнаго контраста с прежними произведеніями, «Госпожа де-Рьё», напротив, напоминает лучшую литературную эпоху ея автора. И в этом романѣ, цѣломудренная довѣрчивость сердца часто уступает восторженности краснорѣчія; даже в описаніях, которыя обыкновенно изобильны и прекрасны, вы

встрѣтите потребность, или, лучше, привычку сильныхъ ощущеній, характеризовавшихъ эту школу, которой вліяніе очень ослабло въ послѣднее время. Когда г-жа де-Рьё пускается бродить по обширнымъ равнинамъ Америки, она почти всегда дышетъ какимъ-то бурнымъ воздухомъ; вечеромъ, если она открываетъ окно для созерцанія неба, то ужь непремѣнно въ безпредѣльномъ пространствѣ носятся «безпокойныя облака», по выраженію одного поэта, и вѣтеръ, вѣющій изъ длинныхъ аллей сада, приноситъ къ ней знойныя испаренія. Развязка возвращаетъ васъ также къ тому времени, когда романисты отняли у любви стараго миѳологическаго ея вожака, чтобъ дать ей въ проводники смерть. Но васъ, къ-несчастію, возвращаетъ къ эпохѣ болѣе новой—дѣйствіе не довольно связанное,—слогъ чрезвычайно-небрежный. Вотъ, по нашему мнѣнію, недостатки, которыхъ причину открыть нетрудно. Г-жа Ребо сохранила талантъ пейзажиста (который, у многихъ писателей настоящаго времени, оживляетъ созданія хворыя), и книга ея дышетъ свѣжимъ, ароматнымъ воздухомъ. Но увы! откуда подымаются нынѣ всѣ чарующіе клики, всѣ нѣжныя благовонія, которые собираетъ она? Изъ *фельетона*, то-есть изъ какой-то подземной галлереи, построенный подъ колоннами журнала, какъ туннель съ низкими сводами подъ шумными улицами города. Тамъ ли могутъ расцвѣтать роскошные цвѣты и напоять воздухъ своимъ благоуханіемъ? Какимъ торжествомъ для насъ было бы, еслибъ, протестовавъ противъ вліянія фельетона на искусство, нападавъ на него всѣми силами, мы имѣли передъ глазами какую-нибудь книгу, написанную съ талантомъ и добросовѣстно, которую могли бы указать вамъ, сказавъ: «Вотъ книга, которой интрига не зависѣла отъ случайности: вотъ слогъ, на которомъ не видно поспѣшности; вотъ мысли, порожденныя не подёнщичьимъ вдохновеніемъ; вотъ книга, напоминающая вамъ прекрасные дни французской литературы»... Увы! передъ глазами нашими—«Эмеранса» г-жи Ансло. Да, «Эмеранса» явилась бы очень кстати, чтобъ показать, сколько какое-нибудь произведеніе выиграетъ въ новости и свѣжести, если оно напередъ отрывками не сталкивалось съ публикою. Какъ пріятно было бы сказать: «Г-жа Ансло подарила насъ романомъ, который останавливаетъ мысль на серьёзномъ и остроумномъ изученіи. Книга ея болѣе, нежели живая картина свѣтскихъ нравовъ: это произведеніе, въ которомъ попеременно разсматриваются великіе общественные вопросы на страницахъ, исполненныхъ красноречиваго остроумія и пр. и пр.» Эти похвалы было бы тѣмъ пріятнѣе сказать намъ, что всѣ онѣ соотвѣтствуютъ ясно выраженнымъ въ романѣ г-жи Ансло требованіямъ.

Авторъ «Эмерансы» поставилъ себѣ цѣлію не безделицу—онъ хотѣлъ представить изображеніе всего общества, хотѣлъ описать общество во всѣхъ его классахъ, хотѣлъ ввести васъ во внутренность аристократическихъ салоновъ. Романъ г-жи Ансло доказываетъ, что недовольно быть посвященнымъ въ тайны свѣтскихъ обычаевъ, чтобъ воспроизводить свѣтскіе нравы въ художественномъ твореніи. Свѣтскіе писатели часто менѣе всего умѣютъ живописать то, что всегда у нихъ передъ глазами. Одни думаютъ, что въ слогѣ надобно сохранять совѣстливо всѣ небрежности бесѣды; другіе воображаютъ, что нельзя выбрать, для изображенія мысли на бумагѣ, довольно изъисканныхъ и высокопарныхъ выраженій.

Г-жа Ансло принадлежитъ къ последнему разряду. Но если она старается отъискивать самые высокопарные обороты рѣчи, въ то же время она нерѣдко пренебрегаетъ простыми грамматическими правилами. Что же до самаго расположенія сценъ, надо сознаться,—она не болѣе театральна

въ этомъ романѣ, какъ и авторы всѣхъ произведеній, въ которыхъ замѣтна попытка изображать свѣтъ, какъ, напрмм., въ «Матильдѣ». И здѣсь то же излишество драматическихъ эффектовъ; на вечерѣ, мужчина съ *мужественнымъ* и *краснорѣчивымъ голосомъ*, вдругъ требуетъ рѣшительнаго объясненія у людей, напавшихъ на самыя драгоцѣнныя чувства его; или къ концу бала, разряженная свѣтская дама описываетъ элегическимъ тономъ страданія своей внутренней жизни, принуждая всѣхъ слушателей уважать ея *благородныя несчастія.* Въ «Эмерансѣ» найдете вы какого-то г. де Верженна, которому нѐ въ чемъ завидовать князю д'Эрикуру «Матильды». Сцена, когда баронесса Валенкуръ разсказываетъ горести, которымъ подвергалась въ продолженіе двадцати-лѣтняго замужства, могла такъ же хорошо происходить въ отели г-жи де-Ришвиль, какъ и въ отели г-жи де-Савиньи.

Между-тѣмъ, однакожь, мы нашли у г-жи Ансло нововведеніе, честь котораго принадлежитъ исключительно ей. Она вздумала выводить на сцену, гдѣ играютъ ея актёры, въ видѣ нѣмыхъ лицъ, людей изъ дѣйствительной жизни, сохранившихъ свое настоящее имя. Г. Гизо являлся уже въ «Габріели»; теперь являются *княгиня Чарторыжская, г. Мартинезъ де-ла-Роза* и многіе другіе. Весьма остроумная манера—говорить любезности лицамъ, извѣстнымъ въ обществѣ, и каждому удѣлять по воспоминанію! Нововведеніе г-жи Ансло можетъ повести къ тому, что свѣтскіе люди будутъ исполнять обязанности вѣжливости посредствомъ визитныхъ карточекъ, писемъ и *романовъ*...

Отъ этихъ произведеній, написанныхъ съ цѣлію торговою, или для того, чтобъ принести дань свѣту и друзьямъ, обратимся къ нѣкоторымъ сочиненіямъ, составленнымъ съ большею добросовѣстностью, съ цѣлію чисто или относительно литературною. На этотъ разъ упоминаемъ о двухъ книгахъ, которыя, хоть и не написаны съ этою цѣлію, но приносятъ дань модѣ на «тевтонизмъ», начинающейся теперь во Франціи. Съ нѣкотораго времени, во Франціи стали много писать о той таинственной странѣ, изъ которой получаются эстетика, символика, миѳологія и другіе «германизмы», какъ выразился недавно «Journal des Débats». Если изъ всѣхъ этихъ попытокъ наука и не извлечетъ никакой существенной пользы, то, по-крайней-мѣрѣ, хоть немного разсѣется глубокій мракъ, закрывавшій до-сихъ-поръ Францію отъ взоровъ Германіи. Изъ множества такихъ книгъ вотъ лучшія: *Sur l'Art en Allemagne, par* Hippolyte Fortoul (*Объ Искусствѣ въ Германіи*, Ипполита Фортуля) и *le Rhin, par* Victor Hugo (*Рейнъ*, Виктора Гюго).

Авторъ перваго сочиненія имѣетъ только одну претензію—дать вѣрное и занимательное руководство, написанное съ добросовѣстностію, съ глубокимъ изученіемъ, съ знаніемъ дѣла, и въ надеждѣ видѣть себя оцѣненнымъ людьми знающими. «Никто» говоритъ Фортуль: «ни по ту, ни по сю сторону Рейна не закроетъ этой книги, не узнавъ изъ нея чего-нибудь новаго.» Эти слова, кажется, скорѣе внушены спокойною совѣстію, нежели дерзкою самоувѣренностью. Въ-самомъ-дѣлѣ, неутомимый авторъ, одаренный свѣтлымъ взглядомъ на науку и живою воспріемлемостью впечатлѣній, не пропустилъ ни одного случая для пріобрѣтенія себѣ прочныхъ свѣдѣній касательно направленія художествъ въ Германіи. Вообще, онъ не довѣряетъ себѣ, видѣвъ и коснувшись предметовъ, но еще ищетъ въ художественной литературѣ одобренія своихъ критическихъ мыслей и наконецъ требуетъ у людей знающихъ по этой части необходимыхъ объясненій или указаній. Г. Фортуль, не смотря на свой французскій патріотизмъ, выказываетъ вѣрное и прямое сужденіе; онъ дерзаетъ на хвалу и порицаніе пред-

метовъ, не выставляя на видъ того безпристрастія, которое очень-дешево въ настоящее время. Хоть, время-отъ-времени, онъ обнаруживаетъ претензію на важность ученаго, однакожь готовъ слѣдить за нѣмецкимъ художникомъ въ его мастерскую и въ его частной жизни; картина семейнаго быта и общественной жизни дюссельдорфскихъ живописцевъ, представленная имъ, вѣрна, любопытна и хорошо написана.

Во второй книгѣ, любимый поэтъ новой Франціи, нѣсколько лѣтъ уже молчавшій, наконецъ прерываетъ это продолжительное молчаніе. Викторъ Гюго вполнѣ вознаградилъ утраченное время книгою своею «le Rhin», состоящею почти изъ тысячи страницъ,—разумѣется, вознаградилъ не тѣхъ, которымъ дорога поэтическая слава творца «Nôtre Dame de Paris» и которые полагаютъ, что эстетическія наслажденія должно взвѣшивать, а не мѣрять.

Новая книга Виктора Гюго, по главному предмету своему, есть не болѣе, какъ описаніе путешествія,—описаніе, подобное тѣмъ, какія доставляетъ всякій туристъ, порядочно владѣющій языкомъ и имѣющій столько терпѣнія, что можетъ извлекать изъ путеводителей, статистическихъ сочиненій, собраній сказокъ и легендъ и т. п, болѣе или менѣе занимательнаго матеріала для книги. Предметъ, подобный тому, какой выбралъ Викторъ Гюго, въ-самомъ-дѣлѣ, самый удобный для писателя, имѣющаго цѣлію съ возможно-меньшимъ трудомъ составить два порядочные тома. Предметъ его богатъ неисчерпаемо. Поэтому и Викторъ Гюго безъ большаго напряженія силъ написалъ книгу, которую можно, конечно, читать съ удовольствіемъ, но которая ужь никакъ не заслуживаетъ названіе «монументальной», какъ провозглашаютъ ее книгопродавцы въ объявленіяхъ.

Авторъ начинаетъ описаніе своего путешествія отъ парижской заставы; исчисляетъ поименно всѣ деревни по правую и лѣвую сторону дороги въ Мо; изображаетъ свои страданія въ дилижансѣ, разсказываетъ свои приключенія въ гостинницахъ и съ немилосердою подробностію описываетъ всякій камень въ постройкахъ среднихъ вѣковъ, который перемѣна лошадей на станціяхъ даетъ ему возможность осмотрѣть. Эта страсть къ самымъ незначительнымъ остаткамъ архитектуры среднихъ вѣковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дилижансъ останавливался для обѣда или ночлега пассажировъ, дѣлается настоящимъ бичомъ для читателя не-антикварія. Готическое окошко, ничего не говорящая надпись—для Виктора Гюго предметы многорѣчиваго удивленія; всякая починка, не исключая необходимѣйшей; всякое возстановленіе, какъ бы искусно и со вкусомъ оно ни было исполнено—для него поступокъ варварскій; если жь дѣло идетъ о совершенномъ обновленіи, то онъ посыпаетъ главу свою пепломъ и закрываетъ лицо. Конечно, любовь къ памятникамъ предковъ — благородное чувство, и нельзя довольно желать, чтобъ оно усиливалось болѣе-и-болѣе въ Европѣ и становилось могущественнымъ защитникомъ завѣщанныхъ ей остатковъ удивительной архитектуры среднихъ вѣковъ; но эта любовь должна-быть въ-самомъ-дѣлѣ поклоненіемъ прекрасному и великому, — поклоненіемъ, которое происходило бы отъ чувства. Важность предмета отличаетъ благородную страсть отъ слѣпой маніи, и тѣ, въ чьихъ глазахъ достаточно одной древности предмета для пріобрѣтенія права на уваженіе и удивленіе, подвергаютъ величайшему сомнѣнію не только свой вкусъ, но и свою правдивость.

Чтобъ показать поэтическую воспріимчивость Виктора Гюго въ его новой книгѣ, приведемъ только два примѣра. Поле монмиральской битвы кажется ему, по кучѣ жернововъ, лежащихъ на немъ, необъятною шашечницею, на которой исполины съиграли партію, а въ Вареннѣ онъ находитъ

«странный символъ» въ томъ обстоятельствѣ, что площадь, на которой былъ схваченъ Лудовикъ XVI, имѣетъ видъ сѣкиры. — аналогія, которая и заставляетъ его удивляться; отъ-чего имя человѣка, схватившаго несчастнаго короля, было Билльйо (billot), а не Билльйа.

Наблюденія Виктора Гюго въ Германіи занимательны, хоть и рѣдко поучительны, и еслибъ «Путевыя Впечатлѣнія» Александра Дюма не пріучили насъ къ тому, что французскіе литераторы дѣлаютъ въ чужихъ странахъ самыя неожиданныя открытія о состояніи нравственности и успѣховъ ума, то многія наблюденія автора удивили бы насъ своею неоспоримою оригинальностью.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ особомъ направленіи этой книги. Французскій писатель, особенно, если онъ стремится къ государственнымъ должностямъ, какъ на-прим. Викторъ Гюго, никакъ не можетъ описать путешествія по Рейну, не примѣшивая къ нему какихъ-нибудь патріотическихъ желаній и надеждъ. И Викторъ Гюго почелъ бы себя плохимъ Французомъ, еслибъ, при имени Рейна, не выступилъ на арену вооруженный мечомъ и копьемъ для защищенія требованій Франціи относительно «естественныхъ границъ ея». Онъ старается (не *доказывать*, ибо доказательствъ, по его мнѣнію, тутъ не требуется) приблизить мнимыя права своего отечества на рейнскую границу къ исполненію указаніемъ средствъ и путей для этого. Если, въ 1815 году, Франція лишилась рейнской границы, или, по взгляду Виктора Гюго, ее лишили благопріобрѣтенной ею собственности, это было единственно дѣломъ нѣкоторыхъ властей, желавшихъ бросить яблоко раздора между двумя государствами, которымъ сама природа велѣла жить въ тѣснѣйшей дружбѣ. Германія, какъ мы узнаёмъ отъ Виктора Гюго, понастоящему, обманута тѣмъ, что ей возвратили древнія ея провинціи, и она вѣрно отказалась бы принять на себя это бремя, еслибъ проникла въ чужеземную политику, ибо теперь идетъ дѣло о томъ, чтобъ сбыть ихъ опять добрымъ манеромъ, и Викторъ Гюго сознается, что это затруднительно при господствующихъ нынѣ «ложныхъ понятіяхъ о народной чести и подобныхъ плачевныхъ народныхъ предразсудкахъ». Между-тѣмъ, онъ однакожь убѣжденъ, что Германія наконецъ согласится удовлетворить добровольно требованіямъ Франціи (ибо Викторъ Гюго другъ Германіи и ему было бы жаль, еслибъ Франція была принуждена приступить къ насильственнымъ мѣрамъ «и къ вѣсу своего законнаго права прибавить еще ужасный вѣсъ своего гнѣва»). Вѣдь и все-то дѣло въ томъ только, чтобъ придумать вознагражденіе за уступку лѣваго берега Рейна! Викторъ Гюго видитъ два различные интереса, требующіе вознагражденія за лѣвый берегъ Рейна — интересы Пруссіи и Германіи. Первая можетъ считать себя удовлетворенною тѣмъ, что владѣнія ея округлятся уступкою, другая — пріобрѣтетъ новыя владѣнія за Дунаемъ. Но, Боже мой! сколько важныхъ противорѣчій могутъ еще встрѣтить подобныя предположенія объ удовлетвореніи требованій Франціи!

Въ заключеніе, упомянемъ еще о выходѣ въ свѣтъ пятаго тома знаменитой «Исторіи Франціи» *Мишле*, содержащемъ въ себѣ исторію событій при Карлѣ VII (1422—1461). Здѣсь авторъ находитъ удобный случай развить великій талантъ писателя и историка. Осада Орлеана, процессъ и казнь Жанны д'Аркъ, необыкновенные успѣхи французскаго оружія, изгнаніе Англичанъ, зависть между Карломъ VII и Филиппомъ-Добрымъ разсказаны съ удивительнымъ искусствомъ и исторической вѣрностію. Особенно исторія Жанны д'Аркъ, занимающая бо́льшую часть этого тома, доказываетъ проницательность историка; онъ отъискалъ въ оригиналь-

ныхъ актахъ этого процесса содержаніе для трогательнаго, поэтическаго и истиннаго разсказа объ этомъ таинственномъ и необыкновенномъ явленіи. Склонность автора къ отвлеченнымъ и часто страннымъ идеямъ замѣтна на этотъ разъ въ нѣсколько-мистической главѣ о Подражаніи Іисусу Христу. Вообще, книга Мишлё приноситъ честь французской литературѣ и составляетъ эпоху въ искусствѣ писать исторію.

К. ЛИППЕРТЪ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—

Духъ человѣческій живетъ въ безпредѣльности, не ограничиваясь ни пространствомъ, ни временемъ, не нуждаясь ни въ желѣзныхъ дорогахъ, ни въ пароходахъ, ни въ аеростатахъ. Но, желая подробнѣе вникать въ явленія древняго міра, или узнать нравы и обычаи отдаленныхъ народовъ, онъ, выросшій на національной почвѣ извѣстной страны, встрѣчаетъ преграды, которыя могутъ быть отстранены только основательнымъ изученіемъ языковъ и нравовъ другихъ народовъ. Безъ этого, творенія древнихъ и современныя иностранныя литературы останутся для насъ скрытыми и безполезными сокровищами. Вѣкъ нашъ, стремящійся ниспровергнуть всѣ границы пространства и времени, старается уничтожить и преграды, стѣсняющія умственныя сношенія народовъ между собою. Въ этомъ отношеніи, *переводы* замѣчательнѣйшихъ твореній суть лучшіе посредники между отдаленными временами и народами. Съ помощію ихъ, мы свободно плаваемъ теперь по океану литературы, то срывая французскій модный цвѣтокъ, то забавляясь чудными, фантастическими образами Востока. Какъ Англія—страна матеріальной промышленой дѣятельности, такъ Германія преимущественно подвизается въ области умственной дѣятельности, перерабатывая произведенія иностранныхъ литературъ и наполняя ими свои обширные книжные рынки. Но и тамъ меркантильная предпріимчивость взяла верхъ и вытѣснила добросовѣстный, тщательный трудъ. Впрочемъ, теперь у всѣхъ вообще народовъ чувствуется необходимость легкимъ изученіемъ замѣчательнѣйшихъ твореній всѣхъ литературъ достигнуть общихъ результатовъ человѣческаго образованія. Франція также въ послѣднее время много трудилась для того, чтобъ сдѣлать для себя доступною литературы иностранныя, и множество любопытныхъ явленій по части переводовъ, изъ которыхъ мы назовемъ только замѣчательнѣйшія, заставляетъ насъ обратить прежде вниманіе на то, какимъ образомъ воздѣлывается во Франціи это поле.

Много высказано было насмѣшекъ надъ попытками Французовъ усвоить себѣ лучшія литературныя произведенія сосѣдей. Начиная съ Баранта, переводчика Шиллера, до Мармье, переводчика Гёте и нѣкоторыхъ другихъ твореній сѣверныхъ литературъ, вся французскіе переводчики своими неимовѣрными промахами и ошибками доставляли неизсякаемый источникъ для насмѣшекъ. Эти переводчики, большею частію, старались *перевладѣть* духъ автора, не усвоивъ еще себѣ совершенно иностраннаго языка. Невнимательность къ точному смыслу словъ и выраженій, поверхностное понятіе объ общемъ духѣ автора, и желаніе передавать его въ красивыхъ формахъ, — вотъ *слабая*, и вмѣстѣ *сильная* сторона французскихъ переводчиковъ. Мы сами слышали, какъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ писателей Франціи, составившій себѣ извѣстность переводами, утверждалъ, что переводчику поэтическихъ твореній совсѣмъ не нужно понимать оригиналъ въ подлинникѣ, что сличенія разныхъ прозаическихъ переводовъ совершенно *для него* достаточно, и наконецъ, что слишкомъ рабское подчиненіе подлиннику ст-

сняетъ полетъ воображенія. Изъ всего, выраженнаго въ этомъ слишкомъ-смѣломъ парадоксѣ, можно согласиться только съ тѣмъ, что переводчикъ съ поэтическимъ дарованіемъ, при помощи хорошаго прозаическаго перевода, можетъ иногда угадать, почувствовать и передать тончайшіе оттѣнки своего автора. Для французскаго переводчика важнѣе всего понять ходъ идей писателя и передать ихъ въ формахъ, соотвѣтствующихъ вкусу націи. Ничто не должно напоминать, что это иностранное произведеніе; такимъ образомъ всѣ особенности подлинника будутъ утрачены, но по-крайней-мѣрѣ переводъ не будетъ противорѣчить образу мыслей и требованіямъ языка Французовъ. При всей не музыкальности своей натуры, Французъ гораздо чувствительнѣе къ риѳмическому устройству и къ гармоніи періодовъ, нежели Нѣмецъ или Англичанинъ. Во Франціи, самый посредственный прозаическій писатель владѣетъ языкомъ легкимъ и изящнымъ, между-тѣмъ, какъ въ Англіи и Германіи самые лучшіе литераторы въ этомъ отношеніи часто хромаютъ и спотыкаются. Напротивъ, поэтическія требованія французскаго слуха, какъ извѣстно, очень ограничены. Французскому языку не достаетъ риѳмической плавности, которая отличаетъ поэтическія произведенія другихъ народовъ, и потому для него рѣшительно невозможно подражаніе древнему и сѣверному метру. Нѣкоторыя попытки наложить на французскій языкъ оковы гекзаметра имѣли результатъ траги-комическій. Съ другой стороны, ограниченность въ расположеніи риѳмъ не дозволяетъ французскому переводчику вѣрно передавать южныя и восточныя формы. Англійскій и нѣмецкій языки отличаются большею гибкостію и выработанностію для выраженія поэтическихъ образовъ иностранныхъ литературъ.

Царь фёльетонистовъ, непобѣдимый на журнальномъ поприщѣ, но такъ легко побѣждаемый, когда пускается на крылатомъ конѣ въ дальнія странствованія, Жюль-Жаненъ, подарилъ французскую литературу прекраснымъ переводомъ стернова «Чувствительнаго Путешествія», которое издано великолѣпно, съ прекрасными гравюрами и виньетами, и имѣло большой успѣхъ. Переводчикъ написалъ къ нему небольшое предисловіе, показывающее, съ какою любовію онъ трудился надъ авторомъ, который, при всемъ своемъ неистощимомъ юморѣ, сохранилъ столько любезности. Языкъ перевода нисколько не уступаетъ подлиннику въ простотѣ и нѣжности, и на устахъ сантиментальнаго путешественника вполнѣ сохранена плутовская улыбка, проглядывающая сквозь его слезы. Переводъ этотъ можно включить въ число удачнѣйшихъ.

Изъ сборниковъ, имѣющихъ цѣлію распространеніе во Франціи лучшихъ произведеній иностранныхъ литературъ, преимущественно замѣчательны три: *Bibliothèque des classiques latins, par Nisard; Bibliothèque Charpentier*, и *Bibliothèque choisie*, изъ которыхъ обѣ послѣднія, кромѣ переводовъ, заключаютъ въ себѣ и произведенія французской литературы. Въ «Библіотекѣ» Низара, предлагающей вмѣстѣ съ переводами весьма удовлетворительный текстъ оригинала, помѣщены, кромѣ новыхъ переводовъ, также нѣкоторые старые, которыхъ достоинство всѣми признано. Въ-самомъ-дѣлѣ XVII и XVIII вѣка обогатили Францію такими переводами греческихъ и латинскихъ классиковъ, которые до-сихъ-поръ могутъ еще соперничать со всѣми новѣйшими въ стараніи сблизить современную читающую публику съ классическою древностію. Для примѣра приведемъ извѣстные переводы Аміота и г-жи Дась, которые до сего времени не потеряли еще своего достоинства. Размѣренный, чопорный языкъ того времени гораздо-болѣе соотвѣтствуетъ подобнымъ твореніямъ, нежели нынѣшній, живой, раздражен-

вый, порхающій и неспособный къ спокойному, обдуманному ходу. Въ двухъ послѣднихъ упомянутыхъ нами сборникахъ, гдѣ, какъ сказано, кромѣ переводовъ, помѣщаются произведенія французской словесности, явилось уже много трудовъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Назовемъ нѣкоторые удачнѣйшіе переводы изъ «Библіотеки» Шарпантье, уже весьма многотомной. Латуръ, молодой писатель, извѣстный своими драматическими произведеніями, посвятилъ себя съ большимъ успѣхомъ переводамъ съ италіянскаго. До-сихъ-поръ изданы его переводы *Записокъ Альфіери, Твореній Сильвіо Пеллико*, *Драмъ* и *Стихотвореній Манцони*. Переводы его отличаются особеннымъ вкусомъ и изяществомъ. Сверхъ того, италіянской литературѣ посвятили себя *Бризе*, о которомъ мы уже говорили, какъ объ авторѣ «Маріи» и другихъ лирическихъ стихотвореній, и *Ал. Деплась*. Первый изъ нихъ перевелъ *Божественную Комедію* Данта, а второй *Освобожденный Іерусалимъ* Тасса. Изъ переводовъ съ англійскаго, наиболѣе замѣчателенъ переводъ мильтонова «Потеряннаго Рая», академикомъ Понжервиллемъ, который былъ уже извѣстенъ очень хорошимъ переводомъ творенія Лукреція «О Природѣ». — Менѣе-удаченъ переводъ, сдѣланный Ларошемъ, твореній лорда Байрона. Волканическія строфы англійскаго поэта, конечно, весьма трудно выразить въ непокорныхъ формахъ чуждаго языка, чему доказательствомъ можетъ служить множество неудачныхъ попытокъ и на другихъ языкахъ. — Богатые рудники германской литературы съ большимъ успѣхомъ разработываются К. Марміе, котораго переводы *Вертера* и нѣкоторыхъ драмъ Гёте и Шиллера — труды, заслуживающіе полную благодарность. Равнымъ образомъ, въ переводѣ Блаза гётева «Фауста» (первый полный переводъ «Фауста» во Франціи), встрѣчается весьма много счастливыхъ мѣстъ; но при всемъ томъ большая часть красотъ подлинника утрачена въ переводѣ и созданія чистѣйшей, возвышеннѣйшей поэзіи разжидились до прозы, не смотря на даровитость и опытность переводчика. При этомъ случаѣ, упомянемъ еще о другихъ весьма важныхъ заслугахъ переводчика въ-отношеніи къ германской литературѣ, именно о новомъ переводѣ его замѣчательнѣйшихъ лирическихъ произведеній Германіи. Переводы классическихъ твореній въ «Bibliothèque Charpentier» менѣе удовлетворительны, но тѣмъ удачнѣе переводъ *Корана*, сдѣланный Казимирскимъ (Полякомъ, участвовавшимъ въ послѣднемъ безуспѣшномъ французскомъ посольствѣ въ Персію) и переводъ *Конфуція*, Потье.

Bibliothèque choisie, которая, кажется, начинаетъ уже упадать въ соперничествѣ съ предъидущимъ изданіемъ, считаетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ гораздо-менѣе замѣчательныхъ именъ. Любопытнѣйшіе изъ помѣщенныхъ въ ней переводовъ суть переводы твореній *Камоенса*, и драматическихъ произведеній принцессы Амаліи Саксонской, наполняющихъ уже нѣсколько томовъ. Стихотворныя иностранныя произведенія всѣ почти переведены прозою, что невольно приводитъ къ мысли, какъ трудно французскому переводчику передать своимъ читателямъ хоть тѣнь размѣра, рифмъ и всѣхъ поэтическихъ украшеній оригинала. Французскій стихъ носитъ на себѣ такую отличительную печать, осужденъ, если можно такъ выразиться, на такое рѣшительное однообразіе, что духъ подлинника непремѣнно будетъ потерянъ, какъ-скоро переводчикъ рѣшится переводить стихами. Стоитъ только сравнить ламартиновъ переводъ части «Чайльдъ-Гарольда», въ которомъ, впрочемъ, много отлично-удавшихся мѣстъ, съ подлинникомъ, чтобъ убѣдиться, что не только нѣкоторыя черты, не смотря на всѣ старанія переводчика, совершенно утрачены, но даже, въ цѣломъ, твореніе это при-

няло совершенно другой тонъ и колорить. Еще должно съ похвалою замѣтить Делатровъ переводъ *Тимона Аѳинскаго,* Шекспира, отличающійся энергіею и вѣрностію. Делатръ же издалъ подъ названіемъ «Chants du Voyageur» собраніе лирическихъ стихотвореній, отъ которыхъ, по словамъ Филарета Шаля, вѣетъ сѣвернымъ холодомъ и кальвинизмомъ, ибо сочинитель родомъ изъ французской Швейцаріи. При этомъ случаѣ, не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ въ области *лирической поэзіи*, и прежде всего назовемъ *Rêveries sur le bord du Cher*, par Mad. Agathe Baudouin, исполненныя нѣжной меланхоліи, свободной отъ всякой аффектаціи, хоть они и обращаются въ весьма-тѣсномъ кругѣ. Г-жа Бодуэнъ не переступаетъ за границы своего семейства; она поетъ о своихъ дѣтяхъ, о своемъ житьѣ-бытьѣ и не йдетъ выше вдовствующей графини Монталивè. Замѣчательнѣе собраніе стихотвореній. *Chants du psalmiste, par Rhéal* и *Gerbes de Poësie, par Gont. Demartres*, первыя по своей силѣ и опредѣлительности, а послѣднія по наивности, легкости, убѣдительности и звучной гибкости стиха. Барбьè, напротивъ того, въ своихъ *Chants civils et religieux* по-прежнему идетъ путемъ *соціальной поэзіи*, и если иногда замѣтемъ въ немъ недостатокъ гибкости и живости фантазіи, то мысли его всегда исполнены мужественной важности и силы. — Далѣе, вышли въ свѣтъ *Le poëme de Roncevaux traduit du Roman en français par Bourdillon* (мы упоминали уже объ этомъ твореніи, коснувшись цикла преданій о Карлѣ-Великомъ), и *Poësie de Sinesius et d'Orientius*, переводъ Коллонберта. Въ гимнахъ Синезіуса, бывшаго епископомъ въ Птолемаидѣ, равно какъ и въ стихотвореніяхъ епископа галльскаго, св. Оріенціуса, хотя въ меньшей степени, Филаретъ Шаль видитъ и глубокую мистику, какъ напримѣръ въ Новалисѣ, или что-то блѣдно-сѣрое, мрачное, какъ въ Оберманѣ. Галлъ Оріенціусъ болѣе положителенъ, исполненъ морали, и изобилуетъ описаніями своего вѣка и нравовъ; Синезіусъ, напротивъ, лирикъ — теологъ, забывая землю, возносится къ небесамъ, и испаряется въ христіанскомъ платонизмѣ, почему Шаль весьма справедливо сравниваетъ его съ Ламартиномъ.

Изъ новостей изящной литературы особенно любопытны *La jeunesse de Mirabeau*, *par Mad. Louise Collet.* Г-жа Коллè извѣстна уже нѣкоторыми прекрасными стихотвореніями и комедіею, подъ названіемъ «la Jeunesse de Goethe», а послѣднее ея сочиненіе есть первый ея опытъ въ прозѣ. Сочиненіе это собственно не романъ, но біографическій отрывокъ, который мѣстныя подробности о замкѣ Инъ, мѣстѣ жительства предковъ Мирабо, и о городѣ Э, гдѣ онъ показалъ первые опыты своего краснорѣчія, дѣлаютъ весьма любопытнымъ. Далѣе, назовемъ цѣлый гуртъ романовъ для любителей (amateurs): *le Monsieur*, Поль-де-Кока, —*le Chevalier de Clermont*, Вертè и Моньè, —*le Nom de famille*, Сюмè, — *la Goutte d'eau*, Сувестра, — *Simon*, Манжена, — *Bianca Teobaldi, moeurs italiennes*, Дильмана, —*le Chevalier de Chaville*, Жакоба, — *Nôtre Dame de Pilar*, графини де-Вольдемаръ, — *Lélo ou le Montagnard*, Шао, —*le Tasse et la princesse Eleonore d'Est*, г-жи Готи, —*Les ilots de Martin Var*, Корбьера, — большею частію въ двухъ томахъ. — Вышла двойная біографія герцога и герцогини Марльборо, подъ названіемъ *le Duc et la duchesse de Marlborough*, Симона. Авторъ, показавшій въ своихъ «Observations recueillies en Angleterre» необыкновенную наблюдательность и глубокое изученіе англійскихъ нравовъ, предлагаетъ въ послѣднемъ, прекрасно исполненномъ сочиненіи своемъ вѣрное изображеніе знаменитой герцогской Четы. Наконецъ, вышла *Histoire de Jeanne de Constantinople, comtesse de Flandre et de*

Hainaut, Легле, полу-романъ, полу-исторія, но весьма-интересная книга.

Въ книгѣ, подъ названіемъ *les Industriels,* явился совершенно-новый родъ иллюстрированныхъ физіологій *(Physiologies illustrées).* Книга эта издана съ удивительною роскошью, и украшена гравюрами Анри Монье, народнаго живописца и творца «Scènes populaires» и «Mr. de Prudhomme». Въ ней преимущественно представляются нравы, обычаи и бытъ мелкихъ ремесленниковъ. Тотъ же Монье издалъ *Scènes de la ville et de la campagne,* въ 2 томахъ, съ виньетками и политипажами, — діалогизированныя нравоописанія; въ нихъ вполнѣ выказывается комизмъ, которымъ обладаетъ авторъ какъ писатель и какъ живописецъ. Не менѣе занимателенъ, хотя не новъ по своему содержанію, парижскій нравоописательный романъ, подъ названіемъ *Zizi, Zozo et Zaza, histoire de trois étages* (les enfans de Paris moeurs parisiennes par Vanderburch) 2 *vols.* Авторъ принадлежитъ къ числу лучшихъ французскихъ романистовъ, и хотя сфера его не высшее общество, а бытъ средняго класса, но въ описаніяхъ своихъ онъ весьма-тонокъ и граціозенъ. Въ послѣднемъ сочиненіи онъ описываетъ судьбы трехъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя родились въ одинъ часъ, въ разныхъ этажахъ одного и того же дома. Въ первомъ этажѣ обитаетъ богатство, съ аттрибутами своими: удовольствіями и опасностями; во второмъ—тихая и однообразная умѣренность, въ третьемъ горькая бѣдность. Какія судьбы ожидаютъ трехъ героинь? Z. № 1 вступаетъ въ блестящій кругъ высшаго общества; сѣмена дурнаго воспитанія развиваются въ ней и приводятъ ее къ краю погибели; Z. № 3 встрѣчаетъ на каждомъ шагу опасности и искушенія, но твердостію сохраняетъ свою чистоту и непорочность. Только Z. № 2, подъ защитою посредственности (médiocrité), проводитъ безмятежную жизнь, удаленная отъ всѣхъ превратностей свѣта. Богатство сюжета придаетъ особенную занимательность картинѣ, а исполненіе подробностей такъ мило и изящно, что всякій прочтетъ эту книгу съ удовольствіемъ.

Г-жа д'Ольнэ, извѣстная своимъ прекраснымъ сочиненіемъ для дѣтей, подъ названіемъ «Memoires d'une poupée», посвятила новое свое сочиненіе часто весьма-несчастному, по-крайней-мѣрѣ всѣми забытому классу слугъ и служанокъ. Романъ ея, подъ названіемъ «Marianne Aubry», заслуживаетъ похвалу какъ по доброй его цѣли, такъ по благоразумнымъ совѣтамъ и наставленіямъ. Маріанна Обри, старая служанка, разсказываетъ исторію своей жизни, которой результатъ состоитъ въ томъ, что съ помощію здраваго смысла, усердія и глубокаго чувства долга, она не только удовлетворяла всегда требованіямъ своихъ господъ, но умѣла даже оказать имъ истинныя услуги, пріобрѣсть ихъ любовь и сдѣлаться какъ-бы необходимымъ членомъ ихъ семейства. Авторъ заслуживаетъ упрекъ только за нѣкоторыя частности, преимущественно за то, что тонъ разсказа не вездѣ согласуется съ цѣлію сочиненія и часто удаляется отъ наивной простоты, которая непремѣнно должна характеризовать подобную книгу. Въ концѣ романа, г-жа д'Ольнэ говоритъ: «Книга моя окончена; боюсь, что многимъ она покажется скучною. Маріанна совсѣмъ не похожа на обворожительныхъ героинь романовъ; меня упрекнутъ, можетъ-быть, въ томъ, что я идеализировала бѣдную служанку; скажутъ, что это уже совсѣмъ не служанка. Но это еще не доказано. Чтобъ писать книгу, надо только оставаться въ границахъ возможнаго, и я, съ своей стороны, вижу гораздо менѣе неправдоподобнаго въ умной дѣвушкѣ, съ христіанскими чувствами и способной къ самоотверженію, нежели въ большей части героинь романовъ. Мы безпрестанно слышимъ жалобы господъ на слугъ, и на-оборотъ; отнюдь не беру на себя разрѣшить этотъ споръ,

но только изъ участія къ судьбѣ слугъ пишу эту книгу.» — При всемъ уваженіи къ благой цѣли сочинительницы, мы, однакожь, готовы сомнѣваться, чтобъ книга ея сколько-нибудь способствовала къ улучшенію состоянія этого класса людей, о которыхъ одинъ изъ ихъ соотечественниковъ сказалъ: «la domesticité c'est notre malheur, et nos maitres ce sont nos domestiques.» Толчокъ долженъ послѣдовать со стороны самихъ господъ; они только могутъ воспитать и образовать слугъ.

Весьма важно вновь-вышедшее сочиненіе подъ названіемъ *la Medicine des passions ou les passions considérées dans leurs rapports avec les maladies*, доктора Декарè. Вотъ оглавленіе этого сочиненія: *Отдѣленіе I.* О страстяхъ вообще. Опредѣленіе страстей, ихъ мѣстопребываніе, ихъ причины, ихъ семіотика, ходъ, сложность и кризисъ, вліяніе на человѣческій организмъ и на общество, обращеніе съ ними въ медицинскомъ, законодательномъ и религіозномъ отношеніи. *Отдѣленіе II.* О разныхъ родахъ страстей: 1) скотскія страсти: пьянство, разврать, гнѣвъ, страхъ, склонность ко всякимъ излишествамъ; 2) общественныя страсти: любовь, гордость и тщеславіе, честолюбіе, зависть и ревность, скупость, страсть къ игрѣ, склонность къ самоубійству, дуэль, тоска по родинѣ; 3) умственныя качества: страсть къ наукамъ, музыкальная манія, чрезмѣрная любовь къ порядку, художественный, политическій и религіозный фанатизмъ.

Недавно вышелъ 8 томъ *Encyclopedie nouvelle*, издаваемый извѣстнымъ энергическимъ Леру, бывшимъ сенсимонистомъ, вмѣстѣ съ Рено. Въ этомъ томѣ замѣчательна статья Рено: *Zoroastre*, о которой одинъ французскій журналъ говоритъ: «Редакторы, стараясь поддержать всѣ права философіи и распространить ея владычество, проповѣдуетъ начала, передъ которыми должны пасть во прахъ всѣ ничтожныя теоріи. Мы совѣтуемъ рѣшаться на чтеніе этого тома не иначе, какъ вооружившись достаточно противъ пантеизма, который въ послѣднее время начинаетъ подкапывать общество, и противъ утопическихъ началъ коммунистовъ, которые суть не что иное, какъ политическое приложеніе перваго». — Другія замѣчательныя статьи восьмаго тома «Энциклопедіи» суть: *Voltaire*, Леру; *Washington*, Фаба; *Xenophon*, Экара, въ особенности же *Zoologie*, Жоффруа Сент-Илера, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ знаменитости своего автора. Тотъ же Леру издалъ *Семь рѣчей о нынѣшнемъ состояніи общества* (Sept discours sur la situation actuelle de la société), съ эпиграфомъ: futuram civitatem inquirimus (изслѣдываемъ будущность государства). Глубокомысленныя наблюденія и нѣсколько счастливыхъ мыслей перемѣшаны здѣсь съ самыми поверхностными сужденіями.

Далѣе, вышли:

Pythagore, ou precis de la philosophie ancienne et moderne dans ses rapports avec les métamorphoses de la nature ou la métempsycose (переселеніе душъ). По этому названію уже можно судить о занимательности сочиненія.

Esquisses des harmonies de la création ou les sciences naturelles etudiées du point de vue philosophique et religieux, et dans leur application à l'industrie et aux arts, par L. T. Iehan. Слогъ и содержаніе этого сочиненія, вѣроятно, заслужатъ всеобщее одобреніе.

Histoire des lettres aux cinq premiers siècles du christianisme, par A. Duquesnel, есть вмѣстѣ и любопытная исторія литературы и живая картина брани, веденной въ эту эпоху противъ язычества и ложныхъ ученій сектъ.

Etudes sur les tragiques grecs, ou examen critique d'Eschyle, de Sophocle et d'Euripide, par H. Patin, можно смѣло назвать образцомъ изящнаго слога и ясности мыслей. Первый томъ начинается общею исторіею греческой трагедіи; все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ томовъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Философскія разсужденія сдѣлались, кажется, необходимою принадлежностію романа въ Германіи, хоть нельзя сказать, чтобъ философія сколько-нибудь выиграла отъ этого. Замѣчательнѣйшіе нѣмецкіе романисты могутъ быть раздѣлены на два класса: на романистовъ и нувеллистовъ. Собственно *романъ*, прикрываетъ историческою мантіею свои разсужденія о современныхъ политическихъ и религіозныхъ вопросахъ; *повѣсть* обыкновенно исполнена житейской философіи, которая легко слѣдуетъ образу мыслей и склонностямъ автора, и едва заслуживаетъ имени философіи. Далѣе, отличительная черта нашего времени состоитъ въ углубленіи въ самого-себя; разсужденія о ходѣ индивидуальнаго образованія, изображенія внутренней жизни, такъ-называемыя автобіографіи и т. п., составляютъ большую часть нынѣшней изящной литературы Германіи. Нашъ вѣкъ, который въ своемъ учено-промышленомъ направленіи ниспровергаетъ всѣ преграды, преступаетъ всѣ формы, хочетъ, кажется, умственно углубиться въ самого-себя, чтобъ въ себѣ найдти опять глубину чувствъ, изглаженную быстрыми перемѣнами внѣшней жизни. Если періодъ, который заключили собою Шиллеръ и Гёте, можно назвать эпохою космополитизма, то теперешняя литературная эпоха можетъ быть названа эпохою самосозерцанія, которое должна развить любовь къ отечеству и чувство собственнаго достоинства. Множество жизнеописаній извѣстныхъ лицъ, автобіографій, особенностей изъ юности и другихъ эпохъ частной и общественной жизни человѣка, преимущественно занимаютъ дѣятельность германскихъ литераторовъ, и доказываютъ, какъ глубоко это направленіе укоренилось въ наше время. Вмѣстѣ съ этими явленіями, показываются другія, которыя кажутся анахронизмами и хотятъ возстановить архи-геніальную литературу прошедшаго столѣтія, подобно тому, какъ мода породила вкусъ временъ возрожденія (Renaissance) и Лудовика XIV. Мы назовемъ здѣсь только творенія *Беттины фон-Арнимъ, Гуцкова* «Сыновей Базедова» и нѣкоторыя сочиненія *Мундта, Винбарга* и *Кюне* — «*подражающую Жанъ-Полю юную Германію*»; а для доказательства сказаннаго, упомянемъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ произведеніяхъ.

Путешествіе въ жизни (Die Reise in das Leben), романъ Фридриха Зегера. Лейпцигъ. 1841 г. въ 2-хъ частяхъ. — Путешествіе «in das Leben», есть не что иное, какъ путешествіе въ Испанію молодаго Нѣмца Юліуса, который, принимая участіе въ междоусобной войнѣ, «опытностію пріобрѣтаетъ твердыя правила жизни». Судьба видимо печется о романистахъ, дѣлая то ту, то другую страну театромъ военныхъ дѣйствій, безъ этого куда бы имъ переносить дѣйствія своихъ романовъ? Мирныя страны такъ скоро истощаются... И такъ, Юліусъ отправляется въ Испанію, узнаетъ христиносовъ не совсѣмъ съ выгодной стороны, и еще съ худшей карлистовъ, за исключеніемъ одной Изабеллы, которую послѣ того, какъ отецъ ея, нѣчто въ родѣ Дон-Кихота, и отвратительный женихъ умираютъ въ битвахъ, оставляетъ Испа-

нію и сопровождаетъ Юліуса въ Германію, гдѣ ее можно отъискать въ какомъ-нибудь уголкѣ его супругою. Старый нѣмецкій сержантъ, который служитъ между христиносами и старается ввести у нихъ нѣмецкую субординацію, нѣмецкій порядокъ, играетъ при этомъ главную ролю, и своимъ добродушнымъ, педантическимъ характеромъ стараго служаки составляетъ самое изящное лицо романа. При ничтожности вымысла, разсказъ очень дливенъ. Всѣ дѣйствующія лица, какъ обыкновенно въ нѣмецкихъ романахъ, или слишкомъ-каррикатурны, или слишкомъ-идеализироны. Языкъ простъ, безъ малѣйшей оригинальности.

Гораздо-остроумнѣе изданное послѣднее твореніе одного изъ лучшихъ германскихъ нувеллистовъ, Эстляндца *фон-Штернберга,* отличающагося вкусомъ, глубиною вымысла, остроуміемъ и ироніею, равно какъ здравою логикою въ сужденіяхъ. Въ большомъ сочиненіи своемъ, Saint Sylvan (1839 г. 2 тома) представилъ весьма-удачно біографію въ романической формѣ на историческомъ грунтѣ; теперь онъ издалъ подъ названіемъ *Альфредъ* (Dessau, 1841), небольшую повѣсть, написанную, кажется, для книгопродавцевъ и писателей; испорченность критики, меркантильное обращеніе съ талантомъ, отношенія писателей высшаго сословія къ издателю, платящему за труды, —все это могло бы служить прекрасною тэмою для небольшихъ картинъ, но нисколько не прилаживается къ жизни несчастной дѣвушки, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Камелія, молодая дама, живетъ въ избыткѣ, но не знаетъ ни своихъ родителей, ни источниковъ своего матеріальнаго благосостоянія. Въ-послѣдствіи она узнаётъ, что отецъ ея, принадлежащій къ знатной фамиліи, сдѣлался разбойникомъ и убійцею и теперь продолжаетъ это ремесло для того только, чтобъ доставить своей дочери возможность вести прежнюю блестящую жизнь. Это открытіе заставляетъ ее отказать жениху ея, молодому писателю *барону Дюборну;* къ его-же жизни относятся всѣ литературно-книгопродавческіе эпизоды, неимѣющіе большой связи съ судьбою Камеліи. При всемъ томъ, тонкія и вѣрныя замѣчанія, прекрасное изображеніе характеровъ, живой и одушевленный языкъ дѣлаютъ книгу эту весьма занимательною.

Вѣнокъ Повѣстей Георга фон-Рейнбека (Situationen. Ein Novellenkranz von Georg v. Reinbeck. Stuttgart, 1841.) Лучшее въ этомъ сочиненіи — предисловіе, заключающее въ себѣ *теорію повѣсти,* въ которой много истиннаго, хоть ее и нельзя назвать глубокомысленною. Авторъ отдѣляетъ повѣсть отъ романа. «Повѣсть» говоритъ онъ «есть поэтическое изображеніе происшествія, которое должно дѣйствительно принадлежать какой-либо эпохѣ образованности. Вотъ что повѣсть имѣетъ общаго съ романомъ. Но романъ заключаетъ въ себѣ значительную часть необыкновенной человѣческой жизни, даже цѣлую жизнь, а иногда и болѣе: романъ всегда остается поэтическою біографіею, между-тѣмъ, какъ повѣсть ограничивается *однимъ* какимъ-нибудь явленіемъ, необыкновеннымъ положеніемъ изъ жизни человѣка. Если въ романѣ должна занимать насъ жизнь героя съ ея превратностями, то, напротивъ, весь интересъ повѣсти долженъ сосредоточиваться на одномъ происшествіи. Это сосредоточеніе интереса на событіи, рѣшающемъ судьбу человѣка, сближаетъ повѣсть съ драмою, почему гораздо-легче сдѣлать драму изъ повѣсти (шекспировы драмы изъ повѣстей итальянскихъ поэтовъ), нежели изъ романа; но этого нельзя сказать о всякой повѣсти, ибо главная занимательность драмы состоитъ въ достиженіи или недостиженіи извѣстной цѣли и въ сопряженной съ этимъ борьбѣ, что вовсе ненужно для повѣсти.» — Въ этомъ опредѣленіи особенно замѣчательно назначеніе романа, какъ поэтической біографіи, потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ далѣе уклоняется

романъ отъ этой цѣли, тѣмъ становится слабѣе и неудовлетворительнѣе. Повѣсти Рейнбека вѣрны постановленному имъ правилу, что повѣсть не должна пускаться въ разсужденія, ибо отвлеченное мышленіе никогда не должно преобладать въ поэтическихъ твореніяхъ, да сверхъ-того, повѣсть, по опредѣленію Боккачіо, должна гораздо-болѣе-нежели романъ приближаться къ изустному разсказу. Нельзя не согласиться, что въ послѣднее время характеръ повѣсти совершенно искаженъ разсужденіями о художествахъ, о предметахъ политики, литературы, религіи; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ повѣсть нисколько не должна была сообразоваться съ духомъ времени, и оставаться всегда вѣрною опредѣленію Боккачіо. Только злоупотребленіе вредно и опасно. Въ разсматриваемыхъ нами повѣстяхъ, элементъ мышленія оставленъ уже слишкомъ въ тѣни для событій часто весьма-незанимательныхъ. Изъ всѣхъ повѣстей, одна только: «Необыкновенный Бракъ», носитъ на себѣ печать современности. Дама хорошей фамиліи, считая бракъ учрежденіемъ, унижающимъ женщину, живетъ въ связи съ избраннымъ ей мужчиною, котораго въ свѣтѣ всѣ считаютъ ея мужемъ. Раждающаяся страсть къ другому и искушеніе нарушить вѣрность къ Албрехту, открываетъ ей глаза; она видитъ, что ей не достаетъ чего-то, именно *чувства дома*, и чтобъ неразрывно приковать себя къ Албрехту, сама требуетъ благословенія церкви, которое прежде отвергала. Такимъ образомъ, бракъ торжествуетъ. Разсказъ живъ, чрезвычайно-нѣженъ и совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли.

Извѣстный писатель Гейнрихъ Лаубе, замѣчательный своею чрезвычайно-разнообразною дѣятельностію, писавшій въ послѣднее время и драмы, и романы, и охотничьи пѣсни, и объ исторіи литературы, и о политикѣ, — издалъ теперь новую литературную рѣдкость: *Претендентъ*. Этотъ претендентъ — часовщикъ *Наундорфъ*, изъ прусскаго городка Кроссена, живущій въ Лондонѣ и выдающій себя за Лудовика XVII-го. Небольшая монографія Лаубе объ этомъ, конечно весьма любопытномъ эпизодѣ изъ новѣйшей политики, заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, изданныя самимъ Наундорфомъ въ Лондонѣ записки, далѣе, разсказъ его дальнѣйшихъ похожденій, и наконецъ разборъ права его на французскій престолъ. Лѣтъ болѣе десяти тому назадъ какой-то часовщикъ въ Кроссенѣ выдавалъ себя за наслѣдника французскаго престола, сына Лудовика XVI-го, котораго несправедливо считали умершимъ. Послѣдствія этой дерзкой выдумки скоро развились систематически. Наундорфъ (содержавшійся нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ за дѣланіе фальшивой монеты) или выдумалъ свою исторію, основываясь на этомъ слухѣ, или дѣйствительно есть спасенный сынъ Лудовика XVI-го. Многіе вѣрили послѣднему; но правительство прусское считало его обманщикомъ. Наундорфъ бѣжалъ во Францію, нашелъ тамъ много приверженцевъ, но наконецъ былъ изгнанъ, и теперь живетъ въ Лондонѣ, занимаясь, какъ говорятъ, военными науками. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ обладаетъ удивительнымъ сходствомъ съ членами фамиліи Бурбоновъ. Лаубе изслѣдываетъ, впрочемъ не строго, всѣ доказательства справедливости его притязаній, особенно показанія многихъ легитимистовъ, старыхъ придворныхъ дамъ и старыхъ служителей несчастнаго дома Бурбоновъ. Но должно замѣтить, что до-тѣхъ-поръ легитимисты поддерживали всѣ подобныя притязанія, чтобъ только поставить въ затрудненіе нынѣшнее правительство Франціи. Вотъ почему, вѣроятно, они и покровительствовали и Наундорфу, а это-то авторъ и выпустилъ изъ виду. Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ распространяться о всѣхъ подробностяхъ этого любопытнаго явленія; замѣтимъ только, что авторъ не вездѣ совершенно-ясно излагаетъ свои мысли: иногда

считаешь его совершенно убѣжденнымъ въ подлинности королевскаго происхожденія Наундорфа, а вслѣдъ за тѣмъ онъ называетъ его обыкновеннымъ обманщикомъ. Весьма-желательно, чтобъ какой-нибудь основательный законовѣдецъ изслѣдовалъ этотъ вопросъ юридически.

Бандомiръ, курляндская повѣсть Лаубе, 2 части. Митава. 1842 года (*Der Bandomire, Kurische Erzählung, von* H. Laube). Тутъ встрѣчаемъ Лаубе на совершенно новомъ пути, и на этотъ разъ можемъ остаться имъ довольны. Тутъ нѣтъ никакой особенной цѣли; отвлеченныя разсужденія не преобладаютъ въ сочиненіи, и все оно содержитъ въ себѣ только описаніе нравовъ извѣстной мѣстности и извѣстной эпохи. Формальное историко-географическое введеніе переноситъ насъ въ Курляндію, гдѣ открывается эпизодъ изъ буйной жизни независимаго дворянства въ началѣ прошлаго столѣтія. Изображеніе чрезвычайно живо, и читатель съ любопытствомъ слѣдуетъ за судьбою обоихъ героевъ, оканчивающеюся неожиданной развязкою.

Гораздо-замѣчательнѣе слѣдующее твореніе: *Томасъ Мюнцеръ*, нѣмецкій романъ Теодора Мундта (Thomas Müntzer, ein deutscher Roman, von Theodor Mundt, 3 Bände, Altona, 1841). — Названіе «нѣмецкій романъ», понимаемое въ обыкновенномъ смыслѣ, слишкомъ-скромно для этой, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной книги. Судя по историческому имени, которымъ названъ романъ, всякій обманется, ожидая и на этотъ разъ найдти обыкновенный историческій романъ, съ которымъ читающій мiръ, къ-сожалѣнію, уже слишкомъ знакомъ. Обыкновенно, авторъ заставляетъ двигаться на историческомъ грунтѣ одну или нѣсколько паръ нѣжныхъ любовниковъ и перемѣшиваетъ ихъ приключенія съ извѣстными историческими лицами, или же послѣднія сами, въ самомъ неисторическомъ искаженіи, окруженныя театральною или повѣствовательною обстановкой, тянатъ неученаго читателя выдуманнымъ плачемъ и сантиментальными восторгами. Много жаловались на подобныя произведенія, безславящія исторію. «Томасъ Мюнцеръ» стоитъ выше такого упрека. Въ немъ нѣтъ ни одной такъ-называемой поэтической вольности, произвольно искажающей историческую истину; нѣтъ ни любовныхъ страданій, ни любовныхъ восторговъ; нѣтъ приторной сантиментальности; нѣтъ запутанностей и занимательныхъ приключеній для напряженія ослабѣвшихъ нервовъ. Но что́ же въ немъ, наконецъ? — *Исторія* во всемъ ея величіи и потрясающей истинѣ, поэтически-отраженная съ ученою важностью и совѣстливою вѣрностью. — И все-таки это романъ? почему жь не «Исторія нѣмецкой крестьянской войны», для которой, не смотря на все, что́ писано уже о ней, осталось сдѣлать еще очень много? Такое произведеніе, конечно, могло бы дополнить историческую литературу, но, въ-отношеніи къ тѣснѣйшему кругу образованныхъ читателей, не произвело бы дѣйствія; большой же части публики, ищущей не столько основательнаго образованія, сколько сильныхъ ощущеній, оно не могло бы внушить того наставительнаго примѣра, который низпосланъ вѣчнымъ промысломъ для предостереженія грядущихъ вѣковъ въ этомъ несчастномъ, но остроумномъ возмущеніи, которагo зачинщикомъ былъ дикій, односторонній, ограниченный мечтатель Томасъ Мюнцеръ.

Ландшафтный живописецъ старается передавать, въ своей картинѣ, природу съ возможною вѣрностью, чтобъ созданіе его производило на насъ такое же дѣйствіе, какъ сама природа. Но онъ, кромѣ того, обязанъ обозначать рѣзкими чертами и дѣлать яснѣе прекрасное, разсѣянное въ природѣ въ слишкомъ-большихъ размѣрахъ, чтобъ легче было обозрѣть его. Поэтому, живописецъ обязанъ гармонически соединять дѣйствія естественныхъ явле-

нія, чтобъ созвучіе ихъ быстрѣе переливалось въ душу созерцающаго. Великій художникъ рѣшаетъ эту задачу, созерцавъ сперва самъ природу оковъ искусства и, по правиламъ его, сознавъ, какіе элементы ландшафта въ данномъ случаѣ, при идеальномъ возвышеніи и соединеніи, производятъ настоящій эффектъ.

Въ этомъ смыслѣ, авторъ «Томаса Мюнцера» созерцалъ исторію оковъ *поэзіи*, и возбужденную тѣмъ восторженность излилъ въ поэмѣ, которой высочайшее впечатлѣніе должно произойдти именно отъ-того, что онъ выставляетъ полную, вѣрную историческую истину, но въ идеальномъ расположеніи, освѣщаемую поэтическимъ блескомъ,—чтобъ истина, въ неразрывной связи съ изящнымъ, дѣйствовала тѣмъ сильнѣе и трогала болѣе.

Но въ этомъ ли состоитъ высочайшая задача историка, котораго предметъ не менѣе соприкосновенъ съ поэзіею? Настоящее время не имѣетъ уже ничего общаго съ тридцать-первою олимпіадою, когда отецъ исторіи читалъ собравшейся въ Элидѣ Греціи свои восхитительныя картины персидскихъ войнъ; и былъ награжденъ всеобщимъ одобреніемъ. Нынѣшніе историки наши не могутъ уже писать такъ. Большая часть новѣйшихъ историческихъ матеріаловъ отвергаетъ подобную обработку и требуетъ строгаго критическаго и философскаго изслѣдованія. Отличные современные намъ осторики и этимъ производили превосходное дѣйствіе, но оно уже не поэтическое, а ученое.

Авторъ «Томаса Мюнцера», желая историческою истиною достигнуть поэтическаго эффекта, обязанъ былъ не уступать историку въ-отношеніи основательнаго взысканія исторической истины описываемаго имъ событія, далеко не вполнѣ открытой. Онъ тщательно собиралъ вездѣ матеріалы и воспользовался многими, которые до сего времени лежали безъ употребленія въ архивахъ и библіотекахъ. Томасъ Мюнцеръ, какъ представляетъ его Мундтъ, не есть созданіе его своевольнаго воображенія; напротивъ, онъ добросовѣстно, хотя и въ поэтическомъ духѣ, представилъ образъ мечтателя изъ собственныхъ бумагъ его, почти никѣмъ доселѣ неразобранныхъ. Также,—смотря по возможности,—поступилъ авторъ и съ другими дѣйствующими лицами, изъ которыхъ составилъ богатую картину. Императоръ Максимиліанъ I, кардиналъ Лангъ, герцогъ Ульрихъ Виртембергскій, Филиппъ, ландграфъ гессенскій, Лютеръ, Меланхтонъ и многіе другіе,—всѣ они до малѣйшей черты изображены съ удивительною историческою вѣрностью и производятъ необыкновенный эффектъ. А между-тѣмъ, авторъ не держался новѣйшей манеры: описывать случайныя, внѣшнія подробности—этой живописи словъ, отъ которой рябитъ въ глазахъ, и которая не въ-состояніи представить какой-либо образъ въ свѣжей, жизненной цѣлости. Въ изображеніи побочныхъ лицъ, о которыхъ не сохранилось современныхъ историческихъ преданій, обнаруживается въ полной мѣрѣ способность автора къ свободнымъ созданіямъ и за дѣйствующими лицами перваго и втораго плана движется крестьянская война, возбужденная Томасомъ Мюнцеромъ, въ темныхъ, ужасныхъ массахъ, но всегда такъ, что ее можно обозрѣть и удобно и поучительно.

Къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ новѣйшей германской литературы принадлежитъ «Первая Лекція Шеллинга въ Берлинѣ».—Читатели наши знаютъ ее по переводу, который мы помѣстили во второй книжкѣ нашего журнала на нынѣшній годъ, и, слѣдственно, сами могутъ судить о ея достоинствѣ.

Was ich erlebte, aus den Erinnerungen niedergeschrieben von Heinrich Steffens. *1 und 2 Bd. 1840. 3 und 4 Bd. 1841. Breslau* (Мои приключенія. *Изъ воспоминаній* Гейнриха Стеффенса. *Ч. 1 и 2—1840, 3 и 4-я—1841. Бреслау*). Съ-тѣхъ-поръ, какъ Гёте на-

чалѣ писать записки о духовномъ и литературномъ развитіи Германіи, біографическая истина и вымыселъ являлись часто въ области литературы; но только рѣдко читали мы записки, которыхъ авторы принимали бы сами участіе въ изображаемыхъ ими предметахъ и событіяхъ; между-тѣмъ, на этомъ основывается преимущественно направленіе подобныхъ изображеній и ихъ интересъ. Кто, въ духовномъ отношеніи, стоитъ внѣ предмета, скоро соскучится, какъ бы ни были хороши внѣшнія описанія его или забавные анекдоты. Немногіе современники, по разностороннему участію въ ходѣ германской литературы, имѣютъ болѣе права на составленіе записокъ, какъ Стеффенсъ. Къ общему интересу присоединяется здѣсь еще частный: поэтъ и философъ Стеффенсъ особеннымъ образомъ сосредоточивается въ нравственной индивидуальности. Если, поэтому, первые три тома новаго его сочиненія, въ которыхъ авторъ ведетъ насъ въ свою сѣверную отчизну — Норвегію и Данію, менѣе удовлетворяютъ общему, національному интересу, за то они доставляютъ намъ любопытныя свѣдѣнія о развитіи поэта и человѣка, и тамъ, гдѣ авторъ не научаетъ, онъ умѣетъ пріятно занимать разными эпизодами. Представимъ здѣсь только главные моменты. Прежде всего должно обращать вниманіе, — это нѣкоторымъ образомъ естественное условіе — на внѣшнее воспитаніе мальчика. Отецъ его, полковой докторъ въ небольшомъ приморскомъ городкѣ Даніи, бросаетъ своихъ трехлѣтнихъ и четырехлѣтнихъ сыновей въ море, чтобъ они научились плаванію, и т. д.; эта ранняя, естественная гимнастика, которую авторъ продолжалъ, достигнувъ юношескихъ лѣтъ, безъ сомнѣнія имѣла немаловажное вліяніе на свойственную ему живость и подвижность. Второй значительный моментъ состоитъ въ томъ, что у этого мальчика есть любящая, глубоко-религіозная мать, тогда-какъ, съ другой стороны, отецъ, строго-раціональный, образовываетъ умственныя его способности. Съ-дѣтства склонный къ тихой бесѣдѣ съ самимъ-собой и съ прекрасной природой, онъ, имѣя дурныхъ учителей, принужденъ былъ еще болѣе уединиться въ самого себя и рано начать свою духовную самостоятельность; авторъ не скрываетъ отъ себя ни дурныхъ, ни хорошихъ послѣдствій этого положенія, въ которое былъ поставленъ: что касается до дурныхъ послѣдствій, онъ при разныхъ случаяхъ упоминаетъ о какомъ-то довольствѣ самимъ-собою, объ охотѣ къ всевѣдѣнію и неосновательности знанія разныхъ школьныхъ предметовъ; добрыя послѣдствія выступаютъ въ дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи. Во второмъ томѣ, юноша вступаетъ въ студенческую жизнь въ Копенгагенѣ, заводитъ связи съ первѣйшими талантами своего втораго отечества (потому-что онъ родомъ изъ Норвегіи); положеніе родителей и привычная собственная самодѣятельность приводятъ его къ жизни хлопотливой и разнообразной. Мать Стеффенса, по серьёзности его, рано назначила его для богословскаго поприща, но на него слишкомъ сильно подѣйствовало очарованіе природы, которая съ-этихъ-поръ овладѣла самою усиленною научною его дѣятельностью: онъ особенно пристрастился къ минералогіи. Въ третьемъ томѣ, авторъ предпринимаетъ ученое путешествіе къ западнымъ берегамъ Норвегіи и особенно въ Бергенъ. Если научная польза этого путешествія и не очень значительна, за то мы обязаны сдѣланнымъ здѣсь наблюденіямъ надъ жизнью и природой многими превосходными характерами и сценами въ его позднѣйшихъ повѣстяхъ. Недовольный своими трудами и давно уже желая посѣтить Германію, авторъ ѣдетъ водою въ Гамбургъ, чтобъ оттуда отправить въ Копенгагенъ собранные въ Норвегіи предметы, но будучи уже недалеко отъ цѣли, претерпѣваетъ кораблекрушеніе, отъ котораго

спасаетъ только книгу Линнея. — Послѣ разныхъ неудачь, ему удается наконецъ получить въ Килѣ мѣсто приват-доцента; по этому случаю, онъ доставляетъ намъ много занимательныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ состояніи Киля и Голстиніи, но и здѣсь онъ чувствуетъ себя еще недовольно-близко отъ переворота въ умозрительной философіи, только-что начатаго Фихте и Шеллингомъ. Въ четвертомъ томѣ вступаетъ онъ въ этотъ новый, германскій міръ, и съ-сихъ-поръ описанія его становятся гораздо интереснѣе, потому-что мы знаемъ уже людей, которыхъ уваженіе и дружбу онъ пріобрѣтаетъ: Гёте и Шеллингъ стоятъ между ними на первомъ мѣстѣ. Уже въ Килѣ Стеффенсъ приготовилъ себя, изученіемъ Спинозы, къ философіи природы; особенно любопытно его признаніе (IV, стр. 255 и д.) въ томъ, кàкъ въ Спинозѣ становится для него яснымъ единство между нравственною жизнію и сознаніемъ и кàкъ это знаніе расширяется для него въ философіи природы. Онъ не только въ восторгѣ пристаетъ къ послѣдней, но своими положительными познаніями природы, пріобрѣтенными особенно подъ руководствомъ геогноста Вернера, вноситъ еще въ натуральную философію новый, болѣе реальный элементъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представляетъ намъ значительнѣйшія личности и литературныя произведенія тогдашняго времени, изъ первыхъ особенно Фридриха Шлегеля, Новаллиса и Тика. Авторъ такъ же удаляется отъ извѣстныхъ смѣшныхъ односторонностей такъ-называемыхъ романтиковъ, какъ и отъ пустаго, фантастическаго направленія выродившейся натуральной философіи. Зато онъ принимаетъ самое сильное участіе во всѣхъ истинно-значительныхъ стремленіяхъ тогдашней литературы въ поэзіи, искусствахъ, исторіи. Авторъ называетъ скрытымъ богатствомъ положительнаго духа тотъ духъ, который объялъ его тогда; свѣжо и сильно билъ въ началѣ XIX вѣка ключъ, который, въ настоящее время, полуизсякъ уже. Новѣйшее критическое направленіе кажется ему бѣднымъ въ-сравненіи съ этимъ духомъ, исполненнымъ юношескаго огня; на стр. 401 говоритъ онъ: «Я, бѣдный, чувствую себя чуждымъ въ этомъ мірѣ и именно отъ богатства своей юности; я владѣю еще всѣмъ, а никто не хочетъ понять меня. Мнѣ какъ-то чудно, когда, въ видѣ новаго наставленія, которое долженъ обсудить, встрѣчаю критическія мысли, которыя тогда были почти тривіальны. Онѣ ведутъ настоящее поколѣніе къ ничтожеству (Nichts). Для меня тогда уже разрѣшилось туманное сомнѣніе въ вѣчномъ сіяніи свѣта и любви». — Съ любопытствомъ ожидаемъ продолженія этихъ записокъ, потому-что, какъ извѣстно, Стеффенсъ позже принималъ дѣятельное участіе и въ политическомъ развитіи германскаго народа.

Denkwürdigkeiten des Freiherrn Achatz Ferdinand von der Asseburg, aus den in dessen Nachlass gefundenen handschriftlichen Papieren bearbeitet von einem ehemals in diplomatischen Anstellungen verwendeten Staatsmanne. Mit einem Vorworte von K. A. Varnhagen von Ense. Berlin, 1842. (*Достопримѣчательности изъ жизни Фрейгерра Агаца Фердинанда фон-дер-Ассебурга*). Эта тщательно-составленная біографія замѣчательнаго государственнаго человѣка преимущественно заслуживаетъ вниманіе любителя исторіи своею историческою вѣрностію. Послѣ нѣкоторыхъ подробностей о родѣ Ассенбурговъ, описываются юность и первые годы службы фрейгерра Агаца Фердинанда. Онъ родился 20 іюля 1721 года, въ Мейзедорфѣ. Отецъ его, Іоганъ Людвигъ, былъ прусскій камергеръ и владѣтель Мейзедорфа. Мать его была Анна Марія, урожденная фон-Шуленбургъ, изъ дома Аненбургъ. Агацъ Фердинандъ въ 1744 году вступилъ въ службу ландграфа гессен-кассельскаго. Два года спустя, онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства и въ

этомъ качествѣ употреблялся для многихъ дипломатическихъ порученій. Въ 1752 году, получивъ званіе тайнаго совѣтника посольства, онъ по своимъ частнымъ дѣламъ ѣздилъ въ Копенгагенъ, и былъ приглашенъ въ датскую службу. Такимъ образомъ съ 1754 до 1760 года онъ жилъ въ Штокгольмѣ, въ 1762 при берлинскомъ дворѣ, гдѣ велъ переговоры съ русскими уполномоченными о требованіяхъ императора Петра III отъ датскаго двора. Кончина императора прекратила эти переговоры. Асгацъ былъ отправленъ въ Ганау, гдѣ черезъ его посредство положено было бракосочетаніе наслѣднаго принца Вильгельма съ одною изъ дочерей Фридерика V, короля датскаго. — Потомъ онъ короткое время былъ посланникомъ при виртембергскомъ дворѣ, и наконецъ посланникомъ въ Санктпетербургѣ. Здѣсь онъ содѣйствовалъ размѣну части Голштинскаго Герцогства, принадлежавшаго Россія, на Графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, и въ награду за это пожалованъ былъ отъ Христіана VII въ тайные конференцсовѣтники. Въ 1769 году онъ вторично былъ датскимъ посланникомъ въ Штутгартѣ, но уже въ 1771 году, съ согласія датскаго короля, вступилъ въ русскую службу. Императрица Екатерина употребила его для переговоровъ о бракосочетаніи наслѣдника престола Павла Петровича съ дармштадтскою принцессою Вильгельминою, которая вскорѣ (1776) умерла. Въ-послѣдствіи, Ассебургъ былъ россійскимъ посланникомъ на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ, и до самой своей смерти велъ такую же дѣятельную жизнь. Онъ умеръ въ мартѣ 1797 года. Множество приложеній придаютъ еще большее достоинство этому сочиненію, весьма-важному для исторіи Германіи, Даніи и даже Россіи.

К. ЛИП.РТЪ.

VIII.

СМѢСЬ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАПИСКИ НА ПУТИ ИЗЪ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ СИБИРЬ. (Статья десятая). (*) — *Пермь.—Наружное устройство города.—Промышленость и торговля.—Просвѣщеніе.—Жизнь въ Перми.—Образованность.—Воспоминаніе объ Александрѣ Благословенномъ и Александрѣ Цесаревичѣ.—Заключеніе.*

Въ «Вивліоѳикѣ» Новикова есть статья о Пермской Губерніи,—статья небольшая, заключающая въ себѣ нѣкоторыя географическія свѣдѣнія объ томъ краѣ. Въ этой статьѣ, писанной лѣтъ десять спустя послѣ основанія Перми, находится описаніе этого города. И статья не устарѣла! Пермь въ продолженіи пятидесяти лѣтъ почти нисколько не улучшилась, не распространилась. Если вамъ случилось видѣть планъ Перми—не судите по немъ объ этомъ городѣ: это только проектъ, проектъ, который едва-ли когда-нибудь приведется въ исполненіе. Почти половина улицъ пермскихъ существуетъ лишь на планѣ.

Въ Перми только 28-мь улицъ и переулковъ. Улицы расположены параллельно съ берегомъ Камы и соединяются одна съ другою посредствомъ параллельныхъ переулковъ, пересѣкающихъ улицы подъ прямыми углами. На улицахъ выстроены дома на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ переулкахъ же (исключая только двухъ)—нѣтъ ни одного дома. Поэтому, съ перваго взгляда, Пермь представляется городомъ обширнымъ; но какъ-скоро вы въѣдете во внутренность ея, увидите какую-то мертвенную пустоту. Только на одной улицѣ вы найдете еще кое-какое движеніе, кое-какую жизнь — именно на той, по которой расположены постоялые дворы. На всѣхъ другихъ круглый годъ тишина патріархальная, нарушаемая только несноснымъ трескомъ бумажныхъ змѣйковъ, которые стаями парятъ надъ городомъ. Я жилъ въ Перми на одной изъ главныхъ улицъ, но часто случалось, что сидя подъ окномъ, я по получасу не видалъ ни одной живой души, исключая босыхъ мальчишекъ, бѣгавшихъ съ своими змѣйками. Случалось мнѣ проходить пѣшкомъ чрезъ весь городъ изъ конца въ конецъ и на всемъ этомъ пространствѣ встрѣтить человѣкъ десять, пятнадцать.

Въ Перми только три церкви: одна въ монастырѣ, другая соборная, третья приходская. Есть еще церкви — на кладбищѣ, въ больницѣ, въ тюремномъ замкѣ, въ квартирѣ епархіальнаго архіерея и старообрядческая. О церкви въ монастырѣ и ея мраморномъ иконостасѣ я уже говорилъ прежде: прибавлю здѣсь нѣсколько словъ объ иконахъ, въ ней находящихся. Въ холодной церкви онѣ очень обыкновенны, но въ теплой довольно замѣчательны: онѣ строгановскаго стиля и хотя не древни, но отличаются кра-

(*) Первыя девять статей «Дорожныхъ Записокъ» помѣщены въ «Отеч. Запискахъ», въ томахъ VI-мъ, VII-мъ (1839), XI-мъ, XII-мъ, XIII (1840), XV-мъ, XVIII-мъ (1841) и XX-мъ (1842).

сотами неподражаемыми. Особенно хороша икона св. евангелиста Іоанна: въ пурпуровой одеждѣ, этотъ святой, кажется, совсѣмъ выходитъ изъ золотаго поля иконы. Вмѣстѣ съ этимъ достоинствомъ живописи образъ этотъ не лишенъ и достоинствъ иконописи. Какой-то ревнитель итальянской живописи, поправляя эти иконы, положилъ на лица святыхъ румянецъ, и этимъ, разумѣется, испортилъ все дѣло. Церковь въ домѣ епархіальныхъ архіереевъ устроена недавно. Въ приходской церкви во имя Пресвятой Богородицы я встрѣтилъ нѣсколько устюжскаго стиля образовъ, довольно высокой работы. Малочисленность церквей въ Перми заставила прихожанъ позаботиться о распространеніи этой церкви: выломали въ ней стѣны, построили другія, оставя прежній куполъ, и увидѣли, что зданіе должно скоро развалиться. Не знаю, успѣли ли предупредить это несчастіе.

Такъ-какъ въ Перми много Поляковъ, то въ ней открытъ католическій костёлъ. Особаго зданія для него, впрочемъ, не существуетъ: онъ помѣщается въ одномъ изъ большихъ каменныхъ домовъ, находящихся на берегу Камы, и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе разрушающихся.

Городъ обстроенъ очень-незавидно: каменныхъ домовъ только 40, и изъ этого небольшаго количества едва-ли не 20 стоятъ пустыми. Большая часть ихъ находится на берегу Камы, на самомъ видномъ и на самомъ лучшемъ мѣстѣ города. Когда Пермь была основана, богатые владѣльцы окрестныхъ имѣній и заводовъ построили по одному или по два дома въ новомъ городѣ. Эти-то дома, принадлежащіе гр. Строганову, гр. Строгановой, Лазаревымъ, Яковлеву, Демидовымъ, кн. Голицынымъ и проч., никѣмъ кромѣ повѣренныхъ не заняты и, пустые, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе приходятъ въ ветхость. — Въ Перми встрѣтите и такіе каменные дома, которые, не бывъ еще достроены, развалились. Лучшее зданіе въ Перми — Александровская Больница; присутственныя мѣста и гимназія помѣщаются въ домахъ посредственныхъ, и, кромѣ этихъ домовъ, во всей Перми нѣтъ ни одного порядочнаго дома. — Гостиный дворъ самаго жалкаго вида: — онъ чрезвычайно сходенъ съ казанскимъ дегтярнымъ рядомъ.

Мостовыхъ въ городѣ нѣтъ, и отъ этого нѣкоторыя пермскія улицы въ ненастное время рѣшительно непроходимы: весною и лѣтомъ, во время дождей, по главной площади обыкновенно протекаетъ огромный ручей, который часто бываетъ похожъ на порядочную рѣчку. — Деревянные тротуары не приносятъ никакой пользы: опасно ступать на нихъ, потому-что легко можно отъ этого переломить ногу. — Фонарей на улицахъ въ Перми не знали и не знаютъ, и потому въ осенніе вечера пѣшеходамъ бываетъ довольно нелегко добираться до своихъ квартиръ. Лѣтомъ, въ Перми, площади и улицы обильно покрываются злаками, зимой снѣгомъ, счищать который не имѣютъ обыкновенія. Поэтому, по обѣимъ сторонамъ дорогъ образуются обыкновенно высокія снѣжныя стѣны, а площади покрываются огромнѣйшими сугробами. Снѣгу бываетъ каждый годъ въ здѣшней сторонѣ очень много, и потому въ Перми маленькіе домики, находящіеся близь поля, рѣшительно заносятся имъ; тогда-то на дворы ихъ пріѣзжаютъ и приходятъ *не въ ворота, а черезъ ворота*.

Разсматривая Пермь въ отношеніи промышленомъ, мы увидимъ, что и тутъ состояніе этого города едва-ли выгодно. Вся пермская промышленость ограничивается канатнымъ производствомъ на фабрикѣ купца Смышляева и кожевеннымъ — въ десяти банихъ, присвоивающихъ себѣ названіе заводовъ. Первое производство поддерживается единственно тѣмъ, что въ Перми производится грузка сибирскихъ товаровъ на суда для отправки въ Нижній-Новгородъ; вторымъ же болѣе занимаются выходцы изъ Кунгура — этого города, въ которомъ

всякій житель непремѣнно или кожевенникъ, или сапожникъ.

Торговля Перми также не въ завидномъ положеніи. Въ ней купеческихъ капиталовъ первой гильдіи только два, да еще 22 третьей гильдіи, живущихъ въ Перми; 1-й гильдіи—2 (муж. пола), 2-й гильдіи одинъ человѣкъ и 3-й семь человѣкъ. Десять человѣкъ составляютъ все купеческое сословіе! и гдѣ же? въ губернскомъ городѣ самой богатѣйшей русской губерніи...

Пермь—торговли съ другими городами не ведетъ.

Торговля въ Перми страдательная: вся она находится въ рукахъ вязниковскихъ ходебщиковъ, въ рукахъ аферей, поселяющихся въ Перми на время—впредь до обогащенія.

Вотъ въ короткихъ словахъ образъ пермской внутренней торговли:

Вязниковскій или гороховскій мальчикъ, неимѣющій на своей многолюдной, но малоземельной родинѣ хлѣба насущнаго, нанимается въ прикащики къ ходебщику съ книгами и краснымъ товаромъ. Выходивъ себѣ копеечку, онъ накупаетъ галантерейныхъ вещей и смѣло отправляется въ Пермь за вѣрнѣйшимъ барышомъ. Этотъ вѣрнѣйшій барышъ чрезвычайно-великъ. Обыкновенно Вязниковецъ покупаетъ галантерейныя вещи, вышедшія изъ употребленія. Прежде эти вещи продавались, положимъ, за 1,300 рублей съ лажемъ (*), т. е., за 1,000 ассигн., —но теперь онѣ залежались, и купецъ съ радостію продаетъ ихъ ходебщику за свою цѣну или даже и въ убытокъ себѣ, лишь бы только онѣ не занимали у него въ лавкѣ мѣста. Положимъ, онъ продаетъ все это за 975 р., т. е. за 750 рублей ассигнаціями. Этотъ товаръ онъ везетъ въ Пермь и продаетъ тамъ за-камскимъ «невѣгласамъ» за самый модный, за привезенный недавно изъ Парижа. «Въ Москвѣ» говоритъ Пермяку торговецъ: «заплатилъ я за этотъ товаръ 1,300 руб.; къ этому я прибавляю только 260 руб. Двадцать процентовъ, кажется, немного. Посудите сами: безъ малаго полторы тысячи верстъ я везъ товаръ этотъ, чтобъ вамъ продать его.» Пермякъ всѣмъ объёмомъ души своей обрадовался такой дешевизнѣ; онъ слыхалъ, что въ-самомъ-дѣлѣ эти вещи были въ модѣ и, не говоря ни слова, даетъ безкорыстному торговцу просимые имъ 1,560 руб. ассигнаціями. Торговецъ получаетъ такимъ образомъ на 750 руб. 810 руб. барыша. На будущій годъ онъ всѣ эти 1,560 руб. пускаетъ въ ходъ и получаетъ уже на нихъ около 1,600 р. барыша.

Такими аферами онъ лѣтъ въ семь составитъ себѣ капиталъ тысячь, поменьшой-мѣрѣ, въ 35 или 40; и тогда, поклонившись Пермякамъ, уѣзжаетъ на свою родину, или въ какой-нибудь торговый городъ, гдѣ заживаетъ себѣ, благодаря через-чуръ патріархальной простотѣ степныхъ жителей степенной Перми.

Лажъ, существовавшій въ Россіи, ни для какой другой губерніи не былъ такъ вреденъ, какъ для пермской, въ которой его не было (**). Всѣ товары, покупаемые торговцами въ Нижнемъ, или въ Москвѣ на серебро съ лажемъ, продавались въ Перми по казенному курсу, съ прибавленіемъ процентовъ за провозъ, и прочая. Чтобъ видѣть яснѣе, какимъ образомъ вязниковскіе торговцы наживались отъ Пермяковъ, представляю слѣдующую таблицу:

	Цѣна на Ярмаркѣ на асс.	Нижегородской или въ Москвѣ съ лажемъ.	Цѣна въ Перми съ прибавленіемъ 20% за провозъ и пр. на асс.	Барышъ на аршинъ или фунтѣ на ассигнаціи.
Сахару пудъ	30 р. 76 к.	40 р.	48 р.	17 р. 24 к.
Кофе фунтъ	1—22—	1—60	1—92	70—
Воску пудъ	46—15—	60—	72—	25—85—

(*) Это было писано еще въ 1839 году.

(**) Въ Перми и во всей Сибири никогда не было лажа. Только мелкая серебряная монета до четвертака включительно обращалась 4% выше настоящей цѣны.

Сукна аршинъ	20—	26—	31—20—	11—20—
Шелковой матеріи арш..	5—	6—50	7—80—	2—80—
Ситцу аршинъ...........	1—	1—30	1—56—	56—
Шампанскаго бутылка...	10—	13—	15—60—	5—60—

Пятьдесятъ-шесть копеекъ на рубль! Хорошо же умѣли наживаться пермскіе Вязниковцы!

Если покупатели жаловались на эти непомѣрные барыши и говорили, что купецъ долженъ продавать, напр., аршинъ сукна за 22 рубля, тогда послѣдній съ обычною своей ужимкою говорилъ: «Помилуйте-съ; въ Нижнемъ четыре рубля дороже того, что̀ вы изволите жаловать съ». — Да это съ лажемъ, а вы хотите взять безъ лажа.— «Потому-то я-и желаю взять безъ лажа, что въ Перми нѣтъ его». Что̀ вы будете съ нимъ дѣлать? а вещь нужна; цѣна ея во всѣхъ лавкахъ одинакова, и хочешь-не-хочешь, заплатишь за все цѣну непомѣрную. Не выписывать же изъ-за тысячи верстъ вещь, которая нужна сейчасъ!

При такомъ образѣ торговли возможно ли ея усовершенствованіе? можетъ ли Пермь сдѣлаться торговымъ городомъ? Конечно, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ ни капиталовъ, ни купеческаго сословія, а есть только торгаши, своими оборотами обирающіе добрыхъ, но несметливыхъ Пермяковъ.

Торговля не можетъ развиваться въ Перми и по причинѣ ея невыгоднаго положенія. Отъ-чего же Пермь основана? отъ-того, что мѣсто, на которомъ она построена, понравилось казанскому губернатору князю Мещерскому. Нужно было образовать главный городъ намѣстничества—и основали Пермь, которая есть не что иное, какъ колонія правительства. Другихъ побудительныхъ причинъ къ основанію Перми не было, да и быть не могло. Что же вышло? Образовался городъ, но купцовъ въ немъ не *было*; учредили въ немъ три годовыя ярмарки, но на нихъ ничего не стали привозить; отъ недостатка капиталовъ — явилось отсутствіе всякой промышлености. Кёппенъ весьма справедливо замѣтилъ, что въ Россіи города не могутъ быть признаваемы исключительно мѣстопребываніемъ промышлености, и что чаще учрежденіе ихъ зависитъ отъ потребности правительственной, отъ необходимости имѣть средоточіе для управленія какимъ-либо краемъ.

Все это было причиной того, что въ Перми нѣтъ постояннаго мѣстнаго общества, нѣтъ дворянъ, потому-что, немногочисленные, но зато богатѣйшіе изъ всѣхъ русскихъ помѣщиковъ, дворяне пермскіе, живутъ въ столицахъ. Нѣтъ купцовъ, потому-что въ Перми нѣтъ ни торговли, ни промышлености. Всѣ жители Перми состоятъ изъ служащихъ чиновниковъ, изъ Вязниковцевъ, прибравшихъ въ свои руки кое-какую торговлишку пермскую, изъ мѣщанъ и изъ военныхъ кантонистовъ. Мѣстное дворянство замѣняется небольшимъ числомъ *кондовыхъ* Пермяковъ, которые сначала были мѣщанами, при открытіи намѣстничества поступили на службу, дослужились до коллежскаго ассессора, приписались къ казанскому дворянству, за неимѣніемъ въ самой Перми дворянскаго депутатскаго собранія, и наконецъ, по оставленіи службы, остались доживать вѣкъ въ родномъ городкѣ своемъ.

Такова Пермь...

Но мы не кончили еще о торговлѣ: надобно будетъ сказать что-нибудь о ярмаркахъ пермскихъ. Въ Перми учредились три годовыя ярмарки. Проектъ положенія объ нихъ былъ даже соображенъ съ положеніемъ объ устройствѣ ярмарки нижегородской. Заговорили, зашумѣли въ тишинѣ пермской о новыхъ ярмаркахъ. Пермяки цѣлые два года только и толковали о томъ, ка̀къ ирбитская ярмарка теперь падетъ, да и нижегородской достанется. Ждали съ нетерпѣніемъ 9 мая — дня ярмарки. Онъ наступилъ: послѣ обѣдни отправились съ крестнымъ ходомъ къ гостиному двору; внутри его

отслужили молебенъ; — день былъ прекрасный, народу множество. Въ-самомъ-дѣлѣ, это было похоже въ миньятюрѣ на освященіе флаговъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ, торжественно совершаемое 15 іюля каждаго года. Разница была только въ томъ, что народа было въ Перми въ тысячу разъ менѣе противъ нижегородскаго, и еще въ томъ, что въ день освященія флаговъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ торговля начинаетъ уже свое кипучее движеніе, а Ока и Волга красуются тысячами судовъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными флагами; на Камѣ же виднѣлась

Только лодочка косная,

на которой переѣзжали лѣсники въ пустынные лѣса за дровами. Но между-тѣмъ ярмарка началась. Привезли рублей на 200 каменной посуды, а Вязниковцы, торгующіе обыкновенно снаружи гостинаго двора, перешли съ своими товарами въ его внутренность. Флагъ взялъ — товаровъ не было. Вязниковцы, наскучивъ торговать внутри гостинаго двора, перешли на обычныя мѣста своя—ярмарка кончилась. Наступило время другой ярмарки—та же исторія; пришелъ и третій срокъ—опять то же. И ярмарки пермскія стали щаствовать только по имени. Такъ существуютъ онѣ и до-сихъ-поръ...

Улучшеніе пермскихъ фабрикъ едва-ли возможно. Причиною этого можно считать существованіе ирбитской ярмарки. Эта ярмарка, едва-ли не третья въ Россіи, находясь близь Перми, значительно подрываетъ ея торговлю. Торговый Кунгуръ съ довольно-обширною ярмаркою находится только верстахъ въ 90 отъ Перми, въ окрестностяхъ которой и сельскихъ ярмарокъ множество. Все это служитъ сильнымъ противодѣйствіемъ къ развитію и усовершенствованію ярмарокъ пермскихъ. Скажутъ: Пермь на Камѣ, на такой большой рѣкѣ!... На это отвѣчаю: еслибъ желѣзные и соляные караваны, идущіе въ Нижній, суда съ китайскими товарами, которыхъ часть грузится въ Перми, да коломенки съ сарапульскимъ хлѣбомъ, который везутъ въ безплодную Чердынь — еслибъ всѣ эти суда, въ срочное время разъ въ годъ, не оживляли Камы, тогда бы эта огромная, но пустынная рѣка имѣла совершенное сходство съ Обью, Енисеемъ, Леною, Колымою и пр. Кама только въ древности видѣла на берегахъ своихъ мѣста торговыя — нынѣ она не видитъ ихъ. И потому-то рѣка эта не можетъ для Перми сдѣлать ничего больше того, что она сдѣлала. А сдѣлала она Пермь мѣстомъ грузки части китайскихъ товаровъ, отправляемыхъ на нижегородскую ярмарку. И то еще хорошо. Если бы не Нижній, плохо бы было Перми!

Прежде нежели мы скажемъ о просвѣщеніи въ Перми, взглянемъ на состояніе просвѣщенія въ Пермской Губерніи и сравнимъ его съ просвѣщеніемъ въ прочихъ восьми губерніяхъ, составляющихъ Казанскій Учебный Округъ, и съ 1827 имѣющихъ право гордиться своимъ просвѣщеніемъ, развитымъ въ нихъ попечителемъ округа, М. Н. Мусинымъ - Пушкинымъ. Этому попечительному хозяину учебныхъ заведеній Казанскаго Округа, восточная часть Европейской Россіи обязана настоящимъ просвѣщеніемъ и слѣдовательно улучшеніемъ быта общественнаго и частнаго. По справедливости можно сказать, что исторія просвѣщенія Россіи съ благодарностію будетъ вспоминать имя этого мужа, на ряду съ именами другихъ, славою которыхъ уже и теперь полна Россія.

Въ составъ Казанскаго Учебнаго Округа, кромѣ Пермской Губерніи, входятъ еще Казанская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская и Вятская. Изъ нихъ Пермская Губернія занимаетъ первое мѣсто по числу учащихся. Сравнительное состояніе просвѣщенія въ восточной части Европейской Россіи можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (*).

(*) Она основана на оффиціальныхъ извѣстіяхъ за 1840 годъ. Университетъ Казанскій, какъ невходящій въ составъ округа, здѣсь не былъ принятъ къ соображенію.

Губерніи:	Пространство въ квадратныхъ миляхъ.	Число жителей мужескаго пола.	Число учебныхъ заведеній подъ вѣдомствомъ М. Н. П.	Число вышедшихъ учениковъ изъ училищъ въ 1839 году.	Число вышедшихъ учениковъ изъ училищъ съ аттестатами.
Пермская.........	5997	707,728	33. Кромѣ того находится много школъ другихъ вѣдомствъ; общее число ихъ можно положить около 50.	720	300
Казанская........	1100	607,306	40. Съ Первой Гимназіей и частными пансіонами.	659	180
Нижегородская..	870	516,309	21	335	94
Симбирская......	1298	600,726	17	408	159
Пензенская.......	708	485,621	16	432	206
Саратовская......	3752	770,085	14	423	52
Астраханская....	4129	114,800	8	190	56
Оренбургская....	5549	851,385	18	357	147
Вятская...........	2683	720,473	26	628	282

Изъ этого мы видимъ, 1) что Пермская Губернія по количеству учащихся занимаетъ первое мѣсто изъ восточныхъ европейскихъ губерній. Къ 1 января 1840 года въ учебныхъ заведеніяхъ этой губерніи было 2144 человѣка, а въ нынѣшнее время, по причинѣ открытія нѣсколькихъ приходскихъ училищъ и умноженія во всѣхъ заведеніяхъ учениковъ, число это возросло болѣе нежели до 2500 человѣкъ. Если же присоединить къ сему числу число учащихся въ семинаріи и въ другихъ духовныхъ училищахъ, въ Училищѣ Дѣтей Канцелярскихъ Служителей, въ школахъ при казенныхъ заводахъ, зависящихъ отъ Министерства Финансовъ, и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ,— тогда все число учащихся въ Пермской Губер-

Общее число учениковъ.	Число учениковъ. Изъ дворянъ и чиновниковъ.	Изъ мѣщанъ и купцовъ.	Изъ крестьянъ и разночинцевъ.	Отношенія. Учащихся къ числу жителей.	Учебныхъ заведеній къ числу учащихся.	Числа учащихся къ пространству.	Отношеніе всѣхъ выбывшихъ учениковъ къ числу учащихся.	Отношеніе выбывшихъ съ аттестатами къ числу учащихся.
2144	271	550	950	1:330	1:65	1—на $2^{4}/_{5}$ к. м.	1:3	1:7
2083	473	624	458	1:292	1:52	2 — на 1 к. м.	1:3	1:11
1120	210	320	305	1:461	1:53	$1^{1}/_{3}$ на 1	1:3	1:12
1173	235	256	349	1:512	1:70	1 — на $1^{1}/_{10}$	1:3	1:7
2113	391	436	409	1:230	1:132	3 — на 1	1:5	1:10
1413	285	538	136	1:545	1:101	1 — на 3	1:3	1:27
592	130	291	79	1:194	1:74	1 — на 7	1:3	1:10
995	348	224	304	1:846	1:55	1 — на $5^{1}/_{2}$	1:3	1:6
1596	245	781	278	1:451	1:61	1 — на $1^{1}/_{2}$	1:3	1:5

ніи будетъ болѣе нежели 3500 человѣкъ. 2) Что отношеніе учащихся къ пространству и къ числу жителей Пермской Губерніи представляетъ результаты весьма благопріятные. При этомъ случаѣ должно обратить вниманіе на огромное пространство Пермской Губерніи, на множество земель незаселенныхъ и на большое количество жителей, которымъ, при ихъ гражданственности, просвѣщеніе еще не доступно (Пермяки, Вогулы, Башкиры и даже Татары). Еслибы не было этого, Пермская Губернія представлялась бы еще болѣе съ выгодной стороны, въ отношеніи просвѣщенія. 3) Что ни въ одной восточной губерніи Европейской Россіи просвѣщеніе такъ не распространяется между низшими классами народа, какъ въ Пермской. Это зави-

онтъ отъ-того, что въ этой губерніи находится много приходскихъ училищъ, существующихъ съ цѣлію распространить если не образованіе, то по-крайней-мѣрѣ грамотность между низшими классами народа. Изъ губерній, составляющихъ Казанскій Учебный Округъ, больше всего учащихся изъ дворянъ въ Пензенской, изъ средняго сословія въ Вятской, а изъ низшаго сословія въ Пермской Губерніи. 4) Что число окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ Пермской Губерніи представляетъ также довольно-утѣшительные результаты.

Замѣчу при этомъ случаѣ, что между жителями Пермской Губерніи охота учиться весьма ощутительна. Учебныя заведенія ея всегда полны, и число грамотныхъ въ ней едва-ли не больше противъ другихъ великороссійскихъ губерній. Не вышло пока изъ ея жителей ни геніальныхъ поэтовъ, ни геніальныхъ ученыхъ, но все-таки Пермь можетъ похвалиться тѣмъ, что она была родиною А. Ѳ. Мерзлякова, незабвеннаго профессора Университета Московскаго.

Въ Перми, изъ учебныхъ заведеній находится: гимназія, уѣздное училище по методѣ Ланкастера, семинарія, Училище Дѣтей Канцелярскихъ Служителей и Школа Военныхъ Кантонистовъ. Близь города на Мотовилихинскомъ казенномъ Заводѣ есть горная школа.

Въ гимназіи бываетъ около ста человѣкъ учащихся. Большая часть оканчивающихъ въ ней курсъ остаются въ Пермской Губерніи на службѣ; нѣкоторые поступаютъ для дальнѣйшаго образованія въ Казанскій Университетъ. При гимназіи находится библіотека и кабинеты физическій и минералогическій. Въ библіотекѣ находится около 2000 книгъ, и въ томъ числѣ нѣсколько весьма замѣчательныхъ библіографическихъ рѣдкостей, рукописей и дорогихъ увражей. Изъ нихъ замѣчательны «Атласъ Пермскаго Намѣстничества» съ планами предполагаемыхъ городовъ и описаніями, составленный въ 1781, какъ проектъ; подлинное привѣтствіе Евреевъ, поднесенное Императрицѣ Екатеринѣ II, -нѣкоторыя другія.— Желательно было бы, чтобъ кто-нибудь описалъ библіографическія рѣдкости этой библіотеки.—Много книгъ было пожертвовано бывшимъ пермскимъ генерал-губернаторомъ Модерахомъ во время открытія главнаго народнаго училища.— Физическій кабинетъ необширенъ. Въ немъ производятся метеорологическія наблюденія, прежде отправлявшіяся въ Академію Наукъ. Минералогическій кабинетъ состоитъ изъ штуфовъ, собранныхъ въ богатой минералогія Пермской Губерніи.—Надобно отдать должную справедливость В. І. Антропову, бывшему лѣтъ шесть тому назадъ директоромъ училищъ Пермской Губерніи. Ему, какъ гимназія, такъ и подвѣдомственныя ей училища обязаны своимъ прекраснымъ устройствомъ. Признательные Пермяки и до-сихъ-поръ вспоминаютъ этого достойнаго хозяина пермскихъ учебныхъ заведеній. — Въ Училищѣ Дѣтей Канцелярскихъ Служителей учащихся бываетъ около 30 человѣкъ.—Кончившіе въ немъ курсъ занимаютъ должности канцелярскихъ служителей въ Губерніяхъ Пермской и Вятской.

Въ Перми находится публичная библіотека для чтенія. Она помѣщается при Училищѣ Дѣтей Канцелярскихъ Служителей. Библіотека бѣдная: въ ней не болѣе 400 книгъ, и въ томъ числѣ немного хорошихъ. Вновь выписывается очень мало—почти ничего. Читателей почти нѣтъ. Въ домахъ случается видѣть книги изъ ильинской библіотеки, привезенныя изъ-за ста верстъ.

Пермское общество состоитъ, какъ я замѣтилъ уже, изъ заѣзжихъ чиновниковъ. Это общество щепетильно, имѣетъ большія претензіи на вкусъ и на образованіе, многіе дерзаютъ и на ученость. Прежде, нежели начну я характеризовать это общество, скажу, что и въ немъ есть прекрасныя исключенія: и въ Перми вы найдете людей, съ которыми не скучно провести

время, которые имѣютъ вѣрный взглядъ на вещи, хорошо образованы; но ихъ немного, къ-сожалѣнію...

Я уже не разъ замѣчалъ о радушномъ гостепріимствѣ пермскихъ жителей. Надобно имъ отдать въ этомъ отношеніи справедливость. Точно ни въ одномъ краю нашей обширной Россіи, исключая развѣ Сибири, вы не найдете такого радушія. Пріѣзжайте въ Пермь, и хоть вы не имѣете тамъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, но будете всякимъ приняты и обласканы какъ-нельзя-лучше. Въ каждомъ домѣ васъ примутъ какъ роднаго, попросятъ жаловать почаще, быть какъ дома,—и ходите къ этимъ ласковымъ людямъ хоть каждый день — вы не наскучите имъ, васъ всегда будутъ принимать съ радушіемъ. Этикетной взыскательности здѣсь не знаютъ, и въ Перми необременительны ни визиты, ни пріемы гостей.

Зововъ въ Перми не любятъ; ѣздятъ другъ къ другу больше запросто. Зато ужь если Пермякъ расходится да задастъ пиръ званый, тутъ у него послѣдняя копейка пойдетъ ребромъ. Вы явитесь на званый пиръ: сначала угостятъ васъ чаемъ по сибирской пропорціи, т. е. елико возможно больше; потомъ, самъ хозяинъ сдѣлаетъ вамъ пуншъ съ прибавленіемъ необыкновеннаго количества бордосской водки. Дѣлать искусно пуншъ считается въ Перми важнымъ достоинствомъ. Вслѣдъ за пуншемъ вамъ подадутъ карточку: отъ игры отговариваться нельзя: это стихія пермской жизни. Пермякъ умнѣе всего за карточнымъ столомъ. Играть въ бостонъ (вистъ въ Перми мало употребителенъ) со всевозможными колоннами и кодилями вы должны непремѣнно отъ шести часовъ пополудни до двухъ пополуночи. Въ-продолженіе игры васъ запоятъ наливками многоразличныхъ сортовъ и качества. Кромѣ обыкновенныхъ въ Россіи малиновокъ, рябиновокъ и пр., васъ поподчуютъ чисто сибирскими — княженикоокой, облѣпихой, и нѣкоторыми другими. Подадутъ десертъ, состоящій изъ вареній и яблокъ, которыя здѣсь не такъ обыкновенны, какъ въ другихъ частяхъ Россіи. Апельсиновъ бываетъ въ Перми мало, винограда еще меньше, персиковъ, абрикосовъ, ананасовъ, кажется, совсѣмъ не знаютъ. Начиная съ девяти часовъ до двухъ, вамъ нѣсколько разъ подадутъ нѣсколько карафиновъ разнообразныхъ водокъ и домашнихъ закусокъ. Въ два часа позовутъ васъ ужинать, и вотъ когда всѣ гости, по выраженію чешскаго поэта,—

За предолги столы сѣли
Каждый по своему *чину* (*).

Тогда начнутъ подавать одно за другимъ едвали не тысячу и одно кушанье. Безъ шести холодныхъ, безъ шести соусовъ, безъ шести жаркихъ и безъ пяти *хлѣбенныхъ* въ Перми столъ не столъ. Изъ числа блюдъ, явятся и національные перьмени или пельяны, въ разныхъ видахъ, т. е. вареные, печеные, жареные, и пр. При каждой перемѣнѣ блюдъ подадутъ вамъ рюмки по двѣ вина — мадеры, портвейна (это любимое вино Пермяковъ), хереса. Здѣсь употребляютъ все такія вина, которыя, по выраженію Марлинскаго, ближе къ цѣли: марго, лафитъ, сотернъ стоятъ на столѣ только *для* близира, и до нихъ никто не дотрогивается. Не выпить обычной рюмки вина—значитъ обидѣть хозяина: онъ будетъ передъ вами кланяться, упрашивать, а если вы съ нимъ коротки, то даже и «штучку отольетъ»; такъ, напримѣръ, приставитъ къ вамъ двороваго мальчика, который скажетъ вамъ *сказку про бѣлаго быка*. Эта дѣтская шутка здѣсь имѣетъ свое примѣненіе къ главному пункту пермской жизни—гостепріимству; мальчикъ подойдетъ къ вамъ, станетъ за стуломъ и спроситъ: «Сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка?» Если вы скажете «нѣтъ», онъ вамъ отвѣчаетъ: «Вы говорите нѣтъ, я говорю нѣтъ, сказать ли вамъ сказку про бѣлаго быка?» Вы замолчали—не-

(*) Rucop. Kralodworský въ пьесѣ Ludise a Lubor.

отвязчивый мальчишка говоритъ: «Вы молчите и я молчу» и пр. Все это возбуждаетъ общій смѣхъ и непритворное веселье гостей, а вы все-таки до-тѣхъ-поръ не освободитесь отъ бѣлаго быка, пока не выпьете рюмки, вамъ предлагаемой. Такимъ образомъ васъ заставятъ выпить рюмокъ десять вина самаго крѣпкаго, которое иногда даже нарочно разбавляютъ съ ромомъ «для-ради вящшей крѣпости». И такъ пьютъ всѣ. Вздумайте же вы вмѣсто всѣхъ этихъ ужасныхъ рюмокъ налить и выпить полстакана сотерна — васъ прозовутъ пьяницей. Именно ужь правду говорятъ: чтò городъ, то норовъ, чтó деревня, то обычай, чтò селенье, то повѣрье.

Но вотъ подали первое жаркое и начинаютъ щедрою рукою разливать шампанское. Пьютъ его и за столомъ и послѣ стола. Какихъ тостовъ не бываетъ при этомъ случаѣ! пьютъ и здоровье всѣхъ православныхъ христіанъ, и здоровье всего рода человѣческаго... Провозглашаютъ ли тостъ за здоровье кого-нибудь близкаго хозяину, онъ отвѣчаетъ: «Врешь, мое здоровье двадцать-пятое, пей за другихъ»; все заключается питьемъ ликёра и снова начинающейся игрою въ карты.

Таковы пермскіе балы...

Въ Перми бываютъ и собранія, въ Перми и кадриль танцуютъ и мазурку *откалываютъ*. Ужь именно «откалываютъ». Полъ стучитъ, пыль вьется столбомъ отъ каблуковъ ловкихъ кавалеровъ. Таковыя веселости бываютъ въ домѣ благороднаго собранія. За то какъ веселятся! вотъ ужь на распашку веселятся!

Собранія бываютъ рѣдко. Балы иногда довольно-сносны, и бывающіе въ домѣ канцелярскаго училища даются еще рѣже. За то у *аристократовъ* (!) пермскихъ разобраны дни. Сегодня играютъ въ карты и пируютъ у одного, завтра у другаго и т. д.—у каждаго въ недѣлю разъ. У богатыхъ собираются и по два раза въ недѣлю.

Лѣтомъ пируютъ каждый праздникъ съ утра до вечера на заимкахъ. Заимка есть родъ дачи, устроенной близь города.—Часто катаются на лодкахъ по Камѣ, дѣлаютъ пикники. Весело живутъ—припѣваючи.

Театровъ и другихъ представленій не знаютъ.

Наряды въ Перми неизъисканны; впрочемъ, картинки журнальныя и здѣсь соблазняютъ дамъ и дѣвицъ.—За то наряды дамскіе здѣсь не такъ убыточны, какъ въ другихъ мѣстахъ: въ Перми, дама, съѣздивъ одинъ разъ на балъ, не броситъ новаго платья, но выѣзжаетъ въ немъ еще нѣсколько разъ, даже до-тѣхъ-поръ, пока оно не износится совершенно. Этимъ вознаграждается дороговизна матерій, употребляемыхъ для дамскихъ нарядовъ. Дороговизна необыкновенная: аршинъ тюля средственной доброты стòитъ въ Перми 8 руб., аршинъ атласа 10 руб. асс.—Впрочемъ, пермскія красавицы чрезвычайно-рѣдко одѣваются въ тюль, въ атласъ и въ бархатъ; дешевенькая кисея, за штуку которой платятъ рублей 15–20 ассигнаціями, считается щегольскою матеріей. Безвкусіе и здѣсь замѣтно: не рѣдко можно встрѣтить въ пермской гостиной даму въ какомъ-нибудь красномъ платьѣ съ бѣлыми или зелеными фалбораии, или въ зеленомъ платьѣ съ желтымъ шарфомъ — настоящая яичница съ лукомъ! Въ Перми и на прекрасный полъ карты имѣютъ сильное вліяніе: по шести и по восьми часовъ не выходятъ изъ-за карточнаго стола не только дамы и перезрѣлыя дѣвы, которыхъ и въ Перми не оберешься, но даже и *барышни-невѣсты*, которыя тоже возъигрываютъ въ бостонъ. Хорошо играть въ карты — неоцѣненное достоинство для Пермяка. Тринадцать въ сюрахъ—есть высочайшее блаженство...

Въ Перми, какъ водится, и гулянья публичныя есть: есть place parade, поросшій травою; здѣсь гуляютъ лѣтомъ по изломаннымъ троттуарамъ

и съ восхищеніемъ слушаютъ гарнизонную музыку, восхищаются барабаномъ. Есть бульваръ, совершенно заброшенный, съ ротондою, грозящею гуляющимъ своимъ паденіемъ; въ этомъ мѣстѣ бываетъ народное гулянье въ троицынъ-день: качели, винная выставка, пестрый людъ, пьяныя толпы—вотъ предметы, встрѣчающіеся на этомъ гуляньѣ. Въ другое время года поздно вечеромъ по бульвару ходить недолжно...

Говорятъ всѣ и вездѣ по-русски. Французскаго словечка, увы, не услышите въ пермскихъ гостиныхъ! Пермяки, побуждаемые патріотизмомъ, говорятъ, что они не говорятъ по-французски отъ-того, что считаютъ это унизительнымъ *для* Русскихъ. Заговорите съ кѣмъ вамъ угодно по-французски, всякій отпуститъ вамъ слѣдующую фразу, которую сочинили въ Перми, и которую знаетъ наизусть всякій Пермякъ, даже и не умѣющій *a* отъ *b* отличить: *Je parle en française avec les étrangers*, скажетъ онъ жемаясь и вывертывая свою голову:—*qui ne peuvent parler en russe, mais... mais parler en française avec les Russes...* При семъ случаѣ Пермякъ замнётся и отойдетъ отъ васъ съ торжествующимъ видомъ.—Хорошо, прекрасно было бы, еслибъ все это происходило отъ энтузіастическаго патріотизма, но вотъ бѣда—всякій Пермякъ, а еще болѣе всякая хорошенькая Пермячка, и полепетала бы франсé, да не умѣетъ... Французскихъ учителей въ Перми нѣтъ, книгъ французскихъ нѣтъ... Что прикажете дѣлать? И радъ бы въ рай, говоритъ пословица, да грѣхи не пускаютъ. За то ужь вышеприведенную фразу въ Перми всякій, всякая и всякое проговоритъ вамъ незапнувшись. Чудна Пермія!

Что еще сказать о пермскихъ жителяхъ?.. Да, кстати объ языкѣ. По-русски здѣсь говорятъ не перемѣняя *о* на *а*; замѣчательно, что во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, гдѣ говорятъ вмѣсто *о*—*а*, противный этому выговоръ называютъ *свысока*, а въ Перми говорить свысока—значитъ говорить по московскому нарѣчію. Другая замѣтная въ Перми особенность языка состоитъ въ томъ, что всѣ говорятъ речитативомъ, и притомъ послѣднее слово рѣчи поютъ. Это чрезвычайно-непріятно для слуха, а особенно если слышишь говорящими такъ людей высшаго класса. Много употребляется въ Перми словъ особенныхъ. Не могу всѣхъ перечислить, но предлагаю здѣсь нѣкоторыя: *шаньга*—родъ ватрушки; *глохтить*—пить; *заимка*—дача; *угобзить*—поставить кого-нибудь въ непріятное положеніе (говорится во время карточной игры); *бардадымъ*—трефовый король; *баской*—хорошій; —*ланской*—прошлогодній; *бусой*—дымчатый; *робить*—дѣлать, работать; *бахилы*—широкіе сапоги; *шугай*—верхнее платье женщинъ, душегрѣйка; *шугать*—пугать; *балакирь*—горшокъ, въ которомъ держатъ молоко; *отятой*—проклятой, чортъ; *шатунъ*—бродяга, чортъ; *крещеный*—Русскій, православный; *кержакъ*—раскольникъ; *голубецъ*—приступокъ у русской печи; *знать*—видно; *казаматъ*—неблагопристойный домъ; *утресь*—утромъ, и многія другія. Изъ нихъ нѣкоторыя я замѣчалъ прежде.

На иныхъ словахъ дѣлаются неправильныя ударенія—*пéреворотъ* и др.; въ дѣйствительныхъ глаголахъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени втораго и третьяго лицъ единственнаго и перваго и втораго множественнаго числа—опускаютъ букву *е*, на-прим. *знашь*, *знатъ*, *знамъ*, *знате; дѣлашь*, *дѣлатъ*, *дѣламъ*, *дѣлате* и проч. т. п.

Образованность большей части пермскихъ жителей заслуживаетъ особеннаго вниманія. Эти сужденія о наукахъ и въ особенности о бѣдной русской литературѣ, эти приговоры всему непонятному налагаютъ странный отпечатокъ. Тамъ судятъ о наукахъ по-своему: безсвязный разсказъ о мелочныхъ происшествіяхъ они называ-

ютъ исторіей, рядъ числъ—статистикой, а реторику—основой просвѣщенія. Для нихъ скученъ Вальтеръ Скоттъ; они не читаютъ Лажечникова, а иныя прочія произведенія мелочной литературы они считаютъ за chef d'oeuvre искусства. Толстыхъ журналовъ не любятъ, газетный листокъ доставляетъ имъ несказанное удовольствіе; Московскимъ Вѣдомостямъ они покланяются какъ идолу. Прибавленія къ этимъ Вѣдомостямъ доставляютъ имъ сюжеты для разговоровъ на цѣлую недѣлю, до слѣдующей почты. — Иностранной литературы не слѣдятъ: во всемъ городѣ не выписывается ни одного листка на языкѣ чужеземномъ. Лежатъ, правда, на столахъ у нѣкоторыхъ пермскихъ фешенеблей томы Гюго и Дюма, но ни кѣмъ не читаются. Карты, карты и карты—онѣ важнѣе литературы!

Впрочемъ, есть въ Перми и литераторы-псевдонимы, которые видали свои сочиненія напечатанными. Здѣсь подъ словомъ «псевдонимъ» я разумѣю не такого литератора, который подъ своимъ сочиненіемъ подписываетъ чужое имя, а такого, который подъ чужимъ подписываетъ чётко свою фамилію.

Изъ пермской типографіи, кромѣ губернскихъ вѣдомостей, изрѣдка выходятъ особыя сочиненія. Такъ, напр., въ 1804 году вышло «Хозяйственное Описаніе Пермской Губерніи» Н. Попова, въ двухъ томахъ in folio. Оно было послѣ перепечатано въ Петербургѣ, но первое изданіе составляетъ нынѣ большую рѣдкость. Въ 1832 напечатана была книжка «Краткое Статистическое Обозрѣніе Пермской Губерніи», со многими любопытными данными, но написанная языкомъ ужаснымъ (*).

Еще одна особенность пермской жизни — перьмени. Эти маленькіе, изъ пшеничной муки сдѣланные пирожки съ свининой играютъ важную роль въ Перми. Названіе свое они получили отъ-того, что имѣютъ форму уха, а попермяцки *пэль* значитъ ухо — *нянь* хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ въ видѣ уха составляетъ любимѣйшее кушанье Пермяковъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, перьмени очень вкусны — въ Перми они едва ли не лучше всего прочаго. Особенно въ заговѣнье и въ розговѣнье потребляется необъятное количество перьменей. Свинина рубится на деревянныхъ доскахъ, и одинъ проказникъ высчиталъ, что въ заговѣнье въ одной Перми православные вмѣстѣ съ перьменями съѣдятъ непремѣнно четыре полѣна дровъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если вы пойдете пѣшкомъ вечеромъ въ заговѣнье по пермскимъ улицамъ, въ каждомъ домѣ услышите стукъ ножа, которымъ рубятъ свинину для перьменей. Всѣ, не исключая и высшихъ, часто зовутъ къ себѣ гостей на *перьмени*. Въ такомъ случаѣ почти весь столъ состоитъ изъ перьменей. Ѣдятъ ихъ вареные съ уксусомъ, ѣдятъ перьмени подъ соусомъ, перьмени жареные, и прочая, и прочая. Это кушанье имѣетъ большое вліяніе на семейную жизнь Пермяковъ. Сколько составилось свадебъ, сколько людей влюблялось, дружилось, ссорилось, мирилось — за перьменями!

Жить въ Перми дешево. За квартиру, состоящую въ особомъ флигелѣ, съ семью комнатами, особой кухней и прочими хозяйственными службами я платилъ по 25 рублей въ мѣсяцъ. Ржаной хлѣбъ въ 1839 былъ цѣною около одного рубля ассигнаціями за пудъ; всѣ прочія жизненныя потребности также дешевы: пара рябчиковъ въ дешевую пору продается за 18, а въ дорогую за 40 копеекъ ассигнаціями. За то ужь предметы роскоши, и вообще товары привозные—дороги непомѣрно.

Въ Перми живутъ тихо, безмятежно. Рѣдко нарушается ея спокойствіе. Пермяки добрые граждане, патріоты. До-сихъ-поръ сохраняются въ памяти ихъ два случая, сдѣлавшіеся эпохами въ исторіи Перми: посѣщеніе Перми Императоромъ Александромъ-Благо-

(*) Въ 1841 году, это сочиненіе было кѣмъ-то выглажено, вычищено и явилось на страницахъ одного русскаго журнала съ подписью *Никольскій*.

словеннымъ въ 1824 году, и посѣщеніе этого города Государемъ Цесаревичемъ Наслѣдникомъ престола русскаго — Александромъ Николаевичемъ.

Покойный Императоръ около трехъ дней былъ въ Перми. Кому не памятенъ, кому не извѣстенъ ангельскій характеръ этого умирителя Европы! Кто не знаетъ о его улыбкѣ, привлекавшей къ нему сердца, не только всѣхъ многочисленныхъ его подданныхъ, но даже и иностранцевъ, видѣвшихъ въ немъ не отца, какъ Русскіе, но только великаго человѣка! Разскажу здѣсь о двухъ случаяхъ, доказывающихъ благочестіе и добродушіе незабвеннаго Александра. Первый изъ нихъ, кажется, еще не извѣстенъ всѣмъ, о второмъ же гдѣ-то писали.

Когда Императоръ ѣхалъ въ Пермь, онъ остановился для перемѣны лошадей въ селѣ Дубровскомъ (Оханскаго Уѣзда Пермской Губерніи). Священникъ села этого, восьмидесяти-лѣтній старецъ, жизни благочестивой, въ полномъ облаченіи съ святымъ крестомъ въ рукахъ дожидался повелителя мильйоновъ на церковной паперти. Царь земной пошелъ въ храмъ поклониться Царю Небесному. Священникъ, убѣленный лѣтами, стоялъ на порогѣ церкви, и какъ-скоро увидѣлъ Императора — смутился, рука его, державшая крестъ, задрожала. Слезы градомъ потекли изъ очей его, когда онъ увидѣлъ Государя и дрожащимъ голосомъ онъ тихо началъ читать: *Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣста очи моя*, и прочая. Государь, услышавъ послѣднія слова молитвы Симеона Богопріимца, взглянулъ съ ангельскою улыбкой на почтенное лицо старца и, приложась къ поднесенному имъ кресту, поцаловалъ руку достойнаго служителя алтаря Божія. Старецъ еще болѣе смутился, слезы умиленія текли по ланитамъ его... До того былъ пораженъ священникъ этимъ поступкомъ благочестиваго христіанина-Царя, что онъ до самой смерти своей ни о комъ болѣе не говорилъ, кромѣ Александра, цаловалъ руку свою, которой коснулись царственныя уста. Черезъ годъ достигла до него страшная вѣсть: Александра Павловича не стало. Священникъ съ воплемъ совершилъ панахиду по душѣ Его и — вскорѣ самъ отошелъ туда, куда былъ призванъ Александръ отъ земнаго своего поприща.

Этотъ примѣръ благочестія и снисходительности Царя русскаго до-сихъ-поръ живетъ въ памяти жителей пермскаго края.

Другой примѣръ снисходительности Императора: когда онъ пріѣхалъ въ Пермь, тотчасъ же отправился въ квартиру епископа Іустина. Этотъ Іустинъ, сперва жившій долго въ Венеціи, былъ епархіальнымъ архіереемъ Пермской Епархіи. Достигнувъ глубокой старости, онъ уволенъ былъ на покой и жилъ среди бывшей паствы его. Императоръ отправился къ нему безъ свиты, и когда вошелъ въ комнаты старца, епископъ принялъ его сначала за свитскаго генерала, но вскорѣ увидѣлъ свою ошибку и съ слезами умиленія благословилъ Благословеннаго.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ Государь.

—Старость чувствую, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ старецъ.

— Довольны ли вы? какъ вы живете?

— Отъ щедротъ Вашего Величества я получаю пенсію, и суммы, получаемой мною, достаточно для старика.

— Не обезпокоилъ ли я васъ нежданнымъ, быть-можетъ, посѣщеніемъ?

— Счастіе лицезрѣть священную особу моего Государя пролило цѣлительный бальзамъ въ душу мою. Теперь я умру спокойно.

Довольно-долго бесѣдовалъ съ Іустиномъ Императоръ и потомъ поѣхалъ осматривать городъ.

Въ память посѣщенія Перми Императоромъ Александромъ, въ этомъ го-

родѣ устроила больницу Александровскую — лучшее зданіе города. Это богоугодное заведеніе служитъ здѣсь памятникомъ Царя Богу-угоднаго.

Другой Александръ посѣтилъ Пермь лѣтомъ 1837 года. Пламенное желаніе видѣть надежду Россіи, первенца Царя православнаго, собрало многочисленныя толпы жителей. Пермь ожила кипучею жизнію. Желаніе народа пермскаго наконецъ осуществилось: Наслѣдникъ удостоилъ Пермь своимъ посѣщеніемъ. Онъ съ заботливостію осматривалъ городъ, внимательно вникалъ во всѣ подробности, посѣтилъ присутственныя мѣста, гимназію, богоугодныя заведенія. Восхищенный народъ день и ночь стоялъ предъ низенькими окнами небольшаго дома губернаторскаго, въ которомъ останавливался Цесаревичъ... Но къ-чему это описывать? Кто не знаетъ, какъ мы Русскіе смотримъ на Царей нашихъ и дѣтей ихъ; кто не чувствовалъ изъ насъ того высокаго чувства восхищенія, которое овладѣваетъ Русскимъ, когда онъ смотритъ на Царя или сына Царева! Только Русскіе Царя своего зовутъ — *Богомъ земнымъ*.

Величественно было зрѣлище, когда Государь Наслѣдникъ изволилъ кататься въ нарочно для сего устроенномъ катерѣ по рѣкѣ Камѣ. Почти всегда пустынная рѣка оживилась. Тысячи мелкихъ лодокъ, въ которыхъ сидѣли Пермяки въ своихъ праздничныхъ одеждахъ, кружились вокругъ катера, въ которомъ сидѣлъ Александръ. Громкое «ура» слышно было и съ берега и на Камѣ; все было весело, все было живо. Народъ ликовалъ...

Грустно было Пермякамъ провожать своего драгоцѣннаго гостя. Это чувство тоже всѣмъ намъ знакомо. Видишь какую-то тягостную пустоту въ городѣ, изъ котораго уѣхалъ Высокій Посѣтитель, чувствуешь какую-то особенную грусть въ душѣ и самую природу видишь въ какомъ-то тускломъ свѣтѣ... Благословенія сыпались на уѣхавшаго Наслѣдника, который и послѣ отъѣзда изъ Перми благотворилъ ея жителямъ: розданы были значительныя суммы въ пособіе неимущимъ...

Чѣмъ заключить описаніе Перми?... Развѣ сказать нѣсколько словъ вообще о ея характерѣ. Пермь — городокъ порядочный, но безжизненъ, торговли и промышлености въ немъ почти нѣтъ, грамотности много, образованности не бывало. Его жители радушны, гостепріимны, добры, довольно странны; между ними, какъ обыкновенно водится, есть люди и достойные, есть люди и никуда не годные. Пощеголять ученостью они любятъ, но часто не впопадъ. Жаркіе споры Пермяковъ о наукахъ часто доходятъ до ругательствъ или поставляютъ одну сторону въ непріятное положеніе. Примѣръ: Пермякъ, благоговѣющій предъ памятью Аннибала, заспорилъ съ однимъ моимъ знакомымъ, кто былъ выше, Наполеонъ или Аннибалъ. Споръ происходилъ въ чужомъ домѣ послѣ ужина. Дѣло было за полночь; хозяинъ морщился: спорщики поняли это и пошли изъ комнаты. На бѣду наполеониста, у защитника Аннибала не было ни коня, ни колесницы, и онъ помѣстился въ сани къ своему противнику. Морозъ былъ трескучій, градусовъ въ сорокъ; но наши спорщики продолжали свой споръ; наполеонистъ довезъ аннибалиста до его дома, и этотъ полчаса стоялъ одною ногою въ саняхъ, а другою на снѣгу, безпрестанно повторяя: «да согласитесь же, что Аннибалъ былъ выше Наполеона». Споръ кончился тѣмъ, что заступникъ карѳагенскаго полководца отморозилъ себѣ носъ... Этого случая достаточно, чтобъ охарактеризовать пермскіе ученые споры; — а какъ иногда бываютъ курьозны они! Иногда племянникъ важнаго человѣка, выгнанный изъ университета, съ диктаторскою важностію доказываетъ, что Карамзинъ писалъ исторію не фактически, а исторіографически; въ другой разъ начнется разсужденіе о желѣзной дорогѣ въ Англію, а изъ нея на Курильскіе Острова. Чудо что за споры!

Вообще же, Пермь тиха, безмятежна:

жизнь въ ней ровненькая, безъ бурь, только съ крошечными страстишками. Знаютъ только двѣ страсти: въ карточки поиграть, да гостя получше угостить. И Пермь независтлива: она считаетъ себя лучше всѣхъ городовъ и упорно стоитъ за свое. Пермь настоящій русскій Китай... И какое китайство въ ней — удивительно! Скоро ли то она выйдетъ изъ своего безжизненнаго оцѣпенѣнія? Давай Господи поскорѣе. Что ни говорите, а вѣдь Пермь на матушкѣ Святой Руси; вѣдь не послѣдняя же она спица въ колесницѣ.

4-го августа, мы рѣшились отправиться въ Кунгуръ, городъ славный своею промышленостію, торговлею, богатствомъ и пещерою въ Ледяной Горѣ. Прощай, Пермь, молодая Пермь, некстати прикидывающаяся степенною и тихою старушкою! Никогда не забуду я ни твоихъ картъ, ни твоихъ перьменей, ни «у насъ въ Архангельскѣ» и другихъ оригиналовъ! никогда не забуду твоихъ... Ну, да ужь ничего не забуду. Еще разъ прощай, Пермь, молодая старушка, гостепріимная чудачка, добрая хлѣбосолка! Въ тебѣ никто ничего не жалѣетъ для проѣзжающихъ. Чего ни попросишь — всего дадутъ. Прощай!

Павелъ Мельниковъ.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо IX (*).

Парижъ, 7-го февраля 1842.

Праздники здѣсь начались весьма своеобычно, а именно: новой оперой Галеви, неистовыми балами-маскарадами въ театральныхъ залахъ, приговоромъ къ смерти трехъ заговорщиковъ (послѣ помилованныхъ), осужденіемъ журналиста Дюпоти, приговореннаго къ 5-ти лѣтнему заключенію, полной реакціей правительства духу неограниченной свободы, и увеличеніемъ гарнизона. Я присутствовалъ на весьма важномъ засѣданіи Палаты Перовъ, когда адвокаты въ черныхъ своихъ мантіяхъ и въ трех-гранныхъ шапкахъ, которыя давали имъ очень большое сходство съ портретами Вандика и Рубенса, вставали одинъ за другимъ, защищая каждый своего обвиненнаго кліента; я видѣлъ этого Дюпоти, которому судьба предоставила быть козломъ покаянія журналистики и въ видѣ котораго посадили на одну скамейку съ убійцами всю революціонно-пишущую братію.—Невозможно было дать болѣе сильнаго урока! Трибуна обвиненныхъ представляла контрастъ поразительный: на одномъ концѣ скамейки сидѣлъ Кенисе, выстрѣлившій въ принцевъ, плотный, ражій мужчина, съ грубыми чертами лица и въ синей блузѣ работника; на другомъ—молодой человѣкъ лѣтъ 33, щегольски одѣтый, во фракѣ, завитый, въ бѣлыхъ перчаткахъ—левъ однимъ словомъ! Адвокатское краснорѣчіе есть что-то условное, зѣло-напыщенное, неисключая театральнаго эффекта и трескучей фразы, но поразительное особенно для свѣжихъ глазъ, каковы мои, искусствомъ отъискать уголокъ въ кодексѣ, буковку, недоразумѣньице, что-нибудь наконецъ, и если не закрыть обвиненнаго отъ меча правосудія, то смягчить ударъ по-крайней-мѣрѣ. Есть что-то великодушное и въ размахиваніи руками, и въ придуманномъ пониженіи голоса, и въ этихъ вопросахъ, долженствующихъ остаться безъ отвѣта, и въ этихъ восклицаніяхъ. Кажется, будто дѣло идетъ о собственной головѣ защитника, приходитъ мысль: «вотъ человѣкъ, который для благороднаго своего подвига не погнушался бы сдѣлаться балетмейстеромъ, механикомъ увеселительной физики, и даже составителемъ живыхъ картинъ.—Я думаю, Пальѐ, неистово и прехитростно выпутывавшій Кенисе, отдалъ бы половину своихъ доходовъ, чтобъ какой-нибудь

(*) Первыя два письма напечатаны въ XV-мъ, второе, третье, четвертое и пятое въ XVI-мъ, шестое въ XVIII-мъ, седьмое въ XIX-мъ и восьмое въ XX томѣ «Отеч. Записокъ».

шутникъ сдѣлалъ искусственный громъ надъ головами пэровъ въ срединѣ его рѣчи. Однакожъ, послѣдствія доказали, что ни главный прокуроръ Гебертъ, сидѣвшій за особеннымъ столомъ въ красной мантіи, ни канцлеръ, сидѣвшій за другимъ, ни всѣ почтенные пэры, сидѣвшіе полукругомъ и украшенные почтенными сѣдинами, а большею частію ничѣмъ похожимъ на волосы неукрашенные — не были увлечены краснорѣчіемъ адвокатовъ. Дюпоти, почти сглаживавшій важность настоящаго преступникаКениссѐ, приговоренъ былъ къ 5-ти лѣтнему заключенію, всегдашнему состоянію подъ присмотромъ полиціи и уплатѣ издержекъ, — и Франція почувствовала наконецъ, что у ней есть чья-то сильная правительственная рука. Этимъ ударомъ и побочными, слѣдовавшими за нимъ, совершенно нарушено то равенство борьбы между всѣми партіями, о которомъ я писалъ въ послѣднемъ письмѣ. Напрасно журналисты выдали *декларацію*, а провинціальные прислали депутатовъ для подтвержденія ея своими подписями; напрасно говорила она о гоненіяхъ на печать и принимала рѣшеніе защищать свободу тисненія до-нельзя: это ужь не тотъ манифестъ журналистовъ, съ котораго началось постыдное кровопролитіе 1830 года. — Я видѣлъ вслѣдъ за этимъ слѣдующее: 31-го декабря выпущенъ былъ изъ темницы Ламнѐ. Толпа молодёжи и учениковъ собралась передъ его окнами, кричала «vive!», требовала появленія его на балконѣ, какъ вдругъ будто изъ земли появился отрядъ солдатъ, заперъ улицу съ одной стороны, взялъ ружье подъ прикладъ и по командѣ офицера пошелъ тихо на толпу, сдавилъ ее, выгналъ на бульваръ, и скрылся.

Душою всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій Гизо — замѣчательнѣйшее лицо нашего вѣка. Сколько ненависти, сколько восторга! Рѣшительно можно сказать, что во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, который говорилъ бы о немъ хладнокровно и который съ его именемъ не открылъ бы всѣ задушевныя свои мысли. Притомъ же, онъ и загадка для современниковъ: хочетъ ли онъ утвердить монархію на такомъ незыблемомъ основаніи, чтобъ уже никакое столкновеніе партій не могло поколебать ее, или только эгоистически хочетъ торжества своей партіи — мѣщанства, bourgeoisie; свергнетъ ли его Палата Депутатовъ, или онъ попретъ это собраніе — неизвѣстно...

На театрѣ *Porte St-Martin* дается нынѣ презабавная шутка, подъ именемъ «1841 и 1941 годъ, или Парижъ сегодня и Парижъ черезъ 100 лѣтъ». Это одно изъ тѣхъ обозрѣній, въ которыхъ всякая новая выдумка, всякій новый романъ, пьеса, происшествіе, заслужившіе почему-либо вниманіе публики въ прошедшемъ году, находятъ каламбуръ, остроту, пародію. Пьеса открывается разговоромъ работниковъ у артезіянскаго колодца: это знаменитый парижскій гренельскій колодезь, который, точно, въ прошедшемъ году такъ проказилъ, какъ-будто самъ напрашивался въ водевиль: во первыхъ, завязъ въ немъ кусочекъ инструмента, которымъ ковыряли его, а во вторыхъ, вмѣсто ключевой воды, сталъ онъ выбрасывать массы грязи и возродилъ опасеніе въ ученомъ мірѣ и въ правительствѣ, что обезсилитъ грунтъ земли, на которомъ стоитъ Парижъ, и приготовитъ такимъ образомъ поглощеніе сего новаго Вавилона. На сценѣ колодезь этотъ выбросилъ вмѣсто грязи прехорошенькую дѣвушку, легко, но благопристойно-одѣтую — Истину, которая, въ награду за случайное свое освобожденіе, даетъ зеркало владѣтелю колодца и говоритъ: «Ты узнаешь настоящее значеніе всѣхъ вещей». Съ этого начинается рядъ сценъ, выводящихъ чрезвычайно-остроумно въ карикатурѣ все, надъ чѣмъ плакалъ Парижъ, за что платилъ деньги, о чемъ толковалъ серьёзно, — а за нимъ и многіе иные языки, — все, чѣмъ восхищался. Теперь Парижъ ломится въ театръ похохотать надъ самимъ-собой и сказать: «какой же я

былъ дуракъ!» Чудная пьеса! и мнѣ пришло въ голову въ антрактѣ, когда отдыхалъ отъ безпрерывнаго смѣха, разобрать вамъ ее ради поученія, пополнивъ нѣкоторыми собственными комментаріями, впрочемъ, вездѣ ясный, сильный и во многихъ мѣстахъ *высокаго* достигающій текстъ ея.

И такъ, вотъ является олицетвореніе нашего вѣка, открытій и выдумокъ въ особѣ г. Блакфорта. Что я сдѣлалъ въ прошломъ году? А вотъ, посмотрите: я изобрѣлъ для артистовъ головнаго убора восковыя фигуры женщинъ во весь ростъ, которыя за зеркальными стеклами великолѣпныхъ магазиновъ, освѣщенныя сильнымъ свѣтомъ газа, повертываются весь длинный, зимній вечеръ дѣйствіемъ особенной машины предъ глазами проходящихъ и толпы праздныхъ гулякъ, осуществляя такимъ образомъ возможность сказки Гофмана. Вслѣдъ за этимъ вносятъ пьедесталь, Блакфортъ пожимаетъ пружину, и является дѣвушка, великолѣпно-расчесанная, съ открытою грудью, и вертится медленно, вертится постоянно. Потомъ: «Я изобрѣлъ средство косые глаза возвращать на настоящій путь, такъ-что съ-этихъ-поръ весь родъ человѣческій будетъ правильно смотрѣть на вещи!» И тутъ же производитъ операцію, которая несчастнаго паціента обращаетъ въ какое-то чудовище. «Мало того: я подрѣзываю язычокъ въ горлѣ» — и болѣзненное мычаніе молодаго человѣка, потерявшаго даръ слова, послѣ операціи, возвѣщаетъ объ успѣхѣ новаго открытія. Наконецъ, показываетъ онъ ящикъ съ замкомъ-капканомъ отъ воровъ, имѣющій одинъ недостатокъ: онъ такъ дорогъ, что, купивъ его, вы ничего не оставите для сохраненія, — и фёльетонъ журнала съ повѣстью, каждый разъ отсылаемой къ слѣдующему нумеру, такъ-что склеенные вмѣстѣ листки составляютъ огромную ленту, для развитія которой не достаетъ сцены театра. Блакфортъ тутъ же предлагаетъ писать, вмѣсто *окончаніе впредь:* «окончаніе завѣщаю законному наслѣднику моему». Тѣмъ и ограничился Блакфортъ, при исчисленіи новыхъ открытій; по обозрѣніе его далеко неполно. Куда же дѣвалъ онъ объявленія, печатаемыя на послѣдней страницѣ журналовъ, — а эта послѣдняя страница есть такой волшебный міръ, съ которымъ не можетъ сравниться никакая фантастическая сказка. Тамъ растутъ китайскія деревья, пріобрѣтая въ 13 дней толщину дуба, считающаго себѣ сотенку-другую лѣтъ; тамъ есть печь, которую стоитъ только внести въ комнату, чтобъ она обратилась въ паровую баню; тамъ есть порошки отъ извѣстныхъ болѣзней, нетребующіе ни малѣйшихъ предосторожностей и столь невинные съ виду, что вы можете глотать ихъ передъ 12-ти-лѣтней дѣвочкой и она васъ спроситъ только: «зачѣмъ вы ѣдите конфекты, когда это зубамъ вредно?»; тамъ есть неизносимыя платья, шляпы, на которыя пропущенъ былъ, съ согласія Англіи, Атлантическій Океанъ и онѣ выдержали опытъ; несгораемыя свѣчи, лампы почти безъ масла, сапоги, излечивающіе подагру: совершенный ералашъ физическихъ законовъ міра!.. Необходимость сбыть товаръ произвела извѣстный кредитъ, которымъ славится Парижъ, а необходимость имѣть наличную деньгу произвела всѣ эти шарлатанства и услужливость гг. «ремесленныхъ профессоровъ», какъ они себя называютъ. Не солгу вамъ ни въ единомъ словѣ, если скажу, что г. Штаубъ, знаменитый портной, оцѣнивъ съ опытностію знатока красоту моихъ луидоровъ, собственной своей особой изволитъ часто ждать въ передней аристократическаго моего пробужденія. Говорятъ также, что я за честь заставить зѣвать Штауба отъ скуки, плачу 10 или 20 франковъ лишнихъ при каждой вещи... Та же нужда денегъ породила вещь почти непонятную: музыкальная газета, напримѣръ, за 24 франка въ годъ, дастъ вамъ кромѣ нумера журнала, десятка два новыхъ романсовъ, десятокъ портретовъ виртуозовъ и три или четыре концерта, гдѣ участвуютъ многія знаменитости Итальянской

и Французской Оперъ. А вотъ это какъ покажется вамъ: вы подписываетесь на газету «Фигаро», платите деньги и получаете билетъ абонимента. Кажется и все? какъ бы не такъ! Ступайте въ любой изъ трехъ богатѣйшихъ магазиновъ, приторгуйтесь къ вещицѣ, и вмѣсто денегъ заплатите билетъ абонимента: его прійму тъ какъ ассигнацію, а газету вы все-таки получаете какъ ни въ чемъ не бывало. Тутъ ужь человѣческая догадка должна признаться въ собственномъ безсиліи, и тупой умъ мой ничѣмъ другимъ изъяснить это не можетъ, какъ только желаніемъ гг. издателей ощущать, во что бы то ни стало, давленіе имперіала на ладони. Кстати о магазинахъ. Здѣсь существуетъ пріятное обыкновеніе дарить другъ друга въ новый годъ — въ-слѣдствіе пословицы: «маленькіе подарки способствуютъ дружбѣ». Недавно огромныя окна магазиновъ,—а магазины здѣсь—это цѣлыя улицы, это безконечный переходъ отъ кашемира къ едва существующимъ (такъ легки!) тканямъ и отъ нихъ къ бронзѣ, золоту, серебру, картинамъ, статуйкамъ и проч.—эти окна залиты были подарочными вещами. Конечно, прошолъ тотъ удивительный вѣкъ, когда богатый человѣкъ могъ сидѣть на креслѣ, которое само-по-себѣ было художническое произведеніе, смотрѣться въ зеркало, принадлежащее къ исторіи искусства, когда Бенвенуто-Челлини помѣчалъ въ запискахъ своихъ: «Я сдѣлалъ превосходную чашу кардиналу... Я выковалъ рукоятку кинжала для герцога...» и проч., — нечего и говорить! все зримое и покупаемое нашимъ поколѣніемъ—безъ стиля, ничтожно, мертвенно; но здѣсь какъ-то оно замысловато въ собственномъ безсиліи, хитростно въ пошлости своей, мелочно со сноровкой, и есть нѣкотораго рода польза и занимательность въ разсматриваніи нынѣшняго ремесла въ полномъ его проявленіи. Наконецъ, упоминать ли вамъ о мелкой промышлености, которая собираетъ остатки обкуренныхъ и брошенныхъ сигаръ, чиститъ вамъ за 10 копеекъ сапоги, продаетъ листки вечернихъ журналовъ за ту же сумму, играетъ на кларнетѣ, придерживаетъ васъ за 5 копеекъ, когда вы выходите изъ кабріолета и словомъ живетъ пылью, упавшею съ вашихъ ногъ, прокармливается гвоздемъ, выпавшимъ изъ вашего коблука, спекулируетъ сброшенной перчаткой, и пр. Къ числу, можетъ-быть, самыхъ замысловатыхъ выдумокъ нашего вѣка принадлежатъ ухищренія воровъ, не смотря на бдительность полиціи, которая, надо правду сказать, удивительна. У одного изъ знакомыхъ моихъ вытащилъ изъ кармана фрака 300 франковъ молодой человѣкъ, спросившій у него о дорогѣ куда-то и тотчасъ узнавшій въ немъ иностранца по отвѣту. «Я также иностранецъ», сказалъ онъ: «и могу подѣлиться съ вами нѣкоторыми свѣдѣніями: вотъ Площадь Согласія, это луксорскій обелискъ, а это церковь Магдалины; обратите вниманіе ваше на горельефъ фронтона...» А покуда тотъ обращалъ вниманіе, кошелекъ противозаконно перемѣнилъ хозяина. Послѣдняя воровская штука, здѣсь случившаяся, рѣшительно принадлежитъ исторіи мошенничествъ и водевилю. Извѣстно, что дамы самаго высшаго легитимисткаго общества являются въ дома *кетировать*, собирать милостыню на бѣдныхъ своего округа, и ради благороднаго своего подвига даже въ знакъ христіанскаго смиренія вступаютъ въ комнаты холостяковъ, взбираются на чердаки, и не гнушаются самыхъ черныхъ закоулковъ дома. Не нужно говорить, что сдѣлало мошенничество проклятое... Подъѣзжаетъ великолѣпная карета; человѣкъ въ чулкахъ и пряжкахъ отворяетъ дверцу, выходитъ дама щегольски-одѣтая, по имени де-Фюсакъ, или что-то такое на *акъ*, и, обобравъ порядкомъ весь домъ, благополучно отъѣзжаетъ. Исправительная полиція, засѣданія которой, какъ вообще всѣхъ судовъ, публичны и находятся въ *Palais de Justice*—старомъ зданіи на островѣ Сити, представляетъ иногда

сцены занимательнѣе драмъ круглаго года. Въ будущихъ письмахъ я вамъ опишу (разумѣется, если отвѣтите мнѣ на это письмо) все здѣшнее судопроизводство, а теперь только скажу, что формы его одинаковы, какъ для уголовнаго преступника, такъ и для хмѣлемъ-ушибеннаго, и что мнѣ казалось, будто съ этими ограниченными формами нельзя заставить даже Павлуши какого-нибудь выучить басенку г. Б. Ѳ. Однакожь, нѣтъ... Да впрочемъ, это послѣ. Пояснивъ такимъ образомъ первую сцену, возвращаюсь снова къ пьесѣ.

Толпа модистокъ съ визгомъ выбѣгаетъ на сцену, преслѣдуя какую-то дѣвушку въ шубейкѣ. «Подайте намъ ее: она перепортила у насъ поддѣльные цвѣты, подмочила башмаки и разстроила всѣ наши предположенія!» — Да кто же ты? спрашиваетъ почтенный старичокъ, владѣтель зеркала у гонимой дѣвушки. «Лѣто, сударь» отвѣчаетъ шубейка. Не знаю, справедлива ли эта насмѣшка надъ лѣтомъ, но что касается до зимы,—то это совершенная самозванка. На улицахъ грязь, недѣльку постоялъ холодокъ въ 7 градусовъ, да и пропалъ: фонтанъ Пале-Рояля бьетъ до-сихъ-поръ, Сена течетъ безъ льда... Разговоръ модистокъ въ этой сценѣ есть мѣстная, непереводимая каррикатура. Вообще, присутствіе женщины въ Парижѣ даже поразительно - замѣтно: рѣшительно нѣтъ ни одного магазина, ни одной лавки, ни одного ресторатёра, гдѣ бы не было за бюро и прилавкомъ красиво одѣтой дѣвушки, въ передничкѣ и ожерельѣ. Даже въ публичныхъ lieux d'aisance, гдѣ берутъ съ васъ за удобство, соединенное съ нѣкоторою роскошью, 15 копеекъ, даже и тамъ въ конторѣ счетныя книги ведетъ и деньги принимаетъ молодая женщина, одѣтая въ снуровку. Въ маскарадахъ Большой Оперы лоретки въ черныхъ капуцинахъ своихъ интригуютъ, ревнуютъ, или бѣсятъ своихъ поклонниковъ; но что̀ дѣлается въ залѣ тѣмъ первымъ классомъ, погибшимъ — это описать трудно! Женщины въ мужскихъ костюмахъ и мужчины въ разныхъ фантастическихъ одѣяніяхъ, охвативъ, сжавъ другъ друга, вихремъ несутся вдоль залы, опрокидывая все, что̀ попадется на пути. Вопли и бѣшеные крики неистоваго удовольствія возносятся до небесъ; громовая музыка не въ-состояніи заглушить адскаго шума; всякое движеніе есть обида, съ умысломъ нанесенная приличію; всякое слово — неблагоразуміе или вольность человѣка, разорвавшаго на нѣкоторое время всѣ связи съ обществомъ и его условіями. Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ эту оргію, эту скачущую толпу, услышалъ эти визги женщинъ —меня кинуло въ дрожь буквально: мнѣ показалось, будто пушечнымъ выстрѣломъ выкинуло меня вдругъ изъ настоящей жизни куда-то за 2000 лѣтъ къ вакханаліямъ и луперкаліямъ —таковы маскарады Парижа въ Большой Оперѣ. Какая разница, Боже мой! съ баломъ, даннымъ въ залѣ *Opera Comique* высшимъ легитимистскимъ обществомъ въ пользу *ancienne liste civile*, т. е. пансіонеровъ Карла X-го. Билетъ сто̀илъ 20 франковъ. Въ 10 часовъ всѣ ложи наполнились разодѣтыми дамами, и *coup d'oeil* снизу на эти три ряда цвѣтовъ, женскихъ головокъ и туалетныхъ драгоцѣнностей — былъ превосходный. Въ самой залѣ чинная тѣснота, толчки утонченной вѣжливости, молчаливые кадрили. Берье, знаменитый ораторъ легитимистской партіи, принималъ поздравленія въ ложахъ отъ дамъ за рѣчь, произнесенную имъ въ это же утро въ палатѣ противъ права взаимнаго осмотра кораблей державами: тутъ онъ извергъ хулу на Англичанъ и поднялъ бурю. Но и Гизо, отвѣчавшій ему, сто̀илъ поздравленій: его ледяная рѣчь, рядомъ съ огненной импровизаціей Берье, захватила энтузіазмъ палаты и, остановила его.—Наконецъ, упомяну вамъ еще о классѣ женщинъ: это гризетки, т. е. дѣвушки магазиновъ, труда, ремесла, которыя, для перенесенія жизненныхъ треволненій, соединяются

въ группы тоже съ трудомъ и ремесломъ — студентами, артистами, стихотворной и повѣствовательной молодёжью, — и все это участіе женщины въ обществѣ даетъ Парижу особенный характеръ, не безъ нѣкоторой прелести, не безъ нѣкотораго нѣжнаго оттѣнка. Скажу это для поученія тѣхъ, кто считаетъ городокъ этотъ смѣсью крови и грязи и укореняетъ такое мнѣніе въ публикѣ.

Возвратимся къ пьесѣ. Великое затрудненіе причиняетъ всѣмъ сущимъ на сценѣ бюстъ Мольера, которому никто не можетъ найдти приличнаго мѣста, подобно тому, какъ правительство не знало, въ какомъ углу Парижа поставить ему памятникъ. Происходитъ по этому случаю замѣчательный разговоръ: поставить его на Площади Медицинской Академіи нельзя: онъ такъ часто оскорблялъ медицину; на Площади Сорбонны — нельзя: онъ не любилъ педантовъ; — словомъ, перебрали всѣ площади и ни одна не годилась для Мольера: онъ оскорбилъ почти всѣ площади и почти всѣ народные памятники. Досталось бы отъ него, думаю, и нынѣшней Сорбоннѣ, и нынѣшней *Collège de France*. Въ этихъ двухъ зданіяхъ происходятъ публичныя лекціи знаменитѣйшихъ профессоровъ Парижа, получающихъ жалованье отъ правительства, и лекціи которыхъ, посѣщаемыя всѣми классами народа, принадлежатъ къ числу парижскихъ зрѣлищъ, во-первыхъ, по отсутствію, по-крайней-мѣрѣ, въ философическихъ и литературныхъ лекціяхъ, строгой науки, а во-вторыхъ, по необычайному старанію профессоровъ сдѣлать чтенія свои какъ-можно-остроумнѣе, пестрѣе, замысловатѣе. Никто такъ мастерски не наводитъ этого лоска, свойственнаго статейкѣ, какъ Амперъ. Онъ читаетъ исторію французской литературы въ XVI и XVII столѣтіяхъ, разобралъ Монтеня, какъ человѣка, писателя и философа, и перешелъ легкимъ очеркомъ Шарона къ Паскалю. Это самое лучшее проявленіе французскаго анализа: текстъ писателя даетъ профессору обильный источникъ для отрывочныхъ замѣчаній всегда остроумныхъ; сближеніе нѣкоторыхъ мѣстъ порождаетъ особенную игру мыслей, гдѣ и софизмъ, и практически-вѣрная мысль равно искрятся и блистаютъ; частыя обращенія къ исторіи порождаютъ эпизоды, гдѣ историческія лица группируются съ вѣрностію и увлекательностію современныхъ записокъ, а все вмѣстѣ образуетъ цвѣтистую и занимательную лекцію. Только гораздо-позже, когда вы пожелаете возвратиться къ основной мысли, увидите очень простое положеніе, что XVI столѣтіе, бурное, скептическое, породило необходимо-правильный, религіозный вѣкъ Лудовика XIV-го, а Монтень, съ холоднымъ, нѣсколько эгоистическимъ своимъ характеромъ, обратился, какъ свойственно этимъ характерамъ, къ самому-себѣ, написалъ, не думая, выводы этого изученія и создалъ, во-первыхъ, прекрасную скептически-философическую книгу, а во-вторыхъ, прекрасную, живую, вѣрную французскую прозу. — Озанамъ читаетъ нѣмецкую литературу, начавъ съ Нибелунговъ и, мимо Гудруны, достигнувъ миннезингеровъ. Это воплощеніе французскаго эклектизма, столь спокойнаго для изыскателя: всѣ матеріалы подъ рукой — стоитъ только класть ихъ всегда параллельно. Онъ находитъ въ Нибелунгахъ то же присутствіе *судьбы* и *теоріи возмездія*, какъ и въ греческихъ эпопеяхъ, и тутъ являются ему два ряда нѣмецкихъ критиковъ; одни говорятъ: Гомера не было, и всѣ, какъ древнія, такъ и новыя эпопеи созданы народомъ, а собраны только однимъ человѣкомъ; другіе говорятъ: Гомеръ былъ, и всѣ эпопеи, старыя и новыя, созданы однимъ геніальнымъ человѣкомъ, представителемъ народа. Эклектикъ тотчасъ миритъ двухъ враговъ, находя, что каждый отчасти правъ, и это объясненіе вопроса, какъ видите, немноготрудное. Впрочемъ, Озанамъ привлекаетъ огромную публику, и рукоплесканія часто гремятъ ему сколько за

занимательность самаго сказанія, столько и за тѣ нѣмецкія идеи, въ которыя онъ долженъ входить для химическаго процесса ихъ соединенія и переварки —Филаретъ Шаль читаетъ англійскую литературу. Вступительная лекція его отличалась особенно произвольными положеніями, весьма недостаточно оправданными, а слѣдующія лекціи показали это еще яснѣе. Раздѣленіе поэзіи на условную и истинную, на ложную и вѣрную, на искусственную и простую, невыведенное ни откуда, а между-тѣмъ пребеззаботно подтверждаемое примѣрами въ томъ и другомъ родѣ, поражаетъ глаза. Достоинство его лекцій лежитъ собственно на бо̀льшей или меньшей занимательности этихъ примѣровъ и на бо̀льшемъ или меньшемъ остроуміи, съ которымъ онъ ихъ приводитъ.—Эдгаръ Кинѐ еще не начиналъ своихъ лекцій о литературѣ Южной Европы.—Кромѣ этихъ лекцій, читаются курсы литературъ: китайской, коптской, санскритской, индійской и Господь знаетъ еще какой. Лекціи естественныхъ наукъ, ремеслъ —всегда полны. Есть еще множество частныхъ курсовъ. Недавно былъ я въ институтѣ, заведенномъ частными людьми для образованія ораторовъ, въ которыхъ дѣйствительно такъ нуждается Франція. Въ положенные дни всякій можетъ являться на каѳедру института и говорить на заданную тэму. Прим. тэма была: «о пользѣ искусствъ для оратора». Истинно сказать, часа два болтали пустяки,—чему, впрочемъ, кажется мнѣ, главною причиною была сама тэма. Лучше всѣхъ о прекрасномъ и благородномъ говорилъ бывшій издатель Франкфуртскаго Журнала—Дюранъ. Онъ пользуется въ Европѣ не очень завидной репутаціей, но о тѣхъ вещахъ говоритъ всегда со слезами на глазахъ...

Я здѣсь досталъ у А. И. Тургенева послѣдніе три тома Пушкина, и послѣ 14-ти лѣтняго воздержанія отъ россійской литературы съ перваго пріема наткнулся прямо на нашего псковскаго усопшаго. Господи Владыко! какъ онъ ударилъ по всему существу!.. Да вы, впрочемъ, не поймете, что значитъ читать *за границей* Пушкина. А здѣсь рѣшительно ничего нѣтъ въ литературѣ, даже такого, чтобъ надѣлало шуму. Французы совершенно согласны, что путешествіе Гюго на Рейнъ—скучно. *Майорка* Жоржъ-Занда, тоже путешествіе, расшевело нѣсколько умы, но скоро было забыто въ-слѣдствіе таковой резолюціи: не можетъ быть, чтобъ Майорка была такъ хороша. Романъ Бальзака, печатавшійся въ *Siècle* и вышедшій особенной книгой — *Записки Двухъ Дѣвушекъ*,—кажется, возбудилъ даже здѣсь негодованіе излишней фигурностью выраженія. Предпочитаютъ ему *Кавалера Арменталя*, Дюма̀, но многіе говорятъ: «Я не читаю романовъ Дюма̀, потому-что поджидаю, когда онъ передѣлаетъ ихъ въ драмы: тогда будетъ легче, занимательнѣе, да и деньги хорошо употребятся— пьесу увидишь, и романъ узнаешь.» Книгопродавцы прибѣгли съ горя къ картинкамъ и великолѣпнымъ изданіямъ, чтобъ завлекать охолодѣвшую публику: новый романъ Сулье: *Еслибъ молодость вѣдала! Еслибъ старость могла!* издается еженедѣльно листками, со всею типографскою роскошью, и Богъ-знаетъ, когда кончится. Въ этомъ родѣ замѣчательны статейки, собранныя подъ заглавіемъ: *Животныя, писанныя ими самими* (peints par eux mêmes), *а нарисованныя другими*, съ прекрасными каррикатурами Гаварини. Политическія брошюры распространяются страшно, — такъ распространяются, что одному человѣку уже и вычитать нельзя, что̀ появляется въ недѣлю. Я только хожу да посматриваю на окна книжныхъ магазиновъ, гдѣ каждый день является новая афиша. Вчера возвѣщали о брошюрѣ: *Я бью стекла!* третьяго дня: *Счетъ пощечинъ, полученныхъ Франціей;* сегодня: *Памфлетъ и Исторія.* Плюнешь всякій разъ, да и отойдешь прочь!

Наконецъ, первый актъ пьесы заключается пародіей всѣхъ театровъ:

тутъ въ каррикатурѣ являются цѣлыя сцены изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ прошлаго года, сыплятся намеки на авторовъ, актёровъ и актриссъ, на писателей, деревянную мостовую, новыя моды, и чортъ-знаетъ еще на что. Думаю: только цензура помѣшала вывести на сцену палаты, магистратъ, духовенство и дворъ.—Такъ изволитъ тѣшиться Парижъ надъ самимъ собою. Второй актъ, занятый будущностію Парижа, гдѣ пароходы ходятъ въ 36 часовъ въ Пекинъ, аеростаты летаютъ въ Гавану за сигарами, люди всѣхъ націй появляются на улицахъ всемірнаго города, вымощенныхъ уже *bois de palissandre* — фантастически, довершаетъ эту пьесу, доставившую мнѣ болѣе удовольствія, чѣмъ *Кипрская Королева* съ процессіями, серенадами, танцами; чѣмъ *Цѣпь* Скриба, поддерживаемая превосходною игрою Плесси, въ роли графини; чѣмъ нѣсколько-нахальный водевиль *Виконтъ Леторьеръ*, гдѣ Дежазе въ мужскомъ костюмѣ такъ дерзостно-хорошо играетъ; чѣмъ Арналь съ уморительными ужимками въ *Палатинѣ*; Лафонъ съ ироніей, скрывающей глубокую испорченность—въ *Электрической Цѣпи*; буфъ Левассоръ въ фарсѣ *Синій Чулокъ*, и сладенькая Вольни въ сантиментальномъ водевилѣ *Парижскія Феи*;—болѣе, чѣмъ, вѣроятно, доставятъ удовольствія новоожидаемыя пьесы Гюго, Дюма и Бальзака...

А — въ.

*

ЗАСѢДАНІЯ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.

Въ предъидущей книжкѣ нашего журнала изложена была только первая часть отчета, читаннаго въ публичномъ собраніи Академіи, 31 декабря 1841 года. Теперь весь отчетъ напечатанъ въ №№ 217, 218 и 219 издаваемой Академіею газеты «Bulletin Scientifique», и мы дѣлаемъ извлеченіе изъ остальныхъ частей его, именно — о занятіяхъ гг. академиковъ и объ ученыхъ путешествіяхъ.

Занятія гг. Академиковъ. —Въ теченіи минувшаго года, Академія издала пять тетрадей своихъ «Записокъ» и двѣ «Собранія сочиненій постороннихъ ученыхъ»; сверхъ-того 42 нумера «Bulletin Scientifique», котораго девятый томъ нынѣ оконченъ. Собраніе статей, читанныхъ въ послѣднемъ публичномъ засѣданіи, издано вмѣстѣ съ Отчетомъ, а донесеніе о десятомъ присужденіи демидовскихъ премій, съ рецензіями увѣнчанныхъ сочиненій, составляетъ томъ въ 25 листовъ, тоже отпечатанный. Сборникъ, имѣющій цѣлію распространить въ чужихъ краяхъ вѣрныя свѣдѣнія о Россіи и сосѣдственныхъ съ нею азіатскихъ странахъ, основанный гг. *Бэромъ и Гельмерсеномъ*, и издаваемый подъ покровительствомъ и на счетъ Академіи, умноженъ въ минувшемъ году двумя томами, пятымъ и шестымъ, изъ которыхъ первый содержитъ въ себѣ мелкія статьи, а второй историческое описаніе путешествія по Уралу и Киргизской Степи одного изъ издателей, г. Гельмерсена. Вторая часть этого путешествія, содержащая въ себѣ ученые результаты, печатается.

Психрометрическія и барометрическія таблицы, вычисленныя г. *Купферомъ*, отпечатаны и разосланы во всѣ гимназіи, гдѣ производятся метеорологическія наблюденія, и въ главныя станціи, учрежденныя съ этой цѣлію въ разныхъ мѣстахъ Имперіи Корпусомъ Горныхъ Инженеровъ. Тотъ же физикъ, хотя и безъ непосредственнаго участія Академіи, издалъ труды Коммиссіи, учрежденной для опредѣленія русскихъ мѣръ и вѣсовъ, въ которой г. Купферъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Это твореніе составляетъ два большіе тома въ 4 д. л. съ атласомъ и содержитъ въ себѣ подробное описаніе дѣйствій Коммиссіи для утвержденія на прочныхъ основаніяхъ

единицы мѣръ и вѣсовъ русскихъ и сравненіе ихъ съ мѣрами и вѣсами иностранными.

Наконецъ, г. *Шмидтъ* издалъ тибетско-нѣмецкій лексиконъ, а г. Броссе грузинскій романъ «Барсова Кожа». Первое изъ этихъ твореній, заключающее въ себѣ болѣе 25,000 словъ и алфавитный списокъ словъ нѣмецкихъ, открываетъ новое поле для изученія не только русскимъ, но и иностраннымъ оріенталистамъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ изданій, которыми Академія всегда можетъ гордиться.

Мы говорили уже (От. Зап. Т. XX, Смѣсь, стр. 27), что, по предложенію г. непремѣннаго секретаря, Академія предположила издать математическую и физическую переписку нѣкоторыхъ знаменитыхъ геометровъ прошедшаго столѣтія, хранящуюся въ академическомъ архивѣ.

Еще въ январѣ сего года г. *Струве*, въ представленной имъ запискѣ, предложилъ новое опредѣленіе коэффиціента аберраціи, болѣе точное, нежели то, которое служило основаніемъ знаменитымъ кёнигсбергскимъ таблицамъ (Tabulae Regiomontanae reductionum и проч.). Численная величина, найденная г. Струве, есть 20″493, а вѣроятная погрѣшность этого значенія не превышаетъ $^1/_{100}$ секундъ. Рядъ наблюденій, произведенный посредствомъ большаго репсольдова инструмента прохожденій, установленнаго въ первомъ вертикалѣ, надъ одной звѣздой Большой Медвѣдицы во время наибольшей и наименьшей ея аберраціи, привелъ нашего астронома къ этому важному результату. Въ то же время, г. Струве извѣстилъ Академію, что ученикъ его, г. Шидловскій (изъ Харькова), опредѣлилъ, подъ его руководствомъ, коэффиціентъ нутаціи, основывая выводы свои на шестнадцатилѣтнихъ наблюденіяхъ прямыхъ восхожденій полярной звѣзды, произведенныхъ въ Дерптѣ посредствомъ одного и того же инструмента. Этотъ элементъ, по вычисленію г. Шидловскаго, равенъ 9″219, а вѣроятность, что онъ заключается между предѣлами 9″20 и 9″24, есть $^1/_2$. Извѣстно, что предвареніе равноденствій, аберрація и нутація суть элементы для приведенія наблюденій мѣста свѣтилъ; пока эти элементы не опредѣлены съ точностію, доведенною до степени несравненно выше той, которой ожидать можно отъ отдѣльнаго наблюденія, до-тѣхъ-поръ результаты, выведенные изъ ряда наблюденій, будутъ ошибочны, и эта ошибочность произойдетъ именно отъ невѣрности элементовъ. Въ наше время, когда блестящіе успѣхи увѣнчали усилія астрономовъ-наблюдателей, художниковъ-механиковъ и оптиковъ, соревнующихъ между собой для достиженія возможной степени точности въ наблюденіяхъ мѣста свѣтилъ, — кёнигсбергскія таблицы, единственное до сихъ-поръ астрономическое пособіе для приведенія наблюденій, не могутъ уже быть признаваемы непогрѣшительными. Это самое побудило нашего астронома прежде всего предпринять новое, болѣе-точное опредѣленіе этихъ элементовъ астрономическихъ вычисленій, которое могло бы послужить основаніемъ новымъ таблицамъ для приведенія. Самъ г. Струве занялся аберраціею; опредѣленіе предваренія равноденствій поручилъ сыну своему Отону Струве, а изслѣдованіе нутаціи г. Петерсу; нынѣ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ объявить, что оба астронома исполнили этотъ важный трудъ съ успѣхомъ, который вполнѣ оправдалъ ожиданія ученаго ихъ наставника. Г. Отонъ Струве, въ диссертаціи своей о численномъ опредѣленіи предваренія равноденствій, при чемъ онъ принялъ въ соображеніе собственное движеніе въ пространствѣ центра тяжести солнечной системы, дополнилъ, сверхъ-того, весьма удовлетворительнымъ образомъ, примѣчательный трудъ г. Аргеландера о собственномъ движеніи нашей системы, подвергнувъ новому изслѣдованію вопросъ о направленіи этого движенія, и опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ угловую скорость. Нашъ молодой астрономъ нашелъ, что движеніе сол-

нечной системы, наблюдаемое на разстояніи средняго удаленія звѣздъ первой величины, равняется 0″,33 въ годъ; слѣдовательно, если допустить для параллакса звѣзды первой величины найденное астрономами значеніе 0″,21, то окажется, что наша система движется въ пространствѣ со скоростію 30 мильйоновъ географическихъ миль въ годъ. Г. Отонъ Струве вычислилъ также среднее частное движеніе неподвижныхъ звѣздъ, и нашелъ, что оно въ 2.4 раза быстрѣе движенія солнца.—Предметъ разсужденія г. Петерса, какъ мы уже говорили, состоялъ въ опредѣленіи коэффиціента нутаціи, выведеннаго изъ прямыхъ восхожденій полярной звѣзды по наблюденіямъ, которыя производились въ Дерптѣ съ 1822 по 1838 годъ. Этотъ трудъ отчасти подтверждаетъ результатъ, найденный г. Шидловскимъ, и, безъ-сомнѣнія, заслуживаетъ болѣе довѣрія по той причинѣ, что г. Петерсъ принималъ въ разсчетъ многія важныя обстоятельства, увеличившія многосложность вычисленія, и на которыя г. Шидловскій не обратилъ вниманія. Прибавимъ къ этому, что теоретическія изслѣдованія г. Петерса о формулѣ нутаціи, пріобрѣли труду его почетное мѣсто въ лѣтописяхъ астрономіи; въ анализѣ своемъ, онъ не откинулъ ни членовъ, зависящихъ отъ перигеевъ, ни другихъ неравенствъ движенія луны, и тѣмъ самымъ придалъ своимъ выводамъ степень точности, которой не достигли знаменитые его предшественники на этомъ трудномъ поприщѣ.

Что касается до коэффиціента аберраціи, для котораго мы привели выше величину, не утвержденную еще окончательно, то г. Струве обѣщалъ въ скоромъ времени сообщить Академіи подробное разсужденіе объ этомъ третьемъ элементѣ. Остается намъ еще упомянуть объ одномъ важномъ трудѣ, предпринятомъ на Главной Обсерваторіи. Мы говоримъ объ обозрѣніи сѣвернаго небеснаго полушарія въ-отношеніи числа неподвижныхъ звѣздъ до седьмой величины включительно, а равнымъ образомъ и двойныхъ звѣздъ; первыя изслѣдованія, относящіяся къ этому предмету, г. Отонъ Струве сообщилъ Академіи въ любопытной запискѣ, и эти изслѣдованія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о несравненномъ превосходствѣ нашей обсерваторіи передъ всѣми другими. Покамѣстъ скажемъ только, что въ разсмотрѣнной доселѣ части неба, составляющей около одной трети всего небеснаго свода, найдено нашими наблюдателями новыхъ кратныхъ звѣздъ до 202, недостающихъ въ дерптскомъ каталогѣ, и въ томъ числѣ 59 такихъ системъ, въ которыхъ разстоянія составляющихъ звѣздъ менѣе одной секунды; въ дерптскомъ каталогѣ подобныхъ системъ только 24.

Цюрихскій ученый г. Швейцеръ, который поселился въ Пулковѣ, чтобъ усовершенствоваться въ практической астрономіи, производитъ подъ надзоромъ г. Струве трудъ, весьма важный для географіи и статистики нашего отечества: онъ занимается возможно-точнымъ опредѣленіемъ пространства нашихъ губерній, показываемаго въ разныхъ сочиненіяхъ чрезвычайно-различнымъ образомъ. Трудъ сей, предпринятый по настоянію г. Кеппена, начатъ съ восьми губерній, посѣщенныхъ имъ въ минувшемъ году. — Г. Бэръ представилъ Академіи карту Кольскаго Округа, составленную г. Миддендорфомъ во время путешествія его вмѣстѣ съ г. Бэромъ по Лапландіи, въ 1840 году. Теченіе рѣки Колы на этой картѣ выправлено: оно почти таково, какъ означено на одной старинной картѣ, изданной Академіею и составляетъ почти прямой уголъ съ направленіемъ, которое придано ей на подробной картѣ, изданной отъ Депо Картъ.

Г. Бэръ представилъ также Конференціи вычисленіе дневнаго движенія температуры Бутіи, страны, лежащей подъ весьма-высокою широтою и потому представляющей нѣкоторое сходство съ Новой-Землею. Въ тем-

пературѣ этого замѣчательнаго острова есть странности, о которыхъ г. Бэръ писалъ прежде; такъ, напримѣръ, на Маточкиномъ-Шарѣ высшая температура бываетъ въ ноябрѣ въ 6 часовъ вечера, въ декабрѣ около полуночи, а въ январѣ даже въ два часа по полуночи. Наблюденія, произведенныя въ проливѣ Карскія Ворота, показываютъ, хотя и не столь разительнымъ образомъ, слѣды такого же источника теплоты. Это явленіе совсѣмъ незамѣтно въ Бутіи, которая вообще представляетъ замѣчательное отличіе въ дневной температурѣ, что должно быть приписываемо неодинаковому направленію вѣтровъ, господствующихъ въ этихъ странахъ. — Г. *Купферъ* сообщилъ Конференціи записку о температурѣ двухъ источниковъ пресной воды, въ Николаевѣ, которую наблюдалъ г. Кнорре, а г. Гельстремъ, изъ Гельсингфорса, вычисленіе времени вскрытія и замерзанія Сѣверной Двины.

Въ 1839 году, по Высочайшему повелѣнію, наряжена была Коммиссія для изъисканія, какое вліяніе производитъ истребленіе лѣсовъ на обмеленіе рѣкъ, къ чему подали поводъ донесенія о значительномъ и постоянномъ пониженіи уровня воды, происходящемъ будто бы въ Волгѣ. Коммиссія почла необходимымъ между-прочимъ устроить обширную систему гидрометрическихъ и метеорологическихъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ теченія этой рѣки. Когда г. Кёппенъ предпринялъ статистическое путешествіе по нѣкоторымъ внутреннимъ губерніямъ Россіи, Коммиссія, въ которой онъ членомъ, поручила ему означить мѣста самыя приличныя для учрежденія метеорологическихъ станцій. По возвращеніи изъ поѣздки, г. Кёппенъ представилъ подробное донесеніе съ приложеніемъ карты устьевъ Волги и Западной Двины. Донесеніе его содержитъ въ себѣ множество важныхъ свѣдѣній и достовѣрныхъ данностей о количествѣ воды, доставляемомъ верхнею и среднею Волгою, о количествѣ и состояніи лѣсовъ по берегамъ этой рѣки и потребленіи лѣса въ странахъ, ею орошаемыхъ. Эти свѣдѣнія, кромѣ того, что послужатъ матеріаломъ при занятіяхъ Коммиссіи, представляютъ общую занимательность, и потому г. Бэръ помѣстилъ донесеніе г. Кёппена въ своемъ Сборникѣ. — Гидографическій Департаментъ Морскаго Министерства, по желанію Академіи, поручилъ капитану *Рейнеке*, при съёмкѣ береговъ Финляндіи, сдѣлать на прибрежныхъ скалахъ неизгладимые знаки для измѣренія постепеннаго пониженія уровня Балтійскаго моря. Г. Рейнеке исполнилъ это порученіе съ точностію, и представилъ Академіи подробный отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, къ которому приложены превосходно исполненныя карты и нѣсколько плановъ. Записка его, столь важная для будущихъ наблюденій, будетъ напечатана въ «Собраніи Сочиненій Постороннихъ Ученыхъ» вмѣстѣ съ картою, а планы отданы на сохраненіе въ академическій архивъ. Подобныя наблюденія надъ уровнемъ Каспійскаго Моря производятся по распоряженію г. министра финансовъ, въ Баку, на основаніи инструкціи, составленной г. Ленцомъ.

По физикѣ, г. *Ленцъ* представилъ Академіи записку о теоріи магнито-электрическихъ машинъ. При всей употребительности этихъ машинъ въ наше время, теорія ихъ еще не была изслѣдована и механики строили магнито-электрическія машины безъ всякаго ученаго основанія, соображаясь, напримѣръ, въ-отношеніи къ толщинѣ проволокъ съ существующими удачными образцами. Г. Ленцъ старался отвратить этотъ недостатокъ, выведя законы магнито - электрическихъ машинъ и формулы, ихъ выражающія, изъ многочисленныхъ своихъ опытовъ и наблюденій надъ одной машиною работы Кларка. Онъ же сообщилъ Конференціи результаты опытовъ своего помощника г. *Пчельникова* надъ проводящею силою человѣческаго тѣла въ-отношеніи къ гальваническому току,

и продолжаетъ принимать дѣятельное участіе въ опытахъ и изъисканіяхъ своего сочлена г. *Якоби*, касательно разнообразныхъ примѣненій гальванизма и электро-магнитной силы. Эти труды заняли большую часть времени г-на Якоби, и привели его къ чрезвычайно-важнымъ практическимъ результатамъ, которыхъ онъ, однакоже, еще не объявлялъ публично. Онъ пополнилъ и издалъ въ минувшемъ году описаніе трехъ новыхъ электро-магнитныхъ приборовъ своего изобрѣтенія, именно: рычага для измѣренія притягательной силы электрическихъ магнитовъ, и двухъ регуляторовъ, съ непостояннымъ сопротивленіемъ, изъ которыхъ одинъ жидкій, а другой съ проволокою. Г. Якоби отвѣчалъ въ ученой запискѣ на замѣчанія г. Беккереля касательно сравнительнаго измѣренія дѣйствія двухъ волтаическихъ паръ, одной мѣдно-цинковой, другой платино-цинковой и читалъ въ Конференціи записку, извлеченную изъ его корреспонденціи съ лондонскимъ ученымъ г. Гровомъ (Grove) о новомъ замысловатомъ способѣ гравированія дагерротипныхъ досокъ посредствомъ гальванизма: г. Гровъ заключаетъ одно изъ своихъ сообщеній замѣчаніемъ забавнымъ, но тѣмъ не менѣе справедливымъ, что вскорѣ подъ гравюрами можно будетъ подписывать: *рис. Свѣтъ, грав. Электричество*.-- Наконецъ, полковникъ Путей Сообщенія г. *Волковъ* сообщилъ г. Ленцу, для представленія Конференціи, записку о новой классификаціи тоновъ и происхожденія гаммы, основанныхъ на новомъ началѣ музыкальной гармоніи (*).

Труды по части химіи академиковъ гг. *Гесса* и *Фрицше* и казанскаго профессора г. *Клауса*; по части ботаники, гг. *Триніуса*, *Рупрехта*, *Мейера*, *Фишера*, *Траутфеттера* и *Бессера*, описаніе которыхъ было читано въ Конференціи, къ-сожалѣнію, такого рода, что мы не можемъ здѣсь говорить о нихъ, потому-что они были бы непонятны для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не посвятили себя въ особенности изученію этихъ двухъ наукъ.

Г. *Брандтъ* занимался въ минувшемъ году изученіемъ позвоночныхъ животныхъ, водящихся въ Россіи, и въ особенности млекопитающихъ и птицъ. Между-прочимъ, онъ представилъ Академіи описаніе одной породы кошки, свойственной Россіи, породы неудовлетворительно описанной у Палласа подъ именемъ Falis Manul, а также другой породы кошки, Chat Servelin Жардина, которая доселѣ не встрѣчалась въ Россіи, и которой прекрасный образчикъ прислалъ въ Академію г. Даль. Въ третьей запискѣ, г. Брандтъ разсматриваетъ двѣ новыя породы сибирскихъ сусликовъ. Изъисканія этого академика о русскихъ птицахъ заключаются въ четырехъ запискахъ, изъ которыхъ двѣ содержатъ въ себѣ описаніе шести новыхъ породъ, привезенныхъ частію г. Карелинымъ, путешествовавшимъ по порученію Московскаго Общества Испытателей Природы. Остальныя двѣ записки имѣютъ предметомъ довольно-рѣдкую породу клестъ, которую Гильденштетъ называетъ Loxia rubicilla. Авторъ доказываетъ, что всѣ три вида этой породы водятся въ Россіи, хотя Палласъ въ своей зоографіи упоминаетъ только объ одной. Сверхъ того, г. Брандтъ представилъ Конференціи нѣсколько дополненій къ прежнимъ изъисканіямъ своимъ о многоножкахъ. Наконецъ, критическое обозрѣніе богатой коллекціи астеріевъ, хранящейся въ академическомъ Музеумѣ, подало ему поводъ къ наблюденіямъ надъ двумя живыми породами этихъ животныхъ, при чемъ онъ описалъ нѣсколько новыхъ видовъ. Къ этимъ многочисленнымъ трудамъ почтеннаго академика надобно прибавить еще и то, что онъ началъ нынѣшней зимою первый публичный курсъ зоологіи въ со-

(*) Эта статья подъ названіемъ «О Музыкальныхъ Гаммахъ» напечатана въ Отеч. Запискахъ прошлаго года (Томъ XVI, отд. II стр. 53).

тношеніи съ сравнительною анатоміею и физіологіею. Такимъ образомъ превосныя академическія коллекціи, которыми доселѣ могли пользоваться только члены Академіи, будутъ приносить новую пользу, служа превосходнымъ пособіемъ для молодыхъ людей, желающихъ изучить естественную исторію.—Г. Бэръ представилъ Конференціи записку, въ которой изложены наблюденія его надъ физофорами арктическаго моря, произведенныя во время двухъ его путешествій въ 1837 и 1840 годахъ. Полярная лисица (песецъ, Canis lagopus), убитая въ сорока верстахъ отъ столицы, въ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ, подала г. Бэру поводъ къ изъисканію настоящихъ границъ отечества этой гиперборейской породы, къ чему повело его еще болѣе то, что около того же времени, въ Финляндіи убито пять песцовъ. —Г. *Менетріе* описалъ ночную бабочку, привезенную изъ Туркоманіи г. Карелинымъ и не сходную ни съ одною изъ европейскихъ породъ, почему нашъ энтомологъ и составилъ изъ нея новый родъ подъ названіемъ Axiopoena. Корресподентъ Академіи г. Геблеръ прислалъ въ Конференцію опредѣленіе нѣсколькихъ новыхъ породъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, водящихся въ Сибири, а графъ Кейзерлингъ и профессоръ Блазіусъ описаніе новой породы малой полевой мыши (Arvicola ratticeps), которую они наблюдали живую въ Устюгѣ, въ Вологодской Губерніи. Г. Геккель прислалъ изъ Вѣны, для помѣщенія въ Bulletin Scientifique, извѣстіе о неожиданномъ зоологическомъ фактѣ, именно объ открытіи въ Европѣ новаго позвоночнаго животнаго: въ прѣсныхъ водахъ Далмаціи водится рыба, которая доселѣ еще никѣмъ наблюдаема не была и столь замѣчательна въ отношеніи физіологическомъ, что г. Геккель почелъ необходимымъ составить изъ нея новый родъ, который и назвалъ Aulopyge Hügelii. Профессоръ Кіевскаго Университета Св. Владиміра, г. *Миддендорфъ*, сопутникъ г. Бэра въ его послѣднемъ путешествіи на сѣверъ, представилъ Конференціи донесеніе объ орнитологическихъ результатахъ этой экспедиціи. Донесеніе его содержитъ въ себѣ не только исчисленіе семидесяти пяти породъ птицъ, которыя они наблюдали, но и замѣчанія о ихъ образѣ жизни, и сверхъ того сравнительное обозрѣніе орнитологіи русской Лапландіи, Норвегіи, Швеціи, Ферейскихъ Островъ, Исландіи, Гренландіи и Сѣверной Америки. Изъ этого сравненія авторъ дѣлаетъ общіе выводы о географическомъ распредѣленіи птицъ, которое, повидимому, подвержено условіямъ неодинаковымъ съ условіями распредѣленія теплоты на земномъ шарѣ. Записка г. Миддендорфа признана достойною помѣщенія въ «Собраніи Сочиненій Постороннихъ Ученыхъ».

Извѣстно, что ветеранъ нашихъ анатомистовъ, г. *Загорскій*, посвятилъ вечеръ своей жизни составленію русскаго словаря анатоміи. Онъ уже представилъ Академіи двѣ оконченныя части этого важнаго и многосложнаго труда.

Г. *Гельмерсенъ* издалъ первую общую геогностическую карту Европейской Россіи, съ объяснительною запискою. Это твореніе стоило автору многотрудной и долговременной работы, и будетъ пополнено его дальнѣйшими изъисканіями.—Корреспондентъ Академіи, профессоръ Эйхвальдъ, прислалъ въ Конференцію двѣ записки, по части геогнозіи и палеонтологіи, одну объ ихтіосаврахъ и цератитахъ, находимыхъ въ Россіи, другую объ отдѣльной горѣ Богдо, лежащей въ Астраханской Губерніи, по Волгѣ, на востокъ отъ Чернаго Яра. Эта гора, по мнѣнію г. Эйхвальда, принадлежитъ къ силурійской системѣ.

Г. *Кеппенъ* занимался въ минувшемъ году двумя главными предметами: приблизительнымъ опредѣленіемъ матеріальныхъ элементовъ статистики, — пространства и народонаселенія Имперіи, и потомъ средствами

сношенія между жителями, и именно: почтовыми сношеніями. Извѣстно, что общее народонаселеніе Россіи исчислено за 1838 годъ. Послѣ того Академія, съ разрѣшенія г. министра финансовъ, получила копіи съ податныхъ списковъ по всѣмъ губерніямъ, и эти данныя доставили г. Кеппену возможность составить таблицы народонаселенія по губерніямъ и по состояніямъ. Для опредѣленія относительнаго народонаселенія Имперіи, необходимо составить предварительно собраніе этнографическихъ извѣстій, почерпнутыхъ изъ оффиціальныхъ донесеній и изъ твореній новѣйшихъ авторовъ о различныхъ народахъ, обитающихъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Въ-отношеніи къ первымъ изъ этихъ источниковъ, г. непремѣнный секретарь съ признательностію упоминаетъ въ своемъ отчетѣ о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ Академіи гг. губернаторами архангельскимъ, оренбургскимъ и симбирскимъ, касательно народонаселенія обоего пола инородческихъ селеній ввѣренныхъ имъ губерній. Что касается до точнѣйшаго опредѣленія пространства губерній, то объ этомъ мы уже упоминали выше, говоря о работахъ, производимыхъ въ Главной Обсерваторіи. Въ ожиданіи окончанія этого важнаго вычисленія, г. Кеппенъ изготовляетъ донесеніе о своемъ статистическомъ путешествіи, совершенномъ въ 1840 году, и сообщилъ уже Конференціи нѣкоторыя части этого труда, именно упомянутую выше статью о Волгѣ и другую статью о мочальномъ промыслѣ въ Россіи. Тотъ же академикъ намѣревается издавать на русскомъ языкѣ статистическій сборникъ, въ который входили бы, съ дозволенія начальства, оффиціальныя свѣдѣнія, доставленныя Академіи разными правительственными лицами и мѣстами и статьи самого г. Кеппена. Планъ этого изданія предварительно одобренъ Академіею.

— Г. *Броссе* перевелъ съ рукописи, хранящейся въ Азіатскомъ Музеумѣ Академіи, грузинскую исторію Сехніа Чхеидзе и Папуна Орбеліанова; онъ извлекъ изъ Главнаго Московскаго Архива переписку на греческомъ языкѣ грузинскихъ и кахетинскихъ владѣтелей съ Россіею въ XVII столѣтіи и сообщилъ Конференціи описаніе и рисунки разныхъ грузинскихъ древностей. Сверхъ-того, онъ издалъ извѣстіе о драгоцѣнномъ собраніи древнихъ грузинскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ по его представленію, Академіею, и другое, о тифлисскомъ календарѣ. Тотъ же академикъ читалъ въ Конференціи продолженіе своего проекта собранія доселѣ не напечатанныхъ твореній армянскихъ писателей и надзиралъ за изданіемъ записокъ Вертабидовъ, Іоанна Крымскаго и Іоанна Кахатуюва, содержащихъ въ себѣ подробное описаніе многихъ армянскихъ монастырей, между прочимъ Ахпатскаго, и оригинальный текстъ находящихся въ нихъ историческихъ надписей. Эти надписи доставлены Академіи барономъ Ганомъ. — Г. *Дорнъ*, продолжая свои историческія изъисканія о странахъ и народахъ кавказскихъ, основанныя на восточныхъ источникахъ, сообщилъ Конференціи еще одну часть этого творенія, содержащую въ себѣ матеріалы грузинской исторіи. Въ Bulletin Scientifique напечатана критическая записка г. Дорна о рукописной исторіи Афгановъ, соч. Наметулаха, а въ другой запискѣ онъ описалъ третью астролябію съ арабскими надписями, доставленную къ нему профессоромъ Казанскаго Университета, г. Казембекомъ. — Г. *Шегренъ*, занимаясь изученіемъ оссетинскаго языка, представилъ Конференціи нѣмецкій переводъ грамматики этого языка, который онъ намѣренъ издать вслѣдъ за русско-оссетинскою грамматикою. — Г. *Шмидтъ*, чтобъ пополнить свой курсъ тибетскаго языка, намѣренъ присоединить къ грамматикѣ и лексикону этого языка, которыми ученый свѣтъ уже обязанъ его неутомимой дѣятельности, тибетское твореніе, которое могло бы служить для упражненія занимающихся этимъ языкомъ, какъ уже прежде онъ издалъ для пособія при изученіи мон-

ольскаго языка, кромѣ грамматики и ексикона, поэму «Гессаръ-Ханъ». Г. Шмидтъ избралъ для этого одинъ изъ многочисленныхъ томовъ тибетскаго іандшура, подъ заглавіемъ «Дзангунъ», или «Умный и Дуракъ», собраніе нравоучительныхъ сказокъ, основанное на вѣрованіи въ переселеніе ушъ и назначенное для поясненія отлеченнаго буддистскаго ученія. Онъ редставилъ Конференціи нѣмецкій пеіеводъ этого творенія, который намѣревается издать вмѣстѣ съ текстомъ. Сверхъ-того, онъ читалъ въ Конференціи записку, содержащую въ себѣ новыя доказательства, въ подтвержденіе мнѣнія его объ истинномъ происхожденіи наименованія «маншу».

Восточная нумизматика обогатилась пятью сочиненіями ученаго оріенталиста, г. Френа. Важнѣйшее изъ нихъ есть, безъ сомнѣнія, каталогъ коллекціи мухаммеданскихъ медалей, принадлежащейРостовскому Университету. Эта коллекція, основанная знаменитымъ Тиксеномъ, пополненная въ-послѣдствіи собраніемъ Адлера и многими другими пріобрѣтеніями, ввѣрена была просвѣщеннымъ начальствомъ этого университета г. Френу, который изъ привязанности къ своей родинѣ и изъ уваженія къ памяти своего наставника, Тиксена, вызвался составить систематическое описаніе этой коллекціи. Каталогъ нашего ученаго оріенталиста, написанный на латинскомъ языкѣ, отправленъ, само собою разумѣется, въ Ростокъ; но онъ сообщилъ Конференціи для помѣщенія въ Bulletin Scientifique краткое, систематическое обозрѣніе всей этой коллекціи и извѣстія о замѣчательнѣйшихъ, еще неизданныхъ, монетахъ, которыя въ ней заключаются. Разрытія, произведенныя въ Грузіи и въ Казанской Губерніи доставили—первыя многія замѣчательныя монеты послѣдняго каресмскаго хана, чеканенныя въ Грузіи, а вторыя значительное число рѣдкихъ куфическихъ монетъ, пріобрѣтенныхъ графомъ С. Г. Строгановымъ. Г. Френъ описалъ эти монеты въ двухъ ученыхъ статьяхъ, а въ третьей запискѣ нѣкоторыя неизданныя монеты, которыми Азіатскій Музеумъ Академіи обязанъ просвѣщенной щедрости частныхъ людей. Наконецъ, г. Френъ изложилъ въ обширной статьѣ топографическое обозрѣніе всѣхъ арабскихъ монетъ, вырытыхъ изъ земли въ Россіи, съ хронологическимъ и географическимъ опредѣленіемъ этихъ открытій

Г. *Грефе* возстановилъ и разобралъ въ двухъ запискахъ разныя греческія надписи, открытыя въ послѣднее время. Камни, на которыхъ находятся эти надписи, найдены въ Анапѣ, въ Керчи, въ одномъ греческомъ монастырѣ въ Нахичеванѣ на Дону, и въ деревнѣ Недвиговкѣ, лежащей на правомъ берегу самаго сѣвернаго устья Дона. По близости этой деревни открыты также остатки древняго укрѣпленія, окруженнаго стѣнами и рвами, и слѣды улицъ обширнаго города. Г. Кеппенъ, который первый писалъ объ этомъ открытіи, полагаетъ, что то должны быть слѣды древняго Танаиса, и это предположеніе подтверждается найденными тамъ надписями, объясненными во второй запискѣ г. Грефе.—Г. пасторъ *Мурâльтъ* младшій, сообщилъ Конференціи описаніе латинской рукописи, на пергаментѣ, содержащей въ себѣ птоломееву космографію и принадлежащей Библіотекѣ Главнаго Штаба. Авторъ приводитъ въ своей статьѣ тѣ главы этого творенія, которыя касаются до нынѣшней Россіи, именно до европейской и азіатской Сарматіи, Херсонеса Таврическаго и Колхиды. — Наконецъ, мы не можемъ не упомянуть о сочиненіи, которое, подъ скромнымъ видомъ разбора обширнаго творенія, содержитъ въ себѣ изъисканія, показывающія, что авторъ обладаетъ необыкновенными познаніями по части археологіи, еще мало воздѣланной. Мы говоримъ о превосходномъ донесеніи г. Бернарди о «Морской Археологіи» Жаля, донесеніи, которое удостоилось одобренія нашего ученаго мореходца, адмирала Крузенштерна, и Академіи.

Вотъ численные итоги дѣятельности Академіи въ минувшемъ году. Изъ 94 статей, читанныхъ въ сорока засѣданіяхъ Конференціи, 35 касаются до наукъ физико-математическихъ, 32 относятся къ естественной исторіи и 27 имѣютъ предметомъ исторію, филологію и науки политическія. Въ томъ числѣ находится: 11 пространныхъ твореній, которыя должны быть изданы отдѣльно, 28 записокъ и 55 статей менѣе-обширныхъ. Наконецъ, надобно замѣтить, что 23 дѣйствительные члена Академіи доставили 64 сочиненія, въ томъ числѣ 10 обширныхъ твореній; шесть статей и одно пространное твореніе принадлежатъ шестерымъ чиновникамъ Академіи; восемь статей доставлены шестью корреспондентами Академіи, а остальныя 15 четырнадцатью посторонними учеными.

Ученыя путешествія.—Г. Купферъ обозрѣвалъ лѣтомъ минувшаго года магнетическія обсерваторіи, учрежденныя въ Сибири, на горныхъ заводахъ. Онъ намѣренъ издать подробное описаніе своего путешествія, и потому мы не станемъ говорить здѣсь объ этомъ предметѣ; замѣтимъ только, что одною изъ статей положенія объ участіи Россіи въ большомъ магнетическомъ предпріятіи англійскаго правительства постановлено, что главный директоръ магнетическихъ обсерваторій на сибирскихъ заводахъ долженъ отправиться на мѣсто, чтобъ лично сообщить наблюденіямъ направленіе, сообразное съ новымъ планомъ. Такимъ образомъ, и этой мѣрою, которая, конечно, будетъ способствовать къ усиленію въ Россіи склонности къ магнетическимъ наблюденіямъ и довѣренности къ нимъ, науки обязаны попечительности г. министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина, и просвѣщенной дѣятельности г. начальника Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ, генералъ-майора Чевкина. Для снабженія гимназій и другихъ учебныхъ заведеній метеорологическими инструментами; ассигнованы были, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, значительныя суммы; въ слѣдствіе того, въ механической мастерской Академіи изготовлены и повѣрены, подъ наблюденіемъ г. Купфера, барометры и термометры, которые онъ и роздалъ, во время своего путешествія, по сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ. Теперь мы можемъ надѣяться имѣть, касательно климатологіи Азіатской Россіи, данныя столь же точныя, какъ и тѣ, которыя уже имѣемъ по метеорологіи Европейской Россіи. Посему, рѣшеніе многихъ занимательныхъ задачъ, которыя одна Сибирь должна уже представлять по причинѣ своего огромнаго протяженія, не можетъ нынѣ замедлиться, и, благодаря г. министру народнаго просвѣщенія, Россія пріобрѣтетъ новое право на признательность тѣхъ, которые интересуются успѣхами физики земнаго шара.

Г. Гельмерсену поручено было обозрѣть, минувшимъ лѣтомъ, мѣсторожденія каменнаго угля въ Тульской и Калужской Губерніяхъ, и опредѣлить ихъ относительную древность. Недавно полагали, что эти пласты принадлежатъ къ собственно-такъ-называемой каменно-угольной формаціи, то есть, къ верхнему ярусу каменно-угольной почвы, и сравнивали ихъ съ йоркшейрскими мѣсторожденіями каменнаго угля въ сѣверной части Англіи. Изслѣдованія нашего геолога доказали совершенно-противное: онъ убѣдился, что эти пласты не только не принадлежатъ къ каменно-угольной формаціи собственно-такъ-называемой, но заключаются въ нижнемъ ярусѣ нашего каменно-угольнаго известняка. Это очевидно доказывается тѣмъ, что тульскіе и калужскіе каменно-угольные пласты, равно какъ и тѣ, которые находятся въ Новгородской Губерніи и которыхъ древность еще прежде съ точностію опредѣлена г. Гельмерсеномъ, лежатъ непосредственно на древнемъ красномъ песчаникѣ, или на девоніанской системѣ г. Мурчисона. Г. Гельмерсенъ убѣдился, что эта система, на которую прежде и не обращали вниманія, силь-

но развита въ Орловской Губерніи; онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что результаты его изъисканій публично приняты и одобрены первѣйшими геологами нашего времени, Леонардомъ де Букомъ и Мурчисономъ.

Изслѣдованіе полярныхъ странъ европейской части Россіи обращало на себя, въ послѣднее время, особенное вниманіе Академіи, и потому она съ величайшею готовностію приняла предложеніе, сдѣланное ей въ апрѣлѣ минувшаго года хранителемъ ея ботаническаго музеума, г. Рупрехтомъ, вызвавшимся совершить на свой счетъ путешествіе въ тѣ изъ этихъ странъ, которыя наименѣе изслѣдованы, именно: въ самую западную часть земли Самоѣдовъ и въ особенности Канинскій Полуостровъ, непосѣщенный еще ни однимъ натуралистомъ. Г. Рупрехтъ отправился въ путь въ маѣ мѣсяцѣ вмѣстѣ съ г. Савельевымъ, который, также по любви къ наукамъ, принялъ участіе въ его предпріятіи. Путешественники возвратились въ столицу черезъ пять мѣсяцевъ. Въ-продолженіе этой экспедиціи, г. Савельевъ наблюдалъ уклоненіе магнитной стрѣлки въ четырехъ мѣстахъ, склоненіе въ десяти, и магнитныя силы земли въ семи. Высота полюса измѣрена въ восьми мѣстахъ, а въ двухъ, по берегу Ледовитаго Моря, географическая долгота опредѣлена по наблюденіямъ разстоянія Солнца, Луны и Венеры. Пользуясь ѣздою на оленяхъ и компасомъ, гг. Рупрехтъ и Савельевъ составили карты посѣщенныхъ ими странъ и положили на планъ южную часть острова Калгуева, окрестности Микулкина Носа, теченіе Индеги на пространствѣ 50 верстъ отъ берега, и все теченіе рѣки Кулоя на протяженіи 200 верстъ. Барометрическія измѣренія были производимы на островѣ Калгуевѣ, на Тиманскомъ берегу и на Канинскомъ Полуостровѣ. Эти измѣренія доказали, что возвышенія, которыя, если вѣрить туземцамъ и географическимъ картамъ, суть высокія горы, едва заслуживаютъ названіе холмовъ. Мнимый хребетъ, пересѣкающій Канинскій Полуостровъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу; существуетъ только на картахъ. Путешественники наши замѣтили, что на островѣ Калгуевѣ земля на глубинѣ въ аршинъ и болѣе никогда не оттаеваетъ, въ чемъ они не могли съ точностію убѣдиться ни въ Малой Землѣ Самоѣдовъ, ни на Канинскомъ Полуостровѣ. Геологическое строеніе тѣхъ земель было совершенно неизвѣстно. Гг. Рупрехтъ и Савельевъ замѣтили двѣ совершенно-различныя формаціи: каменно-угольный известнякъ, богатый окаменѣлостями, близь Мезенскаго Залива и съ обѣихъ сторонъ возвышенностей, состоящихъ изъ миндальнаго камня и находящихся на Чайцинскомъ Носу. Горы, которыя идутъ отъ сѣверо-западной оконечности Канина Носа къ юго-востоку, состоятъ изъ кристаллическихъ породъ и особенно слюдистаго и глинистаго сланца. Гранитъ находится только на каменистомъ островкѣ, близъ Микулкина Носа, между-тѣмъ, какъ лежащій насупротивъ мысъ Барминъ состоитъ изъ глинистаго сланца, афанита и діоритовъ. Изъ минералловъ г. Рупрехтъ нашелъ въ горахъ Канина Носа ставролитъ, венису и слюду въ довольно-большихъ кускахъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ слѣды рухляка, заключающаго въ себѣ характеристическія и весьма хорошо сохранившіяся ископаемыя юрской эпохи. Г. Гельмерсенъ, разсмотрѣвъ привезенные этими путешественниками образчики означенныхъ ископаемыхъ, заключаетъ съ нѣкоторою достовѣрностію, что пласты известняка, залегающіе въ окрестностяхъ Индеги, принадлежатъ къ среднему, а отчасти къ нижнему ярусу нашего каменно-угольнаго известняка. Онъ замѣчаетъ, что сія формація не встрѣчается нигдѣ въ Россіи сѣвернѣе этого. Открытіе смолистаго дерева и желтаго янтаря на сѣверномъ берегу Канинскаго Полуострова и вообще Ледовитаго Моря, есть геологическій фактъ, весьма занимательный. Академія имѣетъ образчики этихъ минераловъ, най-

денные за Туруханскомъ, и извѣстно, что они находятся также за Каменскимъ Заводомъ на востокъ отъ Екатеринбурга; а это показываетъ, какъ далеко простираются третичные пласты, къ которымъ эти тѣла очевидно принадлежатъ. Флора тѣхъ странъ изслѣдована вполнѣ, и, не говоря еще о новыхъ породахъ, которыя могутъ заключаться въ коллекціяхъ, привезенныхъ нашими путешественниками, г. Рупрехтъ обѣщаетъ сообщить Академіи любопытныя замѣчанія касательно географическаго распредѣленія растеній. Хоть эти страны и небогаты породами, однакожь онѣ представляютъ довольно обильную растительность и только въ сѣверной части острова Калгуева есть равнины почти обнаженныя или покрытыя рѣдкою растительностію. Флора тѣхъ мѣстъ замѣтно отлична отъ флоры Лапландіи. Путешественникъ нашъ былъ пораженъ между-прочимъ тѣмъ, что лѣса очевидно все болѣе и болѣе удаляются отъ береговъ; онъ нашелъ несомнѣнные признаки, что деревья толстоствольныя росли нѣкогда близъ самаго моря, между-тѣмъ, какъ нынче тамъ нѣтъ лѣсовъ ближе тридцати верстъ отъ берега и даже болѣе. Изъисканія гг. Бэра и Миддендорфа о фаунѣ полярныхъ странъ оставили немного дѣла г. Рупрехту. Однакожь онъ сообщилъ Академіи нѣкоторыя свѣдѣнія о географическомъ распредѣленіи животныхъ и между прочимъ о томъ, что на Канинскомъ Полуостровѣ водится въ большомъ количествѣ новая порода ново-землянской пеструшки, которой совсѣмъ нѣтъ на островѣ Калгуевѣ. Энтомологія обязана этому путешествію новою породою «фаброніи», а орнитологическая коллекція Академіи 64 породами птицъ и, что еще важнѣе, Академія пріобрѣла въ тѣхъ мѣстахъ ревностнаго и свѣдущаго собирателя, смотрителя Мезенскаго Училища, г. Быстрова. Почва западной части земли Самоѣдовъ, такъ же какъ и Лапландіи, повидимому, не скрываетъ въ себѣ никакихъ допотопныхъ животныхъ, тѣмъ болѣе замѣчательно, что путешественники нашли за Печорою и по близости озера Урдюги (извѣстнаго по бывающимъ въ немъ постояннымъ приливамъ и отливамъ), нижнюю челюсть молодаго мамонта. Эта кость, равно какъ и всѣ коллекціи, привезенныя гг. Рупрехтомъ и Савельевымъ, находится въ академическомъ музеумѣ.

Не станемъ говорить подробно о путешествіяхъ, имѣющихъ одну какую-либо опредѣленную цѣль. Притомъ, извѣстно уже, что по литературамъ народовъ Средней Азіи, Академія имѣетъ въ Пекинѣ агента, г. *Васильева*, состоящаго при русской духовной миссіи, а въ россійско-американскихъ колоніяхъ собирателя предметовъ естеств нной исторіи, отличнаго препаратора, г. Вознесенскаго, который вполнѣ воспользовался пребываніемъ своимъ въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ. Поддерживаемый въ своихъ похвальныхъ усиліяхъ правителями колоній, гг. Купріяновымъ и Этолинымъ, и другими лицами, состоящими въ службѣ Россійско-Американской Компаніи, онъ во время нѣсколькихъ поѣздокъ собралъ множество весьма замѣчательныхъ произведеній природы, которыя привезены сюда въ совершенной сохранности и послужатъ къ пополненію богатыхъ академическихъ музеумовъ.

Г. Академикъ *Фрицше* посѣтилъ съ ученою цѣлію Германію, Францію и Швейцарію и былъ представителемъ русскихъ ученыхъ въ собраніи германскихъ врачей и естествоиспытателей, происходившемъ въ Брауншвейгѣ.

Наконецъ, мы должны упомянуть объ одной ученой экспедиціи, которая будетъ совершена въ нынѣшнемъ году. Планъ этой экспедиціи, составленный Академіею, удостоенъ Высочайшаго утвержденія, и на этотъ предметъ ужь ассигновано изъ Государственнаго Казначейства 13,000 руб. серебромъ. Извѣстно, что простой русскій купецъ въ Якутскѣ, любопытствуя узнать, на сколько промер-

заетъ земля, вырылъ для этого колодезь въ 380 футовъ глубиною, и Академія приняла на себя передъ ученымъ свѣтомъ обязанность произвести въ этомъ колодцѣ систематическія наблюденія надъ температурою земли въ разныхъ глубинахъ. Обстоятельства, независящія отъ Академіи, не позволяли ей доселѣ исполнить свое намѣреніе. Между-тѣмъ это сдѣлалось тѣмъ необходимѣе, что англійскіе ученые, пораженные важностію столь замѣчательнаго геологическаго факта, приняли мѣры для изслѣдованія его въ арктическихъ странахъ новаго свѣта. Притомъ, дѣятельная переписка, которую Академія производила въ послѣднее время съ мѣстными начальствами въ Сибири, привела ее къ убѣжденію, что единственное въ старомъ свѣтѣ мѣсто, котораго не посѣщалъ ни одинъ образованный человѣкъ, и которое, слѣдственно, по необходимости должно быть представлено невѣрно на всѣхъ географическихъ картахъ, заключается въ предѣлахъ нашего отечества. Это мѣсто, правда, почти недоступное, есть страна, лежащая за Туруханскомъ, между рѣками Пясиною и Хатангою, и до береговъ Ледовитаго Моря. Замѣтивъ такой недостатокъ, Академія должна была заботиться объ устраненіи его, чтобъ не подвергнуться справедливому упреку въ равнодушіи къ важному вопросу, касающемуся до отечественной географіи. Подобная экспедиція, чтобъ быть какъ-можно-болѣе подвижною въ странѣ, гдѣ средства сообщенія чрезвычайно затруднительны, не должна быть ни слишкомъ-многосложною въ своей цѣли, ни слишкомъ-многочисленною въ своемъ составѣ, ни слишкомъ-ограниченною во времени, назначенномъ для ея совершенія. Притомъ, она должна состоять подъ начальствомъ ученаго, котораго силы вполнѣ соотвѣтствовали бы его усердію и рвенію къ пользамъ науки, ученаго, если можно, заранѣе знакомаго съ затрудненіями, которыя противопоставляютъ изслѣдованіямъ климатъ и суровая, дикая природа полярныхъ странъ; наконецъ, что всего важнѣе, онъ долженъ обладать разнообразными свѣдѣніями, необходимыми для исполненія столь труднаго порученія. Академія нашла всѣ эти качества въ молодомъ докторѣ Миддендорфѣ, о которомъ мы уже не разъ упоминали; онъ покинулъ для этого Университетъ св. Владиміра, гдѣ занималъ каѳедру зоологіи. Какъ-скоро приготовленія будутъ окончены, г. Миддендорфъ, получивъ надлежащія инструкціи отъ здѣшнихъ физиковъ и естествоиспытателей, отправится въ путь изъ С. Петербурга. Съ Высочайшаго разрѣшенія, нѣкоторые изъ членовъ этой экспедиціи, вѣроятно, подъ руководствомъ г. Шёгрена, будутъ заниматься изученіемъ языковъ, нравовъ и обычаевъ народовъ, обитающихъ на сѣверѣ Сибири.

Въ нынѣшнемъ году Академія надѣется сообщить публикѣ дальнѣйшія подробности этой важной и занимательной экспедиціи.

*

ПОѢЗДКА ВЪ КИТАЙ. (Статья шестая) (*). *Китайскіе праздники. — Бесѣды. — Подарки. — Иллюминаціи и фейерверки. — Кредиторы и заимодавцы. — Чиновники и дѣлопроизводство. — Исканіе мѣстъ. — Взяточничество.*

У Китайцевъ только три праздника въ-теченіи цѣлаго года: одинъ день весною, когда плоды начинаютъ завязываться, одинъ день лѣтомъ, когда начинаютъ снимать хлѣбъ, и половина первой луны новаго года, а у нѣкоторыхъ и цѣлый мѣсяцъ. Недѣли за двѣ и за три уже замѣтно бываетъ приближеніе праздниковъ: всякій, начиная отъ вельможи до бѣдняка, заботится о заготовленіи и разсылкѣ подарковъ началь-

(*) Первыя пять статей напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1841 года, томы XVIII и XIX, и 1842 года, томъ XX.

никамъ, роднымъ и знакомымъ. При выборѣ подарковъ, всего важнѣе точно опредѣлить отношенія дарящаго къ тому лицу, кому посылаются подарки: въ комъ Китаецъ имѣетъ надобность, тому посылаетъ и подарки болѣе цѣнные; въ комъ не имѣетъ нужды, тому набираетъ кое-что для исполненія обычая. Самые бѣдные люди, имѣя надобность въ вельможѣ, входятъ въ долги и посылаютъ ему подарки, нерѣдко превышающіе въ нѣсколько разъ все ихъ состояніе. Подарки эти состоятъ изъ самыхъ различныхъ предметовъ: посылаются дорогіе мѣха, шелковыя матеріи, разныя вещицы изъ нефрита, плоды, сладкіе хлѣбцы, жареные поросята и утки, кувшины съ водкою, въ которые иногда, для подслащенія опускаютъ слитки золота, — денегъ же въ этихъ случаяхъ явно не посылаютъ. Цѣнность подарка на наши деньги можетъ простираться отъ нѣсколькихъ рублей до сотни тысячъ серебромъ. Съѣстные припасы и плоды разсылаются обыкновенно въ бумажныхъ лакированныхъ коробкахъ (хэ-цзы), которыхъ бываетъ двѣ, четыре и восемь; разумѣется, къ лицу высшему или уважаемому непремѣнно должно посылать восемь.— Китайцы придаютъ этимъ подаркамъ большую важность, и ведутъ самый точный счетъ, что̀ кому послали, и что̀ отъ кого получили. Боже сохрани, если кто-нибудь, приславшій прежде по обстоятельствамъ подарки высокой цѣны, при перемѣнѣ отношеній вздумаетъ въ слѣдующій годъ прислать что-нибудь подешевле — въ такомъ случаѣ всѣ прежнія связи прерываются, и самые искренніе пріятели становятся открытыми врагами. Иному надобно посылать подарки въ тридцать или сорокъ домовъ: слѣдовательно, заготовленіе подарковъ сто̀ило бы слишкомъ дорого; поэтому, смышленый Китаецъ припасаетъ заблаговременно только тѣ подарки, которые назначаются важнѣйшимъ особамъ; прочимъ же посылаетъ вещи, получаемыя имъ отъ родственниковъ и знакомыхъ. И случается, что жареный поросенокъ, перебывавъ въ нѣсколькихъ домахъ, чрезъ пять, шесть дней возвращается къ своему первому хозяину. Сколько разорительны эти подарки для господъ, столько прибыльны для слугъ, которые во всѣхъ домахъ получаютъ довольно-значительную сумму на водку. Плата слугамъ за принесенные подарки также бываетъ сообразна съ отношеніями господъ; такъ, напримѣръ, слугѣ министра, или князя нельзя дать менѣе полу-фунта серебра; слугѣ же самаго послѣдняго изъ знакомыхъ даютъ рублей семь или восемь на наши деньги.

Мы и въ оградѣ нашего монастыря не могли избавиться отъ этой разорительной вѣжливости. Каждый изъ насъ получалъ подарки болѣе или менѣе; въ особенности же страдалъ отъ нихъ нашъ медикъ: всѣ паціенты его, чтобы выразить свою признательность къ нему и уваженіе, наперерывъ присылали ему корзины съ хлѣбцами на прогорьломъ маслѣ и съ жареными поросятами и утками. Каждый новый годъ онъ выплачивалъ слугамъ до четырехъ фунтовъ серебра!

Въ то время, ка̀къ слуги бѣгаютъ изъ дома въ домъ и разносятъ подарки, господа̀ нерѣдко не смѣютъ и носа высунуть за двери своихъ домовъ. Съ концомъ стараго года приводятся въ ясность всѣ старые счеты съ мастеровыми, лавочниками и заимодавцами: длинныя фаланги прикащиковъ осаждаютъ жилища должниковъ съ длинными счетами въ рукахъ, съ запасомъ просьбъ, упрековъ и ругательствъ въ головѣ; покажись должникъ—и его оглушатъ требователи, готовые истощить всѣ способы убѣжденій, не выключая и физическихъ. Нерѣдко промотавшійся господчикъ укрывается въ домѣ пріятеля отъ такихъ преслѣдованій, а если и рѣшается выйдти на улицу, то зорко высматриваетъ своихъ заимодавцевъ, всегда̀ готовый скрыться въ первомъ переулкѣ. Къ пособію правительства китайскій заимодавецъ прибѣгать не смѣетъ, опасаясь слишкомъ большихъ издержекъ, и зная, что должнику гораздо-выгоднѣе показать болѣе

щедрости передъ судьею и слѣдовательно. остаться правымъ. Едва наступитъ новый годъ, всѣ преслѣдованія оканчиваются. и всякій заимодавецъ, готовый накануне вцѣпиться въ глаза своему почтенному должнику, встрѣчаетъ его привѣтливою улыбкою и обычнымъ поздравленіемъ — *да-си* («великая радость»); о долгѣ же нѣтъ и помина—до новаго праздника.

Наступленіе новаго года у Китайцевъ празднуется съ большимъ торжествомъ въ-продолженіи цѣлой ночи, предшествующей радостному дню, и даже цѣлаго дня. Громъ и трескъ бураковъ и шутихъ не умолкаетъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Всѣ лавки съ жизненными припасами, трактиры, булочныя и харчевни запираются на три дня, всѣ прочія лавки на полмѣсяца и даже болѣе; временныя лавочки и балаганы разбираются совершенно; работъ нѣтъ; всякій съ самаго утра спѣшитъ развезти свои визитныя карточки. ужь развѣ тотъ, кому не на что нанять и осла, разноситъ ихъ пѣшкомъ. Визиты на новый-годъ незатруднительны: у каждыхъ воротъ стоитъ привратникъ и принимаетъ карточки, подаваемыя ему слугою пріѣхавшаго, если отношенія между посѣщающимъ и посѣщаемымъ равны; но если послѣдній несравненно-выше перваго, то господинъ самъ долженъ выйдти изъ экипажа и лично отдать свою карточку привратнику. Визитныя карточки у Китайцевъ состоятъ изъ листочка бумаги ярко-краснаго цвѣта, на которомъ отпечатаны съ одной стороны имя и фамилія, а съ другой мѣсто жительства. Визиты эти продолжаются съ разсвѣта и до шести часовъ вечера въ-теченіи первыхъ трехъ дней Носящіе же легкій трауръ начинаютъ дѣлать визиты на шестой день. Въ глубокомъ траурѣ визитовъ не дѣлаютъ Можете себѣ представить, какія замѣшательства происходятъ въ хозяйственномъ отношеніи отъ трехдневнаго запиранія лавокъ съ съѣстными припасами; разумѣется, всякій приготовляетъ себѣ продовольствіе заранѣе на все это время; но тѣ, которые, по роду жизни, должны ѣсть въ трактирахъ и харчевняхъ, противъ воли постятся три дня, поддерживая кое-какъ свое существованіе черствыми хлѣбцами и сухими закусками.

Послѣ визитовъ, начинаются празднества для родственниковъ и знакомыхъ; мужчины приглашаются къ мужчинамъ; а женщины къ женщинамъ. Мы нѣсколько разъ бывали на подобныхъ собраніяхъ, и нашли ихъ чрезвычайно-скучными: встрѣчаютъ другъ друга условными длинными церемоніями, послѣ которыхъ садятся за столы, и сидятъ за ними по нѣскольку часовъ сряду, толкуя о производствѣ въ чины, о чиновникахъ, отрѣшенныхъ отъ должностей за злоупотребленія, и о трактирахъ, славящихся какимъ-нибудь кушаньемъ. Разговоръ Китайцевъ. лишенный всѣхъ интересовъ политическихъ, литературныхъ, интересовъ науки, тянется медленно и лѣниво, и такъ непохожъ на живой, горячій разговоръ между Европейцами, какъ безтѣнныя, вздорныя картины ихъ непохожи на произведенія европейскихъ художниковъ. Мы не могли быть въ обществѣ женщинъ; но и ихъ бесѣды такъ же скучны и однообразны, какъ бесѣды ихъ почтенныхъ супруговъ. Чтобъ какъ-нибудь оживить свое общество. женщины обыкновенно приглашаютъ къ себѣ слѣпыхъ, непремѣнно *слѣпыхъ* музыкантовъ, которые попеременно то играютъ на инструментахъ, то поютъ, то сказываютъ сказки.

Съ шестнадцатаго числа первой луны новаго года и до восьмнадцатаго — каждый вечеръ города во всей имперіи бываютъ иллюминованы разноцвѣтными фонарями. Иллюминація эта зажигается только у лавокъ и кумирень; частные же домы не освѣщаются. Иныя лавки, въ которыхъ производится торговля преимущественно сладкими хлѣбцами, тратятъ на эти освѣщенія значительныя суммы; какъ внутри, такъ и снаружи, обвѣшиваютъ около стѣнъ шелковые фонари съ разрисованными

изображеніями драконовъ и другихъ предметовъ; иногда, число фонарей у одной лавки простирается до трехсотъ. На улицахъ, всякій, кто хочетъ, спускаетъ въ эти три дня бураки и огненные фонтаны; фейерверки эти мало-замѣчательны. Напротивъ, тѣ фейерверки, которые сожигаются при кумирняхъ, во время мѣстныхъ праздниковъ, отличаются иногда замысловатостію чисто-китайскою: послѣ разноцвѣтныхъ колесъ, фонтановъ, пальмъ и другихъ огненныхъ явленій, въ заключеніе спектакля зажигается обыкновенно коробка, повѣшенная на высокихъ подставкахъ; изъ нея вдругъ вываливается дно — и представляется взорамъ зрителей какая-нибудь огненная башня, или ваза, блестящая брильянтовымъ огнемъ; когда это явленіе сгоритъ, изъ коробки выпадаетъ второе дно — и вы видите передъ собою огненнаго движущагося дракона, или иное чудовище; наконецъ проваливается послѣднее дно — и изъ пламени летятъ въ толпы зрителей десятки живыхъ голубей и воробьевъ, а иногда среди огней появляется живой красиво-одѣтый мальчикъ. Съ восьмнадцатаго числа почти всѣ лавки бываютъ отперты, и только немногіе лавочники пируютъ до окончанія мѣсяца. Не должно удивляться тому, что Китайцы такъ долго празднуютъ новый-годъ и даже купцы охотно запираютъ свои лавки дней на двадцать и болѣе, лишая себя выгодъ отъ продажи: у нихъ нѣтъ въ-продолженіе цѣлаго года постоянныхъ праздниковъ, какъ у насъ черезъ шесть дней въ седьмой, и весь отдыхъ Китайцевъ отъ трудовъ, какъ мы уже сказали выше, бываетъ три раза въ году. Для насъ, Европейцевъ, покажется непонятнымъ, ка́къ можно цѣлый годъ работать, не имѣя почти никакого періодическаго успокоенія *для* возобновленія изнуренныхъ силъ. Но надобно знать, ка́къ работаютъ Китайцы. Вялые и лѣнивые отъ природы, они неохотно принимаются за дѣло, и безпрестанно отрываются отъ него, чтобъ вычистить свою крошечную мѣдную трубку, набить ее табакомъ, высѣчь огня и закурить, или налить себѣ чаю и выпить чашку. Чиновники ѣздятъ въ присутствіе часа на два или на три, и то не за тѣмъ, чтобъ заниматься дѣломъ, а только показать свою гражданскую дѣятельность. Ка́къ же идутъ дѣла? кто производитъ ихъ? Въ Китаѣ есть особый классъ людей, котораго, кромѣ небесной имперіи, вы нигдѣ не найдете: это *шу-бань*, что̀ по-нашему значитъ *писецъ*; — писцы наслѣдуютъ свои должности отъ отцовъ и дѣдовъ, и остаются всегда въ своемъ званіи, не имѣя права ни купить чина, ни идти на экзаменъ для полученія его. Съ малолѣтства занимаясь подъ руководствомъ отцовъ, они пріобрѣтаютъ большой навыкъ въ дѣлахъ той отрасли государственнаго управленія, въ которой они работаютъ, и такъ хорошо затверживаютъ всѣ запутанные и нерѣдко противорѣчащіе одинъ другому законы, что могутъ по-произволу подводить тотъ или другой законъ, и рѣшать дѣла какъ имъ угодно; слѣдовательно, не только просители, но и самые чиновники, которые, никогда не занимаясь дѣлами, только подписываютъ то, что̀ имъ подаютъ, находятся въ полной отъ шу-бань зависимости, и частые переводы чиновниковъ изъ одного мѣста въ другое нисколько не вредятъ дѣлопроизводству. Вообще, *шу-бань* получаютъ самое бездѣльное жалованье отъ казны, а иные и совсѣмъ его не имѣютъ; но за то всѣ сдѣлки между просителями и чиновниками проходятъ черезъ ихъ посредство, и тутъ на ихъ долю перепадаетъ не малая-толика. Писцы эти являются къ должности одѣтые просто и даже бѣдно; но если бы вы взглянули на ихъ домы, построенные обыкновенно не на виду, а въ какомъ-нибудь тѣсномъ и глухомъ переулкѣ, вы изумились бы удобству, простору и чистотѣ извнѣ, довольству и роскоши внутри дома, между-тѣмъ, какъ неважные чиновники, которые непосредственно начальствуютъ надъ *шу-бань*, пріѣзжаютъ въ присутствіе въ шелковыхъ платьяхъ, а живутъ большею частію въ

наемныхъ ветхихъ домахъ, и постоянно нуждаются въ самыхъ необходимыхъ житейскихъ потребностяхъ. *Шу-бань* производятъ всѣ дѣла не въ одной столицѣ, но и во всѣхъ провинціяхъ.

Чиновники, служащіе въ столицѣ, съ трудомъ перебиваются, и входятъ въ значительные долги, выжидая мѣста въ провинціи, которое всегда приноситъ хорошій доходъ. Эти мѣста не даются даромъ, и цѣна, которую слѣдуетъ заплатить за новую должность въ провинціи, опредѣляется количествомъ дохода, простираясь отъ нѣсколькихъ тысячь до нѣсколькихъ десятковъ тысячь рублей. Деньги за мѣста, составляютъ главный доходъ въ системѣ взяточничества высшихъ сановниковъ государства, отъ которыхъ зависитъ назначеніе должностей. Взятки эти не отдаются лично и открыто; искатель предварительно знакомится съ приближеннымъ слугою вельможи, заступающимъ у него должность докладчика, и черезъ него вручаетъ своему будущему патрону росписку изъ мѣняльной лавки на извѣстную сумму, которую онъ выдалъ мѣнялѣ наличнымъ серебромъ. Докладчикъ тоже получаетъ при этомъ случаѣ свою опредѣленную долю, отъ 10 до 20 процентовъ. Случается, что на одно мѣсто является нѣсколько искателей; каждый изъ нихъ приноситъ свой подарокъ,—но мѣсто остается за тѣмъ, кто принесъ болѣе. При этомъ *благопріобрѣтеніи*, у китайскихъ вельможъ есть своего рода честность: отдавъ мѣсто одному, они имѣютъ въ виду и прочихъ приносителей, назначая ихъ въ-послѣдствіи на открывающіяся вакансіи. Такіе вельможи считаются между народомъ людьми благородными, которые, разумѣется, *возьмутъ*, но за то *сдѣлаютъ*; другіе же, помѣстивъ одного, забываютъ совершенно остальныхъ, если эти остальные не напомнятъ о себѣ при слѣдующихъ вакансіяхъ новыми приношеніями.

Теперь, можетъ-быть, вы спросите, гдѣ взять бѣдному, задолжавшемуся чиновнику, такую значительную сумму на полученіе мѣста, и, что еще важнѣе, на уплату всѣхъ долговъ передъ выѣздомъ изъ столицы, равно и на то, чтобъ пріѣхать къ мѣсту новаго служенія съ должною важностію. Но вы не знаете Китая, великаго Китая, *съ его 400 мильйонов населенія*, если думаете, что *въ четыре тысячи лѣтъ его существованія* такая важная отрасль государственнаго управленія, какъ взяточничество, не приведена тамъ въ надлежащую систему. Чиновникъ, ищущій мѣста, продаетъ или закладываетъ все свое движимое и недвижимое имѣніе, что-называется до послѣдней нитки; обѣгаетъ друзей и знакомыхъ; подниметъ на ноги и просьбы, и убѣжденія, и обманъ,—и такъ-и-сякъ собираетъ нужное приношеніе. Выигралъ — хорошо; проигралъ—нечего дѣлать; но выиграть рѣдко не удается, и едва онъ получитъ назначеніе, какъ уже всѣ остальныя препятствія устраняются легко. Къ нему является благодѣтельный ростовщикъ, который тотчасъ же выплачиваетъ всѣ его долги, и даетъ значительную сумму денегъ на заготовленіе всего нужнаго для дороги, и для составленія свиты, приличной новому его званію. Если чиновникъ не пользуется особенною довѣренностію, то ростовщикъ, взявъ напередъ бумаги, утверждающія чиновника въ новомъ его званіи, самъ сопровождаетъ его до мѣста назначенія и остается тамъ жить, пока весь долгъ и съ огромными процентами не будетъ ему сполна выплаченъ, что, впрочемъ, оканчивается довольно-скоро. Тотчасъ по пріѣздѣ новаго чиновника, мѣстные *шу-бань* подносятъ ему *фэнь-цзы*, приношеніе, предварительно собранное со всѣхъ лицъ, сколько-нибудь подчиненныхъ новому чиновнику, для первоначальнаго его обзаведенія, что нерѣдко вознаграждаетъ его вдругъ за всѣ понесенные убытки. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ провинціи, чиновникъ возвращается въ столицу съ огромнымъ состояніемъ, такъ-что тот-

жасъ покупаетъ нѣсколько домовъ, отстроиваетъ себѣ богатое помѣщеніе и живетъ полнымъ бариномъ. Но не всегда чиновнику удается прожить въ провинціи нѣсколько лѣтъ: смерть отца *или* матери, по китайскому обычаю, заставляетъ его, оставивъ должность, пріѣхать къ родителямъ и совершить обрядъ погребенія, а потомъ дождаться, безъ всякихъ занятій, окончанія полнаго траура, продолжающагося у Маньджуровъ годъ, а у Китайцевъ три года. По окончаніи траура, онъ снова долженъ добиваться прежняго мѣста. Хорошо еще, если такая потеря случится тогда, когда уже онъ вступилъ въ должность; но бываютъ примѣры, что во время дороги къ мѣсту назначенія, онъ получаетъ извѣстіе о кончинѣ родителей, и тогда, не получивъ еще *фэнь-цзы*, онъ долженъ возвратиться назадъ, обремененный долгами и обязанный снова увеличить ихъ для пышныхъ похоронъ и новыхъ искательствъ. Вотъ причина огромныхъ процентовъ, получаемыхъ ростовщиками за услуги такимъ чиновникамъ.

Подъ словомъ *фэнь-цзы*, Китайцы разумѣютъ всякое денежное приношеніе, а такія приношенія дѣлаются не только чиновникамъ отъ низшихъ, но даже и между знакомыми въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ, на-примѣръ, въ день похоронъ, свадьбы, или при полученіи мѣста, Китаецъ дѣлаетъ торжественное приглашеніе всѣмъ своимъ знакомымъ, и они, являясь, вручаютъ ему конвертъ съ своей карточкой и съ слиткомъ серебра, количество котораго опредѣляется отношеніями гостя къ хозяину. Послѣдній, благодаря за *фэнь-цзы*, съ приличными оговорками, что это совершенно-лишнее,—тутъ же передаетъ пакетъ нарочно-приставленному довѣренному человѣку, который взвѣшиваетъ принесенное и записываетъ въ книгу, чтобъ можно было сосчитать всѣ приношенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ знать, кому сколько отдаривать, въ случаѣ подобнаго же приглашенія. Если кто, по обстоятельствамъ, не можетъ пріѣхать самъ, то онъ все-таки обязанъ прислать свой *фэнь-цзы;* въ противномъ случаѣ, всѣ связи прерываются. У самыхъ бѣдняковъ, какъ, на-прим., у солдатъ, *фэнь-цзы* не бываетъ менѣе двухъ, или трехъ рублей; у людей средняго состоянія простирается рублей до ста; а у вельможъ доходитъ до тысячи. Гости пріѣзжаютъ въ-продолженіе цѣлаго дня, и хозяинъ, послѣ первыхъ привѣтствій, усаживаетъ пріѣхавшихъ за столы, разставленные подъ шатромъ, разбитымъ на дворѣ дома. Смотря по величинѣ шатра, въ немъ помѣщается до десяти столовъ и болѣе.

Гости обѣдаютъ не всѣ вдругъ, а по времени своего пріѣзда, и хозяинъ старается усадить ихъ сообразно съ ихъ званіемъ. Такъ-какъ у каждаго стола обыкновенно помѣщается шесть человѣкъ, то хозяинъ приказываетъ подавать кушанье только на тѣ столы, у которыхъ собирается полное число гостей, уклоняясь отъ этого порядка, когда пріѣхавшіе гости значительны по своимъ отношеніямъ. Хотя бы ихъ было только двое, кушанья подаются тотчасъ,—и въ полномъ количествѣ для шестерыхъ; остальные же, не такъ важные гости, терпѣливо сидятъ у столовъ, ожидая, пока вновь-пріѣхавшіе не составятъ условнаго числа—шести. Всякій, отобѣдавъ, отправляется домой, и столы очищаются для новыхъ посѣтителей.

Обнаруживая мало дѣятельности внѣ дома, Китайцы мало заботятся и о своемъ хозяйствѣ. Въ домѣ достаточнаго владѣльца, всѣ распоряженія дѣлаются главнымъ изъ слугъ; сами же господа,—ни мужъ, ни жена,—большею частію ни во что не вмѣшиваются. Годовыхъ запасовъ никогда не дѣлаютъ, и всякую мелочь для стола покупаютъ ежедневно. Погребовъ въ домахъ нѣтъ, хотя, по глинистому грунту земли, устройство ихъ было бы возможно. Ледъ также покупается ежедневно на рынкахъ у продавцовъ, которые всякій день, привозятъ его изъ

огромныхъ ледниковъ, расположенныхъ по берегу канала. Въ каждомъ порядочномъ домѣ есть особенный закупатель, дѣйствующій заодно съ поваромъ, и умѣющій всегда составить «аптекарскій счетъ». Къ увеличенію домашнихъ расходовъ много содѣйствуетъ обычай Китайцевъ обѣдать порознь, такъ-что отецъ, какъ глава семейства, обѣдаетъ прежде, потомъ мать, сыновья и дочери послѣ нихъ, и притомъ каждые особо; а жены сыновей, обязанныя прислуживать матери, и играющія въ домѣ роль почти служанокъ, получаютъ свою долю обѣда послѣ всѣхъ. Даже въ самомъ низкомъ классѣ, мужъ обѣдаетъ одинъ и прежде всѣхъ; несоблюденіе же этого обыкновенія почитается незнаніемъ правилъ приличія.

Дэ-Минъ.

ПЕДАНТЪ. *Литературный типъ.*

Всѣмъ ученымъ и образованнымъ людямъ вѣдомо, что словесность, т. е. литература, должна имѣть цѣлію — *поучать, услаждая*. Покойный Мерзляковъ, великій знатокъ и учитель по части изящнаго, даже перевелъ (и прекрасно), кажется, изъ Тасса, чудесные стишки на этотъ счетъ:

> Такъ врачъ болящаго младенца ко устамъ
> Несетъ фіалъ, сластьми упитанъ по краямъ:
> Счастливецъ обольщенъ, пьетъ горькое цѣленье,
> Обманъ ему далъ жизнь, обманъ ему спасенье!

Другими словами: литература есть искусство «золотить пилюли». Мораль — дѣло хорошее, спору нѣтъ, но и скучное, горькое—противъ чего опять никто спорить не будетъ; слѣдовательно, надо же ее подслащать, *разсыпать*, чтобъ она достигала своей цѣли, т. е. исправляла нравы, дѣлала дурака умнымъ, пьяницу трезвымъ, взяточника и казнокрада—безкорыстнымъ, бездарнаго писаку отучала отъ пера, ябедника и клеветника отъ ложныхъ доносовъ...

Далѣе, всей просвѣщенной Европѣ извѣстно, что «идеалъ» есть не что иное, какъ собраніе въ одну фигуру разныхъ чертъ, разбросанныхъ въ природѣ и дѣйствительности,—а отнюдь не сама дѣйствительность въ возможности. Творчества тутъ не нужно: хотите изобразить красавицу — приглядывайтесь ко всѣмъ красавицамъ, которыхъ имѣете случай видѣть; у одной срисуйте носъ, у другой глаза, у третьей губы и т. д. — такимъ образомъ вы нарисуете красавицу, лучше которой уже нельзя и вообразить.

Я нахожу оба эти опредѣленія — «литературы» и «идеала»—чрезвычайно-основательными и вѣрю имъ безусловно. Особенно-хороши они тѣмъ, что, во-первыхъ, избавляютъ автора отъ необходимости имѣть талантъ и фантазію, а во-вторыхъ, уничтожаютъ возможность писать такія изображенія, въ которыхъ всякій, ктобъ ни былъ, могъ узнать себя и, въ-слѣдствіе этого, жаловаться на личности...

Само-собою разумѣется, что этотъ взглядъ на «литературу» и «идеалы» особенно удобенъ для «типовъ» въ родѣ тѣхъ, которые теперь извѣстны подъ именемъ «Нашихъ». Гоголь сказалъ великую правду, что «у насъ если скажешь объ одномъ коллежскомъ ассесорѣ, то всѣ коллежскіе ассесоры, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно пріймутъ на свой счетъ» (*). Поэтому, я нахожу гораздо-приличнѣе и удобнѣе изображать такіе типы, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ дѣйствительности, но которые были бы очень смѣшны: чрезъ это авторъ достигнетъ двухъ цѣлей разомъ—доставитъ удовольствіе своимъ читателямъ и никого не обидитъ.

Вотъ причины, которыя заставили меня взяться за перо, которое давно уже было мною забыто, и попытаться сдѣлать очеркъ одного изъ такихъ *пе-*

(*) «Современникъ» 1836 года, т. III, стр 60.

дантовъ, которыхъ нѣтъ и быть не можетъ, но которые могутъ существовать въ праздномъ воображеніи человѣка, подобно мнѣ имѣющаго свободное время *для* бумагомаранія. Если мой педантъ не разсмѣшитъ васъ и не доставитъ вамъ удовольствія — это обнаружитъ только мое неумѣнье и мою безталантность. Я нарочно взялъ предметъ *для* типа изъ такой сферы, которая у насъ не представляетъ собою ни сословія, ни касты. Всѣ эти мои оговорки проистекаютъ изъ роковаго предчувствія, что мой типъ, вмѣсто улыбки, возбудитъ въ васъ зѣвоту, вмѣсто того, чтобъ разсмѣшить, усыпитъ васъ; ибо—признаюсь вамъ—я не слишкомъ-то полагаюсь на свой талантъ по части типовъ... «Такъ зачѣмъ же беретесь?» скажете вы. Во-первыхъ, хочется попробовать—«авось-либо»—великое слово *для* русскаго человѣка, который многое дѣлаетъ на «авось»; потомъ, неотвязчивыя просьбы пріятелей: «вы-де знаете педантовъ и можете ихъ изобразить; теперь-де типы въ модѣ, *наши* въ ходу; да кто вамъ сказалъ, что вы не можете? вы человѣкъ съ дарованіемъ»...Что будешь дѣлать! Вы не знаете, что̀ это за народъ—мои пріятели! Какъ пристанутъ—непремѣнно уговорятъ; станутъ вамъ доказывать, что вы человѣкъ съ дарованіемъ—право, сочините романъ, хотя бы всю жизнь занимались математикою, или сельскимъ хозяйствомъ... Ну, что̀ ни будетъ — начинаю и, *для* успокоенія крѣпко-біющагося сердца, прошу васъ еще замѣтить, что это не типъ собственно, а скорѣе очеркъ, или проектъ *для* типа ..

Не воображайте себѣ моего педанта человѣкомъ старымъ, сѣдымъ, беззубымъ, добрымъ и глупымъ, обожателемъ Хераскова, поклонникомъ Сумарокова, послѣдователемъ философіи Баумейстера, піитики Аполлоса и реторики г. Толмачева: то педантъ добраго стараго времени. педантъ-покойникъ.—миръ праху его! Нѣтъ. я хочу вырѣзать вамъ силуетъ педанта новѣйшихъ временъ, педанта-романтика, который такъ молодъ, что еще и не родился на свѣтъ; такъ вамъ знакомъ, что вы не повѣрите мнѣ, чтобъ его можно было найдти и на лунѣ, не только на землѣ. Но если ужь болтать, то надо болтать обстоятельно, дѣлая видъ, что говоришь правду: въ этомъ-то и все смѣшное моего типа... Мой педантъ—сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Не претендуя на богатство, онъ претендуетъ на знатность рода. Зовутъ моего педанта: *Ліодоръ Ипполитовичъ Картофеличъ*. Росту онъ весьма небольшаго; въ молодости былъ сухощавъ и тщедушенъ, а теперь довольно-осанистъ и имѣетъ брюшко, нѣсколько четвероугольное и похожее на фоліантъ. Еслибъ не досада на успѣхи другихъ и на свои собственныя неудачи увѣрить свѣтъ въ своей геніальности, мой педантъ былъ бы такъ толстъ, что, при малости роста, походилъ бы на огромное in-quarto. Глаза у него сѣрые, а волосы средніе между русыми и рыжеватыми; на правой щекѣ бородавка съ довольно-длинною косичкою. Не помню, когда онъ родился; знаю, что въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, когда всѣ журналы наши превратились въ толки о классицизмѣ и романтизмѣ, Картофелинъ воспитывался въ единственномъ пансіонѣ губернскаго города, въ которомъ родился. Пансіонъ содержался обрусѣвшимъ Нѣмцемъ—назовемъ его хоть Гофратомъ (я слышалъ, что всѣ Нѣмцы — гофраты). Картофелинъ обнаруживалъ блестящія способности, и былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ, особенно по части россійской словесности. Прилежаніе его было примѣрно; поведеніе соотвѣтствовало прилежанію. На торжественныхъ актахъ онъ всегда говорилъ передъ публикою рѣчи и стихи, въ низшихъ классахъ—сочиненія своихъ учителей, а въ высшихъ—собственнаго издѣлія. Онъ первый подбилъ товарищей издавать журналъ, разумѣется, писанный, и каждую недѣлю по рукамъ мальчиковъ ходила чисто

и аккуратно переписанная рукою Картофелина тетрадка, подъ названіемъ «Сѣверная Флора, № такой-то». Тетрадка почти вся состояла изъ сочиненій Картофелина, или *Безбрежина*, какъ онъ называлъ себя на романтическомъ языкѣ: тутъ были стихи, повѣсти, критика и смѣсь. Стихи и критика всегда были сочиненія Ліодора Безбрежина: онъ объявилъ себя монополистомъ этихъ двухъ отдѣленій. Г. Гофратъ чуть не плакалъ отъ умиленія при видѣ успѣховъ и всеобъемлющей дѣятельности свѣтила своего пансіона: послѣ каждаго новаго романтическаго стихотворенія, онъ бралъ Картофелина за уши, слегка приподнималъ и нѣжно цаловалъ въ голову. Всѣ ученики смотрѣли на него, какъ на генія; а учитель словесности, учившійся нѣкогда по Бургію и, слѣдовательно, классикъ по неволѣ, даже побаивался его. Обремененный лаврами, мой Картофелинъ, сей внукъ (увы, *не послѣдній!*) Василія Кирилловича Треліаковскаго, пріѣхалъ въ одну изъ столицъ нашихъ, - положимъ въ Москву. Не помню, что онъ дѣлалъ нѣсколько лѣтъ; но вотъ онъ является учителемъ «россійской словесности»...Да, я непремѣнно хочу сдѣлать моего педанта учителемъ словесности: знаменитый дѣдъ всѣхъ педантовъ, Василій Кирилловичъ Треліаковскій, былъ «профессоромъ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ»: одной этой причины уже слишкомъ достаточно, чтобъ я сдѣлалъ моего педанта учителемъ «россійской словесности»; сверхъ-того, я убѣжденъ отъ всей души, что никакое званіе такъ не идетъ къ педанту, какъ званіе учителя «россійской словесности». Да, эта «россійская словесность» преимущественно сподручна для шарлатановъ и педантовъ: въ нее можно класть что угодно, и оттуда можно вынимать какія угодно теоріи, безъ опасенія заплатить пошлину за болтовню. Я не хочу этимъ сказать, чтобъ всякій учитель словесности былъ педантъ—смѣшно и странно было бы питать такую исключительную и ложную мысль! Хорошіе и достойные люди есть вездѣ. Я хочу только сказать, что педантъ непремѣнно долженъ быть учителемъ россійской словесности.

Но мой педантъ не ограничился однимъ учительствомъ: онъ, какъ и слѣдовало ожидать, пустился въ литературу. Всѣ альманахи и журналы были наполнены его стихами. Стихи были гладки, но тяжелы; полны мыслей,—но эти мысли отзывались чѣмъ-то напряженнымъ, изъисканнымъ и дикимъ, такъ-что снутри походили на совершенную безсмыслицу—не только безмыслицу, а снаружи казались чрезвычайно-глубокими и возвышенными. Хотя толпа болѣе видитъ снаружи, чѣмъ снутри, однако она не читала стиховъ Картофелина, и осталась при одномъ уваженіи къ нимъ. Въ то время, одинъ ловкій промышленикъ основалъ журналъ, который, по его плану, долженъ былъ отличаться добросовѣстностью, ученостію и безкорыстіемъ. Послѣдняя статья касалась исключительно однихъ *сотрудниковъ*; издатель же имѣлъ о ней свое понятіе, которое не почиталъ нужнымъ объяснять во всеуслышаніе. Хитрый антрепренёръ тотчасъ смекнулъ, что за птица Картофелинъ. Онъ понялъ, что этотъ чернильный витязь готовъ трудиться до кроваваго поту изъ одной «славы», изъ одного удовольствія каждый день пересчитывать сколько новыхъ строкъ прибавилось у него къ числу уже написанныхъ: чистое и благородное удовольствіе всѣхъ педантовъ! О, педантъ похожъ въ этомъ отношеніи на скрягу, который, отходя ко сну, пересчитываетъ, сколько рублей и копеекъ прибыло у него съ утра... Журналистъ не ошибся: Картофелинъ оказался для него золотымъ человѣкомъ: онъ взвалилъ на себя всю работу, а разживу предоставилъ хозяину, который, впрочемъ, почелъ нужнымъ, изъ приличія, увѣрить его, что небольшія выгоды отъ журнала онъ употребляетъ на изданіе полезныхъ книгъ и вспомоществованіе бѣднымъ людямъ, а самъ

питается безкорыстною любовію къ наукѣ и высокими мыслями. Добродушный педантъ повѣрилъ: онъ былъ столько же безкорыстенъ, честенъ и довѣрчивъ, сколько и опромегчивъ... И это нисколько не удивительно: ограниченность такъ часто соединяется съ добродушною честностью — по крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока не раздразнятъ, умышленно, или не умышленно, ея мелкаго самолюбія...

Но вотъ что многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ: прозаическими статьями своими Картофелинъ обратилъ на себя общее вниманіе, какъ человѣкъ со вкусомъ, умомъ и дарованіемъ, — и я долженъ сознаться, что такое мнѣніе о Картофелинѣ было только преувеличено, но въ основаніи не совсѣмъ-несправедливо. Мой педантъ — изволите видѣть — дѣйствительно не безъ ума и не безъ способностей; онъ только ограниченъ, но не глупъ, только мелочно-самолюбивъ, но не бездаренъ; послѣднія достоинства онъ, въ качествѣ педанта, долженъ пріобрѣсти въ-послѣдствіи, когда мелкое самолюбіе его, въ союзѣ съ лѣтами, задавитъ въ немъ то немногое, что дала ему природа. Притомъ же, обстоятельства времени много способствовали Кортофелину прослыть даже геніемъ — по-крайней-мѣрѣ, въ кругу своихъ пріятелей и товарищей по пансіону — сотрудниковъ рукописной «Сѣверной Флоры»: педанты прежнихъ временъ тащились по избитой колеѣ Баттё и Лагарповъ, а мой Картофелинъ принялся за нѣмечину. Малой онъ былъ работящій, прилежный; память у него была здоровая; нѣмецкому языку онъ былъ выученъ еще въ дѣтствѣ. Я увѣренъ, что по инстинкту, онъ выбралъ бы своими героями Клопштока и Николаи, но слава Гёте и Шиллера тогда была уже во всемъ своемъ колоссальномъ величіи, а Шлегелей тогда еще считали великими людьми: — такъ ему, знаете, при готовыхъ понятіяхъ, чужимъ умомъ и при фразистомъ языкѣ не трудно было показаться не тѣмъ, что онъ есть... Притомъ же, въ молодости, всякій человѣкъ живѣе, а слѣдственно, и умнѣе, чѣмъ въ старости, и по инстинкту отстаиваетъ новое противъ стараго... Впрочемъ, и тогда уже многіе замѣчали въ слогѣ Картофелина что-то пухлое, дряблое, какую-то искуственную простоту и натянутую оригинальность, что-то отзывающееся солодковымъ корнемъ и сытою... И эти люди не ошиблись, какъ увидимъ ниже.

Вотъ поѣхалъ мой педантъ за границу — вы думаете, въ Германію? — Я самъ то же думалъ сперва, но моя фантазія велитъ мнѣ послать его въ страну *филологовъ и комментаторовъ*, гдѣ на каждый стихъ великаго поэта написано по сту тысячь томовъ объясненій и примѣчаній. Не знаю, что онъ тамъ дѣлалъ цѣлые семь лѣтъ, но знаю, что присылалъ оттуда предлинныя стихотворенія.

Наконецъ, мой Картофелинъ возвращается въ любезное отечество... Боже мой, какъ онъ перемѣнился! Поѣхалъ молодымъ литераторомъ, котораго настоящую цѣну немногіе понимали, а воротился педантомъ, котораго значеніе уже всѣмъ ясно... Сѣмена принесли плоды, и натура сказалась... Начнемъ съ того, что онъ пріѣхалъ съ брюшкомъ — доказательство, что онъ страдалъ о судьбѣ человѣчества въ своихъ стишонкахъ.. Натянутая важность лица, при смѣшной фигурѣ и кругломъ брюшкѣ, сдѣлала его похожимъ на лягушку, которая, въ баснѣ Езопа, хочетъ раздуться въ вола. Самолюбіе его дѣйствительно раздулось, какъ прыщъ: страшно и гадко прикоснуться къ нему. Общество педантъ сталъ принимать за свое училище, салонъ за аудиторію, свѣтскихъ людей — за школьниковъ: говоритъ все свысока, словно лекцію читаетъ, и если кто не слушаетъ его съ благоговѣніемъ, на тѣхъ смотритъ онъ презрительно, и если кто заговоритъ, хотя бы на противоположномъ концѣ залы, онъ посмотритъ на того, какъ Юпитеръ олимпійскій — съ гнѣвомъ и помаваніемъ бровей... Любимый раз-

сказъ его о томъ, какъ онъ ходилъ, въ Парижѣ, на поклоненіе къ великому романисту. Въ Германіи педантъ былъ проѣздомъ; она ему не понравилась. Нѣмцы—говорилъ онъ — раздружились, въ своей отвлеченности, съ жизнію; они презираютъ величайшую изъ наукъ—филологію; они предпочитаютъ ей философію, это буйное обожествленіе разума... Я былъ въ Берлинѣ,—и мой бѣдный черепъ трещалъ отъ мудреныхъ вещей, которыя слышалъ я въ тамошнемъ университетѣ... Нѣмцы забыли великаго Бахмана и предпочитаютъ ему сухаго, отвлеченнаго, схоластическаго Гегеля, этого Анграмелеха новѣйшей философіи»..Педантъ мой говоритъ голосомъ важнымъ, протяжнымъ и тихимъ, нѣсколько переходящимъ въ фистулу, какъ-будто отъ изнурительной полноты ощущеній въ пустой груди, какъ будто бы отъ изнеможенія въ-слѣдствіе частой декламаціи ex-officio. Въ школу онъ приноситъ съ собою графинъ сахарной воды, которою запиваетъ почти каждую свою фразу... И вотъ, въ порывѣ моего *типическаго* вдохновенія, мнѣ кажется что я вижу его на учительскомъ стулѣ, возсѣдающаго съ приличною важностію, слышу его чахоточный голосъ, безпрестанно прерывающійся отъ полноты педантическаго самодовольствія и хлебковъ сахарной воды: «Милостивые государи! я былъ тамъ и тамъ, а вы не были; но это ничего: послѣ того, что я разскажу вамъ о тѣхъ странахъ — вамъ покажется, что вы сами тамъ были... Нѣмцы вздумали мирить философію съ жизнію— они воображаютъ, что можно эту цвѣтущую жизнь сдѣлать содержаніемъ бездушныхъ логическихъ формулъ... Нѣмцы не любятъ буквы... а я, господа, я—признаюсь—люблю букву... Вотъ я было - вздумалъ прочесть эстетику Гегеля, но принужденъ былъ бросить ее подъ столъ: помилуйте, господа, вѣдь книги пишутся для удовольствія, а не для ломанія головы...» Литературы педантъ, конечно, не оставилъ; но его дѣятельность уже измѣнилась: о Нѣмцахъ и нѣмецкомъ онъ уже—ни слова..Слогъ его сталъ дикъ до послѣдней степени. Желая поднять до седьмаго неба повѣсти своего пріятеля, онъ говоритъ, что его пріятель выдвинулъ всѣ ящики въ многосложномъ бюро человѣческаго сердца... Начиная восхищаться родиною, онъ дѣлаетъ вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: что, если бы наша Волга, забравъ съ собою Оку и Каму, да соединившись съ Леною, Енисеемъ, Обью и Днѣпромъ, взлѣзла на Альпы, да оттуда —у у у у у! на всѣ концы Европы; куда бы дѣвались всѣ эти Французишки, Нѣмчура?.... Не правда-ли, подобные вопросы приличны только или педанту, или крестьянскому мальчику, который говоритъ: «а что, тятя, коли бъ нашъ чалый меринъ-то сдѣлался бурою коровою— вѣдь мама молочка еще бы дала мнѣ?»... Вы смѣетесь, читатели? моя выходка вамъ кажется фарсомъ, плоскою шуткою? Смѣйтесь, а я стою на томъ, что педантъ еще и не то въ состояніи написать. Вѣдь я васъ предупредилъ, что пишу выдумку, игру моей досужей фантазіи, а не списываю рабски съ дѣйствительности: такъ не мѣшайте же мнѣ выдумывать. И такъ, я увѣренъ, что мой педантъ слова не скажетъ въ простотѣ—все съ ужимкой: напр., вмѣсто того, чтобъ сказать, что Петербургъ построенъ на ровномъ мѣстѣ онъ скажетъ, что ровная гладь подкатилась подъ огромные дома града Петрова... и пр. и пр.

Воротившись изъ-за границы, мой педантъ перемѣнился и въ другомъ отношеніи: бывало, онъ вздыхалъ въ стишонкахъ о лунѣ и дѣвѣ, горевалъ о какой то разрозненной съ нимъ волнѣ; а теперь очень прозаически, но за то выгодно и тепло пристроился и зажилъ филистеромъ. Ужъ не знаю, отъ этого ли, или отъ долговременнаго пребыванія за границею, только мой педантъ, воротившись, сдѣлался ужаснымъ витяземъ жолтыхъ перчатокъ и прекраснаго пола: въ каждой статьѣ своей онъ твердилъ по сту разъ, что

онъ даже дома ходитъ въ жолтыхъ перчаткахъ; при выходѣ всякой плохой книжки, но лишь бы написанной женскою рукою, онъ, бывало, такъ и кричитъ: *place aux dames*! Съ особенною ревностію писалъ онъ статьи о балахъ и маскарадахъ; въ этихъ статьяхъ видно было утомленіе отъ танцевъ, ибо за каждою фразою слѣдовало, по-крайней-мѣрѣ, три точки... Это такъ понравилось педанту, что онъ безъ точекъ послѣ каждой своей фразы ужь ничего не могъ писать.

Много прошло времени, многое измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, а мой педантъ не долженъ измѣняться: любовь его къ буквѣ должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращеніе ко всему живому и разумному — также. Слова «идея» онъ не долженъ слышать безъ ужаса и безъ точекъ... По моему мнѣнію, онъ даже долженъ сдѣлаться лицемѣрнымъ моралистомъ и ханжою, потому-что, всегда думая давать тонъ и направленіе времени, онъ всегда былъ и всегда долженъ быть рабомъ времени и выдавать за новость то, что уже давно сказано другими, болѣе его сметливыми людьми. И такъ, мой педантъ принимаетъ подъ свое критическое покровительство все бездарное и ложно моральное, и на поваль бранитъ все, въ чемъ есть жизнь, душа, талантъ..Онъ безпристрастенъ и, зажмуривъ глаза, колотитъ направо и налѣво, и чужихъ и своихъ, если послѣдніе, будучи ему чужими по таланту, бываютъ своими по отношеніямъ... Да, онъ вѣренъ своему правилу...

Не смотря на то, что мой педантъ долженъ быть отъ природы довольно-добрымъ и честнымъ человѣкомъ, — нѣтъ существа болѣе его способнаго быть злымъ и низкимъ. Дѣло въ томъ, что онъ не что иное, какъ раздутое самолюбіе: хвалите его маранье, дорожите его критическими отзывами, — онъ добръ, веселъ, любезенъ по-своему, онъ готовъ сдѣлать вамъ все хорошее, что только въ его возможности; но бѣда ваша, если вы не съумѣете, или не захотите скрыть отъ него, что вы и умнѣе и талантливѣе его, что у него самолюбіе съѣло небольшую долю ума, вкуса и способности, данныхъ ему природою... О, тогда онъ готовъ на все злое и глупое — берегитесь его!.. Рецензія его тогда превращается въ площадную брань, критика становится похожа на позывъ къ отвѣту за дѣланіе фальшивой монеты... Тогда вы у него — кондотьери, бандитъ... Да, педантъ все проститъ вамъ, кромѣ невыносимой для него обиды — быть умнѣе и талантливѣе его... Но во всякомъ случаѣ, это существо болѣе смѣшное и забавное, чѣмъ опасное: ибо противъ его «позывовъ» есть правосудіе, а противъ тупыхъ зубовъ его есть литературные дантисты, которые, шутя, выдергиваютъ ихъ...

И не смотря на все это, еще многое бы можно было поразсказать о педантѣ; но не все же вдругъ, надо что-нибудь поберечь и на будущее время. Притомъ же, я еще не знаю, понравится ли вамъ, читатели, и то, что я написалъ. Если же понравится, то ждите отъ меня типъ *литературнаго циника:* это человѣкъ, который, вѣкъ свой живя въ бочкѣ, нажилъ себѣ домы и деревни; человѣкъ, который, вѣкъ свой занимаясь исключительно перекупкою и перепродажею мусора, битой посуды, стараго желѣза и кирпича, успѣлъ увѣрить всѣхъ, что онъ — и ученый и литераторъ; человѣкъ, который, вѣкъ свой будучи спекулянтомъ, увѣрилъ всѣхъ что онъ — идеалъ честности, безкорыстія и добросовѣстности; человѣкъ, который самъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ неопрятныхъ изданій, дурныхъ переводовъ, а всѣмъ твердитъ съ циническою коротостію: «надо дѣлать, надо удовлетворять текущей потребности»; человѣкъ, который, если и издалъ нѣсколько плохихъ книгъ, то чужими руками состряпанныхъ, а прославился дѣятельнымъ; человѣкъ, который одолжитъ васъ при нуждѣ безделкою, да заставитъ васъ перевести книгу, выгоду отъ которой честно раздѣлитъ съ вами такъ: вамъ словесную

благодарность, а себѣ деньги... Да, мало ли еще можно написать такихъ типовъ? А газетёры, журналисты, фельётонисты, романисты, нувеллисты, водевилисты и другіе «исты»?.. Вотъ гдѣ заключаются неисчерпаемыя сокровища для «Нашихъ»...

Петръ Бульдоговъ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Театральная литература наконецъ надоѣла намъ до-нельзя! А между-тѣмъ «Театральная Хроника» необходима въ журналѣ, какъ дополненіе къ «Библіографической Хроникѣ». Что тутъ дѣлать? —Мы рѣшились говорить только о пьесахъ, примѣчательныхъ по эффекту, произведенному ими на публику Александринскаго Театра; о другихъ или умалчивать, или говорить коротко, безъ изложенія содержанія. Въ-самомъ-дѣлѣ, легкое дѣло — разсказывать содержаніе того, въ чемъ не только содержанія — смысла не бываетъ!...

Съ чего же начать? — Въ-продолженіи трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ надѣлали много шуму слѣдующія пьесы, о которыхъ мы не говорили, и изъ которыхъ сдва дышутъ только послѣднія, а первыя уже умерли:

1) Князь Серебряный, или Отчизна и Любовь, *оригинальная драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч.* Н. Филимонова.

Эта драма — передѣлка извѣстной повѣсти Марлинскаго «Наѣзды». Передѣлывать повѣсть въ драму, или драму въ повѣсть — противно всѣмъ понятіямъ о законахъ творчества, и есть дѣло посредственности, которая своего выдумать ничего не умѣетъ, и потому хочетъ жить, по неволѣ, чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ и чужимъ талантомъ. Когда такого рода чернильные витязи хватаются за хорошую повѣсть — оскорбительно видѣть, какъ они уродуютъ прекрасное произведеніе; когда они берутся за плохую повѣсть — досадно видѣть ихъ тщетныя усилія воскресить забытую нелѣпость. Повѣсть Марлинскаго «Наѣзды» въ свое время была хороша и стоила своего успѣха. Хотя герой ея, по своимъ чувствамъ, понятіямъ и поступкамъ, былъ Нѣмецъ съ русскимъ именемъ, хотя въ его русскихъ поговоркахъ высказывался нѣмецкій складъ ума; хоть всѣ событія повѣсти натянуты и неестественны, страсти поставлены на ходули, характеры составлены по рецептамъ: однако бойкій, одушевленный разсказъ и хорошій языкъ автора всѣми были приняты за удивительное мастерство воскрешать «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», живописать страсти и изображать характеры, да еще какіе — глубокіе, сильные, идеальные... Но теперь — иное дѣло! Съ-тѣхъ-поръ много утекло воды въ океанъ забвенія, а съ нею и вода повѣстей Марлинскаго... Съ-тѣхъ-поръ причитались, присмотрѣлись и прислушались ко многому новому, и лучше поняли, что̀ такое творчество, народность въ искусствѣ, созданные характеры, истинныя чувства и естественно-развивающееся дѣйствіе. Теперь читать «Наѣзды» — все равно, что перечитывать страшные романы г-жи Радклифъ, которые въ свое время производили фурόръ во всей просвѣщенной Европѣ. Видѣть же на сценѣ плохую передѣлку устарѣвшей повѣсти — хуже всего худаго, что̀ только можно придумать. Содержаніе «Наѣздовъ» Марлинскаго такъ всѣмъ извѣстно, что нѣтъ никакой надобности пересказывать его — особенно по поводу плохой драмы.

2) Максимъ Созонтовичъ Березовскій, *оригинальная историческая быль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ, соч.* Г. А. Смирнова.

Первый опытъ въ драмѣ новаго дарованія, успѣвшаго проявиться еще толь-

ко въ двухъ посредственныхъ комедіяхъ — «Сбритая Борода» и «Сваха Стряпчій»...Березовскій—студентъ Академіи, даровитый композиторъ, хочетъ жениться на Анютѣ, страстно-влюбленной въ него дѣвушкѣ, дочери его хозяйки. Музыкальное сочинненіе его доставляетъ ему похвалу Академіи и покровительство графа Алексѣя Васильевича (фамилія скрыта авторомъ), который даетъ ему возможность отправиться въ Италію. Восторги артиста — отчаяніе невѣсты — клятвы въ ненарушимости слова со стороны жениха. Воротившись въ отечество, Березовскій влюбляется въ дочь графа, своего покровителя. За чѣмъ-то и какъ-то, въ домъ графа является Анюта и возбуждаетъ подозрѣніе въ женихѣ графини. баронѣ Клокѣ, который и застаетъ любящихся въ нѣжномъ объясненіи. Графъ съ безчестіемъ выгоняетъ Березовскаго изъ дому. Онъ отравляется и умираетъ съ разными монологами, при вопляхъ Анюты и ея матери, которыя Богъ знаетъ откуда взялись тутъ; прибѣгаетъ графиня Марья Алексѣевна и падаетъ на колѣни передъ трупомъ — занавѣсъ опускается, публика хлопаетъ въ ладоши и кричитъ «*Каратыгина, Дюръ!... Дюръ, Каратыгина!*»...

3) Ромео и Юлія. *Драма* Шекспира, *въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переводъ* М. Каткова.

Чего не дѣлаютъ у насъ съ бѣднымъ Шекспиромъ? Его передѣлываетъ и пародируетъ г. Полевой, его переводятъ какіе-то мальчики, его сокращаютъ артисты, растягиваютъ плохіе переводчики; его, наконецъ, даютъ на русской сценѣ, вмѣстѣ съ *Серебряными, Березовскими, Гладіаторами, Парашами, Уголинами* и прочимъ сценическимъ хламомъ!.., Переводамъ «Ромео и Юліи» еще посчастливилось: переводъ г. Каткова изъ лучшихъ русскихъ переводовъ драмъ Шекспира; но давать его на сценѣ не слѣдовало: для роли Ромео нуженъ былъ артистъ не только пламенный, вдохновенный, но еще и молодой и прекрасный собою; для роли Юліи нужна такая артистка, какой еще на русской сценѣ не бывало; для прочихъ дѣйствующихъ лицъ также нужны актёры, какихъ у насъ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Бѣда Шекспиру: публика при представленіи его пьесъ спитъ, а онъ, вишь, виноватъ!... Впрочемъ, лучше всѣхъ выполнилъ свою роль г. Максимовъ 1-й, игравшій Меркуціо. Переводъ г. Каткова «Ромео и Юліи» напечатанъ въ «Пантеонѣ» 1841 года, слѣдовательно, нѣтъ нужды разсказывать содержаніе этой пьесы, *нечаянно* попавшей на сцену...

4) Маскарадъ при Лудовикѣ XIV. *Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенная съ французскаго* П. С. Θедоровымъ.

Содержаніе этой пьесы хорошо извѣстно посѣтителямъ французскихъ спектаклей Михайловскаго Театра; для всѣхъ прочихъ — это уже старая новость, да намъ и некогда разсказывать: насъ ждутъ еще: «Отецъ и Дочь» «Римскій Боецъ» и «Елена Глинская»... Сверхъ-того, хорошо разсказать содержаніе такой чисто-французской пьесы едва-ли не такъ же трудно, какъ и написать ее: въ ней вся калейдоскопическая живость и граціозная игривость французской жизни, французскаго юмора, ума, остроумія, драматическаго генія...И, Боже мой! какъ невыразимо-хорошо идетъ эта пьеса на Михайловскомъ Театрѣ! Какъ хорошъ г. Алланъ въ роли герцога Валуа — настоящій герцогъ, не слуга въ герцогскомъ платьѣ!... Какъ хороша г-жа Алланъ въ роли герцогини Валуа — настоящая герцогиня, не горничная въ платьѣ герцогини! А несравненный Верне въ роли Шарло! Какая жизнь, какое движеніе, быстрота, истина въ сценѣ маскарада, гдѣ герцогъ волочится за маскою, не подозрѣвая, что это — жена его! На русской сценѣ, не дуренъ г. Максимовъ 1-й въ роли Шарло; только жаль, что онъ мало похожъ на Француза...

5) Отецъ и Дочь. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Передѣланная съ италіянскаго* П. Г. Ободовскимъ.

Г. Ободовскій, вмѣстѣ съ г. Полевымъ — самые ревностные работники для сцены Александрынскаго Театра. Любо-дорого смотрѣть на плодовитую и не утомимую дѣятельность! Одинъ все переводитъ и переводитъ, и притомъ именно *все*, т. е. всякую всячину въ чувствительномъ и трогательномъ родѣ; другой... но позвольте, сперва надо поговорить объ одномъ...

Чтобъ быть счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, дѣйствуя на литературномъ поприщѣ, прежде всего должно — не имѣть таланта... да. не имѣть таланта, однако же и не быть совершенно бездарнымъ писателемъ а такъ-себѣ — знаете — серёдка на половинѣ, ни то, ни сё: толпа любитъ посредственность... Потомъ, должно имѣть много дѣятельности, такъ, чтобъ, напр., ставить драму за драмою — словно блины печь: толпа не злопамятна, и требуетъ, чтобъ ей безпрестанно напоминали о себѣ, чтобъ имя пришедшагося ей по плечу господина-сочинителя безпрестанно рябило въ ея глазахъ... Потомъ... но что слѣдуетъ потомъ, я разскажу вамъ послѣ, когда-нибудь, а теперь мнѣ нужно поскорѣе разсказать вамъ содержаніе «Отца и Дочери», а то, пожалуй, этакъ мы и не доберемся до «Елены Глинской...»

Агнеса Доберстонъ вышла замужъ за лорда Станлея, противъ воли своего отца; отъ-сего рѣченный отецъ сошелъ съ ума и пошелъ въ домъ умалишенныхъ. Черезъ пять лѣтъ, лорду Станлею надоѣло ворковать съ своею нѣжною голубкою; въ душѣ его пробудилось честолюбіе; цѣлый годъ живетъ онъ въ Лондонѣ, хлопочетъ по выборамъ; а жена тоскуетъ въ небольшомъ городкѣ близь Дублина. Наконецъ, супруги увидѣлись, — и мужъ безъ дальнихъ околичностей предлагаетъ женѣ разводъ: ему надо жениться на дочери какого-то маркиза, чтобъ открыть себѣ политическую карьеру. Жена въ обморокѣ, пользуясь которымъ мужъ хочетъ отправить ее во Францію, подкупивъ капитана корабля. Очнувшись, Агнеса несетъ разную высокопарную дичь о проклятіи отца, о сбывшихся надъ нею его мрачныхъ предсказаніяхъ. Слуга Робертъ помогаетъ ей убѣжать съ пятилѣтнею ея дочерью, Кларою. Въ лѣсу встрѣчается она съ отцомъ, который, съ оборвованною цѣпью на ногѣ, вырвался изъ дома умалишенныхъ. Слѣдуетъ сцена столкновенія виновной дочери съ сумасшедшимъ отцомъ, сцена, исполненная самыхъ пошлыхъ и приторныхъ эффектовъ, общихъ мѣстъ и пустыхъ восклицаній. Все это кажется толпѣ ужасно-патетическимъ, отчаянно-потрясающимъ: такъ видитъ ребенокъ страшное привидѣніе въ человѣкѣ, который, чтобъ испугать его, надѣлъ свою шубу шерстью вверхъ.... И въ самомъ-дѣлѣ, Агнеса такъ испугалась, что повесла неисчерпаемую дичь, исполненную *высокаго слога* и незнанія грамматики:

> СЕЙ *горькій видъ* страданій не снесу,
> О, Господи! разрушь меня огнемъ небеснымъ,
> Мой *гнусный* прахъ вели ты бурямъ разметать;
> *Я* довела его до страшнаго безумья,
> Дни нѣжнаго отця *я* отравила, *я*!....

Потомъ Агнеса приходитъ въ модный магазинъ Фанни, дочери своей кормилицы. Фанни даетъ ей убѣжище, черезъ что лишается всѣхъ своихъ покупщицъ — дрянныхъ женщинъ, которыя такъ и бросаютъ въ Агнесу свои тартюфскія анаѳемы: Мало того: онѣ хотятъ лишить Фанни жениха, но Генрихъ, сей великодушный женихъ, еще болѣе влюбляется отъ-этого въ свою невѣсту. Агнеса добивается въ домѣ сумасшедшихъ мѣста сидѣлки при своемъ отцѣ. Наконецъ, его чудеснымъ образомъ исцѣляютъ музыкою; за чѣмъ слѣдуютъ объятія, охи, ахи, вздохи... Все это крайне растянуто, водяно, приторно,

пошло, вздорно, фразисто; характеровъ нѣтъ, дѣйствія никакого. И немудрено: плоская мелодрама эта передѣлана изъ опернаго либретто... Что въ либретто хорошо, какъ положеніе для музыки, то въ драмѣ, естественно, выходитъ ужасно нелѣпо...

6) Римскій Боецъ *(Гладіаторъ). Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч.* А. Сумё, *передѣланная съ французскаго* В. К.

Когда думаешь, говоришь, или пишешь о какихъ бы то ни было драматическихъ пьесахъ, о какомъ бы то ни было театрѣ,—всегда и невольно вспоминаешь нашъ Михайловскій Театръ, его французскую труппу, его русскую публику. Чудный театръ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ—нельзя довольно нахвалиться имъ!... Вотъ, напр., какъ не поставить его въ образецъ всѣмъ театрамъ въ мірѣ за его репертуаръ: на Михайловскомъ Театрѣ даются или веселые, живые, забавные и умные водевили французскіе, прекрасно-поставляемые, превосходно-выполняемые; или комедіи, въ которыхъ отражается современная жизнь, въ концепціи и выполненіи которыхъ виденъ этотъ общественный тактъ, сценическое умѣнье, простота и истина, свойственныя только французскимъ писателямъ нашего времени, — таковы комедіи Camaraderie, Un bal masqué, Les premières armes du duc de Richelieu, и т. п.; или наконецъ такъ-называемую «драму»—эту единственно-истинную трагедію нашего времени, которая находитъ патетическое, потрясающее и высокое въ прозѣ повседневнаго быта, въ дѣйствительности современной жизни, таковы пьесы —La famille Riquebourg, ou le mariage mal assorti, La Lectrice, Une Faute, Une Chaine и т. п. Но на немъ не даютъ ни шекспировскихъ трагедій, для которыхъ мала наша французская труппа, и которымъ не соотвѣтственны ея первые таланты, ни новѣйшихъ издѣлій подъ громкимъ именемъ трагедій—этихъ жалкихъ и пошлыхъ подѣлокъ подъ шекспировскую и шиллеровскую драму, которыя такъ же похожи на свои образцы, какъ трагедіи Корнеля и Расина на трагедіи Эсхила, Софокла и Эврипида... За то, въ Михайловскій Театръ ходятъ наслаждаться изящнымъ искусствомъ, а не зѣвать и хлопать. Если даютъ водевиль—вы смѣетесь отъ души; если даютъ комедію, — вы и смѣясь мыслите и наслаждаетесь; если даютъ драму,—потрясенная душа ваша надолго освѣжается отъ удушья прозаической вседневности мощными и благородными впечатлѣніями.... Если изрѣдка случается вамъ видѣть скучныя пьесы и на Михайловскомъ Театрѣ,—такъ это развѣ такъ-называемую «высокую комедію» XVIII вѣка; но и тутъ васъ вознаграждаетъ превосходная, художественная игра артистовъ. Но если ужь и зѣвать, такъ конечно лучше отъ плохой комедіи, чѣмъ отъ плохой, или и превосходной, но плохо-выполняемой трагедіи: ибо въ послѣднемъ случаѣ требованія ваши выше и важнѣе...

«Гладіаторъ» есть именно одна изъ тѣхъ трагедій, въ которыхъ авторы становятъ на дыбы свою фантазію, пришпориваютъ ее насильственнымъ экстазомъ, ищутъ содержанія въ народахъ, вѣкахъ и эпохахъ, извѣстныхъ имъ только по книгамъ, и то весьма мало; одна изъ тѣхъ трагедій, гдѣ что ни чувство, что ни мысль, что ни слово—то и ложь и фальшь; одна изъ тѣхъ трагедій, которыя насильно распяливаются на пять актовъ и множество отдѣленій, картинъ, сценъ, выходовъ и т. п., для того только, чтобъ сравняться въ объёмѣ съ драмами Шекспира; наконецъ, одна изъ тѣхъ трагедій, которыя пишутся для зѣвоты и рукоплесканій толпы, зѣвающей, а все хлопающей, чтобъ слышать себя же самое и чтобъ деньги недаромъ пропадали... Когда Французъ пишетъ драматическую пьесу, не выходя изъ соціальнаго элемента, твердо держась своего національнаго созерцанія интересовъ и сущно-

сти современной жизни, — ему нѣтъ соперниковъ: онъ простъ, истиненъ, ловокъ, живъ, остроуменъ, блестящъ, трогателенъ, глубокъ; но за то, когда онъ залетитъ въ прошедшіе вѣка и къ чужимъ народамъ, когда съ важнымъ видомъ берется создать что-нибудь великое,—не меньше пяти актовой пьесы, — онъ ложенъ, вычуренъ, фразёръ, декламаторъ, эффектёръ, поверхностенъ, пустъ, скученъ... Нѣмецъ тутъ съумѣетъ быть хоть вѣренъ исторіи и выказать свою громадную эрудицію; слѣдственно, въ его драмѣ хоть что-нибудь можно найдти, а у Француза — ровно ничего не найдете, кромѣ скуки и трескотни надутыхъ фразъ и фейерверочныхъ эффектовъ... Содержаніе «Гладіатора» всего лучше подтвердитъ нашу мысль.

Мать кесаря Гордіана имѣетъ много тайнъ, которыя не могутъ принести чести такой важной особѣ ея пола; гладіаторъ— наперсникъ и повѣренный этихъ страшныхъ и грязныхъ таінъ. Когда императрица Фаустина готовилась сдѣлаться матерью, ее кто-то увѣрилъ, что для счастія новорожденнаго нуженъ составъ, сдѣланный изъ свареннаго ребенка; и вотъ Фаустина замучила одну женщину, разрѣшающуюся въ пыткѣ, преждевременно, дѣвочкою, которую въ ту же минуту вырываетъ изъ рукъ Фаустины вбѣжавшій отецъ новорожденной: это самъ гладіаторъ. Онъ спасся съ дочерью въ Египетъ, но тамъ ее у него украли, и съ-тѣхъ-поръ онъ потерялъ ее изъ виду. Флавіанъ, римскій аристократъ,—послѣдователь эпикурейской школы, страстно любитъ свою невольницу—Неомедію, и хочетъ на ней жениться. Фаустина, видя въ Неомедіи свою соперницу, велитъ гладіатору убить ее; но гладіаторъ, замѣтивъ въ жертвѣ сходство съ своею женою, разжалобился и поклялся отмстить Фаустинѣ за смерть жены. Но вотъ сцена языческаго брака: не смотря на то, что Неомедія — втайнѣ христіанка и ревностная ученица проповѣдника Орисеена, она рѣшается соединиться съ своимъ возлюбленнымъ по языческимъ обрядамъ и передъ лицомъ языческихъ божествъ. Вбѣгаетъ гладіаторъ, — ее вытаскиваютъ; потомъ народъ схватилъ Орисеена, поносившаго боговъ Рима, и жрецъ осуждаетъ его на смерть. Тогда въ порывѣ религіознаго увлеченія, Неомедія объявляетъ, что она — христіанка, и опрокидываетъ алтарь Юпитера. Ее осуждаютъ на смерть въ циркѣ, отъ руки гладіатора. Входитъ гладіаторъ въ циркъ, машетъ словно тросточкой, огромной булавою — *Римляне* изо всѣхъ силъ бьютъ въ ладоши, завидѣвъ такого молодца... Вотъ вводятъ Неомедію; гладіаторъ опять разжалобился—проситъ Римлянъ помиловать красавицу—тѣ кричатъ «смерть!» — дѣлать нечего: «Ну, душенька (говоритъ гладіаторъ), станьте на колѣни и нагните головку». — Извольте, сударь.—«Теперь снимите же покрывало съ вашихъ плечь.—«Ахъ, какъ можно! стыдно-съ, при всѣхъ-съ.—«Ничего-съ»—да и сдернулъ покрывало... Глядь: на шеѣ родимый знакъ—боги! это дочь его—ахъ, охъ, о!!.. Родитель мой!... Дочь моя!... Рукоплесканія... Фаустина принуждена спасать Неомедію: отъ нея, по изреченію оракула, зависитъ участь императора, ея сына... Но поздно: народъ окружилъ темницу и хочетъ растерзать Неомедію; гладіаторъ прошибъ стѣну, ворвался, зарѣзалъ дочь, и — напыщенной галиматьѣ конецъ! . . . Характеровъ нѣтъ, естественности — ни на волосъ, смыслу—мало; за то, безсмысленныхъ эффектовъ бездна...

7) Елена Глинская, *драматическое представленіе, въ пяти дѣйствіяхъ. Соч.* Николая Полеваго.

Быть всѣмъ во всемъ, и быть во всемъ первымъ —кажется, девизъ литературной дѣятельности г. Полеваго. Слава Кузена заставила его быть философомъ (о существованіи Гегеля г. Полевой узналъ недавно и, слѣдственно поздно, когда уже не въ состояніи былъ соперничать съ нимъ); слава Гизо и

Тьерри заставила его написать шесть томовъ «Исторіи Русскаго Народа» въ XVIII томахъ; опыты Баранта разсказывать исторію простодушнымъ языкомъ лѣтописей заставили г. Полеваго написать «Клятву при Гробѣ Господнемъ»; слава Шлегелей, барона Экштейна и статьи французскаго журнала «Globe» сдѣлали г. Полеваго критикомъ и возбудили въ немъ любовь и удивленіе къ Шекспиру, превратившіяся теперь въ соревнованіе; слава Сэя заставила г. Полеваго сдѣлаться политико-экономомъ и произнести въ Московской Коммерческой Академіи превосходную рѣчь «О невещественномъ капиталѣ»; ну, словомъ статистика, политическая экономія, исторія, философія, критика, филологія, грамматика, этика, журналистика, лирическая поэзія, повѣсть, романъ, —все это поприще одного г. Полеваго, одного, безъ соперниковъ, безъ помощниковъ... Вольтеръ и Гёте нашего времени, г. Полевой принялся наконецъ за драматическую поэзію. Мелкія пьесы ему ни по чемъ: онъ пишетъ не считая, печатаетъ, не гордясь, ставитъ на сцену, не гоняясь за рукоплесканіями, хотя,—изъ вѣжливости,—и выходитъ на вызовы публики Александрынскаго Театра... Что ему маленькія пьесы! Онѣ такъ же не могутъ ничего ни убавить, ни прибавить къ его славѣ, какъ и листки калуфера или мяты не могутъ украсить собою лавроваго вѣнца... Но и не въ патріотическихъ пьесахъ поставляетъ г. Полевой свою заслугу: онъ хочетъ состязаться съ Шекспиромъ, и если не побѣдить его, то не уступить ему—знай-де *нашихъ*!.. Для этого, онъ сперва *поправилъ*, т. е. передѣлалъ «Гамлета», и безъ всякаго разсчета и умысла, совершенно-безсознательно достигъ прекрасной цѣли: представивъ это вѣковое, колоссальное произведеніе въ миньятюрныхъ размѣрахъ, онъ тѣмъ самымъ приблизилъ его къ смыслу толпы, и, при помощи дарованія актёровъ, сдѣлалъ на Руси *народнымъ* это слабое подобіе шекспирова созданія, отразившаго въ себѣ свой оригиналъ, какъ капля воды отражаетъ въ себѣ солнце. Вызовъ послѣ перваго представленія и вообще чрезвычайный успѣхъ передѣлки «Гамлета» открыли г. Полевому тайну его призванія и его генія — онъ сѣлъ да и написалъ — пародію на «Ромео и Юлію», которую назвалъ «Уголино». Намъ скажутъ, что въ содержаніи «Уголино» нѣтъ ничего общаго съ драмою Шекспира: да, во внѣшнемъ содержаніи, т. е. въ «сюжетѣ» точно мало общаго, но мысль, но паѳосъ пьесы рождены рѣшительно драмою Шекспира. Въ наше время никто не будетъ такъ простъ, чтобъ подражать формѣ извѣстнаго произведенія; тѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ подражаній отъ того, кто первый на Руси возсталъ противъ пошлой подражательности псевдо-классическихъ временъ. Вся постройка «Уголино» лежитъ на любви Нино къ Веронникѣ, и всѣ сцены любви того и другаго суть не что иное, какъ самая жалкая пародія на сцены любви въ «Ромео и Юліи». Что у Шекспира глубоко и мощно, будучи въ то же время и граціозно,—то у нашего самороднаго драматурга—слабо, мелко, приторно, фразисто, сладенько, пряничнo... Нино и Веронника—это аркадскіе пастушки, взятые изъ идиллій г-жи Дезульеръ; это разрумяненные герои флоріановскихъ и геснеровскихъ поэмъ. Но г. Полевому показалось, что послѣ «Уголино» ему остается только не останавливаться и продолжать идти. Слѣдствіемъ этого убѣжденія была новая пародія на Шекспира -«Елена Глинская». Въ «Уголино» онъ пародировалъ «Ромео и Юлію»: въ «Еленѣ Глинской» онъ пародируетъ — легко сказать! — «Макбета». Взглянемъ на содержаніе этой новой пародіи.

Теперь ввелось въ моду каждому дѣйствію драмы давать особое какое-нибудь эффектное и заманчивое названіе: этого требуетъ, вѣроятно, искусство сочиненія афишъ, отъ котораго часто зависитъ успѣхъ драмы. Г. Поле-

вой — пламенный поборникъ этого прекраснаго нововведенія, бодро состязается въ немъ съ прочими корифеями современной драматической литературы — гг. Оболовскимъ, Марковымъ, Бахтуринымъ и прочими. Подобная поддержка умнаго нововведенія тѣмъ умилительнѣе со стороны г. Полеваго, что онъ давно уже не любитъ никакихъ нововведеній, даже въ ореографіи, и преслѣдуетъ ихъ всею важностію своего, — впрочемъ, уже нѣсколько запоздалаго, — авторитета. И потому, *первое* дѣйствіе его новой драмы называется «Боярскій Совѣтъ», *второе* — «Грановитая Палата», *третье* — «Литовскій лѣсъ», *четвертое* — «Кремлевскій Теремъ», *пятое* — вѣроятно, *для* большаго эффекта, какой всегда производитъ таинственность, никакъ не названо. Вся пьеса титулуется «драматическимъ представленіемъ», вѣроятно, *для* доказательства ея близкаго родства съ созданіями Шекспира. И такъ, первое дѣйствіе—«Боярскій Совѣтъ». Дѣйствіе происходитъ въ залѣ кремлевскихъ теремовъ, но совѣта мы не видимъ: сперва являются дьякъ и окольничій, и первый сообщаетъ второму, что бояре—*шумятъ*. За тѣмъ слѣдуетъ длинная, скучная и ничего въ себѣ незаключающая сцена между двумя этими безличными лицами. Но вотъ явленіе второе: оно поживѣе. Бояре являются па-лицо и «шумятъ», ругая Оболенскаго, заклинаясь не уступать ему. Хитрый интриганъ Василій Шуйскій подтруниваетъ надъ ними себѣ подъ носъ. Является Оболенскій, и велитъ имъ идти по домамъ, такъ-какъ-де княгиня уже распустила совѣтъ.—Пейдемъ! — А почему? — И пошла потѣха! Главная причина спора — осужденіе на смерть князя Андрея, втораго сына Іоанна III, произнесенное княгинею Еленою, матерью Грознаго. Отъ споровъ и брани дошло-было и до рѣзни; но вотъ является новый герой—лицо, сдѣлавшееся необходимою принадлежностію всякаго русскаго романа и русской драмы—шутъ, Пахомко. Его шутки образумливаютъ бояръ — они становятся тише, и уже только рычатъ другъ на друга, но не кусаются. Входитъ Елена: В. Шуйскій уже успѣлъ ей «донести». Она велитъ боярамъ просить прощенія у Оболенскаго, но тѣ рѣшительно отказываются, а Оболенскій говоритъ, что презираетъ равно и ихъ вражду и ихъ дружбу. Иванъ Бѣльскій умоляетъ княгиню отмѣнить приговоръ князю Андрею, а Пахомко трунитъ надъ В. Шуйскимъ, поетъ, ломается—пріятная смѣсь высокаго съ комическимъ!.. Наконецъ, Елена остается на сценѣ только съ Оболенскимъ, Пахомкою и Запольскою (наперсницею). Она говоритъ Оболенскому, что смиритъ буйство бояръ, осмѣливающихся не уважать его, опору престола и защитника царства. Оболенскій проситъ ее дать ему случай на полѣ брани доказать ей, что онъ готовъ нести ей жизнь на жертву.

Елена (*съ жаромъ*).
Нѣтъ, жизнь твоя мнѣ дорога—щади ее!
Оболенскій (*изумляясь*).
Княгиня!
(*Безмолвіе*).
Я иду готовить войско
На встрѣчу польскаго посла и Шихъ-Алея.

Чудная сцена! какъ ловко умѣлъ нашъ драматургъ приподнять *для* зрителей и читателей край завѣсы, скрывающей его драму, и одною фразою обнаружить любовь Елены къ Оболенскому!... Правда, это при Запольской и Пахомкѣ; но вѣдь сильныя чувства не замѣчаютъ свидѣтелей, а къ-тому же, Запольская — наперсница Елены, Пахомко — шутъ, дуракъ — не пойметъ: такъ чего же ей было и церемониться?...

Во второмъ актѣ, Марія воркуетъ печально объ отсутствіи голубка ея— Оболенскаго, и жалуется на его охлажденіе. Входитъ Пахомко. Они, видно, знакомы; по-крайней-мѣрѣ. Пахомко называетъ себя *слугою* Маріи. Онъ проситъ ее спасти отъ смерти «важнаго человѣка». — Да какъ же

что? —Попроси мужа.—А кто мой мужъ?—Будто ты не знаешь?—Изъ этого узнаемъ мы, что Оболенскій женатъ на Маріи *инкогнито*,—что было очень въ духѣ того времени. Она даже не знаетъ, кто ея родители. Слышенъ стукъ — Паломко уходитъ, Оболенскій входитъ—слѣдуетъ нѣжная сцена, гдѣ Марія говоритъ, что она «состарѣлась сердцемъ». Онъ проситъ у ней чару романеи, чтобъ развеселиться. Марія говоритъ про-себя: «Не поцѣлуй Маріи, а чара романеи развеселитъ его!..» Какъ все это въ духѣ того времени! Конечно, теперь вѣдь не пьютъ романеи!... Оболенскій одинъ; въ длинномъ монологѣ, онъ жалѣетъ Марію, раскаявается, что «мятежную судьбу свою и огненныя страсти соединилъ съ ея невиннымъ сердцемъ»—«горе (продолжаетъ онъ), когда не *чистая любовь*, *святая* сердца связала, а корысть» (именно языкъ того времени!..). Далѣе, онъ вспоминаетъ время, когда думалъ только о мечѣ, смѣясь надъ боярскими смутами...«Будто огненные змѣи, теперь они *облапили* меня» заключаетъ онъ. Какое выразительное слово «облапили»! Однако, оно приводитъ меня въ невольное раздумье: если авторъ надѣялся здѣсь придать этому слову польское значеніе, то оно не имѣетъ тутъ никакого смысла; если же понимать въ настоящемъ, а не *переносномъ*, значеніи, то надо придать змѣямъ лапы, которыхъ эти пресмыкающіяся такъ же лишены, какъ медвѣди жала. А все-таки же хорошо это «облапить»—и смѣло, и живописно, и ново!...

Слѣдствіемъ просьбы Маріи было то, что Оболенскій догадался о ея тайныхъ сношеніяхъ съ кѣмъ-то, разсвирѣпѣлъ, какъ огненный змѣй съ лапами, и хотѣлъ «облапить» — старую няню Маріи, но разсудилъ отложить это интересное дѣло до другаго болѣе-удобнаго времени, и ушелъ. Дѣйствіе переносится опять въ кремлевскія палаты. Елена принимаетъ посла крымскаго хана, который говоритъ заносчиво; Оболенскій ему не уступаетъ,—война объявлена. За тѣмъ представляется Шихъ-Алей. Далѣе польскій посолъ требуетъ въ оскорбительныхъ выраженіяхъ выдачи Глинскихъ, родственниковъ Елены; надѣясь на Оболенскаго. Елена и польскому послу объявляетъ войну.

Въ литовскомъ лѣсу совершаетъ свои чары колдунъ съ вайделотами. Онъ сзываетъ чертей и толкуетъ о Гедеминахъ и Ольгердахъ. Является Симеонъ Бѣльскій. Онъ передался на сторону Литовцевъ и въ битвѣ съ Оболенскимъ смертельно раненъ. Колдунъ осердился, и пуще прежняго сталъ звать чертей:

Совершайся ада месть!
Зло, раздоръ, погибель, брани,
Ухищренье, мщенье, лесть,
Съ адскимъ пламенникомъ въ длани
На могучаго вождя
Поспѣшите, поспѣшите!
Какъ туманомъ ослѣпите
Очи свѣтлыя его!
Будто хитрою змѣею,
Въ сердце, въ умъ его вползите,
Въ ядъ тлетворный обратите
Свѣтъ ума и солнца свѣтъ...
Мщенью, злобѣ мѣры нѣтъ!

Испугавшись самъ какофоніи и безсмыслицы этихъ стиховъ, колдунъ проваливается подъ полъ при ударѣ грома. Бѣгутъ Поляки, преслѣдуемые Русскими. Оболенскій вступаетъ, отъ нечего-дѣлать, въ разговоры съ умирающимъ Бѣльскимъ, который отъ-того только и не торопится умереть, что ему нужно побраниться съ Оболенскимъ. Затѣмъ онъ умираетъ. Оболенскій, опершись на мечь, читаетъ надъ тѣломъ Бѣльскаго длинную рацею. Приходитъ колдунъ и вызывается открыть ему будущее, становитъ его въ кругъ и не велитъ призывать имени Божьяго. Оболенскій труситъ. Гремитъ громъ. Черти поютъ хоромъ слѣдующую галиматью:

Сѣйте громъ
Рѣшетомъ!
Жарьте змѣй
Для людей!
Поспѣшите, поспѣшите,
Духи тьмы!

Оболенскій со страстей не замѣчаетъ, что черти его надуваютъ, и что въ ихъ пѣсни нѣтъ смыслу. Является котёлъ съ *тяжущимися* (о чемъ тяжба — не сказано) привидѣніями. Черти опять затянули стихотворную дичь:

> Гей, гей, гей, гей!
> На пагубу людей
> Мы собрались
> Мы привеселись!
> Кипитъ котелъ очарованій
> И гибнетъ человѣка умъ
> Въ огнѣ волшебныхъ обаяній
> И тяжкихъ и преступныхъ думъ.

Является женщина подъ покрываломъ, съ вѣнцомъ въ одной рукѣ, съ кинжаломъ въ другой. — Кто ты, привидѣніе? — спрашиваетъ Оболенскій. — Я Елена. — А вѣнецъ чей? — Мономаховъ. — А кому его? — Тебѣ. — А сынъ Елены? — Привидѣніе грозитъ кинжаломъ... Оболенскій ругаетъ привидѣніе, выбѣгаетъ за черту, — и все исчезаетъ. Странно, читатели, не правда ли? Но не пугайтесь — вѣдь это только пародія, и притомъ очень не ловкая, на сцену вѣдьмъ въ «Макбетѣ»... Можетъ быть, это насмѣшка надъ Шекспиромъ, допустившимъ участіе нечистой силы въ драму, полную во всемъ остальномъ истины и дѣйствительности?.. Но, г. Полевой, вѣдь «Макбетъ» не историческая драма, у ней нѣтъ ничего общаго съ драматическими хрониками Шекспира; слѣдовательно, Шекспиръ имѣлъ полное право на страшно-поэтическое олицетвореніе страстей Макбета въ образѣ вѣдьмъ, существованію которыхъ въ его время еще вѣрили; а ваше «драматическое представленіе» — вѣдь историческая эпоха, изображаемая имъ, относится не къ миѳическому періоду русской исторіи, а къ самому историческому?...

Выбѣжавъ изъ круга, въ которомъ его морочили дрянными, безсмысленными виршами и пошлыми фокусъ-покусами, Оболенскій зацѣпляется за трупъ Бѣльскаго: многознаменательная случайность!.. Громко грозитъ онъ сжечь колдуна, а тихонько спрашиваетъ его: «Мой ли будетъ вѣнецъ, и не погибну ли я?» Колдунъ отвѣчаетъ плохими стихами:

> Нѣтъ, долголѣтенъ, славенъ,
> Ты будешь, но страшись: настанетъ часъ твой.
> Когда двѣ сведутся сестры
> Во мракѣ, средь ночной поры,
> При свѣтѣ мѣсяца *младаго!*
> Кольца страшися *золотаго*,
> И зелья берегись *лихаго!*
> (*Насмѣшливо.*)
> Привѣтствую тебя, великій князь московскій!

За тѣмъ громъ; колдунъ опять проваливается подъ полъ; слышны трубы; бѣгутъ воеводы; одинъ кричитъ: «здравствуй, *танъ Гламиса!*» — нѣтъ, извините: «намѣстникъ смоленскій!» — Другой кричитъ: «здравствуй, *танъ Кавдора!*» — опять нѣтъ: «намѣстникъ казанскій! — сейчасъ-де прискакалъ гонецъ отъ Елены!» Какова пародія, читатели? — Право, что̀ передъ нею Энеида, вывороченная наизнанку!...

Скучно разсказывать содержаніе того, въ чемъ нѣтъ никакого содержанія, въ чемъ есть только — «слова, слова, слова» какъ говоритъ Гамлетъ; скучно развивать дѣйствіе драмы, въ которой нѣтъ никакого дѣйствія, есть только разговоры, — и потому сократимъ остальные два акта въ нѣсколько строкъ и скажемъ, во-первыхъ, что самое смѣшное, плоско-эффектное мѣсто въ IV актѣ есть сцена Пахомки съ Трунилою, изъ-подъ надзора котораго шутъ уводитъ Марію, а въ V актѣ явленіе тѣни предка Глинскихъ въ длинномъ саванѣ; далѣе то, что Марія сходится въ кельѣ съ сестрою своею, Соломоніею, разведенною супругою Василія Іоанновича; что Елена даетъ кольцо Оболенскому; что В. Шуйскій, неся ядъ Еленѣ, хвалитъ Оболенскому, съ злобною улыбкою, доброе, заморское винцо, исцѣляющее отъ всѣхъ недуговъ, а̀ Оболенскій, какъ дуракъ, ничего не видитъ, ничего не понимаетъ, обнимается и воркуетъ съ Маріею... Мелодрама заключается приличною, сычоною сценою:

В. Шуйскій.

Воины! Возьмите Оболенскаго!

Марія (*схватывая его*)
Нѣтъ! я не отдамъ его—онъ мой!
(*падаетъ въ его объятія.*)

Оболѣнскій.

Прочь, презрѣнные услужники! благоговѣйте передъ судьбою, постигнувшею преступное величіе—благоговѣйте передъ кончиною праведницы! (*становится передъ Маріею на колѣни.*)

Марія.

Мой милый! есть за гробомъ жизнь!
(*умираетъ*)

Оболѣнскій.

Жизнь за гробомъ! Да, я знаю, вѣрю, что есть она, и страшусь помыслить о ней! — *Я* вижу, кровожадные, вижу жребій мой въ злобныхъ взорахъ вашихъ!—Непостижимый жребій! куда ты довелъ меня? Казнь очиститъ преступленіе мое... *Она* будетъ за меня молиться!

О, реторика! о, наборъ словъ, взятыхъ и сведенныхъ на удачу изъ словари! О, герой безъ образа и лица, безъ характера и силы, безъ величія и смысла! О, драма, въ которой всѣ говорятъ — говорятъ много, длинно, водяно, сантиментально, растянуто, вяло, плохою рубленною прозою, и никто ничего не дѣлаетъ! О, драма, въ которой нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствія, ни народности, ни стиховъ, ни языка, ни правдоподобія; но въ которой много русскихъ словъ, ошибокъ противъ грамматики и языка, въ которой бездна скуки, скуки, скуки!... О, жалкая и оскорбляющая чувство пародія на великое созданіе великаго генія!...

Помните *ли* вы, читатели, какой грозный разборъ написалъ, нѣкогда, издатель «Московскаго Телеграфа» на мелодраму князя Шаховскаго «Двумужница»? Этотъ разборъ г. Полевой перепечаталъ потомъ, слово-въ-слово, въ своихъ «Очеркахъ русской литературы», изданныхъ имъ въ Петербургѣ, въ 1839 году... Если вы совсѣмъ не знаете этой статьи, или забыли ее,—мы напомнимъ вамъ кое-что изъ нея. Статья эта написана въ формѣ разговора, *будто-бы* подслушаннаго г. Полевымъ въ кофейной Петровскаго Театра: одинъ изъ разговаривающихъ, молодой человѣкъ, защищаетъ «Двумужницу», другой, старикъ, нападаетъ на нее.

Молодой человѣкъ. Если вамъ мало похвалы, которая напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ довольно *ли* будетъ того, что въ Петербургѣ зрители рыдали, не просто плакали отъ нея; дамы были въ истерикѣ и обморокахъ; мужчины кричали, что у нихъ *русскій духъ въ очью проявляется;* что это свѣтлая звѣзда народности литературной, національности драматической, пѣснь лебедя поэтическаго. А вы согласитесь, что Петербургъ всегда перещеголяетъ Москву вкусомъ.

Старикъ. Едва *ли* въ драматическомъ искусствѣ. Гдѣ донынѣ Филатка пляшетъ въ митавскомъ маскарадѣ, гдѣ донынѣ уродливыя бенефисныя пьесы безобразятъ сцену, тамъ едва *ли* можно положиться на вкусъ публики. Вы видѣли «Двумужницу» здѣсь?

М. Ч. нѣтъ, не видалъ. Но это чудо, это прелесть...

Ст. А судя по прежнему—

М. Ч. Что же: *по прежнему?*

Ст. То, что князь А. А. Шаховской донынѣ испыталъ всѣ роды драматическихъ сочиненій: писалъ трагедіи, комедіи, оперы, водевили, мелодрамы, въ стихахъ и прозѣ; бралъ предметы изъ библіи—вспомните «Деббору»—изъ исторіи, изъ сказокъ; передѣлывалъ въ драму романы В. Скотта, М. Н. Загоскина, поэмы Пушкина, обошелъ весь міръ, ища предметовъ *для* драмы, былъ и въ древней Греціи, и въ новой Франціи—такое безпокойство показываетъ, безъ сомнѣнія, или многообразное величіе генія, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнаса, такъ-что ему *не остается ничего дѣлать*, какъ...

М. Ч. Ну что жь—докончите.

Ст. Какъ перестать писать, или сознаться, подобно Репетилову:

И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ! (*)

Не знаю, какъ вамъ, читатели, а мнѣ такъ кажется, что все это можно примѣнить къ г. Полевому, по поводу его «Елены Глинской»... Да, въ статьѣ о «Двумужницѣ» я вижу горькую насмѣшку судьбы, издѣвающейся надъ человѣческою личностію... Статья эта была рѣзка, но справед-

(*) *См.* «Очерки Русской Литературы» Ч. I, стр. 417 и 418.

дива и основательна; а между-тѣмъ, все-таки «Двумужница» князя Шаховскаго въ тысячу разъ лучше и «Елены», и всѣхъ патріотическихъ, и народныхъ, и чужестранныхъ драматическихъ представленій г. Полеваго.... Отъ-чего же г. Полевой напалъ съ такою энергіею и такимъ жаромъ на пьесу князя Шаховскаго?... Отъ-того, читатели, что въ жизни человѣка есть періодъ, когда всякое посредственное или фальшивое явленіе въ сферѣ искусства кажется святотатственнымъ оскорбленіемъ священнѣйшихъ вѣрованій души... Мы потому же самому напали и на «Елену Глинскую»...

Не дивитесь, что г. Полевой нѣкогда такъ хорошо понималъ достоинство драматическихъ произведеній, на поприщѣ которыхъ теперь самъ подвизается съ такимъ усердіемъ и такимъ успѣхомъ: *тогда* и *теперь* — между этими словами — увы!—много разницы... Мало ли, что̀ было тогда, и мало ли, что̀ теперь?... Въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 года, мы находимъ слѣдующія, достойныя замѣчанія строки: «Тотъ оскорбитъ меня, кто подумаетъ, что я хоть *что-нибудь общаго* имѣю съ издателями «Сѣверной Пчелы» *(Т. XIII, стр. 267)*. А *теперь*?...

8) **Все кончилось благополучно!** *водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ французскаго.*

Передѣлка на русскіе нравы французскаго водевиля «La mère et l'enfant se portent bien», который на французской сценѣ забавенъ и милъ, но содержаніе котораго не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ русскимъ нравамъ.

9) **Ужасы въ шестомъ этажѣ, или у страха глаза велики,** *водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.*

Фарсъ, который непремѣнно долженъ быть разъигранъ французскими артистами, чтобъ не быть грубо-пошлымъ.

10) **Сваха-стряпчій,** *оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ,* соч. Смирнова.

Г. Смирновъ есть авторъ «Сбритой Бороды»: этого достаточно, чтобъ отгадать достоинство «Свахи-Стряпчаго».

11) **Военный Гражданинъ, или Русскіе въ гостяхъ,** *анекдотическій водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч.* Г. П. П.

Анекдотическій вздоръ, о которомъ не стоитъ говорить, но который можно посмотрѣть на сценѣ—ради игры г. *Мартынова.*

12) **Мужъ, Жена и Знатный Другъ,** *комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, взятая съ французскаго* П. И. Григорьевымъ.

Комедія въ подлинникѣ принадлежитъ Скрибу: это обстоятельство достаточно ручается за ея достоинство. Что̀ же до передѣлки этой комедіи на русскіе нравы — искусство г. Григорьева изображать людей порядочнаго общества и «знатныхъ друзей» подвержено большому сомнѣнію.

13) **Левъ Гурычъ и Ульяна Осиповна Синичкины, или онъ у ней первый, а она у него вторая.** *Комедія-водевиль въ 5 картинахъ. Передѣлка съ французскаго.*

Одно и то же надоѣдаетъ: пора бы перестать и Синичкинымъ торчать въ аффишахъ, особенно такимъ, которые подали намъ поводъ вспомнить о нихъ. Пошутить хорошо разъ, и отъ себя; продолжать же чужую шутку—скучно и пошло.

14) **Симонъ-Сиротинка, или дальше моря, меньше горя.** *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго* Соловьева.

Мы ничего не скажемъ объ этой пьесѣ, кромѣ того, что *дальше вздора-меньше скуки.*

15) **Павелъ Павловичъ съ Супругою.** *Комедія въ одномъ дѣй-*

ствіи, сокращенная изъ старинной комедіи П. Каратыгинымъ.

Въ этой «сокращенной» комедіи представлены случаи, совершенно невозможные въ русскомъ быту; а дѣйствующія лица въ ней — русскія, и дѣйствіе въ Петербургѣ.

16) Еще Путаница, или Такъ вотъ что. *Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный изъ старинной комедіи.*

Новое доказательство, что одна и та же шутка не должна повторяться двухъ разъ, подъ опасеніемъ сдѣлаться плоскою и скучною.

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы говорили уже о намѣреніи г. Прево, коммиссіонера Общества Поощренія Художниковъ — издать *литографическую коллекцію картинъ, изображающихъ знаменитыя событія изъ русской исторіи.* Первую тетрадь этой «коллекціи» будутъ составлять четыре картины, которыхъ сюжеты взяты изъ жизни Петра-Великаго: 1) Усмиреніе раскольниковъ, 2) Водруженіе креста на общей могилѣ падшихъ подъ Полтавою русскихъ воиновъ, 3) Происшествіе при Прутѣ, и 4) Событіе на Лахтѣ (*). Въ концѣ прошлаго года, издана первая картина, или первый литографированный эстампъ: читатели наши уже знаютъ о немъ; теперь вышелъ другой эстампъ, изображающій «Событіе на Лахтѣ»,—событіе, ускорившее кончину Петра-Великаго: извѣстно, что за нѣсколько времени до своей смерти, Петръ, уже чувствовавшій себя нездоровымъ, поѣхалъ осматривать работы въ Сестербекъ, и, остановившись около деревни Лахты, увидѣлъ судно, шедшее изъ Кронштадта съ пассажирами и брошенное бурею на мель; онъ послалъ помощь погибавшимъ, но замѣтивъ, что посланные дѣйствуютъ медленно, бросился въ море и спасъ большую часть пассажировъ, самъ простоявъ долгое время въ водѣ. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, Екатерина испугалась, замѣтивъ, какіе успѣхи сдѣлала болѣзнь въ ея державномъ супругѣ. Дѣйствительно, Петръ съ этого времени впалъ въ жестокій недугъ, который и сдѣлался предсмертнымъ: 28 января 1725 года, онъ скончался. Въ этомъ эстампѣ, о которомъ говоримъ мы, изображено самое событіе на Лахтѣ — спасеніе погибающихъ пассажировъ. Фигура Петра величественна и прекрасна; лицо отличается близкимъ сходствомъ; группы матросовъ, пассажировъ и людей, посланныхъ для спасенія ихъ, разнообразны и расположены весьма искусно. Чистота, мягкость, вѣрность и отчетливость оттиска ставятъ эту литографію наравнѣ съ лучшими иностранными; самое же сочиненіе картины дѣлаетъ честь молодому художнику, г. Чорикову. На камнѣ рисовалъ ее г. Разумихинъ, извѣстный по сдѣланной имъ литографированной копіи съ «Послѣдняго дня Помпеи»; печатана она въ лучшей петербургской литографіи — у г. Поля. Вышина эстампа — 1 аршинъ, ширина — 1 аршинъ и $5^1/_2$ вершковъ. Остальные два эстампа первой тетради, представляющіе событіе при Прутѣ и водруженіе креста на полтавской могилѣ, выйдутъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Желаемъ полнаго успѣха этому прекрасному предпріятію и обращаемъ на него вниманіе просвѣщенной публики.

—Художники, гг. Соколовъ и Клюквинъ, сдѣлали, въ прошломъ мѣсяцѣ, весьма-пріятный подарокъ всѣмъ чтущимъ память великаго поэта русской земли—Пушкина. Г. Соколовъ снялъ съ натуры, а г. Клюквинъ нарисовалъ на камнѣ *Могилу Пушкина при монастырѣ Святогорскѣ* (*). На картин-

(*) Цѣна всей тетради 20 р. сер., съ пер. 21 р. сер.

(*) Цѣна 1 р. сер.

къ съ правой стороны изображена часть монастырской церкви — алтарь; противъ него возвышается насыпь съ простымъ черным крестомъ, на которомъ бѣлыми литерами написано: *Пушкина* — самая красноречивая надпись! Сколько думъ, сколько горькихъ думъ родится въ душѣ вашей при взглядѣ на эту картинку, на эту историческую могилу, такъ рано скрывшую отъ міра великаго представителя нашей національной поэзіи...

— Всѣ занимающіеся русскою исторіею и любящіе ее для ней-самой, безъ отношенія къ лицамъ, трудившимся на пользу ея и нравящимся имъ, или не нравящимся, — сохранятъ надолго благодарную память о трудахъ покойнаго *Ю. И. Венелина*, умершаго въ 1839 году. Его «Древніе и Нынѣшніе Болгаре», «Скандинавоманія и ея поклонники», «О пѣсняхъ западныхъ Славянъ», и проч., и проч. проложили новый путь къ наслѣдованію исторіи племенъ славянскихъ, и только близорукое невѣжество, или разсчетливое шарлатанство можетъ называть эти почтенные труды бреднями, глупостью, или другими столь же вѣжливыми именами. Болгаре, живущіе въ Одессѣ, оцѣнили труды Венелина съ другой стороны: они говорятъ, что онъ сочиненіями своими обратилъ вниманіе на угнетенныхъ потомковъ Древней Болгаріи, возбудилъ къ новой жизни Болгаръ, и чрезъ то сдѣлался, можетъ-быть, виновникомъ ихъ возрожденія». Вслѣдствіе этого, они заказали ему въ Италіи памятникъ, теперь уже привезенный въ Одессу. Памятникъ состоитъ изъ большой мраморной колонны, украшенной урною съ крестомъ, а на пьедесталѣ слѣдующая надпись золотыми буквами:

На первой сторонѣ:
«ЮРІЮ ИВАНОВИЧУ ВЕНЕЛИНУ
«Одесскіе Болгаре.
«1841».

На другой:
«Родился 1802, скончался 1839 года.»

На третьей:
«Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ, и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе.»

На четвертой:
«Боже Всемогущій! услыши молитву раба твоего!»

Какъ-скоро установится дорога, памятникъ будетъ отправленъ въ Москву, на могилу усопшаго, въ Даниловомъ Монастырѣ.

— Наука понесла значительную потерю въ лицѣ сера Александра Борнса (Burnes), которому Европа обязана множествомъ вѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о Восточной Индіи. Онъ убитъ въ Кабулѣ 2-го ноября прошлаго года со многими Англичанами при бывшемъ тамъ возмущеніи.

— Станислась Жюльенъ перевелъ недавно съ китайскаго на французскій языкъ древнее знаменитое твореніе Tao-te-king, сочиненіе китайскаго философа Лао-Тсеу, который жилъ въ 6-мъ столѣтіи до Рождества Христова, и почитается до-сихъ-поръ у ученыхъ Китайцевъ чѣмъ-то въ родѣ Платона. Книга напечатана пополамъ съ китайскимъ текстомъ и съ приличными комментаріями. Древнее ученіе Тао, которое возобновилъ и распространилъ философъ Лао-Тсеу, имѣетъ въ Китаѣ болѣе 100 милліоновъ приверженцевъ и послѣдователей, хотя оно и противоположно конфуціеву, которое составляетъ основу китайской религіи. Означенная книга напечатана на иждивеніи французскаго правительства, подвижнымъ китайскимъ шрифтомъ, который Жюльенъ получилъ за шесть лѣтъ предъ симъ отъ французскихъ миссіонеровъ, живущихъ около Китая. Этотъ китайскій шрифтъ поступилъ нынѣ въ собственность Парижской королевской типографіи. Для этого заведенія привезены также недавно изъ Макао нѣсколько крупныхъ и мелкихъ китайскихъ шрифтовъ, сдѣланныхъ съ большимъ искусствомъ.

— Въ Антверпенѣ, любитель живописныхъ картинъ, нѣкто Лемоенсъ, обладаетъ рѣдкимъ сокровищемъ: превосходною картиною Рубенса, представляющею бой амазонокъ, которая считалась въ Европѣ давно потерянною. Съ этой знаменитой картины давно хранился въ мюнхенской библіотекѣ одинъ только эскизъ.

— Въ Парижѣ основано недавно общество для поощренія художествъ и сбыта картинъ, произведеній ваянія и пр. выгоднымъ для художниковъ образомъ. Въ главѣ этого общества находятся самъ король и все его семейство. Общество считаетъ своими членами множество покровителей художествъ, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ Франціи.—Каждый членъ этого «Société d'encouragement des arts unis» вноситъ ежегодно въ общую кассу 25 франковъ и получаетъ за это пожертвованіе, кромѣ прекрасной гравюры, билетъ на лоттерею, въ которой между каждыми 15 нумерами одинъ непремѣнно выигрышный (цѣною отъ 25 до 5000 франк.). Въ этой лоттереѣ можно выиграть знаменитыя серебряныя издѣлія Бенвенуто Челлини, статуи Прадье, Дарю, Дантана, Гестера и др.—Главный выигрышъ: богатая серебряная вызолоченая ваза, съ золотыми украшеніями.

—Публичная продажа картинъ графа Перрего въ Парижѣ уже кончена; многія картины старыхъ и знаменитыхъ живописцевъ куплены въ Англію.—За лучшія 69 картинъ изъ помянутой галлереи заплачено на аукціонѣ 441,528 франк. Одна картина Вувермана пошла за 35,100 фр., а Фандерфельда за 26.850 фр. Картины новѣйшихъ художниковъ продавались по низкой цѣнѣ.

—

— Метеорологическое явленіе, бывшее въ Перми 31-го августа, теперь объясняется другимъ, о которомъ пишутъ изъ Нижняго Тагила. Во второмъ часу ночи на помянутое число многіе изъ жителей завода услышали подземный гулъ, имѣвшій сходство съ раскатомъ отдаленнаго грома; вскорѣ потомъ почувствовали минутное колебаніе земли, отъ-чего мебель и другія комнатныя вещи пришли въ легкое сотрясеніе. Когда наступилъ день, въ атмосферѣ начались тѣ же самыя перемѣны, какія видимы были въ Перми. поутру; небо озарилось яркимъ розовымъ свѣтомъ, съ отблескомъ наподобіе искръ; далѣе, красноватый цвѣтъ воздуха переливался въ желтый, оранжевый и палевый, сгущавшійся иногда до такой степени, что нельзя было различить близкіе предметы. Около девяти часовъ утра, небольшой дождь освѣтилъ атмосферу, но странный видъ ея не измѣнился до позднихъ сумерекъ. Одинъ рыбакъ былъ застигнутъ землетрясеніемъ на заводскомъ прудѣ. По словамъ его, ударъ, сопровождаемый шумомъ и гуломъ, слышенъ былъ съ сѣвера; вслѣдъ за нимъ, рыба поднялась на поверхность воды, и сдѣлалось столь сильное волненіе, что мастеровой едва не погибъ, прежде нежели успѣлъ выбраться на берегъ. Замѣчательно также показаніе людей, находившихся тогда въ шахтахъ мѣднаго рудника: судя по ужасному треску, они думали, что надъ мѣстомъ работы ихъ разразилась громовая туча. Вопросъ о предѣлахъ землетрясенія разрѣшается извѣстіями, которыя получены изъ Васимоуткинскаго и Черноисточинскаго Заводовъ. Въ первомъ мѣстѣ, лежащемъ на западной отлогости Урала, видѣли только метеорологическое явленіе; во второмъ, къ востоку отъ хребта, оно сходствовало, въ признакахъ, съ нижне-тагильскимъ. И такъ, площадь, гдѣ замѣчены дѣйствія скрытнаго волкана, имѣетъ поперечникъ, равный сорока верстамъ, и лежитъ вся въ границахъ Азіи.

— Въ окрестностяхъ Неаполя недавно отрыты великолѣпныя развалины древней римской виллы. Развалины лежатъ на оконечности горы Паузилиппской, откуда превосходный видъ на островъ Искіо и другіе живо-

писные острова Неаполитанскаго Залива. Остатки этихъ развалинъ состоятъ изъ двухъ театровъ, амфитеатровъ и другихъ строеній; изъ множества колоннъ съ капителями, богатыхъ мраморныхъ карнизовъ, и пр. Нѣсколько древнихъ комнатъ покрыто превосходною живописью во вкусѣ помпейской; тамъ же найдено нѣсколько остатковъ статуй. Всѣ эти древности лежатъ почти на два фута въ землѣ, на поверхности которой ростетъ въ изобиліи виноградъ. Всѣ строенія, отрытые по сіе время, находятся въ столь хорошемъ состояніи, что съ небольшою починкою, въ нихъ можно жить и теперь совершенно-удобно. Археологи и антикваріи назвали эти новооткрытыя развалины *Виллою Лукулла.*

— Великобританскій Музеумъ ассигновалъ 500 фун. стерлинговъ на доставку въ Лондонъ великолѣпнаго древняго саркофага, высѣченнаго изъ бѣлаго мрамора и находящагося нынче въ юговосточной части Малой Азіи. Г. Феллоу, извѣстный археологъ, отправился за этою драгоцѣнною добычею съ потребнымъ числомъ людей. Саркофагъ длиною въ 18 футовъ, и украшенъ барельефами, представляющими разныя сраженія древнихъ народовъ. Тамъ же отъискано нѣсколько камней съ древними надписями, которыя разгадалъ и разобралъ одинъ германскій профессоръ древностей. — Говорятъ, эти надписи поясняютъ многія темныя мѣста въ исторіи Малой Азіи.

— Въ Лондонъ привезенъ недавно огромный скелетъ мамонта, котораго порода давнымъ-давно исчезла съ лица земли. Этотъ костякъ имѣетъ въ длину 32 фута и 15 футовъ въ вышину. Онъ найденъ въ Америкѣ въ рукавѣ рѣки Оссажей. Каждый клыкъ мамонта длиною въ 10 футовъ. Но замѣчательнѣе всего, что въ костяхъ этого допотопнаго животнаго найдено острое копейцо стрѣлы, и это заставляетъ предполагать, что въ тѣ времена жили люди и занимались звѣриною ловлею. Что-то на это скажутъ ученые геологи?

— На кирпичномъ заводѣ г-на Мисбаха, лежащемъ на Вѣнской Горѣ, найдены въ землѣ, на глубинѣ 9 футовъ, древніе римскіе столбики – указатели дорожныхъ стадій, принадлежащіе къ 143—253 год. до Рождества Христова. На трехъ изъ этихъ камней вырѣзана надпись: Vindobona (Вѣна).

— Не только музыка входитъ нынче въ составъ леченія ума-лишенныхъ; но въ Америкѣ лечатъ ихъ даже танцами. Въ Уорчестерѣ былъ недавно балъ въ домѣ сумасшедшихъ. Больные такого рода очень любятъ танцовать, и въ Америкѣ они обязаны каждую недѣлю быть непремѣнно въ танцклассѣ. Балы въ уорчестерскомъ домѣ сумасшедшихъ даются въ длинной галлереѣ, примыкающей къ главному зданію больницы. — Сорокъ паръ сумасшедшихъ обыкновенно танцуютъ, а другіе ихъ товарищи чинно сидятъ въ залѣ и смотрятъ на танцующихъ. Танцовальная зала убрана гирляндами и фестонами изъ цвѣтовъ и травъ; на хорахъ помѣщается многочисленный оркестръ, составленный частію также изъ сумасшедшихъ. Нѣкоторые изъ танцующихъ выказали помѣшательство своего ума тѣмъ, что нарядились въ самые фантастическіе костюмы. Балъ кончился въ 9-ть часовъ вечера; всѣ сумасшедшіе попарно прошли нѣсколько разъ по залѣ въ польскомъ танцѣ, и отправились спать безъ ужина.

— Книга г. Дика «Celestral Scenery» содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее астрономическое вычисленіе. Кругъ, который описываетъ планета Уранъ около солнца, составляетъ 11,314,600,000 англійскихъ миль. Планета пробѣгаетъ этотъ длинный путь въ 30,686 дней, т. е. почти въ 84 года; хотя она оборачивается около солнца очень медленно, но не смотря на то дѣлаетъ 15,000 миль въ часъ. — Положимъ что паровая машина, проѣзжающая по желѣзной дорогѣ 30 миль въ часъ, должна проѣхать о-

значенный путь Урана около солнца, то ей надобно было бы употребить на этотъ путь 64,570 лѣтъ, а Уранъ, который въ 80 разъ болѣе земнаго шара, пробѣгаетъ помянутое пространство только въ 84 года...

— Въ Алжирѣ съ такою силою свирѣпствуютъ лихорадки между французскими солдатами, что въ госпиталяхъ на одинъ хининъ употребляются ежегодно 100,000 франковъ. Главный врачъ марсельской больницы, Боденъ, предложилъ французскому медицинскому правленію въ Алжирѣ замѣнить хининъ мышьякомъ, и давать его больнымъ въ малыхъ пріемахъ. Извѣстно, что мышьякъ въ перемежающихся лихорадкахъ оказываетъ весьма-благотворное дѣйствіе.

— По случаю неблагопріятныхъ извѣстій, полученныхъ изъ Африки, о истребленіи болѣзнями большей части Англичанъ, принадлежащихъ къ нигерской экспедиціи, одинъ англійскій докторъ помѣстилъ въ газетѣ «the Times» нѣсколько весьма оригинальныхъ наблюденій надъ заразительностію лихорадки malaria, болотной, чумной и пр. По теоріи наблюдателя, міазмъ лихорадочный не сообщается человѣку посредствомъ дыхательнаго органа въ легкія, но дѣйствуетъ на всю наружность кожи. Доказательствомъ этому служитъ то, что туземцы и вообще народы жаркихъ климатовъ натираютъ тѣло свое масломъ и другими жгучими веществами, для предохраненія себя отъ заразительныхъ лихорадокъ; напротивъ, Европейцы часто обмываются водою и очень-легко принимаютъ въ себя туземную заразу. Извѣстно, что въ Турціи всѣ продавцы оливковаго масла вовсе неподвержены чумѣ. Во время ужасной чумы, бывшей нѣкогда въ Лондонѣ, ни одинъ работникъ на свѣчномъ заводѣ не умеръ отъ язвы.—Авторъ означенной статьи совѣтовалъ всѣмъ иностранцамъ, живущимъ въ жаркихъ климатахъ, гдѣ свирѣпствуетъ malaria, мочить одежду поутру и вечеромъ въ пальмовомъ маслѣ.

—

— Мореплаваніе при рижскомъ портѣ началось 10 апрѣля и продолжалось въ 1841 году, до 3 декабря. Кораблей въ приходѣ было: изъ иностранныхъ портовъ 1,065, въ томъ числѣ съ полнымъ грузомъ 339, съ частью груза 36, съ баластомъ 690; изъ россійскихъ портовъ 177, изъ коихъ съ грузомъ 63, съ баластомъ 114. Отправлено въ иностранные порты 1057 кораблей, а въ россійскіе 177. Въ-сравненіи съ 1840 годомъ, было болѣе въ приходѣ, изъ иностранныхъ портовъ 18, въ отходѣ 30 кораблей. Разность малая, потому-что отпускъ товаровъ былъ въ общей цѣнности почти одинаковъ съ тѣмъ годомъ. Льна, льнянаго и конопляннаго сѣмени и масла вывезено болѣе, но хлѣба, пеньки, пакли, сала, сырыхъ кожъ и нѣкоторыхъ другихъ товаровъ отправлено менѣе. На зимовку осталось въ портѣ кораблей и приморскихъ судовъ 22, струговъ съ внутренними произведеніями было въ приходѣ къ Ригѣ 602,—противъ 1840 г. болѣе на 163. Всего отправлено товаровъ въ иностранныя земли на 14,021,321 руб. 95 коп. сер.,—болѣе противъ 1840 г. на 1,308,898 р. 85 коп. сер.

— Вотъ ходъ одесской торговли въ 1841 году. *Отпускъ моремъ за границу*: товаровъ принадлежащихъ къ жизненнымъ припасамъ, на 5,170,294 руб. сер.; служащихъ къ фабрикамъ и рукодѣліямъ, на 4,971,691 р.; обработанныхъ въ разныхъ издѣліяхъ на 252 644; разныхъ другихъ на 334,977; итого русскихъ товаровъ на 10,729,606 руб сер.; монеты на 13,860; всего русскихъ товаровъ и монеты на 10,743,466 руб. сер. Сверхъ того, вывезено иностранныхъ товаровъ: *обратно за границу* на 28,165 руб. сер.; *транзитомъ*, на 15,801 руб. серебр. *Привозъ*: моремъ и сухимъ путемъ изъ-за границы, иностранныхъ товаровъ, принадлежащихъ къ жизненнымъ

потребностямъ, на 1,978,924 р. сер.; служащихъ къ фабрикамъ и рукодѣльямъ, на 1,306,285; обработанныхъ въ разныхъ издѣлiяхъ, на 973,782; разныхъ другихъ, на 566,713 р., и того иностранныхъ товаровъ, на 4,828,704 р. сер.; монеты на 695,235, а всего товаровъ и монеты ввезено на 5 520.939 руб. сер. Такимъ образомъ общiй оборотъ заграничной торговли по отпуску и привозу товаровъ и монеты составляетъ 16,264,405 руб. сер.; перевѣсъ отпуска русскихъ товаровъ надъ привозомъ иностранныхъ составляетъ въ 1811 году 5,903,902 руб. серебр.

— По письмамъ изъ Нью-Йорка извѣстно, что вскорѣ приведенъ будетъ въ дѣйствiе проектъ прорытiя на Панамскомъ Перешейкѣ, судоходнаго канала, который соединитъ Атлантическiй Океанъ съ Тихимъ Моремъ. Это исполинское предпрiятiе взялось исполнить на свой собственный счетъ общество акцiонеровъ подъ управленiемъ французскаго инженера Альфонса Мореля.

— Нѣсколько французскихъ капиталистовъ намѣрены, съ помощiю правительства, привести въ дѣйствiе исполинскiй проектъ: соединить рѣку Луару съ Роною посредствомъ подземнаго канала длиною въ 20,000 метровъ. Это будетъ самое длинное подземелье въ свѣтѣ. Прорытiе канала обойдется весьма-дорого; но такъ-какъ линiя его пройдетъ сквозь богатые пласты каменнаго угля, то это обстоятельство значительно уменьшитъ расходы, и послужитъ также къ осушенiю каменно-угольныхъ копей.

— Джемсъ Торнтонъ, профессоръ химiи въ Филадельфiи, изобрѣлъ новый составъ для литья зеркальныхъ стеколъ, который конечно произведетъ всеобщiй переворотъ въ фабрикацiи этихъ вещей. Ему удалось составить металлическую прозрачную жидкость, которая выливается на широкую доску какой-угодно величины, покрытую предварительно листовымъ оловомъ. Если эта масса застынетъ на доскѣ, то она представитъ видъ настоящаго стекляннаго зеркала. Торнтонъ облилъ, для пробы, этою массою стѣны и потолокъ огромной залы. Когда засвѣтили въ ней люстру и нѣсколько лампъ, то отраженiе огня въ зеркальномъ потолкѣ и стѣнахъ залы произвело удивительный эффектъ.

—Для того, чтобъ сообщить гипсовымъ статуямъ наружную крѣпость, и дать имъ видъ мраморныхъ изваянiй, по совѣту англiйскаго скульптора Пеяуара должно поступать слѣдующимъ образомъ: надобно распустить 3 фунта квасцовъ въ $2^1/_2$ квартахъ воды, разогрѣть эту смѣсь и окунуть въ растворъ отъ 15 до 30 минутъ, гипсовые статуи, бюсты и пр. Когда высохнутъ статуи, ихъ должно опять облить тѣмъ же растворомъ, но уже холоднымъ; потомъ образовавшуюся на статуяхъ кристалловую кору счищать песочною бумагою, наконецъ полировать статую чистой льняной тряпкой, смоченной водою.

—Въ Англiи какой-то артиллеристъ изобрѣлъ новаго рода пушечное ядро, которое имѣетъ столь же быструю и разрушительную силу, какъ молнiя. Изъ каждой обыкновенной пушки можно стрѣлять такими ядрами; но изобрѣтатель сдѣлалъ на этотъ предметъ особаго рода орудiе, которое такъ легко, какъ обыкновенное ружье, и одинъ человѣкъ посредствомъ его можетъ легко уничтожить цѣлый линейный корабль (?). Говорятъ даже, что этою одною пушкою съ молнiеносными ядрами можно разрушить цѣлый флотъ, любую крѣпость на сухомъ пути и взорвать на воздухъ какой-угодно городъ (??). Это изобрѣтенiе испытано было въ Ульвичѣ въ присутствiи особой коммисiи, составленной изъ опытныхъ артиллеристовъ и найдено весьма пригоднымъ для истребленiя людей, кораблей, домовъ, крѣпостей, и пр.

— Отставной прусскiй ротмистръ г. Бисмаркъ изобрѣлъ новую военную машину, которой дѣйствiя весьма-гибельны; ядро, выстрѣленное изъ его машины, не только зажигаетъ разные предметы, но огонь его ничѣмъ пога-

сить невозможно. Другой изобрѣтатель, механикъ Дрейзе, въ Эрфуртѣ, усовершенствовалъ ружье или мускетонъ, который пробиваетъ пулею толстую доску въ 600 шагахъ. Это изобрѣтеніе, говорятъ, болѣе относится къ усовершенствованію пороха, слѣдовательно, выдумку Дрейзе можно приложить ко всякому роду пушекъ, которыя отъ-того получатъ тройную противъ прежней силу.

— Англичанинъ, подполковникъ Бланшаръ, выдумалъ особаго рода щитъ, который могутъ носить на полѣ сраженія два человѣка, и который совершенно защищаетъ артиллеристовъ отъ непріятельскихъ ружейныхъ выстрѣловъ. Подполковникъ Менцисъ употребилъ этотъ щитъ, для прикрытія артиллеристовъ, дѣйствующихъ конгревовыми ракетами. Это изобрѣтеніе усилитъ еще болѣе разрушительное дѣйствіе ракетъ.

— Въ городкѣ Эвертонѣ, лежащемъ по сосѣдству *Ливерпуля*, сдѣлана церковь вся изъ чугуна въ 119 футовъ длиною и 48 шириною, вылитая на чугунно-литейномъ заводѣ братьевъ Гантомъ. Она сооружена въ готическомъ вкусѣ, но безъ колокольни, которая еще неготова и моделируется поштучно на томъ же заводѣ.

— Нѣкто Дюпонъ объявилъ въ парижскихъ газетахъ, что онъ покупаетъ или мѣняетъ на новыя всѣ старыя поношеныя шали, которыя съ большимъ барышомъ можно сбывать въ Германію и *Россію*. Не мѣшаетъ это замѣтить нашимъ дамамъ.

— Тонкошерстныя козы и овцы сдѣлаются скоро дороже лучшихъ скаковыхъ лошадей; въ Германіи, нерѣдко за хорошаго козла съ длинною и мягкою шерстью платятъ до 1000 талеровъ. Недавно предлагали одному овчарному заводчику въ Силезіи за отличнаго породистаго козла тысячу червонцевъ, но заводчикъ не согласился на предлагаемую плату.

— Во Франціи потребляется ежегодно курительнаго и нюхательнаго табаку на 150 мил. франковъ; изъ этой суммы табачный откупъ приноситъ чистой прибыли 70 мил. франк.

— Нѣкто Зауръ, въ Балтиморѣ, изобрѣлъ паровую машину для дѣланія кирпичей, силою въ 8 лошадей. Эта машина, при помощи 4 работниковъ и 3 мальчиковъ, можетъ изготовить въ часъ 1500 кирпичей, которые гораздо крѣпче и лучше дѣлаемыхъ обыкновеннымъ образомъ.

— Во Франціи 12,319 большихъ и малыхъ больницъ и богаделень, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи доходъ въ 52 мильйона франковъ, который употребляется на вспоможеніе и пользованіе 153.000 человѣкъ бѣдныхъ; — 6.375 конторъ благотворительности, которыя распоряжаются доходомъ въ 12 мильйоновъ франковъ и доставляютъ помощь 696.000 бѣднымъ; — 42 ссудныя камеры (monts de pitié), имѣющихъ капиталъ въ 35 мильйоновъ франковъ, которые даютъ въ займы подъ залогъ разныхъ вещей, и проч.; — Правительство, сверхъ того, призрѣваетъ 27,500 незаконнорожденныхъ дѣтей, на воспитаніе которыхъ употребляется ежегодно 10 мильйоновъ франковъ; — 20 больницъ для умалишенныхъ, и 22 другія подобныя заведенія, которыя издерживаютъ ежегодно до 5 мильйоновъ франковъ, благотворя 12,000 человѣкъ... Это только въ одной Франціи! А послушайте-ка нашихъ моральныхъ поэтовъ: они вамъ запищатъ, что нашъ вѣкъ—холодный, эгоистическій, что въ Европѣ развратъ чувства и воли, что Европа гніетъ, сгнила,—и наговорятъ вамъ еще съ три короба подобнаго вздору...

—

— Въ одной сѣверо-американской газетѣ; разсказывается слѣдующее: «*Линневиль*, цвѣтущій и тѣсно-населенный городъ, вовсе разрушенъ; одинъ только домъ, оставшійся отъ него; означаетъ теперь мѣсто, гдѣ жило столько народа. Наши читатели конечно спросятъ: можетъ-быть, этотъ городъ разграбили и сожгли дикія разбойничьи шайки Кумановъ?—Нѣтъ, мм. гг. всѣ домы Линневиля, построенные въ

колесахъ, уѣхали въ сосѣдній городъ Ла-Баку, отстоящій отъ перваго въ одной мили. Ла-Бака, счастливая соперница Линневиля, забравъ къ себѣ всѣ домы послѣдняго города, сдѣлалась теперь очень-богатою, и обѣщаетъ быть современемъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ западныхъ штатовъ Америки.

— Изъ дневника общества вспомоществованія претерпѣвшимъ кораблекрушеніе на берегахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ видно, что въ прошедшемъ году потонуло тамъ 511 судовъ разнаго размѣра, именно: 67 трехмачтовыхъ кораблей, 120 бриговъ, 233 шкуны, 14 барказовъ, 6 пароходовъ и 81 судно другихъ названій. Въ Клоарѣ погибла наибольшая часть судовъ. До 700 человѣкъ утонуло при этихъ кораблекрушеніяхъ.

— Вся сухопутная военная сила Сѣверо-Американскихъ Штатовъ должна состоять изъ 12,530 человѣкъ. Но на-самомъ-дѣлѣ она гораздо-малочисленнѣе; ибо въ каждой ротѣ пѣхоты, вмѣсто полнаго комплекта, имѣется на лицо половинное число людей, слѣдовательно, всей арміи считается не болѣе 7,000 человѣкъ; народная милиція состоитъ изъ 775 генераловъ, 2,864 офицеровъ генеральнаго штаба, 15,941 штаб-офицеровъ, 52,431 обер-офицеровъ; всего 62,050 офицеровъ, 1,431,902 унтер-офицеровъ, музыкантовъ и солдатъ.—Итакъ, всей милиціи 1.503,952 человѣка.

—Къ множеству варварскихъ религіозныхъ обычаевъ Индійцевъ должно причислить одинъ малоизвѣстный въ Европѣ, который сопровождается пышнымъ торжествомъ. Индійскій идолъ Яянатъ (Jayanath) вырѣзывается изъ дерева, размалеваннаго красками; его возобновляютъ чрезъ каждые три года. Для этого избирается въ лѣсу особеннаго рода дерево, на которомъ не садилась бы отъ вѣка никакая хищная птица. Если посвященнымъ въ это дѣло людамъ удастся отъискать по извѣстнымъ признакамъ такое священное дерево, они срубаютъ его, обрабатываютъ, и потомъ отдаютъ браминамъ для освященія. Потомъ этого новаго идола торжественно вноситъ въ пагоду одинъ человѣкъ, который однакоже не долженъ послѣ того оставаться въ живыхъ. Идолоносецъ, къ концу года, непремѣнно долженъ умереть, и только имѣетъ свободу—выбрать себѣ родъ смерти.

— По индійской миѳологіи, Вишну въ восьмомъ своемъ превращеніи женился на восьми царевнахъ; когда же онъ освободилъ изъ плѣна отъ исполинскаго царя Бумазура 16,000 принцессъ, то сдѣлалъ ихъ всѣхъ своими женами. Слѣдовательно, этотъ индійскій богъ имѣлъ всего-на-все 16,008 женъ, изъ которыхъ каждая родила ему по десяти сыновей. Для такого огромнаго семейства онъ приказалъ на большомъ островѣ, лежащемъ въ морѣ, построить цѣлый городъ. Знаменитый архитекторъ того времени построилъ городъ и дворецъ для всѣхъ женъ Вишну въ одну ночь, какъ гласитъ преданіе. Безчисленныя дѣти Вишну, однакоже, не наслѣдовали добродѣтелей своего великаго отца, и потому были прокляты богомъ Даркасомъ; когда же Вишну оставилъ свое земное поприще, морскія пучины поглотили въ своей утробѣ весь островъ съ городомъ, дворцами и всѣми находившимися въ нихъ сокровищами.

— Въ послѣднюю испанскую войну было нѣсколько жаркихъ сшибокъ въ Толозѣ въ-слѣдствіе похода Леопольда О'Доннеля противъ карлистовъ, стоявшихъ при Верѣ. Однажды ночью рота Гвипускойцевъ взяла штурмомъ небольшое укрѣпленіе, лежавшее между Гервани и Астигарага. Побѣдители перерѣзали гарнизонъ укрѣпленія и увезли съ собою непріятельскую пушку. Это поруганіе чести христиносовъ требовало примѣрнаго мщенія: О'Доннель взялъ въ плѣнъ нѣсколько карлистовъ, велѣлъ отправить ихъ въ Сан-Себастіанъ и тамъ разстрѣлять для потѣхи народу. Родственники несчастныхъ жертвъ прибыли въ Толозу, и умоляли старую гене-

ралишу, мать О'Доннеля, чтобъ она упросила жестокосердаго своего сына помиловать плѣнныхъ. Добрая старушка написала сыну такое письмо: «Я дала тебѣ жизнь, и научила тебя быть добрымъ, истиннымъ христіаниномъ. Если ты можешь еще называться моимъ сыномъ, то исполни обязанность добраго христіанина». Къ чести О'Доннеля должно прибавить, что онъ свято исполнилъ повелѣніе матери и помиловалъ плѣнниковъ.

— Королева Викторія нарисовала весьма похожій портретъ новорожденнаго своего сына, который уже литографированъ и продается во всѣхъ лондонскихъ магазинахъ эстамповъ.

— Принцъ валлійскій, сынъ королевы Викторіи, получилъ въ подарокъ отъ извѣстнаго богача, г. Томсона, кровать изъ чернаго дерева, украшенную рѣзьбою изъ слоновой кости, и принадлежавшую нѣкогда кардиналу Уольси (Wolsey), умершему въ 1530 году.— Ротшильдъ предлагалъ за эту кровать г. Томсону 1,500 гиней.

—По извѣстіямъ, взятымъ изъ Quarterly Reviev, число Англичанъ, постоянно-живущихъ во Франціи, простирается до 54,000 человѣкъ, не считая множества туристовъ, которые разсѣяны по всему свѣту. Въ Голландіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Германіи считается ихъ до 100,000 человѣкъ, которые получаютъ ежегодно изъ Англіи по-крайней-мѣрѣ 5 мильйоновъ фунтовъ стерлинг., проживая всю эту огромную сумму за границею. Газета «Le Globe» полагаетъ, что въ Англіи съ посредственными доходами нельзя жить пріятно и удобно (comfortable). Англія хороша только для богачей.

—Недавно умеръ въ Уорчестерѣ богатѣйшій чудакъ, который завѣщалъ послѣ себя огромное наслѣдство, à la Tellusson, въ 600,000 фунтовъ стерл., которое должно въ-теченіе сорока лѣтъ безпрестанно наростать процентами. По истеченіи этого времени, наслѣдникъ его получитъ въ свое владѣніе капиталъ въ 4,800,000 фунт. стер. (120.000,000 руб. ас.).

—Одна изъ самыхъ богатѣйшихъ картинныхъ галлерей во всей Италіи, принадлежащихъ частнымъ людямъ, находится въ Болоньи, во владѣніи простаго башмачника. Въ Парижѣ его прозвали бы: le cordonier monstre. Этотъ башмачникъ, по имени Ланди, обладаетъ особеннымъ изящнымъ вкусомъ въ выборѣ картинъ: онъ истинный знатокъ въ художествахъ и особенно въ живописи. Ланди съ большею предупредительностію и ласкою показываетъ всѣмъ путешественникамъ свою галлерею. Надобно къ этому прибавить, что онъ не только извѣстный знатокъ картинъ, но и первый въ Италіи башмачникъ. У него живутъ до 300 подмастерьевъ, которые обуваютъ ножки всѣхъ щеголихъ Италіи; но, что всего важнѣе, Ланди собственноручно шьетъ для папы римскаго историческія бархатныя туфли съ крестами, которыя цѣлуютъ съ такимъ усердіемъ благочестивые католики.

— Недавно какой-то истый африканскій Мавръ въ бѣлой чалмѣ и бурнусѣ, гордо прогуливаясь по набережной Conti въ Парижѣ, увидѣлъ огромную аффишу на стѣнѣ магазина, которая гласила слѣдующее: «*Продаются двадцать прелестныхъ актриссъ за 18 франковъ.*» Мавръ, прочитавъ объявленіе, не вѣрилъ глазамъ своимъ. «Великъ Аллахъ!» воскликнулъ мусульманъ: «да эти актриссы дешевле вареннаго риса. Каждая красотка обойдется менѣе одного франка! Бездѣлица сказать, двадцать райскихъ хурій, блондинокъ, брюнетокъ, съ соболиными бровями, да такая покупка свела бы съ ума самого турецкаго падишаха! Блондинку я назову Надирою, брюнетку Фатьмою, красавицу съ каштановыми волосами Зюлейкою»... Воображеніе Мавра забралось уже въ седьмое небо, когда онъ вошелъ въ магазинъ, гдѣ торговали невольницами. «Ты продаешь двадцать актриссъ, за 18 франковъ?» сказалъ мусульманинъ: «вотъ тебѣ наполеондоръ, давай ихъ

сюда.» Хозяинъ отвѣчалъ, что ему должно дать сдачи сорокъ су, или прибавить еще двухъ актриссъ. «На что мнѣ твои су? давай, въ прибавокъ, еще двѣ актриссы!» Продавецъ развернулъ передъ покупщикомъ огромный листъ веленевой бумаги, на которой напечатано двадцать извѣстныхъ парижскихъ актриссъ, довольно-дурныхъ лицомъ. «Вотъ двадцать сценическихъ красавицъ со всѣхъ нашихъ театровъ!» прибавилъ онъ. Мавръ въ бѣшенствѣ побѣжалъ опрометью изъ магазина.

—Нынче, 1-го марта, мы простимся съ Тальйони, простимся надолго, если не навсегда. Благодарность ей, полная благодарность за тѣ неисчислимыя наслажденія, которыми она дарила насъ въ-продолженіи четырехъ лѣтъ! Петербургъ не забудетъ ее, какъ вѣрно и она не забудетъ Петербурга, такъ радушно ее принявшаго... Много было писано у насъ въ похвалу ей, но все это писанье не можетъ сравниться съ тѣми похвалами, которыя разсыпали ей парижскіе журналы. Парижъ до-сихъ-поръ еще не можетъ перестать говорить о Тальйони и восхищаться ею хоть по воспоминанію. Недавно въ одной французской газетѣ было напечатано слѣдующее: «Въ танцахъ, Тальйони настоящая Француженка, въ любви Итальянка; въ домашнемъ быту Нѣмка; если она говоритъ про свой чудный талантъ, то облигчаетъ въ себѣ Шведку, въ благотвореніи она настоящая Англичанка.»

— Знаменитый фортепьянистъ Листъ говоритъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ благодарные Венгерцы поднесли ему въ подарокъ саблю, всѣ журналисты безпрестанно вызываютъ его на бой своими пристрастными критиками. «Но я не могу» прибавляетъ онъ «употребить противъ нихъ этого оружія, потому что сабля моя *почетная*.»

—Древній луксорскій обелискъ наводитъ на парижскихъ фланёровъ и зѣвакъ страхъ и трепетъ. Онъ съ нѣкотораго времени наклонился на 17 сантиметровъ. Говорятъ, что если министерство публичныхъ работъ заранѣе не пріиметъ нужныхъ предосторожностей, то старый Египтянинъ поклонится такъ низко доброму городу Парижу, что раздавитъ подъ собою множество народа.

— По сосѣдству прусской границы, въ небольшой брауншвейгской деревнѣ жилъ бѣдный старый музыкантъ, который ежедневно ходилъ съ своимъ контрбасомъ черезъ прусскую границу и игралъ за нѣсколько грошей въ ближнемъ жидовскомъ шинкѣ. Для защиты своего инструмента отъ непогоды, онъ покрывалъ обыкновенно его чехломъ изъ вощанки. Недавно умеръ этотъ бѣдный старикъ, и оставилъ послѣ себя капиталъ въ 30.000 талеровъ, который собралъ онъ конечно не отъ своей игры, но отъ контрбанды: старикъ имѣлъ привычку каждый разъ переносить черезъ границу въ своемъ контрбасѣ тонкіе и нѣжные шелковые товары, кружева и пр. Таможенная стража, не подозрѣвая никакой хитрости въ старомъ музыкантѣ, пропускала его нѣсколько лѣтъ черезъ границу безъ обыска.

— Недавно въ Брюсселѣ былъ пожаръ, угрожавшій совершеннымъ истребленіемъ многихъ богатыхъ фабрикъ, въ сосѣдствѣ лежащихъ; за недостаткомъ воды, пожарная команда вздумала гасить огонь пивомъ, котораго было запасено на ближней пивоварнѣ до тысячи бочекъ. Пиво тотчас погасило вскорѣ огонь, и хозяинъ пивоварни при этомъ случаѣ спустилъ весь свой товаръ за наличныя деньги.

— Въ Парижѣ вошелъ теперь въ моду германскій дантистъ Веберъ-Гостейнъ, который имѣетъ отличную зубную фабрику подъ фирмою: *Bousquet, dentiste du Roi*.—Этотъ зубной врачъ не только приготовляетъ золотыя челюсти съ прелестными бѣлыми зубами, но и дѣлаетъ золотые носы, покрытые эмалью, весьма-сходно съ натуральными. Поддѣльный носъ прикрѣпляется особымъ механизмомъ къ лицу безносаго, и только осязаніемъ

можно удостовѣриться о поддложности этого члена.

— Докторъ Джонъ Кройгенъ, владѣтель огромной мамонтовой пещеры, находящейся въ области Кентуки (въ Сѣверной Америкѣ) устроилъ въ глубинѣ этой пещеры, на разстояніи цѣлой мили отъ входа въ нее, просторную гостинницу, гдѣ путешественники могутъ имѣть все нужное для ихъ продовольствія, и даже ночевать въ огромномъ подземельѣ.

Въ газетѣ Aarauer Schweizer Bote напечатано слѣдующее объявленіе: «Знаменитый педагогъ Песталоцци покоится вѣчнымъ сномъ подлѣ биртской школы, съ крыши которой льетъ на его гробницу дождевая вода, и современемъ уничтожатся самые слѣды послѣдняго убѣжища безсмертнаго человѣка. Для предупрежденія этого нужно сдѣлать на крышѣ школы водосточную трубу. Нижеподписавшійся готовъ устроить ее, если пріятели и друзья покойнаго пришлютъ ему потребную сумму на помянутый предметъ.— Замокъ Ленцбургъ. 6 января 1842 года. Христіанъ Липпе, учитель».

— Извѣстная германская писательница, графиня Ганъ-Ганъ, разсказываетъ, что она въ-продолженіе 6-ти мѣсячнаго своего пребыванія въ Ниццѣ связала 12 паръ чулокъ, написала романъ «Ульрикъ» и выучилась испанскому языку.—Вотъ образцовое трудолюбіе!

— Пиѳагоръ, открывъ свое знаменитое положеніе, принесъ, съ радости и изъ благодарности, въ даръ богамъ сто быковъ. «Потому-то» говоритъ Бёрне: «съ тѣхъ поръ всѣ быки и прочіе скоты дрожатъ со страху, при открытіи другими новой истины». Не худо замѣтить это изреченіе закоренѣлымъ противникамъ новизны, такъ пугающимся всякой новой идеи, или всякаго новаго слова, которымъ эта идея выражается.

— Ужъ три мѣсяца продолжается въ Парижѣ процессъ журнала «la Presse» съ графомъ Куршанъ, который продалъ для фёльетона этой газеты свою оригинальную повѣсть. По справкамъ однакоже оказалось, что эту оригинальную повѣсть графъ Куршанъ списалъ изъ книги, напечатанной за 25 лѣтъ предъ симъ и сочиненной графомъ Потоцкимъ. Адвокатъ газеты требуетъ съ графа за злоупотребленіе общественной довѣренности 25.000 франковъ штрафа, но королевскій прокурорѣ предложилъ судьямъ наложить на него только 10,000 фр. пени.—При этомъ случаѣ, не излишне будетъ упомянуть, какъ собираютъ деньги извѣстные французскіе писатели за свои фёльетонныя работы. Бальзакъ получилъ за свою повѣсть «Деревенскій Священникъ», помѣщенную въ шести фёльетонахъ газеты, 3000 франковъ; Скрибъ за повѣсть «Юдиѳь» 2000 фр, Ламартинъ за одинъ только фёльетонъ, написанный большею частію въ стихахъ, 1,000 фр. Эженъ Сю за свой романъ «Матильду» 7000 франк. Но тѣмъ дѣло еще не кончится; книгопродавецъ, который захочетъ перепечатать романъ изъ фёльетона, долженъ также поплатиться съ авторомъ. Сверхъ того, мелкіе журналы также обязаны дать вознагражденіе автору за перепечатаніе его повѣстей. Неудивительно послѣ этого, что французскіе писатели перваго разряда не только живутъ въ довольствѣ и роскоши, но даже и дѣлаются богатыми.

—Вотъ рецептъ для составленія новаго романа, предлагаемый однимъ изъ французскихъ журналистовъ, которому, вѣроятно, надоѣли фёльетонные романисты: «Настоящій модный романъ долженъ быть сфабрикованъ въ 3 томахъ, и состоять по-крайней-мѣрѣ изъ тысячи страницъ и болѣе. Надобно въ него положить слѣдующія снадобья: любовныя сцены растянуть на 120 страницахъ; изображеніе природы и сельской жизни 15 стр. попойки за обѣдомъ 12; описаніе двухъ баловъ, если можно одинъ въ знатномъ домѣ и другой хоть въ купеческомъ, 30 стр.; сцены съ трескучими театральными эффектами—15; похищеніе красавицы—15; двѣ свадьбы вра-

ждующихъ между собою невѣстъ съ причетомъ старыхъ тетушекъ—30; два смертные случая—25 стр. Герой романа долженъ быть описанъ подробно съ вальтеръ-скоттовскою точностію, на что потребуется не меньше 70 страницъ. — На долю героини романа надобно отпустить по-крайней-мѣрѣ 90 страницъ; родъ ея долженъ происходить отъ самой древней фамиліи; она должна быть очень богата, или бѣдна до крайности, но во всякомъ случаѣ ангелъ красоты: коралловыя губки, розовый ротикъ, глазки дикой козочки и проч. Описаніе будуара красавицы займетъ страницъ 70; поѣздка ея въ дилижансѣ, или на пароходѣ—20; подставное лицо романа, родственникъ и другъ героя или героини романа долженъ быть оригинальнымъ добрякомъ съ примѣсью порядочной порціи глупости, или ужь злодѣй и интриганъ на славу; на описаніе этого лица потребуется 25 страницъ.—На женскіе наряды и прочія мелочи туалетныя примѣрно выйдетъ 120 стран. и болѣе. На описаніе матушки, употребляющей всевозможные маневры, чтобъ выдать свою дочку за мужъ — 63 стран. Чувствительныя разсужденія и сантиментальныя философствованія—80. На страшныя катастрофы 25 стр.; на эпизоды, которые нейдутъ къ дѣлу 115 стр.; на широковѣщательныя изображенія ненужныхъ лицъ и вещей надобно употребить 75 стр.—И такъ всего выходитъ тысячи страницъ, что̀ и составитъ *полный* романъ.

— Во Франціи самоубійство сдѣлалось нынѣче чѣмъ-то въ родѣ повальной болѣзни; очень часто самый ничтожный случай бываетъ тамъ причиною самовольнаго лишенія жизни. Одному знатоку вина предложена была на пробу бутылка рейнвейна. Знатокъ ошибся во вкусѣ, и принялъ новое вино за старое. Товарищи осмѣяли его за этотъ промахъ, а бѣдный знатокъ не могъ вынести ихъ насмѣшекъ, и лишилъ себя жизни.—Какая-то дама встрѣтила на улицѣ знакомаго, который на поклонъ ея не отвѣтилъ такою же учтивостію. Это неуваженіе обычныхъ приличій такъ огорчило даму, что она удушила себя угольнымъ чадомъ.— Раздаватель лотерейныхъ билетовъ замѣтилъ, что изъ его конторы не вышло ни одного выигрышнаго номера. Онъ подумалъ, что такая неудача можетъ удалить отъ него всѣхъ искателей счастія и лишить насущнаго хлѣба, — думалъ, думалъ, да и зарѣзался въ своей конторѣ.— Въ Анжерѣ портной отправился на тотъ свѣтъ весьма оригинальнымъ образомъ: онъ обвертѣлъ нѣсколько разъ около своей шеи крѣпкую нитку, вдѣлъ въ нее куриную кость, и сучилъ нитку до-тѣхъ-поръ, пока она совсѣмъ не затянула ему горла.

— Въ Брюсселѣ всѣ говорятъ теперь о похищеніи одной богатой наслѣдницы, свояченицы бельгійскаго министра Б., племянникомъ гентскаго архіепископа. Дѣвушка похищена съ придворнаго бала, и чтобы замедлить преслѣдованіе или погоню за любовникомъ, съ этого бала въ одно время уѣхали четыре кареты, запряженныя лошадьми одной масти, и въ каждую карету сѣли кавалеръ и дама совершенно-похожіе по платью и росту другъ на друга. Кареты разъѣхались въ разныя стороны. Бѣглые любовники счастливо добрались до Лондона, обвѣнчались, и намѣрены теперь возвратиться въ Брюссель.

— Одинъ Англичанинъ, живущій въ Суффолькѣ, содержитъ пять кошекъ, которыхъ пускаетъ въ свой садъ стеречь кусты малины, вишень и крыжовника отъ нападенія воробьевъ и другихъ птицъ, истребляющихъ ягоды. Каждая кошка ходитъ на стражу съ ошейникомъ, привязанная къ дереву на длинной цѣпочкѣ. Птицы, замѣтивъ непримиримыхъ своихъ враговъ, не подлетаютъ къ плодовымъ кустамъ, и ягоды остаются неприкосновенными. Другой Англичанинъ, тоже искусный садоводъ, чтобъ сохранять отъ птицъ свой виноградъ, растущій на длинной шпалерѣ, опредѣлилъ въ сторожи кошку, которая исправляла свою должность

съ особенныхъ рачeнiемъ на привязи въ 200 футъ длиною.

— Баронесса Дракъ, Француженка, живущая въ Канадѣ, можетъ назваться настоящею Дiаною XIX столѣтiя. Она въ-теченiе своей жизни застрѣлила на охотѣ 637 волковъ, не считая кабановъ, оленей и другой «мелкой» дичи. Послѣдняго волка застрѣлила она, сидя на лошади и преслѣдуя его во весь опоръ. Баронесса никогда не выходила изъ дому безъ своры прекрасныхъ борзыхъ собакъ. Большая часть мёбелей ея, столовый приборъ, черенки ножей и вилокъ сдѣланы изъ роговъ оленей, убитыхъ ея рукою. На поясѣ она всегда носитъ охотничiй «свистокъ», сдѣланный изъ клыка огромнаго кабана, застрѣленнаго ею же.

—Въ Парижѣ нынѣшнею зимою на нѣкоторыхъ балахъ, вмѣсто оркестра, употребленъ былъ хоръ пѣвчихъ. До двѣнадцати паръ дамъ и мужчинъ очень согласно-пѣли французскiя кадрили, галлопады, мазурки, вальсы и пр. Пѣвческiй хоръ, вѣроятно изъ экономiи, составленъ былъ изъ приглашенныхъ на балъ гостей. Этотъ родъ баловъ заслуживаетъ вниманiе публики болѣе по своей оригинальности; но нельзя сказать, чтобъ вокальная музыка танцевъ производила особенно-прiятный эффектъ.

— Въ Мюнхенѣ покрыты были всѣ издержки на построенiе изарскаго моста, стоявшаго полтора милiона флориновъ, тѣмъ, что правительство приказало надбавить на мѣру пива одинъ геллеръ (Heller—мелкая монета). Въ-теченiе восьмнадцати мѣсяцовъ Баварцы, благодаря своему знаменитому пиву, заплатили казнѣ нечувствительно означенную сумму.—Въ Фюртѣ на пивные геллеры правительство сдѣлало, въ-теченiе 15 лѣтъ, двѣ церкви, длинный мостъ о 16-ти аркахъ, школу, ратушу (стоявшую 30,000 флорин.), и всѣ городскiе колодцы.

— Въ одной германской газетѣ пишутъ, что яко-бы въ Петербургѣ живетъ танцмейстеръ, прiѣхавшiй изъ Голландiи, по имени Ярвисъ (Jarvis), который объявилъ во всѣхъ петербургскихъ газетахъ, что дастъ балъ для почтеннѣйшей публикѣ на снѣгу!! При первомъ выпавшемъ снѣгѣ, онъ исполнитъ свое обѣщанiе, и готовъ будетъ побиться объ закладъ съ любымъ кавалеромъ или дамою, что вытопчетъ на снѣгу, въ тактъ подъ музыку, ихъ имя и фамилiю, и не истребитъ этихъ слѣдовъ своей чудной каллиграфiи, продолжая на снѣгу свой танецъ. Билеты для входа на этотъ снѣжный балъ раздаются въ казанско-невскомъ саду, по одному рублю ассиг. съ персоны; тѣ особы, которыя желаютъ помѣститься на террасѣ, въ теплой оранжереѣ, платятъ два рубля серебромъ.

МОДЫ.

Бальныя платья почти всѣ дѣлаются съ двойными юбками; украшенiя на платьяхъ составляютъ кружево, ленты, или цвѣты; большею частiю, какъ мы уже говорили, юбки убираются только спереди въ родѣ передника, или по обѣимъ сторонамъ en échelle, съуживаясь у талiи и постепенно расширяясь къ низу. Многiя носятъ корсажи съ острыми мысами; рукава очень-коротиiе.

Черное шерстяное платье прежде исключительно назначалось для глубокаго траура, но теперь, съ появленiемъ матерiй кашемировыхъ, drap royal и казимира,—черный и темнозеленый цвѣтъ предпочитаются другимъ для визитныхъ платьевъ и платьевъ для прогулки. Пелерины все больше и больше входятъ въ употребленiе; на прогулкахъ, въ театрахъ, всюду онѣ начинаютъ замѣнять мантильи и бурнусы.

РЕЛЯЦІЯ О ЧЕСМЕНСКОМЪ СРАЖЕНІИ (*).—Недалеко отъ меня жилъ въ своемъ помѣстьѣ старикъ, имѣвшій около ста лѣтъ отъ рода и твердо помнившій многія событія изъ начала царствованія Екатерины - Великой. По обыкновенію всѣхъ стариковъ, для которыхъ настоящее и будущее представляютъ одну утомительмую перспективу физическихъ страданій, онъ любилъ на крыльяхъ мечты переноситься въ область прошедшаго и воскрешать въ памяти своей то прекрасное время, когда сердце его, теперь остывшее уже подъ ледянымъ гнётомъ старости, трепетало отъ полноты жизни и сладостныхъ впечатлѣній юности,

Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ пестра, необозрима...

Лучшимъ перломъ въ вѣнцѣ его воспоминаній была эпоха турецкой войны, начавшейся въ 1769 и конченной въ 1774 году выгоднымъ для Россіи кучук-кайнарджійскимъ миромъ. Походы Румянцева въ Молдавію и Валахію, взятіе Бендеръ графомъ Паниным, занятіе Крыма княземъ В. М. Долгоруковымъ, кагульская битва, и пиры, данные матерью отечества въ Петербургѣ, по случаю заключенія мира съ Турками,—все это составляло въ памяти старца живую, какъ-бы недавно-разъигранную драму, въ которой актёрами были герои его любимаго времени, а авторомъ — святая истина Разсказывая объ этихъ событіяхъ и увлекаясь поэзіею ихъ, старикъ не забывалъ однако положительной стороны историческихъ легендъ—правды, и часто подкрѣплялъ слова свои указаніемъ на какую-нибудь печатную бумагу, или частныя письма, въ которыхъ современникъ - писатель излагалъ подробности дѣла, или повѣрялъ другу наблюденія свои надъ характеромъ дѣйствующихъ лицъ, открывая, безъ всякой пощады, глубокія тайны ихъ семейной жизни. Почти каждая изъ этихъ бумагъ украшалась собственноручными замѣтками старика: въ нихъ онъ уяснялъ то, чтò показалось бы для потомковъ слишкомъ-темнымъ, и дополнялъ пропуски, сдѣланные писавшими по умыслу, или по небреженію.

Наконецъ, въ прошломъ году, этотъ сосѣдъ мой, утомленный долгими страданіями,—неразлучными спутниками глубокой старости,—выполнилъ послѣднюю обязанность человѣка: онъ умеръ смертію обыкновенныхъ помѣщиковъ:

.....посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

Такъ-какъ покойникъ не принадлежалъ къ числу людей, которыхъ имена увѣковѣчиваются въ потомствѣ, то память о немъ сохранилась только въ маленькомъ кругу, непереходящемъ за черту одного уѣзда, и будущій потомокъ нашъ, проходя мимо деревяннаго креста, отмѣченнаго именемъ старца, не замечтается о судьбѣ міра, о возрожденіи и паденіи царствъ, съ которыми такъ тѣсно связываются имена великихъ людей, — нѣтъ, онъ равнодушно взглянетъ на эту скромную гробницу и не почтитъ ея ни слезою участія, ни восторгомъ пылкой души, пораженной величіемъ прошедшаго. Но эта могила не лишена прелести воспоминаній для тѣхъ, кто коротко зналъ покойника: къ числу ихъ принадлежу и я. Мнѣ и теперь еще слышится звучный, энергическій разсказъ старца о гигантскихъ подвигахъ героевъ его вѣка, о домашней жизни ихъ и даже о разныхъ мелочахъ, пошлыхъ въ быту частнаго лица, но чрезвычайно-любопытныхъ тогда, когда они бросаютъ хоть мало свѣта на характеръ и привычки великаго человѣка, державшаго въ могучихъ рукахъ своихъ участь государствъ и наро-

(*) Печатаю эту статью въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ отъ почтеннаго автора, которому долгомъ считаю свидѣтельствовать искреннюю благодарность за прекрасный подарокъ «Отечеств. Запискамъ». *Ред.*

довъ. Мнѣ и теперь еще памятны отуманенные слезами восторга глаза старца, въ которыхъ свѣтилась любовь къ прошедшему и дрожаніе рукъ, показывавшихъ слушателямъ завѣтные листы, свидѣтельствующіе о славѣ его любимаго времени... Пусть пройдутъ еще многіе годы — и тогда одинъ взглядъ на старую печатную бумагу, или на письмо, написанное широкими, прямыми, какъ шеренга солдатъ, буквами, съ двумя или тремя титлами и недописками на каждой строчкѣ—сейчасъ же напомнятъ мнѣ изощренную страданіемъ физіономію покойнаго сосѣда и его дребезжащій, но одушевленный голосъ, которымъ онъ разсказывалъ свои интересныя легенды.

Чаще или рѣже испытывать на себѣ эти впечатлѣнія—зависитъ теперь совершенно отъ моей воли, потому что нѣкоторыя изъ занимательнѣйшихъ бумагъ, принадлежавшихъ умершему, достались мнѣ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ передать ихъ вниманію читателей «Отечественныхъ Записокъ», если почтенному редактору угодно будетъ удѣлить имъ нѣсколько страницъ своего прекраснаго журнала (*).

—

Передо мною лежитъ теперь «Реляція о Чесменскомъ Сраженіи», напечатанная на большомъ, согнутомъ вдвое полулистѣ. Отъ нея такъ и вѣетъ семидесятымъ годомъ прошлаго столѣтія! Толстая, желтосѣрая бумага, какой не отъищете въ наше время даже въ лавкѣ Воронина, въ которой, какъ уже извѣстно, продаются всѣ издѣлія сѣробумажной промышлености; буквы въ родѣ нынѣшняго миттеля, крупныя, толстыя, аляповатыя; ореографія, изъявляющая прописными буквами свое глубокое почтеніе всѣмъ прилагательнымъ, произведеннымъ отъ собственныхъ именъ, и всѣмъ чинамъ и достоинствамъ; слогъ, нѣсколько удаленный отъ сухаго слога оффиціальныхъ бумагъ того времени, и кой-где испещренный цвѣтами реторики, которые такъ нравились въ прошломъ столѣтіи и нравятся нѣкоторымъ «сочинителямъ» даже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго вѣка,—вотъ наружные признаки этой реляціи. За то внутренняя, существенная сторона ея такъ полна, отчетлива и заключаетъ въ себѣ столько важныхъ подробностей, что можетъ пролить яркій свѣтъ на описываемую ею эпоху, — а надобно сказать, что эта эпоха очень важна для исторіи русской славы.

Вотъ въ чемъ дѣло. Варшавскій кабинетъ, угрожаемый войною со стороны Россіи, желая раздѣлить силы Русскихъ, обратился къ Оттоманской Портѣ съ убѣжденіемъ—объявить войну Екатеринѣ-Великой. Диванъ, еще живо помнившій недавнія побѣды Миниха, обрадовался случаю отмстить за нихъ: по его распоряженію, Татары, подвластные Портѣ, вторглись въ Сербію, и быстро, какъ опустошительный ураганъ, приближались къ русской границѣ. Сохранить миръ было невозможно, а потому Екатерина II, съ твердостію, достойною ея великаго духа и съ надеждою па правосудіе промысла, подписала опредѣленіе войны съ Портою. Это было въ январѣ 1669 года. Скоро послѣ того загремѣло русское оружіе—и фанатическіе поклонники Мухаммеда оросили кровію своею пологіе берега Днѣстра... Предоставимъ исторіи описывать дальнѣйшіе подвиги Румянцева, Панина и Долгорукова на сушѣ, и перейдемъ прямо къ тому времени, когда русскій флотъ, подъ главнымъ начальствомъ графа А. Г. Орлова, соединился въ Средиземномъ Морѣ и занялъ операціонную линію вдоль Архипелага и береговъ Малой Азіи. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ сраженій, въ которыхъ выгода побѣды всегда оставалась на сторонѣ нашихъ, турецкій флотъ былъ настигнутъ русскимъ у чесменскаго порта... Но реляція доскажетъ осталь-

(*) Покорнѣйше прошу объ этомъ, и увѣренъ, что читатели «Отеч. Записокъ» повторятъ за мною эту просьбу. *Ред.*

ное. Предлагаю ее читателямъ слово-въ-слово и притомъ безъ всякихъ перемѣнъ въ ороографіи.

Продолженіе извѣстій о дѣйствіяхъ флота Ея Императорскаго Величества противъ Оттоманской Порты.

«Сего Сентября 13 дня получено отъ Генерала Графа Алексѣя Григорьевича Орлова съ куріеромъ изъ Италіи ко двору Ея Императорскаго Величества донесеніе о совершенномъ истребленіи Турецкаго флота при берегахъ Асійскихъ, которое состоитъ въ слѣдующемъ:

«Когда Контръ Адмиралъ Елфинстонъ съ своею ескадрою соединился при берегѣ Морейскомъ съ ескадрою подъ командою Адмирала Спиридова, и получено было извѣстіе отъ упомянутаго Контръ Адмирала, что онъ на пути своемъ съ подкрѣпленіемъ нѣсколькихъ кораблей отъ Адмиральской ескадры гналъ непріятеля, который, для соединенія съ остающимися позади его кораблями, бѣжалъ къ сторонѣ Асіи, то въ то время Генералъ Графъ Орловъ прибывъ изъ Мореи съ двумя кораблями, по соединеніи всего флота взялъ главную команду надъ онымъ. Перьвое его попеченіе было запастись провіантомъ и водою.

«Что исполнивъ, опасались одного только того, дабы неприятеля не упустить за Дарданеллы, чего для съ благополучнымъ вѣтромъ и отправились искать онаго. Подъѣзжая къ острову Хіо увѣдомились, что Турецкій флотъ находится въ каналѣ за онымъ островомъ. Отряженъ былъ туда для полученія точнаго извѣстія корабль Ростиславъ, на которомъ посланъ былъ отъ главнокомандующаго Контръ Адмиралъ Грейгъ. Сей по возвращеніи объявилъ, что непріятельскій флотъ усмотрѣлъ ходящій подъ парусами въ девяти большихъ корабляхъ; но какъ уже было подъ вечеръ, то положено лавировать во всю ночь въ устьи онаго канала, а на разсвѣтѣ войти туда. Исполнивъ сіе въ назначенный часъ, и увидѣвъ стоящаго непріятеля въ боевомъ порядкѣ, убавили парусовъ, чтобъ дождаться отставшихъ судовъ. По приближеніи которыхъ, главные командиры съѣхавшись вмѣстѣ сдѣлали распоряженіе къ атакѣ слѣдующимъ образомъ: Кораблямъ команды Адмирала Спиридова сочинять передовый строй боя; а кораблямъ Графа Орлова средній, Елфинстоновымъ же дѣлать сторожевый строй. Какъ разъѣхались начальники по своимъ мѣстамъ, то данъ былъ сигналъ съ корабля Трехъ Іерарховъ, дабы строиться къ бою по вышеположенному росписанію и идти къ атакѣ. Первымъ былъ корабль Европа, вторымъ Евстафій, третьимъ Три Святителя, четвертымъ Іануарій, пятымъ Три Іерарха, шестымъ Ростиславъ, седьмымъ Нетронь Меня, осьмымъ Святославъ, девятымъ Саратовъ, а два фрегата, которымъ должно было быть тутъ же, къ тому времени не подоспѣли. Въ семъ порядкѣ 24 іюня въ половинѣ двенадцатаго часа подошли къ Турецкому флоту. Оный стоялъ однимъ крыломъ примкнувшись къ мѣли и къ небольшому каменному острову, другимъ протянулся къ порту, называемому Чесме, находясь въ весьма выгодномъ положеніи. Вдругъ началася съ Турецкаго флота по нашему жестокая пальба. Европа вступила въ бой, который въ половинѣ перваго часа сдѣлался общимъ. Евстафій, на которомъ былъ нашъ заслуженный Адмиралъ Спиридовъ, съ несказаннымъ терпѣніемъ и мужествомъ выдерживалъ всѣ непріятельскіе выстрѣлы, подходя къ нимъ ближе; а пришедъ въ мѣру началъ производить свой огонь безъ умолка съ такою жестокостію, что непріятель отъ того великій вредъ почувствовалъ. Однакожъ ядра непріятельскіе съ разныхъ кораблей противу его устремляющихся не переставали осыпать его. Тутъ вступилъ въ сраженіе и корабль Трехъ Святителей, такъ же и Іануарій выдвинувшись въ передъ изъ своихъ мѣстъ. По семъ сталъ сражаться и корабль главноко-

мандующаго, называемый Трехъ Іерарховъ, за которымъ послѣдовалъ Ростиславъ, на коемъ находился князь Юрья Долгоруковъ. Корабли же команды Елфинстоновой по положенію своему были въ нѣкоторомъ отдаленіи. Ударъ за ударомъ выстрѣловъ пушечныхъ сливаясь, безпрерывный громъ производили. Воздухъ, наполненъ будучи дымомъ, скрывалъ корабли отъ вида другъ у друга, такъ что и лучи солнца померкли. Свистъ ядеръ летающихъ и разныя опасности представляющіяся, и самая смерть смертныхъ ужасающая не были довольно сильны произвести робости въ сердцахъ сражавшихся со врагомъ имени Христова Россіанъ, истинныхъ сыновъ отечества и достойныхъ подданныхъ Великія Екатерины. Въ самомъ жесточайшемъ сраженіи были четыре корабля: Евстафій, Три Святителя, Іануарій и Три Іерарха. Напослѣдокъ корабль Евстафій, сцѣпясь съ кораблемъ главнокомандующимъ надъ непріятельскимъ флотомъ, производилъ въ самое то время пушечную и ружейную пальбу, отъ чего оный и загорѣлся. Корабль же Трехъ Іерарховъ, лежа на якорѣ и сражаясь съ двумя непріятельскими, увидѣлъ въ опасности Адмирала, и тотчасъ отрубя якорь изготовился къ абордажу: но примѣтя, что непріятельскій корабль горитъ, принужденъ былъ принятое намѣреніе оставить, давъ сигналъ, чтобъ всѣ военные шлюпки поспѣшали къ Евстафію. Подгорѣвшая у Турокъ мачта упала поперегъ на нашъ корабль, сцепившійся и почти уже завладѣвшій онымъ, и тѣмъ въ пламень привела и нашъ. Въ самомъ скоромъ времени послѣ того корабль нашъ взорвало, за которымъ слѣдовалъ и непріятельскій. Сіе произшествіе, и то что Турки не могли уже болѣе терпѣть, зря столь жестокую и неустрашимую съ нашей стороны атаку, привели флотъ Оттоманскій въ трепетъ, который отрубя якори и поднявъ парусы бѣжать началъ въ великомъ смятеніи въ Портъ подъ защищеніе крѣпости Чесме. Графъ Орловъ поднявъ всѣ парусы на корабль Трехъ Іерарховъ стремился въ самый нутръ непріятельскаго флота, но не былъ въ силахъ догнать оный за легкостію Турецкихъ судовъ. Скоро послѣ того обрадованъ онъ былъ извѣстіемъ полученнымъ о спасшихся съ корабля Евстафія, между которыми Адмиралъ, Капитанъ и братъ его Графъ Ѳеодоръ Орловъ находился.

«Послѣ сего сдѣлано распоряженіе запереть непріятельскій флотъ со всѣхъ сторонъ въ гавани, служившей ему убѣжищемъ, что вскорѣ и исполнено. Нарядженъ для бомбардированія непріятеля одинъ бомбардирскій корабль, который и причинялъ ему чрезъ цѣлые сутки вредъ и безпокойство. Непріятель съ своей стороны изготовилъ на берегу большую батарею, и поставилъ тамо болѣе двадцати пушекъ. Между-тѣмъ наши приготовляли четыре брандера. На другій день по собраніи совѣта положено было производить атаку ночью, къ коей наряжены были четыре корабля: Нетронь Меня, Ростиславъ, Саратовъ и Европа, и два фрегата, подъ командою Контръ Адмирала Грейга. Подъ симъ прикрытіемъ слѣдующую ночь, призвавъ Господа силъ въ помощь, брандеры и отправлены, на которыхъ посланы были явившіеся къ тому охотники двое изъ Россіянъ и нашей службы двое Англичанъ, прочимъ же кораблямъ велѣно быть въ готовности для подкрѣпленія. Непріятель примѣтя идущихъ, началъ производить преужасный огонь со всѣхъ своихъ кораблей и съ берега. Наши не упустили ничего, чтобъ равномѣрно имъ отвѣтствовать. Начали Оттоманскіе корабли загараться, но скоропостижно пожары сіи ими утушаемы были, пока наконецъ загорѣлся на одномъ ихъ кораблѣ марсель, что Контръ Адмиралъ Грейгъ примѣтя, самъ пересталъ производить пальбу, и велѣлъ итти брандерамъ. Оные ни мало не мѣшкавъ исполнили свою должность съ великимъ терпѣніемъ и неустрашимостію по данному имъ наставле-

нію съ желаемымъ успѣхомъ: въ чемъ отмѣнно отличился господинъ Ильинъ, который подошелъ къ Турецкому кораблю съ полнымъ екипажемъ находящемуся, въ глазахъ ихъ положилъ брандкугель въ корабль и зажегши брандеръ возвратился безо всякой торопливости съ присутствіемъ духа, какъ и прочіе, назадъ. Тутъ же увидѣли вдругъ въ разныхъ мѣстахъ загорѣвшійся флотъ непріятельскій, узрѣли и побѣду свою совершенну. Возхищенные симъ зрѣлищемъ изъявляли они другъ другу радостное сердецъ своихъ чувство, и каждый изъ нихъ ощущая веселіе, свойственное побѣдителямъ, возсылалъ Всевышнему хвалу о томъ, что могъ подать неложный опытъ усердія къ своей Государынѣ и отечеству. Въ самое сіе время съ кораблей нашихъ, у прикрытія бывшихъ, началась паки пальба наижесточайшая въ томъ намѣреніи, дабы непріятелю ни гасить, ни спастися не давать времени. Вскорѣ по семъ начало рвать непріятельскіе корабли одинъ по другому. Сіе чрезвычайное явленіе столь ужасно было, что и берега стонали; и по истеченіи малаго времени весь непріятельскій флотъ обращенъ въ пепелъ, исключая одинъ корабль о шестидесяти пушкахъ и пять галеръ, которыя нашимъ досталися въ добычу съ нѣсколькими малыми судами. По семъ высадили нашихъ людей на берегъ, кои взяли непріятельскую батарею, и того же дня самъ главнокомандующій съ братомъ своимъ Графомъ Ѳедоромъ Орловымъ и съ находящимся при немъ лейбъ-гвардіи Маіоромъ Княземъ Долгоруковымъ и Контръ Адмираломъ Грейгъ ѣздили на Анатолійскій берегъ. Нашедши тамъ при многомъ числѣ мертвыхъ тѣлъ множество раненныхъ и утопающихъ непріятелей изъ человѣколюбія спасали жизнь оныхъ, а большому числу изъ нихъ отъ Высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества дана была свобода.

«Въ портѣ сочтено огнемъ истребленнаго Турецкаго флота:

«15 линейныхъ кораблей, изъ коихъ шесть отъ 80 до 90 пушекъ, прочіе были отъ 70 до 60, шесть фрегатовъ, нѣсколько шебекъ и брегантинъ, множество полугалеръ, фелукъ и другихъ малыхъ судовъ, а всѣхъ вообще около ста судовъ.

«Въ заключеніи главнокомандующій флотомъ Генералъ Графъ Орловъ принося Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее поздравленіе съ сею знаменитою побѣдою, повергаетъ себя со всѣми въ командѣ его находившимися ко стопамъ Самодержицы, и предаетъ въ Высочайшую милость и благоволеніе Ея, особливо же рекомендуетъ Контръ Адмирала Грейга, какъ храбраго, искуснаго, и неутомимаго офицера».

Такъ-какъ эта реляція есть только продолженіе извѣстій, до нея изданныхъ, хотя она напечатана на особомъ полулистѣ, то, можетъ-быть, по сей причинѣ, не выставленъ на ней годъ событія; но этотъ важный пропускъ вполнѣ вознаграждается собственноручною замѣткою прежняго владѣльца реляціи, которую списываю здѣсь съ подобающею точностію:

«Все сіе происходило сказаннаго числа 1770 году и съ той поры побидившіе врага Христова Россіяне пребывали мили Богу и преуспѣвали въ побидахъ на суши и мори. Герой же сей знаменитой баталіи Графъ Орловъ проименованъ отъ Государыни Чесменскимъ».

Должно полагать, что эта замѣтка написана гораздо позже 1770 года, потому-что въ то время выраженіе: «и съ той поры побидившіе врага Христова Россіяне» и проч. не могло бы имѣть приличнаго мѣста. Орѳографія замѣтки, особенно же перемѣна буквы *ѣ* на букву *и* и смягченіе твердаго *ы* въ словѣ «мили» (милы)—сочинена подъ вліяніемъ южнорусскаго нарѣчія.

Продолженіе войны и слѣдствія ея извѣстны каждому образованному читателю; мнѣ остается только замѣтить, что чесменское сраженіе было знаменитѣйшимъ дѣломъ нашего фло-

та въ-продолженіе всей кампаніи; послѣ него Русскіе доплывали до береговъ Африки, водружали побѣдоносный флагъ свой на многихъ островахъ, принадлежащихъ Турціи, и возвратились въ отечество покрытые славою и обогащенные новою опытностію въ искусствѣ мореплаванія.

Князь Вл. К—въ.

Ноября 27.
1841.
Г. Глинскъ.

ЗАСѢДАНІЯ УЧОНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ ВЪ РОССІИ И ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ.

I.

Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ.

Въ засѣданіи 10 декабря 1841, г. *Струве* читалъ отчетъ о библіотекѣ Пулковской Обсерваторіи, обогащенной чрезъ покупку собранія книгъ покойнаго доктора Ольберса, въ Бременѣ. Для заведенія сколько-возможно-полной, но сообразной съ мѣстною цѣлію библіотеки при Пулковской Обсерваторіи, была назначена особенная сумма, и потомъ на обогащеніе ея ассигнована годичная сумма 1000 рублей. Стараніями г. директора обсерваторіи, образовалась библіотека не обширная, но отборная; до прошлаго лѣта она содержала въ себѣ 1) собраніе небесныхъ картъ 8 нумеровъ, 2) 562 творенія, составляющихъ 1566 томовъ, и 321 мелкое сочиненіе. Между-прочимъ, библіотека уже могла похвалиться многими важными коллекціями; таковы, напримѣръ, мемуары Парижской Академіи до новѣйшихъ временъ, acta eruditorum, комментаріи и мемуары Санктпетербургской Академіи, всѣ совершенно полные, и еще многія сочиненія, которыя считаются большими рѣдкостями. Благодаря ревности г. Струве и мѣрамъ, которыя онъ принялъ во время своего послѣдняго путешествія по Германіи, библіотека Пулковской Обсерваторіи владѣетъ теперь, сверхъ того, собраніемъ книгъ Ольберса, которое составляетъ богатѣйшее ея пріобрѣтеніе. Въ-самомъ-дѣлѣ, библіотека Ольберса была одна изъ лучшихъ частныхъ германскихъ библіотекъ по части астрономіи; покойный владѣлецъ ея, человѣкъ, имѣвшій достатокъ, составлялъ ее въ-теченіи болѣе 50 лѣтъ, съ рвеніемъ и разборчивостью, имѣя преимущественно въ виду свою любимую часть, кометографію, и многіе еще несовершенно проясненные вопросы по части исторіи астрономіи. Библіотека Пулковской Обсерваторіи получила слѣдующее приращеніе: небесныхъ картъ 24 нумера, книгъ 632 въ 978 томахъ, мелкихъ сочиненій 2249.

Г. Струве, представивъ каталогъ библіотеки по отдѣленіямъ, сообщаетъ библіографическія извѣстія о многихъ рѣдкостяхъ, въ ней находящихся; это 50 книгъ, коихъ древность восходитъ далѣе 1550 года.

—Г. *Буняковскій* представилъ Академіи первые листы своихъ *Основаній математической теоріи вѣроятностей*. Это сочиненіе будетъ издано на русскомъ языкѣ; оно раздѣляется на двѣ части: въ первой говорится объ опредѣленіи вѣроятностей, когда надежды (chances) могутъ быть выведены a priori, изъ самаго вопроса; во второй, болѣе-пространной, авторъ занимается изъисканіемъ законовъ вѣроятности, опредѣляемой a posteriori, то-есть въ случаѣ, когда все число надеждъ неизвѣстно или неопредѣленно. Важнѣйшія и полезнѣйшія приложенія анализа случаевъ будутъ показаны въ этой второй части. Сочиненіе окончится примѣчаніями, объясняющими разныя аналитическія теоріи, которыя были опущены въ текстѣ съ тою цѣлью, чтобъ не прервать нити изложенія. «Предпринимая на русскомъ языкѣ сочиненіе объ анализѣ вѣроятностей» говоритъ г. Буняковскій, «я прежде всего имѣлъ цѣлью пополнить одинъ изъ промежутковъ нашей математической литературы. Вторая цѣль моя, и гораздо труднѣйшая для достиженія, со-

стоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать болѣе доступными трудныя теоріи, которыхъ есть столько примѣровъ въ исчисленіи случаевъ.»

— Въ засѣданіи 7 января 1842, г. *Якоби* читалъ отчетъ о своихъ трудахъ по части электромагнетизма въ 1841 году. «Позвольте мнѣ, говоритъ ученый физикъ, кратко обозначить мѣсто, которое гальванизмъ и электромагнетизмъ занимаютъ въ области науки и жизни; ибо это мѣсто мнѣ кажется нѣкоторымъ образомъ исключительнымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы видимъ, что большая часть родовъ практики, имѣющей предметомъ нужды или пріятности жизни, находилась уже въ полномъ цвѣтѣ, прежде нежели узнали ихъ отношенія къ наукамъ. Звѣзды были наблюдаемы прежде, нежели Ньютонъ опредѣлилъ ихъ движеніе; химическіе процессы употреблялись прежде, нежели узнанъ вѣсъ атомовъ; машины строились прежде, нежели была извѣстна формула живыхъ силъ, и пр. Не такова судьба предмета, о которомъ я говорю. Въ тихомъ кабинетѣ одного сѣвернаго учонаго (*) дѣлается открытіе, которое поставляетъ въ тѣснѣйшее отношеніе двѣ силы природы, представлявшіяся дотолѣ во всѣхъ явленіяхъ совершенно-раздѣльными между собою. Существованіе этихъ силъ тогда едва было извѣстно внѣ области, въ которой движутся учоныя изъисканія, и еще далеко отъ того, чтобъ найдти себѣ приложеніе къ жизни. Но лишь прошло нѣсколько лѣтъ, и это мирное учоное завоеваніе не только само возрасло значительно, но и проникло различными направленіями въ практику; скажемъ еще болѣе: стали дѣлать съ этой стороны такія большія требованія отъ новой отрасли физики, что ихъ можно извинить лишь предчувствіемъ того, что еще оставалось сокрыто. Было бы неумѣстною скромностью съ моей стороны, еслибъ я не упомянулъ о вліяніи, которое съ того времени мои труды имѣли на практическое развитіе гальванизма и электромагнетизма во многихъ отношеніяхъ. Но не стыжусь сознаться, что я нерѣдко бываю въ положеніи того ученика-чародѣя, въ которомъ практическія требованія преобладаютъ и даже не терпятъ необходимаго ограниченія. Я называю судьбу гальванизма и электромагнетизма исключительною потому, что практическія приложенія этихъ двухъ физическихъ ученій суть, болѣе нежели гдѣ-либо, ихъ чада; дѣйствительно, всѣ приложенія, которыя сюда относятся, родились и возрасли на почвѣ науки, и только отъ науки могутъ получить свое дальнѣйшее развитіе. Особенный интересъ даетъ этимъ занятіямъ, по моему мнѣнію, то обстоятельство, что это первый и самый рѣзкій примѣръ сильнаго вліянія, которое успѣхи науки могутъ имѣть на жизнь. И потому-то все, что дѣлается въ этой области, будетъ ли оно даже имѣть направленіе еще болѣе промышленое,— не недостойно вниманія Академіи.

«Перехожу къ приложеніямъ электромагнетизма, какъ движущей силы, и къ тому состоянію, въ которомъ теперь находится этотъ предметъ. Вы знаете, что въ концѣ 1837 года, по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія и президента Академіи, я былъ приглашенъ сюда, чтобъ относящіеся къ гальванизму и электромагнетизму опыты, сдѣланные мною въ Кёнигсбергѣ и въ Дерптѣ на собственный мой счетъ, повторить въ большемъ размѣрѣ и вмѣстѣ изслѣдовать законы электромагнитныхъ машинъ. Щедротами нашего Монарха вознаграждены издержки, бывшія необходимыми для этого. Я представилъ г. министру программу, и онъ поручилъ разсматривать ее Академіи. Въ этой программѣ я не возбуждалъ ожиданій, которыя не могли исполниться, и просилъ не слишкомъ-краткаго времени для рѣшенія моей задачи. Такъ-какъ программа вытекала изъ свойства предмета и изъ моего личнаго настроенія, то я и не имѣлъ нужды держать ее всегда передъ

(*) Эрстеда. *Ред.*

глазами, чтобъ не отступить отъ ней, но производилъ свои опыты совершенно сообразно съ нею.

«Вы знаете, въ какомъ состояніи были наши познанія касательно электромагнетизма при началѣ моихъ опытовъ. Мнѣ, правда, удалось построить машину, которая съ средствами относительно-малыми производила дѣйствіе изумительное; но до этого построенія дойдено было ощупью, и потому оно не могло основываться ни на какомъ опредѣленномъ началѣ. Установить это начало, и установить съ такою же вѣрностью, какъ это бываетъ при другихъ машинахъ—вотъ на что смотрѣлъ я, какъ на основаніе моей задачи; самая же задача можетъ быть выражена въ слѣдующемъ простомъ вопросѣ: *Какое maximum механической работы можно получить чрезъ электролитическое разведеніе даннаго количества цинка?* Чтобъ дойдти до рѣшенія, надобно было напередъ изслѣдовать законы электромагнитнаго возбужденія и притягиванія, значеніе размѣровъ желѣза, круговъ проволоки и пр. Рядъ работъ, которыя я, вмѣстѣ съ г. Ленцомъ, сдѣлалъ для достиженія этой цѣли, былъ вамъ представленъ въ свое время и напечатанъ въ «Bulletin Scientifique». Мы будемъ имѣть честь представить вамъ въ скоромъ времени, и вполнѣ, работу болѣе-обширную; она была давно начата, продолжалась въ-теченіи прошлаго года, но еще не могла быть совершенно приведена къ концу. Эта работа, впрочемъ, важна болѣе для статической стороны электромагнитныхъ машинъ; въ-отношеніи къ тому, что въ машинахъ вообще называется исполненіемъ, или экономическимъ дѣйствіемъ, онѣ имѣютъ нѣкоторымъ образомъ то же значеніе, какъ изъисканія о силѣ напряженія водяныхъ паровъ, при различныхъ температурахъ, въ-отношеніи къ паровымъ машинамъ. Извѣстно,—и это узнано было уже въ-послѣдствіи,—что, не смотря на возрастаніе силы напряженія водяныхъ паровъ гораздо быстрѣйшее, нежели возрастаніе температуры, машины съ высокимъ давленіемъ не доставляютъ безусловныхъ, экономическихъ выгодъ. Послѣ мы покажемъ сходство паровыхъ машинъ съ машинами электро-магнитными; а теперь обратимъ вниманіе на одно различіе, отъ котораго происходитъ необыкновенная трудность въ нашемъ предметѣ. Много было сдѣлано опытовъ, изъ которыхъ со всею опредѣленностію выводится количество топлива, потребное для того, чтобъ, по совершенномъ сгорѣніи, превратить, напримѣръ, кубическій футъ воды въ 1700 (около) кубическихъ футовъ паровъ. Вообразимъ, что эти пары заключены въ призму съ подвижнымъ дномъ, и опять сгущены въ одинъ кубическій футъ воды; припомнимъ еще, что давленіе атмосферы на каждый квадратный дюймъ есть 15 фунтовъ: тогда легко можно вычислить, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи механическую силу, которая въ состояніи поднять около 3.672,000 фунтовъ на 1 футъ высоты. Въ то же время будетъ вычислено maximum работы, которое можно получить отъ даннаго количества топлива. Maximum есть предѣлъ, за который нельзя выйдти: такое мы имѣемъ о немъ понятіе. Слѣдовательно, въ усовершенствованіяхъ, которыя люди каждый день вводятъ въ паровыя машины, они имѣютъ въ виду только приблизиться болѣе и болѣе къ этому предѣлу, и, при крайнемъ счастіи, достигнуть его. Знать съ опредѣленностію о существованіи такого предѣла и даже имѣть возможность обозначить его числомъ, —неоцѣненная выгода для изъисканій; безъ этого, они не имѣли бы опоры и были бы дѣлаемы на вѣтеръ. Замѣтимъ также, что въ ходѣ возрастанія теплоты, какъ механическаго дѣятеля, нѣтъ нигдѣ промежутка, нѣтъ ничего таинственнаго, и съ самаго начала можно знать тотчасъ съ величайшею опредѣленностію, на какой пунктъ должно обратить свои изслѣдованія, чтобъ получить какой-нибудь результатъ. Совершенно иначе въ электромагнит-

ныхъ машинахъ: въ нихъ форма явленія проста, но сила, съ которою имѣешь дѣло, остается въ глубокомъ мракѣ. Знаемъ ли мы, чтò въ гальваническихъ явленіяхъ причина и чтò дѣйствіе? необходимъ, или мѣшаетъ этотъ разведенный атомъ цинка? Теплота говоритъ намъ весьма разнообразно; мы видимъ, чувствуемъ, измѣряемъ, кàкъ и съ какою силою приводитъ она въ движеніе частицы тѣлъ, но магнитное желѣзо нѣмо и непроницаемо.

«Года полтора назадъ, я имѣлъ честь представить Академіи ноту о законахъ электромагнитныхъ машинъ, въ которой этотъ предметъ изложенъ такъ, кàкъ позволяетъ настоящее состояніе нашихъ свѣдѣній. Тамъ я показалъ, что во всякомъ родѣ машинъ и батарей этого рода *механическая работа находится въ прямомъ отношеніи къ потребленію цинка и независима отъ органовъ движенія*. Какъ вездѣ въ природѣ, дѣйствіе здѣсь — окончательное. Этихъ законовъ, въ ихъ подробностяхъ, я еще не могъ подвергнуть строгому опытному анализу; но все у меня готово, чтобъ воспользоваться первымъ досугомъ для этого труда. Законы электромагнетизма доселѣ открывались мнѣ только въ общихъ фактахъ, и помощію ихъ я былъ въ состояніи изъяснить множество явленій, къ которымъ прежде не было ключа. Теперь же необходимо опредѣлить постоянные законы, и именно найдти механическую работу, которую можетъ сдѣлать электролитическое разведеніе даннаго количества цинка. Между-тѣмъ, я обращаю ваше вниманіе на одинъ фактъ, который не позволяетъ считать безусловнымъ результатъ этого изъисканія, и который изумитъ химиковъ; именно, одинъ и тотъ же атомъ цинка можетъ дать различныя количества механической работы, смотря по тому, въ цинко-мѣдной ли батареѣ или въ цинко-платинной будетъ онъ разведенъ. Въ послѣднемъ случаѣ эта работа въ $1^3/_4$ раза болѣе, нежели въ первомъ; но вообще, она пропорціональна электро-движущей силѣ металловъ, употребленныхъ на батарею. Наибольшая часть извѣстныхъ доселѣ обнаруженій гальваническаго тока пропорціональны ей же; но здѣсь встрѣчается первое исключеніе, и мнѣ кажется, что именно этотъ, а не другой какой-нибудь фактъ долженъ повести къ рѣшенію важнаго вопроса о томъ, какая теорія должна быть принята: химическая, или теорія прикосновенія. И тотъ же фактъ заставляетъ думать, что рѣшеніе будетъ въ пользу послѣдней.

«Въ точныхъ наукахъ есть факты, которые даютъ опору наукѣ и устанавливаютъ ея рѣшительное направленіе. И тѣ правы, которые не считаютъ безплодными трудовъ, имѣющихъ предметомъ электромагнитныя машины, когда эти труды привели къ результату, столь важному и такому, что, если развить его болѣе, онъ обѣщаетъ еще другіе выводы для теоріи электромагнетизма.

«Я долженъ еще замѣтить, что великія надежды, которыя питала Германія въ-отношеніи къ электромагнетизму, должны войдти въ свои надлежащія границы теперь, когда мы достигли до законовъ, о которыхъ сейчасъ говорили. Конечно, отъ расположенія органовъ движенія въ электромагнитныхъ машинахъ можно ожидать еще многаго; но отъ одного ихъ увеличенія или умноженія, съ удержаніемъ тѣхъ же батарей, ожидать нѐчего. Не скрою, что въ-продолженіе нашихъ работъ мы сами были въ подобномъ заблужденіи, и что много случилось горькихъ разочарованій прежде, нежели мы достигли до этого убѣжденія.

«Не буду утомлять васъ исчисленіемъ и описаніемъ разнообразныхъ снарядовъ, которые были построены для нашихъ опытовъ, тѣмъ болѣе, что четверо изъ господъ-товарищей нашихъ имѣли оффиціальный случай разсмотрѣть этотъ предметъ во всей подробности. Но замѣчу, что мѣстныя обстоятельства окружили исполненіе этихъ работъ необыкновенными трудностями, которыя, наконецъ, сдѣлались почти нестерпи-

мыми. Предпринятые прошлою осенью опыты, которые, по причинамъ, нисколько некасающимся собственно-такъ-называемаго электромагнетизма, не соотвѣтствовали самымъ справедливымъ ожиданіямъ, представляютъ на то доказательства. Изъ этихъ опытовъ, многочисленныхъ и сдѣланныхъ въ большомъ размѣрѣ, я не могъ и не хотѣлъ извлечь никакихъ положительныхъ и точныхъ формулъ; да и кто вздумалъ бы искать точныхъ результатовъ съ снарядами, въ которыхъ то расположеніе частей, то построеніе, были источниками многочисленныхъ ошибокъ! Несправедливо было бы изъяснять эти ошибки невыгодно для электромагнитной силы. Конечно, не долго будетъ оставаться не восполненнымъ этотъ промежутокъ, который доселѣ препятствуетъ совершенно опредѣлить настоящее состояніе предмета. Но если даже экономическая выгода будетъ на сторонѣ прежнихъ движителей, какъ почти можно предвидѣть: тѣмъ не менѣе электромагнитныя машины имѣютъ свою будущность.

«Я считаю механическую часть, именно расположеніе органовъ движенія, почти законченною. Хотя усовершенствованія въ этомъ отношеніи возможны, но они, по самому свойству своему, могутъ появляться лишь мало-по-малу, и, какъ я думаю, не приведутъ къ рѣшенію вопроса. Такую будущность должно предсказать самому произведенію гальваническаго дѣйствія, которое должно считать источникомъ этой силы. Здѣсь мы вступаемъ на почву, съ которой открываются обширные виды. Прежде всего замѣчаемъ, что въ экономическомъ отношеніи, собственно дѣло идетъ о томъ, чтобъ образовавшейся въ гальваническихъ батареяхъ цинковой соли найдти обширное техническое приложеніе и, слѣдовательно, вѣрный сбытъ, который бы покрывалъ, отчасти или совершенно, издержи электромагнитныхъ машинъ. Нельзя напередъ утверждать, что это невозможно; недавно г. Дюма̀, въ своемъ отчетѣ, читанномъ въ Парижской Академіи Наукъ, говорилъ объ оцинкованіи желѣзныхъ вещей мокрымъ путемъ, какъ о предметѣ чрезвычайно-важномъ. Замѣщеніе желѣза цинкомъ ничуть не кажется невозможнымъ, и чрезъ это издержки содержанія машинъ уменьшились бы. Чтобъ начать съ батарей на сѣрнокислой мѣди, вообразите себѣ большой снарядъ для приготовленія гальванопластическихъ предметовъ. Съ тѣмъ же атомомъ цинка или желѣза, которымъ вы представляете мѣдь въ твердомъ ея видѣ, требуемомъ техническими приложеніями, можете также получить извѣстное количество механической работы. Вмѣсто чистой сѣрнокислой мѣди можно взять, если есть случай, такую, которая смѣшана съ желѣзными солями, и даже мѣдный растворъ, приготовленный для мѣднаго цемента. Смѣло увѣряю, что выгода простиралась бы отъ 16,000 до 18.000 пудовъ этого цемента въ годъ. И въ то же время какую значительную движущую силу мы могли бы имѣть въ своемъ распоряженіи, еслибъ разводили электролитически желѣзо, пропадающее даромъ! Такая сила, конечно, зависѣла бы только отъ мѣстныхъ отношеній, подобно тому, какъ это и бываетъ нѣкоторымъ образомъ въ паровыхъ машинахъ. Еще многимъ другимъ металлургическимъ процессамъ предстоитъ преобразованіе, долженствующее произойдти отъ электро-химіи; и здѣсь механическая работа была бы получена какъ побочное дѣйствіе. Поэтому, я думаю, надобно было бы прилежнѣе заняться этимъ предметомъ. Пусть дѣлаютъ гальваническія батареи не для электромагнитныхъ машинъ, но пусть строятъ такія машины тамъ, гдѣ гальваническія батареи, или вообще электролитическіе процессы, введены или могли бы быть введены для другой цѣли, напримѣръ, на монетныхъ дворахъ, на мѣдныхъ заводахъ, или въ другихъ обстоятельствахъ, о которыхъ я предполагаю говорить во второй части моего донесенія.

«Такъ какъ въ предметѣ, который насъ занимаетъ, усовершенствованіе и

прощеніе гальваническихъ батарей всегда остается главнымъ дѣломъ, электро-магнитныя машины должны появиться сами-собою, когда электролитическіе опыты распространятся болѣе, какъ это безъ сомнѣнія и случится. Толчокъ, который, два года назадъ, данъ электромагнитнымъ изъисканіямъ, уже произвелъ самые неожиданные результаты, которые непремѣнно будутъ имѣть благопріятное обратное дѣйствіе. Съ моей стороны было бы непростительною односторонностью, еслибъ я вздумалъ считать изъисканія, дѣлаемыя по части электромагнетизма, неотносящимися къ вопросу о электромагнитныхъ машинахъ, на томъ основаніи, что результаты этихъ изъисканій еще не обозначились съ очевидностію. Явленія, съ которыми мы здѣсь имѣемъ дѣло, такъ многосторонни и многочисленны, что еслибъ даже намъ суждено было не дойдти до рѣшенія задачи, тогда какъ мы идемъ на нее прямо, то все-таки мы не можемъ сомнѣваться, что наконецъ разрѣшимъ ее съ той или съ другой стороны. Если въ предположенныхъ изъисканіяхъ найдено будетъ, что цинкъ слишкомъ дорогъ, то просто должно будетъ стараться найдти способъ сдѣлать его дешевле, и такимъ образомъ обезопасить судьбу электромагнитныхъ машинъ. Вступивъ же однажды на поприще, надобно и держаться на немъ.»

Оканчивая свое чтеніе, г. Якоби обѣщаетъ представить Академіи, въ одномъ изъ ближайшихъ ея засѣданій, свѣдѣніе о другихъ своихъ работахъ, которыми онъ преимущественно занимался въ прошломъ году, и особенно въ послѣднее время.

—Г. *Гусъ* сообщилъ Академіи любопытное письмо г. Эренберга, изъ Берлина. Знаменитый нѣмецкій натуралистъ извѣщаетъ нашу Академію о слоѣ земли, наполненномъ маленькими живыми животными, въ почвѣ Берлина. Это—ископаемыя микроскопическія твари, находящіяся подъ берлинскими домами. Любопытствующіе могутъ узнать подробности этого рѣдкаго и удивительнаго явленія въ ежемѣсячныхъ отчетахъ Берлинской Академіи, именно въ тетради за іюль прошлаго года. Съ того времени стало еще вѣрнѣе и яснѣе, что въ Берлинѣ есть огромное ископаемое сонмище непримѣтныхъ для глаза животныхъ, которое лежитъ непосредственно на буромъ пескѣ и внизу глины. Этотъ, можно сказать, слой животныхъ находится большею частію на глубинѣ отъ 15 до 20 футовъ подъ уличною мостовою, и отъ 3 до 8 футовъ подъ дномъ рѣки Спре. Толщина слоя простирается во многихъ мѣстахъ до 5 и даже до 8 футовъ, а въ другихъ, по увѣренію работниковъ, копающихъ землю, до 60 и почти до 100 футовъ. Въ улицахъ Luisenstrasse и Carlsstrasse многіе домы, которые по незнанію были построены на этой почвѣ, обвалились, и это заставляетъ при постройкѣ новыхъ домовъ класть глубокій фундаментъ, который бы опирался на бурый песокъ.

Всего замѣчательнѣе, что многія изъ этихъ маленькихъ животныхъ совсѣмъ не живутъ на поверхности земли въ Берлинѣ. Но, по изслѣдованіямъ г. Эренберга, они живутъ въ рѣкѣ Пеенѣ близь Вольгаста, и попадаются кучами въ третичныхъ слояхъ. Пеена принадлежитъ къ системѣ Одера, а Спре къ системѣ Эльбы. Въ Эльбѣ, близь Куксгавена, г. Эренбергъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ ископаемыхъ живыхъ животныхъ. Далѣе лежитъ Балтійское Море, на 100 футовъ ниже Берлина.

Подземная, невидимая и давняя жизнь этого рода, на такомъ огромномъ пространствѣ, и въ связи съ другими фактами, заслуживаетъ особенное вниманіе, и г. Эренбергъ предлагаетъ этотъ предметъ на дальнѣйшее изслѣдованіе.

Движеніе этихъ маленькихъ животныхъ, взятыхъ порознь, усматривается рѣдко. Многія изъ нихъ, подобно устрицамъ, постоянно неподвижны, а нѣкоторыя, похожія на кораблики, ползаютъ медленно, но примѣтно для глазъ. Признакъ жизненности этихъ микроскопическихъ тварей состоитъ главнѣйше въ томъ, что многія изъ

нихъ наполнены зелеными или желтыми яичками, между-тѣмъ, какъ всѣ другія не представляютъ ничего подобнаго.

Не все это ископаемое совмище живетъ; напротивъ, тутъ являются слои то съ живыми животными, то съ мертвыми попеременно.

— Въ засѣданіи 21 января, г. *Якоби* читалъ донесеніе о гальванографіи. Академія помнитъ, что 7 августа 1840, г. Якоби представилъ ей первые и очень удавшіеся образчики гальванографіи, отъ имени Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго. Его Императорское Высочество сдѣлалъ рисунки разныхъ родовъ, частію на полированной мѣди, частію на плакированныхъ серебряныхъ (обложенныхъ серебромъ) доскахъ, и для этого употреблялъ растворъ дамаровой смолы въ терпентинномъ маслѣ (скипидарѣ). Гальванопластическая копія этихъ досокъ прямо представила готовый для оттиска вырѣзокъ оригинальнаго рисунка. Это прекрасное и важное приложеніе гальванопластики открыло рисовальному искусству новое и обширное поле, потому-что чрезъ это образовалась совершенно-особенная техника.

Въ-послѣдствіи, Его Императорское Высочество употреблялъ, вмѣсто смолы, обыкновенный англійскій лакъ, который онъ наводилъ перомъ на полированныя, но вовсе неприготовленныя металлическія доски. Такимъ образомъ произошли представленные Академіи письмена и рисунки, изъ которыхъ видно, что самыя тонкія черты могутъ быть воспроизводимы этимъ способомъ.

Кромѣ художественнаго и техническаго интереса, гальванографія представила еще физическое явленіе, которое сопровождаетъ ее, и которое состоитъ въ томъ, что и поверхности, непроводящія электричество, мало-помалу покрываются мѣдью совершенно правильно. Это явленіе не такъ легко объяснить, какъ кажется съ перваго взгляда, потому-что здѣсь никакъ нельзя думать, чтобъ непроводящія выпуклыя части мало-по-малу покрывались мѣдью снизу. Касательно этого, Его Императорское Высочество изъясняется такъ въ письмѣ своемъ къ г. Якоби:

«Въ опытахъ моихъ вовсе не было нужды обводить непроводящую часть рисунка проводящею оболочкою, потому-что гальваническій осадокъ шелъ совершенно своимъ порядкомъ и безъ этой арматуры; въ первые 24, 48 или 72 часа доска быстро покрылась мѣдью, увеличилась въ толщинѣ и въ массѣ; и когда ея толщина нѣсколько превзошла уровень выпуклыхъ частей, то осадокъ началъ показываться и на этихъ выпуклыхъ частяхъ. И такъ, въ приготовленіи моихъ гальванографическихъ досокъ должно различить три періода. Въ первомъ періодѣ, равновременное покрытіе доски на всѣхъ провождающихъ ее пунктахъ: осадокъ прерывчатый, то-есть съ промежутками. Во второмъ періодѣ, преемственное покрытіе непровождающей части рисунка, при чемъ самыя низкія выпуклыя мѣста покрывались прежде другихъ, а самыя высокія послѣ. Въ третьемъ періодѣ, нарастаніе осадка шло равновременно и равномѣрно на всѣхъ пунктахъ, потому-что гальваническій токъ ударялъ повсюду только на металлическіе пункты.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, гальванографическія доски представляютъ видъ отличный отъ обыкновенныхъ гальванопластическихъ оттисковъ. Въ гальванопластическихъ оттискахъ, гдѣ оригиналъ состоитъ изъ металлическихъ или проводящихъ поверхностей, видны, при значительной толщинѣ, на задней ихъ сторонѣ, возвышенія и углубленія, точно соотвѣтствующія оригиналу, которыя слѣдовательно суть контрформы передней стороны. Напротивъ, въ гальванографическихъ доскахъ, на задней сторонѣ видятся очерки передней, но въ томъ же порядкѣ, и слѣдовательно они представляютъ оригинальный рисунокъ въ обратномъ видѣ. Возвышенности, составляемыя чернилами рисунка, даютъ соотвѣтствующія у-

глубленія не только на передней сторонѣ, но и на обратной въ гальванопластическихъ снимкахъ.

Г. Якоби сообщаетъ Академіи свѣдѣнія о другомъ любопытномъ опытѣ, который Его Императорское Высочество сдѣлалъ прошлымъ лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ. Взявъ металлическую доску, на которой находился рисунокъ или письмо, онъ связалъ ее съ мѣднымъ полюсомъ батареи; такимъ образомъ вся чистая часть доски была гальванически выжжена, и сохранились только исписанныя мѣста; эти мѣста образовали выпуклый рисунокъ, который тотчасъ могъ быть оттиснутъ подобно гравировкѣ на деревѣ. Это новый гальванографическій способъ, который, кажется, можетъ получить дальнѣйшее усовершенствованіе и быть употребляемъ для извѣстныхъ цѣлей. Едва-ли нужно замѣчать, что гальванической силѣ все равно, бѣглый ли рисунокъ или мастерское произведеніе искусства вы предоставляете ея дѣйствію; это дѣйствіе всегда одинаково. Но г. Якоби замѣчаетъ еще, что хотя Его Императорское Высочество написалъ число года 1841 на послѣдней доскѣ уже послѣ того, какъ опытъ былъ въ ходу два дня и поверхность получила волнистый видъ, однакожь дѣйствіе само-собою продолжалось еще въ-продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

«Еслибъ» говоритъ г. Якоби: «подобныя гальванографическія попытки были начаты ранѣе, то нѣтъ сомнѣнія, художники занялись бы гальванографіею и уже усовершенствовали бы ее по возможности. За тѣмъ, учоный физикъ представилъ Академіи нѣкоторые гальванографическіе образчики, совершенно оправдывающіе ожиданія, которыя были возбуждены успѣхомъ первыхъ опытовъ. Листы, представленные г. Якоби, сообщены были ему графомъ Раццау, датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ; это оттиски мѣдныхъ досокъ, которыя были приготовлены по упомянутому способу г. Гофманомъ, капитаномъ датской королевской артиллеріи; что же касается до ясности и чистоты черть, то эти оттиски совершенно удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, которыя можно объявлять на рисунокъ, сдѣланный перомъ, или на литографію. Какія чернила употребляетъ г. Гофманъ, еще неизвѣстно; но изъ оттисковъ можно видѣть, что для линейнаго черченія они должны имѣть многія свойства, которыхъ нѣтъ въ веществахъ, употреблявшихся доселѣ. Г. Гофманъ говоритъ, что послѣ многихъ опытовъ ему наконецъ удалось найдти вещество, которое такъ превосходно течетъ на перѣ, что имъ можно писать или рисовать на бумагѣ съ такою же тонкостію, какъ тушью. Изобрѣтатель говоритъ, что этотъ способъ представляетъ передъ гравированіемъ на мѣди и передъ литографіею слѣдующія выгоды:

1) На металлической доскѣ нѣтъ нужды рисовать или писать въ превращенномъ видѣ, такъ что всякій рисовальщикъ можетъ быть употребленъ на это, и очевидно, что онъ тѣмъ болѣе превзойдетъ гравёра на мѣди, чѣмъ искуснѣе самъ рисуетъ или пишетъ, потому-что оттиски суть совершенный образъ его работы; 2) работа на мѣди идетъ гораздо скорѣе, и слѣдовательно обходится дешевле; 3) каждая ошибка въ рисованьи можетъ быть исправлена съ величайшею легкостію, и доска отъ него ни мало не потерпитъ; а это, естественно, имѣетъ выгодное вліяніе на расположеніе духа рисовальщика въ-продолженіе работы.

Судя по предметамъ, къ которымъ г. Гофманъ доселѣ сдѣлалъ приложеніе своего гальванографическаго способа, можно думать, что онъ особенно идетъ для каллиграфическихъ, топографическихъ и строительныхъ работъ.

Послѣ этихъ замѣчаній невѣроятно, чтобъ въ приготовленіи досокъ г. Гофмана рѣзецъ сколько-нибудь участвовалъ, и можно думать, что не требуется никакого особеннаго искусства, кромѣ искусства рисованья, и никакихъ большихъ приготовленій, чтобъ прилагать къ дѣлу этотъ способъ. Прав-

да, въ-отношеніи къ произведеніямъ высокаго искусства, рѣзецъ не легко можетъ быть замѣненъ; но еще остается родъ произведеній гораздо болѣе обширный и требующій множества рукъ: это тотъ самый родъ, который мы обозначили нѣсколько-выше. И сама Академія Наукъ найдетъ въ этомъ свои выгоды, потому-что впередъ, при изданіи сочиненій, сопровождаемыхъ рисунками или картами, она не будетъ имѣть нужды дѣлать издержки для гравировки на мѣди, которыя часто требуютъ огромныхъ суммъ.

Г. Якоби, указавъ еще на пользу новаго гальванографическаго способа для изданія рукописей оріенталистовъ и для многихъ находящихся въ дѣйствіи работъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, предлагаетъ Академіи: 1) сообщить свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и другимъ ея отдѣленіямъ; 2) представить находящіеся на лицо передъ Академіей пробные оттиски, съ извлеченіемъ изъ протокола, г. министру народнаго просвѣщенія; 3) принять приличныя мѣры, чтобъ сколько возможно скорѣе сдѣлать извѣстнымъ и ввести въ употребленіе новый гальванографическій способъ.

II.

Археографическая Коммиссія.

Въ-продолженіе іюня, іюля и августа минувшаго года, Археографическая Коммиссія имѣла пять засѣданій.

Членъ Коммиссіи, г. Строевъ, прислалъ изъ Москвы слѣдующее любопытное донесеніе о предположеніяхъ своихъ касательно начала регулярныхъ войскъ въ Россіи: «Въ 1630 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, готовясь къ войнѣ съ Польшею, возъимѣлъ намѣреніе пригласить изъ иностранныхъ «лютеранскихъ» земель офицеровъ и рядовыхъ по найму, и сформировать регулярные полки. Недостатки народной «посохи» были слишкомъ явны въ войнѣ 1610—12 годовъ. Это намѣреніе царя и отца его, патріарха Филарета, было отчасти приведено въ дѣйствіе полковниками фанъ-Дамомъ и Лесліемъ, случившимися въ Москвѣ. Нѣмцы были наняты, прибыли въ Москву, участвовали въ польскомъ походѣ, и потомъ частію остались здѣсь навсегда, частію опять уѣхали за границу. Вотъ начальная эпоха образованія регулярнаго войска въ Россіи. Извѣстно, что царь Алексій Михаиловичъ, особенно въ послѣдніе годы своего царствованія, имѣлъ цѣлые полки *солдатъ* (пѣшіе) и *рейтаръ* (конные), которые хотя и состояли уже изъ Русскихъ, но были образованы Нѣмцами, и офицеры были большею частію Нѣмцы же, особенно въ рейтарахъ. Для военной исторіи второй половины XVII вѣка матеріалы не початы въ Разрядномъ Архивѣ при Московскомъ Сенатѣ. Петру-Великому предоставлено было Провидѣніемъ преобразованіе, или лучше сказать, дообразованіе регулярныхъ войскъ въ Россіи, а отнюдь не начало ихъ, какъ утверждаютъ новѣйшіе историки, на перекоръ документамъ архивскимъ. Такимъ образомъ, важный фактъ 1630 и 31 годовъ, «наемъ Нѣмцевъ» и въ-послѣдствіи образованіе, по образцу ихъ и ими же, регулярныхъ войскъ въ русскомъ царствѣ, выясняется дѣлами Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, извѣстными подъ названіемъ «Выѣзды» (1631 года № 1, 3, 6, 11 и 1632, № 1 и 2). Изъ этихъ дѣлъ напечатаны въ румянцовскомъ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ» (Ч. III, № 81—89, 104) отрывки безъ связи и не совсѣмъ ясные; самыя же дѣла, въ ноябрѣ 1839 года, по Высочайшему повелѣнію вытребованы изъ архива г. вице-канцлеромъ и переданы для храненія въ Главный Штабъ. Теперь, когда третій томъ «Актовъ Историческихъ» еще не оконченъ, Археографической Коммиссіи, по мнѣнію моему, не безполезно просмотрѣть въ Главномъ Штабѣ означенныя дѣла и напечатать все недостающее для полноты и ясности отрывковъ, помѣщенныхъ

въ румянцовскомъ «Собраніи Грамотъ». Что же касается остальныхъ «Выѣздовъ» 1630—34 годовъ, въ С. Петербургѣ неотправленныхъ, то можно было бы поручить члену Коммиссіи, князю М. А. Оболенскому, какъ начальнику Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, доставить надлежащія по сему предмету выписки».

Въ-слѣдствіе сношенія Министерства Народнаго Просвѣщенія съ Военнымъ Министерствомъ по этому предмету, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: возложить пересмотръ хранящихся въ Генеральномъ Штабѣ дѣлъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о началѣ въ Россіи регулярныхъ войскъ, на гвардіи капитана Висковатова, съ тѣмъ, чтобъ все, что будетъ открыто любопытнаго по предметамъ *не-военнымъ*, было сообщено въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Но позже (20 августа), г. военный министръ сообщилъ г. министру народнаго просвѣщенія, что по пересмотрѣ переданныхъ въ 1835 году изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Главный Штабъ старинныхъ дѣлъ, о началѣ образованія въ Россіи регулярныхъ войскъ, оказалось, что они заключаютъ въ себѣ одни только предметы, исключительно къ военной части относящіеся.

— Члены Коммиссіи, протоіерей Іоаннъ Григоровичъ и г. Коркуновъ, представили 127 актовъ, выбранные ими изъ коллекціи столбцовъ, хранившихся въ Астраханскомъ Губернскомъ Правленіи и принадлежащіе XVII-му вѣку. Многіе изъ этихъ актовъ, сколько можно судить по ихъ названіямъ, весьма любопытны. Они относятся къ сбереженію нашей юго-восточной границы въ XVII вѣкѣ, къ рыбнымъ и солянымъ промысламъ въ томъ краю, къ винодѣлію, шелководству, къ обезопашенію нашей торговли съ Персіею, Бухарою, Хивою, къ сношеніямъ съ кочевыми народами, Крымцами, Нагайцами, съ Грузіею, Имеретіею и пр. Есть акты, относящіеся къ мятежамъ и разбоямъ раскольниковъ въ астраханскомъ краю и о мѣрахъ къ прекращенію ихъ; есть любопытная для статистики того времени «Роспись» о количествѣ винограда, купленнаго и собраннаго въ астраханскихъ царскихъ садахъ; граммата астраханскому воеводѣ объ отдачѣ отправленныхъ къ нему литовскихъ мальчиковъ въ ученье мастерамъ, умѣющимъ дѣлать панцыри и сабельныя булатныя полосы, и другая граммата о приглашеніи такихъ же черкесскихъ мастеровъ въ Москву, и пр., и пр. Также интересны должны быть акты, относящіеся къ суду надъ архимандритомъ Астраханскаго Троицкаго Монастыря, Іосифомъ.

— Изъ протокола засѣданія Коммиссіи 22 іюля видно, что разборъ древнихъ актовъ, хранящихся въ архивѣ бывшаго Литовскаго Трибунала, порученъ будетъ двумъ особымъ чиновникамъ, гг. Марциновскому и Нарбуту, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Коммиссіи.

— Одинъ изъ чиновниковъ Археографической Коммиссіи, г. Молдинскій, представилъ найденныя имъ въ Тверской Губерніи двѣ рукописи XVII столѣтія, которыя, повидимому, заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ фактовъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Молдинскій въ донесеніи своемъ объ этихъ рукописяхъ: «Онѣ принадлежатъ къ такъ-называемымъ *Разрядамъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отличаются отъ нихъ, ибо содержатъ въ себѣ челобитныя и грамоты по дѣламъ мѣстничества, чего нѣтъ въ обыкновенныхъ *Разрядахъ*. Сверхъ военныхъ и правительственныхъ распоряженій, въ сихъ рукописяхъ находится описаніе встрѣчь при московскомъ дворѣ королевичей: шведскаго Августа и датскаго Вольдемара (послѣднее довольно-подробно); весьма-обстоятельно описано бракосочетаніе Лжедимитрія съ Мариною Мнишекъ, и гораздо короче — царя Михаила Ѳеодоровича; также находятся выписки изъ *Дворцовыхъ Записокъ* о царскихъ сто-

лахъ; о встрѣчахъ патріарховъ: цареградскаго, Іереміи и Филарета Никитича, также пословъ персидскихъ, датскихъ, англійскихъ, шведскихъ и австрійскихъ. Далѣе, сіи рукописи могутъ служить къ дополненію генеалогіи дворянскихъ родовъ и списковъ городовыхъ воеводъ. Наконецъ, онѣ мѣстами поясняютъ и исторію событій; такъ, напр. доселѣ полагали, что князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, въ 1609 году, за болѣзнію отъ полученныхъ ранъ жилъ въ низовыхъ своихъ отчинахъ; но изъ этихъ книгъ видно, что онъ тогда былъ посланъ на службу въ Коломну, что тамошній воевода Иванъ Пушкинъ билъ челомъ государю о счетѣ съ нимъ по мѣстничеству, и что они потомъ позваны были въ Москву. Неизлишне замѣтить, что редакція разрядныхъ книгъ иногда значительно разнится.»

III.

Императорское Московское Общество Испытателей Природы.

Въ засѣданіи 15 января, вице-президентъ Общества, г. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ читалъ: 1) записку — второе дополненіе къ описанію окаменѣлостей, собранныхъ г. майоромъ Вагенгеймъ фонъ-Квален на западномъ склонѣ Урала, въ числѣ коихъ новыя Tetragonolepis Murchisonii; Palaeoniscus Tschevkinii, — Modiola restricta, и сообщилъ програму сочиненія, которое готовитъ г. Вагенгеймъ объ Уралѣ, — и 2) записку о новомъ жесткокрыломъ насѣкомомъ, найденномъ г. Карелинымъ, Cicendela Karelinii. — Первый секретарь Общества, г. Рульѐ, показывалъ раковину животнаго, описанную въ первый разъ Палласомъ на Волгѣ, а впослѣдствіи занесенную плотами изъ Россіи въ Балтійское Море и переходящую нынѣ постепенно къ западу, такъ что она уже нѣсколько разъ была описана иностранными писателями за новое животное. Г. Рульѐ привезъ ее изъ Гамбурга.

Въ засѣданіи 19 февраля вице-президентъ Общества читалъ: 1) описаніе двухъ новыхъ прямокрылыхъ насѣкомыхъ: Thrinchus Schrenki и Decticus Sedakovii. Первое сообщено докторомъ Шренкомъ изъ киргизскихъ степей, а второе В. И. Сѣдаковымъ изъ Верхне-Удинска; описаніе обоихъ войдетъ въ описаніе прямокрылыхъ насѣкомыхъ Россіи; 2) записку о новомъ родѣ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ Pleates, близкомъ къ роду Silpha; описываемое насѣкомое собрано въ Ситхѣ и принадлежитъ богатому энтомологическому собранію профессора Яшгольца, находящемуся нынѣ при Московскомъ Университетѣ; 3) записку о четырехъ новыхъ видахъ ископаемыхъ растеній для Урала: Adianthites Brownii, A. Brohngniartii, Asple..ites Hookeri и Hyminophyllites incerta. — Сверхъ-того, г. Фишеръ представилъ высланныя на его имя записки дѣйствительнаго члена графа Кейзерлинга: описаніе остатковъ русскаго ископаемаго животнаго: Elasmatherium, и — записку полковника Оливьери о расположеніи толщей горныхъ породъ Московской и смежныхъ губерній.

— Дѣйствительный членъ графъ Кейзерлингъ выслалъ отпечатанный для Общества геогностическій разрѣзъ пространства между Москвою и Бѣлевымъ, составленный имъ въ совокупности съ гг. Мурчисономъ, Блазіусомъ и Деверполь, во время путешествія ихъ по Россіи.

— Членъ Общества, г. Спасскій, представилъ двѣ свои статьи: 1) сводъ метеорологическихъ наблюденій, дѣлаемыхъ въ астрономической обсерваторіи Московскаго Университета съ 1838 по 1841 годъ; 2) средняя температура атмосферы въ Москвѣ съ 1820 по 1841 годъ, — и статью г-на дѣйствительнаго члена профессора Кнора: «Средняя температура Казани съ 1828 по 1837 годъ». При семъ г. Спасскій предложилъ Обществу пригласить гг. членовъ, находящихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, производить наблюденія надъ температурою ключей, что мо-

жетъ повести къ любопытнымъ физическимъ результатамъ. Общество, одобривъ предложеніе г. Спасскаго, положило принять его къ исполненію.

— Г. Кареликъ выслалъ второе, третье и послѣднее продолженіе описанія и списка растеній, собранныхъ и описанныхъ имъ вмѣстѣ съ г. Кириловымъ въ-продолженіе 1841 года для Общества; тутъ много новыхъ видовъ и новыхъ родовъ, какъ-то: Kankrinia, Waldhesmia, Richteria, Acanthocephalus.

— Первый секретарь Общества, докторъ Рулье, читалъ свою статью «Общій Планъ Зоологіи». Разсмотрѣвъ предметъ зоологіи въ полномъ его объемѣ и современномъ развитіи, онъ старался раскрыть возможно-удобный и логическій планъ науки—какъ философіи, такъ и исторія ея, въ послѣдней онъ указываетъ на первоначальное развитіе зоологіи въ Россіи, излагаетъ характеръ принимаемыхъ имъ періодовъ, разсматриваетъ критически главнѣйшія существующія нынѣ ученія, и наконецъ излагаетъ въ краткихъ чертахъ нынѣшнее состояніе науки въ Европѣ преимущественно изъ свѣдѣній, собранныхъ имъ за-границею въ прошломъ году.

IV.

Парижская Академія Наукъ.

Въ засѣданіяхъ 3-го и 10-го января замѣчательнѣе всего записка, читанная г. Ламé, тѣмъ самымъ, который нѣсколько лѣтъ назадъ былъ профессоромъ у насъ въ Петербургѣ, а теперь находится въ томъ же званіи при Парижской Политехнической Школѣ. По своему предмету и неменѣе по взгляду на предметъ, записка г. Ламé съ перваго раза отдѣляется отъ этого множества мемуаровъ всякаго рода, которыми бываютъ наполнены засѣданія Парижской Академіи. Извѣстно, до какой крайней степени раздробленія дошли нынѣче естественныя науки и занятія ученыхъ во Франціи; г. Ламé, утомленный, вѣроятно, подобнымъ порядкомъ вещей, дѣлаетъ попытку собрать разсѣянное и дать всему нѣкоторый видъ единства. При настоящемъ состояніи раздѣльности, въ которомъ находятся факты различныхъ отраслей наукъ и особенно физики, пріятно видѣть, когда человѣкъ, одаренный способностію обобщать, хочетъ собрать и связать всѣ эти факты, устроить ихъ въ систематическую совокупность, и возстановить науку, теряющуюся въ этой странной дробности, въ этомъ океанѣ мелкихъ фактовъ и еще болѣе мелкихъ наблюденій, наконецъ въ этихъ безчисленныхъ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ явленій, изъ которыхъ состоитъ матеріалъ ея. Во Франціи, большая часть ученыхъ имѣетъ систематическое предубѣжденіе противъ подобныхъ предпріятій. Не смотря на то, Академія слушала съ любопытствомъ и вниманіемъ чтеніе записки г. Ламé, въ которой этотъ ученый физикъ пытался подняться до общаго начала своей науки. Это покушеніе, болѣе или менѣе удачное, сдѣланное умомъ столь отличнымъ, возбудило живое участіе даже въ тѣхъ, которые думаютъ, или, лучше сказать, привыкли думать, что еще не пришло время обобщать данныя опыта, и что обобщеніе должно естественнымъ порядкомъ выйдти изъ наблюденія частныхъ фактовъ, сгруппированныхъ мало-по-малу, а не изъ какихъ-нибудь началъ, положенныхъ умозрѣніемъ, или анализомъ математическимъ. Но въ запискѣ, читанной г. Ламé, и служащей лишь введеніемъ въ сочиненіе болѣе обширное, авторъ именно имѣетъ цѣлью доказать, что общее начало физики выходитъ наружу само собою; что оно естественно вытекаетъ изъ сближенія разныхъ предположеній, служившихъ исходными пунктами для новѣйшихъ открытій касательно свѣта, электричества и теплоты; и что отрицать всякую вѣроятность начала, связывающаго эти предположенія, значило бы отрицать очевидную полезность самыхъ предположеній. Мысль подвести разныя явленія свѣта, теплоты,

-электричества, подъ сотрясенія эѳира, окружающаго и проникающаго всѣ тѣла, конечно не нова; но возвращаясь къ теоріи этого всеобщаго дѣятеля, въ присутствіи новыхъ фактовъ, которыми обогатилась наука въ послѣднее время, ученый профессоръ Политехнической Школы дойдетъ, можетъ-быть, до выводовъ удовлетворительныхъ, или остроумныхъ.

Впрочемъ, должно сказать, что мысли, которыми г. Ламé окончилъ чтеніе своей записки, были совершенно-неожиданны. Дѣло идетъ о причинахъ, которыя, по его мнѣнію, произвели разногласіе, существующее теперь между физиками касательно расширенія воздуха на переходѣ отъ 0 до 100 градусовъ (стоградуснаго термометра). По новѣйшимъ изъисканіямъ г. Реньйо, число данное г. Гэ-Люсакомъ, назадъ тому около тридцати лѣтъ, и представляющее то, чтò въ физикѣ называется коэффиціентомъ расширенія газовъ, должно быть понижено отъ 375 до 366. Если была ошибка въ изъисканіяхъ Гэ-Люсака, то, по мнѣнію учоныхъ, она должна быть приписана единственно несовершенству способовъ изслѣдованія въ то время, потому-что только въ естественномъ усовершенствованіи учоныхъ способовъ должно искать причину результата различнаго и болѣе точнаго, до котораго дошелъ г. Реньйо. Слава Гэ-Люсака, и извѣстная его точность нисколько не терпятъ отъ этого разнорѣчія съ г. Реньйо, на разстояніи болѣе нежели тридцати лѣтъ, и знаменитый учоный просто подчиняется здѣсь закону гораздо-болѣе неизмѣнному, нежели всѣ законы физики, — закону непрестаннаго движенія и усовершенствованія человѣческихъ познаній; самъ г. Реньйо будетъ владѣть истиною только до-тѣхъ-поръ, пока другой, — не искуснѣйшій его, а выступившій позже его на поприще науки, и воспользовавшійся всѣмъ, чтò было сдѣлано до него, — подойдетъ ближе къ истинѣ. Можно предсказать, что такъ будетъ всегда, до конца міра: полная истина далека отъ нашихъ исканій.

Но г. Ламé не думалъ, что Гэ-Люсакъ ошибся. Вмѣсто того, чтобъ допустить существованіе подобной ошибки, которую онъ однакожь встрѣтилъ бы на каждомъ шагу въ исторіи науки и въ трудахъ самыхъ знаменитыхъ ея истолкователей, г. Ламé спрашиваетъ себя, не должно ли приписать перемѣнѣ, происшедшей въ самыхъ элементахъ факта, различіе мнѣній, открывшееся между наблюдателемъ нынѣшнимъ и наблюдателемъ прежняго времени, такъ что, по этому предположенію, Гэ-Люсакъ и г. Реньйо получили результаты различные не отъ совершенства нашихъ инструментовъ, или отъ слабости чувствъ, которыя служатъ органомъ человѣческому разумѣнію, а отъ перемѣны, происшедшей въ атмосферическомъ давленіи. Г. Ламè, по собственному его объясненію, убѣжденъ въ непремѣняемости законовъ природы; но онъ сомнѣвается въ строгомъ постоянствѣ исходныхъ пунктовъ термометра, то-есть нуля и ста градусовъ. По его мнѣнію, возможно, чтобъ промежутокъ между этими двумя температурами измѣнялся; отсюда произойдетъ ощутительная разница въ коэффиціентѣ расширенія газовъ, если его опредѣляли въ различныя времена.

Мы дождемся сообщенія остальной части труда г. Ламé, чтобъ окончательно судить о его видахъ и изложить вполнѣ наше мнѣніе. Однакожь, считаемъ не лишнимъ привести слова, которыми оканчивается извлеченіе изъ его записки, напечатанной въ Compte rendu de l'Académie. «Разница между результатомъ, полученнымъ назадъ тому лѣтъ двадцать пять Гэ-Люсакомъ, для выраженія коэффиціента расширенія газовъ, и результатомъ, полученнымъ въ послѣднее время гг. Рудбергомъ и Реньйо, можетъ быть изъяснена тогда только, когда допустимъ, что въ-теченіе четверти столѣтія давленіе эѳира испытало на землѣ увеличеніе, равносильное давленію восьми или

девяти десятыхъ миллиметра столба ртути,—приращеніе слабое, но достаточное для того, чтобъ сблизить два главные пункта термометра двумя градусами, взятыми по первоначальному раздѣленію». Но перемѣщеніе градуса въ самыхъ лучшихъ термометрахъ давно сдѣланныхъ, — фактъ весьма извѣстный нынѣшнимъ физикамъ, и намъ кажется, что этотъ фактъ естественно объясняется измѣненіями, происшедшими въ состояніи стекла и понятными безъ всякаго вмѣшательства сотрясеній эѳира, котораго натура и законы притомъ такъ мало намъ извѣстны. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы знаемъ, что черезъ десятокъ лѣтъ послѣ того, какъ сдѣланъ термометръ, шарикъ его какъ-будто отступаетъ назадъ по причинѣ сжатія стекла; отъ-того выходитъ, что 0° поднимается, между-тѣмъ, какъ предѣлъ сотаго градуса можетъ остаться тотъ же, ибо стекло принимаетъ свою первоначальную вмѣстимость какъ-скоро будетъ доведено до этой температуры. Такимъ образомъ, два пункта термометра очевидно остановятся ближе одинъ къ другому; впрочемъ, это явленіе было подтверждено опытами, въ которыхъ перемѣщали по произволу градусъ термометра, нагрѣвая и охлаждая его попеременно съ большею или меньшею скоростію.»

Передъ такими фактами предположеніе перемѣны, происшедшей въ давленіи атмосферическомъ на разстояніи двадцати-пяти лѣтъ очевидно не можетъ держаться, и все должно пасть на самихъ испытателей. Между самымъ искуснымъ ученымъ и непремѣняемостію основныхъ фактовъ природы выборъ не можетъ быть сомнителенъ ни минуты. Даже предполагая, что эта непремѣняемость не безусловная, много ли значитъ промежутокъ двадцати-пяти лѣтъ, чтобъ онъ могъ произвести ощутительное измѣненіе въ самыхъ, можно сказать, основаніяхъ явленій природы? Если эти основанія въ-самомъ-дѣлѣ испытываютъ какія-нибудь ощутительныя измѣненія, то, конечно, на очень-большомъ разстояніи времени и по истеченіи цѣлыхъ вѣковъ; но двадцать-пять лѣтъ, — это менѣе нежели жизнь человѣка. И г. Ламé размыслилъ ли о всѣхъ перемѣнахъ, которыя неминуемо произошли бы во всѣхъ тѣлахъ природы, особенно въ тѣлахъ одушевленныхъ, и во множествѣ явленій, отъ самаго легкаго возмущенія въ столь основномъ фактѣ, какъ давленіе атмосферы? Всѣ существа земли не составляютъ ли совокупности, которой разныя части связаны между собою, и въ которой самое легкое движеніе отозвалось бы въ послѣднихъ звеньяхъ цѣпи? И такъ, система г. Ламé требуетъ, чтобъ онъ перебралъ и пересмотрѣлъ всѣ звенья этой цѣпи, для удостовѣренія въ измѣненіяхъ, которыя необходимо должно было испытать каждое изъ нихъ.

Впрочемъ, вопросъ о коэффиціентѣ расширенія газовъ — вопросъ еще не рѣшенный. Правда, г. Плюзъ сообщилъ Академіи наблюденія г. Магнуса, которыя согласуются съ наблюденіями г. Реньйо въ-отношеніи къ воздуху; но г. Реньйо оспоривалъ точность многихъ результатовъ, полученныхъ берлинскимъ профессоромъ въ-отношеніи къ другимъ газамъ, особенно же въ-отношеніи къ сѣрноватой кислотѣ.

— Г. Ларé читалъ донесеніе о запискѣ г. Седильйо, профессора въ страсбургскомъ медицинскомъ факультетѣ. Этотъ трудъ имѣетъ предметомъ ампутацію лядвеи. Измѣненія, которыя г. Седильйо ввелъ въ эту важную хирургическую операцію, и которыя коснулись способа, принятаго самимъ г. Ларé въ подобныхъ обстоятельствахъ, не препятствовали докладчику отдать всю справедливость таланту и искусству его собрата.

Потомъ г. Ларé представилъ Академіи сочиненіе г. Гамá, бывшаго хирурга арміи, подъ заглавіемъ: «Esquisse historique du service de santé militaire en général, et spécialement du service chirurgical depuis l'établissement des hôpitaux militaires en France». Это сочиненіе—плодъ цѣлой жи-

зіи, проведенной съ отличнымъ усердіемъ на медицинской службѣ въ арміи; въ этой книгѣ есть чрезвычайно-любопытныя свѣдѣнія касательно исторіи военной медицины съ самаго ея начала, и даже ранѣе того времени, какъ она правильно установилась, когда раненные солдаты могли получать помощь лишь отъ хирурговъ, состоявшихъ при особахъ принцевъ, или при другихъ важныхъ лицахъ, либо отъ тѣхъ, которые добровольно слѣдовали за арміей. Прекрасное устройство, полученное этимъ установленіемъ при Лудовикѣ XV; услуги, оказанныя французской арміи хирургами, которыхъ г. Ларе — послѣдній, знаменитѣйшій представитель; униженіе, въ которое постепенно впали эти полезные люди вмѣстѣ съ цѣлымъ медицинскимъ сословіемъ, неимѣющимъ уже, какъ прежде, никакого представителя, никакого защитника ни въ Палатѣ Пэровъ, ни въ государственномъ совѣтѣ: все это разсказано авторомъ съ жаромъ, иногда даже съ горечью, очень позволительною человѣку, который видѣлъ вблизи разсказываемые имъ факты, который терпѣлъ отъ недостатковъ устройства военной медицины, и который дѣлаетъ себя органомъ справедливыхъ жалобъ своихъ товарищей. Сочиненіе г. Гама заключаетъ въ себѣ множество оффиціальныхъ документовъ и преисполнено весьма-интересными разсказами, которыхъ нельзя найдти въ общихъ исторіяхъ войнъ.

— Г. Боденсъ сообщилъ ноту о новомъ способѣ леченія водяной болѣзни. Этотъ способъ состоитъ, говоритъ авторъ, въ томъ, чтобъ сдѣлать свищъ, имѣющій цѣлью—дать медленный выходъ изливающейся жидкости, по мѣрѣ того, какъ она образуется. Г. Боденсъ уже излечилъ многихъ этимъ способомъ, который имѣетъ ту выгоду, что не подвергаетъ больнаго послѣдствіямъ воспаленія, причиняемаго способами, употребляемыми доселѣ. Однако г. Серръ потребовалъ, чтобъ нота г. Боденса, которая, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ предложенія и факты довольно-странные, была отослана на разсмотрѣніе особой коммиссіи.

— Г. Араго сообщилъ новыя свѣдѣнія о работахъ, производимыхъ въ гренельскомъ артезіанскомъ колодцѣ, и клонящихся къ тому, чтобъ вытащить изъ дыры металлическую трубу, которая была въ нее опущена и которая уступила во многихъ пунктахъ давленію воды, такъ-что вода, вырываясь изъ глубины земли наружу, встрѣчала непреодолимое препятствіе. Г. Мюло, управляющій работами при гренельскомъ колодцѣ, послѣ многихъ усилій, успѣлъ наконецъ извлечь эту трубу въ цѣлости; надобно было сломать ее, разбить на части, навинтить ее на глубинѣ болѣе, нежели ста метровъ, и сообразить дѣйствіе удара съ силою влеченія, чтобъ вытащить различные обломки трубы. Теперь остается опустить новую трубу, болѣе прочную, нежели первая, и все заставляетъ надѣяться, говоритъ г. Араго, что Парижъ наконецъ получитъ чистую воду изъ этого колодза.

— Трудно сдѣлать выборъ въ множествѣ предметовъ, которые наполняли слѣдовавшія за тѣмъ три засѣданія — 17, 24 и 31 января. Часть сообщеній, сдѣланныхъ Академіи, мы принуждены опустить, о другихъ лишь упомянуть. Скажемъ нѣсколько словъ о новыхъ трудностяхъ, представляемыхъ пресловутымъ гренельскимъ колодзомъ, который, кажется, созданъ для того, чтобъ сбить съ толку всѣ разсчеты науки и обезоружить всѣ способы искусства. Вопросъ запутывается болѣе и болѣе по поводу этого предпріятія, на которомъ строилось столько великолѣпныхъ надеждъ, и запутывается до такой степени, что инженеры и геологи совершенно теряются въ догадкахъ о причинѣ встрѣчаемыхъ ими трудностей. Каждую недѣлю являются въ Академію Наукъ по-крайней-мѣрѣ двѣ теоріи явленій прошедшихъ и даже будущихъ, и теперь есть десять или двѣнадцать способовъ объясненія фактовъ. И такъ,

теперь въ рукахъ ученыхъ обильный запасъ объясненій, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, въ ожиданіи окончательнаго результата.

Но надо знать, что мы находимся здѣсь въ области совершенно невѣдомой, и что трудно предвидѣть, какъ изъ ней выпутаются. Въ первый разъ ученые проникаютъ въ это вмѣстилище подземной воды, лежащее даже ниже толстаго мѣловаго слоя, который составляетъ дно парижскаго басейна, и, на зло всѣмъ разсчетамъ науки, не знаютъ, откуда берется эта вода, и какой источникъ доставляетъ пищу этому огромному резервуару. Эта вода, поднимаясь чрезъ отверстіе, представляетъ такія явленія, которыхъ причины неизвѣстны, и которыя притомъ соотвѣтсвуютъ огромной силѣ, бросающей воду со ста пятидесяти футовъ глубины выше уровня земли. Трубы, которыя инженеры усиливаются просунуть до дна этого колодза, чтобъ искать свѣтлой воды ниже чернаго песка, ее возмущающаго, и безпрестанно выносимаго въ огромномъ количествѣ на поверхность земли, эти трубы чрезъ нѣсколько времени оказываются сплющенными, скривленными, сломанными на многихъ пунктахъ ихъ протяженія. Откуда эти усилія давленія, дѣйствующаго со внѣ во внутрь, которыя отъ времени до времени вдругъ пріостанавливаютъ теченіе воды внутри трубы? Какими средствами уничтожить эти затрудненія, и какъ побѣдить ихъ, взявъ трубы болѣе-прочныя? Тутъ еще остается сдѣлать много изъисканій; и это новое поле, открытое для науки, есть доселѣ самый положительный результатъ работъ, сдѣланныхъ въ Гренелѣ. Но чтобъ съ выгодою разрабатывать это поле, чтобъ воспользоваться этимъ случаемъ пріобрѣсть новыя познанія о составѣ коры земнаго шара па извѣстной глубинѣ и о теченіи водъ, которыя тамъ движутся, прежде всего надо внимательно наблюдать факты, слѣдить ихъ постоянно и потомъ уже пускаться въ толкованія; отъ-того мы не приписываемъ большой важности этому множеству ипотезъ, составленныхъ въ кабинетѣ, вдали отъ мѣста явленій.

Между многими ипотезами, болѣе или менѣе вѣроятными, болѣе или менѣе нелѣпыми, упомянемъ объ одной. Нѣкоторые думаютъ, нѣтъ ли опасности, чтобъ отъ непрестаннаго дѣйствія воды, взрывающей песокъ, не случился огромный, глубокій обвалъ, или чтобъ воды Сены не процѣдились чрезъ какую-нибудь расщелину и потомъ не исчезли бы въ этой безднѣ; и если благоразуміе потребуетъ закрыть гренельскій колодезъ, какъ уже не въ шутку и говорили, то какъ остановить этотъ столбъ воды, которой токъ можетъ разрушить самыя сильныя препятствія и прорѣзаться сквозь слои окружающей ее земли?

Но трудно думать, чтобъ когда-нибудь дошли до подобной крайности; напротивъ, средства науки и искусства внушаютъ надежду, что это великое предпріятіе будетъ доведено до желаемаго конца.

— Г. Гаспаренъ читалъ донесеніе касательно весьма-важнаго вопроса о воспитаніи шелковичнаго червя. Сообщаемъ читателямъ извлеченіе изъ того, что наиболѣе замѣчательно въ его донесеніи:

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ Франція занимается средствами уничтожить рабство въ своихъ колоніяхъ, она слѣдила внимательно то, что произошло въ колоніяхъ англійскихъ, гдѣ рабство уже уничтожено. Самый замѣчательный изъ всѣхъ фактовъ этого новаго порядка вещей — безспорно, оставленіе или покрайней-мѣрѣ ослабленіе производства сахара, работы трудной, которая противна новоосвобожденнымъ Неграмъ. А такъ-какъ воздѣлываніе сахарнаго тростника распространено почти во всѣхъ французскихъ владѣніяхъ жаркаго пояса, то можно опасаться, чтобъ день освобожденія чернаго племени не былъ днемъ совершеннаго оставленія этого воздѣлыванія и, слѣдовательно, днемъ разоренія колонистовъ, если они напередъ не позаботятся замѣнить хо

тя отчасти сахарный тростникъ другимъ растеніемъ, котораго воздѣлываніе было бы не столь трудно, и однакожъ выгодно.

«Эти мысли занимаютъ правительство, и въ числѣ новыхъ растеній, которыхъ воздѣлываніе оно хочетъ ввести въ колоніи, находится шелковичное дерево. Г. Перотѐ, который уже ввелъ шелковичное дерево на Филиппинскихъ Островахъ, получилъ порученіе извѣдать средства распространенія шелковичной промышлености на Антильскихъ Островахъ. Но здѣсь этотъ ботаникъ встрѣтилъ тѣ же трудности, которыя, къ счастію для европейскихъ производителей, останавливаютъ успѣхи производства шелка въ Бенгаліи и во всѣхъ жаркихъ странахъ. Еслибъ этихъ трудностей тамъ не было, нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣсколько лѣтъ Италія и Франція потеряли бы одинъ изъ главныхъ источниковъ своего богатства, потому-что онѣ принуждены были бы бороться съ соперниками, которые имѣли бы работниковъ за дешевую цѣну, обширныя земли и климатъ такой, что воздѣлываніе можетъ возобновляться тамъ нѣсколько разъ въ годъ. Дѣло правительства — измѣрить великость этой опасности и подумать, не обратятся ли болѣе къ пользѣ другихъ попытки и изъисканія, которыя оно заставляетъ дѣлать на Антильскихъ Островахъ; дѣло же Академіи—сказать то, что̀ она знаетъ.

«Г. Перотѐ дѣлаетъ сперва вопросъ: отъ-чего яйца шелковичныхъ червей, привезенныхъ изъ Франціи на Антильскіе Острова и жившихъ тамъ уже семь или восемь лѣтъ, вылупаются лишь черезъ восемь или девять мѣсяцевъ, не смотря на постоянную температуру 22 или 23 градусовъ, въ которой они находятся?

«Невыгоды, на которыя жалуется г. Перотѐ, существуютъ не на однихъ Антильскихъ Островахъ. Во всѣхъ климатахъ яйца шелковичныхъ червей хорошей породы вылупаются, за немногими исключеніями, лишь спустя восемь или девять мѣсяцевъ послѣ кладки. Если наблюдать происходящее внутри яйца, то можно видѣть, что зародышъ начинаетъ показываться пять дней спустя послѣ кладки; онъ представляется подъ видомъ тонкой непрозрачной перепонки, которой внѣшнія расширенія уже обличаютъ форму головы животнаго. Среди зимы можно различать его опредѣленную форму, его голову, ноги, и проч. Но черезъ сколько времени эта форма обрисовывается совершенно? Этого еще не знаютъ, потому-что наблюденія были сдѣланы только до пятнадцатаго дня послѣ кладки, и такимъ образомъ оставался промежутокъ многихъ мѣсяцевъ, въ-продолженіе которыхъ наука не слѣдила развитія зародыша. При всемъ томъ несомнѣнно, что одна теплота не замѣняетъ времени и не ускоряетъ развитія зародыша; и напрасно подвергаютъ яйца дѣйствію температуры насиживанія въ-продолженіе немногихъ мѣсяцовъ послѣ кладки. И такъ, на Антильскихъ Островахъ нѣтъ никакого явленія, которое не представлялось бы въ Южной Европѣ; и извѣстно еще, что яйца, привозимыя изъ Китая, переходятъ экваторъ и испытываютъ теплоту, очень достаточную для того, чтобъ они могли вылупиться, когда ихъ привезутъ на твердую землю, и однакожъ эти яйца доходятъ цѣлы во Францію.

«Я говорилъ, что есть нѣкоторыя исключенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, если взять яйца шелковичнаго червя, положенныя очень недавно, и подвергнуть ихъ дѣйствію температуры 25 или 30 градусовъ, то нѣкоторыя изъ нихъ вылупятся; собирая этихъ червей-скороспѣлокъ и распространяя ихъ, вы произведете племя *trivolhiès*, такъ названное отъ-того, что оно линяетъ только три раза, вмѣсто четырехъ, но дѣлаетъ куколки бѣлыя и слабыя. На Антильскихъ Островахъ произвели это племя, по показаніямъ г. Перотѐ, такимъ же способомъ, и оно представляетъ тамъ ту же невыгоду для шелковичной промышлености.

«На Антильскихъ Островахъ, яйца шелковичныхъ червей, подверженныя дѣйствію окружающей температуры, которая есть 22 или 23 градуса, представляютъ особенныя явленія: они вылупаются послѣдовательно одно за другимъ, со дня-на-день, въ-продолженіе шести или семи мѣсяцевъ сряду. Этотъ фактъ подкрѣпляетъ подозрѣнія, которыя мы имѣли съ давняго времени о необходимости низкой температуры для содѣйствованія развитію зародыша шелковичнаго червя. Такое подозрѣніе родилось въ насъ отъ неудачи яицъ, сохранившихся въ-продолженіе лѣта въ мѣстахъ слишкомъ жаркихъ. Подъ тропиками, гдѣ температура однообразна, яйца должны испытывать то же невыгодное дѣйствіе, которое въ первомъ случаѣ происходитъ отъ нагрѣтыхъ комнатъ. Это подтверждается тѣмъ, что, по свидѣтельству г. Перотѐ, если положить яйца на четыре или на пять мѣсяцевъ въ ледникъ, то они вылупаются всѣ вмѣстѣ, подобно какъ это дѣлается въ Европѣ. Кажется, именно помощію этой предосторожности, колонисты Антильскихъ Острововъ успѣли достичь правильнаго вылупанія шелковичныхъ червей.»

— Г. Матьё представилъ весьма благопріятный отчетъ о новомъ дневномъ и ночномъ телеграфѣ, изобрѣтенномъ г-мъ Сильвестромъ Вильялонгомъ. Всѣ бывшія до-сихъ-поръ покушенія сдѣлать телеграфическіе знаки видимыми во время ночи, посредствомъ свѣта, остались безъ успѣха. Эта неудача происходила преимущественно отъ-того, что во всѣхъ придуманныхъ доселѣ системахъ, лампы помѣщаемы были внѣ телеграфовъ, и такимъ образомъ подвергались всѣмъ вліяніямъ непогоды, такъ-что сторожъ не могъ тотчасъ различать знаки, дурно освѣщаемые, когда дуетъ вѣтеръ, идетъ дождь и пр. Г. Вильялонгу пришла счастливая мысль заключить весь приборъ освѣщенія внутрь обсерваторіи и отбросить свѣтъ на чечевицеобразныя стекла, которыя сами составляютъ вѣтви телеграфа; такъ-что сильная лампа, поставленная среди кабинета,— въ которомъ дѣлаются наблюденія и котораго размѣры разчислены, въ фокусѣ чечевицеобразныхъ стеколъ, укрытая слѣдовательно отъ всякаго внѣшняго вліянія и постоянно видимая для сторожа, освѣщаетъ съ той и съ другой стороны телеграфъ, получающій извѣстіе и телеграфъ, передающій его. То же расположеніе примѣняется къ телеграфическимъ знакамъ во время дня, потому-что вѣтви машины видны на чорномъ фонѣ, и когда наступитъ ночь, достаточно засвѣтить лампу, чтобъ продолжать телеграфическую корреспонденцію безъ остановки. Эта система весьма замысловата; и такъ какъ она совершенно соотвѣтствуетъ потребностямъ корреспонденціи, и по удобству, съ которымъ можетъ быть употреблена на обсерваторіяхъ, и по разстоянію, на которомъ при ея помощи виденъ свѣтъ, равно какъ и по простотѣ знаковъ, придуманныхъ изобрѣтателемъ, то надобно надѣяться, что г. Вильялонгъ наконецъ приведетъ въ дѣйствіе столь важное усовершенствованіе, въ которомъ еще нуждаются телеграфы.

— Г. Біо сообщилъ Академіи результатъ оптическаго опыта, которому онъ подвергалъ вещество, имѣющее видъ натуральной манны и продаваемое обыкновенно за настоящую манну для аптекъ. Помощію своего замысловатаго анализа, г. Біо открылъ существенное различіе между этимъ веществомъ и натуральною манною ясени, подобно какъ г. Плюзъ уже доказалъ то же самое посредствомъ анализа химическаго.

— Г. Жобаръ, изъ Брюсселя, прислалъ ноту о главныхъ причинахъ взрывовъ въ паровыхъ машинахъ. Авторъ приписываетъ взрывы внезапному воспламененію смѣси водорода, происходящаго отъ разложенія воды на раскаленныхъ стѣнахъ котла, съ атмосфернымъ воздухомъ, вкрадывающимся иногда чрезъ насосъ, который доставляетъ воду машинѣ. Этотъ новый способъ объясненія взрывовъ ца-

ровыхъ машинъ надо еще тщательно повѣрить.

— Г. Араго представилъ Академіи новые диффереціальные термометры г. Вальфердина. Тонкая чувствительность этихъ инструментовъ превосходитъ все, что сдѣлано было досель для измѣренія мелкихъ различій въ температурѣ.

— Г. Бекрель читалъ записку подъ заглавіемъ: *О электро-химическихъ свойствахъ простыхъ тѣлъ и о приложеніи ихъ къ художествамъ*. Дѣло идетъ о новыхъ способахъ позолоты, которые начинаютъ теперь вводиться въ художества; для этой цѣли авторъ употребляетъ, вмѣсто обыкновенныхъ гальваническихъ столбовъ, дѣйствіе слабыхъ токовъ, которые онъ уже приложилъ съ такимъ успѣхомъ въ воспроизведенію кристаллизаціи минераловъ. Это промышленое завоеваніе, котораго начало восходитъ къ первымъ опытамъ г. Деларива, и изъ котораго г. Рюольцъ извлекъ въ-послѣдствіи такія полезныя приложенія, возбуждаетъ живѣйшее любопытство въ Академіи. Г. Бекрель представилъ ей образцы весьма удавшіеся.

— Лѣтъ десять назадъ, г. Ламар-Пико, въ запискѣ, представленной Академіи, сдѣлалъ вопросы: пьютъ ли змѣи?, способны ли онѣ сосать коровъ?, производятъ ли онѣ теплоту насиживая свои яйца? Въ то время г. Дюмериль, бывшій докладчикомъ, опровергалъ мнѣнія автора и оспоривалъ эти различныя способности змѣй. Послѣ того, очень недавно, г. Валансьенъ сообщилъ свои наблюденія надъ змѣею, которая насиживала яйца въ Jardin de Plantes; онъ замѣтилъ при этомъ случаѣ довольно-значительное повышеніе температуры. Теперь г. Дюмериль возвращается къ этому предмету; онъ не отвергаетъ въ змѣяхъ способности пить, впрочемъ, не подлежащей уже никакому сомнѣнію, потому-что самка, надъ которою дѣлали наблюденіе въ Jardin des Plantes, пила нѣсколько разъ въ-присутствіи свидѣтелей, во время насиживанія своихъ яицъ; но онъ никакъ не допускаетъ, чтобъ змѣи могли сосать коровъ, и основываетъ свое мнѣніе на организаціи змѣй, на формѣ ихъ зубовъ и челюстей. Что же касается до повышенія температуры во время насиживанія яицъ змѣею, то г. Дюмериль приписываетъ это повышеніе не матери, а развитію зародыша въ яйцѣ, подобно тому, какъ это бываетъ при всходѣ сѣменъ. Эта задача вѣроятно скоро будетъ разрѣшена наблюденіями коммиссіи, которой поручено подать свое мнѣніе о запискѣ г. Валансьена.

Задачи, предложенныя Парижскою Академіею Наукъ.

3-го января объявлены преміи Академія за 1840 годъ. Обыкновенно предполагается, что труды, удостоенные академическихъ наградъ, представляютъ существеннѣйшіе успѣхи знанія. Между-тѣмъ, въ нынѣшнемъ году не только этого не случилось въ Парижѣ, но еще ни одна изъ большихъ задачь Академіи не разрѣшена и упомянуто только о весьма-немногихъ отличныхъ произведеніяхъ. Между-тѣмъ, не должно дѣлать по этому заключеніе о состояніи наукъ во Франціи. Это странное явленіе объясняется съ одной стороны тѣмъ, что ученая часть публики очень охотно предпринимаетъ собственныя изслѣдованія, но рѣдко чувствуетъ въ себѣ охоту состязаться для полученія преміи; съ другой стороны, причина заключается въ самомъ родѣ предлагаемыхъ задачь. Что касается большой преміи по математикѣ: «Опредѣлить нарушенія движеній въ эллипсисѣ рядами періодическихъ величинъ такимъ образомъ, чтобъ посредствомъ числительныхъ таблицъ можно было во всякое время опредѣлять положеніе планетъ», то эту задачу отложили до 1843 года, потому-что на нее не явился ни одинъ соискатель. Въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря на труды отличныхъ астрономовъ, мы все еще не вполнѣ знаемъ основную теорію измѣненій лу-

ныхъ и планетныхъ движеній и должны пока довольствоваться приблизительными свѣдѣніями. По этому, задача требуетъ рѣшенія вопроса, который назначенъ или произвесть, посредствомъ анализа, совершенный переворотъ въ механикѣ небесныхъ тѣлъ, или навсегда остаться задачею. Во всякомъ случаѣ онъ не будетъ рѣшенъ и въ 1843 году.

То же самое, только въ другомъ смыслѣ, можно сказать о вопросѣ, подвергнутомъ конкурсу въ краткое министерство Дюпена, который обѣщалъ премію въ 6000 франковъ за полезнѣйшее примѣненіе паровой силы къ судоходству и за лучшую систему въ механизмѣ, грузкѣ, вооруженіи и прочемъ устройствѣ кораблей такого рода. Эту премію можно было бы получить еще въ 1836 году. Были, правда, соискатели, но они не имѣли достаточныхъ средствъ, чтобъ практически доказать свои изобрѣтенія и улучшенія, а потому и эта задача ждетъ еще рѣшенія, не смотря на то, что, повидимому, по этой части поступило нѣсколько полезныхъ сочиненій. — Не болѣе удачи имѣла большая премія физики, требовавшая опредѣленія собственно теплоты главныхъ простыхъ (несложныхъ) тѣлъ, кислотъ, солей и, въ придачу, ихъ органическихъ связей. Тутъ въ-самомъ-дѣлѣ требовалось вдругъ слишкомъ-много, и одно послѣднее условіе должно отнять мужество у ревностнѣйшаго наблюдателя. Послѣ этого остались еще двѣ истинно-исполинскія задачи, изъ которыхъ одна требовала, чтобъ были показаны путемъ опыта послѣдовательныя, физическія, химическія и органическія измѣненія въ яйцахъ птицъ и лягушекъ. Что касается другой физической задачи 1837, возобновленной въ 1839, нерѣшенной въ 1841 и заданной вновь къ 1844 году, то трудность и объемъ ея преступали всѣ обыкновенные предѣлы. Извѣстно, что изученіе и точное знаніе органа голоса столь же трудно, какъ запутано, и безчисленное множество сочиненій о человѣческомъ голосѣ существенно не подвинуло насъ нисколько впередъ. Академія же требовала опредѣленія механизма голоса не только у людей, но и у всѣхъ животныхъ, имъ одаренныхъ. Задававшіе этотъ вопросъ, не подумали о томъ, что единственная, основанная на опытахъ теорія голоса пѣвчихъ птицъ уже почти превышаетъ силу человѣка. Академія наконецъ убѣдилась въ этомъ и вычеркнула изъ программы—птицъ и насѣкомыхъ. Такимъ образомъ, задача ограничилась голосомъ человѣка и млекопитающихъ животныхъ; къ ней вписано шесть сочиненій, которыя, однакожь, не были удовлетворительны, почему задача въ третій разъ предложена къ 1844 году.

Изъ этого слѣдуетъ, что если Академія не хочетъ вѣчно отсрочивать рѣшеніе своихъ задачь безъ всякаго успѣха, то должна рѣшиться наконецъ раздроблять ихъ и награждать по частямъ, чего и заслуживаютъ нѣкоторыя сочиненія.—Если, въ публичномъ годичномъ засѣданіи, за исключеніемъ преміи Лаланда, состоящей изъ медали цѣною въ 635 франковъ, присужденной прусскому ученому, Бремикеру, за открытіе кометы 27 октября 1840-го года, Академія не присудила ни одной большой преміи, то это объясняется необыкновенною, даже неестественною трудностью задачь. Къ-счастію, мудрыя и благодѣтельныя монтіоновы преміи неподвержены предназначенію, но пріобрѣтаются лучшими сочиненіями по части улучшеній и усовершенствованій инструментовъ механическихъ, статистическихъ, физіологическихъ, медицинскихъ, хирургическихъ, также открытіямъ средствъ противъ вредныхъ для здоровья ремеслъ, и Академіи остается только выбирать лучшее между хорошимъ. Этихъ-то премій и добиваются всего болѣе. Изъ нихъ премія по экспериментальной физіологіи, къ-сожалѣнію, весьма незначительная, присуждена сочиненію г. Шосса «Recherches expérimentales sur l'inanition»; почетнаго упоминанія удо-

стоились новѣйшія изслѣдованія Лекапю о человѣческихъ волосахъ, а статьѣ г. Матеуччи объ электрическихъ явленіяхъ въ животныхъ обѣщана награда въ 1843 году, потому-что содержащіеся въ ней факты еще не могли быть повѣрены коммиссіею, что̀ должно разумѣть и объ улучшеніяхъ въ области вредныхъ здоровью занятій—artis insalubres — при чемъ коммиссія должна будетъ выбирать между открытіями, сдѣланными въ Швейцаріи, Англіи и Франціи гг. де-ла-Ривъ, Элькингтономъ и Рюользомъ, а можетъ быть и между новѣйшимъ способомъ проведенія трубъ для газа и ключевой воды, придуманнымъ г-мъ Шамруа. Медицинская Коммиссія выразилась опредѣлительнѣе въ пользу работъ гг. Танкереля-де-Планша и Амюсса. Первый получилъ премію въ 6000 франковъ за свое сочиненіе объ отравленіяхъ свинцомъ, доказавъ присутствіе этого металла въ органахъ человѣческаго тѣла, гдѣ онъ производитъ то боль, подобную ревматизму, то онѣмѣніе, то нервозные припадки. Г. Амюсса получилъ 4000 франковъ за изслѣдованіе вступленія воздуха въ вены, при чемъ авторъ доказалъ, что больной можетъ въ-продолженіе наилучше-удающейся операціи умереть, какъ поражённый громомъ, и противъ этого г. Амюсса старается находить мѣры предосторожности. Премія, основа̀нная Лапласомъ и состоящая въ полномъ собраніи его твореній, досталась, по обыкновенію, первому воспитаннику Политехнической Школы, какому-то г-ну Рейссу.

*

О ЗВУКОИЗМѢНЕНІИ (*Umlautung*). *Грамматическая апелляція къ здравому смыслу и безпристрастію.* (Статья первая) (*).—Въ дѣлѣ (какъ выражаются учоные грамматики) сочетанія звуковъ, или (какъ думаю проще сказать) въ дѣлѣ соединенія буквъ между собою и въ дѣлѣ измѣненія буквъ одной на другую, непремѣнный законъ —благозвучіе, а мудрый законодатель, знающій потребность изящнаго вкуса —народное ухо. Отъ-того-то, присматриваясь и прислушиваясь къ измѣненію звуковъ въ словахъ, видишь такое чудное и свободное разнообразіе. Такъ Грекъ, по требованію изящнаго слуха, въ τρέφω, ε перемѣнялъ и въ ο и въ α: τέτροφα, ἐτράφην, τροφή, τραφερός,—въ ἵστημι, η измѣнялъ въ α: ἵστατον, ἵσταμεν, въ τίθημι ту же η перемѣнялъ въ ε: τίθεμεν. Въ латинскомъ языкѣ находимъ ту же свободу и разнообразіе въ звукоизмѣненіи, наприм., facio, feci, confïcio и т. п., — въ нѣмецкомъ то же: Vater, Väter, liegen, ich lag и т. п.— въ славянскомъ также: *крыло*, *кровъ*, —ямь-снѣмь,—поити, напоити и т. п. Мы Русскіе также отъ людей не прочь; мы говоримъ и пишемъ: *гремлю*, *громъ*, *погремушка; веду*, *вёлъ*, *водить; шептать*, *шопотъ*, *шепнуть* и т. п.

Странно, однакожь, что у нашихъ грамматиковъ утвердилась мысль довольно-непонятная «будто гласная *о* никакъ не можетъ слѣдовать за согласными шипящими (ж, ч, ш, щ) и язычною *ц* (Греча «Практ. Грам.» § 536. «Чтенія о Рус. Яз.» 1—198. Востокова «Простран. Грам.» §§ 29 и 169.)

Ссылаюсь на всѣхъ добрыхъ людей, —не мы ли никогда не носимъ ни жёлтыхъ перчатокъ, ни шёлковыхъ матерій? а на всякомъ порядочномъ человѣкѣ вы увидите и *жолтыя* перчатки, и что̀-нибудь изъ *шолковой* мате-

(*) Редакторъ «Отечеств. Записокъ» получилъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

«М. Г. Зная, что въ одномъ вашемъ журналѣ убѣжденіе находитъ себѣ мѣсто, я рѣшился обратиться къ вамъ. Если найдете эту первую статейку о звукоизмѣненіи достойною занять мѣсто въ вашемъ журналѣ, напечатайте ее; этимъ вы дадите мнѣ смѣлость представить другую статейку о томъ же предметѣ. Это мои первые опыты, написанные по случаю размышленій, возникшихъ при преподованіи отечественнаго языка» и проч.

рія. Не мы ли (каюсь, грѣшный человѣкъ) избѣгаемъ учёныхъ и учёности, но глубоко уважаемъ *учоныхъ* и охотно занимаемся *учоностью?* Кому нравятся чёрныя кудри? Но послушали бы отъ молодёжи, какъ она съ ума сходитъ отъ *чорныхъ* кудрей? — И какъ часто мы желаемъ всмотрѣться въ *лицо*, а не въ лицё! Даже мой Иванъ —даромъ что парень не далёкій — никогда не подавалъ мнѣ счёта, а какъ ни спросишь, несётъ-себѣ *счотъ*, — да и сапоги-то всё чистилъ *щоткой*, а не счёткой, — сколько я ему ни толковалъ правило, преподанное г. Гречемъ. Ну, говоритъ ли хоть одинъ порядочный человѣкъ иначе? Откуда же къ намъ забрело странное требованіе грамматики, совершенно-противорѣчащее всѣмъ, и никѣмъ не соблюдаемое?

Правда, нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ шипящихъ буквъ и язычной ц, въ славянскомъ языкѣ не слѣдуетъ *о*, но *е*; да вѣдь то въ славянскомъ, а не въ русскомъ! Когда же мы въ своей грамматикѣ освободимся отъ тагостнаго чуждаго вліянія? Когда же отдѣлимъ чуждую примѣсь, совсѣмъ несвойственную нашему родному языку? Скоро ли мы дождёмся чисто-русской грамматики, и оставимъ въ покоѣ славяно-русскую?

Вы согласны, что главный законъ соединенія гласной съ согласною — благозвучіе? Хорошо. Для народа пріятно, благозвучно слышать: *чорный, счотъ, старичокъ, шолъ*. Почему же не правильно писать эти слова съ голосу народнаго, а надо писать: *«черный, счетъ, старичекъ, шелъ?»* Еслибъ *е* была коренная буква, — ну, такъ и быть, нечто, ещё можно бы слушаться наставленія грамматики. А то, вѣдь, давнымъ-давно дознано, что не гласныя, а согласныя составляютъ корень слова. Невѣрующіе пусть потрудятся прочесть введеніе къ знаменитому словарю Линде. Такъ къ-чему же всѣ такія орѳографическія умничанья и затверженныя встарь правила? къ-чему насилія закоснѣлой орѳографіи? Встрѣчая въ грамматикѣ подобныя правила, невольно назовёшь справедливымъ и это насмѣшливое ея опредѣленіе: «Грамматика собственно есть старинная, мастистая, достопочтенная наука, которая учитъ говорить и писать именно такимъ образомъ, какъ никто на свѣтѣ не говоритъ, и какъ, слѣдовательно, никто не долженъ писать.»

Перенесёмся въ вѣка грядущія, отдаленныя, когда, по волѣ судебъ, и нашъ языкъ вступитъ на чреду языковъ мёртвыхъ, и сдѣлается предметомъ изученія; представимъ же, что кто-нибудь изъ образованыхъ Русскихъ возсталъ бы и явился посреди сонма учоныхъ, и услышалъ бы горячо, съ одушевленіемъ декламирующаго начальныя строки двухъ прекрасныхъ пьесъ—двухъ нашихъ великихъ поэтовъ:

«Пошёлъ — и гдѣ тристаты злобы?»
«О чёмъ шумите вы, народные витіи?»

Какое грустное, тяжолое чувство ощутилъ бы нашъ воскресшій соотечественникъ, видя такое искаженіе нашего гармоническаго слова въ устахъ учоныхъ собратій! Я понимаю это тяжолое чувство: я имѣлъ несчастіе испытать его еще при жизни, не такъ далёко отъ Москвы...

Нѣтъ, господа-учители элоквенціи и хитростей грамматическихъ, *о* можетъ и должно слѣдовать за буквами шипящими и язычною ц, когда всѣ такъ произносятъ, и слѣдовательно, когда требуетъ этого общепринятое произношеніе народа. Пишите-ка лучше какъ уже многіе начали писать — *шолъ, лжотъ, щотка, счотъ, лицо*, и т. п.

Но какъ прикажете писать: *жоны* или *жены*, *чорный* или *черный*, *щоки* или *щеки*,—или, другими словами: какъ писать тѣ слова, которыя, при переходѣ изъ единственнаго числа во множественное, или на оборотъ, или еще при переходѣ изъ мужескаго рода въ женскій перемѣняютъ удареніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣняютъ *о* въ *е* или

е въ *о*? Надъ отвѣтомъ задумываться нечего; пишите *жоны*, *щоки*, *чорный* и т. п., т. е. пишите согласно съ общепринятымъ произношеніемъ. Не будетъ ли путаницы и сбивчивости?— Боже мой! мы вѣчно всего боимся! Если Нѣмцы не затрудняялись постановить за непремѣнное на письмѣ отмѣчать перемѣну a въ ä, o въ ö, u въ ü въ нѣкоторыхъ словахъ при переходѣ ихъ изъ единственнаго числа во множественное, на-примѣръ Stadt множ. Städte, Rock множ. Röcke, Hut множ. Hüte, отъ-чего же намъ только неловко и трудно допустить у себя подобныя измѣненія, когда они на-самомъ-дѣлѣ существуютъ въ языкѣ нашемъ? И чѣмъ же мы затрудняемся? Какъ-будто одинъ нашъ языкъ дѣйствуетъ на-авось, а не слѣдуетъ извѣстному, непреложному закону! Нѣтъ, произношеніе наше не самовластно, но строго повинуется одному закону. И вотъ этотъ законъ къ вашимъ услугамъ: «когда надъ слогомъ изъ шипящей буквы и гласной *е* во множественномъ числѣ дѣлаемъ удареніе, то *е* всегда переходитъ въ *о*. На-примѣръ, жена́, мн. жо̀ны, щека̀, мн. що̀ки. То же должно замѣтить и объ именахъ прилагательныхъ усѣчённаго окончанія; они, при переходѣ изъ мужескаго рода въ женскій, вмѣстѣ съ перемѣною ударенія перемѣняютъ *о* въ *е*. На-примѣръ чо̀ренъ—жен. черна̀, жо̀лтъ—жен. желта̀, увлечо̀нъ—жен. увлечена̀— множ. увлечены̀.

Попробуйте, найдите хоть одно слово, которое составило бы исключеніе изъ этого правила! Откуда же въ насъ такая недогадливость и не охота писать въ угодность требованіямъ образованнаго слуха? Однакожь не безъ улыбки можно здѣсь замѣтить, что одинъ *чортъ* составилъ исключеніе изъ стариннаго правила вашихъ грамматиковъ: его только не посмѣли совѣтовать писать по указанному правилу, хотя во множественномъ будетъ *черти*, а не *чорти*. Такова ужь, видно, сила нечистаго даже и въ грамматикѣ! А я прибавлю еще, что *чортъ* не подходитъ и подъ изложенное нами правило. Ужь такова натура чорта: нигдѣ его не умѣстишь!

Не лишнимъ считаю прибавить нѣсколько словъ въ разсужденіи окончанія именъ и всё то же при шипящихъ и язычной *ц*. Многіе, даже изъ извѣстныхъ литераторовъ, затрудняются писать: *отцовъ*, *душою*, *ножомъ* и т. п. Какое затрудненіе! Давно Добровскимъ рѣшено, что при измѣненіи словъ по окончаніямъ гласныя твёрдыя (а, э, о, у, ы) всегда смѣняются твёрдыми, а мягкія (я, е, ё, ю, и)—мягкими. На-примѣръ,

Именит. нож-ъ	лиц-о
Р. нож-а	лиц-а
Д. нож-у	лиц-у
Т. нож-омъ	лиц-омъ.

Не потому ли же самому примѣру должны измѣняться и другія слова? Развѣ для нихъ другой законъ? Мы и послѣ изслѣдованій Добровскаго преподаёмъ вотъ какія диковинки: «Въ творительномъ падежѣ именъ мужескаго и средн. рода и при удареніи пишется *е*: на примѣръ *отцемъ*, *лицемъ*, *мечемъ*, *яицемъ*» и т. п. (зри «Прак. Рус. Грам.» г. Греча § 556). Поздравляю учёность вашу! Такъ по-вашему: сынъ пошёлъ гулять съ отцёмъ; онъ порѣзалъ себѣ ручёнки ножёмъ? Вотъ уже, въ-самомъ-дѣлѣ, учёность, а не учоность? Нѣтъ, по-нашему, по-неучоному, должно бы написать: сынъ *пошолъ* гулять съ *отцомъ;* онъ порѣзалъ себѣ *ручонки ножомъ*. За то, какъ долженъ сердиться на подобную орѳографію тотъ знаменитый критикъ, который между-прочимъ прославился замѣчательными предисловіями къ «учёнымъ» книгамъ своего друга! Богъ съ нимъ! пускай сердится!.. Пожелавъ ему добраго здоровья, я всегда останусь съ своимъ убѣжденіемъ.

П. Доброхотовъ.

Ярославль,
1842 г., февраля 5-го.

*

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

Римъ. Октября 29-е, 1841.

...Въ Римъ въѣхалъ я съ самымъ обыкновеннымъ чувствомъ. Прежде часто и много думалъ я о немъ; но по мѣрѣ моего къ нему приближенія, глаза, встрѣчая по Италіи столько прекраснаго, невольно отвлекли воображеніе къ настоящему—и оно уже какъ-то охладѣло къ воспоминаніямъ минувшаго; притомъ и папскій солдатъ въ изношенномъ голубомъ мундирѣ, подошедшій у заставы къ дилижансу спрашивать паспортъ, кажется, охолодилъ бы и дѣйствительное поэтическое одушевленіе. Въѣзжаемъ. Я увидѣлъ передъ собою обширную площадь; середи ея стоялъ египетскій обелискъ, окруженный четырьмя прелестными фонтанами; по краямъ площади бѣлѣлись колоссальныя группы мраморныхъ статуй. «Piazza del Popolo» сказалъ кто-то въ дилижансѣ. Площадь народная!... Все, что воображеніе прежде мечтало о древнемъ Римѣ, — все при этомъ видѣ и словѣ вдругъ закипѣло въ немъ. «Я въ Римѣ, Я въ Римѣ!» твердилъ я себѣ съ недовѣрчивостію. Да и гдѣ же, кромѣ Рима, можетъ быть такая площадь? Нигдѣ не встрѣчалъ я площади столь торжественно-величавой, такъ дышащей искусствомъ. Восторгъ мой по-немногу простывалъ, когда дилижансъ ѣхалъ по длинному Corso; съ жаждою къ древностямъ, ища ихъ повсюду глазами, я безъ вниманія смотрѣлъ на превосходные palazzi, какими обставлены узкія улицы Рима.

Немного оправившись въ гостинницѣ, я тотчасъ же спросилъ себѣ cicerone и велѣлъ вести себя на Foro romano.

Видите это широкое поле; на немъ нѣтъ ни домовъ, ни пашенъ: —словно ростутъ одни обломки, его покрывающіе. А было время, когда за право стоять на этомъ полѣ бывали кровавыя войны; народы, сосѣдніе Риму, рѣшались или погибнуть, или стать римскими гражданами. Не быть римскимъ гражданиномъ значило быть ничѣмъ. Для подачи голосовъ цѣлые города спѣшили на forum; площадь становилась тѣсною; толпы взбирались на колонны храмовъ, на крыши окружныхъ зданій. Гдѣ дано было слову человѣческому больше силы, гдѣ больше могло оно дать человѣку, какъ не на этомъ форумѣ? Началъ здѣсь жить Римъ—и умеръ здѣсь. Никогда не былъ онъ такъ могучъ, какъ въ эпоху гражданскихъ междоусобій своихъ: въ жаркихъ схваткахъ ораторовъ, въ борьбѣ общественныхъ стихій республика расправляла свои мышцы. Если народу суждена великая миссія въ исторіи человѣчества, —всѣ преграды, встрѣчающіяся ему въ его развитіи, обращаетъ онъ только въ питаніе своего могучаго организма.

Теперь, видите направо восемь колоссальныхъ колоннъ, поддерживающихъ остатки карниза и архитравы:—это былъ Храмъ Счастія; возлѣ, пониже, стоятъ три колонны превосходной работы; на кускѣ большаго прелестнаго карниза, уцѣлѣвшаго на нихъ, можно еще прочесть: «tonante»; это былъ храмъ Юпитера Громовержца. Недалеко отъ нихъ вышла въ половину изъ земли роскошная арка Септимія-Севера. Тамъ подальше въ полѣ – одиноко стоятъ три колонны: онѣ поддерживаютъ широкій, величественный карнизъ самой изящной работы: это остатки зданія, въ которомъ принимала республика чужестранныхъ пословъ. Далѣе, всю правую сторону горизонта заслоняетъ длинная гора мусора, кирпича и мраморныхъ обломковъ, заросшихъ густою травою. Это было зданіе, котораго великолѣпіе недоступно нашему воображенію, — это былъ дворецъ цезарей. Около развалинъ этихъ глядятъ въ пустынное поле великолѣпная, почти вся уцѣлѣвшая, но чуждая древняго изящества, арка Константина—и нѣжная тѣнь арки Титовой. Наконецъ, обращаясь влѣво, глаза останавливаются на громадной, полуразрушившейся массѣ, поднявшейся широкими арками въ 5 величайшихъ рядовъ. Это Колизей...

Сурово стоишь ты, памятникъ величія римскаго! Но не битвы гладіаторовъ, не ристалища, не представленія занимаютъ въ немъ меня,—нѣтъ, здѣсь защищалъ Римъ свое существованіе отъ неслыханнаго и послѣдняго противника своего: тысячи христіанъ замучены на широкой аренѣ этого амфитеатра...

Когда мрачный Тиверій, обладатель міра, смотря изъ дворца думалъ о безграничномъ могуществѣ своей имперіи, въ то время въ одной дальней ничтожной провинціи его имперіи совершилось великое таинство, къ принятію котораго народы приготовлялись цѣлые вѣка, съ трепетомъ предчувствуя его пришествіе... Римъ получилъ не замѣтную, но смертельную рану.

Посмотрите теперь на зачатіе міра новаго: вы видите ступень, на которую восходитъ человѣчество, видите внутреннюю жизнь его. Погрузитесь въ нее мыслію, или глубокимъ чувствомъ — и вамъ ясно будетъ, какъ божественный порядокъ царствуетъ въ ней: нѣтъ случайности,—единая воля, единый животворный лучъ духа проницаютъ отъ вѣка всѣ эти треволненія міра, которыхъ смыслъ, лишь по прошествіи столѣтій открывается слабымъ очамъ нашимъ. Видите ли, какъ по жиламъ человѣчества пробирается новая влага, сильнѣе забилось сердце его: словно проснулось оно отъ долгаго, томительнаго сна. Теперь посмотрите, какъ станутъ состязаться два міра: можно ли было ожидать, чтобъ стихіи столь противоположныя вдругъ явились лицомъ-къ-лицу? Царство наше *тамъ*, говоритъ одна, таинственно указуя на небо другой, упоенной своею роскошною природою, разнѣжившей въ ней свою чувствительность... Какъ забыть свои наслажденія, оторваться отъ радушной своей матери? Наше царство *здѣсь!* возражаетъ она.

Смотря на это состязаніе, подумаешь,— не-уже-ли эти *новые люди* хотятъ переродить свѣтъ? Какъ разрушить то, что до-сихъ-поръ составляло сущность и условіе жизни? какъ идеальному міру ихъ замѣнить очаровательную дѣйствительность настоящаго! Это мечты энтузіастовъ: онѣ разсѣются, какъ эти сотни сектъ, наполнявшихъ Грецію... Но въ этихъ сотняхъ сектъ человѣчество училось понимать и сознавать себя; онѣ служили буквами для великаго слова: мысль явилась, — слово выговорено... Прости теперь, нѣжная, свѣтлая религія Грековъ! Человѣкъ мѣняетъ свѣтлый міръ твой на міръ таинственный, но великій; онъ бросаетъ твои роскошныя благовонія, такъ сладко нѣжившія тѣло; бѣжитъ съ твоихъ радостныхъ празднествъ, гдѣ чувства нѣжились въ упоеніи; онъ бросаетъ твой тирсъ и вѣнки цвѣтовъ: его вѣнцы сплетены изъ терніи.

Сначала Римъ добродушно смотритъ на великое таинство, совершающееся предъ очами его. Какого царства хотятъ они? спрашиваетъ обладатель міра. Царства духа! Римъ не понимаетъ этого и спокойно записываетъ въ свои лѣтописи странное для него явленіе.

Проходятъ годы; древо новой жизни возрастаетъ; подъ таинственную сѣнь его толпами стремятся люди, —и наконецъ, съ недоумѣніемъ замѣчаетъ Римъ, что эта странная жажда міра невидимаго точитъ корень его существованія, разрушаетъ гражданское устройство его. Съ удивленіемъ разсматриваетъ онъ новаго противника: Римъ не понимаетъ, не знаетъ оружія, которымъ сражается противникъ. Помогутъ ли тутъ мечи, когда онъ, слабый, беззащитный, съ радостію даетъ убивать себя и, умирая, говоритъ о любви и вѣчной жизни! Взволновался Римъ. Борьба кипитъ,—необыкновенная, неслыханная,—борьба величайшей силы съ величайшею слабостью. Какъ тяжело прокладываетъ себѣ дорогу свѣтъ, возрождающій человѣчество,— тяжело, но онъ торжествуетъ съ каждымъ днемъ. Посмотрите же, какъ судорожно мечется древній міръ, какъ умираетъ онъ. Напрасно уливаешь ты амфитеатры свои кровью христіанъ; напрасно

скликаешь народъ рукоплескать гибели ихъ! Народъ плещетъ, — а выходитъ изъ театра въ задумчивости: божественная тайна уже смутно предчувствуется имъ... Напрасно ты, извуренный міръ, утомясь, наконецъ отворяешь противнику врата своего города, напрасно возводишь его на тронъ своихъ императоровъ, — онъ неумолимъ: онъ разрушитъ тебя и прахъ твой развѣетъ по землѣ...

Досадовать ли, дивиться ли, что нельзя здѣсь найдти даже слѣдовъ множества превосходныхъ памятниковъ древности, видя храмы ея перестроенными для другаго назначенія, украшеннаго обломками ихъ древняго величія? Конечно, разрушеніе древняго міра было необходимымъ условіемъ христіанства; а въ жаркой битвѣ достанетъ ли вниманія беречь прекрасное кольцо врага, или драгоцѣнный поясъ его. Въ-послѣдствіи невѣжество и время довершили остальное. Но для меня это повсюдное сліяніе язычества съ христіанствомъ составляетъ дивное, неописанное очарованіе Рима. Эта окаменѣлая вражда двухъ міровъ съ неодолимою силою овладѣла умомъ моимъ. Уныло-таинственнымъ взоромъ смотритъ она здѣсь въ безконечное будущее... Необыкновенное чувство объемлетъ душу, когда стоишь на этомъ рубежѣ двухъ міровъ, видя трупъ стараго и уже дряхлѣющую жизнь новаго... Сколько торжественныхъ, возвышающихъ ощущеній проходитъ по душѣ, когда бродишь по Риму, по этому звѣну, которымъ соединило человѣчество двѣ великія и только однѣ намъ извѣстныя эпохи жизни своей!

Но и независимо отъ древностей своихъ, Римъ имѣетъ свой особенный, глубокій характеръ, о которомъ не можетъ дать ни малѣйшее понятіе ни одинъ изъ городовъ Европы. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, Римъ можно сравнить съ поэтомъ или художникомъ, у котораго среди самыхъ простыхъ явленій обыкновенной ежедневности, безпрестанно проблескиваетъ этотъ неподражаемый взглядъ на предметы, эта молніеносность мысли, невольно поражающіе васъ и заставляющіе глубоко чувствовать, или задумываться. Такъ въ Римѣ: идете по узкой, нечистой улицѣ,—вдругъ предъ вами прекрасная площадь съ знаменитымъ памятникомъ; изъ сумрачнаго переулка выходишь къ роскошнѣйшему фонтану. И эта безпрестанная неожиданность, съ какою встрѣчаешь здѣсь произведенія искусства, кажется, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе ихъ. Въ день моего пріѣзда сюда, бродя въ сумерки по городу, — ка́къ изумился я, когда запачканная, узкая улица вывела меня на площадь, и передъ собою увидѣлъ я Мостъ Св. Ангела, по берегамъ бѣднаго Тибра живописно-толпящіеся домики, въ зелени кипарисовъ и акацій; влѣво вырѣзавшійся на вечернемъ, розовомъ небѣ куполъ Петра, и прямо—величественный памятникъ Адріана, обращенный въ Замокъ Св. Ангела. Но изумленіе мое было иное, когда на другой день, изъ улицы вонючей, наполненной мясными лавками, пекарнями, мастерскими, вышелъ я къ Ватикану. Передо мной была обширная площадь, обнятая колонна дою въ четыре ряда; посреди египетскій обелискъ; по обѣимъ сторонамъ ея густыми снопами бьющіе фонтаны. Длинные ряды колоннъ служили словно двумя колоссальными крылами храму, нѣжно, легко поднимающемуся надъ ними своимъ воздушнымъ куполомъ. Впечатлѣніе было для меня тѣмъ необыкновеннѣе, что на площади раннимъ утромъ нѣтъ никого: тишина увеличивала торжественность впечатлѣнія. Видъ очаровательный! Послѣ я не разъ думалъ: отъ-чего эта площадь такъ влечетъ меня къ себѣ? Эти колонны очень обыкновенны,—да и къ-чему тянутся онѣ? Фонтаны? въ Римѣ есть лучше. Фасадъ церкви? не скажу, чтобъ очень нравился мнѣ. Нѣтъ, очарованіе состоитъ въ цѣломъ: эти разрозненныя части, такъ по видимому обыкновенныя, если разсматривать ихъ порознь, соединены между собою воздушною симпатіею, живутъ

только общею жизнію, и разрозненныя умрутъ, утратятъ свое таинственное очарованіе; глаза, разъ устремившіеся на нихъ не могутъ оторваться.

Говорить ли вамъ о величіи храма Петра, его куполѣ, древнихъ мраморахъ, мозаикахъ, картинахъ? говорить ли вамъ о великолѣпныхъ церквахъ Рима? Слишкомъ бы много заняло времени. Одно замѣчу только, что глядя на чувственный характеръ и роскошныя формы ихъ, и думая о таинственномъ значеніи христіанства, о стремленіи его совлечь съ человѣка чувственность и поработить себѣ элементы ея,—чувствуешь, что здѣсь христіанство возросло на чуждой ему почвѣ: здѣсь оно благоухаетъ античностію. Тогда становится понятно, что истинное христіанское зодчество долженствовало явиться только у народовъ новыхъ и дѣвственныхъ, цѣломудренно и исключительно принявшихъ въ себя символъ христіанства,—между-тѣмъ, какъ здѣсь они слились съ чувственными симпатіями древняго, прекраснаго міра. Всѣ эти изящныя церкви, даже и самый храмъ Петра, по мнѣ, такъ же напоминаютъ собою духовную религію Христа, какъ Campo vaccino—древній капитолій.

Скажу нѣсколько словъ объ окрестностяхъ. Среди широкаго, пустыннаго поля стоитъ Римъ; кругомъ его безмолвіе и пустота: ни птицъ, ни стадъ, ни деревень. Слѣды римскихъ дорогъ уцѣлѣли еще на мѣстахъ, гдѣ теперь никто не ходитъ,—рѣдко, кое-гдѣ увидишь дерево—нѣжную римскую пинну. Не видно слѣдовъ плуга на поляхъ. Вдали, по южному горизонту, синѣютъ гряды Апеннинъ. По полю всюду разсыпаны развалины. Высоко тянутся арки древнихъ водопроводовъ,—и, полуразрушенныя, илиѣ уцѣлѣвшія, поросли мхомъ и травою. Вечеромъ, это пустынное поле облекается торжественнымъ величіемъ и какою-то задумчивою, меланхолическою красотою. Я часто здѣсь смотрю захожденіе солнца. Послѣдніе его лучи обливаютъ развалины аркамъ, огненно-пурпурнымъ свѣтомъ; поле оживляется какою-то унылою жизнію; далеко кругомъ тихо и пусто... Вдали вечерніе пары сливаютъ вершины горъ съ небомъ; закатъ покрылъ отлогости ихъ чудесными лилово-розовыми отливами... Въ эти минуты поле имѣетъ для меня очарованіе неизъяснимое...

В. Б—въ.

*

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

L'AUBERGE DE CHANTILLY (ТРАКТИРЪ ВЪ ШАНТИЛЬИ), *водевиль въ одномъ дѣйст.* соч. Поль де Кока.

Капитанъ Дельбуа, женившійся на дѣвушкѣ съ романическимъ характеромъ, принужденъ оставить ее, чтобъ ѣхать въ армію; разлука эта тѣмъ болѣе ему тягостна, что жена его должна сдѣлаться скоро матерью, и онъ, прощаясь, приказываетъ ей непремѣнно родить сына. Послѣ этого, капитанша, какъ водится, производитъ на свѣтъ дочь, а чтобъ избѣжать упрековъ мужа, скрываетъ полъ новорожденнаго младенца и воспитываетъ дѣвочку какъ мальчика. Въ 16 лѣтъ Габріель Дельбуа остается сиротою; мать ея умерла на берегахъ Сены, а отецъ на берегахъ Березины. Нѣкто Дорси, котораго капитанъ, отправляясь въ походъ въ Россію, назначилъ опекуномъ своего мнимаго сына, презираетъ, подобно своему пріятелю, все, что только не можетъ сдѣлаться солдатомъ. Габріель, желая перемѣнить образъ мыслей своего опекуна, дѣлаетъ столько шалостей, и такъ усердно подражаетъ во всемъ самымъ отчаяннымъ повѣсамъ, что Дорси, выведенный изъ терпѣнія, говоритъ наконецъ, что онъ желалъ бы быть лучше опекуномъ дѣвушки, чѣмъ такого буяна. Мамзель Дельбуа, дожидавшаяся только этого, признается, что она дѣвушка и опекунъ ея, кото-

рый самъ еще человѣкъ молодой, женится на ней.

Marie ou le dévouement d'une jeune fille, *драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ* гг. д'Авена и Альгана.

Въ этой плаксивой и длинной драмѣ Марія, молодая швея, желая уговорить какого-то льва жениться на дѣвушкѣ, которую онъ обольстилъ и которая ей пріятельница, принимаетъ его къ себѣ наканунѣ своей свадьбы. Женихъ застаетъ ихъ вмѣстѣ, думаетъ, что онъ обманутъ, вызываетъ на дуэль льва, стрѣляется съ нимъ и, ранивъ его, отправляется служить въ Африку. Возвратясь оттуда, онъ узнаётъ свою ошибку и женится на Маріи. Для этого избитаго сюжета было бы довольно одного акта, а ихъ три,— и парижская публика зѣваетъ.

Le grand Palatin (**Великій Палатинъ**), *водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ*, соч. гг. Дювера, Лозана и Леру.

Эта пьеска должна была явиться на сцену подъ названіемъ «Супругъ Королевы» *(Le Mari de la Reine)*; но цензура запретила ее, и она болѣе года не могла быть играна; наконецъ авторы рѣшились нѣсколько передѣлать ее и послѣ продолжительныхъ стараній и просьбъ, послѣ всѣхъ возможныхъ интригъ и происковъ, водевиль этотъ былъ игранъ по особенному дозволенію короля. Вотъ его содержаніе: баронъ Гекторъ, государь и повелитель Зерингена, государства, состоящаго изъ трехъ селеній, двухъ деревень и 350 подданныхъ, былъ избранъ тайнымъ совѣтомъ великой палатинши мангеймской, упрочить ея славную династію и раздѣлить съ нею бремя правленія. Но молодая палатинша чувствуетъ отвращеніе къ мужу, котораго ей навязали, и доказываетъ ему это самымъ ужаснымъ образомъ. Онъ носитъ только титло мужа, тогда какъ кавалеръ д'Арандаль, первый министръ, пользуется всѣми привилегіями, которыхъ такъ жаждетъ бѣдный Гекторъ. Одинъ кавалеръ располагаетъ всѣми министрами, и нѣтъ огорченій, которыхъ бы онъ не заставилъ испытать бывшаго владѣтеля Зерингена. Къ довершенію несчастія, Гекторъ ревнуетъ, и имѣетъ на то полное право, потому-что записка д'Арандаля попадается ему въ руки. Честолюбивый придворный, какъ новый Лейчестеръ, осмѣливается просить свиданія у своей государыни, во время маскарада, который назначенъ въ тотъ же вечеръ; онъ хочетъ получить ленту перваго ордена государства. Гекторъ искуснымъ образомъ подмѣняетъ одну записку другою; свиданіе должно было состояться въ залѣ цвѣтовъ—Гекторъ будетъ тамъ, а д'Арандаль отправится дожидаться въ залѣ Меркурія.

Что сдѣлалось, что̀ случилось — не знаемъ, только мы находимъ палатина въ богатомъ шлафрокѣ, расхаживающаго во внутреннихъ апартаментахъ принцессы, едва отвѣчающаго на вопросы д'Арандаля. Является принцесса, слѣдуетъ объясненіе. О, небо! Она была въ залѣ цвѣтовъ; Гекторъ изъ ея рукъ получилъ орденъ — Гекторъ обманулъ ее; но какая женщина не проститъ такого обмана? — Принцесса перемѣняетъ свое о немъ мнѣніе; онъ вступаетъ наконецъ во всѣ права свои, а д'Арандаль отправляется посланникомъ въ Константинополь.

Пьеска имѣла огромный успѣхъ, которому во многомъ содѣйствовала игра актёра Арналя и актрисы Теньи.

La Double épreuve (**Двойное испытаніе**), *комедія въ стихахъ*, Ипполита Люка.

Г. де Нуармонъ имѣлъ у себя въ домѣ благородный театръ и чрезвычайно пристрастился ко всему, что̀ только имѣетъ малѣйшій видъ комедіи. У него подъ опекой прекрасная Изе де-Ренси, наслѣдница огромнаго имѣнія, и Альфонсъ, двоюродный братъ ея, къ которому фортуна не была такъ благосклонна. Г. де-Нуармонъ мечтаетъ о томъ, чтобъ женить этихъ молодыхъ людей. Но любятъ ли они другъ друга?

Онъ по-крайней-мѣрѣ думаетъ такъ; но Изё немного суетна и капризна, а Альфонсъ гордъ, и чувства ихъ еще не обнаружились. Добрый старичокъ рѣшается испытать своихъ питомцевъ и, желая дать дѣвушкѣ, которой нравъ съ каждымъ днемъ становится высокомѣрнѣе, порядочный урокъ, выдумываетъ слѣдующую басню: онъ, послѣ большихъ приготовленій и предисловій, объявляетъ своей питомицѣ, что она не дочь графа Ренси.—Кто же мой отецъ? вы? восклицаетъ испуганная Изё.—Нѣтъ, отвѣчаетъ г. де-Нуармонъ въ смущеніи:—вотъ твой отецъ, и онъ указываетъ на стараго слугу, къ которому Изё бывала очень-часто несправедлива. Можно представить какое впечатлѣніе производитъ это на умъ молодой дѣвушки; она почитаетъ величайшимъ несчастіемъ имѣть такого отца; но доброе сердце беретъ наконецъ верхъ надъ нею и она со смиреніемъ покоряется своей участи. — Увлеченная благородствомъ чувствъ, она хочетъ объявить Альфонсу о перемѣнѣ, происшедшей въ ея положеніи, — перемѣнѣ, которая дѣлаетъ его богатымъ, а ее нищею; но не имѣя духа сказать ему объ этомъ, рѣшается писать; — потомъ отправляется верхомъ въ Булоньскій Лѣсъ, въ сообществѣ г. д'Олбана и жены его, которая имѣетъ нѣкоторые виды на Альфонса, и еще одного молодаго «льва», котораго плѣнила Изё не столько своею красотою, сколько своимъ богатствомъ. Лошадь прекрасной амазонки горяча; она взвивается на дыбы. Изё падаетъ и лишается чувствъ, г-жа д'Олбанъ ухаживаетъ за нею, находитъ записку, прочитываетъ ее и отдаетъ Альфонсу. Ревность не разбираетъ средствъ; но г-жа д'Олбанъ сама попадаетъ въ разставленныя ею сѣти. Любовь Альфонса воспламеняется еще больше; теперь онъ богатъ, онъ предложитъ свою руку Изё, которая такимъ образомъ не потеряетъ ничего. -Г-жа д'Олбанъ напрасно старается отвлечь его отъ этого намѣренія — всѣ ея старанія тщетны. Послѣ сцены съ мнимымъ отцомъ, самой комической въ цѣлой пьесѣ, потому-что старый слуга ни за что не соглашается принять на себя званіе родителя Изё,—является де-Нуармонъ, признается, что все это была одна шутка, что онъ хотѣлъ съиграть комедію, и пьеса оканчивается свадьбою молодыхъ людей.

La Chaine Electrique (Электрическая Цѣпь), *комедія въ двухъ дѣйствіяхъ* гг. Габріеля и Фредерика Тома.

Въ 1778 году Парижъ, Версаль и весь дворъ были очарованы знаменитымъ Месмеромъ; онъ до того обольстилъ всѣхъ своимъ ученіемъ, что Академія Наукъ и Медицинскій Факультетъ почли своею обязанностію вмѣшаться въ это дѣло. Ученый шарлатанъ, какъ называли его тогда академики, принужденный оставить Францію, уѣхалъ оттуда, однакоже не съ пустыми руками: если вѣрить запискамъ того времени, онъ вывезъ съ собою 400,000 ливровъ, собранныхъ его знаменитыми адептами.

Маркизъ де-Бопенсонъ принадлежалъ къ ревностнѣйшимъ поклонникамъ животнаго магнетизма. Жизнь этого достойнаго дворянина была посвящена двумъ занятіямъ, равно ему любезнымъ: утро проводилъ онъ у великаго Месмера, а вечеръ за кулисами Оперы, посреди богинь танцевъ, такъ что умъ его былъ преданъ магнетизму, а сердце нимфамъ кордебалета, хотя судьба надѣлила его такою женою, которая могла бы заставить быть вѣрнымъ всякаго мужа. Но маркизъ не дорожилъ сокровищемъ, котораго былъ обладателемъ: мамзель Корина, первая танцовщица Королевской Академіи Музыки (такъ, бывало, титуловалась нынѣшняя Большая Опера), преслѣдуемая маркизомъ, почти обѣщала ему свиданіе. Если у ней во время балета будетъ въ рукахъ зеленый посохъ, то это знакъ, что она соглашается ужинать съ маркизомъ, если же посохъ будетъ желтый, то она

отказывается. Маркиза узнаётъ объ этомъ условіи отъ своего кузена, молодаго гвардейца, который съ своей стороны влюбленъ въ милую кузину. Надобно во что бы то ни стало удержать маркиза дома, потому-что бѣдная жена не очень надѣется на твердость танцовщицы. И такъ, маркиза прикидывается больною, падаетъ въ обморокъ; гвардейцу поручается ѣхать въ Оперу и узнать какого цвѣта будетъ посохъ. Оправившись отъ обморока и оставшись одна съ мужемъ, маркиза старается занять его. — Вѣрите ли вы магнетизму? спрашиваетъ она его: — вѣрите ли вы ему такъ, какъ вѣритъ моя бабушка, которая утверждаетъ, что между мужьями и ихъ женами существуетъ электрическое сочувствіе, дѣлающее между ними все общимъ, даже и тогда, когда они бываютъ далеко другъ отъ друга: то, что чувствуетъ одинъ, чувствуетъ и другой, что дѣлаетъ одинъ, въ ту же минуту то же начинаетъ дѣлать и другой? — Маркизъ не очень вѣритъ этой фантасмагоріи; маркиза видитъ необходимость удалить его на время изъ Парижа и уговариваетъ ѣхать въ Нормандію. Присутствіе маркиза тамъ необходимо по случаю одного важнаго процесса, который производится въ Руанскомъ Парламентѣ. Бопенсонъ колеблется. Пріѣзжаетъ гвардеецъ. — Желтый! говоритъ онъ громко: — зеленый! шепчетъ на ухо маркизѣ. Отчаянный маркизъ отправляется въ Руанъ, оставляя въ Парижѣ маркизу и кузена ея, гвардейца.

Маркизъ останавливается въ Руанѣ у родственника своего, г. Патюреля, совѣтника парламента; но г-жа Патюрель такъ хороша собою, что, увидѣвъ ее, вѣтренный Бопенсонъ забываетъ и жену свою и даже Корину. Дѣла идутъ скоро и хорошо. Г-жа Патюрель любитъ пококетничать и охотно слушаетъ всякія нѣжности. Вчера, во время игры въ трик-тракъ, ей тихонько сжали маленькую, хорошенькую ножку, сегодня похитили у ея роскошной таліи розу, и наконецъ добилась даже свиданія. Но вотъ электрическое сочувствіе начинаетъ дѣйствовать. Гвардеецъ въ Парижѣ также пожалъ ножку, отнялъ розу и добился свиданія. Все это узнаётся въ Руанѣ чрезъ письмо маркизы. И такъ электрическое сочувствіе не мечта: «Месмеръ подлинно великій человѣкъ, и я, поклонникъ его, дѣлаюсь его жертвою!» говоритъ самъ себѣ маркизъ. Онъ не можетъ однакоже рѣшится отказаться отъ свиданія, — идетъ; но какое мученіе! какое ужасное положеніе! онъ у ногъ совѣтницы — и трепещетъ; онъ цалуетъ хорошенькую ручку — и холодная дрожь разливается по его жиламъ; наконецъ камеристка вбѣгаетъ, объявляя о возвращеніи г. Патюреля. — Не помѣшали ли также и гвардейцу? восклицаетъ маркизъ, и ему становится почти дурно отъ волненія и радости. Маленькая, пухленькая ручка возвращаетъ его къ жизни — ручка эта принадлежитъ маркизѣ, которая, будучи старинною подругой по пансіону съ совѣтницей, пріѣхала изъ предосторожности въ Руанъ для того, чтобъ соединить оба конца элекрической цѣпи. Множество смѣшныхъ, истинно-комическихъ сценъ упрочили успѣхъ этой пьесы, хотя въ ней видна еще неопытность молодаго автора, Фредерика Тома, обѣщающаго со временемъ въ себѣ хорошаго драматическаго писателя.

Un Bas bleu (Синій Чулокъ) *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, гг. Фердинанда Ланглѐ и Вильнёва.

Мамзель Атенаисъ Камузѐ, получившая небольшое наслѣдство, заводитъ магазинъ и рѣшается отказаться навсегда отъ замужства, чтобъ наслаждаться полною свободой. Ее мучитъ жажда авторства; она предается ему со всѣмъ увлеченіемъ своего сердца, пренебрегая заботами домашними, и поступаетъ наконецъ въ число членовъ клуба женщинъ-писательницъ. Но у ней есть обожатель Полидоръ, который хочетъ во что бы ни стало излечить её отъ авторства. Онъ пере-

дѣвается въ платье фермера, который заставляетъ Атенаису подписать какой-то разорительный контрактъ; потомъ является въ видѣ г-жи Пазифе̇, президентши клуба, и говоритъ ужаснѣйшій вздоръ; наконецъ, превратясь въ студента-буяна, преслѣдуетъ бѣдную Атенаису. Она видитъ необходимость найдти человѣка, который могъ бы служить ей защитникомъ. Полидоръ только этого и ждалъ: онъ открываетъ любовь свою модисткѣ, женится на ней, и въ немъ узнаетъ она и фермера, и президентшу, и студента-буяна. Фарсъ этотъ довольно-забавенъ; очевидно, онъ написанъ для того, чтобъ заставить актёра переодѣваться нѣсколько разъ и выказать разносторонность своего таланта.

La Tante mal gardée (Тетушка подъ плохимъ надзоромъ), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, г. Баяра.

У г. Бурвре̇ля есть старый, богатый дядя, котораго онъ единственный наслѣдникъ, и котораго смерти онъ, какъ достойный племянникъ, ожидаетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Но дядя себѣ-на-умѣ; не смотря на свои 60 лѣтъ, онъ женится на молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ, и блѣдный Бурвре̇ль начинаетъ трепетать за свое наслѣдство, утѣшая себя впрочемъ мыслію, что дядя его уже препорядочно старъ. Главное состоитъ въ томъ, чтобъ помѣшать молоденькой, хорошенькой тетушкѣ дарить старику наслѣдника, и вотъ Бувре̇ль дѣлается самымъ вѣрнымъ, самымъ неутомимымъ аргусомъ, стерегущимъ добродѣтель тетки; онъ отстраняетъ всѣхъ ея обожателей и старается даже возбудить въ дядѣ ревнивыя подозрѣнія; но старикъ такъ увѣренъ въ своей дражайшей половинѣ, что смѣется надъ опасеніями племянника, который между тѣмъ еще неусыпнѣе въ своемъ надзорѣ. Наконецъ, у него есть чѣмъ убѣдить дядю: онъ засталъ одного молодаго человѣка, г. Леопольда, у ногъ молоденькой тетушки, слышалъ такія слова, которыя не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія объ опасности, ему угрожающей, и онъ бѣжитъ къ старику объявить обо всемъ. Добрый старичокъ встревожился не на шутку; но Леопольдъ, чтобъ отклонить всякое подозрѣніе, женится на молоденькой дѣвушкѣ, которую Бувре̇ль прочилъ себѣ въ невѣсты. Несчастный теряетъ жену, но по-крайней-мѣрѣ ему остается надежда сохранить наслѣдство, и онъ снова начинаетъ сторожить свою тетушку и мѣшать ей въ ея любовныхъ шашняхъ. Г. Баяръ, написавшій такъ много хорошенькихъ пьесъ, могъ бы оставить въ своемъ портфе̇лѣ эту тетушку, и никто бы ничего не проигралъ отъ этого.

Eugénie la Lingère (Швея), *драма-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ*.

Если до-сихъ-поръ кто-нибудь думалъ, что ремесло швеи подавляетъ въ молодыхъ дѣвушкахъ всякое нѣжное чувство, тотъ можетъ убѣдиться въ противномъ, прочитавъ эту драму. Мало того: онъ увидитъ, что за прилавкомъ модныхъ парижскихъ магазиновъ скрываются всѣ добродѣтели, и что тамъ можно часто найдти невѣстъ, у которыхъ оказывается приданаго до 500,000 франковъ годоваго дохода. Удивительный городъ Парижъ!

Le Maréchal de Montluc (Маршалъ Монлюкъ), *драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ*, г. Мари Лафонъ.

Маршалъ Монлюкъ знаменитъ въ исторіи фанатизмомъ своимъ противъ гугенотовъ. Онъ обнаружилъ столько жестокости въ войнахъ религіозныхъ, что это обстоятельство пріобрѣло ему милости Катерины-Медичи. Брантомъ, котораго нельзя назвать историкомъ чувствительнымъ, называетъ маршала Монлюка *жестокимъ человѣкомъ*. На старости Монлюкъ написалъ исторію своей жизни и составилъ описаніе своихъ походовъ; книгу эту Генрихъ IV

называлъ «Библіею солдатскою». Монлюкъ говоритъ въ ней о себѣ съ такою же похвалою, съ какою графъ де-Гормасъ разсказываетъ свои подвиги дону Діего. Въ ней онъ отбросилъ въ сторону маску скромности... Кстати о маскѣ, здѣсь будетъ не лишнимъ замѣтить, что маршалъ Монлюкъ былъ принужденъ носить маску, будучи раненъ въ обѣ щеки при осадѣ замка Табештейна, въ 1550 году.

Вотъ человѣкъ, котораго г. Мари Лафонъ вывелъ на сцену. Дѣйствіе происходитъ въ Тулузѣ; маршалъ поддерживаетъ королеву Катерину-Медичи противъ парламента. Капитулы, вооружась закономъ видятъ въ Катеринѣ королеву конституціонную, что очень не нравится властолюбивой государынѣ. Она утѣшаетъ себя только нѣжною привязанностію къ молодому оруженосцу Гастону. Но Катерина такъ же несчастлива въ любви, какъ и въ политикѣ: Гастонъ влюбленъ въ молодую фрейлину королевы, Анну Флеменсъ. Въ минуту увлеченія, Катерина открываетъ Гастону заговоръ, приготовленный къ дню св. Варѳоломея. Гастонъ въ свою очередь повѣряетъ это своей любовницѣ. и королева подслушиваетъ ихъ разговоръ; при этомъ она узнаётъ, что Гастонъ, обращенный соперникомъ Монлюка, д'Обиньè, принялъ законъ реформатскій.

Съ этой минуты гибель Гастона рѣшена. Королева обращается къ Монлюку, который во всякомъ другомъ случаѣ былъ бы готовъ служить орудіемъ къ мщенію. Но Гастонъ его побочный сынъ; мать его сошла съ ума, и Монлюкъ отказывается умертвить Гастона. Королева принуждена притворствовать; она дѣлаетъ видъ, будто соглашается на бракъ Гастона и Анны; но въ ту самую минуту, когда они готовятся отправиться въ Ларошель, въ сопровожденіи д'Обиньè, она возбуждаетъ Монлюка противъ его стариннаго врага, и убійцы, подкупленные отцомъ на гибель его соперника, умерщвляютъ его сына.

Les trois Fils (Три сына), *комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ*.

Пьеса эта упала съ перваго представленія; шумъ въ театрѣ былъ такъ великъ, что актёръ, вышедшій возвѣстить имя автора, долженъ былъ удалиться, не назвавъ его. Содержаніе комедіи состоитъ въ томъ, что одинъ отецъ, имѣвшій трехъ сыновей, выгналъ изъ своего дома одного изъ нихъ за то, что тотъ любилъ шампанское, карты и женщинъ; братья его также не отказывались отъ этихъ трехъ вещей, но умѣли притворяться и остались дома. Въ-послѣдствіи, этотъ блудный сынъ остепенился и взялъ къ себѣ отца своего, котораго въ свою очередь выгнали другіе два его сына. Изъ всего этого слѣдуетъ, что можно быть порядочнымъ человѣкомъ, любя вышереченныя три вещи:—выводъ, можетъ-быть, не совсѣмъ-невѣрный.

Le Duc d'Olonne (Герцогъ д'Олоннъ), комическая опера; слова Скриба, музыка Обера.

Герцогъ д'Олоннъ, знатный испанскій вельможа, преданъ тайно Филиппу V, который идетъ завоевать Испанію посредствомъ французской арміи, предводительствуемой герцогомъ Вандомомъ. Герцогъ д'Олоннъ, бывшій на сторонѣ Испанцевъ, готовъ оставить ихъ и перейдти съ полкомъ къ Филиппу V. Намѣреніе его открыто; Вандомъ знаетъ это и спѣшитъ предупредить герцога д'Олонна объ опасности, которая угрожаетъ ему; онъ поручаетъ это кавалеру Бильярдуэну, котораго герцогъ д'Олоннъ зналъ въ Парижѣ. Кавалеръ, по милости герцога, въ одинъ и тотъ же день лишился своего состоянія, былъ раненъ на поединкѣ и разссорился съ своею любовницей. Это такія услуги, которыя не забываются, и потому-то кавалеръ преданъ герцогу душой и тѣломъ. Шатаясь по большимъ дорогамъ Испаніи, кавалеръ Вильярдуэнъ, измученный усталостью, былъ возвращенъ къ жизни стаканомъ воды, поданнымъ ему молодою дѣвуш-

кой, которой образъ глубоко врѣзался въ его сердце.

Все это только введеніе; но вотъ начинается интрига. Герцогъ д'Олоннъ, предупрежденный Вильярдуэномъ, рѣшается передаться явно Филиппу и соединиться съ Вандомомъ; но онъ обладаетъ огромнымъ богатствомъ и хочетъ спасти свои помѣстья отъ конфискаціи. Какъ же это сдѣлать? Онъ придумываетъ совершенно особый къ тому способъ: женюсь, — думаетъ онъ, — и переведу все свое имѣніе на имя жены. Извѣстно, что этотъ способъ удается не въ одной Франціи... Но какую жену выбрать? Боже мой! Первую, какая попадется... Герцогъ слышитъ случайно о дочери одного храбраго сержанта и посылаетъ за нею. Хорошенькую Бьянку не прельщаетъ титло герцогини; она любитъ... кого бы вы думали? Кавалера де Вильярдуэна! — Однакоже она должна покориться своей участи и сдѣлаться женою герцога. Является Бьянка подъ длиннымъ покрываломъ, и герцогъ, — замѣтьте какая странность — не полюбопытствовалъ даже посмотрѣть, какова собою та, которой онъ даетъ свое имя. Онъ рѣшается приподнять покрывало Бьянки только въ ту минуту, когда долженъ разстаться съ нею; но ему не достаетъ времени взглянуть на нее: его арестовываютъ и заключаютъ въ темницу по повелѣнію герцога австрійскаго.

Бьянка спасается бѣгствомъ изъ замка своего супруга подъ одеждою молодаго монаха и попадается въ руки кавалера Вильярдуэна, который узнаётъ въ ней дѣвушку, подавшую ему стаканъ воды. Но герцогъ д'Олоннъ, котораго показали мертвымъ, является и разстроиваетъ всѣ мечты ихъ. Онъ, не зная, что Бьянка жена его, въ свою очередь влюбляется въ нее. Но вотъ всѣ эти персонажи собираются ко двору Филиппа V; королева полюбила Бьянку и назначила ее своею камерера-мàйоръ. Герцогъ, супругъ ея, который не узнаетъ Бьянки, и Вильярдуэнъ, пожалованные въ гранды, ухаживаютъ за нею. Герцогъ д'Олоннъ, желая побѣдить своего соперника, предлагаетъ Бьянкѣ свою руку и свои богатства, а чтобъ не сдѣлаться двоеженцемъ, онъ, по просьбѣ Бьянки, успѣваетъ уговорить папу расторгнуть бракъ его; папа соглашается съ условіемъ, чтобъ и жена герцога также изъявила на то свое согласіе; Бьянка только этого и ожидала; она подписываетъ свое согласіе и, сдѣлавшись свободною, выходитъ за Вильярдуэна; герцогъ тогда только узнаётъ, что она была та самая женщина, съ которою онъ вѣнчался; но дѣло кончено, и онъ не можетъ уже поправить того, что самъ надѣлалъ. — Музыка этой оперы, написанная Оберомъ, прекрасна и напоминаетъ собою лучшія созданія этого знаменитаго композитора.

L'Oncle Baptiste, *водевиль въ одномъ дѣйствіи* г. Сувестра, — не отличается ничѣмъ особенно-замѣчательнымъ; онъ, какъ говорится, дюжинный водевиль и держится на сценѣ только неподражаемою игрою славнаго Буффе; читатели простятъ насъ, если мы не станемъ имъ разсказывать содержаніе этой пьесы, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ поговорить довольно-подробно о новой драмѣ Александра Дюма. Слушайте! слушайте! Драма называется «Лоренцино» —

Lorenzino. — Флоренція долго была обуреваема смутами и революціями. Въ-продолженіи 194 лѣтъ Медичи три раза были изгоняемы изъ этого города и три раза возвращаемы въ него съ бо́льшею властію, чѣмъ прежде. Флоренція была безпрестанно въ воинственномъ положеніи; почти каждый день на улицахъ ея происходили битвы, лавки запирались; потомъ каждый изъ Флорентинцевъ начиналъ выглядывать въ окно, и видя, что гроза миновалась, принимался съ безпечностью за свои обыкновенныя занятія. Другое бѣдствіе, къ которому Флорентинцы не были такъ равнодушны, опустошало городъ: моровая язва похищала жертвы тысячами, зачумленные кварталы оцѣплялись со

всѣхъ сторонъ, и никто изъ жителей не выходилъ на улицу безъ предохранительныхъ лепешечекъ... Проповѣдники публично предсказывали кончину міра и поражали отчаяніемъ всѣ сердца; прибавьте къ этому голодъ, и вы будете имѣть понятіе о сладостной жизни, которую вели нѣкогда люди на очаровательныхъ берегахъ Арно, такъ воспѣваемыхъ поэтами.

Когда измѣнникъ Малатеста продалъ папѣ Флоренцію, которую защищалъ самъ Микель-Анджело, укрѣпивъ гору Миньятъ,—Медичи были снова возстановлены. Герцогъ Александръ, племянникъ папы, былъ объявленъ самовластнымъ правителемъ, и Флоренція стала оплакивать свою утраченную свободу. Герцогъ уничтожилъ званіе гонфалоньера, главнаго начальника республики, а вмѣстѣ съ нимъ уничтоженъ и совѣтъ патриціевъ, высшее правительственное мѣсто, существовавшее во Флоренціи въ-продолженіи трехъ вѣковъ, и шестьнадцать гонфалоньеровъ, предводительствовавшихъ военными силами республики и защищавшихъ всегда независимость города. Флорентинцы жаловались императору, который не внялъ ихъ просьбамъ и утвердилъ власть герцога Александра, отдавъ ему руку побочной дочери своей, Маргариты Онъ самъ прибылъ во Флоренцію, чтобъ утвердить на престолѣ своего зятя, вопреки партіи, извѣстной подъ именемъ *изгнанниковъ*.

Въ числѣ этихъ изгнанниковъ были Филиппъ-Строцци и сынъ его, Петръ, сдѣлавшіеся врагами родственника своего, герцога Александра, не столько изъ любви къ независимости отечества, сколько изъ личныхъ видовъ и по фамильнымъ распрямъ. Луиза Строцци, супруга Каппони, одна изъ прекраснѣйшихъ женщинъ Флоренціи, была оскорблена Сальвіати, придворнымъ герцога. Сальвіати, атакованный братьями Луизы и тяжело раненый, требовалъ у герцога мщенія, и Строцци, нанеся жестокія обиды своимъ судьямъ, бѣжали изъ Флоренціи. Одинъ молодой человѣкъ, принадлежавшій также къ семейству Медичи, по имени Лоранъ, старинный другъ фамиліи Строцци, передался герцогу Александру и былъ почитаемъ своими прежними друзьями за измѣнника. Исполнитель прихотей герцога и старый товарищъ всѣхъ его оргій, онъ занималъ при дворѣ самое постыдное мѣсто. Лоранъ, изгнанный изъ Рима папою Климентомъ VIII за искаженіе древнихъ статуй, укрылся во Флоренціи. О немъ сужденія были различны: одни называли его *Лоренцино*, почитая его человѣкомъ малодушнымъ, мелочнымъ, скупымъ, — другіе *Лоренцакіо*, подозрѣвая въ немъ человѣка, способнаго на дѣла великія, не смотря на его безпечность и вѣтренность. По ихъ мнѣнію, Лоранъ или Лаврентій Медичи носилъ личину, подъ которою и скрывался.

Бенвенуто Челлини, знаменитый скульпторъ, говоритъ въ своихъ запискахъ, что, будучи однажды во дворцѣ герцога Александра и разсуждая о медали, которую намѣревался выбить въ честь этого государя, онъ шутя попросилъ Лоренцино подать ему совѣтъ, что выставить на оборотѣ портрета герцога. «О! воскликнулъ Лоренцино съ странною улыбкой: — я дамъ этой медали такой реверсъ, который удивитъ весь міръ!»—Герцогъ Александръ, бывшій тутъ же, началъ смѣяться надъ этими словами, которыя приписывалъ врожденному фанфаронству Лоренцино, тогда какъ Лоренцино давно уже замышлялъ его погибель. Герцогъ, недовѣрчивый ко всѣмъ, носившій всегда подъ одеждой панцырь, довѣрялъ только одному Лоренцино и, не смотря на всѣ предостереженія, не могъ думать, чтобъ товарищъ его буйныхъ удовольствій могъ скрывать въ головѣ своей злые замыслы. За то никогда заговоръ не былъ веденъ съ такимъ искусствомъ, никогда ни одинъ человѣкъ не умѣлъ притвориться такъ, какъ притворялся Лаврентій Медичи.

Характеръ Лоренцино не могъ не остановить на себѣ вниманія господина Александра Дюма, который, посе-

живши во Флоренціи и встрѣчая на каждомъ шагу слѣды Медичи, избралъ одного изъ нихъ героемъ своей драмы. Это ужъ такъ заведено у г. Дюма: для того онъ и путешествуетъ, чтобъ собирать сюжеты.—При поднятіи занавѣса, какой-то человѣкъ стоитъ у лѣстницы: это служитель герцога, дожидающійся своего господина, Лоренцино. Герцогъ на любовномъ свиданіи; вскорѣ Лоренцино спускается съ лѣстницы; онъ держитъ въ рукахъ панцырь герцога и бросаетъ его въ колодезь. Спустя минуту, раздается звукъ шпагъ; два изгнанника, возвратившіеся тайно, нападаютъ на герцога. Герцогъ храбръ; онъ защищается и побѣждаетъ, проклиная Лоренцино, который покинулъ его въ минуту опасности. Филиппъ Строцци и шутъ Микелли являются на сцену послѣ ухода герцога и объясняютъ причину мщенія, которое привело сюда каждаго изъ нихъ: Строцци помнитъ еще обиду, нанесенную сестрѣ его Сальвіати, а Микелли ненавидитъ герцога за то, что онъ обезчестилъ его невѣсту Неллу, которая умерла потомъ въ монастырѣ. Лоренцино съ своей стороны отправился на свиданіе съ своею невѣстою, прекрасною дочерью Строцци. Изгнанникъ, увидѣвъ Лоренцино, вышедшаго изъ его дома ночью, останавливаетъ его и вызываетъ на поединокъ; но Лоренцино отказывается; тогда Строцци указываетъ шуту Микелли на своего трусливаго родственника, какъ на человѣка, который больше другихъ препятствуетъ возвращенію свободы Флоренціи, и какъ на товарища всѣхъ оргій герцога.

Лоренцино возвращается во дворецъ къ своей невѣстѣ, которая узнаётъ отъ него, куда удалился отецъ ея. Лоренцино приготовляетъ свой планъ. Герцогъ влюбленъ въ Луизу; Лоренцино заставитъ его арестовать Строцци, судить его и даровать ему пощаду только по просьбѣ дочери. Лоренцино надѣется найдти между тѣмъ случай поразить герцога. Но вотъ является Микелли въ намѣреніи умертвить самого Лоренцино; это не удается ему; они объясняются, и Микелли предается совершенно тому, котораго за минуту хотѣлъ лишить жизни.

Строцци укрылся въ монастырь республиканца-монаха Леонардо. Дочь его является туда же; онъ проклинаетъ ее за любовь къ Лоренцино, который уже донесъ на него. Въ-самомъ-дѣлѣ, герцогъ Александръ самъ приходитъ въ монастырь, чтобъ схватить Строцци. Луиза бросается къ ногамъ его и молитъ пощадить отца; герцогъ говоритъ, что это зависитъ отъ нея и что Лоренцино объяснитъ ей, на какомъ условіи отецъ ея можетъ быть спасенъ. Лоренцино успокоиваетъ Луизу, и она совершенно ввѣряется ему.

Филиппъ Строцци, не столько довѣрчивый, какъ Луиза, вручаетъ ей ядъ, когда она приходитъ къ нему въ темницу.—«Имени Строцци угрожаетъ позоръ. говоритъ онъ:—обѣщай мнѣ принять этотъ ядъ, если честь твоя будетъ въ опасности!» Молодая дѣвушка даетъ клятву исполнить волю отца. Лоренцино въ свою очередь является въ ту же самую темницу, чтобъ исповѣдаться предъ Леонардомъ, и разсказываетъ ему о своемъ планѣ. Монахъ благословляетъ его и говоритъ, обращаясь къ узникамъ, которые хотятъ растерзать Лоренцино: «Оставьте его! Онъ великій человѣкъ и посрамитъ насъ всѣхъ!»

Наконецъ наступаетъ минута мщенія. Лоренцино вводитъ Луизу въ спальню герцога, гдѣ уже укрылся Микелли. Луиза, оставшись одна, думаетъ, что ее обманули: она слышитъ шаги герцога, и, помня клятву свою, выпиваетъ ядъ... Луиза ошиблась: то былъ не герцогъ, а Лоренцино, спѣшившій открыть ей все; но онъ пришелъ слишкомъ-поздно: смерть летаетъ уже надъ головою бѣдной дѣвушки, она вскорѣ умираетъ, и когда является герцогъ, то находитъ только одинъ холодный трупъ. Историческая катастрофа слѣдуетъ за появленіемъ герцога, и ею оканчивается драма.

Яды, кинжалы, поединки, обольщенія, чудовищныя оргіи—мотивы устарѣвшей теперь «юной литературы», собраны здѣсь вкупѣ. Г. Александръ Дюма едвали не единственный теперь во Франціи представитель «неистовой школы». А пора бы, казалось, образумиться!

Cedric le Norvégien (Норвежецъ Цедрикъ), драма *въ пяти дѣйствіяхъ*, г. Феликса Піата.

Этотъ Цедрикъ сначала невольникъ, потомъ шпіонъ,—*дѣлается властителемъ* и въ свою очередь окружаетъ себя невольниками, шпіонами и палачами. Подобно Мазаньелլу, онъ упивается до пресыщенія чувственными наслажденіями и, подобно ему, сходитъ наконецъ съ ума. Ко всему этому приклеена любовная интрига, развитая довольно-удачно. Но все это ужь старо и не возбуждаетъ интереса.

Gringalet fils de famille, *водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ*, гг. Дюмерсана и Дюпёти.

Эта пьеса—продолженіе забавнаго и извѣстнаго уже всѣмъ водевиля «Les Saltimbanques», съ которымъ, впрочемъ, не можетъ сравниться въ занимательности; это одинъ изъ самыхъ пошлыхъ фарсовъ, которые когда-либо являлись на сценѣ, и мы не считаемъ нужнымъ разсказывать его содержанія.

Mon Parrain de Pontoise (Кумъ изъ Понтуаза), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*.

Мосьё Бенуа, бывшій торговецъ хрусталёмъ, оставивъ торговлю, удалился въ Понтуазъ. Тамъ управляетъ имъ самовластно пожилая служанка мамзель Дусё, которой очень хочется сдѣлаться мадамъ Бенуа. Но вотъ является мамзель Роза, дочь стариннаго друга бѣднаго продавца хрусталя. Мамзель Дусё, предчувствуя, какъ опасно такое соперничество, старается вредить молодой дѣвушкѣ всѣми силами, сплетничаетъ, интригуетъ и вооружаетъ противъ нея цѣлый городъ; наконецъ добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказанъ, и слѣдовательно, вы сами догадаетесь, чѣмъ кончается этотъ скучный водевиль.

Les Circonstances atténuantes (Обстоятельства, смягчающія наказаніе), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, гг. Лафранка и Лабиша.

За одною хорошенькою вдовушкой, у которой 300,000 капитала, ухаживаютъ два обожателя; одинъ изъ нихъ, зная, что соперникъ его влюбленъ не столько во вдовушку, сколько въ ея деньги, крадетъ эти 300,000; соперникъ его отступается отъ вдовушки; начинается процессъ, и вдовушка узнаётъ въ ворѣ своего обожателя; къ дѣлу приплетаютъ «смягчающія обстоятельства», воръ-любовникъ оправдался, и вдовушка отдаетъ ему свою руку, а онъ возвращаетъ ей деньги, и дѣлу конецъ.

Le Lazaret (Лазаретъ), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*.

Какой-то господинъ и жена его сидятъ въ марсельскомъ карантинѣ вмѣстѣ съ богатымъ Англичаниномъ, котораго преслѣдуютъ мысли совершенно-оригинальная: этотъ почтенный джентльменъ двадцать лѣтъ разъѣзжаетъ по свѣту для того, чтобъ найдти молодую и хорошенькую женщину, которая подарила бы его своею любовью и тутъ же бы лишила себя жизни. По мнѣнію чудака, это единственное средство, которымъ женщина можетъ избѣжать искушенія и не сдѣлаться невѣрною. Супруга вышереченнаго господина дѣлается предметомъ исканій Англичанина; но она, готовая на первый пунктъ условія, чувствуетъ отвращеніе ко второму и отвергаетъ любовь джентльмена. Мужъ, подслушавшій весь разговоръ изъ-за огромнаго тюка шерсти, вылѣзаетъ оттуда восхищенный добродѣтелью жены своей. Но этотъ тюкъ только вчера сгруженъ

съ корабля, пришедшаго изъ Египта, страны знаменитой чумою и «восточнымъ вопросомъ». Несчастный мужъ долженъ пробыть въ карантинѣ еще полный срокъ; это чрезвычайно не нравится его дрожайшей половинѣ—Англичанинъ является къ ней на помощь: онъ остается вмѣсто ея мужа и тѣмъ охотнѣе, что въ карантинъ прибыла цѣлая партія бедуиновъ и бедуинокъ, въ которыхъ онъ надѣется найдти наконецъ жену отъискиваемую имъ такъ долго. Водевиль очень забавенъ.

Le mari malgré lui (Мужъ по неволѣ), *комедія въ одномъ дѣйствіи*, Проспера Пуатвена.

Представьте себѣ двухъ храбрыхъ ветерановъ великой арміи, капитана и сержанта, которые, соединивъ свои пансіоны, свои воспоминанія, свои ревматизмы и свои раны, живутъ тихо и спокойно, какъ вдругъ любовь нарушаетъ сладость такого счастливаго состоянія. Капитанъ получаетъ совсѣмъ - неожиданно наслѣдство въ 40,000 франковъ! Еслибъ Наполеонъ былъ еще на Островѣ Св. Елены, они вооружили бы корабль, чтобъ похитить императора изъ рукъ мучителей его, Англичанъ; но маленькій капралъ почиваетъ спокойно подъ сводами Инвалиднаго Дома,—и такъ, капитанъ, отъ нечего-дѣлать бросаетъ взоры на одну хорошенькую, молоденькую дѣвушку, которой мать не совсѣмъ-равнодушна къ его сержанту. Онъ разсказываетъ красавицѣ про свои походы; но въ этомъ отношеніи онъ не такъ счастливъ, какъ Оттело, плѣнившій подобными разсказами Дездемону. Молоденькая слушательница любитъ уже одного прекраснаго ремесленника, который не можетъ жениться на ней, потому-что бѣденъ, а у ней нѣтъ приданаго. Вы вѣрно уже догадываетесь какое употребленіе сдѣлаетъ капитанъ изъ своихъ денегъ?.. Онъ откажется отъ своихъ надеждъ и соединитъ любовниковъ? Такъ точно.

Les mémoires du Diable (Записки Дьявола), *комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ*, гг. Араго и Вермона.

Баронъ де-Ронкроль, обладатель обширныхъ помѣстій, умираетъ скоропостижно, оставивъ жену и дочь, прекрасную Марію; родственники графа, желая воспользоваться наслѣдствомъ его, требуютъ отъ баронессы письменнаго документа, что она дѣйствительно жена барона; документа этого нѣтъ, и несчастная боронесса, вмѣстѣ съ дочерью, изгоняется изъ замка, который принадлежитъ ей по праву. Но вдругъ является какой-то человѣкъ, одѣтый въ черное платье и въ плащѣ, подбитомъ красною матеріею,—является къ баронессѣ и обѣщаетъ возвратить ей всѣ ея богатства съ тѣмъ условіемъ, чтобъ она отдала ему свою дочь. Мать отказывается, но Марія соглашается, и уговоръ подписанъ. Незнакомецъ, обѣщавъ сдержать свое слово, отдаетъ Маріи бумаги и исчезаетъ. Марія развертываетъ бумаги и видитъ слѣдующее заглавіе: *Записки Дьявола*!!

Въ этихъ запискахъ приведены разныя тайныя обстоятельства о родственникахъ барона; обнаруженіе этихъ тайнъ неминуемо погубитъ ихъ и незнакомецъ пользуется этимъ, чтобъ заставить ихъ признать боронессу законною женою барона и возвратить ей ея наслѣдіе. Всѣ принимаютъ незнакомца за чорта, но онъ нечто иное, какъ бѣдный писецъ въ нотаріальной конторѣ, который, случайно узнавъ о тайныхъ преступленіяхъ родственниковъ барона, желаетъ защитить его вдову и дочь, которую онъ любитъ. Исполнивъ свое желаніе, онъ видитъ какое разстояніе отдѣляетъ его отъ знатной дѣвушки и великодушно отказывается отъ руки, на которую имѣлъ право по условію; но Марія въ свою очередь не принимаетъ этой жертвы и дѣлается счастливою женою счастливаго молодаго человѣка.

Этотъ водевиль чрезвычайно-интересенъ своими подробностями и искус-

ствомъ, съ какимъ ведена вся интрига. Онъ имѣлъ огромный успѣхъ.

Quand on n'a rien à faire (Отъ нѣчего-дѣлать), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ* и *Les noces de Jocrisse* (Свадьба Жокриса), *тоже водевиль*. Вотъ двѣ піесы совершенно противоположныя другъ другу; первая, писанная съ большими претензіями на остроуміе, спутана до невѣроятности: вторая, составленная кое какъ, забавна и смѣшна какъ всѣ Жокрисы, взятые вмѣстѣ; мы не хотимъ наскучить читателямъ, разсказывая имъ содержаніе скучной пьесы, и не разсказываемъ содержанія забавной, по весьма уважительной причинѣ:—въ ней нѣтъ никакого содержанія.

Les ressources de Quinola, *пьеса въ пяти дѣйствіяхъ*, г-на Бальзака!..

Бальзакъ, великій Бальзакъ, этотъ геній, котораго даже трость сдѣлалась извѣстна цѣлому міру, — Бальзакъ, не испугавшійся паденія своего «Вотрена», отошедшаго въ вѣчность прямо съ досокъ сцены театра Porte st. Martin,— Бальзакъ, котораго, по словамъ одного глубокомысленнаго московскаго путешественника, Москва учитъ наизусть и ждетъ къ себѣ нетерпѣливо, съ колѣнопреклоненіемъ,—Бальзакъ, господинъ де-Бальзакъ написалъ новую драму и отдалъ ее на театръ Одеонъ. Но, увы! и эта сцена была также скольска для его новаго героя, какъ и та, на которую онъ выпустилъ своего «Вотрена». Новый герой господина де-Бальзака упалъ, и такъ неловко, что вѣрно ужь никогда не подымется на ноги... Да! не везётъ счастье господину де-Бальзаку! Пора ему изъ Парижа поскорѣе въ Москву!..

Но вотъ его новая драма. Альфонсъ Фонтанаресъ, еще во времена Филиппа II, хотѣлъ подарить Испаніи и своему вѣку великую тайну паровъ; но Фонтанаресъ, какъ всѣ геніи, бѣденъ, и надежды его существованія основаны на нѣкоемъ Киполѣ, отъявленномъ плутѣ и мошенникѣ, который принимаетъ на себя званіе слуги Альфонса и разными происками успѣваетъ прокрасться къ королю; онъ объявляетъ ему, что господинъ его изобрѣлъ средство двигать кораблемъ безъ парусовъ и веселъ; Филиппъ посылаетъ Альфонса въ Барцеллону построить такой корабль; тамъ Альфонсъ влюбляется въ молодую вдову, которая, чтобъ помочь ему привести въ исполненіе его предпріятіе, отдаетъ ему свои брильянты; Альфонса обвиняютъ, будто-бы онъ укралъ брильянты; но Марія признается, что она его любовница и сама отдала ему брильянты; онъ спасенъ,—но вотъ бѣда: какая-то барцеллонская прелестница въ свою очередь влюбляется въ Альфонса и, желая привлечь его къ себѣ, интригуетъ противъ него для того, чтобъ привести его въ отчаянное положеніе и потомъ явиться ему на помощь подобно генію хранителю Къ довершенію несчастія, Альфонсу даютъ, для исполненія возложеннаго на него порученія, товарища, который присвоиваетъ себѣ всю славу примѣненія силы паровъ. Альфонсъ, видя это, взрываетъ корабль, имъ между-тѣмъ построенный, и такимъ образомъ міръ лишается важнаго изобрѣтенія, которое въ-послѣдствіи должно было сдѣлать такой важный переворотъ въ дѣлахъ міра сего.

И только, и больше ничего! Скучно, длинно, тяжело—*шесть* безконечныхъ актовъ... Восплачьте, всѣ нѣжныя сердца, рыдающія, по увѣренію означеннаго русскаго путешественника, надъ романами творца «Шагреновой Кожи»: вѣтренные, непостоянные, зловредные Французы *освистали* великаго господина де-Бальзака!..

—

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ «Revue des deux Mondes» помѣщена интересная статья: «Souvenirs de la jeunesse de Napoleon». —Въ ней, между прочимъ, сказано, что въ бумагахъ покойнаго кардинала Феша найдена толстая связка рукописей, состоящая изъ 38 тетрадей, содержащихъ въ себѣ собственноручныя выписки Наполеона изъ разныхъ литературныхъ твореній древнихъ и новыхъ писателей, историческія изъисканія о Геродотѣ, Страбонѣ, Діодорѣ, о Франціи и галликанской церкви, объ Англіи, Германіи, Китаѣ, Индіи и о царствѣ халифовъ, разсужденія о государственномъ хозяйствѣ и юстиціи по Филанджери, Мабли, Неккеру, Смиту, съ множествомъ критическихъ замѣчаній и біографическихъ извѣстій. Все это писано рукою Наполеона отъ 1786 по 1793 годъ, запечатано и во время консульства адрессовано Фешу съ надписью: «A remettre au cardinal Foch seul». —Между означенными бумагами находится также тетрадь подъ заглавіемъ: «Epoques de ma vie», патентъ на капитанскій чинъ, подписанный Лудовикомъ XVI, пожалованный Бонапарту 30 августа 1792 года, документъ о пожалованномъ ему пансіонѣ въ 1791 году, и о томъ, какъ Бонапарте былъ отставленъ отъ службы за какое-то упущеніе при военномъ парадѣ. Тутъ же: переписка его съ Паоли, Дюпюи, Саличетти, Лажардомъ, исторія Корсики, почерпнутая изъ вѣрныхъ источниковъ, въ письмахъ къ Рейналю, въ трехъ толстыхъ тетрадяхъ, хотя писанная не самимъ Наполеономъ, но имъ собственноручно исправленная и снабженная разными примѣчаніями; —восточная повѣсть «Маска пророка»; краткое разсужденіе о законной королевской власти; разговоръ о любви; опровержение теоріи Ж. Ж. Руссо о натуральномъ состояніи человѣка; прибавленіе къ извѣстному «Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité de l'homme»; при концѣ каждой главы этого сочиненія отмѣчено рукою Наполеона: «Je ne crois pas cela!» Je ne crois rien de tout cela!»; наконецъ неконченное сочиненіе о географіи, которое заключается слѣдующими словами: «Saint-Heléne, petite île». Короче сказать, теперь отъискана въ Парижѣ достовѣрная исторія юности Наполеона, если эта исторія не сфабрикована по примѣру многихъ мемуаровъ великихъ людей Франціи.

— Невозможно исчислить въ точности всѣ новые журналы, которые узрѣли свѣтъ Божій въ Парижѣ въ теченіе 1841 года и скончались въ концѣ этого же самого года. Какое счастіе родиться Французомъ! Онъ съ самой колыбели окруженъ толпами журналистовъ, которые стараются исполнять малѣйшія его прихоти и желанія: съ учтивою улыбкою на лицѣ, редакторы подносятъ ему почти каждый день новую программу журнала, и представляютъ огромный бѣлый листъ подписки, на которомъ еще не красуется имени ни одного подписчика. У кого есть дѣти, и чадолюбивый отецъ желаетъ обучить ихъ геологіи и миеологіи, римской исторіи и ботаникѣ, алгебрѣ и геометріи, ему вовсе не нужно заботиться посылать дѣтей въ школу: это довольно-дорого. Экономный родитель подпишется на журналъ: «Instruction sans maître» — 6 франковъ въ годъ, —и дѣти его какъ-разъ сдѣлаются профессорами и энциклопедистами. Кто любитъ проповѣди, тотъ пусть подпишется на «Echo de la Chaire», а кто охотникъ до лошадей, тотъ пусть возьметъ журналъ: «Avenir des Haras», стоящій 20 франковъ въ годъ. Нѣкоторые изъ новыхъ журналовъ такъ были обольстительны для публики, что, право, надобно имѣть желѣзное сердце, чтобъ не подписаться на нихъ; на-примѣръ: «La Charité», стоявшій 10 франковъ въ годъ, «la Fraternité», только 3 франка. —Не упоминаемъ объ «Unité», о «Panthéon de la jeune France», ни о «Succès», который издавался вовсе

безъ успѣха; ни о «Tisiphone», «Vampire», «Acyle» и прочихъ, которые, проживъ на свѣтѣ мѣсяца два, скончались вмалѣ. Журналъ «la Reforme» издалъ великолѣпную прогмамму, поймалъ на литтературную удочку сотни двѣ подписчиковъ, но самъ не явился въ публику, извиняясь тѣмъ, что для успѣха его нужно по-крайней-мѣрѣ 200,000 подписчиковъ!! За нимъ явились также литературныя эфемеры: «Glaneuses», «Eclaireurs», «Ermites» и «Curedent» — зубочистка, которая разносилась по домамъ во время обѣда. Еще должно упомянуть о «Journal de tous les ménages», издававшемся для всѣхъ добрыхъ хозяекъ, и о «Messager des Mariages», который получали даромъ всѣ женихи и невѣсты. Потомъ явился какой-то журнальный протей съ огромнымъ заглавіемъ: «Humanité, Liberté, Civilisation, Paix générale, Revue orientale, Maintien de l'Equilibre Européen» и пр.; другой «l'Echo des Neothermes», издаваемый тремя больными при смерти; больные редакторы однакоже выздоровѣли, а журналъ ихъ умеръ. Журналъ «Folie» издавали трое сумасшедшихъ въ Шарантонѣ. «Mercure des Demoiselles», устыдился видно своего названія и вскорѣ превратился въ «Revue des Demoiselles». Журналы: «Bas bleu» и «Gant jaune» умерли въ своей колыбели. Нынѣшній годъ въ парижской журналистикѣ также очень плодовитъ; редакторы разныхъ закоулочныхъ листковъ поднимаются на всѣ возможныя штуки, чтобъ поддѣть публику; пуфамъ и шарлатанству нѣтъ конца.

— Извѣстно, что французское правительство подвергло недавно чувствительной пени и заключенію въ тюрьму нѣсколькихъ типографщиковъ за напечатаніе въ ихъ типографіяхъ нѣкоторыхъ газетныхъ статей, вредныхъ для блага и безопасности Франціи. Многіе парижскіе содержатели типографій подали противъ этого протестъ, въ которомъ ясно доказали, что имъ невозможно знать, какія журнальныя статьи выходятъ изъ-подъ станковъ ихъ типографій. Всякій знаетъ, что политическіе листы газетъ большею частію составляются ночью, т. е. отъ девяти часовъ вечера до полуночи, а часто и позднѣе. Въ-теченіе ночи набирается нумеръ газеты, прочитывается корректура и производится печатаніе ея въ числѣ нѣсколькихъ тысячь экземпляровъ. Редакція наполняетъ сперва свой листъ газеты замѣтками и выписками изъ другихъ журналовъ, выходящихъ наканунѣ вечеромъ; капитальныя же политическія статьи поступаютъ въ типографію весьма поздно, особенно тѣ, въ которыхъ заключаются отвѣты на статьи вечернихъ журналовъ. Статья разрѣзывается на нѣсколько лоскутковъ, чтобъ ее могли набирать вдругъ многіе наборщики, которые, набирая статью въ разницу, разумѣется, не могутъ знать, что въ ней заключается. По окончаніи набора въ упомянутыхъ лоскуткахъ, статья переходитъ къ нѣсколькимъ корректорамъ, которые поступаютъ съ нею такъ же, какъ наборщики, и слѣдовательно каждый изъ нихъ не можетъ знать полнаго ея содержанія. Потомъ приводятся въ порядокъ всѣ набранные клочки, и если каждый изъ нихъ находится въ своемъ мѣстѣ, то наборный листъ журнала готовъ и поспѣшно поступаетъ въ механическій печатный станъ. Отпечатанные экземпляры въ ту же минуту отдаются работникамъ, которые укладываютъ ихъ въ пачки и немедленно отдаютъ въ руки газетныхъ разнощиковъ. Все это производится въ нѣсколько часовъ; каждый занимается своею работою безъ малѣйшей потери времени, и думать тутъ некогда. Въ Парижѣ нѣсколько такихъ типографщиковъ, у которыхъ каждый день печатается отъ 8 до 10 политическихъ газетъ и журналовъ; слѣдовательно, имъ нѣтъ никакой возможности знать, какого содержанія ніи статьи выходятъ изъ-подъ ихъ прессовъ.

— Герцогъ Евгеній виртембергскій написалъ музыку къ оперѣ: die

Geisterbraut, сюжетъ которой взятъ изъ извѣстной баллады Бюргера «Леонора». Эту пьесу играли въ первый разъ въ Бреславлѣ, и публика приняла ее съ восторгомъ.

— Въ мюнхенскихъ газетахъ разсказываютъ слѣдующее: «Въ основанномъ на счетъ баварскаго короля заводѣ для живописи на стеклѣ въ подражаніе живописи среднихъ вѣковъ, архитекторъ фонъ Кленце, заказалъ огромную стеклянную картину для главнаго алтарнаго окна въ Исакіевскій Соборъ, въ Петербургѣ. Эта картина, въ 30 футовъ вышиною, будетъ представлять Воскресеніе Христа Спасителя, окруженнаго сіяніемъ. Баварцы говорятъ, что такое произведеніе искусства превзойдетъ все, чтó доньнѣ могла произвесть гіалографика.

— Баварскій король заказалъ написать огромную картину: «Разореніе Іерусалима Императоромъ Титомъ» извѣстному живописцу Каульбаху. За этотъ трудъ обѣщано художнику 35,000 флориновъ.

— Дюссельдорфское общество любителей живописи сдѣлало проектъ, чтобъ скупить до ста лучшихъ картинъ всѣхъ новыхъ школъ Европы, писанныхъ извѣстнѣйшими художниками. Общество намѣрено показывать эту коллекцію во всѣхъ столицахъ и значительныхъ городахъ Европы, чтобъ публика могла видѣть въ одномъ мѣстѣ всѣ лучшія произведенія современныхъ художниковъ, и короче ознакомиться съ разными школами живописи. Отъ души желаемъ, чтобъ это общеполезное предпріятіе приведено было въ исполненіе.

— 7 марта (н. ст.), въ семь часовъ вечера, умеръ спокойно и безъ страданій одинъ изъ немногихъ оставшихся ветерановъ Гёттингенскаго Университета, свидѣтелей его высшаго процвѣтанія, *Арнольдъ-Германнъ-Людвигъ Гееренъ*, командоръ ордена Гвельфовъ, шведскаго Сѣверной Звѣзды и кавалеръ французскаго ордена Почетнаго Легіона. 25 октября прошлаго года вступилъ онъ въ 82-ой годъ своей жизни, и 55 лѣтъ былъ преподавателемъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Онъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ читалъ лекціи всеобщей исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что у Геерена, Блуменбаха и Гуго самое большое число учениковъ изъ всѣхъ странъ Германіи и во всѣхъ классахъ общества: короли, князья, графы и дворяне, обитатели всѣхъ пяти частей свѣта, стекались въ Гёттингенъ въ цвѣтущее время тамошняго университета. . . Гееренъ родился 25 октября 1760 года въ Арбергенѣ, близь Бремена; съ 1787 года занималъ должность экстраординарнаго, съ 1794 ординарнаго профессора философіи, а съ 1801 номинальнаго профессора исторіи. Заслуги его по успѣхамъ исторіи неоспоримы, но несомнѣнно и то, что онъ не былъ историкомъ, какого требуетъ теперь нашъ вѣкъ. У насъ онъ извѣстенъ какъ по переводамъ нѣкоторыхъ его сочиненій, такъ и потому-что употребительнѣйшіе курсы всеобщей исторіи составлены у насъ по его «руководствамъ» (Handbuch). Гееренъ былъ членомъ почти всѣхъ ученыхъ академій и обществъ, какія только есть въ свѣтѣ. Добродушіе и кротость отличали его въ частной жизни, и многіе были съ смертью его лишились своего благодѣтеля. Гееренъ умеръ бездѣтенъ.

— Мы говорили уже, что между жертвами, павшими 2 ноября 1841 года въ Кабулѣ отъ народной ярости, былъ знаменитый *Александръ Борнсъ*, кому географія обязана такъ много и который первый обозрѣлъ свѣтлымъ взглядомъ Афганистанъ, гдѣ ему суждено было найдти смерть. Борнсъ былъ не старѣе лорда Байрона. Онъ родился въ Монтрозѣ, въ Шотландіи, 16 мая 1805 года. Пробывъ до шестнадцатилѣтняго возраста въ училищѣ, онъ вступилъ въ военную службу и въ званіи кадета былъ причисленъ къ одному изъ стоящихъ въ Остиндіи полковъ. 31 октября 1821 года пріѣхалъ онъ въ Бомбей. Вскорѣ ок-

залось, что молодой офицеръ сдѣлалъ большіе успѣхи въ индусскомъ и персидскомъ языкахъ; онъ былъ опредѣленъ переводчикомъ въ Суратѣ, но въ августѣ 1826 года прикомандированъ къ штабу генерал-квартирмейстера въ провинціи Кочь, гдѣ прослужилъ нѣсколько лѣтъ. Онъ много занимался географіею и исторіею этой страны, и съ этою цѣлью посѣтилъ восточное устье Инда. Командиръ бомбайскаго отряда оказывалъ ему при этомъ всевозможныя пособія и поощрялъ его продолжать изслѣдованія о столь важной для Англіи границѣ, какова граница Сѣверозападной Индіи. Это заставило Борнса предложить добровольно, въ 1829 году. свои услуги для путешествія по пустынѣ между британскою Индіею и Индомъ, и потомъ вдоль этой рѣки до моря. Сэръ Джонъ Малькольмъ, извѣстный своими заслугами по географіи и литературѣ Азіи, съ радостію принялъ предложеніе и перевелъ поручика Борнса въ отрядъ офицеровъ, назначенныхъ къ употребленію по особеннымъ политическимъ дѣламъ, почитая нужнымъ доставить ему, посредствомъ политическаго званія, вліяніе у чужеземныхъ государей. Въ 1830 году отправился Борнсъ съ поручикомъ Голландомъ; но едва достигли они Дшалсулмина, ихъ нагналъ курьеръ генерал-губернатора съ предписаніемъ немедленно воротиться назадъ, потому-что тогда не находили выгоды возбудить такимъ путешествіемъ, имѣвшимъ цѣлію дальнѣйшее изслѣдованіе обозрѣваемыхъ земель, опасенія и подозрѣніе владѣтелей Синда и нѣкоторыхъ другихъ владѣній. Такимъ образомъ рушились надежды Борнса, но онъ былъ вполнѣ вознагражденъ въ слѣдующемъ году, когда присылка подарка отъ англійскаго короля, —подарка, состоявшаго въ отличныхъ лошадяхъ и назначеннаго для махараджи Ренджит-Синга, доставила молодому офицеру возможность испытать свои силы. По рекомендаціи Малькольма, Борнсу поручено было провести лошадей до Лагора. Путешествіе отъ Мандеви въ провинціи Кутшъ черезъ Гайдерабадъ въ Лагоръ продолжалось отъ 1 января до 18 іюля 1831 года. Вездѣ, по дорогѣ, Борнсъ составлялъ карты и планы. Изъ Лагора онъ отправился чрезъ Сутледжъ въ Лудіану, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ Шудша-уль-Мулькомъ, бывшимъ тогда британскимъ гостемъ и пенсіонеромъ. Въ декабрѣ 1831 г. былъ онъ въ Дели, гдѣ представили его великому моголу, производившему свой родъ отъ Тимура въ 15-ой степени. Большое путешествіе свое въ Среднюю Азію, по порученію индо-британскаго правительства, предпринялъ Борнсъ 2 октября 1832 г.; онъ самъ описалъ это путешествіе, и его сочиненіе сдѣлалось главнымъ источникомъ всѣхъ донесеній о состояніи Афганистана. Въ концѣ описанія говоритъ онъ: « Не умѣю выразить чувствъ, пробудившихся во мнѣ, при вступленіи на индійскую землю. Когда я отправлялся, передъ моими глазами лежало все, что̀ изъ древняго и новаго времени могло привлекать и воспламенять воображеніе — Бактрія, Трансоксіана, Скиѳія, Парѳія, Хорасанъ, Иранъ. Теперь мы посѣтили всѣ эти страны; прошли большую часть пути, по которому Александръ шелъ въ Индію съ своими Македонянами; мы обозрѣли царства Пора и Тарила, ѣздили по Гидаспу, переходили через индійскій Кавказъ и останавливались въ Балхѣ, откуда нѣкогда государи греческаго происхожденія, далеко отъ академій Аѳинъ и Коринѳа, распространяли познаніе исторіи, наукъ и искусствъ. Мы проходили по сценамъ войнъ Александра, вторженій Чингисхана и Тимура, и очутились на дорогѣ, по которой шли Македоняне, преслѣдуя Дарія.» Въ іюлѣ 1833 года Борнсъ отправился изъ Калькутты въ Лондонъ, гдѣ приняли его съ большою почестью. 30 декабря онъ представлялся королю. Моррей издалъ его путешествіе: оно разошлось въ невѣроятномъ числѣ экзем-

пляровъ. Въ *одинъ* день было продано 900. Борнсъ получилъ за первое изданіе 800 фунт. стерл. (20,000 р. ас.) Сочиненіе его было переведено на всѣ европейскіе языки. Борнсъ пробылъ въ Англіи полтора года; потомъ снова отправился въ Бомбай, произведенъ въ генерал-лейтенанты и въ послѣднее время на мѣсто Макнагтена поступилъ политическимъ резидентомъ при дворѣ шаха Шуджи въ Кабулѣ, съ жалованьемъ въ 5000 фунт. стерл. (125,000 руб. асс.). 2 ноября 1841 года онъ убитъ тамъ вмѣстѣ съ 9-ю другими офицерами, между которыми находился и братъ его. Но это еще до-сихъ-поръ. извѣстно не оффиціально. Точнѣйшихъ свѣдѣній должно ожидать съ ближайшею почтою. изъ Индіи. Въ письмѣ изъ Бомбая сказано только: «Борнсъ палъ при самомъ началѣ возмущенія, когда садился на лошадь; онъ былъ застрѣленъ Армяниномъ, бывшемъ у него прежде въ услуженіи.»

— Французскій путешественникъ *Жоржъ Фланденъ*, посѣщающій въ настоящее время Персію и намѣревающійся обозрѣть развалины Персеполиса, напечаталъ опять въ французскихъ журналахъ нѣсколько чрезвычайно-любопытныхъ писемъ о Персіи. Представляемъ нашимъ читателямъ нѣсколько отрывковъ изъ нихъ. — Чѣмъ болѣе путешественникъ приближается къ срединѣ Персіи, тѣмъ печальнѣе становится страна. Нигдѣ, не исключая и Персію, сколько онъ видѣлъ ее, нѣтъ дороги ужаснѣе той, которая ведетъ изъ Тегерана въ Буширъ. Только кое-гдѣ встрѣчаются печальныя лачужки, окруженныя небольшими клочками обработанной почвы. Цѣлые дни ѣдешь по неизмѣримымъ пустынямъ, или покрытымъ волчцами степямъ, по которымъ перебѣгаютъ пугливыя газели, единственныя живыя существа, здѣсь встрѣчаемыя. Утомительная дорога, ведущая въ Шеразъ, вьется у подошвы горъ, въ безпорядкѣ взгроможденныхъ однѣ на другія и въ недоступныхъ скатахъ тянущихся до Индійскаго Океана. Характеръ ихъ—дикость и печальная пустынность; лишь изрѣдка представляются живописные виды. Путешественникъ не находитъ здѣсь ничего; онъ долженъ все везти съ собою, ибо лѣтомъ ручьи высыхаютъ, а въ цистернахъ только иловатая, вонючая масса. Даже каравансараи, эти безцѣнныя убѣжища для путешественниковъ, полуразрушены, потому-что ни правительство, ни народъ не заботится о нихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ не останется и слѣда ихъ существованія. А между-тѣмъ, дорога изъ Бушира въ Тегеранъ должна бы служить главною артеріею, по которой сообщается жизнь сердцу Персіи, потому-что она—настоящій торговый путь между Индіей и Сѣверомъ. Не смотря на это, въ Персіи нѣтъ хуже дороги.—Путешественникъ расположился на отдыхъ у развалинъ, находящихся въ странѣ Моргаба. Какъ остатки древности, онѣ не имѣютъ никакой значительности. Одни почитаютъ ихъ развалинами Пасаргады, между-тѣмъ, какъ другіе полагаютъ послѣдніе на 60 миль далѣе во внутренности Фарса. Остатки стѣнъ, находящіеся на возвышенности земли, можно почесть за развалины крѣпостцы или храма. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ нихъ, въ пустынной равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, возвышаются высокіе столбы, на которыхъ находятся клинообразныя надписи; наконецъ исполинскій надгробный памятникъ, сооруженный изъ огромныхъ камней и снабженный небольшою дверью, чрезъ которую входятъ въ келлью, гдѣ правовѣрные совершаютъ обыкновенно свои молитвы, потому-что эта гробница, называемая Мадеръ-и-Сулейманъ, священна для Персіянъ. Нѣкоторые археологи признаютъ его могилою сына Камбиза. — Проведши здѣсь два дня надъ изученіемъ мѣстности и посѣтивъ развалины города Истахра, путешественникъ отправился къ знаменитымъ гробницамъ въ Гебр-Кабрестанѣ, извѣстнымъ подъ назва-

ніемъ Накши-Рустамъ, и прозваннымъ такъ по баснословному персидскому герою Рустаму, уничтожавшему однимъ ударомъ тысячу Татаръ, завоевывавшему безъ всякой посторонней помощи города и убивавшему драконовъ и бѣлыхъ дьяволовъ, dives-seffid. Фланденъ утверждаетъ, однакожъ, что изображенія на гробницахъ не относятся къ этому герою; онъ скорѣе находитъ въ нихъ нѣсколько воспоминаній о государяхъ сассанидскихъ, между прочимъ о Чапурѣ, побѣдителѣ Грековъ, умоляющихъ его о пощадѣ. — Здѣсь пробылъ онъ 13 дней, рисовалъ, производилъ разрытія и открылъ доселѣ неизвѣстную картину. Отсюда поѣхалъ онъ въ Персеполисъ, находящійся въ полуторѣ милѣ южнѣе и скоро увидѣлъ 15 колоннъ. Позолоченныя переднія стороны ихъ подобно зеркаламъ отражали лучи заходящаго солнца. Ночь уже наступила, когда путешественникъ очутился посреди этихъ остатковъ блеска древнихъ царей. Полетъ ночныхъ птицъ и боязливые шаги шакаловъ, оставлявшихъ свои логовища, едва прерывали всеобщее безмолвіе; время, уединеніе, все способствовало къ тому, чтобъ придать этому мѣсту печальный и важный видъ. Впрочемъ, развалины Персеполиса описаны уже подробнѣе, нежели въ письмѣ Фландена, ограничивающагося только отдѣльными, хоть и любопытными замѣтками. Путешественникъ вѣрно сберегъ основательнѣйшія наблюденія свои для обширнѣйшаго труда, который, отъ рисунковъ его, пріобрѣтетъ еще болѣе цѣнности. Многія колонны показались путешественнику похожими на книги, въ которыя, въ Швейцаріи, проѣзжающіе записываютъ свои имена. Каждый англійскій туристъ, посѣщавшій эти мѣста, начерталъ на нихъ свое имя. Имена Малькольма, написавшаго исторію Персіи, Узлея и Моріера, автора «Хаджи-Бабы»—замѣчательнѣйшія между ними. Французскихъ именъ мало; нѣтъ даже именъ Шардена и Тевено; зато виконтъ Дарю и маркизъ Бофоръ, посѣщавшіе Персеполисъ нѣсколькими мѣсяцами раньше Фландена, обезсмертили себя на этихъ колоннахъ. На всѣхъ персеполисскихъ барельефахъ физіономія людей показываютъ чрезвычайное сходство съ физіономіями нынѣшнихъ Персіянъ, особенно съ уроженцами провинціи Фарсъ. Думали, что эти барельефы, подобно колоннамъ, были покрыты позолотой и живописью; но Фланденъ приписываетъ источникъ этого ложнаго мнѣнія какому-то роду глазури и камню, разлагающемуся на солнцѣ, и надѣется, по возвращеніи во Францію, убѣдить ученыхъ земляковъ своихъ въ ихъ ошибкѣ. Предшественники Фландена здѣсь, какъ и въ Нахти-Рустамѣ, забывали освобождать совершенно отъ земли барельефы и производить разрытія. Фланденъ сдѣлалъ это, и такимъ образомъ пріобрѣлъ возможность придать въ своихъ рисункахъ фигурамъ, изображаемымъ до него только вполовину,—ноги и руки. Это послужило ему не только къ усовершенствованію своихъ рисунковъ, но и доставило возможность узнать древнее искусство ваянія во всей его чистотѣ и цѣнности, ибо части, очищенныя имъ отъ земли, совершенно цѣлы и сохранились хорошо, между-тѣмъ, какъ все, предоставленное воздуху и грубости разныхъ завоевателей, искажено болѣе или менѣе.

— Г. Рауль Рошель читалъ въ Парижской Академіи Художествъ обозрѣніе разныхъ предметовъ и вещей, которые въ послѣднее время выкопаны были въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій. —Въ 1841 году найдено было тамъ въ подземныхъ развалинахъ множество древнихъ греческихъ монетъ. Раскапываніе помпейскихъ древностей и понынѣ продолжается, но интереснаго досихъ-поръ найдено немного. Въ амфитеатрѣ Пуццоли, который отрывается по повелѣнію короля, надѣются найдти богатую добычу для антикваріевъ. Полагаютъ, что скоро будетъ откопанъ весь амфитеатръ, красивѣйшій и величайшій памятникъ древняго зодчества

въ Италіи. Неаполитанскій музей отъ этихъ поисковъ еще болѣе обогатится древностями.

— Библіотекари Казанской библіотеки гг. Мансель, Лефлаге и Требюссенъ нашли въ старыхъ кипахъ писанныхъ бумагъ, которыя правительство назначило продать лавочникамъ на-вѣсъ, много любопытныхъ рукописей нигдѣ прежде ненапечатанныхъ, патера Андрѐ, автора книги: *Essai sur le beau*; весьма интересную переписку Фонтенеля съ Мальбраншемъ; корреспонденцію патера Андрѐ съ патеромъ Гардуэномъ, Парѐ и Дютертромъ, которая была причиною, что патера Андрѐ іезуиты заключили въ Бастилію; наконецъ, собственно-ручный манускриптъ аббата Сен-Пьерра, автора книги: «Projet de paix perpetuelle». — Гг. Мансель и Лефлаге намѣрены въ скоромъ времени напечатать всѣ означенныя рукописи.

— Въ алжирскихъ владѣніяхъ Франціи, въ два года построенъ новый городъ *Филиппвиль*, названный такъ въ честь короля Лудовика-Филиппа. Въ этомъ городѣ считается нынѣ 400 домовъ и 6000 жителей. Въ прошедшемъ году привезено изъ Франціи въ Филиппвиль разныхъ товаровъ на 15 мильйоновъ франковъ.

— Общество нравственныхъ наукъ и искуствъ въ Парижѣ объявило, что наградитъ того золотою медалью въ 300 франковъ, кто пришлетъ ему удовлетворительный отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: «какое обогащеніе или ущербъ получилъ французскій языкъ со временъ Монтаня до Шатобріана?» —Всѣ отвѣты должны быть адресованы къ секретарю общества, г. Бальзаку.

— Датскій король приказалъ нарядить особую коммиссію для подробнаго разсмотрѣнія восточныхъ рукописей, числомъ 1100, хранящихся въ копенгагенской библіотекѣ. Его Величеству угодно, чтобъ члены коммиссіи сдѣлали всѣ нужныя и полезныя извлеченія и переводы изъ этихъ рукописей, если въ нихъ говорится о наукахъ или искусствахъ. Извлеченія и переводы будутъ напечатаны на казенный счетъ.

— Въ вѣнскихъ газетахъ напечатано слѣдующее интересное извѣстіе: «По случаю возникшаго ученаго спора между врачами, гомеопатами и аллопатами въ Берлинѣ, передаемъ здѣсь содержаніе собственноручнаго письма Е. В. короля прусскаго къ здѣшнему доктору Моренцеллеру, одному изъ первѣйшихъ защитниковъ новой школы:

«Чувствительно благодарю васъ за довѣріе, съ которымъ вы въ письмѣ своемъ отъ 14 октября прошлаго года поручили моей защитѣ гомеопатическій способъ леченія. Полагая значительное достоинство въ томъ, что столь важное дѣло поручено мнѣ мужемъ, который, подобно вамъ, ревностно слѣдовалъ правиламъ новой школы и съ успѣхомъ въ-теченіи почти цѣлой жизни повиновался ея предписаніямъ, я сдѣлаю все, что можетъ служить къ ея распространенію и дальнѣйшему развитію. Сумма, потребная на устроеніе гомеопатической больницы уже назначена мною изъ государственной казны, и я намѣренъ дозволять, съ нѣкоторыми условіями, гомеопатическимъ врачамъ приготовленіе и выдаваніе лекарствъ, хотя объ этомъ предметѣ мнѣнія еще различны».

— Въ «Revue des deux Mondes», напечатано слѣдующее извѣстіе: «Баронъ Дюпотѐ представилъ въ Парижскую Медицинскую Академію глухонѣмаго десятилѣтняго мальчика, котораго онъ совершенно вылечилъ отъ глухоты и нѣмоты магнетизмомъ. Академія нарядила особую коммиссію для изслѣдованія этой важной методы леченія въ подобныхъ случаяхъ. Между-тѣмъ Дюпотѐ еще вылечилъ совершенно-глухонѣмаго пяти-лѣтняго мальчика, который по свидѣтельству одного члена академіи, былъ глухъ и нѣмъ отъ самаго рожденія. Успѣхъ въ леченіи этого ребенка былъ просто чудомъ; при третьемъ разѣ магнетизированія, ребенокъ не только началъ слы-

шать каждое сказанное ему слово, но и самъ ясно повторялъ его. Этому чуду были мы сами свидѣтелями. Изъ представленныхъ академіи свидѣтельствъ, данныхъ барону Дюпотѐ извѣстными лицами Парижа видно, что этотъ врачъ совершенно вылечилъ отъ глухоты и нѣмоты девятнадцать человѣкъ.»

— Укушенный бѣшеною собакою выпилъ нечаянно въ припадкѣ сумашествія цѣлую бутылку крѣпкаго виннаго уксуса. Это средство помогло чуднымъ образомъ, и больной вскорѣ послѣ того совершенно выздоровѣлъ отъ водобоязни. Графъ Леознеа, падуанскій врачъ, прочитавъ разсказъ во французскихъ газетахъ, вздумалъ испытать силу уксуса надъ однимъ больнымъ тоже укушеннымъ бѣшеною собакою. Ему совершенно удалось вылечить своего паціента, у котораго болѣзнь оказалась въ самой сильной степени.

— Въ 36 нумерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года въ статьѣ «Островъ Чусанъ» г. Леонтьевскій вскользь упоминаетъ объ одномъ предметѣ, весьма интересномъ для естественной исторіи. Это — свѣдѣніе о *водяномъ лапушникѣ*, о которомъ до сего времени ни одинъ естествоиспытатель не упоминалъ еще. Желательно, чтобъ г. Леонтьевскій сдѣлалъ и напечаталъ сколько-можно-подробное описаніе этому новому растенію. С. М. *(Сообщено)*.

—

— Машина для печатнаго набора теперь уже не задача. Гг. Юнгъ и Делакомбръ, въ Лондонѣ, выдумали клавикорды, которыхъ замысловатый механизмъ замѣняетъ работу нѣсколькихъ прилежныхъ наборщиковъ. Доказательствомъ несомнѣнной пользы этого изобрѣтенія служитъ то, что теперь этою машиною набирается нѣсколько газетъ въ Лондонѣ. «London Phalanx», отъ 18 декабря, набранъ по этой методѣ, и содержитъ въ себѣ описаніе новаго способа набора: «Нашъ журналъ (говоритъ редакторъ «Phalanx») первый употребилъ въ дѣло новую машину, и теперь нѣтъ сомнѣнія, что она произведетъ большой переворотъ въ типографскомъ искусствѣ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ и упражненій, съ этою машиною такъ легко можно управляться, что она можетъ даже сдѣлаться кабинетною мёбелью всякаго писателя. Даже дамы могутъ сѣсть за эту машину, какъ за фортепьяно, и играть на ней: мысли и чувства ихъ тотчасъ превратятся въ металлическій наборъ, которымъ послѣ печатайте хоть тысячи экземпляровъ. Каждое прикосновеніе къ клавишѣ поднимаетъ букву, которая становится въ рядъ съ другими: изъ этого образуются слова, рѣчи и цѣлыя страницы. Все это производится съ такою точностію и такъ же скоро, какъ скоро можно выговорить цѣлое слово. Новая метода набора не только будетъ стоить гораздо-дешевле, но и сбережетъ много времени въ типографской работѣ.

— Г. Роттермундъ, въ Брюсселѣ, изобрѣлъ новое средство — весьма важное для типографскаго дѣла — смывать печатныя формы безъ помощи щетки. Знающіе хорошо типографское искусство увѣряютъ, что употребленіе щолоку и щотокъ для чистки формъ дѣлаетъ негоднымъ къ употребленію по-крайней-мѣрѣ одну треть шрифта. Изобрѣтеніе Роттермунда не только сберегаетъ шрифтъ, ибо онъ, вмѣсто двухъ лѣтъ, можетъ быть въ употребленіи десять, но и самый щолокъ, который можетъ быть въ дѣлѣ отъ трехъ до четырехъ разъ, и время. На очищеніе формъ требуется по новой методѣ до пяти минутъ, а по старой по-крайней-мѣрѣ полчаса. Сколько намъ извѣстно, это новое изобрѣтеніе состоитъ въ томъ, что вмѣсто щотокъ для смыванія типографскихъ формъ употребляется сприцъ (водяной насосъ).

— Г. Леньель, извѣстный во Франціи многими изобрѣтеніями, клонящимися къ улучшенію сельскаго хозяйства

и Мальпейръ, искусный технологъ, дѣлали недавно слѣдующіе опыты надъ гидравлическимъ прессомъ. Извѣстно, что гидравлическій прессъ съ пользою употребляется для упаковки тюковъ хлопчатой бумаги и другихъ товаровъ, которые занимаютъ много мѣста, для перемѣщенія огромныхъ тяжестей, для поднятія ихъ, для разбиванія крѣпкихъ каменныхъ матеріаловъ, и проч. Англичане въ испанской войнѣ употребляли весьма-выгодно гидравлическій прессъ для сжиманія сѣна, что̀ въ военное время доставляетъ важныя выгоды при продовольствіи арміи. Г. Леньель приноровилъ теперь гидравлическій прессъ для сжиманія свѣжаго печенаго хлѣба, который, будучи въ такомъ видѣ высушенъ, сохраняется на долгое время безъ малѣйшей порчи. Изобрѣтатель думаетъ, очень-справедливо, что свѣжій хлѣбъ, положенный подъ прессъ, не только уменьшаетъ свой объемъ въ нѣсколько разъ, но и дѣлается въ то же время совершенно-сухимъ. Въ такомъ состояніи его должно лишь сберегать отъ насѣкомыхъ, отъ пыли и сырости. Только опыты по этому предмету могутъ показать достоинство изобрѣтенія. Г. Леньель при помощи Мальпейра дѣлалъ ихъ удачно, и теперь нѣтъ сомнѣнія, что приспособленіе гидравлическаго пресса для сжиманія хлѣба рано или поздно будетъ имѣть результатомъ важныя выгоды. Гг. Леньель и Мальпейръ взяли въ булочной печеные наканунѣ вечеромъ свѣжіе хлѣбы, и положили ихъ между двумя досками подъ гидравлическій прессъ. Эти хлѣбы, имѣвшіе въ толщину отъ 8 до 10 сантиметровъ, черезъ нѣсколько минутъ уменьшились въ своемъ объемѣ до 12 и 15 миллиметровъ, и вынуты были изъ-подъ пресса безъ малѣйшей порчи. Изслѣдованіе этого опыта показало на дѣлѣ слѣдующее: 1) Прессованный хлѣбъ уменьшается какъ въ формѣ, такъ и въ объемѣ; онъ дѣлается гораздо-компактнѣе; корка его остается въ своемъ видѣ, но мякишь получаетъ на взглядъ нѣкоторую стекловидность. 2) Вынутый изъ пресса хлѣбъ дѣлается немного-сыроватымъ, но сырость эта испаряется весьма-скоро и чрезъ нѣсколько часовъ вовсе исчезаетъ; потомъ еще черезъ три, четыре часа хлѣбъ такъ засыхаетъ и становится такъ крѣпокъ, что походитъ на камень. 3) Въ этомъ состояніи, хлѣбъ вовсе не подверженъ порчѣ; онъ не можетъ отсырѣть, скиснуть, заплѣсневѣть:—г. Леньель сберегъ въ теченіе цѣлаго года такой хлѣбъ, и представилъ его на разсмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ, которая нашла, что хлѣбъ совершенно сохранился. 4) Прессованный хлѣбъ дѣлается черезъ нѣсколько времени столь крѣпкимъ, что его надобно разбивать молоткомъ, какъ камень. Если прессованный хлѣбъ обмокнуть въ какую-нибудь жидкость, особенно горячую, то онъ вскорѣ размякнетъ и прійметъ прежній свой объемъ и форму. 5) Такой высушенный хлѣбъ, послѣ размягченный въ горячей водѣ, не потерялъ нисколько своего прежняго вкуса, запаха, свѣжести, — его можно такъ же употреблять въ пищу, какъ самый свѣжій печеный хлѣбъ, и разница между тѣмъ и другимъ почти нечувствительна для вкуса. Излишне было бы говорить, что гидравлическій прессъ гг. Леньеля и Малпейра можетъ оказать важную услугу въ снабженіи хлѣбомъ арміи, флотовъ, крѣпостей, для перевозки его въ отдаленныя мѣста, гдѣ случится неурожай и голодъ,—для путешественниковъ, которые проѣзжаютъ безплодныя пустыни, степи, и проч. Такимъ же образомъ посредствомъ гидравлическаго пресса можно сохранять на долгое время картофель и зелень.

— Греческій врачъ Папандопуло Врато дѣлалъ многіе опыты надъ войлокомъ, который, по разсказу Гомера, употребляли герои Греціи и Трои въ битвахъ, вмѣсто нашихъ кирасъ. Плиній говоритъ, что подобный войлокъ состоялъ изъ валянаго льна, насыщеннаго поваренною солью. Врато, сходно описанію Плинія, приготовилъ такой войлокъ, который оказался весьма-прочнымъ и очень-способнымъ къ пре-

дохраненію солдатъ отъ пули, штыка и сабли непріятеля. Такой войлочный кирасъ названъ изобрѣтателемъ *pili-ma*, и представленъ на разсмотрѣніе Парижской Академіи Наукъ.

— Въ Лондонѣ недавно изобрѣтена каменотёсная машина, которая обрубаетъ и обдѣлываетъ гранитъ и другія крѣпкія породы камней гораздо лучше и скорѣе, чѣмъ дѣлаютъ это руки каменотесцевъ. Одна такая машина, стоящая 3000 талеровъ, замѣняетъ работу 250 человѣкъ, хотя дѣйствуетъ въ сутки только шесть часовъ.

— Прусскій король далъ порученіе знаменитому живописцу Корнеліусу сдѣлать рисунки для серебрянаго щита, который назначенъ въ подарокъ отъ короля Вильгельма IV новорожденному принцу валлійскому, въ память его крещенія. Этотъ массивный щитъ будетъ chef-d'oeuvre новѣйшаго рѣзнаго и рельефнаго искусства. На щитѣ будутъ представлены выпуклыя аллегорическія фигуры, означающія актъ св. крещенія.

— Въ разныхъ газетахъ было говорено, что дѣти и женщины сгарали въ постели отъ нечаянно-упавшей искры въ бѣлье, или отъ-того, что платье ихъ вдругъ воспламенялось отъ горящаго вблизи камина. Одинъ Англичанинъ, для предупрежденія подобныхъ случаевъ, совѣтуетъ употреблять самое вѣрное и безопасное средство, а именно: всякое выстиранное бѣлье и платье надобно выполоскать въ чистой водѣ, въ которой разведено нѣсколько селитры. Бѣлье, выполосканное въ селитряной водѣ, гораздо чище на видъ, и, что всего важнѣе, только тлѣетъ отъ огня, но не скоро воспламеняется.

— Часовой мастеръ Рабіель, въ Шалонѣ, получилъ привилегію на изобрѣтенные имъ часы, которые никогда не заводятся, потому-что боевое колесо само собою заводитъ ходъ ихъ. Механизмъ этихъ часовъ хоть и очень простъ, но составленъ замысловато, и часы, сдѣланные по методѣ Рабіеля, обходятся мастеру гораздо-дешевле обыкновенныхъ; слѣдовательно, они скоро войдутъ во всеобщее употребленіе, какъ по своей дешевизнѣ, такъ и по удобству.

— Въ Мюнхенѣ, извѣстному фотографу (свѣтописцу) Изенрингу очень удался опытъ въ расписываніи разными колерами дагерротипныхъ картинокъ. Дагерротипныя безцвѣтныя изображенія ни мало не портятся и ничего не теряютъ отъ накладыванія на нихъ разныхъ красокъ; напротивъ, колерный грунтъ сообщаетъ болѣе прочности и крѣпости подобнымъ картинкамъ. Расписанныя такимъ образомъ фотографическія картинки можно очень легко мыть теплою водою, отъ-чего онѣ не теряютъ ни своего глянца, ни ясности. Что же касается до красокъ, которыми должно покрывать дагерротипные виды, то въ этомъ отношеніи еще надо преодолѣть нѣсколько трудностей.

— Новая церковь св. Георгія въ Эвертонѣ, близь Ливерпуля, (мы уже упоминали о ней), какъ первая, сооруженная изъ чугуна въ Англіи, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Рамы оконныя и дверныя, перила, стропила, потолки, полы, украшенія — все вылито изъ желѣза. Церковь имѣетъ 119 футовъ въ длину и 47 въ ширину. Свѣтъ проникаетъ въ нее сквозь великолѣпное желѣзное окно съ расписными стеклами. Извѣстно, что десять лѣтъ уже, въ Англіи, въ большей части значительныхъ фабрикъ двери, лѣстницы, чердаки, трубы, окна и т. п. дѣлаются изъ чугуна. Въ Англіи, гдѣ желѣзо гораздо-дешевле дровъ, чугунные дома стоятъ гораздо менѣе. Притомъ они далеко оставляютъ за собою въ прочности и красотѣ деревянные. Однажды оконченныя, эти строенія не требуютъ уже никакихъ починокъ, а прелестнѣйшія, нѣжнѣйшія скульптурныя украшенія обходятся немногимъ дороже простаго чугуна.

— Постройка лондонскаго тоннеля подъ Темзою совершенно кончена; всѣ работы и матеріалы обошлись въ 445,270 фунт. стерл. (11 мильйоновъ

131,750 руб. асс.). Работы надъ тоннелемъ продолжались 18 лѣтъ, и въ теченіе этого времени лишились жизни при постройкѣ только 5 работниковъ.

— Г-нъ Дювріеръ, въ Марсели, изобрѣлъ новаго рода повозку, которая вмѣсто колесъ имѣетъ два пустые цилиндра. Говорятъ, что на такомъ экипажѣ весьма-удобно можно ѣздить по глубокому песку и по болотному грунту.

— Изъ Тулузы въ Бордо пріѣхала недавно карета, сдѣланная въ родѣ палатки изъ жести. Внутри ея устроена комната съ альковомъ и кроватью; четыре стула, коммодъ, карточный столъ составляютъ ея мёбель; а подъ низомъ экипажа находится погребокъ для винъ и провизіи. Карета имѣетъ восемь окошекъ съ занавѣсами.

—Въ Нью-Йоркѣ, Французъ по имени Гоновъ, изобрѣлъ новую систему телеграфофъ, и предложилъ ее на разсмотрѣніе сѣверо-американскому конгрессу. По системѣ Гонова можно сообщить телеграфическое извѣстіе изъ Новаго-Орлеана въ Вашингтонъ въ теченіе получаса.

—Въ саксонской «Ремесленной Газетѣ», полиція предостерегаетъ всѣхъ Нѣмцевъ, которые курятъ табакъ изъ фарфоровыхъ трубокъ, что нѣкоторыя трубки блѣдножелтоватаго фарфора, имѣющія свойство перемѣнять свой цвѣтъ отъ продолжительнаго куренія въ сѣровато-фіолетовый и въ мраморовидный, содержатъ въ составѣ своемъ мышьякъ и концентрированную соленую кислоту.

— Если случается на желѣзныхъ дорогахъ какое-нибудь несчастное происшествіе, вагоны раздавятъ или убьютъ двухъ-трехъ человѣкъ, — староверы тотчасъ завопятъ хоромъ: «Вотъ какой вредъ, отъ нововведеній! Посмотрите: тамъ лишились жизни полдюжины людей,—гдѣ можетъ-быть ихъ проѣхали милліоны здраво и невредимо.» Но вотъ перечень несчастій, случившихся въ Парижѣ отъ обыкновенныхъ экипажей, начиная съ 1834 года.

Въ 1834	ранено	154 челов.	убито	4.
— 1835	—	214	—	12
— 1836	—	220	—	5
— 1837	—	361	—	11
— 1838	—	366	—	10
— 1839	—	384	—	9
— 1840	—	397	—	14.

—Рыба, вынутая изъ воды, остается нѣсколько дней живою, если ее напоить водкой. Зимою можно также намочить въ простомъ винѣ или водкѣ кусочекъ хлѣба, всунуть его въ ротъ рыбѣ и потомъ закопать ее въ снѣгъ; если жь нѣтъ снѣгу, то обернуть сѣномъ или соломою Такимъ-образомъ рыба будетъ жива въ-продолженіи нѣсколькихъ дней. Лѣтомъ можно поить живую рыбу пивомъ или виноградньмъ виномъ, потомъ завернуть въ свѣжую трапку или мохъ, и облить пивомъ. Такимъ-образомъ можно продержать живыми въ теченіе 12—18 дней карповъ, щукъ, и другихъ имъ подобныхъ рыбъ. Подобная рыба, навзглядъ неподвижная и мертвая, въ-минуту оживаетъ если вынуть изъ рта ея кусочекъ хлѣба, обернуть ее въ мокрую трапку и потомъ пустить въ лохань, наполненную водою. Съ угремъ въ такомъ случаѣ поступаютъ гораздо проще:—его надобно только спрятать въ горшокъ, наполненный мокрою землею, или травою. Угря такимъ-образомъ можно сохранить живымъ цѣлый мѣсяцъ.

—

— Въ послѣднее время, въ Англіи были опять важныя совѣщанія касательно законовъ о хлѣбѣ. Между прочимъ шумно толковали объ этомъ въ Бирмингэмѣ, гдѣ присутствовавшіе въ собраніи фабриканты говорили о возбуждающемъ опасеніи прекращеніи вывоза нѣкоторыхъ товаровъ. Въ собраніи, бывшемъ въ сѣверо-англійскомъ городѣ Карлилѣ anti cornlaw-lecturer (противникъ закона о хлѣбѣ) г. Томсонъ сказалъ между прочимъ слѣдующее. «*Не подвергайтесь зависимости отъ иностранцевъ!* Это

любимая фраза нашихъ хлѣбныхъ монополистовъ и дѣлателей законовъ о хлѣбѣ. Мнѣ кажется, еслибъ эти господа хотѣли дѣйствовать сообразно съ симъ ученіемъ, проповѣдываемымъ ими, то они сами сдѣлались бы бѣдняками. Посѣтимъ человѣка, который проповѣдуетъ это правило, и посмотримъ, живетъ ли онъ сообразно съ этимъ правиломъ,—потому-что главное достоинство всякой проповѣди заключается въ ея практическомъ примѣненіи. Пойдемъ и отобѣдаемъ у него въ 7 часовъ вечера, когда онъ приходитъ изъ Верхняго Парламента, гдѣ только-что заставилъ умолкнуть лорда Раднора восклицаніемъ: «Не дѣлайте себя, при разрѣшеніи ввозить хлѣбъ, зависимыми отъ чужестранныхъ государствъ!» — восклицаніемъ, которое, разумѣется, награждается отъ торіевъ безконечнымъ «слушайте! слушайте!» У дверей его, которыя, можетъ-быть, отопретъ вамъ иностранный слуга *(смѣхъ)*, вы обтираете ноги объ русскую циновку... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!» Надъ головой вашей виситъ лампа, въ которой горитъ масло изъ полярнаго моря, и свѣтильня, свитая изъ американской хлопчатой бумаги... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!»—Вы всходите на лѣстницу и ступаете, въ гостиной, на турецкій коверъ... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!»—Милордъ встрѣчаетъ васъ, одѣтый къ обѣду. На немъ сюртучокъ по послѣдней парижской модѣ, изъ саксонскаго сукна, сшитый безсмертнымъ Штульцомъ; на груди булавка съ индійскимъ драгоцѣннымъ камнемъ, вправленнымъ въ мексиканское золото. Далѣе, чулки изъ китайскаго шолка, башмаки изъ кордуанской кожи, и прекрасные женевскіе часы, которые показываютъ ему, что вы пришли во-время. Теперь онъ представляетъ васъ миледи, своей супругѣ. Надъ бѣлымъ, умнымъ челомъ ея колышется страусовое перо (вѣдь страусовыя перья, ростутъ въ хвостахъ нашихъ индѣйскихъ пѣтуховъ въ деревняхъ!); лебединую шейку ея обхватываетъ нитка жемчуга цейлонскаго; на плечахъ брюссельскія кружева; рука играетъ испанскимъ вѣеромъ. Я могъ бы идти дальше и разсказывать вамъ о парижскихъ корсетахъ и другихъ свято-хранимыхъ въ тайнѣ вещахъ, съ именами которыхъ соединяются имена Парижа или другихъ иностранныхъ городовъ,—но не хочу. Отправимся теперь къ обѣду. Онъ поданъ на столѣ изъ вестиндскаго краснаго дерева; суповыя миски сдѣланы изъ мессинскаго фаянса; черепахи, изъ которыхъ сваренъ вкусный супъ, привезены изъ Камаиы — жаль, что на черепахъ нѣтъ пошлины! — Почти отъ всѣхъ блюдъ раздается запахъ иностранныхъ пряностей, и французскій поваръ приготовилъ зелень; вкусный языкъ этотъ — оленій, вепровая голова съ отрѣзкомъ лимона во рту—изъ Германіи; всѣ превосходныя вина не англійскія — Боже упаси! — иностранныя. Теперь дессертъ: оливы съ Ливана, винныя ягоды изъ Турціи, изюмъ съ Малаги, финики изъ Сиріи или Билед-ульджерида, яблоки изъ Нью-Йорка, виноградъ изъ Португаліи, инбирный компотъ съ Ямайки, орѣхи изъ Италіи; гранатовыя яблоки изъ Египта, сливы изъ Франціи, апельсины изъ Лиссабона... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!»—Послѣ дессерта отправляемся къ дамамъ. Дочь играетъ на вѣнскомъ флигелѣ и поетъ по-итальянски, что Итальянецъ, впрочемъ, почелъ бы за англійское: она брала уроки у пріѣзжаго маестро; воспитанію ея придали окончательный лоскъ за границей. и въ заключеніе она выходитъ, можетъ-быть, за иностраннаго графа — Венгерца или Поляка... «Не подвергайте себя зависимости отъ иностранцевъ!»—Входитъ лакей: кофе изъ Мокки; чай изъ Китая, сахаръ изъ Сіама. Въ 11 часовъ вы выходите изъ независящаго отъ иностранцевъ дома Англичанина; миледи — ѣдетъ въ концертъ à la Мюссаръ, въ нѣмецкую или итальянскую

оперу, чтобы въ Intermezzo любоваться достойной удивленія дѣвицей Фанни Шовхерлегсъ (т.е. Фанни покажи-нога)—знаменитой танцовщицей, только-что выписанной изъ Берлина съ нарочнымъ, для забавы тѣхъ англійскихъ патріотовъ, которые не могутъ сносить мысли, что земляки ихъ будутъ состоять въ зависимости отъ иностранцевъ въ-отношеніи къ хлѣбу!»

Во Франціи съ 1791 года по 1842 поступило въ военную службу 14, милл. 12,000 человѣкъ.

— Во французской Палатѣ Пэровъ считается нынѣ 306 человѣкъ, изъ которыхъ 112 засѣдаютъ въ ней со времени іюльской революціи. Изъ числа этихъ пэровъ, 99 генераловъ морскихъ и сухопутныхъ, 36 судей, 25 дипломатовъ, 20 членовъ института, и 24 отставныхъ и состоящихъ на службѣ префекта. Прочіе суть помѣщики или члены департаментскихъ совѣтовъ, платящіе 3000 франковъ податей. Нѣкоторые парижскіе политическіе журналы согласились вовсе не упоминать о разсужденіяхъ и преніяхъ Палаты Пэровъ, иные даже не хотятъ печатать и самого имени пэровъ, говоря просто: «Палата П.—», какъ-будто бы это слово неприлично употреблять въ порядочныхъ обществахъ Парижа.

— Кто-то сосчиталъ, что съ 1830 года по сіе время всѣ европейскія государства издержали на свои арміи и флоты огромную сумму: болѣе 22-хъ мильярдовъ.

— Извѣстно, что большіе трехмачтовые карабли, употребляемые для плаванія въ океанѣ и для перевозки разныхъ товаровъ, годны бываютъ въ дѣло не долѣе тридцати лѣтъ. Но въ Англіи нашелся корабль, который уже 70 лѣтъ продолжаетъ на водѣ свою службу. Вотъ что напечатано въ Газетѣ «the Sun»: «14 февраля с. г. отправился изъ гавани Коусъ въ Антверпенъ корабль Discovery, который въ 1776 году, подъ командою капитана Кларка, провожалъ знаменитаго моряка капитана Кука въ послѣднее его путешествіе вокругъ свѣта. Этотъ корабль-ветеранъ ходитъ нынѣче подъ бельгійскимъ флагомъ и получилъ названіе: «Рубенсъ».

— Въ Lons le Saulnier недавно умеръ нѣкто L***, уроженецъ Парижа, извѣстный во время французской революціи подъ именемъ мясника Сентъ-Антуанскаго Предмѣстія, Шарло. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который носилъ на пикѣ голову несчастной принцессы Ламбаль. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, онъ отправился въ Lons le Saulnier, гдѣ до самой своей смерти жилъ въ совершенномъ уединеніи и неизвѣстности.

— Высочайшими башнями въ Европѣ были три колокольни церкви св. Петра въ Лувенѣ, но страшный ураганъ, свирѣпствовавшій 31 января 1604 года свалилъ этихъ колоссовъ. Планы этихъ башенъ и до-сихъ-поръ можно видѣть въ Лувенской Ратушѣ. Средняя башня была вышиною 536 парижс. футовъ; обѣ боковыя 430. До-сихъ-поръ высочайшими строеніями на земномъ шарѣ считаются Хеопсова египетская пирамида (439 футовъ), спицъ колокольни (Frauenkirche) въ Брюгге (435 фут.), страсбурскій мюнстеръ (427 фут.), башня св. Стефана въ Вѣнѣ (415 фут.), куполъ св. Петра въ Римѣ (596 фут.) башня церкви (Frauenkirche) въ Антверпенѣ (391 футъ).

— Вальтеръ Ралейгъ, храбрый морякъ въ царствованіе Елизаветы англійской, былъ заключенъ королемъ Яковомъ въ Тоуеръ, гдѣ и провелъ 13 лѣтъ. Это время употреблялъ онъ для сочиненія «History of the World» (исторіи свѣта), изъ которой, однакожь, до 1614 г. въ Лондонѣ появилась только одна часть. Авторъ совершенно кончилъ вторую часть, но сжегъ ее, потому-что издатель его книги сказалъ, что понесъ огромный убытокъ отъ первой части. «Жаль, что я не могу такъ же легко отнять у свѣта, недостойнаго книги, стоив-

шей мнѣ такого труда, первую часть, какъ лишилъ его второй!» сказалъ Ралейгъ. Позже, Англія оцѣнила огромность своей потери, и послѣ смерти автора, въ 1618 году, издатель продалъ въ нѣсколько дней слишкомъ 1000 экземпляровъ залежавшейся первой и единственной части «Исторіи Свѣта».

— Вотъ важное археологическое открытіе. Выраженіе «приставить рога» было еще извѣстно въ самой глубокой древности. Оно возъимѣло свое начало при одномъ изъ греческихъ царей, Андроникѣ, который былъ страстнымъ обожателемъ прекраснаго пола, волокитой, подобнымъ Донъ-Хуану. Каждая женщина, особенно имъ замѣченная, дѣлалась его наложницею. Эта страсть, однакоже, дорого ему стоила и вовсе истощила государственную казну, изъ которой выдавались богатые подарки всѣмъ мужьямъ-рогоносцамъ. Андроникъ выдумалъ новое средство для вознагражденія бѣдныхъ мужей, и началъ имъ давать разныя права и льготы, позволяя заниматься вольною охотою въ казенныхъ лѣсахъ и дачахъ. Мужъ, получившій такое право отъ своего владыки, имѣлъ позволеніе поставить на воротахъ своего дома оленьи рога. Народъ скоро узналъ настоящій смыслъ этого отличія, и фраза «приставить рога» вошла въ повсемѣстное употребленіе. Пѣвецъ Савичь Розенбергъ написалъ тайно въ памятной книжкѣ короля Оттокара слѣдующее:

Cornua, qui faciunt ne cornua ferre recusent.

— Одна изъ самыхъ естественныхъ и, часто, самыхъ сильныхъ страстей въ человѣкѣ есть страсть имѣть то, чего другіе имѣть не могутъ.—Сенаторъ римскій, Марій-Анноль, заплатилъ 300,000 сестерцій (18,750, франковъ) за столъ изъ лимоннаго дерева, принадлежавшій Цицерону.—По завоеваніи Средней Азіи, Катону поднесено было пурпуровое платье, котораго онъ никогда не смѣлъ носить. Неронъ купилъ это платье за 170,000 франковъ.—Одинъ циническій философъ Перциринъ Протей, на олимпійскихъ играхъ сжегъ себя живаго въ полномъ великолѣпіи (въ 150 году нашей эры) для того только, чтобъ объ немъ говорили. Впрочемъ онъ несовсѣмъ достигъ своей цѣли; но одинъ изъ его почитателей заплатилъ 4,800 франковъ за палку, которую этотъ безумецъ носилъ съ собой во время прогулки.—Кресло изъ слоновой кости, поднесенное жителями Любека Густаву-Вазѣ, сдѣлалось теперь собственностію одного Шведа, Шинкеля; но эта черта патріотизма стоила ему 58,000 флориновъ. — Знаменитому Гретри предлагали 1,500 франковъ за дрянной барометръ, принадлежавшій Ж. Ж. Руссо: ему также давали 3,000 фр. за небольшой столикъ безъ ножки, обломанный и грязный, на которомъ была писана «Новая Элоиза». Полковникъ Розенъ сохранилъ платье, въ которомъ былъ Карлъ XII въ сраженіи подъ Полтавою; платье это было куплено въ Эдинборгѣ за 22.000 ф. стерлинговъ (561,000 рубл. асс). Въ 1716 году лордъ Шефтсбёри заплатилъ 700 фунтовъ стерлинговъ (17,500 р. асс.) за зубъ Ньютона; недѣлю спустя послѣ того въ Лондонѣ можно было купить 600. или 800 зубовъ, равномѣрно принадлежавшихъ Ньютону, и столь же древнихъ.—Когда останки Абеляра и Элоизы были перенесены въ монастырь августиновъ, одинъ Англичанинъ предлагалъ, какъ увѣряетъ ученый археологъ Алек. Ленуаръ, 10,000 франковъ за зубъ Элоизы. Но черепъ Декарта былъ купленъ почти за безцѣнокъ въ Стокгольмѣ,—за 1,000 франковъ.—За палку Вольтера было заплачено 500 франковъ, а другіе увѣряютъ, что за нее было дано 2,400 франковъ.—Парикъ Стерна купленъ за 200 гиней или 5,000 рублей, ас., а за другой парикъ, принадлежавшій знаменитому Канту, дано 200 франковъ.—Зять Вальтера Скотта, въ 1825 году купилъ за 405 гиней (10,125 р. ас.) оба пера, которыми подписанъ амьенскій договоръ, и очень былъ счаст-

ливъ, что они ему такъ дешево достались.—За мѣдныя часы, принадлежавшія творцу «Эмиліи», заплачено 500 франковъ; за одинъ изъ его кафтановъ 950 франковъ. — По смерти Гретри, Николо заплатилъ за шпинетъ, стоявшій неболѣе 6 или 5 франковъ, 400 франковъ. Буальдьё далъ 128 франковъ за небольшой реестръ его долговъ; маленькій столъ его изъ чернаго дерева купленъ былъ за 120 франковъ.—Докторъ Делакруа далъ за шляпу Наполеона, бывшую на немъ въ сраженіи при Эйлау, 1,921 франковъ.

— При осадѣ китайской крѣпости Ринг-По случилось слѣдующее: Англичане лишь только открыли огонь изъ своей батареи по крѣпости Ринг-По, какъ явился на рѣкѣ китайскій барказъ подъ переговорнымъ флагомъ. На барказѣ былъ мандаринъ, который сдѣлалъ англійскому адмиралу такое предложеніе: не льзя ли обѣимъ враждующимъ сторонамъ условиться такъ, чтобъ не проливать напрасно человѣческой крови. «Мы будемъ съ вами драться по театральному: осаждающіе и осажденные должны заряжать пушки холостыми зарядами, чтобъ грому и пальбы было вдоволь. Пощумимъ, постреляемъ одинъ въ другаго, да и разойдемся по-добру по-здорову». Мандаринъ увѣрялъ адмирала, что онъ произведетъ адскую канонаду, и конечно за свой храбрый подвигъ получитъ благоволеніе богдыхана; славы будетъ много, да и солдаты останутся цѣлы. Адмиралъ, говорятъ, не принялъ замысловатой военной шутки мандарина.

— Какой-то купецъ, проживающій въ Монтрозѣ, далъ порученіе своему комиссіонеру въ Лондонѣ купить для него 20 центнеровъ мѣди; но такъ какъ купецъ былъ не очень силенъ въ правописаніи, то коммиссіонеръ прочиталъ въ его письмѣ, вмѣсто слова Cooper (мѣдь) Capers (карпы). Онъ не мало удивился, что почтенному его довѣрителю вдругъ пришла охота купить 20 центнеровъ рыбы; но у всякаго свой вкусъ, и коммиссіонеръ, не мудрствуя много, пошелъ въ рыбный рядъ, и оптомъ закупилъ всѣхъ карповъ, которыхъ нашелъ на рынкѣ. Отъ такой закупки карпы сдѣлались рѣдкими въ Лондонѣ и цѣна на нихъ очень возвысилась. Коммиссіонеръ, извѣщая своего довѣрителя о исполненіи его порученія, сказалъ между прочимъ, что карпы въ Лондонѣ очень вздорожали, совѣтуетъ продать ихъ, и разумѣется получить отъ того изрядные барыши. Монтрозскій купецъ очень удивился недоумѣнію своего коммиссіонера, но, не давъ замѣтить этого, поручилъ ему продать въ Лондонѣ рыбу. Эта рыбная спекуляція принесла большой барышъ купцу монтрозскому.

— Въ Парижѣ два новые журнала, чтобъ какъ-нибудь притянуть къ себѣ подписчиковъ, выдумали дать нѣсколько концертовъ, на которые каждый пренумерантъ получитъ билетъ даромъ, не въ счетъ абонимента на помянутые журналы. Этой журнальной продѣлки нашелся одинъ подражатель въ Копенгагенѣ. Онъ сдѣлалъ такую же штуку и поставилъ свою газету на ноги; она теперь идетъ славно.

—Въ газетѣ: «Dresdener Anzeiger» напечатано нѣсколько справедливыхъ замѣчаній о вредѣ отъ употребленія женскихъ корсетовъ. Какой-то заклятый врагъ корсетовъ предложилъ благомыслящимъ дѣвицамъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ,—составить особое общество, которое бы навсегда свергло съ себя ненавистное иго шнуровокъ. Имена такихъ героинь запишетъ на скрижаляхъ своихъ исторія, и слава ихъ перейдетъ въ потомство. Другой чудакъ, задумавшій однимъ разомъ умертвить корсетную гидру, изобрѣлъ другое средство, которое, по нашему мнѣнію, будетъ лучше перваго, а именно: онъ хочетъ, чтобъ молодые холостяки взаимно поклялись другъ другу не жениться на тѣхъ дѣвицахъ, которыя не дадутъ заранѣе клятвеннаго обѣщанія никогда не носить корсетовъ.

— Англійскія газеты разсказываютъ о чрезвычайномъ богатствѣ кня-

за Эстергази. Этотъ венгерскій вельможа, кромѣ трехъ огромныхъ домовъ въ Вѣнѣ и многихъ деревень въ Богеміи, обладаетъ 13-ю частію всей Венгріи, въ которой у него считается 36 помѣстій и въ каждому изъ нихъ принадлежатъ отъ 10 до 24 деревень. Всего въ его помѣстьяхъ считается 364,000 жителей. Доходъ Эстергази простирается до мильйона талеровъ въ годъ. Но на немъ есть также и колоссальный долгъ.

— Какой-то фортепьянный учитель въ Дрезденѣ такъ пораженъ былъ знаменитою игрою Листа, что сошелъ съ ума и разрѣзалъ себѣ перепонки, которыми соединяются пальцы обѣихъ рукъ, чтобъ производить легче скачки по клавишамъ и дѣлать такіе же чудовищные аккорды, какъ знаменитый Листъ.

— Два Англичанина сошлись въ гостинницѣ, выпили бутылки три портвейну и начали между собою кидать жребій, кому изъ нихъ достанется повѣсить другаго. Одинъ проигралъ роковое пари, ни мало не спорилъ съ своимъ товарищемъ и согласился, чтобъ его повѣсили на ближнемъ фонарномъ столбѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того джентльменъ уже висѣлъ на фонарѣ, и ноги его болтались по воздуху. Ночной стражъ, проходя дозоромъ по улицѣ, увидѣлъ повѣшеннаго, и въ одинъ мигъ перерѣзалъ его петлю. Джентльменъ очнулся, — видно пріятельская веревка не крѣпко стянула ему горло.—бросился съ яростію на своего избавителя и попотчивалъ его препорядочно кулаками. «Какъ ты смѣешь мѣшаться въ чужія дѣла?» кричалъ джентльменъ: «никакая полиція въ свѣтѣ не можетъ лишить меня права повѣситься когда мнѣ угодно. Я проигралъ пари, и другъ мой, какъ благородный человѣкъ, исполнилъ свое дѣло.» — Джентльменъ побѣжалъ обратно въ гостинницу и просилъ своего пріятеля, который сидѣлъ у камина и читалъ газеты, еще разъ услужить ему и снова повѣсить. Полиція, однакоже, вмѣшалась въ эту исторію и взяла обоихъ сумасбродовъ подъ стражу.

— Gazette Medicale разсказываетъ, что кого-то ранило въ голову разрывомъ ружья такъ опасно, что вырвало у него 3 унца мозга. Этотъ человѣкъ черезъ мѣсяцъ совершенно выздоровѣлъ и даже не повредился въ умѣ отъ значительной потери мозга.

— Говорятъ, что знаменитый Галлеръ упалъ однажды съ высокой каменной лѣстницы головою внизъ. Вставъ на ноги, онъ хотѣлъ удостовѣриться, не потерпѣла ли отъ этого паденія его всеобъемлящая память,—и прочиталъ наизустъ имена всѣхъ китайскихъ императоровъ, царствовавшихъ еще прежде Р. Х. и до новѣйшихъ временъ.

— Въ Вѣнѣ появился недавно Еврей изъ Галиціи, который необыкновенною своею памятью возбуждаетъ всеобщее любопытство. Онъ называетъ себя профессоромъ Денемаркомъ, и на 12-мъ году отъ рожденія зналъ уже наизустъ весь Талмудъ. Онъ, между-прочимъ, удостоился чести быть приглашеннымъ на вечеръ къ князю Меттерниху, у котораго, въ-присутствіи ученыхъ филологовъ, показывалъ фокус-покусы своего чуднаго дара. Напримѣръ, онъ можетъ читать нераспечатанныя письма, писанныя по-еврейски. Если ему покажутъ неизвѣстную книгу, то онъ, пощупавъ ея переплетъ, скажетъ, на какомъ языкѣ она писана. Если загнуть какую-нибудь страницу неизвѣстной ему книги, онъ скажетъ какія слова находятся на загнутомъ углу листа. Онъ предложилъ собранію испытать необыкновенную его память слѣдующимъ образомъ: если выведутъ на поле всѣ войска, стоящія гарнизономъ въ Вѣнѣ, и скажутъ ему имя и фамилію каждаго солдата, то онъ повторитъ послѣ безъ ошибки всѣ имена солдатъ по порядку, по шеренгамъ, ротамъ, батальйонамъ, и проч. Въ домѣ барона Ротшильда и въ-присутствіи главнаго раввина, Деннемаркъ на каждой сказанной ему страницѣ и строкѣ Талмуда

отгадывалъ какой текстъ въ нихъ заключается.

— Въ Парсонстоунѣ (въ Ирландіи) какой-то Коллинсъ потребованъ былъ въ уголовный судъ за то, что съ злымъ умысломъ убилъ козу; судъ приговорилъ его къ смертной казни. Что это была за коза — неизвѣстно. Судъ однакоже послалъ это дѣло на разсмотрѣніе королевы, прося ея величество смягчить приговоръ и помиловать бѣднаго преступника.

— Въ парижскій судъ національной гвардіи явился приземистый человѣчекъ, смуглый, рябой, вертлявый какъ живчикъ, но безобразный какъ лягушка. — Президентъ. Господинъ Куртенъ, вы отлучились безъ спроса съ караула 6-го января, и не возвратились на свой постъ. — Куртенъ. Это правда; чортъ меня надоумилъ отлучиться съ гауптвахты; я пошолъ да и былъ таковъ, не возвратился къ командѣ. — Президентъ. За чѣмъ же?—Куртенъ. Да, такъ; мнѣ приключилась бѣда: меня заставили насильно принять бразды правленія; я, бѣдный торговецъ съѣстными припасами, произведенъ былъ въ короли, совершенно противъ своей воли. (*Смѣхъ въ присутствіи*). — Президентъ. Какъ, вы были королемъ?—Куртенъ. Королемъ, да еще въ-прибавокъ самовластнымъ. Посудите, господинъ-президентъ, прилично ли же было мнѣ возвратиться въ караулъ; король въ солдатской сумѣ и съ ружьемъ на плечахъ долженъ ходить по городу дозоромъ и поднимать пьяныхъ на улицахъ! Это не въ порядкѣ вещей. (*Всеобщій смѣхъ*). — Президентъ. А теперь, видно, вы уже лишились престола?—Куртенъ. Слава Богу! Нѣтъ, трудно быть королемъ, когда имѣешь министрами такихъ разгульныхъ весельчаковъ, которые выпили у меня дюжины три вина, а королева (толстая кума) ни о чемъ болѣе не заботилась, какъ о пуншѣ: она одна осушила четыре стакана. Тутъ разорится хоть какой угодно король, особенно тотъ, у котораго нѣтъ бюджета. (*Смѣхъ*). Мое царствованіе продолжалось только одну ночь. Къ утру всѣ мои министры свалились подъ столъ, а королева такъ храпѣла, какъ кузнечный мѣхъ. Короче сказать, моя монархія превратилась въ настоящую республику. (*Всеобщій смѣхъ*).—Президентъ. Да растолкуйте, что же вы были за король?—Куртенъ Разумѣется, король боба! (*Продолжительный смѣхъ*). Мнѣ достался на долю кусокъ пирога (le gateaue des Rois), въ которомъ запеченъ бобъ и меня тутъ же провозгласили королемъ, и надѣли на голову золотой бумажный вѣнецъ. Теперь я снялъ свою порфиру и съ охотою пойду опять въ караулъ.—Судъ, принявъ въ уваженіе прежнюю усердную службу Куртена, освободилъ его отъ штрафа. Куртенъ учтиво поклонился судьѣ, пошелъ и затянулъ арію изъ «Фенеллы»:

Plaisirs du rang suprême
Eclat de la splendeur:
Vous n'êtes rien
Auprés de mon bonheur.

— Въ Нантѣ препараторъ труповъ Корнелье дѣлалъ недавно публичные опыты надъ разнаго рода мясомъ приготовленнымъ по извѣстной системѣ доктора Ганнала. Онъ показалъ посѣтителямъ, собравшимся на его лекціи, заднюю четверть баранины, которая, бывъ напитана извѣстною химическою жидкостью, ни мало не испортилась въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ какъ въ своемъ цвѣтѣ, такъ во вкусѣ и свѣжести. Альфонсъ Карръ извѣстный издатель критическихъ брошюръ подъ названіемъ: «les Guêpes», замѣтилъ по поводу этого слѣдующее: «Объявляю всѣмъ, что отъ сего числа не буду имѣть довѣрія ни къ какому свѣжему мясу! На какую котлетку теперь можно надѣяться? Боже мой, да теперь человѣкъ въ тридцать лѣтъ легко можетъ съѣсть кусокъ ростбифа, который старѣе его годами. Этакъ, пожалуй, получишь, въ наслѣдство кусокъ говядины, которая варилась въ горшкѣ у моего покойнаго дѣдушки, умершаго въ 1788 году. Какая-

нибудь нога телятины будетъ переходить во владѣніе отъ отца къ сыну, внуку и т. д.; копченые окорока превратятся въ настоящія муміи, и повара скоро будутъ насъ кормить, вмѣсто гарнированныхъ, бальзамированными котлетками.»

—Въ Лондонѣ, и вообще въ Англіи, замѣтна особая страсть простаго народа къ покупкѣ вещей послѣ умершихъ скрягъ (miser), которые большею частію оставляютъ послѣ себя немаловажные капиталы. Народъ, наученный тысячью примѣровъ, непремѣнно предполагаетъ въ такихъ случаяхъ, что въ какой-нибудь поношеной туфлѣ скряги засунутъ пукъ ассигнацій, или спрятанъ свертокъ съ металлическими деньгами. Жадность къ пріобрѣтенію въ этихъ случаяхъ бываетъ такъ велика въ народѣ, что цѣлыя толпы осаждаютъ домы, гдѣ производится публичная продажа вещей умершаго скряги. Покупщики шумятъ и дерутся за какую-нибудь старую фуфайку гарпагона, надбавляя за нее огромную цѣну, за которую можно было бы купить цѣлую дюжину новыхъ фуфаекъ. Аукціонъ такого рода происходилъ недавно въ Лондонѣ въ домѣ одного умершаго скупца Смита... Въ узкой улицѣ, у деревяннаго стараго домишка, толпа народа совершенно загородила проходъ пѣшеходамъ и экипажамъ, такъ, что полиція принуждена была разгонять любопытныхъ; старые молитвенники и оборваныя учебныя книжки продавались на этомъ аукціонѣ вчетверо дороже, ибо покупщики предполагали найдти непремѣнно между листами въ книгахъ приклеенныя ассигнаціи, и билеты кредитныхъ банковъ. Покойный скупецъ Смитъ имѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ въ Лондонѣ, и сверхъ того огромные капиталы. Не смотря на такое богатство, онъ однакожь до самой смерти занимался слѣсарною работою, и приготовлялъ собственными руками замки, задвижки, крючки, петли и прочую мелочь для своихъ новопостроенныхъ домовъ. Онъ питался во всю свою жизнь только черствымъ чернымъ хлѣбомъ, лукомъ и картофелемъ. Анекдотами и разсказами, которые ходили въ народѣ про этого скрягу, можно было бы наполнить три толстые тома. Пресловутый лондонскій гарпагонъ прежняго времени, по фамиліи Эльвисъ, былъ настоящій мотъ въ сравненіи съ великимъ скупцомъ Смитомъ.

МОДЫ.

Зимніе наряды должны теперь замѣняться весенними; но этотъ замѣчательный переходъ еще покрытъ мракомъ неизвѣстности; хотя нѣкоторые журналы и обѣщаютъ сдѣлатся оракулами и предузнать готовящіяся тайны; но все это одни только обѣщанія и предположенія! Форма шляпокъ пока еще все та же, какъ и была зимою; но цвѣтовъ почти не видать ни на одной шляпкѣ: всѣ онѣ убираются лентами или роскошнымъ перомъ; за то на чепчикахъ цвѣты составляютъ единственное украшеніе.

Говорятъ, нынѣшнія матеріи немного будутъ разниться въ рисункахъ отъ прошлогоднихъ; но опять все это только предположенія. Нечего дѣлать, должно вооружиться терпѣніемъ и ожидать, что скажутъ вамъ положительнаго въ будущемъ мѣсяцѣ парижскіе бюллетени модъ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжной лавкѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

—

	Р.	К.
КНИГИ ДУХОВНЫЯ.		
L'IMITATION DE J. CHRIST, magnifique édition en un volume orné d'un titre en couleurs et de 10 belles gravures. Paris.	5	75
Même ouvrage, jolie édition avec fig. 1 vol. in 18. Brux.	1	
L'IMITATION DE LA SAINTE VIERGE, sur le modèle de l'imitation de I. C. 1 vol. in 32 relié	1	
VISITES AU SAINT SACREMENT et à la Sainte Vierge. 1 vol. in 32, relié	1	
LE CHEMIN DE LA CROIX, précédé de méditations sur la passion, etc. 1 vol. in 32, relié.	1	
BEAUTÉS DU CHRISTIANISME, ou recueil de belles actions inspirées par cette religion par *A. Caillôt.* 1 vol. in 12.		60
LIVRE DE DEUIL, Offices, prières et consolations, 1 vol. avec figures.	2	
LE CHEMIN DE LA SANCTIFICATION, ci-devant le vrai conducteur des ames dans la voie du salut. in 18. . .		30
CONDUITE D'UNE DAME chretienne, pour vivre saintement dans le monde, 5 édition. in 32.		60
MÉMORIAL DES VIERGES chretiennes, 2 vol. in 32 . . .	1	
L'ÉTÉRNITÉ S'AVANCE et nous n'y pensons pas! par M. *I. de Géramb.* 1 vol. in 12. Paris. .	1	15
LA VIE ET LES INSTRUCTIONS de Jesus-Christ, tirées des Saints Evangiles; suivies de la morale chrétienne, 1 vol. in 12. :		90
MÉDITATIONS RELIGIEUSES, en forme de discours, pour toutes les époques, cicon-stances et situations de la vie domestique et civile; traduit de l'allemand par *M. M. Monnard et Gence.* 6 vol. in 8	12	

	Р.	К.
HISTOIRE DE LA SAINTE ELISABETH de Hongrie, duchesse de Thuringe. 2 vol. in 18.	1	60
LE COMBAT SPIRITUEL dans lequel on trouve des moyens pour vaincre ses passions et triompher du vice, etc. in 32, relié		60
LES SAINTS EVANGILES traduits de la vulgate, par M. l'abbé *Dassance*, 2 beaux volumes in 8, ornés de 24 grav. sur acier.	11	45
LA SAINTE BIBLE, histoire de l'ancien et du nouveau testament, avec des réflexions morales et édifiantes par *I. Dérome*; 2 vol. in 8 ornés de 50 gravures.	7	15
BEAUTÉS DES LETTRES édifiantes anciennes et nouvelles, par *Caillot*. 1 vol. in 12 fig.		60
LES DEVOIRS DU CHRÉTIEN envers Dieu et les moyens de pouvoir bien s'en acquitter, par *I. B. de la Salle*, 1 vol. in 12.		60
L'OFFICE DE LA SEMAINE SAINTE, en latin et en français, 1 vol. relié	1	
DOCTRINE CHRÉTIENNE en forme de lecture de piété, par *Lhomond*. 1 vol. in 12 . .		60
ANNÉE SPIRITUELLE, contenant une conduite et des exercices pour chaque jour de l'année, 3 vol. in 12.	2	
EPITRES ET EVANGILES des dimanches et fêtes de l'année, un beau vol. in 8, avec fig. .	5	
LA RAISON DU CHRISTIANISME, ou preuves de la vérité de la religion tirées des écrits des plus grands hommes de la France, de l'Angleterre et de Allemagne, publiée par *Genoude*. 4 vol. in 8, 3 édit. Paris. 1841	7	15

Въ томъ же магазинѣ поступили въ продажу 6, 7 и 8-й выпуски роскошнаго русскаго изданія

НАШИ,

заключающіе въ себѣ статью: **АРМЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ**, сочиненіе *князя Львова*. Гг. иногородные благоволятъ вносить при подпискѣ *шесть* рублей серебромъ впередъ за 14 выпусковъ съ пересылкою. Требованія просятъ адресовать на имя *Якова Алексѣева Исакова*, книгопродавца въ С. Петербургѣ.

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Рочфортъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

НА 1842 ГОДЪ.

—

I. *Словесность.*

II. *Науки и Художества.*

III. *Современная Хроника Россіи.*

IV. Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленость вообще.

V. Критика.

VI. Библіографическая Хроника.

1) Русскія книги, вышедшія въ февралѣ и мартѣ 1842 года:

VII. Иностранная Литература.

VIII. Смѣсь.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

полученныя въ книжной лавкѣ Я. А. Исакова, въ Санктпетербургѣ.

(Цѣны назначены по курсу на серебро.)

—

	Р.	К.
КНИГИ ДУХОВНЫЯ.		
DICTIONNAIRE APOSTOLIQUE, à l'usage de M. M. les curés des villes et des campagnes et de tous ceux qui se destinent à la chaire, par le p. *H. de Montargon*, nouv. édit. en 10 vol. in 8.	15	
LE CRISTIANISME présenté aux hommes du monde par *Fénelon*. 6 vol. in 18	3	50
VIES DES SAINTS pour tous les jours de l'année, avec une prière et pratiques à la fin de chaque vie. 2 vol. in 12 .		85
CONDUITE pour passer saintement le carême par le r. p. *Avrillon*. 1 vol. in 12. . .		75
TRAITÉ DE L'AMOUR DE DIEU, par *St. Français de Sales*. 2 vol. in 32.	1	
SOUFFRANCES DE NOTRE SEIGNEUR Jésus-Christ. 2 vol. in 12.	1	15
HEURES DES DAMES en latin et en français, 1 vol. in 18. .		60
L'AME UNIE A JESUS CHRIST daus le trés-Saint Sacrement de l'autel. 2 vol. in 12. . .	1	15
INSTRUCTIONS SUR LE RITUEL, par *L. A. Joly de Choin*. 3 edition. 6 vol. in 8 . . .	6	
MORCEAUX CHOISIS de Massillon. 1 vol. in 18, cartonné .		60
L'OFFICE DE LA QUINZAINE de Paque. 1 vol. in 18 . .		70
LE LIVRE DE PRIÈRE de Fénélon, avec ses reflexions pour tous les jours du mois, ou le fidèle adorateur. 1 vol. in 18. . . . . . . ,		60
PETIT PAROISSIEN complet, illustré, 1 vol. in 16 . . .	1	75
GRAND EUCOLOGE complet, ou livre d'église, contenant tous les offices des dimanches et fêtes de l'année, 1 vol. in 18 relié	1	
LE VISITEUR DU PAUVRE, par *M. de Gerando*. 4-e edit: 1 vol. in 18		85

Р. К.

—

Печатать позволяется. Старшій цензоръ Рочфортъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА.

Ассигнаціями.

	Р.	К.
МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕГО ОРКЕСТРА.		
Auber. Ouverture de l'Op. Les diamans de la Couronne.	20	
Berlioz. Ouvert. de l'op. Benvenuto Cellini.	30	
Donizetti. Ouvert. de l'op. La Favorite..	16	
Halevy. — — — — Guitarrero.	15	
Labitzky. Neue Aurora Walzer op 69.	15	
——— Jubelklänge Walzer op. 70	15	
Lanner. Kammer–Ball–Tänze, valse op. 177.	14	
——— Abendsterne—Walzer op. 180.	12	
Strauss. Deutsche Lust-Walzer, op. 128	10	
ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО СЪ АКОМПАНЬЕМАНОМЪ ДРУГИХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.		
Mayer. (Ch.), Allegro de Concert op. 60 avec Orchestre.	22	
Rosenhain (F.) 1-er Concertino avec Quatuor.	11	
Bertini. 5-ième Sextuor op. 124.	24	
Schmitt (A.) gr. Sextuor op. 104	17	
Kalkbrenner 5-ième Trio op. 150	10	
Reissiger 13-ième Trio op. 150	13	
ДУЭТЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.		
Benedict et Beriot, le fruit de l'étude, 6 Duos faciles p. piano et violon op. 35. № 1, 2, chaque à	4	
Kalkbrenner. Souvenir de Dieppe; Fantaisie pour piano et violon ou hautbois	6	75
Louis (N.) Fantaisie brillante sur la Favorite op. 103 pour piano et violon	7	50
Spohr. Fantaisie op. 117. Pour piano et violon	8	
ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПЬЯНО.		
Burgmüller (Fr.) Fantaisie brill. sur Zanetta op. 64	4	
Chopin (Fr.) grande valse op. 42	4	
Czerny (Ch.) La corbeille de violettes, 3 Rondeaux enfantins, op. 136. № 1, 2, 3, chaque à	3	

	Ассигнациями Р.	К.
Döhler (Th.) Souvenir de Florence, Nocturnes	4	50
Duvernoy. Réminiscences italiennes. 6 thèmes faciles op. 104 № 1, 2, 3, chaque à	3	
Henselt (A.) Deux romances du Cte. Wielhorsky, transcrites pour le Piano	3	50
Herz (H.) gr. Fantaisie et finale à la militaire op. 115	5	
Hunten (Fr.) Petites fleurs de salon, Album	12	
Kalkbrenner. Souvenir de Zanetta, fantaisie op. 145	4	
Liszt (Fr.) Galop chromatique	3	
——— Réminiscences de Robert	8	
Mayer (Ch.) Trois Etudes nouvelles. op. 61	5	
Moscheles (F.) Romance et Tarantella op. 101.	4	50
Osborne. Fantaisie brillante sur le Guitarrero op. 39	6	
Rosellen. 3 Réveries op. 31	5	
Thalberg (S.) 2 romances sans paroles op. 41	3	
Wolff (E.) gr. fantaisie sur le Lac des fées op. 24.	5	

ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО НА 4 РУКИ.

	Р.	К.
Bertini (H.) gr. Caprice op. 131 à 4 m.	6	75
Chopin (Fr.) Sonate op. 35 à 4 m.	8	
Czerny (Ch). Les trois soeurs, 6 Rondinos à 6 mains op. 609 № 1 à 6.	2	25
Herz (H.) Var. bril. sur la Somnambula op. 105 à 4 m.	8	
Liszt. Allegro di bravura à 4 m.	4	
Onslow (G.) 4 me Quintetto op. 59 a 4 m.	9	
Thalberg. gr. fantaisie sur Norma a 4 m.	9	
Weber (C. M.). Concert a 4 m. op. 79.	9	

ОПЕРЫ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНОМЪ.

	Р.	К.
Auber, Zanetta, opéra pour chant et Piano	24	
Donizetti. La Favorite dito.	52	
Halevy. Guitarrero dito	52	
Rossini, Stabat Mater pour chant et Piano	24	

ДЛЯ СКРИПКИ СЪ АККОМПАНЬЕМАНОМЪ ОРКЕСТРА ИЛИ ФОРТЕПЬЯНО.

	Р.	К.
Artôt (F.) Hommage à Rubini, fantaisie avec Orchestre op. 8.	13	50
La même avec Piano.	8	
Beriot (C. de) 2-me Concerto op. 32 avec Orchestre.	32	
Le même avec Piano.	14	
Haumann (Th.) Variations dans le style élégant op. 8 avec Orchestre.	10	
Les mêmes avec Piano.	6	75
Lvoff. (A.) Concerto dans le mode d'une scène dramatique, avec Orchestre	14	
Le même avec Piano.	7	
Molique. Fantaisie et Variations op. 15 avec Orchestre	16	

	Ассигнаціями. Р.	К.
ДЛЯ ПѢНІЯ РУССКАГО.		
Граѳа М. Ю. Віельгорскаго, романсъ: «Бывало».	2	50
Его же любимый романсъ: «Любила я».	1	40
Ромберга(Ц.) романсъ: «Когда бъ онъ зналъ» слова гр. Е. Растопчиной.	2	
П. Ѳедорова, романсъ: «Прости Меня»	1	40
Н. Бахметьева, Колыбельная Пѣснь, слова Губера	1	40
К, Бокса, «Лучина лучинушка» для одного голоса, съ варіаціями. . .	2	
Любимый романсъ: «Черный Цвѣтъ».	2	
М. Бернарда, двѣнадцать лучшихъ русскихъ народныхъ пѣсенъ (протяжныхъ) для одного голоса и ѳортепьяно.	5	
В. Осипова, романсъ: «Любилъ я очи голубыя».	1	40
Его же, романсъ: «Я васъ молю меня простить».	1	40
Музыкальный альбомъ театральныхъ водевилей, для 1842 года, собраніе 10-ти романсовъ изъ любимыхъ нынѣшнихъ водевилей. . .	7	

НОВѢЙШІЕ ТАНЦЫ ДЛЯ ѲОРТЕПЬЯНО.

ФРАНЦУЗСКІЯ КАДРИЛИ:

А. Лядова, Молодой Невѣстѣ.
Его же, à la plus belle.
Ф. Леандра. Изъ балета: Озеро Волшебницъ.
Его же: Незабудочка.
М. Бернарда: Розовый Шарфъ.
Его же: Милымъ Дѣвицамъ.
И. Подобѣдова, изъ лучшихъ водевилей.
Бургмюллера, кадриль для дѣтей.
Каждая изъ сихъ кадрилей продается по 2 руб. ассиг.

НОВЫЕ ВАЛЬСЫ:

В. Осипова, je pense à toi.
Его же: Надежда и Любовь.
Ф. Леандра: Радость и Печаль.
Его же: Вальсъ Волшебницъ.
М. Бернарда: Rêve d'amour.
Его же: Черный цвѣтъ.
Каждый изъ сихъ вальсовъ продается по 4 руб. ассиг.

—

Музыкальный Магазинъ М. Бернарда находится на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Чаплина подъ № 10.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ требованіями прямо въ вышесказанный магазинъ, откуда отправляются требуемыя ноты съ первой почтой.

Тутъ же принимается подписка на музыкальный журналъ: **НУВЕЛИСТЪ.** музыкальное обозрѣніе *для* фортепьяно, издаваемое подъ редакціею П. *Вольфа.*

Онъ выходитъ съ величайшей точностію, перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями, по-крайней-мѣрѣ, въ двадцать четыре страницы нотъ: каждый нумеръ содержитъ въ себѣ превосходнѣйшія и новѣйшія произведенія композиторовъ всѣхъ странъ и доставляетъ пріятное занятіе, какъ *для* фортепьяннистовъ уже искусныхъ, такъ и *для* тѣхъ, которые еще не глубоко проникли въ тайны музыки.

Цѣна за годовое изданіе журнала: Le Nouvelliste, состоящаго изъ собранія нотъ, которое по католожной цѣнѣ обошлось бы рублей въ полтораста, только 10 *руб. сереб.*

Съ пересылкою же по почтѣ 12 *руб. сереб.*

